СЛОВА

ПРЕПОДОБНАГО СИМЕОНА

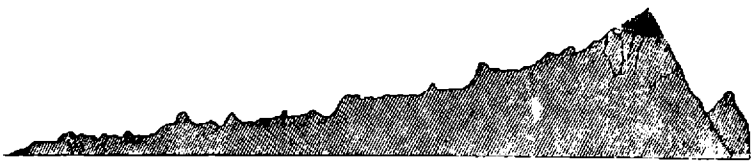
НОВАГО БОГОСЛОВА.

Въ переводѣ на русскій языкъ съ новогреческаго

ЕПИСКОПА ѲЕОФАНА.

Изданіе второе, Аѳонскаго Русскаго Пантелеимонова монастыря

ВЫПУСКЪ ПЕРВЫЙ.



МОСКВА.

ТИПО-ЛИТОГРАФІЯ И. ЕФИМОВА. БОЛЬШАЯ ЯКИМАНКА, Д. СМИРНОВОЙ.

1892.

ЖИЗНЬ ПРЕПОДОБНАГО СУМЕОНА

НОВАГО БОГОСЛОВА *).

Преподобный Сумеонъ родился въ Пафлагонскомъ селеніи Галатѣ отъ родителей знатныхъ и богатыхъ. Имя отцу его Василій, а матери Ѳеофанія. Изъ дѣтства обнаруживалъ онъ какъ большія способности, такъ и нравъ кроткій и благоговѣйный, съ любовію къ уединенію. Когда подросъ, родители отослали его въ Константинополь къ роднымъ, не послѣднимъ при дворѣ. Тамъ онъ отданъ былъ въ ученіе и скоро прошелъ такъ-называемые грамматическіе курсы. Слѣдовало переходить въ философскіе; но онъ отказался отъ нихъ, боясь увлечься во что либо непотребное по вліянію товарищества. Дядя, у котораго онъ жилъ, не приневоливалъ его, но поспѣшилъ ввесть его на служебную дорогу, которая есть сама по себѣ довольно строгая наука для внимательныхъ. Онъ представилъ его царямъ самобратіямъ Василію и Константину порфирородным, и тѣ включили его въ чинъ царедворцевъ.

Но преподобнаго Сумеона мало занимало то, что онъ сталъ однимъ отъ царскаго синклита. На иное устремлялись его желанія и къ иному лежало его сердце. Еще

*) Составлено ученикомъ его Никитою Стифатомъ. Здѣсь предлагается въ сокращеніи.

во время ученія онъ спознался со старцемъ Симеономъ, котораго звали благоговѣйникомъ, часто бывалъ у него и во всемъ пользовался его совѣтами. Тѣмъ свободнѣе, и вмѣстѣ тѣмъ необходимѣе было дѣлать ему это теперь. Искреннимъ его желаніемъ было поскорѣе посвятить себя міроотречной жизни; но старецъ уговаривалъ его поимѣть терпѣніе, ожидая, пока созрѣетъ и глубже укоренится сіе благое намѣреніе его, потому что онъ былъ еще очень молодъ. Совѣтами же и руководствомъ не оставлялъ его, подготовляя его постепенно къ иночествованію и среди мірской суетности.

Преподобный Симеонъ и самъ по себѣ не любилъ поблажать себѣ, и при обычныхъ трудахъ самоумерщвленія, все свободное время посвящалъ чтенію и молитвѣ. Старецъ снабжалъ его книгами, сказывая, на что особенно должно въ нихъ обратить вниманіе. Однажды, вручая ему книгу писаній Марка подвижника, старецъ указалъ ему разныя въ нихъ изреченія, совѣтуя ихъ обдумать повнимательнѣе и по нимъ направлять свое поведеніе. Въ числѣ ихъ было и слѣдующее: если желаешь имѣть всегда душеспасительное руководство, внимай своей совѣсти и неотложно исполняй, что она будетъ внушать тебѣ. Это изреченіе препод. Симеонъ принялъ къ сердцу такъ, какъ бы оно исходило изъ устъ самого Бога, и положилъ строго внимать и слушаться совѣсти, вѣруя, что будучи гласомъ Божіимъ въ сердцѣ, она внушаетъ всегда одно душеспасительное. Съ этихъ поръ онъ весь предался молитвѣ и поученію въ Божественныхъ Писаніяхъ, бодрствуя до полуночи и питаясь только хлѣбомъ и водою, и ихъ принимая лишь столько, сколько нужно для поддержанія жизни. Такъ болѣе и болѣе углублялся онъ въ себя и въ область Божію. Въ это

время сподобился онъ того благодатнаго просвѣтлѣнія, которое самъ описываетъ онъ въ словѣ о вѣрѣ, говоря будто о другомъ нѣкоемъ юношѣ. Тутъ благодать Божія дала ему вкусить полнѣе сладость жизни по Богу и тѣмъ пресѣкла вкусъ ко всему земному.

Послѣ сего естественно было обнаружиться въ немъ сильному порыву къ оставленію міра. Но старецъ не судилъ благомъ удовлетворить тотчасъ сему порыву, и убѣдилъ его еще и еще потерпѣть.

Такъ прошло шесть лѣтъ. Случилось, что ему нужно было отлучиться на родину, и онъ пришелъ къ старцу принять благословеніе. Старецъ хоть и объявилъ ему, что теперь время бы вступить въ монашество, однакожъ не удерживалъ его отъ побыванія на родинѣ. Преподобный Симеонъ далъ слово, что какъ только возвратится, такъ оставитъ міръ. На дорогу въ руководство взялъ онъ себѣ *Лѣствицу* св. Іоанна Лѣствичника. Прибывъ на родину, онъ не увлекался дѣлами житейскими, а продолжалъ ту же строгую и уединенную жизнь, къ чему домашніе порядки давали большой просторъ. Тамъ вблизи была церковь, а подлѣ церкви келлійца и недалеко отъ нея кладбище. Въ этой келлійцѣ онъ затворялся—молился, читалъ и предавался богомыслію.

Въ одно время прочиталъ онъ въ святой *Лѣствицѣ*: нечувствіе есть омертвѣніе души и смерть ума прежде смерти тѣлесной,—и возревновалъ навсегда изгнать изъ души своей эту болѣзнь нечувствія. Съ этою цѣлію выходилъ по ночамъ на кладбище и тамъ усердно молился, размышляя вмѣстѣ о смерти и будущемъ судѣ, равно и о томъ, что стали теперь умершіе, на гробахъ которыхъ онъ молился, умершіе, бывшіе живыми подобно ему. Къ этому приложилъ онъ постъ болѣе строгій и

бдѣніе, болѣе длительное и бодренное. Такъ возгрѣвалъ онъ въ себѣ духъ жизни по Богу и горѣніе ея держало его постоянно въ состояніи сокрушеннаго умиленія, недопускавшаго нечувствія. Если случалось, что подходило охлажденіе, онъ спѣшилъ на кладбище, плакалъ и рыдалъ, бія себя въ грудь, и не вставалъ съ мѣста, пока не возвращалось обычное умиленное сокрушеніе. Плодомъ этого образа дѣйствія было то, что образъ смерти и смертности такъ глубоко напечатлѣлся въ его сознаніи, что какъ на себя, такъ и на другихъ онъ не иначе смотрѣлъ, какъ на мертвыхъ. Отъ этого никакая красота не плѣняла его, и обычныя движенія плотскія замирали при самомъ появленіи своемъ, будучи пожигаемы огнемъ сокрушенія. Плачъ сдѣлался пищею для него.

Пришло наконецъ время возвратиться въ Константинополь. Отецъ просилъ было его остаться дома, пока проводитъ его на тотъ свѣтъ; но увидѣвъ, куда стремилось пламенное желаніе сына, съ любовію и охотнымъ благословеніемъ простился съ нимъ.

Время возвращенія въ Константинополь было для преподобнаго Симеона временемъ отреченія отъ міра и вступленія въ обитель. Старецъ принялъ его съ отеческими объятіями и представилъ игумену своей обители Студійской, Петру; но тотъ обратно отдалъ его на руки старцу же, сему великому Симеону благоговѣйнику. Принявъ юнаго инока, какъ залогъ Божій, старецъ ввелъ его въ одну небольшую келлійцу, похожую болѣе на гробъ, и тамъ начерталъ ему порядки тѣснаго и прискорбнаго иноческаго житія. Онъ говорилъ ему: смотри, сынъ мой, если хочешь спастися, ходи въ церковь неопустительно, и тамъ стой съ благоговѣйной молитвой,

не обращаясь туда и сюда и не заводя ни съ кѣмъ бесѣдъ; не ходи изъ келліи въ келлію; не будь дерзновенъ, храни умъ отъ блужданія, внимая себѣ и помышляя о грѣшности своей, о смерти и судѣ.—Въ строгости своей старецъ соблюдалъ однакожъ благоразумную мѣру, заботясь и о томъ, чтобъ его питомецъ не имѣлъ пристрастія даже къ строгимъ подвигамъ. Для чего иногда назначалъ ему послушанія тяжелыя и уничижительныя, а иногда легкія и честныя; иногда усиливалъ его постъ и бдѣніе, а иногда заставлялъ его принимать пищу досыта и спать вдоволь, всячески пріучая его къ отреченію отъ своей воли и своеличныхъ собою распоряженій.

Преподобный Симеонъ искренно любилъ своего старца, чтилъ его какъ мудраго отца, и ни въ чемъ ни на волосъ не отступалъ отъ его воли. Онъ такъ благоговѣлъ къ нему, что цѣловалъ то мѣсто, на которомъ старецъ совершалъ молитву, и такъ глубоко смирялся предъ нимъ, что не считалъ себя достойнымъ приступить и прикоснуться къ одеждѣ его.

Такого рода жизнь не обходится безъ особенныхъ искушеній, и врагъ скоро началъ строить ему ихъ. Онъ напустилъ на него отяжелѣніе и разслабленіе во всемъ тѣлѣ, за которыми слѣдовало разлѣненіе и омраченіе мыслей до того, что ему казалось, будто онъ ни стоять не можетъ, ни открыть устъ своихъ на молитву, ни слушать церковной службы, ни даже возвесть умъ свой горѣ. Уразумѣвъ, что это состояніе не похоже ни на обычное отъ трудовъ утомленіе, ни на болѣзнь, преподобный вооружился противъ него терпѣніемъ, нудя себя ни въ чемъ себѣ не послаблять, а напротивъ напрягать себя на противное внушаемому, какъ на благопотребное

средство къ возстановленію своего обычнаго состоянія. Борьба при помощи Божіей и молитвахъ старца увѣнчалась побѣдою. Богъ утѣшилъ его такимъ видѣніемъ: какъ облако какое поднялось отъ ногъ его вверхъ и разсѣялось въ воздухѣ, и онъ почувствовалъ себя бодрымъ, живымъ и столько легкимъ, что будто не имѣлъ тѣла. Искушеніе отошло, и преподобный въ благодарность Избавителю положилъ съ этихъ поръ никогда не присадиться во время богослуженія, хотя это разрѣшается уставомъ.

Потомъ врагъ поднялъ у него плотскую брань, смущая помыслами, тревожа движеніями плоти, и во снѣ представлялъ ему срамныя воображенія. Благодатію Божіею и молитвами старца прогнана и эта брань.

Далѣе поднялись родные и даже родители, съ жалѣніемъ уговаривая его умѣрить строгости, или даже и совсѣмъ оставить монашество. Но и это не только не умалило его обычныхъ подвиговъ, а напротивъ усилило ихъ въ нѣкоторыхъ частяхъ, особенно въ отношеніи къ уединенію, устраненію отъ всѣхъ и молитвѣ.

Наконецъ врагъ вооружилъ противъ него братій обители, сподвижниковъ его, которымъ не нравилась его жизнь, хотя они и сами не любили распущенности. Съ самаго начала одни изъ братій отнеслись къ нему благосклонно и съ похвалою, а иные неодобрительно, съ укорами и подсмѣиваніями, больше за глаза, а иногда и въ глаза. Преподобный Симеонъ не обращалъ вниманія ни на похвалы, ни на охужденія, ни на почитанія, ни на безчещеніе, и строго держался установленныхъ съ совѣта старца своего правилъ жизни внутренней и внѣшняго поведенія. И старецъ нерѣдко подновлялъ свои ему убѣжденія быть тверду и терпѣть все мужественно, особенно

же стараться такъ настроивать душу свою, чтобъ она паче всего была кротка, смиренна, проста и незлобива, потому что въ такихъ только душахъ обыкла обитать благодать Св. Духа. Слыша такое обѣтованіе, преподобный усугубилъ свою ревность о жизни по Богу.

Между тѣмъ неудовольствія братій все росли и росли, число недовольныхъ множилось, такъ что къ нимъ приставалъ иногда и игуменъ. Видя, что соблазнъ усиливался, старецъ перевелъ своего питомца къ славному тогда Антонію, игумену монастыря св. Маманта, ограничиваясь въ своемъ руководствѣ наблюденіемъ издали и нерѣдкими посѣщеніями. И здѣсь жизнь преподобнаго Симеона текла обычнымъ уже для него порядкомъ. Преспѣяніе его въ подвижничествѣ, не только внѣшнемъ, но паче внутреннемъ, стало явнымъ и подавало надежду, что и впредь ревность къ тому не ослабѣетъ въ немъ. Почему старецъ рѣшился наконецъ сдѣлать его полнымъ монахомъ чрезъ постригъ и облеченіе въ схиму.

Это радостное событіе обновило и усилило подвижническія добродѣтели преподобнаго. Онъ весь предался уединенію, чтенію, молитвѣ и богомыслію; цѣлую недѣлю вкушалъ одни овощи и сѣмена, и только по воскресеньямъ ходилъ за братскую трапезу; спалъ мало, на полу, подстилая лишь овчину поверхъ рогожи; на воскресенье же и праздники совершалъ всенощныя бдѣнія, стоя на молитвѣ съ вечера до утра и во весь потомъ день не давая себѣ отдыха; никогда празднаго не произносилъ онъ слова, но хранилъ всегда крайнее вниманіе и трезвенное самоуглубленіе; сидѣлъ все запертымъ въ келліи, и если когда выходилъ наружу, посидѣть на скамьѣ, то казался будто облитымъ слезами и носилъ на лицѣ отсвѣтъ молитвеннаго пламени; читывалъ наиболѣе житія

святыхъ и начитавшись садился за рукодѣлье — калиграфствовать, что нибудь переписывать для обители и старцевъ или для себя; съ первымъ ударомъ симандры, вставалъ и спѣшилъ въ церковь, гдѣ со всѣмъ молитвеннымъ вниманіемъ прослушивалъ богослужебное послѣдованіе; когда бывала литургія, онъ всякій разъ причащался Св. Христовыхъ Таинъ, и весь тотъ день пребывалъ въ молитвѣ и богомысліи; бодрствовалъ обычно до полуночи, и соснувъ немного, шелъ на молитвословіе вмѣстѣ съ братіями въ церковь; во время четыредесятницы пять дней проводилъ безъ пищи, въ субботу же и въ воскресенье ходилъ за братскую трапезу и ѣлъ, что подавалось для всѣхъ, спать не ложился, а такъ, склонившись головою на руки, засыпалъ на какой-нибудь часъ.

Два уже года прожилъ онъ такъ въ новой для него обители, возрастая въ добронравіи и подвижничествѣ и богатясь вѣдѣніемъ божественныхъ таинъ спасенія чрезъ чтеніе слова Божія и отеческихъ писаній, чрезъ собственное богомысліе и бесѣду съ чтимыми старцами, особенно же съ своимъ Симеономъ благоговѣйникомъ и игуменомъ Антоніемъ. Эти старцы разсудили наконецъ, что время уже преподобному Симеону дѣлиться и съ другими стяжанными имъ сокровищами духовной мудрости, и возложили на него послушаніе—говорить въ церкви поученія въ назиданіе братій и всѣхъ христіанъ. Онъ и прежде, съ самаго начала подвижничества, вмѣстѣ съ извлеченіемъ изъ отеческихъ писаній всего что считалъ для себя душеполезнымъ, занимался и записываніемъ собственныхъ мыслей, какія множились у него въ часы богомыслія; но теперь такое занятіе сдѣлалось для него обязанностію, съ тою особенностію, что назиданіе обращалось уже не къ себѣ одному, но и къ другимъ. Рѣчь

его обычно была простая. Ясно созерцая великія истины спасенія нашего, онъ и излагалъ ихъ понятно для всѣхъ, ни мало однакожъ не умаляя простотою рѣчи ихъ высоты и глубины. Его слушали съ удовольствіемъ и самые старцы.

Спустя немного, всегдашній его руководитель Сумеонъ благоговѣйникъ возымѣлъ желаніе освятить его іерейскимъ рукоположеніемъ. Къ тому же времени скончался игуменъ обители, и братія общимъ голосомъ на мѣсто его избрали преподобнаго Сумеона. Такъ онъ за одинъ разъ принялъ и посвященіе іерейское и возведенъ въ игуменство отъ патріарха тогдашняго Николая Хрисоверга. Не безъ страха и слезъ принялъ онъ сіи, будто бы повышенія, на дѣлѣ же бремена неудобоносимыя. Онъ судилъ о священствѣ и игуменствѣ не по видимости ихъ, а по существу дѣла; почему и приготовлялся къ принятію ихъ со всѣмъ вниманіемъ, благоговѣніемъ и богопреданностію. За такое благонастроеніе онъ сподобился, какъ увѣрялъ послѣ, въ минуты рукоположенія, особенной милости Божіей, ощущенія нисходящей благодати въ сердце съ узрѣніемъ духовнаго нѣкоего безвиднаго свѣта, осѣнившаго и проникшаго его. Это состояніе возобновлялось у него потомъ всякій разъ, какъ онъ литургисалъ, во всѣ сорокъ восемь лѣтъ его священства, какъ догадываются изъ его собственныхъ словъ о другомъ будто нѣкоемъ іереѣ, съ которымъ такъ бывало.

Потому, когда спрашивали его, что такое есть іерей и священство, онъ со слезами отвѣчалъ, говоря: увы, братіе мои! Что спрашиваете вы меня объ этомъ? Это такое дѣло, о которомъ и подумать страшно. Я недостойно ношу іерейство, но знаю хорошо, какимъ долженъ быть іерей. Онъ долженъ быть чистъ и тѣломъ, и

тѣмъ паче душею, не запятнанъ никакимъ грѣхомъ, смиренъ по внѣшнему нраву и сокрушенъ сердцемъ по внутреннему настроенію. Когда литургисаетъ, долженъ умомъ сезерцать Бога, а очи вперять въ предлежащіе дары; долженъ сознательно сорастворіться въ сердцѣ своемъ со Христомъ Господомъ, тамо сущимъ, чтобъ имѣть дерзновеніе сыновне бесѣдовать къ Богу Отцу и неосужденно воззвать: *Отче нашъ*. Вотъ что говорилъ св. отецъ нашъ вопрошавшимъ его о священствѣ, и умолялъ ихъ не искать сего таинства, высокаго и страшнаго для самыхъ ангеловъ, прежде чѣмъ придутъ въ ангелоподобное состояніе посредствомъ многихъ надъ собою трудовъ и подвиговъ. Лучше, говорилъ онъ, каждодневно съ усердіемъ упражняйтесь въ дѣланіи заповѣдей Божіихъ, каждую минуту принося искреннее покаяніе Богу, если случится въ чемъ согрѣшить не только дѣломъ и словомъ, но и сокровеннымъ помышленіемъ души. И этимъ способомъ можно каждодневно приносить Богу и за себя и за ближнихъ жертву, духъ сокрушенъ, молитвы и моленія слезныя, сіе сокровенное священнодѣйствіе наше, о коемъ радуется Богъ, и пріемля его въ пренебесный жертвенникъ Свой, подаетъ намъ благодать Святаго Духа. Такъ училъ онъ другихъ, въ такомъ же духѣ литургисалъ и самъ; и когда литургисалъ, лицо его дѣлалось ангелоподобнымъ и такимъ проникалось свѣтомъ, что нельзя было свободно смотрѣть на него, по причинѣ исходившей отъ него чрезмѣрной свѣтлости, какъ нельзя свободно смотрѣть на солнце. Объ этомъ имѣются неложныя свидѣтельства многихъ его учениковъ и неучениковъ.

Сдѣлавшись настоятелемъ обители, первымъ дѣломъ имѣлъ преподобный поновленіе ея, потому что она во

многихъ частяхъ обветшала. Церковь, построенная еще Маврикіемъ царемъ, была довольно исправна; но по обновленіи обители онъ и ее гдѣ очистилъ, гдѣ обновилъ, постлалъ мраморный полъ, украсилъ иконами, утварью и всѣмъ потребнымъ. Между тѣмъ улучшилъ и трапезу и правиломъ положилъ, чтобъ всѣ ходили на нее, не держа особаго стола; а чтобы это вѣрнѣе исполнялось, и самъ ходилъ всегда на общую трапезу, не измѣняя однакожъ обычнаго своего постническаго правила.

Стала умножаться братія, и онъ назидалъ ихъ словомъ, примѣромъ и общимъ благоустроеннымъ чиномъ, ревнуя всѣхъ представить мужами желаній Богу Спасителю нашему. Самому ему Богъ пріумножилъ даръ умиленія и слезъ, которыя были для него пищею и питіемъ; но онъ имѣлъ для нихъ три опредѣленныхъ времени,—послѣ утрени, во время литургіи и послѣ повечерія, въ которыя онъ молился усиленнѣе съ обильнѣйшимъ проливаніемъ слезъ. Умъ у него былъ свѣтлый, ясно зрящій истины Божіи. Онъ любилъ сіи истины всею полнотою сердца. Почему, когда велъ бесѣду частно или въ церкви, слово его шло отъ сердца къ сердцу и было всегда дѣйственно и плодоносно. Онъ и писалъ Нерѣдко всю ночь просиживалъ онъ, составляя богословскія разсужденія, или толкованіе Божественныхъ Писаній, или бесѣды и поученія общеназидательныя, или молитвы стихами, или письма къ разнымъ ученикамъ изъ мірянъ и иноковъ. Сонъ не безпокоилъ его, равно какъ алчба и жажда и другія потребности тѣлесныя. Все это долгимъ подвигомъ приведено въ самую скромную мѣру и установилось навыкомъ, будто законъ естества. Несмотря однакоже на такія лишенія, по виду онъ

всегда казался свѣжимъ, полнымъ и живымъ, какъ и тѣ, кои вдоволь питаются и спятъ. Слава о немъ и обители его проходила всюду и собирала къ нему всѣхъ ревнителей настоящаго міроотречнаго житія. Онъ всѣхъ принималъ, назидалъ и возводилъ къ совершенству своимъ руководствомъ. Многіе изъ нихъ со всѣмъ усердіемъ брались за дѣло и успѣшно текли вслѣдъ учителя своего. Но и всѣ представляли будто сонмъ безплотныхъ ангеловъ, выну хвалящихъ Бога и служащихъ Ему.

Устроивъ такъ обитель свою, преподобный Симеонъ возымѣлъ намѣреніе убезмолвиться, поставивъ для братіи особаго игумена. Избралъ онъ вмѣсто себя нѣкоего Арсенія, многократно имъ испытаннаго и утвержденнаго въ добрыхъ правилахъ, въ добромъ настроеніи сердечномъ и умѣніи вести дѣла. Передавая ему бремя настоятельства, онъ въ общемъ собраніи братій далъ достодолжное наставленіе ему, какъ править, а братіямъ, какъ состоять подъ его управленіемъ, и испросивъ у всѣхъ прощеніе, удалился въ избранную имъ безмолвническую келлію на неотлучное пребываніе съ единымъ Богомъ въ молитвѣ, богомысліи, чтеніи Писаній, въ трезвеніи и разсужденіи помысловъ. Къ подвигамъ ему нечего было прибавлять. Они и всегда были въ напряженіи до возможной степени; но конечно руководившая его во всемъ благодать вѣдала, что въ какомъ чинѣ содержать ему благопотребнѣе въ семъ новомъ образѣ жизни, и внушала ему то. Даръ учительства, прежде находившій удовлетвореніе въ частныхъ и церковныхъ поученіяхъ, теперь обратилъ все его вниманіе и трудъ на писаніе. Писалъ онъ въ это время болѣе аскетическіе уроки въ видѣ краткихъ изреченій, образецъ кото-

рыхъ имѣемъ въ сохранившихся до насъ его дѣятельныхъ и умозрительныхъ главахъ.

До конца однакожъ наслаждаться ненарушимымъ покоемъ не суждено было преподобному. Послано было ему искушеніе, и искушеніе сильное и тревожное, чтобы перегорѣлъ онъ и очистился окончательно въ огнѣ его. Старецъ его, Сумеонъ благоговѣйникъ, духовный его отецъ и руководитель отошелъ ко Господу въ глубокой старости, послѣ сорокапятилѣтняго строгаго подвижничества. Преподобный Сумеонъ, зная его труды подвижническіе, чистоту сердца, къ Богу приближеніе и присвоеніе и осѣнявшую его благодать Св. Духа, составилъ въ честь его похвальныя слова, пѣсни и каноны, и свѣтло праздновалъ каждогодно память его, написавъ и икону его. Можетъ быть, его примѣру подражали другіе въ обители и внѣ обители, потому что онъ имѣлъ много учениковъ и чтителей среди иноковъ и мірянъ. Услышалъ объ этомъ патріархъ тогдашній Сергій и призвавъ къ себѣ преподобнаго Сумеона, разспросилъ о праздникѣ и празднуемомъ. Но увидѣвъ, какой высокой жизни былъ Сумеонъ благоговѣйникъ, не только не противился чествованію памяти его, но и самъ сталъ принимать въ немъ участіе, посылая лампады и ѳиміамъ. Такъ прошло шестнадцать лѣтъ. На память празднуемаго прославляли Бога и назидались его примѣрною жизнію и добродѣтелями. Но наконецъ врагъ подвигъ изъ-за этого бурю искушенія.

Нѣкто Стефанъ, митрополитъ Никомидійскій, очень образованный научно и сильный въ словѣ, оставя епархію жилъ въ Константинополѣ и былъ вхожъ къ патріарху и ко двору. Этотъ человѣкъ міра сего, слыша, какъ всюду хвалили мудрость и святость преподобнаго

Сумеона и особенно его дивныя писанія, составленныя въ наученіе ищущихъ спасенія, подвигся завистію противъ него. Перелиставши его писанія, онъ нашелъ ихъ ненаучными и не риторичными; почему отзывался о нихъ съ презрѣніемъ и отклонялъ отъ чтенія ихъ тѣхъ, кои любили читать ихъ. Отъ охужденія писаній онъ желалъ перейти къ охужденію и самого преподобнаго, но ничего не находилъ въ жизни его укорнаго, пока не остановился своимъ зломысліемъ на обычаѣ его праздновать память Сумеона благоговѣйника. Этотъ обычай показался ему противнымъ порядкамъ Церкви и соблазнительнымъ. Съ нимъ соглашались въ этомъ нѣкоторые изъ приходскихъ іереевъ и мірянъ, и начали всѣ они жужжать въ уши патріарха и бывшихъ при немъ архіереевъ, возводя на праведнаго беззаконіе. Но патріархъ съ архіереями, зная дѣло преподобнаго и зная, откуда и изъ-за чего идетъ это движеніе, не обращалъ на него вниманія. Начавшій однакожъ злое дѣло не успокоивался и продолжалъ распространять въ городѣ неудовольствіе по сему дѣлу на преподобнаго, не забывая напоминать о немъ и патріарху, чтобъ и его склонить на то же.

Такъ около двухъ лѣтъ шла война между правдою преподобнаго и ложью Стефана. Послѣдній все искалъ, не было ли чего въ жизни чтимаго старца, чѣмъ можно бы было навесть сомнѣніе на его святость, и нашелъ, что Сумеонъ благоговѣйникъ иногда въ чувствахъ смиренія говаривалъ: вѣдь и со мною бываютъ искушенія и паденія. Эти слова онъ принялъ въ самомъ грубомъ смыслѣ и явился къ патріарху съ ними, какъ со знаменемъ побѣды, говоря: вотъ каковъ былъ тотъ, а этотъ чтитъ его, какъ святаго, и даже икону его написалъ и

поклоняется ей. Позвали преподобнаго и потребовали у него объясненія по поводу взводимаго на его старца навѣта. Онъ отвѣчалъ: что касается до празднованія въ память отца моего, породившаго меня къ жизни по Богу, твое святѣйшество, владыко мой, знаетъ это лучше меня; что же касается до навѣта, то пусть премудрый Стефанъ докажетъ его чѣмъ либо посильнѣе того, что онъ говоритъ, и когда докажетъ, тогда я выступлю въ защиту чтимаго мною старца. Самъ я не могу не чтить моего старца, слѣдуя заповѣди апостоловъ и св. отцевъ; но другихъ никого не склоняю на то. Это дѣло моей совѣсти, а другіе, какъ имъ угодно, такъ пусть и дѣйствуютъ. Этимъ объясненіемъ удовольствовались, но дали заповѣдь преподобному праздновать впередъ память старца своего какъ можно смиреннѣе, безъ всякой торжественности.

Такъ бы дѣло и кончилось, еслибы не этотъ Стефанъ. Ему покоя не давала безуспѣшность его нападковъ; и онъ все что-нибудь придумывалъ и привлекалъ преподобнаго къ отвѣту и объясненіямъ, еще въ продолженіе шести лѣтъ. Между прочимъ онъ досталъ какимъ-то образомъ изъ келліи преподобнаго икону, гдѣ Сумеонъ благоговѣйникъ написанъ былъ въ сонмѣ другихъ святыхъ, осѣняемыхъ благословляющимъ ихъ Христомъ Господомъ, и добился отъ патріарха и его синода того, что они въ видахъ мира согласились вычистить надпись надъ его ликомъ: святый. По этому поводу Стефанъ поднялъ по городу цѣлое гоненіе на икону Сумеона благоговѣйника, и подобные ему ревнители поступали съ нимъ точь-въ-точь такъ, какъ бывало во времена иконоборцевъ.

Движеніе это принимало все болѣе и болѣе безпокой-

ный характеръ, и докучаніямъ по поводу его патріарху съ архіереями при немъ конца не было. Изыскивая способы водворить миръ, они пришли къ мысли, что къ успокоенію умовъ и удовлетворенію Стефана можетъ быть достаточно будетъ удаленія изъ Константинополя преп. Сумеона. Не видя, какъ онъ чествуетъ своего старца, и другіе станутъ забывать о томъ, а тамъ и совсѣмъ забудутъ. Рѣшивъ это, они велѣли преподобному найти себѣ другое мѣсто для безмолвія, внѣ Константинополя. Онъ съ радостію на это согласился, любя безмолвіе, которое такъ часто и съ такими тревогами нарушалось въ городѣ.

Гдѣ-то около Константинополя преподобный облюбилъ одну мѣстность, гдѣ была ветхая церковка св. Марины, и поселился тамъ. Владѣлецъ того мѣста, нѣкто изъ властныхъ архонтовъ, Христофоръ Фагура, ученикъ и чтитель Сумеона, очень былъ обрадованъ, услышавъ о такомъ выборѣ. Потому самъ поспѣшилъ туда и совершенно успокоилъ отца своего духовнаго и помѣщеніемъ, и доставленіемъ ему всего потребнаго. Мало того, по совѣту преподобнаго, онъ посвятилъ Богу всю ту мѣстность и вручилъ ее ему для устроенія обители.

Между тѣмъ въ Константинополѣ чтители преподобнаго, узнавъ объ удаленіи его, недоумѣли, почему это случилось. Преподобный написалъ имъ, какъ все было, прося ихъ не безпокоиться о немъ, увѣряя, что все идетъ къ лучшему и что ему на новомъ мѣстѣ гораздо покойнѣе. Чтители его однакожъ, между которыми было не мало и знатныхъ лицъ, не хотѣли оставить его безъ заступничества. Почему явясь къ патріарху, искали объясненія, не было ли чего въ семъ дѣлѣ враждебнаго и неправеднаго въ отношеніи къ отцу ихъ духовному.

Въ успокоеніе ихъ патріархъ удостовѣрилъ ихъ, что уважаетъ преподобнаго и чтитъ старца его, и что самъ одобрилъ празднованіе въ память его, съ однимъ только ограниченіемъ, чтобъ это дѣлалось не такъ торжественно. Что касается до удаленія его, то оно было признано благопотребнымъ, какъ средство для пресѣченія поднятаго въ городѣ движенія по случаю означеннаго празднованія. Чтобъ не осталось у знати никакого насчетъ этого сомнѣнія, онъ пригласилъ ихъ къ себѣ въ другой разъ вмѣстѣ съ преподобнымъ Симеономъ, и въ присутствіи его повторилъ то же самое. Преподобный подтвердилъ слова патріарха, увѣряя, что ничего не имѣетъ ни противъ кого, тѣмъ паче противъ святѣйшаго владыки своего, вниманіемъ коего всегда пользовался, и тутъ же испросилъ благословеніе на устроеніе замышленной уже имъ обители. Эти объясненія успокоили всѣхъ обезпокоенныхъ удаленіемъ преподобнаго. Преподобный писалъ послѣ мирное посланіе и къ Стефану митрополиту,—и общій миръ былъ возстановленъ.

Отъ патріарха преподобный съ друзьями своими былъ приглашенъ сказаннымъ Христофоромъ Фагура, гдѣ они всѣ сдѣлали между собою сборъ потребной на построеніе обители суммы. За тѣмъ спѣшно началось самое построеніе и хотя не безъ препятствій, скоро приведено къ концу. Собравъ новое братство и установивъ въ немъ иноческіе порядки, преп. Симеонъ опять устранился отъ всего и сѣлъ на безмолвіе съ обычными ему подвигами и трудами, посвящая все время, кромѣ случайныхъ бесѣдъ съ нуждавшимися въ совѣтѣ, писанію назидательныхъ словъ, подвижническихъ наставленій и молитвенныхъ гимновъ.

Съ этого времени жизнь его текла спокойно до са-

маго конца. Созрѣлъ онъ въ мужа совершенна, въ мѣру возраста исполненія Христова и явился богато украшеннымъ дарами благодатными. Исходили отъ него касавшіяся нѣкоторыхъ лицъ предсказанія, которыя оправдались дѣломъ; было, по молитвамъ его, не мало исцѣленій, которыя совершалъ онъ, повелѣвая помазывать болящихъ елеемъ изъ лампады, теплившейся предъ иконою св. Марины.

Прошло тринадцать лѣтъ пребыванія преподобнаго въ новой обители его и приблизился конецъ житія его на землѣ. Почувствовавъ близость исхода своего, онъ позвалъ къ себѣ учениковъ своихъ, далъ имъ должныя наставленія, и причастившись св. Христовыхъ Таинъ, велѣлъ пѣть отходную, въ продолженіе коей молясь отошелъ, сказавъ: въ руцѣ Твои, Господи, предаю духъ мой!

Тридцать лѣтъ спустя явились св. мощи его (въ 1050 г., 5 Индик.), исполненныя благоуханій небесныхъ и прославившіяся чудотвореніями. Память преподобнаго Cymeона новаго Богослова полагается 12 марта, день кончины его.

Богомудрыя писанія его сохранилъ и предалъ во всеобщее употребленіе ученикъ его Никита Стифатъ, которому поручилъ это самъ преподобный, и который еще при жизни его переписывалъ ихъ набѣло, по мѣрѣ составленія, и собиралъ воедино.

СЛОВА
ПРЕПОДОБНАГО И БОГОНОСНАГО ОТЦА НАШЕГО СУМЕОНА НОВАГО БОГОСЛОВА.

Въ переводѣ съ новогреческаго, на который были они переведены высокопреподобнымъ Діонисіемъ Зогрѣемъ, подвизавшимся на пустынномъ островѣ Пипери, лежащемъ противъ Аѳонской горы, и напечатаны въ Венеціи въ 1790 г.

СЛОВО ПЕРВОЕ.

1) Въ чемъ состояло преступленіе Адамово?
2) Какъ по причинѣ преступленія его всѣ люди сдѣлались тлѣнными и смертными?
3) Какъ милостивый и человѣколюбивый Богъ чрезъ домостроительство воплощенія избавилъ родъ человѣческій отъ тлѣнія и смерти?
4) И въ чемъ состоитъ таинство креста и тридневнаго погребенія Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа?

1. Первозданный Адамъ, будучи въ раю, впалъ, по внушенію змія, въ гордость и возмечтавъ быть богомъ, какъ сказалъ ему діаволъ, вкусилъ отъ древа, отъ котораго Богъ повелѣлъ ему не ясти. За это преданъ онъ великимъ карамъ,—тлѣнію и смерти, для смиренія гордыни его. Но когда Богъ осуждаетъ на что, то даетъ и приговоръ, и приговоръ Его становится дѣломъ, и карою вѣчною, и уже никакой нѣтъ возможности уничтожить эту кару, бывающую по Божескому опредѣленію. Подумай же теперь: Адамъ согрѣшилъ великимъ грѣ-

хомъ, потому что словамъ Бога не повѣрилъ, а словамъ змія повѣрилъ. Сравни Бога и змія, и увидишь, какъ великъ былъ грѣхъ премудраго Адама. По великой мудрости своей онъ далъ имена всѣмъ животнымъ; но когда отъ всей души повѣрилъ онъ змію, а не Богу, то Божественная благодать, почивавшая въ немъ, отступила отъ него, такъ какъ онъ сталъ врагомъ Богу, по причинѣ невѣрія, какое показалъ къ словамъ Его. Адамъ подумалъ, что Богъ позавидовалъ ему и не хотѣлъ, чтобъ и онъ зналъ доброе и лукавое; и для того заповѣдалъ ему не вкушать отъ древа познанія добра и зла, чтобъ и онъ не сталъ богомъ, подобнымъ Богу, создавшему его. И вкусилъ, и тотчасъ позналъ наготу свою, и вмѣсто того, чтобы содѣлаться богомъ, сталъ тлѣннымъ, и какъ тлѣнный—смертнымъ.

2. И вотъ, какъ видишь, приговоръ Божій пребываетъ навсегда карою вѣчною. И стали мы люди всѣ и тлѣнны и смертны; и нѣтъ ничего, что могло бы отстранить сей великій и страшный приговоръ. Когда же нѣтъ возможности отстранить этотъ приговоръ, то какая послѣ этого польза отъ мудрости или отъ богатства, или отъ власти, или и отъ всего міра? Сего ради Всевышній Сынъ Божій, Господь Іисусъ Христосъ пришелъ, чтобъ смириться вмѣсто Адама,—и дѣйствительно смирилъ Себя даже до смерти крестныя. Слово же крестное, какъ говоритъ Писаніе, таково: *проклятъ всякъ висяй на древѣ* (Гал. 3, 13).—Адамъ, никакой не имѣя нужды, взялъ отъ плода онаго древа (отъ котораго Богъ заповѣдалъ ему не вкушать, угрожая, что какъ только вкуситъ, умретъ), вкусилъ, и умеръ. Надобно знать, что какъ человѣкъ имѣетъ тѣло и душу, то смертей у него двѣ: одна смерть души, другая—смерть тѣла; равно какъ и два безсмертія—душевное и тѣлесное, хотя то и другое въ одномъ человѣкѣ, ибо душа и тѣло одинъ

человѣкъ. Такъ душею Адамъ умеръ тотчасъ, какъ только вкусилъ, а послѣ, спустя девятьсотъ тридцать лѣтъ, умеръ и тѣломъ. Ибо какъ смерть тѣла есть отдѣленіе отъ него души, такъ смерть души есть отдаленіе отъ ней Святаго Духа, Которымъ осѣняему быть человѣку благоволилъ создавшій его Богъ, чтобъ онъ жилъ подобно Ангеламъ Божіимъ, кои, будучи всегда просвѣщаемы Духомъ Святымъ, пребываютъ неподвижными на зло. По этой потомъ причинѣ и весь родъ человѣческій содѣлался такимъ, какимъ сталъ чрезъ паденіе праотецъ Адамъ,—смертнымъ, т.—е. по душѣ и по тѣлу. Человѣка, какимъ создалъ его Богъ, не стало болѣе въ мірѣ; и возможности не было, чтобъ сталъ кто-либо такимъ, какимъ былъ Адамъ до преступленія заповѣди. А необходимо было, чтобы такой человѣкъ былъ.

3. Итакъ Богъ, желая имѣть такого человѣка, какимъ въ началѣ создалъ Адама, послалъ въ послѣднія времена на землю Сына Своего Единороднаго, и Онъ, пришедши, воплотился, воспринявъ совершенное человѣчество, чтобы быть совершеннымъ Богомъ и совершеннымъ человѣкомъ, и Божество имѣло такимъ образомъ человѣка достойнаго Его. И се человѣкъ! другаго такого не было, нѣтъ и не будетъ. Но для чего содѣлался таковымъ Христосъ? Для того, чтобы соблюсти законъ Божій и заповѣди Его, и чтобы вступить въ борьбу и побѣдить діавола. То и другое совершилось въ Немъ само собою. Ибо если Христосъ есть тотъ самый Богъ, Который далъ заповѣди и законъ, то какъ можно было не соблюсти Ему того закона и тѣхъ заповѣдей, которыя Самъ далъ? И если Онъ Богъ, какъ и есть воистину, то какъ возможно было Ему быть обольщену или обмануту какою-либо хитростію діавола? Діаволъ, правда, какъ слѣпой и безсмысленный, возсталъ противъ Него бранію, но это попущено было для того, чтобы совер-

шилось нѣкое великое и страшное таинство, именно, чтобы пострадалъ Христосъ безгрѣшный и чрезъ то получилъ прощеніе Адамъ согрѣшившій. Для этого и вмѣсто древа познанія былъ крестъ, вмѣсто ступанія ногъ, которыми прародители шли къ запрещенному древу, и вмѣсто простертія рукъ ихъ, которыя простирали они, чтобы взять плодъ древа, были пригвождены ко кресту непорочныя ноги и руки Христовы, вмѣсто вкушенія плода было вкушеніе желчи и оцта, и вмѣсто смерти Адама смерть Христова. Потомъ что было? Лежалъ Христосъ во гробѣ три дня, ради таинства Пресвятыя Троицы, чтобы показать, что хотя воплотился и пострадалъ одинъ Онъ—Сынъ, однако домостроительство это есть дѣло Пресвятыя Троицы. Въ чемъ же это домостроительство? Одно лице Св Троицы, именно, Сынъ и Слово Божіе, воплотившись, принесъ Себя плотію въ жертву Божеству Отца, и Самого Сына, и Духа Святаго, чтобы благоволительно прощено было первое преступленіе Адама ради сего великаго и страшнаго дѣла, т.-е., ради сей Христовой жертвы, и чтобы силою его совершалось другое новое рожденіе и возсозданіе человѣка во святомъ крещеніи, въ коемъ и очищаемся мы водою, сраствореннною съ Духомъ Святымъ. Съ того времени люди крещаются въ водѣ, погружаются въ нее и вынимаются изъ нея три раза, во образъ тридневнаго погребенія Господня, и послѣ того, какъ умрутъ въ ней всему этому злому міру, въ третьемъ вынутіи изъ нея являются уже живыми, какъ бы воскреснимми изъ мертвыхъ, т.-е., души ихъ оживотворяются и опять пріемлютъ благодать Св. Духа, какъ имѣлъ ее и Адамъ до преступленія. Потомъ (крещеные) помазуются св. мvромъ, и посредствомъ его помазуются Іисусомъ Христомъ, и благоухаютъ преестественно. Сдѣлавшись такимъ образомъ достойными того, чтобы быть общниками Бога, они вкушаютъ плоть

Его и піютъ кровь Его, и посредствомъ освященныхъ хлѣба и вина, содѣлываются сотѣлесными и сокровными воплощшемуся и принесшему себя въ жертву Богу. Послѣ сего уже невозможно, чтобы надъ ними господствовалъ и тиранствовалъ грѣхъ, яко надъ богами по благодати. Такъ какъ Адамъ подпалъ клятвѣ, а чрезъ него и всѣ люди, отъ него происходящіе, приговоръ же объ этомъ Божій никакъ не могъ быть уничтоженъ; то Христосъ бысть по насъ клятва, чрезъ то, что повѣшенъ былъ на древѣ крестномъ, чтобъ принести Себя въ жертву Отцу Своему, какъ сказано, и уничтожить приговоръ Божій преизбыточествующимъ достоинствомъ жертвы. Ибо что больше и выше Бога? Какъ во всемъ этомъ видимомъ твореніи нѣтъ ничего выше человѣка, ибо все видимое и сотворено для человѣка; такъ Богъ несравненно выше всего сотвореннаго, и ничто не можетъ идти съ Нимъ въ сравненіе, ни вся видимая и невидимая тварь. Такимъ образомъ Богъ, Который есть несравненно выше всего видимаго и невидимаго творенія, воспріялъ естество человѣческое, которое есть выше всего видимаго творенія, и принесъ его въ жертву Богу и Отцу Своему. Устыдившись такой жертвы, скажу такъ, и почтивъ ее, Отецъ не могъ оставить ее въ рукахъ смерти; почему уничтожилъ приговоръ Свой и воскресилъ изъ мертвыхъ во первыхъ и въ началѣ Того, Кто далъ Себя въ жертву, въ искупленіе и въ замѣнъ за сородныхъ ему человѣковъ,—а послѣ, въ послѣдній день скончанія сего міра, воскреситъ и всѣхъ людей. Впрочемъ души тѣхъ, которые вѣруютъ въ Іисуса Христа, Сына Божія, въ сію великую и страшную жертву, Богъ воскрешаетъ въ настоящей жизни, и знаменіемъ сего воскресенія служитъ благодать Св. Духа, которую даетъ Онъ душѣ всякаго христіанина, какъ бы другую душу. Такая душа христіанина потому называет-

ся и вѣрною, что ей ввѣренъ Святый Духъ Божій, и она пріяла Его,—Духъ Божій, Который есть жизнь вѣчная, такъ какъ Св. Духъ есть Богъ вѣчный, исходящій изъ вѣчнаго Бога и Отца.

4. Поелику такимъ образомъ крестъ содѣлался какъ бы жертвенникомъ сей страшной жертвы, ибо на крестѣ умеръ Сынъ Божій за паденіе людей, то справедливо крестъ и чтится и покланяемъ бываетъ, и изображается, какъ знаменіе общаго всѣхъ людей спасенія, чтобы покланяющіеся древу креста освобождались отъ клятвы Адамовой и получали благословеніе и благодать Божію на дѣланіе всякой добродѣтели. Для христіанъ крестъ—величаніе, слава и сила: ибо вся наша сила въ силѣ распеньшагося Христа; вся грѣшность наша умерщвляется смертію Христа на крестѣ, и все возвеличеніе наше и вся слава наша въ смиреніи Бога, Который до того смирилъ Себя, что благоволилъ умереть даже между злодѣями и разбойниками. По сей-то причинѣ христіане, вѣрующіе во Христа, знаменуютъ себя знаменіемъ креста не просто, не какъ попало, не съ небреженіемъ, но со всѣмъ вниманіемъ, со страхомъ и съ трепетомъ и съ крайнимъ благоговѣніемъ. Ибо образъ креста показываетъ примиреніе и содружество, въ какое вступилъ человѣкъ съ Богомъ. Посему и демоны боятся образа креста, и не терпятъ видѣть знаменіе креста изображаемымъ даже и на воздухѣ, но бѣгутъ отъ этого тотчасъ, зная, что крестъ есть знаменіе содружества человѣковъ съ Богомъ, и что они, какъ отступники и враги Богу, удаленные отъ божественнаго лица Его, не имѣютъ болѣе свободы приближаться къ тѣмъ, кои примирились съ Богомъ и соединились съ Нимъ, и не могутъ болѣе искушать ихъ. Если и кажется, что они искушаютъ нѣкоторыхъ христіанъ, да вѣдаетъ всякій, что это борютъ они тѣхъ, которые не познали, какъ слѣ-

дуетъ, высокаго таинства креста. Тѣ же, которые уразумѣли сіе таинство и на самомъ дѣлѣ опытно познали власть и силу, какую имѣетъ крестъ на демоновъ, познали также, что крестъ даетъ душѣ крѣпость, силу, смыслъ и божественную мудрость,—эти съ великою радостію восклицаютъ: *мнѣ же да не будетъ хвалитися, токмо о крестѣ Господа нашего, имже мнѣ міръ распяся и азъ міру* (Гал. 6, 14). Итакъ, поелику знаменіе креста велико и страшно, то всякій христіанинъ имѣетъ долгъ совершать его со страхомъ и съ трепетомъ, съ благоговѣніемъ и вниманіемъ, а не просто и какъ попало, по привычкѣ только и съ небреженіемъ: ибо по мѣрѣ благоговѣнія, какое кто имѣетъ ко кресту, получаетъ онъ соотвѣтственную силу и помощь отъ Бога,—Коему слава и держава, во вѣки. Аминь.

СЛОВО ВТОРОЕ.

1) О томъ, что естество человѣческое чрезъ воплощеніе Сына и Бога-Слова приходитъ опять въ благобытіе, т.-е., въ то доброе и божественное состояніе, въ какомъ было оно до преступленія Адамова.

2) Также о законѣ естественномъ, писанномъ и духовномъ.

3) Еще о томъ, какимъ способомъ можетъ кто придти въ благобытіе.

4) И какія дѣла дѣлая, можемъ мы войти въ царствіе небесное.

1. Поелику естество человѣческое потеряло свое благобытіе, чрезъ преступленіе Адамово, то необходимо узнать намъ, что такое былъ Адамъ прежде потери благобытія, и въ чемъ состояло это благобытіе, или то доброе и божественное состояніе, какое имѣлъ человѣкъ прежде преступленія. Св. отцы говорятъ намъ, что Богъ содѣлался человѣкомъ для того, чтобы чрезъ вочеловѣченіе Свое опять возвесть естество человѣческое въ благобытіе. Почему надобно намъ узнать, какимъ это образомъ, чрезъ воплощенное домостроительство Христово, человѣкъ опять приходитъ въ благобытіе.

Богъ въ началѣ, когда создалъ человѣка, создалъ его святымъ, безстрастнымъ и безгрѣшнымъ, по образу и подобію Своему; и человѣкъ точно былъ тогда подобенъ Богу, создавшему его. Ибо святый, безгрѣшный и безстрастный Богъ и творенія творитъ святыя, безстрастныя и безгрѣшныя. Но поелику непремѣняемость и неизмѣняемость есть свойство одного безначальнаго и несозданнаго Божества, то созданный человѣкъ естественно былъ премѣняемъ и измѣняемъ, хотя имѣлъ способъ и возможность, при помощи Божіей, не подвергнуться премѣненію и измѣненію,

Такъ святъ былъ человѣкъ и, какъ святый, не имѣлъ нужды ни въ какомъ законѣ: ибо для праведника законъ не нуженъ. Какая нужда въ законѣ для святаго, безстрастнаго и чистаго? Законъ повелѣваетъ дѣлать добро и не дѣлать зла. Но Писаніе говоритъ, что *видѣ Богъ вся, елика сотвори, и се добра зѣло* (Быт. 1, 31). Итакъ поелику все было добро зѣло, то какая была нужда человѣку въ наученіи, что хорошо, и что не хорошо? Поелику не было ничего, что не было бы крайне хорошо, то и не имѣлъ нужды въ законѣ божественный оный человѣкъ.

2. Впрочемъ поелику въ его власти было вкушать отъ всякаго древа райскаго, еще же и отъ самаго древа жизни, то ему дана была заповѣдь не вкушать отъ одного только древа, чтобы зналъ, что онъ премѣняемъ и измѣняемъ, и остерегался, и пребылъ навсегда въ томъ добромъ и божественномъ состояніи. Богъ тѣми словами, какія сказалъ ему, давая заповѣдь, что если вкуситъ, умретъ, давалъ ему разумѣть, что онъ премѣняемъ и измѣняемъ.

Такъ—тогда, въ раю, не нуженъ былъ законъ, ни писанный, ни духовный. Но послѣ того, какъ человѣкъ вкусилъ отъ того запрещеннаго древа и умеръ горькою

смертію, т.-е., отпалъ отъ Бога и подвергся растлѣнію,—тогда, чтобы совсѣмъ не отпалъ онъ отъ всякаго добра (такъ какъ зло сильно распространилось въ родѣ человѣческомъ и тиранило его насильственно, по причинѣ бѣдственнаго разслабленія, какому подвергся онъ вслѣдствіе растлѣнія), данъ былъ ему законъ, чтобъ показывалъ, что хорошо, и что худо. Ибо человѣкъ сталъ слѣпъ, выпелъ изъ ума и обезмыслѣлъ; почему и имѣлъ нужду въ наученіи, какъ написано въ Псалмахъ: *открый очи мои и уразумѣю чудеса отъ закона Твоего* (Пс. 118, 18). *Вразуми мя и научуся заповѣдемъ Твоимъ* (—73). Видишь, въ какое жалкое состояніе пришелъ человѣкъ, и какъ потому имѣлъ нужду въ писанномъ законѣ? Ибо послѣ того, какъ палъ онъ, не могъ уже вѣдать даже и этого міра, еслибъ прежде не былъ свыше отъ Бога просвѣщенъ вѣдѣніемъ относительно его.

Послѣ же, когда пришелъ Христосъ и такъ тѣсно соединилъ въ Себѣ божество съ человѣчествомъ, что два сіи, крайне разстоящіяся, т.-е. божество и человѣчество, стали единымъ лицемъ, хотя пребывали несліянными и несмѣшанными,—съ того времени человѣкъ сдѣлался уже какъ бы свѣтомъ, чрезъ соединеніе съ онымъ, первымъ и невечернимъ свѣтомъ Божіимъ, и не имѣетъ болѣе нужды ни въ какомъ писанномъ законѣ, потому что божественная благодать Іисуса Христа, пребывающая съ нимъ и въ немъ, плодоприноситъ ему благобытіе, т. е. любовь, радость, миръ, долготерпѣніе, благость, милосердіе, вѣру, кротость и воздержаніе. Почему Апостолъ Павелъ, перечисливъ такіе плоды Св. Духа, и говоритъ въ концѣ: *на таковыхъ нѣсть закона* (Гал. 5, 22. 23): ибо для праведника не требуется законъ. Кто же не имѣетъ еще таковыхъ плодовъ Св. Духа, тотъ и не Христовъ, какъ говоритъ Апостолъ: *аще кто Духа Христова не имать, сей нѣсть Егов* (Рим. 8, 9). Такому

надлежитъ подвизаться и постараться о томъ, чтобы содѣлаться Христовымъ, да не тщетно вѣруетъ во Христа,—въ какомъ случаѣ Христосъ не пользуетъ ему ничтоже. Все стараніе и весь подвигъ его долженъ быть обращенъ на то, чтобы стяжать Духъ Христовъ, и такимъ образомъ приносить плоды Духа Святаго: ибо въ этомъ и состоитъ духовный законъ и благобытіе.

3. Если же человѣческое естество приходитъ опять въ благобытіе, какъ было первоначально, чрезъ воплощеніе Христово, и нѣтъ никакого другаго способа и никакой другой силы, или мудрости, или труда и подвига, чтобъ человѣческое естество опять пришло въ благобытіе и стало какъ было первоначально сотворено, но находится единственно въ рукѣ Бога, давшаго ему бытіе, и то, чтобъ даровать ему благобытіе, и другимъ способомъ этому быть никакъ нельзя; то какая нужда тщетно трудиться, подвизаясь ради сего одними своими подвигами, чтеніями, злостраданіями, томленіемъ себя алчбою, жаждою и бдѣніями? И если такія и толикія злостраданія бываютъ тщетны и безполезны для того, кто не вѣдаетъ великаго онаго таинства (спасенія), то на каждомъ христіанинѣ лежитъ долгъ научиться ему и познать его, чтобъ не потрудиться понапрасну въ тѣхъ злостраданіяхъ и не попустить погибнуть (и при нихъ) душѣ своей, что бѣдственнѣе всякаго другаго бѣдствія. Ибо всѣ такія и толикія злостраданія должны быть подъемлемы не для того, чтобъ придти въ благобытіе, но для того, чтобъ сохранить благобытіе, какое приняли мы прежде чрезъ святое крещеніе, такъ какъ сокровище сіе трудно-хранительно, и намъ надлежитъ добрѣ внимать, да сохранимъ оное, какъ сказали св. отцы. И въ будущей жизни христіанинъ не будетъ испытуемъ, отрекся ли онъ міра, постился ли, совершалъ ли бдѣнія, молился ли, плакалъ

ли и другія какія совершалъ ли въ настоящей жизни дѣла добрыя, но будетъ тщательно испытуемъ, имѣетъ ли онъ какое-либо подобіе Христу, какъ сынъ отцу, какъ говоритъ и Павелъ: *чадца мои, имиже паки болѣзную, дондеже вообразится въ васъ Христосъ* (Гал. 4, 19). Ибо которые во Христа крестятся, во Христа облекаются (Гал. 3, 27).

4. Тѣ, которые хранятъ врата царствія небеснаго, если не увидятъ въ христіанинѣ подобія Христу, какъ сына отцу, никакъ не отворятъ ему ихъ и не дадутъ войти. Ибо какъ подобные ветхому Адаму, преступившему заповѣдь Божію, пребываютъ внѣ царствія небеснаго, не смотря на то, что они нисколько невиновны въ томъ, что подобны праотцу Адаму; такъ и христіане, подобные новому Адаму, отцу ихъ Христу, входятъ въ царствіе небесное, при всемъ томъ, что то, что они подобны Христу, не есть собственное ихъ дѣло; такъ какъ это совершается посредствомъ вѣры, какую воспріемлютъ они во Христа.

Подобіе же Христу составляютъ истина, кротость, правда, и вмѣстѣ съ ними смиреніе и человѣколюбіе. Истина зрится во всѣхъ словахъ, а кротость во всѣхъ противословіяхъ; потому что кроткій, похвалами ли окруженъ или порицаніями, хранитъ себя безстрастнымъ, и ни похвалами не превозносится, ни порицаніями не огорчается. Правда зрится во всѣхъ дѣлахъ: ибо какъ опредѣляемъ мы тяжесть вещей посредствомъ вѣсовъ, и какъ узнаемъ качество золота чрезъ потираніе его о камень, такъ ни въ какомъ начинаніи не выходимъ мы изъ предѣловъ правды, если при этомъ содержимъ въ памяти тѣ мѣры (способы измѣренія, или вѣсы), какія даровалъ намъ Господь нашъ (заповѣди). Смиреніе есть какъ бы неокрадомая сокровищница, устрояемая въ томъ умѣ, который носитъ убѣжденіе, что только силою благодати,

пріемлемой отъ Христа, имѣются въ немъ показанныя добрыя качества, т.-е. истина, кротость и правда. Человѣколюбіе есть подобіе Богу, такъ какъ оно благотворитъ всѣмъ людямъ, и благочестивымъ и нечестивымъ, и добрымъ и злымъ, и знаемымъ и незнаемымъ, какъ и самъ Богъ всѣмъ благотворитъ, возсіяваетъ солнце на праведныя и неправедныя, дождитъ на злыя и благія. Итакъ тѣ, которые пріяли сіе отъ Христа, отъ Него имѣютъ подобіе Ему, какъ сынъ отъ отца имѣетъ подобіе отцу, потому что сынъ не бываетъ иначе, какъ изъ естества отца своего. Для того Богъ содѣлался человѣкомъ, и чрезъ такое соединеніе Божества съ человѣческимъ естествомъ царствуетъ Божество надъ естествомъ человѣческимъ, какъ написано: *наляцы, и успѣвай, и царствуй истины ради и кротости и правды* (Пс. 44, 5). Такимъ образомъ надъ кѣмъ не восцарствовалъ Христосъ чрезъ тѣ добродѣтели, о которыхъ мы сказали, тотъ неподобенъ Христу, какъ отцу, и недостоинъ внити въ царствіе небесное. Воистину такъ есть. Почему излишни всѣ прочіе подвиги, если не бываютъ ради ихъ. Постараемся же и мы, братіе, содѣлаться подобными Христу посредствомъ тѣхъ добродѣтелей, да сподобимся царствія Его. Ему слава и держава во вѣки. Аминь.

СЛОВО ТРЕТЬЕ.

О томъ, что намъ надлежитъ испытать самихъ себя, имѣемъ-ли мы блаженства Христовы, потому что они (добродѣтели, ими указываемыя) суть знакъ печати (Христовой).

Братіе мои возлюбленные! Если кто изъ насъ не запечатлѣнъ и не имѣетъ на себѣ печати Господа нашего Іисуса Христа, да течетъ наискорѣйше, чтобъ запечатлѣться; если не имѣемъ знаменія благодати Святаго Духа, да подвизаемся всякимъ образомъ, чтобъ вос-

пріять его. Ибо смерть не властвуетъ надъ душами, которыя запечатлѣны всепречистою кровію Христовою и благодатію Всесвятаго Духа, и волкъ мысленный, діаволъ, не стерпѣваетъ воззрѣть (отворачивается) на печать пастыреначальника Христа, которою печатлѣетъ Онъ овецъ Своихъ. Да, братіе мои христіане, не стерпѣваетъ. Сего ради потщимся всеусердно дѣлать всѣ дѣла, какія угодны Христу, да сподобимся запечатлѣнія отъ Него, чтобъ безъ боязни прейти прочее время жизни нашей; и не это только, но да воспріимемъ милость отъ Него и достойными содѣлаемся извѣдать таинства Христа, извѣдать, говорю, не словомъ только, или слухомъ и преданіемъ, но дѣломъ и дѣйственностію.

Какъ же дѣломъ извѣдываетъ кто таинства Божіи?— Внемли, да разумѣешь. Іисусъ Христосъ говоритъ во святомъ Евангеліи: *блажени нищіи духомъ, яко тѣхъ есть царство небесное* (Мѳ. 5). Слыша это, должны мы подумать въ умѣ своемъ и хорошо изслѣдовать самихъ себя, таковы ли мы, т.-е. нищи ли мы духомъ, чтобъ царство небесное было собственно нашимъ, и столько собственно нашимъ, чтобъ мы въ чувствѣ души были удостовѣрены, что стяжали уже царствіе небесное и имѣемъ богатства его вѣрно, такъ что чувствуемъ безъ всякаго сомнѣнія, что находимся внутри его, и веселимся наслаждаясь благами, кои находятся тамъ внутри. Ибо Господь говоритъ намъ, что царствіе небесное внутрь насъ есть. Знаменіе же и доказательство, показывающее, что царствіе небесное истинно есть внутрь насъ, есть слѣдующее: если мы не похотствуемъ никакихъ привременныхъ благъ міра сего, ни богатства, ни славы, ни удовольствій и никакого мірскаго или плотскаго услажденія, но удаляемся отъ всего этого и отвращаемся всею душею и всѣмъ сердцемъ, столько, сколь-

ко возвеличенные царскою честію и властію удаляются отъ вращающихся въ блудилищахъ, и сколько привыкшіе носить чистыя одѣянія и намащаться мурами и благоуханіями отвращаются отъ нечистыхъ мѣстъ и зловонія. А кто не отвращается отъ всего этого, но имѣетъ пристрастіе къ чему-либо изъ того, о чемъ мы сказали, тотъ ни видѣлъ царствія небеснаго, ни обонялъ, ни вкушалъ сладости и благоуханія его.

И опять говоритъ Христосъ: *блажени плачущіи, яко тіи утѣшатся*. Посмотримъ же опять и изслѣдуемъ, имѣемъ ли мы плачъ, и что это за утѣшеніе, которое, какъ говоритъ Господь, послѣдуетъ за плачемъ? Прежде сказалъ Онъ, что блаженны нищіе духомъ, потому что ихъ есть царствіе небесное. Нищіе же духомъ не имѣютъ, какъ мы сказали, никакого пристрастія къ благамъ міра сего, и не помышляютъ о нихъ съ услажденіемъ, но ненавидятъ ихъ и отвращаются отъ нихъ. Итакъ кто презрѣлъ весь міръ, кто отдаляется отъ него самымъ помысломъ паче, нежели тѣломъ, и не имѣетъ похотѣнія ни къ какому изъ видимыхъ благъ, тотъ чѣмъ мірскимъ можетъ быть опечаленъ или обрадованъ? И тому, кто имѣетъ царствіе небесное и веселится внутри его каждодневно, какъ возможно плакать? Кому же Господь сказалъ, что тѣ, которые плачутъ, пріемлютъ утѣшеніе. Но внемлите, прошу васъ, да уразумѣете силу слова сего.

Вѣрный человѣкъ, добрѣ всегда внимающій заповѣдямъ Божіимъ, когда творя все, что требуютъ заповѣди Божіи, помыслитъ о высотѣ ихъ, т.-е. о томъ непорочномъ житіи и чистотѣ (какія онѣ изображаютъ), тогда, изслѣдуя мѣру свою, найдетъ себя крайне немощнымъ и безсильнымъ достигнуть оной высоты заповѣдей, найдетъ, что онъ крайне нищъ и недостоинъ принять Бога, или возблагодарить Его и прославить (упокоить

въ себѣ), такъ какъ не стяжалъ еще въ собственность себѣ никакого блага (не чѣмъ упокоить). Но таковый, помышляя о всемъ, сказанномъ мною, съ чувствомъ душевнымъ, безъ всякаго сомнѣнія восплачетъ плачемъ онымъ, который есть воистину наиблаженнѣйшій плачъ, пріемлющій и утѣшеніе и дѣлающій душу кроткою. Утѣшеніе и радость, которыя раждаетъ плачъ, суть залогъ царствія небеснаго. Вѣра есть уповаемыхъ извѣщеніе, какъ говоритъ божественный Павелъ, а утѣшеніе бывающее въ тѣхъ душахъ, кои плачутъ отъ облистанія и освѣщенія Святаго Духа, есть присутствіе Бога, дарующаго имъ ради плача смиренномудріе, которое называется и сѣменемъ и талантомъ: потому что растетъ и множится въ тридцать, шестьдесятъ и сто въ душахъ подвизающихся и приноситъ Богу святый плодъ дарованій Святаго Духа.

Гдѣ истинное смиреніе, тамъ и глубина смиренномудрія; гдѣ смиренномудріе, тамъ и возсіяніе Святаго Духа; гдѣ возсіяніе Св. Духа, тамъ обильное изліяніе свѣта Божія, и Богъ съ премудростію и вѣдѣніемъ таинъ Его; гдѣ это, тамъ царствіе небесное, и сознаніе царствія, и сокровенныя сокровища боговѣдѣнія, въ которыхъ и явленіе духовной нищеты; гдѣ чувство духовной нищеты, тамъ радостотворный плачъ и непрестанныя слезы, которыя очищаютъ душу отъ всякихъ любленій и пристрастій и дѣлаютъ ее всю свѣтовою.

Когда же просвѣтится такимъ образомъ душа и увѣдаетъ добрѣ Владыку своего и Бога, тогда начнетъ она со всѣмъ усердіемъ плодоприносить въ себѣ и прочія добродѣтели Ему и Христу Господу. И подобаетъ такъ. Ибо будучи всегда напаяема и питаема слезами, всецѣло погашаетъ она въ себѣ гнѣвъ, и содѣлывается вся кроткою и неподвижною на серчаніе, и тогда алчетъ и жаждетъ, то есть, сильно желаетъ и ищетъ узнать оправда-

нія Божіи и пріобщиться ихъ, а вмѣстѣ съ симъ становится милостивою и сострадательною. Отъ всего же этого опять дѣлается чистымъ сердце ея, и приходитъ созерцаніе Бога, и чисто зритъ славу Его, по обѣтованію Его: *яко тіи Бога узрятъ*. А тѣ, у коихъ души таковы, суть воистину миротворцы и нарицаются сынами Божіими, кои чисто вѣдаютъ Отца своего и Владыку и любятъ Его отъ всего сердца своего, терпя ради Его всякую тяготу и скорбь, когда бываютъ поносимы, укоряемы и тѣснимы за праведныя заповѣди Его, кои повелѣлъ Онъ намъ соблюдать, когда бываютъ всячески оскорбляемы и гонимы, и переносятъ всякъ *золъ глаголъ*, какой *лжуще* изрыгаютъ противъ нихъ, ради *имени Его святаго*, радуясь, что сподобились пріять безчестіе отъ людей за любовь къ Нему.

Узнали-ль теперь, братія мои, истинное отпечатлѣніе печати Христовой? Уразумѣли-ль, вѣрные, въ какихъ признакахъ обнаруживается вѣрность христіанина? Поистинѣ одна только есть печать Христова—осіяніе Духа Святаго, хотя много есть видовъ воздѣйствій Его и много знаменій силы Его. Первѣйшее всего другаго и необходимѣйшее есть смиреніе, такъ какъ оно есть начало и основаніе. Ибо говоритъ Богъ: *на кого воззрю, токмо на кроткаго и смиреннаго и трепещущаго словесъ Моихъ* (Ис. 66, 2). Второе есть плачъ, источающій непрестанныя слезы, о которыхъ желалъ бы я многое сказать, но не нахожу достаточно словъ, какими могъ бы достодолжно бесѣдовать о нихъ. Чудо неизъяснимое! Текутъ слезы вещественныя изъ очей вещественныхъ, и омываютъ душу невещественную отъ скверны грѣховныхъ; падаютъ на землю, но низвергаютъ демоновъ и освобождаютъ душу отъ невидимыхъ узъ грѣха. О, слезы! вы, источаясь отъ дѣйствія божественнаго просвѣщенія, отверзаете самое небо и низводите божествен-

ное утѣшеніе. Отъ сего утѣшенія и отъ сладости духовной, какія испытываю, опять говорю и многократно буду повторять то же, что гдѣ слезы съ истиннымъ вѣдѣніемъ, тамъ и осіяніе божественнаго свѣта, а гдѣ осіяніе сего свѣта, тамъ и дарованіе всѣхъ благъ, тамъ внутри сердца отпечатлѣна и печать Святаго Духа, отъ Котораго произраждаются и всѣ плоды жизни. Отъ слезъ плодоприносится Христу кротость, миръ, милостивость, сердоболіе, доброта, благостыня, вѣра, воздержаніе. Отъ слезъ происходитъ то, что иной любитъ враговъ своихъ и умоляетъ о нихъ Бога, радуется въ искушеніяхъ и хвалится скорбями, смотритъ на грѣхи другихъ, какъ на свои собственные, и плачетъ о нихъ, и съ готовностію предаетъ жизнь свою на смерть за братій своихъ.

Послушайте же, умоляю васъ, братія мои христіане, и пробудитесь отъ усыпленія! Войдите въ самихъ себя и посмотрите, возсіялъ ли свѣтъ божественной благодати внутри сердецъ вашихъ,—посмотрите, увидѣли-ль вы великій свѣтъ вѣдѣнія, посѣтилъ ли васъ востокъ съ высоты и свѣтитъ ли онъ вамъ во тьмѣ и сѣни смертной сѣдящимъ? Богъ ни въ чемъ не имѣетъ недостатка, будучи преисполненъ всѣхъ благъ и совершенствъ. Ничего Ему отъ насъ не нужно, кромѣ одного нашего спасенія. Спасеніе же наше иначе не можетъ состояться, если не измѣнится умъ нашъ и не содѣлается инымъ дѣйствіемъ силы Божіей, такъ чтобы сталъ онъ умомъ обоженнымъ, т.-е. безстрастнымъ и святымъ. Обоженнымъ бываетъ тотъ умъ, который внутри себя имѣетъ Бога. Впрочемъ, чтобы сталъ таковымъ умъ самъ отъ себя, это невозможно. Только тотъ умъ, который соединяется съ Богомъ посредствомъ вѣры и познаетъ Его чрезъ дѣланіе заповѣдей, только такой наивѣрнѣйше сподобляется видѣть Его и созерцательно; ибо чрезъ посредство вѣры, какую имѣетъ онъ во Христа, все-

лается Христосъ внутрь его и дѣлаетъ его обоженнымъ. Сохраняется же умъ обоженнымъ чрезъ то, если всегда поучается въ томъ, что есть Христово, и непрестанно внимаетъ закону Его; ибо поколику внимаетъ кто закону Христову, потолику соблюдаетъ и заповѣди Его (и чрезъ это содержитъ себя обоженнымъ); какъ опять кто имѣетъ умъ обоженнымъ, тотъ потому самому всегда поучается въ томъ, что Христово, непрестанно внимаетъ закону Его и творитъ заповѣди Его.

Восподвизаемся же, возлюбленные, о томъ, чтобы питать и возжигать въ себѣ обильнѣйшій огнь божественный, т.-е. любовь Божію, посредствомъ дѣланія заповѣдей Христовыхъ; ибо посредствомъ ихъ возгарается въ насъ божественный огнь, и посредствомъ же ихъ обыкновенно увеличивается онъ. Какъ чувственный огонь возгарается въ веществѣ, какъ-то въ дровахъ и въ другомъ чемъ такомъ горючемъ, такъ что когда малая искра огня падаетъ на такое вещество, то возжигаетъ большое пламя, которое дѣлается потомъ тѣмъ большимъ еще, чѣмъ больше находитъ горючаго вещества: такимъ же образомъ дѣйствуетъ и умный огнь въ отношеніи къ умному (или въ умной области). Что горючее вещество для чувственнаго огня, то разумная душа, имѣющая въ себѣ, какъ бы вещество горючее, — заповѣди Христовы,—для огня Божества. Божество, т.-е. божественная благодать сама по себѣ, одна, не бываетъ явною, если не низойдетъ въ разумную душу. Какъ чувственный огнь не является въ чувственномъ, если не найдетъ горючаго вещества; такъ и умный огнь не является въ умномъ, если не найдетъ вещества заповѣдей Божіихъ. Господь и говоритъ: *любяй Мя заповѣди Моя соблюдетъ, и Азъ возлюблю его и явлюся ему Самъ* (Іоан. 15, 21). Вещественный огнь, прежде чѣмъ проявится въ вещественномъ, бываетъ сокрытъ; подобно сему и

божественный огнь, прежде чѣмъ проявится въ умныхъ душахъ, бываетъ сокровенъ. И опять, начало чувственнаго огня непонятно, потому что онъ сокрытъ внутри чувственнаго; равнымъ образомъ и начало умнаго огня недомыслимо, потому что онъ сокровенъ въ умномъ. Впрочемъ чувственный огнь—одного естества съ чувственнымъ, а огнь умный не одного естества съ умными (душами); ибо Творецъ не одного естества съ тварію. Слѣдовательно умный огнь гораздо болѣе сокровененъ въ умномъ, чѣмъ чувственный въ чувственномъ.

Поразсмотримъ же, братіе, и поизслѣдуемъ самихъ себя до точности, есть ли въ насъ печать Христова, и по указаннымъ выше признакамъ постараемся опредѣленно узнать, есть ли въ насъ Христосъ. Если мы не восприняли еще Христа, не имѣемъ еще печати Его и не видимъ, чтобы были въ насъ тѣ признаки, о которыхъ мы сказали, но паче видимъ все противное тому, т.-е. что и міръ прелестный живетъ въ насъ, и мы, къ несчастію, живемъ въ немъ, что высоко ставимъ временныя блага міра, а въ скорбяхъ, находящихъ на насъ, изнемогаемъ, при безчестіяхъ печалимся, а при честяхъ, богатствѣ и наслажденіяхъ мірскихъ и плотскихъ радуемся и веселимся; горе намъ по причинѣ зловредности, коею страдаемъ, горе намъ по причинѣ невѣдѣнія и омраченія, покрывающаго насъ, горе намъ по причинѣ окаянства и нечувствія, кои возгосподствовали надъ нами! Всецѣло ниспали мы долу, къ земному, мірскому и чувственному. Поистинѣ бѣдны мы и пренесчастны, далеки будучи отъ жизни вѣчной и царства небеснаго, потому что не стяжали еще въ самихъ себѣ Христа, но имѣемъ еще въ себѣ міръ живымъ, поколику живемъ въ немъ и мудрствуемъ земная. А кто таковъ, тотъ явно врагъ есть Богу, потому что пристрастіе къ міру есть вражда на Бога, какъ говоритъ божественный

Апостолъ: *не любите міра ни яже въ мірѣ* (1 Іоан. 2, 15); *ибо любы міра сего вражда Богу есть* (Іак. 4, 4). Нельзя Богу работать, и по человѣку жить.

Истинно говорю вамъ, братія мои, что ничего нѣтъ лучше въ мірѣ, какъ не имѣть ничего отъ благъ міра сего и ничего не желать лишняго, кромѣ необходимо потребнаго для тѣла. Необходимо же потребны для тѣла хлѣбъ, вода, одежда и кровъ, какъ говоритъ божественный Апостолъ: *имуще пищу и одѣяніе, сими довольни будемъ* (1 Тим. 6, 8). Если же понуждаемся въ чемъ-либо больше этого, Тотъ, Кто даровалъ намъ несравненно большее, и *исполняетъ всякое животно благоволенія* (Пс. 144, 16), всеконечно подастъ и это намъ, вѣрующимъ и уповающимъ на Него. Только оставимъ все грѣховное и нечистое предъ Богомъ, какъ-то: тщеславіе, зависть, ненависть, вражду, лукавство, ропотъ, ложь, неправду, лихоимство, брань, поношенія, оклеветанія, пересуды, гордыню, человѣконенавидѣніе, злокозненность, и все другое, чему научилъ діаволъ человѣческій родъ. Ибо изъ-за всего этого и повелѣлъ намъ Богъ не любить міра, ни яже въ мірѣ. Не съ тѣмъ повелѣлъ Онъ это, чтобъ мы безъ разбора ненавидѣли творенія Божіи, но для того, чтобъ чрезъ это отсѣкали мы поводы ко грѣхамъ. Сего-то ради и возненавидимъ наконецъ міръ и все то, что ненавидитъ Богъ; потому что все это пагубно для души.

Блага міра сего суть препоны, кои не допускаютъ насъ возлюбить Бога и благоугодить Ему. Кто, любя славу и честь отъ людей, возможетъ имѣть себя меньшимъ всѣхъ и уничиженнѣйшимъ, быть нищъ духомъ и сокрушенъ сердцемъ, воздыхать и плакать о грѣхахъ своихъ? Кто можетъ, любя богатство, всякія вещи и стяжанія, быть милостивымъ и сострадательнымъ, а не жестокосердымъ и звѣрскимъ паче всякаго звѣря? Кто можетъ, будучи тщеславенъ и гордъ, быть свободенъ

отъ зависти и соперничества? И тому, кто преданъ плотскимъ страстямъ и валяется въ нечистыхъ удовольствіяхъ, возможно ли быть чисту сердцемъ, или узрѣть Бога, создавшаго его? Куда ему узрѣть Его?! Можно ли также быть миротворцемъ тому, кто отчуждилъ себя отъ Бога и не слушаетъ блаженнаго Павла, который говоритъ: *по Христѣ убо молимъ, яко Богу молящу нами по Христѣ, примиритеся съ Богомъ* (2 Кор. 5, 20). То-есть, вмѣсто Христа, Который былъ посломъ, посредникомъ Бога Отца къ людямъ, чтобъ они примирились съ Богомъ, мы Апостолы, принявшіе посольство и вмѣсто Христа ставшіе посредниками Бога Отца къ вамъ, вмѣсто Христа и Отца Его умоляемъ васъ: примиритеся съ Богомъ. Ибо всякій преступающій заповѣди Божіи есть противникъ Богу, воюющій противъ Него. А такой какъ можетъ быть миротворцемъ другихъ? Хотя бы и случилось ему примирить иныхъ между собою, не можетъ онъ устроить этого примиренія такъ, чтобъ оно благоугодно было Богу. Когда онъ врагъ самъ себѣ и Богу, можно усомниться, чтобъ тѣ, которые примиряются при посредствѣ его, также какъ и онъ не были врагами Богу. Кто врагъ кому-либо, тотъ не сумѣетъ другимъ посовѣтовать что либо угодное врагу своему, не сумѣетъ онъ научить ихъ творить волю врага своего, когда самъ состоитъ противникомъ воли сей.

Итакъ, братія мои возлюбленные, возненавидимъ міръ и яже въ мірѣ. Ибо какое общеніе намъ, христіанамъ, съ міромъ и съ тѣмъ, что въ мірѣ? Возлюбимъ же отъ всей души то, что любить повелѣваетъ намъ Богъ. Возлюбимъ нищету духовную, т.-е. смиреніе, возлюбимъ непрестанный деннонощный плачъ, отъ котораго ежечасно произраждается радость душевная и утѣшеніе изливается на тѣхъ, кои любятъ Бога. Отъ плача водворяется и кротость въ тѣхъ, кои подвизаются во истинѣ. Которые плачутъ, тѣ также алчутъ и жаждутъ правды и

всеусердно ищутъ царствія Божія, превосходящаго всякій умъ человѣческій. И не это только, но и то, что иной дѣлается милостивымъ и чистымъ въ сердцѣ, полнымъ мира и миротворцемъ, также мужественнымъ въ искушеніяхъ, бываетъ отъ непрестаннаго плача. Плачъ производитъ въ насъ ненависть и ко всякому злу. Имъ возжигается въ душѣ и божественная ревность, которая ни на минуту не даетъ человѣку покоя, но не допуская его склоняться на зло со злыми, устремляетъ на все доброе, исполняя вмѣстѣ съ тѣмъ душу мужествомъ и силою къ претерпѣнію всѣхъ искушеній и скорбей.

Потечемъ же, братіе, потечемъ со всѣмъ усердіемъ, пока достигнемъ нетлѣннаго и всегда пребывающаго блага, презрѣвъ блага міра сего, кои тлѣнны, преходятъ, какъ сонъ, и не имѣютъ въ себѣ ничего постояннаго и твердаго. Солнце и звѣзды, небо и земля, и все прейдетъ для тебя, и останешься ты, человѣкъ, одинъ съ дѣлами своими. Что изъ того, что видимъ мы въ мірѣ семъ, можетъ принесть намъ пользу въ часъ нужды смертной, тогда, какъ отходимъ мы отселѣ и переходимъ въ иную жизнь, оставляя міръ и все мірское здѣсь, что и само въ скоромъ времени прейдетъ и ктому не будетъ? Пусть оно не тотчасъ еще прейдетъ, но что пользы отъ того для насъ, когда, преселяясь инуды, оставляемъ все то здѣсь? Тѣло наше остается мертвымъ въ землѣ, и душа, изшедши изъ тѣла, не можетъ уже безъ него смотрѣть на здѣшнее, ни сама быть видима отъ кого. Тамъ умъ ея обращается только на то, что невидимо, никакого болѣе попеченія не имѣя о томъ, что въ мірѣ семъ. Она вся бываетъ тогда въ другой жизни, или для царства небеснаго и славы его, или для муки и огня геенскаго. Одно что-либо изъ этихъ двухъ пріемлетъ она отъ Бога въ вѣчное наслѣдіе, соотвѣтственно дѣламъ, какія надѣлала въ мірѣ семъ.

Бѣжимъ же отъ прелестей міра сего и его обманчивыхъ радостей и утѣшеній, и къ единому устремимся Христу, Спасителю душъ нашихъ. Его возревнуемъ постигнуть, и когда постигнемъ, припадемъ къ стопамъ Его и облобызаемъ ихъ со всею теплотою сердечною. Ей, умоляю васъ, восподвизаемся теперь, пока еще мы въ настоящей жизни, познать Его и узрѣть Его. Ибо если здѣсь сподобимся мы познать Его чувствомъ души своей; то не умремъ, смерть не возобладаетъ нами. Не будемъ дожидаться узрѣть Его въ будущей жизни, но здѣсь въ этомъ мірѣ поподвизаемся узрѣть Его. Св. Іоаннъ Богословъ говоритъ: *О семъ разумѣемъ, яко пребываетъ въ насъ, отъ Духа, Егоже далъ есть намъ* (1 Іоан. 3, 24). Итакъ, которые изъ васъ дѣломъ показали твердую и несомнѣнную въ Него вѣру, обдумайте хорошенько, что я сказалъ, и разобравши то со тщаніемъ, посмотрите, есть ли въ васъ Христосъ, чтобъ не обмануть самихъ себя, думая, что имѣете въ себѣ Христа, тогда какъ ничего не имѣете, и не отойти изъ сей жизни пустыми, не имѣя Христа, и не услышать оный страшный гласъ Господа: возьмите, что мнится имѣти сей лукавый, и отдайте имѣющему большее. Тогда восплачете и возрыдаете, и скорбѣть станете безполезно безконечные вѣки. Но да не будетъ сего съ нами, паче же да содѣлаемся достойными узрѣть Господа въ сей жизни, и когда умирать будемъ, имѣть Его въ себѣ, чтобы съ Нимъ пребывать въ другой жизни и радоваться съ Нимъ въ царствіи Его. Аминь.

СЛОВО ЧЕТВЕРТОЕ.

1) О томъ, что смерть души есть удаленіе изъ ней Духа Святаго, жало же смерти сей—грѣхъ; и что смерть и тлѣніе тѣла есть уподобленіе смерти и растлѣнію души.

2) И о томъ, какіе признаки мертвости и живости души?

3) О томъ, какимъ образомъ бываетъ отъятіе тлѣнія и смерти; и о томъ, что смерть нынѣ не истреблена, а попрана и сдѣлана ничтожною.

4) О томъ, какъ послѣ смерти прославляются тѣлеса почившихъ святыхъ; также о воскресеніи и праведномъ судѣ Божіемъ.

1. Какъ тѣло умираетъ, когда отдѣляется отъ него душа, такъ и когда отъ души отдѣляется Духъ Святый, душа умираетъ. Жало смерти сей есть грѣхъ, потому что смерть и тлѣніе суть порожденія грѣха. Душа чрезъ грѣхъ умерла для вѣчной жизни, отдѣлившись отъ Духа Святаго и отъ царства Его. Видишь ли, какую имѣетъ связь душа съ тѣломъ, что тѣлу невозможно жить безъ души? И опять, какъ душа удаляется и оставляетъ тѣло, съ которымъ была вмѣстѣ, и посредствомъ котораго обнаруживала свою силу и дѣятельность? Видя сіе, помысли, что подобнымъ образомъ и первозданный человѣкъ былъ соединенъ со Святымъ Духомъ Содѣтеля всяческихъ Бога; но будучи прельщенъ лукавымъ діаволомъ и злоупотребивъ даннымъ ему отъ Бога самовластіемъ, сдѣлался преступникомъ заповѣди Божіей, и тотчасъ лишился благодати Святаго Духа, коею былъ осѣняемъ. Вслѣдствіе сего душа замерла, а потомъ умерло и тѣло; и такимъ образомъ произошла смерь тѣлесная, чтобы по смерти тѣла, которую видимъ, мы домышлялись о смерти души, которой не видимъ: ибо смерть и тлѣніе тѣла есть уподобленіе смерти и растлѣнію души.

Впрочемъ иное есть естество тѣла, и иное естество души. Естество души мысленно, а естество тѣла чувственно. И еще, — тѣло прежде растлилось и потомъ умерло, потому что выпила изъ него душа—что и есть

смерть тѣла; но съ душею не такъ было: она прежде умерла, потому что отошла отъ нея божественная благодать, и потомъ растлилась. Растлѣніе души есть уклоненіе на распутія отъ прямаго и праваго мудрованія—именно то, что растлилось правое мудрованіе и стало развращеннымъ, воспохотствовавъ всего злаго. Ибо когда правые помыслы развращаются, тотчасъ какъ тернія и волцы прорастаютъ въ душѣ сѣмена зла. Такимъ-то образомъ какъ въ мертвомъ тѣлѣ распложаются черви, такъ въ душѣ оной, лишившейся божественной благодати, будто черви расплодились—зависть, лукавство, ложь, ненависть, вражда, брань, злопамятство, клевета, гнѣвъ, ярость, печаль, месть, гордыня, спѣсь, тщеславіе, немилостивость, лихоимство, хищеніе, неправда, неразумная похоть, шепотничество, пересуды, завистованія, спорливость, поношенія, осмѣянія, славолюбіе, клятвопреступничество, клятьбы, Богозабвеніе, дерзость, безстыдство, и всякое другое зло, Богу ненавистное; такъ что человѣкъ пересталъ уже быть по образу и подобію Божію, какъ созданъ въ началѣ, а началъ быть по образу и подобію діавола, отъ котораго всякое зло.

2. Какъ душа, разумная и мысленная сила, сочетаваетъ во едино тѣло, состоящее изъ многихъ частей, какъ-то: плоти, костей, нервовъ, жилъ, кожи и прочаго, что все дивно связуетъ она собственною силою и содержитъ добрѣ въ полной гармоніи, такъ что онѣ одна другой помогаютъ, и одна другую поддерживаютъ, связуемы будучи одною душею, а когда душа выходитъ изъ тѣла, тогда всѣ эти части тѣла, теряя связь, распадаются и подвергаются истлѣнію: такъ и благодать Святаго Духа сочетоваетъ душу саму съ собою божественною своею силою и животворитъ ее, какъ бы душа души, многія и разныя помышленія ея и пожеланія сводя къ единой волѣ Божіей, въ чемъ и состоитъ истинная ея жизнь; а когда благодать Святаго Духа отдѣляет-

ся отъ души, тогда всѣ ея помышленія и пожеланія разливаются и растлѣваются. Итакъ, если возможно, чтобы какое-нибудь тѣло человѣка безъ души стояло въ гармоніи и своемъ чинѣ; то возможно, чтобъ и душа человѣка стояла, какъ должно, въ своемъ чинѣ, съ отличительными чертами разумности, безъ благодати Святаго Духа. Но то невозможно, а это еще невозможнѣе. Напротивъ, какъ человѣкъ, души не имѣющій, мертвъ въ порядкѣ міра сего, такъ и тотъ, кто не имѣетъ благодати Св. Духа, мертвъ въ порядкѣ Божіемъ; и никакъ невозможно, чтобы онъ имѣлъ жительство на небесахъ, потому что всякій мертвый (въ какомъ-либо порядкѣ) бездѣйственъ (безжизненъ) въ немъ. Потому-то необходимо всякому человѣку, вѣрующему во Христа, креститься, чтобъ быть Духомъ Святымъ возсоздану и обновлену, и стать новою тварію. Кто же не родится свыше, тотъ, какъ говоритъ Господь, не можетъ внити въ царствіе Божіе, и даже увидѣть его; а кто видѣть его не можетъ, для того еще невозможнѣе получить его.

Входъ въ царствіе Божіе дается не за одни добрыя дѣла, но и за вѣру. Узрѣніе его бываетъ чрезъ рожденіе свыше, а полученіе его—чрезъ добрыя дѣла, совершаемыя силою вѣры. Посему кто вѣруетъ и крестится водою и Духомъ, входитъ въ царствіе Божіе, яко рожденный (въ него и для него). И опять, кто родился свыше, зритъ царствіе Божіе, и тогда уже, какъ включенный въ число воиновъ и учениковъ (сыновъ) царствія Божія, получаетъ его за добрыя дѣла, имъ творимыя, каковыхъ никто не можетъ творить прежде, чѣмъ сдѣлается онъ воиномъ царствія Божія. Ибо человѣческое естество наше какъ на свѣтъ міра сего выходитъ причастнымъ клятвѣ Адамовой, такъ на свѣтъ царства Божія выходитъ (изъ купѣли) причастнымъ благословенія Іисусъ-Христова. И если оно не сдѣлается общницею боже-

скаго естества Христова, если не приметъ благодати Святаго Духа, не можетъ ни подумать, ни сдѣлать что-либо достойное царствія Божія, не можетъ исполнить ни одной заповѣди, заповѣданной намъ Христомъ (чтобы быть сынами царствія); потому что Христосъ есть дѣйствуяй вся во всѣхъ призывающихъ святое имя Его. Сего-то ради Богъ человѣкъ бысть да снидетъ въ Него, яко въ Бога, Богъ Духъ Святый, и да пребудетъ въ Томъ, отъ Коего не отлучался, дабы потомъ чрезъ общеніе и соединеніе съ Нимъ Божество соединялось съ каждымъ человѣкомъ, общающимся съ Нимъ, и сочетавающимъ во едино, т.-е. въ волю Божію, всѣ помышленія и желанія свои. Это и есть воскресеніе души въ сей жизни. Ибо чрезъ общеніе, воспріятіе и причастіе Богочеловѣка Іисуса душа опять оживляется и воспріемлетъ первоначальное свое нетлѣніе силою и благодатію Святаго Духа, пріемлемаго чрезъ общеніе со Іисусомъ, и проявляетъ признаки новой, полученной ею жизни тѣмъ, что начинаетъ служить Богу въ преподобіи и правдѣ предъ очами Его, а не людей, какъ говоритъ Апостолъ Павелъ: *кольми паче кровь Іисусова... очиститъ совѣсть нашу отъ мертвыхъ дѣлъ, во еже служити намъ Богу живу и истину* (Евр. 9, 14). Какъ, когда живо тѣло, явны бываютъ въ немъ дѣйствія души; такъ, когда жива душа, явны бываютъ въ ней дѣйствія Святаго Духа, какъ-то: благость, вѣра, кротость, воздержаніе. Душа, чрезъ вѣру пріявшая мысленную оную силу Святаго Духа, (которой лишился Адамъ чрезъ преступленіе заповѣди и влѣдствіе того подвергся уклоненію на распутія отъ правыхъ помысловъ, до невозможности право понимать что-либо), видитъ и разумѣетъ, что добродѣтель собственно не что иное есть, какъ исполненіе воли Божіей, какъ и всѣ любители истинной мудрости, учители и проповѣдники пришествія Христова и вѣры въ

Него, говорятъ, что добродѣтель собственно есть то, чтобъ всякій человѣкъ, вѣрующій во Христа, творилъ только волю Божію, а въ отношеніи къ благамъ настоящей жизни былъ какъ мертвый; такъ чтобы только въ дѣлахъ по исполненію велѣній Божіихъ и познаваемъ онъ былъ живымъ, и въ этомъ только кругу обнаруживалъ движеніе и энергію. Это и есть признакъ, что душа жива.

3. А послѣ, по воскресеніи, и тѣло воспріиметъ нетлѣніе, которое душѣ Богъ даровалъ теперь, оживотворивъ ее въ настоящей жизни. Такимъ образомъ по безпредѣльной милости Божіей открывается нѣкое великое изумительное домостроительство Божіе: душа воскрешаема бываетъ въ настоящей жизни, а тѣло умираетъ, и приговоръ Божій: *земля еси и въ землю пойдеши,* не отмѣняется; въ общее же воскресеніе воскрешено будетъ и тѣло и воспріиметъ также нетлѣніе. Смерть не отмѣнена и не оставлена бездѣйственной въ настоящей жизни, а только попрана и бываетъ презираема; потому что еслибъ она теперь же была отмѣнена, то люди не умирали бы болѣе.

Поелику христіане послѣ креста и воскресенія Христова удостовѣрены, что умирая преходятъ отъ смерти въ животъ и въ радость сопребыванія со Христомъ; то вожделѣваютъ паче смерти. Ибо если Духъ Христовъ есть жизнь души, то какая польза получившему Его жить въ этомъ мірѣ, и чрезъ то устраняему быть отъ той радости, которая подается сопребываніемъ со Христомъ? Счастливы тѣ, которые, увѣровавъ во Христа, умерли тотчасъ, какъ окрещены; потому что умерли облекшись во Христа и попили въ другую жизнь, нося оное царское одѣяніе Божества Христова. Но болѣе счастливы и блаженны тѣ, которые пожили здѣсь послѣ святаго крещенія, и будучи облечены въ оное цар-

ское одѣяніе, какъ во всеоружіе Божіе, вступили въ брань съ врагомъ нашимъ діаволомъ и въ конецъ побѣдили его со всѣми его кознями и злоухищреніями, благодаря за эту побѣду бывшаго съ ними Христа и даровавшаго имъ ее,—и уже потомъ, послѣ сей побѣды, умерли; потому что пожили, подвизаясь во славу Христа, Который возлагаетъ сей добрый подвигъ на всякаго вѣрующаго въ Него. То и слава Христова, чтобы христіане, воюя съ демонами, не были побѣждаемы (а побѣждали), имѣя съ собою непобѣдимаго Христа. Ибо въ каждомъ христіанинѣ Христосъ есть воюяй и побѣждаяй, и Онъ же есть призываяй Бога, и моляйся, и благодаряй, и благоговѣинствуяй, и ищай съ моленіемъ и смиреніемъ,— все это дѣйствуетъ Христосъ, радуясь и веселясь, когда видитъ, что въ каждомъ христіанинѣ есть и пребываетъ то убѣжденіе, въ коемъ удостовѣрительно исповѣдуютъ они, что Христосъ есть дѣйствуяй все сіе. Почему всякому христіанину относительно всѣхъ добрыхъ дѣлъ, какія дѣлаетъ, надлежитъ исповѣдать, что ихъ совершаетъ Христосъ, а не онъ; кто же не такъ помышляетъ объ этомъ, тотъ всуе есть христіанинъ.

Люди для того раждаются въ міръ сей, чтобы прославлять и благодарить Бога, зная, что всякое добро отъ Него. И опять по трудѣ и подвигѣ, подъятыхъ въ семъ мѣстѣ озлобленія, на которое родились, умираютъ по опредѣленію Божію, чтобъ упокоиться отъ трудовъ съ надеждою, что нѣкогда имѣютъ воскреснуть и жить жизнію непрестающею, безъ всякой печали и лишеній. Ибо хотя Христосъ, съ ними всегда сущій, есть трудяйся въ нихъ, но и они, при всей немощи своей, большой подъемлютъ трудъ, чтобъ только удержать съ собою Христа. Потому что всѣ хитрости и всѣ козни діавола обращены на то, чтобъ соблазнить ихъ отторг-

нуться отъ рукъ Христа, и въ самопрельщеніи расположить ихъ говорить или хотя думать, что это-де мы сами по себѣ и своимъ поспѣшествомъ породили такое и такое благое помышленіе, или сказали такое и такое разумное слово, или сдѣлали такое и такое доброе дѣло, хотя бы то и самое незначительное. И вотъ противъ этого-то великій у христіанъ постоянно обращается подвигъ!

Всякой богобоязненной душѣ два великіе предлежатъ подвига: первый, — чтобы получить благодать Святаго Духа, потому что и возможности нѣтъ вступить кому-либо на путь спасенія и тѣмъ паче шествовать по нему, если не получитъ онъ напередъ таинственной благодати Всесвятаго Духа; второй, болѣе тяжкой, — чтобъ, не лишиться сей благодати, получаемой со многими потами и трудами. Это лишеніе благодати случается по слѣдующей причинѣ. Послѣ того, какъ благодать Божія долгое уже время пребываетъ въ душѣ, спествуя ей путемъ спасенія, поднимается противъ нея сильная и тягчайшая брань, подобная той, какую изображаетъ пророкъ Давидъ, взывая къ Богу: *Господи, чтося умножиша стужающіи ми? Мнози востаютъ на мя, мнози глаголютъ души моей: нѣсть спасенія тебѣ въ Бозѣ твоемъ* (Пс. 3), т.-е. что спасеніе твое совершается не силою Бога твоего, но твоею мудростію и твоею собственною силою. Если согласится душа на такое внушеніе, благодать отходитъ отъ нея. Но если она, отвергнувъ такое внушеніе, начнетъ съ Давидомъ взывать къ Богу: Ты, Господи, заступникъ мой и помощникъ, Ты—слава моя, и возносяй главу мою, Ты божественною благодатію Твоею совершаешь во мнѣ спасеніе мое, а не я,— благодать Божія пребудетъ съ нею. И этотъ-то второй подвигъ, послѣ перваго, въ коемъ получается благодать Св. Духа, великій подвигъ, чтобъ не лишиться Бо-

жіей благодати, полученной уже, предлежитъ душѣ до послѣдняго нашего издыханія. Она, вмѣстѣ съ блаженнымъ Апостоломъ Павломъ, много потрудившимся, должна велегласно въ слухъ Ангеловъ и человѣковъ взывать: *не азъ, но благодать Божія, яже со мною* (1 Кор. 15, 10),—я не сдѣлала никакого добра сама отъ себя, но благодать Божія, которая со мною. Потому что и апостолы, и пророки, и мученики, и іерархи, и преподобные, и праведные,—всѣ исповѣдали такую благодать Св. Духа, и ради такого ея исповѣданія, съ помощію ея, подвизались добрымъ подвигомъ и теченіе свое совершили. Это и была та вѣра, которую они соблюли, т.-е. они вѣровали, что побѣдительницею великихъ многочастныхъ и многообразныхъ затрудненій, какія они встрѣчали въ жизни, при такой немощи человѣческаго естества, какую они въ себѣ видѣли, была благодать Божія, которую они имѣли всегда присущею въ себѣ. Увѣровавъ — въ началѣ, что это такъ есть и должно быть, они испытали сіе потомъ на дѣлѣ и познали добрѣ; познавъ, возблагодарили Бога, такъ устроившаго; возблагодаривъ, исповѣдали; исповѣдавъ, увѣнчались; увѣнчавшись, прославились, имѣя въ себѣ знаменія обоженія, поколику содѣлались причастниками Божескаго естества, и чрезъ то богами по благодати, которые, яко боги, имѣютъ всегда пребывать съ Богомъ въ будущей жизни.

Люди для того и раждаются на свѣтъ, чтобы прославлять Бога, такъ какъ они суть мыслящія и разумныя существа. Они одни изъ всѣхъ видимыхъ тварей могутъ познавать, величать и благодарить Творца Бога. Разсматривая тварь, они дивятся Творцу, и познавъ Его величіе, недомыслимое и безпредѣльное, покланяются Ему, чтутъ Его и благоговѣинствуютъ предъ Нимъ; а при этомъ стараются жить во истинѣ и правотѣ, какъ бла-

гоугодно Богу, представляя боговѣдѣніе истиннымъ свидѣтелемъ богоугодной жизни и благочестія, и наоборотъ, богоугодную жизнь и благочестіе свидѣтелями боговѣдѣнія. Ибо кто имѣетъ боговѣдѣніе и знаетъ Бога, тотъ безъ сомнѣнія и почитаетъ Его, и служитъ Ему, т.-е. вѣруетъ и покланяется Ему, яко Богу, и живетъ богоугодно; *всякій же человѣкъ согрѣшаяй не видѣ Бога, ни позна Его,* какъ говоритъ Іоаннъ Богословъ (1 Іоан. 3, 6). И такъ есть воистину. Ибо кто знаетъ Бога, естественно и почитаетъ Его и благоговѣинствуетъ предъ Нимъ; а кто благоговѣинствуетъ предъ Нимъ и боится Его, тотъ можетъ ли забыться до того, чтобъ позволить себѣ сдѣлать что-либо неугодное Богу, когда знаетъ, что Богъ вездѣ есть и все видитъ? Да увѣрится же всякій человѣкъ грѣшащій, что онъ *ни видѣ и не позна* Бога, и что если онъ умретъ въ этой тьмѣ и въ этомъ невѣдѣніи, то воскреснетъ потомъ не для чего другаго, какъ для вѣчнаго мученія, вѣчнаго потому, что тамъ не будетъ болѣе смерти, чтобъ пресѣчь это мученіе. Тотъ же, кто увидѣлъ и позналъ Бога, и чрезъ то не позволяетъ себѣ легкомысленно и безстрашно вдаваться въ грѣхъ и тѣмъ показываетъ, что онъ не только боится, но и любитъ Бога, такой человѣкъ, если проведши всю жизнь богоугодно, прейдетъ въ другую съ надеждою и чаяніемъ воскресенія мертвыхъ, воскреснетъ къ радости неизглаголанной, для которой одной и раждаются, и умираютъ люди. Рожденные для такой радости, если презрятъ ее и проведутъ жизнь во тьмѣ и невѣдѣніи Бога, по воскресеніи будутъ претерпѣвать двоякое мученіе, и то поминая, что были рождены для неизглаголанной радости, и то, что презрѣли ее по легкомыслію и потеряли по своей винѣ.

Посему всякій человѣкъ, рожденный въ міръ сей, тѣмъ паче христіанинъ, пусть не думаетъ, будто родился для

того, чтобъ наслаждаться симъ міромъ и вкушать его радости, потому что еслибъ этотъ былъ конецъ и эта цѣль его рожденія, то онъ не умиралъ бы. Но пусть содержитъ въ мысли, что родился онъ, вопервыхъ для того, чтобъ быть (начать существовать) изъ не-сущаго, какимъ былъ; вовторыхъ для того, чтобъ подобно постепенному возрастанію тѣлесному возрастать мало-помалу и возрастомъ духовнымъ, и добрымъ подвигомъ восходить въ то священное и боголѣпное состояніе, о которомъ говоритъ блаженный Павелъ: *дондеже достигнемъ вси... въ мужа совершенна, въ мѣру возраста исполненія Христова* (Ефес. 4, 13); въ третьихъ для того, чтобъ сдѣлаться достойнымъ обитать въ небесныхъ селеніяхъ и быть вчинену въ сонмъ святыхъ Ангеловъ, и пѣть съ ними побѣдную пѣснь Пресвятой Троицѣ, Которая какъ одна даетъ ему бытіе, одна же благодатію Своею даруетъ и благобытіе, т.-е. то показанное священное боголѣпное состояніе.

При всемъ томъ однакожъ люди не только не направляютъ дѣлъ своихъ къ той одной цѣли, для которой родились людьми, т.-е. чтобъ, достигнувъ мѣры возраста исполненія Христова, содѣлаться богами по благодати, а напротивъ дѣлаютъ все противное тому, и дѣлаютъ съ большимъ усердіемъ, всякими способами предаваясь грѣхамъ, чтобъ въ концѣ всего ввереннымъ быть въ вѣчное мученіе, для котораго мы не раждаемся въ міръ сей. Ибо вѣчный огнь адскій уготованъ діаволу и прочимъ демонамъ, а мы раждаемся для того, чтобъ обрѣстись достойными Бога, когда умремъ. Достоинъ же Бога вотъ кто: правый, истинный, кроткій, благій, сострадательный, милостивый, щедрый, добрый, долготерпѣливый, незлобивый, человѣколюбивый. Но такимъ ни одинъ человѣкъ не можетъ быть, если не содѣлается причастнымъ благодати Божіей по вѣрѣ во Христа; такъ что, если кто не та-

ковъ, то явно, что онъ или не вѣруетъ во Христа, или кажется только вѣрующимъ, будучи невѣромъ въ самомъ дѣлѣ. Ибо кто истинно вѣруетъ во Христа, тотъ или уже сдѣлался таковымъ, какъ мы сказали, или всякимъ образомъ подвизается быть таковымъ, помощію благодати Божіей, безъ коей никто не можетъ не только быть святымъ, но и взыскать того.

4. Душа, сподобившаяся стать причастницею божественной благодати, будучи сама освящена, по естественному послѣдствію, освящаетъ и все тѣло свое; потому что союзя и содержа тѣло, она находится во всѣхъ членахъ его; почему и благодать Св. Духа, какъ усвояетъ себѣ душу, такъ усвояетъ и тѣло ея. Впрочемъ пока душа находится въ тѣлѣ, Всесвятый Духъ не проявляетъ въ этомъ тѣлѣ всей славы своей; потому что настоитъ необходимость, чтобъ душа до конца жизни показывала сама доброе произволеніе свое, т.-е. послѣдуетъ ли она, какъ должно, благодати Св. Духа. Но когда придетъ конецъ и душа отдѣлится отъ тѣла, тогда, поелику конченъ уже подвигъ (состязаніе, какъ на ристалищахъ), и душа, одержавъ побѣду, исходитъ изъ тѣла въ вѣнцѣ нетлѣнія, какъ добрѣ совершившая подвигъ свой, тогда, говорю, благодать Св. Духа и въ тѣлѣ души сей проявляетъ свою освящающую силу, отъ чего кости голыя и цѣлыя мощи Святыхъ источаютъ исцѣленія и врачуютъ всякія болѣзни. Когда душа отдѣлится отъ тѣла со смертію его, тогда она одна, безъ участія въ семъ тѣла, начинаетъ пребывать со всѣмъ Божествомъ, т.-е. съ божественною благодатію, и сама бываетъ богъ по благодати; тѣло же остается одно безъ души только съ Божествомъ и проявляетъ для людей божественную силу въ чудесахъ (не чрезъ душу, а прямо отъ Божества). Тогда ни душа въ дѣйствіяхъ своихъ не можетъ встрѣчать препятствій отъ связности тѣломъ, будучи отдѣлена

отъ него, ни тѣло изъ-за души не бременится уже лишеніями въ удовлетвореніи своихъ потребностей, т.-е. ни алчбою, ни жаждою, ни чѣмъ другимъ подобнымъ. Но поелику оба они, и душа, и тѣло, освободились отъ всякой нужды и всякаго искушенія, какимъ подвергались по причинѣ взаимнаго союза, то и божественная благодать, какъ въ той, такъ и въ другомъ дѣйствуетъ безъ всякаго препятствія, такъ, какъ бы всецѣло Божіими стали и душа и тѣло, бывъ усвоены Божествомъ ради богоугоднаго житія, какое провели они въ мірѣ, когда находились обѣ вмѣстѣ.

Во время же всеобщаго воскресенія и тѣло приметъ нетлѣніе, какое даровалъ уже Богъ освященной душѣ. Ибо, по слову св. Григорія Богослова, какъ въ этомъ мірѣ душа была участницею въ тяготахъ и прискорбностяхъ тѣла, по причинѣ тѣснаго ихъ союза, такъ и тогда тѣлу передано будетъ отъ души обрадовательное состояніе, которымъ она обладаетъ. Тогда душа поглотитъ собою все тѣло и будетъ едино съ нимъ, и духъ, и умъ, и богъ по благодати, и все тлѣнное и смертное тогда пожерто будетъ животомъ. Ибо какъ въ Адамѣ плоть завладѣна была тлѣніемъ по причинѣ грѣха, а изъ-за плоти и душа сдѣлалась нѣкоторымъ образомъ земною въ своихъ дѣйствіяхъ, и предавшись всецѣло земному погрузилась въ такое богоневѣдѣніе, что иные не знали даже, есть ли Богъ: такъ наоборотъ во время воскресенія имѣетъ быть все противоположное сему, силою Св. Духа, по благодати Бога воплощеннаго; тогда плоть поглотится душею силою Св. Духа, душею, которая пребывала уже поглощенною Богомъ, истиннымъ животомъ, такъ, какъ бы вся душа имѣла всего Бога и во всемъ явенъ былъ уже только Онъ одинъ. Просто скажу, боголѣпная благодать воскресенія покажетъ тогда, т. е. въ будущемъ вѣкѣ, все наше противоположнымъ настоя-

щему, противоположнымъ тому состоянію, въ коемъ находимся и въ коемъ жительствуемъ въ настоящей жизни; и какъ въ настоящей жизни смерть по причинѣ грѣха взяла силу и власть и все поглощаетъ, такъ въ будущей она праведно изнеможетъ и будетъ сама поглощена благодатію. Смерть, попранная теперь и посрамленная воскресеніемъ Христовымъ, тогда, послѣ всеобщаго воскресенія, совсѣмъ будетъ упразднена, какъ говоритъ божественный Павелъ: *послѣдній врагъ испразднится смерть* (1 Кор. 15, 26). Теперь, въ настоящей жизни, смерть въ своемъ находится времени, и есть (для всѣхъ) наказаніе за первое Адамово преступленіе (для грѣшниковъ), пресѣченіе грѣшности (для праведниковъ), упокоеніе отъ священныхъ подвиговъ; но въ будущей жизни, какъ упразднится жизнь міра сего, такъ и смерть престанетъ наконецъ и будетъ упразднена; тогда, какъ раждаться не будутъ люди и жить по образу настоящей жизни, такъ и умирать не будутъ, какъ теперь, и смерть упразднится. Но будетъ тогда другая жизнь неизреченная, и другая смерть, тягчайшая и горчайшая теперешней, т.-е. вѣчное мученіе. Ибо которые не содѣлаются здѣсь причастными Христу, или обезчестятъ сіе причастіе Христу противною тому жизнію, т.-е. не поживутъ по Христу, всѣ такіе находятся въ опасности подвергнуться тамъ неотмѣнимой уже карѣ тягчайшей смерти. Въ этомъ мірѣ Богъ (воплотившись) пришелъ уничтожить приговоръ смерти, которая была легчайшимъ наказаніемъ; но тамъ, въ другой жизни, гдѣ не будетъ болѣе настоящей смерти (которая бываетъ великимъ нѣкіимъ утѣшеніемъ для тѣхъ, кои находятся подъ мучительнымъ гнетомъ, потому что умерши они освобождаются отъ него), тамъ какое другое можетъ быть уврачеваніе (отъ смерти второй, которая будетъ смерть безъ прекращенія жизни)? Съ другой стороны, въ этомъ мірѣ, отъ Адама до Христа

Господа не было ни одного человѣка полно спасеннаго (а только въ надеждѣ), потому что всѣ были причастны прародительскому грѣху (искупленіе отъ коего еще только ожидалось). А нынѣ, по совершеніи воплощеннаго домостроительства Господа нашего, многіе бываютъ сообразными Христу (истинно спасенными). Потому тѣмъ, которые будутъ осуждены въ другой жизни, не останется уже никакого утѣшенія и никакой надежды спасенія, потому что могли и они, подобно тѣмъ, быть сообразными Христу, и не восхотѣли. Такъ и для ангеловъ падшихъ и сдѣлавшихся демонами нѣтъ милости, потому что, когда большая часть ангеловъ, соблюдши волю Божію, пребыли въ чинѣ своемъ, могли и они соблюсти ее, но не восхотѣли.

О, когда бы и намъ содѣлаться сообразными со Христомъ, да сподобимся получить жизнь вѣчную во Христѣ Іисусѣ Господѣ нашемъ. Коему слава, честь и поклоненіе со Отцемъ и Святымъ Духомъ во вѣки. Аминь.

СЛОВО ПЯТОЕ.

1. Что есть самовластіе, которое даровалъ Богъ человѣку въ началѣ?
2. И послѣ паденія, что осталось въ человѣкѣ отъ сего самовластія?

1. Видимъ, что человѣкъ, чрезъ преступленіе заповѣди Божіей сдѣлавшись тлѣннымъ и смертнымъ, естественно алчетъ, жаждетъ, хочетъ спать, утомляется, чувствуетъ холодъ и зной; потому невольно ѣстъ, пьетъ, спитъ, отдыхаетъ, одѣвается и раздѣвается, хотя бы и не хотѣлъ того, и ни одного нѣтъ человѣка, который бы могъ вытерпливать алчбу и жажду и прочее исчисленное предъ симъ, развѣ только съ великимъ самопринужденіемъ и самостѣсненіемъ. Такъ и чувство потребностей сихъ бываетъ у человѣка и удовлетвореніе ихъ совершается имъ

не по волѣ его, естественно. Бываетъ и здѣсь нѣчто по волѣ, но не многократно и не надолго. Святые Божіи, по волѣ своей, нудили естество свое и лишеніями смиряли тѣло, постясь, бодрствуя, подвергаясь холоду и зною и утомляя себя самоохотно; но ихъ укрѣпляла благодать Божія, и они сильны были справлять это. Итакъ, если все это бываетъ невольно съ человѣкомъ, какъ дѣло естества, то въ чемъ же усматривается самовластіе человѣка? Ни въ чемъ другомъ не усматривается сіе самовластіе, какъ въ томъ, чтобы имѣть умъ свой всегда возвышаемымъ и прилѣпляемымъ къ единому Господу Богу, Спасителю нашему многомилостивому.

Если самовластіе усматривается въ томъ, что во власти нашей, то, само собою, въ чемъ нѣтъ власти нашей, въ томъ не усматривается и самовластіе. Но воля и хотѣніе предводительствуется самовластіемъ сколько въ отношеніи къ тому, что во власти нашей, столько же и въ отношеніи къ тому, что не въ нашей власти. Только въ отношеніи къ тому, что во власти нашей, для успѣха къ хотѣнію прилагается трудъ; потому что въ настоящей жизни ничто изъ того, что въ нашей власти, не можетъ быть совершаемо безъ труда; и въ отношеніи къ тому, что не въ нашей власти, воля ограничивается однимъ пожеланіемъ, а трудъ тщетенъ. (Можно пожелать не спать, но какъ ни трудись, не выдержишь безсонія).

Итакъ, поелику я самовластенъ и хочу потому быть и свободнымъ, то самовластно ли поработился я онымъ страстямъ, коими побѣждаемъ есмь и преодолѣваемъ, будто по волѣ своей, или я поработился имъ не самовластно, а по нѣкоей необходимости и насилію?

Страстей два рода: страсти естественныя (тѣлесныя) и душевныя. Естественныя страсти непреложны, и человѣкъ порабощенъ имъ по естественной необходимости, не самоохотно. Такъ ѣмъ, потому что естественно алчу;

пью, потому что жажду; ложусь спать, потому что дремота клонитъ; одѣваюсь, потому что мнѣ холодно; раздѣваюсь, потому что мнѣ жарко, и прочее. Дѣлать или не дѣлать такъ не зависитъ отъ самовластія. Ибо еслибъ это зависѣло отъ самовластія, то, когда бы я долгое время не удовлетворялъ сихъ потребностей, пребывая безъ пищи и питія, безъ сна и прочаго, не испытывалъ бы въ тѣлѣ своемъ истощенія и разстройства. Но поелику испытываю это, то и удовлетворяю имъ, хотя бы и не хотѣлось.

Итакъ эта часть не въ рукахъ самовластія; но не въ рукахъ ли самовластія душевныя страсти? Главнѣйшія между всѣми страстями душевными страсти суть гнѣвъ и похоть. Если я, находясь въ гнѣвѣ неразумномъ и въ похоти несмысленной, желаю побѣдить гнѣвъ и похоть, а между тѣмъ почти всегда бываю побѣждаемъ ими, то, очевидно, я порабощенъ имъ. Но если и не всегда и не въ конецъ бываю побѣждаемъ ими, но все же побѣждаемъ иной разъ; то поелику побѣждаемъ бываю, все же, значитъ, я порабощенъ имъ. Тотъ же, кто порабощенъ неразумному гнѣву и похоти несмысленной, какъ можетъ сказать, что онъ самовластенъ?

Если же кто скажетъ, что какъ случается съ каждымъ человѣкомъ, что онъ упадетъ и встанетъ, такъ бываетъ и со мною въ отношеніи къ страстямъ: иногда я бываю побѣждаемъ этими страстями, а иногда побѣждаю ихъ; изъ чего слѣдуетъ заключить, что иногда я бываю въ рабствѣ у нихъ, а иногда свободенъ отъ этого рабства; о, какой стыдъ тому, кто говоритъ, что самовластенъ, и хвалится тѣмъ, и въ то же время безъ стыда признается: нынѣ предаю себя въ рабство страсти, а завтра явлю себя свободнымъ отъ нея, и это страждетъ онъ всю свою жизнь, такъ что таковой есть рабо-свободь, т.-е. и свободный и рабъ!

Итакъ что же сказать намъ о самовластіи? То, что человѣкъ былъ самовластенъ тогда, когда былъ свободенъ отъ грѣха; какъ же скоро предалъ онъ свободу свою, то вмѣстѣ съ свободою потерялъ и самовластіе, и сталъ рабомъ грѣха. Но кто рабъ, тотъ уже не самовластенъ: пусть онъ былъ свободенъ, но какъ только поработился, сталъ рабъ. Богъ никого не создалъ рабомъ, а всѣхъ свободными. Только въ отношеніи къ Себѣ Онъ сотворилъ ихъ рабами, поколику даровалъ имъ и самое бытіе; но и то, чтобы былъ кто рабомъ Ему, не хочетъ Онъ, чтобъ былъ по принужденію и насилію, а произвольно: подобно тому, какъ иной бѣдный и ничего неимущій, когда удостоится сдѣлаться царскимъ служителемъ, радуется и веселится, что именуется и есть рабъ царя,—такъ и Богъ хочетъ, чтобъ человѣкъ былъ рабомъ Его по своей волѣ, и радовался и въ великую славу и честь вмѣнялъ именоваться и быть рабомъ Божіимъ.

2. Рабъ, какъ только узнаетъ о комъ, что онъ можетъ его освободить, всеконечно прибѣгнетъ къ нему, припадетъ къ стопамъ его, и со слезами начнетъ умолять и всячески убѣждать его, чтобъ взнесъ за него цѣну его и освободилъ его. И очевидно, что у раба отъ прежняго его самовластія ничего не осталось, кромѣ одного желанія и исканія свободы. Но и это станетъ онъ дѣлать тогда лишь, когда тяготится слишкомъ игомъ рабства; если же случится ему въ рабствѣ имѣть покой и не встрѣчать тяготы, то онъ и свободы не захочетъ.

Приложимъ это къ нашему слову. Господь говоритъ въ святомъ Евангеліи: *аще вы пребудете во словеси Моемъ.., уразумѣете истину и истина свободитъ вы* (Іоан. 8, 32). Три предмета усматривается въ словѣ Господа: пребываніе въ словѣ Его, познаніе истины и освобожденіе истиною, а не самовластіемъ. Вотъ освобожденіе; гдѣ же рабъ? Вслѣдъ за приведенными словами

говоритъ еще Господь: *всякъ творяй грѣхъ, рабъ есть грѣха* (—34). Вотъ и рабъ, настоящій рабъ, не имѣющій самовластія, какъ мы сказали о рабѣ. Нѣсколько ниже опять говоритъ Господь: *аще убо Сынъ вы свободитъ, воистину свободни будете* (—36).

Поелику Богъ истиненъ есть и неложны уста Его, изрекшія сіе, то кто посмѣетъ утверждать, что рабъ грѣха самовластенъ, когда каждый рабъ, пока пребываетъ въ рабствѣ, не имѣетъ никакого самовластія? Это сказалъ Господь намъ; а Павелъ Апостолъ веліимъ гласомъ на всю вселенную вопіетъ: *окаяненъ азъ, кто мя избавитъ отъ тѣла смерти сея?* (Рим. 7, 24). Но само собою разумѣется, что когда освобождаетъ кто кого, освобождаетъ конечно отъ рабства. Почему тотъ же Апосполъ говоритъ въ другомъ мѣстѣ: *свободою убо, ею же Христосъ насъ свободи, стойте* (Гал. 5, 1),чѣмъ показываетъ, что освобожденные освободились отъ рабства, въ коемъ находясь, не были самовластны.

Того, что сказали мы, достаточно къ показанію, какое самовластіе осталось въ насъ послѣ того, какъ мы сдѣлались рабами грѣха, именно, что оно хранится лишь въ нашемъ желаніи освобожденія, а не въ чемъ-либо большемъ. Почему намъ надлежитъ приносить Христу сіе желаніе, соединяя съ нимъ и душевную заботу, сердечное исканіе, не чрезъ добрыя дѣла, а чрезъ одну вѣру, дабы Христосъ, давшій Себя въ искупленіе за души наши, увидѣлъ, какъ всею душею, всѣмъ помышленіемъ и всею крѣпостію желаемъ мы и ищемъ освободиться отъ злаго тиранства грѣха, и освободилъ насъ отъ него божественною благодатію Своею. Между людьми никого нѣтъ свободнаго и самовластнаго, кромѣ одного Христа; а Онъ потому таковъ, что есть Богъ и человѣкъ. Съ того времени, какъ Адамъ сталъ рабомъ грѣха, всѣ люди, до скончанія вѣка, рабы суть, кромѣ тѣхъ, которые осво-

бождаемы бываютъ Христомъ, какъ написано: *первый человѣкъ отъ земли перстенъ*, а далѣе: *яковъ перстный, такови и перстніи. Вторый человѣкъ Господь съ небесе;* а потомъ: *яковъ небесный, тацы же и небесніи* (1 Кор. 15, 47. 48).

Что это за перстный человѣкъ? Это блудникъ, лжецъ, злой, лукавый, лицемѣръ, нелюбовный, злопамятный, лихоимецъ, хищникъ, неправедный, тщеславный, гордый, самомнительный, который, будучи такимъ же, какъ и всѣ люди, думаетъ о себѣ, что онъ не знать какъ выше ихъ. Что это за небесный человѣкъ? Это святый, преподобный, праведный, какъ и Господь нашъ Іисусъ Христосъ. Ибо какъ естественный отецъ раждаетъ себѣ чадъ по себѣ, такъ и второй отецъ Христосъ по Себѣ же раждаетъ Себѣ чадъ святыхъ, праведныхъ, свободныхъ и самовластныхъ, какъ самъ Онъ, Отецъ ихъ. Таковы признаки самовластія, какъ то, что сказали мы о перстномъ, служитъ признакомъ несамовластія. Изъ сего *явна суть*, скажемъ словами возлюбленнаго Іоанна Богослова, *чада Божія и чада діавола* (1 Іоан. 3, 10).

Поелику такимъ образомъ только въ желаніи нашемъ сохранилось самовластіе наше, то намъ надобно вопервыхъ возжелать освобожденія отъ рабства, потомъ взыскать освободителя нашего Христа, а когда найдемъ Его, припасть къ стопамъ Его и испрашивать у Него себѣ свободы: ибо никого нѣтъ свободнаго, кромѣ Христа и свободника Христова. Христосъ милуетъ насъ и спасаетъ отъ рабства, просвѣщая умъ нашъ, да ясно зритъ, или познаетъ правое и святое, и силою насъ снабжая избѣгать непотребнаго и творить потребное. Ибо и то, чтобы зрѣть правое, не въ нашей состоитъ власти; но какъ для того, чтобъ видѣть намъ видимое, потребенъ для насъ свѣтъ солнца, такъ для того, чтобъ видѣть намъ духовное, потребенъ для насъ свѣтъ Христовъ, который, просвѣщая насъ, снимаетъ повязку тьмы съ очей ума и

даетъ ему ясно видѣть правое и богоугодное. А затѣмъ преисполняетъ насъ силою, коею освобождая насъ отъ страстей, даетъ намъ свободу вѣрно слѣдовать познанной святой волѣ Его. Се свобода о Христѣ Іисусѣ Господѣ нашемъ, Коему слава во вѣки. Аминь.

СЛОВО ШЕСТОЕ.

1) Что въ тѣлѣ болѣзнь, то въ душѣ грѣхъ.

2) Какъ имѣемъ мы чувство тѣлесное, такъ надобно, чтобъ душа имѣла чувство духовное и чувствовала какъ болѣзнь свою, такъ и здравіе.

3) Кто не имѣетъ чувства духовнаго и не чувствуетъ, больна ли душа его или здорова, тотъ еще не христіанинъ, хотя и называется христіаниномъ: ибо прямой плодъ вѣры христіанской есть здравіе души.

1) Что болѣзнь въ тѣлѣ, то грѣхъ въ душѣ. Когда тѣло заболитъ, больной ни о чемъ уже другомъ не заботится, ни о богатствѣ, ни о славѣ, ни объ утѣхахъ, а все объ одномъ уврачеваніи тѣла и возстановленіи здоровья. Такъ и когда душа болитъ грѣхомъ, надлежитъ всю заботу обращать не на другое что, ни на богатство, ни на славу, ни на удовольствія, а на одно уврачеваніе болѣзни душевной и возвращеніе душѣ здравія. Что же скажу я, всеокаянный, въ оправданіе свое, въ день страшнаго суда, если тогда душа моя окажется больною многими и различными болѣзнями? Почему не приложилъ никакого попеченія о здравіи души своей, а всю жизнь свою трудился и хлопоталъ только о богатствѣ, славѣ и удовольствіяхъ?

2) Причина этому, кажется, та, что не знаетъ грѣшникъ о болѣзняхъ души своей и не чувствуетъ въ настоящей жизни, какое зло причиняютъ онѣ душѣ; не зная же и не чувствуя сего, обманывается, и полагая, что у него все хорошо, нисколько не безпокоится о здоровьѣ души своей. И не потому ли грѣшникъ, т.-е. больной душевно, гордъ бываетъ, что безчувственъ есть

и не чувствуетъ зла, причиняемаго ему грѣхами? И еще что? Чѣмъ болѣе кто безчувственъ, тѣмъ болѣе гордится, какъ говоритъ и божественный Давидъ: *гордыня ненавидящихъ Тя взыде выну* (Пс. 73, 23). Будучи же гордъ, онъ и мысли не допускаетъ, чтобы былъ боленъ, и ненавистію отплачиваетъ тому, кто сталъ бы говорить ему о его болѣзни, или предлагать врачевство, тогда какъ настоящій христіанинъ, чувствующій раны и болѣзни души своей, ищетъ врача и охотно подчиняется его врачеванію. Когда тѣло наше заболѣваетъ, мы чувствуемъ боль, и чувствуя ее ищемъ врачевства, да уврачуемся. Еслибъ не имѣли мы чувства, то не чувствовали бы и боли; еслибъ боли не чувствовали, не чувствовали бы потребности и во врачевствѣ. Тому же слѣдовало бы быть и въ душѣ, т.-е. чтобъ она своимъ духовнымъ чувствомъ чувствовала свою духовную болѣзнь. Но бываетъ иначе,—не чувствуетъ. Не чувствуя же болѣзни, не тяготится ею и не ищетъ врачевства. Оттого грѣшникъ, не чувствуя боли въ душѣ, живетъ себѣ весело и не печалится о грѣхахъ. Плача достойное состояніе: ибо пока онъ таковъ, неисцѣлимъ и, какъ неисцѣлимый,—погибшій, ненавистный Богу и святымъ Ангеламъ.

Посему надлежитъ намъ, сколько можно, позаботиться о томъ, чтобы придти въ чувство душею своею, возболѣзновать о грѣхахъ своихъ и взыскать врача душъ и тѣлесъ, Господа Іисуса Христа и, припадши къ Нему, умолять Его, да исцѣлитъ болѣзни души нашей. Эти болѣзни души суть похоти богатства, славы и удовольствія, по причинѣ коихъ люди бываютъ гнѣвливы, досадительны, неподвижны на добро, празднолюбивы, лихоимны, хищны, неправедны, тщеславны, горды, завистливы, человѣконенавистны, мстительны. Что скажешь ты о всемъ этомъ?! Малы эти болѣзни душевныя и ничтожны?! И благословно душѣ, вѣрующей во Христа,

не чувствовать ихъ и не печалиться о нихъ? Не должно ли напротивъ плакать и рыдать, и жалобные испускать вопли, чтобы Врачъ нашъ, видя сіе, сжалился надъ нею, и далъ ей и увидѣть и восчувствовать болѣзни свои? Ибо пока не увидитъ она ихъ и не восчувствуетъ, не можетъ уврачевать ее и самъ всемогущій Врачъ. Да и что есть уврачеваніе души? Есть дивное нѣкое измѣненіе души, по коему уврачеванная душа тѣ похоти злыя, которыя прежде были ей такъ вожделѣнны, начинаетъ считать мерзостію и заразою, и за это ненавидитъ ихъ, не сама по себѣ, а благодатію исцѣлившаго ее Врача, Коего и благодаритъ она потомъ всегда и о Коемъ велегласно проповѣдуетъ всѣмъ, взывая: *сія измѣна десницы Вышняго* (Пс. 76, 11). Но чтобы пришелъ Врачъ, надобно призвать Его; чтобы призвать, надобно увидѣть болѣзнь и почувствовать ее.

3. Какъ внѣшнее свое состояніе человѣкъ сознаетъ и чувствуетъ, именно, слабъ ли онъ или крѣпокъ, здоровъ или не здоровъ, счастливъ или несчастливъ, обиду терпитъ или благодѣяніе получаетъ, — какъ все это онъ знаетъ и чувствуетъ, такъ всякій христіанинъ долженъ видѣть и чувствовать свое внутреннее состояніе, здоровъ ли по душѣ или боленъ, счастливъ или несчастливъ, благоденствуетъ или страждетъ. И если не чувствуетъ онъ этого внутренно въ себѣ самомъ, то всуе носитъ имя христіанина; и хоть именуется такъ, но на самомъ дѣлѣ не таковъ. Ибо еслибы онъ былъ истиннымъ христіаниномъ и имѣлъ общеніе съ Владыкою Христомъ, то былъ бы причастенъ и живота Его и свѣта: такъ какъ Христосъ есть животъ и свѣтъ. Слѣдовательно и видѣлъ бы себя и чувствовалъ все свое, потому что видѣть и чувствовать есть естественное свойство живыхъ, такъ что у кого нѣтъ этого, тотъ мертвъ. Такимъ образомъ кто не видитъ и не чувствуетъ душев-

но добра и зла, которое прибываетъ въ него и выбываетъ изъ него, тотъ еще мертвъ и не просвѣщенъ лучами умнаго Солнца правды. Да потщится же таковый наискорѣйше потещи и припасть мысленно къ Іисусу Христу, умоляя Его сжалиться надъ нимъ, оживить его и просвѣтить, дать ему придти въ чувство и познать состояніе свое; и потомъ отъ Него единаго да взыщетъ спасенія себѣ. Ибо безчувственнаго человѣка не можетъ спасти и Самъ Богъ, могущій все творить.

Человѣкъ созданъ состоящимъ изъ двухъ естествъ, мысленнаго и чувственнаго, души и тѣла. Почему потребовалось для него и двоякое врачевство, послѣ того какъ онъ впалъ въ великую болѣзнь послѣ великаго здравія, какое имѣлъ прежде. Болѣзнь есть потеря здравія, и возболѣвшій по преступленіи человѣкъ возболѣлъ естествомъ. Болѣзнь же, въ естество внѣдрившаяся и ставшая естественною, непремѣняема, какъ естество. Суди теперь, сколь великая потребна сила, чтобы премѣнить больное естество въ здравое, когда это есть тоже, что поставить его выше естества, какъ оно есть въ немъ, въ настоящемъ своемъ состояніи? Для указанія сего-то и дано намъ богодухновенное писаніе, которое есть для насъ врачебная наука.

Врачебное искусство, врачующее тѣло человѣческое никакъ не можетъ уврачевать первоначальную коренную болѣзнь, т.-е. тлѣніе, но употребляетъ всякіе свои способы лишь на то, чтобы врачевать вторичныя болѣзни, когда естественно-больное тѣло выходитъ и изъ этого естественно-болѣзненнаго своего состоянія и впадаетъ во вторичную какую-либо болѣзнь, въ водянку напр. или въ горячку; это врачеваніе происходитъ не отъ буквъ, какими прописываетъ врачъ врачевство, а отъ употребленія того, что имъ прописывается; прописываются же имъ разныя вещества, которыя при различной врачева-

тельной силѣ и дѣйственности всѣ однородны однакожъ съ заболѣвшимъ тѣломъ, чтобъ могли воздѣйствовать на это тѣло и врачевать его.

Итакъ, если врачебное искусство, истощa всѣ способы врачеванія и всѣ употребивъ врачевательныя вещества, доходитъ лишь до того, чтобы врачевать вторичныя болѣзни тѣла и поставлять заболѣвшее тѣло только въ предшествовавшее сей болѣзни состояніе, которое есть естественно болѣзненное состояніе тлѣнія; то гдѣ взять силу къ врачеванію сей послѣдней коренной болѣзни? Она—выше естества. Чтобъ уврачевать больное человѣческое естество и возстановить въ немъ истинное, свойственное ему по первоначальному его устроенію здравіе, для сего потребна сверхъестественная и пресущественная сила. Какая же эта сверхъестественная и пресущественная сила, могущая возвратить намъ первоначальное здравіе? Это есть Господь нашъ Іисусъ Христосъ, Сынъ Божій, Который, чтобъ уврачевать подобное подобнымъ, благоволилъ воспринять человѣческое естество здравое. И вотъ, когда кто вѣрою прилѣпляется ко Христу, тогда Христосъ сочетавается съ нимъ и божествомъ и здравымъ человѣчествомъ, и чрезъ такое единеніе возстановляетъ въ немъ первоначальное истинное здравіе.

Но какъ при врачеваніи тѣла, на востановленіе здравія въ немъ дѣйствуютъ не буквы, коими прописывается врачевство, а сила прописанныхъ веществъ; такъ и въ отношеніи къ врачеванію души, оздравленіе ея и спасительное на нее воздѣйствіе совершается не буквами Божественнаго Писанія, а силою Христа, Который прописанъ въ Писаніи. *Не въ словеси бо царстіе Божіе, но въ силѣ* (1 Кор. 4, 20). Ибо все Божественное Писаніе, Ветхое и Новое, руководитъ естественно больное человѣческое естество къ Іисусу Христу, Который есть единственный Врачъ душъ и тѣлесъ нашихъ. Кто остает-

ся непричастнымъ Его божественной благодати, тотъ остается и неуврачеваннымъ; а кто причащается Его благодати, у того душа перестаетъ уже быть больною. Ибо плодъ вѣры нашей христіанской есть здравіе души. За тѣмъ Богъ содѣлался человѣкомъ, чтобъ душа чрезъ Него могла воспринимать здравіе свое. Слѣдовательно у кого душа не здрава, тотъ еще не сталъ христіаниномъ настоящимъ. Здоровою же душа дѣлается силою божественною и свѣтомъ благодати, даруемой Христомъ за вѣру. Душа невидима и не видно, здорова она или нѣтъ, не только для другихъ, но нерѣдко и для нея самой. Но есть видимые знаки, по которымъ для всѣхъ явно бываетъ ея состояніе. Укажу на самый видный, на упорядоченіе и исправленіе пяти чувствъ—зрѣнія, слуха, обонянія, вкуса и осязанія. Когда кто держитъ ихъ въ порядкѣ и владѣетъ ими разумно,—явно, что душа его въ своемъ чинѣ, здорова, и человѣкъ тогда является настоящимъ разумнымъ животнымъ и дѣйствуетъ по разуму и разсужденію, а не какъ животныя несмысленныя, состоящія во власти у своихъ чувствъ. Владѣніе пятью чувствами будто есть очень простое дѣло; но я тебѣ скажу, что кто властвуетъ надъ пятью чувствами, тотъ властвуетъ надъ всею вселенною и надъ всѣмъ что въ ней: ибо у насъ все бываетъ отъ нихъ и чрезъ нихъ. Но кто таковъ, тотъ самъ властвуемъ бываетъ отъ Бога и всецѣло покорствуетъ во всемъ волѣ Божіей. Такъ царство Божіе водворяется и первоначальный чинъ возстановляется: ибо человѣкъ въ началѣ опредѣленъ былъ царемъ міра. Въ семъ черта образа Божія и подобія. Такимъ образомъ, кто не властвуетъ надъ пятью чувствами, тотъ не бываетъ по образу Божію и подобію; и хотя бы онъ всю мудрость міра поглотилъ и зналъ все сущее, о немъ неложенъ приговоръ: *приложися скотомъ несмысленнымъ и уподобися имъ* (Пс. 48,

13). Онъ живетъ на похуленіе Бога, Создателя всяческихъ, какъ написано: *имя Божіе вами хулится во языцѣхъ* (Рим. 2, 24). И Христово имя похуляется таковыми и вѣра христіанская поношается отъ невѣрныхъ, которые говорятъ: еслибы Богъ христіанскій былъ истинный Богъ, то христіане не были бы таковы же, какъ и мы; между тѣмъ многіе изъ нихъ живуть гораздо хуже насъ, въ неправдахъ и срамныхъ похотяхъ.

Насъ же да просвѣтитъ благодать Христова, да подастъ здравіе душѣ нашей, и да дастъ намъ силу держать въ своей власти пять чувствъ и жить достодолжно, чтобы славилось имя Божіе чрезъ насъ. Ему слава и поклоненіе, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

СЛОВО СЕДЬМОЕ.

1) Богъ, по чрезмѣрной любви Своей къ людямъ, подвергъ ихъ разнымъ лишеніямъ въ жизни сей.
2) Бѣдность есть благодѣяніе Святаго Бога.
3) Кто хулитъ бѣдность, тотъ отрицается христіанства и не хочетъ быть христіаниномъ.
4) Необходимость настоитъ, чтобы христіане имѣли скорби и бѣды.

1. Человѣколюбивый Богъ благоволилъ быть такому порядку, чтобы человѣка, отпадшаго отъ благодати Его, окружали многіе страхи, разныя непріятности, скорби и бѣды. Оставилъ Онъ его быть обременяему всѣмъ этимъ, со всѣхъ сторонъ безпокоиму и бориму даже отъ себя самого. Причина, почему Онъ такъ устроилъ, предивна, исполнь любви и благости. Какъ какой-нибудь богатый пребогатый человѣкъ, имѣя сына возлюбленнаго, по великой своей къ нему любви, не хочетъ, чтобъ онъ искалъ гдѣ либо на сторонѣ или отъ другаго кого по-

лучалъ потребное себѣ, пищу, питіе, одежду, обувь, или другое какое утѣшеніе и упокоеніе, но желаетъ, чтобъ все это онъ получалъ отъ него одного, отца своего, дабы чрезъ это всегда находился подлѣ него и упокоевался на колѣняхъ его; и если случится какъ нибудь, что этотъ сынъ убѣжитъ отъ него, и у другаго кого пожелаетъ получать потребное себѣ, то отецъ такъ все устрояетъ, чтобы сынъ или совсѣмъ нигдѣ ничего не находилъ, или находилъ съ большимъ трудомъ и пóтомъ; мало того, онъ еще всѣмъ, находящимся подъ его властію, повѣщаетъ, чтобъ, коль скоро увидятъ сына его шатающимся тамъ и сямъ вдали отъ него, гнали его и всякія причиняли ему непріятности, дабы онъ и нехотя, по неволѣ воротился къ нему, много любящему его отцу, не находя себѣ нигдѣ покоя; такимъ же образомъ и Богъ поступилъ съ отпадшимъ человѣкомъ, устроивъ, чтобъ онъ не находилъ себѣ покоя въ настоящей жизни въ вещахъ міра сего, и чрезъ то вынуждаемъ былъ опять возвращаться ко всеблагому Богу, Господу и Владыкѣ всяческихъ, Отцу, Промыслителю, Упокоителю, Искупителю и Спасителю, и всегда находиться при Немъ, дабы такимъ образомъ и человѣкъ находилъ успокоеніе, и Богъ, Отецъ его, имѣя при Себѣ его, сына, радовался о немъ.

Прежде преступленія человѣкъ находился въ полномъ счастіи, всякое имѣлъ утѣшеніе и жилъ во всегдашней радости въ раю, безъ скорби и печали, даже не зная, что такое есть печаль. Но забывшись по причинѣ этого самаго великаго счастія, пришелъ онъ къ похотѣнію того, что было выше мѣры его и выше силы его, восхотѣлъ быть Богомъ, по внушенію діавола. За это, тотчасъ, какъ только и дѣломъ покусился на то, что получить было для него невозможно, потерялъ то великое счастіе и упокоеніе, какое имѣлъ, сталъ бѣденъ и

пришелъ въ столь же великую нищету, сколь великое имѣлъ прежде богатство, воспріявъ такимъ образомъ наказаніе за возгордѣніе, коимъ подвигшись, дерзнулъ онъ покуситься на то великое и отважное покушеніе: какъ будто пресытился онъ тѣмъ счастіемъ, какое даровалъ ему Богъ, и, брезгуя имъ, восхотѣлъ высшаго.

Сдѣлавшись такъ бѣднымъ, сталъ онъ, по причинѣ нуждъ и недостатковъ, поднимать всякіе труды и хлопоты, но, не находя при всемъ томъ потребнаго столько, какъ бы ему хотѣлось, то подавляемъ былъ скорбію, печалію и унынiемъ, то на большія напрягался усилія, чтобъ достигнуть довольства и обилія, сбросивъ томившую его тяготу скудости. По этой же причинѣ иной дѣлался воромъ, явнымъ или тайнымъ, иной разбойникомъ, насильно отнимающимъ чужое, иной лихоимцемъ, неправеднымъ обманщикомъ; отсюда же зависть, предательство, клевета, враждованіе, споры, суды, навѣты, ложь, клятвопреступничество, убійство. И Самого Бога забыли, Который на настоящую жизнь въ видѣ временнаго наказанія опредѣлилъ бѣдность, заслуженную роду человѣческому преступленіемъ Адамовымъ. Дѣйствуя такъ, они, можно сказать, идутъ противъ Бога, когда, во что бы то ни стало, усиливаются сдѣлаться богатыми и всѣмъ обилующими, несмотря на Божіе присужденіе намъ скудости на настоящую жизнь. Сдѣлавшись богатыми, являются они гордыми и тщеславными. Далѣе же что послѣдуетъ? Вотъ что: Богъ гордымъ противится; и послѣдняя ихъ зрятъ туда же, куда попалъ отступникъ отъ Бога—діаволъ.

2. Итакъ знать надлежитъ относительно скудости во всемъ, что Богъ праведно наложилъ ее на насъ, какъ временное наказаніе, и потому претерпѣвать ее съ благодареніемъ, да привлечемъ на себя благоутробіе, милость и попеченіе Божіе. *Егоже бо любитъ Господь*

наказуетъ, да смирится наказательною скудостію и далекъ будетъ отъ гордости, *біетъ же всякаго сына, егоже пріемлетъ* (Евр. 12, 6), болѣзнями и скорбями, чтобъ къ себѣ его притянуть и имѣть всегда съ собою, и за труды и подвиги, съ благодарностію переносимые, увѣнчать его вѣнцемъ терпѣнія и сдѣлать сыномъ пріятнымъ. Преступленіе Адамово послѣдовало не отъ другаго чего, какъ отъ того, что онъ имѣлъ всѣ блага въ изобиліи безъ труда. Почему Богъ за преступленіе опредѣлилъ намъ въ потѣ лица своего снѣдать хлѣбъ свой, пока умремъ. Если же для настоящей жизни на всѣхъ людей наложена скудость, какъ естественное временное наказаніе; то всѣми неправдами усиливающійся убѣжать изъ-подъ него попадетъ подъ вѣчное наказаніе. Потому что избѣжать скудости въ настоящей жизни едва ли возможно безъ хищенія, неправды и лихоимства; ктому же счастіе и богатство естественно пораждаютъ гордость, источникъ всякаго грѣха; а гордаго, стремглавъ низвергши долу, беретъ въ свою власть срамота, т. е, начинаютъ господствовать надъ нимъ плотскія страсти,—порожденія его неразумія и растлѣнія въ немъ здраваго смысла.

3. Посему христіанинъ, который всячески хлопочетъ и усиливается избыть отъ скудости, очевидно не хочетъ быть христіаниномъ истиннымъ; потому что истинному христіанину нельзя быть безъ лишеній и нуждъ. Сынъ Божій и Богъ, содѣлавшійся человѣкомъ для возстановленія естества человѣческаго, не благоволилъ тотчасъ отмѣнить первое наказательное опредѣленіе, т. е. нужду во всемъ и смерть, наложенныя на Адама и родъ нашъ за преступленіе заповѣди; ибо и то, чтобы намъ въ потѣ лица снѣдать хлѣбъ свой, и то: *земля еси и въ землю пойдеши*, пребываютъ и на всегда пребудутъ въ родѣ нашемъ, до скончанія вѣка. Но что сдѣлалъ и дѣлаетъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ?—То, что вѣ-

рующихъ въ Его вочеловѣченное домостроительство дѣлаетъ причастниками Своей силы, яко Богъ силъ, и Своей премудрости, яко Богъ премудрости, и чрезъ то, не отмѣняя дѣломъ перваго опредѣленія, отмѣняетъ тѣмъ, что отъемлетъ силу его, воодушевляя вѣрующихъ благодушно переносить всякаго рода лишенія и скорби, Самъ первый подъявъ ихъ до безславной смерти на крестѣ, и сдѣлавшись для насъ въ этомъ образцемъ и примѣромъ. Вслѣдствіе сего видимъ, что и Апостолы и всѣ истинные христіане, пріемля отъ благодати Христовой силу, съ радостію переносятъ всякія скорби и искушенія, и приносятъ Богу достойные плоды съ великимъ терпѣніемъ. Почему ни мученики не просили Христа избавить ихъ отъ терзаній и мученій, ни подвижники не искали освобожденія отъ трудовъ и потовъ подвижничества, но тѣ и другіе умоляли лишь даровать имъ терпѣніе, и съ этимъ терпѣніемъ подвизались подвигомъ мученичества и подвижничества, чтобъ въ будущей жизни воспріять награду за трудъ свой.

4. Итакъ для всякаго благочестиваго неизбѣжны скорбь, тѣснота и лишенія; и это не къ ущербу, а къ усиленію и возвышенію его благочестія. Пока не испытаетъ кто искушеній, не можетъ понять и познать сокрытой въ нихъ сладости и силы для жизни по Богу. Когда же испытаетъ ихъ и познаетъ сіе, то не можетъ не благодарить испытующаго его Господа. И когда освободится отъ нихъ, не за то одно благодаритъ Избавителя, что освободилъ, но и за то, что даровалъ испытать чрезъ нихъ. Неиспытавшій искушеній бываетъ неискусенъ въ жизни, и къ богоугожденію не такъ рачителенъ. А испытавшій ихъ и освободившійся отъ нихъ горитъ духомъ къ Богу и всеусердно благодаритъ Его. Конечно, бываютъ усердные къ Богу и благодарные и изъ тѣхъ, кои не испытываютъ искушеній, но не съ такимъ жаромъ, какъ тѣ, кои испытываютъ ихъ и избавляются отъ нихъ. Посему крайне по-

требно и спасительно христіанину подпадать искушеніямъ, скорбямъ, тѣснотамъ и лишеніямъ, да познаетъ на себѣ многопомощную силу Божію и Бога да благодаритъ отъ всей души, отъ всего помышленія и всею силою. Кто живетъ покойно и не имѣетъ искушеній, тотъ подверженъ двумъ невыгодамъ: первая, что не такъ усердствуетъ къ Богу и не отъ всей души благодаритъ Его, а вторая, что умъ его неизбѣжно вдается въ суетныя попеченія и заботы. Можетъ быть и Адамъ не такъ бы легко прельстился, не послушалъ бы злаго совѣта діаволова, и не восхотѣлъ бы быть богомъ, еслибы поусерднѣе благодарилъ Бога, когда былъ окруженъ величайшимъ онымъ упокоеніемъ и неизреченною радостію. Такъ-то сколько потребно для насъ дышать воздухомъ, столько потребно благодарить Бога, въ самыхъ искушеніяхъ, скорбяхъ и лишеніяхъ, какимъ подвергаемся, идя путемъ богоугожденія. Будемъ же, братія мои, и мы благодарить Бога о всемъ, и безропотно претерпѣвать всякое искушеніе и скорбь, во Христѣ Іисусѣ Господѣ нашемъ, Коему слава во вѣки. Аминь.

СЛОВО ОСЬМОЕ.

1) Удерживать въ умѣ читаемое въ Божественномъ Писаніи есть дѣйствіе силы Божіей.
2) О молитвѣ и чтеніи.
3) Какъ надлежитъ христіанину молиться?

1. Учащійся, если не удерживаетъ въ умѣ своемъ и не помнитъ того, чему научаютъ его, никакой не получаетъ пользы отъ ученія. Знающій грамоту и читающій, если не понимаетъ читаемаго, есть тоже что неграмотный. Читающій и понимающій, если не можетъ удерживать въ умѣ своемъ того, что вычиталъ и понялъ,

никакой не получаетъ пользы отъ чтенія. Въ отношеніи же къ Божественному Писанію, то, чтобы читать оное, въ нашей состоитъ власти; а то, чтобы понимать читаемое, и отъ насъ самихъ зависитъ и не отъ насъ. Отъ насъ зависитъ стараніе и вниманіе, какія надлежитъ имѣть при чтеніи; то же, чтобы понимать читаемое, есть дѣло благодати Божіей. Но то, чтобы удерживать въ умѣ и помнить понятое, есть дѣло единой благодати Божіей. Почему не много такихъ, которые удерживаютъ сіе въ умѣ, какъ и вообще спасаемыхъ избранниковъ немного.—Чтеніе научаетъ человѣка тому, что руководитъ его къ Богу и дѣлаетъ Божіимъ; а молитва дѣлаетъ то, что Богъ милосердствуетъ къ человѣку, и просвѣщаетъ умъ его, чтобъ понималъ и помнилъ прочитываемое. То, что написано объ иныхъ мірскихъ дѣлахъ, читающіе могутъ понимать и сами, но вещей божественныхъ и спасительныхъ никому невозможно понять или помнить безъ просвѣщенія отъ Св. Духа.

2. Тому, кто научился молиться какъ должно, не столько потребно чтеніе потому, что его душу исполняетъ божественнымъ свѣтомъ и божественно измѣняетъ благодать Св. Духа. Но тотъ, кто предпочитаетъ больше сидѣть за чтеніемъ, нежели научаться молиться какъ должно, находится въ прелести и самъ себя отдаляетъ отъ спасенія; лучше же сказать, таковый безчувственъ, хотя и говоритъ, что прочиталъ все писаніе и всегда имѣетъ его на языкѣ. Не можетъ быть, чтобы плодъ земной созрѣлъ безъ теплоты солнечной. Пусть сѣмя прозябнетъ во время зимы и весною прорастетъ и дастъ стволъ; но если все время будетъ стоять пасмурное и холодное, то никакъ не созрѣетъ плодъ его. Это будетъ произрастеніе ни къ чему негожее и безполезное; лучше бы ему совсѣмъ не прорастать. Такимъ же образомъ и тотъ, кто не согрѣвается теплотою умнаго солнца—

Христа Господа, посредствомъ молитвы, какъ должно совершаемой, не можетъ получить зрѣлаго плода духовнаго, т.-е. сладости и пользы отъ чтенія своего.

Много потребно времени и труда, болѣе мысленнаго, чѣмъ тѣлеснаго, на то, чтобы сначала научиться молиться какъ должно, а потомъ, научившись, продолжать молиться. Почему и Апостолъ заповѣдуетъ намъ воспѣвать и пѣть Богу всегда сердцемъ, а не устами одними (Еф. 5, 19). Поелику уста говорятъ отъ избытка сердца, то надобно такъ устроиться, чтобъ и молитва, устами произносимая, произносима была отъ избытка сердца. А это бываетъ, когда въ насъ сердце чистое созидается, божественный духъ правый обновляется, и воспріемлется радость спасенія Божія, каковая радость раждается отъ общенія и причастія Христу, а утверждается потомъ благодатію Духа владычняго, по слову пророка, который сперва сказалъ: *сердце чисто созижди во мнѣ Боже и духъ правъ обнови во утробѣ моей*, а потомъ: *воздаждь ми радость спасенія Твоего и Духомъ владычнимъ утверди мя*, чтобъ духи злые ни съ какой стороны не могли, своими искушеніями и прилогами, колебать движеній и помышленій душевныхъ. Когда душа будетъ въ состояніи молиться показаннымъ способомъ, тогда возможно, чтобы отъ таинственныхъ лучей божественнаго просвѣщенія, нисходящихъ въ молящагося во время молитвы и ради молитвы, созрѣвало, т.-е. было въ сладость пріемлемо и пользу приносило то, что онъ вычитываетъ и понимаетъ. Кто не дѣлаетъ такимъ образомъ, тотъ ничего какъ должно не понимаетъ изъ читаемаго, не чувствуетъ сладости отъ того и никакой не получаетъ пользы.

3. Молиться Богу весьма хорошее дѣло и великую приноситъ пользу молящемуся. Если великая бываетъ польза отъ собесѣдованія съ земнымъ царемъ, то сколь большая должна быть отъ собесѣдованія съ Царемъ не-

беснымъ посредствомъ молитвы? Какъ никто не смѣетъ приблизиться къ тому, кто бесѣдуетъ съ царемъ земнымъ, и пресѣчь бесѣду, которую онъ ведетъ; такъ и демоны не дерзаютъ приблизиться къ тому, кто съ Богомъ бесѣдуетъ. Напротивъ, великій вредъ бываетъ отъ того, если кто не молится Богу: ибо душа такого оставляется лишенною Божія просвѣщенія, божественной силы и покоя отъ демонскихъ искушеній; и демоны непрестанно возбуждаютъ въ ней непотребныя движенія, похоть нечистую, позывы на блудъ, неправду, тщеславіе, гордость, самомнѣніе. Какъ для тѣла необходимо потребенъ воздухъ, чтобъ дышать, такъ для души потребно непрестанное памятованіе о Богѣ т.-е. молитва. Но опять, если кто молится Богу просто, какъ попало, будто мимоходомъ, безъ страха, какой надлежитъ имѣть тому, кто предстоитъ предъ Богомъ, предъ Коимъ трепещутъ херувимы, для того не только это никакой не приноситъ пользы, тотъ не только несетъ ущербъ, о коемъ сказано выше, но терпитъ несравненно пагубнѣйшій вредъ, гнѣвъ Божій, отвращеніе Божіе, изгнаніе Божіе. Ибо какъ тѣлохранители царскіе тотчасъ восхищаютъ отъ лица царева и выгоняютъ вонъ того, кто стоитъ предъ царемъ небрежно, безъ страха и благоприличія, и царь не воспрещаетъ имъ этого; такъ и Ангелы Божіи отторгаютъ отъ лица Божія и отъ взора Его и вонъ изгоняютъ умъ того, кто стоитъ предъ Богомъ и молится Ему небрежно, будто съ презорствомъ, безъ благоговѣнія и благонастроенія, и тогда тотчасъ схватываютъ его демоны съ дерзостію и насиліемъ и кружатъ его, гдѣ хотятъ, по мѣстамъ срамнымъ и нечистымъ, или по дѣламъ злымъ, или по вещамъ суетнымъ и безполезнымъ. И ни самъ страждущій сіе отъ демоновъ не чувствуетъ того, ни Богъ не сжаливается надъ нимъ и не освобождаетъ его отъ сего, за то что тотъ пре-

зрѣлъ Его и преступилъ заповѣдь Его, которая повелѣваетъ: *работайте Господеви со страхомъ, и радуйтеся Ему съ трепетомъ* (Пс. 2, 11). Потому гораздо лучше бы было для такого, еслибъ онъ совсѣмъ не молился; потому что демоны ни за какіе грѣхи не овладѣваютъ душею съ такимъ тиранствомъ, какъ за презорство къ Богу. И земной царь должникамъ своимъ и тѣмъ, которые въ чемъ либо погрѣшаютъ предъ нимъ, терпитъ, а для тѣхъ, которые презираютъ его, бываетъ тяжкимъ и страшнымъ отмстителемъ. Почему нѣтъ большаго грѣха, какъ молиться Богу съ презорственнымъ небреженіемъ.

Богъ безтѣлесенъ и невидимъ; почему и служить Ему надлежитъ не тѣлесно только, и не видимо только. Служить Богу только тѣлесно и видимо есть дѣло несообразное, какъ говоритъ и пророкъ Давидъ: *аще бы восхотѣлъ еси жертвы, далъ быхъ убо, всесожженія не благоволиши. Жертва Богу духъ сокрушенъ, сердце сокрушенно и смиренно Богъ не уничижитъ.* Сокрушеніе же сердца бываетъ въ умѣ и помышленіи, а умъ нашъ и помышленія наши невидимы. Итакъ, будучи обязаны воздавать Богу невидимому невидимое служеніе, мы должны служить Ему умомъ и помышленіемъ. Это и есть подобающее и сообразное служеніе, — Невидимому приносить невидимое, и мысленному мысленное. Но потомъ уже и вмѣстѣ уже съ этимъ надлежитъ приносить и видимое, съ душею и тѣлесное, да угожденіе Богу отъ насъ будетъ всѣмъ существомъ. Богъ *не отъ рукъ человѣческихъ угожденіе пріемлетъ* (Дѣян. 17, 25). Если и пріемлетъ Онъ тѣлесныя и чувственныя приношенія, то знать надлежитъ, когда и какъ пріемлетъ, именно, когда они приносятся отъ чистаго сердца.

Молитва и пѣніе божественныхъ псалмовъ не что иное есть, какъ бесѣдованіе съ Богомъ, въ коемъ мы или умоляемъ Его, да даруетъ намъ, что сообразно Богу даровать человѣкамъ, или прославляемъ Его за всѣ тво-

ренія, сотворенныя Имъ, или воспѣваемъ чудеса Его, какія отъ вѣка по временамъ творилъ Онъ во славу Свою, во спасеніе людей и въ воздаяніе и наказаніе неправедныхъ и злыхъ,—или возвѣщаемъ промыслительныя дѣйствія Его, кои по домостроительству Своему совершаетъ Онъ таинственно и сокровенно,—или величаемъ великое таинство вочеловѣченія Сына и Слова Божія, именно, какъ Сынъ Божій не отлучаясь отъ всего прочаго творенія, отлучился въ пренепорочное чрево Приснодѣвы Маріи и содѣлался человѣкомъ, родился, воспитался и явилъ намъ житіе и жизнь божественныя распялся, умеръ и воскресъ изъ мертвыхъ, даровавъ чрезъ то и роду человѣческому надежду воскресенія и жизни вѣчной, и вознесся, яко человѣкъ на небеса, чтобъ ниспослать на вѣрующихъ въ Него, отъ единаго Бога Отца исходящаго, Духа Святаго, Котораго отъ начала имѣлъ первый человѣкъ и лишился за невѣріе свое, когда не повѣрилъ словесамъ Божіимъ. Ибо то и было послѣднею цѣлію воплощеннаго домостроительства, т.-е. для того и воплотился Сынъ Божій, Богъ Слово, и содѣлался человѣкомъ, да пріемлютъ какъ душу, благодать Святаго Духа души тѣхъ, кои вѣруютъ въ Него, яко Бога и человѣка, т.-е. во единаго Христа изъ двухъ естествъ, нераздѣльныхъ и несліянныхъ, Божества и человѣчества, и да являются такимъ образомъ возрожденными, возсозданными и обновленными чрезъ святое крещеніе и содѣлываются тѣмъ, чѣмъ былъ первый человѣкъ прежде преступленія, освящаясь благодатію Святаго Духа въ умѣ, совѣсти и во всѣхъ чувствахъ, такъ чтобы послѣ сего совсѣмъ не имѣть уже растлѣнной паденіемъ жизни, которая могла бы увлекать вожделѣніе души къ плотскимъ и мірскимъ похотямъ.

Если теперь тотъ, кто долженъ въ молитвѣ своей бесѣдовать къ Богу о всемъ вышесказанномъ, вращая то

въ умѣ своемъ день и ночь, если онъ, положимъ, и долгое время проговариваетъ все это языкомъ только, а умомъ не знаетъ что говоритъ, то не является ли онъ потерявшимъ смыслъ? Но всячески явно, что онъ не содѣлался еще вѣрнымъ, еще не вошелъ въ содружество съ Богомъ. Ибо вѣрнымъ именуется и есть тотъ, кому ввѣрена и кто имѣетъ благодать Св Духа; благодать же сія просвѣщаетъ умъ, собираетъ его въ себя и сосредоточиваетъ, да разумѣетъ, къ Кому бесѣдуетъ и о чемъ бесѣдуетъ. Слѣдовательно кто не такъ дѣйствуетъ въ молитвѣ, тотъ не имѣетъ благодати Св. Духа, невѣрнымъ пребываетъ и далекимъ отъ Бога

Итакъ прежде всего надлежитъ сдѣлаться вѣрнымъ и съ Богомъ примириться и содружиться, испросивъ у Него отпущеніе всѣхъ прежнихъ грѣховъ, словомъ, дѣломъ и помышленіемъ содѣланныхъ. Душа съ Богомъ примирившаяся и содружившаяся бываетъ кроткою, смиренною и сокрушенною. Это и служитъ признакомъ примиренія и содруженія съ Богомъ. Ибо Богъ обыкновенно эти первыя даетъ дарованія вѣрующимъ, т.-е. кротость и смиреніе. Душу же кроткую и смиренную уже не борютъ демоны, какъ прежде, ни сластолюбіемъ, ни сребролюбіемъ, ни славолюбіемъ; и такимъ образомъ чрезъ эти два дарованія Христовы душа обрѣтаетъ покой и не бываетъ смущаема никакими чуждыми и неумѣстными помыслами. Таковая душа и молится какъ подобаетъ, т.-е. со страхомъ, благоговѣніемъ и вниманіемъ, а не одними устами. И это невозможно ни для какого человѣка, ни для мірянина, ни для монаха, ни для отшельника, ни для клирика, ни для діакона, ни для священника, ни для архіерея, если душа каждаго изъ нихъ не содѣлается причастницею Святаго Духа, по мѣрѣ вѣры ихъ во Христа: ибо *никтоже можетъ рещи Господа Іисуса, точію Духомъ Святымъ* (1 Кор. 12, 3).

Истинно кланяющіеся Богу, Духомъ кланяются и Духомъ молятся. А гдѣ Духъ Господень, тамъ свобода (2 Кор. 3, 17), свобода отъ демоновъ и отъ всѣхъ страстей всѣваемыхъ ими въ душу, отъ ненависти, печали, смущенія, малодушія, злонравія, злобы, невѣрія, гнѣва и падкости на всякое самоугожденіе; и тѣ, кои обладаются ими, пусть они будутъ постники, безмолвники, долгопѣвцы псалмовъ, толкователи божественныхъ писаній, излагатели правыхъ догматовъ, учители и проповѣдники церковные, пусть именуются высокопреподобными, многоучеными и всесильными, не имѣютъ части со Христомъ, истиннымъ свѣтомъ, *просвѣщающимъ всякаго человѣка*, отъ своего злаго произволенія *грядущаго въ* истинный *міръ* добродѣтелей: ибо тьма не имѣетъ никакого общенія со свѣтомъ.

Каковый свѣтъ да сподобимся получить и мы о Христѣ Іисусѣ, Коему подобаетъ слава, честь и поклоненіе, со безначальнымъ Его Отцемъ и Животворящимъ Его Духомъ, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

СЛОВО ДЕВЯТОЕ.

1. Самый большой грѣхъ есть молиться безъ страха Божія, безъ благоговѣнія и вниманія. Допускающіе его не вѣдаютъ, какъ должно, Бога.
2. Для того, чтобы познать Бога, потребенъ божественный свѣтъ.
3. Всякій человѣкъ грѣшитъ умомъ, словомъ и дѣломъ. Чтобъ охранить-ся отъ грѣховъ, надо прежде всего уврачевать умъ.

1. Нѣтъ грѣха больше, какъ молиться безъ страха Божія, безъ вниманія и благоговѣнія. Кто молится или поетъ псалмы просто, какъ попало, съ небрежностію и презорствомъ, тотъ явно не знаетъ, что такое есть Богъ, не знаетъ и небрежничаетъ. Почему Богъ, отъ Коего исходитъ и отпущеніе грѣховъ и всякое благо, хотѣлъ бы помиловать и его, но не можетъ, а паче гнѣвается.

Лучше такому совсѣмъ не молиться, чѣмъ такъ молиться, т.-е. устами только. Душѣ не свойственно молиться устами, а умомъ, и тотъ, кто поетъ псалмы и молитвы творитъ, а умъ его не заключаетъ себя въ молитву, которую онъ говоритъ, дѣлаетъ дѣло несообразное; почему подвигаетъ на гнѣвъ Бога, Которому молится. Какъ умъ видитъ и умъ слышитъ, такъ надобно, чтобы умъ же и молился посредствомъ устъ. Кто совсѣмъ не молится, тотъ не исполняетъ своего долга и остается должникомъ Богу; но когда-нибудь онъ опомнится и можетъ испросить себѣ отпущеніе долга у Бога, Коему долженъ. Тотъ же, кто молится кое-какъ, съ небрежностію, подвигаетъ на гнѣвъ самого долговъ рѣшителя Бога, Коему молится; ибо таковый устами Богу молится, а умъ съ бѣсами ведетъ бесѣду. Отъ кого же послѣ сего ожидать ему милости?

Итакъ надобно съ устною молитвою молиться Богу и умомъ. Но поелику невозможно, чтобы съ устами и умъ молился, если не получитъ онъ прежде просвѣщенія и воздѣйствія Святаго Духа, то прежде всего другаго надобно попещись о томъ, чтобы пріять просвѣщеніе и благодать Святаго Духа, дабы не молиться устами только и чрезъ то не быть въ опасности вмѣсто полученія милости отъ Бога, подпасть гнѣву Его. Ибо нѣтъ другаго грѣха, который бы такъ много прогнѣвлялъ Бога, какъ тотъ, когда кто устами молитвы Ему творитъ, а умомъ помышляетъ неумѣстное и срамное. Таковый умъ еще не возобладанъ Христомъ и не хочетъ быть обладаемымъ отъ Него; и поелику не хочетъ, чтобы царствовалъ надъ нимъ Богъ, есть врагъ Царя-Христа (Лук. 19, 14).

2. Итакъ не подобаетъ молиться Богу безъ страха и благоговѣнія. Кто не имѣетъ страха и благоговѣнія, пусть испрашиваетъ прежде всего свѣта страха Божія, да вѣдаетъ, предъ сколь страшнымъ Богомъ предстоитъ

онъ и молится, чтобъ удостоиться за то получить просимое. Ибо кто познаетъ, коль страшенъ есть Богъ, тотъ преисполнится и страхомъ Божіимъ, и страхъ Божій научитъ его достодолжной молитвѣ. Кто жъ не позналъ сего, тотъ во тьмѣ и не умѣетъ молиться, какъ должно. Пока солнце еще не возсіяло и тьма покрываетъ землю, кто можетъ видѣть хорошо вещи? И тотъ, кто прошелъ грамматику, риторику и философію и обогатился познаніемъ всего сущаго, не можетъ безъ свѣта прочитывать книгъ, въ которыхъ содержатся такія ученія, а новоначальный, который только приступилъ къ такому ученію, что можетъ увидѣть безъ свѣта, или чему можетъ научиться? Ничему. Такимъ же образомъ и душѣ всякой потребенъ сокровенный свѣтъ божественнаго вѣдѣнія, да видитъ и познаетъ и постигаетъ силу и значеніе божественныхъ словесъ псаломскихъ. Ибо сей сокровенный свѣтъ божественнаго вѣдѣнія есть нѣкая мысленная сила—властная, которая окружаетъ и собираетъ подвижной умъ, отбѣгающій обычно туда и сюда, въ то время, когда слушаетъ или читаетъ божественныя оныя словеса, и держитъ его въ себѣ, да внимаетъ тому, что читаетъ или слушаетъ. Если же не войдетъ въ кого сей божественный свѣтъ, то онъ устами будетъ произносить или читать молитву, и ушами слушать, а умъ его будетъ оставаться безплоднымъ; и не только это, но онъ не будетъ стоять на одномъ, а будетъ кружиться тамъ и сямъ, и помышлять о томъ, о чемъ не подобаетъ, держа притомъ ту мысль, будто ему неотложно необходимо обдумать то, о чемъ думаетъ, и позаботиться о томъ, въ чемъ прельщается, не понимая, что состоитъ въ сіе время рабомъ мысленнаго тирана діавола, и имъ мысленно влачимъ бываетъ туда и сюда. Тѣмъ-то и бѣдственна и пагубна эта болѣзнь, что, тогда какъ врагъ мой влачитъ туда и сюда мой соб-

ственный умъ, я думаю, что всѣ эти круженія моего ума, всѣ эти заботы и попеченія суть мои собственныя и неотложно необходимы для меня. Вотъ первая и величайшая изъ всѣхъ болѣзней душевныхъ, для уврачеванія которой, яко первѣйшей, хуждшей и сильнѣйшей всякой другой болѣзни душевной, надлежитъ намъ подвизаться до пролитія крови. Ибо она препятствуетъ намъ молиться какъ должно и не позволяетъ молитвѣ нашей восходить прямо къ Богу; она есть большая и крѣпкая стѣна, которая мѣшаетъ уму нашему приближаться къ Богу, Который есть вездѣ сый и вся исполняяй. Сіе омраченіе души есть начало кромѣшней тьмы адской, и если не разгонитъ его Христосъ во всякомъ подвизающемся о спасеніи своемъ, то никто не узритъ Господа. Почему и Давидъ говоритъ: *Богомъ моимъ прейду стѣну* (Пс. 17, 30). И Христосъ Господь, прогоняющій сію тьму, возвѣщаетъ: *Азъ есмь свѣтъ міру* (Іоан. 8, 12). Если не будетъ развѣянъ и изгнанъ изъ души сей мракъ прежде всякаго другаго зла, то тщетна вѣра всякаго такого христіанина, тщетно именуется онъ именемъ вѣрующаго, тщетны посты его и бдѣнія, тщетно трудится онъ, воспія въ псалмопѣніяхъ своихъ.

3. Если камни нападаютъ въ какой-либо тѣсный каналъ или трубу и загородятъ ихъ, то нельзя вынуть того камня, который на самомъ низу, ни того, который на срединѣ, ни даже того, который близко къ первому, если напередъ не вынешь этого перваго, а потомъ по порядку и другіе. Это же самое бываетъ и съ людьми. Тремя образами грѣшатъ люди: умомъ, словомъ и дѣломъ. Первый грѣхъ, грѣхъ умомъ, есть причина и всѣхъ тѣхъ грѣховъ, въ какихъ грѣшатъ словомъ и дѣломъ; ибо не умъ заканчиваетъ грѣхъ, а слово и дѣло заканчиваютъ, что изобрѣтаетъ умъ. Итакъ изъ этихъ трехъ, чему прежде и

болѣе всего необходимо быть уврачевану отъ Христа? Очевидно, первому, т. е. уму. Ибо когда уврачуется и освятится умъ, когда придетъ онъ въ доброе состояніе и не будетъ сносить, чтобъ сказано или сдѣлано было что-либо Богу неугодное, тогда душа будетъ охранена и отъ всякаго другаго грѣха. Итакъ сколько силъ есть, надлежитъ намъ подвизаться, да освятится Христомъ умъ нашъ, воспріявъ благодать Святаго Духа. Для этого одного Христосъ, будучи Богъ, содѣлался человѣкомъ, для этого распялся, умеръ и воскресъ. Это, т.-е. освященіе ума, и есть воскресеніе души въ настоящей жизни, вслѣдствіе коего можно сподобиться и будущаго воскресенія тѣломъ къ славѣ и блаженству.

Потщимся же прежде всего исправить умъ свой, чтобъ онъ стоялъ (трезвенно въ себѣ), когда молимся, или читаемъ и изучаемъ Божественныя Писанія. Ибо если не исправимъ ума, все другое тщетно, и душа наша никакого не воспріемлетъ преуспѣянія. Многіе, именующіеся христіанами и не сущіе таковыми воистину, не зная, что носятъ въ душѣ своей эту великую и страшную болѣзнь, впадаютъ въ тщеславіе и самомнѣніе, думаютъ, что они выше другихъ братій, гордятся и превозносятся надъ однородными себѣ и презираютъ ихъ, когда эта болѣзнь равняетъ ихъ со всѣми, ибо она обща всему роду человѣческому, какъ общи всѣмъ тлѣніе и смерть. Эта болѣзнь нерѣдко скорѣе врачуется въ простѣйшихъ и неученыхъ, нежели какъ въ ученыхъ и умудренныхъ наукою. Если скорѣе врачуются сіи простѣйшіе, то, очевидно, они лучше умудренныхъ и ближе къ Богу, Коимъ прежде познаваемы бываютъ и просвѣщаются, а потомъ сами Его познаютъ. Впрочемъ и каждому, по мѣрѣ исправленія ума его, дается мѣра вѣдѣнія или познанія какъ самого себя, такъ и Бога, т.-е. поколику исправляется, освящается и просвѣщается умъ каждаго,

потолику онъ познаетъ себя самого и Бога, Коему слава во вѣки. Аминь.

СЛОВО ДЕСЯТОЕ.

1. Богъ не немощнымъ создалъ въ началѣ человѣка, такъ чтобы онъ согрѣшилъ по немощи, какъ теперь грѣшитъ.
2. Иное есть грѣхъ Адама, а иное прочіе грѣхи, коими, грѣшимъ мы нынѣ.
3. Что вамъ даровано отъ Христа, и что есть грѣхъ?
4. Того ради Богъ содѣлался человѣкомъ, да упразднитъ дѣла діавола.

1. Разсудивъ о грѣхѣ, коимъ согрѣшилъ Адамъ, когда находился въ славѣ и наслажденіи райскомъ, никто не найдетъ, чтобъ онъ сдѣланъ былъ по необходимости или немощи, или по какой-либо благословной причинѣ, а лишь по одному презрѣнію заповѣди Божіей, по неблагодарности и отступничеству Адама, какое показалъ онъ въ отношеніи къ Богу, Создателю своему. Впрочемъ для него дано Богомъ мѣсто покаянію, да обрящетъ прощеніе, по двумъ слѣдующимъ причинамъ: первое, потому что онъ не самъ по себѣ надумалъ злое, но былъ прельщенъ и введенъ въ заблужденіе совѣтомъ діавола; второе, потому что былъ облеченъ плотію: ибо Адамъ, яко тварь, былъ удобопремѣнителенъ, но не могъ впасть въ совершенное отступничество отъ Бога, какъ діаволъ и послѣдовавшіе ему демоны, не имѣвшіе плоти. Тѣмъ большая оставлена человѣку надежда помилованія теперь, когда онъ обложенъ естественною нѣкоею немощію, какую воспріяло человѣческое естество по паденіи, и по причинѣ коей грѣшитъ. Но это не можетъ оправдывать его грѣховъ, а должно лишь къ тому побуждать, чтобы съ чувствомъ благодаренія Богу за дарованіе мѣста прощенію скорѣе прибѣгать къ Нему и испрашивать у Него прощенія и силы, — прощенія того, въ чемъ согрѣшилъ,

потому что хотя онъ грѣшилъ по человѣческой немощи, но ему надлежало противостоять грѣху до смерти; силы, чтобъ воспріявъ отъ Бога силу, благодатію Христовою, не согрѣшать, а дѣлать одни добрыя дѣла, Богу угодныя.

2. Никто изъ насъ никогда ни согрѣшалъ и не можетъ согрѣшить, какъ согрѣшилъ Адамъ; потому что никого не было и нѣтъ во всемъ ему равнаго, кто бы т.-е. былъ подобно ему безбѣденъ, безпечаленъ, свободенъ отъ всякой естественной нужды. Ибо посмотри, какое наказаніе положено Адаму и роду его за преступленіе заповѣди въ раю,—алчба, жажда, озябаніе во время зимы, озноеніе во время лѣта; отсюда потребность пищи, питія, одежды и крова, для чего трудъ, преутружденіе и поты на всю жизнь. Далѣе же что послѣдуетъ? Нетерпѣливость по причинѣ всѣхъ показанныхъ нуждъ и противленіе опредѣленію Божію. Ибо всякій человѣкъ раждающійся въ настоящую жизнь, не зная, что всѣ такія временныя наказанія наложены на весь родъ человѣческій за преступленіе праотца нашего Адама, не съ благодарностію ихъ принимаетъ, а дерзко ропщетъ по причинѣ ихъ, и желая найти успокоеніе отъ нуждъ своихъ, лихоимствуетъ, ищетъ стяжевать болѣе потребнаго, похищаетъ чужое, неправствуетъ. И вотъ это-то наши суть грѣхи, т.-е. что не сносимъ терпѣливо временныхъ Божіихъ наказаній и не благодаримъ за нихъ, но, надымаясь будто враги Богу, идемъ нѣкоторымъ образомъ наперекоръ божественному оному опредѣленію, которое гласитъ: *въ потѣ лица твоего снѣси хлѣбъ твой;* всѣ силы напрягаемъ, чтобъ найти упокоеніе, и не находимъ, потому что нѣтъ возможности ускользнуть намъ отъ трудовъ и потовъ и этой подъяремности нуждѣ, что бы мы ни дѣлали. Потому счастливъ тотъ, кто съ благодарностію претерпѣваетъ эти временныя наказанія, исповѣдуя, что праведно осужденъ на

нихъ за прародительскій грѣхъ. Ей, почіетъ онъ отъ трудовъ своихъ. Ибо по причинѣ этихъ наказаній всеблагій Богъ даровалъ людямъ смерть, чтобы почивали отъ нихъ на время переносящіе ихъ съ благодареніемъ, и потомъ были воскрешены и прославлены въ день суда, чрезъ новаго Адама, безгрѣшнаго Іисуса Христа и Бога, *Иже преданъ бысть за прегрѣшенія наша, и воста за оправданіе наше* (Рим. 4, 25).

3. Богъ, пришедши въ міръ и содѣлавшись человѣкомъ, принесъ людямъ слѣдующія два великія блага,— соединилъ естество Божеское съ естествомъ человѣческимъ, чтобы человѣкъ содѣлался Богомъ, и въ этого человѣка, содѣлавшагося Богомъ по благодати, таинственно вселялась Пресвятая Троица. Тотъ же, кто сподобился столь великихъ даровъ, какъ можетъ послѣ сего грѣшить, какъ говоритъ Іоаннъ Богословъ и евангелистъ: *всякъ рожденный отъ Бога, грѣха не творитъ... и не можетъ согрѣшати, яко отъ Бога рожденъ есть* (1 Іоан. 3, 9)?

А грѣхъ что есть? Злыя помышленія, слова и дѣла. Итакъ ничего такого не можетъ допустить въ себѣ тотъ, кто истинно сподобился благъ Божескаго вочеловѣченія, не можетъ допустить никогда, и если допуститъ хоть немного разъ, перестанетъ уже быть таковымъ. Кто помышляетъ иногда доброе, а иногда злое, кто ведетъ рѣчи иногда добрыя, а иногда злыя, кто дѣлаетъ иногда добрыя, а иногда худыя дѣла, тотъ подобенъ человѣку, который иногда идетъ въ храмъ Божій, а иногда въ капище идольское, иногда Богу покланяется, а иногда демонамъ. Можетъ ли же быть таковымъ тотъ, въ комъ вселился Богъ?

Посему-то христіанину надлежитъ всегда и помышлять, и говорить, и дѣлать одно доброе: ибо, какъ говоритъ Господь: *домъ, раздѣливыйся на ся, не станетъ* (Мѳ.

12, 25). Но и то надлежитъ всегда пямятовать, что невозможно, чтобы всегда были добры помыслы (отъ которыхъ обыкновенно раждаются подобныя имъ слова и дѣла), если въ умъ не вселится прежде Христосъ Господь, о чемъ и должно намъ подвизаться, сколько силъ есть, т.-е. чтобъ въ умъ нашъ вселился Христосъ Господь.

4. Іоаннъ Богословъ говоритъ: *сего ради явися Сынъ Божій, да разрушитъ дѣла діаволя* (1 Іоан. 3, 8). Дѣла же діавола суть всякій грѣхъ,—зависть, ложь, лукавство, ненависть, вражда, злопамятство, клевета, гнѣвъ, ярость, гордость, тщеславіе, немилосердіе, лихоимство, хищеніе, неправда, похоть злая, спорливость, бранчивость, задорность, пересмѣшки, клятьбы, богозабвеніе, безчеловѣчіе и всякое другое зло. Итакъ тѣмъ, кои именуются христіанами и дѣлаютъ такія дѣла діавола, что пользы отъ того, что они именуются христіанами, когда явленіе Сына Божія не разрушило въ нихъ этихъ дѣлъ діавольскихъ? Если кто скажетъ, что нѣкоторые изъ таковыхъ изъясняютъ Божественныя Писанія, богословствуютъ, проповѣдуютъ православные догматы, да вѣдаетъ, что не въ этомъ состоитъ дѣло Христово. Іоаннъ Богословъ не говоритъ: *сего ради явися Сынъ Божій,* да богословствуютъ и да православствуютъ нѣкоторые, но *да разрушитъ дѣла діаволя.* Относительно же таковыхъ скажу, что прежде надобно очистить сосудъ отъ всякой скверны, и потомъ влагать въ него мvро, чтобъ иначе не осквернилось само мvро, и вмѣсто благовонія не исходило отъ него зловоніе. Сынъ Божій и Богъ Слово не для того содѣлался человѣкомъ, чтобъ только вѣровали во Святую Троицу, прославляли Ее и богословствовали о Ней, а для того, чтобы разрушить дѣла діавола. Въ комъ изъ принявшихъ вѣру Христову разрушены будутъ дѣла діавола, тому можно ввѣрять и

тайны богословія и православныхъ догматовъ. Тѣ же, въ коихъ не разрушены такія дѣла, и кои оказываются опутанными въ нихъ къ безчествованію и похуленію Бога, тѣ по существу дѣла стоятъ еще на одной линіи съ язычниками, которымъ воспрещено и возбранено даже входить въ храмъ Господень и молиться въ немъ Богу, а не только читать Божественныя Писанія и изъяснять ихъ, какъ написано: *грѣшнику же рече Богъ: вскую ты повѣдаеши оправданія Моя, воспріемлеши завѣтъ Мой усты твоими? Ты же возненавидѣлъ еси наказаніе, и отверглъ еси словеса Моя вспять* (Пс. 49, 16. 17). Кто не принимаетъ къ сердцу законовъ Божіихъ, тотъ ненавидитъ наказаніе и исправленіе, внушаемое словесами Господа, и затыкаетъ уши свои, чтобъ не слышать слова Божія, которое возвѣщаетъ о будущемъ судѣ и воздаяніи грѣшникамъ, или о неугасимомъ огнѣ геенскомъ и прочихъ мукахъ адскихъ, или о вѣчномъ осужденіи, отъ котораго не можетъ уже убѣжать никто изъ тѣхъ, кои однажды подверглись ему. Кто не старается всѣми силами имѣть заповѣди Божіи всегда предъ очами своими и соблюдать ихъ, но презирая ихъ, предпочитаетъ противное имъ и производитъ то въ дѣло, тотъ завергаетъ слова Божіи вспять. Поясню это слѣдующимъ примѣромъ. Когда Богъ ясно повелѣваетъ: *покайтеся, приближися бо царство небесное* (Матѳ. 4, 17), и еще: *подвизайтеся внити сквозь тѣсная врата* (Лк. 13, 24), а слышащій это не только не хочетъ каяться и понудить себя идти тѣсными враты, но проводитъ всѣ дни жизни своей въ великомъ нерадѣніи, прилагая къ прежнимъ грѣхамъ каждый часъ другіе, и тѣло свое покоитъ и утѣшаетъ больше чѣмъ потребно и даже больше, чѣмъ пристойно, — что и служитъ признакомъ широкаго и пространнаго пути, ведущаго въ пагубу, а не тѣснаго и прискорбнаго вводящаго въ животъ вѣчный; то не

очевидно ли, что таковый завергаетъ вспять, т.-е. презираетъ словеса Божіи, и творитъ свои хотѣнія, или лучше сказать, хотѣнія діавола? Да и св. Давидъ такъ изображаетъ завергающаго слова Божіи вспять: *аще видѣлъ еси татя, текль еси съ нимъ, и съ прелюбодѣемъ участіе твое полагалъ еси. Уста твоя умножиша злобу, и языкъ твой сплеташе льщенія. Сѣдя на брата своего клеветалъ еси, и на сына матере твоея полагалъ еси соблазнъ. Сія сотворилъ еси, и умолчахъ, вознепщевалъ еси беззаконіе, яко буду тебѣ подобенъ: обличу тя, и представлю предъ лицемъ твоимъ грѣхи твоя. Разумѣйте убо сія забывающіи Бога, да не когда похититъ и не будетъ избаелляй* (Пс. 49, 18—22). Видишь ли, какъ таковый забылъ Бога и достоинъ пріять большее наказаніе, чѣмъ безбожники, совсѣмъ Бога не вѣдающіе? Ибо познавши Бога, какъ говоритъ Апостолъ, онъ не какъ Бога славитъ Его, но паче поноситъ Его, дѣлая дѣла діавола. Почему есть врагъ Божій, хотя и кажется вѣрнѣйшимъ учителемъ божественныхъ догматовъ и православнаго богословія. Впрочемъ и это, чтобъ таковый вѣрно возвѣщалъ божественные догматы и богословствовалъ, невозможно. Ибо какъ возможно, чтобы право и чисто умствовалъ тотъ умъ, который омраченъ оскверненною совѣстію? Только тотъ, кто разрѣшился отъ дѣлъ діаволихъ и всегда содержитъ въ памяти Бога, можетъ вѣрно возвѣщать тайны Божіи, какъ не вяжемый болѣе дѣлами діавола, отъ коихъ когда бы избавиться и намъ всѣмъ и улучить царствіе небесное, во Христѣ Іисусѣ, Господѣ нашемъ, Коему слава во вѣки. Аминь.

СЛОВО ОДИННАДЦАТОЕ.

1. Пишетъ сіе слово св. отецъ къ одному ученику изъ мірянъ, и научаетъ, какъ должно чтить св. отцевъ духовныхъ?
2. Что должно дѣлать, чтобъ найти настоящаго духовнаго отца?
3. И нашедши его, какъ должно къ нему относиться?

1. Возлюбленный мнѣ въ Господѣ! Я принялъ тебя на лоно свое, когда ты пришелъ ко мнѣ; съ теплымъ усердіемъ преподалъ тебѣ истинное ученіе, съ немалымъ трудомъ возобразивъ тебя во образъ Христовъ чрезъ покаяніе, и возродилъ чадомъ духовнымъ съ великимъ терпѣніемъ, многими попеченіями и каждодневными слезами, хотя ты не зналъ ничего изъ этого, испытаннаго мною ради тебя. Это и не дивно. И дѣти, находясь въ утробѣ, ни мало не чувствуютъ печалей матери своей, ни болѣзней, какія терпитъ она во время рожденія ихъ. Но когда родятся, естественно хватаются за груди матернія, насыщаются молокомъ, исходящимъ изъ нихъ, и, питаясь такимъ образомъ, мало-по-малу растутъ, и тогда уже познаютъ матерь свою, родившую ихъ, и начинаютъ почитать ее и любить чрезмѣрно; и хоть она бьетъ ихъ, хоть бранитъ, они все къ ней бѣгутъ съ полною любовію; не могутъ они подумать, чтобъ она ненавидѣла ихъ и отвращалась отъ нихъ душею своею, но что бы она имъ ни дѣлала, думаютъ, что дѣлаетъ то для того, чтобъ научить ихъ разуму. Также и отца своего наконецъ познаютъ они и начинаютъ отличать отъ другихъ, почитать и слушаться, не по естественному только закону, но и по законамъ, которые даровалъ человѣколюбивый Богъ.

Такимъ образомъ родители являютъ подобающее о дѣтяхъ попеченіе, а дѣти воздаютъ родителямъ благорасположеніемъ и покорностію достодолжное, и живя съ ними, бываютъ научаемы наказаніемъ и ученіемъ Господнимъ. Но если родители не оказываютъ должнаго попеченія о дѣтяхъ, не учатъ ихъ разуму, не внушаютъ имъ добрыхъ правилъ, то души дѣтей всеконечно взысканы будутъ отъ рукъ ихъ. И напротивъ, если дѣти по дерзости и безчинству будутъ презирать родителей своихъ, не станутъ слушать наставленія и исполнять повелѣнія ихъ, то хоть и не будутъ они преданы за то на временную смерть, какъ опредѣляетъ ветхій законъ, но несомнѣнно преданы будутъ огню вѣчному и тьмѣ кромѣшной. Объ этомъ явно возвѣщаетъ намъ все богодухновенное Писаніе, и мы, будто глухіе, не слушаемъ того, а если и слушаемъ, не исполняемъ, какъ будто и не слышали.

Таковымъ я не имѣлъ и не имѣю никакой охоты говорить что-либо или писать, особенно слыша, что Господь и Богъ нашъ сказалъ ученикамъ Своимъ: *аще Мене изгнаша, и васъ изженутъ* (Іоан. 15, 20); и опять: *аще господина дому веельзевула нарекоша, кольми паче домашнія его* (Мѳ. 10, 25). Но какъ несмотря на то, Онъ все же послалъ ихъ къ намъ, языкамъ, говоря: *шедше научіте вся языки, крестяще ихъ во имя Отца и Сына и Святаго Духа, учаще ихъ блюсти вся, елика заповѣдахъ вамъ* (Мѳ. 28, 19), и потомъ присовокупилъ еще къ сему: *иже вѣру иметъ и крестится, спасенъ будетъ; а иже не иметъ вѣры, осужденъ будетъ* (Мр. 16, 16), то я расположился написать любви твоей на память, что для тебя благопотребно и полезно. И это потому особенно, что преодолѣваетъ меня, какъ отца чадолюбиваго, крѣпкая къ тебѣ любовь, не дозволяя мнѣ

сносить, чтобъ ты, духовный сынъ мой въ Господѣ, проводилъ жизнь свою такъ, какъ живешь. Теплое къ тебѣ расположеніе нудитъ меня снизойти къ тебѣ и предъ очи твои предложить истину Божію, хотя пиша напишу тоже, что каждый день читаешь ты самъ, и что соблюдать заповѣдуетъ намъ Божественное Писаніе.

Можетъ быть, ты спросишь меня: если ты обѣщаешься сказать мнѣ, что я уже знаю и чему учитъ насъ Божественное Писаніе, то для меня достаточно этого послѣдняго, для чего еще и ты хочешь писать мнѣ о томъ же? На это послушай, сынъ мой, вотъ причина, или лучше причины, побудившія меня писать къ тебѣ. Дѣлаю это я, вопервыхъ, для того, да не буду осужденъ, какъ осужденъ былъ оный рабъ лукавый, который скрылъ талантъ господина своего, и да не услышу и я, когда въ день суда взыщетъ отчета отъ меня Владыка мой: *рабе лукавый и лѣнивый, подабаше тебѣ дати сребро мое торжникомъ, и пришедъ Азъ взялъ быхъ свое съ лихвою* (Мѳ. 26, 26). Вовторыхъ, для того, чтобъ оставить тебѣ, сыну моему возлюбленному, то, что имѣю тебѣ сказать, какъ наслѣдіе: все это идетъ отъ отцевъ и праотцевъ нашихъ духовныхъ, но принято прежде мною и передается тебѣ; не задерживаю, прими отцовское наслѣдіе; мнѣ же, какъ чадо благодарное, воздай, если разсудишь, вящшею любовію. Въ третьихъ, для того, чтобъ показать тебѣ, сыну моему искреннему, сколь великое богатство духовное предано мнѣ духовнымъ отцемъ моимъ, породившимъ меня чрезъ покаяніе благодатію Духа Святаго, чтобъ не зная сего, ты какъ-нибудь не сталъ презирать меня, духовнаго отца своего, какъ бѣднаго, ничего неимущаго и ничего не стоющаго, подумавъ, что не наслѣдовалъ отъ меня никакого цѣннаго наслѣдія. Въ четвертыхъ, и это важнѣе всего, для

того, чтобъ, презрѣвъ меня, ты не оказался виновнымъ на страшномъ судѣ Господнемъ, если Богу благоугодно будетъ твое уничиженіе меня и слова моего вмѣнить въ уничиженіе Себя и слова Своего. Въ пятыхъ, для того, чтобъ и другіе услышали слово истины, какъ теперь, такъ и послѣ, и плодъ принесли потомъ, кто тридесять, кто шестьдесятъ, кто сто, если примутъ его въ сердце свое, какъ сѣмя; если же не примутъ его, чтобъ мнѣ остаться неповиннымъ въ крови за души ихъ.

И въ духовныхъ вещахъ бываетъ также, какъ въ чувственныхъ. Каждый изъ принявшихъ богатство отъ предковъ оставляетъ потомъ однимъ наслѣдство, другимъ дары, какъ-то: дѣтямъ, друзьямъ, слугамъ, а сверхъ того, во исполненіе заповѣди Божіей раздаетъ изъ имѣнія своего бѣднымъ, сколько хочетъ; и каждый изъ получившихъ что-либо даетъ отчетъ, какъ распорядился тѣмъ, что получилъ. Такимъ же образомъ и получившіе духовный даръ отъ Бога долгъ имѣютъ неоскудно передавать его прежде другихъ дѣтямъ своимъ духовнымъ, потомъ друзьямъ, знаемымъ и слугамъ, а далѣе и стороннимъ, богаты ли они, или бѣдны, слово ли премудрости кто получилъ, или слово разума, или дарованіе исцѣленій, или предстательство о душахъ, или силу помогательную, или разсужденіе управительное. И всякій изъ тѣхъ, которые учатъ или дѣлаютъ что-либо для другихъ, пусть вѣдаетъ, что никто изъ нихъ не будетъ похваленъ и не получитъ воздаянія за то, что дѣлаетъ, но строго будетъ истязанъ, осужденъ и наказанъ за все, что пропуститъ сдѣлать.

Итакъ, не принимай ты, прошу тебя, діавола, когда онъ придетъ и начнетъ внушать тебѣ, будто я пишу это тебѣ на показъ, изъ человѣкоугодія. Самъ ты знаешь очень хорошо, что тотъ, кто дѣйствуетъ въ такомъ духѣ, не только губитъ мзду свою, какъ торгующій сло-

вомъ Христовымъ и продающій его, но и будетъ преданъ на мученіе тамъ, гдѣ плачъ и скрежетъ зубовъ. Знай же при семъ, что вмѣстѣ съ нимъ будутъ осуждены и тѣ, которые осуждаютъ его; ибо слышишь, что говоритъ Господь: *не судите, да не судими будете. Имже бо судомъ судите, судятъ вамъ: и въ нюже мѣру мѣрите, возмѣрится вамъ* (Мѳ. 7, 1. 2). Объ этомъ подумывай, брате мой, вспоминая притомъ и слово Апостола, который говоритъ: *повинуйтеся наставникомъ вашимъ и покоряйтеся: тіи бо бдятъ о душахъ вашихъ, яко слово воздати хотяще: да съ радостію сіе творятъ, а не воздыхающе: нѣсть бо полезно вамъ сіе* (Евр. 13, 17), и слово Господа, Который каждодневно взываетъ къ намъ во святомъ Евангеліи: *иже васъ пріемлетъ, Мене пріемлетъ* (Матѳ. 10, 40), и: *слушаяй васъ, Мене слушаетъ: и отметаяйся васъ, Мене отметается* (Лук. 10, 16), и ревнуя о спасеніи своемъ со страхомъ и трепетомъ, слушайся меня и внимай слову моему. Пусть не говоритъ тебѣ помыслъ твой, что это сказано только объ Апостолахъ, и что ихъ однихъ обязаны мы слушать; но вонми, что опять говоритъ къ нимъ Христосъ Господь: *яже вамъ глаголю, всѣмъ глаголю* (Марк. 13, 37). Кому это всѣмъ? Тѣмъ, которые имѣютъ увѣровать въ Меня, посредствомъ ученія вашего, и будутъ хранить заповѣди Мои также, какъ и вы.

Вонми, прошу тебя! Владыка нашъ Богъ, избравъ Себѣ учениковъ и Апостоловъ, открылъ имъ и ввѣрилъ всѣ тайны Своего домостроительства, сокровенныя отъ вѣка, потомъ даровалъ имъ Духа Святаго и послалъ ихъ, говоря: *шедше научите вся языки, крестяще ихъ во имя Отца и Сына и Святаго Духа, учаще ихъ блюсти вся, елика заповѣдахъ вамъ* (Мѳ. 28, 19). Апостолы, *изшедше*, учили и проповѣдывали слово Божіе, и многіе народы увѣровали во Христа, и церкви вѣрующихъ

учредились въ городахъ. Когда какой-нибудь Апостолъ, учредивъ гдѣ-либо церковь, имѣлъ намѣреніе оставить тамошнихъ вѣрующихъ, чтобъ идти въ другія мѣста, города и селенія, то рукополагалъ для нихъ вмѣсто себя епископовъ и іереевъ, и ихъ оставлялъ имъ учителями, отцами духовными и руководителями. Эти опять, приближаясь къ смерти, избирали на такое служеніе другихъ достойныхъ, рукополагали ихъ, и оставляли вмѣсто самихъ себя. Такъ шелъ по преданію такой порядокъ, пока до насъ дошелъ, и законоположеніе такое дѣйствіемъ Святаго Духа соблюдается даже донынѣ. Равнымъ образомъ, чрезъ посредство этихъ же лицъ дошли до насъ и всѣ преданія и ученія, которыя Апостолы приняли отъ Владыки всѣхъ и Бога нашего. Но какъ стадо Христово размножилось и народъ вѣрующихъ сталъ безчисленъ, то благодать Духа Святаго устроила, чтобъ къ архіереямъ и іереямъ прибавлены были еще и игумены и другіе духовные отцы (изъ иночествующихъ), которые дѣлами показываютъ твердую вѣру во Христа, истиннаго Бога нашего, имѣютъ въ себѣ благодать Святаго Духа, чтобъ и они сопастырствовали вмѣстѣ съ тѣми и содѣйствовали во спасеніе тѣхъ, которые желаютъ спастися.

Если теперь кого-нибудь изъ этихъ пастырей нашихъ, архіереевъ, іереевъ, учителей, игуменовъ и отцевъ духовныхъ, которые хранятъ ученія и преданія святыхъ Апостоловъ и преподаютъ намъ, если кого-нибудь изъ таковыхъ мы дерзнемъ какъ-нибудь презрѣть и преобидѣть, или не принять въ домъ свой и слова его не послушать, вмѣняя его ни во что, то не самого ли Павла, не самого ли Петра, и не весь ли хоръ Апостоловъ изгонимъ мы въ такомъ случаѣ? А кто ихъ изгоняетъ, не оказываетъ ли презрѣнія къ Самому Господу нашему Іисусу Христу, и Отцу Его? Ибо

мы чтимъ Апостоловъ не просто какъ людей, но потому что они пришли и проповѣдали Сына Божія, на землю сошедшаго, да спасетъ родъ нашъ, и потому что Имъ были посланы содѣлать насъ сынами Богу по благодати, наслѣдниками вѣчной жизни и причастниками неизреченныхъ благъ, посредствомъ проповѣди Евангелія и святаго крещенія. Еслибъ не вручилъ имъ Господь преподать намъ все сіе, они и не преподали бы, и были бы такимъ образомъ, какъ и всѣ прочіе человѣки.

2. Поэтому надлежитъ намъ со всѣмъ усердіемъ, тщаніемъ и вниманіемъ, со всею бдительностію и многими молитвами, блюстись, чтобы не напасть на какого-либо прелестника или обманщика, или лжеапостола, или лжехриста, но обрѣсти руководителя истиннаго и боголюбиваго, который имѣлъ бы внутрь себя Христа и точно зналъ ученіе, правила и постановленія св. Апостоловъ и догматы св. отцевъ, или, лучше сказать, который бы зналъ волю и тайны самого Владыки и Учителя Апостоловъ Христа. Такого учителя надлежитъ намъ взыскать и обрѣсти, который сначала слышалъ бы все это въ словѣ и научился тому со словъ, а потомъ наученъ былъ всему таинственно и во истинѣ самимъ Утѣшителемъ Духомъ чрезъ дѣяніе и опытъ; такъ чтобы и онъ сподобился услышать отъ самого Христа Господа, научившаго Апостоловъ: *вамъ дано есть разумѣти тайны царствія небеснаго* (Мѳ. 13, 11). Если взыщемъ, конечно и найдемъ: ибо не неправеденъ Богъ, и не радуется Онъ о погибели человѣческой, но какъ написано, *тако возлюби Богъ міръ, яко и Сына своего Единороднаго далъ есть, да всякъ вѣруяй въ Онъ не погибнетъ, но имать животъ вѣчный* (Іоан. 3, 16). Если Онъ на смерть предалъ Сына своего Единороднаго, да мы спасены будемъ чрезъ Него, то возможно ли, чтобы, когда мы просимъ Его послать намъ, или лучше, явить намъ какого

либо истиннаго раба Своего, который поруководилъ бы насъ въ дѣлѣ спасенія и научилъ знать волю Его, возможно ли, говорю, чтобы Онъ скрылъ отъ насъ такого человѣка и лишилъ насъ чрезъ то неложнаго руководства? Нѣтъ, нѣтъ! Это никакъ невозможно. Сему вѣровать да научитъ насъ случившееся съ сотникомъ Корниліемъ. Онъ былъ мужъ *благоговѣйнъ и бояйся Бога со всѣмъ домомъ своимъ, творяй милостыни многи людемъ, и молялся Богу всегда.* За это сподобился онъ того, что *увидѣлъ въ видѣніи явѣ, яко въ часъ девятый дне, Ангела Божія сшедша къ нему, и рекша ему: молитвы твоя и милостыни твоя взыдоша на память предъ Бога. И нынѣ посли во Іоппію мужей, и призови Симона нарицаемаго Петра: сей странствуетъ у нѣкоего Симона усмаря, емуже есть домъ при мори* (Дѣян. 10, 2—6).

Видишь ли, какъ хорошо я сказалъ, что надлежитъ намъ употребить все усердіе и тщаніе, чтобъ обрѣсти истиннаго ученика Христова? И замѣть при-семъ, что говоритъ Писаніе: Корнилій мужъ *благоговѣйнъ и бояйся Бога со всѣмъ домомъ своимъ.* Не себя только одного держалъ онъ въ страхѣ Божіемъ, но и всѣхъ, живущихъ въ домѣ его, научилъ бояться Бога. И сіе *добро есть и пріятно предъ Богомъ* (1 Тим. 2, 3), да печется всякъ не о томъ одномъ, что ему собственно полезно, но и о томъ, что полезно всѣмъ, живущимъ вмѣстѣ съ нимъ. Такимъ образомъ сотникъ оный, прежде чѣмъ наученъ былъ Апостолами, уже исполнялъ заповѣдь апостольскую, которая повелѣваетъ: *никтоже своего си да ищетъ, но еже ближняго кійждо* (1 Кор. 10, 24). Творилъ онъ также и милостыни многи, и Богу молился день и ночь; и такимъ образомъ прежде, чѣмъ увѣровалъ, явно исполнялъ заповѣдь Господа нашего и Бога, которая повелѣваетъ: *бдите и молитеся, да не внидете въ напасть* (Мѳ. 26, 41), и еще: *просите и дастся вамъ: ищите и*

обрящете: толцыте и отверзется вамъ (Мѳ. 7, 7). Видишь, что дѣлалъ этотъ невѣрующій еще во Христа и почти язычникъ? Не слышалъ еще онъ слова благовѣстія, а уже усердно исполнялъ заповѣди евангельскія, прежде чѣмъ наученъ имъ былъ отъ кого-либо. Просилъ онъ посредствомъ благоговѣинства, и получилъ; искалъ посредствомъ милостыни и нашелъ; толкалъ посредствомъ поста и молитвы, и отверзалось ему. *Посли*, говоритъ, *во Іоппію, и призови Симона нарицаемаго Петра.* Се чудный даръ! Се дивное облагодѣтельствованіе! *Иже странствуетъ у нѣкоего Симона усмаря; емуже есть домъ при мори.* Видишь, какъ Ангелъ открылъ ему не только имя руководителя, но и имя того, кто странноприялъ его, даже мѣсто дома, въ коемъ онъ нашелъ себѣ пристанище? И это сдѣлалъ Ангелъ для того, чтобъ Корнилій не обманулся, и не призвалъ другого кого вмѣсто Петра, и не попалъ на волка вмѣсто пастыря.

Если и ты хочешь показать себя истиннымъ, вѣрнымъ и избраннымъ ученикомъ Христовымъ, живи такою же жизнію, дѣлай такія же дѣла, припадай къ Богу въ молитвахъ своихъ такимъ же образомъ, и Онъ отверзетъ очи души твоей, чтобъ и ты увидѣлъ такого человѣка, какъ Корнилій увидѣлъ Ангела. Подражай хоть невѣрному ты, провозглашающій себя вѣрнымъ, язычнику и ненаученному ты, именующійся чадомъ христіанства, воспитанный въ ученіи Апостоловъ и высоко умствующій, когда услышишь глумленія невѣждъ. Подражай сотнику ты, пользующійся властію только въ домѣ своемъ, и всячески попекись исправнымъ явить хоть себя самого, и этихъ немногихъ, сущихъ подъ тобою и во власти твоей. Если же ты презираешь эти дѣла, находящіяся во власти твоей и въ произволеніи твоемъ, нерадишь о заповѣдяхъ Божіихъ, тебѣ вѣдомыхъ, не печешься объ исполненіи ихъ и не ревнуешь о томъ, чтобъ явить исправнымъ себя самого и тѣхъ, кои подъ властію твоею;

то скажи мнѣ, какъ Богъ покажетъ тебѣ учителя, который научилъ бы тебя совершеннѣйшему и высшему? А если Богъ не покажетъ тебѣ его, какъ можешь ты самъ найти его, или узнать? Какъ примешь его безъ сомнѣнія, какъ святаго? И какъ получишь потомъ (за такое пріятіе) мзду праведнаго и святаго? Нѣтъ, нѣтъ! Нельзя сему быть. Только тѣмъ, которые бывали усердны къ Богу и, заботясь о спасеніи своемъ, начинали сами отъ себя дѣлать все способствующее сему спасенію, сколько то было для нихъ возможно, взыскивали Бога и дѣлали всякое добро, только такимъ какъ всегда являлъ, такъ и теперь являетъ Богъ апостоловъ, пророковъ, праведныхъ и святыхъ, и они узнавали ихъ и принимали, яко такихъ, и честь имъ воздавали, какъ учителямъ благочестія и посланникамъ Божіимъ. Почему и слова ихъ соблюдали, какъ законы Божіи, и мзду получали въ мѣру тѣхъ, коихъ принимали. И нынѣ, если обрѣтутся гдѣ-либо таковые, пріемлемые и пріемлющіе, всеконечно и нынѣ сіи послѣдніе пріемлютъ мзду въ мѣру первыхъ.

А тѣхъ, которые презираютъ другихъ, и думая о себѣ, что они крайне мудры, пребываютъ въ безпечности и нерадѣніи и не просятъ Бога, какъ Корнилій и подобные ему, въ усердныхъ молитвахъ, съ милостынями и постомъ, особенно нынѣ, когда мы всѣ почти, съ мальства научаясь у пророковъ и апостоловъ волѣ Божіей и всему душеспасительному, думаемъ, что уже не имѣемъ болѣе ни въ чемъ нужды, — таковыхъ, говорю, Богъ оставляетъ пребывать въ томъ самопрельщеніи, въ которое впали сами по своей винѣ. Они, будучи омрачены тьмою своихъ страстей, похотей и пожеланій, и ходя въ сей тьмѣ, какъ въ глубокой ночи, на такихъ же и учителей попадаютъ. И естественно. Потому что властитель тьмы имѣетъ конечно у себя учениковъ и слугъ такихъ, которые ходятъ въ сей тьмѣ; на нихъ-то попадаютъ по-

добные же имъ и принимаютъ ихъ съ радостію, находя ихъ по мыслямъ себѣ, и учатся у нихъ тому же, что сами напередъ предъизбрали и что порѣшили дѣлать на пагубу себѣ. И кто не знаетъ, что діаволъ съ самаго начала поднялъ противъ пророковъ лжепророковъ, противъ апостоловъ—лжеапостоловъ, противъ святыхъ учителей—лжесвятыхъ и лжеучителей, и что онъ всѣми мѣрами подвизается прельщать нерадивыхъ лжесловіемъ, чтобъ низринуть ихъ въ ровъ пагубы? Отъ таковыхъ предостерегаетъ насъ и Апостолъ, говоря: *молю вы, братіе, блюдитеся отъ творящихъ распри и раздоры кромѣ ученія, емуже вы научистеся, и уклонитеся отъ нихъ. Таковіи бо Господеви нашему Іисусу Христу не работаютъ, но своему чреву: иже благими словесы и благословеніемъ прельщаютъ сердца незлобивыхъ* (Рим. 16, 17. 18). Итакъ тѣ, которые желаютъ избѣжать таковыхъ, какъ завѣщаваетъ Апостолъ, должны для сего удаляться отъ дѣлъ тьмы; ибо пока кто порабощенъ такимъ дѣламъ и ходитъ во тьмѣ, дотолѣ не можетъ онъ избѣжать такихъ учителей и не можетъ придти на свѣтъ учителей истинныхъ.

И ты, духовное чадо мое въ Господѣ, слыша Божественное Писаніе, которое говоритъ: *горе, иже мудри въ себѣ самихъ, и предъ собою разумни* (Исаіи 5, 21), со страхомъ и трепетомъ внимай тому, что здѣсь изрекается: ибо слово это къ душевному спасенію. И если хочешь улучить истиннаго учителя, мужа святаго и духовнаго, не расчитывай, что можешь узнать его самъ собою, своимъ разсмотрѣніемъ, потому что это невозможно. Но прежде всего другаго, какъ я сказалъ уже, подвизайся въ добрыхъ дѣлахъ, въ милостыняхъ, въ пощеніи, молитвѣ и моленіи непрестанномъ, да будетъ тебѣ помощникомъ и содѣйствователемъ въ этомъ Богъ.

3. Коль же скоро съ помощію Божіею, по благодати Его, сподобишься найти такого, покажи къ нему крайнее

вниманіе, и всякое ему благоугожденіе, великое смиреніе и благоговѣніе, высокое почитаніе и вѣру чистую и несомнѣнную. Чего ради? Ради того, чтобъ, къ несчастію, не заслужить тебѣ иначе вмѣсто мзды казнь и муку. Ибо о таковыхъ сказалъ Спаситель напъ и Богъ: *иже васъ пріемлетъ, Мене пріемлетъ* (Мѳ. 10, 40); *отметаяйся же васъ, Мене отметается* (Лк. 10, 16). Итакъ надлежитъ намъ принимать таковыхъ, какъ самого Христа; ибо то, что бываетъ оказываемо имъ, возносится къ самому Владыкѣ Христу и Богу нашему, и Онъ себѣ то присвояетъ и на такомъ имѣетъ счету, какъ бы Онъ самъ лично принималъ все то; какъ напротивъ и то, что бываетъ оказываемо лжеучителямъ, возносится къ самому антихристу, и которые ихъ пріемлютъ, пріемлютъ самого діавола. И пусть никто не отговаривается, что не знаетъ таковыхъ, говоря: „какъ могу я распознать ихъ? И я человѣкъ, а никто изъ людей не знаетъ, что кроется у другаго на душѣ, кромѣ духа, живущаго въ немъ.“ Никто не бери этого изреченія въ благословный предлогъ: ибо, еслибы невозможно было распознавать таковыхъ Господь не далъ бы такой заповѣди: *внемлите отъ лживыхъ пророкъ*, т. е. берегитеся отъ лжеучителей, *иже приходятъ къ вамъ во одеждахъ овчихъ, внутрь же суть, волцы хищницы,* и не приложилъ бы вслѣдъ за симъ: *отъ плодъ ихъ познаете ихъ* (Мѳ. 7, 15).

Если теперь Господь нашъ Іисусъ Христосъ истиненъ, какъ воистину есть истиненъ, то очевидно, что мы можемъ распознавать таковыхъ, изъ того, что они говорятъ и что дѣлаютъ. Итакъ покажемъ напередъ плоды истиннаго Святаго Духа; тогда объявятся сами собою и плоды противоположнаго Ему, духа злаго; а по плодамъ этимъ мы очень хорошо можемъ потомъ распознавать, какіе учители суть истинные, святые и праведные учители, и какіе не таковы, а лишь притворя-

ются таковыми. Я ничего не буду говорить отъ себя самого, но все со словъ Спасителя и святыхъ Апостоловъ Его, коими попытаюсь удостовѣрить твою любовь, что указываемые мною признаки истинныхъ и ложныхъ учителей истинны и удобопознаваемы для насъ.

Слушай же, что говоритъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ: *блаженни нищіи духомъ, блаженни плачущіи, блаженни кротціи* (Мѳ. 5, 3—5). И опять: *любите враги ваша, добро творите ненавидящимъ васъ и молитеся за творящихъ вамъ напасть* (Мѳ. 5, 44). Слово праздное да не исходитъ изъ устъ вашихъ. *Глаголю вамъ, яко всяко слово праздное, еже аще рекутъ человѣцы, воздадятъ о немъ слово въ день судный* (Мѳ. 12, 36). И еще: *аще не обратитеся и будете яко дѣти, не внидете въ царство небесное* (Мѳ. 18, 3). Въ другомъ мѣстѣ говоритъ Онъ опять: *о семъ разумѣютъ вси, яко мои ученицы есте, аще любовь имате между собою* (Ін. 13, 35). Еще: *како вы можете вѣровати, славу другъ отъ друга пріемлюще, и славы яже отъ единаго Бога, не ищете!* (Ін. 5, 44). *Яко всякъ возносяйся смирится: смиряяй же себе вознесется* (Лк. 18, 14). Не говоритъ, что вознесенъ будетъ мірскою славою, но даетъ обѣтованіе, что онъ будетъ возвышенъ таинственно духовнымъ нѣкіимъ измѣненіемъ. Вотъ что вслухъ всѣмъ намъ каждодневно взываетъ Господь нашъ и Владыка Христосъ. Послушай теперь, что говоритъ и Апостолъ Павелъ: *плодъ духовный есть любы, радость, миръ, долготерпѣніе, благость, милосердіе, вѣра, кротость, воздержаніе* (Гал. 5, 22). И опять: *любы не превозносится, не гордится, не безчинствуетъ, не ищетъ своихъ си, вся покрываетъ, вся терпитъ, любы николиже отпадаетъ* (1 Кор. 13, 5—8). Послушай также и Іоанна Богослова, который говоритъ: *не любите міра, ни яже въ мірѣ: аще кто любитъ міръ, нѣсть любве Отчи въ немъ* (1 1н. 2, 15). И еще: *всякъ*

ненавидяй брата человѣкоубійца есть: и вѣсте, яко всякъ человѣкоубійца не имать живота вѣчнаго въ себѣ пребывающа (—3, 15). *Сего ради явлена суть чада Божія и чада діавола* (—3, 10), т.-е. изъ любви и ненависти. Любящій Бога любитъ и рожденныхъ отъ Него, т.-е. братій своихъ; а ненавидящій кого-либо изъ братій своихъ, сей отъ діавола родился, и любви Божіей нѣтъ въ немъ. По такимъ признакамъ, умѣющіе разсуждать могутъ различать, кто сыны Божіи и кто сыны діавола; и плоды святаго и всеблагаго Духа суть тѣ, какіе мы указали выше.

Надлежитъ теперь намъ показать и плоды злаго духа, чтобъ, зная ихъ, вы могли различать свѣтъ отъ тьмы, сладкое отъ горькаго, добро отъ зла. Внемлите же опять, что говоритъ Господь и Богъ нашъ: *не можетъ древо добро плоды злы творити, ни древо зло плоды добры творити* (Мѳ. 7, 18). И опять: *благій человѣкъ отъ благаго сокровища сердца своего износитъ благое: а злый человѣкъ отъ злаго сокровища сердца своего износитъ злое* (Лк. 6, 45). Еще: *иже аще разоритъ едину заповѣдей сихъ малыхъ, и научитъ тако человѣки, мній наречется въ царствіи небеснѣмъ: а иже сотворитъ и научитъ, сей велій наречется въ царствіи небеснѣмъ* (Мѳ. 5, 19). А о книжникахъ и фарисеяхъ что говоритъ Онъ?— *Связуютъ*, говоритъ, *бремена тяжка и бѣдны носима, и возлагаютъ на плеща человѣческа: перстомъ же своимъ не хотятъ двигнути ихъ. Вся же дѣла своя творятъ, да видими будутъ человѣки: расширяютъ же хранилища своя, и величаютъ воскрилія ризъ своихъ: любятъ же преждевозлежанія на вечеряхъ, и преждесѣданія на сонмищахъ и цѣлованія на торжищахъ, и звatися отъ человѣкъ: учителю, учителю* (Мѳ. 23, 3—7).

Итакъ, когда увидишь, что кто-либо дѣлаетъ такія дѣла, заботливо ищетъ славы человѣческой и беззаботно

преступаетъ заповѣди Божіи, чтобъ угодить людямъ, то знай, что это прелестникъ, а не истинный учитель. И Апостолъ говоритъ: *идѣже въ васъ зависти и рвенія и распри, не плотстіи ли есте?* (1 Кор. 3, 3). Плотской же и *душевенъ человѣкъ не пріемлетъ яже Духа Божія, юродство бо ему есть* (1 Кор. 2, 14). Но кто не пріемлетъ Духа Святаго, тотъ, явно, и не имѣетъ сего Духа въ себѣ; а кто Духа Святаго не имѣетъ, тотъ и не Христовъ, какъ утверждаетъ тотъ же Павелъ, говоря: *аще кто Духа Христова не имать, сей нѣсть Его* (Рим. 8, 9).

Слышалъ, кто Христовы и кто антихристовы?—Можешь отсюда навѣрное заключить, что внимательные легко могутъ распознавать добрыхъ и злыхъ. А невнимательные не только другихъ людей, но и самихъ себя не знаютъ. Ибо когда кто такъ опутываетъ себя заботами и хлопотами о житейскомъ, какъ бы былъ безсмертенъ въ этомъ мірѣ, день и ночь занятъ бываетъ одними мірскими дѣлами и всякіе изобрѣтаетъ способы, какъ бы побольше разбогатѣть, и при этомъ строитъ домы добрые и многодѣнные, набираетъ множество слугъ, коней и муловъ, накупаетъ серебряныхъ сосудовъ, златотканыхъ одеждъ, дорогихъ ковровъ и всякое другое доставляетъ себѣ плотское наслажденіе и успокоеніе, то скажи мнѣ, можно ли показать, что такой знаетъ самого себя? — Нѣтъ, чадо мое духовное, нѣтъ, навѣрное не знаетъ онъ ни себя самого, ни того что дѣлаетъ. Знаетъ онъ себя лишь настолько, чтобъ сказать, что это онъ, а не другой кто; но дѣла его показываютъ, что онъ не знаетъ, что онъ такое есть, не знаетъ своего душевнаго состоянія и не понимаетъ, что дѣлаетъ. Онъ такъ живетъ, какъ бы былъ безсмертенъ; устами говоритъ: мы нынѣшни, а не завтрешни; и тутъ же на дѣлѣ заготовляетъ всего такъ много, что того не израсходуешь и въ десятки лѣтъ; гласно исповѣдуетъ, что блага міра

сего ничто, а между тѣмъ за маленькую какую-либо и ничтожную вещь заводитъ споры и ссоры съ братіями своими; философствуетъ, что онъ пыль и прахъ, а между тѣмъ всегда одѣвается пышно, показывая тѣмъ, что онъ гораздо выше всѣхъ другихъ людей; слышитъ Божественное Писаніе, которое говоритъ: горе *сластолюбствующимъ и ласкосердствующимъ на постеляхъ мягкихъ* (Іезек. 16, 49. Амос. 6, 4), а самъ со всею заботливостію назираетъ, чтобы кровать его была самая великолѣпная, постель самая пышная и столъ обиловалъ всякаго рода дорогими яствами. И это выказываетъ онъ не только предъ подобными ему мірянами, но и предъ монахами бывающими у него, которые не только не дивятся всему этому, а напротивъ жалѣютъ о тѣхъ, кои имѣютъ то, и оплакиваютъ ихъ неразуміе, видя, какъ они величаются тѣмъ, отъ чего слѣдовало бы имъ наипаче приходить въ стыдъ, именно, что, тогда какъ братія ихъ бѣдные или, лучше сказать, самъ Христосъ, алчутъ и жаждутъ, они всячески утѣшничаютъ и, что еще хуже, не чувствуютъ, что поступая такъ, они свидѣтельствуютъ о себѣ, что суть немилосердые лихоимцы и онеправдователи бѣдныхъ. Скажи же мнѣ теперь, можно ли согласиться, что такой человѣкъ знаетъ самого себя, знаетъ, въ какомъ состояніи находится по душѣ и какимъ страстямъ порабощенъ? Никакъ нельзя. Нѣтъ, не знаетъ онъ себя, хоть и можетъ ему казаться, будто знаетъ. Но тотъ, кто не знаетъ самого себя и своего состоянія, какъ можетъ познать другаго и страсти его? Какъ можно, чтобъ слѣпой могъ разсмотрѣть другаго и познать, слѣпой онъ или видящій? Нѣтъ, нѣтъ; это невозможно.

Прибавлю къ сказанному, сынъ мой и братъ, еще и слѣдующее, что если кто не позаботится напередъ, долгимъ моленіемъ, съ милостынею, постомъ и бдѣніемъ,

познать себя самого и свою немощность, то онъ не можетъ познать и того, что безъ духовнаго отца, руководителя и учителя, нельзя человѣку соблюсти, какъ должно, заповѣди Божіи, жить вполнѣ добродѣтельно и не быть уловлену сѣтьми діавольскими; а кто этого не познаетъ, тому какъ избѣжать притязательнаго самомнѣнія, что онъ не имѣетъ нужды въ наученіи, совѣтѣ, внушеніи и помощи со стороны другихъ? И остается онъ исполненнымъ гордости, не сознавая, что ничего не знаетъ, и пребываетъ во глубинѣ невѣдѣнія, или, вѣрнѣе сказать, погибели. И этого самаго не можетъ онъ понять, что находится въ числѣ гибнущихъ; такъ какъ это невѣдѣніе то имѣетъ свойство, что бываетъ какимъ-то густымъ покрываломъ на умныхъ очахъ души, и не даетъ имъ видѣть ясно истину, когда любитъ міръ и вещи мірскія. Ибо поколику умъ удаляется отъ памятованія о Богѣ, о смерти и о будущемъ судѣ, и не помышляетъ о благахъ, уготованныхъ праведникамъ, и о мукахъ, ожидающихъ грѣшниковъ, — вѣчномъ огнѣ, кромѣшной тьмѣ и скрежетѣ зубовъ, но всецѣло весь преданъ бываетъ заботамъ житейскимъ и призрачнымъ благамъ міра, богатству, славѣ, утѣхамъ, всему прочему, что въ мірѣ люди считаютъ славнымъ и свѣтлымъ,— поколику, говорю, умъ преданъ бываетъ всему такому, потолику онъ болѣе и болѣе грубѣетъ, разстроивается, омрачается и нѣкоторымъ образомъ весь покрывается непроницаемымъ покровомъ; слѣдствіемъ чего бываетъ выпаденіе изъ круга его познанія заповѣдей Божіихъ и совершенное о нихъ забвеніе. Почему и св. Давидъ, послѣ того, какъ согрѣшивши испыталъ такое зло, обратившись къ Богу въ покаяніи, умолялъ Его, говоря: *открый очи мои и уразумѣю чудеса отъ закона Твоего* (Пс. 118, 18).

Видишь, какъ закрыты были очи его? Видишь, какъ

вопіетъ онъ къ Богу, чтобы Онъ открылъ ихъ? Дѣлай тоже самое и ты, сынъ мой, и Господь не презритъ прошенія твоего, если восшлешь его къ Нему отъ всей души твоей, но услышитъ тебя и откроетъ очи души твоей. И тогда, какъ только прозришь ты, прежде и въ началѣ всего познаешь самого себя и состояніе свое, а потомъ и все другое, что тебѣ потребно знать. Слѣдствіемъ этого будетъ то, что ты отъ всей души начнешь почитать несравненно высшими себя и святыми не только благочестивыхъ и добродѣтельныхъ людей, но и всякаго вообще человѣка, большаго и малаго, праведнаго и грѣшнаго, даже тѣхъ, которые грѣшатъ явно. И сіе да будетъ тебѣ и всякому другому явнымъ знаменіемъ, что ты получилъ отпущеніе всѣхъ грѣховъ твоихъ, если придешь въ эту мѣру и достигнешь этого добраго́ состоянія. Ибо святое смиреніе на этой мѣрѣ находится, и тому, кто достигаетъ сей мѣры, оно первымъ даромъ даетъ то, чтобъ онъ думалъ, что изъ всѣхъ людей никого нѣтъ грѣшнѣе и ничтожнѣе его, и чтобъ всѣмъ чувствомъ души, съ полнымъ убѣжденіемъ, одного себя почиталъ грѣшнымъ и вѣрилъ, что онъ одинъ имѣетъ погибнуть и быть преданнымъ на вѣчныя муки.

Итакъ, чадо мое возлюбленное и братъ мой, восподвизайся стяжать такое смиреніе и не говори: „это невозможно для меня“, ни опять: „это идетъ къ однимъ монахамъ, а не къ тѣмъ, которые живутъ въ мірѣ“. Ибо Христосъ заповѣди Свои опредѣлилъ вообще для всѣхъ, и ничего не законополагалъ особо для монаховъ, и особо для мірянъ. И праотцы, бывшіе прежде закона Моисеева, и тѣ, которые жили послѣ него, исполняли эту заповѣдь (о смиреніи). Слушай, что говоритъ Іовъ: *мню себе землю и пепелъ* (42, 6). И Давидъ: *азъ есмь червь, а не человѣкъ* (Пс. 21, 7). Видишь словеса смиренія? Видишь душу, которая почитаетъ себя презрѣн-

нѣйшею паче всякаго человѣка, большаго и малаго? Подражай же и ты покаянію Давида, и стяжешь смиреніе его. Покаяніемъ разгоняется облакъ невѣдѣнія, покрывающій умъ, и снемлется покрывало, лежащее на немъ. Когда же размрачится умъ, тогда познаемъ и самихъ себя и состояніе свое, каково оно: увидимъ еще раны и скверны души нашей, и затѣмъ начнемъ не только мудрствовать и говорить смиренно, но станемъ стыдиться и солнца, и звѣздъ, и всѣхъ тварей Божіихъ, созданныхъ ради насъ, стыдиться оттого, что прогнѣвали Бога, создавшаго все сіе ради насъ, и погрѣшили противъ Него, преступивъ не одну, а всѣ заповѣди Его. Оттого не будемъ смѣть поднять глаза свои, чтобъ посмотрѣть на эти твари, и станемъ почитать себя недостойными того, чтобы вкушать отъ плодовъ земли, сами на себя произнеся опредѣленіе, что праведно будетъ умереть намъ отъ алчбы и жажды. Не будемъ смѣть также взглянуть и посмотрѣть на икону Христа Господа и святыхъ Его, сознавая себя скверными, нечистыми и многогрѣшными. Будетъ намъ казаться, что самимъ иконамъ стыдно отъ насъ и дѣлъ нашихъ; оттого не будетъ у насъ доставать смѣлости приблизиться къ нимъ и приложиться; крайне стыдно намъ будетъ къ чистому и святому прикоснуться нечистыми и осквернеными устами своими. Даже въ храмъ Божій намѣреваясь войти, будемъ чувствовать, какъ объемлетъ насъ страхъ и трепетъ, сознавая, что входимъ недостойные, боясь, какъ бы не разверзся полъ храма и не низринулъ насъ живыхъ во адъ.

Сему и большему сего всегда будетъ поучать насъ святое смиреніе, и, измѣняя насъ, переустрояя и претворяя, до того проникнетъ все естество наше, что потомъ мы, хоть бы и хотѣли, не возможемъ уже подумать или сказать о себѣ что-либо великое и высокое. Это святое смиреніе удостовѣритъ насъ и въ томъ, что

безъ учителя не возможемъ мы научиться никакому добру; и тѣмъ, которые вопросятъ насъ, говоря: *разумѣеши ли, что чтеши?* оно научитъ насъ отвѣчать: *како могу разумѣти, аще не кто наставитъ мя* (Дѣян. 8, 30. 31)? Оно научитъ насъ не вступать безъ проводника на стезю, которой не вѣдаемъ. Оно возвѣститъ намъ, что, желая каяться, мы не должны приступать къ Богу безъ посредника и руководителя. Поелику если оно побуждаетъ насъ стыдиться неба и земли и всякаго творенія Божія, сущаго въ нихъ, со страхомъ благоговѣинствовать предъ иконою Спасителя и святыхъ Его, не смѣть взирать на сіи иконы, или приблизясь лобызать ихъ; не тѣмъ ли паче заставитъ оно насъ не приближаться безъ посредника къ самому Творцу и Владыкѣ всяческихъ Богу? Ибо хотя Онъ и человѣколюбивъ, но много радуется о нашемъ смиреніи и сокрушеніи, и очень хвалитъ, когда кто почитаетъ себя недостойнымъ приблизиться къ Нему самому собою безъ посредника.

Другимъ образомъ (такъ можешь убѣдиться въ этомъ). Владыка нашъ и Богъ, желая научить насъ, что къ Богу приближаться надлежитъ намъ съ помощію какого-либо посредника и поручителя, Самъ какъ во всемъ прочемъ показалъ намъ примѣръ и образецъ, такъ и въ этомъ Самъ былъ первымъ посредникомъ и ходатаемъ человѣческаго естества, принесши оное въ Себѣ Отцу своему и Богу. Потомъ поставилъ служителями сего посредничества и ходатайства святыхъ Апостоловъ своихъ, которые и приводили ко Владыкѣ Христу всѣхъ увѣровавшихъ въ Него. Апостолы опять изъ числа сихъ увѣровавшихъ избирали достойнѣйшихъ и ихъ рукополагали въ преемниковъ себѣ—быть служителями того же посредничества. Эти опять (избирали и рукополагали) другихъ, а сіи—слѣдовавшихъ за ними. И такимъ образомъ этотъ чинъ преемственно соблюдается даже

донынѣ. Богъ не хочетъ, чтобъ мы преступали и попирали такое Его установленіе и преданіе, но желаетъ, чтобъ мы жили по тому чину, какой Онъ опредѣлилъ для насъ. Почему Господь и Спаситель какъ о Себѣ со Отцемъ говоритъ: *никтоже можетъ пріити ко Мнѣ, аще не Отецъ, пославый мя, привлечетъ его* (Ін. 6, 44), и опять: *никтоже пріидетъ ко Отцу, токмо Мною* (—14, 6): такъ установилъ, что никто не приходитъ къ вѣрѣ во святую и единосущную Троицу, если не будетъ какимъ-либо учителемъ наученъ догматамъ вѣры, также никто не бываетъ крещаемъ и никто не причащается божественныхъ Таинъ самъ собою безъ іерея. А кто не окрестится и не будетъ причащаться пречистыхъ Таинъ, тотъ не получитъ живота вѣчнаго, какъ самъ Господь опять опредѣляетъ, говоря: *иже вѣру иметъ и крестится, спасенъ будетъ: а иже не иметъ вѣры, осужденъ будетъ* (Мр. 16. 16); и: *аще не снѣсте плоти Сына Человѣческаго, ни піете крове Его, живота не имате въ себѣ* (Ін. 6, 53). Итакъ поелику безъ св. крещенія и безъ причащенія Божественныхъ Таинъ ни одинъ христіанинъ не можетъ сподобиться жизни вѣчной, а таинства сіи преподаются намъ не чрезъ Апостоловъ святыхъ, и не чрезъ святыхъ отцевъ, бывшихъ послѣ Апостоловъ, а преподаются чрезъ тѣхъ освященныхъ лицъ, которыя теперь существуютъ и живутъ среди насъ; то очевидно, что мы не можемъ и не должны отчуждаться отъ ихъ посредничества въ дѣлѣ нашего спасенія.

Такъ Богъ опредѣлилъ; и чтобъ тебѣ охотнѣе было подчиняться тому закону, содержи въ мысли, что что преподавали вѣрующимъ отцы, жившіе въ оныя времена, тоже самое преподаютъ и намъ наши отцы духовные: тѣ крестили водою и Духомъ, тоже дѣлаютъ и эти нынѣ; тѣ преподавали тѣло и кровь Христову, тоже самое преподаютъ намъ и эти. И какъ у тѣхъ, которые тогда

крестили и причащали, ничего не было лишняго противъ нынѣшнихъ: такъ у тѣхъ, которые теперь крестятъ и причащаютъ насъ, ничего нѣтъ недостающаго противъ прежнихъ. Учили тѣ вѣрѣ во Христа и во Святую Троицу, единосущную и нераздѣльную, т. е. во Отца, Сына и Святаго Духа; тому же самому учатъ и насъ нынѣ духовные отцы наши. Итакъ явно изъ этого вкратцѣ (не пишу всего, чтобъ не удлиннилось крайне слово мое), что что̀ тогда дѣлали для вѣрныхъ Апостолы, и чему учили ихъ, тоже самое дѣлаютъ и для насъ нынѣ отцы наши духовные, — разумѣю, архіереи и іереи, — точь въ точь тому же, безъ малѣйшаго недостатка и ущерба, и учатъ насъ они и наставляютъ, какъ и тѣ. Если же они въ семъ отношеніи ничѣмъ не разнствуютъ отъ Апостоловъ, то они суть сыны Апостоловъ и апостолы для насъ, и тѣ, которые не пріемлютъ ихъ и словъ ихъ не слушаютъ, да слышатъ, что говоритъ Господь нашъ Іисусъ Христо́съ къ подобнымъ лицамъ: *Аминь глаголю вамъ: отраднѣе будетъ земли Содомстѣй и Гоморрстѣй въ день судный, неже вамъ* (Мѳ. 10, 15; 11, 22). Ибо что сказалъ Онъ Апостоламъ: *иже васъ пріемлетъ, Мене пріемлетъ* (Мѳ. 10, 40); и еще: *слушаяй васъ, Мене слушаетъ: и отметаяйся васъ, Мене отметается; отметаяйся же Мене, отметается Пославшаго Мя* (Лук. 10, 16),—то относится и къ подобнымъ имъ, преемникамъ ихъ, и тѣмъ, которые теперь живутъ, и тѣмъ, которые будутъ жить послѣ нихъ. И слѣдовательно тѣ, которые не пріемлютъ и не слушаютъ ихъ, а отметаются, не пріемлютъ и не слушаютъ самого Христа Господа, а отметаются Его. Отметаясь же Его, они отметаются и Бога Отца, пославшаго Его.

Знаешь, конечно, сынъ мой возлюбленный, что нынѣ, во времена сіи, никто ни изъ мірянъ, ни изъ монаховъ,

ни изъ іереевъ или архіереевъ, не почитаетъ, не любитъ, не боится и не пріемлетъ никого, какъ апостола Божія и ученика Христова, по любви Христовой, или по заповѣди, или вѣчныхъ ради благъ, обѣтованныхъ намъ; но всѣ мы другъ друга презираемъ и другъ друга охуждаемъ,—монахи осуждаютъ монаховъ, іереи архіереевъ, міряне всѣхъ ихъ, и между собою одинъ другаго, и никто совершенно не держитъ въ умѣ, что церковь Божія, какою была въ древнія времена, такою пребываетъ и нынѣ, и какъ тогда Богъ опредѣлилъ для ней первѣе Апостоловъ, второе пророковъ, третье учителей и прочихъ перечисляемыхъ св. Павломъ, такъ и нынѣ они же пребываютъ въ лицѣ преемниковъ своихъ, предстоятелей церкви, чтобъ всякій принималъ иныхъ какъ Апостоловъ, иныхъ какъ пророковъ, иныхъ какъ учителей. Мы же все это совсѣмъ позабыли, и одинъ надъ другимъ возносимся безъ мѣры. Того, кто вчера окрестилъ меня, освободилъ отъ грѣха и порчи душу мою, исполнивъ меня благодатію Святаго Духа, причастилъ пречистаго тѣла и спасительной крови Господа нашего Іисуса Христа, и содѣлалъ меня сыномъ Богу (что другое больше сего дѣлали тогда для христіанъ и Апостолы Христовы?), на этого самаго нынѣ я посмотрѣть не хочу и не привѣтствую его, потому что считаю это стыдомъ для себя; не выхожу встрѣтить его, когда онъ идетъ ко мнѣ, чтобы почтить его и принять привѣтливо, но говорю слугѣ своему съ досадою: чего онъ тамъ хочетъ? скажи ему, что господинъ твой занятъ и не имѣетъ времени принять его. Не говорю уже о томъ, что еще хуже и непочетнѣе этого дѣлаютъ не только монахамъ, но и іереямъ, тѣ самые, которые исповѣдаются у нихъ и повѣряютъ имъ души свои. Бываетъ, что иной только-что изберетъ кого-либо себѣ въ духовные отцы и учители посредствомъ исповѣди у него, и не спустя нѣсколько времени, а тотчасъ же, какъ

назоветъ себя духовнымъ ему сыномъ, начинаетъ высказывать гордость нредъ симъ духовнымъ отцемъ своимъ, и вмѣсто того, чтобы быть духовнымъ чадомъ и ученикомъ, становится отцемъ духовнымъ и учителемъ и начинаетъ читать уроки отцу своему духовному, противорѣчить ему и уничижать его, если случится, что онъ скажетъ ему что-либо не по нраву его; а пройдетъ сколько-нибудь времени, онъ и совсѣмъ забываетъ, что есть у него духовный отецъ и учитель. Если же духовный отецъ самъ ходитъ къ нему, но не творитъ воли его, и не поблажаетъ желаніямъ его, или, лучше сказать, не падаетъ и самъ вмѣстѣ съ нимъ, чтобъ вмѣстѣ съ нимъ и погибнуть, то онъ оставляетъ его и находитъ другаго, который бы послѣдовалъ его плотскимъ пожеланіямъ.

Такимъ образомъ все духовное у насъ, какъ и самъ ты видишь и знаешь, нынѣ въ безпорядкѣ находится, разстроено; чинъ и преданіе апостольское забыты и заповѣди Христовы оставлены. И это бѣдственное зло живетъ въ нынѣшнемъ родѣ, при всемъ томъ, что всѣ мечтаютъ о себѣ, что они достаточно изучили божественное, знаютъ заповѣди Божіи и могутъ разсудить, что и какъ подобаетъ имъ творить. И еще вотъ что: думая, что все нынѣшнее священство есть совокупность лицъ недостойныхъ и грѣшныхъ, они держатъ однакожъ убѣжденіе, что благодать Божія дѣйствуетъ и чрезъ нихъ недостойныхъ; но вѣруя, что несомнѣнно получаютъ дары Святаго Духа, какъ залогъ вѣчныхъ благъ, обѣтованныхъ намъ, посредствомъ таинствъ, совершаемыхъ сими лицами, они однакожъ отворачиваются отъ іерея, чрезъ посредство коего дается имъ это, и презираютъ его, какъ грѣшника, недостойнаго священства. Также относятся они и къ духовникамъ своимъ: думаютъ, что посредствомъ исповѣди у нихъ они получаютъ отпущеніе грѣховъ своихъ, а ихъ самихъ

считаютъ лишенными всякой добродѣтели, не имѣющими никакого дерзновенія предъ Богомъ, и ставятъ ихъ на одну линію со всѣми другими людьми. Такъ вотъ въ какомъ состояніи находятся у насъ почти всѣ: думаютъ, что и они получаютъ, или лучше сказать, похищаютъ всѣ тѣ духовные дары, которые Богъ даровалъ Апостоламъ, Апостолы же передали тѣмъ, которые увѣровали посредствомъ ихъ во Христа, а достойной чести и вѣры тѣмъ, чрезъ которыхъ подаются имъ сіи дары, не воздаютъ:—каковую честь въ началѣ Апостолы воздавали Владыкѣ Христу, Апостоламъ—потомъ ученики ихъ, а этимъ тѣ, которые состояли подъ ними; они же питаютъ дерзкую увѣренность, будто Богъ не требуетъ отъ нихъ, чтобъ они воздавали ее и нынѣ архіереямъ, іереямъ, игуменамъ и духовникамъ своимъ. Будучи крещены младенцами, они полагаютъ поэтому, что не виновны бываютъ, когда не воздаютъ потомъ чести тому, кто крестилъ ихъ, и не благоговѣютъ предъ нимъ, какъ предъ духовнымъ отцемъ своимъ. Мечтается имъ также, что, выучивъ начатки христіанскихъ догматовъ еще въ дѣтствѣ, они знаютъ достаточно для благочестія, и что потому Богъ не взыщетъ съ нихъ за то, что они презираютъ учителей благочестія и не хотятъ болѣе ничему научаться у нихъ. Кажется имъ, что они довольно благочестивы и ведутъ жизнь болѣе исправную, чѣмъ многіе другіе; почему надѣются, что будутъ оправданы ради этого одного. Еще, — сказать на духу грѣхи свои, исповѣдаться въ нихъ и получить разрѣшеніе отъ духовныхъ отцевъ своихъ, этого имъ думается достаточно для спасенія, и не нужно уже потомъ имъ ни вѣры болѣе имѣть къ симъ отцамъ, ни чести имъ воздавать, ни благоговѣнія оказывать, какое подобаетъ имъ, какъ преемникамъ Апостоловъ, посредникамъ и молитвенникамъ за нихъ предъ Богомъ.

Такимъ-то образомъ вся вселенная нынѣ преисполнена этою прелестію и этимъ зломъ. Одной этой заповѣди нарушеніе и презрѣніе все вверхъ дномъ перевоpотило въ церкви Божіей, повергло ее самую долу. Въ такое безчиніе и смятеніе пришла церковь, что нигдѣ почти невидно приличнаго ей благоустроенія, и признака не найдешь, чтобъ это было благообразно сочетанное тѣло Владыки. Будто мы не имѣемъ главы Христа Господа, будто мы не братья по духу, связанные другъ съ другомъ и сочетанные благодатію Святаго Духа, что не допускаемъ, чтобъ каждаго изъ насъ въ своемъ чинѣ поставляли и благоустрояли первостроители церкви Божіей!? Отъ этого мы раздѣлены и разсѣяны, какъ бездушныя частицы какого-либо вещества (какъ песокъ). Такъ много поработились мы пожеланіямъ своимъ, такъ сильно возобладали надъ нами похоти сластолюбія! Будучи увлечены ими къ угожденію себѣ лишь, мы раздробились, и отъ взаимной непріязни и гордости отвратились и отдалились другъ отъ друга, и потеряли такимъ образомъ отличительную черту и знаменіе вѣры нашей, т.-е. любовь, о коей сказалъ Господь: *о семъ разумѣютъ вси, яко есте Мои ученицы, аще любовь имате между собою* (Іоан. 13, 35). Если же потеряли ее, то напрасно именуемся христіанами.

Скажи мнѣ, прошу тебя, — когда мы не любимъ духовныхъ отцевъ своихъ, доставившихъ намъ столь великія блага, что чрезъ нихъ Богъ дѣлаетъ насъ сынами Своими по благодати, сопричастниками славы Своей и наслѣдниками вѣчнаго блаженства,—когда, говорю, мы не любимъ ихъ, не почитаемъ и не прославляемъ, какъ должно, какъ долженъ быть чтимъ человѣкъ Божій, посланный къ намъ отъ Бога,—кто можетъ повѣрить намъ, что мы имѣемъ любовь къ прочимъ братьямъ, нашимъ ближнимъ? И кромѣ сего, — если тѣхъ, коихъ имѣемъ

ходатаями предъ Богомъ и молитвенниками, кои пріяли отъ Бога власть — давать намъ разрѣшеніе во всѣхъ грѣхахъ нашихъ и примирять насъ съ Нимъ, если, говорю, не принимаемъ мы ихъ съ полнымъ убѣжденіемъ и вѣрою, какъ святыхъ, но смотримъ на нихъ, какъ на грѣшниковъ,—какъ можемъ мы надѣяться, что намъ даровано чрезъ нихъ совершенное отпущеніе грѣховъ? Ибо Господь говоритъ: *по вѣрѣ ваю буди вама* (Мѳ. 9, 29). И точно, по мѣрѣ вѣры нашей, насколько вѣруемъ въ нихъ, такъ получимъ и отпущеніе грѣховъ нашихъ. Ктому же, если вѣрно слово, сказанное Господомъ: *пріемляй васъ, Мене пріемлетъ*, и:—*отметаяйся васъ, Мене отметается*; то недоумѣваю, какъ тѣ, которые не держатъ въ умѣ своемъ убѣжденія, что мы должны не только любить всѣхъ людей, особенно же братій по духу, но еще должны принимать кого-либо изъ нынѣшнихъ духовныхъ мужей, какъ Апостола Христова, чтобы чрезъ посредство его принимать самого Христа, и всякое его слово должны исполнять, какъ бы оно исходило изъ устъ самого Христа,—какъ, говорю, и какимъ другимъ способомъ таковые могутъ принять Христа, или стяжать Его внутрь себя? А между тѣмъ многіе изъ насъ даже не знаютъ іерея крестившаго ихъ; мы же, знающіе ихъ, отвратились отъ нихъ и презрѣли ихъ, какъ я сказалъ выше; а иные даже не знаютъ, крещены ли они?—Если же этого не знаемъ, то какъ можно допустить, что имѣемъ вѣру, или даже считать насъ крещеными? Я этого не понимаю: отца духовнаго мы не познали, а если и познали, то не чтимъ его, какъ отца; учителя, который училъ бы насъ благочестію, не озаботились пріобрѣсть; а если и пріобрѣли, то не дѣлаемъ ничего по тому, какъ онъ насъ учитъ, но ходимъ и дѣйствуемъ, какъ волѣ нашей угодно. Что можно сказать больше этого—не знаю, и не нахожу, за что и за какую вашу добродѣтель могъ бы я назвать васъ христіанами?

Бѣдный и несчастный человѣкъ! Чего ради не чтишь ты духовнаго отца своего, какъ апостола Христова?— Не вижу, говоришь, чтобъ онъ исполнялъ заповѣди Божіи, потому и не чту его. Но это пустой предлогъ. Ибо, скажи мнѣ, самъ-то ты лучше его исполняешь ихъ, что такъ смѣло презираешь его и осуждаешь?—Но хотя бы ты и дѣйствительно исполнилъ всѣ заповѣди, и тогда не слѣдовало бы тебѣ осуждать его и презирать, и отвращаться отъ него, укоряя его въ нерадѣніи о добромъ житіи, а напротивъ, надлежало бы и тогда любить его и почитать за тѣ блага, которыя даровалъ тебѣ Богъ чрезъ посредство его, и дѣлать его участникомъ въ твоемъ тѣлесномъ, чтобъ такимъ образомъ хоть сколько нибудь воздать ему за то духовное добро, которое онъ доставилъ тебѣ, дабы не только сохранить дарованное тебѣ чрезъ него отъ Бога, но и пріумножить то такимъ образомъ дѣйствованія. Теперь же, какъ самъ видишь, за невѣріе, неблагодарность и оставленіе духовнаго твоего отца и учителя, ты не только сгубилъ все, полученное тобою чрезъ него, но изгладилъ то самое, почему ты—христіанинъ,—и лишился Христа Господа. Ибо предположи въ умѣ своемъ, что царь земной прислалъ къ тебѣ какого-либо изъ самомалѣйшихъ слугъ своихъ, одѣтаго бѣдно, въ ветхія рубища, не на конѣ, а на плохомъ осликѣ, или даже пѣшкомъ, но который принесъ тебѣ грамоту за царскою печатію, написанную собственноручно царемъ, и въ этой грамотѣ царь провозглашаетъ тебя братомъ своимъ и другомъ, и обѣщаетъ спустя нѣсколько времени сдѣлать тебя соучастникомъ съ собою въ царствованіи, увѣнчать главу твою царскимъ вѣнцемъ и облечь тебя въ царское одѣяніе,— скажи мнѣ, какъ бы ты отнесся къ этому слугѣ? Принялъ бы его и почтилъ, какъ царскаго слугу, и ради такихъ великихъ и истинно царскихъ обѣщаній и такой

свѣтлой славы тебя ожидающей, возрадовался вмѣстѣ съ нимъ, облагодѣтельствовалъ его по силѣ своей и наобѣщалъ благодѣтельствовать и послѣ всегда, — или презрѣлъ бы его и отослалъ съ пустыми руками и безчестіемъ, по тому одному, что онъ одѣтъ въ бѣдныя одежды и пришелъ пѣшкомъ?! Если предположимъ, что ты презрѣлъ бы его такимъ образомъ, и царь узналъ объ этомъ, то похвалилъ бы онъ тебя за это, или бы укорилъ и осудилъ? Еслибъ самъ ты былъ этимъ царемъ, то не почелъ ли бы укоромъ и безчестіемъ себѣ такого презрѣнія, оказаннаго слугѣ твоему? И этого поношенія его не призналъ ли бы поношеніемъ себѣ? Конечно, такъ бы было. Ты такъ разгнѣвался бы на него, какъ бы онъ тебѣ самому оказалъ презрѣніе, какъ бы въ лице тебя укоряя, что имѣешь такихъ слугъ, и сказалъ бы: кто поставилъ его судьею надъ слугами моими? Не слугу моего онъ укорилъ, что по своей небрежности носитъ онъ такія бѣдныя и испачканныя рубища, а меня самого, что я немилосердъ и держу слугъ въ такихъ лохмотьяхъ. Такимъ образомъ ты раскаялся бы, что надѣлалъ такихъ обѣщаній этому презрителю слуги твоего ради сего самаго презрѣнія и вѣрно не принялъ бы его, когда бы онъ пришелъ къ тебѣ, за то, что онъ, дерзкій, восхитилъ собственный твой судъ и осудилъ слугу твоего, котораго судить ему неумѣстно.

Обсуди все это въ себѣ самомъ, чадо мое духовное и возлюбленное, и въ совершенствѣ уразумѣвъ настоящій порядокъ вещей, постарайся быть истиннымъ христіаниномъ не словомъ только, но и дѣломъ. Пріобрѣти себѣ духовнаго отца, пріобрѣти учителя, посредника и ходатая предъ Богомъ. Прилѣпись къ нему съ любовію и вѣрою, со страхомъ и желаніемъ, и будь съ нимъ какъ бы былъ съ самимъ Іисусомъ Христомъ, да сподобишься чрезъ посредство его соединиться съ Христомъ и

сдѣлаться сопричастникомъ и сонаслѣдникомъ вѣчной славы и царствія Его, чтобъ воспѣвать и славить Его со Отцемъ и Святымъ Духомъ, въ безконечные вѣки вѣковъ. Аминь.

СЛОВО ДВѢНАДЦАТОЕ.

1. Кающійся во грѣхахъ своихъ никакой не получитъ пользы, если не взыщетъ пріять отъ Христа Господа и врачевство той немощи своей, по причинѣ коей грѣшитъ.

2. Что бы ни дѣлалъ человѣкъ въ настоящей жизни, всуе дѣлаетъ, если то не способствуетъ къ здравію его душевному.

3. Какъ грѣхъ бываетъ по волѣ нашей и безъ воли нашей?

1. Хорошо плакать и печалиться о грѣхахъ своихъ и молить Бога объ отпущеніи ихъ. Но никакой отъ этого не будетъ пользы, если Господь нашъ Іисусъ Христосъ не уврачуетъ тѣхъ немощей кающагося, по причинѣ коихъ онъ грѣшитъ, какъ бы нехотя: ибо если онъ не исцѣлится отъ нихъ, то нельзя ему удержаться отъ грѣховъ. Почему всякій кающійся на то одно долженъ обратить весь свой подвигъ, чтобъ быть уврачевану отъ Христа Господа, освятиться и пріять силу къ исполненію воли Божіей и заповѣдей Его. Ибо кто не уврачеванъ Христомъ Господомъ, тотъ иногда грѣхи дѣлаетъ, увлекаемъ будучи на нихъ своею немощію, а иногда съ большимъ трудомъ и стѣсненіемъ исполняетъ какую-либо заповѣдь; но такому какая польза? Подобенъ онъ тому, кто строитъ и опять разоряетъ построенное. Почему всякая настоитъ необходимость, чтобъ уврачевана была немощь наша Христомъ Господомъ, Который единый есть истинный врачъ, пришедшій на землю для уврачеванія немощей нашихъ, по причинѣ коихъ грѣшимъ. Онъ есть Агнецъ Божій, вземляй грѣхъ міра, который и есть немощь поврежденнаго естества нашего. Ибо послѣ того, какъ Адамъ преступилъ заповѣдь Бо-

жію и изгнанъ былъ изъ рая, всякій человѣкъ сталъ немощенъ и болѣзненъ. И эти немощи, поелику находятся какъ въ естествѣ, такъ и въ произволеніи нашемъ, суть какія-то странныя: иногда кажется, что онѣ отъ естества суть, а иногда отъ произволенія.

Немощи, о коихъ говорю я, суть слѣдующія: всякій человѣкъ немоществуетъ и не можетъ имѣть чистой любви, не можетъ не завидовать, не поносить, не осуждать, не презирать, не пересмѣивать, не говорить лжи, не гнѣваться, не похотствовать благъ міра сего, которыя видитъ, не тщеславиться, не любоимствовать. Будь онъ благоразумнѣйшій между благоразумными, мудрѣйшій между мудрыми, мужественнѣйшій между мужественными, честнѣйшій между честными, будь онъ всѣхъ другихъ лучше и совершеннѣе; но, коль скоро немощь естества нашего пребываетъ въ немъ (неврачеванною), неизбѣжно, что онъ или цѣломудрія не сможетъ сохранить, или не одолѣетъ себя, чтобъ простить тому, кто погрѣшилъ противъ него въ чемъ-либо, или не находитъ въ себѣ добрыхъ расположеній — милостыню подавать, и Бога всегда благодарить, вообще воздерживаться отъ всякаго зла и дѣлать всякое добро. Наблюдающему не можетъ не быть явнымъ, что всѣ такія немоществованія зависятъ иногда отъ самовластнаго произволенія, а иногда отъ насилія со стороны естества. Впрочемъ не всѣ люди въ равной степени немоществуютъ; но иной больше, а иной меньше.

Такія-то немощи необходимо уврачевать въ насъ. Но прежде всего необходимо взыскать врача, который бы уврачевалъ ихъ. Почему святые отцы предали намъ, христіанамъ, чтобы мы всегда такъ молились Богу, взывая къ Нему съ сокрушеннымъ сердцемъ: „Призри на насъ, Господи, по милости Твоей, и уврачуй немощи наши имени ради святаго Твоего.“ Т.-е. воззри на немощи

наши и уврачуй ихъ благодатію Твоею, да будетъ славимо имя Твое, что Ты милостивъ и благостыненъ, и единый еси Врачъ, и да не хвалится никто самъ о себѣ, когда увраченъ будетъ, но о Врачѣ своемъ да хвалится, и Его да благодаритъ день и ночь отъ всего сердца своего, истинно смиренномудрствуя. И вотъ, въ комъ увраченъ будутъ такимъ образомъ немощи его, тотъ и сталъ христіаниномъ (настоящимъ), а у кого есть еще какія-нибудь изъ тѣхъ немощей, о коихъ мы сказали, явно, что онъ еще не увраченъ. И это страждетъ онъ или отъ невѣдѣнія, или отъ неразумія, какъ такой, который не знаетъ, что говоритъ къ Богу, когда молится, и какія немощи уврачевать проситъ Бога. И если умретъ онъ не увраченнымъ, то вѣчно будетъ плакать о томъ въ адѣ, не чая когда-либо освободиться отъ огненнаго жженія онаго. Сего-то ради надлежитъ намъ горько плакать о томъ жалкомъ состояніи, въ какое мы пришли. Люди-христіане да взываютъ день и ночь: *призри Господи и уврачуй немощи наши.* Но и Господь не можетъ уврачевать ихъ, если они не знаютъ, что это за немощи, о коихъ они просятъ, при всемъ томъ, что ихъ такъ много и такъ онѣ разнообразны. Вотъ причина погибели, по коей гибнетъ столько христіанъ, богатыхъ и бѣдныхъ, властителей и простыхъ, юныхъ и старыхъ, монаховъ и іереевъ. Одно врачевство отъ всѣхъ вообще этихъ немощей — причастіе божественнаго естества или пріятіе Божіей благодати. Если христіанинъ не пріиметъ божественной благодати и силы, по мѣрѣ вѣры своей; то хоть онъ бдѣнія совершаетъ, хоть спитъ на голой землѣ, хоть поетъ псалмы день и ночь, молится и постится, все же онъ остается неувраченнымъ и находится внѣ части Христовой, какъ и невѣрные.

2. Какія бы добрыя дѣла ни дѣлалъ, какими бы по-

двигами ни подвизался и ни утруждалъ себя въ настоящей жизни всякій человѣкъ, мудрый или немудрый, свѣдущій или несвѣдущій, разсудительный или неразсудительный, ученый или неученый, богатый,или бѣдный,--если это не способствуетъ къ оздравленію души его отъ немощей ея, суетно все сіе и безполезно для него, и оставляетъ душу внѣ царствія небеснаго: ибо въ царствіе небесное пріемлются только здравыя души, не имѣющія никакой немощи. А немощи эти, нами прежде указанныя, эти непотребныя стремленія плотскихъ похотей, эти пристрастія къ земнымъ и мірскимъ вещамъ, богатству и славѣ суетной, никакая душа не можетъ уврачевать въ себѣ и стать здравою ни сама собою, ни съ помощію другаго какого человѣка. Только Господомъ нашимъ Іисусомъ Христомъ онѣ могутъ быть уврачеваны, какъ написано: *Той недуги наша пріятъ и болѣзни понесе* (Мѳ. 8, 17). Ибо еслибы человѣческія души, не говорю язычниковъ и безбожниковъ, хоть бы самыхъ іудеевъ, вѣровавшихъ въ Бога истиннаго, могли удобно возненавидѣть мірскія похоти и плотскія наклонности, и такимъ образомъ избѣгнуть міродержателя діавола (ибо онъ посредствомъ этихъ страстей стяжалъ себѣ державу смерти), то не было бы никакой нужды благому, благоутробному и человѣколюбивому Богу содѣлываться человѣкомъ, распинаться и по смерти нисходить въ преисподняя земли, т.-е. во адъ. Но въ томъ и дѣло, что возненавидѣть міръ и все мірское и плотское никто не можетъ, если не сдѣлается причастникомъ божественной благодати и не получитъ силу на то отъ Господа Іисуса Христа. А кто, божественною силою Христовою укрѣпляемъ, не возненавидитъ прежде, отъ всего сердца своего, всего мірскаго и плотскаго, тотъ никакъ не можетъ исполнить заповѣдей Христовыхъ, или, какъ написано, всегда уклоняться отъ зла и творить благое.

Посему всякій, вѣрующій во Христа, прежде всего другаго да проситъ у милостиваго Бога благодати и силы возненавидѣть міръ и все мірское, всѣ страсти и похоти плотскія, а послѣ того, какъ возненавидитъ ихъ, падъ тѣмъ да трудится съ теплою вѣрою, чтобъ достигнуть мертвости ихъ, каковая мертвость Христова есть, какъ говоритъ Апостолъ Павелъ, что онъ *мертвость Господа Іисуса всегда въ тѣлѣ своемъ носилъ* (2 Кор. 4, 10). Таковыя-то прошенія и бываютъ благоугодны Богу и Онъ благоволительно слушаетъ ихъ, какъ удостовѣряетъ св. Іоаннъ Богословъ: *яко аще чесо просимъ по воли Его, послушаетъ насъ* (1 Іоан. 5, 14). Ибо этого только и хощетъ Богъ, чтобъ искали у Него люди, т.-е. того, что ведетъ человѣка къ вѣчному спасенію. Почему пусть никто изъ людей ни о чемъ другомъ не заботится, и ни на что другое не иждиваетъ трудовъ своихъ въ настоящей жизни, какъ только на то, чтобъ душа его въ послѣдній часъ смерти оказалась здравою и свободною отъ всякой мірской и плотской страсти. Такъ-то необходимо, чтобы душа сдѣлалась здравою отъ всякаго недуга своего, и тогда, какъ сдѣлается она здравою, можетъ послужить Богу достодолжно, исполняя божественныя заповѣди Его, и явиться непостыдженною, когда предстанетъ предъ страшное судилище Христово. Если же не сдѣлаетъ она этого, т.-е. не послужитъ Богу и не исполнитъ заповѣдей Его, хотя не въ большой мѣрѣ, то конечно и въ день суда окажется она нездравою отъ страстей, и будетъ за то ввержена въ огнь геенскій, который поглотитъ ее въ своей пещи неугасимой и будетъ жечь вѣчные вѣки. Ибо огнь геенскій не можетъ жечь никакихъ другихъ, а только тѣхъ, которые оставили неврачеванными души свои въ настоящей жизни и такъ неврачеванными перешли и въ другую жизнь.

3. Грѣхъ совершается и по волѣ нашей, и не по на-

шей волѣ. Ибо грѣхъ всегда является предъ нами только какъ нѣкая обманчивая приманка. Но какъ только душа человѣка наклонится мысленно ко грѣху, тотчасъ подскакиваетъ къ ней тиранъ и насилователь душъ, который всегда стоитъ позади ея и зорко смотритъ за движеніями ея, подскакиваетъ и тащитъ ее на совершеніе грѣха дѣломъ; такъ что очевидно, что грѣхъ бываетъ и по волѣ человѣка, и не по волѣ его: бываетъ по волѣ его потому, что умъ самъ склоняется на грѣхъ; бываетъ не по волѣ его потому, что когда слагается онъ совершить грѣхъ дѣломъ, то на это бываетъ влекомъ и нудимъ діаволомъ. Посему-то Премудрость Божія, Господь нашъ Іисусъ Христосъ, подсѣкаетъ самые корни и зачатки грѣховъ, когда заповѣдуетъ во святомъ Евангеліи Своемъ, чтобы никто не допускалъ порочныхъ пожеланій, и даже очами не воззрѣвалъ съ похотѣніемъ, потому что когда душа дойдетъ до вожделѣнія грѣха, то неудобь ворочается назадъ, неудобь удержаться ей отъ дѣла, по причинѣ толканія на него отъ демоновъ, совершающихъ это быстрѣе мгновенія ока. Такимъ образомъ душѣ всячески надо стараться не допускать приближаться къ себѣ демонамъ, а этого достигать не можетъ она никакимъ другимъ способомъ, какъ только тѣмъ, чтобы не склоняться на похотѣнія грѣха, во Христѣ Іисусѣ, Коему слава во вѣки. Аминь.

СЛОВО ТРИНАДЦАТОЕ.

1. Врачевство врачующее душу одно, а не много ихъ.
2. Четырьмя образами грѣшатъ люди.
3. Спасеніе всѣхъ въ единой волѣ Божіей; человѣкъ же не имѣетъ въ себѣ ничего, чѣмъ бы самъ могъ спастися.

1. Душа наша проста и несложна; потому, когда возболѣзнуетъ, одно врачевство врачуетъ ее. Но тѣло, будучи сложено изъ многихъ, и притомъ неодинаковыхъ

частей, которыя и сами составлены изъ четырехъ стихій: земли, воды, огня и воздуха, когда занеможетъ, имѣетъ нужду, какъ сложное, въ разныхъ врачевствахъ и притомъ составленныхъ изъ разныхъ травъ. Это хорошо истолковали и внѣшніе мудрецы еллинскіе, тоже говоря, что еслибы тѣло человѣческое было единично, т. е. просто и несложно, то одно было бы и врачевство для него, но, будучи сложено изъ многихъ частей, имѣетъ нужду и во врачевствахъ многихъ и многосложныхъ. А душа, говорю я, напротивъ, будучи невещественна, проста и несложна, когда занеможетъ, одно врачевство врачуетъ ее, а не многія. Какое же это врачевство? Духъ Святый, благодать Господа нашего Іисуса Христа, какъ говоритъ Апостолъ: *идѣже Духъ Господень, ту свобода* (2 Кор. 3, 17). Надлежитъ потому всякому христіанину, посредствомъ покаянія, милостыни и всякой другой добродѣтели, сколько силъ есть, подвизаться не о чемъ другомъ, какъ о томъ, чтобы пріять дѣйство благодати Св. Духа, силою коего и начнетъ онъ жить жизнію истинно по Христу. Ибо нѣтъ другаго способа, искусства и метода къ тому, чтобы христіанинъ жилъ по Христѣ, кромѣ воспріятія свыше силы или благодати Іисусъ-Христовой.

2. Человѣкъ грѣшитъ четырьмя образами—волею, неволею, въ вѣдѣніи и невѣдѣніи. Волею, т.-е. самосхотно грѣшитъ онъ, когда, зная навѣрно, что зло есть зло и что въ его состоитъ волѣ сдѣлать его или не сдѣлать, дѣлаетъ его самоохотно. Неволею, т.-е. безъ желанія, грѣшитъ онъ, когда бываетъ вынуждаемъ къ тому какою-либо необходимостію, и дѣлаетъ зло не желая его, какъ напримѣръ иные мученики отрицались отъ Христа по причинѣ нестерпимыхъ мукъ, какимъ ихъ подвергали. Бываетъ, что иной и другимъ образомъ, не зная и не желая, дѣлаетъ зло, когда напримѣръ, пустивъ стрѣлу, чтобъ убить какого-либо звѣря, убиваетъ человѣка, не

желая того. Въ вѣдѣніи бываетъ грѣхъ, когда душа знаетъ, что извѣстное дѣло есть грѣхъ, но будучи немощна и разслаблена нравомъ, дѣлаетъ его, не имѣя силы противостоять брани и возставшему сильному влеченію на грѣхъ, дѣлаетъ грѣхъ, склоняясь на него и вожделѣвая его будто помимо своей воли. Въ этомъ-то случаѣ особенно и познается вѣрующими сила Христова, именно: когда возмогаютъ они не дѣлать по внушенію возненавидѣнныхъ ими похотей, тогда познаютъ, что имѣютъ благодать Христову. Въ невѣдѣніи бываетъ грѣхъ, когда кто дѣлаетъ что худое, не зная, что оно худо, но полагая, что оно хорошо.

При этомъ замѣтить надлежитъ, что грѣховъ волею бываетъ немного, и они, такъ какъ большею частію бываютъ очень явны и неотразимо тѣснятся въ сознаніе, бодутъ, какъ остны, того, кто дѣлаетъ ихъ, и подвигаютъ его на покаяніе. Прочихъ же грѣховъ, т.-е. грѣховъ неволею, въ вѣдѣніи и невѣдѣніи, бываетъ очень много, даже безъ числа; но они всѣ почти малопамятны и скоро совсѣмъ выпадаютъ изъ сознанія и того, кто ихъ дѣлаетъ, несмотря на свою многочисленность, не бодутъ и не подвигаютъ на покаяніе, такъ какъ онъ и не почитаетъ ихъ грѣхами и не думаетъ объ нихъ. Посему объ этомъ-то наипаче и надлежитъ намъ молиться, что бы Богъ даровалъ намъ и познать ихъ грѣховность, и восчувствовать: ибо то, что мы не помнимъ и не чувствуемъ ихъ, не дѣлаетъ насъ безвиновными въ нихъ, а между тѣмъ діаволъ большую часть людей ввергаетъ въ гордыню по причинѣ невѣдѣнія ихъ, потому т.-е., что не сознаютъ ихъ, не думаютъ, что они значатъ что-нибудь, но вмѣняютъ ихъ ни во что: каковые люди, несмотря на то, что говорятъ, будто мудры суть, оказываются буіими и неразумными; поелику не познали, что спасеніе всѣхъ стоитъ на единой милости Божіей.

3. Ни одинъ человѣкъ не имѣетъ въ себѣ ничего благословнаго, чѣмъ бы могъ спастися, ни праведный, ни грѣшный. Ибо самъ Богъ говоритъ: *помилую, егоже аще помилую, и ущедрю, егоже аще ущедрю* (Рим. 9, 15). И Давидъ исповѣдуетъ сіе, взывая къ Богу: *Господи, Боже спасенія моего* (Пс. 87, 2). Въ чемъ спасеніе то? Въ томъ, чтобы стать причастникомъ святости Божіей, а это состоитъ въ волѣ Божіей,—то, т.-е. чтобы Онъ преподалъ святость Свою тѣмъ, которые управляютъ сердца свои къ Нему и никакой кривости не имѣютъ въ помышленіяхъ своихъ, коихъ души *увѣришася* (Пс. 77, 37), т.-е. стали вѣрными Богу и словесамъ Его; поелику, по пророку, *правоты* видитъ *лице* Божіе (Пс. 10, 7). Люди видятъ видимое, а Богъ видитъ и сокровенное. Уготовайте путь *Господень*, говоритъ Писаніе, *правы творите стези Его* (Мѳ. 3, 3). Эти стези Божіи суть души человѣческія, когда онѣ правы бываютъ, т.-е. когда исповѣдуютъ свое невѣдѣніе, ненаученіе и ненаказанность, свое недостаточество на добро и падкость на всякіе грѣхи, когда не хотятъ жить лицемѣрно, иными быть по внутреннему своему устроенію и иными казаться предъ людьми, и принимать честь отъ людей, а не отъ Бога; потому что Богъ, испытующій сердца, ненавидитъ такія души, какъ сущія отъ части діаволовой: ибо діаволъ такъ дѣлаетъ, что, будучи врагомъ, принимаетъ видъ друга, и будучи тьмою, представляется свѣтомъ.

Поелику спасеніе всѣхъ въ единомъ Богѣ, то да уготовитъ каждый себя самого и да приложитъ трудъ стать правымъ, чтобъ содѣлаться достойнымъ милости Божіей; потому что кто правъ, тотъ истиненъ; кто истиненъ, тотъ смиренъ, а кто смиренъ, тотъ одинъ и достоинъ милости. Богъ, Который есть сущая истина, не можетъ миловать того, кто неправъ, такъ какъ таковый не истиненъ. Итакъ не докучай Богу въ молитвѣ, милость

къ тебѣ явить, прежде чѣмъ сдѣлаешься правымъ: ибо невозможно, чтобы Богъ соединился съ душею лукавою и развращенною; милость же Божія въ томъ и состоитъ, чтобы причастился кто святости Божіей. И если пребѣждаешься лукавымъ діаволомъ, властителемъ зла, и не имѣешь силы быть правымъ, понуди усердною молитвою своею благость Божію даровать тебѣ силу сдѣлаться прежде правымъ, чтобъ сего ради оказаться достойнымъ и великой милости Божіей, т.-е. пріятія святости Его. Эта святость вражду полагаетъ между тѣмъ, кто освящается, и между грѣхомъ, иначе, дѣлаетъ освящаемаго врагомъ всякаго грѣха. Ибо кто любитъ Бога, тотъ любитъ и то, что Ему благоугодно, и отвращается отъ того, къ чему не благоволитъ Богъ. Но неблагоугодное Богу, само собою разумѣется, пріятно діаволу. Почему всякій человѣкъ, который неправъ (и слѣд. не любитъ того, что благоугодно Богу), есть другъ діаволу и врагъ Богу. Таковому какая надежда спасенія?

Итакъ тѣмъ, которые дѣлаютъ зло, котораго могли не сдѣлать, и не дѣлаютъ добра, которое могли дѣлать, нѣтъ спасенія, пока они таковы. Но и о тѣхъ, которые дѣлаютъ добро, нельзя еще сказать, что они потому самому имѣютъ уже въ себѣ самихъ все, чѣмъ устрояется спасеніе. Они только сдѣлали все, что должны были сдѣлать, подобно тому какъ всякій рабъ дѣлаетъ что долженъ дѣлать, чтобъ не быть биту. Если случается, что домовладыка поблагодаритъ такого раба, то благодаритъ его по добротѣ своей. Но если какой рабъ загордится, говоря, что онъ такъ хорошо дѣлаетъ свое дѣло, то бываетъ битъ за то самое, чтобы помнилъ, что онъ не могъ сдѣлать ничего больше того, что долженъ былъ сдѣлать,—такъ что, если хочетъ такой рабъ (исправный во всемъ), чтобъ господинъ его благодарилъ

его, то долженъ всячески смиряться и говорить: я сдѣлалъ только то, что долженъ былъ сдѣлать, и еслибы не сдѣлалъ того, то былъ бы битъ, какъ рабъ неключимый. Такъ и всякій христіанинъ, дѣлающій все достодолжное, не можетъ ожидать за это себѣ ничего. Но хорошо бы было, если всякій возжедавшій творить волю Божію, могъ творить ее; а то со всякимъ нерѣдко бываетъ, что не можетъ онъ сдѣлать то, что желаетъ, и дѣлаетъ то, что ненавидитъ, потому что мудрованіе и похотѣніе плоти противляется ему. Какъ послѣ этого можно говорить: только возжелай спасенія и спасешься? Спасеніе не отъ естества; почему не видимъ, чтобъ кто либо когда-нибудь спасся самъ собою. И Богъ говоритъ: *Азъ Богъ, и нѣсть развѣ Мене спасаяй* (Исаіи 43, 11). *Ибо вси согрѣшиша и лишени суть славы Божія* (Рим. 3, 23). Какъ же можно спастися кому-либо самому собою?

Но если покаются теперь въ одинъ день тысячи тысячъ и миріады миріадъ грѣшниковъ, и, обратясь ко Христу Господу, содружатся съ Нимъ, соединятся и освятятся святостію Его, то тотчасъ познаютъ воспринятое отъ Него освященіе, коимъ устрояется спасеніе, ощущая присущую имъ нѣкую божественную силу. Ибо Христосъ Господь, для всякаго вѣрующаго въ Него, бываетъ силою разсужденія, мощію разума, крѣпостію мудрости, державою правды, основою любви къ Богу и людямъ, дѣйствомъ всякой святой заповѣди и воли Божіей, нѣкіимъ разумнымъ и въ природу обратившимся отвращеніемъ и возненавидѣніемъ всякаго зла и грѣха, всякой похоти и лукавства. Христосъ Господь есть надежда наша и миръ нашъ. Безъ Господа Іисуса не только никто не можетъ дѣлать добро, но и всякій бываетъ отдаленъ отъ Бога. Одного только требуетъ Господь отъ всякаго вѣрующаго въ Него, того, чтобъ онъ всецѣло ввѣрилъ себя Ему—Христу Господню, т.-е. чтобъ

имѣлъ полную на Него надежду и питалъ непоколебимую увѣренность, что только силою Христовою, а не своею собственною, можетъ кто спастися. И такой только есть настоящій христіанинъ, кто полную надежду возлагаетъ на одного Христа, что Онъ одинъ все въ немъ исправитъ и уврачуетъ его и по душѣ и по тѣлу. Когда же потомъ за сею вѣрою, имѣемою съ разумомъ, послѣдуетъ и дѣло, тогда раждается любовь ко Христу, т.-е. когда кто самымъ дѣломъ получитъ то, чего надѣялся отъ Христа, и почувствуетъ то, тогда возлюбляетъ Его. Ибо человѣкъ благодѣтельствуемый не можетъ оставаться безчувственнымъ къ благодѣянію, и естественно начинаетъ любить благодѣтеля, помимо даже воли своей. Потомъ, когда преуспѣетъ онъ въ любви къ Благодѣтелю своему, находитъ и самого Благодѣтеля внутри себя самого; потому что и Онъ вполнѣ ввѣряется и входитъ въ того, кто возлюбилъ Его.

Но діаволъ, что сначала сдѣлалъ съ человѣкомъ, то покушается дѣлать и теперь со всякимъ, начинающимъ каяться, внушая ему: нѣтъ спасенія тебѣ въ Богѣ твоемъ (Пс. 3, 3), т.-е. что спасеніе бываетъ не силою Бога твоего, а твоею собственною. И горе тому, кто повѣритъ ему! Врагъ хочетъ симъ способомъ обнажить душу отъ благодати Божіей, чтобы потомъ уловить ее и поглотить, какъ волкъ ягня. Посему-то всегда надлежитъ умомъ воззрѣвать къ Богу, отъ Коего единаго приходитъ всякая помощь, чтобы умъ сей просвѣтился мысленными лучами свѣта Божія, и сдѣлавшись обоженнымъ, стяжалъ и своего рода неизмѣняемость, дабы не возвращаться на зло. Тогда-то наконецъ становится онъ властителемъ земли, такъ что не смѣетъ уже болѣе приближаться къ нему никакое земное похотѣніе, но все земное трепещетъ предъ нимъ и боится его, не ради его самого, а ради Бога, страшнаго самимъ херувимамъ, Котораго онъ

всегда имѣетъ присущимъ въ себѣ и отъ Коего отлучиться мыслію и отдалиться желаніемъ и чувствомъ не позволяетъ онъ себѣ ни на одно мгновеніе. Богу благодателю нашему слава, честь и поклоненіе во вѣки вѣковъ. Аминь.

СЛОВО ЧЕТЫРНАДЦАТОЕ.

1. Чего требуетъ Богъ отъ христіанина?
2. Какой вредъ потерпѣлъ и терпитъ человѣкъ отъ діавола, а не знаетъ того?
3. Всѣ люди недугуютъ душею, и не понимаютъ того.
4. Надобно имъ познать недуги свои, чтобъ взыскать врача.
5. Лукавый діаволъ свои искушенія какъ приманку какую полагаетъ предъ людьми.
6. По какой причинѣ не всѣ христіане преуспѣваютъ въ добродѣтеляхъ?

1. Богъ отъ всякаго христіанина прежде и во главѣ всего требуетъ, чтобъ онъ всегда исповѣдывалъ прежніе грѣхи свои, дабы, помня ихъ во всякое время, онъ всегда имѣлъ самоуничиженное и смиренное мудрованіе, и не презиралъ другихъ. Вовторыхъ, требуетъ, чтобъ онъ каялся предъ Нимъ и молился Ему о всемъ, въ чемъ грѣшитъ каждодневно, волею или неволею, въ вѣдѣніи или въ невѣдѣніи; ибо невозможно, чтобы человѣкъ провелъ хоть одинъ день безъ того, чтобъ не впасть въ какое-либо согрѣшеніе, большое или малое, потому что грѣхъ бываетъ и словомъ и дѣломъ и помышленіемъ. Какъ эти,—дѣла, слова и помышленія, быстро чередуются или дѣйствуютъ совмѣстно въ продолженіе дня; то и не усмотришь, какъ погрѣшишь не въ одномъ, такъ въ другомъ. Но кто погрѣшаетъ, тотъ и падаетъ; падшему нѣтъ оправданія, но спасается онъ по единому безпредѣльному благоутробію Божію. Въ третьихъ: поелику грѣхи бываютъ по причинѣ немощности мысли, и душа посему имѣетъ нужду въ укрѣпленіи свыше, надлежитъ христіанину всегда умолять Бога, да

даруетъ ему духовную силу, которая есть сокровенная благодать Господа нашего Іисуса Христа, укрѣпляющая ту душу, которую присѣщаетъ, и просвѣщающая ее, да зритъ зло, какъ зло, и добро какъ добро, и вспомоществуемая симъ просвѣщеніемъ и сею силою, да ходитъ безопасно среди сѣтей міра сего лукаваго, не будучи уловляемая ими. Человѣкъ страдаетъ нѣкою сокровенною болѣзнію великою и неудобь-познаваемою, которая такъ велика и такъ чрезмѣрна, что подобной никогда не было и никогда не будетъ. Почему необходимо было самому Богу придти, чтобъ исправить и уврачевать ее. При всемъ томъ однакожъ люди не знаютъ о томъ и живутъ въ совершенной безпечности, нисколько не печалясь изъ-за болѣзни сей по причинѣ нечувствія своего. Ибо кто знаетъ сію болѣзнь, тотъ и чувствуетъ ее; кто чувствуетъ, тотъ болитъ о томъ душею; кто болитъ, тотъ ищетъ оздравленія и всячески старается уврачеваться отъ болѣзни той.

2. Но что это за болѣзнь? Послушай: діаволъ, по обычаю своему, всегда подбирается къ душѣ страннымъ нѣкіимъ образомъ и неудобь-распознаваемымъ, съ тѣмъ чтобы, будучи всегда близъ ея и не отдаляясь отъ ней, возмущать и перебуровливать всѣ ея стремленія, движенія и помышленія, т.-е. и мысленную, и желательную, и раздражительную силы души, и направлять ихъ на то, что ему угодно. Этимъ способомъ онъ всѣхъ насъ завлекаетъ въ сѣти свои и забираетъ въ рабство себѣ и въ волю свою,—а мы того и не знаемъ; и, что хуже всего, діаволъ, употребляя сію тактику непрестанно и сдѣлавъ насъ страстными и непотребными, убѣждаетъ насъ думать и говорить, что этотъ нашъ недугъ (смятеніе и буровленіе внутри), которымъ мы вводимся въ страсти и держимы бываемъ въ нихъ, есть свойство

естества нашего, а не дѣло бѣсовскихъ козней *). Иныхъ же онъ убѣждаетъ думать, что злыя дѣла, какія они дѣлаютъ по дѣйству его, суть исправности и добродѣтели, и хвалиться ими. Но это есть уже совершенная мертвость души: ибо кто хвалится зломъ, тотъ нимало не чувствуетъ (тлетворнаго дѣйствія его), а это свойственно лишь мертвому. И вотъ отчего виситъ надъ родомъ человѣческимъ опасность быть осуждену вмѣстѣ съ діаволомъ и прочими демонами; а онъ того не знаетъ.

3. Человѣкъ, который былъ прежде здоровъ и заболѣлъ, знаетъ и понимаетъ, что есть болѣзнь и что здоровье. Но если случится кому съ самаго рожденія быть больному, то ему трудно бываетъ понять, что такое здоровье. Такъ и душа, которая всегда недужна и страждетъ болѣзнію страстей гнѣва и похоти и другихъ многихъ и разнообразныхъ, которыя раждаются отъ этихъ двухъ какъ главнѣйшихъ, гнѣва, говорю, и похоти, не знаетъ, бѣдная, и не понимаетъ, что это суть болѣзни, и не видитъ, какъ мысленный тиранъ ея діаволъ, прикрытый симъ ея невѣдѣніемъ, подсѣдаетъ къ ней посредствомъ означенныхъ страстей и день и ночь осѣчаетъ ее злыми помыслами. Не видя же сего, не понимая и не чувствуя, она не чувствуетъ нужды и во врачеваніи и не ищетъ его. Можно ли же надѣяться, что она когда-нибудь уврачуется, находясь въ такомъ положеніи? Кто не хочетъ оздоровѣть и не ищетъ оздравленія, какъ можетъ уврачеваться? Или какъ станетъ искать врачеванія тотъ, кто не знаетъ, что боленъ, и не понимаетъ, въ чемъ состоитъ его здоровье; а того, кто объясняетъ ему это и истолковываетъ, гонитъ прочь? Поступая такъ, онъ показываетъ, что не имѣетъ нужды въ оздравленіи.

*) Тоже говорилъ и св. Макарій великій. Доброт. въ рус. пер. т. I, стр. 146.

4. Таковъ недугъ нашъ, и отъ недуга этого нѣтъ другаго врачевства, кромѣ единаго, о коемъ я помянулъ. Ни Ангелъ, ни ходатай, ни мудрецъ, ни книжникъ и никакой совопросникъ вѣка сего не могъ и не можетъ уврачевать сего недуга нашего. Для сего потребно было Богу содѣлаться человѣкомъ, чтобы человѣческое естество соединилось съ Божествомъ и въ Немъ обрѣло дѣйственнѣйшее врачество, сильное уничтожить въ насъ всякое нестроеніе, растлѣніе и смерть, и чтобы непобѣдимая и непреоборимая сила Божества врачевала немощнаго человѣка и укрѣпляла его божественною благодатію, такъ чтобы мысленный растлитель нашъ діаволъ не смѣлъ болѣе приближаться къ нему и искушать его посредствомъ страстей. Ибо со времени преступленія Адамова растлились всѣ естественныя силы человѣческаго естества, т.-е. умъ, память, воображеніе, воля, чувство, которыя всѣ совмѣщаются въ трехъ частяхъ души— мысленной, раздражительной и пожелательной. Растлились, но не уничтожились. Почему человѣкъ можетъ умствовать, но не можетъ умствовать правильно; можетъ желать, но желаетъ несмысленно; можетъ раздражаться (прямѣе бы энергичествовать), но раздражается неразумно. По сей причинѣ, все что онъ думаетъ и придумываетъ, что загадываетъ и предпринимаетъ, къ чему сочувствуетъ и отъ чего отвращается, все это криво, косо, ошибочно.

5. Искушеніе, какимъ искушаетъ насъ діаволъ, бываетъ двухъ родовъ. Какъ птица, свободно летающая на крылахъ своихъ, чтобъ найти себѣ пищу, бываетъ обманываема птицеловомъ, простирающимъ по землѣ сѣти свои для ея уловленія, тѣмъ, что простерши сѣти свои по землѣ, онъ кладетъ поверхъ ихъ приманку, которую видя, птица слетаетъ внизъ, чтобъ поклевать, и тутъ запутывается въ сѣти и попадается въ плѣнъ; тогда приходитъ и птицеловъ, беретъ ее, держитъ въ

рукахъ своихъ и дѣлаетъ съ нею что хочетъ; такъ и діаволъ, зная, что умъ человѣческій находится въ непрестанномъ движеніи (паритъ), подкрадывается къ человѣку невидимо, кладетъ предъ помысломъ его какую-либо сласть, какъ приманку, а подъ сластію простираетъ, какъ сѣть, грѣхъ, который вмѣстѣ есть и рука діавола невидимая и скрытная; потому что безъ грѣха нельзя діаволу схватить душу человѣка. Когда успѣетъ онъ приманить душу приманкою сласти, тотчасъ опутываетъ ее сѣтями и схватываетъ. Первымъ дѣломъ его тутъ бываетъ завязать ей глаза, т.-е. омрачить умъ, чтобъ она не увидала свѣта и пути и не убѣжала; и это со всѣмъ тщаніемъ дѣлаетъ онъ до тѣхъ поръ, пока она, привычкою къ сласти и долговременнымъ пребываніемъ во грѣхѣ, совсѣмъ не предастся въ волю его и не сдѣлается во всемъ ему подручною и возлюбленною рабою. Послѣ сего она и сама не захочетъ уже бѣжать отъ этого господина своего, къ которому привыкла и который такъ утѣшаетъ ее и насыщаетъ всякими сластями, пока совсѣмъ не растлитъ ее этими нечистыми и зловонными яствами своими. Когда же увидитъ онъ, что она совсѣмъ растлилась, тогда направляетъ ее на всякаго рода непотребства, грѣхи и злодѣянія. Но птицеловъ не можетъ стянуть птицы съ воздуха на свою приманку; а діаволъ, если найдетъ душу обнаженною благодати Божіей, можетъ подвигнуть стремленія и пожеланія души на сласть и склонить ее на свою волю. Почему и сказалъ я, что искушенія діавола бываютъ двухъ родовъ: первое—приманка сластію, какую полагаетъ онъ предъ помысломъ; а другое—раздраженіе похотей, коимъ понуждаетъ онъ душу воспохотствовать сластей, и склоняетъ ее на свою волю.

Душа, которая подчинится такимъ образомъ и столь много діаволу, не можетъ ничего болѣе для себя дѣ-

лать, какъ только познавъ, въ какую ниспала глубину золъ и какъ воля ея связана чужими узами, вопіять, какъ изъ чрева адова, и призывать Бога, сходившаго въ преисподняя земли, придти къ ней и освободить ее. Это одно можетъ она дѣлать; но разрѣшить себя отъ узъ и убѣжать не можетъ, какъ не можетъ убѣжать тотъ, кто закованъ въ желѣзныя кандалы и содержится въ темницѣ подъ крѣпкими запорами. Можетъ, говорю, она призывать имя Іисуса Христа, да послетъ Онъ ей помощь; и когда укрѣпится такимъ образомъ чрезъ призываніе Іисуса Христа (ибо Онъ есть единственный освободитель душъ нашихъ) и восчувствуетъ, что получила помощь отъ Бога, тогда можетъ и убѣжать изъ-подъ ига діаволова и изъ узъ грѣха. Но убѣгая отъ діавола, ей слѣдуетъ прибѣгнуть къ какому-либо эконому благодати, т. е. къ духовному отцу, чтобъ лукавый діаволъ не нашелъ ее опять неохраняемою и не похитилъ. Этимъ отцемъ духовнымъ она будетъ обучаема и упражняема въ томъ, что ей потребно думать, пока наконецъ она сдѣлается способною носить всеоружіе Божіе, т.-е. божественную благодать, и съ нею противостоять всѣмъ кознямъ діавола, всѣмъ этимъ началамъ, властямъ, міродержителямъ тьмы вѣка сего, духамъ злобы. Ибо душа, соединенная съ плотію, не можетъ одна, голая, противоборствовать такимъ сильнымъ и столь многимъ врагамъ, если не будетъ облечена во всеоружіе Божіе: какъ и воинъ, даже самый мужественный, не можетъ безъ оружія противостоять врагамъ, нападающимъ съ копьями, мечами и щитами, и если выступитъ противъ нихъ, тотчасъ будетъ пораженъ на смерть.

6. Какъ тѣло человѣка, сложенное изъ разныхъ частей, сочетаваетъ душа и не даетъ ему разсыпаться; когда же выйдетъ душа изъ тѣла, оно разлагается и истлѣваетъ; потому что тогда разрѣшаются всѣ связи его, и

то, что было прежде смерти соединено и сгармонировано, является разъединеннымъ и разложеннымъ: подобное сему бываетъ и съ душею, когда удалится изъ ней божественная благодать (которая есть душа души нашей, и до преступленія Адамова была соединена съ нею, какъ душа соединена съ тѣломъ, и содержала ее въ единости и гармоніи помышленій, которыя по преступленіи разсѣялись по безчисленнымъ направленіямъ), — божественная, говорю, благодать Св. Духа, которую опять подаетъ святое крещеніе пріемлющимъ, по увѣрованіи и оглашеніи, сіе божественное таинство,—чего не знаетъ и понять не можетъ вся внѣшняя мудрость Еллиновъ. Ибо какъ всякій человѣкъ увѣренъ, что душа есть та сила, которая приводитъ въ гармонію и сочетаваетъ въ единое стройное цѣлое разныя части тѣла; такъ всякому христіанину крещеному должно содержать всегда въ умѣ, что не другое что, а только благодать Всесвятаго Духа, которую пріялъ онъ чрезъ святое крещеніе и новое рожденіе, она одна соединяетъ, сочетаваетъ и сдерживаетъ неразсѣянными неисчетныя и многообразныя движенія и помышленія души (если это есть въ немъ).

Это собраніе во едино помышленій душевныхъ есть и именуется жизнію души, какую даруетъ ей Богъ. Но какъ иные забываютъ и пребываютъ въ беззаботномъ непомышленіи о томъ, что тѣло ихъ состоитъ изъ многихъ и разнообразныхъ частей, почему подлежитъ и недугамъ многимъ, и что въ союзѣ и гармоніи содержится оно душею, такъ что, когда бываютъ здоровы и не чувствуютъ никакой болѣзни, величаются тѣмъ (какъ бы это было не даръ Божій, а нѣчто ихъ собственное): такъ подобному неправомыслію подвергаются и нѣкоторые изъ тѣхъ, кои сподобились пріять божественную благодать, когда не внимая себѣ и не содержа въ умѣ и помышленіи сіе великое таинство божественной благодати, ими

полученной (и держащей въ союзѣ и гармоніи разнообразныя помышленія и стремленія души), склоняются къ гордому о себѣ помышленію. За это разгордѣніе они впадаютъ въ *судъ діаволь* (1 Тим. 3, 6), обнажаются отъ божественной благодати и ниспадаютъ въ состояніе худшее, нежели въ какомъ были до крещенія. И только тѣ изъ нихъ, которые уразумѣвъ, какое великое потерпѣли они зло, прольютъ много горькихъ слезъ о томъ, чтобъ опять пріять божественную благодать, послѣ многихъ трудовъ и потовъ сподобляются снова сей великой Божіей милости.

Впрочемъ надлежитъ намъ и то знать, что Богъ, всеблагій и человѣколюбивый, не отъ всѣхъ добродѣтелей обнаженнымъ оставилъ человѣческое естество по паденіи; почему и среди самыхъ невѣрныхъ народовъ проявляются нѣкоторыя естественныя добрыя качества, и иные являютъ кротость, другіе сердоболіе, тѣ любовь, а эти другія какія-либо душевныя доброты. Сдѣлалъ это всеблагій Богъ для того, чтобъ человѣческое естество не всякаго лишено было пособія, но чтобъ въ этомъ имѣемомъ находило помощь къ стяжанію и того, чего въ немъ недостаетъ. Однакожъ никакъ невозможно, чтобъ некрещеный достигъ когда-либо совершенства добродѣтелей.

Итакъ, поелику нѣкоторые христіане забываютъ о таинствѣ благодати Всесвятаго Духа, полученной ими во св. крещеніи, имѣютъ впрочемъ, какъ мы сказали, нѣкоторыя естественныя добродѣтели въ помощь и пособіе недугующему естеству, но не помня о полученной ими благодати, не стараются съ помощію сей божественной благодати Всесвятаго Духа стяжать и прочія добродѣтели, которыхъ не имѣютъ, а довольствуются однѣми отъ естества получаемыми добродѣтелями, гордятся ими и презираютъ тѣхъ, которые ихъ не имѣютъ, не обращая вниманія на тѣ, которыя тѣ имѣютъ, и которыхъ они сами не имѣютъ: то благоутробный и человѣколюбивый

Богъ не даетъ таковымъ горделивымъ благодати на стяжаніе и прочихъ добродѣтелей, да не впадутъ въ судъ діаволь. Ибо если они не возымѣютъ добродѣтелей, то осудятся, какъ недобродѣтельные; а если стяжутъ ихъ благодатію Всесвятаго Духа и возгордятся, яко самодобродѣтельные, и хвалиться ими станутъ, какъ бы не свыше отъ Бога получили ихъ, а имѣли ихъ (если и предположимъ, то возымѣли) отъ своихъ трудовъ и усилій, то осуждены будутъ вмѣстѣ съ діаволомъ. Почему всякій добродѣтельный христіанинъ, яко сокрушенный и смиренный, такъ да вѣруетъ, что благодать Всесвятаго Духа живетъ въ немъ и совершаетъ всѣ добродѣтели, а не онъ самъ. Таковый воистину есть и праведно именуется духовнымъ человѣкомъ, поколику вседѣйствуетъ въ немъ Духъ Святый, о Христѣ Іисусѣ Господѣ нашемъ, Коему слава и держава со Отцемъ и Святымъ Духомъ, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

СЛОВО ПЯТНАДЦАТОЕ.

1. Есть семь классовъ лицъ, для которыхъ потребна молитва церкви о спасеніи ихъ.

2. Тѣ, которые молятся Богу, а между тѣмъ сами не знаютъ, о чемъ просятъ, не бываютъ услышаны.

3. Всуе трудятся тѣ, которые не молятся въ духѣ.

1. Есть семь классовъ лицъ, о спасеніи коихъ потребна молитва церкви: погибшіе, плѣненные, заблуждшіе, уязвленные, падающіе, возставшіе, шествующіе. Есть еще и осьмой классъ—совершенные, которые, задняя забывая, все въ предняя простираются. Каждый изъ этихъ осьми классовъ имѣетъ нужду въ особой молитвѣ Церкви Божіей о спасеніи его: *погибшіе* имѣютъ нужду въ молитвѣ о томъ, чтобы ихъ взыскалъ и обрѣлъ вездѣсущій Богъ, для Котораго явны и адъ и пагуба; *плѣнные*, т.-е. порабощенные (страстямъ и діаволу),—чтобъ ихъ освобо-

дилъ божественною благодатію своею Тотъ, Кто все содержитъ и надъ всѣмъ господствуетъ, потому что такого рода порабощенникъ не можетъ освободиться самъ собою; *заблуждшіе,*—чтобы просвѣтила ихъ божественная благодать и направила на путь истины, какъ учитъ и псаломъ: *наставн мя Господи на путь Твой, и пойду во истинѣ Твоей* (Пс. 85, 11); *уязвленные*, т.-е. сокрушенные, чтобы ихъ уврачевалъ и поднялъ съ одра Господь, потому что ни одинъ изъ уязвленныхъ не можетъ исцѣлиться и стать на ноги собственною своею силою; *падающіе*, т.-е. тѣ, которые впадаютъ въ грѣхи,—да укрѣпитъ ихъ великомощная десница Всевышняго Бога, чтобъ они не падали; *возставшіе,* т.-е. тѣ, которые перестали грѣшить, — да утвердитъ ихъ божественная благодать, чтобъ они не низвергались болѣе въ ровъ сей; *шествующіе,* т.-е, тѣ которые подвизаются въ добродѣтели,—да шествуютъ безъ преткновеній, и Ангелъ Господень да устраняетъ камни и препятствія съ долгой и тѣсной стези добродѣтелей, чтобъ имъ не подвергаться болѣе по причинѣ ихъ крайнимъ бѣдамъ и опасностямъ; осьмой же классъ, т.-е. *совершенные*, — чтобъ не гордились и не думали о себѣ, что они лучше другихъ, но скорбѣли и сокрушались, чувствуя, что они ниже всѣхъ, и сознавая, сколь многаго еще недостаетъ имъ до той истинной высоты, которая выше всего. Дѣло совершенныхъ, какъ говоритъ Апостолъ, есть—*къ намѣренному тещи къ почести вышняго званія*: ибо сказавъ сіе, онъ присовокупилъ: *елицы совершенни, сіе да мудрствуимъ* (Филип, 3, 14. 15).

2. Итакъ, самъ ли кто восхощетъ, по любви Божіей, или упрошенъ будетъ другими помолиться о какомъ-либо изъ показанныхъ осьми классовъ, пусть позаботится сдѣлать молитву свою сообразною съ каждымъ изъ нихъ, чтобъ не потрудиться понапрасну, испрашивая того,

что несообразно съ тѣмъ или другимъ. Ибо въ такомъ случаѣ какъ можно, чтобъ услышалъ его Богъ?—Одинъ изъ отцевъ Церкви нашей такъ поучаетъ настоятеля (обители) *): не неради молить Бога о тѣхъ, кои крайне нерадивы, но проси Его не о томъ, чтобъ Онъ помиловалъ ихъ, потому что это невозможно, пока сами они сидятъ въ бездѣйствіи и съ мѣста не двигаются,— а о томъ проси, чтобъ Онъ просвѣтилъ ихъ, пробудилъ отъ усыпленія и сдѣлалъ рачительными. Кто станетъ кормить грубою и тяжелою пищею дитя, еще отдоеваемое грудьми, тотъ не оживлять его будетъ, а разстроивать его жизнь и убивать. Равнымъ образомъ кто сталъ бы отдоевать мужа совершенна, былъ бы безсмысленъ и безсмысленнаго отдоевалъ бы. Такъ и здѣсь всему свой чинъ и свое время. Ибо Богъ есть Богъ порядка и мира. Правда, что большею частію не имѣютъ вѣдѣнія о сказанныхъ осьми классахъ людей; но всячески необходимо, чтобы тотъ, кто молится, просилъ у Бога того, что потребно тому, о комъ онъ молится. Такъ и Христосъ Спаситель молился ко Отцу Своему, говоря: *не якоже Азъ хощу, но якоже Ты.*

Если кто молится о себѣ самомъ и проситъ наприм. объ избавленіи отъ тлѣнія и смерти, пусть послушаетъ напередъ и разузнаетъ, что такое есть тлѣніе и что жизнь, и тогда уже проситъ Бога объ освобожденіи отъ тлѣнія и смерти, имѣетъ ли онъ дерзновеніе къ Богу или не имѣетъ. Ибо кто испрашиваетъ что либо, тотъ долженъ знать, что испрашиваетъ, и ясно то представлять, чтобъ, когда получитъ, возблагодарить Подателя и всегда пребыть Ему благодарнымъ. Если же кто, молясь, самъ не знаетъ, чего испрашиваетъ, то какъ узнаетъ онъ, что получилъ просимое, и слѣд. какъ станетъ благо-

*) Лѣствичникъ въ Словѣ къ пастырю.

дарить Бога, Который подалъ ему то? А не возблагодаривъ, повиненъ будетъ осужденію, какъ неблагодарный. Кто говоритъ: освободи меня, явно находится въ плѣну и состоитъ въ рабствѣ; также кто говоритъ: избавь меня, конечно сидитъ въ темницѣ и заключенъ въ узы. Но если тѣ, которые говорятъ такія слова, говорятъ ихъ такъ себѣ, просто какъ попало, по обычаю (потому холодно и безучастно), не сознавая бѣды, въ какой находятся, и не чувствуя тѣсноты, рабства, темницы и узъ, то кто ихъ станетъ слушать? Равнымъ образомъ и тѣ, которые день и ночь взываютъ къ Богу: Господи, спаси мя! Господи, избави мя! Господи, изми мя! но не знаютъ бѣды, въ которой находятся, не чувствуютъ ни горечи рабства, ни мрачности темницы, ни тяготы узъ, даже не сознаютъ, что попали въ крайнюю бѣду, несутъ иго рабства, заключены въ темницу, закованы въ желѣза,—таковые никогда не были, не бываютъ и не будутъ услышаны отъ Бога.

Посему необходимо намъ напередъ послушать обо всемъ этомъ, поучиться тому и познать то отъ тѣхъ, которые знаютъ то, и потомъ уже молиться о томъ Богу. Если не удобно найти такихъ знающихъ вблизи, поищемъ ихъ со тщаніемъ вдали; если же и въ другихъ мѣстахъ не видно будетъ таковыхъ, обратимся съ молитвою къ Богу, чтобъ Онъ Самъ невидимо показалъ намъ и бѣду, и плѣнъ, и рабство, и узы, въ какихъ находимся; и когда познаемъ, сколь великое во всемъ этомъ зло, тогда начнемъ и вопіять къ Нему, со слезами, гласомъ великимъ, чтобъ сжалился надъ нами и явилъ милость Свою къ намъ, недостойнымъ никакой милости, и спасъ насъ, освободилъ и избавилъ. И невозможно, чтобы Богъ помиловалъ насъ другимъ способомъ или путемъ. Ибо и человѣкъ, имѣющій возможность оказывать милость, не можетъ оказать ее единородному съ собою человѣку,

если не знаетъ, что ему потребно и чего онъ ищетъ. Богъ конечно все можетъ; но не можетъ Онъ солгать, ни отрещися Себя Самого; почему не можетъ помиловать того, кто не кается, ни дать тому, кто не проситъ, ни поруководить къ обрѣтенію того, кто не ищетъ, ни отверзть двери милосердія тому, кто не ударяетъ въ нихъ; равно не можетъ Онъ дать и тому, кто хотя и проситъ, но злѣ проситъ, ни помиловать того, кто самъ не милуетъ другаго, хотя и вопіетъ онъ: Господи помилуй мя. Ибо Богъ сколько всемогущъ, столько и праведенъ; могущество Его съ правдою, и милость съ вѣсомъ и мѣрою. Итакъ необходимо, чтобы человѣкъ навѣрное позналъ, что можетъ Богъ сдѣлать для него, и тогда испрашивалъ то у него, да получитъ.

(И то еще надлежитъ имѣть въ разсужденіи, что если дать что-либо человѣку не во время, то такой даръ не въ пользу будетъ, а во вредъ). Но если плотской отецъ не можетъ дать чаду своему смертоносной снѣди, просимой имъ; тѣмъ паче не даетъ чего либо такого человѣку Богъ, Который говоритъ: *еда забудетъ жена отроча свое?... Аще же и забудетъ сихъ жена, но Азъ не забуду тебе* (Исаіи 49, 15), и опять: *вопросите Мене о сынѣхъ моихъ и дщерехъ моихъ* (Ис. 45, 11). Итакъ, поелику Онъ считаетъ людей сынами своими и дщерями; то какъ возможно, чтобъ Онъ подалъ имъ что-либо смертоносное, хотя бы они сами испрашивали себѣ того у Него долгое время, съ воздыханіями и слезами? Богъ подастъ христіанину, если проситъ, слѣдующія великія и высокія дарованія, коихъ самъ собою никто стяжать не можетъ, именно—сердце сокрушенное и смиренное, трезвенное и цѣломудренное, покаянное и плачущее,—подастъ ему память о смерти и будущемъ судѣ, мудрость и разумъ—понимать Божественныя Писанія, смыслъ боятися Бога, силу молиться со страхомъ, благоговѣніемъ и благо-

дареніемъ,—подастъ непорочность, кротость, терпѣніе и благодушіе. Кто получитъ все сказанное, тотъ возымѣетъ и освященіе и здравіе души своей; а здравіе души есть: не жаждать никакого грѣха, и ничего изъ того, чего жаждетъ міръ, т.-е., ни денегъ, ни сласти плотской, ни славы и чести человѣческой. И Богъ не можетъ уврачевать кого-либо и даровать ему здравіе, прежде чѣмъ получитъ онъ и возымѣетъ показанныя выше дарованія (ибо это было бы не во-время). Еслибъ и оздоровѣлъ кто душею, прежде полученія тѣхъ дарованій, то у него нельзя отрицать возможности воззрѣть на славу человѣческую (несмотря на его увѣренность, будто здравъ есть и не подверженъ душевной болѣзни) и впасть въ сѣть діавола, т.-е. въ гордость. *И будутъ послѣдняя человѣку тому горша первыхъ* (Мѳ. 12, 45). Ибо гордость есть изъ всѣхъ грѣховъ самый большой грѣхъ, такъ какъ отъ ней уже пошли всѣ другіе, и она стала началомъ и причиной всѣхъ грѣховъ, какъ говоритъ Писаніе: *начало грѣха—гордыня* (Сир. 10, 15).

3. Господь сказалъ Самарянынѣ: *жено, вѣру Ми ими, яко... грядетъ часъ, и нынѣ есть, егда истиннїи поклонницы поклонятся Отцу духомъ и истиною. Духъ есть Богъ: и иже кланяется Ему, духомъ и истиною достоитъ кланятися* (Іоан. 4, 23. 24). И Апостолъ говоритъ: *Богъ не въ рукотворенныхъ храмахъ живетъ, ни отъ рукъ человѣческихъ угожденіе пріемлетъ, требуя что* (Дѣян. 17, 24). Богъ не имѣетъ ни въ чемъ недостатка и нужды. Онъ преисполненъ всякаго блага; и не только люди, но и самые Ангелы отъ полноты Божіей пріемлютъ, и всѣ они имѣютъ нужду въ неоскудѣвающемъ и преисполненномъ всего Богѣ, Котораго и благодарятъ, воспѣваютъ, славятъ, не сами собою дѣлая это, но благодатію, отъ полноты Его пріемлемою, будучи подвигаемы и укрѣпляемы на то, чтобы благодарить, воспѣвать и славить

Бога, Владыку и Творца своего. Итакъ, какіе же это суть истинные поклонники? Тѣ, которые не ограничиваютъ своего служенія Богу какимъ-либо мѣстомъ, но служатъ и покланяются Ему въ духѣ. Когда Господь говоритъ, что духъ есть Богъ, то не другое что симъ показываетъ, какъ то, что Онъ безтѣлесенъ. Итакъ, надлежитъ намъ безтѣлесному Богу приносить служеніе нашимъ собственнымъ безтѣлеснымъ естествомъ, т.-е. душею. Ибо безтѣлесный Богъ можетъ благоугождаться только умомъ и чистою мыслію. Поелику, по слову Господа, пришелъ уже и нынѣ есть тотъ часъ, когда Богу покланяться надлежитъ въ духѣ и истинѣ; то возможно ли нынѣ служить Ему въ преподобіи и правдѣ иначе какъ не умомъ и мыслію? Но знать надо, что умъ нашъ и мысль наша не могутъ достодолжно покланяться Богу, если не будутъ прежде очищены силою вѣры во Христа Спасителя, если прежде самъ Господь не уврачуетъ ихъ, не исцѣлитъ и не изведетъ на свободу, такъ что, пусть иные люди подвизаются въ добрыхъ дѣлахъ и думаютъ, что все творятъ во славу Божію, но если умъ ихъ не уврачеванъ Христомъ, не исцѣленъ, не изведенъ на свободу таинственно и мысленно, тщетно и безполезно все, что они ни дѣлаютъ,—и посты, и бдѣнія, и молитвы, и милостыни, и всякое злостраданіе, и даже совершенная нестяжательность. Они еще не покланялись Богу духомъ, каковое поклоненіе и есть единое истинное. А гдѣ нѣтъ истины, тамъ все прочее ложь и прелесть, невѣдѣніе Бога и непониманіе жизни во Христѣ. Тамъ жизнь заблудная, гдѣ не живутъ по неложному Христу.

Итакъ тѣ, у которыхъ умъ еще не исцѣленъ, если хотятъ поклоняться Богу духомъ, должны напередъ всякій употребить подвигъ, чтобъ стяжать сіе великое благо, т.-е. божественную благодать, благо, для котораго и Христосъ распятіе подъялъ и смерть. И пусть они не

отступаютъ отъ труда, дѣлая со усердіемъ все, что можетъ подвигнуть благоутробіе Божіе на подаяніе такого дара. Ибо это есть избавленіе, которое послалъ Богъ людямъ Своимъ чрезъ Іисуса Христа Господа. Это есть великая милость, это есть очищеніе, это есть разореніе средостѣнія великаго прегражденія. Это есть воскресеніе души, бывающее прежде общаго воскресенія тѣлъ. Это есть нетлѣніе и вѣчная жизнь, прихиреніе и содруженіе Бога съ человѣками. Это есть исправленіе вселенныя, отъ Бога бывающее, которое не подвижится. Отъ этого происходитъ то, что иной, послѣднѣйшій изъ всѣхъ и рабъ всѣмъ, бываетъ первымъ. Отъ этого бываетъ иной нищъ духомъ, т.-е. смиренъ, котораго есть царствіе небесное, бываетъ чистъ сердцемъ, который узритъ Бога, бываетъ миротворцемъ, который наречется сыномъ Божіимъ. Вотъ какое дивное и великсе благо долженъ позаботиться стяжать христіанинъ, немешкатнымъ и неутомимымъ трудомъ!

За этимъ же что послѣдуетъ? Послѣдуетъ то, что стяжавшій такое дарованіе, имѣя умъ свой здравымъ и совершеннымъ, ясно созерцаетъ и *разумѣетъ* всѣ *чудеса отъ закона* Божія (Пс. 118, 18), такъ какъ открылись очи его благодатію Христовою. Таковый совлекается образа человѣка перстнаго, т.-е. ветхаго Адама, и облекается во образъ человѣка небеснаго, т.-е. Христа. Ибо какъ человѣкомъ содѣлался Сынъ Божій и Богъ Слово, и есть Онъ Богочеловѣкъ, то, *какъ человѣкъ*, передаетъ Онъ человѣческую добродѣтель и человѣческое возстановленное естество однороднымъ Себѣ человѣкамъ, именно тѣмъ, которые приняли Его, какъ и Адамъ передалъ растлѣнное человѣческое естество происходящимъ отъ него человѣкамъ, такъ что причастники Іисусовы бываютъ небесными человѣками, какъ причастники Адамовы—людьми перстными. И опять, *какъ Богъ*, отъ Божества

своего передаетъ тѣмъ, кои возстановились и исцѣлились силою Его вочеловѣченія. Ибо нѣтъ возможности, чтобъ кто-нибудь приблизился къ святому и чистому Богу, если прежде не освятится онъ, не очистится, не сдѣлается добротнымъ благодатію Христовою; и такимъ образомъ не станетъ богатъ по благодати. Святые отцы наши и положили такое опредѣленіе, что никому невозможно спастись инымъ образомъ, если не содѣлается онъ богатъ по благодати во Христѣ Іисусѣ, Коему слава во вѣки. Аминь.

СЛОВО ШЕСТНАДЦАТОЕ.

1. Кто истинный христіанинъ?
2. Христіанинъ, который любитъ славу, или удовольствія, или деньги, не истинный христіанинъ.
3. Христіанамъ необходимо нести чувствительныя лишенія и подвиги, чтобъ освободиться отъ сихъ страстей.
4. Всякое доброе дѣло надобно дѣлать съ тою цѣлію, чтобы пріять благодать Христову и святость.
5. Молиться со вниманіемъ есть даръ Божій.
6. Грѣшники—враги Богу, отъ которыхъ Онъ отвращается.

1. Истинный христіанинъ есть тотъ, который искренно исповѣдалъ предъ Богомъ и Ангелами во время крещенія своего, что отрекся діавола и всѣхъ сатанинскихъ дѣлъ его и далъ обѣтъ служить Христу Господу, исполняя всѣ святыя заповѣди Его, и такимъ образомъ сподобился таинственно пріять благодать Божію сокровенную, и ощутить ее въ духѣ, т.-е. сознать духомъ, что пріялъ ее. Какъ только получитъ кто благодать, тотчасъ отвращается отъ плотскихъ стремленій, начинаетъ ненавидѣть мірскія похоти и благодатію Божіею становится неподдѣйственъ имъ и мертвъ для нихъ; отъ чего божественныя заповѣди Христовы исполняетъ со всякою радостію и усердіемъ, а къ какой-либо сласти плотской, или къ стяжаніямъ или къ чести и славѣ, не лежитъ уже у него

душа, какъ бы онъ находился внѣ тѣла и внѣ міра, какъ говоритъ Господь: *отъ міра нѣсте* (Ін. 15, 19). Будучи же такъ соединенъ съ благодатію Всесвятаго Духа, онъ радуется всегда и поетъ: *Азъ же возвеселюся о Господѣ, возрадуюся о Бозѣ Спасѣ моемъ* (Пс. 103, 34. Лук. 1, 47).

2. И другимъ какимъ-либо способомъ никому невозможно сдѣлаться истиннымъ христіаниномъ. Эти три,—сластолюбіе, сребролюбіе и славолюбіе,—порабощаютъ человѣка діаволу. И христіанинъ, предающійся плотскимъ сластямъ, уже не Христовъ есть рабъ, а рабъ грѣха и діавола; также христіанинъ, обладаемый сребролюбіемъ и любящій деньги, уже не христіанинъ, а идолопоклонникъ, какъ говоритъ божественный Павелъ; равно и тотъ, кто любитъ славу человѣческую, не христіанинъ есть истинный, а нѣкій изрядный воинъ діавола. Кто обладаемъ или каждою изъ силъ страстей, или одною какою изъ нихъ всецѣло, тотъ не имѣетъ общенія съ Богомъ—Пресвятою Троицею, Отцемъ, Сыномъ и Святымъ Духомъ, хотя бы онъ постился, совершалъ бдѣнія, спалъ на голой землѣ, и всякое другое несъ злостраданіе, хотя бы имѣлъ всезнаніе и мудрость. Для сего потребно ему прежде въ духѣ освобождену быть отъ сихъ страстей Христомъ Господомъ, Который говоритъ: *аминь, аминь глаголю вамъ, яко всякъ творяй грѣхъ, рабъ есть грѣха. Рабъ же не пребываетъ въ дому во вѣкъ* (Ін. 8, 34). Домъ сей есть царствіе небесное. Видишь страшное опредѣленіе Спасителево?! *Аще убо Сынъ вы свободитъ, воистину свободни будете*, присовокупляетъ къ тому Господь (Ін. 8, 36). Итакъ когда освобожденъ будетъ кто отъ оныхъ трехъ страстей, тогда да поетъ, тогда да покланяется славя Бога, тогда да молитвы дѣетъ, какъ содѣлавшійся уже истиннымъ христіаниномъ и рабомъ Христовымъ. Великой сподобляется онъ милости. Ибо воистину кто порабощенъ тремъ онымъ тиранскимъ страстямъ или

хоть одной изъ нихъ, тотъ хотя бы и хотѣлъ, не можетъ самъ освободить себя отъ нихъ, потому что освобожденіе сіе въ рукахъ Іисуса Христа, Сына Божія и Царя, по власти, какую получилъ Онъ отъ Бога Отца своего, чрезъ крестъ и смерть Имъ подъятыя, какъ самъ удостовѣрилъ Онъ по воскресеніи: *дадеся Ми всяка власть на небеси и на земли* (Мѳ. 28, 18).

3. Прибѣгнемъ же къ Освободителю всѣхъ, Христу Господу, яко къ единому власть держащему, всякія употребляя мѣры къ тому, чтобъ сподобиться освобожденія отъ тѣхъ трехъ страстей; станемъ поститься, молиться, подавать милостыни, чтобъ увидѣлъ Богъ, какъ искренно желаемъ мы свободы себѣ, и усердно ищемъ ея, дѣлая такія дѣла ради ея, и увидѣвъ то, даровалъ намъ желанную свободу Онъ, желатель милости. Признакъ такой свободы есть ненависть къ тѣмъ страстямъ,—такая, что свободившійся отъ нихъ гнушается ими, какъ мерзостію, которая отвратительнѣе для него всякой вещественной мерзости. Итакъ доброе дѣло есть пѣть, молиться, поститься, совершать бдѣнія, подавать милостыни, держать себя въ уничиженіи, стать нищимъ, любве ради Христовой. Однакоже видимъ многихъ изъ братій нашихъ, которые тщетно трудились и трудятся, совершая такія дѣла. И причина этому явна. Что бы ни дѣлалъ кто, дѣлаетъ то для извѣстной цѣли. Поелику все человѣческое естество, по преступленіи первой заповѣди, стало естествомъ тлѣннымъ и смертнымъ, и по сей причинѣ слабымъ и немощнымъ, падкимъ на всякое зло и неразуміе, то какъ возможно, чтобъ оно одно, само собою, освободилось отъ растлѣнія въ помыслахъ своихъ, когда это растлѣніе стало въ немъ, нѣкоторымъ образомъ, естественнымъ?—Но какъ можетъ оно освободиться?—Если будетъ поститься, совершать бдѣнія, молиться, поднимать всякій трудъ и подвигъ, раздавать имѣ-

ніе свое бѣднымъ, съ тою одною цѣлію, чтобъ сподобиться освобожденія отъ онаго растлѣнія въ помыслахъ, силою Господа нашего Іисуса Христа, единаго освободителя, Который за тѣмъ и въ міръ пришелъ, чтобы взять грѣхи міра. И кто постится, молится, трудится, и всякое другое дѣлаетъ добро, съ тою цѣлію, чтобъ освободилъ его Христосъ, тотъ всеконечно будетъ освобожденъ, и познаетъ Освободителя своего и возблагодаритъ Его, смирится и покорится предъ непобѣдимою силою Христа Господа. А кто не жительствуетъ жительствомъ по Христѣ съ такою цѣлію, тотъ тщетно протрудится и перейдетъ въ другую жизнь бѣднымъ и несчастнымъ христіаниномъ.

Надобно намъ и то знать, что весь подвигъ діавола и демоновъ его и всѣ козни, какія строятъ они всякому христіанину, обращены на то, чтобъ сѣять между христіанами непониманіе сего и невѣдѣніе о семъ, чтобъ они не знали показанной цѣли, но держали въ мысляхъ, что могутъ спастись сами, посредствомъ тѣхъ добрыхъ дѣлъ, какія дѣлаютъ. Демоны нерѣдко даже содѣйствуютъ и молитвамъ, и милостынямъ, и постамъ, и бдѣніямъ, и всякимъ другимъ добрымъ дѣламъ, чтобы дѣлающіе ихъ дѣлали безъ означенной нами цѣли, держа однакожъ въ мысли, что дѣлаютъ настоящее добро, и чрезъ то оставались не уврачеванными отъ Христа. Ибо неотложенъ тотъ законъ Христовъ, что Самъ Христосъ не можетъ уврачевать того, кто не позналъ своей болѣзни, не знаетъ врача и не ищетъ его.

4. Итакъ доброе есть дѣло, какъ мы сказали, постъ, милостыня и прочее; хорошо и скорбѣть о грѣхахъ, какъ своихъ собственныхъ, такъ и братій своихъ, также плакать съ плачущими и радоваться съ радующимися; но всѣ эти добрыя дѣла, достохвальныя и дивныя, ни къ чему не служатъ и пропадаютъ даромъ, если

тотъ, кто дѣлаетъ ихъ, не содѣлается причастнымъ святости Божіей: ибо всѣ добрыя дѣла для этой цѣли должны быть дѣлаемы, какъ говоритъ Апостолъ о тѣхъ, которые сподобляются быть наказываемы Богомъ, какъ сыны, что Богъ наказуетъ ихъ *на пользу, да причастятся святыни Его* (Евр. 12, 10). Если же кто не причастенъ святыни Божіей, то тщетенъ трудъ его, тщетна и вѣра его, особенно когда возможности нѣтъ творить сіи добрыя дѣла достодолжно, по закону и заповѣди Божіей, безъ помощи Іисуса Христа, Бога нашего; а тотъ, кто незаконно подвизается, не вѣнчается, какъ опредѣляютъ божественные законы. Законъ же есть, чтобъ дѣла эти дѣлаемы были втайнѣ, со всякимъ охраненіемъ и блюденіемъ, предъ лицемъ единаго Бога, такъ чтобъ и лѣвая рука не знала того, что дѣлаетъ правая.

Что же это правое, и что лѣвое? Слушай. Правое есть, когда христіанинъ исполняетъ то, что заповѣдалъ Христосъ въ слѣдующихъ словахъ: *егда сотворите вся повелѣнная вамъ, глаголите, яко раби неключими есмы: яко, еже должни бѣхомъ сотворити, сотворихомъ* (Лук. 17, 10). Но возможно ли, чтобъ нашелся когда-нибудь кто такой, который сотворилъ бы все, что долженъ былъ сотворить? Пусть и сотворилъ кто или все, что долженъ былъ сотворить, или часть того: кто могъ когда либо творить то одинъ самъ собою, своею собственною силою, не будучи напередъ подкрѣпленъ таинственно божественною силою Христовою? Кто дѣлаетъ какое-либо добро безъ Христа, увы ему и дѣлу его! А лѣвое есть, когда кто, дѣлая то, что долженъ дѣлать, думаетъ, что достоинъ за то у Бога всякой чести. Такой никогда не причастится святыни Божіей, даже послѣ такихъ подвиговъ и такихъ потовъ, и горе ему послѣ смерти!

Какіе же есть признаки, которые показывали бы, что получилъ кто благодать Божію? Когда кто безгнѣвенъ,

не осквернень плотскими сластями, тихъ и кротокъ, имѣетъ смиреніе вмѣстѣ съ незлобіемъ и состраданіемъ, съ любовію къ ближнимъ чистою и нелицемѣрною и вѣрою въ Бога несомнѣнною и твердою, такъ чтобъ о немъ можно было сказать: *вѣрова Богови и вмѣнися ему въ правду* (Рим. 4, 3). И кто не имѣетъ такихъ признаковъ благодати Христовой, тотъ безъ сомнѣнія всѣ дѣла свои дѣлаетъ, да славимъ будетъ человѣками. Пусть говоритъ онъ, что не ищетъ славы человѣческой; но будто и нехотя онъ бываетъ падокъ на нее. Ибо гдѣ нѣтъ Христа, тамъ демоны, а гдѣ демоны, тамъ правые помыслы извращаются и растлѣваются. Какъ во время ночи летаютъ нетопыри, пищу себѣ ища, такъ и демоны вмѣстѣ съ первакомъ своимъ, начальникомъ тьмы, діаволомъ, во время настоящей жизни, растлѣнной и омраченной, рыщутъ и по землѣ, и по воздуху, и по всѣмъ мѣстамъ, сущимъ подъ небесами, въ одно мгновеніе переносясь съ мѣста на мѣсто; ибо демоны по естеству суть мысленныя твари. Это всякій можетъ понять, судя по тому, какъ дѣйствуетъ собственный нашъ человѣческій умъ, который, когда видѣлъ что однажды, — будь то и далеко и раскинуто на большомъ пространствѣ, — обѣгаетъ то мысленно въ одно мгновеніе, при всемъ томъ, что связанъ плотію. Вотъ почему невозможно бываетъ истинному христіанину возводить умъ свой къ Богу, размышлять о божественномъ, бесѣдовать съ Господомъ всеблагимъ, и посредствомъ такой святой памяти и умной молитвы принимать отъ Бога просвѣщеніе и облистаніе, если онъ не запечатлѣнъ благодатію Святаго Духа. Какъ только увидитъ діаволъ, что умъ (духъ) христіанина не имѣетъ печати благодати Божіей и нагъ отъ нея, а между тѣмъ желаетъ прейти мысленно воздухъ и востечь ко всевышнему Богу, чтобъ бесѣдовать съ Нимъ посредствомъ молитвы и молить

Его о грѣхахъ своихъ, — безъ страха становится противъ него на дорогѣ, по которой онъ восходитъ, и какъ-бы такъ говорить ему: „куда это ты идешь, несчастный? Какъ смѣешь проходить по мѣстамъ, въ моей власти находящимся? Я властитель тьмы, я получилъ имя міродержителя и состою главою тѣхъ, которые умствуютъ о мірскомъ и мудрствуютъ по-мірски. Я князь растлѣннаго міра сего, воздушный царь, сатана. Ты не вышелъ еще изъ-подъ моей власти, еще не переставилъ тебя Христосъ изъ *области сатанины къ Богу* (Дѣян. 26, 18). Почему, какъ мой подданный, ты долженъ помышлять о моемъ и искать моего. Мое же вотъ что: плотская похоть, неправда, злоба. Я прежде все это тебѣ показывалъ и доказывалъ, какъ это хорошо; и ты видѣлъ, что такъ есть, вкусилъ, испыталъ и усладился. А теперь куда идешь? Куда тебѣ взойти на небо? Оставайся здѣсь— долу, въ мірскихъ нечистотахъ и грѣхахъ.“ Посему-то и написано: *никтоже можетъ рещи Господа Іисуса, точію Духомъ Святымъ* (1 Кор. 12, 3).

5. Можно положить, что христіанинъ не долженъ молиться и славословить Бога, если умъ его напередъ не запечатлѣется и не освятится божественною благодатію, чтобъ не оказаться ему внѣшно предстоящимъ Богу, мысленно же творящимъ дѣла діавола, какъ слугѣ его: по каковой причинѣ онъ дѣлается паче нечистымъ, и за каковое дѣло паче насиловать начинаетъ его врагъ, наводя его на многое зло то посредствомъ гнѣва, то посредствомъ похоти плотской, на кои устремляется онъ съ большею неудержимостію. Если кто, войдя во врачебницу, чтобъ получить уврачеваніе, по своему неразумію худшими и опаснѣйшими дѣлаетъ тамъ раны свои; то конечно гораздо лучше бы совсѣмъ не входить ему въ нее. Но опять какъ же тебѣ оставаться безъ молитвы?! Тѣсно отъ обою. Воспріими же тщаніе,

возьми на себя подвигъ напередъ исправить и уврачевать умъ свой, чтобъ не быть въ опасности ниспадать въ худшее, если будешь пѣть, славословить Бога и молиться, не исправившись и не уврачевавшись напередъ. Ибо невозможно, чтобы нечистый умъ предстоялъ Богу, хотя и видно, что иной предстоитъ Ему тѣломъ и молится устами. Да и вообще никакой нѣтъ возможности истинно славословить Бога самому отъ себя, но благодать Христова, вселяющаяся въ насъ, она славословитъ и пѣснословитъ Бога и молится въ насъ.

Люди, когда ведутъ между собою бесѣду, знаютъ о чемъ идетъ рѣчь: и тѣ, которые говорятъ, знаютъ что говорятъ, и тѣ которые слушаютъ, понимаютъ что слышатъ. И было бы явное неразуміе, не имѣть должнаго вниманія, когда бесѣдуетъ кто съ другимъ. Но если, предстоя предъ Богомъ, бесѣдуя къ Нему и молясь, не внимаемъ тому, что говоримъ; то какую можемъ мы питать надежду спасенія, даже и тогда, когда кто долгое время проводитъ въ молитвѣ своей и славословитъ Бога днемъ и ночью съ такимъ неразумнымъ невниманіемъ, и думаетъ, что молится и славословитъ Бога какъ должно? Ибо хоть такое надлежитъ намъ оказывать вниманіе, когда бесѣдуемъ съ Богомъ, какое имѣемъ, когда ведемъ рѣчь съ людьми о дѣлахъ мірскихъ и суетныхъ. Изъ сказаннаго всякій понять можетъ, что значитъ, что діаволъ мысленно кружитъ умъ человѣка, страдающаго этою нелегкою болѣзнію. Почему и надлежитъ таковому прежде всего всякое тщаніе привнесть о душѣ своей, стараясь доставить ей духовное врачество и исцѣленіе, чтобъ Іисусъ Христосъ, единый врачъ душъ и тѣлесъ, увидѣвъ такое его тщаніе и трудъ, уврачевалъ столь великую его немощь. И если не сдѣлаетъ онъ такъ, то тщетно и безполезно поетъ онъ псалмы и прочитываетъ молитвы къ Богу. Посему кто молится невнимательно,

пусть возстенаетъ и восплачетъ, что такъ дѣлаетъ, и исправится, и думать забывъ, что когда-нибудь маливался. Если же не восплачетъ и не возскорбитъ онъ о своей невнимательности, то какая ему надежда спасенія?

6. Слово Писанія говоритъ: *не красна похвала во устѣхъ грѣшника* (Сир. 15, 9). И говоритъ это оно не о безбожникахъ и невѣрахъ (ибо какъ невѣръ станетъ молиться Богу, Котораго не знаетъ?), а о томъ, кто знаетъ Бога и вѣруетъ въ Него, только нечестивъ есть по причинѣ злыхъ дѣлъ своихъ, и врагъ Богу по причинѣ грѣховъ. Какъ хорошій, благообразный и красивый предметъ привлекаетъ очи людей посмотрѣть на него, а предметъ безобразный и отвратительный заставляетъ обращать глаза въ другую сторону, чтобъ не видѣть его; такъ и похвала, славословіе и молитва грѣшника заставляютъ Бога отвращать очи Свои отъ него, чтобъ не видѣть его; потому что онъ устами только молится, а умомъ и сердцемъ бесѣдуетъ съ предметами грѣховъ своихъ и страстей, кои какъ прежде господствовали надъ нимъ, такъ и теперь крѣпко держатъ его въ рукахъ своихъ. Ибо невозможно, чтобъ творя молитвы къ Богу, не помышлялъ кто о неумѣстномъ и срамномъ, если не содружился онъ прежде съ Богомъ посредствомъ покаянія и исповѣди. Содруженіе же Бога съ душею есть сокровенное посѣщеніе ея Богомъ. И признакомъ того, что благодать Божія посѣтила душу, служитъ то, если она молится со страхомъ и благоговѣніемъ, стоитъ на молитвѣ благочинно и великое имѣетъ вниманіе къ тому, о чемъ молится. Ибо *никтоже можетъ рещи Господа Іисуса, точію Духомъ Святымъ* (1 Кор. 12, 3). Почему тѣ, которые не молятся такимъ образомъ, еще далеки отъ Бога, будь они іереи и духовники, будь учители народа и посредники его предъ Богомъ. Если солнце, будучи тепло, естественно согрѣ-

ваетъ того, кто сидитъ подъ лучами его; то какъ бы Богу, Который святъ есть, не освящать тѣхъ, которые бесѣдуютъ съ Нимъ посредствомъ молитвы? И однакожъ не бываетъ такъ, и отъ чего? Отъ того, что тѣ, которые сидятъ на солнцѣ, знаютъ, что за тѣмъ и сѣли, чтобъ согрѣться, почему и принаравливаютъ себя такъ, чтобы почувствовать теплоту его; а тѣ, которые молятся безъ вниманія, сами не знаютъ о чемъ молятся и чего просятъ, т.-е. стоятъ къ Богу не какъ слѣдуетъ; почему Богъ и не даетъ имъ ничего и не дастъ, хоть бы они сто лѣтъ молились такимъ образомъ.

Итакъ, поелику тщетно трудятся тѣ, которые поютъ и молитвы творятъ, не бывъ напередъ освящены благодатію Божіею; то надлежитъ имъ пойти къ учителямъ благоговѣйнымъ и духовникамъ опытнымъ, и научиться отъ нихъ, какъ надо молиться и чего просить должно въ молитвахъ. Если же не захотятъ поучаться, тому, и не научатся, то будь они мудры, будь невѣжды, кончатъ жизнь нечистыми и осквернеными. Богъ не слушаетъ тѣхъ, которые не знаютъ, чего просятъ. Почему чтобъ и намъ не пострадать также и не остаться на вѣки нечистыми, позаботимся отъ сего часа научиться, какъ должно молиться и чего испрашивать у Бога, чтобъ молитва наша была благопріемлема Богомъ, во Христѣ Іисусѣ Господѣ нашемъ, Коему слава, честь и поклоненіе во вѣки. Аминь.

СЛОВО СЕМНАДЦАТОЕ.

1. Какое бы ни сдѣлалъ человѣкъ добро, ему же самому бываетъ отъ того благо.
2. Какъ узнать, приялъ ли Богъ нашъ постъ, молитвы и милостыню?
3. Какъ должно пѣть и молиться?
4. Освященіе и свобода даются душѣ посредствомъ вѣры.
5. Душею псалмопѣнія должно быть смиренномудріе.
6. Чѣмъ погашается благодать Божія?

1. Брате! Когда слышишь, что св. отцы говорятъ намъ, чтобъ мы постились, или подавали милостыню,

или другое какое дѣлали добро для Бога, держи въ мысли, что такъ говорятъ они по снисхожденію къ нашей немощи: ибо Богъ никакой не имѣетъ нужды въ какомъ-либо нашемъ добрѣ, яко вседовольный и ни въ чемъ нескудный. Какія бы добрыя дѣла ни дѣлали мы въ настоящей жизни, всѣ они обращаются намъ же во благо, а Богу они ничего не даютъ, и Онъ никакой въ нихъ ни имѣетъ нужды. Кто постится, злостраждетъ, совершаетъ бдѣнія, подаетъ милостыни, тотъ дѣлаетъ все это, чтобъ обрѣсти благоволеніе и милость у Бога. Ибо если на поприщѣ настоящей жизни, мрачномъ, и полномъ грѣха, не станемъ мы произвольно утѣснять себя постами, бдѣніями и другими злостраданіями, и не станемъ оказывать милостивости къ другимъ людямъ; то и Богъ не захочетъ помиловать насъ и простить намъ грѣхи наши. Кто самъ немилостивъ къ другимъ, какъ можетъ ожидать себѣ милости отъ праведнаго Бога? Кто, творя грѣхи, не сокрушается о нихъ, и Бога не боясь, не кается въ нихъ, не утѣсняетъ себя за нихъ постомъ и бдѣніями, и не молитъ о нихъ Бога, тотъ не жди прощенія отъ милостиваго и благоутробнаго Судіи Бога. Итакъ не думай никто, будто творитъ какое-либо добро для Бога, но—для собственнаго своего спасенія.

Кто такъ умствуетъ и такое держитъ убѣжденіе, что добрыя дѣла творитъ для своего спасенія, тотъ никакъ не будетъ дѣлать какое-либо добро на показъ людямъ, но все будетъ дѣлать, да видимъ будетъ единымъ Богомъ, вѣдающимъ сокровенности сердца. Христіанинъ, подвизающійся въ добрыхъ дѣлахъ, если не держитъ въ мысляхъ своихъ, что этимъ не имѣетъ онъ намѣренія одолжить чѣмъ-либо Бога, то губитъ трудъ свой. Какъ солнце никакой не имѣетъ нужды въ человѣкѣ и не требуетъ отъ него какого-либо себѣ услуженія или одолженія, но паче само всѣмъ вообще людямъ служитъ и

всѣхъ ихъ одолжаетъ тѣмъ, что свѣтъ разливаетъ по лицу земли, согрѣваетъ плоды и способствуетъ къ созрѣванію ихъ, поддерживаетъ жизнь людей и всего раждаемаго на землѣ, между тѣмъ какъ никто никогда не говорилъ, не можетъ теперь и не возможетъ когда-нибудь сказать, что онъ услужилъ или услуживаетъ чѣмъ-либо солнцу: такимъ же образомъ и Богъ не хочетъ никакого услуженія и нужды не имѣетъ, чтобъ кто-нибудь услуживалъ Ему. И пока кто думаетъ, что услуживаетъ чѣмъ-либо Богу, до тѣхъ поръ знай, что не положилъ еще онъ начала вступленію своему на путь спасенія. Таковый, пусть онъ постится, ночи проводитъ безъ сна и несетъ другія лишенія, пусть постъ и молитвы дѣетъ, пусть творитъ милостыни и другія добрыя дѣла, пусть проповѣдуетъ слово Божіе и учитъ истинѣ, никогда не будетъ имѣть части съ Богомъ. Ибо кто дѣлаетъ такія добрыя дѣла, тотъ долженъ дѣлать ихъ для того, чтобы обрѣсти милость у Бога, а не для того, чтобы услужить Богу. *Вси бо*, какъ говоритъ божественный Павелъ, *согрѣшиша и лишени суть славы Божія, оправдаеми туне благодатію Его* (Рим. 3, 23), когда, конечно, взыскиваютъ и молиться начинаютъ, да обрѣтутъ милость и да отверзется имъ дверь благоутробія Божія для полученія помилованія о Христѣ Іисусѣ Господѣ. Ибо и при этомъ все же совершенно необходимо просить, искать, толкать, такъ что кто не проситъ, не ищетъ, не толкаетъ, тотъ, по опредѣленію Вседержителя Христа, не обрѣтетъ и не получитъ милости Божіей, и не отверзется ему дверь благоутробія Божія. Имѣяй уши слышати, да слышитъ!

2. Итакъ кто совершаетъ посты, молитвы и милостыни (ибо при посредствѣ этихъ трехъ содѣвается у христіанъ спасеніе), пусть не смотритъ на дни своего пощенія, ни на трудъ бдѣнія и молитвы, ни на количество

милостыни, не смотритъ т.-е. на то, какъ много роздалъ на милостыню, или какъ долго не спалъ и стоялъ на молитвѣ, или сколько дней пропостился, а о томъ одномъ помышляетъ, пріято ли все сіе Богомъ. Если пріято, то будетъ послана ему и божественная благодать; а когда получитъ благодать Божію, то найдетъ себя сокрушеннымъ, смиреннымъ, себѣ внимающимъ, умиленнымъ и кающимся о всѣхъ худыхъ дѣлахъ, какія надѣлалъ прежде. И тогда—посредствомъ такого устроенія внутри, познаетъ онъ, какъ велика немощь его и какъ непотребны и срамны грѣхи его, сознавая, что однимъ неразумнымъ животнымъ они свойственны, душѣ же разумной непристойны и далеки отъ человѣка, имѣющаго вѣдѣніе. Такова первая благодать и первое просвѣщеніе, подаемое душѣ отъ Бога! Пришедши въ такое чувство и познавши, что таковы именно грѣхи ея, душа начинаетъ ненавидѣть ихъ и отвращаться отъ нихъ, какъ отъ вещей, достойныхъ всякой ненависти и отвращенія. И се настоящій путь спасенія! А кто не знаетъ себя и не чувствуетъ, въ какомъ бѣдномъ находится онъ состояніи, (и не ищетъ того), у того попусту пропадутъ посты и милостыни, какіе совершаетъ. Ибо жертва, Богу пріятная, есть только духъ сокрушенъ, и только за такую жертву подается отпущеніе грѣховъ, какъ для такой жертвы бываетъ и постъ, и молитва, и милостыня. Вотъ таинство христіанской жизни, и вотъ какъ долженъ поступать всякій христіанинъ! Посты, молитвы, милостыни, произвольная нищета, спаніе на голой землѣ, и все другое, что ни дѣлаетъ человѣкъ, долженъ онъ дѣлать для того, чтобы содружиться съ Богомъ. Если же все такое не ведетъ его къ сему содруженію, то какая отъ того польза?

3. Душа, съ Богомъ содружившаяся, бываетъ кротка и смиренна, и когда молится, помышляетъ, что стоитъ предъ лицемъ Бога, и не позволяетъ себѣ блуждать ту-

да и сюда; такъ что душа, которая не въ такомъ находится состояніи, еще не содружалась съ Богомъ, еще находится подъ властію діавола, хотя поетъ и молитвы дѣетъ. Итакъ надлежитъ, чтобы душа, при молитвахъ и псалмахъ, паче и прежде всего искала содруженія съ Богомъ. Если же она не содружена съ Богомъ и не ищетъ такого содруженія, то другимъ какимъ-либо способомъ спасенія себѣ чаять не можетъ. Тѣ, которые поютъ псалмы и молитвы дѣютъ, а съ Богомъ не содружены (и не ищутъ того, и не для того поютъ и молятся), находятся въ самопрельщеніи, и тщетно на воздухъ вопіютъ, подвигая Бога на негодованіе и гнѣвъ. Ибо таковые, молясь устами Богу, умомъ помышляютъ о томъ, что принадлежитъ къ области врага Его діавола, и Богъ за это отвращаетъ отъ нихъ лице Свое.

4. Итакъ, освященія души и ея избавленія не даютъ посты, молитвы и милостыни одни сами по себѣ, но чрежде сихъ добродѣтелей подаетъ ихъ вѣра въ Бога, когда кто увѣруетъ, что освятить его и избавить можетъ только Христосъ Господь. Видимое свидѣтельство сего и дѣйствіе имѣемъ мы въ таинствѣ пречистаго тѣла и крови Господа нашего Іисуса Христа Вседержителя, Который повелѣваетъ *сущимъ во узахъ: изыдите, сущимъ во тмѣ: откройтеся* (Ис. 49, 9). Пречистыя тайны сіи соединяются съ душею и тѣломъ причащающагося достодолжно, и сочетаваютъ и содружаютъ его съ Богомъ. Когда же кто содружится такимъ образомъ съ Богомъ посредствомъ вѣры и св. таинъ, то возможно ли ему болѣе оставаться рабомъ діавола и нечистымъ? Возможно ли, чтобы продолжалъ грѣшить таковый, пока помнитъ онъ такія великія благодѣянія ему Божіи и къ Богу прилѣпляется? Грѣхъ бываетъ по лишеніи Божіей благодати и освященія. Лишеніе сіе причиняется

гордостію; гордость происходитъ отъ забвенія Бога; забвеніе Бога отъ небреженія объ освященіи, которое даровалъ Богъ, и объ угожденіи Богу, Подателю его. Забудетъ кто Бога, Который освятилъ его, перестанетъ помнить, кто есть освятившій его и хранящій въ немъ сіе освященіе, и впадетъ въ самомнѣніе, будто все то у него есть отъ него самого. За это отходитъ отъ него Божія благодать; тутъ подходитъ врагъ съ искушеніемъ, увлекаетъ, и вотъ грѣхъ, а за грѣхомъ и пагуба. Все отъ того, что забылъ Бога, пересталъ благодарить Его и смиряться предъ Нимъ. А это коль великое есть нечестіе и коль великая неправость! Упалъ кто-нибудь въ море. Если другой кто избавитъ его отъ бѣды сей, и выйдетъ онъ изъ глубины морской живымъ, будто изъ мертвыхъ воскреснетъ, то какое благодареніе будетъ онъ имѣть къ своему избавителю и какое предъ нимъ смиреніе! Тоже и здѣсь. И кто таковъ, того Богъ никогда не оставитъ, какъ говоритъ пророкъ Давидъ: *во смиреніи нашемъ помяну ны Господь* (Пс. 135, 23).

5. Душею псалмопѣнія должно быть то, чтобы поющій смиренномудрствовалъ и все то дѣлалъ, что ведетъ къ смиренномудрію. Но что есть смиренномудріе? То, чтобы познать и сознавать свою человѣческую немощь. Но чтобы позналъ и созналъ кто человѣческую немощь, сіе бываетъ не иначе, какъ отъ просвѣщенія, свыше Христомъ Господомъ посылаемаго тѣмъ, которые вѣруютъ въ Него. И другимъ какимъ-либо способомъ познать самого себя и сознать свою немощь нѣтъ никакой возможности. Почему св. отцы говорятъ, что кто не крещенъ, тотъ и непросвѣщенъ. Какъ око ничего не можетъ видѣть безъ свѣта, такъ и душа не можетъ увидѣть свою немощь, если не будетъ таинственно просвѣщена Христомъ. А какъ совершается такое просвѣщеніе? Въ невѣрныхъ, какъ мы сказали, вѣрою во Христа Спасите-

ля и божественнымъ крещеніемъ; а въ увѣровавшихъ, которые ослѣпнувъ послѣ святаго крещенія, не видятъ своей немощи и оттого гордятся и беззаконнуютъ, ибо Давидъ святый говоритъ: *гордіи законопреступоваху до зѣла* (Пс. 118, 51); а въ другихъ мѣстахъ говорится: *Господь гордымъ противится* (Іак. 4, 6); *начало грѣха гордыня* (Сир. 10, 15); *начало гордыни человѣку отступленіе отъ Господа* (—14),—въ таковыхъ просвѣщеніе души совершается возобновленіемъ таинства вѣры во Христа, т.-е. приведеніемъ на память всѣхъ необходимыхъ членовъ вѣры и оживленіемъ вѣры въ нихъ (ибо еслибъ они сохранили первую вѣру, то не ослѣпли бы). Когда обновятъ они такимъ образомъ въ памяти всѣ члены вѣры, станутъ содержать ихъ въ мысли съ живою въ нихъ вѣрою, то всеконечно и просвѣтятся, увидятъ бѣдственность своего положенія и судъ Божій сознаютъ, а отъ сего, видя, сколь срамны и злы дѣла, которыя они надѣлали, и сознавъ, какихъ безмѣрныхъ мученій они достойны, покаются отъ всей души своей и отъ всего сердца своего. (Срамныя дѣла суть всѣ сласти и похоти плотскія, а злыя суть любоиманіе, неправда, коварство). Поелику же всякій кающійся смиряется, то ради сего Богъ даетъ благодать Свою ему, яко смиренному, чтобъ ненавидѣлъ и похотныя и злыя дѣла, и всегда помнилъ немощь свою и, помня ее, сострадалъ подобострастнымъ себѣ человѣкамъ и былъ снисходителенъ къ немощамъ ихъ, никого не осуждая во грѣхахъ ихъ, чтобъ былъ кротокъ и терпѣливъ, и обрѣталъ покой въ душѣ своей. Дошедши до сего, начнетъ уже онъ пѣть Господу пѣснь нову, хвалу Богу нашему, т.-е. начнетъ приносить благодареніе Богу отъ чистаго и сокрушеннаго сердца, потому что чистое сердце и есть сердце сокрушенное и смиренное. А всякое другое псалмопѣніе, кромѣ такого, тщетно есть и безполезно. Тому, кто не та-

кимъ образомъ поетъ, невозможно бесѣдовать съ Богомъ посредствомъ молитвы, хоть бы онъ трудился надъ этимъ много и долго; но устами будетъ онъ пѣть и произносить молитвы, а умомъ будетъ помышлять о томъ, что преогорчаетъ Бога и подвигаетъ Его на гнѣвъ. Какъ чувственныя и видимыя твари имѣютъ нужду въ свѣтѣ, чтобы быть явными, такъ и всѣ умныя твари имѣютъ нужду въ умномъ свѣтѣ, чтобы быть умно зримыми и познаваемыми. И какъ никто изъ произведшихъ множество издѣлій не можетъ сказать, что произвелъ ихъ ночью и безъ свѣта, такъ и тотъ, кто ведетъ жизнь Богу угодную, не можетъ сказать, что ведетъ ее безъ умнаго свѣта. Если дерзнетъ кто сказать это, то явный онъ лжецъ и сынъ діаволь. Таковый никогда не познавалъ себя и немощи своей, и совсѣмъ не вступалъ на путь Божій. Почему и написано: *хваляйся, о Господѣ да хвалится* (2 Кор. 10, 17).

6. Тебѣ же, брате мой, свыше просвѣщаемому Христомъ, подобаетъ внимать себѣ, чтобъ не забыть когда либо о немощи своей и не подумать, что сущее въ тебѣ просвѣщеніе, приходящее въ душу твою свыше отъ Христа, есть твое собственное дѣло, по тому поводу, что оно сокровенно и ты не видишь, когда и какъ оно приходитъ. Знай, что какъ только возмечтаешь ты, что оно есть собственное твое дѣло, есть плодъ твоего ума и твоихъ усилій, тотчасъ оно скроется отъ очей твоихъ и оставитъ тебя опять во тьмѣ. Богъ невидимъ и просвѣщаетъ невидимо, безъ того, чтобъ ты видѣлъ то; познается же сіе просвѣщеніе отъ дѣйствій его, какъ и Богъ невидимый познается отъ дѣлъ Его. Если находишь себя сокрушеннымъ и смиреннымъ, знай, что ты просвѣщенъ, и насколько смиряешься, настолько въ тебѣ есть и свѣта; ибо, какъ сказали богомудрые отцы, преспѣяніе души есть преспѣяніе ея въ смиреніи. Сте-

пень самопознанія и боговѣдѣнія опредѣляется степенью смиренія и кротости. Душа, сподобившаяся божественнаго присѣщенія, т. е. божественнаго просвѣщенія и тишины, бываетъ мирна и безмятежна. Погашается же такое просвѣщеніе немилосердіемъ, осужденіемъ братій и злопамятствомъ. Ибо кто обрѣлъ спасеніе по благоутробію и милости Божіей, тотъ собственною своею милостію и благоусердіемъ къ братіямъ сохранитъ сіе спасеніе въ себѣ самомъ, по слову Христа Спасителя, Который говоритъ: *имже судомъ судите, судятъ вамъ; и въ нюже мѣру мѣрите, возмѣрится вамъ* (Мѳ. 7, 2). Посему и прежде полученія милости Божіей надлежитъ миловать ближняго и опять, сподобившись получить сію милость, надо миловать его. Кто уврачеванъ и оздравѣлъ отъ великой и неисцѣлимой болѣзни душевной, по единому Божію призрѣнію, тотъ радоваться долженъ и веселиться, и всею душею и всѣмъ помышленіемъ своимъ благодарить Бога, явившаго къ нему такую милость и исцѣлившаго его, долженъ быть кротокъ и смиренъ, дивясь явленной ему Богомъ великой милости, и, преисполненъ будучи весь благостію и милосердіемъ, быть всегда къ подобострастнымъ себѣ людямъ сострадательнымъ и милостивымъ, никого не презирать, предъ всѣми вообще быть смиреннымъ, со всякою радостію. Такъ грѣшникъ, силою Христовою избавленный отъ тяготящихъ его страстей, долженъ радоваться и веселиться о спасеніи Христовомъ. Если же онъ, получивъ такое избавленіе и исцѣленіе, станетъ гордиться, то, вѣдь діаволъ близъ, и орудія страстей все еще въ насъ суть; удалится опять благодать Христова, и діаволъ, пришедши, возмутитъ помыслы его и направитъ его дѣлать тѣломъ дѣла худшія прежнихъ. Отъ таковыхъ дѣяній да избавитъ насъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ, Коему честь и поклоненіе во вѣки. Аминь.

СЛОВО ОСМНАДЦАТОЕ.

1. Вѣра въ семи значеніяхъ употребляется.
2. Чрезъ вѣру сподобляется человѣкъ благодати Божіей.
3. Невозможно безъ вѣры угодить Богу.

1. Вѣра есть, когда вѣруетъ кто въ непостижимаго Бога, изъ не сущихъ приведшаго въ бытіе небо, землю, море и все видимое и невидимое твореніе. Такую вѣру имѣли всѣ древніе пророки и праведники, отъ Адама до воплощеннаго домостроительства Владыки нашего Христа. Послѣ же того, какъ воплотился Христосъ, вѣра есть вѣровать во Отца и Сына и Святаго Духа, въ едино Существо и три Лица, и въ великое таинство воплощенія Христа, то-есть что Сынъ и Слово Бога и Отца, не отдѣлившись отъ Отца, сошелъ съ небесъ и воплотился отъ Духа Святаго и Маріи Приснодѣвы, и содѣлался совершеннымъ человѣкомъ, изъ тѣла и души разумной, соединенныхъ съ божествомъ; что въ одномъ и томъ же лицѣ былъ Онъ Богъ и человѣкъ, съ двумя совершенными естествами — божествомъ и человѣчествомъ, соединенными нераздѣльно и несліянно; что Онъ волею пострадалъ и распялся, и погребенъ былъ также волею, и что когда во время смерти отдѣлилась душа Его отъ тѣла, божество не отдѣлялось ни отъ души Его, ни отъ тѣла; что Онъ въ третій день воскресъ и чрезъ сорокъ дней вознесся на небеса, яко человѣкъ, и сѣдитъ на престолѣ божества Своего съ плотію Своею, воспѣваемый со Отцемъ и Святымъ Духомъ всѣми небесными воинствами; что всѣ сіи таинства воплощеннаго домостроительства Христова совершены были для того, чтобъ вѣрующіе въ Него опять облеклись въ Духа Святаго, Котораго совлекся первозданный Адамъ, когда

сдѣлался преступникомъ заповѣди Божіей, а это для того, чтобъ, бывъ усилены благодатію Духа Святаго, исполняли они заповѣди Божіи и побѣждали діавола и всѣхъ невидимыхъ демоновъ: ибо безъ Святаго Духа никто не можетъ ни грѣха избѣжать, ни исполнять заповѣдей Божіихъ, ни отражать власть и силу, какую возымѣли надъ нами демоны.

Вѣра есть еще, чтобъ вѣрилъ кто изреченнымъ въ Божественныхъ Писаніяхъ обѣтованіямъ благъ тѣмъ, кои исполняютъ заповѣди Божіи, и угрозамъ вѣчными муками тѣмъ, кои нарушаютъ ихъ. Вѣра есть еще, чтобъ вѣренъ кто былъ всему Божіему, догматы ли то, или заповѣди, или, лучше сказать, вѣренъ былъ благодати Св. Духа, почему всякій христіанинъ и называется вѣрнымъ. Вѣра есть еще, чтобъ ввѣрилъ кто себя самому Богу и отъ всей души на Него единаго возлагалъ все свое спасеніе. Вѣра есть еще, чтобъ увѣренъ былъ кто, что Богъ дѣлаетъ все, что благоволитъ благость Его, и былъ убѣжденъ, что Онъ дѣлаетъ сіе наилучшимъ образомъ. Вѣра есть еще, чтобъ уповалъ кто на великую и непобѣдимую силу Вседержителя Бога, и дерзалъ о ней, такъ чтобъ повелѣвалъ, и горы передвигались бы; до каковой вѣры весьма немногіе достигаютъ, какъ и написано, что не у всѣхъ есть такая вѣра (2 Сол. 3, 2). Невозможно спастись никому, кто не имѣетъ непостыждающей и твердой вѣры во Христа Господа, кто не вѣритъ безъ раздумыванія словесамъ Божіимъ, кто не имѣетъ любви къ Богу и людямъ, любви отъ благія совѣсти бывающей, въ силу коей (благой совѣсти) раждается смиреніе и милостивость.

2. Въ силу вѣры, прежде всякой другой добродѣтели, приходитъ благодать Божія, какъ основаніе всякой добродѣтели, и уже помощію благодати Божіей всякая добродѣтель устанавливается въ сердцѣ и бываетъ дѣйственною; такъ что всякая добродѣтель, не отъ благодати

Божіей бывающая, вмѣняется у Бога не въ настоящую добродѣтель, потому что такая добродѣтель не Божія. Бываетъ, что и демоны наводятъ на иныя видныя добродѣтели, научая людей казаться цѣломудренными, милостивыми, кроткими, и держа ихъ чрезъ то въ высокоуміи и гордости. Приходитъ же благодать Божія въ человѣка, хотя нечистаго и сквернаго, но имѣющаго сердце истинно благопризнательное; а истинная благопризнательность есть, чтобъ сердцемъ признавать, что благодать есть благодать. И невозможно, чтобъ получившій благодать былъ какъ должно благопризнателенъ и благодаренъ, если не признаетъ прежде величіе благодати, имъ полученной. Тѣ, которые не сознаютъ, сколь велика благодать, ими полученная, не дорожатъ ею.

Итакъ знать намъ надлежитъ, что благодать Всесвятаго Духа приходитъ въ каждаго, вѣрующаго во Христа, не за добрыя дѣла, какія онъ дѣлалъ прежде (еслибъ приходила за добрыя дѣла, то не была бы благодать, а уплата за дѣла); но приходитъ она отъ Бога за вѣру, приходитъ прежде всякихъ добрыхъ дѣлъ, и уже на ней, какъ на твердомъ основаніи, устрояются добрыя дѣла, которыя только помощію благодати и являются совершенными; такъ что дѣла, которыя бываютъ безъ благодати Всесвятаго Духа, Богъ ни во что не вмѣняетъ, какъ бы ихъ совсѣмъ не было. Добро уже не добро, коль скоро оно не добрѣ будетъ сдѣлано; но невозможно добру быть добрѣ сдѣлану безъ благодати Христовой. Еслибъ было это возможно, Богъ не пришелъ бы на землю содѣлаться человѣкомъ, чтобъ даровать такую благодать человѣкамъ, помощію коей единой всякое добро можетъ быть добрѣ дѣлаемо. И блаженъ человѣкъ, который позналъ, что помощію благодати Христовой всякое добро можетъ быть добрѣ дѣлаемо; окаяненъ же тотъ, кто не позналъ сего; всуе держитъ таковый вѣру Христову.

Вотъ отъ чего большая часть людей, когда поютъ псалмы и молитвы дѣютъ, устами только произносятъ псалмы и молитвы, а умъ ихъ ведетъ бесѣды съ бѣсами; потому что это они, бѣсы, вземлютъ умъ его и кружатъ его въ помыслахъ суетныхъ, мірскихъ, плотскихъ, злопамятныхъ, чтобъ добро, молитва и псалмопѣніе не было дѣлаемо добрѣ, т.-е. надлежащимъ, Богу угоднымъ образомъ. Не очевидно ли изъ сего, что добро не можетъ быть добрѣ дѣлаемо безъ благодати Христовой? Если же невозможно добру быть добрѣ дѣлаему безъ благодати Божіей, то какимъ истиннымъ добромъ можетъ хвалиться человѣкъ, якобы оно было его собственное дѣло? Никакимъ. Потому-то истинные христіане, яко сознающіе, что ничего добраго не имѣютъ въ себѣ отъ себя, но все отъ благодати Божіей, бываютъ всегда смиренны и сокрушенны, что и служитъ признакомъ истинныхъ христіанъ. А высокоуміе, заносчивость, тщеславіе, дерзость, гордость, славолюбіе и показное смиреніе, бывающее славы ради людской, суть признаки не истинныхъ христіанъ.

3. Такъ вѣра и добрыя дѣла суть двѣ вещи, которыя неразрывно связуются между собою. Вѣра бываетъ для добрыхъ дѣлъ, но добрыя дѣла справляются не для вѣры, а посредствомъ вѣры. Безъ вѣры никто не можетъ дѣлать истинно добрыхъ дѣлъ и угодить Богу; потому что ради вѣры приходитъ благодать Господа нашего Іисуса Христа въ того, кто увѣровалъ въ Него. По мѣрѣ вѣры, какую кто являетъ, подается и благодать. У кого велика вѣра, тому подается и благодать великая; у кого мала вѣра, мала и благодать. Но и то надлежитъ помнить, что вѣра одна, будь она истинная и православная вѣра, не принесетъ никакой пользы тому, кто такъ вѣруетъ, безъ добрыхъ дѣлъ. Явленіемъ вѣры служитъ сила, исходящая отъ вѣры; силы же явленіемъ служитъ ревно-

стное дѣланіе заповѣдей Божіихъ и богоугодныхъ дѣлъ. Ибо живодѣйствованіе (энергія) происходитъ отъ силы, коею обладая можетъ кто дѣлать что-либо. Итакъ, поелику невозможно угодить Богу безъ вѣры (благоугождается же Богъ добрыми дѣлами), то явно, что вѣра даетъ силу творить добрыя и богоугодныя дѣла по волѣ Божіей. Вѣра же здѣсь въ отношеніи къ тому, что я говорю, разумѣется не та только, чтобъ вѣровать во Христа и во всѣ словеса Его, но паче та, чтобъ дерзать о Христѣ и въ сердцѣ носить удостовѣреніе, что силою Христовою можемъ и отъ зла освободиться, и всякую добродѣтель совершить, какъ исповѣдалъ и святый Апостолъ Павелъ, говоря: *паче всѣхъ потрудихся: не азъ же, но благодать Божія, яже со мною* (1 Кор. 15, 10).

Итакъ, кто не сподобился получить благодать Христову и познать ее умно присущею въ душѣ своей, тотъ тщетно носитъ имя христіанина; онъ одинаковъ съ невѣрными. Онъ можетъ думать, что избѣгъ отъ всякаго зла и проходитъ всякую добродѣтель; но по истинѣ лжецъ есть и притворщикъ. Пусть и трудится таковый; но тщетенъ трудъ его. Пусть роздалъ онъ все имѣніе свое бѣднымъ, постится, совершаетъ бдѣнія, спитъ на голой землѣ, молитвы дѣетъ, вопія: Господи, помилуй! Но если онъ не носитъ въ сердцѣ убѣжденія, что благодать Божія, за вѣру подаемая, есть милость Божія, и не сію единую благодать прежде всего другаго ищетъ получить; если у него и въ мысли не было, что только ради полученія сей благодати роздалъ онъ имѣніе свое и всякимъ подвергаетъ себя лишеніямъ и злостраданіямъ; если не съ тою цѣлію подвизается онъ, чтобъ или получить благодать въ первый разъ чрезъ крещеніе, или, если имѣлъ ее и она отошла по причинѣ грѣха его, возвратить ее опять чрезъ покаяніе, исповѣдь и

самоуничиженное житіе, а подаетъ милостыни, постится, совершаетъ бдѣнія, молитвы дѣетъ и прочее не съ этою одною цѣлію, и не на сей одинъ конецъ, но думаетъ, что совершаетъ славныя добродѣтели и цѣнныя сами по себѣ предъ Богомъ добрыя дѣла: то тщетно онъ утруждаетъ и изможденъ себя.

Эта-то, о коей помянулъ я, цѣль и есть отъ начала міра сокровенное таинство христіанства, явившееся въ послѣднія времена (Кол. 1, 26). Ее разумѣетъ Павелъ, когда говоритъ о Богѣ, что Онъ *всѣмъ человѣкомъ хощетъ спастися, и въ разумъ истины пріити* (1 Тим. 2, 4). Ибо познаніе истины не что иное есть, какъ сія самая благодать. Она есть *истина*, которая *Іисусъ-Христомъ бысть* по св. Евангелію (Іоан. 1, 17). И невозможно христіанину обрѣсти милость у Бога, если не познаетъ сей благодати. Ибо какъ Христосъ не могъ творить знаменій и чудесъ для невѣровъ, такъ не можетъ Онъ никого и изъ тѣхъ помиловать, которые, хотя вѣруютъ въ Него, но не познали прежде, что благодать Христова, Имъ и чрезъ Него подаемая, она самая и есть милость и спасеніе. Никому невозможно другимъ образомъ спастись, если не получитъ божественной благодати, имѣющей обожить его, или содѣлать богомъ по благодати. Расположимся же, братіе, и мы, на этотъ одинъ конецъ дѣлать всѣ дѣла свои, т.-е. чтобъ получить и познать Божію благодать и милость о Христѣ Іисусѣ, Господѣ нашемъ, Коему слава и держава, со безначальнымъ Его Отцемъ, и Всесвятымъ Его Духомъ, во вѣки вѣковъ. Аминь.

СЛОВО ДЕВЯТНАДЦАТОЕ.

1. Душа очищается посредствомъ вѣры и исполненія заповѣдей Христовыхъ.

2. Облекается она свыше сходящею силою Духа Святаго и сподобляется зрѣть Бога.

3. Желающимъ получить благо отъ Бога надлежитъ съ радостію терпѣть всякую скорбь, злострадація и искушенія, ихъ встрѣчающія.

4. Всякому надлежитъ разсмотрѣть себя, достоинъ ли онъ внити въ царствіе небесное.

1. Умъ, соединившійся съ Богомъ вѣрою, познавшій Его дѣланіемъ добродѣтелей, и сподобившійся зрѣть Его созерцаніемъ, видитъ дивныя и преславныя чудеса. Онъ весь освѣщается и становится, какъ свѣтъ, хотя не можетъ понять и изречь то, что видитъ. Ибо самъ умъ тогда есть свѣтъ и видитъ Свѣтъ всяческихъ, т.-е. Бога, и свѣтъ сей, который онъ видитъ, есть жизнь, и даетъ жизнь тому, кто его видитъ. Умъ видитъ себя совершенно объединеннымъ съ симъ свѣтомъ и трезвенно бодрствуетъ. Сознаетъ онъ, что свѣтъ сей внутри души его, и изумляется; изумляясь же, видитъ его, какъбы онъ былъ вдали отъ него; потомъ, пришедши въ себя, опять находитъ свѣтъ сей внутри; и такимъ образомъ не находитъ ни словъ, ни мыслей, что сказать и что подумать о свѣтѣ томъ, имъ видимомъ. Кто, слыша сіе таинство, не удивится, и удивляясь, не прибѣгнетъ ко Христу? Кто не пожелаетъ и себѣ узрѣть сіи чудеса Божіи? И кто не возлюбитъ Того, Кто даетъ намъ такіе преславные дары безъ цѣны?

2. Потщимся же, братіе мои возлюбленные, пріобрѣсти Христа и узрѣть, коль дивенъ Онъ есть въ красотѣ и сладости своей. Самъ Онъ говоритъ: *имѣяй заповѣди Моя, и соблюдаяй ихъ, той есть любяй Мя: а любяй Мя, возлюбленъ будетъ Отцемъ Моимъ; и Азъ возлюблю его и явлюся ему Самъ* (Іоан. 14, 21). А да-

лѣе прилагаетъ: *аще кто любитъ Мя, слово Мое соблюдетъ: и Отецъ Мой возлюбитъ его и къ нему пріидемъ и обитель у него сотворимъ* (— 23). Сей любящій Бога и заповѣди Его соблюдающій облекается свыше сходящею силою Святаго Духа, Который не является чувственно, въ видѣ огня, и не приходитъ съ великимъ шумомъ и дыханіемъ бурнымъ (это совершилось только на Апостолахъ—для невѣрующихъ), но зримъ бываетъ умно, какъ умный свѣтъ, и приходитъ съ тихостію, принося обрадованіе,—что есть отсвѣтъ перваго онаго вѣчнаго свѣта, и отблескъ непрестающаго блаженства. Какъ только возсіяетъ сей свѣтъ въ духѣ, тотчасъ исчезаетъ всякій нечистый помыслъ, изгоняется всякая страсть душевная, и всякая немощь тѣлесная получаетъ уврачеваніе. Тогда очищаются очи сердца,—умъ и мысль, и зрятъ Бога, какъ написано въ Евангеліи о блаженствахъ. Тогда душа, какъ въ зеркалѣ, видитъ всѣ даже и малѣйшія свои прегрѣшенія и приходитъ въ величайшее смиреніе; помышляя же о величіи оной славы, исполняется всякою радостію и веселіемъ, и дивясь неожиданно увидѣнному чуду оному, проливаетъ обильныя слезы. Такъ наконецъ совершенно измѣняется весь человѣкъ, и познаетъ Бога, самъ прежде познанъ бывши отъ Бога. Одна эта благодать Всесвятаго Духа дѣлаетъ то, что человѣкъ начинаетъ презирать все земное и небесное, настоящее и будущее, радостное и скорбное. Она дѣлаетъ его другомъ и сыномъ Божіимъ и богомъ, насколько сіе вмѣстимо для человѣка. О, сколь величественны дарованія Божіи!

Всѣ почти стыдятся людей немощныхъ и бѣдныхъ,—царь земной и смотрѣть на нихъ не хочетъ, вельможи отвращаются отъ нихъ, богачи презираютъ ихъ. Если случится какъ нибудь встрѣтить таковыхъ на пути, ихъ обходятъ, вниманія не обращая на нихъ, какъ на ни-

чтожности, и никто на мысль даже не принимаетъ, чтобъ было хорошо войти съ ними въ сообращеніе. А Богъ всеблагій оставилъ сильныхъ, мудрыхъ и богатыхъ міра, и избралъ немощныхъ, немудрыхъ и бѣдныхъ, по великой и неизреченной благости Своей. И кто доволенъ къ тому, чтобъ заодно это достойно возблагодарить Его?! Сей Богъ, Коему служатъ тьмы ангеловъ, Который *носитъ всяческая глаголомъ силы Своея* (Евр. 1, 3), величія славы Коего никто стерпѣть не можетъ, сей самый Богъ благоволилъ содѣлаться и отцемъ, и братомъ и другомъ такихъ отверженныхъ, и принять плоть человѣческую, чтобъ стать подобнымъ намъ во всемъ, кромѣ грѣха, и сдѣлать насъ причастниками и наслѣдниками Своей славы и царства Своего. О, сколь велика и богата благость, сколь неизреченно снисхожденіе къ намъ Владыки нашего Бога!

Но чего же ради, братіе, мы не прибѣгаемъ къ сему благоутробному Богу, такъ много насъ возлюбившему? Чего ради не отдаемъ жизни своей на смерть за любовь Христа и Бога нашего, за насъ умершаго? Развѣ не видимъ, какъ многіе люди, по пристрастію къ благамъ тлѣннымъ, переносятъ большіе труды, подвергаются великимъ опасностямъ, уѣзжаютъ въ далекія мѣста, оставляя женъ и дѣтей и всякія житейскія утѣшенія, и ничего не ставятъ выше и краше того, что вожделѣли, и покоя себѣ не даютъ, пока не достигнутъ цѣли своей? Но если эти, ради временныхъ и тлѣнныхъ благъ, поднимаютъ такой подвигъ и для полученія ихъ подвергаютъ опасности и душу свою и жизнь свою; то не всячески ли подобаетъ намъ предать на смерть и души свои и тѣлеса свои любви ради къ Царю царствующихъ и Господу господствующихъ, Творцу, Вседержителю и Властителю всѣхъ тварей? — Самъ Онъ говоритъ во святомъ Евангеліи Своемъ, что погубившій душу свою,

т.-е., уготовившійся пожертвовать жизнію, Мене ради и ради Евангелія, или мертвою содѣлавшій душу свою къ міру и не обрѣтающій ее занятою какою либо похотію плотскою, таковый спасетъ ее, а обрѣтающій душу, т.-е. жалѣющій предать жизнь свою за Меня или находящій душу свою занятою чѣмъ-либо грѣшнымъ, погубитъ ее.

Такъ говоритъ Богъ вездѣсущій и все содержащій! Куда же убѣжимъ мы, братіе, отъ лица Его, или куда уйдемъ? Взойдемъ ли на небо, тамъ обрѣтехъ Его; снидемъ ли во адъ, и тамъ присущъ Онъ; внидемъ ли во глубины морскія, и тамъ не убѣжимъ отъ державной руки Его, но Его же десница будетъ держать и души и тѣла наши. Итакъ, братіе, поелику не можемъ мы противостать Господу, ни убѣжать отъ лица Его, пріидите, сдѣлаемся лучше рабами того Бога, Который насъ ради человѣкъ бысть, зракъ раба пріялъ, и умеръ по любви къ намъ Пріидите, подклонимся подъ крѣпкую и непобѣдимую руку Христа, источающаго жизнь вѣчную и безсмертную и пребогато ею исполняющаго тѣхъ, кои взыскиваютъ ея въ Немъ, благодатію Всесвятаго Духа. Пріидите, взыщемъ Христа, въ Коего облеклись было мы во святомъ крещеніи, но злыхъ ради дѣлъ своихъ опять совлеклись Его. Когда мы крестились, были еще несмысленными младенцами, и по возрасту и по уму, и не понимали, коль великое получили освященіе; потомъ же хоть и познали сіе, но увлекаемые юностію, осквернили себя грѣхами своими, потеряли благодать св. крещенія и продолжаемъ каждодневно сквернить и души и тѣла свои, преступая заповѣди Божіи. Возвратимъ же себя опять въ прежній чинъ покаяніемъ, которое теперь осталось единственнымъ путемъ къ нашему спасенію, и положимъ въ сердцѣ всеусильно трудиться въ дѣланіи всякаго рода добрыхъ дѣлъ, о коихъ зна-

емъ, что они угодны Христу Господу, да запечатлѣемся опять печатію Духа Святаго и поживемъ прочее время жизни нашей непорочно, имѣя Христа Спасителя всемощнымъ пособникомъ себѣ, отъ Коего вслѣдствіе сего получимъ и ту милость, что сдѣлаемся достойными познать тайны Бога нашего, сокровенныя отъ вѣкъ и отъ родовъ.

3. Если желаемъ достигнуть того, что возлюбила душа наша, т.-е. благодатныхъ отъ Бога благъ, и, будучи человѣками, содѣлаться земными ангелами; надлежитъ намъ возлюбить также прискорбность и тѣсноту тѣлесную, поднимать всякое злостраданіе и съ радостію переносить искушенія, въ увѣренности, что они принесутъ намъ всякое добро. Что краше души, съ разумомъ и разсужденіемъ подъемлющей всякія скорби и злострадания, ради претерпѣнія коихъ она имѣетъ еще наслѣдовать и радость всяческихъ? Что мужественнѣе сокрушеннаго и смиреннаго сердца, которое безъ труда побѣждаетъ всѣхъ демоновъ и совсѣмъ отгоняетъ ихъ отъ себя? Что славнѣе нищенствованія духомъ, доставляющаго человѣку царствіе небесное, коему равноцѣннаго ничего нѣтъ и быть не можетъ, ни въ настоящей, ни въ будущей жизни? Но и то, что не имѣетъ кто болѣе томящей о себѣ заботы относительно земнаго и временнаго, какое, думаешь ты, приноситъ ему ангельское состояніе и какія вѣчныя уготовляетъ блага? И то опять, что презираетъ кто все временное и тлѣнное, и все почти необходимое для тѣла его, такъ что никогда не заводитъ споровъ и ссоръ изъ-за нихъ, но всегда хранитъ миръ и любовь въ невозмущаемой тѣмъ душѣ своей, какого не достойно воздаянія, какихъ вѣнцовъ и дарованій? Поистинѣ выше естества заповѣдь сія и исполненіе ея паче слова и разума, потому что Христосъ бываетъ для таковаго все, вмѣсто всего того,

что презираетъ онъ. Слыша: Христосъ, не на одно голое слово обращай вниманіе и не смотри на малость реченія, но помышляй о славѣ божества Его, превосходящаго всякій умъ и всякое слово, помышляй о красотѣ Его неизреченной, о милости безмѣрной, о богатствѣ недомыслимомъ, какое богатно со всякою щедростію подаетъ Онъ таковымъ, и уразумѣешь, что Его одного достаточно для нихъ въ замѣнъ всего прочаго, такъ какъ они пріемлютъ въ себя самого Бога, источника и подателя всякаго блага. Посему-то никто изъ сподобившихся возымѣть Христа не вожделѣваетъ уже ничего другаго, и никто изъ насытившихся любовію Божіею не имѣетъ уже позыва любить что-либо другое здѣсь на землѣ.

Поистинѣ, братіе мои, ничего въ мірѣ нѣтъ лучше того, чтобъ не имѣть ничего отъ благъ міра сего, не желать стяжевать что-либо паче необходимыхъ потребъ тѣла и не замышлять покоить плоть свою и угождать ей, но одного желать — жить жительствомъ духовнымъ, *не творя* ни въ чемъ *плоти угодія въ похоти* (Рим. 13, 14). Необходимыми же потребами тѣла я называю хлѣбъ и воду, одежду и кровъ, какъ учитъ Апостолъ: *имуще пищу и одѣяніе, сими довольни будемъ* (1 Тим. 6, 8). Если потребуется что-либо и больше сего, то всячески, если вѣруемъ Богу и уповаемъ на Него, Онъ, подающій намъ большее сего и промышляющій о всемъ сущемъ, подастъ намъ это. Только оставимъ все другое, прившедшее въ привременную жизнь нашу,—тщеславіе, зависть, споры и ссоры, лукавство, ропотливость, клевету и все вообще, что ненавистно Богу и причиняетъ вредъ душѣ, и возлюбимъ отъ всей души то, что повелѣваетъ Богъ,—нищету духовную, или смиреніе, и непрестанный денноночный плачъ, отъ коего источается въ душу каждый часъ радость и утѣшеніе, у тѣхъ, кои

любятъ Бога. Отъ этого плача пораждается и кротость въ тѣхъ, кои подвизаются во истинѣ, отъ плача алчутъ и жаждутъ правды или всякой добродѣтели и всегда ищутъ царствія Божія, превосходящаго всякъ умъ человѣческій; отъ непрестаннаго плача бываютъ и милостивы, и чисты сердцемъ, и миротворцы, яко мира исполненные, и благодушны въ искушеніяхъ; отъ плача ненавидятъ зло; отъ плача возжигается въ душѣ божественная ревность, которая ни на минуту не даетъ ей предаться покою безпечности, или вмѣстѣ со злыми склониться на зло, но исполняетъ ее мужествомъ и силою претерпѣвать до конца всякаго рода искушенія.

4. Возненавидимъ же, возлюбленные братіе мои, міръ сей и все, что въ мірѣ. Зачѣмъ имѣть намъ общеніе съ міромъ и съ дѣлами мірскими, когда Господь нашъ говоритъ намъ въ св. Евангеліи: *нѣсте отъ міра* (Іоан. 15, 19)? Потечемъ путемъ добродѣтели. Будемъ подвизаться, пока стяжемъ нѣчто отъ всегда-пребывающаго и нетлѣннаго. Ибо всѣ вещи міра сего тлѣнны и преходятъ какъ сонъ, и ничего нѣтъ въ нихъ постояннаго и твердаго; и солнце и звѣзды, и небо и земля, все преходитъ и отъ всего одинъ человѣкъ остается. Что же теперь изъ этого видимаго можетъ послужить намъ въ пользу, въ часъ нужды смертной, когда будемъ переходить изъ этой жизни къ тамошнему пребыванію, въ нескончаемомъ ономъ вѣкѣ, а это все оставимъ здѣсь, и оно истлѣетъ и прейдетъ? Хоть и не тотчасъ прейдетъ все сіе видимое, но какая польза отъ него намъ, когда мы необходимо разлучимся съ нимъ, оставя здѣсь одно свое тѣло мертвое и безчувственное, и душа наша не будетъ уже имѣть возможности видѣть что-либо посредствомъ тѣла сего, ни сама быть видима кѣмъ-либо, а будетъ съ того часа внимать одному невидимому, вступивъ въ иныя соотношенія и иные порядки жизни,

чтобъ или наслаждаться царствомъ небеснымъ и вѣчною славою, или наслѣдовать геенну и огнь вѣчный? Одно что-либо изъ сихъ двухъ необходимо получить отъ Бога въ вѣчное наслѣдство соотвѣтственно дѣламъ, какія дѣлаетъ кто въ жизни сей.

Сего ради, братіе мои возлюбленные, возненавидимъ, умоляю васъ, міръ сей, убѣжимъ отъ прелестей его, и отъ мнимыхъ и лживыхъ радостей жизни сей, и къ единому прибѣгнемъ Христу, Искупителю душъ нашихъ, всячески стараясь обрѣсти Его, вездѣсущаго. Обрѣтши же Его, припадемъ къ стопамъ Его и облобызаемъ ихъ со всею горячностію души. Ей, умоляю васъ, потщимся узрѣть Его, пока еще живы. Ибо если сподобимся узрѣть Его здѣсь, то не умремъ и смерть не возгосподствуетъ надъ нами. Не будемъ дожидаться—узрѣть Его въ будущей жизни, а теперь восподвизаемся узрѣть Его. Мы знаемъ, говоритъ св. Іоаннъ Богословъ, что имѣемъ Бога въ сердцахъ своихъ, по Духу, Котораго пріяли отъ Него (1 Іоан. 3, 24; 4, 13). Итакъ вы, показавшіе вѣру свою въ Него твердую и извѣстную дѣлами своими, обсудите со всѣмъ вниманіемъ, что я сказалъ вамъ, и добрѣ разсмотрите, не обманываетесь ли вы, думая, что имѣете въ себѣ Христа, тогда какъ ничего не имѣете и находитесь въ опасности перейти изъ сей жизни съ пустыми руками, чтобъ услышать страшный оный гласъ глаголющій: возьмите, что мнится имѣти рабъ сей лукавый, и дайте имущему большее (Лук. 8, 18; Мато. 25, 25). Тогда возрыдаете и восплачете и вѣчную воспріимете скорбь. Но да не будетъ намъ — услышать таковый гласъ и пострадать что подобное, – намъ, которые въ часъ божественнаго крещенія отреклись діавола и всѣхъ дѣлъ его, и сочетались Христу, давъ обѣтъ хранить заповѣди Его. Потщимся же сохранить божественныя заповѣди и очистить сердца свои слезами и покая-

ніемъ, да узримъ самого Христа—сей свѣтъ божественный, и да стяжемъ Его еще здѣсь въ настоящей жизни во Обитателя въ насъ, да животворитъ Онъ души наши благодатію Всесвятаго Духа, и да питаетъ ихъ сладостію чаемыхъ благъ царствія Своего. Аминь.

СЛОВО ДВАДЦАТОЕ.

1. Кто тѣ, кои истинно любятъ Бога, отъ чего раждается любовь къ Богу и чѣмъ обнаруживается?
2. Какія дѣла любви къ ближнимъ по Богу?
3. Любовь есть глава закона.

1. Удивляются нѣкоторые, когда мы говоримъ, что не всѣ христіане любятъ Христа. Но вѣдь любить Христа не что иное есть, какъ исполнять заповѣди Его, какъ Самъ Онъ сказалъ: *имѣяй заповѣди Моя и соблюдаяй ихъ, той есть любяй Мя* (Іоан. 14, 21); такъ что христіанинъ, не соблюдающій заповѣди Его, когда говоритъ, что любитъ Христа, лжетъ. Ибо всякій отецъ содержащій и воспитывающій сыновъ и дочерей своихъ и пекущійся о нихъ и всякій покупающій раба себѣ или принимающій наемника, конечно для того желаетъ имѣть ихъ, кормитъ и одѣваетъ ихъ и доставляетъ имъ все нужное, чтобъ они помогали ему и служили по дому. Но если онъ увидитъ, что никто изъ нихъ не исполняетъ воли его и не исправляетъ порученнаго ему дѣла и служенія, то будетъ ли онъ довольствоваться тѣмъ однимъ, что сынъ и дочь будутъ говорить ему: ты отецъ нашъ, а рабъ и наемникъ: ты господинъ нашъ? Конечно, нѣтъ. Такъ и Богъ не довольствуется тѣмъ однимъ, что иной говоритъ, что любитъ Его, а заповѣдей Его не исполняетъ. Почему и говоритъ Онъ чрезъ пророка: *аще Отецъ есмь Азъ, то гдѣ слава Моя? И аще Господь есмь Азъ, то гдѣ есть страхъ Мой* (Малах. 1, 6)?—Такимъ образомъ христіанинъ, не прославляющій Бога исполне-

ніемъ повелѣній Его и соблюденіемъ заповѣдей Его, ничѣмъ не лучше невѣрныхъ, если не хуже ихъ.

Заповѣди же и повелѣнія Божіи говорятъ: то-то дѣлай, а того-то не дѣлай: недостаточно лишь не дѣлать зла, но надобно дѣлать и добро. При этомъ необходимо намъ знать и исповѣдать, что невозможно христіанину не дѣлать зла и дѣлать всякое добро, иначе какъ силою Всесвятаго Духа, подаемаго отъ всей души увѣровавшимъ во Христа и отрекшимся сатаны и всѣхъ дѣлъ его, и всего служенія его, и всея гордыни его, и сочетавшимся Христу и соединившимся съ Нимъ. Естество человѣческое измѣнчиво и превратно; и одно Божеское естество непревратно и неизмѣнчиво. Но христіанинъ, дѣлаясь божественнаго причастенъ естества во Христѣ Іисусѣ Господѣ нашемъ чрезъ пріятіе благодати Святаго Духа, превращается и измѣняется силою Его въ богоподобное состояніе, дѣлается богомъ по благодати, подобнымъ Тому, Кто совершилъ въ немъ такое измѣненіе, т.-е. Христу Господу—Солнцу правды. Христіанинъ предаетъ всего себя Христу Господу, Христосъ же Господь производитъ въ немъ показанное измѣненіе и дѣлаетъ его богомъ по благодати. Христіанинъ не можетъ самъ собою произвесть въ себѣ желаемое измѣненіе, и Христосъ не облагодатитъ его даромъ сего измѣненія, если онъ не предастъ Ему себя отъ всего сердца своего. Почему который христіанинъ не измѣнился симъ благимъ измѣненіемъ, пусть не осуждаетъ въ томъ естество свое, а свое произволеніе, что самъ не хотѣлъ вседушно предаться Христу. Ибо Апостолъ удостовѣряетъ, что коль скоро прилѣпляется кто Господу, то бываетъ единъ духъ съ Господомъ (1 Кор. 6, 17). И самъ Господь говоритъ: *будите во Мнѣ и Азъ въ васъ. Якоже розга не можетъ плода творити о себѣ, аще не будетъ на лозѣ: тако и вы, аще во Мнѣ не пребудете. Азъ*

есмь лоза, выже рождіе. И иже будетъ во Мнѣ, и Азъ въ немъ, той сотворитъ плодъ многъ: яко безъ Мене не можете творити ничесоже. Аще кто во Мнѣ не пребудетъ, извержется вонъ, якоже розга, и изсышетъ (Іоан. 15, 4—6).—Опять: *будите въ любви Моей. Аще заповѣди Моя соблюдете, пребудете въ любви Моей: якоже Азъ заповѣди Отца Моего соблюдохъ и пребываю въ Его любви* (—9, 10). И еще: *о семъ разумѣютъ вси, яко Мои ученицы есте, аще любовь имате между собою* (Іоан. 13, 35).

Какъ ученикъ грамматика, ритора, философа, поэта, художника, и всякій другой ученикъ познается по учителю своему, такъ и христіанинъ, ученикъ Христовъ, познается по Христу, Господу и Богу, доброму его Учителю, Который столько возлюбилъ насъ, что ради насъ содѣлался человѣкомъ и предалъ душу Свою во искупленіе насъ. Почему кто не имѣетъ любви, какъ можетъ тотъ быть признанъ ученикомъ Христовымъ или христіаниномъ? Какъ напротивъ кто имѣетъ сію любовь, пусть онъ не можетъ поднимать великихъ подвиговъ и трудовъ, а стяжалъ только одну эту любовь, тотъ, по закону Учителя нашего Христа, востекъ на самый верхъ совершенства святыхъ. Ибо такъ написано: *любяй брата, законъ исполни* (Рим. 13, 8); и: *не любяй брата своего, егоже видѣ, Бога, егоже не видѣ, како можетъ любити* (1 Іоан. 4, 20)? Опять: *аще кто речетъ, яко люблю Бога, а брата своего ненавидитъ, ложь есть* (тамъ же). Но слыша: *любовь*, да не подумаетъ кто, что она есть дѣло удобосправимое. Заповѣдь о любви есть самая великая и важная. Почему самъ Богъ отъ начала вложилъ въ естество человѣческое нѣкую любительную силу, и естественно родители любятъ дѣтей своихъ, родственники любятъ себя взаимно, и друзья любятъ друзей своихъ. Но эта естественная сила любви дана Богомъ въ помощь разумному человѣческому естеству,

чтобъ оно, пользуясь ею, востекало къ (всеобщей) любви самоохотной и произвольной. Великая и совершительная, Богомъ данная заповѣдь любви, изречена не о естественной любви, а о любви самопроизвольной.

2. Что заповѣдь любви есть величайшая заповѣдь и есть глава всѣхъ добродѣтелей, высшая всякой исправной жизни и всякихъ многотрудныхъ дѣлъ, объ этомъ послушай, что говоритъ апостолъ Павелъ—сіи уста Христовы, тамъ, гдѣ указываетъ, что безъ любви тщетны и безполезны пять самыхъ великихъ дарованій, а именно, дары — языковъ, пророчества, чудодѣйственной вѣры, милостыне-раздаянія и мученичества, и говоритъ: *аще языки человѣческими глаголю и ангельскими, аще имамъ пророчество и вѣмъ тайны вся и весь разумъ, аще имамъ всю вѣру, яко и горы преставляти, аще раздамъ вся имѣнія моя и аще предамъ тѣло мое во еже сжещи е, любве же не имамъ: никая ми польза есть* (1 Кор. 13, 1—3). Потомъ полагая, что иной, изумленъ будучи такими словами, готовъ вопросить его, какъ возможно безъ любви явить такія великія дѣянія, онъ разрѣшаетъ сіе недоумѣніе и говоритъ: *любы долготерпитъ, милосердствуетъ: любы не завидитъ: любы не превозносится, не гордится, не безчинствуетъ, не ищетъ своихъ си, не раздражается, не мыслитъ зла, не радуется о неправдѣ, радуется же о истинѣ, вся покрываетъ, всему вѣру емлетъ, вся уповаетъ, вся терпитъ. Любы николиже отпадаетъ* (—4—8). Этимъ онъ ясно показалъ, что говорящій языками можетъ возгордиться, также пророчествующій и имѣющій вѣру чудодѣйственную можетъ востщеславиться, подающій милостыню можетъ усладиться славою и честію отъ облагодѣтельствованныхъ имъ, и предавшій себя на мученія высоко о себѣ подумать. Но поелику слово свое окончилъ онъ такъ: *любы николиже отпадаетъ*, то показалъ, что корень любви есть смирен-

номудріе; такъ какъ корень не имѣетъ куда пасть, находясь всегда во глубинѣ земли. Кто думаетъ, что имѣетъ любовь, а между тѣмъ не имѣетъ долготерпѣнія и милосердія, завидуетъ и неуважителенъ бываетъ, гордится и безчинствуетъ, ищетъ своего, раздражается и мыслитъ зло, радуется неправдѣ, а не радуется истинѣ, не все покрываетъ, не всему вѣру емлетъ, не вся уповаетъ и не все терпитъ, таковый не имѣетъ любви, и говоря, что имѣетъ ее, лжетъ.

3. Весь законъ, данный отъ Бога людямъ, совмѣщается въ любви, которая имѣетъ двѣ ступени, такъ какъ и законъ двоякъ есть—ветхій и новый. Взошедшій на первую ступень оставилъ землю долу; а взошедшій на вторую, достигъ и небесъ. Ветхій законъ говоритъ: *возлюбиши ближняго твоего, яко самъ себе* (Лев. 19, 18), а Новый говоритъ: люби и врага твоего (Мѳ. 5, 43); говоритъ еще: и душу свою положи за друга твоего. Итакъ, кто возлюбилъ врага своего, тотъ взошелъ на вторую ступень или взошелъ на небеса. Напротивъ, кто не только преслѣдуетъ врага своего, но ненавидитъ и ближняго и дѣлаетъ зло тому, кто любитъ его,—таковый низпалъ до самыхъ преисподнихъ земли.

Позаботимся же, братіе, о стяжаніи совершенной любви, да улучимъ и царствіе небесное во Христѣ Іисусѣ Господѣ нашемъ, Коему слава во вѣки. Аминь.

СЛОВО ДВАДЦАТЬ ПЕРВОЕ.

1. О милостынѣ: кто насыщаетъ Бога, когда Онъ алчетъ, и напаяетъ, когда Онъ жаждетъ, и какъ потому можно совершать такого рода дѣла?
2. Не получаетъ настоящей пользы тотъ, кто милуетъ только бѣдныхъ, а мне щуетъ и себя самого, оставляя себя въ небреженіи, обнаженнымъ отъ всякаго добраго дѣла и отъ благодати Божіей.

1. Долгъ имѣемъ всѣ мы люди, и вѣрные и невѣрные, и малые и великіе, большое имѣть въ настоящей жизни

вниманіе и тщаніе; – невѣрные, чтобъ познать истину и увѣровать въ Творца и Устроителя всяческихъ Бога,— вѣрные, чтобъ добрѣ жительствовать и Богу угождать во всякомъ дѣлѣ добромъ и словѣ благомъ, — малые, чтобъ слушаться великихъ, Господа ради, — великіе, чтобъ имѣть меньшихъ какъ дѣтей родныхъ, по заповѣди Господа, Который говоритъ: *понеже сотвористе единому сихъ братій моихъ меньшихъ: Мнѣ сотвористе* (Мѳ. 25, 40). Ибо Господь сказалъ сіе не относительно однихъ бѣдныхъ и тѣхъ, которые не имѣютъ тѣлесной пищи (какъ думаютъ иные), но сказалъ относительно и всѣхъ другихъ братій нашихъ, которые не алчбою хлѣба томятся, но алчбою слышанія словесъ Господа и дѣланія заповѣдей Его, такъ какъ заповѣдь Его есть жизнь вѣчная. Сколько душа честнѣе тѣла, столько же пища душевная необходимѣе пищи тѣлесной. И думаю, что Господь болѣе о душевной пищѣ сказалъ: *взалкахся, и не дасте Ми ясти: возжадахся и не напоисте Мене* (Мѳ. 25, 42), нежели о тѣлесной и тлѣнной, такъ какъ самъ же Онъ говорилъ прежде: *Мое брашно есть, да сотворю волю Пославшаго Мя* (Іоан. 4, 34). Воля же пославшаго Его Отца есть спасеніе человѣковъ. И поистинѣ Христосъ алчетъ и жаждетъ, т.-е. крайнимъ и неудержимымъ желаніемъ желаетъ единаго спасенія всѣхъ человѣковъ. Спасеніе же человѣковъ есть удаленіе отъ всякаго грѣха, каковаго удаленія отъ грѣха невозможно справить безъ дѣланія добродѣтелей и исполненія всѣхъ заповѣдей. Слѣдовательно, когда исполняемъ мы заповѣди Христовы, тогда питаемъ и насыщаемъ Христа, Господа всякой твари. И святые отцы наши говорятъ, что какъ злыми дѣлами нашими питаются демоны и получаютъ силу воевать противъ насъ, а нашимъ удаленіемъ отъ зла они истомляются алчбою и обезсилѣваютъ; такъ и Христосъ, обнищавшій нашего ради спасенія,

питаемъ бываетъ нами, когда творимъ заповѣди Его, и оставляется въ алчбѣ, когда не творимъ воли Его. Это узнать и въ этомъ удостовѣриться можемъ мы изъ самой жизни и дѣлній святыхъ.

Оставлю прочихъ, ибо ихъ много, паче песка морскаго, — сказаніемъ объ одномъ лицѣ, объ одной святой постараюсь удовлетворить любовь вашу. Безъ сомнѣнія вы слышали о жизни преподобной Маріи Египетской, о которой не другой кто повѣдалъ, а сама она, равноангельная. Въ исповѣди своей она говорила: я была крайне бѣдна; и хотя много разъ иные давали мнѣ мзду за грѣхъ, но я не брала, не потому чтобъ была богата, — я ничего не имѣла, — но чтобъ такимъ образомъ привлечь къ себѣ больше любителей. Когда взошла она на корабль, чтобъ плыть въ Іерусалимъ, то не имѣла чѣмъ заплатить за мѣсто на немъ, и чѣмъ питаться во время плаванія. Когда въ Іерусалимѣ, давъ обѣтъ Пречистой Богородицѣ обратиться ко Господу, положила она удалиться въ пустыню; то получивъ отъ одного христолюбца двѣ монеты, купила на нихъ три хлѣбца, съ чѣмъ и перешла Іорданъ рѣку, и пребыла съ того времени въ пустыни до конца жизни своей, не видѣвъ ни одного человѣка, кромѣ одного Зосимы. И вотъ она ни алчущаго не напитывала, ни жаждущаго не напаивала, ни нагаго не одѣвала, ни страннаго не упокоивала, а паче дѣлала все противное тому, и многихъ ввергла въ ровъ погибели, увлекая ихъ на грѣхъ. Какимъ же теперь образомъ она имѣетъ спасена быть и внити въ царство небесное вмѣстѣ съ милостивыми, когда ни богатства не оставила, ни имѣнія не раздала бѣднымъ, ни милостыни не подавала никакой, а паче была причиною погибели неисчетному множеству людей? — Такъ видишь ли, что если мы скажемъ, что милостыня творима бываетъ только деньгами и пищею тѣлесною, и что

ею питаемъ бываетъ отъ насъ Христосъ, и что только такимъ образомъ, т.-е. тѣлесно питающіе, напаяющіе и всячески упокоивающіе Его, спасутся, а тѣ, которые по бѣдности не дѣлаютъ этого, пойдутъ въ муку; то изъ этого выйдетъ нѣчто крайне неумѣстное, будутъ изгнаны изъ царствія Божія многіе святые. Но не такъ есть дѣло, не такъ.

Всѣ вещи, сущія въ мірѣ семъ, создалъ Богъ обще для всѣхъ людей, какъ-то: солнце, отъ коего получаемъ свѣтъ, воздухъ, коимъ дышемъ, пастбища для скотовъ въ лугахъ и на горахъ и другое все обще всѣмъ, чтобъ каждый пользовался тѣмъ на свою потребу, а не завладѣвалъ, какъ господинъ. Но привзошло въ жизнь нашу, какъ тиранъ какой, любоиманіе, и то, что Господь Богъ далъ обще для всѣхъ, раздѣлило однимъ рабамъ своимъ, состоящимъ въ его власти, инымъ такимъ способомъ, другимъ—другимъ, обгородивъ участки оградами и башнями, съ вратами и запорами, а прочихъ всѣхъ лишило пользованія благами, кои Богъ далъ обще всѣмъ. И говоритъ еще оно развращенное: я госпожа всего и всѣмъ владѣю, все мое, а не обще, и споритъ, будто оно никого не неоправдываетъ. А слуги и угодники этой тиранки, т.-е. любоиманія, бываютъ обыкновенно не господами и владыками тѣхъ вещей и денегъ, а ихъ рабами и стражами. Какъ же теперь могутъ быть сочтены милостивыми, питателями Христа, дѣлающими дѣло, достойное награды тѣ, которые малость нѣкую иждиваютъ изъ такъ злѣ собранныхъ денегъ и вещей, или хоть и все раздадутъ бѣднымъ, по страху мукъ, или въ надеждѣ получить въ тысячу разъ больше розданнаго, или отъ стыда предъ самыми тѣми бѣдными людьми, которыхъ такъ много всегда презирали и обижали? Нѣтъ, не будутъ они сочтены милостивыми, ни питателями Христа, ни сдѣлавшими дѣло достойное воздаянія. Но,

какъ я часто говорю, имъ надобно до конца жизни своей каяться, плакать и стенать и прочія совершать дѣла покаянія, за всѣ вещи, которыя они удерживали столько времени въ своей власти, не давая ими пользоваться братіямъ своимъ въ нуждахъ ихъ.

2. Какимъ же образомъ тѣ, кои сдѣлались нищими Христа ради, какъ Христосъ, богатъ сый, яко Богъ, обнищалъ насъ ради,—какъ они, не имѣя, что подавать въ милостыню бѣднымъ, могуть быть почтены милующими Христа, ради насъ содѣлавшагося человѣкомъ, внемли добрѣ, да уразумѣешь. Богъ содѣлался для насъ бѣднымъ человѣкомъ; долженъ и ты, вѣрующій въ Него, быть подобнымъ Ему, бѣднымъ. Бѣднымъ содѣлался Христосъ, чтобъ тебя обогатить, или чтобъ передать тебѣ потребную часть отъ богатства благодати Своея. Для того принялъ Онъ плоть, чтобъ ты могъ сдѣлаться причастникомъ божества Его. Итакъ когда ты, достодолжно уготовившись, пріемлешь благодать Его, тогда говорится, что тобою принятъ Христосъ. Почему когда ты алчешь и жаждешь по любви ко Христу Господу, тогда Онъ сію твою алчбу и жажду пріемлетъ, какъ брашно и питіе для Себя Самого. Ибо чрезъ сіе, и чрезъ подобныя сему дѣла очищаешь ты душу свою и освобождаешь себя отъ тлѣнія и скверны страстей. Но Богъ, воспріявшій тебя и Себѣ присвоившій все твое, т.-е. все человѣческое, всякое добро, какое дѣлаешь ты для себя самого, почитаетъ дѣлаемымъ для Него, какъ бы Онъ самъ вкушалъ отъ плода его. Въ этомъ смыслѣ слова Его къ тѣмъ, кои милуютъ бѣдныхъ, въ отношеніи къ тобѣ могутъ быть переложены такъ: понеже сотворилъ ты бѣдной душѣ своей, Мнѣ сотворилъ. Иначе какими дѣлами угодили Богу удалявшіеся въ горы и жившіе въ пещерахъ? Никакими, кромѣ дѣлъ покаянія съ вѣрою и любовію. Оставя міръ весь, они послѣдовали Христу,

и пріявъ Его въ себя, упокоивали, насыщали и напаяли Его въ себѣ, посредствомъ покаянія и слезъ.

И другимъ способомъ (объясню это). Всѣ тѣ, которые содѣлываются сынами Божіими по благодати чрезъ святое крещеніе, всеконечно суть послѣднѣйшіе и бѣднѣйшіе въ мірѣ семъ: ибо ничего не хотятъ отъ міра сего. Познавши чувствомъ души своей, что содѣлались сынами Божіими, они терпѣть уже не могутъ никакого богатства привременнаго, ни украшаться какими-либо уборами тлѣнными и маловременными, яко облекшіеся во Христа и имѣющіе сокровище на небесахъ. Да и какой человѣкъ, скажи мнѣ, будучи одѣтъ въ царское одѣяніе, согласится надѣть поверхъ его какую-нибудь другую одежду, ветхую, изорванную и испачканную?—Но и тѣ, которые не познали, что сдѣлались сынами Богу, и обнажились отъ царскаго онаго одѣянія, а потомъ покаялись, взялись за подвиги, начали дѣлать всякія добрыя дѣла, и такимъ образомъ возвратили себѣ благодать крещенія,—и они являются облеченными во Христа, и они дѣлаются сынами Богу, какъ бываетъ и чрезъ святое крещеніе. Которые же не дѣлаютъ ни того, ни другаго (т.-е. не облекаются во Христа ни чрезъ крещеніе, ни потомъ чрезъ покаяніе), тѣ хотя бы всѣхъ голыхъ въ мірѣ одѣли, что полезнаго для себя сдѣлали бы, когда себя самихъ оставляютъ обнаженными отъ божественной благодати?

Потомъ опять (т.-е. еще новое объясненіе),—мы, крестившіеся во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа, именуемся братіями Христу, и есмы еще члены Его. Итакъ если ты будешь честить, упокоивать и всячески утѣшать всѣхъ другихъ, а себя,—брата Христова и членъ Христовъ,—оставишь въ небреженіи, и не воспріимешь труда и подвига путемъ всѣхъ добродѣтелей востеци на верхъ совершенства жизни о Христѣ, а оставишь

душу свою омраченную и осквернённую,—пусть валяется какъ мертвая, въ глубочайшей тьмѣ грѣха, пусть алчетъ и жаждетъ отъ твоей лѣности и нерадѣнія, пусть остается заключенною въ тѣснѣйшей темницѣ осквернённаго тѣла по причинѣ чревоугодія и сластолюбія твоего,—скажи мнѣ, прошу тебя, не брата ли Христова ты презришь такимъ образомъ? Не его ли ты оставишь алчущимъ и жаждущимъ, и въ темницѣ валяющимся безъ всякаго призору? Такъ вотъ,—и по этой причинѣ ты имѣешь нѣкогда услышать: не помиловалъ ты себя самого,—и не будешь помилованъ.

Если кто послѣ сего скажетъ: поелику такъ есть дѣло сіе, и намъ не будетъ никакой награды за то, что даемъ мы бѣднымъ, то какая нужда и давать?—Да слышитъ таковый самого Христа, имѣющаго судить его, и воздать каждому по дѣламъ его, какъ бы Онъ такъ говорилъ ему: О, несмысленный! Что принесъ ты въ міръ сей? И сотворилъ ли ты что-либо изъ того, что видишь въ немъ? Не нагимъ ли вышелъ ты изъ чрева матери своей? Нагимъ выйдешь ты и изъ настоящей жизни, и обнаженнымъ отъ всего предстанешь ты предъ судилище Мое. За какія же это собственности требуешь ты отъ Меня награды? И какими это собственными вещами оказывалъ ты милость братіямъ своимъ, а чрезъ посредство братій Мнѣ, создавшему все не для тебя одного, но общее для всѣхъ? Или думаешь, что Я желаю самъ чего-либо изъ этого, или пріемлю дары, подобно неправедлымъ и сребролюбивымъ судьямъ людскимъ? (По малосмыслію твоему можно ожидать, что ты и это подумаешь).—Это все (т.-е. дѣла милосердія къ бѣднымъ) заповѣдаю Я и повелѣваю, не потому, чтобъ Я желалъ имѣть какія-либо вещи отъ васъ, но потому что желаю имѣть васъ самихъ; не для того, чтобы взять что-либо изъ вашей собственности, но для того, чтобъ избавить

васъ отъ осужденія, которому вы имѣете подвергнуться изъ-за него. — Не подумай же, братъ мой, что Богъ бѣденъ и имѣетъ нужду въ нашемъ достояніи, чтобъ питать бѣдныхъ, и потому повелѣваетъ намъ быть къ нимъ милостивыми, и сколько силъ есть, исполнять сію заповѣдь. Не такъ, братъ мой, не такъ. Но человѣколюбивый Господь то, что внесено въ жизнь нашу діаволомъ чрезъ любоиманіе на погибель нашу, это самое хочетъ посредствомъ милостыни обратить во спасеніе намъ. Діаволъ усовѣтовалъ намъ усвоять себѣ, считать своею собственностію и для себя сокровиществовать то, что Богъ создалъ для общаго всѣхъ людей употребленія, чтобъ чрезъ такое любоиманіе привить къ намъ два грѣха и сдѣлать насъ повинными вѣчному мученію: первый—грѣхъ безсердечія и немилосердія, а второй—грѣхъ упованія на имущество свое, а не на Христа. Ибо кто имѣетъ запрятанныя деньги, тому невозможно вѣровать и надѣяться на Бога. Это видно изъ того, что сказалъ Христосъ и Богъ нашъ: *идѣже есть сокровище ваше, ту будетъ и сердце ваше* (Мѳ. 6, 21). Итакъ пусть и раздастъ кто бѣднымъ запрятанныя у него деньги, ему не за что получать награду, напротивъ онъ отвѣтенъ за то, что неправедно заставлялъ ихъ терпѣть лишенія доселѣ; и не только за это имѣетъ онъ дать отвѣтъ, но и за тѣхъ, которые померли во время его жизни отъ алчбы и жажды, которыхъ онъ могъ напитать и не напиталъ: онъ запряталъ достояніе бѣдныхъ и оставилъ ихъ умирать отъ холода и голода, почему будетъ сочтенъ убійцею всѣхъ тѣхъ, которыхъ могъ онъ напитать и не питалъ.

Но благій и человѣколюбивый Господь нашъ, желая избавить насъ отъ такого осужденія, заповѣдалъ намъ раздавать стяжанное, и чтобъ заохотить къ тому, изъявляетъ готовность снизойти сей нашей немощи любо-

иманія и не подвергать насъ осужденію за то, что удерживали принадлежащее всѣмъ, и не только это, но соглашается признать имѣніе наше собственно нашимъ и за раздаяніе его обѣщаетъ воздать не десятерицею, а сторицею,—все для того, чтобъ только расположить насъ раздавать доброхотно, съ веселымъ лицемъ. Сія доброхотность требуетъ, чтобъ мы не считали имѣнія своего собственнымъ, а думали, что его далъ въ руки наши Богъ для призрѣнія сорабовъ нашихъ Богу—христіанъ, чтобъ мы доставляли имъ нужное съ радостію и готовностію, а не съ печалію, и какъ бы съ нѣкою нуждою и насиліемъ.

И вотъ еще почему съ радостію должны мы опорожнять свои сокровищницы, съ такимъ тщаніемъ набиваемыя и съ такою опасливостію хранимыя, въ надеждѣ получить истинное обѣтованіе Христово, въ коемъ обѣтовалъ Онъ за все воздать сторицею. Богъ знаетъ, что мы совсѣмъ завладѣны похотію любоиманія и одержимы маніею къ богатству, такъ что намъ разстаться съ нимъ и отцѣпиться отъ него крайне трудно: отчего если случится кому потерять его по какимъ-либо причинамъ, то онъ не радъ бываетъ и самой жизни. Зная сіе, Онъ и употребилъ сообразное съ нашею немощію врачество, обѣщая воздать намъ за то, что раздадимъ бѣднымъ, сторицею, чтобъ только расположить насъ къ такому раздаянію и чрезъ то прежде всего избавить отъ осужденія за страсть любоиманія, а потомъ отучить возлагать надежду свою на богатство и освободить души наши отъ тяжкихъ его узъ; по освобожденіи же отъ нихъ дать намъ просторъ безпрепятственно исполнять заповѣди Христа Господа и работать Ему со страхомъ и трепетомъ, не съ тѣмъ, чтобъ Богу сдѣлать какое-либо одолженіе, но съ тѣмъ, чтобъ самимъ отъ Него получить сію самую милость и благодать—быть рабами Его и служить Ему истинно.

И другимъ способомъ невозможно намъ спастися. Богатымъ прежде всего надлежитъ по заповѣди отложить богатство свое, какъ тяжелую ношу, препятствующую вести истинную о Христѣ жизнь, а потомъ взять крестъ на рамена свои и послѣдовать Христу Господу. Ибо нѣтъ возможности, чтобъ понесъ кто-либо то и другое, т.-е. и богатство и крестъ. Но тѣ, которые не связаны многоиманіемъ, а довольствуются тѣмъ однимъ, что необходимо для поддержанія жизни, нерѣдко же и въ этомъ терпятъ недостатокъ,—никакого не встрѣчаютъ препятствія, когда восхотятъ шествовать путемъ тѣснымъ и прискорбнымъ: имъ нужно только приложить доброе произволеніе, чтобъ тѣсное шествіе ихъ было богоугоднымъ шествіемъ, и продолжать его съ терпѣніемъ и благодареніемъ, — и праведный Богъ введетъ ихъ въ царство Свое вѣчное и утѣшитъ всеблаженнымъ въ ономъ покоемъ.

Но если кто раздастъ все имѣніе свое бѣднымъ, а потомъ не станетъ бороться благодушно со всякаго рода искушеніями и скорбями, которыя за тѣмъ послѣдуютъ, и не будетъ переносить всего не только безропотно, но и съ благодареніемъ, — тотъ, не уразумѣвъ спасительности сдѣланнаго имъ шага, малодушіемъ своимъ самъ губитъ плодъ дѣла своего. Вѣдать намъ надлежитъ, что какъ желѣзо, крѣпко заржавѣвшее, не можетъ быть отчищено и приведено въ надлежащій свой видъ, если не вложишь его въ огонь и не обколотишь хорошенько молотами: такъ и душа, запятнавшаяся скверною грѣховною, не можетъ инымъ образомъ очиститься и воспріять прежнее свое благообразіе, если не подвержена будетъ многимъ искушеніямъ и не внидетъ въ пещь скорбей. Посему-то и Господь нашъ Іисусъ Христосъ послѣ того какъ сказалъ: *продаждь имѣніе свое и даждь нищимъ*, прибавилъ: *и ходи въ слѣдъ Ме-*

не, вземъ крестъ (Мр. 10, 21). Подъ крестомъ, который повелѣвается взять, разумѣются здѣсь скорби, кои надлежитъ принимать благодушно и претерпѣвать съ благодареніемъ. Итакъ, никакой не получатъ пользы отъ раздаянія имѣнія своего тѣ, которые, раздавъ его бѣднымъ, не претерпятъ потомъ до конца искушеній, скорбей и печалей Бога ради. И Христосъ Господь не сказалъ: въ раздаяніи имѣній вашихъ *стяжите души ваши*, а—*въ терпѣніи вашемъ* (Лк. 21, 19). Что раздать имѣніе свое бѣднымъ есть дѣло доброе и спасительное, это не требуетъ доказательства; но одно это доброе дѣло не можетъ сдѣлать человѣка совершеннымъ по Богу, безъ претерпѣнія искушеній. Что такъ есть воистину и что такъ Богу угодно, послушай, что говоритъ Христосъ,—кромѣ словъ Его къ богатому, приведенныхъ выше: *продаждь и раздаждь,—и ходи въ слѣдъ Мене, вземъ крестъ*, гдѣ подъ крестомъ, какъ мы сказали, указываетъ Онъ на искушенія и скорби. *Царствіе небесное*, говоритъ Онъ, *нудится и нуждницы восхищаютъ е* (Мѳ. 11, 12), и ни одному вѣрному нельзя войти въ него другимъ способомъ, какъ тѣсными вратами искушеній и скорбей. *Внидите*, говоритъ, *узкими враты* (Мѳ. 7, 13); что св. Апостолы истолковали такъ: *яко многими скорбми подобаетъ намъ внити въ царствіе Божіе* (Дѣян. 14, 22). Дающій отъ имѣній своихъ бѣднымъ, а скорбей не претерпѣвающій, надѣясь получить за то награду, великую испытываетъ радость и довольство, и отъ этого можетъ случиться, что иногда впадетъ онъ въ тщеславіе и тѣмъ погубитъ мзду свою. А тотъ, кто раздавая имѣніе свое бѣднымъ, съ благодарностію претерпѣваетъ все скорбное и безропотно переноситъ всякія искушенія, которыя его преслѣдуютъ, который чувствуетъ всю горечь и тяготу прискорбностей, и однакожъ хранитъ свой помыслъ твердымъ и непоколебимымъ,

таковый и здѣсь въ настоящей жизни, и тамъ въ жизни будущей великое получитъ воздаяніе, такъ какъ онъ подражаетъ страстямъ Христовымъ, и терпя терпитъ Господа въ дни скорбей и искушеній, его тѣснящихъ.

Сего ради умоляю васъ о Христѣ, братія мои, восподвизаемся, по слову Господа нашего Іисуса Христа, внити въ царствіе небесное узкими враты, т.-е. отсѣченіемъ плотскаго мудрованія и своей воли. Если не умертвимся плоти, ея похотямъ и желаніямъ, то не можемъ обрѣсти покоя и свободы отъ злыхъ дѣлъ, которая водворяется въ насъ благодатію Всесвятаго Духа при усиленной съ нашей стороны борьбѣ со страстьми и похотьми, къ успѣшному веденію которой много способствуетъ раздаяніе имѣній. Когда раздаешь ты, брате, имѣніе и деньги свои на бѣдныхъ, дѣлаешь доброе и богоугодное дѣло, но вмѣстѣ съ тѣмъ самъ избавляешься отъ томительныхъ заботъ и попеченій объ этихъ тлѣнныхъ вещахъ, и умъ твой успокоивается отъ неизбѣжныхъ по поводу ихъ развлеченій. Хвалю тебя за такое доброе дѣйствованіе, что раздаешь привременное и тлѣнное добро свое, чтобъ получить вѣчное и нетлѣнное. Но надобно еще отбросить и всякое мудрованіе плотское, какъ разбрасываешь ты достояніе свое, и облецись въ свѣтлое одѣяніе благодати Святаго Духа. А этому нельзя быть иначе, какъ всегдашнимъ исполненіемъ заповѣдей Христовыхъ и перенесеніемъ скорбей. Когда душа находится подъ тяжестію скорбей и утѣсняема бываетъ искушеніями, то подвигается на слезы, а слезы очищаютъ душу и дѣлаютъ ее жилищемъ Всесвятаго Духа. Почему я и твержу, что недостаточно для спасенія только раздать имѣніе свое; надобно еще, какъ разбрасываешь деньги свои, отбросить и всякое мудрованіе плотское и душу свою одѣять благодатію Святаго Духа; коротко выражаясь, надобно всего себя при-

несть въ жертву Богу и душею и тѣломъ: тѣло свое надо упражнять тѣлеснымъ дѣланіемъ въ подвигахъ добродѣтели, пріобучая себя ко всякимъ прискорбностямъ ради Бога, чтобъ благодушно претерпѣвать горькость поста, тяготу бдѣнія, суровость воздержанія и всякое другое тѣлесное злостраданіе; а душу обучать страху Божію благоговѣинствомъ въ духѣ, заставляя ее мудрствовать, что подобаетъ мудрствовать, и всегда помышлять о томъ, что относится къ вѣчной жизни, быть тихою, смиренною, кроткою, сокрушенною и умиленною, да плачетъ и слезы проливаетъ день и ночь, испрашивая себѣ молитвою свѣтъ и благодать Святаго Духа, обыкновенно приходящую въ душу чрезъ посредство теплаго покаянія, послѣ того какъ очистится она многими слезами, безъ которыхъ невозможно ни одѣянію души убѣлиться, ни взойти ей на высоту созерцанія. Ибо какъ обыкновенную одежду, когда она запятнается и испачкается, нельзя убѣлить иначе какъ полосканіемъ въ водѣ и треніемъ руками и ногами; такъ и одѣянія души, когда она запятнается и осквернится грѣхами, нельзя иначе очистить, какъ многими слезами и терпѣніемъ искушеній и скорбей.

Итакъ тѣ, которые осквернили души свои беззаконными дѣлами грѣховными и страстными движеніями сердца, и которые напечатлѣли въ себѣ образы и подобія безсловесныхъ похотей, да понудятся многими слезами очистить себя и убѣлить одѣяніе души своей; потому что другимъ способомъ невозможно никому увидѣть свѣтъ, или Бога, просвѣщающаго сердце каждаго человѣка, грядущаго къ Нему путемъ покаянія. Только чистые сердцемъ зрятъ Бога, по слову Господа нашего. Почему умоляю васъ, братіе мои и чада, подвигнемся на трудъ содержать сердце свое чистымъ посредствомъ добронравія и благихъ расположеній, посредствомъ хра-

ненія совѣсти и всегдашняго исповѣданія сокровенныхъ помысловъ сердца. Если будемъ исповѣдывать ихъ часто, а лучше если каждый день, съ сокрушеніемъ и болѣзнованіемъ сердечнымъ, припоминая все и осуждая себя за все, дѣломъ ли сдѣлали что худое, или умомъ помыслили недоброе, или слово сказали нехорошее, то чрезъ это стяжемъ покаянное и сокрушенное сердце; покаянное же такое сердце извлечетъ слезы изъ глубины души; а слезы очистятъ душу и изгладятъ всѣ ея прегрѣшенія. Когда же изгладятся всѣ грѣхи слезами, тогда придетъ въ душу вседѣйствіе Святаго Духа, и еще паче начнетъ напаять ее сладостію слезъ умиленія, коими будетъ она мысленно питаться, крѣпнуть болѣе и болѣе, и умножать плоды Духа, обильно принося ихъ въ должное время и заготовляя въ нихъ пищу себѣ на вѣчную и нескончаемую жизнь. Когда, добрѣ подвизаясь, достигнетъ она въ такую мѣру, тогда наконецъ содружается съ Богомъ и дѣлается жилищемъ Пресвятыя Троицы, чисто зритъ Творца своего и Бога, бесѣдуетъ съ Нимъ непрерывно и нѣкоторымъ образомъ выходитъ изъ тѣла своего и изъ міра сего, и восходитъ на небеса небесъ, воспаряя туда на крыльяхъ любви Божіей и упокоеваясь тамъ отъ подвиговъ своихъ въ божественномъ нѣкоемъ и безпредѣльномъ свѣтѣ, въ сорадованіи ей всѣхъ праведниковъ и сликованіи св. апостоловъ Христовыхъ, мучениковъ и преподобныхъ и всѣхъ небесныхъ Силъ безплотныхъ.

Къ такому-то состоянію да устремимся и мы, братія мои, силою Христа Господа, чтобъ не остаться позади отцевъ своихъ, но чтобъ достигнуть въ мужа совершенна, въ мѣру возраста исполненія Христова, подвизаясь во всѣхъ добрыхъ дѣланіяхъ и въ исполненіи всѣхъ заповѣдей Христовыхъ. Никакого нѣтъ къ тому непреодолимаго препятствія, если только захочемъ и за дѣло воз-

мемся какъ слѣдуетъ. Если устроимся такъ, какъ показано, прославимъ въ себѣ Бога, и Богъ порадуется о насъ; и когда переселимся изъ жизни сей, Онъ милостиво приметъ насъ и вселитъ въ нѣдрахъ Авраама, гдѣ успокоитъ и усладитъ сладостями царства небеснаго, каковое улучить буди всѣмъ намъ благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, Коему слава и держава во вѣки вѣковъ. Аминь.

СЛОВО ДВАДЦАТЬ ВТОРОЕ.

1. Прежде надлежитъ намъ получить благодать Христову, и тогда уже проходить можемъ жизнь по Богу.
2. Какимъ образомъ сподобляются сей благодати?
3. Кто во грѣхѣ и кто во благодати?
4. Всякій грѣхъ отъ діавола, а добро отъ Христа.
5. Что есть глава добродѣтелей и что ноги ихъ?

1. Говоритъ Пророкъ Давидъ: *кто есть человѣкъ, иже поживетъ и не узритъ смерти, избавитъ душу свою изъ руки адовы* (Пс. 88, 49)? То-есть, кто пожившіи въ этомъ мірѣ не умретъ? И кто умерши избавитъ душу свою отъ ада? — Никто. Если же это совершенно невозможно ни для одного человѣка, и возможно только для одного Христа,—для чего и пришелъ Онъ на землю и содѣлался человѣкомъ; то всякому надлежитъ ни о чемъ другомъ подвизаться, какъ о томъ одномъ, чтобъ понудить Христа Господа, желающаго всѣхъ людей избавить отъ ада, да избавитъ и его, нудящаго Его на сіе. Чтобъ былъ понуждаемъ отъ насъ на сіе Царь всяческихъ Христосъ, сего желаетъ самъ Онъ, не для Его собственно какой-либо цѣли, а для насъ же. Ибо кто спѣшитъ понудить Христа Господа избавить его, тотъ, очевидно, восчувствовалъ крайность своего положенія, увидѣлъ причины его и возненавидѣлъ ихъ,— и къ единому Господу-Избавителю обращается всѣмъ сердцемъ,

Сего-то ради восчувствованія крайности, необходимо всегда предшествующаго понужденію Избавителя къ избавленію, и желаетъ Онъ, чтобъ мы понуждали Его. Дѣло избавленія есть дѣло первой для насъ важности, а мы того не знаемъ, не держимъ въ мысли и не чувствуемъ. Вотъ Онъ и хощетъ быть понуждаемымъ отъ насъ, и какъ бы насиліе какое терпѣть, чтобъ расположить насъ приходить напередъ въ чувство бѣды своей, того великаго зла, какое терпимъ мы отъ грѣха, и той тиранніи и рабства, въ какихъ изъ-за него находимся мы, и чтобъ, когда освободимся отъ всего сего, великое изъявляли благодареніе Богу, благоволившему избавить насъ и оказать намъ такое благодѣяніе, котораго никто другой сдѣлать не можетъ.

Для сего (понужденія Господа) потребны молитвы, посты, милостыни, сокрушеніе сердца и всякое другое злостраданіе. По какой причинѣ? Неужели Богъ не можетъ избавить насъ объ грѣха даромъ, безъ нашего къ тому сотрудничества? Нѣтъ,—не потому. Но поелику это *даромъ* дѣлается для всѣхъ христіанъ, когда они бываютъ крещаемы, а мы тогда не знали сей великой благодати Божіей, потому что были младенцами, а потомъ не познали по причинѣ юношескихъ стремленій, не познавши же и не восчувствовавши того, плотскимъ предались влеченіямъ, впали въ грѣхи и потеряли ту первую благодать; то теперь необходимъ собственный нашъ трудъ, въ противовѣсъ самоохотнымъ грѣхамъ по благодати крещенія, чтобъ избавиться отъ грѣховъ и опять воспріять благодать Божію, нами потерянную. Итакъ, какой христіанинъ желаетъ теперь облещись благодатною силою о Христѣ Іисусѣ для избавленія отъ грѣха и исполненія всякой воли Божіей, да покается и, понесши труды покаянія въ постѣ, молитвахъ и другихъ подвигахъ, да приступитъ съ вѣрою къ строителямъ благо-

дати Христовой, которые чрезъ возложеніе рукъ (разрѣшительное отъ грѣховъ дѣйствіе въ таинствѣ покаянія) разрѣшатъ его отъ всѣхъ грѣховъ его и дадутъ ему опять воспріять силу Божію на всякое добро, укрѣпившись которою онъ возможетъ далѣе жить, какъ подобаетъ жить христіанину, и живя такъ знать и исповѣдать, что *благодатію Божіею есть еже есть* (1 Кор. 15, 10), чтобъ и паче опять не лишиться сей благодати и не остаться нагимъ и безпомощнымъ. Ибо благодать Божія удаляется отъ христіанина не по причинѣ только грѣха, но и по причинѣ непризнанія ея, когда не признаетъ кто, что отъ ней имѣетъ все, что ни имѣетъ. Это показываетъ и слово Апостола, который говоритъ, что *Богъ всѣмъ хощетъ спастися и въ разумъ истины пріити* (1 Тим. 2, 4), т. е. познать добрѣ истину, потому что истина есть не другое что, какъ благодать Христова, для дарованія намъ косй и пришелъ Христосъ, распялся и умеръ.

2. Будучи Богъ, и Господь, и Властитель всѣхъ тварей, Имъ созданныхъ, не имѣлъ Онъ однако власти даровать людямъ такую благодать, потому что и праведенъ есть: *праведенъ Господь и правды возлюби* (Пс. 10, 7). Ибо несправедливо было, чтобы тотъ, кто по своему собственному желанію, безъ всякаго насилія, а по одному уваженію лжи діаволовой, самовластно осквернилъ себя грѣхомъ и чрезъ то потерялъ благодать Божію и обнажился отъ оной,—несправедливо было, чтобъ такой опять облеченъ былъ сею благодатію, не понесши напередъ великаго какого-либо наказанія. Но гдѣ же было ему понести соразмѣрное преступленію наказаніе? И се Самъ Богъ, содѣлавшись человѣкомъ, принесъ Себя въ жертву умилостивленія, чтобъ имѣть власть опять даровать человѣку такую благодать. Почему Христосъ по воскресеніи и сказалъ Апостоламъ: *дадеся Ми всяка*

власть на небеси и на земли. Шедше, научите вся языки, крещяще ихъ во имя Отца и Сына и Святаго Духа, учаще ихъ блюсти вся, елика заповѣдахъ вамъ (Мѳ. 28, 18—20). Посему же и имя Его нарицается у пророка Исаіи—*Властелинъ* (9, 6), не яко Богъ, но яко Богъ и человѣкъ. Ибо яко Богу, какъ можно было Ему не быть властелиномъ всѣхъ тварей, Имъ созданныхъ? Но поелику Онъ яко человѣкъ принесъ Себя въ жертву и Своею волею далъ Себя во искупленіе рода человѣческаго, то и пріялъ власть за такое великое дѣло, Имъ сдѣланное во искупленіе человѣка пречистою Своею кровію. Если Богочеловѣкъ Іисусъ предалъ Себя во искупленіе грѣха, то очевидно, что не было другаго большаго дара, чтобы дать ему, какъ отпущеніе грѣха Адамова. Вслѣдствіе сего, какъ тогда Адамъ, падши, совлекся умной благодати Божіей, какую имѣлъ въ себѣ, такъ теперь, кто крещается, опять облекается въ оную благодать, какъ говоритъ Апостолъ: *елицы во Христа крестистеся, во Христа облекостеся* (Гал. 3, 27).

Объяснивъ это, обращаюсь опять къ прерванной рѣчи о томъ, что надобно понуждать Господа, чтобъ даровалъ намъ что нужно, и искать того у Него. Съ этимъ, мысленно и невидимо бывающимъ въ душѣ, схоже то, что бываетъ съ человѣкомъ видимо и чувственно. Человѣкъ раждается нагимъ младенцемъ, маленькимъ ребеночкомъ, ни въ чемъ не могущимъ помочь себѣ, и пока онъ отдоевается, мать сама исправляетъ все потребное для него; когда же начнетъ онъ приходить въ разумъ, тогда ему показываютъ и научаютъ его, какъ что можетъ онъ и самъ для себя дѣлать, такъ какъ онъ можетъ уже и самъ находить и брать что ему требуется; такъ и душа приходитъ на свѣтъ голою отъ всякой добродѣтели; коль же скоро пріиметъ крещеніе, облекается во Христа, питается Имъ и научаема бываетъ искать того, что не

обходимо для ея спасенія, и отъ сего времени уже, если не ищетъ, Христосъ не даетъ ей ничего, а если ищетъ, получаетъ все, что ни взыщетъ. Только надлежитъ ей искать одного того, что сообразно со спасеніемъ ея. Прежде всего надлежитъ искать свѣта, или умнаго просвѣщенія, да видитъ все, какъ оно есть. Какъ только получитъ она такое просвѣщеніе, тутъ же увидитъ всю свою бѣдность и немощность, и смирится, а смирившись, сдѣлается тихою и кроткою безъ гнѣва, и таинственно научена будетъ отъ Христа заповѣдямъ Его, какъ говоритъ царепророкъ Давидъ: *научитъ кроткія путемъ своимъ* (Пс. 24, 9).

Таковъ законъ жизни о Христѣ Іисусѣ, и кто напередъ не облечется благодатію Христовою, а потомъ не устроится жить по Христу, тотъ тщетно трудится. Сколько бы онъ ни злострадалъ и сколько бы добра ни дѣлалъ прежде полученія благодати Божіей, тщетенъ трудъ его. Вѣдь и Евреи и другіе невѣрные народы дѣлаютъ много подобнаго; потому что нѣтъ ни одного человѣка въ мірѣ, пусть онъ невѣрный и безбожникъ, который бы не дѣлалъ какого либо добра, будучи движимъ на то естествомъ. Итакъ прежде всего надлежитъ подвизаться всякому о томъ, чтобъ получить благодать Божію, посредствомъ вѣры и надежды на Христа Господа, посредствомъ покаянія и исповѣди, молитвы и возложенія священническихъ рукъ, какъ мы сказали. Пусть взыщетъ опытнаго отца духовнаго, научится отъ него всему, касающемуся вѣры и требуемому ею, воспріиметъ полное упованіе на Бога и покается во всѣхъ грѣхахъ своихъ, подъемля и достойныя дѣла покаянія, т.-е. сокрушеніе сердца и жалѣніе о грѣхахъ, слезы и воздыханія отъ всей души, постъ и всякое другое лишеніе тѣлесное, милостыню и молитву, исповѣдуетъ искренно всѣ грѣхи свои предъ Богомъ и пріиметъ разрѣшающую

молитву съ возложеніемъ рукъ сего духовнаго отца своего. Безъ всего этого не придетъ благодать Божія сама собою на того, кто потерялъ ее, предавшись грѣху по крещеніи. Бывало, что нѣкоторыхъ посѣщала благодать Божія и безъ возложенія рукъ священника, но то были исключительные случаи, не всѣмъ общіе; но что бываетъ исключительно для нѣкоторыхъ, только немногихъ, того не признаетъ общимъ для всѣхъ закономъ святая Церковь.

3. Что грѣшилъ кто или грѣшитъ, это конечно есть великая бѣда, но еще не окончательно крайняя. То есть крайняя бѣда, когда кто не хочетъ поподвизаться, чтобъ воспріять благодать Господа нашего Іисуса Христа; потому что это значитъ обречь себя на грѣхъ, а чрезъ грѣхъ и на пагубу. Ибо невозможно не быть въ грѣхѣ тому, кто не имѣетъ общенія со Христомъ Господомъ, т.-е. не имѣетъ божественной благодати. Въ томъ и праведность, чтобъ имѣть причастіе и общеніе со Христомъ Господомъ. Кто не имѣетъ общенія съ Господомъ Іисусомъ, тотъ никакъ не можетъ быть чистъ отъ грѣха; а кто имѣетъ общеніе съ Господомъ Іисусомъ, надъ тѣмъ никогда не возгосподствуетъ грѣхъ, такъ какъ христіане въ самомъ Христѣ живутъ, движутся и суть (Дѣян. 17, 28). Скажу кратко: тщетно именуется христіаниномъ тотъ, кто не имѣетъ въ себѣ благодати Христовой ощутительно, т.-е. такъ, чтобъ опытно зналъ, что имѣетъ въ себѣ таковую благодать. Кто не имѣетъ таковой благодати, это явно бываетъ изъ неблагоговѣйнства и дерзости его въ отношеніи къ священному и божественному, также изъ гнѣвливости скорой, изъ мудрованія его несмиреннаго, изъ тщеславія и другаго подобнаго; какъ опять кто имѣетъ ее, сіе явно бываетъ изъ страха и благоговѣнія его предъ всѣмъ божественнымъ, и изъ нрава его кроткаго и смиренномудраго. Онъ знаетъ, что ничего добраго не можетъ

справить самъ собою, безъ благодати Христа Господа, Который содѣлался человѣкомъ, какъ и мы, чтобъ вступая въ сродство съ Нимъ и благодать Его получая, мы могли проводить такую жизнь, какою жить подобаетъ человѣку. Впрочемъ бываютъ и такіе, которые проходятъ ангельскую жизнь, пребывая еще въ мірѣ семъ съ тѣломъ, когда весь Іисусъ Христосъ соединяется съ ихъ душею и тѣломъ и едино бываетъ съ сими мужами духовными, такъ что и они могутъ говорить съ божественнымъ Павломъ: *живу же не ктому азъ, но живетъ во мнѣ Христосъ* (Гал. 2, 20).

4. Всѣ люди или плотски живутъ, или духовно. Кто мудрствуетъ и дѣйствуетъ духовно, тотъ есть и именуется вѣрнымъ. Ибо еслибъ не имѣлъ онъ благодати Всесвятаго Духа, которую получилъ отъ Бога, бывъ признанъ вѣрнымъ, то не имѣлъ бы возможности мудрствовать и дѣйствовать духовно. А кто мудрствуетъ и дѣйствуетъ плотски, тотъ невѣренъ и пустъ отъ благодати божественной. Ибо еслибъ не былъ онъ невѣренъ, то не былъ бы пустъ и нагъ отъ благодати Христовой, и не былъ бы увлекаемъ отъ діавола дѣйствовать плотски. *Ибо творяй грѣхъ, отъ діавола есть* (1 Іоан. 3, 8). И потому тѣ, которые дѣлаютъ зло, бываютъ обладаемы діаволомъ и явные показываютъ признаки, что имѣютъ въ себѣ и съ собою главу всякаго зла. Діаволъ, сей злой духъ мысленный, невидимо дѣйствуетъ на невѣрныхъ и обнаженныхъ отъ божественной благодати. Почему люди, почтенные отъ Бога самовластіемъ, не замѣчаютъ, что бываютъ покорными слугами власти діавола, и имъ будучи влекомы на грѣхъ, думаютъ, что дѣлаютъ зло самовластно и самоохотно, и такимъ образомъ служатъ у него посмѣшищемъ. Такое обманчивое думаніе есть одна изъ главнѣйшихъ прелестей изобрѣтателя всякаго зла діавола. Вся его злокозненность обращена

на то, чтобъ дѣйствовать властно внутри грѣшащихъ, а они чтобъ думали, что дѣлаютъ грѣхъ по собственному произволенію, а не по внушенію и влеченію отъ діавола. И успѣваетъ въ этомъ до того, что тѣ самые, которые имъ насилуются, слыша о томъ, говорятъ: но что же сталось съ самовластіемъ и свободою человѣка,— потеряны? Да, потеряны, однакоже не всецѣло; въ нашей еще осталось власти познавать, въ какомъ бѣдственномъ находимся мы состояніи, желать избавиться отъ него, и искать Избавителя: подобно тому какъ больной, который лежитъ на одрѣ, знаетъ, что лежитъ въ болѣзни, и желаетъ подняться отъ нея, и хоть не можетъ сего сдѣлать самъ собою, но имѣетъ свободу искать врача, чтобъ уврачевалъ его. Такъ бываетъ и съ грѣшниками; почему Господь говоритъ: *всякъ творяй грѣхъ, рабъ есть грѣха. Рабъ же не пребываетъ въ дому во вѣкъ: Сынъ пребываетъ во вѣкъ. Аще убо Сынъ вы свободитъ, воистину свободни будете* (Іоан. 8, 35. 36). Поелику такимъ образомъ осталось въ насъ самовластія настолько, чтобъ взыскать врача, прибѣгнемъ же ко Христу, да избавитъ Онъ насъ отъ тиранства діаволова. А того, будто, когда дѣлаемъ мы зло, нѣтъ въ насъ діавола, и не думай никто и не говори. По мѣрѣ зла, какое кто дѣлаетъ, имѣетъ онъ и бѣса, или малаго, или великаго, или многихъ. Какъ напротивъ духовный человѣкъ, по мѣрѣ добродѣтели своей, имѣетъ и благодать Божію, или великую, или малую, или преисполненъ есть безмѣрно благодатію Христовою. Святому писанію обычно разныя дарованія мужей добродѣтельныхъ называть духами.

5. Всѣ добродѣтели хороши, но надобно, чтобъ онѣ имѣли и голову и ноги, подобно тѣлу; и какъ тѣлу нельзя быть безъ головы и ногъ, такъ и имъ. Ноги добродѣтели—смиренномудріе; а глава—любовь. И всякая добродѣтель, которая бываетъ безъ смиренія и любви,

безполезна есть и тщетна. Совокупность добродѣтелей можно еще уподобить колоннѣ, которой основаніемъ служитъ смиренномудріе, и верхомъ (капителію) любовь, которая есть престолъ Божій. Подъ любовію находятся благоутробіе, состраданіе, милостивость, щедродательность, незлобіе, великодушіе, благотворительность и человѣколюбіе, которыя вмѣстѣ съ нею человѣка дѣлаютъ богомъ по благодати. Окрестъ же смиренномудрія стоятъ послушаніе, терпѣніе, признаніе человѣческой немощи, благодареніе Богу за все, все почитая благодѣяніемъ, коимъ Онъ благодѣтельствуетъ намъ, т. е. и десное и шуее, славу и безчестіе, здоровье и болѣзнь, богатство и бѣдность, и прочее. Тамъ же, гдѣ есть благодареніе, есть и зрѣніе Бога, а кто зритъ красоту Божію, какъ возможно, чтобъ онъ не возлюбилъ самого Бога, всякую красоту и доброту превосходящаго, источникъ всякой доброты? Кто же любитъ Бога, тотъ строго исполняетъ заповѣди Его, изъ коихъ первою, послѣ любви къ Богу, стоитъ, да любимъ другъ друга, и та первая не бываетъ безъ сей второй, какъ говоритъ Писаніе: *не любяй брата, егоже видѣ, Бога, егоже не видѣ, како можетъ любити* (1 Іоан. 4, 20)? Такимъ образомъ и смиренномудріе востекаетъ къ любви и блюдетъ ее, и любовь содержитъ смиренномудріе и утверждаетъ его.

Смиренномудріе, какъ я сказалъ, есть какъ-бы ноги, которыя носятъ и голову и все тѣло; а любовь есть какъ-бы престолъ херувимскій, носящій Бога, возсѣдящаго на немъ: ибо на ней почиваетъ Богъ; сама же она въ свою очередь носима бываетъ смиренномудріемъ, какъ ногами, вмѣстѣ со всѣмъ тѣломъ добродѣтелей. А произвольная нищета, постъ, обузданіе гнѣва и языка и всякой другой безсловесной похоти состоятъ подъ игомъ правды, которую долженъ строго соблюдать всякій благочестивый человѣкъ, чтобъ не быть неправед-

нымъ, и не только другихъ не оненравдывать, но и себя самого. Ибо неправедно стяжевать излишнее паче вещей, необходимыхъ для жизни; и изъ этихъ необходимыхъ вещей стяжевать многоцѣнныя, тогда какъ можно обойтись малоцѣнными, тоже несправедливо; равно и то, чтобъ давать чреву своему болѣе опредѣленной пищи, есть неправда; предаваться гнѣву есть безсмысліе; разговаривать съ необуздываемою дерзостію есть неразуміе; неудержимо бросаться къ похотямъ мірскимъ есть безсловесіе. Но опять и то надобно помнить, что не то есть добродѣтель, чтобъ только не дѣлать зла, хотя тотъ, кто не дѣлаетъ его, будетъ менѣе *біенъ*, сравнительно съ тѣмъ, кто дѣлаетъ. Кто дѣлаетъ зло, *біенъ будетъ много;* и тотъ, кто не дѣлаетъ его, тоже будетъ біенъ за то, что не дѣлалъ добра, но меньше. Напротивъ тотъ, кто дѣлаетъ добро, будетъ осыпанъ милостями, не въ мѣру своего добродѣланія, потому что исполнялъ только должное, но въ безмѣріе благоутробія и благости Божіей. Ибо въ законоположеніяхъ Христа Господа есть одно: *рабъ вѣдѣвый волю господина своего, и ни уготовавъ, ни сотворивъ по воли его, біенъ будетъ много* (Лук. 12, 47); и другое: *егда сотворите вся повелѣнная вамъ, глаголите, яко рабы неключими есмы: яко еже должни бѣхомъ сотворити, сотворихомъ* (Лук. 17, 10). Воспріимемъ же, братія мои, трудъ и подвигъ, чтобы со всѣмъ тщаніемъ совершенно отсѣкать отъ себя всякое зло и исполнять всѣ заповѣди Христовы, да сподобимся непрестающихъ утѣшеній въ царствіи небесномъ. Аминь.

СЛОВО ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЕ.

Тремъ страстямъ бываютъ порабощаемы люди: сребролюбію, славолюбію и сластолюбію.

Всякій человѣкъ, раждающійся въ міръ сей, тремъ бываетъ рабъ страстямъ: сребролюбію, славолюбію и

сластолюбію. Это потому, что онъ не знаетъ или забываетъ, что міръ сей есть мѣсто осужденія и праведнаго, но снисходительнаго наказанія за первое преступленіе прародителя нашего Адама, и что одна смерть есть упокоеніе отъ мучительныхъ тягостей міра. Почему, не видя впереди смерти и думая, что только и жизни есть, что настоящая, онъ съ самаго начала сей жизни начинаетъ собирать деньги и вещи, чтобъ жить безъ бѣдности и печали; успѣвая же умножить современемъ свое имущество, хочетъ быть почитаемъ и славимъ; а вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ еще только приходитъ въ возрастъ, взыскиваетъ наслажденія удовольствіями, но какъ чувственный, взыскиваетъ чувственнаго, какъ видимый — видимаго, какъ временный — привременнаго. Ибо ограничивающійся видимымъ не станетъ воззрѣвать въ невидимое; какъ наоборотъ живущій въ невидимомъ не подумаетъ воззрѣть на видимое. Но всякій раждающійся въ міръ сей видимый, если не будетъ наученъ другимъ кѣмъ, не знаетъ, что есть еще, кромѣ видимаго, и невидимое; и не только этого невидимаго не знаетъ, но не знаетъ видимаго, не знаетъ, что и самъ онъ преходящъ и привременѣнъ, и созданъ не для того, чтобъ навсегда пребывать въ этой жизни, а предназначенъ для другой, будущей и вѣчной жизни, въ семъ же мірѣ находится для того только, чтобъ воспитаться, предустроиться и приготовиться для той жизни—будущей.

Знать намъ надлежитъ, что, если случится кому быть плѣнену этими тремя страстями, то послѣ, хоть бы и захотѣлъ, не можетъ освободиться отъ нихъ самъ собою, но имѣетъ нужду въ высшей помощи и силѣ, чтобъ избавиться отъ нихъ: подобно тому, какъ птица, попавшись въ крѣпкія сѣти, не можетъ высвободиться изъ нихъ, сколько ни бейся она крыльями своими. Эти

три страсти точно суть сѣти и тенета діавола, запутываясь въ которыя попадаетъ человѣкъ во власть его; и если кто умретъ, будучи порабощенъ имъ, то пойдетъ прямо туда, гдѣ и діаволъ, поработившій его себѣ чрезъ нихъ. *Имже бо кто побѣжденъ бываетъ, сему и работенъ есть* (2 Петр. 2, 19). Такую великую силу надъ нами имѣютъ сіи страсти и потому, что предметы ихъ мы всегда видимъ предъ глазами своими, и потому, что они кажутся крайне необходимыми въ мірѣ семъ, и потому, что услаждаютъ и сластію сею влекутъ къ себѣ желанія человѣка и, возбуждая въ немъ похоти, побѣждаютъ собою, а потомъ убѣждаютъ сего, побѣжденнаго ими, думать, что за тѣмъ только и родился онъ въ міръ сей, чтобы наслаждаться ими одними.

Случается, что иной съ самаго начала жизни не бываетъ увлеченъ этими тремя страстями; впрочемъ до конца жизни не можетъ и онъ сохранить себя непобѣжденнымъ ими, но мало-по-малу современемъ побѣждается и онъ, если не поспѣшитъ занять сердца своего ничѣмъ высшимъ и сладостнѣйшимъ. У христіанъ сіе достигается тѣмъ, что они заранѣе облекаются во всеоружіе Божіе, сильное, разнообразное и многопримѣнительное, которое есть самъ Христосъ, отъ полноты Коего пріемлютъ они умную нѣкую силу, и причащаются такимъ образомъ отъ Него животворящимъ душу причащеніемъ. Ибо, которые во Христа крестятся, во Христа облекаются, и начинаютъ жить силою Его. Кто хранитъ сію благодать, тотъ силенъ бываетъ пребыть непорабощеннымъ отъ тѣхъ трехъ страстей: ибо для него явны другія истинныя блага, для которыхъ онъ родился въ міръ сей; и не только явны, но онъ и вкушаетъ ихъ, и услаждается ими съ такою сладостію, какой не доставляютъ и не могутъ доставить блага міра сего.

Если случится кому изъ христіанъ увлечься сими

страстями и поработиться имъ, тому надлежитъ опять прибѣгнуть ко Христу Господу и умолять Его; надлежитъ представить и ходатаевъ за себя, ища не того одного, чтобъ прощены были ему грѣхи сіи, но паче того, чтобъ избавиться отъ рабства симъ страстямъ, такъ какъ самъ собою онъ, хотя бы и хотѣлъ, освободиться отъ нихъ не можетъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ освободится онъ отъ сихъ страстей, дано ему будетъ удостовѣреніе, что и грѣхи его всѣ, изъ-за нихъ совершенные, прощены ему; и силу воспріиметъ онъ, чтобъ не падать болѣе въ подобные грѣхи. Такова сила вѣры нашей, таковъ законъ жизни о Христѣ Іисусѣ! И это такъ непреложно, что Карѳагенскій соборъ въ 125 правилѣ своемъ постановилъ: „аще кто речетъ, яко благодать Божія, которою оправдываются во Іисусѣ Христѣ Господѣ нашемъ, дѣйствительна къ единому токмо отпущенію грѣховъ уже содѣянныхъ, а не подаетъ сверхъ того помощи, да не содѣваются иные грѣхи, таковый да будетъ анаѳема.“

Что же это за рабство и что за тираннія сихъ трехъ страстей? Это сила нѣкая діавольская, скрытная, незамѣтно дѣйствующая, которая приводитъ душу въ такое состояніе, что она страдаетъ сими тремя страстями, а между тѣмъ думаетъ, что онѣ хороши, покоятъ ее и радуютъ, и избавляютъ отъ скорби и печали. Сама она недовольна къ тому, чтобы понять скрытый здѣсь обманъ діавольскій, если не будетъ просвѣщена свыше отъ Бога. Съ нею тоже бываетъ, что съ иною беременною женщиною, которой захочется поѣсть какой-либо смрадной и отвратительной пищи, которую она одна находитъ вкусною и пріятною. Ибо діаволъ всячески ухищряется, чтобъ не было признано, что это онъ все дѣлаетъ скрытно и посредствомъ сихъ трехъ обольщаетъ

и обманываетъ человѣка, заразившагося ими, не знающаго однакожъ таинства христіанства.

Таинство же христіанства есть сіе, что мысленная сила Божества Христова, или божественная благодать входитъ внутрь крещаемыхъ душъ, вѣры ради, а не за добрыя дѣла, и производитъ въ нихъ такое измѣненіе, что они не имѣютъ уже болѣе любви ни къ богатству, ни къ славѣ, ни къ удовольствіямъ, показывая имъ, что если любили они ихъ прежде, то не сами отъ себя, а по обольщенію и дѣйствію діавола. Въ тѣ же души, которыя бываютъ порабощены симъ страстямъ послѣ крещенія, невозможно войти опять такой благодати Божіей иначе, какъ посредствомъ истиннаго покаянія, чистосердечной исповѣди, многихъ слезъ и воздыханій изъ глубины души. Все сіе опять возвращаетъ благодать Божію въ души, изъ коихъ она удалилась было, какъ говоритъ и святый Григорій Нисскій: „уканувшая слеза равносильна купѣли и болѣзненное воздыханіе возвращаетъ *) благодать удалившуюся на время.“ Тогда злые и нечистые бѣсы, производящіе въ душахъ эту безсмысленную и безсловесную любовь къ тѣмъ тремъ страстямъ, втягивающіе въ нее и въ ней держащіе, не могши стерпѣть мысленной благодати Всесвятаго Духа, опять подаемой душамъ чрезъ таинство покаянія, убѣгаютъ, и христіанинъ дѣломъ познаетъ свободу, какую даруетъ Христосъ Господь прибѣгающимъ къ Нему и ищущимъ у Него помощи, и неперестаетъ уже благодарить Спасителя своего, благоволившаго и на немъ исполнить обѣтованіе Свое: *аще Сынъ вы свободитъ, воистину свободни будете* (Іоан. 8, 36). Получивъ же такую свободу Христову и причастившись божественныхъ таинъ тѣла и крови Его, бываетъ онъ потомъ едино съ

*) Греч. опять втягиваетъ внутрь, какъ дышущій—воздухъ.

Господомъ; и освятившись такимъ образомъ, если имѣетъ деньги, имѣетъ ихъ, какъ бы не имѣлъ, потому что начнетъ почитать ихъ тѣмъ, что онѣ есть, т.-е. прахомъ земнымъ, и если имѣетъ славу, то и ее имѣетъ, какъ бы не имѣлъ. и если имѣетъ жену, имѣетъ ее, какъ бы не имѣлъ, какъ внушаетъ Апостолъ: *да имущіи жены якоже не имущіи будутъ... и требующіи міра сего, яко не требующе* (1 Кор. 7, 29. 30). И еще: *мнѣ же да не будетъ хвалитися, токмо о крестѣ Господа нашего Іисуса Христа, имже мнѣ міръ распяся, и азъ міру* (Гал. 6, 14). Сказавъ: *имже мнѣ міръ распяся*, Апостолъ показываетъ, что, еслибъ не пришелъ Господь, не сдѣлался человѣкомъ и не принесъ Себя въ жертву за насъ, и еслибъ не благоволилъ Онъ такъ устроить, чтобъ всякій вѣрующій въ Него, преисполняясь освященія чрезъ пріятіе благодати Его, освобождался отъ узъ міра; то никто никогда и не освобождался бы отъ нихъ, т.-е. не освобождался бы отъ тѣхъ трехъ страстей, — ибо онѣ суть узы міра,—и всѣ бы погибали, ибо другаго пути ко спасенію нѣтъ и быть не можетъ.

Кто не испыталъ того, что мы сказали, не знаетъ того и не хочетъ познать, тотъ всуе почитаетъ себя вѣрующимъ во Христа, всуе носитъ имя христіанина. *Христосъ ничтоже не пользуетъ* его (Гал. 5, 2). Ибо въ такомъ случаѣ онъ еще хуже грѣшитъ и большую надъ собою власть даетъ діаволу, чтобъ одолѣвалъ его. Тщетенъ постъ его, потому что и при немъ поднимаются противъ него страсти грѣховныя и паче подавляютъ его. И когда поетъ онъ, или молитву дѣетъ, діаволъ съ большею дерзостію и насиліемъ поемлетъ умъ его отъ предстоянія Богу, такъ какъ онъ обычно предстоитъ Богу безъ должнаго вниманія, безъ страха и благоговѣйнства,—и заставляетъ его помышлять о вещахъ пустыхъ, а нерѣдко и срамныхъ, и имъ болѣе

внимать, нежели молитвамъ, произносимымъ устами его. Опять если милостыню творитъ онъ, пропадаетъ она даромъ. Кто подаетъ милостыню, а между тѣмъ не видитъ, чтобъ душа его была разрѣшена, имѣла покой и свободу отъ узъ сребролюбія, славолюбія и сластолюбія, у того очевидно милостыня безплодна, и попусту тратитъ онъ то, что раздаетъ. Кто настоящимъ образомъ подаетъ милостыню, тотъ за нее получаетъ отъ Бога великую милость, которая есть здравіе души; здравіе же души что другое есть, какъ не свобода и покой отъ тѣхъ трехъ язвъ?

И царствіе небесное изъ душъ, отходящихъ изъ сей жизни и переходящихъ туда, тѣ только принимаютъ, которыя оказываются здравыми. Врачебница для разслабленнаго и болѣзненнаго естества нашего устроена здѣсь на землѣ, и корни (врачебные) царства небеснаго находятся здѣсь же на землѣ. Но и врачебница, и врачъ и врачевство—все Христосъ Господь. Почему, если здѣсь еще въ настоящей жизни не внидетъ въ душу Христосъ и не воцарится въ ней, то не оздравѣетъ она, и нѣтъ ей надежды спасенія, заключенъ для ней входъ въ царство небесное, Надлежитъ человѣку здѣсь на землѣ родиться свыше отъ божественной благодати, и тогда возможетъ онъ увидѣть царствіе Божіе. Кто не видитъ въ себѣ царствія небеснаго, т.-е. не видитъ, что въ немъ царствуетъ Богъ, тотъ не родился еще свыше отъ божественной благодати, и надлежитъ ему всячески взыскать того, чтобъ родиться свыше, да узритъ царствіе Божіе еще здѣсь на землѣ.

Смотри еще, какое различное бываетъ проявленіе владычества этихъ трехъ тираническихъ страстей: сребролюбія, славолюбія и сластолюбія. Ибо иной между людьми бываетъ сребролюбивъ, иной славолюбивъ, а иной сластолюбивъ, и никого нельзя найти, кто бы одинъ

имѣлъ всѣ эти страсти въ превосходной степени, но обыкновенно всякій обладаемъ бываетъ преимущественно одною изъ нихъ, имѣя въ тоже время по частичкѣ и отъ другихъ двухъ. Но это не мѣшаетъ однакожъ ему, угождая одной своей страсти, приносить ей въ жертву другія. Такъ сребролюбецъ, ради умноженія стяжанія, презираетъ и славу и удовольствія: славу презираетъ, когда, ни во что ставя стыдъ и срамъ, не колеблется извлекать выгоду изъ того, что срамно и всѣми презираемо, и притомъ самымъ безстыднымъ образомъ; удовольствія презираетъ, чтобъ не ждивать на нихъ денегъ, надъ коими трясется. Славолюбецъ для славы презираетъ и деньги и удовольствія: деньги расточаетъ безъ разбору, только чтобъ его славили и хвалили; и въ удовольствіяхъ опять себѣ отказываетъ, чтобъ не посрамиться и не подпасть осужденію и безчестію. Сластолюбецъ для удовольствія презираетъ и деньги и славу: деньги блудно расточаетъ на утѣхи и удовольствія сладострастія; славу и честь охотно попираетъ, лишь бы удовлетворить срамной похоти и вкусить сей сласти низкой, какими бы безчестными дѣлами сіе ни достигалось.

Замѣть притомъ, что ни одинъ изъ этихъ трехъ не хочетъ отвратиться отъ обладающей имъ страсти, покаяться и исправиться, страхомъ ли вѣчныхъ мукъ станешь вразумлять его, или представлять ему утѣшеніе царства небеснаго: онъ и надъ адомъ смѣется, и царство небесное презираетъ.

И что еще бываетъ? Сребролюбецъ пересмѣиваетъ славолюбца и сластолюбца: славолюбца за то, что не берется извлекать выгоду изъ вещей низкихъ и безчестныхъ; сластолюбца за то, что на пустыя и мимолетныя сласти расточаетъ имѣніе свое и богатство. Славолюбецъ пересмѣиваетъ сребролюбца и сластолюбца: сребролюбца—

за то, что безъ разбора берется извлекать выгоду изъ вещей низкихъ и безчестныхъ; сластолюбца—за то, что бросаетъ себя лицемъ въ грязь изъ-за минутнаго удовольствія и покрываетъ себя безчестіемъ. Сластолюбецъ пересмѣиваетъ славолюбца и сребролюбца: славолюбца—за то, что изъ-за пустой славы, чтобъ тѣнь нѣкая безчестія не пала на него, отказываетъ себѣ въ удовольствіи и томитъ себя цѣломудріемъ; сребролюбца—за то, что мучитъ себя воздержаніемъ и довольствуется малымъ, чтобъ только не тратить безполезныхъ денегъ. Такъ каждый, обладаемъ будучи своимъ демономъ, осуждаетъ безщадно другихъ, не обращая вниманія на свою страсть, чтобъ на большую быть осуждену муку, по двумъ этимъ причинамъ,—и за то, что предается своей страсти, и за то, что осуждаетъ другихъ, когда самъ виновенъ въ подобномъ же.

Итакъ помолимся Христу Господу, единой надеждѣ нашей, да избавитъ Онъ насъ отъ этихъ трехъ язвъ и да освятитъ чувства наши, чтобъ, слушая божественныя словеса, научились мы безстрастно смотрѣть на вещи, и собираясь вмѣстѣ бесѣдовали о томъ болѣе, что ведетъ къ покаянію и сокрушенію, а не къ охуленію другихъ и осужденію. Ибо если не исцѣлимся мы отъ этихъ болѣзней душевныхъ, то тщетна вѣра въ насъ, тщетно благочестіе, тщетны постъ, молитва и милостыня. Все это бываетъ для здравія души нашей. Если же душа наша все остается нездравою, то къ чему все это? И что за вѣра у насъ во Христа? Ибо кто какъ должно вѣруетъ во Христа, тотъ имѣетъ жизнь вѣчную въ себѣ, которая есть благодать Господа нашего Іисуса Христа. Кто же вѣруетъ во Христа, а жизни вѣчной въ себѣ не имѣетъ, того тщетна и безполезна вѣра. Да взыщетъ же таковый—воспріять жизнь вѣчную, т.-е., божественную благодать, чтобъ познано было, что истинно вѣруетъ

во Христа. Кто не имѣетъ благодати Христовой, тотъ есть отъ части діавола, какъ невѣрный, потому что не есть отъ части Христа. Ибо какъ жизнь вѣчная, т.-е. божественная благодать, познается изъ вѣры, такъ и вѣра познается изъ воспріятія жизни вѣчной. Каковую да сподобимся получить и мы еще здѣсь—въ настоящей жизни, чтобъ быть причастными оной и во вѣки вѣковъ, благодатію Господа нашего Іисуса Христа, въ Котораго вѣруемъ. Аминь.

СЛОВО ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТОЕ.

1. Богъ никого не создалъ быть рабомъ другаго человѣка, тѣмъ менѣе демоновъ.

2. О безсловесномъ гнѣвѣ и похоти, изъ чего подвергается имъ человѣкъ.

3. Какъ для тѣлеснаго зрѣнія потребны здравые глаза, соразмѣрное разстояніе, чистый воздухъ и свѣтъ солнца, такъ и для умнаго зрѣнія потребно все такое мысленно.

1. Премудрый и всеблагій Богъ, для бытія въ мірѣ семъ, создалъ отца и сына, но не раба и наемника. Ни первый отецъ нашъ не былъ рабомъ, или наемникомъ, ни первый сынъ. Ибо кому бы они были рабами и наемниками? Рабство и наемничество явились уже послѣ: рабство произошло отъ вражды людей между собою, по коей начали воевать другъ противъ друга, и другъ друга порабощать; а наемничество отъ бѣдности и недостатковъ, кои одолѣвать начали слабѣйшихъ по причинѣ жадности и корыстолюбія сильнѣйшихъ. Такимъ образомъ и рабъ и наемникъ произошли отъ грѣха и зла, воцарившихся среди людей: ибо безъ насилія и бѣдности ни рабомъ никто бы не былъ, ни наемникомъ. Кому придетъ желаніе быть ими, когда рабы и наемники не то дѣлаютъ, что хотятъ и что имъ нравится, но то, что хотятъ ихъ господа? Причиною сего — діаволъ, злая умная сила, отъ Бога отступившая. Онъ развелъ злобу между людьми и обольстилъ ихъ полюбить ее. И вотъ

они вооружаются другъ на друга, думая, что удовлетворяютъ своимъ желаніямъ; и не видятъ, что тѣмъ діаволу работаютъ и у него состоятъ въ рабствѣ. Эти попранія другъ друга, эти хищенія и захваты и всякія неправды суть дѣла сего рабства. Вступившіе въ сей чинъ рабства дѣлаются безчеловѣчными, гордыми и совсѣмъ безчувственными. Не чувствуютъ они никакого къ другимъ состраданія, не чувствуютъ и своего бѣдственнаго положенія, того, что состоятъ на работѣ и въ рабствѣ у діавола. Не чувствуя же сего, не желаютъ избавленія; не желаютъ,—и не ищутъ его. И всѣ таковые, язычники ли они и безбожники, невѣрные или вѣрные христіане, по причинѣ сего рабства діаволу суть часть діаволова, далеко отверженные отъ Бога, не могущіе пребывать въ дому Его во вѣки.

Великая потребна сила, чтобъ освободить ихъ изъ рукъ діавола, поработившаго ихъ и держащаго въ своемъ рабствѣ. И другой такой силы нѣтъ и быть не можетъ, кромѣ единаго Христа Господа, Который есть сила Бога и Отца. Итакъ, кого Онъ освободитъ, тотъ воистину свободенъ бываетъ, потому что бываетъ чистъ, цѣломудръ, благъ, праведенъ, благочестивъ, человѣколюбивъ, благоутробенъ, милостивъ, кротокъ, сострадателенъ, воздержень,—словомъ сказать, бываетъ человѣкомъ, какимъ ему подобаетъ быть. Тѣ же, которые не таковы, суть или безсловесныя животныя, или демоны, хотя по внѣшности они православные христіане. Такіе христіане паче повинны и тягчайшему наказанію; и Христосъ, пришедшій избавить ихъ отъ рабства діаволу, ничтоже пользуетъ имъ, не потому чтобъ Онъ не могъ или не хотѣлъ избавить, а потому что они сами не хотятъ быть избавленными и не ищутъ Его должнымъ образомъ. Сіе избавленіе одно и есть истинная свобода, полученіе которой превосходитъ всякую силу чело-

вѣческую. Почему Христосъ, Богъ сый, и восхотѣлъ содѣлаться человѣкомъ, и для того одного умеръ, чтобъ освободить людей отъ рабства діаволу.

2. Нѣкоторые думаютъ, что человѣческое естество по природѣ страстно, по природѣ подлежитъ страстямъ, и въ доказательство того указываютъ на гнѣвъ и пожеланіе. Но дѣло не такъ есть, какъ они говорятъ: ибо гнѣвъ и пожеланіе даны Богомъ естеству человѣческому не какъ страсти, каковы они теперь, а какъ добрыя расположенія; и человѣкъ получилъ эти блага отъ благаго Бога, какъ признаки, показывающіе въ немъ разумную тварь. Если гнѣвъ и похотѣніе даны и безсловеснымъ животнымъ, то даны не въ томъ же значеніи, какъ даны они человѣку. И плоть человѣческая есть плоть, но она не одинаковаго достоинства съ плотями звѣрей и скотовъ несмысленныхъ. Даны человѣку гнѣвъ и пожеланіе, но ему данъ и умъ; и пока умъ сей былъ здравъ, пребывали въ своемъ чинѣ и эти движенія, именно: пожеланіе устремлялось къ мысленнымъ благамъ Божіимъ и ихъ вожделѣвало, а гнѣвъ (чрезъ раздраженіе, ревность) опять это же самое пожеланіе раздражалъ и приводилъ въ напряженіе, чтобъ оно съ большимъ рвеніемъ вожделѣвало оныхъ благъ божественныхъ, и мало-по-малу востекая горѣ, приблизилось къ Богу и Имъ услаждалось. Но поелику умъ нашъ занемогъ и потерялъ здравіе, которое хранило его въ должномъ порядкѣ и, какъ больной и поврежденный, вышелъ изъ своего чина и растлился, и сталъ, вмѣсто того чтобъ помышлять о небесныхъ благахъ, помышлять только о мірскомъ; то по сей причинѣ вожделѣваетъ онъ того, что несообразно съ нимъ, и гнѣвается неразумно, и чрезъ то уподобляется звѣрямъ и скотамъ. Но христіанинъ, который сдѣлался здравымъ по уму благодатію Христовою, опять вожделѣваетъ только Божіихъ благъ,

для которыхъ даны естеству человѣческому и гнѣвъ (—раздражительность, энергія) и пожеланіе. Тотъ же христіанинъ, который не таковъ, еще не сдѣлался христіаниномъ, и пусть онъ не обманываетъ себя.

Такимъ образомъ гнѣвъ и пожеланіе не первоначально суть страсти, но стали таковыми вслѣдствіе потери умомъ нашимъ здравія. Отъ этого гнѣвъ сталъ безсловеснымъ и пожеланіе безсмысленнымъ. Но какъ же это сдѣлалось? Душа, какъ умная сила, единична и проста и не сложена изъ разныхъ частей, чтобъ могла страдать вслѣдствіе какой-либо недолжной перемѣны въ нихъ,—какъ тѣло, сложенное изъ четырехъ стихій, по необходимости страдаетъ отъ излишества или оскудѣнія какой-либо изъ нихъ сверхъ мѣры. Простая и несложная душа не можетъ подобнымъ образомъ заболѣть и страдать. Какъ же заболѣваетъ она и страдаетъ? Отъ измѣненія ея помысловъ и стремленій, когда, будучи умною силою, устремляется она къ безсловеснымъ пожеланіямъ и неразумному гнѣву. Это же отъ чего бываетъ? Это бываетъ отъ сторонняго вліянія. Есть иныя мысленныя силы, демоны, которые мысленно приближаются къ душѣ и искушаютъ ее, возмущая ея естественныя движенія: ибо она всегда находится въ движеніи, будучи по естеству приснодвижна. Такъ, когда душа хочетъ зрѣть право, демоны наводятъ нѣкій мысленный мракъ и мѣшаютъ ей зрѣть право и непогрѣшительно, но призраки и фантазіи принимать за истину. Такъ же возмущаютъ они и пожеланія, обращая ихъ на недолжное чрезъ прельщеніе призрачными благами. Такъ совершилось первое паденіе; такъ и теперь грѣшатъ и заблуждаются люди.

По причинѣ преступленія Адамова разстроились силы естества человѣческаго, т.-е. умъ, желаніе, чувство. Почему можетъ онъ умствовать, но умствуетъ неправо;

можетъ желать, но желаніями неразумными; можетъ являть ретивость (— гнѣвъ, раздраженіе, рвеніе), но безсмысленно. Отъ сего мысли и помышленія его, то, какъ онъ о чемъ думаетъ и какъ что представляетъ, и то, что и какъ чувствуетъ, все это криво и ошибочно. Врагъ нашъ діаволъ съ клевретами своими бѣсами, произведшій первое паденіе, мысленно втѣсняется въ сіе наше внутреннее настроеніе, паче и паче возмущаетъ его, и держа насъ въ немъ, какъ въ облакѣ какомъ мрачномъ, заставляетъ во всемъ творить его хотѣнія на пагубу самимъ себѣ.

Врачуетъ насъ отъ такой болѣзни душевной всеблагодатная Господа нашего Іисуса Христа баня пакибытія, которая возстановляетъ въ свой чинъ всѣ способности души и, давая имъ достодолжное направленіе, исполняетъ силою слѣдовать по нему. Чтобъ видно было, какъ и куда слѣдовать, для сего въ Евангеліи и Апостолѣ прописаны законы и правила, по коимъ присноджвижная душа можетъ приводить въ гармонію и держать въ чинѣ и порядкѣ всѣ движенія разнообразныхъ силъ своихъ, ясно усматривая, что право и что неправо во всѣхъ отношеніяхъ. Послѣ же того, какъ долгимъ опытомъ навыкнетъ она право зрѣть и право шествовать, отразивъ и далеко отъ себя отогнавъ діавола, докучавшаго ей непрестанно своими превратными внушеніями, т.-е. послѣ того какъ уразумѣетъ всякую истину и украсится всякою добротою, и будетъ всегда заниматься лишь подобающимъ ей и углубляться въ то,— привлекаетъ она наконецъ къ себѣ самого законодателя Бога, и Онъ пришедши упокоевается въ ней, исполняя оное предивное обѣтованіе Господа Спасителя, Который сказалъ: *аще кто любитъ Мя, слово Мое соблюдетъ: и Отецъ Мой возлюбитъ его, и къ нему пріидемъ и обитель у него сотворимъ* (Іоан. 14, 23). И вотъ тайна истин-

ной духовной жизни, которой не могла познать вся мудрость міра сего, по сей причинѣ именуемая безсловеснымъ пастбищемъ, ибо разумная пища души есть именно это благодатно-духовное таинство.

3. Каждому изъ насъ надлежитъ знать Бога, самого себя и демоновъ: Бога знать, что Онъ есть Господь и Властитель всяческихъ, и что единъ Онъ можетъ спасти; себя знать, что безсиленъ въ мысленной брани; демоновъ, что они суть тайные враги наши, и что они воюютъ противъ насъ посредствомъ насъ же самихъ, что очень странно.

Какъ для тѣлеснаго зрѣнія, для того, чтобы съ вѣрною точностію разсмотрѣть то, на что оно смотритъ, нужны четыре вещи,—здоровые безъ всякаго поврежденія, глаза, цѣлесообразное ихъ движеніе и направленіе, соразмѣрное разстояніе между ними и предметомъ, чистый воздухъ и свѣтъ солнца, освѣщающій наблюдаемое; такъ и для мысленнаго зрѣнія душевнаго потребны: умъ совершенный, цѣлесообразное его движеніе и устремленіе или созерцаніе, какъ уздою, страхомъ Божіимъ удерживаемое на единомъ, чтобъ не переходило отъ него къ неумѣстнымъ воображеніямъ, и чистый мысленный воздухъ, который бы освѣщаемъ былъ истиннымъ свѣтомъ, просвѣщающимъ всякаго человѣка, вступающаго въ міръ добродѣтелей. Свѣтъ сей всюду проникаетъ и вездѣ свѣтитъ, и нѣтъ никакой преграды, которая могла бы пресѣкать его освѣщеніе. При всемъ томъ однакожъ для душъ невѣрныхъ онъ не виденъ, и виденъ только однимъ тѣмъ, которыя вѣрны Христу. Вѣрныя же воистину души суть тѣ, которыя послѣ святаго и божественнаго крещенія ни въ чемъ не преступаютъ ни одной заповѣди Бога и Спаса нашего Іисуса Христа, и могутъ потому съ чистою совѣстію пѣть съ Давидомъ, говоря: *ко всѣмъ заповѣдемъ Твоимъ направляхся, всякъ путь*

неправды возненавидѣхъ (Псал. 118, 128). Такимъ образомъ вѣрность заповѣдямъ служитъ чертою раздѣленія между вѣрнымъ и невѣрнымъ. Ибо какъ въ каждомъ исполненіи заповѣди Христовой видится вѣра и исповѣданіе Христа Господа, такъ во всякомъ нарушеніи заповѣди Его находится невѣріе въ Него и отреченіе отъ Него.

Такимъ вѣрнымъ душамъ, всегда неуклонно исполняющимъ повелѣнія и законы Господа, Онъ, по мѣрѣ вѣры ихъ и по мѣрѣ ихъ Ему повиновенія, даетъ чистое и вѣрное умное зрѣніе. Это зрѣніе, о коемъ я говорю, есть знаніе, коимъ вѣрно знаютъ, что есть истинно добро, и что не есть истинно добро, что есть истинно зло, и что не есть истинно зло, чтобъ не смотрѣть на пагубу душъ, какъ на спасеніе, и на спасеніе, какъ на пагубу, или не почитать истинно злое истинно добрымъ, и наоборотъ истинно доброе истинно злымъ; но чтобъ какъ, когда видимъ золото разсыпанное, бѣжимъ подбирать его, и когда видимъ пропасть, бѣжимъ отъ нея, чтобъ не упасть въ нее, такъ и когда увидимъ въ чемъ волю Божію, съ желаніемъ устремлялись къ тому, и когда увидимъ грѣхъ, бѣжали отъ него, чтобъ не пасть въ него и не сокрушились кости наши, т.-е. силы души нашей, и мы не сдѣлались безсильными болѣе стоять ни въ цѣломудріи, ни въ правдѣ, но падши, какъ немощные и разслабленные, не начали валяться въ нечистотахъ и любостяжаніяхъ, не чувствуя совсѣмъ бѣды своей и не скорбя о горестномъ состояніи своемъ, а паче радуясь тому, какъ несмысленные и потерявшіе умъ.

Ибо какъ для того, чтобы видѣть видимыя твари, потребенъ чувственный свѣтъ; такъ и для того, чтобъ видѣть мысленныя вещи, потребенъ свѣтъ умный. Почему есть два свѣтила, которыя свѣтятъ: свѣтило чувственное и видимое—солнце, дающее свѣтъ для очей тѣлес-

ныхъ, чтобъ видѣли чувственное и видимое, и свѣтило умное, солнце правды, Господь нашъ Іисусъ Христосъ, подающій свѣтъ умнымъ очамъ душевнымъ, чтобъ мысленно видѣли мысленное и невидимое. И какъ, если не возсіяетъ сіе чувственное солнце, нельзя видѣть, гдѣ гладкія и ровныя мѣста, гдѣ чистые пути; такъ и если не возсіяетъ умное наше солнце, нельзя видѣть стремнинъ зла и ровныхъ путей правды, красящихся повелѣніями Божіими.

Посему, если какой христіанинъ идетъ путемъ зла и дѣлаетъ все одни злыя дѣла, или большею частію злыя, таковый еще не сдѣлался христіаниномъ: ибо христіанинъ, какъ только окрестится, тотчасъ исполняется божественнымъ свѣтомъ; почему есть и именуется просвѣщеннымъ. Просвѣщенный идетъ при свѣтѣ и видитъ стремнины и преткновенія; а кто не видитъ ихъ, значитъ не имѣетъ свѣта, не просвѣщенъ: какъ же можно почесть его христіаниномъ? Если онъ и говоритъ, что видитъ, то лжетъ. Еслибъ видѣлъ, не падалъ бы въ пропасти зла. Видитъ и онъ, но видитъ, какъ непросвѣщенные, т.-е, некрещеные. Ибо и эти различаютъ добро отъ зла, и однакожъ не избѣгаютъ зла, потому что не видятъ ясно, въ чемъ главнымъ образомъ состоитъ добро, и въ чемъ главнымъ образомъ состоитъ зло. Такимъ образомъ кто не видитъ ясно и несмутно, что добро и что зло, тотъ еще нехристіанинъ.

Да восподвизается же таковый въ стенаніяхъ, слезахъ и поцеліяхъ, въ покаяніи и молитвѣ придти къ истинному и совершенному Свѣту, просвѣщающему всякаго человѣка, грядущаго въ міръ добродѣтелей, чтобъ Онъ, уврачевавъ умныя очи его и укрѣпивъ естественныя силы души, далъ ему возможность право видѣть *благую, угодную и совершенную волю* Божію, и исполнять ее съ великою готовностію и теплымъ желаніемъ. И вообще,

которые не чувствуютъ умно богодѣйственной силы, пріемлемой въ купели святаго крещенія, которая именуется и есть баня пакибытія, истиннаго обновленія и всецѣлаго возсозданія падшаго естества нашего, таковымъ потребно взыскать святыхъ и просвѣтительныхъ мужей духовныхъ, сдѣлать имъ чистосердное исповѣданіе, упросить ихъ, чтобы научили ихъ, что имъ должно знать и что дѣлать, какъ христіанамъ, принять отъ нихъ молитву (разрѣшительную на исповѣди) и благословеніе съ возложеніемъ честныхъ рукъ ихъ, и такимъ образомъ воспріять опять божественную благодать (обновленія). Ибо если естественныя силы души не будутъ очищены отъ скверноть и срамотъ, какими онѣ завалены по причинѣ грѣховъ, и если не получатъ затѣмъ должнаго врачеванія, преобразованія и укрѣпленія, то съ ними нѣтъ никакой возможности исполнять волю Божію. Больное и немощное прежде должно быть уврачевано и укрѣплено, чтобъ быть гожимъ на служеніе; потому что пока что больно, дотолѣ оно ни къ чему не гоже.

Отъ незнанія того, о чемъ мы теперь говорили, многіе христіане, несмотря на то что въ великихъ подвизаются подвигахъ, все еще остаются немощными и больными, и, выходитъ, трудятся напрасно. Многіе такъ и умираютъ неисправленными и неуврачеванными, и тамъ конечно должны бываютъ испытывать огнь вѣчнаго осужденія, отъ коего да избавимся всѣ мы благодатію Господа нашего Іисуса Христа, Емуже подобаетъ всякая слава, честь и поклоненіе, со безначальнымъ Его Отцемъ и Пресвятымъ Духомъ, во вѣки. Аминь.

СЛОВО ДВАДЦАТЬ ПЯТОЕ.

1. О страстномъ, невѣрномъ и лукавомъ или злomъ настроеніи.
2. Въ чемъ состоитъ единеніе Бога съ сынами свѣта, и какъ оно происходитъ?

1. Тьма, братія мои, никогда никакого не имѣетъ общенія со свѣтомъ, но они противоположны. Въ началѣ, когда Богъ сказалъ: *да будетъ свѣтъ*, то какъ только явился свѣтъ, тьма тотчасъ исчезла; и опять какъ только скрывается свѣтъ, тотчасъ появляется тьма. Подобнымъ образомъ невѣріе противоположно вѣрѣ, невѣдѣніе—знанію, ненависть—любви. Адамъ все время, какъ хранилъ вѣру, которую имѣлъ къ Богу, находился въ раю и въ жизни безсмертной. Но когда развратился прелестію врага рода человѣческаго—діавола, и впалъ въ невѣріе, то осужденъ былъ на смерть и изгнанъ изъ рая,—и вмѣсто божественнаго и духовнаго вѣдѣнія, воспринялъ знаніе плотское и страстное. Ибо когда омрачились умныя очи души его, кои суть умъ и мысль, тогда прозрѣлъ онъ плотскими очами и началъ смотрѣть на видимое страстно. Еслибъ не отпалъ онъ отъ вѣдѣнія и сообщенія Бога, то не ниспалъ бы въ это страстное знаніе, которое есть совершенное невѣдѣніе истиннаго добра.

Тѣ, которые находятся въ прародительской тьмѣ, съ какою родились, т. е. въ этомъ плотскомъ и страстномъ вѣдѣніи, и не хотятъ богодарованными способами своими къ вѣдѣнію умнаго свѣта, т. е. къ божественному вѣдѣнію, изъ котораго ниспалъ Адамъ, почитаютъ непріятелями и врагами себѣ тѣхъ, кои вновь раждаются духовно отъ умнаго онаго свѣта и ведутъ бесѣды о дѣлахъ свѣта; потому что такія рѣчи сильно уязвляютъ ихъ и ранятъ. Какъ лучъ солнца, входя сквозь ка-

кое-либо отверстіе въ темный домъ, бьетъ нѣкоторымъ образомъ будто стрѣлою ту тьму и разгоняетъ ее, такъ и слова богопросвѣщеннаго духовнаго и преподобнаго мужа бываютъ какъ бы мечемъ обоюду острымъ для сердца человѣка плотскаго, причиняютъ ему боль и муку, и подвигаютъ на противорѣчіе и ненависть къ говорящему ихъ, по причинѣ невѣдѣнія и невѣрія слышащаго. Если же кто изъ такихъ имѣетъ еще высокое о себѣ мнѣніе и почитаетъ себя многознающимъ, хотя поистинѣ ничего не знаетъ какъ слѣдуетъ, то онъ и Ангела, еслибъ онъ сошелъ къ нему съ неба, прогонитъ. Хоть Апостола увидитъ онъ, хоть пророка, отвращается отъ него, какъ отъ заблуждающагося и другихъ вводящаго въ заблужденіе. О, какое безуміе! Слѣпой почитаетъ слѣпымъ того, кто видитъ, и поистинѣ лжесловесникъ почитаетъ лживыми слова духовнаго и божественнаго мужа Слѣпой, когда кто ночью говоритъ ему, что теперь солнце не свѣтитъ, или среди дня, что теперь не ночь,—не вѣритъ тому, а думаетъ, что его обманываютъ или посмѣиваются надъ нимъ, и сколько ни толкуй ему, что день свѣтелъ, а ночь темна, какъ это и на дѣлѣ есть, не можетъ взять того въ толкъ, потому что слѣпъ и ничего не видитъ. Такъ и тѣ, которые находятся во тьмѣ страстей, у которыхъ умъ омраченъ невѣдѣніемъ о вещахъ духовныхъ,—или, прямо говоря, тѣ, которые не имѣютъ ума Христова (а умомъ Христовымъ я называю Духъ Христовъ, т. е., благодать Всесвятаго Духа, просвѣщающую и подающую духовное божественное вѣдѣніе), почитаютъ несмысленнымъ того, кто имѣетъ умъ Христовъ, а того, кто не имѣетъ ума Христова, т. е. божественнаго онаго вѣдѣнія и сокровенной премудрости, почитаютъ здравомыслящимъ, потому что обладаетъ человѣческимъ вѣдѣніемъ и внѣшнею мудростію. О таковыхъ добрѣ говоритъ пророкъ

Давидъ: *вкупѣ безумень и несмыслень погибнутъ* (Пс. 48, 11).

Таковые извращаютъ и вкривь перетолковываютъ все Божественное Писаніе по похотямъ своимъ, и нѣкоторымъ образомъ растлѣваютъ его страстями своими, хотя при семъ не Божественное Писаніе растлѣвается, а растлѣваются они сами—кривотолкователи его. Итакъ эти, не имѣющіе праваго сужденія о вещахъ, но омраченные страстями и по гордости не принимающіе наставленія отъ другихъ, какъ возможно, скажи мнѣ, чтобъ они сами собою постигли и уразумѣли божественное и духовное? Какъ слѣпой и невидящій свѣта солнечнаго не можетъ читать писменъ, свѣтомъ освѣщенныхъ, такъ и тотъ, кто слѣпъ умомъ и не имѣетъ ума Христова, никакъ не можетъ понять и уразумѣть вещей, кои суть во свѣтѣ Христовомъ, и хоть бы онъ тьмы разъ перечитывалъ написанное о нихъ въ Божественныхъ Писаніяхъ, невозможно, какъ думаю, чтобъ онъ усмотрѣлъ что-нибудь и что-либо понялъ въ духовномъ, невещественномъ и свѣтовомъ, будучи самъ овеществленъ и омраченъ.—И да не прельщаетъ васъ кто-либо изъ таковыхъ!

2. Богъ свѣтъ есть и сообщаетъ отъ свѣтлости Своей тѣмъ, съ коими соединяется, по мѣрѣ очищенія ихъ. И тогда погасшая лампада души, т. е. омраченный умъ, познаетъ, что зажглась и засвѣтилась, потому что объялъ ее божественный огнь. О, чудо! Человѣкъ соединяется съ Богомъ духовно и тѣлесно; потому что душа его при семъ не отдѣляется отъ ума, ни тѣло отъ души. Такъ какъ Богъ вступаетъ въ единеніе со всѣмъ человѣкомъ, т. е. съ его душею и тѣломъ, то и сей содѣлывается тройственнымъ,—какъ бы тріипостаснымъ по благодати,—изъ тѣла, души и Божественнаго Духа, отъ Коего пріялъ благодать. Тогда исполняется сказанное

царепророкомъ Давидомъ: *Азъ рѣхъ: бози есте и сынове Вышняго* (Пс. 81, 6). Сынове Вышняго, по образу, т. е, Вышняго и по подобію, такъ какъ сподобились быть порожденіями божескими отъ Божественнаго Духа.

Къ таковымъ пристойно сказалъ и всегда говоритъ Христосъ: „будьте во Мнѣ, да плодъ многъ принесете“ (Іоан. 15, 4),—многимъ плодомъ называя множество людей, чрезъ нихъ обрѣтающихъ спасеніе. И еще говоритъ: „розга, если не будетъ на лозѣ, изсыхаетъ и въ огнь ввергается. Будите убо во Мнѣ и Азъ въ васъ“ (Іоан. 15, 6. 4). А что Христосъ пребываетъ въ насъ и мы въ Немъ, сему самъ Онъ учитъ, когда говоритъ: *якоже Ты, Отче, во Мнѣ, и Азъ въ Тебѣ, да и тіи въ Насъ едино будутъ* (Ін. 17, 21). И желая полнѣе представить сіе, снова беретъ слово и говоритъ: *Азъ въ нихъ и Ты во Мнѣ, да будутъ совершени во едино* (—23). Для большаго же еще убѣжденія слушавшихъ, говоритъ и сіе: *и Азъ славу, юже далъ еси Мнѣ, дахъ имъ, да будутъ едино, якоже Мы едино есмы..., да разумѣетъ міръ, яко.... возлюбилъ еси ихъ, якоже Мене возлюбилъ еси* (—22. 23). Очевидно теперь, что какъ Отецъ по естеству пребываетъ въ Сынѣ и Сынъ во Отцѣ, такъ и тѣ, которые истинно увѣровавъ, родились снова отъ Духа Святаго и сдѣлались братьями Христу и Богу по дару Его и сынами Божіими, пребываютъ въ Богѣ и Богъ въ нихъ, по благодати.

Которые же не сдѣлались таковыми и всецѣло не измѣнились дѣяніемъ, разумомъ и созерцаніемъ,—такіе какъ не стыдятся говорить, что они христіане? Какъ дерзаютъ они отверзать уста свои и безъ стыда возвѣщать сокровенныя тайны Божіи? Какъ не стыдятся они ставить себя въ число истинныхъ христіанъ и духоносныхъ мужей, не имѣя ничего въ себѣ духовнаго, и не только радѣнія, но и помышленія о томъ не имѣя?

Какъ нѣкоторые изъ такихъ не трепещутъ вступать на степень діаконства и іерейства и священнодѣйствовать пречистое Тѣло и Кровь Господа? Поистинѣ недоумѣваю.—Конечно слѣпота ума и сопутствующее ей нечувствіе и невѣдѣніе, и раждающееся отъ нихъ самомнѣніе, дѣлаютъ то, что такіе попираютъ, какъ прахъ, истинное золото и многоцѣнный камень, Господа нашего Іисуса Христа. Но горе таковымъ за эту ихъ страшную дерзость, по коей осмѣливаются они восходить на такія степени, съ такою великою богонебоязненностію и небреженіемъ о божественныхъ вещахъ, какъ будто малыхъ и ничтожныхъ,— и это для того только, чтобъ казаться выше другихъ. И кто послѣ сего будетъ называть ихъ христіанами?

Это сказали мы для тѣхъ, которые говорятъ, что знаютъ все это, и думаютъ о себѣ, что значатъ что-нибудь, тогда какъ ничего не значатъ, и какъ на картинѣ представили имъ въ настоящемъ словѣ, что такое суть истинные христіане, чтобъ они сличили себя съ этимъ первообразомъ и познали, сколь далеки они отъ истинныхъ христіанъ.—Что же касается до васъ, рабы Христовы, которые любите поучаться и всегда уготованнымъ имѣете слухъ, да слышите,—то самъ Владыка всяческихъ Христосъ во святомъ Евангеліи взываетъ къ вамъ, говоря: *дондеже свѣтъ имате,* теките ко свѣту, *да тма васъ не имета* (Іоан, 12, 35): теките покаяніемъ, теките стезями заповѣдей Христовыхъ, теките, пока стоитъ время возсіяванія сего свѣта, прежде чѣмъ постигнетъ васъ ночь смерти и отосланы будете въ вѣчную тьму. Теките, ищите, толцыте, да отверзется вамъ дверь царства небеснаго, и внидете въ него, обрѣтши его внутрь васъ самихъ, какъ говоритъ Господь: *царство Божіе внутрь васъ есть* (Лук. 17, 21). Ибо тѣ, которые умираютъ. прежде чѣмъ стя-

жутъ царствіе небесное, гдѣ и когда они обрѣтутъ его, когда отходятъ туда, гдѣ всегдашняя тьма?—Итакъ здѣсь въ сей жизни повелѣно намъ взыскать его и обрѣсти, толкая въ двери его посредствомъ покаянія и слезъ. И если будемъ такъ дѣлать, Христосъ обѣщаетъ намъ даровать сіе царствіе; а если не станемъ такъ дѣлать, не послушаемъ Владыки нашего Христа и не потщимся, пока еще находимся въ жизни сей, принять отъ Него царствіе небесное внутрь себя самихъ, то, когда отойдемъ туда, услышимъ отъ Христа такія слова, которыя Онъ праведно скажетъ намъ: что ищете здѣсь то, что не хотѣли взять, когда Я давалъ вамъ то въ свое время и въ своемъ мѣстѣ? Не умолялъ ли Я васъ много разъ: потрудитесь немного, и Я дамъ вамъ царство небесное, а вы не хотѣли, и презрѣли его, предпочетши ему земное и тлѣнное?—Теперь же что ищете? Какими дѣлами можете вы стяжать его здѣсь отъ сего часа и далѣе, когда теперь не время дѣланія, а время воздаянія?

Сего ради прошу васъ, братія мои, будемъ со всею готовностію и со всѣмъ тщаніемъ соблюдать заповѣди Христовы, чтобъ сподобиться и жизни и царства вѣчнаго, и не услышать вмѣсто того, здѣсь въ настоящей жизни, такого присужденія: *иже не вѣруетъ въ Сына, не узритъ живота, но гнѣвъ Божій пребываетъ на немъ* (Ін. 3, 36), а въ будущей такого приговора: *не вѣмъ васъ, откуду есте, отступите отъ Мене* (Лук. 13, 27); но услышать утѣшительный гласъ: *пріидите благословеніи Отца Моего, наслѣдуйте уготованное вамъ царствіе отъ сложенія міра* (Мѳ. 25, 34). Исполненіемъ заповѣдей Моихъ вы напитали, напоили и упокоили Меня, алкавшаго, жаждавшаго и искавшаго спасенія вашего, и пришли ко Мнѣ, очистивъ сердца ваши отъ всякой скверны и нечистоты грѣха. Насладитесь же теперь благами Моими, наслажденіемъ неизреченнымъ, въ коемъ

жизнь вѣчная и безсмертная, которую да будетъ улучить всѣмъ намъ благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, Коему слава и держава, со Отцемъ и Святымъ Духомъ, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

СЛОВО ДВАДЦАТЬ ШЕСТОЕ.

О покаяніи и противъ тѣхъ, которые криво толкуютъ слѣдующія слова божественнаго Павла: *ихже предувѣдѣ, тѣхъ и предустави,* и проч. (Рим. 8, 29 и д.).

Отъ многихъ людей слышу, которые говорятъ, что поелику Богъ, какъ говоритъ божественный Павелъ, предувѣдѣлъ имѣющихъ спастися, и предопредѣлилъ ихъ, и призвалъ, и прославилъ, то какая мнѣ польза поднимать всякій трудъ, показывать свое обращеніе и покаяніе, если я не предувѣдѣнъ Богомъ и не предопредѣленъ, да спасенъ буду?—Таковымъ вотъ что надлежитъ сказать въ отвѣтъ.—О братія мои! чего ради помышляете вы не то, за что спасены быть можете, а то, за что подлежите мученію? Зачѣмъ берете вы изъ святаго Писанія лишь неудобопонятныя слова, криво ихъ толкуете и превратно понимаете къ погибели души вашей? Не слышите развѣ, какъ самъ Господь каждый день взываетъ: *живу Азъ, не хощу смерти грѣшника, но еже обратитися нечестивому отъ пути своего и живу быти ему* (Іезек. 33, 11)? Не слышите ли, что и еще говоритъ Онъ: *покайтеся, приближися бо царство небесное* (Мѳ. 4, 17)?—И опять: *радость будетъ на небеси о единомъ грѣшницѣ кающемся* (Лук. 15, 7)? Или можетъ быть Онъ сказалъ гдѣ-либо — однимъ: вы и не кайтеся, потому что Я васъ не приму,—а другимъ, т.-е. предопредѣленнымъ: вы кайтеся, потому что Я имѣю васъ предопредѣленными?—Нѣтъ и нѣтъ. Не сказалъ и

никогда не скажетъ такъ Господь; напротивъ каждый день въ каждой церкви вопіетъ Онъ на весь міръ: *пріидите ко Мнѣ вси труждающіися и обремененніи и Азъ упокою вы* (Мѳ. 11, 28). Пріидите, говоритъ, обремененные грѣхами, къ Тому, Кто вземлетъ грѣхи всего міра. Жаждущіе спасенія притецыте къ вѣчно біющему и неизсякаемому Источнику спасенія. Исключилъ ли Онъ здѣсь кого-нибудь, и одного какъ предувѣдѣннаго позвалъ, чтобы шелъ къ Нему, а другаго отогналъ, какъ непредувѣдѣннаго? Никакъ нѣтъ.

Потому, братія мои, не покушайтесь *непщевати вины о грѣсѣхъ*, не придумывайте предлоговъ къ оправданію своего нерадѣнія и своей поблажки грѣхамъ, и отъ словъ Апостола не берите повода къ своей погибели; но всѣ и малые и большіе теките ко Христу Господу, васъ призывающему. Блудный ли сынъ есть кто, или мытарь, блудница или разбойникъ, или другое что бы то ни было подобное, Владыка Христосъ ни отъ кого не отвращается, но тотчасъ снимаетъ съ него ношу грѣховъ его и дѣлаетъ его свободнымъ отъ нихъ. Какъ же снимаетъ эту ношу? Такъ же, какъ нѣкогда снялъ Онъ ее съ разслабленнаго, говоря ему: *дерзай чадо, отпущаются тебѣ грѣси твои* (Мѳ. 9, 2). Съ этимъ словомъ разслабленный тотчасъ облегчился отъ ноши своей, и тѣло его воспріяло здравіе. Итакъ да прибѣгаетъ къ Нему всякъ, кто хочетъ. Одинъ пусть взываетъ: *сыне Давидовъ помилуй мя!* И когда услышавъ то, Онъ спроситъ: *что хощеши, да сотворю* тебѣ, пусть отвѣчаетъ: *Господи, да прозрю,* — и тотчасъ услышитъ отъ Господа: *прозри,* и—прозритъ (Мар. 10, 48 и д.). Другой пусть говоритъ: *дщи моя*, душа, *злѣ бѣснуется*, и услышитъ отъ Него: *Я пришедши исцѣлю ее* (Мѳ. 15, 22; 8, 7). Если кто нерадивъ и не хочетъ самъ о себѣ тещи ко Христу, по крайней мѣрѣ когда увидитъ

Его идущимъ къ Себѣ и посредствомъ учителей и проповѣдниковъ Евангелія говорящимъ ему: *гряди по Мнѣ*, пусть идетъ въ слѣдъ Его, подобно Матѳею мытарю (Мѳ. 9, 9), оставя мытницу свою, т.-е. любоиманія. И я увѣренъ, что Онъ сдѣлаетъ его изъ мытаря евангелистомъ. Хоть бы кто, подобно тридцатиосмилѣтнему разслабленному, долгіе годы лежалъ на одрѣ сластолюбія и безпечности, и увидитъ, что Владыка Христосъ—или мысленно воздѣйствіемъ благодати, или въ лицѣ какого-либо духовнаго мужа, грядетъ къ нему и говоритъ: *хощеши ли здравъ быти?* да воспріиметъ тотчасъ слово съ радостію и скажетъ: ей, Господи, хощу, но человѣка не имамъ, который ввергъ бы меня въ купель покаянія; и если Господь скажетъ ему: встань, возьми одръ твой и гряди въ слѣдъ Меня,—да возстанетъ съ готовностію и да грядетъ со тщаніемъ по стопамъ Того, Кто такъ свыше воззвалъ его.

А если кто не хочетъ возлюбить Христа, какъ возлюбила Его блудница, или обратиться къ Нему съ теплымъ покаяніемъ, какъ блудный сынъ, или притещи къ Нему, какъ кровоточивая, то зачѣмъ еще *непщуетъ вины о грѣсѣхъ*,—придумываетъ предлоги къ оправданію своего грѣхолюбія,—говоря, что которыхъ предувѣдѣлъ Богъ, тѣхъ и призвалъ? Къ тому, кто придумываетъ такіе предлоги, праведно сказать можно: воистину Богъ, все отъ вѣка вѣдущій прежде событія, предвидѣлъ и тебя, что ты не захочешь послушать Его, когда Онъ позоветъ тебя, и не повѣришь обѣтованіямъ Его и словесамъ; однакожъ несмотря на то, что зналъ сіе, преклонивъ небеса, сошелъ на землю и содѣлался человѣкомъ по любви къ тебѣ, — и теперь приходитъ туда, гдѣ ты живешь во грѣхахъ своихъ, каждодневно посѣщаетъ тебя, иногда Самъ въ своемъ лицѣ чрезъ просвѣщеніе благодати Своей, а иногда чрезъ рабовъ Сво-

ихъ, призываетъ тебя, чтобъ возсталъ ты отъ паденія своего и отъ грѣха, въ которомъ валяешься, и послѣдовалъ Ему, восшедшему на небеса, и вмѣстѣ съ Нимъ вошелъ въ царство Его; но при всемъ томъ ты не хочешь того. Итакъ, скажи же мнѣ, прошу тебя, кто виновникъ твоей погибели и твоего непослушанія. Ты—непокоривый и нехотящій послѣдовать Владыкѣ своему, или Онъ, создавшій тебя, и несмотря на то, что, яко всевѣдѣцъ, предвидѣлъ, что ты не послушаешь Его и пребудешь въ своемъ жестокосердіи и нераскаянности, все же позвавшій тебя ко спасенію?—Я увѣренъ, что ты не рѣшишься отвѣтить, что Онъ виновникъ, а всячески сознаешься, что виновенъ во всемъ ты самъ.

Предвѣдѣніе Божіе не есть причина нашего ожесточенія, а наша непокоривость. Богъ все напередъ знаетъ, и что было, и что есть, и что будетъ; все знаетъ Онъ прежде событія, и видитъ то такъ, какъ бы оно было присуще и совершалось предъ лицемъ Его, потому что все отъ Бога имѣетъ свое бытіе и существованіе и все прежде бытія находится въ Его творческомъ умѣ,—первообразы всѣхъ вещей находятся тамъ внутри. Но подобно тому, какъ царь земной на зрѣлищѣ видитъ и пускающихся на перегонки, и вступающихъ въ борьбу, но не онъ бываетъ причиною ни побѣды тѣхъ, которые изъ нихъ окажутся побѣдителями, ни пораженія тѣхъ, которые окажутся побѣжденными, а ревность и стараніе побѣдителей бываетъ причиною побѣды, и лѣность и нерадѣніе побѣжденныхъ бываетъ причиною ихъ пораженія: такъ разсуждай и о Богѣ. Онъ, послѣ того, какъ почтилъ насъ самовластіемъ и далъ намъ заповѣди, научающія насъ, какъ бороться съ мысленными врагами нашими, оставилъ въ нашей уже власти, противоборствовать ли діаволу и его побѣждать, или предаваться безпечности и быть отъ него побѣждаемыми.

Впрочемъ и при этомъ Онъ не оставляетъ насъ однихъ въ борьбѣ, зная немощь человѣческаго естества, но Самъ присущь намъ бываетъ во время брани, вспомоществуетъ намъ, когда возжелаемъ бороться съ врагомъ, и таинственно подкрѣпляетъ насъ силою Своею, — такъ что болѣе Онъ побѣждаетъ врага, нежели мы. Этого земный царь не можетъ дѣлать, потому что и самъ, будучи человѣкомъ немощнымъ и слабымъ, имѣетъ нужду въ помощи своихъ подданныхъ. Но Богъ, будучи всесиленъ и непобѣдимъ, вспомоществуетъ тѣмъ, которые произволеніемъ своимъ хотятъ противоборствовать діаволу, и дѣлаетъ ихъ побѣдителями злаго діавола. А тѣхъ, которые не хотятъ противодѣйствовать діаволу и бороться съ нимъ, Богъ не принуждаетъ, чтобъ не нарушить самовластія разумнаго естества нашего, которое Онъ создалъ по образу Своему, и не низвесть насъ въ чинъ безсловесныхъ животныхъ.

Итакъ Богъ видитъ насъ свободно дѣйствующими, подобно тому, какъ земной царь видитъ подвизающихся на зрѣлищѣ. Но земной царь не знаетъ напередъ, какіе побѣдятъ и какіе побѣждены будутъ, пока не увидитъ тѣхъ и другихъ на дѣлѣ въ концѣ зрѣлища. Почему хотя и готовитъ напередъ вѣнцы, но не знаетъ, кому ихъ придется дать. А Царь небесный прежде вѣка знаетъ и тѣхъ, которые имѣютъ побѣдить, и тѣхъ, которые имѣютъ быть побѣжденными. Почему и сказалъ тѣмъ, которые просили, чтобъ одинъ сѣлъ одесную, а другой ошую Его во славѣ: *нѣсть мое дати, но имже уготовася отъ Отца Моего* (Мѳ. 20, 23). Это самое зналъ и божественный Павелъ, и праведно написалъ: *ихже предѣувѣдѣ, тѣхъ и предъустави. А ихже предъустави, тѣхъ и призва, а ихже призва, сихъ и оправда* (Римл. 8, 29 30). Такимъ образомъ не предвѣдѣніе Божіе есть причина побѣды тѣхъ, которые имѣютъ побѣдить собственнымъ произволеніемъ и рвеніемъ, или

пораженія и паденія тѣхъ, которые имѣютъ побѣждены быть и пасть по нерадѣнію и лѣности, но свободное произволеніе тѣхъ и другихъ,—ревность и мужество есть причина побѣды, а нерадѣніе и разлѣненіе причина паденія и пагубы.

Итакъ, когда предаемся мы нерадѣнію и творимъ хотѣнія плоти и міра, не слѣдуетъ намъ говорить, что которыхъ предувѣдалъ Богъ и опредѣлилъ, тѣ и спасутся, сами не понимая, что говоримъ.—Да,—правду говоришь ты, что Богъ предувѣдалъ, что ты будешь лѣнивъ, безпеченъ и нерадивъ, но не опредѣлилъ и не постановилъ, чтобъ ты не имѣлъ власти покаяться, если захочешь, встать съ одра безпечности и возревновать о спасеніи. Если будешь это говорить, то будешь тѣмъ утверждать, будто Богъ лживъ есть. Ибо, когда Господь говорилъ: *не пріидохъ призвати праведники, но грѣшники на покаяніе* (Мѳ. 9, 13), ты нѣкоторымъ образомъ противное тому говоришь—тѣмъ, что не хочешь покаяться по злоумію своему, и чрезъ то какъ бы хулу изрыгаешь, будто неложный Богъ изрекъ нѣчто ложное. Ты придумываешь такой предлогъ, что-де тѣ, которые имѣютъ покаяться, предопредѣлены,—такъ тѣ пусть и каются, которые предувѣданы и предопредѣлены; я же не изъ числа ихъ.—О, горе душѣ, которая высказываетъ такіе предлоги! Горе ей, потому что она хуже и самыхъ бѣсовъ! Слыханное ли дѣло, чтобы бѣсы когда-либо произносили такое слово? Теперь уже нечего намъ охуждать бѣсовъ, потому что вотъ и душа человѣческая нашлась такая, которая изобрѣтаетъ злохуленія худшія бѣсовскихъ.

Откуда же это ты, человѣче, узналъ, что ты не изъ числа предувѣдѣнныхъ и предуставленныхъ—сообразными быть образу Сына Божія (Рим. 8, 29)? Скажи мнѣ, кто сказалъ тебѣ это? Можетъ быть, Богъ открылъ тебѣ то особо, или самъ отъ себя прямо, или чрезъ какого

либо пророка, или чрезъ ангела? Нѣтъ, говоришь, это я самъ собою придумываю, что—ну-ка я не предувѣдѣнъ и не предуставленъ быть спасеннымъ, такъ весь мой трудъ и пропадетъ даромъ.—О неразумный человѣкъ!—И почему бы тебѣ не держать лучше въ умѣ своемъ, всею душею твоею, того, что Богъ послалъ Сына Своего единороднаго въ міръ и для тебя, для твоего собственнаго спасенія, потому что предвидѣлъ и предопредѣлилъ быть тебѣ братомъ и сонаслѣдникомъ Ему? А держа сіе въ мысли, не усердствовать и не ревновать возлюбить Его всею душею и исполнять заповѣди Его?—Вотъ и былъ бы спасаемымъ. Увѣровавъ такъ, какъ могъ бы ты далѣе не вѣровать, что Тотъ, Кто тебя ради заклался на крестѣ, никогда не захочетъ оставить тебя, никогда не попуститъ погибнуть тебѣ? Или не слышишь, какъ Онъ самъ говоритъ: мать забудетъ порожденіе чрева своего, а Я не забуду тебя (Ис. 49, 15)? Если же ты самъ себя дѣлаешь недостойнымъ царства спасаемыхъ, и произвольно худыми дѣлами отдѣляешь себя отъ спасаемаго стада овецъ Христовыхъ, самъ и смотри,—никто другой не виноватъ въ твоей погибели, кромѣ тебя самого.

Итакъ, братія мои, отринемъ всякое невѣріе, сомнѣніе и лѣность, прибѣгнемъ ко Христу отъ всего сердца съ непоколебимою вѣрою и теплымъ расположеніемъ, какъ рабы, купленные безцѣнною кровію Его; возблаговѣемъ предъ сею пречистою кровію, данною въ цѣну и искупленіе за насъ; возлюбимъ Владыку нашего Христа, давшаго ее для искупленія нашего, и воспріимемъ безмѣрную Его любовь, какую и имѣетъ Онъ къ намъ, удостовѣрившись, что еслибъ не хотѣлъ Онъ спасти всѣхъ насъ искупленныхъ честною кровію Его, то не сошелъ бы на землю и не захотѣлъ бы быть закланнымъ за насъ. Ибо, какъ написано, желая всѣмъ спастися,

содѣлалъ Онъ то, что содѣлалъ—и человѣкомъ сталъ, и распялся, и умеръ—все для спасенія всѣхъ насъ. Послушай Его самого, что говоритъ: *не пріидохъ*, говоритъ, *да сужду мірови, но да спасу міръ* (Іоан. 12, 47).

Адамъ, еще будучи въ раю, былъ призываемъ Богомъ къ покаянію, когда Богъ сказалъ ему: *Адаме, гдѣ еси?* и: *кто возвѣсти тебѣ, яко нагъ еси, аще не бы отъ древа, егоже заповѣдахъ тебѣ сего единаго не ясти, отъ него ялъ еси?* (Быт. 3, 9. 11). Но онъ не хотѣлъ покаяться, восплакать и взыскать прощенія, а что дѣлаетъ? Выставляетъ жену причиною своего неразумія и грѣха,—за что со всею правдою изгоняется изъ рая. Поелику Адамъ не восхотѣлъ тогда покаяться,—и это по наущенію злаго духа, то Богъ, пришедши на землю, всѣхъ потомковъ его призываетъ къ покаянію, говоря: *покайтеся, приближися бо царство небесное* (Матѳ. 4, 17). *Приближися*, — предъ дверьми сердецъ вашихъ и устъ вашихъ стоитъ. Отверзите вѣрою сердца свои, и оно внидетъ внутрь васъ. Тогда разверзется языкъ вашъ и вы начнете пѣть: видѣхомъ свѣтъ истинный, обрѣтохомъ вѣру истинную, пріяхомъ Духа Святаго, имѣемъ, стяжали въ сердцахъ нашихъ сокрытую жизнь вѣчную. Припомни, какъ все было. Сперва позвалъ Богъ Іудеевъ, но они не захотѣли идти; потомъ сталъ звать чрезъ Сына Своего всѣ языки, и они послушали и притекли къ Нему,—что и означаетъ сказанное Имъ въ притчѣ относительно Апостоловъ: *изыди скоро на распутія и стогны града, и нищія и бѣдныя, и слѣпыя и хромыя введи сюмо* (Лук. 14, 21),—гдѣ подъ городомъ разумѣется міръ весь, подъ распутіями и стогнами роды языковъ, во всѣхъ странахъ живущіе, подъ нищими, бѣдными, слѣпыми и хромыми — ослѣпленные богоневѣдѣніемъ и сокрушенные многими и разными паденіями и грѣхами. Итакъ всѣхъ призываетъ Богъ отъ востока до запада, и Іудеевъ и Еллиновъ.

Богъ предвидѣлъ и упорство, какое имѣли показать Іудеи невѣріемъ, и обращеніе, которое имѣли явить языки вѣрою; при всемъ томъ отъ вѣка предопредѣлилъ, что всѣ, которые захотятъ, Іудеи ли то или Еллины, всѣ, которые захотятъ увѣровать и креститься во имя Отца и Сына и Святаго Духа, и вкушать пречистое тѣло Сына Его, и пить честную кровь Его, — всѣ такіе будутъ оправданы и очищены отъ грѣховъ и сдѣлаются причастниками жизни вѣчной, какъ сказалъ самъ Владыка вѣческихъ: *ядый Мою плоть и піяй Мою кровь имать животъ вѣчный* (Іоан. 6, 54). — Такъ вотъ, брате мой, предувѣданъ и ты Богомъ и предопредѣленъ, и оправданъ, и на жизнь вѣчную позванъ вѣрою во Христа и святымъ крещеніемъ, и введенъ не въ чувственный рай, въ какой введенъ въ началѣ первозданный, но на небо ко благамъ, сущимъ на небесахъ, *ихже око не видѣ, и ухо не слыша, и на сердце человѣку не взыдоша* (1 Кор. 2, 9). Трудись же теперь въ добродѣтеляхъ, и храни заповѣди Божіи, или, лучше сказать, храни себя самого посредствомъ заповѣдей, чтобъ не преступить ничего изъ того, что заповѣдалъ тебѣ Богъ, и не пострадать за то тогоже, что пострадалъ Адамъ, или даже большее того, теряя большія и небесныя блага. Не предпочитай имъ ничего земнаго, и да не возобладаетъ сердцемъ твоимъ никакое похотѣніе вещей тлѣнныхъ и привременныхъ, да не обнажишься отъ славы, коею прославленъ ты во Христѣ, чтобъ нѣкогда, какъ не имѣющаго одѣянія брачнаго, не связали тебя по рукамъ и ногамъ и не ввергли во тьму кромѣшную, гдѣ плачъ и скрежетъ зубовъ.

Вѣра во Христа есть новый рай; и Богъ отъ сложенія міра провидѣлъ всѣхъ, которые увѣровали и имѣютъ увѣровать въ Него, коихъ и призвалъ и будетъ призывать до скончанія міра, призвавъ оправдалъ и бу-

детъ оправдывать, оправдавъ прославилъ и будетъ прославлять, показывая ихъ сообразными образу славы Сына Своего чрезъ святое крещеніе и благодать Святаго Духа, таинственно содѣлывая ихъ сынами Божіими и претворяя ихъ въ новыхъ изъ ветхихъ, и въ безсмертныхъ изъ смертныхъ, съ возложеніемъ на нихъ и заповѣдей, подобно какъ возлагалъ на Адама. Такимъ образомъ, которые будутъ соблюдать заповѣди до конца жизни, тѣ воспріимутъ потомъ и всѣ блага, имъ предуготованныя; а которые окажутся презрителями заповѣдей, нерадивыми и неблагодарными къ Благодѣтелю своему, тѣ ниспадутъ отъ благъ тѣхъ, какъ ниспалъ и Адамъ изъ рая. И это постраждутъ они не потому, что такими быть предопредѣлилъ имъ Богъ, а отъ своего собственнаго неразумія и злоумія. Посему Богъ положилъ и среди сего рая, т.-е. посреди сонма вѣрующихъ, или посреди церкви, спасительное древо покаянія, чтобъ тѣ, которые, по своему нерадѣнію впадая въ грѣхи, испадаютъ отъ жизни вѣчной, опять посредствомъ покаянія возвращались къ сей жизни, еще въ свѣтлѣйшей и блистательнѣйшей славѣ. Ибо еслибъ не благоволилъ устроить сіе для насъ человѣколюбивый Богъ, не благоволилъ т. е даровать намъ покаяніе, то не спасся бы ни одинъ человѣкъ. Оставимъ же всякую другую заботу и одно воспріимемъ попеченіе о томъ, чтобъ достодолжно каяться, сколько достанетъ у насъ силъ на то, да сподобимся и настоящихъ и будущихъ благъ во Христѣ Іисусѣ, Господѣ нашемъ, Коему слава во вѣки вѣковъ. Аминь.

СЛОВО ДВАДЦАТЬ СЕДЬМОЕ.

Душеполезныя наставленія всякому христіанину.

Возлюбленные въ Господѣ, братія мои! Послушайте, прошу васъ, что, по долгу моему, каждодневно предла-

гаю вамъ въ словѣ; съ радостію примите подаемыя мною вамъ наставленія, какъ душеспасительныя, и позаботьтесь съ усердіемъ исполнить ихъ для вашего же собственнаго блага. Посмотрите, какъ лживы и непостоянны блага міра сего, а между тѣмъ, какъ мало людей, которые бы не были ими увлекаемы! Какъ мало такихъ, которые бы ни сластолюбіемъ не были порабощаемы, ни желаніемъ славы людской не одолѣваемы, ни сребролюбіемъ не побѣждаемы, ни терніями заботъ и попеченій житейскихъ не уязвляемы! И вотъ причина, почему такъ непостояненъ и удобопревратенъ помыслъ человѣческій! Онъ можетъ установиться и стоять на одномъ только тогда, когда отвергнетъ все тлѣнное, тварное и видимое, прейдетъ окружающую его тьму и сраствориться съ вѣчнымъ, невидимымъ, постояннымъ и пребывающимъ. Ибо каково то, чѣмъ занятъ бываетъ помыслъ, таково бываетъ и состояніе помысла: занимаясь постояннымъ, онъ постоянствуетъ; занимаясь непостояннымъ, волнуется. Треволненія міра показываютъ, что блага его—не настоящія блага; а треволненія помысла даютъ разумѣть, что состояніе его—не достодолжное. Но каковъ помыслъ здѣсь, такова будетъ участь души тамъ.

Озритесь окрестъ и разсмотрите: все въ мірѣ семъ треволненномъ начинаетъ быть и престаетъ,—здѣсь начинаетъ быть, здѣсь и престаетъ; но душа человѣческая, яко сила—единая между видимымъ невидимая, между тѣлеснымъ—мысленная, начиная быть здѣсь, не престаетъ здѣсь, но преходитъ инуды, яко безсмертная. Пока она находится въ тѣлѣ семъ, посредствомъ тѣла видитъ и познаетъ вещественное; но коль скоро отдѣлится она отъ тѣла, въ тотъ самый часъ отдѣляется она и отъ сношенія со всѣмъ вещественнымъ, перестаетъ видѣть то и помышлять о томъ, а вступаетъ въ соотношенія съ невидимымъ и мысленнымъ, и тѣмъ занята

бываетъ. И если она сіяетъ свѣтомъ заповѣдей Христовыхъ, то вступаетъ въ безпредѣльный свѣтъ всеблагаго Божества, и начинаетъ вкушать великую и нескончаемую радость; если же окружена мракомъ прегрѣшеній, то отходитъ,—увы мнѣ!—въ нескончаемый мракъ, растворенный съ жгущимъ огнемъ.

Поелику все сіе такъ есть воистину, и вы сами то признаете, то чего ради еще медлимъ мы съ вами и не спѣшимъ избѣжать горькой оной тьмы? Чего ради говоримъ: горе сребролюбцамъ, славолюбцамъ и сластолюбцамъ, а не стараемся познать и восчувствовать, что и сами въ такомъ же находимся состояніи, что и сами мы—и сребролюбивы, и сластолюбивы, и славолюбивы? Чего ради говоримъ, что воистину блаженны тѣ, которые ищутъ Бога и всю надежду свою на Него единаго возлагаютъ, а своего собственнаго не чувствуемъ несчастія, какъ удаляющіеся отъ Бога и упованія своего на Него не возлагающіе? Чего ради думаете, будто вѣруете въ Бога и исповѣдуете Его, а на дѣлѣ не хотите Его знать, и не вѣрите Ему въ словесахъ, которыя Онъ говоритъ къ намъ? на что надѣетесь вы, оставляя истинныя и вѣчныя блага, и всецѣло предаваясь суетнымъ и тлѣннымъ?

Скажи мнѣ, брате мой, какъ такъ говоришь: все это знаю я, знаю, что я смертенъ, и что все видимое какъ тѣнь преходитъ, что смерть безвѣстна и не имѣетъ опредѣленнаго времени, что слава праведныхъ вѣчна, и что стыдъ и мученіе грѣшниковъ нескончаемы, а между тѣмъ, говоря все это, не бѣгаешь зла? Если ты, какъ говоришь, видишь и знаешь все, то какъ спотыкаешься будто слѣпой, и являешься на дѣлѣ весь омраченнымъ и безчувственнымъ душевно и тѣлесно? Если знаешь, что добро, зачѣмъ дѣлаешь зло, будто совсѣмъ безмысленный? Если знаешь, что все видимое какъ тѣнь преходитъ, какъ не стыдишься радъ бывать этимъ тѣнямъ

и сокровиществуешь тлѣнное и привременное? О, возлюбленне! Или не замѣчаешь, что льешь воду въ диравый сосудъ, какъ несмысленное дитя, а думаешь, что ты разуменъ? Великое зло, когда кто впадаетъ въ самомнѣніе, думаетъ, что знаетъ, когда не знаетъ, или что имѣетъ, когда не имѣетъ: ибо, думая что знаетъ, или что имѣетъ, не заботится уже познавать и стяжевать, и остается ни при чемъ.

О, человѣче! Вѣруешь ли ты, что Христосъ есть Богъ?—Если вѣруешь, бойся Его и заповѣди Его храни. Если не вѣруешь, то спроси самыхъ бѣсовъ, и отъ тѣхъ самыхъ, коимъ ты поработился и послѣдуешь, познай, что нѣтъ другаго Бога кромѣ Его, и что Онъ есть Властитель, Судія и Царь всяческихъ, есть Творецъ свѣта и Господь жизни, есть Свѣтъ неизреченный и неприступный. Въ пришествіе Его, отъ лица Его исчезнутъ враги Его и всѣ не исполнявшіе заповѣдей Его, какъ отъ солнца, когда оно восходитъ, исчезаетъ тьма нощная. Онъ вѣчно пребудетъ съ праведными и праведные съ Нимъ, сподобившись блаженства созерцать Его, по мѣрѣ вѣры, какую возымѣли къ Нему; а грѣшники во время свѣта покроются тьмою, во время прославленія посрамлены будутъ, во время обрадованія поражены будутъ скорбію и преданы мукамъ въ нещадномъ жженіи огнемъ, соотвѣтственно видамъ страстей ихъ и грѣховъ, тогда какъ праведники украшены будутъ вѣнцами соотвѣтственно разнымъ добродѣтелямъ своимъ.

Вотъ что нашелъ я въ Божественныхъ Писаніяхъ и чему научился въ нихъ, и теперь для убѣжденія и васъ въ томъ-же не отложилъ написать то по любви моей къ вамъ! Я все изложилъ вамъ, не скрылъ таланта, не позавидовалъ спасенію вашему. Отъ сего часа и далѣе всякій самъ избирай, что ему угодно. Я исполнилъ долгъ

свой въ отношеніи къ вамъ, о Христѣ Іисусѣ Господѣ нашемъ, Коему слава и держава, во вѣки вѣковъ. Аминь.

СЛОВО ДВАДЦАТЬ ОСЬМОЕ.

1. Всякій грѣхъ есть нечестіе, и всякій грѣшникъ—нечестивецъ.
2. Христосъ умеръ, чтобъ исцѣлить людей отъ грѣховъ ихъ.
3. Чтобъ именоваться только христіанами, это переходитъ къ намъ отъ предковъ нашихъ и отъ рода христіанскаго.

1. Беззаконникъ, противозаконникъ, грѣшникъ, нечестивецъ,—всѣ обще называются грѣшниками, но каждый изъ нихъ имѣетъ свое отличіе. Беззаконникъ есть тотъ, кто не имѣетъ закона (знать не хочетъ закона); противозаконникъ есть тотъ, кто дѣлаетъ что либо не по законамъ, коимъ подлежитъ; грѣшникъ есть тотъ, кто дѣлаетъ добро не добрѣ, или неправильно; нечестивецъ есть безбожникъ или многобожникъ, который неправо умствуетъ о Богѣ. Писаніе Божественное нечестивымъ называетъ еще и блудника, лихоимца, сребролюбца, славолюбца и всѣхъ тѣхъ, которые, порабощаясь подобнымъ страстямъ, знаютъ, что Богъ, создавшій очи, видитъ все, а живутъ все же съ такою небогобоязненностію, какъ бы Богъ не видѣлъ ихъ. Еслибъ имѣли они страхъ Божій и благоговѣйнство предъ Богомъ, Который вездѣ есть и все видитъ, то не посмѣли бы презирать Его, грѣша предъ Нимъ такъ, какъ бы Онъ не видѣлъ, какъ они грѣшатъ. Когда же они любятъ славу человѣческую паче славы Божіей и дѣлаютъ всякое зло, думая, что не видитъ ихъ недремлющее око Божіе, то скажи мнѣ, какой у нихъ страхъ Божій и какое благоговѣйнство предъ Богомъ, Котораго трепещутъ и самыя бездушныя твари?—И св. пророкъ Давидъ, сказавъ: *погубиши вся глаголющыя лжу,* и проч..., прибавляетъ: *по множеству нечестія* (греч. нечестій)

ихъ изрини я, яко преогорчиша Тя, Господи (Пс. 5, 7. 11),—показывая, что подъ нечестіями онъ разумѣетъ грѣхи ихъ, которые дѣлали ихъ преступниками заповѣдей Божіихъ, а не заблужденія ихъ въ вѣрованіи о Богѣ. Онъ же опять говоритъ относительно прелюбодѣянія съ Вирсавіею и убійства Уріи: *беззаконіе мое познахъ и грѣха моего не покрыхъ: рѣхъ: исповѣмъ на мя беззаконіе мое Господеви: и Ты оставилъ еси нечестіе сердца моего* (Пс. 31, 5). Видишь, какъ сердце Давидово, по его же сознанію, нечествовало предъ Богомъ, когда онъ творилъ беззаконіе?—Такъ нечествуетъ и всякій христіанинъ, когда грѣшитъ безъ страха Божія, бывая чрезъ то въ поношеніе Христу. Посему нѣкто изъ богоносныхъ отцевъ и говоритъ: „Что пользы благочествовать вѣрою и нечествовать жизнію?“ То-есть, что пользы вѣровать право, а жить беззаконно?—Положимъ, что какой либо христіанинъ есть измѣнникъ, скупецъ, обидчикъ, но вѣруетъ право,—что пользы ему отъ вѣры, если онъ не дѣлаетъ ни одного изъ дѣлъ, приличныхъ христіанину, и ни одной не имѣетъ добродѣтели изъ тѣхъ, которыми обнаруживается благочестіе, но самыхъ еллиновъ превосходитъ въ нечестіи, судя по грѣхамъ, какіе онъ дѣлаетъ? Особенно когда еще худымъ примѣромъ своимъ причиняетъ онъ вредъ тѣмъ, съ которыми сообщается, и бываетъ причиною похуленія имени Божія и укоренія вѣры Христовой, изъ-за худыхъ дѣлъ его? Если, какъ говоритъ Св. Іоаннъ Богословъ, *сего ради явися Сынъ Божій, да разрушитъ дѣла діаволя* (1 Іоан. 3, 8), то этотъ,—вѣрованіемъ принявшій явльшагося Сына Божія, а дѣлами своими показывающій, что онъ связанъ дѣлами діаволими, которыя разрушилъ явльшійся Сынъ Божій,—не хуже ли онъ самыхъ невѣрныхъ, и не нечестивѣе ли самыхъ безбожниковъ?

2. Когда слышишь, что Богъ, создавшій небо и зем-

лю, море и все прочее, видимое и невидимое, и самаго человѣка, содѣлался человѣкомъ; не думай, что сіе совершилось для другаго чего, кромѣ какъ для того, чтобы возможно было Самому Богу подъять нѣкіимъ образомъ смерть посредствомъ человѣческаго естества, и послѣ сего не ищи ничего болѣе, какъ только узнать причину, для чего подъялъ Онъ смерть.—И вотъ слушай!—Креститель Господень Іоаннъ говоритъ: *Се Агнецъ Божій, вземляй грѣхи міра* (Іоан. 1, 29). И пророкъ Исаія за много лѣтъ прежде преднаименовалъ Его Агнцемъ, влекомымъ на закланіе, и именно за грѣхи наши (53, 7). Познай же изъ сего, что Богъ воплотившійся подъялъ смерть ради грѣха, и именно того ради, чтобъ благодатію Его могли не грѣшить болѣе тѣ, которые вѣрою пріемлютъ Христа, яко Господа, ради избавленія ихъ отъ грѣха, закланнаго, умершаго и воскресшаго тридневно отъ гроба. Отсюда очевидно, что тѣ, которые грѣшатъ, еще не приняли Христа Господа, хотя и мнятъ, что приняли Его. Ибо еслибъ они пріяли Его, то Онъ даровалъ бы имъ, какъ говоритъ Іоаннъ Богословъ, область быть чадами Божіими (Іоан. 1, 12), которыя не могутъ грѣшить, такъ какъ написано, что *всякъ рожденный отъ Бога грѣха не творитъ, яко сѣмя Его въ немъ пребываетъ: и не можетъ согрѣшати, яко отъ Бога рожденъ есть* (1 Іоан. 3, 9),—и что *всякъ согрѣшаяй не видѣ Его, ни позна Его* (—6),—и что *творяй грѣхъ отъ діавола есть* (8), и что *явлена суть чада Божія и чада діаволя* тѣмъ, что *всякъ не творяй правды, нѣсть отъ Бога* (—10). И если тотъ, кто не творитъ добрыхъ дѣлъ, нѣсть отъ Бога, то тотъ, кто при этомъ творитъ еще и худыя дѣла, откуда есть?—*Сего ради*, говоритъ, *явися Сынъ Божій, да разрушитъ дѣла діаволя*, которыя если не будутъ въ комъ разрушены, отъ чего-либо другаго нѣтъ ему никакой пользы.

3. Многіе изъ тѣхъ, кои происходятъ отъ рода христіанскаго, думаютъ, что полезно для нихъ именоваться христіанами, и не знаютъ, что это одно только имя, которое получаютъ они отъ отца или отъ матери, или отъ отечества, и само по себѣ никакой не доставляетъ пользы. Тогда только, когда они и живутъ по закону Христову, становится ихъ собственностію и имя христіанина, и вѣра христіанская. Если же не живутъ они по христіански, лучше бы имъ и не носить имени вѣрующихъ во Христа, или лучше сказать, лучше бы имъ и не родиться. Ибо происходя отъ родителей христіанскихъ, они не могли не принадлежать къ вѣрующимъ во Христа; потому и лучше было бы имъ совсѣмъ не родиться, потому что родясь между христіанами и не имѣя въ себѣ ничего христіанскаго, они большему подвергнутся мученію, нежели нечестивые. Тѣ, которые, не происходя отъ рода христіанскаго, принимаютъ вѣру Христову, всякаго сподобляются блага. Тѣ же, которые, родясь отъ христіанъ, преступаютъ законъ Христовъ, безчестятъ и Христа, и родъ христіанскій, и истинное благочестіе наше.—Чего не буди съ нами родившимися отъ благочестивыхъ родителей и воспитанными въ благочестіи христіанскомъ, но да соблюдается нами все, требуемое вѣрою нашею, чтобъ, живя по закону Христову, сподобиться намъ царствія небеснаго, благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего, Коему слава и держава, во вѣки вѣковъ. Аминь.

СЛОВО ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТОЕ.

1. Кто ищетъ отъ Бога, а самъ не знаетъ, чего ищетъ, тщетно ищетъ.
2. Какъ молиться о царствіи Божіемъ?
3. Душа, сподобившаяся царствія, должна ощущать сіе чувствомъ и являть дѣломъ.
4. Кто лукавый, и какъ можно избавиться отъ рабства ему?
5. Какимъ образомъ совершается воскресеніе души?

1. Многіе изъ христіанъ думаютъ, что большую доставляютъ пользу душѣ, когда читаютъ псалмы Давидовы съ тропарями и совершаютъ другія положенныя молитвословія, тѣмъ самымъ, что прочитываютъ ихъ, даже просто, какъ случилось, и полагаютъ, что славятъ такимъ образомъ Бога, а того не знаютъ, что и Бога при семъ прогнѣвляютъ и себѣ никакой не получаютъ пользы, а напротивъ грѣшатъ грѣхомъ великимъ. Кто языкомъ только молится, того не слышитъ Богъ, а не слыша,—не дастъ просимаго. Какая же польза отъ многихъ твоихъ молитвенныхъ словъ? Если алчущій и жаждущій придетъ къ тому, кто можетъ напоить его и накормить, но обращаясь въ нему съ прошеніемъ, будетъ произносить невнятныя только слова, то тотъ не только не удовлетворитъ его прошенія, но прогонитъ его съ гнѣвомъ за то, что докучаетъ, а не знаетъ о чемъ. Такъ бываетъ и съ молитвами. Богу внятны только тѣ молитвы, которыя когда произноситъ молящійся, понимаетъ, что говоритъ и чувствуетъ. Молитва же языкомъ только произносимая, безъ мысли и чувства, только прогнѣвляетъ Бога.

2. И не только это потребно для успѣха молитвы, но и то, чтобы приготовиться къ полученію просимаго, и съ своей стороны употребить все зависящее отъ насъ къ стяжанію его. Такъ, кто говоритъ Богу въ молитвѣ: *да пріидетъ царствіе Твое*, а не знаетъ, какъ приходитъ

сіе царствіе, не зная же, не готовится къ принятію его и ничего не дѣлаетъ, что требуется съ его стороны къ полученію его, возможно ли, чтобы пришло къ нему сіе царствіе? Какая потому польза, что говоритъ онъ въ молитвѣ: *да пріидетъ царствіе Твое?* Господь говоритъ въ святомъ Евангеліи: *покайтеся, приближися бо царствіе Божіе.* Итакъ хочешь, чтобы пришло къ тебѣ царствіе сіе? Кайся. Если не покаешься, сколько ни говори: *да пріидетъ царствіе Твое*, не придетъ оно къ тебѣ.

Царствіе Божіе въ насъ есть, когда Богъ бываетъ съ нами въ единеніи, благодатію Пресвятаго Духа. Богъ былъ въ единеніи съ нами отъ начала созданія Адама; но когда праотецъ нашъ прельстился и согрѣшилъ, Богъ удалился отъ насъ, удалилось вмѣстѣ съ тѣмъ отъ насъ и царствіе Его. Ибо невозможно, чтобы Всесвятый и Всеблагій Богъ былъ въ единеніи съ тѣхъ, кто возлюбилъ грѣхъ и зло. Чтобъ опять возвратился къ намъ Богъ и опять пришло къ намъ царствіе Его, надлежало намъ престать и очиститься отъ грѣховъ. Но какъ мы не могли сего сами собою сдѣлать, какъ измаранное платье не можетъ отмыться само собою, и еще безъ воды, то пришелъ наконецъ Самъ, могущій обмыть насъ и очистить, чтобъ очистить насъ, и очистивъ, Богу открыть входъ въ насъ и царствіе Его вселить въ насъ. Сіе совершается въ таинствѣ св. крещенія, а кто согрѣшитъ послѣ крещенія, въ таинствѣ покаянія. И въ томъ и въ другомъ случаѣ отъ тебя требуется покаяніе. Когда исполнишь ты сіе, тогда только и будешь ты готовъ пріять даръ, о коемъ молишься, говоря: *да пріидетъ царствіе Твое.* И пріидетъ и воцарится въ тебѣ Богъ благодатію Своею, и исполнитъ въ тебѣ и чрезъ тебя всякую волю Свою.

3. Надъ кѣмъ же не воцарился Богъ и кто не испытываетъ умнымъ чувствомъ души своей, что Богъ совершаетъ въ немъ волю Свою чрезъ Іисуса Христа, тотъ

напрасно трудится, напрасно и живетъ; надъ такимъ царствуетъ еще прельститель діаволъ, а онъ того и не понимаетъ. Если мысленная душа его не пріяла еще умнаго чувства, чрезъ которое поняла бы, что пришло въ него царствіе Божіе, то ему не слѣдуетъ льстить себя надеждою спасенія. Ибо разумная душа, надъ коею воцарился Богъ, должна опытомъ познать благодать Божества, которое въ ней царствуетъ, и дѣломъ являть плоды Всесвятаго Духа, т.-е., любовь, радость, миръ, долготерпѣніе и прочее. Гдѣ царствуетъ Богъ, тамъ уже нѣтъ мѣста никакому дѣйствію работы діаволей, но все обращается на служеніе Богу.

4. Опять и тѣ, которые говорятъ къ Богу въ молитвѣ: *избави насъ отъ лукаваго*, а не знаютъ, кто такой лукавый, и какъ бываютъ одержимы и обладаемы отъ сего лукаваго, въ чемъ состоятъ узы его и та власть, которую имѣетъ онъ надъ тѣми, коими возобладалъ, такіе, какъ возможно, чтобы были избавлены Богомъ отъ лукаваго? Ибо не зная сего, они не знаютъ, чего просятъ у Бога; не зная же сего, не могутъ получить просимаго, сколько бы ни твердили: *избави насъ отъ лукаваго*.

Сей лукавый есть діаволъ, который смѣсилъ съ естествомъ человѣческимъ законъ грѣха. Итакъ все время, какъ мы подчиняемся и служимъ этому лукавому посредствомъ злыхъ дѣлъ, какія дѣлаемъ, благій Богъ не имѣетъ части въ насъ и мы недостойны царствія Его, — такъ что ложно называемъ мы Его Богомъ и Отцемъ нашимъ, когда имѣемъ діавола властителемъ надъ собою, и отцемъ, и господомъ, и богомъ своимъ, коего и черты подобія имѣемъ въ себѣ, открывающіяся въ злыхъ дѣлахъ нашихъ, какъ говоритъ Господь къ Евреямъ: *вы отца вашего діавола есте, и похоти отца вашего хощете творити* (Іоан. 8, 44). Ибо какъ сынъ подобенъ отцу, потому что сынъ не откуда есть, какъ изъ отчаго естества,

такъ и христіанину надлежитъ имѣть подобіе Отцу своему, т.-е. Христу, открывающееся обычно въ плодахъ Духа Святаго, и не имѣть подобія лукавому діаволу посредствомъ грѣховныхъ страстей. Вотъ кто лукавый! Но надлежитъ также намъ знать и то, въ чемъ состоитъ властительство лукаваго діавола, и какъ онъ властвуетъ надъ нами своимъ лукавствомъ и прельщеніемъ, и какъ можемъ мы разрушить его властительство. Зная все сіе, мы будемъ понимать, чего просимъ, когда молимся: *избави насъ отъ лукаваго*. И услышаны будемъ. Избавитъ насъ Господь отъ лукаваго и всѣхъ дѣлъ его и всего служенія его. Избавивъ, разрушитъ властительство его въ насъ, а вмѣсто его вселитъ царство Свое.

Сіе царство Христово приходитъ только къ тѣмъ, которые понимаютъ, въ чемъ оно состоитъ. Когда же оно придетъ и восцарствуетъ въ нихъ, тогда дѣлаетъ ихъ равноангельными. Ибо какъ отъ преслушанія первозданнаго Адама послѣдовала на родъ человѣческій клятва, за клятвою растлѣніе (разстройство естества), за растлѣніемъ смерть: такъ отъ послушанія втораго Адама пришло на родъ человѣческій вмѣсто клятвы благословеніе, за благословеніемъ нерастлѣніе (оздравленіе естества), за нерастлѣніемъ безсмертіе, за безсмертіемъ жизнь, подобная первоначальной жизни, отъ Бога и въ Богѣ; а гдѣ Богъ, оттуда бѣжитъ діаволъ и демоны его. Такъ освободился и избавился родъ человѣческій отъ работы діаволу чрезъ Іисуса Христа. Такимъ образомъ, пока не освободился еще кто отъ діавола, пусть и не думаетъ, что онъ настоящій человѣкъ; — и лучше было бы ему не родиться.

Того, что иные не знаютъ сами, чего просятъ у Бога, бываетъ двѣ причины: или невѣдѣніе, или нечувствіе. Неоглашенный и ненаученный не понимаетъ, что говоритъ, а безчувственный не чувствуетъ, чего ищетъ. И

какой изъ зажиточныхъ подаетъ милостыню тому человѣку, который прося ее не знаетъ, что бормочетъ, и презрительно относится къ нему и не разъ уже доказалъ, что нисколько не чувствуетъ оказываемой ему милости? Такъ и Богъ не оказываетъ милости тѣмъ, кои въ молитвахъ своихъ суть мѣдь звенящая и кимвалъ звяцаяй. А отъ этого крѣпнетъ царство діавола и расширяется властительство его надъ христіанами, вслѣдствіе чего видимъ между христіанами много лжецовъ, бранчивыхъ, клеветниковъ, клятвопреступниковъ, завистниковъ, скупцовъ, хищниковъ, пьяницъ, блудниковъ, гордецовъ и подобныхъ; много и такихъ, которые скрывая свои пороки, лицемѣрно величаются тѣмъ, что суть христіане, тогда какъ по сердцу суть родъ лукавый, безчувственный, неблагодарный, непримирительный, человѣконенавистный, другоненавистный, братоненавистный, отцененавистный, чадоненавистный, за что все и самъ Богу ненавистенъ. Горе таковымъ, когда и они поютъ псалмы Богу! Горе имъ, когда молятся! Горе, когда покланяются Богу! Горе, когда творятъ милостыню! Горе, когда приносятъ дары Богу! Ибо и пѣснь нечестивыхъ мерзость предъ Богомъ, молитва гнѣвливаго и злопамятнаго—смрадное зловоніе, милостыня гордаго—жертва пса, благотвореніе развратника и блудника — мзда блудницы, даръ лихоимца жертва нечистая и кровь свиная.

5. Спроситъ кто, что же дѣлать таковымъ? Вотъ что надобно дѣлать! Пришедши въ чувство и познавъ свое недостоинство и окаянство, пусть раскается каждый изъ таковыхъ отъ всей души во всѣхъ грѣхахъ своихъ, и притекши къ отцу духовному, исповѣдуется ему во всемъ, взыщетъ у него оглашенія словомъ истины и наставленія, что надлежитъ всякому христіанину знать и дѣлать; и затѣмъ воспріиметъ жизнь, какою подобаетъ жить всякому истинному христіанину. Взыщетъ пусть у него настав-

ленія о всемъ, а также и относительно молитвословій.

Относительно молитвъ пусть разспроситъ, что значитъ каждое слово, чтобъ, когда станетъ молиться тѣми молитвами, понимать умомъ и чувствовать сердцемъ, что произносятъ уста. Такъ поется въ славословіи: Слава въ вышнихъ Богу и на земли миръ, въ человѣцѣхъ благоволеніе; спроси и узнай, что слава Божія, что миръ и благоволеніе въ человѣцѣхъ. Слышишь: Богъ Господь— и явися намъ: спроси и узнай, какое это явленіе. Такъ о всемъ прочемъ спрашивай и узнавай.

Слава Богу есть дѣланіе и храненіе заповѣдей Его; всякій христіанинъ, который не славитъ Бога исполненіемъ повелѣній Его и храненіемъ заповѣдей Его, хуже невѣрнаго. Ибо такъ говоритъ Богъ чрезъ пророка: *аще Отецъ есмь Азъ, то гдѣ слава Моя? и аще Господь есмь Азъ, то гдѣ страхъ Мой?* (Мал. 1, 6). Миръ есть Сынъ Божій, пришедшій на землю и вочеловѣчившійся. Чрезъ Него пришло и благоволеніе, или опочитіе Бога въ человѣкахъ; потому что Богъ и Отецъ чрезъ воплощеніе Сына удовлился и опочилъ въ человѣцѣхъ, и благоволилъ чрезъ Сына Своего опять примириться съ человѣкомъ, ставшимъ—было врагомъ Богу чрезъ грѣхъ, и опять исполнить его божественною жизнію, которой лишился онъ чрезъ преступленіе, какъ говоритъ и Апостолъ: *оправдившеся вѣрою, миръ имамы къ Богу Господемъ нашимъ Іисусъ Христомъ* (Рим. 5, 1). *Той бо есть миръ нашъ* (Еф. 2, 14), который насъ *иногда сущихъ отчужденныхъ и враговъ помышленьми въ дѣлѣхъ лукавыхъ, нынѣ... примири въ тѣлѣ плоти Его смертію Его, представити насъ святыхъ и непорочныхъ и неповинныхъ предъ Собою: аще... пребываете въ вѣрѣ основани и тверди и неподвижими отъ упованія благовѣствованія, еже слышасте, проповѣданное всей твари поднебесней, емуже бых азъ Павелъ служитель* (Кол. 1, 21—23).

Христіанинъ, который противится Богу и въ борьбу съ Нимъ вступаетъ чрезъ преступленіе заповѣдей Евангелія Христова, есть врагъ и себя самого и Бога, и имѣть миръ съ Богомъ такому нельзя. Врагами и противниками Богу (—хотя и именуемся вѣрными и христіанами) пребываемъ мы, доколѣ покорствуемъ и рабствуемъ страстямъ грѣховнымъ. Ибо Апостолъ говоритъ: *явися благодать Божія спасительная всѣмъ человѣкамъ, да отвергшеся нечестія и мірскихъ похотей, цѣломудренно, благочестно и праведно поживемъ въ нынѣшнемъ вѣцѣ* (Тит. 2, 11. 12); такъ что кто не живетъ благочестно, тотъ тоже есть, что всякій невѣрующій нечестивецъ, и кто не живетъ цѣломудренно и праведно, тотъ далекъ отъ явившейся спасительной благодати Божіей. Какъ же можно полагать, что такой есть христіанинъ, съ Богомъ примиренный? Что имѣетъ онъ рещи Богу, входя въ храмъ Божій? Благодареніе, или прошеніе?—Еслибъ сталъ изрекать благодареніе, самъ себя прельщалъ бы, потому что ничего не имѣетъ, ничего не получилъ, и всуе его благодареніе. Еслибы сталъ изрекать прошеніе, то какое,—когда самъ себя не знаетъ, ни бѣды, въ какой находится? Онъ тоже что нехристь, невѣрный и безбожникъ. Онъ мертвъ, потому что не воспріялъ еще силы воскресенія Христова. Когда поетъ онъ: воскресеніе Христово видѣвше и проч., лжетъ, потому что лежитъ еще въ мертвыхъ и непричастенъ мысленнаго живоноснаго окропленія благодатію сходящею отъ Бога, которая есть врачевство отъ душевной смерти и мысленное воскресеніе изъ мертвыхъ.

Славное воскресеніе Христово есть собственное наше воскресеніе, которое мысленно совершается и проявляется въ насъ, умерщвленныхъ грѣхомъ, чрезъ воскресеніе Христово, какъ гласитъ и пѣснь церковная, часто нами возглашаемая: „Воскресеніе Христово (въ себѣ

самихъ) видѣвше, поклонимся святому Господу Іисусу, единому безгрѣшному.“ Христосъ никогда не падалъ въ грѣхъ и никогда не измѣнялся въ славѣ Своей. Препрославленный и высшій всякаго начала и власти и силы, какъ умалился и умеръ ради насъ, такъ и воскресъ и прославился ради насъ, чтобъ сбывшееся въ Его лицѣ воспроизводить потомъ въ насъ и тѣмъ спасать насъ. Какъ тогда Онъ самъ, исшедши внѣ Іерусалима, пострадалъ, взошедъ на крестъ, и пригвоздивъ на немъ вмѣстѣ съ собою грѣхи всего міра, умеръ, сошелъ въ преисподнія страны ада, потомъ опять поднялся изъ ада, взошелъ въ пречистое тѣло Свое и тотчасъ воскресъ изъ мертвыхъ, а затѣмъ вознесся на небеса со славою и силою многою, и возсѣлъ одесную Бога и Отца: такъ теперь, когда мы исходимъ въ сердцѣ изъ міра сего и съ исповѣданіемъ страданій Господа входимъ въ гробъ покаянія и смиренія, тогда самъ Христосъ сходитъ съ небесъ, входитъ въ насъ какъ во гробъ, соединяется съ душами нашими и воскрешаетъ ихъ, явно въ смерти пребывающихъ. Воскресеніе души есть соединеніе ея съ жизнію, которая есть Христосъ. Какъ тѣло мертвое если не воспріиметъ въ себя живой души и не сольется съ нею нѣкіимъ образомъ несліянно, не бываетъ и не именуется живымъ и жить не можетъ; такъ и душа не можетъ жить сама о себѣ, если не соединится неизреченнымъ соединеніемъ и не сочетается несліянно съ Богомъ, Который воистину есть жизнь вѣчная. И тогда только, какъ соединится она съ Богомъ и такимъ образомъ воскреснетъ силою Христовою, удостоится она узрѣть мысленно и таинственно-домостроительное воскресеніе Христово. Почему и поемъ: Богъ Господь и явися намъ. Благословенъ грядый во имя Господне.

Кто же не воспріялъ еще и не увидѣлъ воскресенія души своей, тотъ еще мертвъ и не можетъ покланяться

достодолжно Господу Іисусу, вмѣстѣ съ увидѣвшими воскресеніе Христово, какъ говоритъ Апостолъ: *никтоже можетъ рещи Господа Іисуса точію Духомъ Святымъ* (1 Кор. 12, 3),—и въ другомъ мѣстѣ говорится: *Духъ есть Богъ, и иже кланяется Ему, Духомъ и истиною достоитъ кланятися* (Іоан. 4, 24),—т. е. силою Духа Святаго и единороднаго Сына, Который есть истина. Мертвъ онъ; ибо не имѣетъ въ душѣ своей Бога, животворящаго всяческая, и не сподобился благодати исполненія и надъ нимъ изреченнаго Господомъ обѣтованія: Я и Отецъ Духомъ Святымъ пріидемъ къ тому, кто любитъ Меня и заповѣди Мои соблюдаетъ, и обитель у него сотворимъ (Іоан. 14, 23). Христосъ приходитъ и пришествіемъ Своимъ воскрешаетъ мертвую душу, и даетъ ей жизнь, и даруетъ благодать видѣть, какъ Онъ Самъ воскресаетъ въ ней и ее воскрешаетъ. Таковъ законъ новой жизни о Христѣ Іисусѣ, что Христосъ Господь благодатію Святаго Духа приходитъ къ намъ и воскрешаетъ умерщвленныя души наши, и даетъ имъ жизнь, и даруетъ очи видѣть Его самого, безсмертнаго и нетлѣннаго, живущимъ въ насъ. Прежде же чѣмъ душа соединится съ Богомъ, прежде чѣмъ узритъ, познаетъ и восчувствуетъ, что воистину соединена съ Нимъ,—она бываетъ совсѣмъ мертва, слѣпа, безчувственна; но при всемъ томъ, что мертва, все же по естеству своему безсмертна. Сіе страждетъ она отъ маловѣрія или безвѣрія. Еслибъ вѣрила, что есть судъ и мука вѣчная, не стала бы въ суетѣ иждивать жизнь свою, но бросила бы все и начала содѣвать свое спасеніе, и начавши, дошла бы и до оживленія и воскресенія своего.

Впрочемъ въ нынѣшнее время большая часть христіанъ, кажется, находится въ такомъ пагубномъ состояніи, въ какомъ не находились даже языки, не слыхавшіе имени истиннаго Бога; а между тѣмъ, думая о себѣ, что

не мертвы душею, они живутъ въ безпечности, и не видятъ, несчастные, лежащихъ предъ собою этихъ мертвецовъ, т,-е. душъ своихъ, какими изобразило ихъ наше слово. Нѣтъ, не-христіане такіе люди, не-христіане. И пусть они не обманываютъ себя. Они невѣрные, нечестивые, безбожники; и особенно если еще они монахи, или священники, О, сколь велико снисхожденіе и долготерпѣніе Твое, Христе Царю! Какъ не разверзется земля, чтобы поглотить насъ!—Какъ осмѣливается кто-либо изъ таковыхъ входить въ храмъ Божій,—и особенно во святая святыхъ!

Пиша къ Коринѳянамъ, апостолъ Павелъ говоритъ: *не льстите себе, ни блудницы, ни идолослужители, ни прелюбодѣи, ни сквернители, ни малакіи, ни мужеложницы, ни лихоимцы, ни татіе, ни піяницы, ни досадители, ни хищницы, царствія Божія не наслѣдятъ. И сими убо нѣцыи бысте, но омыстеся, но освятистеся, но оправдистеся именемъ Господа нашего, и Духомъ Бога нашего* (1 Кор. 6, 9—11). Кто омылся, освятился и оправдался, тотъ или совсѣмъ неподвижимъ на такія злыя дѣла, какія поминаетъ здѣсь Апостолъ, или неудободвижимъ. А кто удободвижимъ на нихъ, тотъ явно опять осквернился, опять лишился благодати Святаго Духа, полученной въ крещеніи, опять потерялъ оправданіе; и по сей причинѣ недостоинъ преступать порогъ храма Божія и входить въ него.

Итакъ кто видитъ, что онъ удободвижимъ на злыя дѣла, и сознаетъ, что обнаженъ отъ божественной благодати, тотъ пусть позаботится о себѣ и о спасеніи души своей, убѣдясь изъ того, что исходится его спасительной силы христіанства, и что имя Христово не принесетъ ему никакой пользы, но что вмѣстѣ съ діаволомъ пойдетъ онъ въ уготованный ему огнь адскій. Если какой христіанинъ не знаетъ, что для спасенія

необходимо быть обновлену и возсоздану, войти въ обоженное состояніе благодатною силою и дѣйствомъ Христа Спасителя содѣлаться новою тварію и новымъ человѣкомъ,—для чего удомостроительствованы и вѣра и святое крещеніе, — тщетно называется онъ христіаниномъ. Ибо если не совершилось еще въ немъ такое измѣненіе, то все другое ни къ чему не служитъ, тщетны молитвы его, тщетны и псалмопѣнія. Отъ каковаго бѣдствія да избавитъ насъ Господь,—Коему слава во вѣки. Аминь.

СЛОВО ТРИДЦАТОЕ.

1. Сколько видовъ познанія о Богѣ и какіе они?
2. Намъ надлежитъ знать, что есть Богъ, но что Онъ есть, того не должно допытываться.
3. Чтобъ быть христіаниномъ, надо вѣровать и креститься.
4. Кто называется и есть христіанинъ, и кто называется, но не есть христіанинъ?
5. Кто не творитъ воли Христа Спасителя, тотъ не христіанинъ.
6. Неправедные христіане хуже Евреевъ.

1. Есть пять видовъ познанія о Богѣ. Первый,—что Богъ не есть ничто изъ всего сущаго, видимаго или мыслимаго; второй,—что всякая вещь видимая, или мыслимая, отъ Бога получила бытіе и прежде того не существовала; третій,—что Богъ все создалъ, приведши то изъ небытія въ бытіе, не потому чтобы имѣлъ нужду въ чемъ-либо изъ того, но по единой благости Своей, чтобъ сдѣлать твари причастными славы Своей, и силы, и благобытія; четвертый,—что Онъ естествомъ благъ, и хочетъ всякаго блага и добра, и ненавидитъ всякое зло и всякій грѣхъ; пятый,—что добродѣтельная и богоугодная жизнь справляется силою Божіею, и другимъ способомъ она справлена быть не можетъ, если, т.-е., не посодѣйствуетъ

и не поможетъ сила Божія, все мысленно и невидимо объемлющая и содержащая.

Божество есть (сколько возможно о немъ сказать человѣку) единое существо и естество, пресущественное и преестественное, и три ѵпостаси.—Ина есть ѵпостась Отца, и ина—Сына, и ина Духа—Святаго. Едино Божество трехъ ѵпостасей соединенныхъ—Отца, Сына и Святаго Духа, единаго Бога, такъ что Богъ ни едино есть (троичности ради лицъ), ни три (единства ради существа), но вмѣстѣ едино и три, т.-е. едино Божество и три лица. Пресущественное божество есть Умъ, имѣющій Слово и Духъ. Отецъ раждаетъ Сына и Духа Святаго изводитъ. Когда Богъ именуется Отцемъ, то разумѣется вмѣстѣ съ Сыномъ и Святымъ Духомъ. Когда Сынъ именуется Богомъ, разумѣется, яко Сынъ Бога Отца. Когда Духъ Святый именуется Богомъ, разумѣется, яко исходящій отъ Отца и не чуждый Сыну. Единеніе сіе и различеніе непостижимы и неизреченны.

2. Намъ надлежитъ знать только, что Богъ есть; но доискиваться узнать, что есть Богъ, это не только дерзко, но и безсмысленно и неразумно. Горшечникъ, дѣлающій сосуды изъ персти, при всемъ томъ, что они одного съ нимъ естества (ибо и онъ изъ персти), никогда не слышалъ, чтобъ какой-либо сосудъ, изъ выдѣланныхъ имъ, началъ разспрашивать и разслѣдовать, что такое этотъ горшечникъ, выдѣлавшій его. Конечно есть великое различіе между горшечникомъ и сдѣланнымъ имъ сосудомъ, хотя они одного естества; но различіе Бога отъ человѣка неизмѣримо велико. Посему, если Богъ не есть ни что изъ всего сущаго, видимаго, или мыслимаго, то желающій изслѣдовать и постигнуть естество Божіе, безсмысленнѣе горшечнаго сосуда. Дѣла Божіи—небо, солнце, луна, звѣзды, земля, море, человѣкъ, и всѣ прочія творенія, свидѣтельствуютъ, что есть Богъ, создавшій ихъ,

и всякій разсудительный человѣкъ по нимъ можетъ убѣдиться, что Богъ есть; но что есть Богъ, Котораго ни одинъ человѣкъ не видалъ и видѣть не можетъ, не должно намъ изслѣдовать, а лучше молчать объ этомъ, поклоняясь единому Богу и вѣруя въ Отца и Сына и Святаго Духа, въ едино естество и три ѵпостаси, и въ великое таинство воплощеннаго домостроительства, т.-е. — что Богъ Слово, и Сынъ единосущный Отцу, не отдѣлясь отъ Отца, вошелъ въ утробу Дѣвы и воплотился, воспріялъ Себѣ совершенное человѣческое естество, пребывъ непреложно Богомъ, и воплощенно родился отъ Приснодѣвы Богочеловѣкомъ, въ двухъ совершенныхъ естествахъ Божества и человѣчества, соединенныхъ несліянно и неизмѣнно; что потомъ Онъ волею пострадалъ и распялся, волею умеръ и погребенъ; что послѣ того воскресъ въ третій день и наконецъ черезъ сорокъ дней вознесся на небеса, яко человѣкъ, и сѣдитъ на престолѣ Божества Своего съ плотію Своею, воспѣваемый со Отцемъ и Святымъ Духомъ всѣми небесными воинствами;—что все сіе нами сказанное домостроительствовано для того, чтобы вѣрующіе во Христа чрезъ Него опять облекаемы были благодатію Святаго Духа, и съ помощію ея вѣрно исполняли заповѣди Божіи, побѣждая діавола и всѣхъ слугъ его—демоновъ. Ибо безъ благодати Святаго Духа никому невозможно не грѣшить, никому невозможно приступить къ исполненію святыхъ заповѣдей, и исполнять ихъ, и свергнуть съ себя власть и насильство, которое возымѣли надъ нами демоны.

3. И при этомъ (вѣруй), что намъ надлежитъ креститься въ Троицу единосущную, какъ и увѣровали, по заповѣди Господа нашего Іисуса Христа, данной Имъ Апостоламъ: *шедше научите вся языки, крестяще ихъ во имя Отца и Сына и Святаго Духа, учаще ихъ блюсти вся, елика заповѣдахъ вамъ* (Мѳ. 28, 19); что все если соблю-

демъ, покажемъ любовь свою къ Нему, и чрезъ то сподобимся пребыть въ Его любви, какъ написано: *аще заповѣди Моя соблюдете, пребудете въ любви Моей: якоже Азъ заповѣди Отца Моего соблюдохъ и пребываю въ любви Его* (Іоан. 15, 10). Ибо если не соблюдаемъ заповѣдей Его, то, явно, дѣлаемъ противное тому и тѣмъ показываемъ, что не любимъ Бога, какъ говоритъ: *не любяй Мя, словесъ Моихъ не соблюдаетъ* (Іоан. 14, 24); и опять: *имѣяй заповѣди Моя* и *соблюдаяй я, той есть любяй Мя* (—21); такъ что вѣрующій во Христа ничѣмъ другимъ не можетъ доказать сію вѣру, кромѣ исполненія того, что заповѣдано Имъ, и удаленія отъ того, что Имъ воспрещено.

4. Хорошо вѣровать во Христа, но надобно вѣровать и Христу; ибо кто не вѣруетъ Христу, никакой пользы не получаетъ отъ того, что вѣруетъ во Христа. Итакъ надобно вѣровать во Христа, что Онъ есть Богъ единосущный Богу Отцу, воплотившійся ради насъ, какъ мы сказали; но надобно вѣровать и Христу и всѣмъ словесамъ Его, вѣровать, что все то совершенно истинно, что ни сказалъ Онъ, истинны обѣтованныя Имъ блага, истинны и мученія, коими устрашилъ Онъ насъ. Св. мученики вѣровали и въ Него, вѣровали и Ему— въ томъ, что Онъ сказалъ: *кто отвергнется Меня, отвергнусь и Я того*, и: *претерпѣвый до конца, той спасенъ будетъ* (Мѳ. 10, 33;—22). Почему и претерпѣвали всякія мученія до смерти; иначе какъ бы они восхотѣли умереть, еслибъ не вѣровали тому, что сказалъ Господь? И всѣ, которые пожили преподобно и праведно, потому жили преподобно и праведно, что вѣровали обѣтованіямъ и угрозамъ Христа Господа. Кто, вѣруя во Христа, говоритъ, что вѣруетъ и Христу, а между тѣмъ ни грѣховъ не избѣгаетъ, которые Онъ запретилъ, ни добрыхъ дѣлъ не дѣлаетъ, которыя Онъ заповѣдалъ, тотъ есть невѣр-

ный, отвергающійся Христа, и къ нему идетъ слово Апостола: *преступленіемъ закона Бога безчествуеши* (Рим. 2, 23). Если и говоритъ онъ, что вѣруетъ Христу во всѣхъ словесахъ Его, потому что вѣруетъ во Христа, но не можетъ исполнять заповѣдей Его, потому что это требуетъ подвига и большаго труда и сопряжено съ большими препятствіями, то онъ лжетъ; ибо всѣ заповѣди, какія повелѣлъ Господь соблюдать Апостоламъ, а слѣд. и намъ, мы можемъ соблюдать даже среди міра, но не хотимъ, потому что слабы въ вѣрѣ и любви ко Христу, не имѣемъ твердой вѣры и горячей любви ко Христу, какъ подобаетъ: иначе куда же мы дѣнемъ изреченіе Апостола, который говоритъ о Христѣ Господѣ, что Онъ *бысть намъ и правда, и освященіе, и избавленіе* (1 Кор. 1, 30), *Божія сила и Божія премудрость* (—24)?

Сила Христова въ вѣрующихъ двоякa бываетъ, такъ какъ и самъ Онъ, хотя единъ есть лицемъ, но двойственъ естествами,—есть Богъ и человѣкъ. И какъ человѣкъ, намъ односущный и однородный, даруетъ сердцамъ нашимъ такое состояніе, какое должно имѣть человѣку, яко человѣку. Для того человѣку, общающемуся съ Нимъ, Онъ даетъ духъ покаянія, да будетъ сокрушенъ, смиренъ, внимателенъ, трезвенъ, умиленъ, чтобъ не уничижать и не презирать его, когда онъ будетъ молиться съ такимъ расположеніемъ, т.-е., съ сокрушеніемъ и смиреніемъ, о коихъ говоритъ пророкъ Давидъ: *сердце сокрушенно и смиренно Богъ не уничижитъ* (Пс. 50, 19); ибо кто не молится съ сердцемъ сокрушеннымъ, тотъ бываетъ презираемъ и уничижаемъ отъ Бога. Когда человѣкъ, содѣлавшись таковымъ, станетъ молить Бога о добродѣтеляхъ и взыщетъ ихъ, то Христосъ даруетъ ему ихъ, такъ какъ очевидно онъ является кроткимъ и готовымъ къ наученію путямъ Господнимъ, кои суть добродѣтели,—ибо только одни кроткіе способны быть на-

учаемы имъ, по слову Писанія: *научитъ кроткія путемъ своимъ* (Пс. 24, 9); и дѣлаетъ его такимъ образомъ (яко Богъ) чистымъ, цѣломудреннымъ, праведнымъ, мужественнымъ въ искушеніяхъ, мудрымъ въ божественномъ, благоутробнымъ, сострадательнымъ, милостивымъ, щедрымъ, человѣколюбивымъ, благимъ,— настоящимъ христіаниномъ, носящимъ образъ Христа, и вѣрнымъ, коему ввѣряется благодать Всесвятаго Духа, чрезъ которую и отъ которой и стяжеваетъ онъ всѣ означенныя добродѣтели. Ибо только Богомъ дѣлаются дѣйственными въ человѣкѣ добродѣтели, и онъ становится такимъ образомъ подобнымъ небесному Отцу своему,—что теперь не совсѣмъ явно, но во всемъ свѣтѣ откроется въ будущемъ вѣкѣ, какъ удостовѣряетъ св. Іоаннъ Богословъ, говоря: *нынѣ чада Божія есмы, и не у явися, что будемъ, вѣмы же, яко, егда явится, подобни Ему будемъ* (1 Ін. 3, 2), подобны, т.-е., Христу, Сыну Божію; ибо царство Божіе пріемлетъ только тѣхъ, которые подобны Сыну Божію. — Подобіе сіе водворяется чрезъ исполненіе заповѣдей Божіихъ; исполненіе заповѣдей бываетъ отъ любви ко Христу, какъ говоритъ самъ Онъ: *любяй Мя, заповѣди Моя соблюдетъ*. Кто исполняетъ заповѣди Христа, тотъ бываетъ по подобію Его, потому что въ немъ воображается Христосъ, какъ говоритъ Апостолъ Павелъ: *чадца моя, имиже паки болѣзную, дондеже вообразится въ васъ Христосъ* (Гал. 4, 19). Царство Божіе не отверзается для того христіанина, въ коемъ не вообразился Христосъ.

5. Итакъ христіанинъ, который не творитъ воли Христовой, пусть не обманываетъ себя и не думаетъ, будто имѣетъ часть со Христомъ; ибо самъ Христосъ говоритъ: *не всякъ глаголяй Ми: Господи, Господи, внидетъ въ царствіе небесное: но творяй волю Отца моего, Иже есть на небесѣхъ* (Мѳ. 7, 21). Если самъ Онъ говоритъ такъ,

то какъ возможно, чтобъ былъ настоящимъ христіаниномъ тотъ, кто не творитъ воли Его и презираетъ заповѣди Его? Или съ какою надеждою исповѣдуетъ онъ Христа Господомъ и властителемъ своимъ, а не старается угождать Ему и служить?—Кто это исповѣдуетъ Христа Господомъ и властителемъ своимъ, а между тѣмъ не творитъ волю сего Господа своего? Демоны не творятъ воли Его, при всемъ томъ, что знаютъ и исповѣдуютъ, что Онъ есть Богъ; ибо говорятъ: *вѣмы, кто еси, Святый Божій* (Мр. 1, 24; Лк. 4, 34). Такъ что одинъ тотъ есть настоящій христіанинъ, который не только исповѣдуетъ Христа Господомъ своимъ, но творитъ и волю Его. Кто въ сердцѣ исповѣдуетъ и имѣетъ Христа Господомъ и Владыкою своимъ, тотъ подкрѣпляется силою призыванія имени Христова на то, чтобы творить и волю Его. Если кто не подкрѣпляется такимъ образомъ, очевидно, что онъ исповѣдуетъ Христа только устами, сердцемъ же далеко отстоитъ отъ Него. Ибо невозможно, чтобъ кто-либо отъ всей души и отъ всего сердца исповѣдалъ Христа Господомъ, и не былъ подкрѣпленъ на то, чтобы творить волю Его.

По мѣрѣ вѣры нашей, получаемъ мы и помощь и живость на твореніе воли Христовой. Итакъ, кто творитъ заповѣди Христовы, тотъ мѣрою дѣятельнаго исполненія ихъ показываетъ и мѣру вѣры своей, потому что по мѣрѣ вѣры получается и мѣра благодати, дающей силу на дѣла по заповѣдямъ. И наоборотъ, кто не творитъ заповѣдей Христовыхъ, тотъ мѣрою бездѣйствія въ отношеніи къ заповѣдямъ показываетъ и мѣру невѣрія своего, потому что по мѣрѣ невѣрія лишается и благодати и возбуждающей къ дѣламъ по заповѣдямъ, и помогающей въ нихъ. Безъ Христа невозможно творить воли Христовой, какъ самъ Онъ говоритъ: *безъ Мене*

не можете творити ничесоже (Ін. 15, 5). Итакъ, кто не творитъ воли Христовой, тотъ, очевидно, есть безъ Христа, и никакой не принесетъ ему пользы то, что исповѣдуетъ Христа. Впрочемъ отъ души исповѣдывать Христа и творить волю Его кажутся только двумя дѣлами различными; въ существѣ же это одно и тоже дѣло, а не два, и одно изъ нихъ не можетъ стоять безъ другаго, хотя нѣкоторые, не имѣя надлежащаго о семъ понятія, думаютъ, будто одно изъ нихъ можетъ стоять безъ другаго, тогда какъ Апостолъ Іаковъ говоритъ: *вѣра, аще дѣлъ не имать, мертва есть о себѣ* (Іак. 2, 17); и Христосъ Господь взываетъ: *что Мя зовете: Господи, Господи, и не творите, еже глаголю* (Лк. 6, 46)?—Истинно говорю вамъ, братія мои, что всякій человѣкъ, который творитъ грѣхъ, не есть рабъ Христовъ, но есть рабъ грѣха; рабъ же грѣха не имать пребывати во вѣки въ дому Бога и Отца. Тамъ пребываетъ Сынъ и тотъ, кого Сынъ освободитъ отъ рабства грѣху. Домъ Бога и Отца есть царствіе Его.

6. Итакъ, кто именуется христіаниномъ, и, говоря, что исповѣдуетъ Христа Богомъ и вѣруетъ въ Него, въ силу одного такого исповѣданія думаетъ, что есть христіанинъ и имѣетъ сподобиться царствія Христова, тотъ обманывается. Ибо возможно ли, чтобъ былъ христіаниномъ тотъ, кто каждый день, или лучше сказать, каждый часъ дѣлами своими отрицается Христа, Котораго на словахъ исповѣдуетъ Богомъ? Послушай, что говоритъ Апостолъ Павелъ о таковыхъ: *Бога исповѣдуютъ вѣдѣти, а дѣлы отмещутся Его, мерзцы суще и непокориви, и на всякое дѣло благое не искусни* (Тит. 1, 16). Кто не творитъ заповѣдей Христовыхъ, пусть не думаетъ, что не отрицается тѣмъ Христа. Нѣтъ, въ каждомъ преступленіи заповѣди Христовой онъ отрицается Христа; какъ на оборотъ, кто творитъ заповѣди Христовы, тотъ

каждымъ исполненіемъ заповѣдей исповѣдуетъ Христа. Какъ тѣ, вѣруя только на словахъ, отрицаются вѣры дѣлами своими; такъ наоборотъ эти, дѣлая дѣла, соотвѣтственныя вѣрѣ, подтверждаютъ дѣлами сими свое устное исповѣданіе вѣры. Ибо они преисполнены страха предъ Тѣмъ, Кого исповѣдуютъ Богомъ. И страхъ сей научаетъ ихъ не нарушать ни въ чемъ даже малѣйшемъ познанной воли Божіей, видитъ ли кто ихъ или не видитъ. Многіе, страха ради или стыда человѣческаго, или ради того, чтобъ угодить людямъ, не дѣлаютъ зла,— что одно и тоже, какъ бы они дѣлали его; какъ наоборотъ, которые дѣлаютъ добро по такимъ же побужденіямъ, тоже что какъ бы и не дѣлали его. Кто дѣлаетъ добро въ угоду людямъ, или по другой какой страсти, непотребенъ предъ Богомъ. Надобно во всякомъ добромъ дѣлѣ, словѣ и помышленіи имѣть цѣлію угожденіе Богу и славу Его, какъ учитъ св. апостолъ Павелъ, говоря: *аще ясте, аще ли піете, аще ли ино что творите, вся во славу Божію творите* (1 Кор. 10, 31). Если слово сіе истинно и твердо, каково оно и есть воистину, то какое оправданіе себѣ могутъ представить тѣ, которые дѣлаютъ дѣла только напоказъ предъ людьми? Напоказъ дѣлали дѣла фарисеи, — и вотъ какое для насъ опредѣленіе изрекъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ по поводу сего: *аще не избудетъ правда ваша паче книжникъ и фарисей, не внидете въ царствіе небесное* (Мѳ. 5, 20). То-есть: если не перестанете вы дѣлать дѣла напоказъ, какъ дѣлали фарисеи, и не будете дѣлать ихъ во славу Божію, то въ царствіе Божіе не внидете. Ты же вотъ о чемъ при семъ помысли! Если непревышающій правды фарисейской не внидетъ въ царствіе Божіе, то что будетъ съ тѣми, кои больше имѣютъ неправдъ или грѣховъ, чѣмъ книжники и фарисеи? Участи таковыхъ да избавитъ насъ Богъ и научивъ насъ дѣлать дѣла единственно въ

угожденіе Ему и въ славу Его, да сподобитъ царствія своего во Христѣ Іисусѣ, Господѣ нашемъ, Коему слава во вѣки. Аминь.

СЛОВО ТРИДЦАТЬ ПЕРВОЕ.

1. Два есть главнѣйшихъ дѣла, изъ коихъ въ одномъ пагуба, въ другомъ спасеніе.
2. Гордость растетъ вмѣстѣ съ человѣкомъ.
3. Всякому необходимо сознать, что онъ ничто.
4. Главная черта христіанина есть смиреніе.
5. Есть двѣ жертвы, благопріятныя Богу, безъ коихъ нѣтъ спасенія.
6. Какой признакъ того, что приближается кто къ Богу?

1. Два есть главнѣйшихъ дѣла въ настоящей жизни: одно есть величайшее добро, а другое—величайшее зло; первое, яко верховное благо, возводитъ человѣка на небеса, а другое, какъ крайнее зло, низводитъ его въ преисподняя ада; то есть истина, а это ложь; то есть великое упокоеніе, а это—скорбь безмѣрная; первое есть верхъ разумности, второе — край безумія; первое родственно и свойственно человѣку, второе враждебно и чуждо; первое есть все прямота, второе все кривость; первое радость и веселіе, второе печаль и томленіе. Какія же это дѣла? Смиреніе и гордость: одно есть весь грѣхъ,—это гордость; а другое—вся правда,—это—смиреніе. Разсмотри грѣхъ, коимъ согрѣшилъ Адамъ, когда находился въ раю, въ славѣ и всякомъ наслажденіи, и увидишь, что онъ согрѣшилъ не по какой-либо необходимости или немощи, или по какому-либо благословному предлогу, а по одному презорству къ заповѣди Божіей, а это отъ гордости и неблагодарности къ Творцу своему и Богу, доведшихъ его до отступленія (отъ Бога), въ какое первымъ низвергся діаволъ по собственному своему произволенію.

2. Надобно знать, что гордость раждается въ душѣ человѣка отъ невѣдѣнія себя самого, пораждающаго

самомнѣніе, по коему думаютъ, что имѣютъ нѣчто, тогда какъ ничего не имѣютъ; и она растетъ вмѣстѣ съ возрастомъ человѣка. Почему нужно всякаго человѣка, съ мальства, прежде чѣмъ познаетъ онъ что—либо другое, научать познанію себя самого,—изъ чего онъ есть, что есть и чѣмъ покончитъ жизнь,—т.-е. что засѣменяется онъ тлѣннымъ нѣчѣмъ и невзрачнымъ, образуется среди нечистотъ, растетъ подобно травѣ сельной, составляется изъ многихъ смѣшеній, удоборазлагаемыхъ, — что вся жизнь его есть борьба со смертію, а во внутренностяхъ своихъ еще прежде смерти носитъ онъ то, что есть смрадъ и зловоніе. Ибо кто не знаетъ себя, что такое онъ есть, мало-по-малу впадаетъ въ гордость и дѣлается буіимъ и несмысленнымъ. И что можно найти несмысленнѣе человѣка, который, будучи весь покрытъ проказою, гордится потому только, что носитъ свѣтлыя и позлащенныя одежды, хотя самъ въ себѣ сраменъ и половъ безобразія? А когда выйдетъ онъ изъ ума по причинѣ гордости своей, тогда дѣлается орудіемъ діавола во всѣхъ своихъ словахъ и дѣлахъ и становится врагомъ Богу. Но что можетъ быть бѣдственнѣе того, когда кто поставитъ себя врагомъ Богу? Ибо когда кто заболитъ тѣломъ, чувствуетъ свою болѣзнь и идетъ ко врачамъ; но кто заболѣваетъ душею, не чувствуетъ своей болѣзни, а напротивъ чѣмъ болѣе разбаливается, тѣмъ болѣе становится нечувствительнымъ и потому не хочетъ идти ко врачамъ духовнымъ. Такимъ образомъ когда увидишь, что какой-либо человѣкъ гордится, знай, что по мѣрѣ гордыни его онъ страдаетъ и нечувствіемъ душевнымъ, и пожалѣй объ немъ; ибо кто болитъ и не чувствуетъ, что боленъ, тотъ близокъ къ смерти. Таковъ этотъ грѣхъ, ввергающій душу въ смерть; ибо гордый есть больной безчувственный,—который т.-е. не сознаетъ и не чувствуетъ своей болѣзни, а это и есть смерть

души. Случись, что кто-либо изъ таковыхъ еще привыкъ учить и вразумлять другихъ,—то это уже законченный мертвецъ, для котораго не требуется болѣе врача.

3. Итакъ необходимо учить и научить человѣка самопознанію, чтобъ, онъ зналъ себя и такимъ образомъ смиренномудрствовалъ. Смиренномудріе есть главнымъ образомъ разумность. Какъ гордый неразуменъ и безсмысленъ, такъ напротивъ смиренный разуменъ и смысленъ. Поелику такимъ образомъ безуміе и слѣпота гордыни такъ близки къ людямъ и такъ сильны въ нихъ, то всеблагій Богъ опредѣлилъ, чтобъ вмѣстѣ съ радостнымъ находили на насъ и прискорбности, чтобъ чрезъ то научались мы смиренствовать, а не гордиться. Можешь удостовѣриться въ этомъ отъ пакостника плоти, пособника сатанина, томившаго апостола Павла, который чудеса творилъ и такою презѣльною украшался славою Божіею. Почему намъ надлежитъ благодарить Бога болѣе за скорби, чѣмъ за утѣшеніе, и радоваться прискорбному, какъ радуемся обвеселяющему. Итакъ, всякому человѣку необходимо знать себя самого, что онъ—ничто. Того, кто не знаетъ себя самого, что онъ ничто, не можетъ спасти Самъ всемогущій Богъ при всемъ томъ, что желаетъ спасти его. И еслибы кто принесъ Богу въ даръ весь міръ (что конечно невозможно), а не думалъ о себѣ, что есть ничто, не можетъ спастися никоимъ образомъ.

4. Итакъ не требуется, чтобъ человѣкъ въ замѣнъ за душу свою далъ что-либо другое, кромѣ познанія себя, что онъ ничто. Только при этомъ способенъ онъ будетъ принесть Богу сердце сокрушенное и смиренное,—единственную жертву, которую всякому благочестивому человѣку пристойно приносить Богу. Этой одной жертвы Богъ не уничижитъ, зная, что человѣкъ ничего не имѣетъ собственнаго, что бы могъ принесть Ему, какъ говоритъ

и святый Давидъ: *аще бы восхотѣлъ еси жертвы, далъ быхъ убо: всесожженія не благоволиши. Жертва Богу духъ сокрушенъ: сердце сокрушенно и смиренно Богъ не уничижитъ* (Пс. 50, 18. 19). Этою жертвою спасались, спасаются и будутъ спасаться всѣ цари, вельможи, благородные, низкородные, мудрые, неученые, богатые, бѣдные, нищіе, воры, обидчики, лихоимцы, развратники, убійцы и всякій родъ грѣшниковъ. Глубина смиренія—сей спасительной жертвы—должна быть измѣряема мѣрою грѣховъ, т.-е. по мѣрѣ грѣховъ, какіе надѣлалъ человѣкъ, да будетъ у него и смиреніе съ сокрушеніемъ. Но и самые праведники и преподобные, и чистые сердцемъ, и всѣ спасенные спасаются не инымъ чѣмъ, какъ этою жертвою. И милостыня, и вѣра, и удаленіе отъ міра, и самый великій подвигъ мученичества, и всякія другія жертвы возжигаются отъ воспламененія сей жертвы, т.-е. сокрушенія сердечнаго. Это такая жертва, для которой нѣтъ грѣха, побѣждающаго человѣколюбіе Божіе. Для сей единой жертвы (чтобъ была и сохранялась) бываютъ болѣзни, скорби, тѣсноты, самое паденіе, страсти душевныя и сопутствующія имъ страсти тѣлесныя,—все для того, чтобъ всякимъ богобоязненнымъ приносима была Богу сія жертва. Кто стяжетъ сію жертву сокрушенія со смиреніемъ, тому некуда пасть, потому что онъ имѣетъ себя ниже всѣхъ. И Богъ сошелъ на землю и смирилъ Себя даже до смерти не для чего другаго, какъ для того, чтобъ въ вѣрующихъ въ Него созидать сердце сокрушенное и смиренное.

5. Двѣ есть жертвы, которыя пріемлетъ Богъ и Отецъ Господа нашего Іисуса Христа, и за которыя милуетъ и всякаго человѣка въ отдѣльности, и весь міръ въ совокупности,—изъ коихъ одна есть самъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ, Сынъ Божій и Богъ воплотившійся, а другая — сокрушенное и смиренное сердце каждаго

вѣрующаго въ Него. Итакъ пусть кто заберетъ все свое имущество и раздастъ бѣднымъ, пусть постится, совершаетъ бдѣнія, спитъ на голой землѣ, творитъ молитвы день и ночь, а не взыщетъ отъ Бога стяжать себѣ сердце сокрушенное и смиренное (—ибо *всякъ даръ совершенъ свыше есть, сходяй отъ Отца свѣтовъ* — Іак. 1, 17), никакой не получитъ такой пользы отъ трудовъ своихъ. Почему надлежитъ взыскать ту единую стезю, на которой стяжевается сердце сокрушенное и смиренное, ибо кто стяжетъ такое сердце, тотъ будетъ шествовать по землѣ, какъ бы шествовалъ горѣ—въ царствіи небесномъ. И въ послѣдній часъ смерти сокрушенные и смиренные сердцемъ получаютъ удостовѣреніе, что помилованы милостивымъ Богомъ, отходятъ радуясь и веселясь. Такъ великъ сей, ни съ чѣмъ несравнимый, даръ Божій. Онъ есть основаніе восхожденія по лѣствицѣ добродѣтелей, и нисхожденія дара чудотвореній и знаменій, — есть воскресеніе душъ, бывающее еще въ настоящей жизни, прежде общаго воскресенія тѣлъ,—есть избавленіе, для котораго Богъ и Отецъ далъ Сына своего, чтобы всякій вѣрующій не погибъ, а имѣлъ жизнь вѣчную, и имѣя сію вѣчную жизнь, зналъ единаго истиннаго Бога, и Егоже послалъ Онъ, Іисуса Христа (Іоан. 17, 3).

6. Истинное боговѣдѣніе съ богобоязненностію раждаютъ смиренномудрый нравъ, а смиренномудріе порождаетъ нравъ кроткій; кротость же и смиреніе, въ нравъ обратившіяся, приближаютъ къ Богу. Эти двѣ добродѣтели сліяны одна съ другою и показываютъ человѣка богобоязненнаго, и по мѣрѣ смиренія и кротости, въ какой имѣетъ ихъ богобоязненный человѣкъ, явно бываетъ, сколько близокъ онъ къ Богу, какъ напротивъ гордость и гнѣвливость показываютъ, какъ далекъ человѣкъ отъ Бога. Посему Господь нашъ Іисусъ Христосъ, всевышній Богъ, смирилъ Себя даже до крестной смерти, чтобъ

отъ Него заимствовали смиреніе всѣ и вѣрующіе въ Него и крестящіеся, вкушающіе тѣло Его и піющіе кровь Его, каковыми таинствами подается имъ безсмертіе и жизнь вѣчная. Ибо таинственное общеніе съ Господомъ нашимъ Іисусъ-Христомъ, Богомъ всевышнимъ, приноситъ три дѣйственные плода: жизнь, безсмертіе и смиренномудріе. Жизнь и безсмертіе дѣйствуются чрезъ смиреніе, и опять вслѣдствіе жизни и безсмертія дѣйствуется смиреніе. Смиреніе требуется и прежде жизни и безсмертія, и послѣ, и есть такимъ образомъ и первое и третье: первое, потому что есть причина прочихъ двухъ,—т.-е. жизни и безсмертія; третье, какъ ихъ объемлющее и удерживающее.—Итакъ, который христіанинъ не стяжалъ себѣ смиренія Христова, такъ чтобъ оно составляло естественное какъбы его свойство, ничего уже не получитъ отъ Христа и Христосъ ничтоже пользуетъ ему. Таковый не знаетъ ни Бога, ни себя самого: ибо еслибы зналъ, что безъ Христа невозможно сдѣлать ничего истинно добраго и спасительнаго, то конечно смирился бы, и какъ въ царское одѣяніе, облекся бы въ смиреніе Христово, посредствомъ коего христіане дѣлаются царями, царствуютъ и господствуютъ надъ страстями и демонами силою Его. По мѣрѣ истиннаго и совершеннаго смиренія бываетъ и мѣра спасенія. Родитель же и отецъ смиренномудрія есть умъ, просвѣщаемый благодатію Христовою, и помощію сего божественнаго свѣта ясно видящій немощь свою, какъ напротивъ отецъ высокомудрія и гордости есть умъ, покрытый мракомъ невѣдѣнія, отъ каковаго мрака о когда бы избавиться и намъ всѣмъ, и, просвѣтясь свѣтомъ божественнымъ, придти въ смиренномудріе, благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, Коему слава и держава, со безначальнымъ Его Отцемъ и животворящимъ Духомъ, въ безконечные вѣки. Аминь.

СЛОВО ТРИДЦАТЬ ВТОРОЕ.

Посланное къ нѣкоему брату христіанину—о покаяніи, гдѣ показывается, что надобно дѣлать тому, кто послѣ того, какъ впалъ въ грѣхъ и пріобрѣлъ злой навыкъ, покаялся и положилъ начало исправленію.

Отъ Божественныхъ Писаній научены мы, брате мой, что не должно никогда, ни по причинѣ множества грѣховъ нашихъ отчаяваться, ни опять слишкомъ много полагаться на силу епитимій, возлагаемыхъ духовнымъ отцемъ за грѣхи наши: такъ что ни тому, кто всталъ отъ паденія, т.-е. престалъ отъ грѣховъ, не слѣдуетъ слишкомъ дерзать сего ради, ни тому, кто палъ, не слѣдуетъ отчаяваться; но и кто много нагрѣшилъ, да дерзаетъ о покаяніи, и кто въ небольшія впалъ погрѣшности, да не думаетъ, что получитъ прощеніе грѣховъ своихъ за одни свои добрыя дѣла, но да явитъ и онъ покаяніе,— и покаяніе не то, которое объявляется словами, или показывается постомъ, сухояденіемъ, долулеганіемъ и другими подобными лишеніями тѣлесными, хотя и это все идетъ къ дѣлу, но которое бываетъ въ сокрушеніи и болѣзнованіи души и сердца, — каковое показалъ и пророкъ Давидъ, при всемъ томъ, что жилъ въ мірѣ и былъ обремененъ многими необходимыми заботами.

Ибо онъ, размысливъ самъ съ собою, сколь благаго и щедраго Владыку прогнѣвалъ тѣмъ, что сдѣлался преступникомъ заповѣдей Его и оказался неблагодарнымъ къ Нему, забывъ многіе и неисчетные дары Его и благодѣянія, всю жизнь свою болѣзновалъ о томъ душею и горькія проливалъ слезы, какъ самъ удостовѣряетъ въ томъ. Онъ самъ себя поражалъ чувствами своего несчастія и бѣдственнаго положенія, самъ себя всячески сокрушалъ и смирялъ, рыкая отъ воздыханій сердца своего, какъ намъ каждодневно возвѣщаютъ о томъ

псалмы его. Такія скорбѣнія причинялъ самъ себѣ Давидъ, когда покаялся, несмотря на то, что былъ царь и долженъ былъ заботиться о толикомъ народѣ, о женѣ и дѣтяхъ, о домѣ и царствѣ.

Что также сдѣлалъ Манассія и всѣ другіе, покаявшіеся послѣ него, о коихъ знаешь и самъ ты, какъ-то: Петръ, верховный изъ Апостоловъ, мытарь, разбойникъ, блудница? И что приводить многихъ,—что сдѣлалъ блудный сынъ, ижддвшій отцовское наслѣдіе съ блудницами и мытарями? За какія дѣла всѣ эти получили прощеніе грѣховъ своихъ? За посты ли свои или бдѣнія? За милостыни ли, розданныя бѣднымъ, или за другой тяжелый для тѣла трудъ? Нѣтъ, не за это получили они прощеніе, а за искреннее раскаяніе, за сокрушеніе и болѣзнованіе сердца, за слезы, излитыя ими изъ глубины души, по причинѣ осужденія ихъ совѣстію своею. Приведши въ чувство грѣховъ своихъ, каждый изъ нихъ осуждалъ и окаявалъ себя, и плакалъ отъ души, и за это получалъ прощеніе грѣховъ своихъ.

Это же самое бываетъ и теперь со всѣми, прибѣгающими ко Христу съ теплыми слезами и истиннымъ покаяніемъ. И ни предъ кѣмъ изъ таковыхъ не заключаетъ и никогда не заключитъ человѣколюбной утробы Своей благости человѣколюбивый и всеблагій Господь. Прощеніе грѣховъ каждаго грѣшника не бываетъ за какія-либо дѣла, чтобъ не возгордился кто по этому поводу, но по человѣколюбію Божію и благодати.

Знать впрочемъ надлежитъ, что для полученія прощенія грѣховъ требуется не только искреннее отъ всей души раскаяніе въ нихъ, но еще и твердое намѣреніе не падать болѣе въ тѣ же грѣхи и не возвращаться вспять. И это требованіе не падать опять въ тѣ же грѣхи очень трудно намъ соблюсти, если со всѣмъ рвеніемъ и усердіемъ не окружимъ себя благопотребными

охранами и не облечемся въ духовныя оружія, чтобъ помощію ихъ противостоять мысленнымъ врагамъ нашимъ демонамъ. Ибо какъ мы были уже завладѣваемы врагомъ посредствомъ грѣховъ, и поработясь плотскимъ сластямъ и страстямъ, подчинялись уже и служили діаволу, то всячески тѣже похоти и сласти и опять будутъ въ насъ подниматься, чтобъ опять, какъ рабовъ безчестныхъ, увлечь насъ съ насиліемъ на служеніе и работу врагу нашему діаволу и на убѣжаніе отъ работы Владыкѣ нашему Христу, чрезъ преступленіе заповѣдей Его и нарушеніе обѣтовъ, какіе дали Ему въ покаяніи. Итакъ, чтобъ не случилось намъ пострадать что-либо такое, надлежитъ намъ, въ помощь себѣ, заимствовать изъ святаго Писанія оружіе противъ всякаго врага, нападающаго на насъ, какъ учитъ насъ примѣромъ своимъ божественный Давидъ, говоря: *сего ради ко всѣмъ заповѣдемъ Твоимъ направляхся, всякъ путь неправды возненавидѣхъ* (Пс. 118, 128). Похотѣнію, возбуждаемому вражескими помыслами, противопоставимъ память о смерти, страшномъ судѣ и нестерпимыхъ мукахъ ада; лѣности противопоставимъ усердіе и ревность, чревоугодію постъ, сластолюбію воздержаніе, многопитію малопитіе или непитіе, жженію плоти представленіе огня вѣчнаго; будемъ упражняться въ частой и вседушной къ Богу молитвѣ, со бдѣніемъ и пощеніемъ. Если будемъ такъ поступать противъ каждой страсти, насъ борющей (не стану перечислять ихъ, чтобъ не удлиннить слова), и стяжемъ противоположную каждой такой страсти добродѣтель, то навѣрное будемъ сохранены невредимыми и неуязвимыми отъ врага, потому что тогда добродѣтели тѣ будутъ блюсти насъ, какъ какіе-нибудь сильные воины. Еслибъ пресѣченіе злаго обычая и удержаніе себя отъ соотвѣтственныхъ ему безмѣстныхъ дѣлъ можно было справить безъ потовъ и трудовъ, тогда одного это-

го удержанія себя было бы достаточно для кающихся во спасеніе свое. Но дѣло не такъ есть.

Въ придатокъ къ тому, что я написалъ тебѣ доселѣ, се пишу тебѣ на память и о томъ, что еще имѣешь ты долгъ дѣлать и хранить. Это вотъ что: когда совершается божественная литургія и священникъ или діаконъ скажетъ: *елицы оглашенніи изыдите*, выходи изъ церкви и становись въ нарѳикѣ (въ преддверіи храма), и не говори въ это время ни съ кѣмъ, но воспоминай о грѣхахъ своихъ и плачь; потомъ, когда кончится божественная литургія, можешь опять входить въ церковь. Когда придетъ вечеръ, послѣ повечерія поди въ какое-либо особное мѣсто и исполни такое молитвенное правильце: Трисвятое; 50 псаломъ, т.-е. „помилуй мя Боже по велицѣй милости Твоей“; Господи помилуй — 50 разъ; Господи прости мнѣ грѣшному—50 разъ; 6-й псаломъ, т.-е. *Господи, да не яростію Твоею обличиши мене, ниже гнѣвомъ Твоимъ накажеши мене;* Господи, елика согрѣшихъ словомъ, дѣломъ и помышленіемъ, прости мнѣ. Приложи и 25 метаній (поясныхъ поклоновъ). Въ среду и пятницу воздерживайся отъ мяса, сыра, яицъ, рыбы, вина и масла, по правилу св. Апостоловъ. Въ посты: св. Апостоловъ, Богородичный-успенскій и предрождественскій, не ѣшь мяса, сыра и яицъ, отъ прочаго же вкушай въ мѣру, съ воздержаніемъ. Молитвы, т.-е. псалмы, какъ сказано, и поклоны исполняй въ это время вдвойнѣ. Въ великую же Четыредесятницу не разрѣшай на масло и вино, кромѣ субботъ и воскресеній, но потоми плоть свою, по силѣ своей, какъ прилично христіанамъ, желающимъ спастися; молитвенное же правило исполняй вдвойнѣ и въ Четыредесятницу, какъ назначено для другихъ постовъ. Надобно еще тебѣ воздержаться отъ божественныхъ и страшныхъ таинъ, т.-е. не причащайся пречистаго тѣла и

пречестной крови Господа нашего Іисуса Христа; я же тебѣ совѣтую, воздержись и отъ благословеннаго хлѣба или антидора. Все это вѣрно соблюдай до тѣхъ поръ, пока помыслъ твой и расположеніе твое не отложатся отъ злыхъ дѣлъ грѣховныхъ, пока не стяжешь твердаго намѣренія никогда уже не оставлять добрыхъ дѣлъ и добродѣтелей и совершенно не возненавидишь грѣхъ. Когда же увидишь наконецъ въ себѣ самомъ, что достигъ ты такого добраго состоянія, т.-е. что совершенно возненавидѣлъ ты грѣхъ, а въ расположеніи дѣлать добро утвердился, и когда притомъ чрезъ испытаніе удостовѣришься, что рѣшимость твоя воздерживаться отъ грѣха непреложна, тогда, брате мой, приступи къ божественнымъ тайнамъ съ несомнѣнною вѣрою, что не простой хлѣбъ и не простое вино вкушаешь, но причащаешься воистину тѣла и крови Божіихъ.

Поступивъ такъ, ты сдѣлаешься причастникомъ славы Христа Господа, и посредствомъ сихъ таинъ получишь совершенное отпущеніе грѣховъ, воспріимешь въ себя жизнь вѣчную и содѣлаешься сыномъ свѣта и дня. Если же прежде исполненія всего сказаннаго, т.-е. прежде чѣмъ покажешь достодолжное покаяніе, дерзнешь ты причаститься тѣла и крови Христовыхъ; то демоны, видя, какъ презрѣлъ ты Бога и причастился недостойно, всѣ устремятся на тебя и, схвативъ тебя немилостиво и безчеловѣчно, низринутъ опять въ ровъ прежняго непотребства. Тогда вмѣсто христіанина сдѣлаешься ты христоубійцею и будешь осужденъ вмѣстѣ съ тѣми, кои распяли Христа, какъ говоритъ апостолъ Павелъ: *иже аще ястъ хлѣбъ сей или піетъ чашу Господню недостойнѣ, повиненъ будетъ тѣлу и крови Господни* (1 Кор. 11, 27), т.-е. подъ такой же подпадетъ приговоръ, подъ какой и распявшіе Господа.

Больше того, что уже написалъ, не буду тебѣ пи-

сать, боясь быть тебѣ въ тягость. Ты же, брате, если сдѣлаешь что и больше того, себѣ же принесешь пользу и душѣ своей уготовишь будущія блага. Что я написалъ, написалъ тебѣ дѣлать то не въ томъ смыслѣ, что такіе труды приносятъ очищеніе души и оставленіе грѣховъ, но въ томъ, что симъ образомъ удобнѣе тебѣ удержать въ душѣ память о грѣхахъ своихъ и сокрушиться о нихъ. Еслибъ я зналъ, что тѣмъ опечалю тебя, то и этого немногаго не написалъ бы любви твоей. Я хочу отъ тебя только одного того, чтобы ты въ сокрушеніи и болѣзнованіи о прошедшемъ отсѣкъ злой навыкъ свой грѣховный и пресѣкъ безмѣстныя дѣла свои. Это отсѣченіе и прекращеніе съ сокрушеніемъ прошу тебя непремѣнно соблюсти. И если тебѣ возможно соблюсти это безъ потовъ и другихъ трудовъ, я удовольствуюсь однимъ этимъ. Пиши ко мнѣ чаще о здравіи твоемъ, чтобъ я видѣлъ вѣру и любовь твою ко мнѣ и теплѣе воспоминалъ о тебѣ, когда воздѣваю къ Богу руки мои, недостойный. Благодать Божія да будетъ съ духомъ твоимъ. Аминь.

СЛОВО ТРИДЦАТЬ ТРЕТЬЕ.

Къ причащающимся божественныхъ таинъ. — И кто причащается недостойно.

Какъ еслибы какой человѣкъ благородный и богатый, оставя протертую и обычную дорогу и уклонясь къ мѣстности пустынной и труднопроходимой, попалъ въ руки разбойниковъ, которые, схвативъ его, сняли съ него хорошія одѣянія, какія носилъ онъ, и одѣли его въ рубища пропитанныя кровію и всякими нечистотами, и затѣмъ, оставя его съ собою, заставили и его вмѣстѣ съ собою объѣдаться, напиваться и дѣлать срамныя дѣла, а также и разбойничать, какъ они, и онъ находилъ

бы удовольствіе въ многоядѣніи, что ни попадется, въ многопитіи и нечистыхъ дѣлахъ, а современемъ, привыкши къ ихъ разбойническимъ обычаямъ, совсѣмъ остался у нихъ, забывъ и все родство свое, и прежнюю благородную и честную жизнь, по той причинѣ, что совсѣмъ охладѣла въ немъ любовь, какую имѣлъ прежде, къ честнымъ и благочестивымъ нравамъ и обычаямъ: тоже самое и еще худшее страждетъ и христіанинъ, который, оставя путь, коимъ подобаетъ шествовать христіанамъ, уклоняется на распутія діавольскія, когда т.-е. онъ, скажемъ къ примѣру, оставя честную и трудолюбную жизнь, чтобъ жить своимъ и довольствоваться немногимъ, возлюбитъ жизнь съ мірскими утѣхами, и для того начнетъ употреблять неправду, обиду и хищеніе, а потомъ дойдетъ и до нечистыхъ и срамныхъ дѣлъ блудныхъ. Не очевидно ли, что такой впалъ въ руки демоновъ и обнаженъ ими отъ благодати святаго крещенія?

Явнымъ же признакомъ того, что онъ обнаженъ отъ благодати святаго крещенія служитъ его собственное признаніе, что никакъ не можетъ пресѣчь и отсѣчь срамной похотливости своей и не можетъ воздержаться, чтобъ не удовлетворять ее срамными дѣлами. И сколько у насъ такихъ несчастныхъ, которые тѣмъ несчастнѣе, что не сознаютъ и не чувствуютъ своего бѣдственнаго положенія?! А между тѣмъ видимъ, что нѣкоторые изъ нихъ доходятъ до такого безумія, что дерзаютъ причащаться пречистаго тѣла и безцѣнной крови Христовыхъ. Какое безстыдство и самозабвеніе! Горе священнику, который преподаетъ таковому божественныя тайны, горе и ему, причащающемуся ихъ. Горе причащающемуся, потому что причащаясь, послѣ срамныхъ дѣлъ, не очищенныхъ покаяніемъ и епитиміями, онъ все больше и больше подпадаетъ власти діавола, а наконецъ и совсѣмъ имъ завладѣвается; и Богъ совер-

шенно оставляетъ такого за его срамность и нечистоту, и особенно за его безстыдство и дерзость, какъ пишетъ святое Евангеліе объ Іудѣ, что какъ только причастился онъ поданнаго ему Христомъ Господомъ хлѣба, сей божественной вечери, тотчасъ *по хлѣбѣ вниде въ онь сатана* (Іоан. 13, 27). Горе священнику, причащающему его, что удостоиваетъ причастія недостойнаго и преподаетъ пречистое тѣло и честную кровь Христа Спасителя тому, кто недостоинъ даже преступать порога храма Божія, съ кѣмъ запрещено вмѣстѣ вкушать и простую пищу всякому христіанину, какъ законоположилъ св. ап. Павелъ, говоря: *аще нѣкій братъ именуемъ будетъ блудникъ, или лихоимецъ, или идолослужитель, или досадитель, или піяница, или хищникъ, съ таковымъ ниже ясти* (1 Кор. 5, 11). Видишь, что поистинѣ даже не братъ христіанамъ такой человѣкъ, а только именуется такъ.

Преподающій такому тайны праведно подлежитъ осужденію, и за то, что чрезъ это онъ человѣка, грѣшащаго по уклоненію отъ праваго помысла, и по легкомысленной небрежности, дѣлаетъ совершеннымъ врагомъ Богу. Священникъ или духовный отецъ не долженъ преподавать такому тайны, но долженъ подвигнуть его на покаяніе словами кроткими и умилительными, помянувъ ему о тѣхъ страшныхъ мукахъ адскихъ, которыя непремѣнно имѣютъ испытать грѣшники; долженъ вразумить его и поруководить, какъ слѣпаго, и попечалиться о немъ, какъ бы о вышедшемъ изъ ума и страждущемъ отъ искушенія и насилія діавольскаго, и помолиться Господу, да отверзетъ слухъ души его и поможетъ ему хоть немного придти въ чувство и познать нечестіе свое, и опять чрезъ покаяніе возвратиться въ среду вѣрныхъ, потому что такой есть невѣрный нечестивецъ. Еслибъ имѣлъ онъ благоговѣніе и вѣру ко Христу и исповѣдалъ серд-

цемъ, что Онъ есть Богъ, *не хотящій беззаконія*, къ Коему *не преселится лукавнуяй, ниже пребудутъ беззаконницы предъ очима Его* (Пс. 5, 5. 6); то убоялся бы и поостерегся съ такимъ легкомысліемъ причащаться пречистыхъ таинъ Его, чтобы не поразилъ его за это невидимо мечъ ангельскій.

Много есть такихъ въ мірѣ, которые стыда ради человѣческаго, чтобы не обнаружилось, что они недостойны, дерзаютъ приступать къ пречистымъ тайнамъ, сознавая, что недостойны; и еслибы кто сталъ удерживать ихъ отъ такой дерзости, на того серчаютъ и бранятъ его, какъ человѣка тяжелаго, а въ чувство не приходятъ, не устыждаются и не сознаютъ злоумія своего, но всячески противятся возбраняющимъ имъ святое причастіе, и во что бы то ни стало желаютъ причаститься, или лучше сказать, желаютъ ввергнуть себя въ конечную пагубу, въ безнадежіе и Божіе отверженіе. Слѣдовало бы имъ послушаться того, кто возбраняетъ имъ недостойное причастіе, и благодарить его, потому что онъ избавляетъ ихъ отъ величайшей бѣды, больше которой нѣтъ и никогда не было, такъ какъ недостойно причащающіеся повинны бываютъ крови Христа Господа, т.-е. будутъ осуждены вмѣстѣ съ Іудою и распинателями Господа. А что можетъ быть хуже и тягчае, какъ подпасть такому же осужденію, какому подпадутъ распеншіе Господа?

Надлежало бы для такого грѣшника всѣмъ братіямъ собраться воедино и со слезами молить Бога, да предастъ Онъ его сатанѣ во изможденіе плоти, да духъ спасется въ день Господень, какъ говоритъ божественный Павелъ (1 Кор. 5, 5). Преданіе сатанѣ во изможденіе плоти между прочимъ означаетъ и то, чтобы грѣшникъ наказанъ былъ разными тѣлесными недугами, страданіями, ранами и болѣзнями неисцѣльными, дабы уцѣломудрился, пришелъ въ чувство и раскаялся и нехотя, будучи вы-

нужденъ страданіями тѣла, и чего не хотѣлъ сдѣлать будучи здоровъ, то сдѣлалъ отъ болѣзни и мученій плоти. Ибо Богъ, когда согрѣшитъ душа, наказываетъ тѣло, чтобъ она пришедши въ чувство, покаялась и спаслась. Когда же таковый, покаявшись и исправившись, причастится святыхъ таинъ, тогда святыня божественнаго причащенія великую явитъ въ немъ силу и власть, сокрушитъ грѣхъ и душу его очиститъ отъ склонности и похотѣнія, какія имѣетъ онъ ко грѣху. Ибо какъ невозможно огню и водѣ вмѣстѣ находиться въ одномъ и томъ же сосудѣ, такъ невозможно вмѣстѣ находиться въ одномъ и томъ же христіанинѣ и пречистому тѣлу Христову, и мерзости грѣха.

Если любящій грѣхъ и недостойно причащающійся пречистыхъ таинъ тѣла и крови Спасителя не подвергается тотчасъ вразумительнымъ мученіямъ, то всячески не избѣжитъ вѣчныхъ мученій тамъ, гдѣ червь неусыпающій и огонь неугасающій. Итакъ если таковый не боится вѣчнаго женія и нестерпимыхъ мукъ вмѣстѣ съ діаволомъ во вѣки вѣковъ, то пусть безстрашно причащается. Если же боится, то лучше для него воздержавшись нѣкоторое время отъ причащенія пречистыхъ таинъ покаяться, поплакать предъ Богомъ, потрудиться по силѣ своей надъ измѣненіемъ произволенія своего и пресѣчь злой навыкъ свой грѣховный, и тогда уже причаститься, безъ опасности для души своей; и ижденется изъ него сатана, который, живя въ немъ, насильственно подвигалъ его на распутство и всякую нечистоту. Ибо любящій срамныя и безмѣстныя дѣла, любитъ ихъ не самъ отъ себя, но по дѣйству сатаны, который прельщаетъ сначала, отворивъ ему только дверь сладострастнаго стремленія, чтобъ онъ вложилъ туда лишь голову свою, т.-е. положилъ только начало грѣху; но потомъ мало-по-малу съ укрѣпленіемъ навыка грѣховнаго и весь

входитъ онъ въ него, завладѣваетъ всѣми силами души, почиваетъ въ сердцѣ его какъ на одрѣ, и дѣйствомъ своимъ возжигаетъ въ немъ любовь къ срамнымъ дѣламъ, чтобъ онъ предавался имъ съ услажденіемъ, подобно тому какъ бѣсноватые нерѣдко ядятъ калъ свой съ удовольствіемъ и наслажденіемъ. Это слѣдуетъ поимѣть въ мысли тому, кто по великому человѣколюбію Божію, дѣйствомъ присѣщенія Божія, получаетъ нѣкоторый отдыхъ отъ сатанинскихъ на грѣхъ влеченій, чтобы придти въ себя и прибѣгнуть ко Христу, Который одинъ силенъ и демоновъ изгнать, и всякую болѣзнь душевную и тѣлесную уврачевать.

Подобаетъ намъ знать, что есть пять классовъ людей, которымъ воспрещается отъ св. отцевъ приступать ко святому причастію: первый—оглашенные, какъ еще некрещеные; вторый—крещеные, но возлюбившіе срамныя и неправедныя дѣла, какъ отступники отъ святой жизни, для коей крещены, какъ-то: блудники, убійцы, лихоимцы, хищники, обидчики, гордецы, завистники, злопамятливые, которые всѣ, будучи таковыми, не чувствуютъ, что суть враги Богу и находятся въ бѣдственномъ положеніи, почему не сокрушаются, не плачутъ о грѣхахъ своихъ и не каются; третій – бѣсноватые, если они хулятъ и поносятъ божественное таинство сіе; четвертый — тѣ, которые пришли въ чувство и раскаялись, прекратили грѣховныя дѣла свои и исповѣдались, но несутъ наложенную на нихъ епитимію стоять внѣ церкви опредѣленное время; и пятый—тѣ, у которыхъ еще не созрѣлъ плодъ покаянія, т.-е. которые не дошли еще до рѣшимости посвятить Богу всю жизнь свою и жить прочее во Христѣ жизнію чистою и безукоризненною. Эти пять классовъ очевидно недостойны святаго причастія. Достоинъ же причаститься пречистыхъ таинъ тотъ, кто чистъ и непричастенъ грѣховъ, о коихъ мы сказали. Но когда кто-

либо изъ такихъ достойныхъ осквернится какимъ-либо осквернѣніемъ, какъ человѣкъ, тогда конечно и онъ недостойно причастится, если не отмоетъ покаяніемъ того, чѣмъ осквернился. Такимъ образомъ и тотъ есть ядый и піяй недостойнѣ, кто будучи достоинъ, не приступилъ достойно ко святымъ тайнамъ. Буди же намъ достойными быть и достойно причащаться пречистыхъ таинъ, о Христѣ Іисусѣ Господѣ нашемъ, Коему слава въ безконечные вѣки вѣковъ. Аминь.

СЛОВО ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЕРТОЕ.

1. О словахъ Апостола Павла: *искупующе время, яко дніе лукави суть* (Еф. 5, 16).
2. Какимъ образомъ искупаетъ кто разумно время настоящей жизни?

1. Душа, желающая поучаться въ законѣ Божіемъ день и ночь, ни отъ чего не получаетъ въ семъ отношеніи столько пользы, какъ отъ изслѣдованія Божественныхъ Писаній; потому что внутрь сихъ Писаній сокрыты помышленія благодати Святаго Духа, каковыя, бывъ постигнуты, производятъ въ душѣ великое нѣкое услажденіе, которое возвышаетъ ее надъ всѣмъ земнымъ и мірскимъ и возноситъ на небеса, располагая помышлять только о божественномъ, его одного вожделѣвать и проводить жизнь ангельскую въ этомъ мірѣ. Посмотримъ же, что возвѣщаетъ намъ апостолъ Павелъ въ посланіяхъ своихъ, и изслѣдуемъ до точности нѣкоторыя богодухновенныя его словеса, да обогатимся сокровищами, сокрытыми внутрь ихъ, и благодатію Святаго Духа возвеселимъ духовно свои души. Какія же это апостольскія словеса, кои намѣрены мы изслѣдовать въ настоящемъ словѣ? Тѣ, въ коихъ поучаетъ насъ св. Павелъ, говоря: *блюдите, како опасно ходите.., искупующе время, яко дніе лукави суть.*

Если хотимъ, какъ должно, понять слова сіи, то должны обсудить ихъ, взявъ во вниманіе дѣла, кои видимъ въ мірѣ семъ. Это поможетъ намъ уразумѣть ихъ до точности. Видимъ, что торговецъ, земледѣлецъ, художникъ великое имѣютъ усердіе и прилежаніе къ дѣлу своему; потому что если кто изъ нихъ понерадитъ о своемъ дѣлѣ, хоть немногое время, то потерпитъ большой вредъ. Тоже самое бываетъ въ дѣлахъ и подвигахъ духовныхъ. Чтобъ это лучше вамъ понять, разсмотримъ подробнѣе предложенный примѣръ. Положимъ, что, когда всѣ купцы спѣшатъ на какое-нибудь торжище, чтобъ одно продать, а другое закупить и получить чрезъ то прибыль, иной изъ нихъ, видя, какъ одни съ большою поспѣшностію бѣгутъ впереди его, а другіе догоняютъ сзади и перегоняютъ, едва передвигаетъ ноги, или сидитъ предъ домомъ своимъ и зѣваетъ на торговцевъ, спѣшащихъ на торгъ, совсѣмъ не думая о торговлѣ, или, еще хуже, предается забавамъ и винопитію, отлагая заняться торговлею день отъ дня. Теперь, прошу васъ, скажите мнѣ: тѣ, благовременно поспѣвшіе на торжище, поторговавшіе на немъ и возвратившіеся съ немалою прибылью, не искупили ли времени своего? А этотъ, потратившій его на пустяки, или лучше сказать продавшій на дѣла безполезныя, не погубилъ ли напрасно своего времени? Предположимъ, пожалуй, что и онъ пошелъ вмѣстѣ съ другими на торжище; но когда тѣ, имѣя съ собою деньги, тотчасъ приступили къ торговымъ сдѣлкамъ и набрали себѣ потребныхъ каждому товаровъ, въ полной надеждѣ получить отъ продажи ихъ большія выгоды, онъ, не имѣя при себѣ денегъ, тамъ уже началъ обращаться то къ тому, то къ другому, чтобы занять ихъ и накупить себѣ товаровъ, но пока хлопоталъ о займѣ денегъ, торгъ кончился, и онъ остался ни чемъ: не погубилъ ли онъ, и въ этомъ случаѣ, времени

своего напрасно? Пусть взялъ онъ съ собою и денегъ, но, пришедши на торгъ, вмѣсто того чтобы заняться торговыми дѣлами, началъ шататься по кофейнямъ, трактирамъ и балаганамъ, чтобы тамъ попить, тамъ поѣсть, тамъ повеселиться, и злѣ разстратилъ свои деньги на попойки и срамныя дѣла. Не погубилъ ли и тутъ онъ времени своего напрасно, безумно растративъ притомъ и деньги? Допустимъ, что онъ не дѣлалъ ни одного изъ указанныхъ нами противныхъ дѣлъ; но если онъ, пришедши на торгъ вмѣстѣ съ другими купцами, протолкался все время по торгу изъ конца въ конецъ, не начиная никакихъ торговыхъ сдѣлокъ, а лишь глазѣя и балагуря со знакомыми и незнакомыми, между тѣмъ какъ другіе усердно обдѣлывали свои дѣла, ни на что стороннее не обращая вниманія; то, когда по окончаніи торга, всѣ разошлись по своимъ мѣстамъ, эти, такъ усердно хлопотавшіе по своимъ дѣламъ и продажею пріобрѣтшіе не малую прибыль, а на покупкахъ надѣющіеся получить еще большую, — не искупили ли времени своего? А онъ, прозанимавшійся сторонними вещами, не заботясь о торговлѣ, не погубилъ ли времени своего, хотя тамъ же былъ съ тѣми купцами? Если также, когда другіе торговцы, имѣя въ виду прибыль, какую чаютъ получить отъ торговли, не смотрятъ ни на отдаленность мѣста торга, ни на трудности пути туда, ни на опасности отъ разбойниковъ и ни на что другое подобное, но, въ надеждѣ на прибыль со всею торопливостію спѣшатъ на торжище, онъ, убоясь всего этого, не отправится туда, и даже послѣ того, какъ другіе, желая, убѣдить его ѣхать съ ними, пообѣщаютъ ему охранить его отъ всѣхъ опасностей, страшащихъ его, не согласится на то, то эти, ѣздившіе на торжище, поторговавшіе тамъ и получившіе добрую отъ того прибыль, не искупили ли времени, а онъ, убоявшійся страха, гдѣ не

было страха, не погубилъ ли его?—Подобное тому, что сказано нами въ этомъ примѣрѣ, случается и въ духовной жизни: ибо бываетъ, что когда другіе братія наши христіане со всѣмъ тщаніемъ исполняютъ заповѣди Божіи и преуспѣваютъ въ добродѣтеляхъ со всѣмъ усердіемъ и горячностію, мы проводимъ жизнь свою въ нерадѣніи и бездѣйствіи, не заботясь о такомъ исполненіи заповѣдей и о такомъ преуспѣяніи въ добродѣтеляхъ. И явно для всѣхъ, что въ такомъ случаѣ тѣ искупаютъ время свое и великую пріобрѣтаютъ пользу и прибыль для душъ своихъ, а мы губимъ время свое, и вмѣстѣ съ нимъ души свои.

2. Впрочемъ, если кажется вамъ благословнымъ, изслѣдуемъ еще получше смыслъ апостольскаго изреченія, чтобы познать, какъ искупается время, и какое это время, и какіе это дни лукавые, изъ-за которыхъ долженствуемъ мы искупать время. Время купли для всякаго человѣка есть время настоящей жизни, и дни настоящей жизни явно суть дни лукавые (злые) для тѣхъ, которые не пользуются ими, какъ подобаетъ. Всякій человѣкъ, живущій въ настоящей жизни цѣломудренно, праведно и благочестно, и мужественно, съ благодушнымъ терпѣніемъ переносящій всѣ притрудности и прискорбности искушеній и бѣдъ, причиняемыхъ видимыми и невидимыми врагами, всякій такой мудро искупаетъ время и успѣшно дѣетъ куплю, наперекоръ злымъ днямъ настоящей жизни. Чтобъ это было болѣе для васъ ясно, возьму доказательство изъ того, что каждодневно происходитъ въ настоящей жизни. Кто умѣетъ хорошо торговать настоящею жизнію, тотъ, встрѣтивъ скорби, поношенія, безчестія и осмѣянія, и зная, какую могутъ онѣ принесть пользу, и провидя великую отъ нихъ прибыль, тотчасъ схватываетъ ихъ и возложивъ на рамена свои, течетъ съ ними радуясь, и

такимъ образомъ вмѣсто сребра однимъ терпѣніемъ мгновенно искупаетъ время, тогда какъ многіе не успѣваютъ въ этомъ, несмотря на то, что постятся, проводятъ ночи безъ сна, спятъ на голой землѣ и подъемлютъ другіе подвиги и труды въ продолженіе долгихъ лѣтъ. И скажу вамъ, что кто не умѣетъ такимъ образомъ дѣять куплю, тотъ губитъ время спасенія своего.

Если хотите, пояснимъ дѣло и другимъ примѣромъ. Два человѣка насильно принуждаются какимъ-либо тиранномъ преступить заповѣдь Божію. Одинъ, убоявшись мукъ и истязаній, какими устрашалъ его тираннъ, убѣгаетъ и скрывается; а другой мужественно противостоитъ искушенію, претерпѣвъ всѣ казни и терзанія, или даже и смерть за заповѣдь Божію. Кто изъ этихъ двухъ искупаетъ время? Тотъ ли, кто скрывается, убѣжавъ отъ страданій, или тотъ, кто покорно предаетъ себя на страданія и мужественно переноситъ ихъ, или даже и умираетъ за заповѣдь Божію? Очевидно, что кто претерпѣваетъ страданія и не бѣжитъ даже отъ смерти, тотъ искупаетъ время; а другой теряетъ вмѣстѣ со временемъ и то, что было бы полезно для спасенія души своей.

Итакъ, которые претерпѣваютъ въ настоящей жизни скорби и искушенія, ради богоугодной цѣли, тѣ покупаютъ себѣ вѣчныя блага и нескончаемое радованіе; чрезъ смерть тѣлесную они покупаютъ себѣ жизнь вѣчную и безсмертную вмѣстѣ съ безсмертнымъ и вѣчнымъ Богомъ. Какъ иной торговецъ, нашедши множество предметовъ многоцѣнныхъ, продаваемыхъ однакожъ за ничтожную цѣну, поспѣшно съ радостію дастъ эту цѣну, чтобы поскорѣе завладѣть такими драгоцѣнностями; такъ и подвизающійся за заповѣдь Божію съ готовностію и радостію рѣшается на смерть, вѣруя несомнѣнно, что покупаетъ себѣ вѣчныя блага этою смертію, которая въ сравненіи съ ними ничто. Но животолюбцы, славолюбцы,

плотолюбцы, сластолюбцы и богатстволюбцы не дѣлаютъ такъ; но когда бываютъ притѣсняемы какимъ-либо властителемъ, понуждающимъ ихъ преступить заповѣдь Божію, не могутъ перенести гнѣва его и непріязни, безчестія и ущерба, какими онъ угрожаетъ имъ, и несмысленно продавъ вѣчное и многоцѣнное, покупаютъ временное и тлѣнное, и ничего не стоющее, спасеніе же свое, т.-е. жизнь вѣчную теряютъ. Такіе не какъ подобаетъ дѣютъ куплю во время настоящей жизни; потому что предпочитаютъ лучше покупать себѣ утѣшеніе на краткое время, какое имѣютъ жить здѣсь, чтобы за то мучиться въ безпредѣльные и нескончаемые вѣки.

Чтобы не пострадать и намъ тогоже, будемъ, умоляю васъ, искупать время, пока еще стоитъ торжище настоящей жизни; потому что дни этой жизни крайне лукавы и каждодневно воздымаютъ неисчетныя волны сланаго моря грѣховнаго, которыя, обрушиваясь на насъ, то исполняютъ души наши срамными движеніями чрезъ сладострастіе тѣла, то ввергаютъ въ печаль, или въ гнѣвъ, чрезъ враговъ видимыхъ и невидимыхъ, и какъ тѣмъ, такъ и другимъ покушаются совсѣмъ удалить насъ отъ царства небеснаго. Почему, искупая время жизни своей, со всею готовностію и рвеніемъ, всецѣло предадимъ себя на одно дѣланіе заповѣдей Божіихъ и на одно стяжаніе всякой добродѣтели, да сподобимся преисполниться сокровищами благодати Святаго Духа и безопасно войти въ небурное пристанище Божіе и въ царство Его. Такимъ образомъ избѣгнемъ мы лукавства дней сихъ, и по минованіи ихъ, не услышимъ онаго страшнаго гласа, посылающаго грѣшниковъ въ огнь вѣчный, уготованный діаволу и ангеламъ его.

Будемъ искупать разумность души нашей, научая ее презирать бѣдныя и привременныя блага и углублять-ся въ размышленіе о благахъ духовныхъ и вѣчныхъ.

Мудрованія же плотскаго будемъ всячески бѣгать, потому что оно неугодно Богу и при немъ нѣтъ возможности оторваться отъ наслажденія привременнымъ и вознестись умомъ къ небесному и вѣчному. Мудрованіе плотское тому, кто порабощенъ ему, не даетъ жить по Богу, но увлекаетъ душу его къ безсловеснымъ стремленіямъ плоти и всего человѣка дѣлаетъ подобнымъ неразумному животному.

Будемъ искупать дѣлающую насъ присными Богу правду со всякимъ благоговѣніемъ и разсужденіемъ, различая праведное отъ неправеднаго, предпочитая добродѣтель пороку, и не давая мѣста лукавому діаволу, уготовляющему погибель душѣ нашей. Будемъ всему отдавать подобающее: тѣлу дадимъ пищи столько, чтобы живо было, и достаточное одѣяніе; душѣ же отдадимъ всю силу и все усердіе, чтобъ питать ее и очищать размышленіемъ о божественныхъ вещахъ, молитвою и слезами и чтеніемъ Божественныхъ Писаній, и такимъ образомъ сдѣлать достойною воспріять божественный свѣтъ солнца правды, Бога, Который и оправдаетъ насъ благодатію Святаго Духа, и единеніемъ съ Собою содѣлаетъ праведными, достойными насладиться неизреченными благами царства Его.

Будемъ искупать мужество душъ нашихъ чрезъ благодушное претерпѣніе всякихъ искушеній, по слову Господа, Который говоритъ: *въ терпѣніи вашемъ стяжите души ваша* (Лк. 21, 19), мужественнымъ помысломъ противостоя грѣху и бія врага нашего орудіями Святаго Духа. Позлопостраждемъ, какъ добрые воины Христовы, въ пощеніяхъ, бдѣніяхъ, долулеганіяхъ, въ плачѣ, во вретищи и пеплѣ, въ покаяніи и непрестанныхъ къ Богу взываніяхъ, да пріимемъ вѣнецъ побѣды и воцаримся со Христомъ во вѣки вѣковъ.

Будемъ искупать цѣломудріе тѣла нашего всякимъ

воздержаніемъ и смиреніемъ: ибо борецъ, законно подвизающійся на поприщѣ благочестія, отъ всего воздерживается, какъ говоритъ божественный Апостолъ (2 Тим. 2, 5; 1 Кор. 9, 25). Если успѣемъ стяжать цѣломудріе, то избѣжимъ злаго дня безсловеснаго похотѣнія, которое воистину есть самый злой врагъ дѣйственности Святаго Духа, избѣжимъ осквернения души, причиняемаго такого рода страстными движеніями, избѣжимъ осужденія совѣсти, нечистоты сердца, презрѣнія и осужденія человѣческаго, и самаго отверженія и гнѣва Божія.

Такою духовною куплею премного получимъ мы прибыли, если разумно будемъ вести торгъ во время сіе, теча стезею настоящей жизни въ правдѣ и цѣломудріи, и мужественно перенося тяготу и зной дня. Ибо если симъ образомъ будемъ куплю дѣять во время настоящей жизни, оставивъ привременное тѣмъ, для кого оно вожделѣнно, себѣ же стараясь присвоить одно нетлѣнное и вѣчное, то несомнѣнно внидемъ въ неволненное и небурное пристанище царствія Божія, неся съ собою всѣ усокровиществованные дары Святаго Духа, и не убоимся ни страшнаго онаго гласа, отсылающаго грѣшниковъ въ огнь вѣчный, ни горькихъ оныхъ мукъ, такъ какъ будемъ имѣть съ собою многоцѣнный бисеръ Духа, который обрѣли мы въ періодъ торговаго времени настоящей жизни, продавъ всѣ свои желанія, мудрованія, расположенія и силы, и купивъ его.—Да сподобимся и мы стяжать его во время настоящей жизни, благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, Коему слава и держава во вѣки. Аминь.

СЛОВО ТРИДЦАТЬ ПЯТОЕ.

1. О словахъ: *первый человѣкъ отъ земли перстенъ, вторый человѣкъ Господь съ небесе* (1 Кор. 15, 47).

2. Какъ совлекаемся мы перстнаго человѣка, и облекаемся во Христа, и дѣлаемся родственниками Ему и братіями.

1. И прежде богато угостилъ уже насъ блаженный Павелъ трапезою божественныхъ словесъ, и преобрадовалъ сердца наши; и теперь опять угощаетъ насъ другою трапезою тѣхъ же богодухновенныхъ словесъ, которая, бывъ преисполнена духовныхъ брашнъ, питающихъ внутренняго человѣка, и веселящихъ и укрѣпляющихъ сердце. живоноснымъ хлѣбомъ Слова и радостворнымъ виномъ премудрости и Боговѣдѣнія, преисполнена еще и божественною благодатію Святаго Духа, наполняющею душу всякою радостію и веселіемъ и располагающею ее, оставя земное, возноситься на крылахъ ума къ небесному и къ самому Богу. Посмотримъ же, какая это апостольская трапеза, и какія на ней брашна? Но прежде исторгнемъ умъ нашъ изъ земнаго, и, какъ имѣющіе услышать божественные глаголы, изостримъ вниманіе, чтобы со всѣмъ тщаніемъ внимать изрекаемому, да достойно содружимся съ Духомъ Святымъ, Который чрезъ Апостола научаетъ насъ сокровеннымъ тайнамъ царства небеснаго.

Вотъ что говоритъ онъ: *первый человѣкъ отъ земли перстенъ, вторый человѣкъ Господь съ небесе.* Не оставь, возлюбленный, безъ изслѣдованія слова сего, и не подумай, что оно удобопонятно. Оно содержитъ въ себѣ глубокія мысли и требуетъ великаго вниманія и изслѣдованія. Но уготовь слухъ твой къ слышанію того, что будетъ говориться, и познаешь глубину таинъ Божіихъ, которыя сокрыты въ семъ изреченіи.

Первый человѣкъ отъ земли перстенъ: вторый человѣкъ Господь съ небесе. Яковъ перстный, такови и перстніи; и яковъ небесный, таціы же и небесніи. Первымъ и перстнымъ человѣкомъ называетъ онъ Адама, какъ написано: *и созда Богъ человѣка, персть вземъ отъ земли* (Быт. 2, 7), который послѣ того, какъ былъ созданъ изъ земли перстнымъ и пріялъ духа жизни, именуемаго мысленною душею и образомъ Божіимъ, введенъ былъ Богомъ въ рай и получилъ повелѣніе воздѣлывать его и хранить, чтобы, пока будетъ соблюдать заповѣдь Божію, пребывать въ немъ безсмертно, сообращаясь съ Ангелами, и вмѣстѣ съ ними всегда славословя Бога, умно созерцая Его, пріемля (мысленныя) осіянія отъ Него и слушая (когда потребно) божественный гласъ Его; а въ какой часъ нарушитъ заповѣдь Божію и снѣстъ отъ древа, отъ котораго повелѣно ему не ясти, быть предану смертности, возслѣпотствовать очами души своей, совлечься одѣянія божественной славы, лишену быть сообращенія съ Ангелами и изгнану изъ рая, какъ онъ и потерпѣлъ все сіе. Ибо когда онъ склонился на лукавыя слова прельстителя діавола и преступилъ заповѣдь Божію, вкусивъ отъ древа познанія добра и зла, то праведно лишился всѣхъ оныхъ благъ, сдѣлался глухъ (для духовнаго), чтобы нечистыми ушами не слышать болѣе божескихъ словесъ, кои слышатъ только одни достойные, и ослѣпъ душевно, чтобъ не видѣть болѣе оной славы неизглаголанной, такъ какъ самоохотно отдалилъ отъ оной умъ свой и страстнымъ вниманіемъ впился въ плодъ древа запрещеннаго, повѣривъ змію, который сказалъ: *въ оньже аще день снѣсте отъ него, будете яко бози, вѣдяще доброе и лукавое* (Быт. 3, 5). Этими словами обольстился перстный человѣкъ, и надѣясь, что дѣйствительно станетъ богомъ, вкусилъ отъ древа познанія. За это лишился онъ всѣхъ

духовныхъ и небесныхъ благъ, а вмѣсто ихъ получилъ пристрастіе къ земнымъ и видимымъ тварямъ, и сталъ, скажу опять тоже, глухъ, слѣпъ, нагъ, несочувственъ къ тѣмъ благамъ, отъ которыхъ ниспалъ, ктому же еще смертенъ, тлѣненъ и несмысленъ, подобно неразумнымъ животнымъ, какъ говоритъ церепророкъ Давидъ: *приложися скотомъ несмысленнымъ и уподобися имъ* (Пс. 48, 13). Видишь теперь, отъ какой славы и какого блаженства, въ какое безчестіе, неразуміе и тлѣніе низринулся человѣкъ? Отъ сколь великаго богатства въ сколь великую пришелъ бѣдность? И мы еще не все сказали, что слѣдуетъ сказать. Итакъ первый человѣкъ бысть отъ земли перстенъ, и содѣлался (нравственно) перстнымъ (плотянымъ) такъ, какъ мы сказали.

Теперь посмотримъ и поучимся изъ Божественныхъ Писаній, что есть вторый человѣкъ, Господь съ небесе? Сей есть Богъ отъ Бога, безначальный Сынъ безначальнаго Отца, Безтѣлесный Безтѣлеснаго, Непостижимый Непостижимаго, Вѣчный Вѣчнаго, Неприступный Неприступнаго, Невмѣстимый Невмѣстимаго, Безсмертный Безсмертнаго, Невидимый Невидимаго, Слово Бога и Богъ, Коимъ сотворено все и земное и небесное. Будучи же таковъ, и пребывая въ Отцѣ, и Отца имѣя пребывающимъ въ Себѣ, не отдѣляясь отъ Него, сошелъ Онъ на землю и воплотился отъ Духа Святаго и Маріи Дѣвы, и содѣлался человѣкомъ, подобнымъ намъ по всему кромѣ грѣха, чтобы возсоздать и обновить того перваго человѣка, а съ нимъ и всѣхъ, отъ него рожденныхъ и раждающихся, такъ какъ и они подобны ему, ихъ породившему. Ибо, какъ Адамъ, породившій ихъ, по преступленіи заповѣди сдѣлался тлѣннымъ, смертнымъ, слѣпымъ, обнаженнымъ отъ божественнаго одѣянія, и безчувственнымъ, такъ и они всѣ, рожденные отъ него, сдѣлались всѣмъ тѣмъ, чѣмъ сталъ онъ—перст-

ный, т.-е. тлѣнными, смертными, глухими, слѣпыми, обнаженными, безчувственными, ничѣмъ почти не разнящимися отъ неразумныхъ животныхъ, или, лучше сказать, ставшими хуже ихъ, такъ какъ они собрали въ себя однихъ страсти каждаго животнаго и держатъ ихъ въ себѣ самихъ. Ктомуже эти, рожденные перстными, ниспали въ такое великое безсмысліе и въ такое невѣдѣніе Бога и заповѣдей Его, что ту честь, какую надлежитъ воздавать единому Богу, стали воздавать видимымъ тварямъ Его, и не только небо и землю, солнце, луну и звѣзды, огонь, воду и прочія твари обоготворили, но даже самыя срамныя страсти, и тѣ обоготворили, и имъ, о безсмысліе, покланялись, какъ Богу. И какія страсти? Блудъ, прелюбодѣяніе, мужеложство, убійство, и другое многое, сему подобное. Все это дѣлать научилъ и склонилъ человѣка діаволъ, подчинившій себѣ чрезъ то весь родъ человѣческій. Если и бывалъ, въ древнее время, кто изъ безчисленныхъ темъ людей, не всякую діаволю волю исполнявшій, но всякій не тѣмъ, такъ другимъ грѣшилъ. Да и того одного, что всякій происходилъ отъ сѣмени тѣхъ, кои согрѣшили вначалѣ, достаточно было къ тому, чтобъ всякій предаваемъ былъ смерти и тлѣнію и низводимъ во адъ. И не было никого, кто бы могъ избавить изъ рукъ его.

Но сжалился надъ нами Богъ Слово, Творецъ нашъ, и какъ самъ Онъ вѣсть, сошелъ на землю, и содѣлался человѣкомъ, не по образу человѣческаго зачатія, но отъ Духа Святаго и Маріи Приснодѣвы, какъ написано: *и Слово плоть бысть и вселися въ ны* (Іоан. 1, 14). Ибо какъ въ началѣ Богъ создалъ человѣка, персть вземъ отъ земли и вдунувъ въ лице его дыханіе жизни, и бысть совершенъ человѣкъ въ душу живу, не тѣмъ образомъ, какъ обычно раждаются люди: такъ Онъ же, пришедши возсоздать его, содѣлался человѣкомъ совершен-

нымъ по тѣлу и душѣ, не по образу человѣческаго зачатія. Читаемъ въ ветхозавѣтномъ Писаніи, что Богъ навелъ сонъ на Адама, и взявъ одно изъ ребръ его, создалъ изъ него жену: такъ сдѣлалъ Онъ и здѣсь, при собственномъ Своемъ воплощеніи. Но внемли, да разумѣешь!

2. Ребро Адамово есть жена. Изъ этого Адамова ребра, т.-е. жены, Богородицы Маріи, Сынъ и Слово Бога и Богъ взялъ плоть и претворилъ ее въ мужа совершенна съ душею и тѣломъ, чтобъ воистину быть сыномъ Адама. Сдѣлавшись же человѣкомъ, подобнымъ намъ по всему, кромѣ грѣха, Онъ сталъ тотчасъ вмѣстѣ съ тѣмъ сродникомъ по плоти всѣхъ людей, какъ утверждаетъ и божественный Златоустъ тамъ, гдѣ говоритъ: „облекшись плотію, Христосъ облекся въ братство намъ.“ Но Христосъ, будучи Богомъ вмѣстѣ и человѣкомъ, какъ по божеству есть и пребудетъ святъ, такъ и по человѣчеству, и душею и плотію, есть и пребудетъ святъ, пресвятъ и пренепорочевъ; прочіе же люди, хотя стали братьями и сродниками Его по плоти, но какъ перстные, остались такими же и не сдѣлались тотчасъ (т.-е. чрезъ самое дѣло воплощенія Бога) святыми и сынами Божіими. Теперь внемли со тщаніемъ тому, что буду тебѣ говорить. Содѣлался человѣкомъ Богъ, и тотчасъ сталъ сродникомъ и братомъ людей. Но поелику Онъ одинъ былъ Сыномъ Божіимъ и Богочеловѣкомъ, то одинъ Онъ былъ, есть и будетъ святъ, одинъ праведенъ, одинъ истиненъ, одинъ безсмертенъ, одинъ человѣколюбецъ, одинъ милостивъ и благоутробенъ, одинъ Властелинъ и Господь, одинъ Свѣтъ міра и Свѣтъ неприступный. Мы же, какъ смертные и тлѣнные, не имѣемъ (оставаясь въ своемъ естественномъ порядкѣ) съ Нимъ никакого другаго общенія, кромѣ одного сродства по плоти, какъ сказано выше. Посему посредницею между Богомъ и людьми поставлена вѣра

въ Него (Спасителя), чтобы Богъ, вмѣсто всего другаго, принималъ одну эту вѣру, которую имѣемъ въ Него, зная, что мы бѣдны и что совершенно ничего не можемъ принести Ему для спасенія своего, кромѣ одной вѣры, и за одну эту вѣру миловалъ насъ и подавалъ намъ оставленіе грѣховъ нашихъ и избавленіе отъ смерти и тлѣнія. Что все и даруетъ Онъ даже доселѣ всѣмъ, которые отъ всей души вѣруютъ во Христа Господа, и не это одно, но и все то, о чемъ обѣтовалъ во святомъ Евангеліи, что все конечно получимъ чрезъ Него, т.-е. блага оной земли, которую наслѣдятъ кроткіе съ великимъ веселіемъ и радостію сердецъ ихъ,— даруетъ все то, чтобъ Онъ (Христосъ) соединялся съ нами, и чрезъ Него мы оба содѣлывались едино съ Богомъ и Отцемъ Его, сочетаваемы бывая въ тоже время и съ Духомъ Святымъ.

Все сказанное мы дѣйствительно получаемъ, когда вѣрно соблюдаемъ, что обѣщали соблюдать во святомъ крещеніи, и убѣгаемъ всего, отъ чего тогда отреклись. Когда соблюдаемъ мы все это и всѣ заповѣди Божіи, тогда бываемъ истинно вѣрующими, яко показующіе вѣру свою отъ дѣлъ своихъ, и, какъ Онъ есть, содѣлываемся святыми и совершенными, и всѣ всецѣло небесными, чадами Бога небеснаго, и во всемъ подобными Ему, Христу Господу, какъ и Онъ содѣлался подобнымъ намъ по всему, кромѣ грѣха: только мы содѣлываемся подобными Ему по благодати.

Когда же, предавшись нерадѣнію, презримъ святыя и животворныя Его заповѣди и, возвратясь на прежнее, начнемъ дѣлать то, что заповѣдуетъ Онъ намъ не дѣлать, тогда тотчасъ лишаемся всѣхъ благъ, какія даровалъ Онъ намъ чрезъ святое крещеніе. И какъ Адамъ по преступленіи заповѣди изгнанъ былъ изъ рая и удаленъ отъ сладостей его, отъ сообращенія съ Ангелами, какое

имѣлъ тамъ, и отъ самого Бога; такъ и мы, когда грѣшимъ, отдаляемся отъ церкви святыхъ рабовъ Его, совлекаемся божественнаго онаго одѣянія, самого, говорю, Христа Господа, въ Коего вѣруемъ и въ Коего облеклись, когда крестились, лишаемся жизни вѣчной и свѣта онаго невечерняго и непрестающаго, и вѣчныхъ благъ, равно какъ освященія и сыноположенія, и изъ ставшихъ-было небесными и во всемъ подобными второму человѣку, Господу Іисусу Христу, дѣлаемся опять перстными, какъ былъ первый оный человѣкъ, и не только это, но дѣлаемся повинными смерти, имѣющими наслѣдовать тьму кромѣшную и огонь неугасимый, идѣже плачь и скрежетъ зубовъ. Пусть не терпимъ мы изгнанія изъ видимаго рая и не слышимъ осужденія въ потѣ лица воздѣлывать землю; но мы сами себя изгоняемъ изъ царства небеснаго, отчуждаемъ отъ оныхъ благъ, ихже око не видѣ, и ухо не слыша, и на сердце человѣку не взыдоша, и дѣлаемъ повинными нескончаемому мученію. И еслибы не даровалъ намъ Богъ еще такого блага, чтобъ мы могли опять возвращаться къ Нему чрезъ покаяніе, то и спастись никому не было бы возможности.

Посему-то благоутробный, человѣколюбивый и спасенія нашего желающій Богъ премудро поставилъ между нами и Собою таинство исповѣди и покаянія, и каждому далъ власть, если хочетъ, чрезъ исповѣдь и покаяніе, возстать отъ своего паденія грѣховнаго, которымъ палъ, и опять придти въ прежнее родство, славу и дерзновеніе, какія имѣлъ у Бога, и опять стать наслѣдникомъ всѣхъ благъ, о коихъ мы сказали выше, или еще большихъ, если покажемъ болѣе теплое покаяніе. Ибо какое показываетъ человѣкъ покаяніе, такое же обрѣтаетъ и дерзновеніе и къ Богу присвоеніе, удостоиваясь ясно сознать сіе и бесѣдовать съ Богомъ, какъ другъ съ другомъ, лицемъ къ лицу.

Итакъ, которые послѣ крещенія не чувствуютъ удостовѣренія, что имѣютъ къ Богу такое дерзновеніе и присвоеніе и причастны тѣхъ благъ, о коихъ мы сказали, и не сознаютъ, что облечены во Христа, и не зрятъ свѣта божества Его, съ свѣтомъ Духа Святаго, пусть тщательно изслѣдуютъ совѣсть свою, и конечно найдутъ, что не соблюли или всѣхъ, или нѣкоторыхъ изъ тѣхъ соглашеній, въ которыя вступили съ Богомъ, когда приняли крещеніе, или что зарыли въ землю талантъ свой, т.-е. полученный ими даръ освященія и сыноположенія, и не умножили его; почему и не удостоиваются созерцать и умно видѣть Владыку своего. Богъ истиненъ и не раскаявается въ дарованіяхъ, подаемыхъ Имъ; а Онъ самъ говоритъ: *имѣяй заповѣди Моя и соблюдаяй ихъ, той есть любяй Мя. И Азъ возлюблю его, и явлюся ему Самъ* (Іоан. 14, 21). Слышали, что говоритъ владыка Христосъ? Кто, говоритъ, Меня возлюбитъ и заповѣди Моя соблюдетъ, того и Я возлюблю и явлюся ему Самъ. Если теперь Христосъ есть истина, какъ Самъ Онъ сказалъ: *Азъ есмь истина* (Іоан. 14, 6); а истинѣ невозможно солгать, какъ говоритъ Апостолъ: *невозможно солгати Богу* (Евр. 6, 18); то пусть никто изъ тѣхъ, которые не видятъ Господа, не говоритъ, что невозможно Его видѣть; тогда какъ это не только не невозможно, но и очень легко. Если Онъ, какъ Самъ говоритъ, есть *свѣтъ міру* (Іоан. 8, 12); то которые Его не видятъ, конечно слѣпы суть, а слѣпы они суть, потому что ни Его не возлюбили, ни заповѣдей Его не соблюли. Ибо еслибъ они возлюбили Его и заповѣди Его соблюли, то и они всею душею возжелали бы и взыскали бы увидѣть Его, и Онъ всеконечно Самъ явилъ бы Себя имъ, яко неложный, существенно истинный и само-истина. Онъ за тѣмъ и пришелъ въ міръ, чтобы свѣтомъ Своей славы и своего божества просвѣтить всѣхъ находящихся въ мірѣ

и сѣдящихъ во тьмѣ. Итакъ, которые христіане не видятъ умно Господа, не освѣщаются явственно и знательно Его божескимъ свѣтомъ, не видятъ Его пребывающимъ въ себѣ, пусть не говорятъ, какъ невѣрные, что невозможно Его видѣть; но каждый изъ насъ, возлюбленные мои, пусть испытаетъ совѣсть свою, какъ я сказалъ уже, и конечно найдетъ, что самъ виноватъ, что не имѣетъ въ себѣ Бога и не видитъ славы Его; а затѣмъ пусть покается и восплачетъ о себѣ, что находится въ такомъ бѣдномъ состояніи, и потщится покаяніемъ и исповѣданіемъ возвратить потерянное, да улучитъ и вѣчныя блага во Христѣ Іисусѣ, Господѣ нашемъ, Коему слава и держава, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

СЛОВО ТРИДЦАТЬ ШЕСТОЕ,

1. Богъ въ день суда осудитъ, какъ грѣшниковъ, тѣхъ, которые не ищутъ пріять благодать Божію.
2. Сила грѣха непонятна.
3. Христосъ употребляетъ члены христіанъ, какъ орудія.

1. Естеству человѣческому свойственно грѣшить, потому что съ того времени, какъ Адамъ преступилъ заповѣдь Божію, стало немощно естество сіе и не можетъ не грѣшить. (Немощно оно есть, потому что не облечено умною свыше силою Святаго Духа, которая называется благодатію Господа нашего Іисуса Христа; благодатію же называется, потому что даруется человѣку по одной вѣрѣ, а не за добрыя дѣла). Какъ опять естеству ангельскому свойственно не грѣшить, потому что ангелы сильны крѣпостію и облечены въ божественное одѣяніе Духа Святаго, безъ коего невозможно не грѣшить. Посему, когда Богъ сядетъ на престолѣ судить міръ, тогда осуждая грѣшниковъ за то, что грѣшили, осудитъ ихъ наипаче за то, что не прибѣгали къ Богу всевышнему, яко

немощные и грѣшащіе по немощи, и не умоляли Его послать имъ свыше благодать Всесвятаго Духа, да избавитъ ихъ отъ немощи и даруетъ имъ силу не грѣшить.

Кто не знаетъ, что Ангелы, облечены ли они во всеоружіе свое, или не облечены, сильнѣе человѣкъ? (А всеоружіе Ангеловъ есть вседержительная сила Святаго Духа, которую носятъ они въ себѣ съ того момента, какъ созданы, такъ какъ и созданы быть разумными и мысленными пріятелицами несозданнаго и божественнаго осіянія, яко существа чистѣйшія). Сильнѣе, потому что суть простое естество; а люди составлены изъ словесной и мысленной души и изъ тѣла чувственнаго и видимаго. Облечены были и они такимъ же всеоружіемъ, т.-е. божественною силою, какую носятъ въ себѣ и Ангелы, какою и люди бываютъ сильны и святы (хотя одинъ только Адамъ до преступленія заповѣди былъ облеченъ въ такое всеоружіе Божіе). Но поелику Богъ совлекъ съ діавола за гордость сію божественную силу, равно какъ и со всего его полчища; то эта нечистая сила позавидовала человѣку и употребила свои усилія, чтобъ и съ человѣка была совлечена божественная сила. И дѣйствительно, по навѣту ея, лишился человѣкъ покрывавшей его божественной силы и сдѣлался обнаженнымъ отъ нея, какъ были уже обнажены отъ нея демоны. И вотъ обнаженные демоны побѣждаютъ обнаженнаго человѣка, какъ сильнѣйшіе его; потому что они просты и безтѣлесны, а человѣки сложны и несутъ бремя плоти. И съ того времени, какъ палъ первозданный, даже доселѣ никто не можетъ и немогъ, да и въ послѣдующее время никогда не возможетъ ни одинъ человѣкъ противостать діаволу и прочимъ нечистымъ силамъ и препобѣдить ихъ, потому, какъ я сказалъ, что хотя и они обнажены отъ божественной силы, но какъ безплотные, они сильнѣе обнаженныхъ тойже силы людей. Почему и Апостолъ

говоритъ: *братіе, облецытеся во вся оружія Божія, яко возмощи вамъ стати противу кознемъ діавольскимъ: яко нѣсть наша брань къ крови и плоти, но къ началомъ и ко властемъ и къ міродержителемъ тмы вѣка сего, духовомъ злобы поднебеснымъ* (Еф. 6, 10—12).

И въ этомъ ничего нѣтъ дивнаго (т.-е. что они міродержители). Ибо какъ только обнажился человѣкъ отъ божественной благодати, тотчасъ и вся видимая тварь, созданная для человѣка, обнажилась вмѣстѣ съ человѣкомъ отъ божественнаго свѣта, ее осіявавшаго, и растлилась, какъ говоритъ тотъ же Апостолъ: *суетѣ тварь повинуся не волею, но за повинувшаго ю на упованіи, яко и сама тварь свободится отъ работы истлѣнія въ свободу славы чадъ Божіихъ. Вѣмы бо, яко вся тварь съ нами совоздыхаетъ и сболѣзнуетъ даже донынѣ. Чаяніе бо твари откровенія сыновъ Божіихъ чаетъ* (Рим. 8, 19—22). А когда вся видимая тварь лишилась такимъ образомъ божественнаго освѣщенія, тогда началъ въ ней носиться (χορεύειν, гарцовать) діаволъ съ прочими демонами, какъ хотѣлъ, и гдѣ хотѣлъ, и сдѣлался княземъ міра сего преходящаго. Княземъ и властителемъ міра сего былъ человѣкъ; но когда діаволъ прельстилъ его, то, по попущенію Божію, взялъ отъ него начальство и власть, и назвался княземъ міра сего, и властвуетъ, какъ и разбойники властвуютъ надъ тѣмъ, что насильственно захватятъ въ свои руки, *не сущу избавляющу, ниже спасающу* (Пс. 7, 3). Есть, правда, избавляющій и спасающій Богъ; но этотъ разбойникъ діаволъ успѣваетъ такъ обольщать подпавшихъ его тиранніи, что они остаются довольными бѣдственнымъ положеніемъ, въ коемъ находятся, рады рабству своему, любятъ нечистоты и неправды, въ коихъ валяются, и не желаютъ освобожденія.

2. И это рабство діаволу есть нѣкая престранная вещь. Ибо вообрази, какимъ непонятнымъ образомъ властвуетъ

грѣхъ надъ человѣческимъ естествомъ! Большею частію этого ни разумъ не разумѣетъ, ни совѣсть не ощущаетъ. Понять нельзя, какимъ образомъ бываетъ, что человѣкъ находитъ утѣху и веселіе въ пѣсняхъ и плескахъ, въ шуткахъ и смѣхахъ, въ играхъ и забавахъ, въ борьбахъ и кулачныхъ бояхъ, и во многомъ другомъ излишнемъ и непотребномъ, и несмотря на то, что все это очевидно безполезно и непристойно человѣку, не жалѣетъ на это трудовъ, заботы и силъ; а къ тому, что добро и Богу угодно и не требуетъ иногда никакихъ трудовъ, душа у него не лежитъ, и онъ тяготится тѣмъ, скучаетъ за тѣмъ и бѣжитъ отъ того, хотя-то никакого не причиняетъ ему зла, а приноситъ одно добро. И смотри, какъ лукава эта тайная сила! Она привела человѣка, разумную тварь, въ такое бѣдное и жалости достойное состояніе, что онъ отвращается отъ подобающаго ему, какъ отъ неподобающаго, и любитъ неподобающее ему и несообразное съ нимъ, какъ подобающее и сообразное. И еще хуже то, что когда познавъ всю пустоту и лживость такихъ утѣхъ, онъ захочетъ отстать и отвратиться отъ нихъ, то встрѣчаетъ въ этомъ большой для себя трудъ. Понимаешь ли эту бѣдственность? Постигаешь ли нужду и насиліе, претерпѣваемое человѣческимъ естествомъ? Видишь ли опасность? Когда призываютъ въ храмъ Божій, то какъ старцы, такъ юноши и дѣти тяготятся идти; а на гулянья, игры и въ хороводы всѣ бѣгомъ бѣгутъ съ великою радостію и поспѣшностію.

3. Сколь же великая потребна для человѣческаго естества сила, чтобы преодолѣть эту злую дѣйствующую въ немъ силу, и отложить такой нравъ неестественный, кажущійся ему естественнымъ, и воспріять естественный, кажущійся ему неестественнымъ? Требуется сила божественная и вышеестественная; потому что если не будетъ онъ возсозданъ и обновленъ благодатію Господа нашего Іисуса Христа, то не можетъ перемѣниться на

лучшее и придти въ свое естественное состояніе. И пусть никто не присвояетъ себѣ спасенія, если не измѣнился еще въ настроеніе духовное и богоугодное, какое подобаетъ имѣть человѣку, такъ чтобы радовался о дѣлахъ божественныхъ и скорбѣлъ о злыхъ. Только въ такомъ случаѣ, по мѣрѣ воспріемлемаго имъ измѣненія, можетъ онъ питать и надежду спасенія. Посему смотри всякій христіанинъ на себя по этимъ чертамъ, какъ въ зеркало, чтобъ не обмануть себя самого, потому что характеръ и признакъ тѣхъ, которые могутъ имѣть надежду спасенія, явны.

Это непонятное насильство, какое претерпѣваетъ отъ грѣха и діавола естество человѣческое, знали и древніе святые пророки. и чтобъ избавиться отъ него, взывали ко Господу, и *Онъ посылалъ слово Свое, и исцѣлялъ ихъ, и избавлялъ отъ растлѣній ихъ* (Пс. 106, 20). А святые, являющіеся послѣ воплощеннаго домостроительства, имѣютъ въ себѣ самого Христа Сына Божія и Бога, и носятъ Его въ себѣ, сію Ипостасную силу и премудрость Божію. И кто посмѣетъ напасть и вооружиться на тѣхъ, которые облечены во Христа, какъ во всеоружіе Божіе? На такихъ не смѣетъ нападать діаволъ шуіими, т.-е. грѣхами, но нападаетъ десными, т.-е. добрыми ихъ дѣлами, покушаясь ввергнуть ихъ въ высокоуміе. Но буй есть и несмысленъ тотъ, кто вздумалъ бы гордиться по поводу всеоружія Божія или вседержительной силы Божіей, являемой въ немъ. Ибо Апостолъ, говоря: представьте уды ваша оружія правды Богови, и грѣхъ вами не будетъ обладать, потому что вы подъ благодатію (Рим. 6, 13. 14), явно показываетъ, что дѣйствующій сими орудіями есть Богъ. Посему, какъ чувственныя оружія не имѣютъ своей воли и смысла, чтобы поперечить въ чемъ-либо пользующемуся ими воину, но бываютъ ему послушны, на что

бы онъ ихъ ни употреблялъ, оставляя ему свободу дѣйствовать ими, какъ и когда хочетъ: такимъ же образомъ и христіанинъ долженъ представить уды свои послушными Богу, и что бы ни дѣлалъ, дѣлать то такъ, какъ того хощетъ Богъ; пусть и слушаетъ, и смотритъ, и говоритъ, и осязаетъ, и обоняетъ, и ходитъ, и стоитъ, и лежитъ, и сидитъ, и дѣлаетъ, и безъ дѣла бываетъ, и съ другими общится и уединяется, и даетъ и принимаетъ, и строитъ и разоряетъ, и все вообще пусть дѣлаетъ такъ, какъ хощетъ Богъ. При семъ разсуди всякъ: когда воинъ вооруженный поражаетъ оружіями своими врага, и какъ изрядный борецъ показываетъ тѣмъ силу свою и воинскую опытность, то онъ есть побѣждающій, а не оружіе; и какъ то, что онъ не могъ бы воевать безъ оружія, истинно, такъ и то, что побѣда есть дѣло воина, а не оружія, неложно. Отсюда возьми себѣ такое наведеніе, что какъ оружія, если не бываютъ въ рукахъ воина, который могъ бы ими дѣйствовать, остаются праздными и бездѣйственными, такъ и члены христіанина, если не дѣйствуетъ ими Христосъ, нося ихъ, остаются бездѣйственными (на добро), и не только бездѣйственными, но діаволъ, находя, что не носитъ ихъ Христосъ и они бездѣйственны, схватываетъ ихъ, надѣваетъ и начинаетъ воевать ими противъ христіанъ, и множество душъ оскверняетъ. Если же Христосъ есть воитель, если члены вѣрующихъ въ Него суть оружія Христовы, и тотъ, кто побѣждаетъ сими оружіями, есть самъ Христосъ, какъ Онъ же и брань самую ведетъ, то всячески потребно, чтобы всякій христіанинъ былъ послушенъ Христу, подобно тому, какъ послушны воину бездушныя оружія, чтобы Христосъ одерживалъ чрезъ нихъ побѣду и потомъ дѣлалъ и ихъ, какъ оружія, участниками въ Своей славѣ. Оружія сіи,

при всемъ томъ что разумны, не должны имѣть другаго движенія, кромѣ того, которое бываетъ по волѣ самого Христа—воителя и побѣдителя. А кто непослушенъ волѣ Христовой, тотъ всуе состоитъ въ числѣ христіанъ. Намъ же буди всегда представлять члены свои въ послушныя Христу оружія, силою Его. Ему слава и держава, во вѣки. Аминь.

СЛОВО ТРИДЦАТЬ СЕДЬМОЕ.

1. Человѣкъ потерялъ истину, послѣ того, какъ изгнанъ былъ изъ рая.
2. Въ чемъ грѣхъ діавола, и въ чемъ—Адама?
3. Человѣкъ грѣшенъ отъ самаго зачатія своего.
4. И возраждается Святымъ Духомъ во святомъ крещеніи.
5. Чего ето желали цари и пророки, прежде пришествія Христова?
6. Духовный отецъ долженъ прежде оглашать исповѣдающихся и научать таинству вѣры, а потомъ налагать и эпитимію.
7. Всякому христіанину потребно воспріять божественное измѣненіе.

1. Поелику Адамъ повѣрилъ діаволу, наговорившему ему лжей, и вкусилъ отъ древа познанія; то, какъ повѣрившій лжецу, изпалъ отъ истины. Послѣ сего естество человѣческое много трудилось, ища истины, но обрѣсти ее не могло. Сіе явно подтверждаютъ всѣ еллинскіе мудрецы, которые никакъ не могли согласовать, привесть къ единству и на правый путь направить разнообразное мудрованіе людей, несмотря на то, что многіе употребляли къ тому способы и написали множество пространныхъ сочиненій, въ которыхъ всесторонне разсуждали о добродѣтели и худонравіи. Истина — отъ Бога, въ словѣ Божіемъ содержится, и благодатію Христовою постигается. Благодать во Христѣ Іисусѣ, своею недомыслимою силою, раздробленныя и многосплетенныя воззрѣнія упростила, исправила и объединила нѣкоторымъ, какъ бы физическимъ и непоколебимымъ единствомъ, показавъ тѣмъ, что всѣ другіе къ тому способы и пріемы недѣйственны, непрактичны и безполезны.

Руководящіеся сими способами пускаются въ изслѣдованія, чтобъ найти истину, но найти ея не успѣваютъ: она праведно укрылась отъ нихъ. Ибо, такъ какъ человѣкъ, самоохотно и безъ всякаго насилія, принялъ ложь и повѣрилъ ей, то и осужденъ искать истину, и не находить, тещи въ слѣдъ ея, и не достигать. Впрочемъ какъ укрылась отъ насъ истина за то, что мы повѣрили лжи, такимъ же образомъ и опять обрѣтается нами истина, когда вѣруемъ истинѣ. Повѣрилъ Адамъ лжи прикрытой и неявной; а мы вѣруемъ въ великое и явное таинство,— въ Бога воплощенна. Та ложь сама въ себѣ содержала невѣроятность, потому что шла противъ прямой заповѣди Божіей; а это великое таинство воплощенія Христова имѣетъ свидѣтельство вѣрности своей отъ имени Божія. Та ложь, какъ только повѣровано было Адамомъ, что она истина, тотчасъ оказалась ложью, потому что повѣрившаго ей низринула въ тлѣніе и смерть; а это таинство, бывая вѣруемо, оказывается истиною, потому что освобождаетъ вѣрующаго ему отъ тлѣнія и смерти, такъ какъ силою его отъемлется у вѣрующаго грѣхъ и даруется ему добробытіе, или праведность. Такъ, и истина и ложь явными бываютъ по концу своему.

2. Если вникнешь, какой грѣхъ сдѣлалъ діаволъ и какой Адамъ, то не найдешь ничего другаго, кромѣ одной гордости. Но діаволъ и Адамъ возгордились по причинѣ великой славы, какой преизобильно были удостоены. Будучи облечены славою, не послѣ смиренія и безславія, они по этому самому и возгордились. Такъ какъ они никогда не видѣли смиренія и не знали, что за вещь есть это смиреніе и безславіе, послѣдующее за низверженіемъ съ высоты славы, то, не имѣя страха бывающаго отъ опасенія такой случайности, возгордились. Помысли теперь, сколь велико было смиреніе Господа Іисуса, когда Онъ, будучи Богъ, смирилъ Себя

даже до вольной смерти и умеръ на крестѣ смертію, каковая служила наказаніемъ для самыхъ худыхъ людей. Итакъ одинъ грѣхъ гордость, и одна добродѣтель великое смиреніе. Но изъ насъ, такъ какъ мы нынѣ находимся въ таковомъ униженіи и бѣдственности, кто станетъ гордиться, кромѣ развѣ буяго и несмысленнаго? Въ настоящей жизни ни силы никто не имѣетъ въ себѣ божеской, чтобъ являть блестящую славу, и никого нѣтъ, кто бы былъ облекаемъ славою прежде смиренія и безславія, но всякій человѣкъ, раждаясь въ міръ сей, раждается безславнымъ и ничтожнымъ, а потомъ уже мало-по-малу преуспѣвая бываетъ иной разъ и славнымъ.

3. Посему, если кто, испытавъ напередъ такое безславіе и ничтожество, потомъ возгордится, то не безмысленъ ли и не слѣпъ ли онъ? То изреченіе, въ коемъ говорится, что никто не безгрѣшенъ, кромѣ Бога, хотя бы одинъ день житія его былъ на землѣ, не о тѣхъ говоритъ, которые сами лично грѣшатъ; потому что однодневное дитя какъ можетъ согрѣшить? Но этимъ выражается то таинство вѣры нашей, что человѣческое естество бываетъ грѣшно отъ самаго зачатія своего. Богъ не создалъ человѣка грѣшнымъ, а чистымъ и святымъ. Но когда первозданный Адамъ потерялъ сію одежду святости, не отъ другаго какого грѣха, а отъ одной гордости, и сдѣлался тлѣннымъ и смертнымъ; то и всѣ люди, происходящіе отъ сѣмени Адамова, бываютъ причастны прародительскаго грѣха отъ самаго зачатія и рожденія своего. Кто симъ путемъ родился, хотя бы не сдѣлалъ еще никакого грѣха, уже грѣшенъ есть тѣмъ прародительскимъ грѣхамъ.

4. По сей причинѣ пришло иное рожденіе или возрожденіе, которое возраждаетъ человѣка чрезъ святое крещеніе Духомъ Святымъ, опять возсоединяетъ его съ божескимъ естествомъ, какъ было тогда, какъ создали

его руки Божіи, возстановляетъ всѣ душевныя силы его, обновляетъ ихъ и приводитъ въ то состояніе, въ какомъ были онѣ до преступленія первозданнаго Адама, и такимъ образомъ вводитъ его въ царство Божіе, въ которое не можетъ войти некрещенный, просвѣщаетъ свѣтомъ его и даетъ вкусить радостей его. Такъ каждый крещаемый опять содѣлывается такимъ, какъ былъ Адамъ до преступленія, и введенъ бывая въ мысленный рай, пріемлетъ заповѣдь дѣлати его и хранити: дѣлати исполненіемъ заповѣдей Іисуса Христа, возсоздавшаго его, и хранити храненіемъ благодати Святаго Духа, дарованной ему чрезъ святое крещеніе, исповѣдуя, что сила сей благодати, живущей въ немъ, вмѣстѣ съ нимъ исполняетъ заповѣди Христовы. Въ этомъ состоитъ храненіе. И какъ невозможно дому прочно стоять безъ основанія, такъ душѣ, вѣрующей во Христа, невозможно явить богоугодное житіе, если въ нее не вложена будетъ, какъ основаніе, благодать Святаго Духа. Ибо и постъ, и бдѣніе, и долулеганіе, и поклоны, и молитвословія, и всякое другое злостраданіе, ничтоже есть безъ божественной благодати. И если услышишь, что кто-либо, послѣ явныхъ христіанскихъ дѣлъ, отпалъ отъ Христа, знай, что онъ былъ въ то время безъ благодати Божіей. Ибо Св. Духъ животворитъ душу, какъ душа тѣло, и она бываетъ сильна, тверда и постоянна. Великое это есть таинство. Да благоговѣинствуетъ предъ нимъ человѣкъ, да внимаетъ ему и хранитъ его. Сею благодатію Св. Духа совершается въ сердцѣ жертва хваленія, и созидается самое сердце чистое, сокрушенное и смиренное, которое, зная, что не имѣетъ ничего собственнаго, и не можетъ вознестись гордостію. Это смиреніе сердца сокрушеннаго и самоуничиженнаго, истинное, а не напоказъ изъ тщеславія, и есть жертва хваленія, приносимая Богу. Нечистъ предъ Господомъ,

сказано, не всякій грѣшникъ, а всякъ высокосердый и гордый, потому что безъ грѣха никого нѣтъ. Смиренносердый праведенъ и праведно дѣйствуетъ: ибо исполненъ благодати Св. Духа, научающей его всякому добру и укрѣпляющей въ немъ. Благодать сія подаетъ ему святыню, безъ коей никто не узритъ Господа (Евр. 12, 14). Почему сказано: *да возмется нечестивый, да не видитъ славы Господни* (Ис. 26, 10). И кто этотъ нечестивый? Высокосердый, у котораго по мѣрѣ гордыни его бываетъ и мѣра нечестія; какъ наоборотъ у смиренносердаго по мѣрѣ смиренія его бываетъ мѣра благочестія его. Но кто же этотъ смиренносердый? Ни мудрецъ, ни многознатель, ни научникъ, ни искусникъ, ни дѣлецъ, но тотъ, кто имѣетъ благодать Св. Духа, которая, очистивъ душу отъ всякаго грѣха и научивъ ее жить праведно и богоугодно, даруетъ ей истинныя—и мудрость, и знаніе, и умѣніе дѣйствовать.

5. Для этого и Сынъ Божій содѣлался человѣкомъ, и умеръ, давъ Себя въ искупленіе всего естества человѣческаго. Впрочемъ смерть Его была необходимою жертвою и за благочестивыхъ, умершихъ прежде пришествія Его во плоти. Ибо послѣ преступленія Адамова никто и изъ праведныхъ не могъ спасенъ быть, такъ какъ всѣ люди подлежали грѣху прородителя Адама, тлѣнію и смерти, и мечъ огненный никого не пропускалъ въ рай, изъ котораго изгнанъ былъ Адамъ: такъ какъ тѣ святыя обители рая принимаютъ только души непорочныя и чистыя отъ всякаго грѣха, какъ говоритъ Апостолъ, что *тлѣніе не наслѣдуетъ нетлѣнія* (1 Кор. 15, 50). Почему необходимо было, что нетлѣнный Сынъ Божій посредствомъ тлѣнной плоти Своей данъ былъ въ жертву, дабы искупить праведныхъ тѣхъ отъ тлѣнія. Ибо сами собою они не могли опять придти въ нетлѣніе, изъ коего низпалъ Адамъ; но это было дѣломъ ве-

ликаго домостроительства Христова, совершеннаго съ судомъ и правдою. А для тѣхъ, которые родились послѣ рождества Христова, Онъ есть и жертва и пища посредствомъ причащенія пречистыхъ таинъ, въ коемъ чрезъ единеніе, въ какое вступаетъ съ причащающимся, Онъ обновляетъ его и возсозидаетъ, и неизреченною силою творческаго Божества пріискреннѣ сочетаваетъ съ Собою и Собою проникаетъ, т.-е. дѣлаетъ Богомъ по благодати: подобно тому, какъ и огонь, чрезъ свое проникновеніе, дѣлаетъ огнемъ тѣ твердыя тѣла, которыя его принимаютъ и имъ проникаются, какъ напримѣръ, желѣзо, мѣдь и подобныя,—дѣлаетъ огнемъ, но не измѣняетъ природы ихъ, а дѣлаетъ лишь то, что они, пока находятся въ такомъ сочетаніи съ огнемъ, бываютъ и сами огнемъ. И сіе-то есть то, чего желали пророки, цари и праведники, бывшіе прежде Христа, такъ какъ провидѣли тѣхъ, которые имѣли быть плоть отъ плоти Христа и кость отъ костей Его, а себя самихъ видѣли лишаемыми столь великаго блага.

6. Которые же научены сему великому таинству христіанства, и познавъ его, сдѣлались вѣрующими и вѣрными ему, а потомъ пали, какъ человѣки, плоть носящіе, для тѣхъ нѣтъ другаго средства возвратить потерянное, какъ покаяніе во всемъ, въ чемъ погрѣшили. Прибѣгнуть имъ надобно къ врачу духовному, и исповѣдавъ ему грѣхъ свой, открывъ рану свою, съ покорностію и желаніемъ принять слѣдующую по правиламъ эпитимію, какую наложитъ духовный отецъ; потому что такія эпитиміи разрѣшаютъ узы грѣховныя и служатъ для ранъ душевнымъ пригоднымъ врачевствомъ, чтобъ исцѣлить ихъ. Необходимо, говорю, грѣшащимъ по крещеніи несть эпитимію; потому что они были уже просвѣщены и *вкусили дара небеснаго* (Евр. 6, 4), т.-е. опытно познали силу Христову, почему должны были

мужественно стоять противъ искушенія и не грѣшить, какъ говоритъ Апостолъ: *грѣхъ вами да не обладаетъ: нѣсте бо подъ грѣхомъ, но подъ благодатію* (Рим. 6, 14).

Еслибъ они не пренебрегли благодати Божіей, уже познанной, то она не попустила бы имъ согрѣшить. Сами собою сдѣлались они повинными крови Христовой, очистившей совѣсть ихъ отъ мертвыхъ дѣлъ, чтобъ служить Богу живому и истинному; почему имѣютъ нужду во вторичномъ очищеніи чрезъ покаяніе, которое бываетъ соединено съ трудами и потами, стенаніями и слезами, чтобъ каждый изъ нихъ могъ сказать къ Богу: *виждь смиреніе мое и трудъ мой и остави вся грѣхи моя* (Псал. 24, 18). Не потому такъ надо, чтобъ Богъ имѣлъ нужду въ трудахъ и потахъ кающагося, но для того, чтобъ кающійся, получивъ благодать Божію безъ труда, опять не пренебрегъ ее, какъ и прежде, и не былъ за то осужденъ вѣчно горѣть въ неугасимомъ огнѣ адскомъ.

Но которые не знаютъ таинства христіанства, каковы наибольшая часть изъ такихъ крещеныхъ, которые именуются, какъ крещеные, христіанами, но не оглашены христіанскимъ ученіемъ и совсѣмъ остаются невѣдающими, и, скажу такъ, непросвѣщенными (крещеніемъ просвѣщены, но не просвѣщены вѣдѣніемъ), потому что не знаютъ и не разумѣютъ воистину, въ чемъ состоитъ таинство христіанства,—такъ когда таковые, каясь, исповѣдаютъ грѣхи свои, содѣланные ими по крещеніи, то ихъ не должно слишкомъ вязать на духу и возлагать на нихъ тяжелыя эпитиміи; потому что это не будетъ для нихъ полезно, такъ какъ они будучи не научены и не просвѣщены, и не имѣя вѣдѣнія о тайнѣ Христа, не могутъ восчувствовать, какъ должно, этихъ вязаній и эпитимій. Они въ невѣдѣніи вѣровали, въ невѣдѣніи и грѣшили; и поелику безъ разума грѣшили,

то не могутъ, какъ должно, уразумѣть разумность духовнаго ихъ врачеванія.

Итакъ, какъ для тѣхъ, которые научены и просвѣщены и знаютъ таинство христіанства, по мѣрѣ ихъ знанія и грѣха, т.-е. судя по тому, какое имѣютъ вѣдѣніе и знаніе о таинствѣ христіанства, и сколь тяжкій учинили грѣхъ, потребны и обязанія, и врачества, и прижиганія, и злострадапія, т.-е. посты, бдѣнія, долулегапія, колѣнопреклоненія, и прочее: такъ для тѣхъ, которые не знали и не были научены таинству христіанства, потребны напередъ наученіе, оглашеніе ученіемъ вѣры и просвѣщеніе, и потомъ уже каноническія эпитиміи. Ибо неразумно вязать и прижигать, т.-е. налагать, по правиламъ, эпитимію на немогущаго восчувствовать то, какъ несмысленно лечить мертваго.

Впрочемъ, какъ говоритъ божественный Павелъ, *елицы въ законѣ согрѣшиша*, т.-е. при знаніи таинства вѣры и христіанства, *закономъ судъ пріимутъ*, т.-е. должны быть судимы и эпитимизованы по всей строгости священныхъ каноновъ; а которые *безъ закона согрѣшили*, то-есть не знали всего, что относится къ вѣрѣ и что необходимо для спасенія, и не научились тому, тѣ *безъ закона и погибнутъ* (Рим. 2, 12), т.-е. и безъ приложенія къ нимъ всей строгости каноновъ, погубнутъ (если не покаются), при всемъ томъ, что могутъ предлагать безполезно въ оправданіе свое, что не знали, какъ обязаны были поступать: ибо Господь говоритъ: *проповѣстся сіе Евангеліе царствія по всей вселенной, во свидѣтельство всѣмъ языкомъ* (Матѳ. 24, 14). Если такимъ образомъ языки осуждаются (за невѣдѣніе), тѣмъ паче будутъ осуждены тѣ христіане, которые, находясь въ оградѣ церкви Христовой, не знаютъ истиннаго ученія о христіанскомъ благочестіи, потому что не позаботились поучиться ему гдѣ и какъ слѣдуетъ, по нерадѣнію и презорству къ

столько великому дѣлу, совершенному для насъ Сыномъ Божіимъ, для коего Онъ, будучи Богъ, содѣлался человѣкомъ и претерпѣлъ крайнее поношеніе, умерши на крестѣ, будто злодѣй.

7. Великое благо есть вѣровать во Христа, потому что безъ вѣры во Христа никому невозможно спастись; но надобно и научиться слову истины и познать его. Благо есть научиться слову истины, и знать его необходимо; но надобно и крещеніе пріять во имя святыя и Живоначальныя Троицы, для оживленія души. Благо есть крещеніе пріять и чрезъ него новую жизнь духовную, но надобно, чтобъ и чувствомъ ощущена была сія таинственная жизнь, или умное въ духѣ просвѣщеніе. Благо есть воспріять чувствомъ умное въ духѣ просвѣщеніе, но надобно являть и дѣла свѣта. Благо есть дѣлать дѣла свѣта, но надобно облечься и во смиреніе и кротость Христову, для совершеннаго уподобленія Христу. Кто достигнетъ сего и сдѣлается кротокъ и смиренъ сердцемъ, такъ какъ бы это были естественныя его расположенія, тотъ несомнѣнно внидетъ въ царство небесное и въ радость Господа своего. Впрочемъ и всѣ тѣ, которые текутъ путемъ Божіимъ по указанному мною порядку, если случится, что естественная смерть пресѣчетъ посредѣ сіе ихъ теченіе, не будутъ отогнаны отъ дверей царствія Божія, и двери сіи не будутъ затворены предъ ними, по безпредѣльной милости Божіей. Но которые не текутъ такимъ порядкомъ, тѣхъ суетна и вѣра, если какую имѣютъ во Христа Господа, Коему подобаетъ всякая слава, честь и поклоненіе, со безначальнымъ Его Отцемъ и Животворящимъ Духомъ, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

СЛОВО ТРИДЦАТЬ ОСЬМОЕ.

1. Всякій изъ насъ долженъ познать, что онъ есть Адамъ, чтобъ быть Христомъ.
2. Таинство воплощенія Сына и Слова Божія имѣетъ цѣлію пересоздать вѣрующихъ въ Него, и дѣлать ихъ нетлѣнными и безсмертными.
3. Опредѣленія Божіи дѣлаются закономъ естества.
4. Какія опредѣленія Божія опять Имъ отмѣняются, и какимъ образомъ?

1. Если кто изъ насъ не познаетъ, что онъ есть Адамъ, тотъ, который согрѣшилъ предъ Богомъ въ раю; то какъ можетъ онъ признать и думать, что нисшествіе Сына и Слова Божія было для него? Такой ужъ по паденіи установился законъ, что какъ каждый изъ насъ бываетъ Адамомъ, т.-е. человѣкомъ тлѣннымъ и смертнымъ, не по причинѣ собственнаго своего грѣха, а по причинѣ преслушанія прародителя нашего Адама, отъ сѣмени котораго происходимъ; такъ опять каждый изъ насъ бываетъ Христомъ, нетлѣннымъ и безсмертнымъ, не ради добродѣтелей своихъ, но ради послушанія втораго Адама, который есть Христосъ, Господь нашъ, сошедшій съ неба, содѣлываясь кость отъ костей Его и плоть отъ плоти Его. И какъ тлѣніе и смерть изъ рода въ родъ переходятъ отъ ветхаго Адама, такъ нетлѣніе и безсмертіе переходятъ въ христіанъ отъ новаго Адама. Какъ то, что мы причастники естества праотца Адама, падшаго, познаемъ мы по тому признаку, что и мы грѣшимъ и преступаемъ заповѣди Божіи; такъ и то, что мы бываемъ причастниками божественной благодати втораго родоначальника нашего Христа Господа, познаемъ по тому признаку, что не грѣшимъ болѣе, коль скоро получаемъ божественную благодать сію. Мы почерпаемъ отъ полноты Христовой, подобно тому, какъ изъ какого-либо источника огня возжигались бы миріады лампадъ, и чѣмъ больше бы возжигались, тѣмъ болѣе

онъ изобиловалъ бы огнемъ и источалъ его изъ себя: ибо Христосъ, какъ Богъ, преисполненъ всякимъ добромъ.

2. Онъ, не отстраняясь отъ всего сущаго, благоволилъ устраниться въ пречистое чрево Приснодѣвы, родиться, млекомъ питаться, возрасти и стать мужемъ, также алкать, жаждать, утруждаться и проливать потъ, потомъ подвергнуться зависти Іудеевъ за чудеса, совершенныя Имъ въ показаніе Своего божества, быть повѣшеннымъ на крестѣ, будто злодѣй, вмѣстѣ съ разбойниками, умереть позорною смертію, по волѣ Своей, погребену быть, воскреснуть и вознестись на небо, чтобъ ниспослать на вѣрующихъ Духа Святаго, отъ Отца исходящаго, Котораго и послалъ. Ибо то и было цѣлію и концемъ всего воплощеннаго домостроительства Христова, чтобъ Духа Святаго принимали въ души свои вѣрующіе въ Него, яко Бога и человѣка, единаго Христа въ двухъ естествахъ, божескомъ и человѣческомъ, нераздѣльныхъ и несліянныхъ; чтобы сей Святый Духъ былъ какъ бы душею души вѣрующихъ, и они по сей причинѣ именовались христіанами; чтобъ (дѣйствіемъ сего Духа Святаго) они нѣкоторымъ образомъ переплавлялись, пересозидались, обновлялись и освящались, по уму, совѣсти и по всѣмъ чувствамъ, такъ чтобы послѣ сего они совсѣмъ уже не имѣли въ себѣ растлѣнной жизни, которая могла бы поднимать въ душѣ ихъ позывъ и пожеланіе плотскихъ сластей и мірскихъ похотей. Ибо всякій человѣкъ съ перваго дня рожденія своего (съ момента зачатія) подлежитъ уже тлѣнію и смерти, и потребна великая и божеская сила, чтобы возсоздать его къ нетлѣнію и безсмертію. Если же кто, вмѣстѣ съ возрастомъ тѣлеснымъ, будетъ возрастать и въ худости, то въ такомъ конечно увеличивается и сила тлѣнія и владычество смерти, дѣлающееся въ немъ еще болѣе мощнымъ; потому что по мѣрѣ тлѣнія, какое

кто развиваетъ въ себѣ, входитъ въ него и жало смерти, т.-е. или больше, или меньше. Если теперь малое и незлобивое дитя имѣетъ нужду въ божеской силѣ, чтобъ освободиться отъ тлѣнія; то сколь великая сила потребна для того, кто вмѣстѣ съ возрастомъ возросъ и въ худости, а вмѣстѣ съ нею и чрезъ нее возрастилъ въ себѣ и тлѣніе, каковое Богоотецъ Давидъ называетъ въ псалмахъ своихъ узами и вретищемъ, взывая къ Богу: *растерзалъ еси узы моя. Тебѣ пожру жертву хвалы* (Пс. 115, 7. 8), т.-е. возблагодарю и прославлю Тя за то, что Ты растерзалъ узы мои, т.-е. тлѣніе; и опять: *растерзалъ еси вретище мое, и препоясалъ мя еси веселіемъ: яко да воспоетъ Тебѣ слава моя и не умилюся* (Пс. 29, 12. 13); т.-е. Ты совлекъ съ меня вретище, которое я носилъ, т.-е. тлѣніе, и препоясалъ меня радостію, да прославлю Тя, не я, но Духъ Святый чрезъ меня; потому что радость и слава, пріятыя Давидомъ отъ Бога, былъ Духъ Святый, Коего имѣя въ себѣ, онъ говоритъ: *и не умилюся* (—не буду имѣть нужды раскаяваться), т.-е. не буду грѣшить? Итакъ всеконечно необходимо всякому всевозможныя употребить усилія, чтобъ получить свыше отъ Христа Господа сіе веселіе и славу, т.-е. благодать Святаго Духа, чтобъ возымѣть силу не грѣшить болѣе. Ибо что дѣлаетъ кто по произволенію, то по произволенію же можетъ и уничтожить; но что отъ естества, того нельзя уничтожить произволеніемъ. Если теперь человѣкъ сталъ естественно тлѣннымъ и смертнымъ; то не можетъ силою одного произволенія своего сдѣлаться нетлѣннымъ и безсмертнымъ. И со времени изгнанія Адамова изъ рая, т.-е. съ того времени, какъ онъ по причинѣ преступленія сдѣлался тлѣннымъ и смертнымъ, даже доднесь ни одинъ еще человѣкъ не явился нетлѣннымъ и безсмертнымъ.

3. Итакъ, если потребно человѣку опять придти въ

то первое состояніе, въ которомъ онъ созданъ, сдѣлаться т.-е. нетлѣннымъ; то никакое человѣческое произволеніе не можетъ возвесть его въ сіе состояніе, а одна божественная сила, пріемлемая имъ чрезъ сочетаніе съ божескимъ естествомъ. Божеское естество сильно побѣдить смертность естества человѣческаго, и опять воззвать его въ первоначальное его состояніе. Слова и опредѣленія Божіи дѣлаются закономъ естества. Почему и опредѣленіе Божіе, изреченное Имъ вслѣдствіе преслушанія перваго Адама, т.-е. опредѣленіе ему смерти и тлѣнія, стало закономъ естества, вѣчнымъ и неизмѣннымъ. Почему, для отмѣненія такого опредѣленія, распялся и умеръ Сынъ Божій, Господь нашъ Іисусъ Христосъ, принесши Себя въ жертву искупленія человѣка отъ смерти, жертву страшную и безмѣрно великую. Опредѣленіе Божіе: *земля еси и въ землю пойдеши*, равно какъ и все наложенное на человѣка послѣ паденія, будетъ еще дѣйствовать до скончанія вѣка; но по милости Божіей, въ силу чрезвычайной жертвы Христовой, въ будущемъ вѣкѣ, оно уже никакой не будетъ имѣть силы, когда совершится общее воскресеніе, каковому воскресенію невозможно бы было совершиться, еслибъ не воскресъ изъ мертвыхъ самъ Сынъ Божій, умершій для отмѣненія означеннаго опредѣленія и воскрешенія всего человѣческаго естества, такъ какъ воскресъ человѣкъ, т.-е. Христосъ какъ и первоначально умеръ человѣкъ, т.-е. Адамъ, тотъ и другой совмѣщая въ себѣ весь человѣческій родъ.

4. Впрочемъ да вѣдаетъ каждый, что опредѣленія Божіи о карахъ за грѣхи, послѣ воплощеннаго домостроительства, есть время отмѣнять еще въ сей жизни. Опредѣленія Божіи, наложенныя на перваго человѣка Адама, согрѣшившаго въ раю, при жизни безбѣдной, праведно не отмѣняются въ сей жизни и поставлены для чело-

вѣка въ законъ естества; а опредѣленія Христовы, наложенныя послѣ воплощеннаго домостроительства на насъ, находящихся въ этой бѣдственной жизни, могутъ быть отмѣняемы еще въ семъ вѣкѣ. И всякому христіанину, если онъ подпалъ подъ нихъ, со всѣмъ усердіемъ и усиліемъ надобно озаботиться, чтобъ они сняты были съ него еще здѣсь; ибо они несравненно страшнѣе первыхъ, такъ какъ простираются на нескончаемые вѣка. Если первыя опредѣленія, лишающія человѣка временной жизни, т.-е. опредѣленія на смерть и тлѣніе, представляются несносными, то опредѣленіе вѣчныхъ и нескончаемыхъ наказаній, какія наложены будутъ въ будущемъ вѣкѣ, насколько тяжелѣе и несноснѣе будутъ для тѣхъ, кому придется испытать ихъ!

Какія же именно эти опредѣленія, послушай. Господь нашъ Іисусъ Христосъ говоритъ: *аще кто речетъ брату своему: уроде, повиненъ есть геенни огненной* (Мѳ. 5, 22). Это значитъ, что сказавшій это брату своему, какъ только сказалъ это, тотчасъ сдѣлался уже повиннымъ вѣчному мученію. Но это рѣшеніе или опредѣленіе суда Божія теряетъ силу, коль скоро кто покается, и съ такою рѣшимостію положитъ не говорить болѣе брату своему: уроде, что скорѣе умретъ, нежели согласится это сдѣлать; потому что въ самомъ дѣлѣ для христіанина лучше умереть, нежели называть брата своего христіанина: уроде. Такимъ же образомъ, т.-е. чрезъ покаяніе, сокрушеніе и рѣшимость воздерживаться отъ грѣховъ, теряютъ силу и всѣ другія судныя опредѣленія Христовы. Но да вѣдаемъ, что только здѣсь, въ настоящей жизни, гдѣ бываетъ преступленіе заповѣдей Божіихъ, только здѣсь бываетъ и отмѣненіе страшныхъ судныхъ опредѣленій за то, по безпредѣльной Божіей милости, ради искренняго и совершеннаго покаянія. А кто не покается здѣсь, надъ тѣмъ неотмѣнно будутъ

исполнены сіи опредѣленія; неотмѣнно, кто поклянется Богомъ въ неправдѣ, будетъ наказанъ, какъ нечестивецъ; кто съ похотѣніемъ воззритъ на жену, будетъ наказанъ, какъ блудникъ; лихоимецъ будетъ наказанъ, какъ идолослужитель. Впрочемъ, если кто и покается въ такихъ и подобныхъ грѣхахъ, но при этомъ окажется немилостивымъ, несострадательнымъ и жестокосердымъ, т.-е. воздастъ зломъ за зло, и не проститъ врагу своему, въ такомъ случаѣ никакой не получитъ онъ пользы отъ своего покаянія, но тщетно будетъ все его покаяніе, по опредѣленію Господа, Который говоритъ: *имже судомъ судите, судятъ вамъ* (Мѳ. 7, 1). И не это только, но можетъ случиться нѣчто и еще худшее, можетъ случиться, что иной искренно покаявшись обрѣтетъ милость у Бога и получитъ отпущеніе всего своего грѣховнаго долга; но если онъ, послѣ сего окажется несострадательнымъ и немилосердымъ къ другимъ, и не проститъ имъ въ чемъ они противъ него погрѣшатъ; то самъ разоряетъ милостивое къ нему снисхожденіе и отпущеніе явленное ему Богомъ, какъ говоритъ святое Евангеліе: *не подобаше ли и тебѣ помиловати клеврета твоего, якоже и Азъ тя помиловахъ? И прогнѣвався господь его, предаде его мучителемъ* (Мѳ. 18, 33. 34).

Намъ же даруй Господи и покаяться во грѣхахъ своихъ, и быть сострадательными и милосердыми къ ближнимъ, да сподобимся улучить и вѣчное блаженство въ самомъ Христѣ, истинномъ Богѣ, Коему слава во вѣки. Аминь.

СЛОВО ТРИДЦАТЬ ДЕВЯТОЕ.

1. Какъ разумѣть: *начало премудрости страхъ Господень?*
2. Какіе признаки и дѣла вѣрныхъ и богобоязненныхъ людей?
3. Какіе признаки и дѣла людей невѣрныхъ и не боящихся Бога?
4. Кто тотъ мертвый, который не живетъ по Богу?
5. Какъ отъ Бога имѣемъ мы бытіе, такъ отъ Него же только получить можемъ и благобытіе.

1. *Начало премудрости страхъ Господень*, говоритъ Писаніе (Притч. 1, 7). Премудръ же есть единъ Богъ. Почему всякій, желающій внити въ царство небесное и быть подъ царемъ Богомъ, чтобъ умъ его, и мудрованія его, и помыслы его были управляемы самимъ Богомъ, единымъ воистину царемъ, всякій такой прежде всего долженъ возымѣть страхъ Божій. Но какъ возымѣть страхъ къ Тому, Кого не видишь? — Потому необходимо прежде увидѣть Бога, чтобъ потомъ возымѣть страхъ къ Нему. А какъ увидѣть Бога, Котораго никто никогда не видалъ? Для этого надобно взыскать умнаго свѣта Божія, чтобъ умъ, просвѣтившись имъ, могъ умно узрѣть Бога. И вотъ, когда кто такимъ образомъ узритъ Бога, то можетъ возымѣть и страхъ Божій, а возымѣвши страхъ Божій, можетъ увидѣть и понять и себя самого, и сей привременный и суетный міръ, и всѣ дѣла міра сего. Далѣе, кто видитъ себя самого и суетность міра сего, тотъ, имѣя всегда присущимъ въ себѣ страхъ Божій, не можетъ онеправдовать кого-либо, и когда самъ терпитъ отъ другаго неправду, не дѣлаетъ отмщенія, но чая помощи, отъ Бога приходящей, терпитъ благодушно неправду, и дивится, и славитъ Бога, что Онъ, видя неправды, долготерпитъ и сноситъ неправеднаго, — самъ между тѣмъ ревнуя всеусердно приносить всякаго рода плоды Святаго Духа.

2. Итакъ мы имѣемъ нужду въ умномъ божествен-

номъ свѣтѣ, да содѣлаетъ онъ насъ причастниками благодати зрѣть Вога.—Но что такое есть свѣтъ сей? О семъ самъ Христосъ говоритъ: *Азъ есмь свѣтъ міру* (Іоан. 8, 12). Тоже говоритъ и Евангелистъ Іоаннъ: *въ Томъ животъ бѣ, и животъ бѣ свѣтъ человѣкомъ* (Іоан. 1, 4). Изъясняя сіе, Іоаннъ Креститель говоритъ: *вѣруяй въ Сына, имать животъ вѣчный: а иже не вѣруетъ въ Сына, не узритъ живота, но гнѣвъ Божій пребываетъ на немъ* (Іоан. 3, 36). Не вѣруетъ же во Христа всякъ, кто преступаетъ одну и только одну заповѣдь Его, какъ самъ Христосъ говоритъ: *иже аще разоритъ едину заповѣдей сихъ малыхъ, мній наречется въ царствіи небеснѣмъ* (Матѳ. 5, 19). *Неправедный въ малѣ, и во многъ неправеденъ есть* (Лук. 16, 10). Но какой гнѣвъ пребываетъ на такомъ? Гнѣвъ клятвы, которая пала на Адама за преступленіе заповѣди Божіей, т.-е. тлѣніе и смерть. Но которые пребываютъ въ тлѣніи и смерти, тѣ пребудутъ и въ геенѣ адской. Почему Господь нашъ Іисусъ Христосъ и говоритъ: *заповѣдь Его животъ вѣчный есть* (Іоан. 12, 50), и: *аще кто слово Мое соблюдетъ, смерти не имать видѣти во вѣки* (Іоан. 8, 51). Кто же, выходитъ, не исполняетъ заповѣди Божіей, тотъ самъ себя лишаетъ живота вѣчнаго. Итакъ прежде всего надлежитъ увѣровать во Христа, Который есть *свѣтъ человѣкомъ*, чтобъ увидѣть Бога.

Какимъ же образомъ можетъ онъ увидѣть Бога? Изъ твореній, сотворенныхъ Богомъ, можетъ онъ увидѣть и познать Творца, т.-е. неба, земли, моря и прочихъ тварей, особенно же самого человѣка, который есть животное разумное, зачинающееся такъ невзрачно, и потомъ бывающее такимъ дивнымъ существомъ, которое мнится быти Богомъ всего видимаго, въ силу разумности, его отличающей. Кто узритъ симъ образомъ Вога, тотъ какъ можетъ не возымѣть къ Нему страха? А кто

страхъ къ Нему возымѣетъ, возможно ли, чтобъ тотъ не благовѣинствовалъ предъ Нимъ, не смотрѣлъ строго за собою, и не жилъ такъ, какъ заповѣдуетъ Онъ и опредѣляетъ въ законѣ Своемъ?

3. Отсюда само собою разумѣется, что кто живетъ не по закону Божію, тотъ и Бога не боится; а кто Бога не боится, тотъ не видѣ Его; кто же не видѣ Бога, тотъ не имѣетъ въ себѣ свѣта (умнаго); кто не имѣетъ сего свѣта, тотъ не вѣруетъ во Христа; кто не вѣруетъ во Христа, не имѣетъ живота въ себѣ. Такъ какъ, очевидно, онъ не положилъ начала отъ страха Божія, который есть начало премудрости; то онъ есть буй, слѣпъ, мертвъ. И добрѣ говоритъ Евангелистъ Іоаннъ, что *всякъ согрѣшаяй не видѣ, ни позна* Бога (1 Іоан. 3, 6). Добрѣ и пророкъ Іеремія живописуетъ, — кто есть незнающій Бога? Кто любодѣйствуетъ, кто преступничествуетъ, кто напрягаетъ языкъ свой, какъ лукъ, въ комъ укрѣпились ложь и невѣрство, кто отъ зла переходитъ ко злу, кто другу своему посмѣвается, и не говоритъ истины, кто научилъ языкъ свой говорить одну ложь, кто неправо дѣйствуетъ и не хочетъ обратиться, у кого лихва на лихву, и лесть на лесть, коего языкъ есть стрѣла уязвляющая и льстивіи глаголы устъ его, пріятелю своему глаголетъ мирная, внутрь же себе имѣетъ вражду. Таковый не позналъ Мене и не восхотѣлъ увѣдѣти Мене, глаголетъ Господь (Іерем. 9, 3—8). Если таковъ незнающій Бога и нехотящій увѣдать Его, чѣмъ разнится онъ отъ тѣхъ, которые не исповѣдаютъ Христа и не вѣруютъ въ Него? Христіанинъ, не вѣрующій Христу, какой христіанинъ? Кто вѣруетъ Христу, тотъ творитъ заповѣди Его, а кто не творитъ заповѣдей Его, тотъ и не вѣруетъ Ему. Невѣрующій же Христу, не тоже ли что невѣрный? Итакъ всѣ тѣ, которые именуются христіанами, но не живутъ по закону и заповѣдямъ

Его, да вѣдаютъ, что они еще не увѣровали во Христа, хотя исповѣдуютъ Его Богомъ. Ибо кто истинно вѣруетъ во Христа, тотъ не станетъ жить беззаконно и нарушать заповѣди Божіи, подобно тому, какъ тотъ, кто видитъ предъ собою пропасть, не можетъ броситься въ нее, если только онъ не потерялъ ума.

4. Да взыщутъ же таковые того, чтобъ увѣровать во Христа, какъ должно, и такимъ образомъ начать жить по Богу, пріять въ себя умный свѣтъ и узрѣть Бога, страхъ Божій возымѣть и положить начало премудрости, такъ какъ начало премудрости есть страхъ Божій. Вѣра безъ дѣлъ мертва есть, какъ тѣло безъ души. Ибо вѣра, дѣлъ не имѣющая, не имѣетъ Бога, животворящаго ее, и мертва есть, яко не стяжавшая того, о чемъ говоритъ Христосъ: любящій Мене, заповѣди Моя соблюдетъ, и Я и Отецъ пріидемъ къ нему и обитель у Него сотворимъ (Іоан. 14, 23), чтобъ воскресить изъ мертвыхъ душу присѣщеніемъ Своимъ и оживотворить того, кто сподобляется стяжать сіе. Вотъ почему мертва такая вѣра, мертвы тѣ, которые имѣютъ ее безъ дѣлъ. Кто живетъ во Христѣ, тотъ имѣетъ и нравъ Христовъ; а кто не имѣетъ нрава Христова, тотъ мертвъ, и пусть онъ не обольщаетъ себя, какъ говоритъ Христосъ: *что Мя зовете: Господи, Господи, и не творите, яже глаголю* (Лк. 6, 46)? Знакъ мертвости есть недѣйствованіе, такъ какъ всякій, кто мертвъ, и бездѣйственъ. Почему кто не дѣйствуетъ по Богу, тотъ мертвъ для Бога, въ томъ нѣтъ жизни по Богу. А кто не живетъ для Бога и по Богу, такому лучше бы совсѣмъ не жить. Тѣлесная наша жизнь есть просто жизнь, какъ жизнь и всѣхъ животныхъ. Но разумная душа должна воспріять жизнь, которую подаетъ Богъ, и которая есть свѣтъ человѣкомъ, подаемый свыше отъ Бога. Кто лишенъ этой жизни, тотъ живетъ, какъ и всѣ неразумныя животныя;

но какъ онъ ниспадаетъ до сего, будучи разумнымъ, то будетъ осужденъ вмѣстѣ съ безтѣлесными разумными тварями, лишившимися такой жизни, т.-е. съ демонами, на вѣчную смерть, или на нескончаемыя мученія во адѣ. Изъ всего сказаннаго видно, что главнѣйшее наше дѣло состоитъ въ богоугодномъ житіи. Которые христіане не ведутъ жизни, подобающей христіанамъ, тѣ немоществуютъ и въ естествѣ своемъ, и въ силахъ своихъ, и въ жизни и дѣяніяхъ своихъ. Сила же христіанства въ томъ и состоитъ, что въ немъ чрезъ Іисуса Христа получается полное благобытіе отъ Бога, давшаго бытіе. Почему естественно тѣ не сподобляются жить, какъ должно, и въ отношеніи къ Богу, и въ отношеніи къ людямъ, которые не взыскали того, чтобъ получить отъ Бога чрезъ Іисуса Христа благобытіе, которое потеряно въ нервозданномъ Адамѣ.

5. Итакъ, который христіанинъ не живетъ, какъ заповѣдуетъ Христосъ, такой всуе носитъ имя христіанина. Не имѣетъ онъ благобытія, или потому, что совсѣмъ не вѣровалъ во Христа, или потому, что увѣровавъ, презрѣлъ вѣру и потерялъ даръ, или потому что не былъ наученъ какъ должно, и не позналъ сего великаго и таинственнаго дара благодати. Какъ о бытіи мы знаемъ, что оно, бывъ въ началѣ даровано непосредственно Богомъ по закону творенія, въ настоящее время не прямо отъ Него приходитъ, но отъ мужа и жены бываетъ человѣкъ, какъ законоположилъ Онъ же, создатель всяческихъ, когда сказалъ: *и будета два въ плоть едину*, каковая плоть есть плоть дитяти раждаемаго отъ обоихъ: такимъ же образомъ и благобытіе явно есть дѣло и Божіе и наше; потому что еслибъ оно было только Божіе дѣло, то его имѣли бы всѣ люди. Наше въ семъ участіе состоитъ въ томъ, чтобъ признать, что мы не имѣемъ благобытія и не можемъ его возы-

мѣть сами собою; потому что со времени Адама, даже донынѣ не было ни одного человѣка, который бы возымѣлъ благобытіе самъ собою, мудръ ли онъ или разуменъ о себѣ, какъ говоритъ пророкъ Исаія: *горе, иже мудри въ себѣ самихъ, и предъ собою разумни* (Ис. 5, 21). Почему какъ бытіе есть у насъ отъ Бога и Его творческой силы, такъ и благобытіе отъ Него же. Благобытіе есть въ насъ отъ Бога нѣчто высшее предъ просто бытіемъ; потому что это бытіе если не станетъ благобытіемъ, то растлѣвается и гибнетъ. И какъ всесильный Богъ, однажды творчески создавъ человѣка, не даетъ уже теперь бытія никому изъ людей иначе, какъ чрезъ мужа и жену, потому что это было бы неблагословно: такъ опять и благобытія не даетъ Онъ человѣку, если самъ сей человѣкъ не восхощетъ того отъ всей души своей и отъ всего помышленія своего, чтобъ иначе не нарушить разумнаго достоинства естества человѣческаго, т.-е. самовластія. Посему кто восхочетъ сего благобытія, пусть взыщетъ его у Бога съ воплемъ крѣпкимъ и слезами, какъ сдѣлалъ и самъ Христосъ, Который, будучи Богъ и человѣкъ, яко человѣкъ, возносилъ къ Богу молитвы и моленія, со слезами и воплемъ крѣпкимъ, чтобъ избавилъ Его, яко человѣка, отъ смерти, какъ говоритъ Апостолъ: *Иже во днехъ плоти Своея, моленія же и молитвы къ могущему спасти Его отъ смерти, съ воплемъ крѣпкимъ и слезами принесъ, и услышанъ бывъ отъ благоговѣйнства, бысть всѣмъ послушающимъ Его виновенъ спасенія вѣчнаго* (Евр. 5, 7—9). Какое же это спасеніе, которое Онъ даруетъ всѣмъ послушающимъ Его? Самое то благобытіе, которое есть плодъ Святаго Духа. *Плодъ же духовный есть,* говоритъ божественный Павелъ, *любы, радость, миръ, долготерпѣніе, благость, милосердіе, вѣра, кротость, воздержаніе: на таковыхъ нѣсть закона* (Гал. 5, 22. 23). Ибо *праведнику законъ*

не лежитъ (1 Тим. 1, 9). Богъ Слово и Сынъ Божій, Творецъ естествъ, для того и содѣлался естественно (физически) человѣкомъ, чтобъ естественно (физически) даровать людямъ благобытіе. Чтобъ люди могли получить это благобытіе, Онъ пришелъ, воплотился пострадалъ и умеръ, чтобъ вѣрующіе могли возымѣть его, яко нѣчто естественное (физическое), т.-е. чтобъ были любительны, радостотворны, долготерпѣливы, благи, милосерды, вѣрны, кротки, воздержны. Ибо эти именно свойства и составляютъ благобытіе. И горе тому, кто не имѣетъ такого благобытія, которое даруется Христомъ; потому что въ такомъ случаѣ онъ лишается того великаго блага, для котораго единаго Богъ содѣлался человѣкомъ, умеръ и воскресъ. Сего-то лишается и онъ (не настоящій христіанинъ), какъ лишаются и тѣ, которые не вѣруютъ во Христа, чтобы не сказать, что онъ становится еще и хуже ихъ. Намъ же да не будетъ лишитися сего блага, во Христѣ Іисусѣ, Коему слава во вѣки. Аминь.

СЛОВО СОРОКОВОЕ.

Воздержаніе есть одинъ изъ плодовъ Св. Духа. Тѣмъ, которые вѣруютъ во Христа, надлежитъ знать, что они получаютъ отъ Него дары Св. Духа, такъ что которые не знаютъ, что пріемлютъ отъ Христа дары, всуе увѣровали.

Говорятъ богоносные отцы, что Христосъ пришелъ въ міръ сей и даровалъ людямъ избавленіе и отъятіе грѣховъ. Итакъ, если Христосъ есть избавляяй людей отъ грѣха и отъемляй ихъ, то какъ они же опять говорятъ, что вѣрующіе умерщвляютъ стремленія и движенія страстей чрезъ воздержаніе? На это отвѣчаемъ, что оба эти положенія истинны. Ибо окрестившіеся во Христа во Христа облеклись; облекаются же во Христа благодатію отъ Отца исходящаго Духа, а изъ плодовъ Св. Духа есть и воздержаніе. Плодъ Св. Духа, говоритъ боже-

ственный Павелъ, есть *любы*, *радость*, *миръ*, *долготерпѣніе*, *благость*, *милосердіе*, *вѣра*, *кротость*, *воздержаніе* (Гал. 5, 22. 23). Посему, когда кто воздерживается отъ грѣха, то не онъ воздерживается, но сіе есть плодъ Духа, который есть воздержаніе. Итакъ, воздержный пусть не думаетъ, что воздержаніе имъ содержимое есть дѣло его собственной силы, но дѣло благодати Христовой. Ибо Христосъ чрезъ Духа Святаго даруетъ воздержаніе тѣмъ, которые прежде возжелали освободиться отъ страстей и избавиться отъ грѣха, и стали противиться ему, но все бывали побѣждаемы имъ по слабости своей и отяжеляемы,—таковымъ, говорю, даруетъ Христосъ воздержаніе, чтобы вѣдали, судя по воздержанію, коимъ воздерживаются теперь отъ всякаго грѣха, отъ какого великаго зла они избавлены, и чтобы когда взято будетъ у нихъ самое движеніе на зло (сочувствіе ему), прославляли смиренномудренно Бога и Отца Господа нашего Іисуса Христа, пославшаго Его для избавленія народа своего.

Какъ Христосъ грѣха не сотвори, такъ и тому, кто облекается во Христа, какъ возможно грѣшить? Кто же грѣшитъ, тотъ явно не облеченъ во Христа. Да подвизается убо такой христіанинъ опять облещись во Христа, и да проситъ день и ночь съ вѣрою, постомъ и слезами сподоблену быть опять надѣть на себя одежду оправданія Христова. Ибо онъ одѣтъ уже былъ во Христа во святомъ крещеніи, но или не позналъ того, или презрѣлъ то и сдѣлался за то опять обнаженнымъ отъ Христа и по причинѣ сего обнаженія сталъ грѣшить. Впрочемъ Христосъ не совершеннымъ оставленіемъ оставляетъ и такого, но даетъ ему придти въ чувство, познать свою обнаженность и моляся съ духомъ сокрушеннымъ взыскивать облеченія въ Него. Ибо кто не облеченъ во Христа, тотъ какъ можетъ творить запо-

вѣди Его? Самъ Онъ говоритъ: *безъ Мене не можете творити ничесоже*, какъ не можетъ приносить плода вѣтвь, если не пребудетъ на лозѣ (Іоан. 15, 4. 5).

Христосъ повелѣваетъ намъ вѣровать въ Него не просто, какъ случилось; но вѣровать еще, что тѣмъ, которые вѣруютъ въ Него, Онъ даетъ дары, такъ что которые не получили такихъ даровъ, тѣ еще не увѣровали во Христа. Христіанинъ и вѣрнымъ называется по причинѣ ввѣренія ему даровъ. Вѣрнымъ называется христіанинъ не потому одному, что онъ вѣруетъ во Христа, но и потому что ему ввѣрены отъ Бога таинства, которыхъ даже Ангелы не вѣдали прежде насъ. Въ семъ смыслѣ сказалъ Господь: *вѣрный въ малѣ и во многѣ вѣренъ есть* (Лук. 16, 10). Видишь ли, что вѣрный есть тотъ, кому ввѣряется? Кто же не чувствуетъ и не знаетъ, чтобъ ему ввѣрено было что-нибудь, тотъ или не получилъ благодати Святаго Духа, или безчувственъ, и по причинѣ нечувствія его она отступила отъ него. Ибо Духъ Святый, дающій людямъ мудрость, и вѣдѣніе, и благочестіе, и страхъ Божій, и вѣру, не хощетъ пребывать въ нечувственныхъ.

Какъ никто не можетъ вести торговлю безъ денегъ, то Господь каждому вѣрному даетъ по силѣ его и способности, духовный динарій, т.-е. даръ Св. Духа, который бы всегда пребывалъ съ нимъ во всякое время и во всякомъ дѣлѣ. Кому ввѣренъ такой динарій, и кто получилъ его, тому надлежитъ хранить его добрѣ, и со всѣмъ усердіемъ и терпѣніемъ стараться пріумножить его. И послушай, какъ онъ можетъ умножить его. Получаетъ, напримѣръ, кто-либо даръ вѣры и даръ терпѣнія: вѣрою вѣритъ онъ въ то, что обѣтовалъ Ему Богъ а терпѣніемъ претерпѣваетъ скорби и напасти, которыя находятъ на него. Видя, что его встрѣчаетъ многое, противное тому, что обѣтовалъ ему Богъ, онъ терпитъ благодушно, ожидая, пока наконецъ придетъ время испол-

ненію обѣтованій Божіихъ. Здѣсь по видимости кажется, будто человѣкъ самъ перетерпѣваетъ, а на дѣлѣ сила благодати Св. Духа, которую онъ получилъ, она содѣваетъ въ немъ терпѣніе и твердость. Если онъ не забудетъ о сей силѣ благодати, ему дарованной, то умножается въ немъ даръ, и онъ сподобляется получить, что Богъ обѣщалъ ему дать: ибо христіане вѣрою и терпѣніемъ наслѣдуютъ обѣтованія Божіи. Если же онъ забудетъ о благодати и подумаетъ, что самъ своею силою вынесъ бремя испытанія и терпѣнія, а не силою благодати Божіей, то теряетъ благодать и остается обнаженнымъ отъ нея; и діаволъ, находя его обнаженнымъ отъ божественной благодати, помыкаетъ имъ, куда хочетъ и какъ хочетъ,—и *бываютъ послѣдняя его горша первыхъ.*

Итакъ тѣмъ, которые именуются вѣрными по благодати вѣры, надлежитъ сподобиться получить и благодать разума, да разумѣютъ воистину, что терпѣніе и благодушіе содѣваетъ въ нихъ божественная благодать, и благодареніе да приносятъ Тому, Кто возблаговолилъ дѣйствовать такимъ образомъ въ вѣрныхъ, какъ самъ Онъ засвидѣтельствовалъ: *сила Моя въ немощи совершается* (2 Кор. 12, 9). Въ другихъ подвигахъ дѣйствующій бываетъ побѣдителемъ; а въ подвигахъ вѣры и благочестія побѣдителемъ бываетъ страждущій и претерпѣвающій до смерти. Претерпѣвшій до конца спасается; не тотъ, кто изнемогаетъ и отстаетъ въ срединѣ или къ концу подвиговъ, но кто претерпѣваетъ до конца. И Богъ нашъ не именуется Богомъ празднаго бездѣйствія и утѣхъ, а Богомъ терпѣнія и долготерпѣнія. Онъ дѣйственно производитъ терпѣніе и благодушіе въ тѣхъ, кои предаютъ Ему себя самихъ, чтобы они одержали побѣду дивную и новую, подобную той, какую одержалъ Христосъ Господь. Бывъ распятъ и вкусивъ смерть, Онъ побѣдилъ убійцъ Своихъ и міръ, и теперь удѣляетъ отъ побѣдной

силы Своей и тѣмъ, которые страждутъ за Него, и чрезъ нихъ побѣждаетъ снова тѣхъ же убійцъ и міръ. Сіе таинство надобно знать всякому христіанину, чтобы не оказался кто всуе вѣрующимъ во Христа, яко не вѣдущій таинства христіанства. Ибо не самъ всякъ, но Христосъ со всякимъ входитъ опять въ рай; т.-е. всякій человѣкъ тогда получаетъ входъ въ рай, когда причастнымъ дѣлается божественной благодати Христовой и вѣрою опять стяжеваетъ то, что имѣлъ въ началѣ и что потерялъ невѣріемъ, не повѣривъ словамъ Божіимъ, а повѣривъ словамъ змія.

Труды же и поты всегда сопровождаютъ человѣка въ настоящей жизни, по промыслительному устроенію человѣколюбиваго Бога, чтобъ иначе не потерялъ онъ опять того, что стяжалъ трудами и потами. Блага, высшаго для насъ, т.-е. благодати Христовой, духовно сподобляется душа чрезъ святое крещеніе: ибо какъ только крещается, тотчасъ воображается въ ней Христосъ. Но какъ большая часть не знаютъ пріемлемой такимъ образомъ благодати, особенно изъ тѣхъ, кои крещены малыми дѣтьми; то мало-по малу со временемъ происходитъ въ нихъ измѣненіе, и въ иныхъ совсѣмъ гаснетъ благодать Божія, а въ другихъ остается еще хоть малая ея искра, которая, по великой милости Божіей, иногда опять возгарается въ нихъ посредствомъ вѣры, пастырскаго наставленія и руководства. Въ тѣхъ, которые, бывъ обличаемы и наставляемы, возникнутъ къ вѣрѣ и упованію спасенія, благодать въ короткое время опять возгарается и даетъ ощущать себя въ духѣ. За тѣмъ если кто приложитъ къ сему съ радостію и рукояти смиренномудрія и милостыни (смиренномудрія, потому что такая милость не отъ насъ, но отъ Бога; милостыни, потому что получившій милость, всеконечно и самъ долженъ быть милостивъ), то въ немъ разгарается великое пламя, которое

освѣщаетъ даже и всѣхъ соприкасающихся къ нему,— о Христѣ Іисусѣ Господѣ нашемъ, Коему слава и держава во вѣки. Аминь.

СЛОВО СОРОКЪ ПЕРВОЕ.

1. О праздникахъ, и какъ надобно ихъ праздновать?
2. Противъ тѣхъ, которые хвастаются празднествами.
3. Что означаетъ то, что бываетъ во время ихъ?
4. Къ тѣмъ, которые причащаются пречистыхъ Таинъ достойно, и недостойно.
5. Какъ бываетъ, что иной соединяется съ Богомъ чрезъ святое причастіе, а иной не соединяется?
6. Какое различіе имѣютъ причащающіеся достойно отъ причащающихся недостойно?

1. Кто добрѣ познаетъ и уразумѣетъ, что онъ созданъ изъ ничего, и что нагимъ вошелъ въ міръ сей, тотъ познаетъ и Творца своего, и Его единаго будетъ бояться и любить, и Ему единому служить отъ всей души своей, ничего изъ видимыхъ вещей не предпочитая Ему. Убѣждаясь изъ познанія себя самого, что странникъ есть для всего земнаго или, лучше сказать, и для всего небеснаго, онъ всю ревность души своей отдаетъ на служеніе Творцу своему и Богу. Ибо если онъ странникъ для земнаго, изъ котораго взятъ (при сотвореніи), среди котораго живетъ и проводитъ вѣкъ свой, тѣмъ паче странникъ для небеснаго, отъ котораго такъ далекъ и по образу бытія своего здѣшняго, и по образу жизни своей. Кто же убѣдится такимъ образомъ изъ познанія себя самого, что странникъ есть на землѣ, и будетъ содержать въ мысли, что какъ нагимъ вошелъ въ міръ сей, такъ нагимъ и выйдетъ изъ него, тому что предлежитъ кромѣ плача и рыданія не о себѣ только одномъ, но и о всѣхъ сродныхъ съ нимъ, и подобострастныхъ ему людяхъ? Равнымъ образомъ, кто любитъ и боится Бога, и Его единаго, тотъ, скажи мнѣ. прошу тебя, согласится ли блистать

чѣмъ либо плотскимъ и вещественнымъ? Или, если праздникъ придется ему отпраздновать, станетъ ли онъ праздновать и торжествовать по общему всѣхъ людей обычаю,— несмысленно и безъ толку? Или какъ возможно, чтобъ онъ подумалъ что-либо, или сдѣлалъ какое-либо дѣло, зная, что то неугодно Богу? Также, кто убѣжденъ, что онъ странникъ, бѣденъ, наигъ отъ всего, хотя бы многимъ обладалъ, возможно ли, чтобъ онъ сталъ хвастаться богатствомъ своимъ? Или, возможно ли, чтобы гордиться сталъ тѣмъ, что дѣлаетъ въ праздники свои? Выситься по причинѣ множества поставленныхъ имъ свѣчей и возженныхъ лампадъ, или изъ-за духовъ и ароматовъ, или по причинѣ многолюдства собравшагося народа и обильныхъ и дорогихъ трапезъ? Или величаться знатностію друзей и посѣщеніемъ славныхъ вельможъ? Нѣтъ, не станетъ онъ много о себѣ думать изъ-за этого: ибо знаетъ, что все это нынѣ есть, а завтра прейдетъ, нынѣ занимаетъ, а завтра исчезнетъ. Таковый, зная, въ чемъ состоитъ богоугодное празднество, совсѣмъ не имѣетъ въ умѣ своемъ и въ чувствѣ своемъ того, что обыкновенно бываетъ чувственнаго на праздникахъ (ибо этимъ обыкновенно заняты бываютъ тѣ лишь, которые не помышляютъ ни о чемъ высшемъ видимаго); но умомъ премудрымъ раждаетъ помышленія духовныя и восторгается къ созерцанію празднственнаго веселія, имѣющаго быть въ будущей жизни, и имъ сердечно соуслаждается, какъ бы тамъ уже былъ самымъ дѣломъ и духовно праздновалъ со ангелами и святыми, у которыхъ на небѣ всегда праздникъ. Таковый не смотритъ на свѣчи и лампады, ни на множество народа, ни на собраніе друзей, но къ тому устремляетъ умъ свой, что вскорѣ имѣетъ быть по сихъ, когда т.-е. погаснутъ всѣ вещественные свѣты, и самый свѣтъ очей, и всякій отойдетъ въ домъ оный на вѣчное пребываніе.

2. Итакъ, не считай ты мнѣ, возлюбленный, годы, мѣсяцы и круговращенія праздниковъ, и не говори: вотъ спраздновалъ я Рождество Христово, Богоявленіе, Срѣтеніе, Воскресеніе, Вознесеніе и Пятидесятницу. Не говори этого, брате мой, не пересчитывай отпразднованныхъ праздниковъ и не думай, что этого достаточно для спасенія души. Не думай также, что будь свѣтлыя одѣянія и убранства, ястіе и питіе, цѣнныя благоуханія, свѣчи и лампады, и множество народа, то тутъ и весь праздникъ. Не это дѣлаетъ свѣтлымъ праздникъ, и не въ этомъ одномъ состоитъ празднество: это только видимость празднственная. Какую пользу доставлю я себѣ, если возжгу, не говорю, множество свѣчъ и лампадъ въ церкви, но если зажгу столько свѣтильниковъ, чтобъ они издали столько свѣта, сколько свѣтло солнце на небѣ, а вмѣсто лампадъ вставлю звѣзды въ сводѣ церковномъ, и такимъ образомъ устрою второе небо долу на землѣ, буду восхищаться свѣтомъ отъ всего сего и составлять предметъ удивленія и похвалъ отъ пришедшихъ въ церковь? Какая, говорю, будетъ польза для меня отъ этого, когда спустя немного все это погаснетъ, и я останусь во тьмѣ? Или какая для меня польза, если нынѣ я намащу разными духами себя и всѣхъ празднующихъ, а завтра опять стану наполненъ зловоніемъ плотскимъ? Скажи ты, хвалящійся свѣтлыми празднествами, скажи, если, по слову Премудраго, есть у тебя разумъ, какая польза отъ этого? Конечно никакой, хоть ты и молчишь, побѣждаемый истиною. Ибо если нынѣ я залитъ свѣтомъ, а завтра окруженъ буду тьмою, если нынѣ избыточествую веселіемъ, а завтра обремененъ буду печалями, если нынѣ здравствую, а завтра болѣть стану, скажи, какая мнѣ отъ этого прибыль? И что за утѣшеніе во всемъ этомъ? Не такіе праздники любитъ Господь. *Кто изыска сія изъ рукъ*

вашихъ, вопрошаетъ Онъ? (Ис. 1, 12). Не законоположилъ Христосъ, чтобы мы праздновали праздники свои такимъ образомъ. А какъ? Вотъ послушай со вниманіемъ. Впрочемъ скажу напередъ, что говорятъ нѣкоторые въ защиту сего.—Чтожъ, по твоему? Не возжигать ни лампадъ, ни свѣчъ? Не воскурять ѳиміама и никакихъ благовоній? Не созывать народа на праздники и не приглашать ни пѣвчихъ, ни друзей и знаемыхъ, ни людей знатныхъ? Это ли говоришь? Такъ ли велишь?—Нѣтъ, этого я не говорю. Да не будетъ. Напротивъ, совѣтую тебѣ все это дѣлать, даже въ большихъ размѣрахъ. Въ этомъ я совершенно съ тобою согласенъ. Но желаю, чтобы ты зналъ, какимъ образомъ при всемъ томъ надлежитъ христіанамъ праздновать праздники свои. И вотъ я изъясню тебѣ таинство празднества христіанскаго.

3. Что же это за таинство?—То, что образно представляетъ дѣлаемое тобою въ праздники. Возжигаемыя тобою лампады представляютъ мысленный свѣтъ, чтобы напоминать тебѣ, что какъ церковь вся въ свѣтѣ отъ множества лампадъ, такъ и домъ твоей души (который тоже Божій есть), честнѣйшій паче рукотвореннаго храма, долженъ быть весь въ духовномъ свѣтѣ, т.-е. въ немъ должны свѣтить всѣ духовныя добродѣтели, бывъ возжены божественнымъ огнемъ благодати, и освѣщать всего тебя такъ, чтобы въ душѣ твоей не оставалось ни одного мѣстечка неосвѣщеннаго. Множество возженныхъ свѣщей означаютъ свѣтлые помыслы, которые должны свѣтить въ тебѣ, подобно свѣщамъ, такъ чтобы не было ни однаго мрачнаго помысла въ домѣ души твоей, но чтобы всѣ были огненны и блистали свѣтомъ Духа Святаго, и въ тебѣ не было недостатка ни въ одномъ изъ свѣтоносныхъ помысловъ разсужденія. Благоуханныя масти, разливающія благовоніе, указываютъ тебѣ на духовное мyро, т.-е. на благодать Святаго Духа,

и тѣмъ, что онѣ составлены изъ разныхъ спецій, научаютъ, что сіе духовное мvро надлежитъ стяжать и тебѣ такъ, чтобъ оно было разнообразно, т.-е. было составлено изъ различныхъ даровъ Святаго Духа. Сіе духовное мvро предъизображая, пророкъ называетъ его въ псалмахъ то росою, сходящею на горы Сіонскія, то мvромъ, сходящимъ на браду Ааронію и на ометы одежды его (Пс. 132, 2. 3). Таковъ есть Духъ Святый, Который сходитъ отъ Отца свѣтовъ на достойныхъ духовныхъ мужей, а отъ нихъ передается и другимъ, и освѣжаетъ всѣхъ, какъ роса. Θиміамъ кадильный, который, воскуряясь, издаетъ дымъ благовонный, указываетъ тебѣ на туже благодать Святаго Духа, но въ томъ уже отношеніи, какъ она извнутрь восходитъ горѣ, или какъ она изъ того, кто воспріялъ дѣйство Святаго Духа, исторгается какъ источникъ воды, текущія въ животъ вѣчный. Тутъ она и освѣщаетъ свѣтозарно, и въ тоже время облагоухаваетъ чувства духовнымъ благоуханіемъ: освѣщаетъ, яко свѣтъ, видимый тѣми, кои чисты сердцемъ; облагоухаваетъ, какъ древо жизни, которое, умерщвляя пожеланія плотскія, разливаетъ всюду благоуханіе духовныхъ стремленій и чувствъ и радостію чистою возвеселяетъ сердца всѣхъ вѣрныхъ.—И не это только означаетъ бывающее на праздникахъ, но и ко многимъ другимъ духовнымъ помышленіямъ подаетъ оно поводъ. Такъ, если Богъ такъ украсилъ и прославилъ благоуханіемъ это бездушное мvро; то не украситъ ли Онъ и тебя, котораго создалъ по образу и подобію Своему, (конечно, если захочешь), разными видами добродѣтелей и не прославитъ ли благоуханіемъ Святаго Духа? Эти масти, составляемыя руками человѣческими и благоуханіемъ своимъ услаждающія чувства твои, мудрымъ образомъ представляютъ созданіе тебя самого: ибо какъ эти масти, сложенныя изъ разныхъ ароматовъ, приготовля-

ютъ руки мvротворцевъ, изъ разныхъ спецій дѣлая едино благоуханное вещество; такъ и тебя создали руки Божіи и премудро сгармонировали съ духовными видами мvра духовнаго, т.-е. съ дарами Животворящаго Духа. И надлежитъ тебѣ благоухать вонею разума и премудрости, чтобы слушающіе словеса ученія твоего были облагоухаваемы въ чувствахъ души своей и радовались радостію духовною.—А толпы народа, собирающіяся на праздникъ и велегласно воспѣвающія хвалу Богу, означаютъ небесные чины и несмѣтныя воинства ангеловъ, которые воспѣваютъ и славословятъ небеснаго Владыку за великое спасеніе, устроенное тебя ради. Хвала и пѣснь, поемыя народомъ, представляютъ таинственное оное пѣніе, немолчно совершаемое ангелами, чтобъ и тебя научить содѣлаться земнымъ ангеломъ и таинственно и немолчно пѣть невещественными устами сердца Бога, создавшаго тебя.—Други и знаемые, и знать, собравшіеся на праздникъ, научаютъ тебя присутствіемъ своимъ, что и тебѣ надлежитъ возревновать о томъ, чтобы посредствомъ дѣланія всѣхъ заповѣдей и чрезъ богатство добродѣтелей сочислиться и сдѣлаться сожителемъ съ апостолами, пророками, мучениками и всѣми святыми.

Если такъ празднуешь ты, возлюбленный, праздники свои, и если самъ ты таковъ, какъ показало мое слово; то воистину духовное совершаешь ты празднество и спразднуешь Ангеламъ. Если же не такъ празднуешь и самого себя не поставилъ таковымъ, какъ мы сказали; то что пользы для тебя отъ твоихъ празднествъ? Боюсь, не услышать бы и тебѣ отъ Бога, какъ древніе іудеи: *превращу праздники* твои *въ жалость*, *и вся пѣсни* твои *въ плачъ* (Амос. 8, 10). Можетъ быть вы спросите меня: такъ по-твоему если ужъ мы не таковы, какъ показало твое слово, то намъ и не праздновать праздниковъ, хоть бы то тѣлесно и чувственно?—Нѣтъ, брате,

я не говорю тебѣ этого. Празднуй усердно, и дѣлай все, что относится къ Богопочтенію и чествованію Ангеловъ, какъ можешь. Призывай на праздникъ, если можешь, всѣхъ,—царей, вельможъ, архіереевъ, іереевъ, діаконовъ, мірянъ, да чрезъ тебя славится всѣми Богъ, и слава сія, ими Богу возсылаемая, да вмѣнится тебѣ, какъ виновнику ея, и да явишься ты угоднымъ Богу. Но не думай, что тутъ и все, что ты долженъ дѣлать для прославленія Бога и въ честь Ангеловъ Его, и тѣмъ паче, будто чрезъ то прибавляешь нѣчто къ славѣ Всевышняго или святыхъ. Ибо, какъ говоритъ Апостолъ, *не прославится прославленное за превосходящую славу* (2 Кор. 3, 10). И святые не имѣютъ нужды въ человѣческой земной славѣ. А празднуй, да обрящешь милость у Бога молитвами святыхъ Его; но и при этомъ опять не думай, что то видимое и чувственное, что ты дѣлаешь для праздника, есть настоящее празднество, но что это есть только тѣнь и образъ празднества. Ибо, скажи мнѣ, прошу тебя, это видимое, бездушное и чувства не имѣющее само по себѣ какое общеніе имѣетъ съ невидимымъ, божественнымъ, духовнымъ,—живымъ и животворнымъ?—Посему, если хочешь разумно и благочестно праздновать праздники, да будетъ у тебя празднествомъ не свѣтъ лампадъ, которыя спустя немного погашаются, но чистая лампада души твоей, т.-е, вѣдѣніе небесныхъ и божественныхъ вещей, которое подается Духомъ Святымъ тому, кто есть израильтянинъ,—человѣкъ высокаго и созерцательнаго ума. Оно да сіяетъ въ тебѣ всѣ дни жизни твоей паче лучей солнечныхъ. Оно да свѣтится во всѣхъ христіанахъ чистымъ свѣтомъ слова, такъ чтобы благодатію Духа Святаго исполнялась въ нихъ заповѣдь: *тако да просвѣтится свѣтъ вашъ предъ человѣки, яко да видятъ ваша добрая дѣла, и прославятъ Отца вашего, Иже на небесѣхъ* (Матѳ. 5, 16). Вмѣсто многихъ

лампадъ да будутъ въ тебѣ свѣтлосіятельныя помышленія, изъ которыхъ составляется ткань на украшеніе добродѣтелей, и чрезъ которыя для имѣющихъ правое умное зрѣніе явнымъ бываетъ все благообразіе духовнаго храма души твоей. Вмѣсто благовонныхъ куреній да облагоухаетъ тебя благоуханіе Святаго Духа неизъяснимое. Вмѣсто множества народа да будутъ съ тобою сонмы святыхъ Ангеловъ, которые бы славили Бога за твои добрыя дѣла и радовались о спасеніи и преспѣяніи души твоей. Вмѣсто друзей, вельможъ и царей да спразднуютъ тебѣ, какъ други твои духовные, святые, паче вельможъ и царей досточтимые. Сіи святые да будутъ возлюбленными твоими, предпочтительно предъ всѣми, чтобы они по смерти твоей приняли тебя въ вѣчные кровы свои, какъ Авраамъ принялъ Лазаря на лоно свое.

4. Вмѣсто трапезы, обремененной разными яствами, да будетъ тебѣ единый хлѣбъ животный, который для чувствъ видится хлѣбомъ, а мысленно есть тѣло Христово. Сей есть хлѣбъ, сходящій съ неба и дающій животъ міру, отъ котораго вкушающій не только питается, но и животворится и возставляется какъ бы изъ мертвыхъ. Сей хлѣбъ да будетъ для тебя и пищею и услажденіемъ, ненасытимыми и неистощимыми. Вино же, которое въ семъ таинствѣ воистину есть кровь Божія, да будетъ для тебя свѣтомъ неизреченнымъ, сладостію несказанною, радованіемъ вѣчнымъ. Если будешь пить отъ сего вина достойнѣ, то не вжаждешься во вѣки, только пей съ чувствомъ душевнымъ и съ мирнымъ настроеніемъ душевныхъ силъ.—И добрѣ вникни въ смыслъ глаголемаго. Если причащаешься небеснаго хлѣба и вина, т.-е. тѣла и крови Христовыхъ съ чувствомъ и сознаніемъ того, что они суть; то вѣдай, что причащаешься ихъ достойнѣ; если же не такимъ образомъ причащаешься,

то ѣшь и піешь недостойнѣ. Причащаясь съ чистымъ сердцемъ и вѣрою, ты являешься достойнымъ таинственной трапезы; если же ты не удостоиваешься сего, то не имѣешь единенія со Христомъ.

5. Тѣ, которые причащаются божественныхъ Таинъ недостойнѣ, пусть не думаютъ, что чрезъ нихъ, такъ просто, соединяются съ Богомъ; потому что этого не бываетъ съ ними, и быть не можетъ никогда, пока они таковы. Одни тѣ, которые чрезъ причащеніе божественной плоти Господней, удостоиваются зрѣть умнымъ окомъ, осязать умнымъ осязаніемъ, вкусить умными устами невидимое, неосязаемое и невкусимое Божество,—одни эти вѣдаютъ, яко благъ Господь. Они не чувственный только хлѣбъ вкушаютъ и не чувственное только вино піютъ, чувственно, но въ тоже самое время вкушаютъ и піютъ мысленно Бога, двоякими чувствами—души и тѣла: вкушаютъ плоть чувственно, Бога же мысленно и соединяются такимъ образомъ и тѣлесно и духовно со Христомъ, Который двойственъ по естествамъ, яко Богъ и человѣкъ, и бываютъ сотѣлесники съ Нимъ и сообщники славы Его и Божества. Симъ-то образомъ соединяются съ Богомъ причащающіеся достойнѣ,—вкушающіе отъ хлѣба и піющіе отъ чаши, съ вѣдѣніемъ и созерцаніемъ силы таинства, и съ чувствомъ душевнымъ. А тѣ, которые причащаются недостойнѣ, бываютъ пусты отъ благодати Св. Духа, и питаютъ только тѣло свое, а не души свои.

6. Но, о возлюбленне, не возмущайся противъ меня, слыша истину, мною тебѣ возвѣщаемую: ибо это истина. Ибо если ты вѣруешь и исповѣдуешь, что Тѣло Христово есть хлѣбъ животный и даруетъ животъ вѣчный тѣмъ, которые вкушаютъ его, и что Кровь Его для піющихъ ее бываетъ источникомъ воды, текущія въ животъ вѣчный; то скажи мнѣ, прошу тебя, почему ты,

причащаясь сихъ божественныхъ Таинъ, не пріемлешь въ душу свою ничего особеннаго сравнительно съ тѣмъ, что имѣлъ прежде причащенія. Но если и чувствуешь малую нѣкую радость, когда причащаешься, то спустя немного времени опять становишься такимъ же, какимъ былъ прежде того, и совсѣмъ не ощущаешь въ себѣ самомъ какого-либо притока жизни или какого-либо приліянія свѣта. Хлѣбъ сей для тѣхъ, которые не возвысились надъ чувственнымъ, является простымъ хлѣбомъ, хотя таинственно онъ есть свѣтъ невмѣстимый и неприступный, — равно какъ и вино таинственно есть свѣтъ, жизнь, огнь, вода живая. Итакъ, когда вкушаешь ты божественный хлѣбъ сей и пьешь сіе вино радованія, а между тѣмъ не ощущаешь, что зажилъ жизнію безсмертною, воспринявъ въ себя силу свѣтоносную и огненную, какъ пророкъ Исаія пріялъ въ уста угль горящій, и что испилъ кровь Господню, какъ воду живую и обрадовательную, если, говорю, не ощущаешь въ себѣ, что пріялъ нѣчто изъ того, о чемъ я сказалъ теперь; то какъ думаешь, что пріобщился жизни вѣчной, приступилъ къ неприступному свѣту Божества, причастенъ сталъ свѣта непрестающаго? Нѣтъ, брате мой, нѣтъ; ничего такого не совершилось съ тобою, такъ какъ ты не чувствуешь въ себѣ ничего изъ сказаннаго. Но свѣтъ оный свѣтитъ на тебя, а ты слѣпъ, и не освѣщаешься; и огнь оный испускаетъ на тебя теплоту, а ты остаешься хладнымъ; и жизнь оная вошла въ тебя, а ты не чувствуешь, и пребываешь мертвымъ; и вода живая протекла по душѣ твоей, какъ желобу, но не осталась въ тебѣ, потому что не нашла въ тебѣ достойнаго себѣ вмѣстилища, чтобъ вселиться внутрь тебя. Посему, если ты симъ образомъ причащаешься пречистыхъ Таинъ, безъ того, чтобъ ощущать какую-либо благодать въ душѣ своей; то причащаешься только по видимости, а въ себя

самого ничего не принимаешь. Ибо которые достойно приступаютъ къ симъ таинствамъ и достодолжно приготовляются къ принятію въ нихъ Сына Божія—сего хлѣба животнаго, сходящаго съ неба, къ тѣмъ Онъ прикасается ощутительно, и съ тѣми соединяется несмѣсно, давая осязательно испытывать свое благодатное присутствіе.

Итакъ, если ты будешь праздновать праздники, какъ я тебѣ изобразилъ, и будешь причащаться божественныхъ Таинъ, какъ я тебѣ указалъ; то вся жизнь твоя будетъ одно непрерывное празднество, одна непрестающая пасха,—прехожденіе отъ видимаго къ невидимому, туда, гдѣ престанутъ всѣ образы, сѣни и символы празднествъ, бывающихъ въ настоящей жизни, и гдѣ вѣчно чистые вѣчно имѣютъ наслаждаться чистѣйшею жертвою, Христомъ Господомъ, въ Богѣ Отцѣ и единосущномъ Духѣ, всегда созерцая Его и видимы бывая Имъ, сопребывая и соцарствуя съ Нимъ,—выше и блаженнѣе чего ничего нѣтъ въ царствіи Его. Ему подобаетъ всякая слава, честь и поклоненіе, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

СЛОВО СОРОКЪ ВТОРОЕ.

Что есть таинство воскресенія Христова? Какъ въ насъ бываетъ воскресеніе Христово, и какъ вмѣстѣ съ симъ бываетъ воскресеніе души?—Сказано во вторникъ второй недѣли по Пасхѣ.

Братіе мои возлюбленные! Пришла Пасха, радостный день воскресенія Христова, вина всякаго радованія, посѣщающая насъ однажды въ годъ, а для тѣхъ, которые понимаютъ таинство воскресенія, бывающая каждодневно и даже непрерывно,—пришла и исполнила сердца наши всякимъ веселіемъ и неизъяснимымъ утѣшеніемъ не тѣмъ только, что прекратила трудъ всечестнаго поста, но

паче тѣмъ, что явила души наши усовершившимися тѣмъ трудомъ, и призвала всѣхъ вѣрныхъ къ упокоенію и благодаренію, какъ видите. Итакъ, возблагодаримъ, братіе, Христа Господа, сподобившаго насъ преплыть море поста и введшаго насъ съ радостію въ пристань воскресенія, – возблагодаримъ всѣ, и тѣ, которые совершили теченіе поста добрѣ, въ подвигахъ добродѣтелей, съ усердіемъ и теплымъ расположеніемъ, и тѣ, которые обличились не такъ мужественными и малодушествовали въ подвигахъ, по причинѣ слабосердія и растлѣнія душевнаго. Ибо Онъ даетъ и усерднымъ подвижникамъ вѣнцы и награды, даже гораздо большіе, нежели какъ имъ слѣдуетъ; Онъ же опять и къ немощнѣйшимъ являетъ снисхожденіе, яко милостивый и человѣколюбивый; потому что смотритъ паче на расположеніе и произволеніе нашихъ душъ, нежели на тѣлесные труды, съ какими упражняемся и подвизаемся мы въ добродѣтели, или больше по большей ревности, или меньше сравнительно съ усердными по причинѣ немощи тѣла,—и такимъ образомъ по усердію каждаго раздаетъ награды и дары Св. Духа, и или дѣлаетъ кого за усердные подвиги знаменитымъ и славнымъ, или оставляетъ еще въ уничиженіи, какъ такого, которому для совершеннаго очищенія потребны еще большіе подвиги.

Но, если считаете то благословнымъ, пообдумаемъ и поизслѣдуемъ точнѣе, въ чемъ таинство воскресенія Христа Бога нашего, каковое таинственно бываетъ и въ насъ, если восхощемъ, и какъ погребается Христосъ внутрь насъ, какъ во гробѣ, какъ соединяется съ душами нашими, воскресаетъ въ насъ и вмѣстѣ съ Собою воскрешаетъ и насъ. Христосъ Богъ нашъ, послѣ того, какъ повѣшенъ былъ на Крестѣ и пригвоздилъ на немъ грѣхъ всего міра, умеръ, сошелъ въ преисподняя ада; потомъ поднявшись изъ ада, опять вошелъ въ пренe-

порочное тѣло Свое, и тотчасъ воскресъ изъ мертвыхъ; и за тѣмъ наконецъ вознесся на небеса съ силою и славою многою. Такимъ же образомъ и теперь, когда мы, оставляя міръ сей и мірскія суетности, при исповѣданіи страстей Христа Господа, входимъ во гробъ покаянія и смиренія, Онъ самъ сходитъ съ небесъ, входитъ въ тѣло наше, какъ во гробъ, соединяется съ душами нашими и воскрешаетъ ихъ, мертвыхъ сущихъ по грѣхамъ, и воскресивъ даетъ благодать видѣть славу сего таинственнаго воскресенія.

Такъ воскресеніе Христово бываетъ воскрешеніемъ и насъ, падшихъ въ грѣхъ и мертвыхъ. Воскресеніе и слава Христова есть, какъ сказали мы, собственное наше воскресеніе, которое бываетъ, проявляется и видится въ насъ посредствомъ воскресенія Его, въ насъ Имъ совершаемаго. Воскресеніе же души есть единеніе ея съ жизнію (вкушеніе жизни). Ибо какъ тѣло мертвое, если не приметъ внутрь себя живой души и не сольется съ нею несліянно, не можетъ жить одно само собою; такъ и душа не можетъ жить истинною и вѣчною жизнію одна сама собою, если неизреченнымъ образомъ не соединится несліянно съ Богомъ. Душа, несмотря на то, что невещественна и безсмертна по естеству, бываетъ мертва и безчувственна, прежде чѣмъ соединится со Христомъ, прежде чѣмъ увидитъ, что соединилась съ Нимъ и воскресла, прежде чѣмъ познаетъ то и возчувствуетъ: такъ какъ ни познанія не бываетъ безъ видѣнія, ни видѣнія безъ чувства, т.-е. прежде видитъ кто какую вещь, и видя ее, познаетъ, а потомъ и чувствуетъ. Это говорю въ отношеніи къ духовному; а въ отношеніи къ тѣлесному бываетъ чувство и безъ видѣнія, какъ напримѣръ слѣпой, споткнувшись ногою о камень, чувствуетъ боль. Въ духовномъ же, если умъ не придетъ въ состояніе созерцанія, чтобы созерцать то, что выше

пониманія, то не можетъ чуьствовать таинственнаго отъ того воздѣйствія. Итакъ, тотъ, кто говоритъ, что онъ чувствуетъ духовное, прежде чѣмъ придетъ въ состояніе созерцать то, что выше ума, слова и помышленія; тотъ подобенъ слѣпому, который чувствуетъ добро и зло, какія испытываетъ, но не знаетъ, что у него подъ руками и ногами, и что можетъ живить его или мертвить, потому что не имѣетъ очей, чтобъ видѣть и знать то. Почему сколько разъ бываетъ, что онъ поднимаетъ палку, чтобъ ударить врага, а ударяетъ друга, при всемъ томъ, что и врагъ стоитъ предъ нимъ и пересмѣиваетъ его!

Воскресенію Христову вѣрятъ премногіе-многіе; но мало такихъ, которые бы чисто зрѣли его. Тѣ же, которые не зрятъ такъ воскресенія Христова, не могутъ покланяться Іисусу Христу, яко Господу. Почему священная пѣснь, которую часто имѣемъ мы въ устахъ своихъ, гласитъ: Воскресеніе Христово, не вѣровавше, а что? Воскресеніе Христово видѣвше, поклонимся святому Господу Іисусу, единому безгрѣшному. Какъ же это Святый Духъ подвигаетъ насъ пѣть: воскресеніе Христово видѣвше, т.-е. что мы видѣли воскресеніе Христово,— когда мы не видали его, такъ какъ Христосъ, воскресъ больше тысячи лѣтъ прежде, да и тогда никто не видалъ, какъ Онъ воскресъ? Ужъ не хочетъ ли пѣснь церковная научить насъ говорить ложь?! Да не будетъ! Перестань злословить! Напротивъ, она завѣщала намъ возглашать сими словами совершенную истину, напоминая о томъ воскресеніи Христовомъ, которое бываетъ въ каждомъ изъ насъ вѣрныхъ, и бываетъ не просто, но свѣтоносно, блистая сіяніями божества Его и нетлѣнія. Свѣтоносное присутствіе Духа показываетъ на совершившееся въ насъ воскресеніе Господне, и еще паче—даетъ намъ благодать видѣть самого воскреснаго Христа Господа. Почему и поемъ: Богъ Господь и явися

намъ; и желая показать второе Его пришествіе, прибавляемъ въ слѣдъ за тѣмъ: благословенъ грядый во имя Господне. Итакъ въ тѣхъ, въ которыхъ явился Христосъ воскресшій, всехотечно Онъ и виденъ бываетъ духовно, и видится духовными очами. Ибо, когда приходитъ въ насъ Христосъ благодатію Святаго Духа, то воскрешаетъ насъ изъ мертвыхъ, какими бываемъ дотолѣ, и животворитъ, и дѣлаетъ, что мы видимъ въ себѣ живымъ Его самого, безсмертнаго и нетлѣннаго. И не только это, но Онъ даетъ намъ благодать и такую, что мы ясно познаемъ, какъ Онъ воскрешаетъ насъ и прославляетъ вмѣстѣ съ Собою, какъ удостовѣряетъ все Божественное Писаніе.

Таковы-то божественныя таинства христіанъ! Такова сокровенная сила вѣры нашей, которой не видятъ, и не могутъ видѣть невѣры, маловѣры, или, лучше сказать, полувѣры, которые имѣютъ половинную вѣру. Невѣры, маловѣры и полувѣры суть, которые не показываютъ вѣры своей дѣлами. Безъ дѣлъ и бѣсы вѣруютъ и исповѣдуютъ Христа, яко Богъ есть. Знаемъ, нерѣдко вопили бѣсы, что *Ты Сынъ Божій* (Мар. 3, 11). Въ иной разъ и объ Апостолахъ кричали: *сіи человѣцы раби Бога вышняго суть* (Дѣян. 16, 17). А они были рабы Христовы. Но такая вѣра непомощна ни бѣсамъ, ни людямъ. И никакой нѣтъ пользы отъ такой вѣры, потому что она, какъ говоритъ Апостолъ, мертва. *Вѣра бо безъ дѣлъ мертва есть* (Іак. 2, 20), какъ наоборотъ дѣламъ споспѣшествуетъ вѣра (— 22). Почему же мертва такая вѣра? Потому что не имѣетъ въ себѣ Бога животворящаго, — что не стяжеваетъ въ себя Христа рекшаго: *любяй Мя заповѣди Моя соблюдетъ и Азъ и Отецъ пріидемъ и обитель у него сотворимъ* (Ін. 14, 23), чтобы присутствіемъ своимъ воскресить изъ мертвыхъ того, кто стяжеваетъ такую дѣя-

тельную вѣру, оживотворить его и дать ему видѣть самого Христа, воскресшаго въ немъ и его воскресившаго. Вотъ почему вѣра безъ дѣлъ мертва, или лучше сказать, мертвы тѣ, которые имѣютъ вѣру безъ дѣлъ. Истинная же вѣра въ Бога всегда жива и живуща, и оживотворитъ тѣхъ, которые приступаютъ къ ней и пріемлютъ ее съ благимъ произволеніемъ. Она и прежде дѣйствительнаго исполненія заповѣдей Христовыхъ многихъ привела отъ смерти въ животъ и показала имъ Христа и Бога. И еслибъ они послѣ того пребыли въ заповѣдяхъ Его и соблюдали ихъ даже до смерти, то были бы сохранены сими заповѣдями такими же, какими въ началѣ стали одною вѣрою. Но какъ они измѣнились въ своихъ расположеніяхъ и впали опять въ прежніе грѣхи, то и вѣру потеряли, и праведно лишились истиннаго духовнаго богатства, которое есть Христосъ. Чего да не постраждемъ и мы, будемъ, прошу васъ, соблюдать, сколько силъ есть, заповѣди Христовы, чтобы сподобиться и настоящихъ и будущихъ благъ, т.-е. зрѣнія самого Христа Господа. Каковое буди улучить намъ всѣмъ благодатію Господа нашего Іисуса Христа, Коему слава во вѣки. Аминь.

СЛОВО СОРОКЪ ТРЕТЬЕ.

Объ измѣненіяхъ души и тѣла, которыя бываютъ отъ стихій, нищи и бѣсовъ.

Долгъ имѣетъ всякій христіанинъ не только измѣненія и перемѣны, бывающія въ душѣ, знать, но знать еще и причины, отъ коихъ онѣ происходятъ и случаются. Иногда, напримѣръ, вдругъ находитъ на душу радость, а иногда находитъ на нее тоже внезапно печаль и тягота крайняя; то бываетъ она сокрушенна и умиленна,

то безчувственна и жестка, какъ камень; иной разъ она смиренна и кротка, а спустя минуту начинаетъ гордиться, и серчать и злиться на всѣхъ братій; иногда бываетъ она разсѣянна и нерадива о всякомъ дѣлѣ благомъ, а иной разъ внимательна и усердна ко всякому послушанію, такъ что и тѣхъ, съ которыми живетъ вмѣстѣ, отклоняетъ отъ худа и подвигаетъ на добро; иной разъ она исполнена страха и благоговѣйнства, а иной безстрашна и неблагоговѣйна; иной разъ съ любовію воспоминаетъ отсутствующихъ и призываетъ ихъ къ себѣ, а въ другой и на присутствующихъ смотрѣть не хочетъ; иногда скорбитъ, ноетъ и тяготится даже жизнію, а иногда такъ радуется и веселится, что не въ силахъ бываетъ удержать въ себѣ своей радости. Все это бываетъ естественно по естественному теченію движеній души и тѣла, когда подвизаемся въ дѣланіи добродѣтелей и исполненіи заповѣдей Христовыхъ. Но какъ измѣняется душа, такъ измѣняется и умъ нашъ; прелагается и онъ,—и иногда бываетъ остръ и скоръ на порожденіе мыслей, и быстръ въ обсужденіи своихъ помышленій, и иногда бездѣйственъ и тяжелодвиженъ на то и другое—и на помышленіе, и на разсужденіе; то бываетъ онъ будто несмысленъ, безсловесенъ, безгласенъ и глухъ, то глубокомысленъ, краснорѣчивъ и разсудителенъ; иной разъ бываетъ онъ слѣпъ и омраченъ, а иной разъ просвѣтленъ и рвется востечь на высоту созерцанія, превышающую мѣру человѣческаго естества; иногда бываетъ простъ и свободно готовъ на всякое созерцаніе, не помня ничего изъ худостей, бывавшихъ предъ нимъ, и не помышляя ни о чемъ подобномъ, а иногда бываетъ очень многосложенъ, волнуется мыслями, подозрѣваетъ чего нѣтъ и не было, бываетъ какъ огонекъ, покрываемый дымомъ отъ сырыхъ дровъ, не только о присущихъ помышляетъ злое, но и о тѣхъ,

которыхъ нѣтъ на лицо, слагаетъ нерѣдко въ себѣ помышленія суетныя и ложныя. Бываетъ, что и душа скорбитъ и не соглашается съ умомъ въ его неправыхъ помышленіяхъ, но никакой тѣмъ не доставляетъ пользы, потому что не сильна бываетъ отвлечь умъ отъ такихъ суетныхъ и безполезныхъ помысловъ. И вотъ то, что имѣли мы сказать объ измѣненіяхъ и преложеніяхъ ума и умной души нашей.

Что касается до неровностей, бывающихъ въ тѣлѣ, то хоть и кажется намъ, что онѣ явны и ихъ легко познать, но на дѣлѣ не такъ: ибо измѣненій бывающихъ въ тѣлѣ по естеству его чрезвычайно много. Душа по естеству и сущности своей неизмѣнна; вмѣстѣ съ нею равнымъ образомъ неизмѣннымъ созданъ отъ Творца Бога и умъ. Они водятся произволеніемъ и по своей волѣ упражняются или въ добродѣтеляхъ, или въ порокахъ, и за то наслѣдуютъ на всю вѣчность или свѣтъ, или тьму. По своей волѣ, какъ я сказалъ, и по своему произволенію, прилѣпляются они или къ добру и бываютъ добрыми, или ко злу и бываютъ злыми. Но тѣло и естественно превратно, потому что сложно и по сущности своей текуче, какъ созданное изъ вещества тлѣннаго и текучаго, и имѣетъ сложеніе свое и составъ свой изъ такихъ вещей, кои противоположны между собою. Мудрые по сей части говорятъ, да и поистинѣ такъ есть, что сущность тѣла состоитъ изъ четырехъ противоположностей: холоднаго и теплаго, сухаго и сыраго. Но тѣло само по себѣ не имѣетъ ни воли, ни произволенія и, сказать правду, не имѣетъ ни даже движенія, развѣ можетъ быть назоветъ кто движеніемъ естественное теченіе тѣла къ концу или тлѣнію: каковое движеніе безсловесно, а если безсловесно, то конечно и безгрѣшно и предъ Богомъ невиновно. И праздно: ибо то, что бываетъ необходимымъ слѣдствіемъ естества, то не под-

лежитъ осужденію. Похоти же плотской, брачнаго или безбрачнаго смѣшенія, сластей, гортанобѣсія, чревоугодія, многоспанья, лѣностнаго бездѣйствія, щегольства и многаго другаго подобнаго не тѣло ищетъ, какъ думаютъ многіе ненаказанные, какъ не ищетъ оно этого, когда бываетъ мертво, но ищетъ этого душа посредствомъ тѣла, пріятнымъ то себѣ находя, и услаждается тѣмъ, такъ какъ тѣсно соединена съ этою перстію, т.-е. тѣломъ, любитъ валяться въ чувственныхъ сквернотахъ, какъ свинья въ нечистотахъ, и жаждетъ сластей плотскихъ, по причинѣ сего соединенія съ перстію.

Впрочемъ никто пусть не думаетъ, будто душа насильно бываетъ увлекаема къ такимъ вещамъ отъ тѣла: ибо дѣло не такъ бываетъ. Какъ же бываетъ? Послушай со вниманіемъ. Взялъ Богъ персть отъ земли, и, создавъ человѣка, подулъ въ лице его Господь Богъ,—и *бысть человѣкъ въ душу живу*, всталъ съ земли и сталъ ходить, потому что душа его, бывшая въ тѣлѣ, господственно и властно двигала сіе тѣло; жженія же или похотнаго движенія, безсловесной ярости и чревонеистовства и слѣда никакого не было тогда, но была въ человѣкѣ жизнь мирная и безпечальная. Посмотримъ теперь, не оттого ли, что тогда не было еще жены и яствъ, кои обыкновенно подвигаютъ человѣка на похоть, не чувствовалъ онъ движеній похоти и чревонеистовства? Итакъ, что же говоритъ о семъ Божественное Писаніе? *И прозябе Богъ еще отъ земли всякое древо красное въ видѣніе, и доброе въ снѣдь.—И бѣста оба нага, Адамъ же и жена его, и не стыдястася* (Быт. 2, 9. 25). Видишь, что никакого вреда ихъ цѣломудрію не причиняло ни то, что Ева была предъ лицемъ Адама, ни то, что оба они были наги? И наги были они и не познавали другъ друга, и не подвигались естествомъ тѣла своего къ смѣшенію, и не стыдились. Но по преступленіи заповѣди,

когда вышли они изъ рая, обнажились отъ благодати Божіей и ниспали отъ божественной славы; тогда, какъ написано, *позна Адамъ жену свою и зачеши роди* (Быт. 4, 1). Такъ, брате мой, если ты искренно возлюбишь Бога и будешь твердо стоять въ сей любви, то никакая страсть не возобладаетъ тобою, и никакое нужденіе тѣла не вознасилуетъ тебя. Ибо какъ невозможно, чтобы тѣло подвиглось на какое-либо дѣло само собою безъ души, такъ невозможно, чтобъ и душа, соединившаяся съ Богомъ посредствомъ любви, вступать стала въ сношеніе съ другимъ чѣмъ-либо и склонилась на пожеланія и удовольствія чувственныя, или увлеклась похотѣніемъ чего-либо видимаго и какою-либо страстію. Потому что все стремленіе сердца ея, или, лучше скажу, вся воля ея связана крѣпко узами сладчайшей любви къ Богу; а когда душа ссоюзится и ссочетается, какъ я сказалъ, съ Творцемъ своимъ, тогда возможно ли, скажи мнѣ, чтобъ она испытывала жженіе плотское или была подвигаема на похоть, и тѣмъ паче чтобъ и исполняла ее? Никакъ невозможно. Естественныя же перемѣны, бывающія въ тѣлѣ, явны. Онѣ имѣютъ мѣсто и во всѣхъ святыхъ; ибо естественно со всѣми бываетъ, что иной разъ тѣло здорово, когда вещества находящіяся въ составѣ его не воюютъ между собою, а въ другой разъ оно впадаетъ въ болѣзнь, когда какая-либо изъ четырехъ стихій, изъ коихъ оно слагается, или слишкомъ умножается, или слишкомъ умаляется противъ должнаго, и или умножаясь преобладаетъ надъ другими и ихъ подавляетъ, или умаляясь сама бываетъ преобладаема и подавляема ими, отъ чего происходятъ геморрои, флюсы, катарры, а иногда и всего тѣла разстройство и поврежденіе. (Впрочемъ душа остается нисколько невредимою отъ всего этого). Большая часть этихъ поврежденій происходитъ отъ многоястія и многопитія, а иныя

отъ атмосферическихъ измѣненій—вѣтровъ, тепла и подобнаго. Ибо, когда воздухъ бываетъ сыръ, тогда тѣла сыраго сложенія повреждаются и разслабляются, потому что слишкомъ въ ту пору разсыряются; напротивъ, тѣла горячаго темперамента получаютъ отъ этого большую соразмѣрность и болѣе крѣпнутъ. Опять когда воздухъ слишкомъ сухъ и горячъ, тогда сырыя тѣла крѣпнутъ, а тѣла горячаго сложенія разслабляются. Бываютъ еще перемѣны въ тѣлѣ отъ излишней пищи и питія, или отъ чрезмѣрнаго поста, также отъ многоспанія или излишняго бдѣнія, отъ большаго труда или бездѣйствія и недостатка движенія.

Бываютъ еще нѣкоторыя измѣненія въ тѣлѣ нашемъ и отъ демоновъ, по попущенію благаго Бога нашего и на вразумленіе насъ и смиреніе. Какое же это измѣненіе? Отяжелѣніе всего тѣла, бывающее безо всякой видимой причины, за одно тщеславіе, или возгордѣніе, или осужденіе, коимъ осуждаемъ брата, какъ нерадиваго. Иной разъ и по другимъ причинамъ бываемъ мы предаваемы демону,—во изможденіе плоти, въ сокрушеніе души, въ испытаніе и упражненіе ея, и наипаче въ показаніе благоутробія и состраданія, какія являетъ къ намъ Богъ, чтобы, познавъ то, мы отъ всего сердца, всю любовь свою отдали Ему единому и къ Нему единому обратили все свое стремленіе.

Все это, мною сказанное, не всѣ люди понимаютъ; но одни тѣ какъ должно понимаютъ эти измѣненія душевныя и перемѣны тѣлесныя, которые подвизаются въ дѣланіи добродѣтели (о тѣхъ, кои совсѣмъ омрачены невѣжествомъ и страстями, нечего и говорить). Только подвизающійся, когда случится съ нимъ что-либо изъ сказаннаго, отчасти понимаетъ то. Что же касается до измѣненій бывающихъ въ умѣ, то ихъ разумѣютъ только безстрастные и совершенные, чистые и свободные и душею, и умомъ. Но и они не все вдругъ знаютъ, но

научаются постепенно опытомъ. Ибо иногда отъ нестроеній, случающихся въ умѣ, томится душа и бываетъ сумрачна по той причинѣ, что она чрезъ то лишается нѣсколько присущей ей радости; впрочемъ если она явитъ мужество, то пробуждаетъ къ бодренности и самый умъ. Иногда опять тому, что страждетъ душа, сострадждетъ умъ и вынужденъ бываетъ войти во мракъ; но если онъ воспротивится тому и напряжется стоять во свѣтѣ, то просвѣщаетъ и душу. Иногда отъ тѣлеснаго нестроенія насилуемы бываютъ оба,—т.-е. и душа и умъ; и иногда отяжеляемы бываютъ совнѣ, но, чувствуя тяготу, сохраняютъ мирное свое устроеніе цѣлымъ,—иногда же возмущаемы бываютъ извнутрь, и боримы съ такою силою, что кажутся совсѣмъ истощившимися до того, что страждущій сіе не надѣется уже придти въ мирное устроеніе, какое имѣлъ прежде. Такимъ-то образомъ душа и умъ измѣняются отъ тѣла, и опять умъ отъ души, и душа отъ ума и тѣла. Впрочемъ не всегда возмущаемы бываютъ оба, т.-е. душа и умъ. Иногда душа одна страждетъ отъ тѣла, а умъ пребываетъ безстрастнымъ, въ своемъ естественномъ состояніи, и утѣшаетъ душу; иногда же умъ омрачается и ослѣпляется, а душа бываетъ свободна, силою божественнаго свѣта и, прогоня.. мракъ, снимаетъ покрывало съ очей ума, и даетъ ему возможность видѣть и различать. Почему я и сказалъ вамъ, братіе, что недовольно знать превращенія, преложенія и измѣненія бывающія въ насъ, но надобно еще знать, откуда они приходятъ, какъ и отъ какихъ причинъ происходятъ, какъ, какіе вѣтры помысловъ дуютъ, изъ какихъ началъ исходятъ и стремительно нападаютъ рѣки страстей и искушеній, чтобы сумѣть добрѣ утвердить храмину души и искусно править кормиломъ корабля. Все это знать научаетъ насъ жизнь, непрерывно и неотступно ведомая по установленнымъ правиламъ и пре-

дѣламъ. Всякій долженъ положить предѣлъ и норму для себя и для жизни своей, чтобы вѣрно знать, какъ дѣйствовать каждодневно и при измѣняющихся обстоятельствахъ, и такимъ образомъ безпрепятственно тещи въ дѣланіи добродѣтелей, не встрѣчая пренонъ въ самой неопытности своей. Кто поступитъ такимъ образомъ (т.-е. все опредѣлитъ разумными правилами въ своей жизни), тотъ скоро сдѣлаетъ стезю добродѣтелей и стропотную и притрудную ровною и легкоходною для себя: ибо привыкнетъ мало-по-малу ко всѣмъ дѣланіямъ добродѣтелей, и доброе обратится ему въ привычку, и станетъ какъбы естественнымъ чѣмъ. Преспѣвая такимъ образомъ въ добрѣ и восхожденія въ сердцѣ своемъ полагая, т.-е. восходя отъ меньшей доброты все къ большей и большей, совершеннѣйшей и совершеннѣйшей, явится онъ угоднымъ Богу, и, въ совершенствѣ постигнувъ и уразумѣвъ все сказанное выше, содѣлается для многихъ другихъ учителемъ добродѣтели, просвѣщая ихъ и научая и словомъ и примѣромъ жизни своей,—и, какъ самъ просвѣщенъ свыше благодатію Святаго Духа, открывая глубины таинъ духовной жизни всѣмъ взыскующимъ того съ любовію и рвеніемъ,—силою и содѣйствіемъ Господа нашего Іисуса Христа, Коему подобаетъ слава и держава, со Отцемъ и Св. Духомъ, въ нескончаемые вѣки. Аминь.

СЛОВО СОРОКЪ ЧЕТВЕРТОЕ.

1. Діаволъ пятью кознями воюетъ противъ людей.
2. Всякое доброе дѣло, какое дѣлаетъ человѣкъ, долженъ дѣлать его или для того, чтобъ умилостивить Бога, или для того, чтобъ возблагодарить Его.
3. Кто ищетъ спасенъ быть, долженъ подвизаться.
4. Въ какихъ людяхъ царствуетъ Царь всѣческихъ и Богъ, и въ какихъ не царствуетъ.

1. Діаволъ, какъ духъ невещественный, со времени

Адамова преступленія заповѣди Божіей возымѣлъ нѣкую власть и дерзость дѣйствовать на естество человѣческое. и сдѣлался очень опытнымъ въ воеваніи противъ людей, ибо люди имъ боримые, умирая, преходятъ родъ за родомъ, а онъ все живетъ и живетъ одинъ и тотъ же вотъ уже шесть тысячъ шесть сотъ и болѣе лѣтъ, и навыкъ. Онъ всегда есть скрытный врагъ людей, всегда злокознствуетъ и брани воздвигаетъ противъ нихъ, и особенно противъ тѣхъ изъ нихъ, которые теперь раждаются; потому что теперешніе не только не имѣютъ никакой опытности въ борьбѣ съ діаволомъ, но совсѣмъ и понятія не имѣютъ о брани діавольской и объ искусности въ ней діавола. Почему и когда явно онъ біетъ ихъ, они того не видятъ, и когда скрытно ихъ устрѣляетъ, не чувствуютъ; онъ является ангеломъ свѣта, а покрываетъ ихъ тьмою. Такъ сдѣлался онъ, какъ я сказалъ, очень искуснымъ въ борьбѣ съ человѣкомъ. Конецъ же и цѣль, для которой ведетъ онъ сію брань съ человѣкомъ, велика и страшна. Вначалѣ отдѣливъ и отдаливъ родъ человѣческій отъ Бога, онъ теперь всячески напрягается и хлопочетъ о томъ, чтобъ не допустить его опять возвратиться къ Богу, но всегда удерживать въ отдаленіи отъ Него. И если случится кому воззвану быть Іисусомъ Христомъ и возвратиться къ Богу, онъ, искусный и многоопытный въ дѣланіи зла, всячески старается опять отдалить его отъ Бога. По этой-то причинѣ діаволъ сдѣлался многоискусенъ въ воеваніи съ людьми и воюетъ съ ними пятью кознями: еллинствомъ, іудействомъ, ересями, противо-православнымъ образомъ жизни и (неразумными) подвигами добрыхъ дѣланій. Еллинствомъ прельщаетъ людей, любящихъ такъ-называемую внѣшнюю мудрость; іудействомъ прельщаетъ евреевъ, убѣждая ихъ думать, будто они добрѣ вѣруютъ, такъ какъ чтутъ единаго Бога, чѣмъ прельщаетъ онъ также и агарянъ;

ересями прельщаетъ суемудрыхъ богочтецовъ, удаляя ихъ отъ православія; православныхъ удаляетъ отъ Бога худыми дѣлами и жизнію противною православію, именно: сребролюбіемъ, сластолюбіемъ, славолюбіемъ; опять и подвигами добрыхъ дѣлъ и самоохотными лишеніями самоумерщвленія ввергаетъ онъ подвижниковъ въ гордость, которая есть корень всякаго зла, равно какъ въ пристрастіе къ славѣ и чести людской. Этою прелестію гордыни, которая есть всѣхъ добродѣтелей истребительница, превращаетъ онъ и въ пропасть низвергаетъ души бѣдныхъ подвижниковъ, живущихъ въ преподобіи и правдѣ, и нѣкоторыхъ изъ нихъ уговариваетъ показывать ревность Божію не по разуму и строгость жизни неразсудительную. Чрезъ это онъ дѣлаетъ ихъ тираннами самихъ себя, и они мучатъ себя всякими лишеніями и злостраданіями, да славимы будутъ отъ человѣкъ: что достойно крайнихъ слезъ, потому что они лишаются за то и настоящихъ и будущихъ благъ. Пагубность, которой подвергаются всѣ другіе люди, о коихъ мы сказали, ничто въ сравненіи съ потерями, какія несутъ сіи люди.— Вотъ какъ велика и несравненна наша бѣдственность! Почему надлежитъ намъ всячески изыскивать, какимъ бы способомъ могли мы избѣжать навѣтовъ діавола. Но никакимъ способомъ не можемъ мы избавиться отъ него, кромѣ какъ если прибѣгнемъ къ Богочеловѣку Іисусу Христу, со всѣмъ смиреніемъ души и крайнимъ сокрушеніемъ сердца. Тогда Христосъ самъ будетъ воевать за насъ чрезъ насъ, и мы успокоимся: ибо противостояніе и преодолѣваніе этого врага нашего никакимъ другимъ способомъ не бываетъ, какъ только единымъ Христомъ Господомъ.

2. Итакъ, если кто дѣлается нищимъ для Христа, постится, держитъ бдѣнія, умерщвляетъ плоть свою воздержаніемъ, творитъ милостыни, и бываетъ сострадате-

ленъ и человѣколюбивъ, все это хорошо; однакожъ да внимаетъ онъ себѣ добрѣ, чтобъ не потерять напрасно трудовъ своихъ и должнаго за нихъ воздаянія. Ибо хотя такія дѣла суть добрыя дѣла; но есть иное добро, которое содѣваетъ спасеніе человѣка посредствомъ нихъ, и безъ котораго подвизающіеся спастись посредствомъ такихъ добрыхъ дѣлъ не могутъ спастись. Оно есть причина, въ силу коей спасаются тѣ, которые подвизаются въ нихъ, т.-е въ постѣ, бдѣніи и прочемъ. Эти послѣднія суть средства для двухъ великихъ вещей,—умилостивленія и благодаренія, ибо надобно, чтобъ онѣ были совершаемы съ разумомъ, по чину, и благообразно.

Такъ, если какой грѣшникъ, внявъ тому, что говоритъ Іоаннъ Богословъ: *всякъ согрѣшаяй не видѣ Бога, ни позна Его* (1 Іоан. 3, 6), придетъ въ чувство, и, познавъ, какому бѣдствію подпалъ онъ изъ-за грѣховъ своихъ, пріиметъ свѣтъ покаянія и начнетъ нести подвиги покалянные, посредствомъ показанныхъ дѣлъ, — поста, молитвы и прочаго, чтобы Богъ, видя сокрушеніе сердца его, смиреніе и ревность, возблагоутробствовалъ къ нему и примирился съ нимъ: то Богъ, видя смиреніе его и трудъ, оставляетъ всѣ грѣхи его, примиряется съ нимъ и являетъ въ немъ знаменія сего помилованія и примиренія. Таковыя знаменія суть—упокоеніе отъ страстей, которыя его одолѣвали, ненависть ко грѣху, страхъ Божій, держимый во всякомъ мѣстѣ, такъ какъ Богъ вездѣприсущъ, сокрушеніе и умиленіе сердечное, благоговѣніе, вниманіе ума къ Божественнымъ пѣснямъ, къ чтенію и слушанію божественныхъ Писаній. Ибо невозможно, чтобъ въ комъ-либо оказались сіи доброты духовныя прежде умилостивленія Бога и примиренія съ Нимъ. Когда же Божественная благодать примиряется съ душею; тогда осѣняетъ ее, объемлетъ ее нѣкіимъ образомъ невидимо, и дѣлаетъ то, что умъ человѣка того установляется и со-

бирается въ себя, бывши дотолѣ непостояннымъ и разсѣяннымъ. Вотъ первое великое и дивное дѣло, о коемъ сказали мы, т.-е. умилостивленіе Бога, за которое сподобившійся его и да воздаетъ благодареніе Богу, помиловавшему его и примирившемуся съ нимъ.

Послѣ же того, какъ сподобится человѣкъ такой милости отъ Бога, уврачуется и утвердится, пусть, если держитъ постъ, творитъ милостыню, и проч., дѣлаетъ сіи дѣла для того, чтобъ возблагодарить Бога за то, чего сподобился, т.-е за примиреніе Бога съ нимъ. И пусть дѣлаетъ все сіе съ разсужденіемъ, по чину, и какъ подобаетъ, чтобъ улучить совершенную свободу и сподобиться познать наилучшимъ образомъ сокровенныя блага Божіи, коихъ доброта и красота сокрыта отъ очей не только тѣхъ, кои грѣшатъ, но и тѣхъ, кои каются. Се и второе, великое и дивное, т.-е. благодареніе Бога.

Итакъ тѣ, которые творятъ показанныя добродѣтели, просто лишь какъ добрыя дѣла, а не для этихъ двухъ цѣлей, т.-е. умилостивленія и благодаренія, — грѣшатъ и умираютъ грѣшниками, при всемъ томъ, что стали нищими, постниками, милостынедавцами и проч. Это-то и достойно наипаче слезъ, что они не примирились съ благопремѣнительнымъ Богомъ, такъ какъ въ томъ, что служитъ къ сему примиренію и сдруженію съ Богомъ, дѣйствовали не съ разумомъ, не по чину, и не какъ слѣдуетъ. Ибо если кто, послѣ примиренія съ Богомъ, станетъ дѣлать тѣ дѣла для того, чтобъ примириться съ Нимъ, то Богъ отвращается отъ него и тяготится имъ, какъ отвращается и отъ того, кто творитъ ихъ для благодаренія Бога, прежде чѣмъ примирится съ Нимъ. Человѣкъ, какъ разумное существо, всѣ дѣла въ отношеніи къ Богу долженъ дѣлать разумно, какъ дѣйствуетъ онъ обычно въ отношеніи къ людямъ. Кто хочетъ умилостивить земнаго царя, да проститъ его въ чемъ прови-

нился предъ нимъ, тотъ изъявляетъ прежде не дѣйствія благодаренія, а то, чѣмъ достигается умилостивленіе и прощеніе; а послѣ этого, возвративъ себѣ царское благоволеніе, изъявляетъ и дѣйствія благодаренія, т.-е. напередъ старается примириться съ нимъ, и примирившись уже, благодаритъ. Если не станетъ кто дѣйствовать такимъ же образомъ и въ отношеніи къ Богу, то и Сынъ и Слово Бога и Отца Господь нашъ Іисусъ Христосъ не захочетъ спасти такъ неразумно дѣйствующаго человѣка, разумомъ одареннаго. Какъ праведный, Онъ хочетъ и требуетъ праведно, чтобъ тварь разумная, человѣкъ, и въ отношеніи къ Богу дѣлалъ по крайней мѣрѣ тоже, что дѣлаетъ онъ въ отношеніи къ людямъ, и боялся Бога, какъ боится и людей. Ибо хотя мы часто нарушаемъ свое разумное достоинство и дѣйствуемъ безъ разума, но Господь не терпитъ, чтобъ оно было нарушаемо, и требуетъ, чтобъ всякая тварь пребывала въ томъ чинѣ, какой Онъ опредѣлилъ ей съ самаго начала.

3. Итакъ кто же спасется? Никто изъ тѣхъ, кои не подъемлютъ достодолжно соотвѣтственнаго тому труда и подвига, хотя говорятъ всѣ, что хотятъ спастися. Все равно это, какъ, скажемъ для примѣра, еслибъ кто захотѣлъ быть богатымъ, пріобрѣсть много золота, серебра, драгоцѣнныхъ камней и маргаритовъ, безъ всякаго труда и пота и безъ всякихъ заботъ, такъ это было бы невозможно. Итакъ тѣ, которые говорятъ, что хотятъ спастися, а между тѣмъ не хотятъ потрудиться душею и тѣломъ для своего спасенія, какъ могутъ спастися? Да и тѣ, которые имѣютъ ревность трудиться по дѣлу спасенія, и словомъ и дѣломъ, и желаютъ того отъ всей души, не могутъ спастися, если всего чаютъ отъ однихъ трудовъ своихъ. Ибо какъ тѣ, которые думаютъ спастися безъ труда, не спасутся, такъ какъ спасеніе не бываетъ безъ труда; такъ и тѣ, которые чаютъ устроить спасе-

ніе своимъ умомъ и своими силами, не могутъ спастися, такъ какъ спасеніе не утверждается на разумѣ и силахъ того, кто желаетъ спастися, а есть милость Божія во Христѣ Іисусѣ. Инъ есть получающій спасеніе и инъ дающій его. Самъ Богъ говоритъ: *нѣсть развѣ Мене спасаяй* (Ис. 43, 11). И Апостолъ Павелъ прилагаетъ: *еже хотѣти прилежитъ ми, а еже содѣяти доброе не обрѣтаю* (Рим. 7, 18). Скажи же намъ, Павле преблаженне, какъ послѣ сего можно спастися? Отвѣчаетъ Апостолъ, говоря: *благодарю Бога моего Іисусъ Христомъ.. Законъ духа жизни о Христѣ Іисусѣ освободилъ мя есть отъ закона грѣховнаго и смерти* (— 8, 2). Отсюда явно, что спасеніе наше не утверждается на собственной нашей силѣ, но на милости Божіей во Христѣ Іисусѣ. И благодареніе Богу, что, по великой любви Своей къ человѣку, и такое хотѣніе человѣка смѣсилъ Онъ съ немощію, чтобъ не могъ человѣкъ, еслибъ и хотѣлъ, содѣвать доброе, при всемъ трудѣ своемъ надъ тѣмъ, дабы такимъ образомъ избѣжать ему самаго слѣда гордыни, которая есть первый грѣхъ, источникъ и корень всякаго зла, и причина паденія человѣческаго естества. Богъ укрѣпляетъ наше хотѣніе въ томъ, чтобъ мы хотѣли собственной Его воли, и такимъ образомъ отстраняетъ всякій поводъ къ гордынѣ и заглаждаетъ всякій слѣдъ ея.

Можетъ быть спроситъ кто: что же теперь осталось дѣлать человѣку самому отъ себя, чтобы спастися? Если самое хотѣніе имѣетъ нужду въ божественной помощи, что же отъ него?—Вотъ что остается на долю человѣка—выслушать слово о спасеніи своемъ, возжелать его и познать Того, Кто можетъ спасти его. О прочемъ же отъ всей души и безъ всякаго размышленія да проситъ Бога, могущаго спасти его, сохранить цѣла до конца и довесть до совершенства,—Его, говорю, да проситъ даровать сіе ему, положившему доброе начало и возжелав-

шему пріять, да проситъ сподобить его слышанія слова Божія и всего относящагося ко спасенію, и за тѣмъ пусть не престаетъ умолять Бога, пока не улучитъ желаемаго, т.-е. спасенія своего. Ибо то первое есть дарованіе, какое подаетъ Богъ, чтобъ сподобиться услышать кого либо, кто бы возвѣстилъ о спасеніи. Проповѣдники посылаются, чтобъ проповѣдать тѣмъ, которые не вѣдаютъ истины. И то воистину есть даръ святаго Бога, что Онъ посылаетъ проповѣдниковъ. Второе дарованіе есть, чтобъ услышавшій проповѣдниковъ спасенія, послушался ихъ; такое послушаніе естественно людямъ, когда слышатъ истину. Оно въ началѣ вложено въ нихъ Богомъ; почему Христосъ Господь великую приложилъ угрозу тѣмъ, которые не послушаются Евангелія, говоря: которые не примутъ васъ и не послушаютъ васъ, отраднѣе будетъ землѣ Содомской и Гоморрской, нежели имъ (Мѳ. 10, 15; Мар. 6, 11). Послушаніе истинѣ есть отличительное свойство разумной природы. Третье дарованіе Божіе есть мысленный свѣтъ, который пріемлютъ наипаче новопросвѣщенные. Ибо коль скоро кто, услышавъ проповѣдь о спасеніи, послушается ея, то явно, что онъ уже возжелалъ улучить спасеніе, но не видѣлъ еще благообразія и красоты его; для сего потребно, чтобы божественный свѣтъ таинственно осѣнилъ его свыше. И сей свѣтъ мысленно просвѣщаетъ очи души и явно представляетъ ей слѣдующія двѣ вещи, — благообразіе спасенія, и срамоту грѣшника, поколику онъ грѣшникъ есть, хотя уже взыскалъ спасенія. Послѣ же сего что бываетъ? Поелику душа, когда полагаетъ начало возжеланію спасенія своего, имѣетъ волю еще слабую, лѣнивую, безсильную на то, чтобъ всецѣло возжелать спасенія своего, то, восчувствовавъ такую слабость и лѣность воли своей, она взыскиваетъ силы отъ Бога, чтобъ Онъ укрѣпилъ волю

ея, и далъ ей всецѣло возжелать спасенія. Тогда же познаетъ она во истинѣ, сколь молитва ея бѣдна и слаба и, какъ трость, колеблется противными духами, т.-е. демонами. Почему послѣ того, какъ воля ея укрѣплена бываетъ Богомъ, первымъ дѣломъ имѣетъ она трудиться и подвизаться въ томъ, чтобъ умолить Бога ниспослать ей даръ молитвы, да будетъ молитва ея всегда движима Духомъ Святымъ. Когда же сподобится она дара сего, тогда ходатайствовать о ней воздыханіями неизглаголанными начинаетъ уже сей Духъ Святый, посѣтившій душу, взывая: Авва Отче, такъ однакожъ, что сей гласъ Духа Святаго бываетъ собственнымъ гласомъ тѣхъ, которые воспріяли Святаго Духа. Сею-то благодатною молитвою возращаются въ душѣ духовные плоды, т.-е. любы, радость, миръ, долготерпѣніе, благость, милосердіе, вѣра, кротость, воздержаніе.

4. Таковъ чинъ спасаемыхъ! И кто не послѣдуетъ сему чину, тотъ будетъ блуждать въ горахъ и пустыняхъ, и въ мѣстахъ, которыхъ не посѣщаетъ Христосъ, и тщетно протрудится и прозлостраждетъ во всемъ, что подыметъ спасенія ради своего. Ибо спасеніе наше все содѣвается силою Господа нашего Іисуса Христа. Того ради и называется Онъ Царь и Господь, что царствуетъ и господствуетъ во всякомъ, кто вѣруетъ въ Него, благодатію Духа Святаго, и какъ Царь и Господь вѣрныхъ Своихъ, содѣваетъ въ нихъ и чрезъ нихъ, что Ему благоугодно, бывая для тѣхъ, кои предаютъ себя Его царству и господству, путеводителемъ, правителемъ, учителемъ, пѣстуномъ, предстателемъ, помощникомъ, избавителемъ отъ всякаго грѣха. Если же и думаютъ нѣкоторые, что они дѣлаютъ что-либо доброе безъ Христа, то они ложь суть, и тогда только станутъ истиною, когда воспарствуетъ въ нихъ Христосъ. Когда Пилатъ спросилъ Христа Господа: *царь ли еси Ты?* Онъ отвѣ-

тилъ ему: *Азъ на сіе родихся, и на сіе пріидохъ въ міръ, да свидѣтельствую истину.* Пилатъ спросилъ: *что есть истина?* но Господь не отвѣтилъ ему (Іоан. 18, 37. 38), зная, что Пилатъ не могъ вмѣстить слова Его и увѣровать въ Его сокровенное таинство, т.-е. въ то, что надлежитъ Христу царствовать въ каждомъ человѣкѣ, такъ какъ инымъ способомъ невозможно опять возсіять въ каждомъ знаменіямъ разумнаго достоинства, какое даровалъ Богъ человѣческому естеству въ твореніи, и истреблену быть неразумію, какое по причинѣ грѣха вошло въ родъ человѣческій, въ противность естеству, и такъ въ немъ усилилось, что кажется, будто оно есть по естеству. Невозможно освободиться намъ отъ неразумія, если не воцарится въ насъ Сынъ Божій и Слово Божіе, Господь нашъ Іисусъ Христосъ, благодатію Святаго Духа. И сіе-то есть истина, которую пришелъ Господь засвидѣтельствовать. Если не воцарствуетъ въ насъ Христосъ, то невозможно, чтобъ въ насъ, собственными нашими средствами, было что либо благоугодное Ему, но мы будемъ обладаемы врагомъ рода человѣческаго, діаволомъ, не чувствуя и не понимая того. Гдѣ царствуетъ Богъ, тамъ нѣтъ рабства діаволу, но все служеніе единому Богу. Кто не знаетъ, что Богъ, Творецъ неба и земли и всей видимой и невидимой твари, есть Царь всѣхъ твореній, воззванныхъ Имъ изъ небытія въ бытіе? Богъ и Отецъ собственнаго Слова и Сына, Господа нашего Іисуса Христа и Бога, Имже сотворилъ Онъ во Святомъ Своемъ Духѣ, Сей, говорю, Отецъ чрезъ Сына Своего во Святомъ Духѣ царствуетъ надъ всѣми тварями Своими. Сіе единое Божество—Отецъ и Сынъ и Духъ Святый, трiипостасное, совѣчное, собезначальное и единосущное царствуетъ и властвуетъ надъ небомъ, солнцемъ, луною, звѣздами, воздухомъ, землею и моремъ и всѣмъ, что въ нихъ, надъ ангелами и человѣками, хотятъ ли они того,

или не хотятъ, потому что Царь и Господь всего одинъ Богъ. Но такъ какъ неотложное свойство царя есть имѣть промышленіе о томъ, надъ чѣмъ онъ царствуетъ, то и Богъ имѣетъ промышленіе о всемъ, сказанномъ нами. Только поелику всѣ другія твари, кромѣ существъ разумныхъ, т.-е. ангеловъ и людей, не имѣютъ разума, какъ неразумныя; то Богъ промышленіе о нихъ творитъ просто, безъ того, чтобъ они знали о семъ, такъ какъ они не имѣютъ разума. И объ ангелахъ и людяхъ, существахъ разумныхъ, Онъ тоже имѣетъ всегда промышленіе; но такъ какъ они суть твари разумныя и естественно имѣютъ разумъ; то Онъ хочетъ, чтобъ они знали и сами Творца и Промыслителя своего Бога. Для того и созданы они разумными, съ естественнымъ разумомъ, чтобъ познавая Творца своего и Промыслителя, всегда прославляли Его и благодарили, не только за себя самихъ, но и за всѣ прочія твари. Почему Богъ, будучи царемъ всѣхъ тварей, надъ одними людьми хочетъ царствовать по волѣ ихъ, какъ и надъ ангелами царствуетъ по волѣ ихъ. И если люди не хотятъ, чтобъ Богъ царствовалъ надъ ними, то Онъ не дѣлаетъ имъ въ этомъ насилія, чтобъ не отнять у нихъ чрезъ то самовластнаго произволенія; ибо какъ возможно быть твари разумною, если она не имѣетъ своей воли? По сей причинѣ и Господь нашъ Іисусъ Христосъ и Богъ, содѣлавшись человѣкомъ, однороднымъ съ нами, и учителемъ, убѣждаетъ соестественныхъ братій Своихъ: *ищите прежде царствія Божія и правды его,* чтобъ воцарствовать надъ ними по волѣ ихъ. Какъ только войдетъ царствіе Божіе въ разумное естество, тотчасъ преисполняетъ его всякою правдою и добродѣтелію. Почему будемъ всегда молиться Богу: *да пріидетъ царствіе Твое, да будетъ воля Твоя.* Сего хощетъ Богъ, для сего содѣлался Онъ человѣкомъ, въ этомъ первый предметъ проповѣди и начало Евангелія.

Это и значатъ слова: *приближися царствіе небесное*, коими началось Евангеліе. И если душа не восчувствуетъ, что царствіе Божіе пришло въ нее и воцарилось въ ней, нѣтъ ей надежды спасенія. Душѣ царствуемой надлежитъ знать благодать и воздѣйствіе царствующаго въ ней Божества: ибо гдѣ присущъ царь, тамъ должны быть явны и знаменія его присутствія. Божіи знаменія, которыя должна имѣть душа, царствуемая Богомъ, суть: кротость, правота, истина, смиренномудріе, благостыня, правда, и всякое благоговѣйство, и еще—незлобіе, человѣколюбіе, состраданіе, любовь нелицемѣрная, долготерпѣніе, постоянство, благодушіе. А у тѣхъ, въ которыхъ не царствуетъ Богъ, должно видимо быть противное сему. По симъ добродѣтелямъ, и по противоположнымъ имъ недобродѣтелямъ познается, въ какихъ людяхъ царствуетъ и въ какихъ не царствуетъ Богъ. Относительно сихъ послѣднихъ Господь повелѣваетъ воинству Своему, т.-е. святымъ ангеламъ, говоря: *враги Моя оны, иже не восхотѣша, да царь быхъ былъ надъ ними, приведите сѣмо, и изсѣцыте предо Мною* (Лук. 19, 27). Ибо тѣ, которые слышали и до точности познали, какъ, какими дѣлами и какихъ заповѣдей исполненіемъ имѣютъ получить отъ Христа царство небесное, и презрѣли то, предпочетши тому земное и тлѣнное, временную и суетную славу, таковые всеконечно достойны быть мучимы горше, чѣмъ невѣрные. Они познали Христа и не хотѣли имѣть Его царемъ себѣ, потому что не соблюдали заповѣдей Его. Ибо кто не хочетъ дѣлать дѣла, для котораго Христосъ содѣлался человѣкомъ и пришелъ въ міръ, тотъ явно не принимаетъ самого Христа, хотя и кажется, что принимаетъ. Которые же воистину увѣровали въ Него и приняли Его, тѣмъ далъ Онъ область чадами Божіими быти. Какъ только они увѣровали въ Него, и Онъ ввѣрился имъ и далъ имъ пріять отъ Себя божествен-

ное; такъ что человѣкъ вѣрующій въ Него, дѣлается богомъ, какъ Онъ Богъ содѣлался человѣкомъ. Когда бы и намъ даровалъ Богъ увѣровать въ Него во истинѣ, и содѣлаться чадами Божіими и богами по благодати, во Христѣ Іисусѣ, Господѣ нашемъ, Коему слава и держава во вѣки! Аминь.

СЛОВО СОРОКЪ ПЯТОЕ.

1. О сотвореніи міра и созданіи Адама.
2. О преступленіи заповѣди и изгнаніи изъ рая.
3. О воплощенномъ домостроительствѣ Господа, и о томъ, какъ Онъ воплотился ради насъ.
4. Какъ все твореніе имѣетъ быть опять обновлено?
5. Что это за свѣтлое состояніе, какое имѣетъ опять воспріять вся тварь?
6. Какъ это святые соединяются со Христомъ и Богомъ нашимъ, и бываютъ едино съ Нимъ?
7. Какой это вышній міръ и какъ онъ наполнится, — и когда придетъ конецъ?
8. Пока не родятся всѣ, коимъ предопредѣлено родиться до самаго послѣдняго дня,—дотолѣ вышній міръ не наполнится.
9. На слова Евангелія: „уподобися царствіе небесное человѣку царю, иже сотвори браки сыну своему“ (Мѳ. 22, 2 и д.).
10. Святые по воскресеніи будутъ знать одинъ другаго.

1. Богъ въ началѣ, прежде чѣмъ насадилъ рай и отдалъ его первозданнымъ, въ пять дней устроилъ землю и что на ней, и небо и что въ немъ, а въ шестой создалъ Адама и поставилъ его господиномъ и царемъ всего видимаго творенія. Рая тогда еще не было. Но этотъ міръ бысть отъ Бога, какъ-бы рай нѣкій, хотя вещественный и чувственный. Его и отдалъ Богъ во власть Адаму и всѣмъ потомкамъ его, какъ говоритъ Божественное Писаніе. *И рече Богъ: сотворимъ человѣка по образу Нашему и по подобію: и да обладаетъ рыбами морскими и птицами небесными, и звѣрми, и скотами, и всею землею, и всѣми гадами пресмыкающимися по земли. И сотвори Богъ человѣка, по образу Божію сотвори его: мужа и жену сотвори ихъ. И благослови ихъ Богъ, глаголя:*

раститеся и множитеся, и наполните землю, и господствуйте ею, и обладайте рыбами морскими и птицами небесными, и всѣми скотами, и всею землею. Видишь, какъ Богъ отдалъ человѣку въ началѣ весь этотъ міръ, какъ рай какой; почему вслѣдъ за симъ и говоритъ: *се дахъ вамъ всякую траву сѣльную сѣющую сѣмя, еже есть поверхъ земли, и всякое древо, еже имать въ себѣ плодъ сѣмене сѣменнаго, вамъ будетъ въ снѣдь; и всѣмъ звѣремъ земнымъ, и всѣмъ птицамъ небеснымъ, и всякому гаду пресмыкающемуся по земли, всякую траву зеленую въ снѣдь* (Быт. 1, 26—30). Видишь ли, какъ все видимое, что есть на землѣ и что есть въ морѣ, все то отдалъ Богъ во власть Адаму и потомкамъ его? Ибо что сказалъ Онъ Адаму, то сказалъ всѣмъ намъ, подобно тому, какъ и Апостоламъ сказалъ: *а яже вамъ глаголю, всѣмъ глаголю* (Мр. 13, 37),—такъ какъ вѣдалъ, что родъ нашъ имѣлъ размножиться и людей имѣло быть безчисленное множество. Если теперь, послѣ того какъ преступили мы заповѣдь и осуждены умирать, люди столь много размножились; то вообрази, сколько бы ихъ было, еслибъ не умирали всѣ рожденные отъ сотворенія міра? И какою жили бы они жизнію, будучи безсмертны и нетлѣнны, чужды грѣха, печалей, заботъ и тяжелыхъ нуждъ?! И какъ, преуспѣвъ въ храненіи заповѣдей и въ благоустроеніи сердечныхъ расположеній, по времени, востекали бы они къ совершеннѣйшей славѣ, и измѣнившись, приближались бы къ Богу, и душа каждаго дѣлалась бы свѣтлосіянною, по причинѣ осіяній, какія изливались бы на нее отъ Божества! И это чувственное и грубо-вещественное тѣло дѣлалось бы будто невещественнымъ и духовнымъ, высшимъ всякаго чувства; а радость и веселіе, какими исполнялись бы мы тогда отъ взаимнаго другъ съ другомъ обращенія, воистину были бы неизглаголанны и невмѣстимы

для помысла человѣческаго. Но возвратимся опять къ нашему предмету.

Итакъ отдалъ Богъ Адаму весь этотъ міръ, сотворенный Имъ въ шесть дней,—о каковомъ сотвореніи слушай что говоритъ Божественное Писаніе: *И видѣ Богъ вся, елика сотвори: и се добра зѣло. И соверши Богъ въ день шестый дѣла Своя, яже сотвори, и почи въ день седмый отъ всѣхъ дѣлъ Своихъ, яже сотвори* (Быт. 1, 31; 2, 2). А далѣе тоже Писаніе, желая научить насъ, какъ Богъ сотворилъ человѣка, говоритъ: *И созда Богъ человѣка, персть вземъ отъ земли, и вдуну въ лице его дыханіе жизни, и бысть человѣкъ въ душу живу* (Быт. 2, 7). Тогда уже, какъ иной царь, или князь, или богачъ, владѣющій какою либо мѣстностію, не всю ее опредѣляетъ на одно что нибудь, а раздѣляетъ на многія части, и одну опредѣляетъ подъ посѣвы, на другой разводитъ виноградники, а иную оставляетъ невоздѣланною, чтобъ заросла травою и давала пастбище; самую же лучшую и красивѣйшую часть избираетъ для построенія палатъ своихъ, при которыхъ разводитъ цвѣтники и сады, и другое многое придумываетъ и устрояетъ, что можетъ доставлять удовольствіе; и палаты свои и всѣ помѣщенія въ нихъ устрояетъ наилучшимъ образомъ, чтобъ они отличались отъ жилищъ другихъ людей; все это огораживаетъ стѣною съ воротами и запорами, при которыхъ ставитъ стражей, чтобъ не пропускали злыхъ людей и давали входъ только людямъ добрымъ, знаемымъ и друзьямъ: такъ и Богъ подобное сему устроилъ для первозданнаго. Ибо послѣ того, какъ создалъ все другое, сотворилъ и человѣка, и почилъ въ день седьмый отъ всѣхъ дѣлъ, которыя началъ творить, — насадилъ рай во Едемѣ на востокѣхъ, какъ царское жилище, и ввелъ въ него человѣка, котораго создалъ, какъ царя.

Но почему Богъ не устроилъ рая въ седьмой день, а

насадилъ его на востоцѣхъ уже послѣ того, какъ кончилъ всякое другое твореніе? Потому, что Онъ, какъ провѣдецъ всяческихъ, все твореніе устроилъ въ порядкѣ и благочинномъ послѣдованіи; и семь дней опредѣлилъ, да будутъ во образъ вѣковъ, имѣвшихъ пройти впослѣдствіи, во времени, а рай насадилъ послѣ тѣхъ семи дней, да будетъ во образъ будущаго вѣка. Почему же Духъ Святый не поставилъ въ счетъ осьмаго дня вмѣстѣ съ седмію? Потому, что несообразно было ставить въ счетъ и его вмѣстѣ съ седмію, которые, круговращаясь, производятъ столько и столько недѣль, годовъ и вѣковъ; но надлежало осьмой день поставить внѣ седьми, такъ какъ онъ не имѣетъ круговращенія.

Смотри еще, — Божественное Писаніе не говоритъ, что Богъ создалъ рай, ни того, чтобъ Онъ сказалъ: да будетъ, но—что насадилъ его. *И насади Богъ рай во Едемѣ на востоцѣхъ. И прозябе Богъ еще отъ земли всякое древо красное въ видѣніе и доброе въ снѣдь* (Быт. 2, 9), съ разными плодами, которые никогда не портились и никогда не прекращались, но всегда были свѣжи и сладки и доставляли первозданнымъ великое удовольствіе и пріятность. Ибо надлежало доставлять и наслажденіе нетлѣнное онымъ тѣламъ первозданныхъ, которыя были нетлѣнны. Почему и жизнь ихъ въ раю была не обременена трудами и не отяжелена несчастіями. Адамъ былъ созданъ съ тѣломъ нетлѣннымъ, однакожъ вещественнымъ, а не духовнымъ еще, и былъ поставленъ Творцемъ Богомъ, какъ царь безсмертный надъ нетлѣннымъ міромъ, не только надъ раемъ, но и надъ всѣмъ твореніемъ, сущимъ подъ небесами.

2. Но поелику Богъ далъ первозданнымъ заповѣдь и повелѣлъ имъ не вкушать отъ одного древа познанія, а Адамъ презрѣлъ сію заповѣдь Божію, не повѣривъ словамъ Творца Владыки, Который сказалъ: *въ оньже аще*

день снѣсте отъ него, смертію умрете, но почетши болѣе вѣрнымъ слово лукаваго діавола, сказавшаго: *не смертію умрете*, но *въ оньже аще день снѣсте отъ него... будете яко бози, вѣдяще доброе и лукавое*, вкусилъ отъ древа того: то тотчасъ обнажился отъ нетлѣннаго онаго одѣянія и славы, и облекся въ наготу тлѣнія, и видя себя нагимъ, скрылся, и сшивъ листвіе смоковничное, препоясался, чтобы прикрыть срамоту свою. Почему, когда Богъ воззвалъ къ нему: Адамъ, гдѣ еси? отвѣчалъ: гласъ Твой услышалъ, и видя, что нагъ, убоялся и скрылся. Богъ, призывая его къ покаянію, сказалъ ему: *кто возвѣсти тебѣ, яко нагъ еси, аще не бы отъ древа, егоже заповѣдахъ тебѣ сего единаго не ясти, отъ него ялъ еси?* — Но Адамъ не захотѣлъ сказать: согрѣшилъ, а сказалъ паче противное тому, и поставилъ виновникомъ преступленія своего Бога, Который создалъ *вся добра зѣло*, говоря Ему: *жена, юже далъ еси мнѣ, та ми даде, и ядохъ;* а за нимъ и она сложила вину на змія; и не восхотѣли они совсѣмъ раскаяться и, падши предъ Господомъ Богомъ, просить у Него прощенія. За это Богъ выгналъ ихъ изъ рая, какъ изъ царскихъ палатъ, жить въ мірѣ семъ, какъ изгнанникамъ, тогда же опредѣливъ, чтобы пламенное оружіе обращаемое хранило входъ въ рай. И не проклялъ Богъ рая, такъ какъ онъ былъ образомъ будущей нескончаемой жизни вѣчнаго царства небеснаго. Еслибъ не эта причина, надлежало бы проклясть его наипаче, такъ какъ внутри его совершилось преступленіе Адамово. Но Богъ не сдѣлалъ этого, а проклялъ лишь всю прочую землю, которая тоже была нетлѣнна и все произращала сама собою, чтобы Адаму не имѣть болѣе жизни свободной отъ утомительныхъ трудовъ и потовъ. *Проклята земля въ дѣлѣхъ твоихъ*, сказалъ Господь Адаму, *въ печаляхъ снѣси тую вся дни живота твоего: терніа и волчцы возраститъ*

тебѣ и снѣси траву сельную. Въ потѣ лица твоего снѣси хлѣбъ твой, дондеже возвратишися въ землю, отъ неяже взятъ еси: яко земля еси, и въ землю пойдеши (Быт. 3, 17—19).

Итакъ тому, кто сдѣлался тлѣннымъ и смертнымъ по причинѣ преступленія заповѣди, по всей справедливости надлежало и жить на землѣ тлѣнной и питаться пищею тлѣнною; ибо, какъ безтрудная жизнь и обильная пища (самородная) сдѣлали то, что онъ забылъ Бога и блага, которыя Онъ даровалъ ему, и презрѣлъ заповѣдь Его, то справедливо осужденъ съ потовымъ трудомъ обработывать землю и такимъ образомъ отъ нея получать мало-по-малу пищу, какъ отъ какого эконома. Видишь, какъ тогда приняла преступника земля, послѣ того какъ была проклята и лишилась первоначальной производительности, по которой плоды пораждались изъ ней сами собой безъ труда? И для чего? Для того, чтобы быть обработываемою имъ въ потахъ и трудахъ, и такъ давать ему то немногое, что произращаетъ на потребу его, для поддержанія жизни, а если не будетъ обрабатываема, оставаться безплодою, и произращать лишь тернія и волчцы. Затѣмъ и всѣ твари, когда увидѣли, что Адамъ изгнанъ изъ рая, не хотѣли болѣе повиноваться ему, преступнику: солнце не хотѣло свѣтить ему, ни луна, и прочія звѣзды не хотѣли показываться ему; источники не хотѣли источать воду, и рѣки продолжать теченіе свое; воздухъ думалъ не дуть болѣе, чтобы не давать дышать Адаму, согрѣшившему; звѣри и всѣ животныя земныя, когда увидѣли, что онъ обнажился отъ первой славы, стали презирать его, и всѣ тотчасъ готовы были напасть на него; небо, нѣкоторымъ образомъ, устремлялось было пасть на него, и земля не хотѣла носить его болѣе. Но Богъ, сотворившій всяческая и человѣка создавшій — что сдѣлалъ? Зная прежде созданія міра, что

Адамъ имѣлъ преступить заповѣдь Его, и имѣя предопредѣленную для него новую жизнь и возсозданіе, какія имѣлъ онъ получить чрезъ возрожденіе во святомъ крещеніи, въ силу воплощеннаго домостроительства единороднаго Сына Своего и Бога нашего, — Онъ сдержалъ всѣ эти твари силою Своею, и по благоутробію и благости Своей не далъ имъ тотчасъ устремиться противъ человѣка, и повелѣлъ, чтобы тварь оставалась въ подчиненіи ему, и сдѣлавшись тлѣнною, служила тлѣнному человѣку, для котораго создана, съ тѣмъ, чтобъ когда человѣкъ опять обновится и сдѣлается духовнымъ, нетлѣннымъ и безсмертнымъ, и вся тварь, подчиненная Богомъ человѣку въ работу ему, освободилась отъ сей работы, обновилась вмѣстѣ съ нимъ и сдѣлалась нетлѣнною и какъ бы духовною. Все сіе предопредѣлилъ всещедрый Богъ прежде сложенія міра.

Итакъ, когда все было установлено Богомъ, какъ сказано,—изгнанъ былъ Адамъ изъ рая, пожилъ, породилъ чадъ и умеръ; подобнымъ образомъ и всѣ тѣ, которые происходили отъ него. Люди того времени, узнавъ отъ Адама и Евы о всемъ случившемся, помнили паденіе Адамово, и покланялись Богу и почитали Его, какъ Владыку своего. Почему Авель вмѣстѣ съ Каиномъ приносили Богу жертвы, каждый отъ имѣнія своего. И Писаніе говоритъ, что Богъ принялъ приношеніе и жертву Авеля, а жертву Каина не принялъ, что увѣдѣвъ Каинъ, опечалился до смерти, сталъ завидовать брату своему Авелю и убилъ его. Но послѣ сего Енохъ, угодивъ Богу, *преложися* (Быт. 5, 24), какъ и Илія потомъ взятъ былъ на небо на огненной колесницѣ. Этимъ Богъ хотѣлъ показать, что если послѣ приговора, произнесеннаго надъ Адамомъ и надъ потомствомъ его, и послѣ изгнанія его, Онъ благоволилъ Еноха и Илію, потомковъ Адамовыхъ, угодившихъ Ему, почтить такимъ образомъ — преложе-

ніемъ и долгоживотіемъ, и освободить отъ смерти и поступленія въ адъ,— не тѣмъ ли паче, самого первозданнаго Адама, еслибы онъ не преступилъ данной ему заповѣди, или по преступленіи покаялся, прославилъ Онъ и почтилъ, или помиловалъ и оставилъ жить въ раю?

Такъ древніе люди, въ продолженіе многихъ лѣтъ, учились одинъ отъ другаго по преданію, и познавали Творца своего и Бога. Послѣ впрочемъ, когда размножились и стали предавать умъ свой отъ юности своей въ помышленія злая, забыли они Бога и не познавали болѣе Творца своего, и стали не только демонамъ покланяться, но обоготворили даже такія твари, которыя даны были имъ отъ Бога въ услуженіе. Оттого предались во всякую нечистоту и осквернили непотребными дѣлами своими землю, воздухъ, небо и все сущее подъ небомъ. Ибо ничто такъ не оскверняетъ и не дѣлаетъ нечистымъ чистое дѣло рукъ Божіихъ, какъ то, если кто станетъ боготворить его и кланяться ему, какъ Богу, создавшему всяческая. Когда же наконецъ вся тварь, бывая обоготворенною, сдѣлалась нечистою, и всѣ люди низпали въ крайнюю глубину зла; тогда снизшелъ на землю Сынъ Божій и Богъ, чтобъ возсоздать человѣка, столь униженнаго, оживотворить его, умерщвленнаго, и воззвать отъ прелести и заблужденія.

3. Но прошу внимать слову моему, потому что оно начинаетъ касаться величайшаго таинства, изъясненіе котораго душеспасительно и для насъ и для имѣющихъ жить послѣ насъ. Надлежитъ намъ восходить къ созерцанію воплощенія Сына и Слова Божія и неизглаголаннаго рожденія Его отъ Приснодѣвы Богородицы Маріи, при пособіи какого-либо образа и посредствомъ его приближать къ уразумѣнію сокровенное отъ вѣкъ таинство воплощеннаго домостроительства, во спасеніе нашего рода. Какъ тогда, при сотвореніи праматери нашей

Евы, взялъ Богъ ребро Адамово и создалъ изъ него жену: такимъ же образомъ и теперь взялъ Создатель нашъ и Творецъ Богъ, отъ Богородицы и Приснодѣвы Маріи, плоть, какъ-бы закваску нѣкую и нѣкій начатокъ отъ замѣси (φυραμα) естества нашего, и соединивъ ее съ своимъ Божествомъ, непостижимымъ и неприступнымъ или, лучше сказать, всю Божественную ѵпостась Свою соединилъ существенно съ нашимъ естествомъ, и это человѣческое естество несмѣсно сочеталъ съ Своимъ существомъ, и сдѣлалъ его Своимъ собственнымъ, такъ что самъ Творецъ Адама непреложно и неизмѣнно сталъ совершеннымъ человѣкомъ. Ибо какъ изъ ребра Адамова создалъ Онъ жену, такъ изъ дщери Адамовой, Приснодѣвы и Богородицы Маріи, заимствовалъ дѣвственную плоть безсѣменно и въ нее облекшись, сталъ человѣкомъ подобнымъ первозданному Адаму, чтобы совершить такое дѣло, именно: какъ Адамъ чрезъ преступленіе заповѣди Божіей былъ причиною того, что всѣ люди стали тлѣнны и смертны, такъ чтобъ и Христосъ, новый Адамъ, чрезъ исполненіе всякой правды сталъ началомъ возрожденія нашего къ нетлѣнію и безсмертію. Сіе изъясняетъ божественный Павелъ тамъ, гдѣ говоритъ: *первый человѣкъ отъ земли перстенъ: вторый человѣкъ Господь съ небесе. Яковъ перстный, такови и перстніи: и яковъ небесный, таци же и небесніи* (1 Кор. 15, 47. 48). И поелику Господь нашъ Іисусъ Христосъ содѣлался совершеннымъ человѣкомъ по душѣ и по тѣлу, подобнымъ намъ по всему, кромѣ грѣха; то и намъ, которые вѣруемъ въ Него, подаетъ Онъ отъ своего Божества, и насъ содѣлываетъ сродными Себѣ по естеству и существу Божества Своего. Помысли о предивномъ семъ таинствѣ. Пріялъ Сынъ Божій отъ насъ плоть, которой не имѣлъ по естеству, и содѣлался человѣкомъ, которымъ не былъ, и тѣмъ, кои вѣруютъ въ Него, сообщаетъ отъ Божества своего, кото-

раго никогда никакой не имѣлъ человѣкъ, и—вѣрующіе сіи бываютъ богами по благодати. Ибо Христосъ даетъ *имъ область чадами Божіими быти,* какъ говоритъ Іоаннъ Богословъ. Вслѣдствіе сего они содѣлываются и навсегда потомъ пребываютъ богами по благодати, и никогда уже не престанутъ быть таковыми. Послушай, какъ внушаетъ намъ сіе св. Павелъ, говоря: *якоже облекохомся во образъ перстнаго, да облечемся и во образъ Небеснаго* (1 Кор. 15, 49). Сказаннаго нами о семъ достаточно. Теперь возвратимся опять къ нашему предмету.

Поелику Богъ всего сущаго, Господь нашъ Іисусъ Христосъ сошелъ на землю и содѣлался человѣкомъ, для того, чтобы возсоздать и обновить человѣка, и низвесть благословеніе на всю тварь, подвергшуюся проклятію за человѣка; то во-первыхъ оживотворилъ Онъ воспринятую Имъ душу, и обожилъ ее, пречистое же и божественное тѣло Свое, хотя и содѣлалъ божескимъ, но носилъ его тлѣннымъ и грубо вещественнымъ. Ибо то тѣло, которое вкушаетъ пищу, пьетъ, утруждается, испущаетъ потъ, связуется, заушается, пригвождается ко кресту, очевидно, тлѣнно есть и вещественно; потому что все сказанное есть принадлежность тѣла тлѣннаго. Почему оно и умерло, и положено во гробъ мертвымъ; послѣ же тридневнаго воскресенія Господня, и тѣло Его воскресло нетлѣннымъ и божественнымъ. Почему когда изшелъ Онъ изъ гроба, не разрушилъ печатей, бывшихъ на гробѣ, и послѣ входилъ и выходилъ *дверемъ заключеннымъ.* Но почему вмѣстѣ съ душею тотчасъ же и тѣла Своего не сдѣлалъ Онъ нетлѣннымъ и такимъ духовнымъ? Потому, что Адамъ, преступивъ заповѣдь Божію, душею тотчасъ умеръ, а тѣломъ умеръ уже спустя столько лѣтъ. Въ соотвѣтствіе этому и Господь Спаситель прежде воскресилъ, оживотворилъ и обожилъ душу, которая тотчасъ по преступленіи заповѣди понесла эпитимію смерти.

а послѣ благоволилъ Богъ устроить, чтобъ и тѣло Его воспріяло нетлѣніе воскресенія, какъ и во Адамѣ оно спустя много лѣтъ понесло эпитимію смерти. Но не это только сдѣлалъ Христосъ, но сошелъ и во адъ, освободилъ отъ вѣчныхъ узъ и оживотворилъ души святыхъ, которыя тамъ содержимы были, но тѣлъ ихъ не воскресилъ тогда же, а оставилъ ихъ въ гробахъ до общаго воскресенія всѣхъ.

И таинство сіе, явно для всего міра, сказаннымъ нами образомъ, бывшее во время воплощеннаго домостроительства Христова, такимъ же образомъ и послѣ того совершалось и совершается въ каждомъ христіанинѣ. Ибо когда мы пріемлемъ благодать Іисуса Христа, Бога нашего, то содѣлываемся причастниками Божества Его (2 Петр. 1, 4), и когда вкушаемъ пречистое тѣло Его, т.-е., когда причащаемся Св. Таинъ, то бываемъ сотѣлесниками Ему и сродниками воистину, какъ говоритъ и божественный Павелъ: *зане уди есмы тѣла Его, отъ плоти Его, и отъ костей Его* (Еф. 5, 30), и какъ опять говоритъ евангелистъ Іоаннъ, что *отъ исполненія Его мы вси пріяхомъ и благодать возблагодать* (Іоан. 1, 16). Такъ по благодати содѣлываемся мы подобными Ему, человѣколюбивому Богу нашему и Господу, и являемся по душѣ обновленными изъ ветхихъ, и оживотворяемыми изъ мертвыхъ, какими были.

Такъ всякій святый бываетъ такимъ, какъ мы сказали; тѣло же ихъ не дѣлается тотчасъ нетлѣннымъ и духовнымъ. Но какъ желѣзо, разженное огнемъ, дѣлается причастнымъ свѣтлости огня, отлагая природную свою черноту, и какъ только выйдетъ изъ него огонь, и оно остынетъ, является опять чернымъ; такъ бываетъ и съ тѣлами святыхъ, что, когда бываютъ они причастными божественнаго онаго огня, т. е. благодати Святаго Духа, исполняющаго души ихъ, то освящаются и, будучи про-

нпцаемы божественнымъ онымъ огнемъ, бываютъ свѣтлыми, особенными отъ всѣхъ другихъ тѣлъ и честнѣйшими ихъ; но когда душа выходитъ изъ тѣла, тогда тѣла ихъ предаются тлѣнію, и иныя мало-по-малу разлагаются и бываютъ прахомъ, а другія не разлагаются въ продолженіе многихъ лѣтъ, и ни нетлѣнными совершенно не бываютъ, ни опять совершенно тлѣнными, а сохраняютъ въ себѣ признаки и тлѣнія и нетлѣнія, пока не воспріимутъ совершеннаго нетлѣнія и не обновятся совершеннымъ воскресеніемъ, во время общаго воскресенія мертвыхъ. И по какой это причинѣ? По той, что не подобаетъ тѣламъ людей облекаться въ славу воскресенія и дѣлаться нетлѣнными, прежде обновленія всѣхъ тварей. Но какъ въ началѣ, прежде вся тварь сотворена нетлѣнною, а потомъ изъ нея взятъ и созданъ человѣкъ, такъ надлежитъ и опять прежде всей твари сдѣлаться нетлѣнною, а потомъ обновиться и стать нетлѣнными и тлѣннымъ тѣламъ людей, да будетъ снова весь человѣкъ нетлѣненъ и духовенъ и да обитаетъ въ нетлѣнномъ, вѣчномъ и духовномъ жилищѣ. А что это истинно, послушай, что говоритъ Апостолъ Петръ: *пріидетъ день Господень, яко татъ въ нощи, въ оньже небеса убо съ шумомъ мимоидутъ, стихіи же сжигаемы разорятся, земля же, и яже на ней дѣла сгорятъ.* (2 Петр. 3, 10). Не то сіе значитъ, что небеса и стихіи исчезнутъ, но что они возъустроены и обновлены будутъ, и пріидутъ въ лучшее и нетлѣнное состояніе. И это, что говорю я, явно опять изъ словъ тогоже Апостола Петра, который говоритъ: *нова небесе и новы земли по обѣтованію Его чаемъ* (—13), т.-е. по обѣтованію Христа и Бога нашего, Который сказалъ: *небо и земля мимоидутъ, словеса же Моя не мимоидутъ* (Мѳ. 24, 35),—мимошествіемъ неба называя измѣненіе его, т.-е., небо измѣнится, а словеса Мои не измѣнятся, а пребудутъ навсегда неизмѣнными. И св.

пророкъ Давидъ предсказалъ тоже тамъ, гдѣ говоритъ: *и яко одежду сіѣши я, и изжьнятся. Ты же тойжде еси и лѣта Твоя не оскудѣютъ* (Псал. 101, 27). Изъ такихъ словъ, что другое явствуетъ, какъ не то, что я сказалъ?

4. Но посмотримъ, какъ тварь имѣетъ возобновиться, и придти опять въ состояніе первоначальной красоты? Полагаю, что ни одинъ христіанинъ не подумаетъ не повѣрить словамъ Господа, давшаго обѣтованіе, сдѣлать небо новымъ и землю новою, т.-е., что какъ собственныя наши тѣла, разрѣшающіяся теперь на стихіи и однакожъ въ ничто необращающіяся, опять возобновлены будутъ чрезъ воскресеніе, — такъ и небо и земля со всѣмъ, что на ней, т.-е. вся тварь имѣетъ возобновлена быть и освобождена отъ работы тлѣнію, и эти стихіи вмѣстѣ съ нами сдѣлаются причастными свѣтлости, происходящей отъ Божественнаго огня. Какъ какой нибудь сосудъ мѣдный, обветшавшій и сдѣлавшійся негожимъ, когда мѣдникъ, растопивъ на огнѣ, перельетъ его, дѣлается опять новымъ: такимъ же образомъ и тварь, обветшавшая и ставшая непотребною по грѣхамъ нашимъ, будетъ Богомъ Творцемъ какъ-бы растоплена въ огнѣ и перелита, и явится новою, несравненно свѣтлѣйшею, нежели какъ она теперь есть. Видишь, какъ всѣ твари имѣютъ обновиться огнемъ. Почему божественный Петръ и говоритъ: *симъ убо всѣмъ разоряемымъ, коцѣмъ подобаетъ быти вамъ во святыхъ пребываніихъ и благочестіихъ?* И немного ниже: *тѣмже возлюбленніи сихъ чающе, потщитеся нескверни и непорочни Тому обрѣстися въ мирѣ, и Господа нашего долготерпѣніе спасеніе непщуйте: якоже и возлюбленный братъ нашъ Павелъ по данной ему благодати написа вамъ, якоже и во всѣхъ своихъ посланіяхъ, глаголя въ нихъ о сихъ: въ нихже суть неудобь разумна нѣкая, яже ненаученіи*

и неутверждени развращаютъ, якоже и прочая писанія къ своей ихъ погибели (2 Петр. 3, 11. 14—16). И это не тогда только дѣлалось, но и въ настоящее время очень многіе, или и всѣ почти мы дѣлаемъ, по невѣжеству своему все извращая и перетолковывая слова Божественнаго Писанія, и всячески стараясь сдѣлать ихъ споспѣшниками себѣ въ страстяхъ и пагубныхъ похотѣніяхъ своихъ. Но посмотримъ, что говоритъ и божественный Павелъ о твореніи и обновленіи его. Сказавъ, что *недостойны страсти нынѣшняго времени къ хотящей славѣ явитися въ насъ*, вслѣдъ за симъ говоритъ онъ: *чаяніе бо твари откровенія сыновъ Божіихъ чаетъ* (Рим. 8, 18. 19). Чаяніемъ называетъ онъ сильное желаніе твари, чтобъ поскорѣе сбылось откровеніе, или явленіе во славѣ сыновъ Божіихъ, какое имѣетъ совершиться во всеобщее воскресеніе. Ибо тогда, во всеобщее воскресеніе, съ пришествіемъ Сына Божія, обнаружатся сыны Божіи, проявится красота ихъ и слава, и они всецѣло, т.-е., и душею и тѣломъ сдѣлаются свѣтлосіянными и препрославленными, какъ написано: *тогда праведницы*, т.-е., сыны праведнаго Бога, *просвѣтятся яко солнце* (Матѳ. 13, 43). Но чтобы не подумалъ кто, что сказанное Апостоломъ относится къ другой какой-либо твари — онъ прибавилъ: *суетѣ бо твари повинуся не волею, но за повинувшаго ю на упованіи* (— 20). Видишь, что тварь не хотѣла повиноваться и служить Адаму, послѣ того какъ онъ преступилъ заповѣдь Божію, потому что видѣла, что онъ изпалъ отъ божественной славы? Для сего-то Богъ, прежде сотворенія міра, предопредѣлилъ быть спасенію человѣка чрезъ возрожденіе, какое имѣлъ онъ получить въ силу воплощеннаго домостроительства Христова, и на семъ основаніи подчинилъ ему тварь и покорилъ ее тлѣнію, такъ какъ тлѣннымъ сдѣлался человѣкъ, для котораго она создана,—

чтобъ она каждогодно доставляла ему тлѣнную пищу,— положивъ, когда обновитъ человѣка и сдѣлаетъ его нетлѣннымъ, безсмертнымъ и духовнымъ, тогда вмѣстѣ съ нимъ обновить и всю тварь и сдѣлать ее вѣчною и нетлѣнною. Вотъ что открылъ Апостолъ приведенными словами: *суетѣ тварь повинуся не волею, но за повинувшаго ю на упованіи*, т.-е. тварь повинулась людямъ не сама по себѣ, и не по своей волѣ сдѣлалась тлѣнною, даетъ плоды тлѣнные, и произращаетъ тернія и волчцы; но покорилась повелѣнію Бога, Который опредѣлилъ сіе для нея на упованіи, что опять обновитъ ее. Чтобъ полнѣе удостовѣрить въ этомъ, Апостолъ говоритъ наконецъ: *яко и сама тварь свободится отъ работы истлѣнія въ свободу славы чадъ Божіихъ* (— 21). Видишь, что вся эта тварь въ началѣ была нетлѣнною и создана Богомъ въ чинѣ рая? Но послѣ Богомъ подчинена тлѣнію, и покорилась суетѣ человѣковъ.

5. Познай также и то, что это за прославленіе и свѣтлосіянность твари будетъ въ будущемъ вѣкѣ? Ибо когда она обновится, то не будетъ опять такою же, какою была, когда была создана въ началѣ Но будетъ такою, какимъ, по слову божественнаго Павла, будетъ наше тѣло. О тѣлѣ нашемъ говоритъ Апостолъ: *сѣется тѣло душевное, возстаетъ* не такимъ, какимъ было тѣло первозданнаго прежде преступленія заповѣди, т.-е. вещественнымъ, чувственнымъ, преложнымъ, имѣющимъ нужду въ чувственной пищѣ,—но *возстаетъ тѣло духовное* (1 Кор. 15, 44), и непреложное, такое, какимъ по воскресеніи было тѣло Господа нашего Іисуса Христа, втораго Адама, первороженнаго изъ мертвыхъ, каковое несравненно превосходнѣе тѣла первозданнаго Адама. Такимъ же образомъ и вся тварь по повелѣнію Божію имѣетъ быть, по всеобщемъ воскресеніи, не такою, какою была создана— вещественною и чувственною, но имѣетъ быть пересозда-

на и содѣлаться нѣкіимъ невещественнымъ и духовнымъ обиталищемъ, превышшимъ всякаго чувства, и какъ о насъ говоритъ Апостолъ: *вси же не успнемъ, вси же измѣнимся, вскорѣ, во мгновеніи ока* (1 Кор. 15, 51), такъ и вся тварь, послѣ того, какъ перегоритъ въ Божественномъ огнѣ, имѣетъ измѣниться, да исполнится и пророчество Давида, который говоритъ, что *праведницы наслѣдятъ землю* (Пс. 36, 29),—конечно, не чувственную. Ибо какъ возможно, чтобы тѣ, которые сдѣлались духовными, наслѣдовали землю чувственную? Нѣтъ; они наслѣдятъ землю духовную и невещественную, чтобы имѣть на ней достойное славы своей жилище, послѣ того, какъ сподобятся получить тѣла свои безтѣлесными, высшими всякаго чувства.

Такъ вся тварь послѣ того, какъ обновится и сдѣлается духовною, станетъ обиталищемъ невещественнымъ, нетлѣннымъ, неизмѣннымъ и вѣчнымъ. Небо станетъ несравненно болѣе блестящимъ и свѣтлымъ, чѣмъ оно теперь видится, станетъ совсѣмъ новымъ; земля воспріиметъ новую неизреченную красоту, одѣвшись въ многообразные неувядаемые цвѣты, свѣтлые и духовные. Солнце будетъ сіять въ семь разъ сильнѣе, чѣмъ теперь, и весь міръ сдѣлается совершеннѣйшимъ паче всякаго слова. Сдѣлавшись духовнымъ и божественнымъ, соединится онъ съ умнымъ міромъ, явится нѣкіимъ мысленнымъ раемъ, Іерусалимомъ небеснымъ, некрадомымъ наслѣдіемъ сыновъ Божіихъ. Этой земли не наслѣдовалъ еще ни одинъ человѣкъ; всѣ мы странники и пришельцы. Когда же земное соединится съ небеснымъ, тогда и праведники наслѣдятъ ту землю, обновленную уже, которой наслѣдниками имѣютъ быть тѣ кроткіе, кои ублажаются отъ Господа. Теперь пока иное изъ земнаго соединяется съ небеснымъ, а иное имѣетъ еще соединиться съ нимъ. Души святыхъ, какъ мы сказали, при всемъ томъ,

что соединены еще съ тѣломъ въ мірѣ семъ, соединяются съ благодатію Святаго Духа,—обновляются, измѣняются на лучшее и воскресаютъ отъ мысленной смерти; потомъ, по разлученіи съ тѣломъ, отходятъ въ славу и свѣтлосіянный свѣтъ невечерній; тѣла же ихъ не сподобляются еще сего, но остаются во гробахъ и въ тлѣніи. Имѣютъ и они сдѣлаться нетлѣнными, во время общаго воскресенія, когда и вся эта видимая и чувственная тварь сдѣлается нетлѣнною и соединится съ небеснымъ и невидимымъ. Этому надлежитъ совершиться прежде,—и тогда пріидетъ съ силою и славою многою превожделѣнный и сладчайшій Іисусъ Христосъ, Царь и Богъ нашъ, судить міръ и воздать каждому по дѣламъ его. Для сего раздѣлитъ Онъ обновленную тварь на многія обители и покоища, какъ-бы домъ какой великій, или какія царскія палаты, со множествомъ разныхъ помѣщеній, и дастъ каждому часть его, какая кому подобаетъ соотвѣтственно свѣтлости и славѣ, стяжанной добродѣтелями. Такъ царство небесное будетъ единое, и имѣть единаго Царя всяческихъ, Который отвсюду будетъ видѣнъ всѣмъ праведнымъ; будетъ Онъ спребывать съ каждымъ праведнымъ, и всякій праведный будетъ спребывать съ Нимъ; будетъ свѣтло сіять въ каждомъ, и каждый будетъ свѣтло сіять въ Немъ. — Но горе тѣмъ, которые окажутся тогда сущими внѣ сего небеснаго обиталища!

6. Что какъ объ этомъ уже сказано довольно, то теперь я намѣренъ раскрыть вамъ, сколько можно, и то, какимъ образомъ святые соединяются со Христомъ Господомъ и бываютъ едино съ Нимъ. Всѣ святые суть воистину члены Христа Бога и, какъ члены, сочетаны съ Нимъ, и соединены съ тѣломъ Его, такъ что Христосъ есть глава, а всѣ, отъ начала до послѣдняго дня, святые—члены Его, и всѣ они въ совокупности составля-

ютъ единое тѣло и какъ-бы, такъ сказать, одного человѣка. Иные изъ нихъ состоятъ въ чинѣ рукъ, дѣлающихъ даже доселѣ, которые исполняя всесвятую волю Его, претворяютъ недостойныхъ въ достойныхъ, и представляютъ ихъ Ему; иные—въ чинѣ раменъ тѣла Христова, которые другъ друга тяготы носятъ, или возложивъ на себя обрѣтенное овча погибшее, блуждавшее тамъ и здѣсь, въ горахъ и пропастяхъ, приносятъ ко Христу, и такъ исполняютъ законъ Его; иные—въ чинѣ груди, которые источаютъ для жаждущихъ и алчущихъ правды Божіей чистѣйшую воду слова премудрости и разума, т.-е. научаютъ ихъ слову Божію, и преподаютъ имъ мысленный хлѣбъ, который вкушаютъ святые Ангелы, т.-е. истинное богословіе, какъ наперсники Христовы, возлюбленные Ему; иные—въ чинѣ сердца, которые въ лонѣ своемъ любовію вмѣщаютъ всѣхъ людей, пріемлютъ внутрь себя духъ спасенія и служатъ хранилищемъ неизреченныхъ и сокровенныхъ Таинъ Христовыхъ; иные — въ чинѣ чреслъ, которые имѣютъ въ себѣ родительную божественныхъ помышленій таинственнаго богословія силу, и словомъ ученія своего въ сердца людей всѣваютъ сѣмя благочестія; иные, наконецъ — въ чинѣ костей и ногъ, которые являютъ мужество и терпѣніе въ искушеніяхъ, подобно Іову, и пребываютъ неподвижными въ стояніи своемъ въ добрѣ, не уклоняются отъ налегающей тяготы, но охотно принимаютъ ее и бодренно несутъ до конца. Такимъ-то образомъ стройно составляется тѣло Церкви Христовой изъ всѣхъ отъ вѣка святыхъ Его, бываетъ цѣло и всесовершенно, да будутъ едино всѣ сыны Божіи, перворожденные, на небесахъ написанные.

А что всѣ святые суть члены Христовы и бываютъ едино тѣло, докажу это вамъ отъ Божественнаго Писанія. И вопервыхъ послушайте самого Спасителя нашего, Христа Господа, какъ Онъ представляетъ нераздѣльное

единеніе, какое имѣютъ съ Нимъ святые, въ словахъ, сказанныхъ Имъ Апостоламъ: *Вѣруйте Мнѣ, яко Азъ во Отцѣ, и Отецъ во Мнѣ* (Іоан. 14, 11). *Азъ во Отцѣ Моемъ, и вы во Мнѣ, и Азъ въ васъ* (— —20); еще: *не о сихъ же молю токмо, но и о вѣрующихъ словесе ихъ ради въ Мя, да вси едино будутъ.* Желая же показать, какимъ образомъ совершается сіе единеніе, говоритъ далѣе: *якоже Ты, Отче, во Мнѣ, и Азъ въ Тебѣ, да и тіи въ Насъ едино будутъ.* И чтобы это еще яснѣе стало, прибавляетъ: *и Азъ славу, юже далъ еси Мнѣ, дахъ имъ, да будутъ едино, якоже и Мы едино есмы: Азъ въ нихъ, и Ты во Мнѣ, да будутъ совершени во едино.* Немного же спустя говоритъ еще: *Отче, ихже далъ еси Мнѣ, хощу, да идѣже есмь Азъ, и тіи будутъ со Мною, да видятъ славу Мою, юже далъ еси Мнѣ.* Наконецъ: *да любы, еюже Мя еси возлюбилъ, въ нихъ будетъ, и Азъ въ нихъ* (Іоан. 17, 20—26). Видишь глубину таинства сего? Позналъ пребезпредѣльное преизобиліе преизобильной славы? Слышалъ о способѣ единенія, превосходящемъ всякое помышленіе и разумъ? Сколько дивно сіе, братіе! Сколь неизреченно снисхожденіе любви человѣколюбиваго Бога, какое имѣетъ Онъ къ намъ! Онъ даетъ обѣтованіе, что, если хотимъ, Онъ будетъ имѣть съ нами такое же единеніе по благодати, какое единеніе самъ Онъ имѣетъ со Отцемъ по естеству, что и мы такое же точно единеніе возымѣемъ съ Нимъ, если будемъ творить заповѣди Его. Что самъ Онъ имѣетъ ко Отцу по естеству, то самое даетъ Онъ имѣть и намъ къ Нему по благоволенію и благодати. О страшное обѣтованіе! Ту славу, которую далъ Отецъ Сыну, даетъ и намъ Сынъ по благодати. И, что всего превыше, — какъ есть Сынъ во Отцѣ и Отецъ въ Сынѣ, такъ и Сынъ Божій бываетъ въ насъ и мы въ Немъ по благодати, если восхощемъ. О, благодать несравненная! Та любовь, какою возлюбилъ

Богъ и Отецъ единороднаго Сына своего и Бога нашего, та самая имѣетъ пребывать и въ насъ, — и самъ Сынъ Божій имѣетъ быть въ насъ.—И благословно. Ибо единожды содѣлавшись сроднымъ намъ по плоти, и насъ содѣлавъ причастниками Божества Своего, Онъ тѣмъ самымъ содѣлалъ насъ всѣхъ сродниками Своими. И другимъ способомъ (объясняя дѣло), — поелику Божество, сообщаемое намъ чрезъ общеніе съ Господомъ, есть несѣкомо и неотдѣлимо, то необходимо и намъ, сдѣлавшись воистину причастниками сего Божества, быть неотдѣлимыми отъ Христа, быть во единомъ духѣ единымъ тѣломъ. А что это такъ есть, какъ я говорю, послушай, что говоритъ св. Павелъ: *во Христѣ Іисусѣ нѣсть рабъ, ни свободъ, нѣсть Іудей, ни Еллинъ, нѣсть варваръ, ни Скивъ, но всяческая и во всѣхъ Христосъ* (Гал. 3, 28; Кол. 3, 11). Видишь, что не сказалъ онъ: всѣ христіане, но—всѣ единъ Христосъ, какъ единое тѣло изъ многихъ членовъ. Послушай еще, какъ онъ же открываетъ это въ другомъ мѣстѣ. Сказавъ, что *каждому дается явленіе Духа на пользу*, и перечисливъ разныя дарованія благодатныя, говоритъ потомъ: *вся же сія дѣйствуетъ единъ и тойжде Духъ, раздѣляя властію коемуждо, якоже хощетъ*. И желая показать, что хоть разныя силы Духа Святаго подаются святымъ членамъ Христовымъ, но всѣ онѣ составляютъ единое тѣло, присовокупляетъ: *якоже тѣло едино есть, и уды имать многи, вси же уди единаго тѣла, мнози суще, едино суть тѣло: тако и Христосъ. Ибо единѣмъ Духомъ мы вси во едино тѣло крестихомся, аще Іудеи, аще Еллини, или раби, или свободни: и вси единѣмъ Духомъ напоихомся. Ибо тѣло нѣсть единъ удъ, но мнози* (1 Кор. 12, 7 — 14). Какъ въ вѣчныхъ обителяхъ Богъ каждому святому даетъ подобающую ему часть, какъ мы сказали прежде, такъ и въ тѣлѣ Церкви каждый причитается въ такой членъ Христовъ, какимъ

быть достоинъ. Это показываетъ опять тотъ же Апостолъ Павелъ и въ томъ же посланіи, говоря: *нынѣ же Богъ положи уды, единаго коегождо ихъ въ тѣлеси, якоже изволи* (— — 18). Итакъ членовъ много, а тѣло одно. Желая же показать различіе сихъ членовъ, и какіе это члены, говоритъ онъ: *вы есте тѣло Христово, и уди отъ части. И овыхъ убо положи Богъ въ церкви первѣе Апостоловъ, второе пророковъ, третіе учителей, потомъ же силы, таже дарованія исцѣленій, заступленія, правленія, роди языковъ* (— 27. 28).

Видѣлъ теперь различіе членовъ Христовыхъ? Позналъ, какіе это члены? Послушай теперь о единеніи сихъ членовъ со Христомъ, и о томъ, какъ и св. Павелъ объясняетъ его согласно съ Господомъ. Господь нашъ сказалъ, что какое единеніе имѣетъ Онъ со Отцемъ, такое же единеніе имѣемъ и мы съ Нимъ. И Апостолъ Павелъ говоритъ, что мы имѣемъ со Христомъ такое же единеніе, какое единеніе имѣетъ мужъ съ женою своею и жена съ мужемъ своимъ. Именно онъ говоритъ: *жены, своимъ мужемъ повинуйтеся, якоже Господу: зане мужъ глава есть жены, якоже и Христосъ глава церкве, и Той есть Спаситель тѣла.* И опять: *мужіе, любите своя жены, якоже и Христосъ возлюби церковь, и Себе предаде за ню: да освятитъ ю, очистивъ банею водною въ глаголѣ, да представитъ ю Себѣ славну церковь, не имущу скверны или порока, или нѣчто отъ таковыхъ, но да будетъ свята и непорочна.* Немного ниже говоритъ опять: *любяй свою жену* (вникни, прошу, потщательнѣе въ смыслъ слова), *себе самаго любитъ. Никтоже бо когда свою плоть возненавидѣ, но питаетъ и грѣетъ ю, якоже и Господь церковь: зане уди есмы тѣла Его, отъ плоти Его, и отъ костей Его* (Еф. 5, 22—30). Видишь, какъ онъ показалъ намъ, что какъ Ева бысть отъ плоти и отъ костей Адама, и были они оба въ плоть едину, такъ

и Христосъ преподаетъ намъ Себя самого, да будемъ причастниками плоти Его и костей Его,—каковыя показалъ Онъ Апостоламъ, когда по воскресеніи изъ мертвыхъ явился имъ и сказалъ: *осяжите Мя и видите, яко духъ плоти и кости не имать, якоже Мене видите имуща* (Лук. 24, 39). Сіи-то кости и сію-то плоть даетъ Онъ намъ вкушать въ пречистыхъ тайнахъ,—и симъ способомъ общенія дѣлаетъ насъ едино съ самимъ Собою. И св. Павелъ, желая показать предивное единеніе, какое имѣемъ мы съ Богомъ, говоритъ послѣ приведенныхъ словъ: *сего ради оставитъ человѣкъ отца своего и матерь*, т.-е. ради Христа оставитъ человѣкъ кровное родство свое, *и прильпится къ женѣ своей*, т.-е. къ церкви, *и будета два въ плоть едину*, т.-е. въ плоть Христа и Бога. А что слово Павлово именно такой имѣетъ смыслъ, а не мы посредствомъ своихъ умозаключеній придумываемъ его, сіе явствуетъ изъ словъ Апостола, которыя онъ говоритъ вслѣдъ за симъ: *тайна сія велика есть: азъ же глаголю во Христа, и во церковь*. И воистину тайна сія есть и пребудетъ великою, и превыше всего великаго. Какое единеніе, общеніе, освоеніе и сродненіе имѣетъ жена съ мужемъ и мужъ съ женою, такое же единеніе и сродненіе имѣетъ и Владыка нашъ и Творецъ всяческихъ со всею церковію, какъ съ единою женою, и бываетъ едино съ нею, и всегда нераздѣльно пребываетъ съ нею, какъ съ возлюбленною Ему. Но единеніе сіе бываетъ боголѣпно, какъ лѣпо есть Богу единиться съ церковію,—что и недомыслимо, и неизреченно. Опять и церковь единится съ любимымъ отъ нея Богомъ, и прилѣпляется къ Нему такъ, какъ тѣло прилѣплено къ своей головѣ. Ибо какъ тѣло не можетъ жить безъ своей головы, такъ и церковь,—собраніе вѣрующихъ, т.-е. сыновъ Божіихъ, на небесѣхъ написанныхъ, не можетъ быть цѣльнымъ и совершеннымъ тѣ-

ломъ безъ главы своей, Христа Бога нашего, и не можетъ жить истинною и вѣчною жизнію, если не будетъ питаема отъ Него каждодневно насущнымъ хлѣбомъ, отъ коего пріемлютъ истинную жизнь всѣ любящіе Его, и растутъ въ мужа совершенна, въ мѣру возраста исполненія Его. Поелику такимъ образомъ изъ сказаннаго явно, что всѣ святые, отъ начала міра бывшіе и имѣющіе быть до скончанія его, составятъ единое тѣло со Христомъ и во Христѣ, т.-е. благодатію Христовою; то скажу теперь и о томъ, какимъ образомъ подобаетъ наполниться вышнему міру.

7. Но прошу, отверзите слухъ вашъ, и внемлите добрѣ, потому что слово наше будетъ о божественныхъ вещахъ. И во-первыхъ надобно намъ познать, какой это міръ, коему надлежитъ наполниться, и притомъ такъ, что если онъ не наполнится, то не придетъ и конецъ, по св. Григорію Богослову; во-вторыхъ, надо познать, какой это конецъ, о коемъ говоритъ онъ. Я полагаю, что міръ преукрашенный есть церковь Христова и весь человѣкъ, въ коемъ, какъ говоритъ Писаніе, обитаетъ и ходитъ Богъ (взято изъ: *вселюся въ нихъ и похожду)*, и посылаетъ въ него свѣтлые лучи благодатныхъ даровъ Своихъ, яко солнце Сый правды. О церкви слышали мы выше, что она называется тѣломъ Христовымъ и невѣстою Его, какъ говоритъ невѣстоводитель ея св. Павелъ: *обручихъ васъ единому мужу дѣву чисту представити Христови* (2 Кор. 11, 2), — и пророкъ Давидъ: *предста царица одесную Тебе, въ ризахъ позлащенныхъ одѣяна и преиспещренна* (Пе. 44, 10). Хотя слова сіи относятся ко Пресвятой Богородицѣ, но приличествуютъ и церкви Сына ея и Бога, какъ показываетъ слѣдующая за тѣмъ рѣчь: *приведутся Царю дѣвы* (т.-е. души) *въ слѣдъ ея, искреннія ея* (души) *приведутся Тебѣ: приведутся въ веселіи и радованіи, введутся во храмъ Царевъ* (— — 15. 16). Храмъ сей, о коемъ здѣсь говорится, какой это,

полагаешь ты, есть, и какъ есть? Думаешь ли, что это есть другое какое обиталище, внѣ и кромѣ сего самаго Царя? Нѣтъ, не другое. Ибо какъ Христосъ есть глава церкви, такъ Онъ же Самъ есть опять и храмъ ея, какъ и церковь есть храмъ Христовъ, и міръ прекрасный, какъ явно изъ сказаннаго нами выше,—что впрочемъ надобно снова пересказать для лучшаго уясненія дѣла.—Господь нашъ Іисусъ Христосъ говорилъ ко Отцу Своему, въ слухъ Апостоловъ и всѣхъ вѣрующихъ: *не о сихъ молю токмо, но и о вѣрующихъ словесе ихъ ради въ Мя, да вси едино будутъ* (Ін. 17, 20). Какъ да будутъ едино? *Якоже Ты, Отче, во Мнѣ, и Азъ въ Тебѣ, да и тіи въ Насъ едино будутъ* (— — 21). Видишь, какъ Онъ есть и Царь и храмъ всѣхъ спасаемыхъ? Познай же и то, какъ опять и всѣ вѣрующіе, т.-е. царица — Его церковь, и дѣвы, послѣдующія въ слѣдъ ея, т.-е. души вѣрныхъ, будутъ храмомъ и міромъ Царя и Бога. И познай сіе во-первыхъ отъ самого Царя Христа, Который говоритъ: *Азъ въ нихъ, и Ты,* Отче, *во Мнѣ, да будутъ совершени во едино* (—23). Потомъ познай сіе и отъ ученика Его, котóрый говоритъ: *не вѣсте ли, яко храмъ Божій есте, и Духъ Божій живетъ въ васъ* (1 Кор. 3, 16)? Видишь, какъ слова Апостола согласны съ словами Владыки Христа? Эти апостольскія слова показываютъ, что Церковь есть храмъ, градъ, міръ Царя Бога. И вѣдай, что Богъ говорившій тогда чрезъ Пророковъ и Апостоловъ, Онъ же самый и теперь говоритъ чрезъ нихъ.

8. Поелику же церковь есть тѣло Христово, и невѣста Христова, и міръ вышній, и храмъ Божій, члены же тѣла сего суть всѣ святые, а между тѣмъ они не всѣ еще родились и благоугодными показали себя, то явно, что тѣло Христово еще не есть цѣлое вполнѣ, что не наполнился еще и вышній міръ, т.-е. не весь еще сонмъ людей вошелъ въ церковь Божію. Но и донынѣ есть еще въ мірѣ много невѣрующихъ, которые имѣютъ увѣровать

во Христа, есть много грѣшниковъ, которые имѣютъ покаяться, есть много непокоривыхъ, которые имѣютъ покориться Христу; многіе еще имѣютъ родиться и благоугодить Богу, прежде чѣмъ вострубитъ послѣдняя труба. Итакъ надлежитъ родиться всѣмъ предувѣданнымъ отъ Бога и наполниться превыспшему сего міра міру церкви первородныхъ, Іерусалиму небесному; и тогда совершится полнота тѣла Христова, принявъ въ себя всѣхъ предопредѣленныхъ отъ Бога быть сообразными образу Сына Его, кои суть сыны свѣта и дня. Таковые всѣ суть предопредѣленные и преднаписанные, и въ число спасенныхъ включенные и имѣютъ соединиться и сочетаться съ тѣломъ Христовымъ, которое тогда сдѣлается всецѣло полнымъ и совершеннымъ тѣломъ Христовымъ, и не будетъ уже у него ни одного недоставать члена. Такъ есть воистину, какъ открываетъ Апостолъ Павелъ, говоря: *дондележе достигнемъ вси въ соединеніе вѣры..., въ мужа совершенна, въ мѣру возраста исполненія Христова* (Еф. 4, 13). *Ихже бо предувѣдѣ, тѣхъ и предуставн сообразныхъ быти образу Сына Его: а ихже предуставы, тѣхъ и призва; а ихже призва, тѣхъ и оправда: а ихже оправда, сихъ и прослави* (Рим. 8, 29. 30). Видишь, какъ всѣ святые предувѣдѣны и предопредѣлены. Послушай еще, какъ Апостолъ говоритъ, что они еще и написаны на небесѣхъ: *приступисте къ Сіонстѣй горѣ, и ко граду Бога живаго, Іерусалиму небесному, и тмамъ Ангеловъ, торжеству и церкви первородныхъ, на небесѣхъ написанныхъ* (Евр, 12, 22. 23). Если же они такимъ образомъ написаны, то явно, что и исчислены, какъ написано: *позна Господь сущія Своя* (2 Тим. 2, 19), и какъ говорится въ Евангеліи: *вамъ же и власи главніи вси изочтени суть* (Мѳ. 10, 30). Если и власы главы нашей изочтены у Бога всевѣдущаго, не тѣмъ ли паче изочтены мы сами? Итакъ, поелику всѣ святые предувѣдѣны, предопредѣ-

лены и исчислены, какъ и написаны по имени на небесахъ, и поелику всѣ они суть члены Христовы, и имѣютъ быть всѣ едино тѣло Христово; то явно, что когда всѣ они собраны будутъ и составятъ полное тѣло Христово, тогда и вышній міръ, Іерусалимъ небесный, который есть церковь первородныхъ, наполнится, и тѣло царицы Божіей, церкви, которая есть тѣло Христа Бога, явится всецѣло полнымъ и совершеннымъ. — Гдѣ теперь тѣ, которые въ суетѣ ума своего, на пагубу себѣ, выдумываютъ какія-то обители внѣ царства небеснаго? Гдѣ тѣ, которые говорятъ: не хочемъ войти въ царство небесное, потому что это много для насъ, но хочемъ быть въ какомъ нибудь мѣстѣ упокоенія, — и этого достаточно для насъ? Всѣ отъ вѣка святые составятъ единое тѣло Христово; гдѣ же инуды хотятъ быть эти, если окажутся недостойными быть въ тѣлѣ Христовомъ, и отсѣчены будутъ отъ него, какъ члены непотребные? Воистину *осуетилися они помышленіями своими и омрачилось неразумное ихъ сердце: глаголющеся быти мудри, объюродѣша* (Рим. 1, 21).

9. Посмотримъ, что это за бракъ таинственный? Св. Евангеліе говоритъ: *уподобися царствіе небесное человѣку царю, иже сотвори браки сыну своему* (Матѳ. 22, 2). Кого здѣсь называетъ царемъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ? Никого иного, какъ самого Бога и Отца Своего. И для кого другаго сотворилъ Отецъ браки, кромѣ Единороднаго Сына Своего, Господа нашего Іисуса Христа? Какого же царя дщерь благоволилъ Владыка всяческихъ и Господь избрать въ невѣсту Сыну Своему? Изъ насъ людей каждый, собираясь женить сына своего, со всѣмъ вниманіемъ высматриваетъ ему въ невѣсты дочь какого-нибудь болѣе знатнаго и болѣе богатаго, чѣмъ самъ онъ. Но Богъ кого найдетъ хоть бы сколько-нибудь равнымъ Себѣ, чтобъ дочь его взять въ невѣсты Сыну Своему? О семъ царѣ говорится у пророковъ, что Онъ есть *содержай кругъ земли, и живущая на ней*

аки пруги (Ис. 40, 22), *Богъ вѣчный, Богъ устроивый концы земли* (— 28), и на ничесоже утвердивый столпы ея (Іов. 38, 6), *призираяй на землю и творяй ю трястися* (Пс. 103, 32). Итакъ такой царь чью дочь взялъ въ невѣсты и сотворилъ браки Сыну Своему? Узнаете, чью. Но безмѣрное снисхожденіе Божіе дѣлаетъ меня изступленнымъ. Хочу сказать и трепещу. Но опять воодушевляясь благостію Его, пріемлю смѣлость и говорю, что взялъ Онъ дочь человѣка, согрѣшившаго предъ Нимъ, сотворившаго блудъ и убійство, т.-е. взялъ въ невѣсты дочь блудника и убійцы. Видишь ли благость и снисхожденіе неизреченное и несравненное? Видишь ли презѣльное человѣколюбіе? Видишь ли море любви и благостыни? Послѣ сего всякій, считающій себя великимъ, пусть научится изъ того, что я говорю, смиренномудрствовать и никого никогда не презирать, хотя бы онъ былъ царь, величайшій всѣхъ другихъ царей, или вельможа, знатнѣйшій всѣхъ другихъ вельможъ, или богачъ, богатѣйшій всѣхъ богачей. Пусть взираетъ онъ на Владыку и Господа всяческихъ, Святаго святыхъ, блаженнаго Бога и единаго Вседержителя, живущаго во свѣтѣ неприступномъ и неизреченномъ,—на Него, говорю, пусть смотритъ, какъ Онъ снизошелъ столь много, что благоволилъ взять дочь блудника и убійцы въ невѣсты Единородному Сыну Своему, невидимому, непостижимому, неизслѣдимому, Содѣтелю и Творцу всяческихъ, тебя ради и твоего ради спасенія. Но кто сей блудникъ и убійца, коего дочь избралъ Богъ въ невѣсты Ему? Давидъ, сынъ Іессеевъ, убившій Урію и соблудившій съ женою его. Его-то дочь, говорю, Марію, пренепорочную, чистую и пречистую Дѣву взялъ Онъ въ невѣсты. Я называю ее пренепорочною и пречистою, сравнивая ее съ нами человѣками, рабами ея; но сравнивая ее съ Женихомъ ея и Отцемъ Его, называю ее человѣкомъ, какъ и всѣ

люди, только святою и пресвятою паче всѣхъ людей, непорочною и чистѣйшею изъ всѣхъ родовъ.

Итакъ ее, Дѣву Марію, взялъ Онъ въ невѣсты, и сотвори браки Сыну Своему. Какимъ образомъ? Слушай повнимательнѣе. Отецъ Господа нашего Іисуса Христа послалъ съ высоты небесной одного изъ рабовъ Своихъ, Гавріила Архангела, сказать Дѣвѣ: радуйся! Онъ тотчасъ сошелъ на землю и содѣлался служителемъ таинства, говоря Дѣвѣ: радуйся, благодатная, Господь съ Тобою! И со словомъ симъ во утробу Дѣвы вошло все ѵпостасное, единосущное и совѣчное Отцу Слово Богъ, и чрезъ наитіе и содѣйствіе единосущнаго Ему Духа воспріяло плоть отъ непорочныхъ и чистыхъ кровей ея, содѣлавшись совершеннымъ человѣкомъ съ тѣломъ и душею. И се неизреченное сочетаніе! Се таинственный бракъ Божій! Такъ совершился новозавѣтный союзъ Бога съ человѣками: Онъ принялъ плоть и даровалъ Божество. Самъ пресущественный, преестественный, Богъ несліянно соединился съ тлѣннымъ и бѣднымъ естествомъ и существомъ нашимъ человѣческимъ. Зачала Дѣва, и предивно родила о двухъ естествахъ, божествѣ и человѣчествѣ, единаго Сына, совершеннаго Бога и совершеннаго человѣка, Господа нашего Іисуса Христа, Который ни дѣвства матери Своей не нарушилъ, ни отъ нѣдръ Отца Своего не отлучился.

Впрочемъ, руководясь словами святаго Евангелія, мы можемъ помыслить при семъ и сказать и иное нѣчто, что таинственно всегда бываетъ со всѣми сынами свѣта. Ибо по какой причинѣ не сказано: сотвори бракъ Сыну своему, а—*браки*! По какой? По той, что такой же точно бракъ бываетъ и съ каждымъ вѣрнымъ сыномъ дня. Богъ и съ нами сочетавается пречистымъ и пренепорочнымъ бракомъ, и производитъ въ насъ нѣкое таинство, высшее всякой человѣческой силы. Что же такое есть это, про-

изводимое Имъ въ насъ? Послушай со вниманіемъ, да уразумѣешь. Послѣ того, какъ Сынъ Божій и Богъ, вошедъ во утробу Пресвятыя Дѣвы, и воспріявъ отъ Нея человѣческое естество, и содѣлавшись человѣкомъ, родился отъ Нея, какъ мы сказали, совершеннымъ человѣкомъ и совершеннымъ Богомъ, будучи одинъ и тотъже и Богъ и человѣкъ несліянно,—послѣ сего, коль скоро и мы человѣки вѣруемъ въ Сына Божія и Сына Приснодѣвы и Богородицы Маріи, и вѣруя пріемлемъ вѣрно въ сердца свои слово о семъ и устно сіе исповѣдуемъ, каясь при семъ отъ всей души во всѣхъ прежнихъ грѣхахъ своихъ, тотчасъ сей Богъ Слово Отчее входитъ и въ насъ, какъ и во утробу Приснодѣвы: мы пріемлемъ Его, и Онъ бываетъ въ насъ, какъ сѣмя. Слыша о семъ страшномъ таинствѣ, ужасайся, но пріемли слово о немъ съ вѣрою и убѣжденіемъ. Такъ зачинаемъ Его и мы, не тѣлесно, какъ зачала Дѣва и Богородица Марія, но духовно, однакоже существенно. Мы имѣемъ въ душахъ своихъ того самого, котораго зачала и пренепорочная Дѣва, какъ говоритъ божественный Павелъ: *Богъ рекій изъ тмы свѣту возсіяти, иже возсія въ сердцахъ нашихъ, къ просвѣщенію разума славы Божія о лицѣ Іисусѣ Христовѣ* (2 Кор. 4, 6). Это тоже есть, какъ бы онъ сказалъ: самъ Онъ весь существенно вошелъ въ насъ. А что такой смыслъ имѣетъ слово Апостола, это видно изъ слѣдующихъ за тѣмъ словъ: *имамы же сокровище сіе въ скудельныхъ сосудѣхъ* (— 7). Сокровищемъ называетъ онъ Сына Божія, въ Коего благодатію Св. Духа облекаемся и Коего имѣемъ въ сердцахъ своихъ. Такъ и мы, когда вѣруемъ отъ всей души, всесокрушенно каемся, зачинаемъ въ сердцахъ своихъ Бога Слово, какъ Дѣва, имѣя т.-е. и мы, души свои дѣвственными и чистыми. И какъ Пресвятыя Дѣвы не опалилъ огнь Божества, такъ какъ Она была пренепорочна, такъ и насъ не опа-

ляетъ онъ, когда имѣемъ сердца свои чистыми и непорочными, но бываетъ въ насъ небесною росою, источникомъ воды живыя, потокомъ жизни вѣчной. Что мы подобнымъ образомъ пріемлемъ непокровенный огнь Божества, объ этомъ послушай, какъ говоритъ самъ Господь: *огня пріидохъ воврещи на землю* (Лук. 12, 49). Какой это другой огнь, кромѣ единосущнаго по Божеству Духа, съ Коимъ вмѣстѣ входитъ въ насъ и созерцается и Сынъ со Отцемъ? Но поелику Сынъ Божій и Богъ воплотился уже однажды отъ Дѣвы и родился отъ Нея тѣлесно, паче слова и разума, и невозможно Ему опять воплощаться и раждаться тѣлесно въ каждомъ изъ насъ; то что Онъ творитъ? Ту самую пренепорочную плоть, которую принялъ Онъ отъ пречистой Маріи Богородицы и въ коей отъ Нея родился, преподаетъ намъ въ таинствѣ, и вкушая ее мы имѣемъ внутрь себя, разумѣется каждый достойно причащающійся, всего воплощеннаго Бога и Господа нашего Іисуса Христа, Сына Божія и Сына Дѣвы, пренепорочныя Маріи, сѣдящаго одесную Бога и Отца, по слову Его же Самого: *ядый Мою плоть и піяй Мою кровь во Мнѣ пребываетъ и Азъ въ немъ* (Іоан. 6, 56). Вселяясь же въ насъ, Онъ не познается сущимъ въ насъ тѣлесно, яко плодъ чрева, какъ былъ въ Пресвятой Дѣвѣ, но есть безтѣлесно въ насъ, и соединяется съ существомъ и естествомъ нашимъ неизреченно, и насъ обоготворяетъ, такъ какъ мы содѣлываемся сотѣлесниками Ему, бывая плоть отъ плоти Его и отъ костей Его.

И сіе то есть великій плодъ неизреченнаго домостроительства и снисхожденія къ намъ Господа нашего! Сіе-то есть страшное таинство, о коемъ пишу трепеща! Но поелику Богъ хощетъ, чтобъ любовь Его къ намъ была явно представляема всѣмъ, дабы и мы иной разъ помыслили о великой Его благости и устыдясь возревновали и сами воспріять любовь къ Нему; то и я подвиг-

ся къ тому, чтобы письменно объявить вамъ о семъ таинствѣ. Не то я доказываю, будто какой-нибудь человѣкъ уподобляется Пресвятой Дѣвѣ, родившей Господа, по образу неизреченнаго рожденія Ея. Да не будетъ. Этому быть никакъ невозможно; потому что ино есть воплощенное рожденіе Бога Слова, бывшее отъ Пресвятыя Богородицы, и ино то, которое бываетъ духовно въ насъ. Въ томъ воплощенномъ рожденіи, въ коемъ Пресвятая Богородица родила Сына Божія и Бога воплощеннаго, совершилось таинство возсозданія рода человѣческаго и спасенія всего міра, которое есть Господь нашъ и Богъ Іисусъ Христосъ, соединившій въ Себѣ разстоящаяся естества — Бога и человѣка, и понесшій грѣхъ міра. А это духовное рожденіе совершаетъ въ насъ таинство обновленія душъ человѣческихъ, благодатію Святаго Духа соединяя и сочетавая насъ съ воплотившимся Сыномъ Божіимъ и Богомъ, чрезъ Коего мы *во чревѣ пріяхомъ, и поболѣхомъ и родихомъ духъ спасенія* (Ис. 26, 18). Возвѣщаю же я о семъ для того, чтобъ явно представить неизреченную любовь Божію къ намъ, и то, что если захотимъ, то и мы всѣ, изъясненнымъ выше способомъ, можемъ содѣлаться матерію Іисуса Христа Господа и братьями Его, и подобными ученикамъ Его и Апостоламъ, не по достоинству оныхъ и не по трудамъ, какія подъяты ими въ проповѣди Евангелія, но по благодати Божіей, которую богатно изливаетъ Онъ на вѣрующихъ въ Него и послѣдующихъ Ему, не возвращаясь вспять, какъ Самъ Христосъ всѣмъ явно возвѣщаетъ о семъ, говоря: *Мати Моя и братія Моя сіи суть, слышащіи слово Божіе, и творящіи е* (Лук. 8, 21). Видишь, какъ Онъ всѣхъ, слышащихъ слово Его и творящихъ оное, возводитъ въ чинъ матери Своей и называетъ ихъ братьями и сродниками Своими? Но въ самой вещи матерію Его есть Пресвятая Богородица, неиз-

реченно родившая Его воплощеннымъ, а святые всѣ зачинаютъ и имѣютъ Его въ душахъ своихъ по благодати. Отъ пренепорочной Матери Своей Онъ заимствовалъ пречистую плоть, а Ей даровалъ Божество вмѣсто плоти, которую Она дала Ему. О предивный и пречудный обмѣнъ! А отъ святыхъ не заимствуетъ Онъ плоти, но имъ преподаетъ собственную обоженную плоть. Помысли, сколь велика глубина сего таинства! Огнь Божества Спасителя нашего и Бога есть отъ существа и естества Отча, а плоть Его не оттуда есть, но отъ Пречистой и Пресвятой плоти Богородицы и отъ пречистыхъ Ея кровей. Отъ Нея принялъ Онъ плоть, сдѣлалъ ее собственною своею и обожилъ, по слову Евангелія, которое гласитъ: *и Слово плоть бысть* (Іоан. 1, 14). И теперь преподаетъ сію плоть святымъ Своимъ — Онъ, Сынъ Бога и Отца и Пресвятыя Богородицы Маріи. Отъ естества и существа присносущнаго Отца Своего подаетъ Онъ имъ благодать Духа, т.-е. Божество, какъ говоритъ чрезъ пророка Іоиля: *и будетъ въ послѣднія дни, излію отъ Духа Моего на всяку плоть* (Іоил. 2, 28), т.-е. вѣрующую; и отъ существа и естества Матери Своей даетъ плоть, которую принялъ отъ Нея. И какъ *отъ исполненія Его*, т.-е. отъ Божества, мы *вси пріяхомъ* (Іоан. 1, 16), такъ всѣ причащаемся и пречистыя плоти Его, которую принялъ Онъ отъ Матери Своей. И какъ Христосъ и Богъ нашъ содѣлался Ея Сыномъ и братомъ намъ; тамъ и мы, о неизреченное человѣколюбіе, дѣлаемся сынами Богородицы, Матери Его, и братьями Его, Христа и Бога нашего. Отъ Нея и въ Ней непостижимо родился Сынъ Божій; а отъ Него родились и раждаются всѣ святые. Матерь Божія воспріяла, какъ сѣмя, Слово Бога и Отца, зачала и родила только Его одного, рожденнаго отъ Отца прежде всѣхъ вѣкъ и воплотившагося отъ Нея въ послѣдняя лѣта. Его только одного родила Она, а Онъ,

Сынъ Ея, каждый день раждаетъ тѣхъ, которые вѣруютъ въ Него и хранятъ заповѣди Его. Сѣмя смертнаго и тлѣннаго мужа раждало и раждаетъ отъ жены сыновъ тлѣнныхъ и смертныхъ; а безсмертное и нетлѣнное воплощенное Слово безсмертнаго и нетлѣннаго Бога раждало и раждаетъ всегда сыновъ безсмертныхъ и нетлѣнныхъ. Какъ самъ Онъ первый родился во Святомъ Духѣ отъ Пресвятыя Богородицы, а отъ Него всѣ святые, то Матерь Божія есть Матерь и всѣхъ святыхъ, Госпожа, Царица и Владычица, а всѣ святые суть Ея рабы, такъ какъ Она есть Матерь Божія. Суть они и Ея сыны, потому что причащаются причистой плоти Сына Ея. Слово сіе истинно; потому что плоть Господня есть плоть Богородицы. И когда причащаемся мы сей плоти Господа, обоженной, исповѣдуемъ и вѣруемъ, что причащаемся жизни вѣчной, кромѣ развѣ если вкушаемъ ее недостойно, на осужденіе себѣ самимъ. Такъ святые суть сродники Богородицы по тремъ причинамъ: первая та, что отъ тойже земли имѣютъ тѣло и отъ тогоже дуновенія Божія душу; вторая та, что причащаются плоти, которую Христосъ пріялъ отъ Нея; третья та, что каждый изъ нихъ освященіемъ и благодатію нисходящаго на нихъ Духа воспріемлетъ и имѣетъ въ себѣ Бога всяческихъ, какъ и Пресвятая Богородица пріяла и имѣла Его въ себѣ самой. Ибо хотя Она родила Его тѣлесно; но несомнѣнно, что имѣла Его въ себѣ всего и духовно, имѣетъ Его и теперь всегда неотлучнымъ отъ Нея.

Вотъ таинство браковъ, кои сотворилъ Богъ и Отецъ равночестному, единосущному и сосприсносущному единородному Сыну Своему, и звалъ на него многихъ. Онъ послалъ рабовъ Своихъ звать званныхъ на браки, но они не хотѣли пойти. Кто же были эти посланные? Пророки. А кто позванные? Евреи. Они и тогда, и съ самаго начала были позваны, но не хотѣли слушать звавшихъ.

Тогда послалъ, говоритъ Евангеліе, Царь Отецъ другихъ рабовъ, говоря: *рцыте званнымъ: се обѣдъ мой уготовахъ, юнцы мои и упитанная исколена, и вся готова: пріидите на браки. Они же небрегше отъидоша, овъ убо на село свое, овъ же на купли своя: прочіи же емше рабовъ его, досадиша имъ и убиша ихъ* (Матѳ. 22, 4—6). Кого же называетъ здѣсь Господь вторыми рабами посланными? Св. Апостоловъ Своихъ. А обѣдъ какой это? Небесное царствіе, которое уготовалъ Богъ отъ сложенія міра для званныхъ и приходящихъ на него по собственному произволенію. Юнцами же и упитанными кого называетъ Онъ? Самого Сына Приснодѣвы и Бога, Который есть телецъ упитанный отъ сложенія міра, на сіе опредѣленный, на то т.-е., чтобъ быть приносиму въ жертву и быть снѣдаему. Онъ же есть и юнецъ, яко по силѣ Своей непобѣдимый. Названъ же Онъ здѣсь юнцами, во множественномъ числѣ, потому что святая плоть Его раздѣляется на многія частицы, изъ которыхъ каждая есть опять весь Христосъ. Онъ столько силенъ, что побѣждаетъ всѣхъ враговъ тѣхъ, кои причащаются Его, и имъ самимъ даетъ силу побѣждать міръ, и область чадами Божіими быти. Называется еще и единолѣтнымъ агнцемъ Онъ, всенепорочный Агнецъ Божій, яко всесовершеннѣйшій, каковымъ былъ. Онъ носитъ крестъ, какъ роги, которымъ (крестомъ) далъ Онъ и смертоносный ударъ врагу нашему діаволу, когда на немъ распяли Его и убили Евреи.

Другими рабами, какъ я сказалъ, называетъ здѣсь Господь святыхъ Апостоловъ, которыхъ послалъ Онъ созывать проповѣдію, заповѣдавъ имъ на путь языкъ не идти, и во градъ Самарянскій не входить, но идти паче къ погибшимъ овцамъ дома Израилева, т.-е. къ Евреямъ; но они и Апостоловъ не приняли, а иныхъ изъ нихъ поносили и били, иныхъ же совсѣмъ убивали, изъ числа

которыхъ есть и первомученикъ Стефанъ. *И слышавъ о семъ царь той, разгнѣвася, и пославъ воя своя, погуби убійцы оны, и градъ ихъ зажже* (— 7). Убійцами называетъ Господь нечестивыхъ Евреевъ, которыхъ Онъ побилъ, уничтожилъ и опустошилъ посредствомъ римскихъ воиновъ. Ибо и злые называются Божіими воинами, когда посылаются для наказанія другихъ злыхъ, какъ говоритъ пророкъ Давидъ: *посла на ня гнѣвъ ярости своея, ярость и гнѣвъ и скорбь, посланіе ангелы лютыми* (Псал. 77, 49). *Тогда* наконецъ *глагола* царь *рабомъ своимъ: бракъ убо готовъ есть, званіи же не быша достойни. Идите убо на исходища путей, и елицѣхъ аще обрящете, призовите на браки* (— 8. 9). Видишь ли послѣдовательность и порядокъ вещей? Видишь ли точность притчи?— *Тогда глагола:* когда это? Когда Евреи, позванные Апостолами въ царство небесное, не только не восхотѣли слушать ихъ, но поносили ихъ и убивали. Тогда уже послалъ Онъ ихъ во весь міръ, ко всѣмъ языкамъ. *И изшедше*, говоритъ далѣе притча, *раби они на распутія, собраша всѣхъ, елицѣхъ обрѣтоша, злыхъ же и добрыхъ: и исполнися бракъ возлежащихъ* (— 10). Апостолы обошли всю вселенную, проповѣдуя слово Божіе, и собрали въ единство вѣры и боговѣдѣнія всѣхъ тѣхъ, которые послушались ихъ и которые были злы, но преложились отъ злыхъ дѣлъ своихъ и сдѣлались добрыми. *Вшедъ же царь видѣти возлежащихъ, видѣ ту человѣка необолчена во одѣяніе брачное: и глагола ему: друже, како вшелъ еси сѣмо, не имый одѣянія брачна? Онъ же умолча. Тогда рече царь слугамъ: связавше ему руцѣ и нозѣ, возмите его и вверзите во тму кромѣшную: ту будетъ плачъ и скрежетъ зубомъ. Мнози бо суть звани, мало же избранныхъ* (— 11—14). Видишь, что говоритъ Господь? Что на браки собираются тѣ, кои прелагаются отъ зла и дѣлаются добрыми и добродѣтельными; тѣ же, которые

имѣютъ въ себѣ какое-либо лукавство или зло, хотя и входятъ на браки, но извергаются и изгоняются со стыдомъ ангелами, которые здѣсь называются слугами. Тѣ, которые остались сѣдящими за брачною трапезою, суть святые. Впрочемъ я знаю нѣкоторыхъ, которые думаютъ, что подъ неимущимъ одѣянія брачнаго должно здѣсь разумѣть тѣхъ, которые осквернили тѣла свои блудами, прелюбодѣяніями и убійствами, но это не такъ. Всякій‘ оскверненный какою бы ни было страстію и грѣховною склонностію, не имѣетъ одѣянія брачнаго. И что это справедливо, послушай, что говоритъ св. Павелъ: *не льстите себе, ни блудницы, ни прелюбодѣи, ни малакіи, ни мужеложницы, ни лихоимцы* (которые называются и идолослужителями), *ни татіе, ни піяницы, ни досадители, ни хищницы*, (но скажу и отъ себя, ни тѣ, которые имѣютъ ненависть или зависть къ какому-либо брату), *царствія Божія не наслѣдятъ* (1 Кор. 6, 9. 10), и не имѣютъ части и мѣста въ брачномъ торжествѣ Господа нашего Іисуса Христа. Видишь, какъ всякая страсть и всякій грѣхъ оскверняютъ одежду души нашей и изгоняютъ насъ изъ царства небеснаго?

10. Оставимъ же суетныя и безполезныя изысканія и перестанемъ усиливаться узнать то, что выше силъ нашихъ, послѣдуя заповѣди Господа нашего Іисуса Христа, Который говоритъ: *испытайте писанія* (Ін. 5, 39),—испытайте, а не увлекайтесь многою пытливостію и совопросничествомъ. Не вдавайтесь въ изысканіе того, что внѣ Божественныхъ Писаній; но испытайте Писанія, чтобъ познать все о вѣрѣ, любви и надеждѣ. О вѣрѣ,—чтобъ не влаяться всякимъ вѣтромъ, т.-е. чтобъ не колебаться всякимъ чуждымъ еретическимъ ученіемъ, какъ свойственно людямъ неутвержденнымъ и непостояннымъ, но быть твердымъ въ правыхъ догматахъ церкви Апостольской и вселенской, и правильно мудрствовать о пред-

метахъ вѣры; и не это только, но чтобъ познать и научиться, какъ стяжать плодъ вѣры и то благо, которое происходитъ отъ нея чрезъ исполненіе заповѣдей Божіихъ. Когда обрѣтете вы плодъ вѣры, тогда стяжете и надежду твердую и непостыждающую, вмѣстѣ же съ нею стяжете и любовь къ Богу совершенную. Ибо ни одному человѣку невозможно стяжать совершенную любовь къ Богу иначе, какъ только вѣрою чистою и надеждою твердою и несомнѣнною.

Для чего же оставили мы испытывать и изслѣдовать самихъ себя по тѣмъ добродѣтелямъ, о коихъ мы сказали,—изслѣдовать, напримѣръ, имѣемъ ли мы такую вѣру въ Бога, какую имѣть заповѣдуетъ самъ Онъ, имѣющій судить насъ и требовать отъ насъ такой вѣры,—а пытаемся узнать то, что выше силъ нашихъ, мы не знающіе хорошо и того, что находится у насъ предъ глазами? Но какова есть та вѣра, которой требуетъ отъ насъ Богъ и которую имѣть въ Него обязаны всѣ мы? Онъ самъ открылъ намъ объ этомъ въ святомъ Евангеліи, говоря: *иже хощетъ по Мнѣ ити, да отвержется себе, и возметъ крестъ свой, и послѣдуетъ Ми* (Лк. 9, 23). *Аще кто грядетъ ко Мнѣ, и не возненавидитъ отца своего и матерь и жену, и чадъ и братію, и сестръ, еще же и душу свою, не можетъ Мой быти ученикъ* (Лк. 14, 26). И опять: *иже бо аще хощетъ душу свою спасти, погубитъ ю: а иже погубитъ душу свою Мене ради и Евангелія, той спасетъ ю* (Мр. 8, 35),—и еще: *любяй душу свою, погубитъ ю: и ненавидяй души своея въ мірѣ семъ, въ животъ вѣчный сохранитъ ю* (Ін. 12, 25). Слышали, какіе признаки настоящей вѣры? Довольно ли же для васъ сказаннаго, или имѣете нужду, чтобы я напомнилъ вамъ и о другомъ нѣчемъ? Если желаете знать, что Богъ требуетъ отъ насъ такой вѣры, чтобъ мы совершенно никакого попеченія не имѣли о настоящей жизни, но

все упованіе относительно ея возлагали на Него единаго; научитесь сему отъ самого Господа, Который явно возвѣщаетъ: *не пецытеся глаголюще: что ямы, или что піемъ, или чимъ одеждемся* (Мѳ. 6, 31). И мало-по-малу возводя насъ къ совершеннѣйшему, говоритъ: *аще тя кто ударитъ въ десную твою ланиту, обрати ему другую и хотящему судитися съ тобою и ризу твою взяти, отпусти ему и срачицу* (Мѳ. 5, 39. 40). *И отъ взимающаго твоя не истязуй* (Лк. 6, 30). Желая же возвести насъ до крайней мѣры преизбыточества въ вѣрѣ, заповѣдуетъ намъ *любить враговъ нашихъ, благословлять клянущихъ насъ, добро творить ненавидящимъ насъ и молитися за творящихъ намъ напасть* (Мѳ. 5, 44). И другое многое заповѣдуетъ Онъ намъ дѣлать.

Всѣмъ этимъ вопервыхъ обнаруживается, какую вѣру должны мы имѣть въ Бога; а вовторыхъ обнаруживается, что тогда только слѣдуетъ намъ именоваться истинно вѣрными, когда исполняемъ заповѣди Его. Ибо безъ такихъ дѣлъ мертва вѣра наша, и мы еще мертвы. Испытай же, брате, себя самого добрѣ; и если найдешь, что ни въ чемъ сказанномъ не имѣешь недостатка, но все то творишь съ великимъ усердіемъ и теплымъ сердцемъ, то уразумѣешь тогда, что вмѣстѣ съ свѣтомъ вѣры имѣешь ты и непостыждающую надежду; не ту надежду, которая пораждается самомнѣніемъ и тщеславіемъ въ погибающихъ, и каковой надежды прелести и лжи не можетъ познать никто изъ тѣхъ, которые питаютъ ее, но надежду, говорю, добрую, истинную, и которая бываетъ вмѣстѣ съ истиннымъ и необманывающимъ свѣтомъ вѣры, и поверхъ которой узришь ты возсѣдающую, какъ на Херувимахъ, любовь, которая есть Богъ. Когда обрѣтешь ты такимъ образомъ сію любовь и узришь ее, съ тѣхъ поръ и послѣ не захочешь уже много пытать ни о чемъ будущемъ и невидимомъ, даже и другихъ будешь

заставлять не говорить ни о чемъ такомъ, станешь убѣждать ихъ не пытать ни о чемъ изъ этого; и не заводить споровъ и состязаній о томъ, что имѣетъ быть въ другой жизни, поколику самъ ты изъ того своего опыта позналъ, что все будущее и невидимое неизъяснимо и недомыслимо. Если же ты не сдѣлалъ еще того, что можетъ тебѣ первому дать познать, что ты истинно вѣрный христіанинъ,—но по сличенію съ невѣрными, ты—вѣрный, а по сличенію съ вѣрными, совѣстію своею обличаешься, яко невѣрный,—и не имѣешь еще совершенной надежды и удостовѣренія, что имѣешь быть въ числѣ спасенныхъ, и не можешь говорить, какъ говорилъ св. Павелъ: *подвигомъ добрымъ подвизахся, теченіе скончахъ, вѣру соблюдохъ. Прочее соблюдается мнѣ вѣнецъ правды, егоже воздастъ ми Господь въ день онъ, праведный Судія* (2 Тим. 4, 7. 8): то, что пытаешь и спрашиваешь узнать, будутъ ли святые знать другъ друга въ царствіи небесномъ, когда пріидутъ въ созерцаніе Бога, Который выше всего, и будутъ зрѣть Его? Скажи мнѣ, какая тебѣ польза отъ этого изысканія? Желалъ бы я узнать отъ тебя, какую пользу получишь ты, неимѣющій части со Христомъ, но, какъ мы сказали, обличаемый совѣстію своею, что не сохранилъ заповѣдей Его, если узнаешь о покоѣ, славѣ, утѣшеніи и блаженномъ состояніи святыхъ, какого сподобятся они въ царствѣ небесномъ? Навѣрное никакой не получишь пользы, но больше еще навлечешь на себя осужденіе за то, что при всемъ томъ, что позналъ такіе высокіе предметы, презираешь ихъ и не хочешь отбросить самомнѣніе и тщеславіе и стяжать смиреніе. Но спрошу тебя и еще, и ты мнѣ отвѣть спокойно и кротко; если, напримѣръ, какое-нибудь малое дитя, которое не узнало еще первыхъ буквъ азбуки,—если, говорю, такое дитя начнетъ спрашивать истолкованія того, что относится къ грам-

матикѣ и реторикѣ; то какой разумный человѣкъ согласится отвѣчать хоть однимъ словомъ на такіе неразумные вопросы, а не прогонитъ его скорѣе, какъ несмысленное, дѣтски мудрствующее и ищущее безъ толку то, что выше силъ его? Если же справедливо такъ поступить въ этомъ случаѣ, земномъ и ничтожномъ, не тѣмъ ли паче надлежитъ такъ поступить въ отношеніи къ тому, что выше слова, и разума, и всякаго чувства? Впрочемъ если кто и не выучится самъ читать, то ничего нѣтъ страннаго и дивнаго, если, слушая сочиненія, написанныя еллинами, будетъ понимать ихъ, какъ писанныя на его языкѣ, и о предметахъ, не превышающихъ его смысла: ибо слово еллиновъ—для вещей чувственныхъ, и сказанія ихъ суетны и о суетномъ. Но тѣ предметы, о которыхъ ты спрашиваешь, не таковы. Они суть таинства сокровенныя и недомыслимыя, какъ говоритъ Пророкъ Давидъ: *приклони небеса и сниде, и мракъ подъ ногама Его* (Пс. 17, 10). Какой это мракъ? Плоть Господа. Сошелъ Онъ и облекся плотію, какъ облакомъ примрачнымъ. Далѣе говоритъ Пророкъ: *и взыде на Херувимы и летѣ: летѣ на крилу вѣтреню. И положи тму за кровъ Свой* (— — 11. 12).

Видишь ли, что пытаніе твое касается не простыхъ чувственныхъ вещей, но предметовъ божественныхъ, непостижимыхъ, которые не всякимъ удобно понимаются? Если самъ Господь положилъ тьму покровомъ таинъ Своихъ, и потребенъ нѣкій великій свѣтъ Всесвятаго Духа для уразумѣнія сокровенныхъ Его таинъ; то ты, еще не сдѣлавшійся обиталищемъ сего свѣта, какъ пытаешь познать то, что познать силъ не имѣешь, какъ еще несовершенный и непросвѣщенный? Но чтобъ тебѣ не подумалось, что какъ ты сидишь во тьмѣ, такъ и Господь вошелъ во тьму и скрылся (мракомъ покрылся), для того говоритъ еще св. Давидъ: *окрестъ Его селеніе Его*

(— — 12). Селеніе же это св. Павелъ называетъ свѣтомъ: *во свѣтѣ живый неприступнѣмъ* (1 Тим. 6, 16). Впрочемъ оба они, и Пророкъ Давидъ и Апостолъ Павелъ, когда, желая показать, что Божество Его непостижимо, говорятъ одинъ, что *окрестъ Его, селеніе Его*, а другой, что *Онъ живетъ во свѣтѣ неприступномъ*, не то показываютъ, будто Богъ какъ-нибудь ограничивается и описуется, но такое образное употребляютъ выраженіе для пытливыхъ, говоря какъ-бы имъ: о неразумные пытливцы, не думайте, что Господь и Богъ нашъ, вознесшись, вошелъ въ какую-либо тьму и сокрылся. Онъ всегда пребываетъ во славѣ Божества Своего, которая наполняетъ все и есть паче (пространнѣе) всего, въ каковой славѣ Онъ пребывалъ и прежде, чѣмъ произошло все; но да не погибнемъ мы въ конецъ отъ молнійныхъ блистаній Божества Его, положилъ Онъ тьму за кровъ Свой, которая покрыла не Его, а насъ: ибо *Богъ нашъ*, говоритъ Писаніе, *есть огнь поядаяй* (Евр. 12, 29) не праведныхъ, но грѣшныхъ.

Такъ вотъ, возлюбленный, узналъ ты въ немногихъ словахъ божественныя и страшныя таинства вѣры нашей; узналъ, что Богъ сошелъ на землю и опять возшелъ на небеса и положилъ тьму за кровъ Свой. Ибо не подобаетъ прежде будущаго суда Ему явлену быть намъ во славѣ Отца Его, т.-е., въ божественной; но подобаетъ сему быть тогда, когда восхощетъ Отецъ, Который опредѣлилъ тому время, состоящее въ Его власти. Если такимъ образомъ тайны царства небеснаго сокровенны и, по слову Господа, никому не дано знать ихъ, то для чего оставилъ ты дѣланіе заповѣдей Его и пытаешь о тайнахъ, которыя сокрыты отъ всѣхъ людей? Ибо се слышишь Апостола Павла, который говоритъ о семъ: *око не видѣ, и ухо не слыша, и на сердце человѣку не взыдоша, яже уготова Богъ любящимъ Его*

(1 Кор. 2, 9). Но прежде вознесенія Своего на небеса и положенія тьмы за кровъ Свой, Господь далъ намъ заповѣди, какъ нѣкоторыя орудія (мастерскіе инструменты), далъ и вѣру въ Него, какъ нѣкую художницу и мастерицу, чтобъ такимъ образомъ мы были обдѣлываемыми сосудами,—вѣру—художницею, а заповѣди—орудіями, посредствомъ которыхъ вѣра, или всехудожное Слово возсозидаетъ и обновляетъ насъ, когда являемся дѣлателями заповѣдей Его и дѣланіемъ ихъ очищаемся, и преуспѣвая въ семъ, освѣщаемы бываемъ Святымъ Духомъ и получаемъ вѣдѣніе таинъ царства небеснаго. И какъ ни орудія безъ художника, ни художникъ безъ орудій не могутъ сдѣлать никакого сосуда, такъ ни вѣра безъ дѣланія заповѣдей, ни дѣланіе заповѣдей безъ вѣры не обновляютъ и не возсозидаютъ насъ, или не дѣлаютъ новыми изъ ветхихъ. Когда же стяжеваемъ оба сіи сердцемъ нераздвоеннымъ, т.-е. и вѣру и заповѣди, и дѣлаемся для Владыки Христа благопотребнымъ сосудомъ, гожимъ для пріятія духовнаго мура; тогда и Господь, положившій тьму за кровъ Свой, обновляетъ въ насъ благодать Святаго Духа, дѣлаетъ насъ изъ ветхихъ новыми, возставляетъ живыми изъ мертвыхъ, разсѣиваетъ тьму, проводитъ умъ нашъ объ ону страну тьмы оной, и даетъ ему благодать приникать туда и какъбы въ малое нѣкое отверстіе узрѣвать тамъ столько свѣта, сколько видится его въ кругѣ солнца или луны. Такимъ созерцаніемъ онъ научается, или, лучше сказать, просвѣщается и съ убѣжденіемъ познаетъ, что вѣрующіе во Христа и особенно крещеные младенцами, и нечувствующіе въ себѣ дѣйствія благодати Божіей, не могутъ возымѣть даже малой какой части въ неизреченныхъ благахъ Божіихъ инымъ способомъ, кромѣ какъ смиреніемъ сердца, несомнѣнною вѣрою и вседушнымъ произволеніемъ (посвятить себя на служеніе Богу), т.-е., не иначе, какъ если станутъ соблюдать всѣ заповѣди

Божіи, отвергнутся міра и всего, что въ мірѣ, вмѣстѣ и съ пожеланіями своими, охотно и съ радостію станутъ нести всѣ труды и претерпѣвать всѣ искушенія, которыя неизбѣжно испытывать на пути добродѣтели.

Ты же, прочитавшій сіе, изслѣдуй себя самого, не въ возношеніи лжеименнаго знанія внѣшней премудрости и не подъ нагроможденіемъ суетныхъ помышленій, со страхомъ и трепетомъ. И если хочешь узнать, какова твоя жизнь и каково состояніе, спроси душу свою и скажи ей: душа, исполнила ли ты всѣ заповѣди Божіи, или нѣтъ? И она, открывъ уста совѣсти своей, непремѣнно скажетъ тебѣ настоящую истину. Она не станетъ тебя стыдиться, но обличитъ тебя и покажетъ, какія сокровища заложилъ ты въ себя самого, добрыя или худыя. Въ свидѣтельствѣ совѣсти своей ты найдешь, любилъ ли ты міръ, или Бога предпочиталъ міру; искалъ ли ты славы человѣческой, или вожделѣвалъ славы Божіей; и скажу коротко, если всмотришься въ совѣсть свою и перещупаешь тамъ все, какъ въ сундукѣ какомъ, извлекая находящееся тамъ одно за другимъ, — то все узнаешь чисто-на-чисто. Ибо предположи въ умѣ своемъ, что въ сундукѣ совѣсти души твоей находятся—идольчики славолюбія и тщеславія, истуканчики человѣкоугодія, сласти (конфекты) похвалъ человѣческихъ, наряды, притворства и лицемѣрія, сѣмя сребролюбія, и другія многія страсти, однѣ другими покрываемыя. Тогда, перебравъ и пересмотрѣвъ все сіе, ты долженъ будешь сознаться, что худыя набралъ ты себѣ сокровища.— Впрочемъ замѣтить при семъ понуждаюсь, что если поверхъ всего того находится у тебя киченіе и гордость (ибо, какъ говоритъ Апостолъ Павелъ, *разумъ кичитъ*— 1 Кор. 8, 1), а съ киченіемъ неразлучно самомнѣніе, твердящее намъ, что мы значимъ нѣчто, когда есмы ничто,—если, говорю, эти страсти лежатъ у тебя поверхъ

всѣхъ, указанныхъ выше, то нѣтъ тебѣ возможности познать ни ихъ, ни тѣ, которыя подъ ними. И когда сталъ бы кто обличать тебя въ нихъ, ты смѣло отвѣтишь, что ничего такого не видишь въ себѣ, и сколько бы кто ни удостовѣрялъ тебя въ томъ, не повѣришь.

Скажи же мнѣ теперь, — если не вѣришь и не видишь, что на сердцѣ твоемъ лежитъ покровъ прикрывающій такія страсти, и ты естественно не имѣешь желанія снять этотъ покровъ съ сердца своего, чтобъ увидѣть страсти, которыя скрываетъ онъ подъ собою, и затѣмъ сокрушиться о несчастной душѣ своей, восподвизаться надъ очищеніемъ ея, промыть теплыми слезами умныя очи ея и лице, отринуть всякую мудрость и всякое знаніе внѣшнее, и послушавшись Апостола Павла, сдѣлаться буіимъ для міра сего, чтобъ стать мудрымъ во Христѣ,—скажи мнѣ, если все сіе у тебя такъ есть, то какъ стану я возвѣщать тебѣ о Богѣ и божественныхъ вещахъ, сокровенныхъ и невидимыхъ, когда ты находишься въ состояніи такого неразумія и несмыслія? И самъ ты не осудишь ли меня за то, что я дѣлаю дѣло совсѣмъ неподходящее? Ты навѣрное будешь говорить самъ въ себѣ: поистинѣ этотъ человѣкъ безъ толку и смысла, что толкуетъ мнѣ, не расположенному и не умѣющему слушать о таинствахъ, невидимыхъ и недомыслимыхъ не только для всякаго дыханія, сущаго подъ небесами, но и для всякаго творенія сущаго превыше небесъ. Ибо если Ангелы не знали перваго пришествія Господня на землю, не знали, какого рода имѣло оно быть, или когда имѣлъ низойти Господь нашъ, чтобъ содѣлаться человѣкомъ; не тѣмъ ли паче невѣдомо для нихъ, когда имѣетъ быть второе Его пришествіе во славѣ, и каково оно будетъ, и каково то, что имѣетъ Онъ даровать тогда святымъ Своимъ? Что сказанное мною истинно, это подтверждаетъ божественный

Павелъ, говоря: *да скажется нынѣ началомъ и властемъ на небесныхъ церковію многоразличная премудрость Божія* (Еф. 3, 10). А о будущемъ пришествіи Своемъ Господь сказалъ, что тогда *силы небесныя подвигнутся* (Матѳ. 24, 29), т.-е. Ангелы поражены будутъ изумленіемъ, увидѣвъ вдругъ то, чего дотолѣ и не воображали. Если такимъ образомъ силы небесныя не знаютъ, что тогда будетъ; то ты какъ смѣешь утверждать, что тогда святые, сподобясь лицезрѣнія Божія, не будутъ знать другъ друга въ царствіи небесномъ? И ты—другой, противорѣчащій первому и утверждающій, что тогда святые будутъ знать другъ друга, откуда узналъ это? О неразуміе! О неистовство и ослѣпленіе! Не ужасаетесь вы, человѣки? Не дрожите отъ страха?—Вы, обѣ стороны, будете осуждены праведнымъ и нелицепріятнымъ Судіею отъ словесъ вашихъ: тѣмъ, которые говорятъ, что святые тогда не будутъ видѣть и знать другъ друга, но всѣми чувствами своими будутъ зрѣть единаго Бога, будучи соединены съ Нимъ всецѣло, Господь такъ скажетъ: о человѣки! Познали-ль вы Меня? Видѣли-ль свѣтъ Мой? Пріяли-ль Меня внутрь себя? Познали-ль дѣйствія Духа Моего самымъ искусомъ и опытомъ, или нѣтъ? И они,—я въ этомъ увѣренъ,—не посмѣютъ сказать: да, Владыко, мы видѣли Тебя и познали самымъ искусомъ дѣйствія Духа Твоего. Ибо если они скажутъ Ему это, то Онъ отвѣтитъ имъ: но если вы самымъ дѣломъ испытали все это, то какъ же говорите, что не будутъ знать другъ друга тѣ, которые во вѣки будутъ имѣть Меня живущимъ въ нихъ? Азъ есмь Богъ неложный, Богъ истинный, Богъ святый, обитающій во святыхъ Своихъ. Какъ обитаю въ нихъ? Какъ Я во Отцѣ и Отецъ во Мнѣ, такъ и святые во Мнѣ и Я въ нихъ. Какъ Отецъ есть внутрь Меня, и Я опять внутрь Отца Моего: такъ Я буду обитателемъ внутрь всѣхъ свя-

тыхъ, а святые будутъ обитателями внутрь Меня.—Я во Отцѣ Моемъ и Отецъ во Мнѣ; и какъ знаетъ Меня Отецъ, такъ и Я знаю Отца, отсюда явно, что и святые знаютъ Меня, и Я знаю святыхъ, и что такимъ же образомъ святые знаютъ и будутъ знать другъ друга.

Впрочемъ, чтобъ это было явно для самыхъ безчувственныхъ, скажу еще, что будетъ обитать во всѣхъ святыхъ. Итакъ, когда откроются книги совѣсти каждаго человѣка; тогда если не найдется другое что въ сердцахъ и совѣстяхъ грѣшниковъ, то найдется самомнѣніе, или тщеславіе, или зависть, или другое что подобное; если же и не найдется ничего такого, то всячески найдется лѣность и нерадѣніе о дѣланіи заповѣдей Божіихъ, слѣдовательно недостатокъ любви къ Нему. За это омрачатся очи ихъ, чтобъ не видѣть, и будутъ они посрамлены, услышавъ: поелику не сотворили вы одной изъ заповѣдей Моихъ меньшихъ, и презрѣли ее, то Мнѣ не сотворили. Отойдите отъ Меня въ огнь вѣчный, уготованный діаволу и ангеламъ его (Мѳ. 25, 41. 45).—И опять, когда откроются книги совѣсти святыхъ, тогда возсіяетъ въ нихъ Христосъ и Богъ нашъ, обитающій теперь въ нихъ сокровенно, и святые сдѣлаются подобными Ему, Богу вышнему. Откуда это видно? Послушайте самого Христа Спасителя, Который говоритъ: *тогда праведницы просвѣтятся, яко солнце* (Мѳ. 13, 43). О какомъ другомъ времени говоритъ сіе Онъ, если не о времени втораго пришествія Своего? И о какомъ другомъ солнцѣ, если не о Себѣ самомъ, именуемомъ Солнцемъ правды, возсіявающемъ и сіяющемъ во святыхъ Своихъ? Это же явно говоритъ и Іоаннъ наперсникъ Господень: *возлюбленніи, нынѣ чада Божія есмы, и не у явися, что будемъ: вѣмы же, яко, егда явится, подобни Ему будемъ* (1 Іоан. 3, 2). И апостолъ Павелъ: *нынѣ разумѣю отчасти, тогда же познаю, якоже и по-*

знанъ бых (1 Кор. 13, 12). Если такимъ образомъ святые будутъ подобны Богу и познаютъ Бога столько, сколько знаетъ ихъ Богъ, и если какъ знаетъ Отецъ Сына и Сынъ Отца, такъ святые будутъ видѣть и знать другъ друга, даже и тѣ, которые никогда не видали другъ друга въ мірѣ семъ, тамъ познаютъ себя взаимно: то какъ не стыдитесь вы говорить и учить о томъ, чего не знаете, какъ будто разбогатѣвшіе даже такимъ знаніемъ, которое превышаетъ силы наши, и какъ будто отъ Бога поставленные учители? Ибо какъ невозможно, чтобъ Отецъ не зналъ Сына, или Сынъ Отца, такъ невозможно, чтобы святые, содѣлавшіеся богами по благодати, яко имѣющіе живущимъ въ себѣ Бога, не знали другъ друга; но они будутъ видѣть славу одинъ другаго, и каждый собственную свою славу, какъ и Сынъ видитъ славу Отца и Отецъ—Сына. Но какая это будетъ слава святыхъ?—Такая же, какъ и слава Сына Божія. Это самъ Онъ собственными устами открылъ, говоря: *и Азъ славу, юже далъ еси Мнѣ, дахъ имъ, да будутъ едино, якоже и Мы едино есма* (Іоан. 17, 22). Видишь, что и та слава, которая прежде вѣковъ дана отъ Бога и Отца Сыну, та самая слава дана отъ Сына святымъ Его, и всѣ суть во едино?

Итакъ тѣ, которые говорятъ, что святые не будутъ видѣть и знать другъ друга, когда сподобятся лицезрѣнія Божія, поистинѣ во тьмѣ ходятъ, еще не пришли въ общеніе съ Богомъ и не познали истинно Бога, но говорятъ и утверждаютъ то, чего не познали и въ созерцаніе чего никогда не приходили. Они говорятъ, что святые будутъ находиться тогда какъ-бы въ экстазѣ, въ нѣкоемъ восхищеніи, какъ и здѣсь они иногда приходятъ въ такое божественное восхищеніе, и забудутъ и себя самихъ и всѣхъ другихъ, находящихся съ ними. И видно изъ такихъ словъ ихъ, что они худо понимаютъ Божественное Писаніе, когда полагаютъ, что у святыхъ будетъ тогда

такое же измѣненіе и восхищеніе, какое бываетъ у нихъ и здѣсь. Слыша, что когда такой-то святый пришелъ въ созерцаніе Бога, то восхитился умъ его, и онъ столько и столько дней и ночей провелъ, совершенно не помня ничего земнаго, но вмѣстѣ со всѣмъ другимъ забылъ и собственное свое тѣло, пребывая пригвожденнымъ къ созерцанію оному всею душею и всѣми чувствами своими,—слыша, говорю, объ этомъ, они полагаютъ, что нѣчто подобное будетъ и въ другой жизни въ царствіи небесномъ, совершенно не понимая божественныхъ и духовныхъ вещей, и невидимыхъ таинствъ невидимаго Бога, недомыслимыхъ и недоступныхъ знанію непросвѣщенныхъ. Невѣдомо имъ, что такое восхищеніе ума бываетъ не у совершенныхъ, но у новоначальныхъ. Какъ родившійся въ мрачной темницѣ, освѣщаемой слабымъ свѣтомъ малаго свѣтильника, съ трудомъ и неясно видитъ находящееся въ темницѣ его, совсѣмъ не зная, что внѣ темницы той есть свѣтъ солнца и множество другихъ прекрасныхъ вещей и твореній Божіихъ, входящихъ въ составъ видимаго міра; такъ и находящійся еще въ мрачной темницѣ страстей и чувствъ міра сего, если бываетъ просвѣщенъ малымъ нѣкіимъ вѣдѣніемъ (отъ Божественнаго Писанія), съ трудомъ, мало и темновато представляетъ таинства вѣры нашей, а о вѣчныхъ Божіихъ сокровищахъ, о томъ, каковы тѣ блага, которыми будутъ наслаждаться святые въ будущей жизни, совершенно никакого понятія не имѣетъ. И какъ находящійся въ темницѣ,—если среди многихъ проводимыхъ имъ тамъ лѣтъ, какъ-нибудь случайно откроется небольшая трещина въ кровлѣ темницы, и онъ внезапно увидитъ, сколько позволяетъ величина трещины, свѣтъ небесный, котораго никогда дотолѣ не видывалъ и не воображалъ,—вдругъ приходитъ въ изступленіе, и какъ-бы внѣ себя находясь, долгій часъ во всѣ глаза смотритъ вверхъ и дивится

внезапно открывшемуся ему зрѣлищу; такъ и тотъ, кто освободясь отъ узъ страстей и чувствъ, внезапно придетъ въ созерцаніе умнаго свѣта, вдругъ бываетъ пораженъ и объятъ удивленіемъ, и тѣми, которымъ неизвѣстно такое состояніе, почитается вышедшимъ изъ себя, тогда какъ онъ весь сосредоточился въ себѣ умомъ, и изумляется этому свѣтлому видѣнію, котораго сподобился. И опять, какъ находящійся въ темницѣ,—если часто и каждочасно смотритъ въ отверстіе то, отъ долговременнаго пребыванія въ такой свѣтлости, привыкаетъ къ свѣту тому, а вмѣстѣ съ тѣмъ мало-по-малу умаляется его первое великое изумленіе (какъ тоже самое имѣетъ мѣсто и въ насъ въ отношеніи къ солнцу: привыкли мы каждый день видѣть его и думаемъ, что оно—вещь не такая, чтобъ ему отдавать все вниманіе. Но если предположить, что мы, со времени рожденія доселѣ, никогда не видавши солнца, нынѣ только вдругъ увидѣли бы его предъ глазами своими, то конечно отъ великаго изумленія мы вышли бы изъ себя и стали безгласны), такъ и душа, мало-по-малу преуспѣвающая въ духовномъ и привыкающая къ умному свѣту, не поражается уже такъ сильно умнымъ свѣтомъ, какъ это было въ первый разъ; потому что по сему малому видимому ею свѣту заключаетъ, что есть и еще свѣтъ болѣе совершенный. И опять еще, какъ оный, отъ рожденія заключенный въ темницѣ, по причинѣ малаго видимаго имъ свѣта начинаетъ, спустя долгое время, понимать, что дѣйствительно находится въ темницѣ, и что внѣ этой темницы есть дивныя нѣкія вещи, о которыхъ онъ не можетъ составить себѣ представленія, что они такое суть; но когда высвободится и выйдетъ изъ темницы, то видитъ и свѣтъ весь, и все находящееся въ этомъ свѣтѣ; такъ, полагай, бываетъ и съ человѣкомъ, который сначала немного вышелъ

изъ узъ плоти и сталъ внѣ этого міра и всѣхъ видимыхъ вещей.

Представь въ умѣ своемъ, что весь этотъ міръ есть мрачная, безсвѣтная темница, и что свѣтъ нашего солнца есть тоже, что свѣтъ малаго свѣтильника, который слабо освѣщаетъ всѣхъ находящихся въ этой темницѣ, а внѣ его—тріипостасный свѣтъ, высшій всякаго свѣта, всякаго слова и разума, неизреченный, недомыслимый и неприступный, освѣщающій все такое, что невидимо, невѣдомо и неизъяснимо для находящихся въ темницѣ міра сего. (Хотя есть нѣкоторые, которые думаютъ, что понимаютъ то и созерцаютъ, при помощи Божественныхъ Писаній; но есть и такіе,—и не большая ли часть такихъ, которые совсѣмъ не знаютъ, что кромѣ этихъ видимыхъ вещей есть невидимыя и непостижимыя).—Итакъ когда мы со всѣмъ рвеніемъ, со всею вѣрою и любовію взыщемъ не того, чтобы увидѣть тотъ свѣтъ, что внѣ сей темницы міра, и тѣ вещи, что находятся въ томъ свѣтѣ и о томъ мірѣ (ибо никто еще изъ взыскавшихъ таковое не сподобился и никогда не сподобится узрѣть то); но взыщемъ напередъ сохранить заповѣди Божіи, покаяться, сокрушиться и смириться: тогда откроется и для насъ, какъ-бы малое нѣкое отверстіе въ этомъ видимомъ кровѣ небесномъ, а чрезъ него покажется нѣсколько и невещественный оный и мысленный свѣтъ, сущій превыше небесъ,—который какъ только увидитъ душа, вся приходитъ въ восхищеніе, и стоитъ пораженная видѣніемъ сего новаго и преславнаго чуда, никогда невиданнаго ею дотолѣ; будучи же восхищена на небо, нудится пребыть тамъ, углубляясь мыслію въ недомыслимый оный свѣтъ, яко невечерній и непрестающій, и погружаться въ созерцаніе его день и ночь, и желанія уже не имѣетъ опять возвратиться въ темницу міра и смотрѣть на вещи, которыя въ немъ. И вотъ это-то со-

зерцаніе, какъ я сказалъ, есть созерцаніе новоначальныхъ, которые недавно вышли на подвигъ добродѣтелей. Но когда человѣкъ пребудетъ долгое время въ такомъ созерцаніи онаго свѣта, не возвращаясь вспять въ міръ, тогда отверзается ему небо ли, или око сердца его, т.-е. умъ,—не можетъ онъ того сказать опредѣленно,—отверзается, говорю, умъ ли паче, или небо,—и свѣтъ оный входитъ внутрь души его, свѣтъ пресвѣтлый и предивный, и просвѣщаетъ его соразмѣрно съ тѣмъ, сколько можетъ вмѣщать его человѣческое естество, или сколько онъ того достоинъ. Если онъ пребудетъ въ семъ свѣтѣ, то и свѣтъ сей пребудетъ въ немъ, которымъ будучи просвѣщаемъ, онъ будетъ узрѣвать и домышлять таинство за таинствомъ, и чудо за чудомъ, восходя отъ созерцанія къ созерцанію, что все еслибъ кто изъ таковыхъ восхотѣлъ описать, недостало бы ни бумаги, ни чернилъ, и времени, думаю, недостало бы изложить все подробно. Истиннѣе же сказать, какъ можно описать или пересказать то, чего нельзя выразить словомъ, какъ неизреченное и неизглаголанное? Находясь же въ семъ свѣтѣ, или, лучше сказать, съ симъ свѣтомъ, онъ не какъ въ изступленіи бываетъ, но видитъ и себя самого и то, что окрестъ его, т.-е., видитъ, въ какомъ состояніи самъ находится, и въ какомъ состояніи находятся другіе; также онъ предъузнаетъ и предсказываетъ, что когда выйдетъ изъ этой темницы міра и тѣла,—и особенно по воскресеніи, — тогда всеконечно увидитъ и невечерній оный свѣтъ, сколько возможно будетъ ему увидѣть его, и блага, сущія въ немъ, *ихже око не видѣ, и ухо не слыша и на сердце человѣку не взыдоша* (1 Кор. 2, 9). Но поелику онъ узритъ ихъ такъ, какъ они суть уготованы отъ Бога любящимъ Его и ими восприняты; то очевидно, что со вступленіемъ во свѣтъ оный мы не лишимся способности познавать и видѣть другъ друга, но вкусивъ

осіянія онаго и созерцанія свѣта онаго чистѣйшаго, какъ Бога будемъ знать и видѣть, такъ и другъ друга, въ чистѣйшемъ и неизреченномъ веселіи и радованіи во вѣки вѣковъ.

Итакъ тѣ, которые говорятъ, что святые въ будущемъ вѣкѣ не будутъ знать другъ друга, пусть изъ сказаннаго мною убѣдятся въ противномъ. Но еще лучше они сдѣлаютъ, если переставъ пытать неиспытныя тайны, начнутъ самихъ себя испытывать, въ какомъ находятся состояніи. Вы же, которые совсѣмъ не знаете того, о чемъ я говорилъ, и не доспѣли въ чувство, искусъ и созерцаніе свѣта онаго, какъ не трепещете говорить и писать о такихъ таинствахъ?

Если мы отдадимъ отчетъ за каждое праздное слово, то не тѣмъ ли паче будемъ осуждены и наказаны за такія слова? Праздное слово не есть только слово безполезное; но празднымъ (αργος—недѣланнымъ) должно называть и такое слово, которое говоримъ, прежде чѣмъ дѣломъ сдѣлаемъ и искусомъ познаемъ то, о чемъ говоримъ. Если я, не презрѣвши славы міра сего и не отвергши ея отъ всей души, т.-е. когда она губитъ душу мою и лишаетъ меня славы Божіей,—учу другихъ убѣгать ея, то не будетъ ли слово мое праздно, недѣланно, пусто, и не буду ли осужденъ я, какъ лживый? И опять, если я, не пріявши съ сознаніемъ и чувствомъ умной благодати Святаго Духа, не сдѣлавшись наученнымъ отъ Бога чрезъ сію благодать и не сподобившись получить свыше слова премудрости и разума, безъ удержи устремлюсь истолковывать и изъяснять Божественныя Писанія и выступлю въ чинѣ учителя, вооруженъ будучи только одною внѣшнею мудростію, то оставитъ ли Господь это безъ обличенія, не потребуетъ ли отчета въ семъ отъ меня? Конечно, не оставитъ этого такъ. И если угодно, то отъ низшаго и человѣческаго поучись божественному и небесному.

Кто, спрошу тебя, изъ людей, хотя бы онъ всѣхъ превосходилъ мудростію и разумомъ и вѣдѣніемъ законовъ, хотя бы былъ украшенъ всею праведностію и благочестіемъ, осмѣлится самъ собою сѣсть какъ судья между судьями, и, назвавъ себя властнымъ лицемъ, издавать законоположенія для другихъ? Если же и дерзнетъ кто на это, то не будетъ ли постыженъ отъ царя и наказанъ по всей строгости законовъ? Если же никто изъ здравыхъ умомъ, не дерзнетъ оказать такое неуваженіе къ земному царю и не посмѣетъ восхитить его честь и достоинство; то ты, человѣкъ, какъ осмѣливаешься презирать Царя небеснаго и дерзаешь восхищать себѣ учительское достоинство, безъ воли и желанія Его? И дѣлая это, думаешь ли, что Богъ оставитъ это безъ взысканія съ тебя? Нѣтъ, не оставитъ. Но, о Господи! даруй намъ божественную благодать Свою, да вѣдаемъ Тебя, и страхъ Твой спасительный да имѣемъ, и въ волѣ Твоей да пребываемъ, какъ подобаетъ. Васъ же, братіе, прошу, удержитесь отъ излишнихъ изысканій и споровъ, старайтесь же паче очистить себя отъ всякой скверны плоти и духа, покаяніемъ, слезами, смиреніемъ и исполненіемъ всѣхъ заповѣдей, да сподобитесь получить и настоящія и будущія блага—духовныя, въ откровеніи, чувствѣ и созерцаніи,—благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, съ Нимже Отцу и Святому Духу, слава, честь и поклоненіе, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

СЛОВО СОРОКЪ ШЕСТОЕ.

Чрезъ возрожденіе въ божественномъ крещеніи души вѣрующихъ опять оживляются, и пріявъ Духа Святаго, какъ душу души, приносятъ плоды Духа жизни. Которые же плодоприносятъ зло, осуждаются вмѣстѣ съ некрещеными.

Окрещенный божественнымъ крещеніемъ называется

просвѣщеннымъ; а того, кто хотя увѣровалъ во Христа Господа и въ таинство воплощеннаго домостроительства Его, но еще пребываетъ въ чинѣ оглашенныхъ, ученики и учители Евангелія Христова называютъ непросвѣщеннымъ, и творятъ о немъ общія молитвы, прося Господа огласить его словомъ истины вѣры во Христа и открыть ему Евангеліе правды; по какой причинѣ діаконъ и возглашаетъ въ церкви къ вѣрнымъ: вѣрніи о оглашенныхъ помолимся, и проч. Ибо оглашенный хотя увѣровалъ уже во Христа Господа, но вѣрнымъ еще не сдѣлался. Вѣрнымъ собственно называется уже тотъ, кому ввѣряется божественная благодать, и кто пріемлетъ ее; содѣлывается же онъ вѣрнымъ, когда бываетъ просвѣщенъ; а просвѣщенъ бываетъ, когда пріемлетъ божественное крещеніе. Ибо что слышалъ онъ, когда былъ оглашаемъ, въ томъ просвѣщается паче слова, пріемля, при троекратномъ погруженіи, Духа Святаго, и весь преисполняясь божественнымъ свѣтомъ. Притомъ, содѣлываясь въ семъ таинствѣ причастникомъ смерти Христа Господа, онъ дѣлается причастникомъ и Его воскресенія, какъ говоритъ божественный Павелъ. И какъ Христосъ, воскресши, уже не умираетъ, смерть Имъ уже не обладаетъ; такъ и тотъ, кто вышелъ изъ купели богорожденія, т.-е. святаго крещенія, (которая животворитъ, или, лучше сказать, боготворитъ того, кто окрестился), не умираетъ болѣе душевною смертію, грѣхъ имъ болѣе не обладаетъ. Кто окрещенъ Духомъ Святымъ, тотъ еще отъ чрева матери своей, т.-е. святой купели, есть уже безсмертенъ; потому что душа его пріяла истинную жизнь, т.-е. благодать Святаго Духа, и онъ не можетъ болѣе согрѣшать, какъ рожденный отъ Бога. Св. апостолъ Павелъ говоритъ о семъ такъ: *о Немже и обрѣзани бысте обрѣзаніемъ нерукотвореннымъ, въ совлеченіи тѣла грѣховнаго плоти, во*

обрѣзаніи Христовѣ, сопогребшеся Ему крещеніемъ (Кол. 2, 11). *Сіе вѣдяще, яко ветхій нашъ человѣкъ съ Нимъ распятся, да упразднится тѣло грѣховное, яко ктому не работати намъ грѣху. Еже бо умре, грѣху умре единою; а еже живетъ, Богови живетъ. Такожде и вы помышляйте себе мертвыхъ убо быти грѣху, живыхъ же Богови о Христѣ Іисусѣ Господѣ нашемъ* (Рим. 6, 6—12). *Елицы бо во Христа крестихомся, въ смерть Его крестихомся* (— 3). Такимъ образомъ, что для Христа Господа были крестъ и гробъ, то для насъ есть крещеніе; и какъ Христосъ умеръ плотію и воскресъ, такъ и мы умираемъ грѣху и воскресаемъ для добродѣтели силою Божіею: *да якоже воста Христосъ отъ мертвыхъ славою Отчею, тако и мы во обновленіи жизни да ходимъ* (Рим. 6, 4). Итакъ хотя возможно, чтобы, по возрожденіи въ крещеніи, грѣшилъ и вѣрный; но если согрѣшитъ когда-либо вѣрный, то онъ (уже перестаетъ быть вѣрнымъ) изгоняется изъ Церкви и отлучается отъ общенія съ христіанами; и (если желаетъ снова войти въ нее) подвергается церковному наказанію, т.-е. исповѣданію грѣха, съ постыженіемъ, безчестіемъ, слезами и воздыханіями не о томъ только, что согрѣшилъ, но паче о томъ, что согрѣшивши, удалилъ отъ себя божественную благодать, которая опять не такъ легко возвратится къ нему, какъ была дарована во св. крещеніи.

Два есть свѣтила свѣтящія намъ: Богъ—умное солнце, Который даетъ свѣтъ умнымъ очамъ души, да видитъ мысленно невидимую тварь,—и чувственное солнце, которое даетъ свѣтъ чувственнымъ очамъ, да видятъ тварь чувственную. Какъ никто не видитъ, какія мѣста ровны и какія неровны, какія дорожки чисты, и какія засорены, если не взойдетъ и не засвѣтитъ чувственное солнце; такъ никто не видитъ, гдѣ рвы грѣха и гдѣ ровныя стези правды, если не возсіяетъ ему умное Солнце. Итакъ, если най-

дется христіанинъ, который ходитъ стезями грѣха, или всѣми, или нѣкоторыми, то такой—не христіанинъ: ибо христіанинъ есть и именуется просвѣщеннымъ; всякій же, ходящій во свѣтѣ, видитъ рвы и стремнины (и не позволяетъ себѣ падать въ нихъ). Если же не видитъ ихъ и падаетъ, значитъ не имѣетъ свѣта; и потому, какъ же онъ будетъ христіанинъ? Если и говоритъ онъ, что видитъ, но грѣшитъ, будучи обольщаемъ діаволомъ, то лжетъ. Не видитъ онъ добрѣ; но видитъ, какъ видятъ и непросвѣщенные, т.-е. невѣрные. Ибо и они видятъ и различаютъ доброе и злое, и однакожъ не уклоняются отъ злаго, потому что не видятъ чисто, что есть главнымъ образомъ добро, и что есть главнымъ образомъ зло. Итакъ христіанинъ, который не видитъ зла чисто, глазами не засоренными, еще не христіанинъ; и надлежитъ ему подвизаться, воздыханіями и слезами, постами и молитвами войти въ тотъ истинный и совершенный свѣтъ, который просвѣщаетъ всякаго человѣка грядущаго въ міръ. Христосъ Господь затѣмъ и пришелъ въ міръ, чтобы вѣрующимъ въ Него даровать очищеніе и избавленіе отъ грѣховъ. Очищеніе грѣховъ даруетъ Онъ чрезъ святое крещеніе, а избавленіе отъ грѣха даруетъ чрезъ святое причащеніе пречистаго тѣла и пречистыя крови Своея. Ибо Самъ говоритъ: *ядый Мою плоть, и піяй Мою кровь, во Мнѣ пребываетъ и Азъ въ немъ* (Іоан. 6, 56). Кто же пребываетъ со Христомъ, тотъ творитъ плоды добродѣтелей, а не плоды грѣха и беззаконія. Почему, кто послѣ крещенія и причащенія тѣла и крови Христовыхъ не приноситъ добрыхъ плодовъ, тотъ посѣкается, какъ безплодное дерево, и бросается въ огонь. Страшному подлежитъ осужденію не только тотъ, кто недостойно, при нечистотѣ плоти и духа, причащается тѣла и крови Господа (ибо дѣлается за сіе повиннымъ тѣлу и крови Господа); но и тотъ достойно осуждается

и наказуется, кто причащается безъ плода и пользы. По двумъ причинамъ осуждается таковый за свое безплодіе: первая та, что онъ это таинство, столь спасительное и благотворное, показываетъ безплоднымъ и безполезнымъ въ себѣ самомъ, не дѣлая ничего добраго (будто въ укоръ ему); вторая та, что причащается неблагодарно, такъ какъ послѣ того не являетъ никакого благодаренія Богу чрезъ исполненіе заповѣдей Его. Если Христосъ Господь не оставилъ ненаказанными тѣхъ, которые праздное произносятъ слово; не тѣмъ ли паче осудитъ Онъ того, кто столь великое таинство являетъ безплоднымъ (αργον праздным) въ себѣ самомъ? Кто причащается тѣла и крови Христовыхъ, въ воспоминаніе Христа Господа, что Онъ умеръ и воскресъ нашего ради спасенія, тому надлежитъ не только быть чистымъ отъ всякой скверны плоти и духа, чтобъ не вкушать тѣла и не пить крови Господа въ осужденіе себѣ; но должно еще дѣломъ показать, что дѣйствительно воспоминаетъ Христа Господа, умершаго и воскресшаго за насъ, именно тѣмъ, чтобъ являть себя мертвымъ грѣху, міру и себѣ, и живымъ Богови о Христѣ Іисусѣ, Господѣ нашемъ. Но кто послѣ причащенія не приноситъ добрыхъ плодовъ, а напротивъ творитъ грѣхи и неправды, тому мѣсто съ невѣрными, нечестивыми и некрещенными, какъ видно изъ словъ блаженнаго Павла: *колико горшія сподобится муки, иже Сына Божія поправый и кровь завѣтную скверну возмнивъ, ею же освятися* (Евр. 10, 29). Видишь, что есть освященіе? Кто освященъ, тотъ приноситъ плоды Духа Святаго. Но кто вѣруетъ во Христа, и однакожъ еще обладается страстями грѣховными, тотъ пусть поспѣшитъ одуматься, и всякою возревновать ревностію освободиться отъ тиранства сихъ страстей, чтобъ потомъ начать приносить плоды добродѣтели. Ибо прежде надобно очистить

поле души отъ всѣхъ терній, и потомъ посѣять на немъ доброе сѣмя, чтобъ его приняла въ себя чистая и добрая земля и принесла обильные плоды. Если же не сдѣлаетъ онъ этого, но оставитъ тернія расти по прежнему и заглушать плодъ, то какого еще ждетъ онъ времени, чтобы совершить сіе? Спѣши сдѣлать сіе, пока есть день жизни; придетъ ночь смерти, когда никто уже не можетъ дѣлати. Намъ же да даруетъ Господь очиститься отъ всякой скверны душевной и тѣлесной и принесть достойные плоды Духа Святаго, во Христѣ Іисусѣ, Коему слава во вѣки. Аминь.

СЛОВО СОРОКЪ СЕДЬМОЕ.

Не слѣдуетъ никому говорить, что въ нынѣшнее время невозможно всякому, кто захочетъ, взойти на верхъ добродѣтели и подражать древнимъ святымъ.

Каждый день слышу, какъ многіе христіане говорятъ, что еслибъ и мы были во времена Апостоловъ и сподобились видѣть Христа Господа, какъ они, то были бы святы и мы, какъ они. И не знаютъ они, что тотъ, кто говорилъ тогда во время Апостоловъ, Онъ же говоритъ и теперь во всемъ мірѣ. И не только это, но Онъ и въ дѣйствіяхъ Своихъ таковъ же есть и нынѣ, какъ былъ въ оное древнее время, какъ удостовѣряетъ Самъ, говоря, что какъ Отецъ всегда есть въ Сынѣ, такъ и Сынъ во Отцѣ, что какъ Отецъ Мой всегда дѣлаетъ, такъ и Я всегда дѣлаю. Но можетъ скажетъ кто, что совсѣмъ не одно и тоже видѣть самого Христа Господа тѣлесно, какъ тогда видѣли Его Апостолы, и слышать только словеса Его, какъ слышимъ мы теперь и отъ другихъ научаемся всему, что говорится въ евангеліяхъ о Христѣ и царствѣ Его. И я тоже говорю, что совсѣмъ неравно нынѣшнее тогдашнему, но что оно

несравненно больше того, и удобнѣе приводитъ насъ къ совершеннѣйшей вѣрѣ, нежели тогда, какъ видѣли Господа тѣлесно и слышали слово Его. Ибо тогда Господь нашъ являлся человѣкомъ простымъ, смиреннымъ и уничиженнымъ, какимъ и признавали Его неблагодарные іудеи, а теперь Онъ проповѣдуется намъ Богомъ истиннымъ. Тогда обращаясь съ людьми тѣлесно, ѣлъ Онъ съ мытарями и грѣшниками, а теперь сѣдитъ одесную Бога и Отца и питаетъ, какъ вѣруемъ, весь міръ, и не это только, но вѣруемъ и говоримъ, что безъ Него ничто не бываетъ. Тогда уничижали Его самые ничтожные люди, говоря: *не сей ли есть тектонъ, сынъ Маріинъ?* (Мр. 6, 3), а теперь покланяются Ему цари и князи, какъ Сыну истиннаго Бога и Богу истинному, и Онъ прославлялъ и прославляетъ всѣхъ покланяющихся Ему въ духѣ и истинѣ, хотя и наказываетъ иногда ихъ, если согрѣшаютъ, чтобъ сдѣлать ихъ изъ скудельныхъ и немощныхъ желѣзными и крѣпкими паче всѣхъ языкъ, сущихъ подъ небесемъ. Тогда почитали Его, какъ одного изъ людей, тлѣннымъ и смертнымъ, и было велико и дивно, если кто Его, когда Онъ, будучи Богомъ безвиднымъ и невидимымъ, неизмѣнно и непреложно принялъ зракъ раба чрезъ пріятіе тѣла человѣческаго и по всему былъ видимъ какъ человѣкъ, ничего не имѣющій особеннаго отъ всѣхъ другихъ людей,—ибо ѣлъ, пилъ, спалъ, утруждался, потѣлъ и дѣлалъ все человѣческое кромѣ грѣха; было, говорю, велико и дивно, если кто Его такового съ полною вѣрою признавалъ Творцемъ неба и земли и всего, что въ нихъ. Почему, когда Петръ исповѣдалъ: *Ты еси Сынъ Бога живаго*, то Владыка Христосъ ублажилъ его, говоря: *блаженъ еси Симоне, варъ Іона, яко плоть и кровь не яви тебѣ*, т.-е. чтобъ ты, увидя истину, сказалъ такъ, *но Отецъ Мой, Иже на небесѣхъ* (Мѳ. 16, 16. 17). А нынѣ ничего въ

этомъ нѣтъ дивнаго, когда Господь Іисусъ проповѣдуется сущимъ во славѣ. Я даже полагаю, что кто нынѣ, слушая Христа, каждодневно взывающаго къ Нему во святыхъ евангеліяхъ и объявляющаго волю благословеннаго Отца Своего, не повинуется Ему со страхомъ и трепетомъ и не соблюдаетъ того, что Онъ ему заповѣдуетъ; тотъ, еслибъ и тогда былъ, видѣлъ самого Христа и слушалъ Его ученіе, не увѣровалъ бы въ Него, боюсь даже—не сталъ ли бы поносить и злословить Его.

Такъ говорятъ тѣ, которые болѣе оплотенѣли и огрубѣли умомъ; а что говорятъ люди болѣе ихъ благовидные и почтенные? Эти говорятъ, что еслибъ мы жили во времена святыхъ отцевъ, то подвизались бы и мы. Ибо, смотря на добрую ихъ жизнь и подвиги, подражали бы имъ. А нынѣ обращаясь съ лѣнивыми и нерадивыми, и не-хотя сообразуемся съ ними и вмѣстѣ съ ними губимъ себя. Но и они, какъ вижу, не знаютъ, что мы находимся въ болѣе безопасной пристани, чѣмъ святые отцы. Тогда было много ересей, много лжехристовъ, много Христоторговцевъ, много лжеапостоловъ, много лжеучителей, которые, шатаясь по градамъ и весямъ, смѣло сѣяли плевелы лукаваго діавола и многихъ прельщали, опутывая ихъ хитрословесіемъ и увлекая въ пагубу души ихъ. Что это истинно, можете увидѣть изъ житій святаго Антонія, Евѳимія и Саввы. О св. Антоніи пишется, что когда настало гоненіе, то онъ, боясь, какъ бы кто изъ страха не отрекся отъ вѣры, вынужденъ былъ оставить пустыню и, вращаясь среди истязуемыхъ, воодушевлять ихъ своимъ присутствіемъ. Опять и о св. Евѳиміѣ и св. Саввѣ не написано развѣ, сколько они подвизались за вѣру и церковь противъ бывшихъ тогда ересей? И сколько монаховъ было тогда прельщено и увлечено еретиками? Также во время св. Стефана Новаго сколь тяжко и жестоко было гоненіе? Ка-

кая буря и какія волны возмущали тогда не монаховъ только, но и всѣхъ христіанъ? Когда же вспомню о томъ, что было прежде того, во время Василія Великаго, св. Іоанна Златоустаго и другихъ послѣ нихъ святыхъ, то окаяваю себя самого и скорблю о тѣхъ, которые, не подумавши обо всемъ этомъ, говорятъ приведенныя выше рѣчи. Не знаютъ они навѣрное, что все прошедшее время было гораздо хуже настоящаго, преисполнено бѣдъ и сѣтей лукаваго. То правда, что и теперь не мало еретиковъ, волковъ, аспидовъ и змій, вращающихся среди насъ; но они не имѣютъ власти явно нападать на насъ, а скрываются во мракѣ злобы и лукавства своего, и только тѣхъ, которые сами входятъ во тьму ихъ, восхищаютъ и пожираютъ. А тѣмъ, которые ходятъ во свѣтѣ Божественныхъ Писаній и шествуютъ путемъ заповѣдей Божіихъ, они и на встрѣчу выступить не дерзаютъ, и если завидятъ ихъ гдѣ-либо идущими, бѣгутъ отъ нихъ, какъ отъ огня.

Но о какихъ это еретикахъ, думаете вы, говорю я? Объ евноміанахъ? Или аріанахъ? Или духоборцахъ? Или савелліанахъ? Или аполлинаристахъ, или діоскорянахъ?—Нѣтъ, не объ этихъ нечестивцахъ и безбожникахъ говорю я, и не о другомъ комъ изъ прочихъ еретиковъ, которые появлялись какъ тьма, но исчезли отъ блеска свѣтоносныхъ св. отцевъ, въ которыхъ обильно возсіяла благодать Св. Духа и разогнала тьму сказанныхъ ересей, и которыхъ богомудрыя писанія даже донынѣ свѣтятъ паче лучей солнца, и никто не дерзаетъ противорѣчить имъ. Но я говорю о тѣхъ еретикахъ, которые говорятъ, что въ нынѣшнія наши времена и среди насъ никого нѣтъ, кто могъ бы соблюсти заповѣди Евангелія и быть, какъ были святые отцы, воперв ыхъ, вѣрнымъ и дѣятельнымъ: ибо вѣра въ дѣлахъ обнаруживается, какъ въ зеркалѣ является подобіе лица;

а потомъ быть созерцательнымъ или Богозрителемъ, т.-е. зрѣть Бога, чрезъ просвѣщеніе отъ Духа Святаго, или пріявъ Духа, благодатію Его зрѣть Сына со Отцемъ. Такъ тѣ, которые почитаютъ это невозможнымъ, еретики и имѣютъ не одну какую-либо частную ересь, но, можно сказать, всѣ ереси; поколику эта ересь нечестіемъ и богохуленіемъ своимъ превосходитъ и затмеваетъ всѣ другія, и кто говоритъ такъ, извращаетъ всѣ Божественныя Писанія. Мнѣ кажется, что такой тщесловесникъ говоритъ: тщетно нынѣ возглашается святое Евангеліе, тщетно читаются, или даже тщетно написаны творенія Василія Великаго и прочихъ святыхъ отцевъ нашихъ. Ибо если невозможно намъ сдѣлать и соблюсти, что говоритъ Богъ и всѣ святые, которые сперва творили то, а потомъ написали и намъ оставили въ ученіе, то для чего трудились они писать это тогда? Для чего и теперь читается то въ церквахъ? Не очевидно ли, что говорящіе такъ заключаютъ небо, которое отверзъ для насъ Христосъ Господь схожденіемъ Своимъ на землю, и преграждаютъ восхожденіе на небеса, которое обновилъ для насъ тотъ-же Христосъ Господь? Ибо когда сущій надъ всѣми Богъ, стоя горѣ какъ-бы во вратахъ неба, и призирая долу и зримъ бывая вѣрными христіанами, взываетъ чрезъ святое Евангеліе: *пріидите ко Мнѣ вси труждающіися и обремененніи, и Азъ упокою вы* (Мѳ. 11, 28). эти богоборцы, или лучше сказать, антихристы вопятъ: невозможно это, невозможно. Таковыхъ самъ Владыка Христосъ велегласно обличаетъ, говоря: *горе вамъ книжницы и фарисее лицемѣри, горе вамъ слѣпые вожди слѣпцевъ, яко затворяете царство небесное предъ человѣки: вы бо не входите, ни входящихъ оставляете внити* (Мѳ. 23, 13. 24).

Господь явно ублажаетъ тѣхъ, которые плачутъ и проливаютъ слезы нынѣ, въ настоящей жизни; а эти гово-

рять: невозможно нынѣ плакать и проливать слезы каждый день. О безчувствіе! О уста бездверныя, испущающія нечестивые гласы противъ Бога всевышняго и Христа Іисуса Господа нашего и въ уста хищнаго волка, діавола, сталкивающіе овецъ Христовыхъ, за которыя пролилъ пречистую кровь Свою единородный Сынъ Божій! Поистинѣ добрѣ пророчествуетъ о таковыхъ Богоотецъ Давидъ: *сынове человѣчестіи, зубы ихъ оружія и стрѣлы и языкъ ихъ мечъ остръ* (Пс. 56, 5). Скажи же мнѣ, человѣче, почему невозможно каждодневно плакать? А святые чѣмъ другимъ просіяли въ мірѣ и сдѣлались свѣтилами для него? Еслибъ это было невозможно, то и они не возмогли бы это справить; потому что и они были люди, какъ и мы, и ничего особеннаго предъ нами не имѣли, кромѣ добраго произволенія и ревности о всякомъ добрѣ, терпѣнія, смиренія и любви къ Богу. Такъ стяжи себѣ это и ты, и душа твоя, вмѣсто окаменѣлой и ожесточенной, сдѣлается источникомъ слезъ; если же не хочешь сокрушаться и воздыхать, то не говори по крайней мѣрѣ, что это дѣло невозможное. Говорящій такъ отрицается очищенія: ибо отъ вѣка неслыхано, чтобы безъ слезъ очистилась какая-либо душа, согрѣшившая послѣ крещенія: между тѣмъ какъ Богъ, богатно дающій чрезъ святое крещеніе Духа Святаго, отъялъ тѣмъ всякую слезу отъ лица земли. Впрочемъ и во время св. крещенія, какъ читалъ я въ писаніяхъ св. отцевъ, нѣкоторые изъ крещаемыхъ въ зрѣломъ возрастѣ, въ сильное приходили сокрушеніе благодатію Св. Духа и проливали обильныя слезы, не горькія, но сладостныя, не съ трудомъ выжимаемыя, но безъ труда свободно ліющіяся и тихій покой вливающія въ сердце. Тѣ, которые сподобились дѣломъ испытать таковыя слезы, признаютъ истиннымъ, что я сказалъ, и подтвердятъ то, какъ подтверждаетъ свидѣтельство св. Григорія Богослова, ко-

торый, сказавъ: да приноситъ каждый изъ насъ одинъ то-то, другой то-то, и перечисливъ многое, наконецъ взываетъ: „всѣ же—слезы, всѣ чистоту, всѣ восхожденіе горѣ и простертіе въ предняя.“ Итакъ въ словахъ сихъ отдѣлилъ ли Богословъ иныхъ, чтобъ плакали, а иныхъ чтобъ не плакали? И о тѣхъ сказалъ, что имъ возможно, а объ этихъ, что имъ невозможно плакать? Или можетъ быть, какъ вы говорите, что есть такіе, которые естественно жестокосерды и не могутъ приходить въ сокрушеніе и плакать,—не говоритъ ли того же и Великій Григорій?—Да не будетъ. Неестественно человѣку не плакать, не рыдать и не проливать слезъ; ни святый сей или другой кто изъ святыхъ не сказалъ такъ и не написалъ. А что всѣмъ человѣкамъ естественно плакать, да научатъ тебя самые раждаемые младенцы, которые, какъ только выйдутъ изъ матерней утробы и спадутъ на землю, плачутъ и тѣмъ показываютъ, что они живы, а которые не плачутъ, подаютъ мысль, что они не живы. Отсюда видно, что какъ только родится человѣкъ, имѣетъ уже естественно плачъ и слезы. Это говаривалъ и св. отецъ нашъ Симеонъ Студитъ, что человѣку должно съ плачемъ прожить всю настоящую жизнь, съ плачемъ и умереть, если хочетъ спастися и внити въ блаженную жизнь. Плачъ, являющійся тотчасъ, какъ родится человѣкъ, показываетъ, что слезы суть неотлучные спутники настоящей жизни. Какъ ястіе и питіе потребны для тѣла, такъ слезы потребны для души; такъ что если кто не плачетъ каждодневно,—не говорю каждочасно, да не отягчу,—явно показываетъ, что у него душа въ разстройствѣ и гибнетъ, какъ истощаемая гладомъ. Итакъ если, какъ доказано, плачъ и слезы суть спутники человѣческаго естества, то никто да не отрицается отъ сего естественнаго блага; никто да не лишаетъ себя сего блага, по лѣности и нерадѣнію; никто да

не будетъ жесткосердъ по злобѣ и лукавству, и по гордости души, и да не попуститъ себѣ низпасть въ состояніе жестокости камня; но да ревнуетъ всякъ, прошу васъ, со всѣмъ усердіемъ и тщаніемъ держать плачь и слезы, какъ заповѣдь Божію, и хранить ихъ со вниманіемъ въ сердцѣ своемъ, ограждая ихъ тамъ нищетою, смиреніемъ, простотою и незлобіемъ души, терпѣніемъ искушеній и непрестаннымъ поученіемъ въ Божественныхъ Писаніяхъ, каясь всегда и воспоминая свои прегрѣшенія,—и никто да нерадитъ о семъ спасительномъ дѣланіи плача. Если же кто вознерадитъ о семъ, разлѣнясь и отчаясь во спасеніи своемъ, пусть не говоритъ по крайней мѣрѣ, что это невозможно и для тѣхъ, которые ревнивы и тщательны. Говорящій такъ заключаетъ врата царства небеснаго: ибо кто говоритъ, что невозможно плакать и сокрушаться, тотъ явно тѣмъ утверждаетъ, что невозможно и очиститься, а безъ очищенія никто не спасается, никто не ублажается Господомъ, никто не узритъ Бога.

Если же таковы бываютъ послѣдствія для тѣхъ, которые не плачутъ по заповѣди Господа; то какъ же, скажи мнѣ, эта ересь не будетъ худшею всѣхъ другихъ ересей? Но кромѣ того, изъ такого мудрованія слѣдуетъ еще, что и самое воплощенное домостроительство Божіе совершено напрасно и безъ пользы, и проповѣдь апостоловъ безплодна и безполезна, и оглашенія и поученія святыхъ отцевъ, всегда подвигающія насъ къ плачу, тоже по ихнему напрасны. Для тѣхъ, которые такъ мудрствуютъ, все Божественное Писаніе, какъ вижу, стало безполезно. Заткнули они уши свои и стали глухи, какъ аспиды, и все спасеніе свое, какъ думаю, полагаютъ въ одной внѣшней и видимой чинности христіанской, а которые изъ нихъ іереи и монахи,—въ черныхъ рясахъ и камилавкахъ, или даже въ большихъ бородахъ и длинныхъ волосахъ. Величаясь такимъ благообразіемъ, они дерзаютъ

ставить себя и въ число спасенныхъ. Но пусть дерзаютъ, пусть и утѣшаются всѣмъ этимъ, какъ и образомъ своего мудрованія. Нагими предстанемъ мы судищу Христову, *да пріиметъ кійждо, яже съ тѣломъ содѣла, или блага, или зла* (2 Кор. 5, 10). Такъ каждый день велегласно взываетъ къ намъ Божественное Писаніе, хотя они и не хотятъ это слышать. Если же наги предстанемъ мы судищу Христову, то гдѣ тогда будутъ эти облаченія, какими покрываемъ мы теперь и украшаемъ тѣла свои? Гдѣ - эти блестящія рясы? Гдѣ изящныя камилавки? Гдѣ щегольскіе сапоги? Гдѣ разукрашенные пояса? Гдѣ величавыя выступанія? Гдѣ изысканныя привѣтствія? Гдѣ преждевозлежанія на сборищахъ? Гдѣ многорасходныя трапезы? Гдѣ тщеславіе наше, гордыня и властолюбіе? Гдѣ пространныя келліи, убранныя будто покои новобрачныхъ? Гдѣ неукротимые безчинные смѣхи, безвременныя бесѣды и празднословіе? Гдѣ святыня наша, какъ величаютъ насъ и какъ любимъ мы быть величаемы? Гдѣ льстецы, которые величаютъ насъ святыми (говоря: отче святый), и стопы ногъ нашихъ возмущаютъ? Гдѣ чины, изъ-за которыхъ ревемся мы опереживать другъ друга? Гдѣ хвастовство родствомъ и знакомствомъ съ властями? Гдѣ слава мірская и украшеніе титломъ мудреца вѣка сего? Гдѣ риторскій языкъ, изъ котораго какъ изъ источника течетъ цвѣтистая рѣчь? Гдѣ тогда, или лучше сказать, гдѣ теперь мудрецъ, гдѣ книжникъ, гдѣ совопросникъ вѣка сего, чтобъ сѣсть намъ вмѣстѣ и посовѣщаться о томъ страшномъ днѣ и часѣ, все разслѣдовать и разсудить и съ самими собою и съ Божественнымъ Писаніемъ, чтобъ навѣрное опредѣлить, что можетъ помочь намъ тогда, и затѣмъ взяться дѣлать то со всѣмъ усердіемъ и ревностію?

Поистинѣ, братія мои возлюбленные, великая нужда и тѣснота, великій страхъ и трепетъ обыметъ въ тотъ

часъ тѣхъ, которые, подобно мнѣ, бываютъ здѣсь нерадивы и безпечны. Но блаженъ и треблаженъ тотъ, кто теперь считаетъ себя низшимъ всякой твари, смиряется и сокрушается, плачетъ и рыдаетъ дни и ночи предъ Богомъ, потому что онъ въ благоукрашеніи станетъ одесную Его. Блаженъ и тотъ, кто услышавъ о всемъ этомъ, не воздыхать только будетъ, отлагая между тѣмъ исправленіе съ нынѣ на завтра и продолжая безполезно проводить время жизни своей, но какъ только услышитъ Господа призывающаго: покайтеся, тотчасъ полагаетъ начало покаянію. Ибо такой срѣтитъ милость, какъ послушный и благодарный рабъ, и не будетъ осужденъ съ непокорными; но въ настоящей жизни получитъ прощеніе во грѣхахъ, и облекшись силою благодати, препобѣдитъ всѣ страсти и преуспѣетъ во всякой добродѣтели, а въ будущемъ вѣкѣ сподобится неизреченныхъ благъ вмѣстѣ съ благоугождавшими Богу всегда,—которыя улучить и всѣмъ намъ буди благодатію Господа нашего Іисуса Христа, съ Коимъ Отцу и Святому Духу держава, честь и поклоненіе, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

СЛОВО СОРОКЪ ОСЬМОЕ.

Никто да не дерзаетъ думать, что возможно спастись одною вѣрою, безъ дѣланія добрыхъ дѣлъ.

Если желаемъ, братія мои возлюбленные, улучить царствіе Божіе, то надлежитъ намъ имѣть къ тому всякое вниманіе и тщаніе, всякую ревность и подвигъ, и никакъ не думать, что для того, чтобы спастись, достаточно намъ лишь вѣровать въ истиннаго Бога и быть православными христіанами, приводя въ оправданіе такого мнѣнія сказанное Господомъ слово: *иже вѣру имѣтъ и крестится, спасенъ будетъ; а иже не имѣтъ вѣры, осужденъ будетъ* (Мр. 16, 16). Напротивъ сего-то ради наипаче

и должно намъ подвизаться и ревновать о томъ, чтобы ходить достойно званія, въ которое призваны, какъ говоритъ Апостолъ Павелъ, т.-е. дѣлать дѣла достойныя Христа, отъ Коего получили имя и называемся христіанами, зная, что большее получимъ осужденіе, если не смотря на такое наименованіе будемъ жить въ лѣности и нерадѣніи. Посему не думай, брате мой, что спасешься съ одною вѣрою. *Кая польза, аще вѣру кто глаголетъ имѣти, дѣлъ же не имать? Еда вѣра можетъ спасти его?* учитъ св. апостолъ Іаковъ (2, 14). Послушай, что и самъ Господь говоритъ: *Не всякъ глаголяй Ми: Господи, Господи, внидетъ въ царствіе небесное: но творяй волю Отца Моего, Иже есть на небесѣхъ* (Мѳ. 7, 21). Тоже внушаетъ и божественный Павелъ, говоря: *Бога исповѣдуютъ вѣдѣти, а дѣлы отмещутся Его, мерзцы суще и непокориви, и на всякое дѣло благое неискусни* (Тит. 1, 16). Видишь, возлюбленный, какъ невозможно спастись кому-либо съ одною вѣрою безъ дѣлъ? Еслибы спасались одною только вѣрою, то всѣ бы люди спаслись и никто изъ насъ не погибъ бы; потому что нѣтъ человѣка, который бы не вѣровалъ, что есть Богъ. Даже и злые демоны вѣруютъ, что есть Богъ. Слушай, что сами они говорятъ: *вѣмъ Тя, кто еси, Сѧтый Божій* (Мр. 1, 24). И опять въ другомъ мѣстѣ говорили они объ Апостолахъ: *сіи человѣцы раби Бога Вышняго суть, иже возвѣщаютъ путь спасенія* (Дѣян. 16, 17). Видишь, что и бѣсы вѣруютъ, что есть Богъ? И однакожъ эти вѣрующіе, что есть Богъ, осуждены въ геенну огненную за злыя дѣла свои. Итакъ, добра есть вѣра, если стяжешь и дѣла. Иначе, какъ тѣло безъ души бываетъ недвижимо и недѣйственно, такъ и вѣра безъ дѣлъ мертва есть. И послушай, что послѣ приведенныхъ выше словъ,—*кая польза человѣку, аще вѣру глаголетъ кто имѣти, дѣлъ же не имать? Еда можетъ вѣра спасти его?*—говоритъ

св. Іаковъ, братъ Божій: *аще братъ или сестра наги будутъ и лишени будутъ дневныя пищи, речетъ же имъ кто отъ васъ: идите съ миромъ, грѣйтеся и насыщайтеся: не дастъ же имъ требованія тѣлеснаго: кая польза? Такожде и вѣра, аще дѣлъ не имать, мертва есть о себѣ. Покажи ми вѣру твою отъ дѣлъ твоихъ, и азъ тебѣ покажу отъ дѣлъ моихъ вѣру мою* (Іак. 2, 14—18).

Слыша сіе, брате мой, оставь великое нерадѣніе свое и попекись съ вѣрою имѣть и дѣла. Кто имѣетъ вѣру вмѣстѣ съ дѣлами, тотъ лучше даже того, кто творитъ знаменія и чудеса. Ибо какая прибыль и какая польза отъ чудесъ и знаменій для творящаго ихъ, если онъ изгнанъ будетъ изъ царствія небеснаго и наслѣдуетъ геенну съ огнемъ неугасимымъ? Развѣ творящій знаменія можетъ спастися ради только знаменій сихъ и исцѣленій, если не имѣетъ дѣлъ, дѣлающихъ его праведнымъ? Никакъ. И слушай, что говоритъ Господь: *мнози рекутъ Мнѣ во онъ день: Господи, Господи, не въ Твое ли имя пророчествовахомъ, и Твоимъ именемъ бѣсы изгонихомъ, и Твоимъ именемъ силы многи сотворихомъ? И тогда исповѣмъ имъ, яко николиже знахъ васъ: отъидите отъ Мене дѣлающіи беззаконіе* (Матѳ. 7, 22. 23). Видишь, что и тѣ, которые творятъ знаменія и имѣютъ даръ пророчества, никакой отъ того не получатъ пользы безъ дѣлъ?

Кто истинно вѣруетъ, тотъ не станетъ собирать деньги, ибо увѣренъ, что Богъ не оставляетъ безъ промышленія вѣрующихъ въ Него, но имѣетъ о нихъ попеченіе, какъ сказалъ Господь: *вѣсть Отецъ Мой небесный, яко требуете сихъ всѣхъ. Ищите же прежде царствія Божія и правды Его, и сія вся приложатся вамъ* (Мѳ. 6, 32. 33). Кто вѣруетъ, тотъ раздаетъ деньги свои бѣднымъ, ибо увѣренъ, что сторицею за то пріиметъ и животъ вѣчный наслѣдуетъ. Вотъ послушай, что говорится о тѣхъ, которые вѣруютъ истинно: *вси вѣровавшіи бяху вкупѣ, и*

имяху ея обща: и стяжанія и имѣнія продаяху, и раздаяху всѣмъ, егоже аще кто требоваше (Дѣян. 2, 44. 45). И еще: *елицы господіе селомъ или домовомъ бяху, продающе приношаху цѣны продаемыхъ. И полагаху при ногахъ Апостолъ: даяшеся же коемуждо, егоже аще кто требоваше* (Дѣян. 4, 34. 35).

Кто вѣруетъ, тотъ не гордится, но, подражая Господу, притрудно взыскиваетъ смиренія, какъ и Господь. Кто вѣруетъ, тотъ не смѣется, но рыдаетъ и плачетъ о грѣхахъ своихъ: ибо слышитъ, что смѣющіеся въ этой жизни будутъ плакать и рыдать въ будущей. Тѣ, которые вѣруютъ, не бываютъ гнѣвливы и вздорны, но хранятъ кротость, подражая Господу, Который говоритъ: *научитеся отъ Мене, яко кротокъ есмь и смиренъ сердцемъ, и обрящете покой душамъ вашимъ* (Мѳ. 11, 29). Почему и ублажаетъ таковыхъ, говоря: *блажени кротцыи: яко тіи наслѣдятъ землю* (Мѳ. 5, 5). Который вѣруетъ, тотъ ненавидитъ неправду и любитъ правду, потому что Богъ возлюбилъ правду и возненавидѣлъ неправду (Пс 44, 8), и потому что, какъ написано, *любяй неправду ненавидитъ свою душу* (Пс. 10, 5). Которые вѣруютъ, тѣ не только сами не ссорятся между собою, но умиротворяютъ и тѣхъ, которые разсориваются, подражая Господу; потому что и Онъ тоже сдѣлалъ, когда насъ, враговъ сущихъ, примирилъ съ единосущнымъ Отцемъ Своимъ (Кол. 1, 21). Вѣрующій безъ роптанія переноситъ всякое искушеніе, будучи увѣренъ, что за такое терпѣніе получитъ вѣнецъ нетлѣнный, какъ говоритъ Апостолъ Іаковъ, братъ Господень: *блаженъ мужъ, иже претерпитъ искушеніе, зане искушенъ бывъ пріиметъ вѣнецъ жизни, егоже обѣща Богъ любящимъ Его.* (1, 12).

Который вѣруетъ, тотъ не гнѣвается, но долготерпитъ, соблюдая заповѣдь Господа, Который повелѣваетъ совсѣмъ не гнѣваться (Мѳ. 5, 22). Кто вѣруетъ, тотъ

соблюдаетъ цѣломудріе и не оскверняетъ себя ни блудомъ, ни прелюбодѣяніемъ, ни другими нечистотами, но хранитъ чистоту и цѣломудріе: ибо увѣренъ, что оскверняющіе тѣла свои не спасутся, какъ написано: *блудниковъ же и прелюбодѣевъ судитъ Богъ* (Евр. 13, 4). Вѣрующій не противится брату, но всѣмъ служитъ, и не ропщетъ, а пребываетъ въ терпѣніи Божіемъ, вѣруя, что тѣмъ большую получитъ награду, какъ говоритъ и Господь: *иже хощетъ въ васъ вящшій быти, да будетъ вамъ слуга: и иже хощетъ въ васъ быти первый, буди всѣмъ рабъ* (Мѳ 20, 26. 27). Кто вѣруетъ, тотъ не клятвопреступничаетъ и совсѣмъ никакой не произноситъ клятвы устами своими, повинуясь Господу, Который сказалъ: *Азъ же глаголю вамъ не клятися всяко* (Мато. 5, 34). Кто вѣруетъ, тотъ не бываетъ лѣнивъ на молитвы, и не нерадитъ о службахъ церковныхъ, но всегда себѣ внимаетъ и молится непрестанно. Вѣрующій никого не осуждаетъ, вѣруя, что мы всѣ—въ епитиміяхъ, что всѣхъ имѣетъ судить Богъ, и что каковымъ судомъ кто судитъ другихъ, таковымъ и самъ будетъ судимъ.

Кто вѣруетъ, тотъ не идетъ широкимъ и просторнымъ путемъ, ведущимъ въ пагубу тѣхъ, которые имъ идутъ, но идетъ путемъ тѣснымъ и прискорбнымъ, вѣруя, что поскорбѣвши на немъ немного, будетъ вѣчно радоваться съ Господомъ и всѣми святыми. Вѣрующій не любитъ міра, ни вещей мірскихъ, ни родителей или братій, ни жены или дѣтей, ни другаго чего, но любитъ единаго Господа, и взявши крестъ Его, послѣдуетъ Ему. Кто вѣруетъ, тотъ не остается нераскаяннымъ во грѣхахъ своихъ, но если и согрѣшитъ, какъ человѣкъ, кается, сокрушается и плачетъ о грѣхахъ своихъ, стараясь не грѣшить болѣе. Вѣрующій не любитъ гулять и не услаждается винопитіемъ, срамнымъ бражничаньемъ и блудническими свиряніями и пѣснями, но всегда памятуетъ

о смерти, о страшномъ днѣ судномъ, и помня о семъ, молится, постится, отъ всего воздерживается, и прежде смерти поспѣшаетъ приготовиться, какъ отвѣтить и дать отчетъ предъ Царемъ славы.

Вѣрующій любитъ Господа и ненавидитъ всякое зло, Ему противное. Которые вѣруютъ, тѣ не питаютъ вражды и ненависти противъ брата своего, и не воздаютъ зломъ за зло, но любятъ ненавидящихъ ихъ, добро творятъ злотворящимъ имъ, благословляютъ клянущихъ ихъ, сносятъ творящихъ имъ напасть и радуются, когда ихъ поносятъ, не принимаютъ въ счетъ никакого зла, потому что имѣютъ любовь неподдѣльную, чистую, истинную,—какую имѣлъ св. Павелъ, засвидѣтельствовавшій о себѣ: *истину глаголю о Христѣ, не лгу, послушествующей ми совѣсти моей Духомъ Святымъ: яко скорбь ми есть велія, и непрестающая болѣзнь сердцу моему: молилбыхся бо самъ азъ отлученъ быти отъ Христа по братіи моей, сродницѣхъ моихъ по плоти* (Рим. 9, 1—3,)—какую явилъ и пророкъ Моисей, сказавшій къ народу: *вы согрѣшисте грѣхъ великъ: и нынѣ взыду къ Богу, да умолю о грѣсѣ вашемъ. И возвратися Моисей ко Господу и рече: молюся ти, Господи: согрѣшиша людіе сіи грѣхъ великъ и сотвориша себѣ боги златы. И нынѣ аще убо оставиши имъ грѣхъ ихъ, остави: аще же ни, изгладі мя изъ книги Твоея, въ нюже вписалъ еси* (Исх. 32, 30—32). Такое же расположеніе имѣлъ Давидъ; ибо говоритъ: *съ ненавидящими мира бѣхъ миренъ* (Пс. 119, 6). Видишь, какая любовь была у тѣхъ, которые истинную имѣли вѣру?

Кто вѣруетъ, тотъ никакого дѣла не дѣлаетъ съ лицемѣріемъ, но всѣ дѣла свои дѣлаетъ для Господа и какъ предъ Господомъ; ибо къ Нему имѣетъ прикованными очи души своей, и отъ Него единаго вѣруетъ пріяти воздаяніе за дѣла свои. Вѣрующій любитъ тѣхъ, кои

право вѣруютъ въ Господа; а которые неправо вѣруютъ въ Него, тѣхъ отвращается, терпѣть ихъ не можетъ и гонитъ съ глазъ своихъ. Кто вѣруетъ, тотъ не преслушиваетъ божественныхъ словесъ, но какъ вѣрный работникъ Божій, съ готовностію совершаетъ всякое дѣло, ими указуемое. Кто вѣруетъ, тотъ не льститъ и не творитъ зрѣнія на лица, но и бесѣдуетъ и все другое дѣлаетъ по истинѣ и въ правости сердца: ибо вѣритъ тому, что сказалъ пророкъ: *горе глаголющимъ лукавое доброе, и доброе лукавое, полагающимъ тму свѣтъ, и свѣтъ тму, полагающимъ горькое сладкое и сладкое горькое* (Ис. 5, 20). Которые вѣруютъ, не гордятся и не высокомудрствуютъ, увлекаясь похвалами и льстивыми рѣчами, зная, что говоритъ Господь чрезъ пророка: *людіе мои, блажащіи васъ льстятъ вы, и стези ногъ вашихъ возмущаютъ* (Ис. 3, 12). Кто вѣруетъ и ради Господа отвращается отъ міра, тотъ уже не соплетается болѣе ни съ чѣмъ мірскимъ, внимая слову Апостола, который говоритъ: *никтоже воинъ бывая, обязуется куплями житейскими, да воеводѣ угоденъ будетъ. Аще же и подвизается кто, не вѣнчается, аще незаконно подвизатися будетъ* (2 Тим. 2, 4. 5).

Кто вѣруетъ, тотъ не одобряетъ ничего злаго, но даже до смерти стоитъ за Христа и истину, не страшась; поелику тѣ, которые, видя злыя и беззаконныя дѣла. бывающія предъ очами ихъ, спускаютъ имъ, являются подобными тѣмъ, которые творятъ ихъ, и погибнутъ вмѣстѣ съ ними, какъ и первосвященникъ Илій погибъ вмѣстѣ съ беззаконновавшими сынами своими, которымъ потворствовалъ; таковыхъ и пророкъ назвалъ псами безгласными. Кто вѣруетъ, тотъ не любитъ неправо вѣрующихъ, какъ говоритъ Давидъ: *не ненавидящыя ли тя, Господи, возненавидѣхъ и о врагѣхъ Твоихъ истаяхъ? Совершенною ненавистію возненавидѣхъ я:*

во враги быша ми (Пс. 138, 21. 22). Кто вѣруетъ, тотъ всегда говоритъ истину и изъ устъ его не исходитъ никакая ложь; ибо тѣ, которые говорятъ ложь, невѣрные суть и сыны діавола. Кто вѣруетъ, тотъ не лихоимствуетъ, но паче благоутробствуетъ и милуетъ, вѣруя, что милостивые помилованы будутъ, а лихоимцы преданы будутъ во адѣ червю неусыпающему.

Кто вѣруетъ, тотъ не причащается недостойно Пречистыхъ Таинъ, но очищаетъ себя отъ всякой скверны, отъ чревоугодія, отъ злопамятства, отъ дѣлъ злыхъ и словъ срамныхъ, отъ смѣховъ безчинныхъ, отъ скверныхъ помысловъ, отъ всякой нечистоты и отъ всякаго грѣховнаго внутри движенія,—и такимъ образомъ пріемлетъ Царя славы; напротивъ въ тѣхъ, которые недостойно причащаются Пречистыхъ Таинъ, стремительно врывается діаволъ и входитъ въ сердце ихъ, какъ случилось съ Іудою, когда онъ причастился вечери Господней; почему и говоритъ божественный Павелъ: *да искушаетъ же человѣкъ себе, и тако отъ хлѣба да ястъ, и отъ чаши да піетъ: ядый бо и піяй недостойнѣ, судъ себѣ ястъ и піетъ, не разсуждая тѣла Господня. Сего ради въ васъ мнози немощни и недужливи, и усыпаютъ довольни* (1 Кор. 11, 28—30). Кто вѣруетъ, тотъ не оклеветываетъ и не осуждаетъ братій своихъ христіанъ, но паче хвалитъ ихъ, потому что тѣ, которые хвалятъ другихъ, будутъ похвалены святыми ангелами въ царствіи небесномъ; но увы и горе тѣмъ, которые осуждаютъ и поносятъ другихъ, будто злыхъ, потому что они будутъ ввержены злыми бѣсами во тьму кромѣшную, гдѣ будетъ плачъ и скрежетъ зубовъ. Кто вѣруетъ, тотъ идетъ правою стезею заповѣдей Божіихъ, не уклоняясь ни на десно, ни на шуе, и никого не развращаетъ худостію своею; потому что развращающій другихъ хуже діавола; почему и говоритъ Богъ устами пророка Аввакума: *горе*

напаяющему подруга своего развращеніемъ мутнымъ (2, 15)! Кто истинно вѣруетъ, тотъ не устами только и языкомъ вѣруетъ, но сердцемъ, и таковаго дѣла явны бываютъ всѣмъ: *ибо не можетъ градъ укрытися верху горы стояй* (Матѳ. 5, 14). Тотъ, кто вѣруетъ истинно отъ сердца, исполняетъ заповѣди Господни, а кто вѣруетъ на словахъ только, а не сердцемъ, тотъ пустъ бываетъ отъ добрыхъ, дѣлъ. О таковыхъ говоритъ Господь чрезъ пророка: *приближаются Мнѣ людіе сіи усты своими, сердце же ихъ далече отстоитъ отъ Мене* (Ис. 29, 13).

Итакъ, брате мой, когда видишь, что ты обильно богатъ всякаго рода худыми дѣлами, но скуденъ и пустъ добромъ, скажи мнѣ, какъ можешь ты называть себя вѣрнымъ? Въ такомъ случаѣ ты, какъ я думаю, хуже всякаго невѣрнаго; потому что и *языцы, неимущіи закона, естествомъ законная творятъ* (Рим. 2, 14). Почему если вѣруешь, бѣги отъ грѣха, и съ воплемъ возстенай и возплачь, осуждая себя самого, оставь злыя дѣла, въ которыхъ жилъ ты доселѣ, и воспріими подвигъ покаянія и исправленія, чтобъ съ добрыми дѣлами явиться тебѣ предъ Царемъ славы въ оный страшный день суда, въ который воздастъ Онъ каждому по дѣламъ его. Апостолъ говоритъ: *аще кто назидаетъ на основаніи семъ злато, сребро, каменіе честное, дрова, сѣно, тростіе: когождо дѣло явлено будетъ: день бо явитъ: зане огнемъ откры̀вается: и когождо дѣло, яковоже есть, огнь искуситъ. И егоже аще дѣло пребудетъ, еже назда, мзду пріиметъ: а егоже дѣло сгоритъ, отщетится: самъ же спасется, такожде якоже огнемъ* (1 Кор. 3, 12—15). Подумай же, брате, объ ужасно страшномъ таинствѣ семъ, и трепещи изъ-за того, что слышишь. Ибо если всѣхъ людей имѣетъ испытывать огнь, то ты гдѣ тогда явишься? И какъ дерзнешь ты приблизиться къ нему, когда наздалъ въ себѣ такую тяжелую и неудобоносимую

ношу изъ сѣна, и тростія и всякаго другаго худаго вещества? Увы мнѣ! Что буду дѣлать тогда? Эта суходревесная ноша золъ моихъ сгоритъ отъ онаго огня неугасимаго, а я останусь цѣлъ, чтобъ вѣчно горѣть въ ономъ огнѣ вѣчномъ за злыя и лукавыя дѣла мои. Почему, брате мой возлюбленный, принявъ сіе къ сердцу, упреди время, оставь всѣ недобрыя дѣла, какія дѣлалъ ты отъ юности своей, и пробудись отъ сна безпечности и нерадѣнія. Войди въ себя и исправь великіе и безчисленные пороки свои. Изгони грѣховныя и страстныя расположенія. Отбрось отъ себя плотскія сладострастія чрезъ исполненіе заповѣдей Божіихъ, и стяжи чистую и истинную вѣру въ Бога, да будешь достойно увѣнчанъ отъ Него, и сподобишься царствія небеснаго, которое улучить буди всѣмъ намъ благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, Коему слава и держава, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

СЛОВО СОРОКЪ ДЕВЯТОЕ.

О духовномъ вѣдѣніи, и что сокровище Духа сокрыто въ буквѣ Божественнаго Писанія, и явно не для всѣхъ, а лишь для тѣхъ, кои стяжали въ душу свою благодать Святаго Духа.

Духовное вѣдѣніе подобно дому, построенному посреди еллинскаго и мірскаго знанія, въ какомъ домѣ находится, какъ сундукъ какой, крѣпко-на-крѣпко замкнутый, знаніе Божественныхъ Писаній и неизреченное богатство, сокрытое въ семъ знаніи писаній, т.-е. божественная благодать. Этого богатства не могутъ видѣть входящіе въ домъ, если не будетъ для нихъ открытъ сундукъ; сундука же сего открыть невозможно никакою человѣческою мудростію. Почему всѣ люди, мудрствующіе по-мірски не знаютъ духовнаго сокровища, которое лежитъ въ сундукѣ духовнаго вѣдѣнія. И какъ, если кто

подыметъ этотъ сундукъ на плечи, не можетъ еще по одному сему видѣть сокровище, которое внутри его; такъ, если кто прочитаетъ и даже на память заучитъ всѣ Божественныя Писанія, и можетъ прочитать ихъ всѣ, какъ одинъ псаломъ, не можетъ по одному этому постигнуть благодать Святаго Духа, которая сокрыта въ нихъ: ибо ни того, что находится внутри сундука, нельзя обнаружить посредствомъ самаго сундука, ни того, что сокрыто въ Божественныхъ Писаніяхъ, нельзя открыть посредствомъ самихъ писаній.—Какимъ же образомъ это можно, послушай.

Предположи, что ты видишь небольшой сундучекъ, крѣпко запертый отвсюду, и судя по тяжести его и по внѣшней видимой тебѣ красотѣ его, догадываешься, или отъ другаго кого узнаешь, что внутри его находится богатое сокровище; предположи также, что ты схватилъ этотъ сундучекъ на плечи, и убѣжалъ съ нимъ. Спрошу тебя теперь, какая тебѣ отъ него польза, если онъ навсегда останется для тебя запертымъ, и ты не откроешь его и не увидишь во всю жизнь свою сокровищъ его,—ни блеска многоцѣнныхъ камней и маргаритъ, ни золота, что внутри его? Какая тебѣ польза, если ты не ухитришься достать хоть малость какую изъ тѣхъ сокровищъ, и купить себѣ что съѣстное, или изъ одеждъ, а пробережешь тотъ сундукъ всю жизнь запертымъ, какъ мы сказали, и запечатаннымъ, полнымъ великихъ и многоцѣнныхъ сокровищъ, тогда какъ ты умираешь отъ голода, жажды и наготы? Конечно, никакой. Тоже самое, брате мой, бываетъ и въ духовныхъ вещахъ. Сундукъ, скажемъ такъ, есть Евангеліе Христово и прочія Божественныя Писанія, которыя имѣютъ внутри себя сокрытую вѣчную жизнь, и вмѣстѣ съ нею неизреченныя блага небесныя, какъ говоритъ Христосъ: *испытайте писаній, яко вы мните въ нихъ*

имѣти животъ вѣчный (Іоан. 5, 39) Человѣкъ же, который поднялъ сундукъ на плечи, положимъ, изображаетъ того, кто выучилъ на память всѣ Божественныя Писанія, всегда имѣетъ ихъ въ устахъ и хранитъ въ памяти душевной, какъ въ сундукѣ, содержащемъ многоцѣнные камни,—заповѣди Божіи, въ коихъ животъ вѣчный, а вмѣстѣ съ заповѣдями Божіими и добродѣтели, какъ маргариты. Ибо отъ заповѣдей раждаются добродѣтели, а отъ добродѣтелей явными дѣлаются таинства, сокрытыя въ буквѣ писанія. Тогда преуспѣваютъ въ добродѣтеляхъ, когда хранятъ заповѣди; и опять тогда хранятъ заповѣди, когда ревнуютъ о добродѣтеляхъ; а посредствомъ добродѣтелей и заповѣдей открывается для насъ дверь вѣдѣнія, или, лучше сказать, она открывается Іисусомъ Христомъ, Который сказалъ: *имѣяй заповѣди Моя и соблюдаяй ихъ, той есть любяй Мя. И Азъ возлюблю его и явлюся ему Самъ* (Іоан. 14, 21). Такимъ образомъ, когда вселится въ насъ Богъ и откроетъ намъ Себя завѣдомо (знательно, осязательно), тогда и мы прозримъ къ вѣдѣнію, т.-е. уразумѣемъ дѣйственно тѣ божественныя таинства, которыя сокрыты въ Божественныхъ Писаніяхъ. Другимъ же какимъ-либо способомъ достигнуть сего невозможно. И пусть никто себя не обманываетъ, думая, что открылъ иначе какъ этотъ сундучекъ вѣдѣнія и вкусилъ благъ, кои внутри его, т.-е. достигъ причастія ихъ и созерцанія ихъ.

Но какія это блага, о коихъ я здѣсь поминаю?—Совершенная любовь къ Богу и ближнему, презрѣніе всего видимаго, умерщвленіе плоти, плотскихъ членовъ, которые на земли, и срамной грѣховной похоти; такъ чтобы, какъ мертвый ни о чемъ не помышляетъ и ничего не чувствуетъ, такъ и мы не помышляли совершенно ни о какомъ злѣмъ похотѣніи, и не чувствовали никакого насильственнаго и властнаго давленія на насъ

грѣха, искушающаго насъ, но помнили бы только заповѣди Спасителя нашего Іисуса Христа, безсмертіе и нетлѣніе, славу непрестающую, жизнь вѣчную, царство небесное, и всыновленіе, полученное нами чрезъ новое рожденіе отъ Духа Святаго, въ коемъ (рожденіи) содѣлались мы сынами Божіими и богами по благодати, наслѣдниками Божіими и сонаслѣдниками Христовыми,— помнили бы также, что съ сими благами стяжали мы и умъ Христовъ, или духъ Христовъ и благодать Св. Духа, и имъ (умомъ) познали Бога и самого Христа, обитающаго въ насъ и спествующаго намъ въ насъ. Итакъ тѣ, которые, слыша заповѣди Божіи, творятъ ихъ, сподобляются богатно получить всѣ эти неизреченныя блага, подаемыя ради того (творенія заповѣдей), посредствомъ открытія сказаннаго сундучка или посредствомъ отверстія умныхъ очей душевныхъ и узрѣнія того, что сокрыто въ Божественныхъ Писаніяхъ.

Другіе же, которые не познали того, о чемъ мы сказали и не испытали того дѣломъ, тѣ не вкусили еще сладости и жизни безсмертной, какую имѣютъ божественныя словеса, и хвалятся лишь знаніемъ, и надежду спасенія своего полагаютъ въ одномъ изученіи Божественнаго Писанія, и въ томъ, что знаютъ его на память. Такіе по смерти будутъ осуждены паче тѣхъ, кои совсѣмъ не слышали писанія,—и особенно тѣ изъ нихъ, которые заблуждаясь по невѣдѣнію, извращаютъ смыслъ Божественнаго Писанія и толкуютъ его по похотямъ своимъ, желая оправдать самихъ себя, будто то-есть и безъ точнѣйшаго соблюденія заповѣдей Божіихъ можно спастись. Для нихъ недоступна сила Божественныхъ Писаній.—И праведно.—Ибо какъ можно то, что сокрыто и запечатано, что незримо и недовѣдомо для всѣхъ людей и что открывается только Духомъ Святымъ и только такимъ образомъ будучи открываемо узрѣваетъ-

ся и познается нами,—какъ можно постигнуть это или познать посредствомъ ученія (научно), или даже помыслить о томъ - тѣмъ, которые сами о себѣ говорятъ, что ни разу не ощутили присутствія Духа Святаго, и не знаютъ, что такое есть просвѣщеніе или осіяніе Его, коими свидѣтельствуется обитаніе Его въ насъ? Какъ возможно понять сіе тѣмъ, которые ни разу не сознали въ себѣ никакихъ проявленій, которыя удостовѣряли бы, что въ нихъ совершилось возрожденіе, возсозданіе, обновленіе и измѣненіе, бывающее отъ Духа Святаго? Да и какъ возможно познать измѣненіе, совершающееся въ окрещенныхъ Духомъ Святымъ, тѣмъ, которые еще не окрестились Духомъ Святымъ? Или какъ возможно видѣть славу рожденныхъ свыше, то-есть отъ Бога, тѣмъ, которые не родились свыше? И тѣмъ, которые послѣ того, какъ, по слову Іоанна Богослова, получили область чадами Божіими быти, не восхотѣли пребыть такими чадами, но по нерадѣнію потеряли и самую благодать святаго крещенія, - скажи мнѣ прошу тебя,—какъ возможно понять разумно, или хоть мало-мальски представить, въ какую божественную духовную славу вступили сподобившіеся содѣлаться чадами Божіими? Богъ есть Духъ невидимый, безсмертный, неприступный, недомыслимый, и тѣхъ, кои родятся отъ Него, дѣлаетъ такими же, подобными, т.-е., Отцу, родившему ихъ. Они хотя по тѣлу всѣмъ видимы и всѣми знаемы бываютъ, но по духу познаются только отъ Бога, какъ и Бога они только знаютъ, какъ слѣдуетъ;—или лучше сказать, они же лаютъ быть знаемыми и зримыми только отъ Бога, къ Коему устремлены всѣмъ желаніемъ и всею любовію и Коего умно зрятъ непрестанно.

Употребимъ и другое сравненіе. Какъ плохо научившіеся грамотѣ и неупражнявшіеся въ чтеніи не могутъ читать такъ, какъ тѣ, которые и грамотѣ научились

хорошо, и долго упражнялись въ чтеніи, такъ и тѣ, которые не хотѣли исполнять дѣломъ заповѣдей Божіихъ, не могутъ удостоиться узрѣть откровеніе Духа Святаго, наравнѣ съ тѣми, которые подвизались въ дѣланіи заповѣдей и достигли полнаго въ семъ совершенства, проливъ даже за нихъ и кровь свою. И какъ тотъ, кто взялъ бы въ руки книгу, закрытую и запечатанную, не можетъ увидѣть, или узнать, что въ ней написано, хотя бы обладалъ всею мудростію міра, такъ и тотъ, у кого, мы сказали, все Божественное Писаніе въ устахъ, не можетъ понять и постигнуть таинственную и божественную славу и силу, сокрытую въ немъ, если не будетъ исполнять заповѣдей Божіихъ и не сподобится получить Утѣшителя, Духа истины, Который бы раскрылъ предъ нимъ слова Божественнаго Писанія, какъ книгу, и показалъ ему таинственно славу, которая внутри ихъ,—при этомъ же показалъ бы силу и блага Божіи, сокрытыя въ нихъ, вмѣстѣ съ вѣчною жизнію, преисполненною тѣхъ благъ, которыя сокрыты и невѣдомы для всѣхъ нерадивыхъ презрителей заповѣдей Божіихъ.—И достойно сокрыты.—Ибо такъ какъ они прилѣпили всѣ чувства свои къ суетѣ мірской, пристрастились къ обманчивымъ благамъ настоящей жизни и омрачились чрезъ то умомъ своимъ; то и не могутъ вознестись горѣ, чтобъ помышлять о мысленной красотѣ неизреченныхъ благъ Божіихъ.

Какъ тотъ, у кого болятъ глаза, не можетъ сносить свѣта лучей солнечныхъ, и еслибы сталъ принуждать себя смотрѣть на нихъ, потерялъ бы и этотъ малый свѣтъ очей своихъ, и совсѣмъ бы ослѣпъ; такъ и тотъ, у кого болятъ очи душевныя, т.-е., у кого умъ омраченъ мірскими и плотскими вещами и чувства всѣ страстны, не можетъ смотрѣть на тѣлесную красоту и благообразіе нестрастно, безъ вреда и ущерба для души своей,

и если станетъ смотрѣть и замедлитъ умомъ въ помышленіи о красотѣ той, то потеряетъ и тотъ малый міръ помысловъ, тотъ покой и тишину срамной похоти, какія имѣлъ прежде, чѣмъ началъ смотрѣть на ту красоту, когда не докучали ему злые помыслы и срамное похотѣніе. Таковый не можетъ даже и сознать, что онъ боленъ. Еслибъ онъ увѣрился, что болитъ душею, будучи исполненъ страстей; то конечно подумалъ бы, что есть другіе здравые душею, и можетъ быть иногда осудилъ бы себя за это, потому что самъ былъ причиною немощей своихъ, и началъ бы заботиться о томъ, какъ бы избавиться отъ этихъ немощей. Но какъ онъ всѣхъ другихъ почитаетъ такъ же страстными и больными, какъ и самъ; то и не думаетъ отставать отъ нихъ, говоря, что нѣтъ возможности, чтобъ кто-нибудь сталъ выше ихъ. Такъ и умираетъ несчастный въ страстяхъ, потому что никогда не доходилъ до желанія избавиться отъ такого зла. Еслибы пожелалъ, могъ бы, такъ какъ получилъ на это силу отъ Бога. Ибо которые крещены во имя Его, тѣ совлекаются прежняго растлѣнія грѣховнаго, какъ ветхой одежды, и облекаются во Христа, обновляясь къ жизни по Нему и содѣлываясь сынами Божіими по благодати.

Но, братіе мои, да не будетъ и намъ быть похожими на тѣхъ, которые имѣютъ такую худую славу, и находятся въ такомъ жалкомъ состояніи, потому что совсѣмъ оземленились и стали какъ запущенное поле, полное терній. Да будетъ же намъ послѣдовать Христу Господу, за насъ умершему, и воскресшему и вознесшему человѣческое естество на небеса,—жить по образу жизни Христа, Который есть для насъ образецъ, и соблюдать заповѣди Его, очистившись напередъ отъ скверны грѣховной посредствомъ покаянія, исповѣданія грѣховъ, и снова облекшись въ свѣтлое одѣяніе Духа Свя-

таго во Христѣ, Богѣ нашемъ, Коему слава во вѣки вѣковъ. Аминь.

СЛОВО ПЯТЬДЕСЯТОЕ.

1. Не должно съ нерадѣніемъ проходить дѣланіе заповѣдей Божіихъ, но должно подвизаться соблюсти ихъ всѣ.
2. Искушенія надобно переносить великодушно.

1. Апостолъ Христовъ Іаковъ, братъ Божій, говоритъ въ посланіи своемъ: *иже весь законъ исполнитъ, согрѣшитъ же во единомъ, бысть всѣмъ повиненъ* (Іак. 2, 10). И опять блаженный Павелъ говоритъ: *подвизаяйся отъ всѣхъ воздержится.* А чтобы еще яснѣе представить это, св. Петръ прибавляетъ: *имже бо кто побѣжденъ бываетъ, сему и работенъ есть* (2 Петр. 2, 19). Такъ что, братія мои, кто порабощенъ хоть одной страсти, даже самой малой, тотъ явно обладается ею и не можетъ повиноваться заповѣди Господней, ее запрещающей. Ибо какъ возможно, чтобы слушался Христа тотъ, кто имѣетъ надъ собою другаго господина? Да и почему бы намъ самимъ не додуматься до истины, выраженной въ Апостольскихъ словахъ, убѣждаясь въ ней тѣмъ, что видимъ глазами своими? Ибо видимъ, что тѣ, которые плаваютъ по морямъ, не говорятъ: ну, теперь мы миновали всякую бѣду, хотя проплыли уже столько и столько миль; потому что нерѣдко у самой пристани набѣгаетъ внезапно буря и подвергаетъ крайнимъ опасностямъ и бѣдамъ; но тогда уже говорятъ, что благополучно совершили плаваніе свое, когда войдутъ въ пристань и ступятъ на твердую землю. Равно и тѣ, которые путешествуютъ по сушѣ, имѣя въ виду достигнуть до какого-либо города, не говорятъ, что избавились уже отъ всякихъ бѣдъ, когда успѣютъ переѣхать такую-то рѣку, или такую-то гору, или миновать такихъ-то разбойни-

ковъ; ибо можетъ случиться, что нападутъ на другаго какого убійцу, или на какого-либо звѣря, и убиты будутъ, или встрѣтятъ еще рѣку глубокую и утонутъ въ ней. Даже когда уже избавятся, съ помощію Божіею, отъ всякаго искушенія и всякой смертной опасности и приближатся къ городу, и тогда не могутъ еще сказать, что благополучно совершили путь свой; потому что если, миновавъ столько опасностей, зазѣваются и перестанутъ спѣшить, затворятъ ворота города, и они останутся внѣ,—и не знать еще, что можетъ случиться съ ними до завтрашняго дня.

Представь себѣ теперь, что этотъ городъ есть царство небесное, ночь—смерть каждаго, завтрашній день—второе пришествіе Христово, которое есть день суда. Итакъ кто не постарается достигнуть царствія небеснаго и внити въ него, пока находится въ настоящей жизни, и въ то время, какъ выдти душѣ его изъ тѣла, окажется находящимся внѣ сего царствія,—найдетъ на него ночь, т.-е., смерть, — и не знать, что будетъ съ нимъ въ завтрашній день, т.-е., въ день суда,—позволятъ ли, или не позволятъ ему войти въ градъ Царя великаго.

Также и о сернѣ, или оленѣ, или другомъ какомъ животномъ не говорится, что они избѣжали бѣды, когда убѣжали отъ того или этого охотника, или пса, или не попались въ тѣ или другія сѣти; потому что, можетъ быть, они еще попадутся въ руки другаго какого охотника, или попадутъ въ другія сѣти. — Представь себѣ опять и здѣсь, что охотники суть бѣсы, псы ловчіе — лжеучители, которые кусаютъ и раздираютъ лживыми словами овецъ Христовыхъ и предаютъ ихъ въ руки охотниковъ, т.-е. демоновъ. А подъ сѣтями разумѣй лукавые и срамные помыслы, которые опутываютъ души услаждающихся ими, и влекутъ ихъ къ сосложе-

нію съ ними; и когда доведутъ до сего, вяжутъ ихъ туго, такъ что нѣтъ силъ изгнать эти срамные помыслы изъ ума, но они неотвязно толпятся въ немъ, возбуждаютъ щекотанія и движенія плотскія, разжигаютъ скверную похоть и погружаютъ въ тину грѣха.

Итакъ надлежитъ, сколько силъ есть, избѣгать всякаго грѣха и творить всякую добродѣтель, и хранить со всею ревностію всѣ заповѣди Божіи, не презирая ни одной, даже малѣйшей. Кто говоритъ: мнѣ когда бы хоть не сдѣлать такого то большаго зла и не впасть въ такой-то великій грѣхъ, а такой-то и такой-то маленькой грѣшокъ — ничего, тотъ очевидно не любитъ заповѣдей Божіихъ и готовъ нарушить всякую изъ нихъ. Представь себѣ, что человѣкъ есть какъ-бы какой многоцѣнный сосудъ, составленный изъ всѣхъ святыхъ добродѣтелей, — изъ вѣры, страха Божія, смиренія, молчанія, послушанія даже до смерти, отсѣченія своей воли, всегдашняго покаянія и сокрушенія, непрестанной молитвы, строгаго храненія очесъ, безпристрастія, равной ко всѣмъ любви, нелюбостяжанія, цѣломудрія, упованія на Бога, совершенной любви и всѣхъ другихъ добродѣтелей, которыя раждаются отъ этихъ. Каждая изъ нихъ есть какъ-бы часть какая сосуда того, то золотая, то серебряная, то мѣдная, то соотвѣтствующая камню драгоцѣнному, и всѣ онѣ подобныя разнымъ высоко-цѣнимымъ вещамъ, которыя, бывъ соединены, согласованы другъ съ другомъ и сочетаны Духомъ Святымъ, составляютъ того человѣка, какъ сказали мы, сосудъ избранъ, и благопотребенъ, въ который влагается, какъ новое вино, благодать Христова. Скажи мнѣ теперь, если будетъ недоставать одной какой изъ тѣхъ добродѣтелей, изъ которыхъ устроился этотъ сосудъ, то благоугодно ли будетъ Богу вложить въ него какой-либо изъ даровъ Святаго Духа, хотя бы дира, образуемая недостаткомъ

той добродѣтели, была очень незначительна? Конечно, не будетъ благоугодно. Потому что, что бы ни было влито въ такой сосудъ, мало-по-малу все вытечетъ въ сказанную малую диру.

Какъ же мы думаемъ о себѣ самихъ, что мы сосуды совершенные и цѣлые и что имѣемъ въ себѣ Духа Святаго, какъ нѣкое сокровище, тогда какъ у насъ есть только немного добрыхъ дѣлъ, и тѣ раздѣлены одно отъ другаго грѣхами, добродѣтелей же очень многихъ недостаетъ у насъ, потому что мы не позаботились стяжать ихъ дѣланіемъ заповѣдей Христовыхъ? Поистинѣ, какъ говоритъ св. Павелъ, мы осуетились помышленіями своими и омрачилось неразумное наше сердце,—и, глаголющеся быти мудри, мы объюродѣли (Рим. 1, 22). Между тѣмъ о себѣ и подобныхъ ему тотъ-же божественный Павелъ взываетъ, говоря: *Богъ рекій изъ тмы свѣту возсіяти,—возсія въ сердцахъ нашихъ. Имамы же сокровище сіе въ скудельнихъ сосудѣхъ* (2 Кор. 4, 6. 7). Сосудами называетъ онъ тѣла наши, какъ можно видѣть изъ другаго его слова: *или не вѣсте, яко тѣлеса ваша храмъ живущаго въ васъ Святаго Духа суть?* (1 Кор. 6, 19)? Скудельными же онъ ихъ назвалъ, чтобъ показать немощь естества нашего. Но эти скудельные сосуды, по причинѣ непобѣдимой силы сокровища, т. е. Духа Святаго, въ нихъ находящагося, несокрушимо прочны и тверды. Почему въ слѣдъ за симъ и прибавляетъ Апостолъ: *да премножество силы будетъ Божія, а не отъ насъ* (2 Кор. 4, 7). Этимъ вотъ что хочетъ онъ сказать: не думай, брате, что ты хранишь сущее въ тебѣ сокровище, напротивъ сокровище хранитъ тебя. Благодать Божія, сущая въ тебѣ, уготовала тебя въ сосудъ честный, благоугодный Богови. И то дивно, что если начнутъ сокрушать сей сосудъ, не мы, но враги наши, то и сокровище не разольется, и сосудъ сдѣлается еще болѣе крѣпкимъ и безопаснымъ,

по дѣйствію на него сокровища, потому что сокровище есть Богъ. Объ этомъ опять тотъ-же Апостолъ говоритъ: *вся могу о укрѣпляющемъ мя Іисусѣ* (Фил. 4, 13).

Соблюдается же сокровище сіе въ насъ, какъ сказали мы, точнѣйшимъ соблюденіемъ всѣхъ заповѣдей, и, будучи соблюдаемо, насъ самихъ блюдетъ всесторонне невредимыми, непревратными и неподвижными, по человѣколюбію, могуществу и благодати своей. И если иной разъ случится намъ, какъ немощнымъ и легкопадательнымъ, сдѣлать малое какое опущеніе въ томъ, что лежитъ на насъ, какъ долгъ, или нѣсколько погрѣшить, сокровище это тотчасъ насъ возвращаетъ къ себѣ, тѣснѣе соединяетъ съ собою и восполняетъ допущенный ущербъ или недостатокъ, насъ же самихъ дѣлаетъ болѣе твердыми и безопасными. Почему прошу васъ, возлюбленные мои во Христѣ братія, представляйте Богу самихъ себя всегда чистыми отъ всякаго грѣха, и неотступно пребывайте въ храненіи всѣхъ спасительныхъ заповѣдей Его. Ибо тогда Сынъ Божій и Богъ-Слово, всепремудрый оный художникъ, взявши всѣ эти заповѣди, какъ какое вещество (матеріалъ) изъ золота, серебра и драгоцѣнныхъ камней, соединитъ ихъ всѣ вмѣстѣ и съ ними уготовитъ насъ въ сосуды чѣстные и благопотребные. Почему никакъ не подобаетъ иныя заповѣди исполнять, а иныя оставлять неисполненными, или, исполнивъ всѣ заповѣди, являться предъ Владыкою Христомъ презорливыми нерадивцами объ одной какой либо, чтобъ Онъ, разгнѣвавшись за эту одну, не бросилъ и тѣхъ всѣхъ вмѣстѣ съ нами и не приказалъ выгнать насъ вонъ изъ Своего чертога. Но если мы постраждемъ это, то послѣ уже ничто не будетъ намъ въ пользу, и какъ много ни стучали бы мы въ дверь, взывая: Господи, Господи, отверзи намъ, Онъ скажетъ намъ: отойдите отъ Меня (о страшное слово!). Я не признаю васъ за вѣрныхъ, потому что вы не вѣрили сло-

вамъ Моимъ, не повиновались даже до смерти повелѣніямъ Моимъ, и не соблюдали заповѣдей Моихъ; потому отойдите отъ Меня!

Знаю, братіе, что я, бѣдный, первый услышу такія слова, какъ не соблюдшій ни одной заповѣди Бога моего; потомъ услышатъ ихъ тѣ, которые, какъ и я, суть непокоривые преслушники заповѣдей Божіихъ, тѣ, которые несмысленно говорятъ: мнѣ когда бы хоть не соблудить, а поклясться—ничего; мнѣ когда бы хоть не впасть въ прелюбодѣяніе, а украсть малую монету, или кусокъ хлѣба какой грѣхъ? Далѣе тѣ, которые говорятъ: блаженъ бы я былъ, когда хоть не впалъ бы въ срамное и нечистое мужеложство, а брань, игры и пѣсни—не грѣхъ. Равнымъ образомъ и тѣ, которые думаютъ о себѣ, что они ангелы Божіи, потому что чисты отъ плотскихъ грѣховъ, и высокое о себѣ имѣя мнѣніе, гордятся непомѣрно, будто совершенные, а между тѣмъ никакой заботы не имѣютъ о добродѣтеляхъ душевныхъ и о страстяхъ, небрегутъ и о всѣхъ прочихъ заповѣдяхъ Христовыхъ и не нудятъ себя исполнять ихъ, но всякое дѣло, сколько-нибудь трудное, пропускаютъ и отъ всякихъ лишеній устраняются, хотя безъ этого нельзя бываетъ исполнить заповѣди, и вообще ведутъ жизнь безпечную. Что пользы, братіи мои, если кто воздерживается отъ блуда и отъ всякой другой плотской нечистоты, а между тѣмъ славолюбивъ и сребролюбивъ? Ибо блудъ разстлѣваетъ тѣло, а славолюбіе и сребролюбіе растлѣваютъ душу. И не только это, но по слову Господа, слава человѣческая и славолюбіе дѣлаютъ насъ даже невѣрными. *Како можете вы*, говоритъ Господь нашъ, *вѣровати, славу другъ отъ друга пріемлюще, и славы, яже отъ единаго Бога, не ищете* (Іоан. 5, 44)? Что пользы человѣку, если онъ чистъ отъ мужеложства, но завидуетъ и ненавидитъ брата своего? Ибо ненависть къ брату дѣлаетъ убійцею того, кто се имѣетъ. Ибо *всякъ*,

ненавидяй брата, человѣкоубійца есть (1 Іоан. 3, 15), говоритъ св. Апостолъ. И по священнымъ канонамъ одна и таже епитимія положена какъ для мужеложника, такъ и для убійцы, и если не покаются, оба равно осуждены будутъ на вѣчное мученіе. Какая также польза, если кто не пьянствуетъ, но потомъ поноситъ брата своего, когда, какъ говоритъ св. Павелъ, въ томъ или другомъ порокѣ виновные равно изгоняются изъ царствія небеснаго? *Не льстите себе*, говоритъ онъ, *ни блудники... ни піяницы, ни досадители... царствія Божія не наслѣдятъ* (1 Кор. 6, 9. 10). Скажи мнѣ еще, что пользы отъ поста, когда недостаетъ кротости? И что пользы отъ кротости, когда она соединена съ нарушеніемъ заповѣди? Ибо какъ тотъ, кто ударяетъ обратно того, отъ кого получилъ ударъ, безчеститъ Бога, Который сказалъ: *аще кто тя ударитъ въ десную твою ланиту, обрати ему и другую* (Мѳ. 5, 39): такъ и тотъ, кто, являя кротость, молча переноситъ, когда слышитъ хулу на Бога, грѣшитъ противъ Бога, потому что дѣйствуя такъ, онъ является сообщникомъ того, кто хулитъ Бога. Что также ты много надѣешься на послушаніе, когда порабощенъ чревоугодію? Ибо невозможно, чтобы рабъ чрева былъ истиннымъ рабомъ Божіимъ. Что хвалишься долгимъ стояніемъ за чтеніемъ Псалтири и другихъ молитвъ, когда при этомъ умъ твой блуждаетъ туда и сюда, и ты не понимаешь того, что читаешь? И особенно если, ради такого читанія Псалтири, нерадишь о лежащемъ на тебѣ послушаніи или служеніи братіямъ: ибо конечно ты слышалъ, что говоритъ Божественное Писаніе: *проклятъ всякъ творяй дѣло Божіе съ небреженіемъ* (Іер. 48, 10). Что много надѣешься на тѣлесныя добродѣтели, въ которыхъ подвизаешься съ трудомъ и злостраданіемъ, когда нерадишь о душевномъ дѣланіи? Не слышишь ли, что говоритъ св. Павелъ: *тѣлесное обученіе вмалѣ есть полезно, а благочестіе на*

все полезно есть? (1 Тим. 4, 8). Или какую получитъ пользу тотъ, кто исправляя оба дѣланія, и тѣлесное и душевное, осуждаетъ однакожъ братій своихъ? Ибо Господь говоритъ: *Имже судомъ судите, судятъ вамъ: и въ нюже мѣру мѣрите, возмѣрится вамъ* (Мѳ. 7, 2). И тотъ опять, кто исправляетъ все сказанное, не дѣлаетъ ничего запрещеннаго и братій своихъ не осуждаетъ, но во время искушенія, когда случится ему потерпѣть непріятность, поношеніе и уничиженіе, не переноситъ того безъ смущенія, или когда смутится отъ того сердце его, не подавляетъ сего смущенія, и хотя не выпуститъ слова неподобнаго, показываетъ однакожъ внѣшнимъ видомъ лица своего, что душа его подвиглась на гнѣвъ, или другимъ какимъ образомъ устрояетъ отмщеніе за себя,— какъ дерзнетъ таковый называть себя рабомъ и подражателемъ Христу, а не напротивъ врагомъ Его?

2. Тѣ, которые суть настоящіе други Божіи, любятъ Его, и имѣютъ Его въ себѣ, какъ нѣкое сокровище благъ неистощимое, принимаютъ такія поношенія и безчестія со всякою радостію, и любятъ отъ чистаго сердца, какъ благодѣтелей, тѣхъ, которые причиняютъ ихъ имъ. Но тѣ, которые говорятъ: во время брани и мы, какъ человѣки, подвигаемся на серчаніе и гнѣвъ, и иной разъ дѣлаемъ отмщеніе братіямъ нашимъ словомъ, или и дѣломъ, но послѣ не держимъ на нихъ вражды, но все забываемъ и оставляемъ, особенно когда испросимъ другъ у друга прощеніе,—такіе похожи на неписанную хартію, на которой врагъ нашъ діаволъ, какъ только найдетъ время, пишетъ, чрезъ нихъ же самихъ, свои скверныя и злыя повелѣнія. Потомъ они это, написанное ими по внушенію діавола, изглаждаютъ; однакожъ вмѣсто этихъ повелѣній діавола, не вписываютъ заповѣдей Христовыхъ, чтобъ діаволъ, пришедши, нашелъ хартіи сердецъ ихъ исписанными и со стыдомъ удалился, какъ

побѣжденный. Но каждый изъ нихъ оставляетъ, по нерадѣнію своему, хартіи сердецъ своихъ неписанными, и когда Господь пошлетъ написать на сердцахъ ихъ повелѣнія Свои, они тотчасъ со всею ретивостію пишутъ тамъ велѣнія врага, т.-е. принимаютъ горькія и смертоносныя хотѣнія діавола, а животворныя и паче меда сладкія внушенія Божіи отгоняютъ отъ себя. Для того и заушеніе претерпѣлъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ и Богъ, никоего грѣха не сотворившій, чтобъ грѣшники подражали Ему, и чрезъ то не только получали отпущеніе грѣховъ, но и дѣлались общниками Божества Его, за такое повиновеніе Ему. А кто не послушается Его и не снесетъ заушенія съ сердечнымъ смиреніемъ. нѣкоторымъ образомъ какъ-бы стыдясь подражать страстямъ Христовымъ, того постыдится и Христосъ Господь предъ ангелами и Отцемъ Своимъ небеснымъ.

А что я говорю, вотъ что есть. Онъ, будучи Богъ, содѣлался ради насъ человѣкомъ, претерпѣлъ заушенія. оплеванія и крестъ, и такими страданіями, какія претерпѣлъ Онъ, безстрастный по Божеству, научаетъ насъ нѣкоторымъ образомъ и говоритъ каждому изъ насъ: если хочешь ты, человѣкъ, обрѣсти животъ вѣчный и быть вмѣстѣ со Мною, смирись и ты для Меня, какъ смирился Я для тебя, и, отложивъ гордое и діавольское свое мудрованіе, прими ударенія по ланитамъ, оплеванія и заушенія, и не постыдись претерпѣть все сіе до смерти. Если же постыдишься ты пострадать ради Меня и заповѣдей Моихъ, какъ Я пострадалъ ради тебя; то и Я сочту стыдомъ имѣть тебя съ Собою во второе пришествіе Мое, когда приду со славою многою, и скажу ангеламъ Моимъ: этотъ постыдился смиренія Моего, и не захотѣлъ оставить славы человѣческой, чтобъ уподобиться Мнѣ. Теперь же, когда онъ погубилъ тлѣнную славу, а Я прославился безмертною славою Отца Мо-

его, стыжусь и Я даже смотрѣть на него; изгоните его вонъ. Да возьмется нечестивый, и да не видитъ славы Господни!... Вотъ что услышатъ тѣ, которые повидимости исполняютъ заповѣди Христовы, но, стыда ради человѣческаго, не стерпѣваютъ поруганій, безчестій, заушеній и ранъ, когда слѣдовало бы претерпѣть ихъ за заповѣди Господни. Ужаснитесь и вострепещите, людіе, слыша сіе, и съ радостію претерпѣвайте страсти, какія претерпѣлъ Христосъ для спасенія нашего. Богъ заушается отъ какого-нибудь ничтожнаго раба, чтобы дать тебѣ примѣръ побѣды, а ты не хочешь принять заушеніе отъ подобострастнаго тебѣ человѣка? Стыдишься, человѣче, подражать Богу? Какъ же тебѣ соцарствовать и спрославиться вмѣстѣ съ Нимъ въ царствѣ небесномъ, если не потерпишь того же? Еслибы Онъ захотѣлъ послѣдовать твоему правилу и устыдился содѣлаться человѣкомъ ради тебя, тогда и не знать, что бы такое было.

Вѣришь ли ты, что Христосъ есть Богъ? Да, говоришь, вѣрю. Если вѣришь, что Христосъ есть Богъ, Который сотворилъ небо и землю, и на землю сошелъ изъ нѣдръ Отчихъ, отъ безпредѣльной высоты Божества и отъ неизреченной славы Его, и содѣлался человѣкомъ смиреннымъ и бѣднымъ ради тебя; но какъ же ты, пыль и прахъ, не хочешь снизойти съ своего воображаемаго высокаго трона и отъ не-сущей славы своей, чтобъ смириться предъ братомъ своимъ, который повидимости будто стоитъ низко, но можетъ быть есть несравненно выше тебя по добродѣтелямъ? Стыдишься бѣдности и ветхихъ рубищъ его, будучи одѣтъ въ богатыя одѣянія? Но не пора ли и тебѣ презрѣть ихъ, такъ какъ они воистину суть посмѣшище и обличеніе внутренней срамоты, а не слава свѣтлая? Не хочешь во всемъ уподобиться Творцу своему и Богу, смиряясь вмѣстѣ съ братіями своими? Но если тебѣ не угодно содѣлаться по-

добнымъ Христу, то явно, что ты дѣлаешь себя, хоть и не зная того, большимъ и славнѣйшимъ Его, являешься для нихъ какъ-бы другой Анна, или Каіафа, или Пилатъ: ибо не хочешь, чтобъ Творецъ всяческихъ былъ сопрестоленъ тебѣ, но хочешь, чтобъ Онъ предстоялъ тебѣ, какъ какой-нибудь осужденникъ.

Это сказано къ богатымъ и знатнымъ, которые, ставя себя выше другихъ, высоко поднимаютъ брови свои и въ гордости презираютъ другихъ. Но что сказать намъ къ бѣднымъ, или къ тѣмъ, которые, повидимому, оставили все и сдѣлались нищими царствія ради небеснаго? Вотъ что скажемъ! Се, брате, содѣлался ты нищимъ, подражая Владыкѣ Христу и Богу. Содержи же въ мысли, что съ тобою Христосъ, что съ тобою сожительствуетъ Тотъ, Кто есть превыше всѣхъ небесъ. Представь же себѣ теперь: вотъ вы идете вмѣстѣ оба, и кто-нибудь, встрѣтясь съ вами на пути настоящей жизни, ударилъ Владыку твоего въ ланиту, ударилъ и тебя. Владыка Христосъ не прекекаетъ, тебѣ же умѣстно ли противиться? Если скажешь, что и Христосъ тому, кто ударилъ Его въ ланиту, сказалъ: *аще злѣ глаголахъ, свидѣтельствуй о злѣ, аще ли добрѣ, что мя біеши* (Іоан. 18, 23)? то знай, что Господь Іисусъ сказалъ сіе не съ тѣмъ, чтобъ противиться, какъ ты думаешь: но поелику Онъ *грѣха не сотвори, ниже обрѣтеся лесть во устѣхъ Его* (1 Петр. 2, 22), то и сказалъ такъ, чтобъ не подумали, что рабъ тотъ право ударилъ Его, какъ погрѣшившаго и виновнаго. Вотъ для чего Онъ сказалъ это слово,— для того, чтобъ показать, что Онъ неповиненъ. Мы же съ тобою конечно не таковы, т.-е. не безгрѣшны, мы напротивъ каждодневно грѣшимъ и виновны во многихъ прегрѣшеніяхъ. Христосъ Господь въ началѣ страданій сказалъ такъ; но послѣ все терпѣлъ, что было гораздо хуже этого, и не видно, чтобъ сказалъ гдѣ что-либо про

тивъ; напротивъ видно, что молилъ и просилъ Бога и Отца Своего простить тѣхъ, которые распяли Его. – Брате! Христосъ не негодовалъ, когда надъ Нимъ издѣвались, а ты изнемогаешь? Тотъ терпитъ заушенія, заплеванія и биченіе, а ты слова жесткаго не можешь стерпѣть? Тотъ подъемлетъ крестъ, смерть поносную и раздирающую боль отъ гвоздей, а ты не принимаешь и послушанія, кажущагося тебѣ унизительнымъ? Какъ же думаешь ты быть общникомъ славы Его, когда не хочешь быть общникомъ поносной смерти Его? Поистинѣ всуе подвизаешься ты, если не хочешь истинно взять на себя креста Христова, какъ Онъ повелѣлъ. Христосъ Господь юношѣ оному, а слѣдовательно и всѣмъ намъ, сказалъ: *иди, елика имаши, продаждь, и даждь нищимъ: и пріиди, ходи въ слѣдъ Мене, вземъ крестъ* (Мр. 10, 21). А ты богатство свое можетъ быть и раздалъ бѣднымъ, но креста подъять на себя не хочешь, не хочешь т.-е. охотно переносить искушенія, какія встрѣчаются тебѣ; потому и остался ты одинъ на пути настоящей жизни, отдалившись, къ несчастію своему, отъ Владыки и Бога своего. Но прошу тебя, брате мой, будемъ соблюдать всѣ заповѣди Христовы и терпѣть находящія искушенія даже до смерти, по желанію царства небеснаго, чтобы, сдѣлавшись общниками страстей Христовыхъ, содѣлаться общниками и славы Его, причастниками жизни вѣчной и наслѣдниками неизреченныхъ благъ, во Христѣ Іисусѣ Господѣ нашемъ, Коему слава во вѣки вѣковъ. Аминь.

СЛОВО ПЯТЬДЕСЯТЪ ПЕРВОЕ.

Надлежитъ человѣку прежде пріять силу отъ Христа чрезъ святое Крещеніе, и тогда браться за исполненіе заповѣдей: ибо св. Крещеніе дѣлаетъ крещаемыхъ или совсѣмъ неподвижными, или труднодвижимыми на зло, равно какъ и второе крещеніе покаянія. Также какими надлежитъ быть священникамъ.

Кто говоритъ другому: то дѣлай, а этого не дѣлай, говоритъ конечно человѣку, который можетъ то сдѣлать, а это не сдѣлать. Но кто говоритъ это къ такому, который не можетъ ни того ни другаго, тотъ не всуе ли говоритъ такія слова? Сказалъ Господь ученикамъ Своимъ: *шедше научите вся языки, крестяще ихъ во имя Отца и Сына и Святаго Духа*. Итакъ первое, что дано, это есть очищеніе и сила чрезъ святое Крещеніе. И потомъ уже говоритъ Господь: и *учаще ихъ блюсти вся, елика заповѣдахъ вамъ* (Мѳ. 28, 19. 20). Итакъ всякій, кто, не укрѣпившись прежде силою св. Крещенія, возьмется творить заповѣди Христовы, всуе будетъ трудиться. И кто тому, кто не укрѣпленъ силою св. Крещенія, повелѣваетъ исполнять заповѣди Христовы, буй есть и слѣпецъ. Ибо прежде надлежитъ его укрѣпить въ духѣ благодатію Христовою, очищающею душу чрезъ св. Крещеніе, и тогда уже давать исполнять и заповѣди. Ибо какъ возможно, чтобы земля, исполненная терній и волчцевъ, пріявъ чистое сѣмя, не заглушила его? Но божественное Крещеніе Христово имѣетъ великую силу—тѣхъ, которые не крещены и удободвижны на зло, дѣлать неподвижными на зло, какъ только окрестятся. Или если и не дѣлаются они тотчасъ такими неподвижными, но всячески дѣлаются неудободвижными. Это и есть знаменіе силы, какая пріемлется отъ св. Крещенія. Оно дѣлаетъ ихъ еще удободвижными на добро, какъ-бы

ангелами, сильными крѣпостію, творящими волю Божію (Пс. 102, 20). По сей же причинѣ Христосъ Господь даровалъ и божественную кровь Свою, чтобъ вѣрующіе въ Него причащались ея, и чрезъ то дѣлались причастными божественнаго естества, какъ причащающіеся Божіей крови и потомъ, какъ уже божественные и имѣющіе крѣпость божеской силы, чтобъ жительствовали по совершенному закону Евангелія Христова и творили волю Божію, какъ сильные крѣпостію. Если теперь вѣрующій во Христа и исповѣдающій Его, послѣ того, какъ укрѣпленъ сталъ такою силою и получилъ возможность творить законъ Христовъ, презритъ его и не станетъ жить по волѣ Божіей, то да вѣдаетъ таковый, что онъ отрекся отъ Христа, какъ, по слову Апостола, *Сына Божія поправый и кровь завѣтную скверну возмнившій* (Евр. 10, 29).

Если же какіе, послѣ св. Крещенія и Причащенія божественнаго тѣла и крови Христовой, бываютъ еще удободвижны на зло и не являются сильными крѣпостію на то, чтобы творить волю Божію, то явно, что они не увѣровали еще во Христа, какъ слѣдуетъ вѣровать. Имъ надлежитъ прибѣгнуть къ архіереямъ, іереямъ и духовнымъ мужамъ, исповѣдаться и отъ всей души покаяться во всѣхъ грѣхахъ своихъ, и особенно въ этомъ ихъ великомъ невѣжествѣ, что не имѣютъ совершеннаго познанія о таинствахъ христіанства, не знаютъ, въ чемъ состоитъ вѣра, и что вообще долженъ знать всякій христіанинъ, какъ христіанинъ; послѣ сего имъ надобно сдѣлать оглашеніе, чтобъ познали слово вѣры и все необходимое, какъ мы сказали, и начали вѣровать во Христа какъ слѣдуетъ; наконецъ прочитать надъ ними разрѣшительную молитву съ возложеніемъ рукъ, и тѣмъ завершить восполненіе недостававшаго въ нихъ. Когда такимъ образомъ открыто будетъ имъ Евангеліе правды, они получатъ

духовное чувство, чтобъ восчувствовать и понять принятую ими умную благодать Христову, которая какъ-бы пріосѣнитъ тогда душу ихъ, дѣлая ее сокрушенною и смиренною и вселяя въ нее спасительный страхъ Божій. Это и служитъ всегда началомъ добраго пути и путеводствомъ для тѣхъ, которые воспріемлютъ наконецъ жизнь о Христѣ, какъ слѣдуетъ. Тогда уже пусть причастятся они достойно и пречистаго Тѣла и Крови Христовой, да будутъ божескаго общники естества. Бывъ освящены такимъ образомъ, не будутъ уже они болѣе преобладаемы грѣхомъ, какъ прежде: ибо въ томъ и освященіе, что христіанинъ дѣлается сильнымъ крѣпостію на то, чтобы творить волю Божію, и сего ради получаетъ наименованіе вѣрнаго христіанина, какъ такой, которому ввѣрена благодать Христова и который силою сей благодати живетъ въ духѣ Христовомъ. Другимъ образомъ и возможности нѣтъ сдѣлаться и быть христіаниномъ.

Но кто, получивъ силу жительствовать по закону Христову, предается нерадѣнію и не творитъ воли Божіей, со стороны того требуется великое удовлетвореніе чрезъ понесеніе должнаго наказанія (церковной эпитиміи), чтобъ исправленіе его соотвѣтствовало мѣрѣ грѣха его; при чемъ потребно изліяніе столькихъ слезъ, сколько было воды въ купѣли, въ которой онъ крестился; потребно также усердно умолять Господа, да продлитъ ему жизнь, чтобъ имѣть время уврачеваться и не умереть неуврачеваннымъ и не пойти за то въ муку вѣчную. Ибо кто можетъ поручиться, что смерть подождетъ, пока онъ уврачуется? Здѣсь въ этой жизни только умѣстны врачевательныя эпитеміи. Здѣсь надобно на потребное время не допускать такого до святаго Причастія, отлучать или отдѣлять его отъ Христа и отъ общенія и сообращенія съ прочими христіанами. Здѣсь потребны рыданія, стенанія, посты, бдѣнія и прочія злострадантя тѣлесныя, и не иначе, какъ

послѣ такихъ трудовъ сподоблять его Пречистыхъ Таинъ. И такое удовлетвореніе требуется отъ него совершенно праведно; такъ какъ онъ не сохранилъ божественнаго таинства, разумно принятаго. О такомъ грѣхѣ никто не можетъ сказать, что онъ меньше грѣха Адамова. Адамъ, еслибъ зналъ, что Богъ обитаетъ внутри его, никакъ не восхотѣлъ бы вкусить отъ древа познанія и преступить заповѣдь Божію. Но онъ какъ только созданъ былъ, такъ и получилъ благодать Божію, а не былъ прежде лишенъ благодати сей, чтобъ получивъ ее потомъ знать и чувствовать, что паки воспріялъ Бога: почему и не зналъ, что Богъ въ немъ. А этотъ прежде крещенія былъ нагъ отъ Христа, и облекся въ Него уже чрезъ святое Крещеніе, какъ говоритъ св. Павелъ: *елицы во Христа крестистеся, во Христа облекостеся* (Гал. 3, 27). Всякая душа тотчасъ, какъ окрестится человѣкъ, принимаетъ въ духѣ благодать Христову, по коей тотчасъ воображается въ ней Христосъ. Но крещенные младенцами не чувствуютъ освященія, получаемаго въ Крещеніи; потому что такое чувство освященія есть умное дѣло, а младенцы еще несовершенны умомъ, чтобъ разумѣть принятую благодать. Почему съ продолженіемъ времени они мало-помалу измѣняются и переходятъ на сторону худа; и благодать св. Крещенія въ иныхъ погасаетъ и совсѣмъ теряется, а въ иныхъ сохраняется малая ея искра, отъ которой потомъ великая сія милость опять въ нихъ воспламеняется, если прибѣгнутъ къ духовнымъ отцамъ и покаются, какъ мы сказали, примутъ оглашеніе, возстановятъ вѣру, какъ слѣдуетъ, и возуповаютъ на Бога. Въ таковыхъ скоро опять возгарается Божія благодать и явныя даетъ о себѣ свидѣтельства. Послѣ этого, если они съ усердіемъ и ревностію станутъ подкладать подъ нее рукояти (связки дровъ) смиренномудрія и милостивости, то въ нихъ возгорится пламя великое и просвѣ-

тить даже окружающихъ ихъ: смиренномудрія,—помышляя и чувствуя, что испытываемое ими не есть плодъ ихъ собственныхъ усилій, а даръ Божій; милостивости,—убѣждаясь, что сподобленный такой милости долженъ и самъ быть милостивъ, и дѣйствительно являя ее ко всѣмъ другимъ.

Если же нѣкоторые изъ тѣхъ, которые пріявъ и второе крещеніе покаянія чрезъ воспріятіе ангельскаго образа, и сдѣлавшихся монахами, не чувствуютъ въ духѣ божественной и всемощной силы Всесвятаго Духа, ими полученной, потому что отъ нихъ отступила благодать полученная ими при воспріятіи ангельскаго образа, какъ отступаетъ и благодать св. Крещенія отъ тѣхъ, которые крещены младенцами, какъ мы сказали, вслѣдствіе чего они оказываются удободвижными на зло, какъ были и прежде; то тщетна вѣра ихъ, тщетно и ихъ второе крещеніе покаянія: ибо и священныя одѣянія ангельскаго образа возлагаются на нечувственныхъ и мертвыхъ духомъ, которые не чувствуютъ пріемлемой благодати. Удостовѣреніе въ дѣйственности спасенія одно,—это духовное чувство благодати Всесвятаго Духа, даруемой отъ Бога ради вѣры духовной силѣ ума. Такую благодать Святаго Духа сподобляются получить во время крещенія тѣ, которые вѣруютъ во Христа,—иные, чтобъ творить знаменія и чудеса, большая же часть, чтобъ быть неподвижными на зло и легкодвижными на добро, и всеусердно съ радостію и веселіемъ проходить богоугодную жизнь. Таковъ чинъ у вѣрующихъ во Христа.

Но да внимаемъ добрѣ, чтобъ не случилось быть внѣ сего чина кому-либо изъ діаконовъ, или іереевъ, или духовныхъ отцевъ и руководителей душъ христіанскихъ, и не постигъ насъ гнѣвъ Божій, тѣмъ, что не станетъ у насъ болѣе ни огласителя, который бы оглашалъ ученіемъ вѣры, ни учителя, который бы училъ, ни духовныхъ мужей, которые бы возстановляли разстроившихся

божественнымъ возсозиданіемъ, которое превосходитъ всякое слово человѣческое. Ибо не слѣдуетъ никому, прежде причастія божественной благодати, восходить на учительскую каѳедру, чтобъ не привлечь на себя Божія гнѣва,—такъ какъ изъ мудрыхъ въ словѣ, но непріявшихъ божественной благодати, иные сдѣлались начальниками ересей, другіе побѣждены были словами еретиковъ и пали въ ровъ пагубы. Но какъ таковые не чувствовали силы возрожденія, бывшаго въ нихъ чрезъ св. Крещеніе, то имъ надлежитъ прежде пойти къ духовнымъ мужамъ, чтобъ—посредствомъ покаянія и другихъ дѣяній, о коихъ мы сказали выше, поста, молитвы, возложенія рукъ опытныхъ отцевъ духовныхъ и строителей (экономовъ) великаго сего таинства, а также и священнаго оглашенія тѣми, которые умѣютъ оглашать, сподобиться получить возрожденіе и таинственное образованіе душевныхъ силъ, и укрѣпившись божественною благодатію и силою, начать работать въ вертоградѣ Божіемъ, да не будетъ тщетною вѣра ихъ и исповѣданіе ихъ. Ибо когда вѣра ихъ будетъ тщетна, то никакой пользы не принесетъ ни то, что именуютъ себя вѣрующими во Христа, ни то, что покланяются Ему. Богъ не для того содѣлался человѣкомъ, чтобъ Ему поклонялись и вѣровали, что Онъ Богъ и человѣкъ, — просто какъ случилось; но Онъ содѣлался человѣкомъ для того, чтобъ мы содѣлывались общниками Божескаго естества, какъ и Онъ содѣлался общникомъ человѣческаго естества, и, познавъ силу сего таинства и благодать восчувствовавъ, благодарили Его. Которые опытно познали принятую благодать, тѣ суть други Христовы, коимъ ввѣрены тайны, и которые проводятъ жизнь въ духѣ Христовомъ. Тѣ же, которые совсѣмъ не получили такой благодати, т.-е., некрещеные, и которые получили ее, но не познали ея, такіе суть враги Божіи. Ибо всякій, кто непричастенъ

божескаго естества, т.-е. не имѣетъ божественной благодати, плотянъ есть и не можетъ благоугодить Богу, потому что помышленіе плотское вражда на Бога есть, и плоть и кровь царствія Божія наслѣдити не можетъ. Таковый услышитъ наконецъ и оное евангельское слово: *отъ неимущаго и еже мнится имѣя, взято будетъ отъ него* (Мѳ. 25, 29). Благодать Божія безпредѣльна, всегда съ преизбыточествомъ изливается и никогда не оскудѣваетъ. Если бы, скажемъ такъ, кто прожилъ тысячу лѣтъ, и въ эту тысячу лѣтъ каждый день была бы подаваема ему благодать, то онъ былъ бы преисполненъ ею и погруженъ въ нее, она же все пребыла бы цѣлою, нисколько не умалившеюся. Впрочемъ само собою слѣдуетъ, что въ томъ, кто получилъ благодать, она или умножается, если онъ подвизается, или умаляется, если понерадитъ; и если это нерадѣніе продолжится, то мало-по-малу она и совсѣмъ въ немъ оскудѣетъ, и оставитъ его совершенно пустымъ. Оставитъ, а онъ долго еще будетъ думать, что имѣетъ ее. Ибо благодать отходитъ сокровенно, какъ сокровенная по естеству и таинственная; потому отходя не даетъ ему чувствовать отступленія своего, и онъ не сразу узнаетъ объ отступленіи ея. Намъ же даруй Господи сподобиться того, чтобъ, получивъ благодать Божію, мы пріумножали ее въ себѣ, прилагая подвиги къ подвигамъ, во Христѣ Іисусѣ, Коему слава во вѣки. Аминь.

СЛОВО ПЯТЬДЕСЯТЪ ВТОРОЕ.

1. Какіе это неизреченные глаголы, кои слышалъ Апостолъ Павелъ?
2. Что суть блага, ихже око не видѣ, ухо не слыша, и на сердце человѣку не взыдоша?
3. Что есть царствіе Божіе, и какъ оно дѣйственно является въ насъ?

1. Владыка всяческихъ Христосъ каждодневно учитъ насъ чрезъ святыя Евангелія, гдѣ иное говоритъ прикровенно, чтобъ не понимали Его многіе, когда говоритъ

въ притчахъ, изъ чего иное опять объясняетъ наединѣ ученикамъ Своимъ, говоря: *вамъ дано есть вѣдати тайны царствія Божія, прочимъ же въ притчахъ* (Лук. 8, 10); иное же говоритъ не обинуяся, для всѣхъ явно, какъ сказали Ему Апостолы: *се нынѣ не обинуяся глаголеши, а притчи никоеяже не глаголеши* (Іоан. 16, 29). Почему нашъ долгъ изслѣдовать и узнать, въ какихъ словахъ училъ Господь не обинуяся и явно, и въ какихъ училъ прикровенно и приточно. Такъ, напримѣръ, явно возвѣстилъ Онъ слѣдующее: *любите враги ваша, добро творите ненавидящимъ васъ* (Мѳ. 5, 44); *блажени плачущіи, горе смѣющимся* (Лук. 6, 21. 25); *покайтеся, приближибося царствіе небесное* (Мѳ. 3, 2). И опять: *любяй душу свою погубитъ ю: и ненавидяй души своея въ мірѣ семъ, въ животъ вѣчный сохранитъ ю* (Іоан. 12, 25). И: *аще кто хощетъ по Мнѣ ити, да отвержется себе и возметъ крестъ свой, и по Мнѣ грядетъ* (Мѳ. 16, 24). Много и другихъ подобныхъ мѣстъ, въ коихъ Іисусъ Христосъ предлагаетъ Свое ученіе не прикровенно и въ притчахъ, а явно и безъ всякой прикровенной мысли. Приточно же Имъ сказано, напримѣръ, слѣдующее: *подобно есть царствіе Божіе зерну горушину, еже пріемъ человѣкъ вверже въ вертоградъ свой: и возрасте, и бысть древо веліе* (Лук. 13, 19). Опять: *подобно есть царствіе небесное человѣку купцу, ищущему добрыхъ бисерей* (Мѳ. 13, 45). И еще: *подобно есть царствіе небесное квасу, егоже вземши жена скры въ сатѣхъ трехъ муки, дондеже вскисоша вся* (Мѳ. 13, 33). Сіе и многое подобное сему говоритъ Господь приточно, уподобляя царствіе небесное такимъ предметамъ, и называетъ это притчами.

Отсюда помысли, прошу тебя, сколь велика премудрость Божія, что такими чувственными примѣрами, которые кажутся намъ такъ невысокими, Онъ изображаетъ предъ нами и, какъ живописецъ какой, начертываетъ въ

умѣ нашемъ недомыслимое и непостижимое. Дѣлаетъ же Онъ это для того, чтобъ невѣры оставались слѣпцами, лишенными вѣдѣнія такихъ благъ, такъ какъ сдѣлались недостойными того по причинѣ невѣрія своего; а вѣрующіе, напротивъ, слыша и съ вѣрою пріемля приточное слово, видѣли истину и ясно познавали событіе въ самихъ себѣ означаемыхъ притчами вещей. Ибо притчи суть образы вещей духовныхъ; а какъ и какихъ вещей суть они образы, послушай. Зерно горушное есть Духъ Святый; человѣкъ есть каждый вѣрующій, желающій пріять зерно сіе посредствомъ дѣланія заповѣдей; вертоградъ есть сердце вѣрующаго, внутрь котораго ввергаютъ то зерно (единое, говоритъ, а не много, потому что естественно недѣлимое и недробимое не можетъ быть раздѣлено на многія части, но пребываетъ всегда едино). Потомъ когда хранимъ себя со всякимъ вниманіемъ и блюденіемъ, зерно то даетъ ростокъ; когда ростокъ подымется, то дѣлается явнымъ; когда же еще подрастетъ и станетъ довольно великимъ, то познаваемъ бываетъ тѣми, въ которыхъ настолько разросся; а когда наконецъ станетъ какъ дерево и пуститъ отъ себя многія вѣтви, тогда радостію неизреченною исполняетъ того, кто сподобляется это возымѣть въ себѣ. Итакъ, какъ садъ безъ посѣяннаго сѣмени не даетъ никакихъ полезныхъ зелій, кромѣ однихъ терній и дикихъ травъ, и сѣмя не будучи посѣяно не прорастаетъ и не приноситъ плода, но остается одно, какъ есть: совершенно такимъ же образомъ и наши души, если не примутъ въ себя божественнаго сѣмени, пребываютъ безплодными, исполненными терній, т.-е. грѣховъ; равно и божественное сѣмя, прежде чѣмъ ввержено будетъ въ души наши, пребываетъ въ себѣ, какъ есть, ни умноженія, ни умаленія не пріемлетъ и въ насъ ни ростка не даетъ, ни возрастаетъ въ древо. Ибо какъ возможно, чтобы то божественное сѣмя, не будучи по-

сѣяно въ сердцахъ нашихъ и не соединившись съ нами, но пребывая особо отъ насъ, какъ особо отъ сада находится сѣмя, не посѣянное въ немъ, — какъ, говорю, возможно, чтобъ оно разрослось въ насъ, какъ разрастается въ тѣхъ, въ сердцахъ которыхъ посѣяно и съ которыми соединилось? Никакъ это невозможно,— какъ невозможно также и то, чтобъ огонь зажегъ дрова, не бывъ подложенъ подъ нихъ, или чтобъ загорѣлись дрова безъ соприкосновенія съ огнемъ.

Но какъ слова свят. Евангелій иныя говорятся намъ примрачно и въ притчахъ, а иныя говорятся ясно безъ прикровенности; такъ и слова Апостоловъ не всѣ говорятся явно безъ прикровенности, но иныя изъ нихъ имѣютъ нужду въ большомъ толкованіи и изъясненіи, потому что содержатъ сокровенную глубину мыслей. И если признаете благословнымъ, возьмемъ въ разсмотрѣніе одно изреченіе св. Апостола Павла, и увидимъ, какія тамъ сокрыты глубины Духа: ибо, по слову Божію, *Св. Духъ вся испытуетъ и глубины Божія* (1 Кор. 2, 10). Какое же изреченіе имѣемъ мы разсмотрѣть?—О неизреченныхъ глаголахъ, какіе слышалъ божественный Павелъ, когда былъ восхищенъ до третьяго небесе.

Но прежде надобно намъ пояснить, что значитъ глаголъ — ρημα, чтобы правильно уразумѣть смыслъ апостольскихъ словъ. Глаголъ — ρημα, — значитъ слово, — λογος, какъ и наоборотъ слово называется глаголомъ. Такъ сотникъ сказалъ Господу: рцы слово, — λογον, и исцѣлѣетъ отрокъ мой, а жена Іова говорила: рцы глаголъ, — ρημα, нѣкій ко Господу и умри. — Глаголы и слова человѣческія говорятся устами человѣческими и слышатся ушами человѣческими. Но глаголъ Божій и слово, исходящее изъ устъ Его, совершенно неизрекаемо и неизложимо для языка человѣческаго и невмѣстимо для уха человѣческаго, и даже невозможно, чтобы слово

Бога вошло въ чувство человѣческое, потому, что чувство не можетъ чувствовать того, что превыше всякаго чувства. —Далѣе подъ словомъ и глаголомъ въ Богѣ, по первому созерцанію, разумѣемъ Слово Бога и Отца, самого Господа нашего Іисуса Христа, Бога истиннаго; а подъ устами Его, коими Онъ изрекаетъ неизреченные глаголы, разумѣемъ Святаго Духа, какъ и пророкъ говоритъ: *уста бо Господня глаголаша сія* (Ис. 1, 20), т.-е. Духъ Господень. Почему же Духъ Святый называется устами Божіими, а Сынъ называется Глаголомъ и Словомъ? Потому что какъ собственное наше слово, сущее въ душѣ нашей, произносится и явнымъ для другихъ дѣлается посредствомъ устъ нашихъ, и другимъ способомъ невозможно произнести или сдѣлать его явнымъ, кромѣ глаголанія устъ; такъ и Сынъ Божій и Слово не можетъ познанъ быть, или услышанъ быть, если не будетъ откровенъ чрезъ Духа Святаго. — Что говоримъ: не можетъ, то говоримъ это въ отношеніи къ Богу вмѣсто *οὐκ ενδεχεται* (не бываетъ, чтобъ,—неумѣстно, не подобаетъ) и вмѣсто — не хощетъ, какъ говорится, напримѣръ, невозможно солгать Богу, и *не возможе многа знаменія сотворити*. И какъ у насъ бываетъ, что если не отверземъ собственныхъ устъ нашихъ, то не можетъ изыти внѣ слово наше: такъ и если не отверзутся уста Божіи (т.-е. Духъ Святый) чрезъ осіяніе и просвѣщеніе, какія бываютъ въ насъ (не говорю, чтобъ Духъ отверзался, но умъ нашъ, когда осіявается и просвѣщается отъ Духа), Сынъ и Слово Божіе не зрится и не бываетъ явенъ въ чувствѣ зрѣнія и слуха нашего (умнаго).

Изъяснивъ сіе, заключаемъ, что неизреченные оные глаголы, какіе слышалъ божественный Павелъ, не другое что суть (по моему скудоумному мнѣнію), какъ сокровенныя и воистину неизъяснимыя и незримыя, чрезъ осіяніе отъ Духа Святаго бывающія, созерцанія, и бо-

голѣпныя и недомыслимыя уразумѣнія пресвѣтлой и пренедовѣдомой славы и божества Сына и Слова Божія, какія будучи открываемы, болѣе ясными и болѣе чистыми представляются тѣмъ, кои достойны того. Вотъ что, говорю, суть тѣ неслыханныя слышанія неизреченныхъ глаголовъ, то непостижимое постиженіе непостижимыхъ вещей. Если Апостолъ сказалъ, что слышалъ глаголы (т.-е. слухомъ), а мы, изъясняя сіи глаголы, сказали, что это Сынъ Бога и Отца глаголется чрезъ Святаго Духа, и вмѣстѣ съ тѣмъ чрезъ осіяніе Его открывается достойнымъ, и таковое осіяніе, или откровеніе бываетъ, сказали мы, посредствомъ созерцанія, а не посредствомъ слышанія; то да не покажется тебѣ сіе страннымъ и невѣрнымъ. Но послушай разрѣшеніе сего недоумѣнія и познай дѣло какъ есть, да не будешь невѣренъ, но вѣренъ. Разрѣшеніе же это таково. Внимай!

Богъ, Который есть первая причина всего прочаго, единъ есть. И это едино—есть свѣтъ и животъ, Духъ и Слово, уста и глаголъ, премудрость и вѣдѣніе, радость и любовь, царство небесное и рай, небо небесъ, какъ и солнце солнцевъ, и Богъ боговъ, и всякое другое добро, какое бы ты ни сказалъ, заимствуя мысль о немъ отъ сихъ видимыхъ вещей, или отъ того, что выше всѣхъ ихъ, — найдешь, что оно есть сіе едино, о коемъ я сказалъ, и удостовѣришься, что оно есть и именуется всеобъемлюще, существенно и господственно — Благо. Оно не имѣетъ никакого совершенно подобія съ видимымъ, но есть выше всякаго видимаго добра, несравненно и неизреченно. И нераздѣлимо сіе едино, какъ видимое раздѣлено одно отъ другаго, но пребываетъ одно и тоже, безъ всякаго измѣненія. Оно есть всеблаго, высшее всякаго блага. — Съ другой стороны, и человѣкъ, созданный по образу и подобію Божію, почтенъ тѣмже образомъ бытія, и имѣетъ въ единой душѣ

и умъ, и слово, и единое чувство, хотя оно, по пяти естественнымъ потребностямъ тѣла, дѣлится на пять чувствъ. Въ отношеніи къ тѣлесному оно нераздѣльно раздѣляется посредствомъ пяти частныхъ чувствъ—зрѣнія, слуха, обонянія, вкуса и осязанія, и будучи измѣняемо неизмѣнно, проявляетъ дѣйственность свою,—и видитъ (не само чувство, но душа посредствомъ его), и слышитъ, и обоняетъ, и вкушаетъ, и различаетъ вещи по осязанію. Въ отношеніи же къ духовному нѣтъ необходимости, чтобъ это общее чувство раздѣлялось на пять чувствъ, какъ бы на пять оконъ, — не требуются, говорю, ни очи, чтобъ, открывая ихъ, видѣть тамошнія вещи, ни уши, чтобы слышать слово, ни органъ обонянія, чтобъ обонять тамошнія доброты, ни губы и языкъ, чтобъ вкушать и различать сладкое отъ горькаго, ни руки, чтобъ различать твердое и мягкое, тяжелое и легкое. Но оно выходитъ внѣ всего этого, что мы сказали, и естественно послѣдуетъ за умомъ, нераздѣляясь отъ него и несясь все всецѣло съ нимъ; но пребывая всецѣло единымъ чувствомъ, оно имѣетъ съ собою и въ себѣ пять чувствъ (или точнѣе сказать—болѣе), поколику всѣ они едино суть Теперь сообрази, прошу тебя, поточнѣе, что излагаетъ слово мое. Душа, умъ, слово суть едино, въ единой сущности и единомъ естествѣ человѣка,—и это едино чувствуетъ, разсуждаетъ, какъ разумное существо, понимаетъ, памятуетъ, совѣщается съ собою, желаетъ или не желаетъ, избираетъ, или не избираетъ, любитъ или ненавидитъ, и,—чтобъ не удлинять слова, — это едино есть живущее (существо или сила), которое въ одно и тоже время и видитъ, и слышитъ, и обоняетъ, и вкушаетъ, и осязаетъ, и понимаетъ, и знаетъ, и говоритъ.—Слушай внимательно и вникай въ силу того, что говорится тебѣ, чтобъ могъ ты понять, какіе это неизреченные глаголы,

и какъ слышалъ ихъ св. Павелъ, — каковы и открыты были ему и видимы были имъ въ Духѣ Святомъ.

Богъ Творецъ всяческихъ единъ есть, и сіе едино, какъ мы сказали прежде, есть всякое благо. Съ другой стороны и душа, разумная и безсмертная, тоже едина есть. И она едина есть вся — чувство, совмѣщающее въ себѣ всѣ чувства, какія ни есть. Итакъ, когда единый всяческихъ Богъ является чрезъ откровеніе единой разумной душѣ, тогда открывается ей всякое благо и въ одно и тоже время созерцается (ощущается) всѣми вмѣстѣ чувствами ея. Сіе единое и всякое вмѣстѣ благо и видимо бываетъ ею, и слышимо, и услаждаетъ вкусъ, и облагоухаваетъ обоняніе, осязается, познается, говоритъ и говорится, знаетъ и знаемо бываетъ, и что знаетъ, сіе сознается. Ибо кто познается Богомъ, тотъ знаетъ, что познается, и кто видитъ Бога, тотъ знаетъ, что и Богъ видитъ его. Но кто не видитъ Бога, тотъ не знаетъ, что Богъ видитъ его, такъ какъ самъ не видитъ Его, хотя хорошо видитъ все прочее. Итакъ, которые удостоились увидѣть заразъ всѣми вмѣстѣ чувствами, какъ однимъ изъ многихъ чувствъ, сіе всеблаго, которое и едино есть и многое, поелику есть всеблаго, тѣ, говорю, поелику познали и каждодневно познаютъ разными чувствами единаго чувства разныя вмѣстѣ блага, какъ единое, не сознаютъ во всемъ сказанномъ никакого различія, но созерцаніе называютъ вѣдѣніемъ и вѣдѣніе созерцаніемъ, слухъ зрѣніемъ и зрѣніе слухомъ, какъ и пророкъ Аввакумъ говоритъ: *Господи, услышахъ слухъ Твой и убояхся. Господи, разумѣхъ дѣла Твоя и ужасохся* (3, 1). Отъ кого же это другаго онъ услышалъ? Пророчествуя, онъ о Господѣ проповѣдалъ. Какъ же говоритъ: *Господи, услышахъ слухъ Твой*? И что хочетъ онъ открыть чрезъ удвоенное слышаніе, когда говоритъ: *услышахъ слухъ Твой*? Что другое, кромѣ того, что чрезъ осіяніе Святаго Духа, или откровеніе отъ

Него, позналъ удостовѣрительно Господа нашего Іисуса Христа, и опять, чрезъ сокровенное глаголаніе сего же Святаго Духа научаемъ, позналъ все воплощенное домостроительство Господне; и потомъ сіе о Господѣ ученіе, которое пріялъ отъ Духа Святаго, онъ такъ усвоилъ себѣ, какъ бы оно было его собственное, и какъ бы видя Господа, какъ и въ самомъ дѣлѣ удостовѣрительно видѣлъ Его чрезъ осіяніе отъ Святаго Духа, говорилъ Ему: *посредѣ двою животну познанъ будеши, внегда приближитися лѣтомъ, познаешися, внегда пріити времени, явишися* (— — 2). Такъ что ученіе вмѣстѣ и вѣдѣніе, которое бываетъ чрезъ созерцаніе, дѣйствіемъ Духа, онъ называетъ слухомъ, который слышалъ, о воплощенномъ домостроительствѣ Господа. И тѣмъ, что сказалъ: Господи! показываетъ, что видѣлъ Его предъ собою и собесѣдовалъ съ Нимъ: ибо какой человѣкъ бесѣдуетъ съ тѣмъ, кого не видитъ? Ужели кто можетъ, не видя земнаго царя предъ собою, говорить ему: о, царю! услышалъ я опредѣленія, какія положила царская власть твоя? Никакъ. А пророкъ говоритъ, и говоритъ не только—*услышалъ слухъ Твой*, но еще и—*познанъ будеши*, и—*познаешися*, и—*явишися;* почему, какъ познавшій со всею удостовѣрительностію весь совѣтъ Господа, говоритъ какъ бы Ему: то и то хочешь совершить Ты, Господи, какъ опредѣлило царство Твое. Да и всѣ пророческія изреченія наибольшею частію тоже значатъ.

Итакъ Божественному Писанію обычно такимъ образомъ называть слышаніе созерцаніемъ Бога, и созерцаніе слышаніемъ Бога. Такъ и божественный Павелъ неизъяснимыя созерцанія и осіянія Святаго Духа, ученія и откровенія, превосходящія мѣру человѣческаго естества и силы, необычно назвалъ глаголами, сказавъ и написавъ, что слышалъ неизреченные глаголы. Но въ слѣдъ за симъ онъ написалъ: *и за премногая откове-*

нія и проч. Итакъ, если божественный Павелъ сказалъ прежде, что слышалъ, то почему послѣ того, какъ услышалъ, называетъ онъ это откровеніями, когда откровенія бываютъ чрезъ созерцаніе, а не чрезъ слышаніе, какъ говоритъ и Давидъ: *открый очи мои и уразумѣю чудеса отъ закона Твоего* (Пс. 118, 18)? По чему другому, если не потому, что онъ, какъ мы сказали, слышаніе употребляетъ вмѣсто созерцанія, и созерцаніе вмѣсто слышанія? Также Апостолъ Павелъ помянулъ, что восхищенъ былъ до третьяго неба. И опять вопросъ,—какъ же сказалъ потомъ, что слышалъ? И это не по другой причинѣ, какъ по той, какую мы только-что указали. Отсюда заключаемъ, что восхищеніемъ онъ обозначилъ вопервыхъ созерцаніе, какое видѣлъ, потомъ таинства, которыя были въ семъ созерцаніи,—и о томъ, что наияснѣйше открывало славу оную и Божество, возсіявшее ему, онъ сказалъ, что слышалъ то,—поколику это сообщало вѣдѣніе, научало видѣвшаго сіе и открывало ему то, что для всѣхъ неизреченно и недомыслимо.

Итакъ въ отношеніи къ духовнымъ вещамъ, какъ мы сказали, и слышательное и зрительное чувство есть одно и изъ того, что здѣсь созерцаетъ кто, или слышитъ, не можетъ онъ опредѣлительно сказать, что именно есть то, или другое, судя по тому, какъ онъ то видитъ или слышитъ. Почему Апостолъ и сказалъ, что того невозможно изложить человѣческимъ языкомъ. Намъ впрочемъ надлежитъ подвизаться объ очищеніи самихъ себя покаяніемъ и смиреніемъ, чтобъ соединить съ единымъ благимъ и преблагимъ Богомъ всѣ наши чувства, какъ одно, и тогда все то, чего не можемъ мы представить и изъяснить многими словами, все то заразъ познаемъ и уразумѣемъ, слыша зрѣніемъ, и видя слышаніемъ, научаясь созерцаніемъ, и слушая откровеніемъ. Впрочемъ есть еще и иное нѣкое слышаніе въ отноше-

ніи къ вещамъ наидуховнѣйшимъ. Какое же это? То, коимъ пріемлется обѣтованіе благъ, которыя имѣютъ быть намъ даны. Какъ пророки, пророчествовавшіе о первомъ пришествіи Господа, хотя созерцали Его и знали точно, но какъ оно не было еще сбывшимся во дни ихъ, а имѣло быть послѣ, то они о томъ, что было имъ открываемо и показываемо относительно его, говорили, что слышатъ то, такъ какъ это имѣло быть въ послѣдствіи. Такъ и св. Павелъ, поелику видѣлъ блага царствія небеснаго, какія имѣютъ быть дарованы праведнымъ, и поелику узналъ и удостовѣрился до точности, что любящіе Бога отъ всей души и соблюдающіе заповѣди Его имѣютъ несомнѣнно получить сіи блага, по второмъ пришествіи Господнемъ и по воскресеніи мертвыхъ, по обѣтованію Господа; то и сказалъ: *слышахъ неизреченные глаголы, яже не лѣть есть человѣкомъ глаголати.*—Но почему прежде назвалъ ихъ благами, а потомъ называетъ глаголами? Потому что блага оныя воистину суть нѣкія дивныя и предивныя словеса, чрезъ кои всякое разумное естество будетъ услаждаемо неисчерпаемымъ, вѣчно живымъ и живоноснымъ услажденіемъ, будетъ выну оживляемо божественнымъ оживленіемъ и обвеселяемо. Ибо какъ Слово Бога и Отца есть Богъ, то справедливо осіянія и откровенія Бога Слова именуются глаголами. Слово есть Богъ, и глаголы Его суть лучи и блистанія Божества, кои возсіяваютъ отъ Бога, какъ молнія, и наияснѣйше намъ открываются.

Этихъ глаголовъ не могу я изъяснить или истолковать, но возлюбленный ученикъ Христовъ Іоаннъ Богословъ, по данной ему отъ Бога благодати, сказалъ нѣчто въ объясненіе того, что слышалъ св. Павелъ, говоря: *возлюбленніи, нынѣ чада Божія есмы, и не у явися, что будемъ: вѣмы же, яко егда явится, подобни Ему будемъ, ибо узримъ Его якоже есть* (1 Іоан. 3, 2). Св. Павелъ

сказалъ, что слышалъ неизреченные глаголы, которые не можетъ человѣкъ произнесть. А Іоаннъ Богословъ говоритъ: *вѣмы, яко егда явится, подобни Ему будемъ и узримъ Его, якоже есть.* Что самое и св. Павелъ говоритъ въ другомъ мѣстѣ: *нынѣ разумѣю отъ части, тогда же познаю, якоже и познанъ бых* (1 Кор. 13, 12). Видишь, какъ въ отношеніи къ духовнымъ вещамъ одно и тоже есть вѣдѣніе и подобіе, видѣніе и познаніе?— Ибо Христосъ бываетъ для насъ всѣмъ—и вѣдѣніемъ, и мудростію, и словомъ, и осіяніемъ, и созерцаніемъ, и знаніемъ, и любящимъ Его даетъ вкусить отъ благъ Своихъ и въ настоящей жизни отъ части, даетъ также имъ таинственно слышать и неизреченные нѣкіе глаголы, отъ большей части сокрытые. Ибо если Христосъ не будетъ для насъ всѣмъ вмѣстѣ, то будетъ слѣдовать, что царство небесное и блаженство его неполны и несовершенны. То есть, если Христосъ не будетъ для всѣхъ праведныхъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, что сказали мы выше, еще и одѣяніемъ, и вѣнцемъ, и обувію, и радостію, и сладостію, пищею, питіемъ, трапезою, ложемъ, упокоеніемъ, неизреченною красотою, и всѣмъ другимъ, что пригодно для услажденія, славы и радованія, но будетъ недостаточествовать хотя въ одномъ какомъ-либо благѣ и для одного только изъ имѣющихъ обитать тамъ; то лишеніе этого недостающаго блага дастъ мѣсто печали, и слѣдовательно печаль войдетъ въ среду неизреченной радости веселящихся, а изъ этого явно станетъ, что ложно слово писанія, которое говоритъ: *отбѣже болѣзнь, печаль и воздыханіе* (Исаіи 51, 11). Но этого никакъ не будетъ, а будетъ тамъ всяческая во всѣхъ и всякое благо будетъ преизбыточествовать вмѣстѣ со всѣми благами, и насыщать сверхъ мѣры всѣ чувства призванныхъ и сидящихъ на бракѣ Христа Царя, и Самъ Христосъ Богъ будетъ вкушаемъ и піемъ, такъ какъ Самъ Онъ

есть всякій видъ пищи, питія и сластей. Христосъ будетъ тогда видимъ всѣми, и Самъ Христосъ будетъ видѣть всѣ безчисленныя миріады святыхъ, ни съ кого глазъ не сводя, такъ что каждому изъ нихъ будетъ казаться, что Онъ на него смотритъ, бесѣдуетъ съ нимъ и привѣтствуетъ его; и никто не будетъ опечаленъ тѣмъ, будто Христосъ не обратилъ на него вниманія и презрѣлъ его.

Христосъ, какъ мы сказали, будетъ тогда и вѣнцемъ, имѣющимъ увѣнчать главы всѣхъ святыхъ. Не пріемля никакого измѣненія, но пребывая неизмѣннымъ, Онъ будетъ являть Себя инаковымъ для одного, и инаковымъ для другаго; будетъ удѣлять Себя каждому, какъ подобаетъ и какъ онъ того достоинъ. Самъ Христосъ имѣетъ быть тогда для всѣхъ и одѣяніемъ, такимъ одѣяніемъ, какимъ облещись подвизался каждый и облекся, находясь еще въ сей жизни; и никакъ невозможно, чтобы кто-либо вошелъ на тотъ таинственный бракъ, не бывъ облеченъ въ это пресвѣтлое одѣяніе. Если же бы случилось такому, смѣшавшись съ достойными, войти туда тайкомъ (что однакожъ никакъ невозможно), то онъ тотчасъ изгнанъ будетъ вонъ. И Владыка Христосъ, желая показать намъ, что никому одѣтому въ мрачныя рубища невозможно пребыть на бракѣ, истолковалъ это притчею, въ которой сказавъ: *друже, како вшелъ еси сѣмо, не имый одѣянія брачна,* прибавилъ потомъ: *связавше ему руцѣ и нозѣ ввержите его во тму кромѣшнюю* (Мѳ. 22, 12). Полагаю, что Господь сказалъ такимъ образомъ не потому, что тотъ мрачно одѣтый вошелъ на браки, утаившись отъ Бога, предъ Коимъ ничего нѣтъ утаеннаго, но потому, что еще не пришло время открыть такое таинство, и Онъ не хотѣлъ сказать прямо, что туда на браки невозможно войти никому, кто не одѣтъ въ одѣяніе Божества Моего, почему и прикрылъ слово о томъ подъ такимъ образомъ. Но Апостолъ Па-

велъ прямо уже открылъ сіе, говоря: *якоже облекохомся во образъ перстнаго, да облечемся и во образъ небеснаго* (1 Кор. 15, 49). А каковъ образъ небеснаго, о семъ послушай, что говоритъ тотъ же божественный Павелъ: *Иже сый сіяніе славы Его и образъ ѵпостаси Его* (Евр. 1, 3),—наиточнѣйшій образъ Бога и Отца. Итакъ образъ Отца есть Сынъ, и образъ Сына есть Духъ Святый. Видѣвшій Сына видѣлъ Отца, и видѣвшій Духа Святаго видѣлъ Сына. Апостолъ говоритъ: *Господь же Духъ есть* (2 Кор. 3, 17), и опять: *самъ Духъ ходатайствуетъ о насъ воздыханіи неизглаголанными* (Рим. 8, 26), вопія: *Авва Отче*! (——15). Духъ взываетъ: Авва Отче! не потому, что Духъ есть Сынъ,—да мимоидетъ отъ насъ такая хула!—но потому, что Сынъ Божій видится и созерцается Духомъ Святымъ, и что ни Сынъ никому не открывается безъ Духа, ни Духъ безъ Сына; но вмѣстѣ съ Духомъ открывается Сынъ и Самъ чрезъ Духа взываетъ: Авва Отче!

2. Ты же, возлюбленный, если не знаешь еще того, о чемъ я говорю, не отчайся и не скажи: того, о чемъ ты говоришь, я совсѣмъ не знаю, и не могу тому научиться, и не чаю, чтобъ могъ когда-либо достигнуть до высоты такого вѣдѣнія, созерцанія и чистоты. Но опять не скажи и такъ: если невозможно войти въ царствіе Божіе тому, кто еще въ настоящей жизни не облечется во Христа, яко Бога, не взойдетъ до созерцанія Его и не достигнетъ того, чтобъ Онъ обиталъ внутрь его (я же не могу успѣть ни въ чемъ такомъ); то какая мнѣ польза и подвизаться ради этого, изъ-за этихъ подвиговъ лишать себя наслажденія настоящими благами?—Смотри, не говори такого слова и даже не думай такъ. Но если тебѣ угодно и если желаешь послушать моего совѣта, я съ помощію Духа Святаго, истолкую тебѣ, въ чемъ настоящій путь и способъ спасенія.

Итакъ первo-на-первo, отъ всей души повѣрь, что все

сказанное мною есть совершенная истина, свидѣтельствуемая Божественными Писаніями, и что всякій вѣрующій въ Сына Божія долгъ имѣетъ быть именно таковымъ: ибо намъ дана область чадами Божіими быти, и если восхощемъ, нѣтъ къ тому никакого препятствія. Для этого было все воплощенное домостроительство и снисшествіе Сына Божія на землю,—т.-е. для того, чтобъ насъ содѣлать общниками и наслѣдниками Божества и царства Своего посредствомъ вѣры въ Него и соблюденія заповѣдей Его. Ибо если не увѣруешь, что это бываетъ именно такъ, какъ я сказалъ выше, то конечно не станешь и искать того, а не взыскавши не получишь. А Господь говоритъ: *ищите и обрящете: просите и дастся вамъ* (Матѳ. 7, 7). Послѣ же того, какъ увѣруешь, послѣдуй Божественнымъ Писаніямъ и дѣлай все, что они тебѣ говорятъ. Поступая такъ, найдешь все это, какъ написано мною, непогрѣшительнымъ. И не только это, но найдешь и другое многое, большее этого, — найдешь написаннымъ въ Божественныхъ Писаніяхъ. Что же это такое? То, чего око не видало, о чемъ ухо не слыхало, и что на сердце человѣку не всходило,—блага, уготованныя Богомъ любящимъ Его. И если ты несомнѣнно повѣришь тому, что я сказалъ, то всеконечно увидишь это и ты, какъ и Павелъ, и восхищенъ будешь въ рай, куда вошелъ разбойникъ вмѣстѣ со Христомъ, и услышишь тамъ неизреченные глаголы.

Хочешь ли, я инымъ нѣкіимъ образомъ объясню тебѣ, какія это блага, *ихже око не видѣ и ухо не слыша и на сердце человѣку не взыдоша?*—Полагаю, что всячески тебѣ желательно послушать, чего и самъ Павелъ, видѣвшій то, не сказалъ и не изложилъ. А почему не сказалъ онъ этого? Потому, думаю, чтобъ не подвергать людей грѣху невѣрія,—что услышатъ, и не повѣрятъ: такъ что если и ты не увѣренъ, что повѣришь тому, что имѣю сказать тебѣ, то лучше тебѣ не слышать о

томъ. Ибо если услышишь и не повѣришь, но преслушаешь слова мои, или лучше сказать, слова Божіи; то само это слово осудитъ тебя въ день суда,—что слышалъ и не повѣрилъ. Почему, не колеблясь сомнѣніями слушай слова мои, или, какъ предъ симъ сказалъ я, слова Божіи.—Познай же искомое нами рѣшеніе вопроса о неизреченныхъ глаголахъ, слышанныхъ св. Павломъ въ раю, что это суть вѣчныя оныя блага, и что блага сіи, которыхъ око не видало, о которыхъ ухо не слыхало и умъ человѣческій никогда не помышлялъ, которыя однакожъ Богъ уготовалъ любящимъ Его,—блага сіи не на высотѣ спрятаны, не въ какомъ-либо мѣстѣ заключены, не во глубинѣ сокрыты и не въ послѣднихъ предѣлахъ земли или моря обрѣтаются,—но суть предъ очами твоими.—Какія же это они?—Вмѣстѣ съ благами, усокровиществованными на небесахъ, есть Тѣло и Кровь Господа нашего Іисуса Христа, кои мы каждодневно видимъ, вкушаемъ и піемъ. Вотъ что суть блага оныя!—И помимо ихъ, пройди всю тварь, нигдѣ не найдешь ты ни одного изъ тѣхъ благъ, о коихъ я сказалъ. Если желаешь удостовѣриться въ истинѣ словъ моихъ, стань сперва святымъ чрезъ дѣланіе заповѣдей Божіихъ, потомъ причастись святыхъ и пречистыхъ Тѣла и Крове Христовыхъ, и тогда опытомъ точно познаешь силу словъ моихъ. А чтобъ тебѣ повѣрить удобнѣе этимъ моимъ словамъ, выслушай собственныя слова Господа, которыя сказалъ Онъ іудеямъ, а также и ученикамъ Своимъ: *аминь, аминь глаголю вамъ: не Моисей даде вамъ хлѣбъ съ небесе: но Отецъ Мой дастъ вамъ хлѣбъ истинный съ небесе. Хлѣбъ бо Божій есть сходяй съ небесе и даяй животъ міру. Рѣша убо къ Нему: Господи, всегда даждь намъ хлѣбъ сей. Рече же имъ Іисусъ: Азъ есмь хлѣбъ животный: грядый ко Мнѣ не имать взалкатися, и вѣруяй въ Мя не имать вжаждатися никогдаже.*—

Роптаху убо іудее о Немъ, яко рече: Азъ есмь хлѣбъ сшедый съ небесе. И глаголаху: не сей ли есть сынъ Іосифовъ, егоже мы знаемъ отца и матерь? Како убо глаголетъ сей, яко съ небесе снидохъ? (Іоан. 6, 32—35. 41. 42). Внемли же себѣ и ты, чтобъ не возроптать подобно Іудеямъ и не сказать: не хлѣбъ ли это,—что на дискосѣ, и не вино ли то, что въ чашѣ? Какъ же говоритъ сей, что сей видимый хлѣбъ и сіе видимое вино суть оныя блага, которыхъ око не видало и о которыхъ ухо не слыхало и умъ человѣческій никогда не помышлялъ? Но послушай, что сказалъ Господь тѣмъ, кои роптали тогда и говорили такія слова: *Отвѣща убо Іисусъ и рече имъ: не ропщите между собою. Никтоже можетъ пріити ко Мнѣ, аще не Отецъ пославый Мя привлечетъ его, и воскрешу его Азъ въ послѣдній день* (——43, 44). Какъ бы говорилъ Онъ имъ: чего ради не вѣрите вы и сомнѣваетесь въ этомъ? Никто не можетъ познать божества Моего (ибо это означаютъ слова: *никтоже можетъ пріити ко Мнѣ*), если Отецъ Мой не привлечетъ его и не подыметъ до познанія сего. Но привлеченіе здѣсь не какое-либо насиліе или принужденіе показываетъ, а призваніе посредствомъ откровенія. *Ихже бо предъувѣдѣ и предустави, тѣхъ и призва* чрезъ откровеніе Сына Своего (Рим. 8, 29. 30), восхищая ихъ, нѣкоторымъ образомъ, любовію Сына Своего, имъ открываемаго. Яснѣе это показываютъ слѣдующія за тѣмъ слова Господа: *есть писано во пророцѣхъ: и будутъ вси научени Богомъ. Всякъ слушаяй отъ Отца и навыкъ, пріидетъ ко Мнѣ: не яко Отца видѣлъ есть кто: токмо сый отъ Бога, сей видѣ Отца* (——45. 46). Итакъ только наученный Богомъ можетъ увѣровать въ Сына Божія. И опять Господь говоритъ: *аминь, аминь глаголю вамъ: вѣруяй въ Мя, имать животъ вѣчный. Азъ есмь хлѣбъ животный. Отцы ваши ядоша манну въ пустыни, и*

умроша. Сей есть хлѣбъ сходяй съ небесе, да аще кто отъ него ястъ, не умретъ. Азъ есмь хлѣбъ животный, сшедый съ небесе: аще кто снѣстъ отъ хлѣба сего, живъ будетъ во вѣки: и хлѣбъ, егоже Азъ дамъ, плоть Моя есть, юже Азъ дамъ за животъ міра. Пряхуся же между собою жидове, глаголюще: како можетъ сей намъ дати плоть Свою ясти? Рече же имъ Іисусъ: аминь, аминь глаголю вамъ: аще не снѣсте плоти Сына Человѣческаго, ни піете крове Его, живота не имате въ себѣ. Ядый Мою плоть и піяй Мою кровь, имать животъ вѣчный, и Азъ воскрешу его въ послѣдній день. Плоть бо Моя истинно есть брашно, и кровь Моя истинно есть пиво (Іоан. 6, 47—55). Слышалъ, что причащеніе Божественныхъ и пречистыхъ Таинъ есть животъ вѣчный, и что тѣхъ, кои имѣютъ въ себѣ сей животъ вѣчный, Господь воскреситъ въ послѣдній день? Не такъ это, чтобъ другіе остались въ гробахъ, но такъ, что имѣющіе въ себѣ животъ воскреснутъ для вѣчной жизни, а прочіе воскреснутъ для вѣчныхъ мученій. И чтобъ тебѣ понять, что это истинно, слушай, что далѣе слѣдуетъ: *ядый Мою плоть и піяй Мою кровь во Мнѣ пребываетъ, и Азъ въ немъ. Якоже посла Мя живый Отецъ, и Азъ живу Отца ради: и ядый Мя живъ будетъ Мене ради* (——56. 57). Видишь, что говоритъ? Слышишь, какъ ясно-ясно взываетъ Сынъ Божій, что, чрезъ причащеніе пречистыхъ Таинъ, такое же имѣемъ мы единеніе и жизнь со Христомъ, какое единеніе и жизнь имѣетъ Онъ Самъ со Отцемъ? Ибо какъ Онъ едино есть съ Богомъ и Отцемъ Своимъ по естеству, такъ, говоритъ, и мы едино бываемъ съ Нимъ по благодати, когда вкушаемъ плоть Его и піемъ кровь Его. И чтобы мы не думали, что все сіе совершаетъ видимый хлѣбъ, Онъ говорилъ: *Азъ есмь хлѣбъ сходяй съ небесе.* Не сказалъ только: *сшедый* (ибо это означало бы, что Онъ только

одинъ разъ сошелъ), но что говоритъ? *сходяй съ небесе*, т.-е., Я всегда схожу и прихожу къ тѣмъ, которые причащаются достойно. При этомъ, желая отвлечь умъ нашъ отъ видимаго, или лучше сказать, желая возвести насъ посредствомъ видимаго къ созерцанію невидимой славы упостаснаго Божества Своего, Христосъ Господь говорилъ: *Азъ есмь хлѣбъ животный*, и опять: *Отецъ Мой дастъ вамъ хлѣбъ истинный*, не отъ земли, *а съ небесе*. Говоря: *хлѣбъ истинный съ небесе*, показалъ тѣмъ, что хлѣбъ, который отъ земли, не есть истинный, какъ не приносящій потребной пользы. И чтобъ яснѣе это показать, говоритъ: *хлѣбъ Божій есть сходяй съ небесе и даяй животъ міру*. Опять говоритъ: *сходяй*, и опять: *даяй животъ*. Для чего? Для того, чтобъ ты не подумалъ, что Онъ говоритъ о чемъ-либо тѣлесномъ и, причащаясь, не представлялъ что-либо земное, но самую эту малую часть, коею причащаешься, умными очами души своей созерцалъ обоженною, содѣлавшеюся совершенно подобною хлѣбу, сходящему съ небеси, который есть Богъ истинный,—хлѣбъ и питіе безсмертной жизни; дабы не остаться тебѣ въ невѣріи, съ однимъ хлѣбомъ, который видишь чувствами своими, и такимъ образомъ не вкушать хлѣбъ лишь земный, а не небесный, и не лишиться за то живота, яко не вкусившему духовно небеснаго хлѣба, какъ говоритъ Самъ Христосъ: *Духъ есть, иже оживляетъ, плоть не пользуетъ ничтоже* (——63). Какихъ это не пользуетъ? Тѣхъ, которые говорятъ, что Онъ простой человѣкъ, а не Богъ. И ты вѣрный, если причащаешься хлѣба только, а не тѣла обоженнаго, и если не вѣруешь, что при семъ пріемлешь въ себя Самого Христа всего, какъ надѣешься пріять отъ Него животъ и имѣть Его въ себѣ ощутительно для чувства души твоей? ибо слышишь, что говоритъ Онъ? *Ядый Мя*, т.-е., съ неба сходящій хлѣбъ,

живъ будетъ во вѣки. И опять: *плоть не пользуетъ Духъ есть иже оживляетъ.* Истинно Духъ есть, Иже очищаетъ насъ и дѣлаетъ достойными причастія тѣла Господня. Ибо тѣ, которые, причащаются недостойно, судъ себѣ ядятъ и піютъ, не разсуждая тѣла Господня, какъ говоритъ Апостолъ.

Итакъ елицы вѣрніи, елицы познали силу таинствъ, о коихъ мы сказали и говоримъ, елицы вкусили хлѣба небеснаго и съ нимъ стяжали животъ вѣчный, даруемый симъ небеснымъ хлѣбомъ, т.-е. Сыномъ Божіимъ, и стали пребывать въ Немъ и съ Нимъ,—пріидите, восхитимся духовно и мысленно и мы до третьяго небесе, или, лучше сказать, до самаго неба Пресвятыя Троицы, да видимъ и слышимъ все то, что было изглаголано и что однакожъ пребываетъ неизглаголаннымъ, и да вкусимъ, да обоняемъ и да осязаемъ то добрѣ руками души своей, т.-е., да познаемъ то истинно умнымъ чувствомъ, и за тѣмъ возблагодаримъ и прославимъ человѣколюбиваго Бога, говоря: препрославленъ буди, Господи, благоволившій явитися и открытися въ насъ, и во всѣхъ вообще, скажемъ такъ, братіяхъ нашихъ.

Отцы и братія, монахи вкупѣ и мірскіе, богатые и бѣдные, рабы и свободные, юноши и старцы, и всякій возрастъ и родъ, послушайте! Богъ не ложенъ и не безсиленъ сотворить то, что обѣщалъ. Онъ не укоснитъ посѣтить всѣ языки, и никому невозможно укрыться отъ очей Его, или стерпѣть явленіе славы Его въ день суда. Ибо когда *небеса съ шумомъ мимо идутъ, стихіи же сжигаемы разорятся,* какъ говоритъ св. Петръ (2 Петр. 3, 10), тогда невозможно человѣку стерпѣть день пришествія неприступнаго Бога, живущаго во свѣтѣ неприступномъ, Который, всегда пребывая въ немъ (свѣтѣ) и съ нимъ приходя въ міръ, такъ имѣетъ быть узрѣнъ всякимъ человѣкомъ. Тогда грѣшниковъ объиметъ истинно

великій страхъ и трепетъ, и нѣтъ скорби и печали, нѣтъ болѣзни и муки, которыя могли бы сравняться съ тѣми, какія испытаютъ тогда грѣшники. Но которые вѣруете этому и желаете спасенія себѣ, послушайте, что говоритъ Духъ Святый: да возвратится вспять каждый изъ васъ отъ злаго пути, которымъ идетъ, т.-е. да оставитъ грѣхи, которые творитъ; научитеся добро творити; избавьте обидимаго; взыщите притрудно Господа и жива будетъ душа ваша; уклонитеся отъ зла и сотворите благо; цари возлюбите облекаться паче въ цѣломудріе, правду, истину и вѣру благочестивую, нежели украшаться царскимъ вѣнцемъ и царскими одеждами; патріархи, если вы не други Богу и не сыны Его, сойдите съ троновъ вашихъ и подите прежде самихъ себя научите отъ Божественныхъ Писаній, и когда станете отображеніемъ Бога и уподобитесь Ему, тогда приближьтесь со страхомъ и трепетомъ, и осяжите божественная; если же не такъ, то, когда явится Богъ, тогда познаете, что Онъ есть огнь поядаяй не тѣхъ, кои возлюбили Его, но тѣхъ, кои не хотѣли пріять Его, когда Онъ приходилъ просвѣтить ихъ. Властители покоритесь и смиритесь; и богатые станьте лучше бѣдными, потому что неудобно богатому внити въ царствіе небесное. И если богатому неудобно внити, то властителю и совсѣмъ невозможно внити. Да, невозможно: ибо Господь говоритъ ученикамъ Своимъ: *князи языкъ господствуютъ ими. Не такоже будетъ въ васъ, но иже аще хощетъ въ васъ вящшій быти, да будетъ вамъ слуга: и иже аще хощетъ въ васъ быти первый, буди вамъ рабъ* (Мѳ. 20, 25—27). Княземъ Писаніе называетъ того, кто ищетъ лишь себѣ чести и славы, и силою власти своей творитъ лишь свою волю. Но если Господь нашъ и Богъ, снизшедшій на землю для спасенія нашего и намъ во всемъ подавшій спасительный примѣръ, говорилъ: *снидохъ съ небесе, не да творю волю Мою, но волю пославшаго Мя*

Отца (Іоан. 6, 38); то кто изъ вѣрующихъ въ Него можетъ спастись, не творя воли Божіей, а только свою собственную? И что я говорю—спастися? таковому невозможно вѣрнымъ быть и христіаниномъ истиннымъ именоваться. Это объявляетъ Самъ Христосъ Богъ нашъ, когда говоритъ: *како вы можете вѣровати, славу другъ отъ друга пріемлюще, и славы, яже отъ единаго Бога, не ищете* (Іоан. 5, 44)? Почему всякій, ищущій славы Божіей и во всякомъ дѣлѣ всячески подвизающійся творить не свою, а Господню волю, никогда не возмечтаетъ властвовать надъ кѣмъ-либо другимъ, или представлять себя высшимъ кого, малаго или болынаго; но чѣмъ большее дадутъ ему настоятельство, и чѣмъ пространнѣйшее поручатъ управленіе, тѣмъ больше будетъ онъ имѣть себя искренно низшимъ и меньшимъ, и почитать слугою тѣхъ, коихъ имѣетъ подъ своею властію. Но тѣ, которые не имѣютъ такого расположенія, но ищутъ человѣческой славы и жаждутъ богатства и утѣхъ, такіе (стыдно поистинѣ сказать) суть язычники, а не христіане настоящіе, какъ изрекъ божественный гласъ Іисуса Господа и Бога нашего: *всѣхъ сихъ языцы ищутъ:* вы же *ищите прежде царствія Божія и правды его, и сія вся приложатся вамъ* (Лук. 12, 30).

3. Но знаете ли, какого царствія велитъ Онъ искать намъ? Того ли, которое находится на высотѣ небесной и имѣетъ открыться по воскресеніи всѣхъ мертвыхъ? И когда заповѣдуетъ намъ искать его, сколь далекимъ полагаетъ Онъ его отъ насъ? Слушай внимательно, да познаешь, какого царства искать велитъ намъ Господь. Богъ Творецъ и устроитель всяческихъ надъ всѣмъ царствуетъ, и небеснымъ, и земнымъ, и преисподнимъ; наипаче же царствуетъ Онъ надъ нами правдою, вѣдѣніемъ и истиною. И вотъ сего-то царства искать велитъ намъ Господь, т.-е. искать, да царствуетъ и надъ нами Богъ.

Какъ же да царствуетъ? Да возсѣдитъ поверхъ насъ, какъ на колесницѣ, да держитъ руками Своими желанія душъ нашихъ, какъ бразды, и находя насъ послушными, да направляетъ насъ туда, куда хочетъ, управляя желаніями нашими, какъ конями по волѣ Своей, чтобъ мы охотно покорствовали заповѣдямъ и повелѣніямъ Его и исполняли ихъ. Этимъ способомъ царствуетъ Богъ въ тѣхъ, въ которыхъ никогда не царствовалъ, послѣ того какъ они очищаются посредствомъ слезъ и покаянія и дѣлаются совершенными духовною мудростію и разумомъ. Такъ и люди въ мірѣ семъ бываютъ какъ Херувимы на небѣ, имѣя на раменахъ душъ своихъ Бога. Кто же столько несмысленъ и безчувственъ, чтобы не возжелалъ увидѣть такую божественную славу, и не употребилъ всѣхъ усилій и подвиговъ стяжать ее, но лучше воспохотствовалъ стяжевать богатство, или славу, или власть мірскую? Или, лучше сказать, кто столько окаяненъ и умоизступленъ, чтобъ подумалъ, что кромѣ царствія и славы Божіей есть другое нѣчто болѣе великое, слава ли, или царство, или богатство, или честь, или власть, или удовольствіе, или другое что изъ того, что именуется и почитается благомъ на землѣ или на небѣ, чтобы, сравнивъ, избрать ему лучше это, а не то? Для имѣющихъ разумъ поистинѣ нѣтъ другаго блага, кромѣ царствія Божія.

Посему никто да не дерзаетъ несмысленно отгонять отъ себя Христа, Который повсюду ходитъ ища, да царствуетъ надъ всѣми нами. Никто, прошу васъ, да не лишаетъ себя сего великаго и вожделѣннаго дара. Никто да не низпадаетъ отъ сей истинной славы. Никто да не оставляетъ Щедродавца Бога, Творца всего сущаго, изъ-за временнаго богатства. Никто да не отрицается Владыки всяческихъ изъ-за пристрастія любви къ родителямъ, друзьямъ и сродникамъ. Никто да не погубляетъ сладости истинной жизни изъ-за похоти плотской. Никто да не

отчуждаетъ себя отъ вѣчной и нескончаемой славы изъ-за славы временной. Но пріидите, совокупимся всѣ во едино и взыщемъ, да пріидетъ и воцарится въ каждомъ изъ насъ Тотъ, Кто есть выше всякаго начала и власти и всякаго имене именуемаго; каждый изъ насъ да воспріиметъ въ себя всего Его и да имѣетъ Его неотлучнымъ отъ себя день и ночь, чтобы Онъ просвѣщалъ его Своимъ пресвѣтлымъ и неприступнымъ свѣтомъ (тѣмъ свѣтомъ, который имѣетъ тогда попалить враговъ Божіихъ, когда Онъ пріидетъ сотворить судъ надъ ними, невѣрующими въ Него, не пріемлющими Его и не хотящими, да царствуетъ Онъ надъ ними), сшествовалъ съ нимъ внутрь жилища его, опочилъ съ нимъ на одрѣ его, объялъ его невидимыми объятіями Своими и облобызалъ неизреченнымъ цѣлованіемъ; чтобъ утѣшалъ его въ болѣзни, отгонялъ печали и скорби, изгонялъ бѣсовъ, каждочасно подавалъ ему радость и слезы сладчайшія меда и сота, врачевалъ душевныя и тѣлесныя страсти, уничтожалъ страхъ смерти, изводилъ неизреченно источники жизни, и послѣ смерти возводилъ каждаго изъ насъ на небеса небесъ. Все сіе надлежитъ тебѣ, возлюбленный, познать самымъ дѣломъ и испытать всѣмъ чувствомъ души твоей, чтобъ стяжать въ себя Бога, Который возводилъ бы тебя вмѣстѣ съ Собою на небеса, теперь въ сей жизни безъ тѣла, а послѣ въ другой жизни воскресилъ бы тебѣ и тѣло сіе, содѣлавъ его вседуховнымъ, и потомъ уже царствовалъ надъ тобою нескончаемые вѣки, тебя носилъ, и Самъ тобою былъ носимъ, сый надъ всѣми Богъ, Коему подобаетъ всякое благодареніе, честь и поклоненіе, со безначальнымъ Его Отцемъ, и пресвятымъ, благимъ и животворящимъ Его Духомъ, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

Жизнь преподобнаго Сумеона Новаго Богослова. 3

СЛОВО ПЕРВОЕ. 1) Въ чемъ состояло преступленіе Адамово? 2) Какъ по причинѣ преступленія его всѣ люди сдѣлались тлѣнными и смертными? 3) Какъ милостивый и человѣколюбивый Богъ чрезъ домостроительство воплощенія избавилъ родъ человѣческій отъ тлѣнія и смерти? 4) И въ чемъ состоитъ таинство креста и трехдневнаго погребенія Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа? 21

СЛОВО ВТОРОЕ. 1) О томъ, что естество человѣческое чрезъ воплощеніе Сына и Бога-Слова приходитъ опять въ благобытіе, т.-е., въ то доброе и божественное состояніе, въ какомъ было оно до преступленія Адамова. 2) Также о законѣ естественномъ, писанномъ и духовномъ. 3) Еще о томъ, какимъ способомъ можетъ кто придти въ благобытіе. 4) И какія дѣла дѣлая можемъ мы войти въ царствіе небесное. 27

СЛОВО ТРЕТЬЕ. О томъ, что намъ надлежитъ испытать самихъ себя, имѣемъ ли мы блаженства Христовы, потому что они (добродѣтели, ими указываемыя) суть знакъ печати (Христовой) 32

СЛОВО ЧЕТВЕРТОЕ. 1) О томъ, что смерть души есть удаленіе изъ нея Духа Святаго, жало же смерти сей—грѣхъ; и что смерть и тлѣніе тѣла есть уподобленіе смерти и растлѣніе души. 2) И о томъ, какіе признаки мертвости и живости души? 3) О томъ, какимъ образомъ бываетъ отъятіе тлѣнія и смерти; и о томъ, что смерть нынѣ не истреблена, а попрана и сдѣлана ничтожною. 4) О томъ, какъ послѣ смерти прославляются тѣлеса почившихъ святыхъ; также о воскресеніи и праведномъ судѣ Божіемъ. 44

СЛОВО ПЯТОЕ. 1) Что есть самовластіе, которое даровалъ Богъ человѣку въ началѣ? 2) И послѣ паденія, что осталось въ человѣкѣ отъ сего самовластія? 57

СЛОВО ШЕСТОЕ. 1) Что въ тѣлѣ болѣзнь, то въ душѣ грѣхъ. 2) Какъ имѣемъ мы чувство тѣлесное, такъ надобно, чтобъ душа имѣла чувство духовное и чувствовала какъ болѣзнь свою, такъ и здравіе. 3) Кто не имѣетъ чувства духовнаго и не чувствуетъ, больна ли душа его или здорова, тотъ еще не христіанинъ, хотя и называется христіаниномъ: ибо прямой плодъ вѣры христіанской есть здравіе души 63

Стр.

СЛОВО СЕДЬМОЕ. 1) Богъ, по чрезмѣрной любви Своей къ людямъ, подвергъ ихъ разнымъ лишеніямъ въ жизни сей. 2) Бѣдность есть благодѣяніе Святаго Бога. 3) Кто хулитъ бѣдность, тотъ отрицается христіанства и не хочетъ быть христіаниномъ. 4) Необходимость настоитъ, чтобы христіане имѣли скорби и бѣды 69

СЛОВО ОСЬМОЕ. 1) Удерживать въ умѣ читаемое въ Божественномъ Писаніи есть дѣйствіе силы Божіей. 2) О молитвѣ и чтеніи. 3) Какъ надлежитъ христіанину молиться? 74

СЛОВО ДЕВЯТОЕ 1) Самый большой грѣхъ есть молиться безъ страха Божія, безъ благоговѣнія и вниманія. Допускающіе его не вѣдаютъ какъ должно Бога. 2) Для того, чтобы познать Бога, потребенъ божественный свѣтъ. 3) Всякій человѣкъ грѣшитъ умомъ, словомъ и дѣломъ. Чтобъ охранитьсѧ отъ грѣховъ, надо прежде всего уврачевать умъ. 81

СЛОВО ДЕСЯТОЕ. 1) Богъ не немощнымъ создалъ въ началѣ человѣка, такъ чтобы онъ согрѣшилъ по немощи, какъ теперь грѣшитъ. 2) Иное есть грѣхъ Адама, а иное прочіе грѣхи, коими грѣшимъ мы нынѣ. 3) Что намъ даровано отъ Христа, и что есть грѣхъ? 4) Того ради Богъ содѣялся человѣкомъ, да упразднитъ дѣла діавола 86

СЛОВО ОДИННАДЦАТОЕ. 1) Пишетъ сіе слово св. отецъ къ одному ученику изъ мірянъ, и научаетъ, какъ должно чтить св. отцевъ духовныхъ? 2) Что должно дѣлать, чтобъ найти настоящаго духовнаго отца? 3) И нашедши его, какъ должно къ нему относиться? . . . 92

СЛОВО ДВѢНАДЦАТОЕ. 1) Кающійся во грѣхахъ своихъ никакой не получитъ пользы, если не взыщетъ пріять отъ Христа Господа и врачевство той немощи своей, по причинѣ коей грѣшитъ. 2) Что бы ни дѣлалъ человѣкъ въ настоящей жизни, всуе дѣлаетъ, если то не способствуетъ къ здравію его душевному. 3) Какъ грѣхъ бываетъ по волѣ нашей и безъ воли нашей? 121

СЛОВО ТРИНАДЦАТОЕ. 1) Врачевство врачующее душу одно, а не много ихъ. 2) Четырьмя образами грѣшатъ люди. 3) Спасеніе всѣхъ въ единой волѣ Божіей; человѣкъ же не имѣетъ въ себѣ ничего, чѣмъ бы самъ могъ спастися. 126

СЛОВО ЧЕТЫРНАДЦАТОЕ. 1) Чего требуетъ Богъ отъ христіанина? 2) Какой вредъ потерпѣлъ и терпитъ человѣкъ отъ діавола, а не знаетъ того? 3) Всѣ люди недугуютъ душею, и не понимаютъ того. 4) Надобно имъ познать недуги свои, чтобъ взыскать врача. 5) Лукавый діаволъ свои искушенія какъ приманку какую полагаетъ предъ людьми. 6) По какой причинѣ не всѣ христіане преуспѣваютъ въ добродѣтеляхъ? 133

СЛОВО ПЯТНАДЦАТОЕ. 1) Есть семь классовъ лицъ, для которыхъ потребна молитва церкви о спасеніи ихъ. 2) Тѣ, которые молятся Богу, а между тѣмъ сами не знаютъ, о чемъ просятъ, не бываютъ услышаны. 3) Всуе трудятся тѣ, которые не молятся въ духѣ 141

СЛОВО ШЕСТНАДЦАТОЕ. 1) Кто истинный христіанинъ? 2) Христіанинъ, который любитъ славу, или удовольствія, или деньги, не истинный христіанинъ. 3) Христіанамъ необходимо нести чувствитель-

Стр.

вныя лишенія и подвиги, чтобъ освободиться отъ сихъ страстей. 4) Всякое доброе дѣло надобно дѣлать съ тою цѣлію, чтобы пріять благодать Христову и святость. 5) Молиться со вниманіемъ есть даръ Божій. 6) Грѣшники– враги Богу, отъ которыхъ Онъ отвращается. . . 149

СЛОВО СЕМНАДЦАТОЕ. 1) Какое бы ни сдѣлалъ человѣкъ добро, ему же самому бываетъ отъ того благо. 2) Какъ узнать, принялъ ли Богъ нашъ постъ, молитвы и милостыню? 3) Какъ должно пѣть и молиться? 4) Освященіе и свобода даются душѣ посредствомъ вѣры. 5) Душею псалмопѣнія должно быть смиренномудріе. 6) Чѣмъ погашается благодать Божія 158

СЛОВО ОСЬМНАДЦАТОЕ. 1) Вѣра въ семи значеніяхъ употребляется. 2) Чрезъ вѣру сподобляется человѣкъ благодати Божіей. 3) Невозможно безъ вѣры угодить Богу. 167

СЛОВО ДЕВЯТНАДЦАТОЕ. 1) Душа очищается посредствомъ вѣры и исполненія заповѣдей Христовыхъ. 2) Облекается она свыше сходящею силою Духа Святаго и сподобляется зрѣть Бога. 3) Желающимъ получить благо отъ Бога надлежитъ съ радостію терпѣть всякую скорбь, злострадания и искушенія, ихъ встрѣчающія. 4) Всякому надлежитъ разсмотрѣть себя, достоинъ ли онъ внити въ царствіе небесное. 173

СЛОВО ДВАДЦАТОЕ. 1) Кто тѣ, кои истинно любятъ Бога, отъ чего раждается любовь къ Богу и чѣмъ обнаруживается? 2) Какія дѣла любви къ ближнимъ по Богу? 3) Любовь есть глава закона . . . 181

СЛОВО ДВАДЦАТЬ ПЕРВОЕ. 1) О милостынѣ: кто насыщаетъ Бога, когда Онъ алчетъ, и напаяетъ, когда Онъ жаждетъ, и какъ потому можно совершать такого рода дѣла? 2) Не получаетъ настоящей пользы тотъ, кто милуетъ только бѣдныхъ, а не милуетъ и себя самого, оставляя себя въ небреженіи обнаженнымъ отъ всякаго добраго дѣла и отъ благодати Божіей. 185

СЛОВО ДВАДЦАТЬ ВТОРОЕ. 1) Прежде надлежитъ намъ получить благодать Христову, и тогда уже проходить можемъ жизнь по Богу. 2) Какимъ образомъ сподобляются сей благодати? 3) Кто во грѣхѣ и кто въ благодати? 4) Всякій грѣхъ отъ діавола, а добро отъ Христа. 5) Что есть глава добродѣтелей, и что ноги ихъ? 199

СЛОВО ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЕ. Тремъ страстямъ бываютъ порабощаемы люди: сребролюбію, славолюбію и сластолюбію. 208

СЛОВО ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТОЕ. 1) Богъ никого не создалъ быть рабомъ другаго человѣка, тѣмъ менѣе демоновъ. 2) О безсловесномъ гнѣвѣ и похоти, и отъ чего подвергается имъ человѣкъ. 3) Какъ для тѣлеснаго зрѣнія потребны здравые глаза, соразмѣрное разстояніе, чистый воздухъ и свѣтъ солнца, такъ и для умнаго зрѣнія потребно все такое мысленно 217

СЛОВО ДВАДЦАТЬ ПЯТОЕ. 1) О страстномъ, пенѣрномъ и лукавомъ или зломъ настроеніи. 2) Въ чемъ состоитъ единеніе Бога съ сынами свѣта, и какъ оно происходитъ? 226

СЛОВО ДВАДЦАТЬ ШЕСТОЕ. О покаяніи и противъ тѣхъ, которые криво толкуютъ слѣдующія слова божественнаго Павла: *ихже предувѣдѣ, тѣхъ и предустави*, и проч. (Римл. 8, 29 и д.). 232

Стр.

СЛОВО ДВАДЦАТЬ СЕДЬМОЕ. Душеполезныя наставленія всякому христіанину 241

СЛОВО ДВАДЦАТЬ ОСЬМОЕ. 1) Всякій грѣхъ есть нечестіе, и всякій грѣшникъ—нечестивецъ. 2) Христосъ умеръ, чтобъ исцѣлить людей отъ грѣховъ ихъ. 3) Чтобъ именоваться только христіанами, это переходитъ къ намъ отъ предковъ нашихъ и отъ рода христіанскаго . . 245

СЛОВО ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТОЕ. 1) Кто ищетъ отъ Бога, а самъ не знаетъ, чего ищетъ, тщетно ищетъ. 2) Какъ молиться о царствіи Божіемъ? 3) Душа, сподобившаяся царствія, должна ощущать сіе чувствомъ и являть дѣломъ. 4) Кто лукавый, и какъ можно избавиться отъ рабства ему? 5) Какимъ образомъ совершается воскресеніе души? 249

СЛОВО ТРИДЦАТОЕ. 1) Сколько видовъ познанія о Богѣ и какіе они? 2) Намъ надлежитъ знать, что есть Богъ, но что Онъ есть, того не должно допытываться. 3) Чтобъ быть христіаниномъ, надо вѣровать и креститься. 4) Кто называется и есть христіанинъ, и кто называется, но не есть христіанинъ? 5) Кто не творитъ воли Христа Спасителя, тотъ не христіанинъ. 6) Неправедные христіане хуже Евреевъ. 259

СЛОВО ТРИДЦАТЬ ПЕРВОЕ. 1) Два есть главнѣйшихъ дѣла, изъ коихъ въ одномъ пагуба, въ другомъ спасеніе. 2) Гордость растетъ вмѣстѣ съ человѣкомъ. 3) Всякому необходимо сознать, что онъ ничто. 4) Главная черта христіанина есть смиреніе. 5) Есть двѣ жертвы, благопріятныя Богу, безъ коихъ нѣтъ спасенія. 6) Какой признакъ того, что приближается кто къ Богу? . . . . . 2[illegible]

СЛОВО ТРИДЦАТЬ ВТОРОЕ. Посланное къ нѣкоему брату христіанину—о покаяніи, гдѣ показывается, что надобно дѣлать тому, кто послѣ того, какъ впалъ въ грѣхъ и пріобрѣлъ злой навыкъ, покаялся и положилъ начало исправленію. . . . . 27[illegible]

СЛОВО ТРИДЦАТЬ ТРЕТЬЕ. Къ причащающимся Божественныхъ Таинъ.—И кто причащается недостойно 279

СЛОВО ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЕРТОЕ. 1) О словахъ Апостола Павла: *искупующе время, яко дніе лукави суть* (Еф. 5, 16). 2) Какимъ образомъ искупаетъ кто разумно время настоящей жизни? 285

СЛОВО ТРИДЦАТЬ ПЯТОЕ. 1) О словахъ: *первый человѣкъ отъ земли перстенъ, вторый человѣкъ Господь съ небесе* (1 Кор. 15, 47). 2) Какъ совлекаемся мы перстнаго человѣка, и облекаемся во Христа, и дѣлаемся родственниками Ему и братіями? 293

СЛОВО ТРИДЦАТЬ ШЕСТОЕ. 1) Богъ въ день суда осудитъ, какъ грѣшниковъ, тѣхъ, которые не ищутъ пріять благодать Божію. 2) Сила грѣха непонятна. 3) Христосъ употребляетъ члены христіанъ, какъ орудія 301

СЛОВО ТРИДЦАТЬ СЕДЬМОЕ. 1) Человѣкъ потерялъ истину послѣ того, какъ изгнанъ былъ изъ рая. 2) Въ чемъ грѣхъ діавола, и въ чемъ—Адама? 3) Человѣкъ грѣшенъ отъ самаго зачатія своего. 4) И возраждается Святымъ Духомъ во святомъ крещеніи. 5) Чего это желали царіе и пророки, прежде пришествія Христова? 6) Духовный отецъ долженъ прежде оглашать исповѣдающихся и научать таинству

Стр.

вѣры, а потомъ налагать и эпитимію. 7) Всякому христіанину потребно воспріять божественное измѣненіе. 307

СЛОВО ТРИДЦАТЬ ОСЬМОЕ. 1) Всякій изъ насъ долженъ познать, что онъ есть Адамъ, чтобъ быть Христомъ. 2) Таинство воплощенія Сына и Слова Божія имѣетъ цѣлію пересоздать вѣрующихъ въ Него, и дѣлать ихъ нетлѣнными и безсмертными. 3) Опредѣленія Божіи дѣлаются закономъ естества. 4) Какія опредѣленія Божіи опять Имъ отмѣняются, и какимъ образомъ? 316

СЛОВО ТРИДЦАТЬ ДЕВЯТОЕ. 1) Какъ разумѣть: *начало премудрости страхъ Господень?* 2) Какіе признаки и дѣла вѣрныхъ и богобоязненныхъ людей? 3) Какіе признаки и дѣла людей невѣрныхъ и не боящихся Бога? 4) Кто тотъ мертвый, который не живетъ по Богу? 5) Какъ отъ Бога имѣемъ мы бытіе, такъ отъ Него же только полӱчить можемъ и благобытіе. 322

СЛОВО СОРОКОВОЕ Воздержаніе есть одинъ изъ плодовъ Св. Духа. Тѣмъ, кои вѣруютъ во Христа, надлежитъ знать, что они получаютъ отъ Него дары Св. Духа, такъ что которые не знаютъ, что пріемлютъ отъ Христа дары, всуе увѣровали 328

СЛОВО СОРОКЪ ПЕРВОЕ. 1) О праздникахъ, и какъ надобно ихъ праздновать? 2) Противъ тѣхъ, которые хвастаются празднествами. 3) Что означаетъ то, что бываетъ во время ихъ? 4) Къ тѣмъ, которые причащаются Пречистыхъ Таинъ достойно и недостойно. 5) Какъ бываетъ, что иной соединяется съ Богомъ чрезъ святое причастіе, а иной не соединяется? 6) Какое различіе имѣютъ причащающіеся достойно отъ причащающихся недостойно? 333

СЛОВО СОРОКЪ ВТОРОЕ. Что есть таинство воскресенія Христова? Какъ въ насъ бываетъ воскресеніе Христово, и какъ вмѣстѣ съ симъ бываетъ воскресеніе души? 343

СЛОВО СОРОКЪ ТРЕТЬЕ. Объ измѣненіяхъ души и тѣла, которыя бываютъ отъ стихій, пищи и бѣсовъ. 348

СЛОВО СОРОКЪ ЧЕТВЕРТОЕ. 1) Діаволъ пятью чувствами воюетъ противъ людей. 2) Всякое доброе дѣло, какое дѣлаетъ человѣкъ, долженъ дѣлать его или для того, чтобъ умилостивить Бога, или для того, чтобъ возблагодарить Его. 3) Кто ищетъ спасенъ быть, долженъ подвизаться. 4) Въ какихъ людяхъ царствуетъ Царь всяческихъ и Богъ, и въ какихъ не царствуетъ. 355

СЛОВО СОРОКЪ ПЯТОЕ. 1) О сотвореніи міра и созданіи Адама. 2) О преступленіи заповѣди и изгнаніи изъ рая. 3) О воплощенномъ домостроительствѣ Господа, и о томъ, какъ Онъ вочеловѣчился ради насъ. 4) Какъ все твореніе имѣетъ быть опять обновлено? 5) Что это за свѣтлое состояніе, какое имѣетъ опять воспріять вся тварь? 6) Какъ это святые соединяются со Христомъ и Богомъ нашимъ, и бываютъ едино съ Нимъ? 7) Какой это вышній міръ и какъ онъ наполнится,—и когда придетъ конецъ? 8) Пока не родятся всѣ, коимъ предопредѣлено родиться до самаго послѣдняго дня,—дотолѣ вышній міръ не наполнится. 9) На слова Евангелія: „уподобися царствіе небесное че-

Стр.

ловѣку царю, иже сотвори браки сыну своему“ (Мѳ. 22, 2 и д.). 10) Святые по воскресеніи будутъ знать одинъ другаго. 367

СЛОВО СОРОКЪ ШЕСТОЕ. Чрезъ возрожденіе въ бож. крещеніи души вѣрующихъ опять оживляются, и пріявъ Духа Святаго, какъ душу души, приносятъ плоды Духа жизни. Которые же плодоприносятъ зло, осуждаются вмѣстѣ съ некрещенными 419

СЛОВО СОРОКЪ СЕДЬМОЕ. Не слѣдуетъ никому говорить, что въ нынѣшнее время невозможно всякому, кто захочетъ, взойти на верхъ добродѣтели и подражать древнимъ святымъ 424

СЛОВО СОРОКЪ ОСЬМОЕ. Никто да не дерзаетъ думать, что возможно спастись одною вѣрою, безъ дѣланія добрыхъ дѣлъ 433

СЛОВО СОРОКЪ ДЕВЯТОЕ. О духовномъ вѣдѣніи, и что сокровище Духа сокрыто въ буквѣ Божеств. Писанія, и явно не для всѣхъ, а лишь для тѣхъ, кои стяжали въ душу свою благодать Святаго Духа. 442

СЛОВО ПЯТЬДЕСЯТОЕ. 1) Не должно съ нерадѣніемъ проходить дѣланіе заповѣдей Божіихъ, но должно подвизаться соблюсти ихъ всѣ. 2) Искушенія надобно переносить великодушно 449

СЛОВО ПЯТЬДЕСЯТЪ ПЕРВОЕ. Надлежитъ человѣку прежде пріять силу отъ Христа чрезъ святое Крещеніе, и тогда браться за исполненіе заповѣдей: ибо св. Крещеніе дѣлаетъ крещаемыхъ или совсѣмъ неподвижными, или труднодвижимыми на зло, равно какъ и второе крещеніе покаянія. Также какими надлежитъ быть священникамъ. 461

СЛОВО ПЯТЬДЕСЯТЪ ВТОРОЕ. 1) Какіе это неизреченные глаголы, кои слышалъ Апостолъ Павелъ? 2) Что суть блага, иже око не видѣ, ухо не слыша, и на сердце человѣку не взыдоша? 3) Что есть царствіе Божіе, и какъ оно дѣйственно является въ насъ? 467

ОПЕЧАТКИ.

Стран.	*Строк.*	*Напечатано:*	*Слѣдуетъ читать:*
29	8 св.	обезмыслѣлъ	обезсмыслѣлъ
30	12 сп.	потрудиться	протрудиться
41	8 св.	*нами по Христѣ,*	*нами, молимъ по Христѣ,*
60	3 —	предалъ	продалъ
87	12 сн.	неправствуетъ	неправдствуетъ
159	8 св.	ви	не
185	4 сн.	мне илуетъ	пе милуетъ
212	8 св.	имъ	симъ
245	11 —	ве	не
258	17 —	*быстѣ*	*бѣсте*
302	5 —	человѣкъ	человѣковъ
309	5 сн.	грѣхамъ	грѣхомъ
348	8 —	нищи	пищи
364	8 —	сотворилъ	все сотворилъ
373	9 —	увѣдѣвъ	увидѣвъ

СЛОВА

ПРЕПОДОБНАГО СИМЕОНА

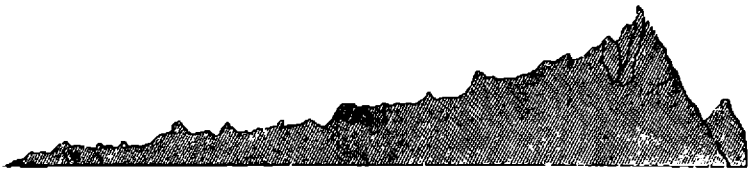
НОВАГО БОГОСЛОВА.

Въ переводѣ на русскій языкъ съ новогреческаго

ЕПИСКОПА ѲЕОФАНА.

Изданіе второе Аѳонскаго русскаго Пантелеимонова монастыря.

ВЫПУСКЪ ВТОРОЙ.



МОСКВА.

ТИПО-ЛИТОГРАФІЯ П. ЕФИМОВА. БОЛЬШАЯ ПКИМАНКА, ДОМЪ СМИРНОВОЙ.

1890.

СЛОВА

ПРЕПОДОБНАГО И БОГОНОСНАГО СИМЕОНА НОВАГО БОГОСЛОВА.

ВЪ ПЕРЕВОДѢ СЪ НОВОГРЕЧЕСКАГО ПРЕОСВЯЩЕННѢЙШАГО ЕПИСКОПА ѲЕОФАНА.

СЛОВО ПЯТЬДЕСЯТЪ ТРЕТЬЕ.

1) О любви, и о томъ, какова жизнь и каковы дѣла добродѣтельныхъ мужей.
2) И ублаженіе тѣхъ, кои имѣютъ сердечную любовь.

1. Братія мои возлюбленные! Хочу бесѣдовать съ вами о душеспасительныхъ предметахъ, и стыжусь (свидѣтель мнѣ Христосъ—истина!) любви вашей, зная мое недостоинство. Потому желалъ бы (какъ вѣдомо то Господу) всегда молчать, и очей своихъ не поднимая, чтобы воззрѣть на лице человѣка, такъ какъ обличаетъ меня совѣсть моя, что опредѣленъ, не будучи того достоинъ, быть руководителемъ всѣхъ васъ, какъ будто знаю путь добродѣтели—я, который не знаю даже того, что подъ ногами моими, и еще не вступалъ на путь Божій. Почему много скорблю, что я смиренный присужденъ руководить васъ честнѣйшихъ меня, которыхъ самому мнѣ надлежало бы имѣть своими руководителями, потому что я ниже всѣхъ васъ и не имѣю слова, свидѣтельствуемаго и подтверждаемаго моими дѣлами и жизнію моею, чтобы дѣйствовать на васъ, воспоминая вамъ о законѣ Божіемъ и о святой волѣ Его. Ибо знаю,

что никогда ничего не дѣлалъ изъ того, что хочу сказать вамъ, а мнѣ хорошо очень извѣстно, что Господь и Богъ нашъ не того ублажаетъ, кто только учитъ, но того, кто прежде творитъ, а потомъ учитъ. *Иже,* говоритъ Онъ, *сотворитъ и научитъ, сей великій наречется въ царствіи небесномъ* (Мѳ. 5, 19). Потому что и тѣ, которые слушаютъ такого учителя, бываютъ готовы подражать ему, не столько получая пользы отъ словъ его, сколько будучи подвигаемы и понуждаемы дѣлами его дѣйствовать подобно ему. Этого я не имѣю, и совѣсть моя свидѣтельствуетъ, что нѣтъ во мнѣ ничего добраго. Но прошу и молю васъ, братія мои возлюбленные, не смотрите на мою нерадивую жизнь, а на повелѣніе Христа Господа и наставленія святыхъ отцевъ; такъ какъ эти богопросвѣщенные отцы наши никакого не предали намъ правила, котораго не исполнили бы напередъ сами.

Итакъ, заповѣди Христовы да будутъ единымъ общимъ для всѣхъ насъ путемъ, который велъ бы насъ на небеса и къ самому Богу. Хотя слово объявляетъ много путей, много указываетъ способовъ, могущихъ привесть человѣка въ царство небесное, но въ самомъ дѣлѣ путей немного, а одинъ путь, только онъ раздѣляется на многіе пути, сообразно съ силою и произволеніемъ каждаго. Ибо каждый изъ насъ начинаетъ особыми дѣлами и дѣланіями, какъ-бы мы начинали движеніе изъ разныхъ мѣстъ и городовъ, стремясь однакожь придти въ одно и тоже мѣсто, т.-е. въ царство небесное. Когда слышимъ о дѣланіяхъ и путяхъ тѣхъ людей, кои жительствуютъ по Богу, то должны разумѣть подъ этимъ духовныя ихъ добродѣтели. И тѣ, которые начали шествовать ими, должны всѣ одно имѣть въ виду и къ одной стремиться цѣли, чтобы всѣмъ изъ разныхъ странъ и мѣстъ собраться въ одинъ городъ, т.-е.

въ царство небесное, и сподобиться сопарствовать Христу, покорствуя единому Царю, т.-е. Богу и Отцу.

Итакъ, одинъ указали мы городъ; идущіе же въ него хотя идутъ изъ разныхъ странъ, но путь каждаго одинаковъ со всѣми другими: это любовь. Мы имѣемъ святую и нераздѣльную троицу добродѣтелей — вѣру, надежду и любовь, и послѣдняя—первая есть, и большая всѣхъ, какъ предѣлъ добротъ (нравственныхъ). Ею удомостроительствована вѣра наша, на ней основана надежда и безъ ней ничто изъ сущаго не происходило и никогда не произойдетъ. У этой любви много именъ и дѣлъ много, и признаковъ ея преобильно, и свойствъ премногое множество. Но существо ея одно и для всѣхъ совершенно непостижимо, и для ангеловъ и для людей, и для всякой другой твари, намъ, можетъ быть, еще невѣдомой. Она неизъяснима словомъ, неприступна въ славѣ, неизслѣдима въ совѣтахъ. Она и вѣчна, ибо безвременна. И незрима она, ибо умопредставляется, но не постигается. Много красотъ у ней, нерукотвореннаго и святаго Сіона, которыя какъ только начнетъ кто узрѣвать, престаетъ уже утѣшаться привлекательными видимостями міра и любить славу его.

2. Позвольте же, братіе, мнѣ побесѣдовать нѣсколько съ сею любовію и привѣтствовать ее, чтобъ, сколько смогу, удовлетворить тѣмъ приверженность мою къ ней. Ибо привелъ я себѣ на умъ красоту непорочной любви, и внезапу возсіялъ свѣтъ ея въ сердцѣ моемъ, и отъ сладости ея сталъ я восхищеннымъ внѣ себя; престало дѣйствіе тѣлесныхъ чувствъ моихъ, вышелъ я мысленно изъ настоящей жизни и забылъ о всемъ, что есть въ мірѣ семъ. Но не знаю, какъ она опять отступила отъ меня, и оставила меня одного оплакивать немощь свою. О любовь превожделѣнная! Блаженъ, кто возлюбилъ тебя, потому что такой не восхощетъ уже

полюбить страстно никакой красоты человѣческой. Блаженъ, кто соплелся съ тобою божественнымъ вожделѣніемъ, потому что такой отречется отъ всего міра и со всякимъ сближаясь человѣкомъ, не осквернится. Блаженъ, кто плѣнился красотами твоими и насладился ими полнымъ желаніемъ, потому что такой освятится въ душѣ пречистою кровію и водою, кои сочатся и каплютъ изъ тебя. Блаженъ, кто облобызалъ тебя всѣмъ сердцемъ, потому что такой измѣнится добрымъ измѣненіемъ въ духѣ своемъ и возрадуется душею своею, такъ какъ ты сама—неизреченная радость. Блаженъ, кто стяжалъ тебя, потому что такой не будетъ уже во что-либо ставить всѣ сокровища міра, такъ какъ ты сама—воистину богатство, никогда не оскудѣвающее. Блаженъ и треблаженъ тотъ, кому подала ты десницу свою, потому что такой, при всемъ видимомъ безславіи, будетъ славнѣе всѣхъ славныхъ и честнѣе всѣхъ чтимыхъ. Похваленъ, кто тебя ищетъ, прехвальнѣе, кто тебя обрѣтетъ, но блаженнѣе всѣхъ тотъ, кто возлюбленъ будетъ тобою, кого посадишь ты одесную себя, кто наученъ будетъ тобою, кто обитать будетъ въ тебѣ, кто напитанъ будетъ отъ тебя безсмертною пищею, т.-е. Господомъ нашимъ Іисусомъ Христомъ.

О любовь божественная! Гдѣ держишь ты Христа? Гдѣ скрываешь Его? Для чего взяла ты Избавителя міра, и отдалила Его отъ насъ? Отверзи немного и для насъ дверь свою, да узримъ и мы Христа, за насъ пострадавшаго, и возуповаемъ на милость Его, потому что коль скоро узримъ Его, то уже не умремъ никогда. Отверзи намъ—ты, содѣлавшаяся для Него дверію къ воплощенному Его домостроительству, и понудившая непонуждаемыя, а сами по себѣ богатно изливающіяся утробы щедротъ Владыки нашего подъять грѣхи и немощи всѣхъ человѣковъ, — и не отгоняй насъ, говоря:

не вѣмъ васъ. Пріиди къ намъ и познай насъ, такъ какъ мы невѣдомы тебѣ. Возобитай въ насъ, чтобъ ради тебя пришедши Господь посѣтилъ и насъ смиренныхъ, срѣтаемый тобою, такъ какъ сами мы нимало того недостойны,—чтобъ, пришедши, Онъ пребылъ немного, бесѣдуя съ тобою, а между тѣмъ позволилъ бы и намъ грѣшнымъ припасть къ пречистымъ стопамъ Его, ты же замолвила бы притомъ доброе о насъ слово и исходатайствовала отпустить намъ долгъ грѣховъ нашихъ, да сподобимся чрезъ тебя опять поработать и послужить Ему, Владыкѣ нашему. И Онъ воспріялъ бы попеченіе о насъ и пропиталъ насъ.

О святая любовь! Когда бы намъ получить отпущеніе ради тебя и сподобиться вкусить благъ Владыки нашего, коихъ сладости безъ тебя никто не можетъ опытомъ познать. Кто не возлюбилъ тебя, какъ должно, и кто не возлюбленъ тобою, какъ подобаетъ, тотъ, можетъ быть, и течетъ, но еще не постигъ. О томъ, кто течетъ, сомнительно еще, постигнетъ ли, прежде чѣмъ кончится теченіе. Но кто тебя постигъ, или кого ты постигла, о томъ не можетъ быть никакого сомнѣнія, успѣхъ его вѣренъ. Ибо ты — конецъ закона, ты, объемлющая меня, согрѣвающая меня и воспламеняющая сердце мое къ безмѣрному возлюбленію Бога и братій моихъ. Ты наставница Пророковъ, сшественница Апостоловъ, сила мучениковъ, вдохновеніе Отцевъ и учителей, совершенство всѣхъ святыхъ и самого меня способленіе къ настоящему служенію.

Но простите мнѣ, братіе, что я немного отступилъ отъ предмета слова сего. Приверженность моя къ любви побудила меня къ тому. Вспомнилъ я объ ней, — и возрадовалось сердце мое, и я устремился къ пѣнію чудесъ ея. Прошу же и вашу любовь, взыщите ее, сколько силъ есть, съ вѣрою теките въ слѣдъ ея, да по-

стигнете, и даромъ не пропадетъ надежда ваша. Ибо всѣ труды и подвиги, которые начала и конца своего не имѣютъ въ любви съ духомъ сокрушеннымъ, тщетны и безполезны. Ученика Христова нельзя познать ни по какой другой добродѣтели, кромѣ какъ по любви, какъ говоритъ Самъ Христосъ: *о семъ разумѣютъ вси, яко мои ученицы есте, аще любовь имате между собою* (Іоан. 13, 15). По любви Богъ сдѣлался человѣкомъ и пожилъ съ нами. По любви претерпѣлъ Онъ волею всѣ животворныя страсти, чтобы избавить человѣка отъ узилищъ ада и возвесть на небеса. По любви Апостолы совершили свое непрерывное теченіе и, сѣтію слова уловивъ всю вселенную, извлекли ее изъ глубины идолослуженія на берегъ царствія небеснаго. По любви мученики пролили кровь свою, чтобъ не потерять Христа. По любви съ готовностію жертвовали жизнію своею за святую соборную и апостольскую Церковь богоносные отцы наши и учители вселенныя. По ней и я, вступивъ въ предстоятельство надъ вами, подвизаюсь учить васъ божественнымъ словесамъ, да явлюсь подражателемъ оныхъ учителей Церкви нашей, сколько это подъ силу мнѣ, съ готовностію подъять всякой трудъ и все претерпѣть, чтобъ только сдѣлать съ своей стороны все, что служитъ ко благу и назиданію вашему, и представить васъ на мысленную трапезу Христову, какъ жертвы совершенныя и всесожженія разумныя. Вы—чада Божіи, и Онъ предалъ мнѣ васъ, какъ малыхъ дѣтей на воспитаніе. Почему вы—утробы мои, очи мои. Вы—похвала моя и печать моего учительства, говоря словами Апостола.

Восподвизаемся же, возлюбленные о Христѣ братія мои, о томъ, чтобъ, какъ другими добродѣтелями благоугождаемъ мы Христу Господу, такъ благоугодить Ему и любовію, какую надлежитъ имѣть намъ между собою

другъ къ другу, да радуется Богъ нашему согласію и совершенству въ любви; да радуюсь и я смиренный, видя всегда ваше преспѣяніе въ жизни по Богу, что она простирается все на лучшее и лучшее въ вѣрѣ, чистотѣ, въ страхѣ Божіи, въ благоговѣйствѣ, въ духѣ сокрушенія и смиренія, въ болѣзнованіи сердца со слезами, коими очищается душа и вся исполняется божественнымъ свѣтомъ и Духомъ Святымъ. И да будетъ сія радость моя въ благословеніе вамъ и приложеніе вѣчнаго и блаженнаго живота, во Христѣ Іисусѣ, Господѣ нашемъ, Коему слава во вѣки. Аминь.

СЛОВО ПЯТЬДЕСЯТЪ ЧЕТВЕРТОЕ.

1) О совершенной любви,—какое дѣйствіе ея?

2) И о томъ, что если не попечемся пріять благодать Святаго Духа здѣсь, въ настоящей жизни, то невозможно намъ быть вѣрными и христіанами; не будемъ мы также чадами Божіими.

1. Если тотъ, кто будучи злонравенъ, держитъ предъ глазами міра видъ человѣка добродѣтельнаго, чтобъ прельстить и погубить многихъ; если, говорю, такой человѣкъ окаяненъ предъ Богомъ, мерзокъ и достоинъ всякаго осужденія предъ людьми: то явно, что тотъ, кто, будучи безстрастенъ, кажетъ себя міру страстнымъ (какъ дѣлали многіе изъ древнихъ отцевъ, чтобъ послужить многимъ во благо и спасеніе, — прехваленъ и преблаженъ. Ибо какъ діаволъ,—который отдалилъ человѣка отъ Бога и лишилъ его всѣхъ благъ рая, тѣмъ, что, скрывшись въ змія, посовѣтовалъ ему по видимости доброе и полезное, во истинѣ же смертоносное,— оказался богоборцемъ и человѣкоубійцею: такъ напротивъ тотъ, кто предъ очами міра кажетъ себя не добрымъ и говоритъ нѣкія слова, по видимости лукавыя, имѣя въ виду узнать діавольскія дѣла тѣхъ, кои кажутся лишь

добродѣтельными и благоговѣйными, чтобъ обратить ихъ на путь покаянія и спасенія, поистинѣ есть подражатель Христовъ, споспѣшникъ волѣ Божіей, спаситель и избавитель человѣковъ.

Это впрочемъ могутъ дѣлать только тѣ, кои не привязаны къ міру сему и никакого не имѣютъ пристрастія къ привлекательнымъ видимостямъ его, но совершенно отчуждившись отъ всякаго мірскаго пристрастія, всецѣло соединились съ Богомъ и имѣютъ внутрь себя всего Христа, и дѣломъ, и искусомъ, и чувствомъ, и вѣдѣніемъ, и созерцаніемъ. Худо конечно подсматривать за кѣмъ и любопытно развѣдывать, что говоритъ и что дѣлаетъ ближній нашъ; но это тогда только, когда кто дѣлаетъ это съ худою цѣлію, чтобъ охулить его, или обезчестить, или ославить, повсюду разглашая, что видѣлъ или слышалъ. Но если кто дѣлаетъ это съ доброю цѣлію, чтобъ исправить погрѣшности ближняго своего, съ любовію къ нему, благоразуміемъ и знаніемъ дѣла, молясь притомъ Богу о спасеніи его отъ всей души и со слезами, то это не худо. Знаю я человѣка, который употреблялъ многіе способы и разные пріемы, чтобъ узнать, что дѣлаютъ жившіе съ нимъ, но дѣлалъ это не для того, чтобъ вредъ имъ какой причинить, но для того, чтобъ потомъ поспособствовать имъ оставить худыя дѣла свои и злые помыслы, привлечь къ себѣ кого словомъ, кого какимъ либо подаркомъ, кого другимъ какимъ образомъ; и иногда плакалъ то объ одномъ, то о другомъ, иногда билъ себя въ лице и въ грудь за спасеніе кого-либо, иногда самъ принималъ лице согрѣшившаго словомъ или дѣломъ и воображая себя самого согрѣшившимъ грѣхомъ брата, исповѣдалъ грѣхъ сей Богу и молилъ о прощеніи, обильныя проливая слезы. Зналъ и другаго, который такъ много радовался о подвизающихся, исправляющихъ всякую добродѣтель и пре-

успѣвающихъ въ добрѣ, какъ бы увѣренъ былъ, что получитъ воздаяніе за ихъ добродѣтели и подвиги, паче ихъ самихъ подвизающихся; и опять о тѣхъ, кои согрѣшили словомъ, или дѣломъ, и оставались въ грѣхѣ, такъ сильно скорбѣлъ и сокрушался, какъ бы не сомнѣвался, что онъ одинъ имѣетъ дать отвѣтъ за всѣхъ ихъ и быть ввереннымъ во адъ. Знаю я и такого, который такъ сильно желалъ спасенія братій своихъ, что много разъ съ теплыми слезами умолялъ Бога, чтобъ или и они спасены были, или и онъ вмѣстѣ съ ними преданъ былъ мукамъ. Движимый богоподражательною теплою любовію, онъ никакимъ образомъ не хотѣлъ спасенъ быть одинъ безъ братій своихъ. Ибо такъ соединился съ ними духовно, союзомъ святой любви, въ Духѣ Святомъ, что и въ царство небесное не желалъ внити, отдѣлясь отъ нихъ. О единеніе святое! О союзъ святый! О неизъяснимая сила души любомудренной, или лучше сказать. Богоносной, совершенной въ любви къ Богу и ближнему!

2. Кто не достигъ еще въ мѣру такой любви и не видитъ въ душѣ своей никакихъ признаковъ оной, тотъ еще по земному и на землѣ живетъ, или, лучше сказать, такой еще подъ землею кроется, какъ кротъ: ибо подобно этому кроту, и онъ слѣпъ, и только слухомъ слышитъ тѣхъ, кои говорятъ поверхъ земли. Какое несчастіе! Рождены мы отъ Бога во святомъ Крещеніи, содѣлались безсмертными, сподобились именоваться небеснымъ именемъ, и быть наслѣдниками Богу, сонаслѣдниками же Христу, и гражданами небесными,—и еще не приняли чувствомъ, и не познали искусомъ толикихъ благъ. Но какъ не чувствуетъ желѣзо, какъ полагаютъ его въ огонь,—какъ не чувствуетъ бездушная кожа, какъ ее окрашиваютъ,—таковы же и мы, когда, такими Божіими обложены бывъ благами, исповѣдуемъ, что никако-

го о нихъ не имѣемъ чувства. Представляя изъ себя христіанъ, показываемъ міру, что мы вѣрные и совершенные христіане, хвалимся вѣрою своею и столькими благами, отъ Бога въ ней полученными; но на дѣла вѣры остаемся неподвижными, и живемъ жизнію, поистинѣ окаянною и жалости достойною. Въ этомъ отношеніи мы похожи на актеровъ театральныхъ, которые принимаютъ образъ царей и другихъ великихъ людей, сами въ себѣ будучи самыми бѣдными и ничтожными, или походимъ на блудницъ, которыя отъ природы некрасивы, но поднарядившись и подкрасивъ себя румянами, воображаютъ себя красавицами. Характеристическія же черты и признаки христіанъ, рожденныхъ отъ Бога, не таковы. — Но какъ дитя, вышедши изъ чрева матери, чувствуетъ воздухъ сей, не зная того, и тотчасъ само-собою начинаетъ кричать и плакать: такъ и тотъ, кто, бывъ рожденъ благодатію всесвятаго Духа, выходитъ изъ міра сего, какъ изъ мрачной нѣкоей утробы и входитъ въ мысленный и небесный свѣтъ, и нѣкоторымъ образомъ проникаетъ нѣсколько въ божественный оный свѣтъ, — въ тоже время вдругъ исполняется неизреченною радостію и испущаетъ слезы безъ печали, помышляя о томъ, изъ какого рабства тмы освободился онъ, и въ какой блистательный свѣтъ сподобился войти. Таково начало христіанства! Тѣ же, которые не видѣли и не испытали такого блага или испытавши потеряли, а взыскать снова его не взыскали отъ Бога, въ терпѣніи и долгомъ злостраданіи, въ плачѣ и слезахъ, чтобъ, очистившись дѣлами покаянія, т.-е. постомъ, бдѣніемъ, молитвою, сердечнымъ сокрушеніемъ и прочимъ подобнымъ, опять улучить оное потерянное благо, то-есть, благодать Св. Духа и соединиться съ нимъ,—таковые какъ могутъ, скажи мнѣ, даже именоваться христіанами, когда они совсѣмъ не таковы, какими слѣдуетъ быть христіанамъ?

Рожденное отъ плоти плоть есть, и рожденное отъ Духа духъ есть. Тотъ же, кто родился отъ Духа и сталъ мужемъ совершеннымъ, и однакожь никогда не подумалъ, какую благодать потерялъ по причинѣ недоброй жизни своей и не созналъ, что долгъ имѣетъ обновиться духовно чрезъ покаяніе и снова пріять божественную благодать для измѣненія жизни своей, и никакой о томъ не поимѣлъ заботы и попеченія,—таковый какъ можетъ быть духовнымъ чадомъ Божіимъ? Или какъ можетъ быть причисленъ къ истиннымъ христіанамъ, кои суть духовныя чада Божіи? Развѣ самъ собою тайкомъ вмѣшается онъ въ среду чадъ свѣта и сядетъ вмѣстѣ съ ними за царскую трапезу? Но за это изгонятъ его вонъ, какъ не сына свѣта, а плоти и крови, и, связавъ руки и ноги, ввергнутъ въ огнь вѣчный, уготованный діаволу и аггеламъ его. И праведно. Ибо того, кто получилъ область быть чадомъ Божіимъ и наслѣдникомъ царства небеснаго и вѣчныхъ благъ, и всякими способами наученъ, какъ, какими добродѣтелями и какихъ заповѣдей Божіихъ исполненіемъ можетъ достигнуть сей чести и славы, но презрѣлъ все сіе, предпочетши земное и тлѣнное небесному нетлѣнному и привременную славу поставивъ выше вѣчной, — какъ не отдѣлить такого отъ прочихъ вѣрныхъ?

Посему умоляю васъ, братія мои возлюбленные, пока имѣете время и въ настоящей еще находитесь жизни, подвизайтесь. Потщитесь содѣлаться сынами Божіими и чадами свѣта,—что даруетъ намъ рожденіе, свыше бывающее чрезъ покаяніе; возненавидьте міръ и все, что въ мірѣ; возненавидьте плоть и страсти, отъ нея раждающіяся; возненавидьте всякую похоть злую и лихоиманіе, даже до малѣйшей вещи. И это все легко будетъ намъ сдѣлать, если будемъ содержать въ мысли, какую великую славу, радость и упокоеніе имѣемъ мы получить чрезъ то. Ибо скажите мнѣ, прошу васъ, что другое на

землѣ или на небѣ можетъ быть больше, какъ быть сыномъ Божіимъ, наслѣдникомъ Богу, сонаслѣдникомъ же Христу? Поистинѣ ничего нѣтъ. Мы же, предпочитая земное и привременное, не ища небесныхъ благъ и не любя ихъ отъ всей души, явно показываемъ тѣмъ, которые видятъ насъ, во первыхъ,—что мы невѣрные, какъ написано: *како можете вѣровати, славу другъ отъ друга пріемлюще, и славы, яже отъ единаго Бога, не ищете?* (Іоан. 5, 44), потомъ—что мы поработились страстямъ и прилѣпились къ землѣ и земному, совсѣмъ не хотимъ возвесть ума своего къ небу и Богу, но, безсмысленно преступая заповѣди Его, испадаемъ отъ всыновленія Ему. И что, скажи мнѣ, можетъ быть безсмысленнѣе того, кто оказываетъ преслушаніе Богу и не подвизается быть сыномъ Его? Кто вѣруетъ, что Богъ есть, тотъ помышляетъ о Немъ все великое и преславное, исповѣдуя, что Онъ одинъ есть Владыка, Господь и Творецъ всяческихъ, и что есть безсмертенъ, вѣченъ, нетлѣненъ, непостижимъ и неизреченъ. Кто это знаетъ и вѣруетъ, что Богъ есть таковъ, тому какъ возможно не возлюбить Его? Или какъ возможно не предать себя на подвиги (благоугожденія Ему) до готовности самую жизнь принесть Ему въ жертву, по любви къ Нему, чтобъ сподобиться быть, не скажу, сыномъ Его и наслѣдникомъ, но хоть однимъ изъ вѣрныхъ рабовъ Его, стоящихъ близъ Него?

Если всякій подвизающійся и соблюдающій ненарушимо заповѣди Христовы бываетъ сыномъ и чадомъ Божіимъ, то, конечно, онъ бываетъ и вѣрнымъ и предъ всѣми обнаруживаетъ, что онъ христіанинъ. Мы же, презирая заповѣди Божіи и преступая законы Его, за которые Онъ самъ сотворитъ намъ отмщеніе, когда опять пріидетъ со славою многою и силою страшною, дѣлами своими показываемъ, что мы—не вѣрные и вѣрные толь-

ко на словахъ. Не льститеся. Вѣра никакой не принесетъ намъ пользы безъ христіанскихъ дѣлъ; потому что въ такомъ случаѣ она мертва, а мертвымъ невозможно пріять жизнь иначе, какъ если они взыщутъ ее исполненіемъ заповѣдей Божіихъ. Чрезъ исполненіе заповѣдей Божіихъ возращается внутрь насъ, какъ нѣкій многочастный плодъ, любовь, милостыня, благоутробіе къ ближнимъ, кротость, смиреніе, терпѣніе искушеній, непорочность и чистота сердца, посредствомъ которой сподобляемся зрѣть Бога. И въ чистомъ уже сердцѣ возсіяваетъ благодать и просвѣщеніе Святаго Духа, который возраждаетъ насъ, дѣлаетъ сынами Богу, облекаетъ во Христа, возжигаетъ свѣтильникъ въ душѣ нашей, дѣлаетъ насъ чадами свѣта, освобождаетъ души наши отъ тмы, и отселѣ еще, въ этой жизни дѣлаетъ причастными вѣчной жизни, хотя мы того и не знаемъ. Почему да не дерзаемъ основывать упованіе спасенія своего на частныхъ нѣкоторыхъ, являемыхъ нами, добродѣтеляхъ, какъ-то, на постѣ, бдѣніи и *спаніи на голой землѣ, и другихъ разныхъ злостраданіяхъ тѣлесныхъ,* съ небреженіемъ о показанномъ дѣланіи заповѣдей Божіихъ, въ той мысли, что можемъ и безъ него спастись съ одними этими тѣлесными добродѣтелями, потому что это невозможно, невозможно. Можетъ удостовѣриться въ этомъ всякъ изъ примѣра пяти дѣвъ юродивыхъ и тѣхъ, кои творили чудеса и знаменія именемъ Христовымъ, но какъ не имѣли въ душѣ своей любви и благодати Святаго Духа, то услышатъ нѣкогда отъ Христа Господа: *не вѣмъ васъ, откуду есте, отступите отъ Мене дѣлателіе неправды* (Лук. 13, 27). Можно удостовѣряться въ этомъ и изъ примѣра многихъ другихъ христіанъ, которые ни жизни достойной имени своего не показали, ни дѣлъ христіанскихъ не совершили, ни чадами Божіими не сдѣлались, но суть плоть и кровь, такъ какъ поте-

ряли благодать, полученную чрезъ св. Крещеніе, но не взыскали и не приложили попеченія опять воспріять ее чрезъ покаяніе. Таковые никакъ не могутъ побѣдить ни похотей плотскихъ, ни страстей душевныхъ; не могутъ они и ни одной добродѣтели совершить, какъ того хочетъ Богъ, т.-е., благоугодно и совершенно, какъ сказалъ Господь: *безъ Мене не можете творите ничесоже.* Но умоляю васъ, братіе мои, приложимъ, сколько можемъ, стараніе и подвигъ, чтобъ сподобиться получить благодать Святаго Духа въ настоящей жизни и чрезъ то достойными содѣлаться благъ вѣчныхъ, благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, Коему подобаетъ честь и слава во вѣки вѣковъ. Аминь.

СЛОВО ПЯТЬДЕСЯТЪ ПЯТОЕ.

1) О тѣхъ, кои причастны бываютъ благодати Святаго Духа.
2) И о томъ, что любящій славу человѣческую никакой пользы не получитъ отъ прочихъ добродѣтелей, хотя бы всѣ ихъ исправилъ.

1. Если предстоящіе земному царю рады бываютъ этому, и какъ сами почитаютъ то за великую славу и честь и хвалятся тѣмъ, такъ и другими хвалими бываютъ за то и ублажаемы: то сколько болѣе мы, содѣлавшіеся воинами Царя небеснаго и воспріяшіе на себя служеніе Ему, имѣемъ долгъ радоваться и веселиться, что сподобились сопричисленными быть къ рабамъ Его и призваны работать во славу имени Его! Если же удостоимся когда-либо узрѣть и лице Его и стать въ чинъ предстоящихъ Ему, то какой похвалы и какого ублаженія не превосходитъ это? Но ежели кто еще содѣлается и другомъ Его вѣрнымъ и удостоенъ будетъ слышать бесѣду Его и гласъ Его владычній, то какой человѣческій умъ и какой языкъ можетъ изобразить величіе такой славы и такого достоинства? Если блага, угото-

ванныя отъ Бога любящимъ Его, коихъ око не видало, о коихъ ухо не слыхало, и кои на сердце человѣку не всходили,—невозможно понять человѣческому уму, потому что они выше всѣхъ видимыхъ благъ; то тѣмъ паче недомыслимъ, выше ихъ есть Богъ, уготовавшій ихъ. Но тѣ, которые сподобились видѣтъ Его, предстоять Ему и бесѣдовать съ Нимъ, и содѣлались общниками и сопричастниками божества Его и славы, всеконечно суть выше тѣхъ благъ, которые уготованы имъ отъ Бога, такъ какъ они восприняли въ себя Самого Господа, уготовавшаго такія блага. Что такіе люди были и бываютъ доселѣ, не говорю послѣ смерти, но и въ настоящей еще жизни, въ этомъ удостовѣряетъ все Божественное Писаніе, о семъ свидѣтельствуютъ всѣ святые, подтверждая то собственною жизнію и въ числѣ ихъ и блаженный Симеонъ Студитъ (коего память совершаемъ нынѣ). Свидѣтельствуютъ также о семъ и тѣ, кои прославляютъ святыхъ въ похвальныхъ о нихъ словахъ.

Сей преподобный отецъ нашъ Симеонъ столько просіялъ богоугодною жизнію, что высотою добродѣтелей своихъ и сверхсильными подвигами своими превзошелъ не только живших въ его время, но и многихъ древнихъ и богоносныхъ отцевъ нашихъ. Почему и сдѣлался достойнымъ многихъ похвалъ и величаній, прославляется и ублажается нами, сколько это подъ силу намъ. Похвалу и ублаженіе святыхъ составляютъ двоя сія—православная вѣра и добродѣтельное житіе, и третье—дары Всесвятаго Духа. Первымъ двумъ—вѣрѣ и дѣламъ, спослѣдуетъ и третье—дары. Когда кто поживетъ богоугодно при православномъ мудрованіи, и облагодатствуется и прославится Богомъ благодатію Святаго Духа, тогда ему бываетъ похвала и ублаженіе отъ всей Церкви вѣрныхъ и отъ всѣхъ учителей ея. Но если кто не имѣетъ непогрѣшительной вѣры и добрыхъ дѣлъ, на

того никакъ невозможно низойти благодати святаго и поклоняемаго Духа. Если же не внидетъ въ какого человѣка благодать Святаго Духа, чтобъ обитать въ немъ явно и завѣдомо, то такого никакъ не слѣдуетъ именовать духовнымъ человѣкомъ. А тому, кто не содѣлался духовнымъ, какъ можно быть святымъ? И кто не сталъ святымъ, того за какое другое дѣло, или за какой подвигъ ублажать стать? Блаженъ единъ Богъ, и тотъ, кто непричастенъ Бога, или лучше сказать, кто не имѣетъ въ себѣ Бога, какъ будетъ блаженъ? Мнѣ кажется, что этому никакъ нельзя быть. Солнце безъ свѣта, какъ можетъ называемо быть солнцемъ? И человѣкъ, не имѣющій Духа Святаго, какъ можетъ именоваться святымъ? Господь сказалъ: *святи будите, яко Азъ святъ есмь* (Лев. 19, 2). Этимъ побуждаетъ Онъ насъ грѣшниковъ сущихъ, сколько возможно, подражать Ему посредствомъ добрыхъ дѣлъ, и нѣкоторымъ образомъ говоритъ какъ бы намъ: бѣгайте всякаго зла и творите всякое добро, всякую проходите добродѣтель и будьте святы, сколько возможно, если желаете имѣть общеніе со Мною. Ибо Я святъ есмь, то-есть, чистъ и непороченъ, и это, то есть, чистота и непорочность, есть во Мнѣ естественно. А вы сдѣлаетеся святыми, если исполняя заповѣди Мои, очистите себя отъ скверны грѣховъ своихъ и пріимете отъ Меня благодать Всесвятаго Духа. Это именно и означаютъ слова: *святи будите.* Человѣкъ тогда бываетъ святъ, когда уклоняется отъ зла и творитъ благо, не потому чтобы освящаемъ былъ добрыми дѣлами, ибо отъ дѣлъ закона не оправдится ни одна душа, а потому, что чрезъ дѣланіе добрыхъ дѣлъ приусвояется и приуподобляется святому Богу. Слова: *будите святи, яко азъ святъ есмь,* вѣрую, что Господь сказалъ къ тѣмъ наипаче, которые получили благодать всесвятаго Духа. Ими Онъ предостере-

гаетъ ихъ, чтобъ, надѣясь на благодать Святаго Духа, не предавались безпечности и по причинѣ безпечности не возвратились опять на худыя дѣла,—говоря какъ бы: ты, духовный человѣкъ, получившій благодать Святаго Духа и чрезъ благодать сію пріявшій и Меня, не предавайся бездѣйствію и безпечности: ибо бездѣйствіе порождаетъ лукавство (самоугодіе), а отъ лукавства раждается всякаго рода зло. Итакъ пребудь святъ чрезъ непрестанное исполненіе заповѣдей Моихъ, если желаешь, чтобъ я всегда былъ въ тебѣ и съ тобою, а ты во Мнѣ и со Мною. Поелику умъ нашъ приснодвиженъ и не можетъ оставаться въ совершенномъ бездѣйствіи, то надлежитъ ввесть его въ попеченіе и ревность объ исполненіи заповѣдей Христовыхъ. Жизнь человѣческая объята заботами и попеченіями, и нѣтъ возможности совершенно упразднiться отъ всѣхъ ихъ, хотя многіе всеусильно подвизались преуспѣть въ этомъ. Человѣкъ такимъ созданъ и въ началѣ, какъ видится: ибо Адамъ въ раю получилъ заповѣдь дѣлати и хранити. Слѣдовательно, намъ естественно дѣланіе добрыхъ дѣлъ, и тѣ, которые предаются бездѣйствію и лѣности, какъ бы ни были они до того духовны и святы, ввергаютъ себя въ неестественную страстность (самоугодіе).

2. Какъ источникъ, изъ котораго течетъ вода, если перестанетъ источать воду, уже не бываетъ болѣе источникомъ, а сухою норою или ровкомъ: такъ и тотъ, кто всегда очищаетъ себя дѣланіемъ заповѣдей Христовыхъ, если, послѣ того, какъ очистится и освятится Богомъ, умалитъ нѣсколько дѣланіе заповѣдей, тотчасъ соразмѣрно съ тѣмъ умаляется и въ совѣсти. Кто же вслѣдствіе того сознательно поработится какому-либо, хотя бы то одному грѣху, тотъ совершенно теряетъ и самую чистоту, подобно тому, какъ сосудъ полный чистой воды весь оскверняется и отъ малаго количества

кала. Грѣхъ же здѣсь разумѣю я не тотъ, который и тѣломъ совершается, но всякое страстное влеченіе, бывающее невидимо въ душѣ, съ которымъ душа сослагается. И не попустите себѣ, братія мои, не повѣрить слову моему, но вѣдайте, что, хотя бы мы исправили всякую добродѣтель и не оставили ни одной заповѣди Христовой, ни большой ни малой, хотя бы творили чудеса, но если потомъ возлюбимъ только одну славу человѣческую и взыщемъ ее, то погубимъ мзду всѣхъ прочихъ нашихъ добродѣтелей. Ибо ища славы человѣческой и предпочитая ее славѣ Божіей, мы подлежимъ суду, какъ идолопоклонники, поколику служимъ твари паче Творца. Но и тотъ кто не ищетъ, а только принимаетъ съ радостію и самоуслажденіемъ славу міра сего и, когда ему даютъ ее, сердце его радуется о ней, будетъ осужденъ, какъ блудникъ. Такой похожъ на человѣка, который желая сохранить дѣвство, чуждается женщинъ, не ходитъ къ нимъ и не заводитъ съ ними знакомства, но, когда къ нему придетъ какая женщина, принимаетъ ее съ радостію и насыщается сластію смѣшенія. Тоже самое бываетъ и при всякой другой похоти и страсти. Въ зависть ли кто вдается, или въ сребролюбіе, или въ ненависть, или въ другую какую худобу, невозможно ему получить вѣнецъ правды. Ибо Богъ праведенъ и не попускаетъ имѣть общниками неправедныхъ, Онъ безстрастенъ и не сближается со страстными, святъ и не входитъ въ душу оскверненную и злую. Золъ же всякъ, кто принимаетъ въ душу свою сѣмя злаго діавола, плодоносящее въ немъ тернія и волчцы грѣха, сіи предвозженія вѣчнаго огня адскаго. Таковы зависть ненависть, злопамятство, сердитость, самомнѣніе, тщеславіе, гордость, лукавство, подозрительность, клевета, и всякая другая срамная и низкая страсть, оскверняющая душу, какъ говоритъ Христосъ Господь.

Намъ же, братіе, не буди никогда принять по нерадѣнію своему внутрь сердца сѣмя злаго діавола, плодоносящее такіе плевелы; но да приносимъ всегда Христу Господу плоды отъ того, что сѣется и воздѣлывается въ насъ благодатію Святаго Духа, да приносимъ то въ тридесять, то въ шестьдесятъ, то во сто, каковы: любы, радость, миръ, долготерпѣніе, благость. милосердіе, вѣра, кротость, воздержаніе. И при этомъ да питаемъ себя хлѣбомъ вѣдѣнія и да возращаемъ добродѣтелями, стремясь придти въ мужа совершенна, въ мѣру возраста исполненія Христова, Коему всякая слава, честь и поклоненіе, во вѣки вѣковъ. Аминь.

СЛОВО ПЯТЬДЕСЯТЪ ШЕСТОЕ.

О вѣрѣ, и къ тѣмъ, которые говорятъ, что живущему въ мірѣ невозможно достигнуть совершенства въ добродѣтеляхъ. Въ началѣ слова—многополезная повѣсть.

Доброе дѣло проповѣдать предъ всѣми милость Божію и возвѣщать братіямъ своимъ великое Его благоутробіе и неизреченную благодать, какую имѣетъ Онъ къ намъ.—Знаю я человѣка, который ни долгихъ и великихъ постовъ не держалъ, ни бдѣній не совершалъ, ни на голой землѣ не сыпалъ, ни другихъ подобныхъ особенно тяжелыхъ подвиговъ на себя не налагалъ; но приведши на память грѣхи свои, позналъ свое окаянство, и, осудивъ себя, смирился,—и многоблагоутробный Господь за это одно спасъ его, какъ говоритъ божественный Давидъ: *смирихся и спасе мя* (114, 5). Короче сказать: повѣрилъ онъ словесамъ Бога, и за эту вѣру Господь пріялъ его. Стяжать смиреніе много есть препятствій, преграждающихъ путь къ нему; но увѣровать словесамъ Бога, нѣтъ никакого препятствія, которое бы ставило преграду къ тому. Какъ только захотимъ отъ всей души нашей, тотчасъ и увѣ-

руемъ. Ибо вѣра есть даръ всеблагаго Бога, который (даръ) далъ Онъ намъ имѣть естественно (вложилъ въ естество), употребленіе его подчинивъ самовластію произволенія нашего. Почему и скиѳы и варвары естественно имѣютъ вѣру и вѣрятъ словамъ одинъ другаго. Но чтобы показать вамъ на опытѣ дѣйствіе вседушной вѣры, послушайте, я разскажу вамъ въ подтвержденіе сказаннаго нѣкую повѣсть.

Жилъ въ Константинополѣ нѣкто, по имени Георгій, юноша возрастомъ лѣтъ двадцати. Это—въ наши дни, на нашей памяти. Онъ былъ красивъ лицемъ, и въ его походкѣ, въ манерѣ держать себя и въ пріемахъ обращенія было нѣчто показливое: такъ что по сей причинѣ дѣлали о немъ разныя недобрыя предположенія тѣ, которые смотрятъ на одну внѣшность, и не зная, что сокрыто внутри каждаго, судятъ о другихъ ошибочно. Онъ познакомился съ нѣкіимъ монахомъ, жившимъ въ одномъ изъ константинопольскихъ монастырей, человѣкомъ святымъ, и, открывая ему сокровенности сердца своего, сказалъ и то, что сильно жаждетъ спасенія души своей. Честный старецъ, поучивъ его, какъ слѣдовало, и давъ ему небольшое правило къ исполненію, далъ еще и книжицу св. Марка-подвижника, гдѣ онъ пишетъ о духовномъ законѣ. Юноша принялъ эту книжицу съ такою любовію и съ такимъ благоговѣніемъ, какъ бы она была послана ему отъ самого Бога, и сильную возъимѣлъ къ ней вѣру, надѣясь получить отъ нея великую пользу и великій плодъ. Почему читалъ ее съ великимъ усердіемъ и вниманіемъ, и, прочитавъ всю, великую получилъ пользу отъ всѣхъ главъ ея. Но изъ всѣхъ главъ три наипаче запечатлѣлись въ сердцѣ его; первая: „Ища врачеванія, пекись о совѣсти (внимай ей); и что она говоритъ тебѣ, сдѣлай то, и получишь пользу (глав. 69)“. Вторая: „Ищущій (чающій получить) дѣйственности Свята-

го Духа, прежде дѣланія заповѣдей, подобенъ купленному за деньги рабу, который въ то же время, какъ его только что купили, ищетъ, чтобъ вмѣстѣ съ уплатою за него денегъ подписали ему и свободу“ (гл. 64 о хотящ. оправ. отъ дѣлъ). Третья: „Молящійся тѣлесно и не имѣющій еще духовнаго разума подобенъ слѣпцу, который взывалъ: *Сыне Давидовъ, помилуй мя* (Мар. 10, 48). Другой же нѣкто прежде слѣпый, когда прозрѣлъ и увидѣлъ Господа, уже не называлъ его сыномъ Давидовымъ, но исповѣдалъ Его Сыномъ Божіимъ (Іоан. 9, 35 38)“ (гл. 13. 14 о дух. зак.). Эти три главы очень ему понравились, и онъ повѣровалъ, что чрезъ вниманіе къ своей совѣсти, какъ внушаетъ первая глава, онъ получитъ уврачеваніе (немощей душевныхъ); чрезъ исполненіе заповѣдей достигнетъ дѣйственности Святаго Духа, какъ учитъ вторая глава, и благодатію Святаго Духа прозритъ умно и узритъ неизреченную красоту Господа, какъ обѣщаетъ третья глава.—И уязвился онъ любовію къ красотѣ сей, и хотя еще не видѣлъ ея, сильно возжелалъ ея и усердно взыскалъ, въ надеждѣ узрѣть ее наконецъ.

При всемъ томъ однакожь онъ ничего особеннаго не дѣлалъ (какъ увѣрялъ меня съ клятвою), кромѣ того, что каждый вечеръ неопустительно исправлялъ то небольшое правило, которое далъ ему старецъ, и не иначе, какъ исправивъ уже его, ложился въ постель и засыпалъ. Но со временемъ совѣсть начала ему говорить: положи и еще нѣсколько поклоновъ, прочитай сколько-нибудь другихъ псалмовъ, проговори, сколько можешь, большее число разъ и: Господи Іисусе Христе, помилуй мя! Онъ охотно слушался своей совѣсти, и что она внушала ему, дѣлалъ безъ размышленія все такъ, какъ бы то повелѣвалъ ему самъ Богъ; и ни разу не ложился онъ спать такъ, чтобы совѣсть обличала его, говоря: для чего не сдѣлалъ ты того и того? Такъ всегда слушал-

ся онъ совѣсти своей, никогда не оставляя безъ исполненія того, что сдѣлать она внушала ему. А она каждый день все больше и больше прилагала къ обычному его правилу, и въ немногіе дни вечернее его молитвословіе возрасло въ великое послѣдованіе. Днемъ онъ находился въ палатахъ одного Патрикія, и на немъ лежало попеченіе о всемъ потребномъ для людей живших тамъ. Вечеромъ же каждый день онъ уходилъ оттуда и никто не зналъ, что дѣлалъ онъ у себя. Онъ же и слезы проливалъ изъ очей своихъ обильныя, и колѣнопреклоненій дѣлалъ многое множество, падая лицемъ на землю; когда стоялъ на молитвѣ, ноги держалъ вмѣстѣ тѣсно одну къ другой, и стоялъ неподвижно; и къ Пресвятой Богородицѣ читалъ молитвы съ болѣзнію сердечною, воздыханіями и слезами; ко Христу же Господу обращаясь, падалъ къ пречистымъ ногамъ Его, какъ бы Онъ тѣлесно присущъ былъ ему, и умолялъ Его умилосердиться надъ нимъ, какъ нѣкогда надъ слѣпымъ, и даровать прозрѣніе душевнымъ очамъ его. Поелику каждый вечеръ увеличивалась молитва его, то онъ наконецъ простаивалъ, молясь, до самой полночи; и однакожь во все время молитвы, ни разлѣненія себѣ не дозволялъ, ни до нерадѣнія себя не допускалъ, ни членовъ тѣла своего не распускалъ, ни очей не обращалъ по сторонамъ или вверхъ, чтобъ взглянуть на что, но такъ стоялъ неподвижно, какъ столпъ какой или какъ безтѣлесный.

Однажды, какъ онъ стоялъ такимъ образомъ на молитвѣ и говорилъ умомъ паче нежели устами: Боже, милостивъ буди мнѣ грѣшному,— внезапно низошло на него свыше божественное осіяніе пресвѣтлое и исполнило все то мѣсто. Тогда забылъ уже юноша сей что находится въ комнатѣ и подъ кровлею, потому что во всѣ стороны видѣлся ему одинъ свѣтъ, не зналъ даже, попираетъ ли

онъ землю ногами своими; ни о чемъ мірскомъ не имѣлъ уже онъ попеченія, и не приходило тогда на мысль ему ничто изъ того, что обыкновенно бываетъ на умѣ у тѣхъ, кои носятъ плоть человѣческую; но былъ весь сраствореnъ съ невещественнымъ онымъ свѣтомъ и ему казалось, что и самъ онъ сталъ свѣтомъ; забылъ онъ тогда весь міръ и исполнился слезъ и радости неизреченной. Потомъ умъ его востекъ на небеса, и онъ увидѣлъ тамъ другой свѣтъ, болѣе свѣтлый чѣмъ тотъ, который былъ окрестъ его. И показалось ему, къ изумленію его, что вскрай свѣта того стоитъ помянутый выше святый оный и равноангельный старецъ который далъ ему небольшую ту заповѣдь о молитвѣ и книжицу св. Марка подвижника. Услышавъ это отъ юноши, я подумалъ, что ему много содѣйствовала молитва старца и что Богъ устроилъ такое видѣніе, чтобъ показать юношѣ, на какой высотѣ добродѣтели стоялъ старецъ оный. Когда прошло видѣніе то, и юноша пришелъ въ себя, то нашелъ себя (какъ говорилъ послѣ) всего исполненнымъ радости и изумленія, и плакалъ отъ всего сердца, которое со слезами было исполняемо и сладостію великою. Наконецъ, легъ онъ въ постель; но тотчасъ запѣлъ пѣтухъ, и показалъ, что была уже полночь. Немного спустя заблаговѣстили въ церкви и къ утрени; и юноша всталъ, чтобъ прочитать, по обычаю своему, послѣдованіе утрени. Такъ онъ совсѣмъ не спалъ въ ту ночь: сонъ и на умъ ему не приходилъ.

Случилось это какъ, вѣдаетъ Господь, Который и содѣлалъ сіе, имиже вѣсть судьбами. Юноша же тотъ ничего особеннаго не дѣлалъ, кромѣ того что съ крѣпкою вѣрою и несомнѣнною надеждою всегда вѣрно исполнялъ слышанное имъ отъ старца правило и вычитанное въ книжицѣ наставленіе. И никто не говори, что онъ дѣлалъ это для испытанія. Это и на умъ ему не приходило.

Кто испытываетъ, тотъ не имѣетъ твердой вѣры; но юноша тотъ, отложивъ всякій страстный и самоугодливый помыслъ, такъ много заботился о вѣрномъ исполненіи того, что внушала ему совѣсть, что никакого уже сочувствія не имѣлъ къ вещамъ міра сего, даже пищи и питія не вкушалъ въ сладость или вдоволь.

Слышали, братія мои, что можетъ сдѣлать вѣра въ Бога, свидѣтельствуемая добрыми дѣлами? Поняли, что ни юность нисколько не вредитъ, ни старость не пользуетъ, когда нѣтъ разума и страха Божія? Познали, что ни міръ и житейскія дѣла не мѣшаютъ исполнять заповѣди Божіи, когда имѣется ревность и вниманіе? Ни безмолвіе и удаленіе отъ міра не пользуетъ, когда властвуютъ лѣность и нерадѣніе? Всѣ мы, слыша о Давидѣ и удивляясь ему, говоримъ: одинъ былъ Давидъ и другаго такого не было; но вотъ смотрите, въ юношѣ этомъ проявилось нѣчто больше, чѣмъ въ Давидѣ. Давидъ пріялъ свидѣтельство отъ Бога, помазанъ въ царя и пророка, получилъ Духа Святаго и многія имѣлъ о Богѣ удостовѣренія. Почему, когда согрѣшилъ, и потерялъ благодать Святаго Духа и даръ пророческій, и отчужденъ былъ отъ обычнаго собесѣдованія съ Богомъ,—что дивнаго, если, вспомнивъ о благодати, отъ коей изпалъ, опять взыскалъ онъ отъ Бога потерянныя блага? Но этотъ юноша ничего такого не имѣлъ, а былъ связанъ мірскими дѣлами, заботился только о временномъ, а о чемъ-либо высшемъ земли и подумать не имѣлъ времени, — и однакожь— дивны судьбы Господни!—лишь только услышалъ малое нѣчто отъ онаго святаго старца и вычиталъ тѣ три главы у аввы Марка, тотчасъ несомнѣнно повѣрилъ слышанному и написанному и съ непоколебимою надеждою ввелъ то въ дѣло,—и съ небольшимъ тѣмъ дѣланіемъ, которое совершалъ вслѣдствіе того, сподобился возвысить умъ свой до небесъ, подвигъ на милость Матерь Господа, Ея

молитвами умилостивилъ Бога и привлекъ на себя благодать Святаго Духа, которая съ такою силою осѣнила его, что онъ сподобился увидѣть свѣтъ, который видѣть многіе желаютъ, но немногіе сподобляются. Этотъ юноша ни постовъ долгихъ не держалъ, ни на землѣ не спалъ, ни власяницы не носилъ, ни изъ міра не выходилъ тѣлесно, а только духовно—душевнымъ настроеніемъ,—и съ небольшимъ бдѣніемъ, которое совершалъ, явился высшимъ дивнаго онаго Лота, бывшаго въ Содомѣ, или, лучше сказать, явился ангеломъ въ тѣлѣ человѣческомъ,—человѣкомъ по видимости и ангеломъ по умному строю. За что и сподобился увидѣть сладчайшій оный свѣтъ мысленнаго Солнца правды, Господа нашего Іисуса Христа, каковый свѣтъ удостовѣрилъ его, что онъ имѣлъ воспріять и будущій свѣтъ. И праведно: ибо любовь и сердечное его къ Богу прилѣпленіе сдѣлали его изступленнымъ, отторгли духъ его и отъ міра сего, и отъ собственнаго естества, и отъ всѣхъ вещей и сдѣлали его всего свѣтомъ отъ Святаго Духа, при всемъ томъ, что онъ и жилъ среди города, и правилъ цѣлымъ домомъ, и пекся о рабахъ и свободныхъ, и дѣлалъ все, что потребно для настоящей жизни.

Довольно этого въ похвалу юношѣ, и для того, чтобы подвигнуть и васъ придти въ такую же любовь, подражая ему; или желаете, чтобъ я сказалъ вамъ и другое что большее, чего, можетъ быть, и слухъ вашъ пріять не сможетъ? Впрочемъ, что можетъ быть больше и совершеннѣе страха Божія? Конечно, ничего нѣтъ. Св. Григорій Богословъ сказалъ: „начало премудрости—страхъ Господень. Ибо гдѣ страхъ, тамъ заповѣдей соблюденіе; гдѣ заповѣдей соблюденіе, тамъ очищеніе плоти,—этого облака, облегающаго душу и не дающаго ей чисто видѣть божественный свѣтъ; гдѣ очищеніе, тамъ осіяніе, а осіяніе есть исполненіе желанія божественнаго". Го-

воря такъ, онъ показалъ, что освѣщеніе Духомъ есть неконча́емый конецъ всякой добродѣтели, и кто достигнетъ такого освѣщенія Духомъ, тотъ покончилъ со всѣмъ чувственнымъ и началъ пребывать сознаніемъ въ одномъ духовномъ. Это, братія мои, суть дивности Божіи И Богъ для того изводитъ въ явь сокровенныхъ рабовъ Своихъ, чтобъ подражали имъ добротолюбивые и благіе, а злонравные остались безотвѣтными. Ибо и тѣ, которые вращаются въ многолюдствѣ, и проводятъ жизнь въ треволненіяхъ міра, если ведутъ себя какъ должно, обрѣтаютъ спасеніе и сподобляются отъ Бога великихъ благъ ради вѣры, которую показываютъ къ Нему, чтобъ въ день суда ничего не имѣли сказать въ оправданіе свое тѣ, которые не обрѣтаютъ спасенія по причинѣ лѣности своей и нерадѣнія. Такъ истиненъ Тотъ, Кто обѣтовалъ даровать спасеніе ради вѣры въ Него! Итакъ, братія мо[illegible] возлюбленные, попечальтесь о себѣ самихъ и о мнѣ, любящемъ васъ и многократно проливающемъ слезы о васъ. Ибо благоутробный и милостивый Богъ повелѣлъ и намъ быть благоутробными и милостивыми. и печалиться какъ о себѣ самихъ, такъ и другъ о другѣ. Вѣруйте отъ всей души въ Господа, ненавидьте міръ сей, какъ подобаетъ, и не пекитесь о временныхъ и невѣрныхъ благахъ его, но приступите къ Богу и прилѣпитесь къ Нему. Ибо пройдетъ еще немного времени, и настанетъ конецъ міра сего и настоящей жизни; и горе тѣмъ, которые изпадутъ отъ царствія Божія. Меня душатъ слезы, и я плачу и скорблю отъ всего сердца, когда помышляю, что,—имѣя такого великодаровитаго и человѣколюбиваго Владыку, Который за одну, искренно являемую къ Нему, вѣру даруетъ намъ столь великія и дивныя блага, и умъ, и слухъ. и чаяніе превосходящія,—мы не подумавши, подобно безсловеснымъ животнымъ, предпочитаемъ всему тому землю и земное, которое, по благо-

утробію Божію, даровано намъ на потребу тѣла нашего, чтобъ, между тѣмъ какъ оно было бы тѣмъ питаемо умѣренно, душа безпрепятственно совершала теченіе свое къ премірному, будучи и сама питаема умною пищею, исходящею отъ благодати Св. Духа, по мѣрѣ очищенія ея и обновленія. Ибо для того мы, люди, созданы отъ Бога разумными, чтобъ прославляли Его, благодарили и любили за невеликія блага, дарованныя Имъ для настоящей жизни, и такимъ образомъ сподоблялись получить въ будущей жизни блага великія и вѣчныя. Но горе намъ, что не имѣя совершенно никакого попеченія о будущемъ, мы пребываемъ неблагодарными Богу и за настоящее, уподобляясь демонамъ, или, лучше сказать, являясь хуже ихъ. За это справедливо большему, чѣмъ они, должны мы подлежать мученію. Ибо мы больше облагодѣтельствованы, чѣмъ они: содѣлались христіанами, получили столько духовныхъ даровъ, вѣруемъ въ Бога, Который содѣлался ради насъ человѣкомъ и претерпѣлъ такія страданія и крестную смерть, чтобъ избавить насъ отъ заблужденія прелести и грѣха. Но что скажу на все это? Увы намъ! На словахъ только вѣруемъ мы въ Бога, а дѣлами отвергаемся Его. Не во всякомъ ли мѣстѣ именуется Христосъ,—въ городахъ, селахъ, киновіяхъ и горахъ? Не всюду ли находятся христіане? Но розыщи, если это кажется тебѣ благословнымъ, и разслѣдуй до точности, исполняютъ ли они заповѣди Христовы, и поистинѣ среди столькихъ тысячъ и миріадъ съ нуждою найдешь одного, который и дѣломъ и словомъ есть христіанинъ. Не сказалъ ли Христосъ и Богъ нашъ: *вѣруяй въ Мя, дѣла, яже Азъ творю, и той сотворитъ, и большаа сихъ сотворитъ?* (Ін. 14, 12). Но кто изъ насъ дерзнетъ сказать: я творю дѣла Христа и вѣрую право во Христа? Не видите ли посему, братія мои, какъ въ день суда мы имѣемъ оказаться невѣрными, и быть преданы

горшимъ мукамъ, чѣмъ тѣ, кои совсѣмъ не знали Христа, т.-е. невѣрные? Одно изъ двухъ необходимо, или намъ быть наказанными больше невѣрныхъ, или Христу оказаться невѣрнымъ слову Своему, что невозможно.

Написалъ я это не для того, чтобъ помѣшать кому удалиться отъ міра, и не потому, чтобъ предпочиталъ безмолвію жизнь среди міра, но чтобы удостовѣрить всѣхъ, которые будутъ читать настоящее сказаніе, что желающій творить добро, получаетъ отъ Бога силу творить оное во всякомъ мѣстѣ, и среди міра, и въ безмолвіи. Напротивъ предметъ сего сказанія таковъ, что еще болѣе долженъ подвигать къ отшельничеству. Ибо если тотъ, кто вращался среди міра и не думалъ никогда ни объ отреченіи отъ міра, ни о нестяжательности, ни о послушаніи, такую милость получилъ отъ Бога за то одно, что отъ всей души повѣрилъ и призвалъ Бога; то какія блага получить подобаетъ надѣяться тѣмъ, которые, оставляя весь міръ и всѣхъ людей, предаютъ и самую жизнь свою на смерть за заповѣдь Божію, какъ Онъ повелѣлъ? Впрочемъ кто начнетъ творить добрыя дѣла съ вѣрою несомнѣнною и съ усердіемъ великимъ и чувствовать пользу отъ сего бывающую, тотъ самъ собою познаетъ, что забота мірская, пребываніе и вращаніе среди міра служатъ великимъ препятствіемъ для тѣхъ, которые желаютъ жить по Богу. Бывшее съ юношею тѣмъ, какъ мы сказали, есть нѣчто дивное и необычайное; и мы не слыхали, чтобъ подобный добрый случай былъ съ другимъ кѣмъ. Но если и былъ съ немногими какими, или будетъ послѣ, да вѣдаютъ они, что если не удалятся отъ міра, то скоро очень потеряютъ полученное благо.

О томъ юношѣ послѣ я узналъ отъ него же самого еще и слѣдующее. Я встрѣтилъ его, когда уже онъ сталъ монахомъ и провелъ въ монашеской жизни года три или четыре. Было ему тогда тридцать два года. Я зналъ его

очень хорошо: мы отъ юности были друзьями и воспитывались вмѣстѣ. Такъ онъ и разсказалъ мнѣ еще слѣдующее: „послѣ онаго дивнаго видѣнія и измѣненія бывшаго по мнѣ, немного прошло дней, какъ со мною случились многія искушенія мірскія, по причинѣ которыхъ, во время совершенія мною тѣхъ сокровенныхъ по Богу дѣланій, я увидѣлъ въ себѣ, что мало-по-малу лишаюсь блага онаго, и сильное возъимѣлъ желаніе удалиться отъ міра и въ уединеніи искать Христа, мнѣ явльшагося.—Ибо вѣрую, брате, что для того Онъ и благоволилъ явиться мнѣ, чтобъ взять къ Себѣ и меня недостойнаго, отдѣливъ отъ всего міра. Но какъ я не могъ этого исполнить тогда же, то мало-по-малу забылъ все, что пересказывалъ тебѣ прежде, и впалъ въ совершенное омраченіе и нечувствіе, такъ что не помнилъ уже ничего изъ того, что сказывалъ тебѣ, ни малаго ни большаго, до самомалѣйшаго движенія мысли, или чувства. Затѣмъ, впалъ я еще въ большія зла, чѣмъ прежде, и пришелъ въ такое состояніе, какъ бы никогда не слыхалъ словъ Христовыхъ и не понималъ ихъ; но и на Святаго онаго, который такъ милостивъ былъ ко мнѣ, и далъ мнѣ малую заповѣдь и книжицу святаго Марка, смотрѣлъ я какъ на одного изъ случайныхъ людей, нисколько не помышляя о томъ, что видѣлъ относительно его.—Это я сказываю тебѣ подробно, говорилъ онъ далѣе, для того, чтобъ ты зналъ, въ какую глубину пагубы низпалъ я, окаянный, по нерадѣнію своему, и подивился неизреченной благости Божіей, явленной на мнѣ потомъ. Не умѣю тебѣ сказать, какъ безъ моего вѣдома остались въ бѣдномъ сердцѣ моемъ любовь и вѣра къ оному святому старцу; но думаю, что ради ихъ послѣ столькаго времени человѣколюбивый Богъ, по молитвамъ его, умилосердился надо мною, и опять чрезъ негоже исхитилъ меня изъ прелести и исторгъ изъ глубины золъ. Я недостойный не совсѣмъ отдалялся

отъ этого старца, но когда бывалъ въ городѣ, часто заходилъ къ нему въ келью и исповѣдывалъ ему бывающее со мною, хотя не исполнялъ заповѣдей его безсовѣстный. Теперь же, какъ видишь, милосердый Богъ презрѣлъ многое множество грѣховъ моихъ и устроилъ мнѣ сдѣлаться монахомъ отъ того самаго старца и сподобилъ всегда пребывать съ нимъ вмѣстѣ мнѣ, поистинѣ недостойному. Послѣ чего съ великимъ трудомъ и съ обильными слезами, при рѣшительномъ отчужденіи и отдѣленіи отъ міра, совершенномъ послушаніи и отсѣченіи своей воли, многихъ другихъ дѣлахъ и пріемахъ строгаго самоумерщвленія и неудержимомъ стремленіи ко всему доброму, удостоился я опять увидѣть, хотя нѣкоторымъ образомъ примрачно, малый лучъ сладчайшаго онаго и божественнаго свѣта. Но такого видѣнія, какъ то, которое видѣлъ тогда, даже доселѣ не сподобился еще я увидѣть опять".

Это и многое другое говорилъ онъ мнѣ со слезами. Я же, бѣдный, слушая такія святыя слова его, подумалъ, что онъ весь былъ исполненъ божественной благодати и былъ премудръ, при всемъ томъ, что не былъ наученъ внѣшней мудрости. Получая вѣдѣніе отъ дѣланія и опыта, стяжалъ онъ точнѣйшее познаніе духовныхъ вещей. Почему я просилъ его сказать мнѣ, что это за вѣра, которая можетъ производить такія дивныя явленія, и преподать мнѣ то письменно, съ пріемомъ учительскимъ. Онъ тотчасъ началъ говорить мнѣ о томъ, и что говорилъ, то и писать не полѣнился. Что именно, то, чтобъ не удлиннить безъ мѣры теперешняго моего слова, я напишу въ другихъ словахъ, въ обрадованіе и услажденіе тѣхъ, которые любятъ читать такого рода писанія съ вѣрою.

Итакъ прошу васъ, братія мои, потечемъ съ усердіемъ и себѣ путемъ заповѣдей Христовыхъ,—и лица наши не постыдятся. Но какъ тому, кто толчетъ съ терпѣніемъ, Господь отверзаетъ двери царствія Своего, по обѣтованію

своему, и тому, кто ищетъ, даетъ Духа всесвятаго, и невозможно тому, кто ищетъ отъ всей души, не найти Его и не обогатиться дарами Его: такъ и вы несомнѣнно получите дивныя блага отъ Него, какія уготовалъ Онъ любящимъ Его,—здѣсь отчасти, какъ укажетъ мудрость духовная, а въ будущемъ вѣкѣ всецѣло, со всѣми отъ вѣка святыми, во Христѣ Іисусѣ Господѣ нашемъ, Коему слава во вѣки вѣковъ. Аминь.

СЛОВО ПЯТЬДЕСЯТЪ СЕДЬМОЕ.

1) О страшномъ днѣ Господнемъ и о будущемъ судѣ; какой это день Господень и кому открывается?

2) Онъ дѣйствуетъ въ насъ и прежде смерти, и открывается тѣмъ, въ коихъ дѣйствуетъ въ настоящей жизни.

3) Вѣра во Христа одна не можетъ насъ спасти, если не получимъ сознательно благодати Святаго Духа.

4) Какъ можно познать, что благодать Св. Духа получена? И толкованіе словъ: *въ началѣ бѣ Слово.*

5) Ублаженіе тѣхъ, которые получили благодать Святаго Духа.

1) Велико и неудобоизъяснимо слово о будущемъ судѣ; такъ какъ касается не настоящихъ и видимыхъ вещей, но будущихъ и невидимыхъ. Почему и мнѣ, хотящему бесѣдовать о семъ и вамъ, имѣющимъ слушать бесѣды мои потребны многія молитвы, великое тщаніе и чистота ума, чтобъ могли мы,—я хорошо познать сей предметъ и изложить его вамъ въ бесѣдѣ, а вы со вниманіемъ выслушать, что будетъ говорено.

Предметъ настоящаго слова есть страшный день Господень, который называется днемъ Господнимъ, не потому что есть послѣдній день дней сихъ, и не потому что въ него имѣетъ пріити Господь, какъ говоримъ мы о дняхъ настоящаго времени: день Пасхи, день Пятидесятницы, день царскій, въ который царь имѣетъ выдти и дѣлать то и то. Но и днемъ суда называется онъ, не потому что въ него имѣетъ быть судъ. Не будетъ тогда такъ,—чтобъ

инымъ чѣмъ-то былъ день тотъ, и инымъ Тотъ, Кто имѣетъ пріити въ него. Но Владыка и Богъ всяческихъ, Господь нашъ Іисусъ Христосъ имѣетъ возсіять тогда сіяніемъ Божества, и блистаніемъ Владычнимъ закроется это чувственное солнце, такъ что его совсѣмъ не будетъ видно, померкнутъ звѣзды, и все видимое свіется, какъ свитокъ, т.-е. отстранится, давая мѣсто Творцу своему. И будетъ одинъ Онъ—и день вмѣстѣ и Богъ. Тотъ, Кто теперь для всѣхъ невидимъ и живетъ во свѣтѣ неприступномъ, тогда для всѣхъ явится такимъ, каковъ есть во славѣ своей, и все исполнитъ свѣтомъ своимъ, и станетъ для Святыхъ своихъ днемъ невечернимъ и нескончаемымъ, преисполненнымъ непрестающей радости, а для грѣшниковъ и нерадивыхъ, подобно мнѣ, пребудетъ совершенно неприступнымъ и незримымъ. Такъ какъ они, когда жили въ настоящей жизни, не потщились очиститься, чтобъ узрѣть свѣтъ славы Господа и Его самого пріять внутрь себя; то и въ будущемъ вѣкѣ по всей справедливости Онъ будетъ имъ неприступенъ и незримъ.

Ибо въ началѣ всеблагій Богъ, желая сдѣлать, чтобы благое было дѣломъ и собственно нашимъ, даровалъ прародителямъ нашимъ самовластіе (а чрезъ нихъ и всѣмъ намъ), чтобъ они исполняли заповѣди Божіи не съ печалію, или по необходимости, но по охотному произволенію, съ радостію и усердіемъ, отъ любви къ Богу, и соблюдали ихъ со всѣмъ вниманіемъ, дабы потомъ было сочтено, что они стяжаваютъ добродѣтели собственными своими трудами, принося ихъ Владыкѣ Богу, какъ собственные дары, и посредствомъ ихъ стараясь достигнуть совершеннаго образа и подобія Божія и приблизиться къ неприступному Богу, не бывъ пожжены и не умерши. Но поелику первозданные первые послушались врага діавола вольною волею и сдѣлались преступниками заповѣди Божіей; то не только лишились надежды высшаго и боль-

шаго, именно, приблизиться къ самому неприступному и немерцающему свѣту, но по причинѣ грѣха подпали тлѣнію и смерти, впали въ мрачнѣйшій мракъ и сдѣлались рабами князя тьмы, діавола. Потомъ и мы, потомки ихъ, подчинились и поработились этому тиранну, не по принужденію какому или насилію, но по собственному желанію: что ясно показали тѣ, которые прежде Христа благоугодили Богу, предавъ волю свою Ему, Владыкѣ своему, а не діаволу.

Человѣколюбивый же Богъ, желая избавить отъ рабства діаволова всѣхъ тѣхъ, которые благоугодили Ему и прежде Христа и послѣ Христа, которые имѣютъ благоугодить до скончанія вѣка, благоволилъ содѣлать это самъ, Богъ всесильный и незлобивый. Того, кого создалъ собственными своими невидимыми руками по образу и подобію Своему, восхотѣлъ Онъ возстановить въ то состояніе, изъ коего онъ ниспалъ, не чрезъ другого кого, а чрезъ Себя самого, содѣлавшись человѣкомъ подобнымъ намъ во всемъ, кромѣ грѣха, чтобъ почтить и прославить паче родъ человѣческій. О, неизреченное человѣколюбіе и благость! Не только не предалъ Онъ вѣчнымъ мукамъ насъ, преступившихъ заповѣдь Его, но какими мы содѣлались чрезъ преступленіе, такимъ благоволилъ содѣлаться и Онъ, т.-е. человѣкомъ тлѣннымъ и смертнымъ — Онъ, сый нетлѣнный и безсмертный, и явился среди людей съ плотію обоженной, а не единымъ Божествомъ. И по какой причинѣ? По той, что пришелъ, *не да судитъ мірови, но да спасется Имъ міръ*, какъ говоритъ это самъ Онъ во святомъ Евангеліи своемъ (Ін. 3, 17; 12, 47). Ибо явленіе Божества Его бываетъ судомъ для тѣхъ, кому являемо бываетъ. И никакая плоть не могла бы снести славы Божества Его, еслибы Оно явилось одно безъ человѣческаго естества, не бывъ, т.-е., соединено съ Нимъ неизъяснимымъ образомъ. Еслибы Божество явилось одно, то вся тварь исчезла бы совершенно;

потому что тогда всѣ почти были погружены въ невѣріе. Божество же никому никогда не являлось безъ вѣры. Но еслибы и явилось Оно иногда кому безъ нея, то будетъ страшно и трепетно; ибо въ такомъ случаѣ Оно не просвѣщаетъ, а сожигаетъ, не животворитъ, а мучитъ. И это видно изъ того, что пострадалъ блаженный Павелъ: не просвѣтился онъ сіяніемъ онаго неприступнаго свѣта, облиставшаго его на пути, но омрачился паче, и потерялъ даже естественный свѣтъ очей своихъ, и не сталъ видѣть. Дивный Павелъ, имѣвшій быть великимъ учителемъ Церкви Христовой, который изрекъ потомъ: *Богъ рекій изъ тьмы свѣту возсіяти, иже возсія въ сердцахъ нашихъ;*— и опять: *имамы же сокровище сіе* (т.-е. возсіяніе въ сердцахъ), — въ то время не могъ узрѣть и самомалѣйшаго луча онаго свѣта.

2. Изъ сего вѣрно научаемся, что для тѣхъ, коими обладаютъ невѣріе и страсти, благодать Святаго Духа неприступна и незрима. Но для тѣхъ, которые показываютъ достойное покаяніе и начинаютъ исполнять заповѣди Христовы съ вѣрою, и вмѣстѣ со страхомъ и трепетомъ, она открывается и бываетъ зримою, и сама собою производитъ въ нихъ судъ несомнѣнно такой, какой имѣетъ быть, или лучше сказать, она бываетъ для нихъ днемъ божественнаго суда. Кто всегда сіяетъ и освѣщается сею благодатію, тотъ истинно видитъ себя самого,— что онъ такое есть, и въ какомъ жалкомъ состояніи находится,— видитъ тонкочастно всѣ дѣла свои, которыя совершалъ тѣломъ, и какія дѣйствовались только въ душѣ его. При этомъ онъ судится и возсуждается и божественнымъ огнемъ; вслѣдствіе чего напояемый водою слезъ, орошается по всему тѣлу, и мало-по-малу крещается весь, душею и тѣломъ,—божественнымъ онымъ огнемъ и Духомъ, становится весь чистымъ, весь—непорочнымъ, сыномъ свѣта и дня, и болѣе не сыномъ человѣка смерт-

наго. Почему таковый не будетъ уже судимъ на будущемъ судѣ, такъ какъ уже былъ судимъ прежде, ни обличаемъ онымъ свѣтомъ, потому что освѣтился имъ здѣсь прежде, и не внидетъ въ оный огнь, чтобъ быть жегомымъ вѣчно, потому что вошелъ въ него здѣсь прежде и былъ судимъ, и думать не будетъ, что тогда только явился день Господень, потому что давно уже сталъ весь днемъ свѣтлымъ и блещащимся отъ сообращенія и бесѣды съ Богомъ и пересталъ находиться въ мірѣ или съ міромъ, но весь всецѣло сталъ внѣ его. Такъ говоритъ Христосъ Господь во святомъ Евангеліи: *Азъ избрахъ вы отъ міра сего* (Ін. 15, 19); и божественный Павелъ: *аще быхомъ себе разсуждали, не быхомъ осуждени были: судими же отъ Господа наказуемся, да не съ міромъ осудимся* (1 Кор. 11, 31); и опять въ другомъ мѣстѣ: *якоже чада свѣта ходите* (Еф. 5, 9).

Итакъ, которые содѣлались чадами свѣта и сынами будущаго дня, и могутъ всегда какъ во дни ходить благообразно, для тѣхъ никогда не придетъ день Господень, потому что они всегда съ нимъ и въ немъ находятся. Ибо день Господень явится не для тѣхъ, которые уже осіяваются божественнымъ свѣтомъ; но онъ внезапно откроется для тѣхъ, которые находятся во тьмѣ страстей, живутъ въ мірѣ помірски и любятъ блага міра сего; для нихъ явится онъ вдругъ, внезапно и покажется имъ страшнымъ, какъ огнь нестерпимый и невыносимый.

Огнь сей явится не весь духовно, но, какъбы сказать, безтѣлесно-тѣлесно,—такъ, какъ являлся Христосъ ученикамъ своимъ по воскресеніи. Евангелистъ говоритъ, что, когда вознесся Господь на небеса, ангелы говорили ученикамъ: *вознесыйся отъ васъ на небо, такожде пріидетъ, имже образомъ видѣсте его идуща на небо* (Дѣян. 1, 11). Если не будетъ такъ, то какъ возможно увидѣть Его грѣшникамъ, невѣрнымъ, еретикамъ и духоборцамъ,

которые слѣпы душею и имѣютъ очи души своей загражденными скверною невѣрія и грѣха? О семъ св. Павелъ такъ писалъ къ Солунянамъ: *о лѣтѣхъ и о временѣхъ, братіе, не требъ есть вамъ писати: сами бо вы извѣстно вѣсте, яко день Господень якоже тать въ нощи, тако пріидетъ. Егда бо рекутъ: миръ и утвержденіе, тогда внезапу нападетъ на нихъ всегубительство, якоже болѣзнь во чревѣ имущей, и не могутъ избѣжати. Вы же, братіе, нѣсте во тмѣ, да день васъ, якоже тать постигнетъ: вси бо вы сынове свѣта есте и сынове дне: нѣсмы нощи, ниже тмы. Тѣмже убо да не спимъ якоже и прочіи, но да бодрствуимъ и трезвимся.* И нѣсколько ниже: *яко не положи насъ Богъ въ гнѣвъ, но въ полученіе спасенія, да аще бдимъ, аще ли спимъ, купно съ Нимъ живемъ* (1 Сол. 5, 1—6. 9. 10).

3. Но, возлюбленне, слыша: *сынове есте свѣта и сынове дне*, не скажи въ помыслѣ своемъ, что мы, крещенные во имя св. Троицы, вѣрующіе во Христа и поклоняющіеся Ему, яко Богу, всеконечно есмы сыны свѣта и дня, во всякомъ случаѣ, хотя бы не чувствовали и не сознавали того въ себѣ въ самомъ дѣлѣ. Нѣтъ, брате, не думай такъ, какъ я сказалъ, и не проводи остальнаго времени жизни твоей въ нерадѣніи. Но испытай себя самого съ точностію и помысли, сколько заповѣдей Господнихъ преступилъ ты послѣ крещенія, и сколько надѣлалъ грѣховъ, по причинѣ которыхъ отступила отъ тебя благодать Святаго Духа, и ты изъ сына свѣта и дня содѣлался сыномъ нощи, и сидишь во тьмѣ. И скажи въ себѣ самомъ: если теперь, когда я еще нахожусь въ мірѣ семъ, не вижу я свѣта божественной благодати и пребываю во тьмѣ; то навѣрное и послѣ смерти имѣю пребыть во тьмѣ же; и всеконечно, какъ тать въ нощи, придетъ на меня день Господень, и тогда внезапу обыметъ меня вѣчная пагуба. Такъ воистину есть, братія

мои; пусть никто не обольщаетъ васъ суетными словами, и никто не надѣйся на одну вѣру во Христа. Слушайте, что говоритъ Апостолъ Іаковъ: *вѣра безъ дѣлъ мертва есть Якоже бо тѣло безъ духа мертво есть, тако и вѣра безъ дѣлъ мертва есть* (Іак. 2, 20. 26). Тѣ, которые исповѣдуютъ, что Христосъ истиненъ есть, и не соблюдаютъ заповѣдей Его, будутъ почтены не только отвергшимися Христа, но и презрѣвшими Его, и праведно будутъ осуждены паче тѣхъ, кои совсѣмъ не вѣдали Христа. Кто безчеститъ отца своего, какъ можетъ быть почитаемъ сыномъ ему? И кто удаляется отъ свѣта, какъ можетъ пребывать во свѣтѣ, какъ во дни? Нѣтъ, братіе мои, нельзя сему быть. Если кто станетъ говорить, что никто не можетъ исполнить всѣхъ заповѣдей, то да вѣдаетъ онъ, что ложно клевещетъ на Бога, будто Онъ заповѣдалъ намъ невозможное. Таковый будетъ осужденъ, какъ тотъ, кто сказалъ: *видѣхъ тя, яко жестокъ еси человѣкъ: жнеши, идѣже не сѣялъ еси, и собираеши, идѣже не расточилъ еси* (Мѳ. 25, 24),— и какъ діаволъ, сказавшій Евѣ: вѣдалъ Богъ, что въ какой день вкусите вы отъ древа познанія, подобны Ему станете, того ради заповѣдалъ вамъ не вкушать отъ него (Быт. 3, 5). Ибо и онъ почитаетъ Бога лжецомъ, обманщикомъ и завистливымъ. Лжецомъ,—потому что, когда Господь сказалъ: *иго мое благо и бремя мое легко есть*, онъ не только говоритъ, что оно не легко, но еще утверждаетъ, что оно даже неподъятно, —обманщикомъ и завистливымъ, потому что, сошедши на землю, наобѣщалъ намъ многое, но дать ничего не хочетъ, а завидуетъ спасенію нашему, почему заповѣдалъ намъ соблюдать и дѣлать дѣла невозможныя, чтобъ мы не могли ихъ исполнить, и Онъ имѣлъ будто благословный предлогъ лишить насъ тѣхъ благъ, какія обѣщалъ. Но горе говорящимъ таковое, если не покаются! Владыка нашъ Христосъ ни-

чего не заповѣдалъ намъ тяжкаго и неудобоисполнимаго, но всѣ заповѣди Его удобны и легки. Объясню вамъ это слѣдующимъ примѣромъ.

Нѣкто служилъ врагу и отступнику царя христіанскаго, одержалъ много побѣдъ надъ слугами сего царя, и былъ въ большой славѣ и чести у отступника онаго и у воинства его. Царь христіанскій посылалъ къ нему, приглашая возвратиться къ себѣ и обѣщая великія милости даже до принятія его въ соучастіе въ царствованіи; но тотъ не только не соглашался перейти къ царю а напротивъ устроялъ еще сильнѣйшія нападенія на него. Съ продолженіемъ однакожъ времени, въ одинъ день пришелъ онъ въ себя самого. раскаялся во всемъ содѣланномъ, и принялъ намѣреніе бѣжать и самому по себѣ придти къ царю, разсуждая съ собою, что хотя доселѣ не слушался царя, приглашавшаго меня придти къ нему, при всемъ томъ вѣрую, что если приду къ нему теперь, то онъ не вмѣнитъ мнѣ, что я столько времени запоздалъ приходомъ къ нему; ибо онъ, какъ слышу, очень снисходителенъ и человѣколюбивъ, почему навѣрное проститъ и меня и исполнитъ все, что обѣщалъ прежде. Какъ задумалъ онъ это въ своемъ умѣ, такъ и дѣломъ совершилъ: тотчасъ поднялся и пошелъ къ царю, и пришедши припалъ къ ногамъ его, со слезами прося прощенія. Тогда добрѣйшій тотъ царь принялъ его, паче чаянія его, съ величайшею радостію, дивясь перемѣнѣ его и смиренію, что вмѣсто того, чтобъ представиться съ притязаніями и требовать почестей за то, что показалъ такую къ нему любовь и вѣру, онъ, оставя его врага и пришедши къ нему, самъ лежитъ у ногъ его, плача и сокрушаясь сердцемъ, что такъ поздно возвратился и надѣлалъ прежде столько золъ. Почему, поднявъ его, палъ на выю его и долго цѣловалъ его и очи его полныя слезъ, потомъ повелѣлъ принести вѣнецъ,

царскую одежду и обувь, — все какъ у него самого, и облекъ во все это самъ его, прежняго врага своего и противника,—совершенно ни за что не упрекалъ онъ его изъ того, что онъ надѣлалъ, но радовался и веселился съ нимъ день и ночь, обнималъ его и цѣловалъ въ уста, и такую возъимѣлъ къ нему любовь, что даже и когда спать отходилъ, не разлучался съ нимъ, но ложился вмѣстѣ съ нимъ, отвсюду окутывая его царскими покровами и блюдя его, какъ зеницу ока. Подобно сему и то, что дѣлаетъ съ нами Богъ; подобнымъ же образомъ и человѣколюбивый Богъ пріемлетъ и возлюбляетъ тѣхъ, которые каются отъ всей души, бѣгутъ отъ міра прелестнаго и отъ міродержителя діавола и приходятъ къ Нему, истинному царю и Богу, обнажившись отъ всѣхъ вещей міра сего. И все сіе совершается легко. Если бываетъ что тяжело тутъ для иныхъ, такъ это—оставить врага Божія діавола и всѣ сатанинскія дѣла его, со всѣми мнимыми благами міра сего, коими онъ прельщаетъ ихъ быть вмѣстѣ съ нимъ. Но тутъ совсѣмъ нѣтъ и слѣда возвращенія къ Богу. Вотъ я, повѣрьте слову моему, когда прибѣгъ къ Богу Спасителю моему, не встрѣтилъ ничего скорбнаго, или тяжкаго и неподъятнаго; но,—если уже говорить вамъ правду и открыть любви вашей то, что я не хотѣлъ никому открывать, чтобъ доставить нѣкоторымъ изъ васъ хотя малую какую пользу, — когда имѣлъ я скорбь, тѣсноту и такъ именуемое злостраданіе, тогда наипаче ощущалъ, что все это производило мнѣ вящшую радость и отраду, чрезъ откровеніе и явленіе при семъ лица Божія,—такъ что во мнѣ совершалось то, что говоритъ св. Павелъ: *легкое печали нашея тяготу славы содѣловаетъ намъ* (2 Кор. 4, 17), и что говоритъ Давидъ: *въ скорби распространилъ мя еси* (Пс. 4, 2). Отъ этой радости я ни во что вмѣнялъ скорби и искушенія, находившія на меня, взирая не на

будущую, но на настоящую славу Господа нашего Іисуса Христа, какая проявлялась тогда тотчасъ во мнѣ благодатію Святаго Духа. Отъ созерцанія и причастія сей славы ни во что вмѣнялъ я самыя смертельныя боли и всякую другую скорбь, болѣе несносную изъ всего, что можетъ найти на человѣка съ болѣзнованіемъ и страданіемъ многимъ, забывая всякое мучительное томленіе тѣла моего. Отъ сего же созерцанія и причастія славы Христовой сталъ я почитать бремя заповѣдей легкимъ и иго Христово благимъ. Печаль же великую и невыносимую имѣлъ я только о томъ,—повѣрьте мнѣ,—что не находилъ благословной причины умереть любве ради Христовы.

Итакъ, братіе мои возлюбленные, оставимъ все и побѣжимъ нагими, прибѣгнемъ ко Владыкѣ Христу и, припадши къ стопамъ Его, восплачемся предъ благостынею Его, чтобы и Онъ, видя вѣру нашу и смиреніе, принялъ насъ также и даже лучше, чѣмъ сказанный царь своего врага, почтилъ насъ и украсилъ собственною одеждою и вѣнцемъ своимъ, т.-е. славою своею, и сдѣлалъ достойными небеснаго брачнаго чертога своего. Ибо убѣжать отъ царя тлѣннаго, и опять возвратиться къ другому царю тлѣнному же и удостоиться получить часть въ царствованіи земномъ, неодинаково съ тѣмъ, что я говорю, т.-е., съ тѣмъ, чтобъ взойти отъ земли на небо, получить славу вѣчную и царство нетлѣнное, и содѣлаться общникомъ Бога и сонаслѣдникомъ царства Его, и не только царемъ, но и Богомъ по благодати, и вѣчно радоваться съ Богомъ. Не будемъ же, братіе, прошу васъ, предпочитать сему ничего временнаго и земнаго, чтобъ не лишиться славы и утѣшенія Христова, но поревнуемъ очистить себя, чтобъ еще здѣсь пріять залогъ царствія небеснаго или, лучше сказать, поревну-

омъ стяжать самого Бога, Царя всяческихъ, въ коемъ всякое для всѣхъ благо.

4. Посему надлежитъ намъ съ точностію испытать самихъ себя, стяжали-ль мы Господа Іисуса Христа внутрь себя, дабы уразумѣть, дана ли и намъ, получена ли и нами отъ Него *область*, какъ говоритъ Іоаннъ Богословъ, *чадами Божіими быти* (Ін. 1, 12). И да внимаетъ всякъ словесамъ святыхъ Писаній, да вникаетъ добрѣ и въ самого себя, чтобъ не подпасть тщетной лести, и не стать почитать себя вѣрнымъ, а послѣ не оказаться невѣрнымъ. Ибо возможно, почитая себя имѣющимъ въ себѣ Христа, выдти изъ настоящей жизни пустымъ отъ Него и быть осуждену, какъ ничего не имѣющему, съ лишеніемъ и того, еже мнится имѣти и ввержену въ огнь геенскій. Но откуда можемъ узнать, имѣемъ ли мы въ себѣ Христа, и какъ можемъ изслѣдовать самихъ себя въ семъ отношеніи до точности? Такъ: возьмемъ слова божественнаго Писанія, положимъ ихъ предъ душами нашими, какъ зеркало, и станемъ сличать съ ними во всемъ самихъ себя; тотчасъ и познаемъ, что такое мы воистинѣ. Но внемлите, прошу васъ, и съ помощію Бога, дающаго слово во отверзеніе устъ моихъ, я изъясню вамъ нѣсколько, какимъ образомъ можемъ мы узнать, имѣемъ ли мы въ душахъ своихъ Христа?

Въ началѣ бѣ Слово, и Слово бѣ къ Богу, и Богъ бѣ Слово. Сей бѣ искони къ Богу. Вся Тѣмъ быша и безъ Него ничтоже бысть, еже бысть. Въ Томъ животъ бѣ и животъ бѣ свѣтъ человѣкомъ. И свѣтъ во тмѣ свѣтится, и тма его не объятъ (Ін. 1, 1—5). Говоря такъ, Іоаннъ Богословъ открываетъ таинство нераздѣльныя Троицы, и Богомъ называетъ Отца, Словомъ—Сына, жизнію—Духа Святаго, Который есть и свѣтъ; и опять всѣ три лица Отецъ, Сынъ и Духъ суть единый свѣтъ, который свѣтитъ во тьмѣ, т.-е. въ мірѣ семъ. Ибо Богъ присущъ всюду:

во всей цѣлости бытія, и будучи свѣтомъ, все просвѣщаетъ, и тьма его не объемлетъ, т.-е. нечистота грѣховная отнюдь не приближается къ Нему. Міръ не препятствуетъ Ему свѣтить и просвѣщать, но и не позналъ Его, и не обрѣлъ Его, и не узрѣлъ Его. Почему Іоаннъ Богословъ. чтобъ яснѣе это представить, прибавляетъ далѣе: *бѣ свѣтъ истинный, иже просвѣщаетъ всякаго человѣка грядущаго въ міръ. Въ мірѣ бѣ, и міръ Тѣмъ бысть, и міръ Его не позна* (— —9. 10). Отъ начала, говоритъ, былъ всюду Богъ. который просвѣщаетъ и животворитъ всякаго человѣка, грядущаго въ міръ. И прежде созданія міра былъ Онъ. И все было у Бога. прежде проявленія въ бытіи. Потомъ, когда создалъ Богъ чувственный міръ сей, то не отдалился отъ него мѣстомъ, потому что есть вездѣ сый и вся исполняяй; но изъ всего сущаго въ мірѣ, ничто не приблизилось къ Нему по естеству и славѣ божества Его. Богъ, будучи не отдаленъ отъ всего сущаго, явно есть во всемъ, и однакожъ никто не знаетъ Его, какъ говоритъ Господь нашъ: *ни Отца кто знаетъ, токмо Сынъ, и емуже волитъ Сынъ открыти* (Мѳ. 11, 27). Итакъ Богъ, который былъ въ мірѣ и не былъ познаваемъ отъ него, пришелъ, говоритъ, *во своя, и свои Его не пріяша.* Своими называетъ Онъ міръ и людей, сущихъ въ мірѣ, и потому, что есть Творецъ и Владыка ихъ, и по сродству, въ какое вступилъ съ людьми чрезъ свое вочеловѣченіе. Размысли же добрѣ о томъ, что мы сказали, и познай что Богъ-Слово, въ началѣ сый у Бога и Отца, имѣющій жизнь въ Себѣ и все создавшій, и сущій свѣтомъ, просвѣщающимъ всякаго человѣка, Онъ самый, который былъ прежде бытія міра и создалъ міръ, который есть въ мірѣ и не познается міромъ и не объемлется имъ,—Онъ пришелъ въ міръ и содѣлался человѣкомъ. да явится яко Богъ и познается, какъ есть, тѣмъ, кои пріемлютъ Его, яко Бога, съ вѣрою и соблюдаютъ заповѣди Его. Почему

св. Евангелистъ и говоритъ: *елицы пріяша Его, даде имъ область чадомъ Божіимъ быти, вѣрующимъ во имя Его: иже не отъ крове, ни отъ похоти плотскія, ни отъ похоти мужескія, но отъ Бога родишася. И Слово плоть бысть, и вселися въ ны, и видѣхомъ славу Его, славу яко Единороднаго отъ Отца, исполнь благодати и истины* (Ін. 1, 12—14). На-те! Вотъ вамъ зеркало, о коемъ я сказалъ прежде, — эти самыя слова! И посмотрите, прошу васъ, какая точность въ словахъ Евангелиста! Какъ ясно обозначаетъ онъ признаки, по коимъ познаются вѣрные, чтобъ мы и самихъ себя могли познавать, и ближнихъ своихъ! *Елицы же,* говоритъ, *пріяша Его,* разумѣется, посредствомъ вѣры, и исповѣдали Его Богомъ, а не человѣкомъ только, *даде имъ область* чрезъ крещеніе *чадами Божіими быти,* освободивъ ихъ отъ тиранства діавола; такъ чтобъ они не только были вѣрными, но, если восхотятъ жить и по заповѣдямъ Его, чтобъ къ вѣрѣ притяжали и святость чрезъ дѣланіе заповѣдей Его, какъ и въ другомъ мѣстѣ говоритъ Господь: *святи будите, яко Азъ святъ есмь* (Лев. 19, 2). И опять: *будите милосерди, якоже и Отецъ вашъ милосердъ есть* (Лук. 6, 36). Потомъ Евангелистъ показываетъ и способъ, какъ таковые дѣлаются чадами Божіими, говоря: *иже не отъ крове, ни отъ похоти плотскія, ни отъ похоти мужескія, но отъ Бога родишася.* Рожденіемъ здѣсь называетъ онъ духовное измѣненіе, совершающееся и узрѣваемое чрезъ крещеніе Духомъ Святымъ, какъ говоритъ самъ неложный Господь: *Іоаннъ крестилъ есть водою, вы же имате креститися Духомъ Святымъ* (Дѣян. 1, 5). Посему крещаемые Духомъ Святымъ бываютъ, какъ свѣтъ во сѣтѣ, и знаютъ Родившаго ихъ, потому что видятъ Его. А что рожденные благодатію Святаго Духа имѣютъ нужду быть питаемыми и святымъ причащеніемъ пречистаго тѣла и честныя крови Господа нашего, о семъ послушай, что говоритъ Евангеліе

листъ: *и Слово плоть бысть и вселися въ ны.* И что слова сіи говорятъ о пречистыхъ тайнахъ, послушай Господа, который говоритъ: *ядый Мою плоть и піяй Мою кровь, во Мнѣ пребываетъ и Азъ въ немъ* (Ін. 6, 56). Когда же родимся мы духовно благодатію Святаго Духа, и содѣлаемся чадами Божіими, и чрезъ причастіе пречистаго тѣла и честныя крови Господа вселится въ насъ и станетъ обитать, какъ Свѣтъ, Христосъ, Сынъ и Слово Бога воплотившееся; тогда послѣдуетъ и сіе: *видѣхомъ славу Его, славу, яко Единороднаго отъ Отца.* Ибо когда родимся мы духовно отъ Него, когда Онъ вселится въ насъ чрезъ тайны и мы станемъ сознательно пребывать въ Немъ; тогда въ тотъ самый часъ, какъ будетъ сіе въ насъ, вдругъ узрѣваемъ мы славу божества Его, славу яко Единороднаго отъ Отца, т.-е. такую, какой никто другой не имѣетъ, ни ангелъ, ни человѣкъ. И поелику Отецъ и Сынъ Его единородный едино суть, то явно, что и слава Ихъ обоихъ едина есть, каковая открывается и познается (вѣдомою дѣлается) всѣмъ, кому хощетъ Сынъ, открыти чрезъ Святаго Духа, отъ Отца исходящаго.

Итакъ, братія мои, пусть всякій добрѣ вникнетъ въ силу словъ сихъ, и по нимъ испытаетъ себя самого,—пріялъ ли Бога-Слово пришедшаго въ міръ, и содѣлался ли чадомъ Божіимъ,—точно ли родился не отъ плоти только и крови, но и отъ Бога, позналъ ли, что воплотившійся Богъ-Слово вселился въ него, и увидѣлъ ли славу Его, *славу яко Единороднаго отъ Отца.* Въ комъ все сіе совершилось, тотъ воистину христіанинъ есть; онъ видитъ себя вновь рожденнымъ свыше, и знаетъ Отца, родившаго его не словомъ только, но и дѣломъ благодати и истины. Станемъ, братія мои, предъ симъ зерцаломъ истины, и будемъ избѣгать вреднаго и еретическаго ученія тѣхъ, которые говорятъ, что нынѣ не открывается въ насъ вѣрующихъ слава Господа Іисуса Христа благо-

датію Св. Духа. Ибо благодать дается съ откровеніемъ симъ; и откровеніе сіе дѣйствуется благодатію. Почему ни Духа Святаго не пріемлетъ никто безъ того, чтобъ Духъ не открывался и не зримъ былъ умными очами, ни откровенія такого не узрѣваетъ никто, не бывъ просвѣщенъ благодатію Святаго Духа. Даже и вѣрнымъ не можетъ называться тотъ, кто не получилъ благодати Св. Духа. Христосъ Господь говорилъ самарянынѣ: *піяй отъ воды, юже Азъ дамъ ему, не вжаждется во вѣки: но вода, юже Азъ дамъ ему, будетъ въ немъ источникъ воды текущія въ животъ вѣчный* (Ін. 4, 14). *Сіе же,*—какъ замѣчаетъ Евангелистъ, по случаю слова Господа о питіи воды отъ Него въ другомъ мѣстѣ,—*рече* Господь *о Дусѣ, егоже хотяху пріимати вѣрующіи во имя Его* (Ін. 7. 39). Видишь ли, что тѣ, которые не имѣютъ Духа Святаго, такъ чтобъ Онъ дѣйствовалъ и глаголалъ внутрь ихъ, не суть вѣрные? Ибо неложенъ Христосъ, который грѣха не сотворилъ и въ устахъ котораго не обрѣтеся ложь. Почему если Христосъ говоритъ, что дастъ Духа вѣрующимъ въ Него, то никакого нѣтъ сомнѣнія, что не имѣющіе Духа не суть вѣрующіе въ Него отъ чистаго сердца.

Если же кто станетъ говорить, что каждый изъ насъ вѣрующихъ получилъ и имѣетъ Духа, хотя не сознаетъ и не чувствуетъ того, таковый богохульствуетъ, такъ какъ представляетъ лживымъ Христа, который сказалъ: *будетъ въ немъ источникъ воды текущія въ животъ вѣчный,* — и еще: *вѣруяй въ мя, рѣки отъ чрева его истекутъ воды живы* (Іоан. 7, 38). Итакъ, если источный ключъ бьетъ, то навѣрное рѣка, исходящая изъ сего источника и текущая, видима бываетъ для имѣющихъ очи. Но если и это (будемъ говорить въ тонъ тѣхъ, которые такъ мудрствуютъ) дѣйствуется въ насъ, а мы ничего такого не чувствуемъ и не сознаемъ въ себѣ, то явно, что мы со-

всѣмъ не будемъ чувствовать и жизни вѣчной, которая бываетъ слѣдствіемъ того, и не увидимъ свѣта Духа Святаго, но пребудемъ мертвы, слѣпы, безчувственны и въ будущей жизни, какъ пребываемъ въ настоящей. Такимъ образомъ выйдетъ, что надежда наша тщетна и теченіе наше—попусту, если мы все еще въ смерти, т.-е. остаемся мертвы духомъ и не воспринимаемъ чувства вѣчной жизни. Но не такъ есть во истинѣ, не такъ. Но что я говорилъ не разъ, скажу и еще, и не перестану говорить: свѣтъ Отецъ, свѣтъ Сынъ, свѣтъ Духъ Святый; тріе сіи единъ свѣтъ, безвременный, нераздѣльный, несліянный, вѣчный, несозданный, неоскудѣвающій, неизмѣримый, невидимый, поколику есть и помышляется сущимъ внѣ и превыше всего,—котораго ни одинъ человѣкъ не могъ никогда увидѣть, прежде очищенія, и не могъ получить прежде узрѣнія. Ибо прежде надлежитъ увидѣть его, и потомъ многими подвигами стяжать, такъ какъ многіе видали, но не стяжали, подобно тѣмъ, которые удостоиваются увидѣть великое и безмѣрное богатство въ царскихъ сокровище-хранительницахъ, и потомъ отходятъ ни съ чѣмъ, какъ и прежде были. Въ началѣ многократно находитъ божественное просвѣщеніе и осіяніе на тѣхъ, которые каются съ теплотою сердца, но скоро и отходитъ. И если они вдадутъ себя всѣхъ всецѣло въ подвиги даже до смерти, и взыщутъ сего просвѣщенія съ болѣзнію сердечною, и представятъ себя Христу Господу достойными, чистыми, непорочными во всѣхъ дѣлахъ, то снова получатъ его, и оно пріидетъ опять къ нимъ болѣе совершеннымъ. Если же они вознерадятъ и не захотятъ вдать себя въ большіе труды по причинѣ животолюбія и покоелюбія своего, то бываютъ недостойны такого дара и не входятъ въ животъ вѣчный (не воспріемлютъ начатковъ его) теперь, пока еще въ тѣлѣ находятся; не вошедши же теперь,—явно, не

сподобятся сего и по смерти, въ другой жизни. Если тотъ, кто, получивъ талантъ, скрылъ его, подвергся осужденію за то, что не преумножилъ его; то сколь большему подпадетъ осужденію тотъ, кто не только не преумножилъ, но и совсѣмъ потерялъ полученное имъ по нерадѣнію своему? Итакъ здѣсь, какъ говоритъ Божественное Писаніе, торжище, здѣсь подвиги и состязанія. Здѣсь даются побѣдителямъ, какъ залоги вѣнцы побѣдные; равно какъ и для побѣжденныхъ здѣсь полагается начало ихъ посрамленію и мученію.

Приведи себѣ на память сорокъ мучениковъ и всѣхъ другихъ страдальцевъ за Христа. Они подтверждаютъ то, что я говорю. Сорокъ мучениковъ, еще находясь въ озерѣ, получили изъ рукъ Христовыхъ вѣнцы мученическіе; а тотъ, вошедшій въ баню, тотчасъ будто растопился отъ тепла, и пошелъ въ огнь вѣчный на мученія. Также св. Евстратій, предивный въ добродѣтеляхъ мужъ, когда былъ мученъ за любовь Христову, говорилъ: теперь я позналъ, что храмъ Божій есмь, и Духъ Божій живетъ во мнѣ. Отойдите отъ меня дѣлатели беззаконія! А къ мучителю, судившему его, сказалъ: еслибъ ты былъ здравъ умомъ и душа твоя не была вся—земля и персть, по причинѣ страстей, я показалъ бы тебѣ, что сей распятый Христосъ есть Спаситель, Искупитель и Благодѣтель нашъ. Видишь ли, какъ сей святый, когда вошелъ въ подвиги мученичества и началъ переносить терзанія въ борьбѣ своей, тогда позналъ себя самого, что онъ есть храмъ Божій, и сталъ видѣть умными очами души своей, что Духъ Божій ощутительно обитаетъ въ немъ. Какое другое свидѣтельство могло бы быть яснѣе этого? Если иные скажутъ, что то были мученики, претерпѣвшіе такія и такія страданія за Христа, и намъ какъ можно уподобиться имъ? то скажу и я такимъ,—что и вы сами, если захотите, можете каждодневно про-

ходить подвигъ мученичества, подобно мученикамъ, можете страдать и терпѣть за Христа каждый день, каждую ночь и каждый часъ. Какъ же это можетъ быть? Если и вы установите брань съ мысленными врагами нашими—демонами, и будете всегда противостоять грѣху и страстной волѣ своей. Тѣ противостояли мучителямъ, а вы противьтесь демонамъ и пагубнымъ страстямъ плотскимъ, кои тираннически устремляются на душу нашу, каждый день, каждую ночь и каждый часъ, и понуждаютъ насъ дѣлать то, что несообразно съ Богочестіемъ и чѣмъ прогнѣвляется Богъ. Итакъ, если и мы противостанемъ всему такому, не послушаемся совѣтовъ лукавыхъ демоновъ и не станемъ творить волю плоти и помышленій и питать ее удовлетвореніемъ ея безчинныхъ похотѣній, то по всей справедливости будемъ и мы мучениками, противовоюющими грѣху. И если, противясь діаволу, будемъ охотно переносить всякій трудъ ради заповѣдей Христовыхъ, какъ мученики, противясь мучителямъ, переносили за Христа нестерпимыя страданія, и при этомъ, приводя на память мученія и раны, подъятыя мучениками, будемъ стеня воздыхать изъ глубины сердечной, помышляя, какъ далеки мы отъ подвиговъ ихъ, и скорбя, что не удостоены подобно имъ пострадать за Христа: то несомнѣнно удостоимся получить вѣнцы, подобные ихнимъ, по великой благости Бога, которую Онъ всегда являлъ и являетъ намъ отъ начала и доселѣ. Ибо хотя при этомъ мы не будемъ подобны имъ въ мужествѣ, но всячески можемъ уподобиться имъ въ терпѣніи и благодушіи, съ какими переносить будемъ труды и болѣзни, испытываемыя въ видахъ соблюденія заповѣдей Христовыхъ. Они освятились подвигами мученичества, а мы надѣемся спасены быть ради добрыхъ дѣлъ и подвиговъ, какіе проходимъ для стяжанія добродѣтелей,—всецѣло по человѣколюбію и благо-

дати Божіей; они освятились мученическими потами и болѣзнями, а мы—слезами и подвигами покаянія; они—чрезъ изліяніе крови своей, а мы—чрезъ отсѣченіе воли своей и рѣшимость на смерть, по коей готовы были бы каждочасно умереть ради заповѣди Господа, не допуская себя преступить какую-либо изъ нихъ даже единымъ словомъ.

Посему и мы всѣ, братія мои, должны презрѣть настоящее, какъ и мученики, потому что никому невозможно получить нетлѣнное, если онъ не вмѣнитъ въ уметы тлѣнное, ни стяжать вѣчное, если онъ прилѣпленъ къ временному; никто также изъ обладаемыхъ въ сердцѣ какою-либо страстію, хотя бы то малѣйшею, не можетъ имѣть живущимъ въ себѣ Христа благодатію св. Духа: ибо Богъ свѣтъ есть, какъ говоритъ самъ Онъ: *Азъ есмь свѣтъ міру* (Іоан. 8, 12). Если, можетъ быть, ты думаешь, что Христосъ есть свѣтъ по плоти, то, по твоему, выйдетъ, что когда Христосъ вознесся на небо и скрылся, тогда и свѣтъ отдалился отъ учениковъ Его, а слѣдовательно и отъ насъ, и весь міръ остался во тмѣ. Если же исповѣдуешь, что Онъ есть свѣтъ міра по Божеству, то какъ думаешь, что Онъ въ тебѣ есть, и говоришь, что не видишь Его? Если скажешь, что Духъ Святый въ тебѣ заслоняется страстьми то дѣлаешь Бога описуемымъ и превозмогаемымъ отъ зла и тмы, сущихъ въ тебѣ: ибо злоуміе и страсти и безъ дѣлъ грѣховныхъ суть тма. Итакъ, кто говоритъ, что имѣетъ въ сердцѣ своемъ свѣтъ покрытымъ тмою страстей и потому не видитъ его, тотъ утверждаетъ, что свѣтъ (Божій) превозмогается тмою (человѣческою), и доказываетъ, что глаголетъ Духъ Святый, который говоритъ чрезъ Евангелиста Іоанна: *и свѣтъ во тмѣ свѣтится, и тма его не объятъ.* Духъ Святый говоритъ, что свѣтъ не превозмогается тмою, а ты говоришь, что онъ въ тебѣ покрывает-

ся тмою страстей? Познай же ты, говорящій сіе, кто бы ты ни былъ, что явно грѣшишь въ вѣдѣніи; ибо, если сознаешься, что тма страстей покрываетъ находящійся въ тебѣ свѣтъ, то прежде всего другаго себя самого обличаешь, самъ о себѣ удостовѣрительно говоря, что сидишь во тмѣ и состоишь подъ властію страстей, и при всемъ томъ, что пріялъ область чадомъ Божіимъ быть, т.-е. чадомъ свѣта и сыномъ дня, лежишь въ праздности и бездѣйствіи во тмѣ страстей, не хочешь восподвизаться въ дѣланіи заповѣдей Божіихъ и разогнать тму страстей, но презираешь Христа, съ небесъ сошедшаго и ради твоего спасенія содѣлавшагося человѣкомъ, и оставляешь Его лежать въ нечистомъ сердцѣ твоемъ, какъ въ нѣкоемъ блатѣ. Посему вотъ что говоритъ тебѣ свѣтъ, т.-е. Христосъ: отъ устъ твоихъ сужду тя, рабъ лукавый. Я, неприступный и для Ангеловъ, пришелъ,—какъ ты говоришь,—и вселился въ тебя; и ты это знаешь, а между тѣмъ оставляешь Меня лежать погруженнымъ во тму твоихъ страстей и грѣховъ, какъ самъ же опять говоришь. Столько времени я терпѣлъ ожидая, что вотъ-вотъ покаешься и начнешь творить заповѣди Мои, а ты до самаго конца не восхотѣлъ ни разу взыскать Меня и ни однажды не сжалился надо Мною, потопляемымъ и утѣсняемымъ въ тебѣ, и не далъ Мнѣ, возжегши свѣтъ Мой въ тебѣ, обрѣсть тебя,—драхму потерянную, и сдѣлать, чтобъ ты узрѣлъ Меня, какъ Я взираю на тебя, но оставилъ меня всегда быть покрытымъ страстями твоими. Отойди же отъ Меня, дѣлатель беззаконія, въ огнь вѣчный, уготованный діаволу и ангеламъ его. Я алкалъ обращенія твоего и покаянія, но ты не далъ Мнѣ вкусить сего и удовлетворить желанію Моему,—т.-е. не раскаялся въ злыхъ грѣхахъ своихъ. Былъ Я нагъ отъ добродѣтельныхъ дѣяній твоихъ, и ты не одѣлъ Меня ими. Былъ Я въ тѣсной, нечистой

и мрачной темницѣ сердца твоего, и ты не восхотѣлъ посѣтить Меня и известь Меня на свѣтъ. Видѣлъ ты, какъ Я лежалъ въ болѣзни собственнаго нерадѣнія твоего и бездѣйствія, и не пришелъ послужить Мнѣ добрыми дѣлами своими. Отойди же отъ Меня.

Вотъ что скажетъ Господь, вотъ что говоритъ Онъ и теперь тѣмъ, которые говорятъ, что имѣютъ въ себѣ Духа Святаго, только Онъ сокрытъ и закрытъ тмою страстей ихъ, и не зрится умными очами души ихъ. Къ тѣмъ же, которые говорятъ, что знаютъ Христа, но не видятъ свѣта божества Его, говоритъ Христосъ: если вы познали Меня, то конечно познали, какъ свѣтъ; ибо Я есмь воистину свѣтъ міра. Но горе тѣмъ, которые говорятъ: когда пріидетъ день Господень?—и не подвизаются постигнуть его здѣсь въ настоящей жизни; ибо пришествіе Господне и пришло, и приходитъ всегда въ вѣрныхъ, и присуще во всѣхъ желающихъ. И если Христосъ есть свѣтъ міра, и обѣщалъ Апостоламъ своимъ быть съ нами до скончанія вѣка, то какъ Сущій съ нами имѣетъ пріити? Нѣтъ, не имѣетъ Онъ пріити къ намъ, потому что мы не сыны тмы и ночи, чтобъ пришелъ къ намъ свѣтъ, но сыны свѣта и дня Господня. Почему, и пока живемъ въ настоящей жизни, пребываемъ съ Господомъ, и когда умремъ, будемъ жить чрезъ Него и съ Нимъ, по божественному Павлу (Рим. 14, 8). И св. Григорій Богословъ говоритъ: „что для чувственныхъ солнце, то для мысленныхъ (духовныхъ) Богъ. Онъ будетъ и будущій вѣкъ, и невечерній день, и царство небесное, и брачный чертогъ, и земля кроткихъ, и божественный рай. и царь и послужитель, какъ самъ сказалъ: *блажени раби тіи, ихже пришедъ Господь обрящетъ бдящихъ. Аминь, глаголю вамъ, яко препояшется и посадитъ ихъ и приступивъ послужитъ имъ*“ (Лук. 12, 37). Всѣмъ этимъ, и еще многимъ большимъ этого,—

чего и исчислить никому нельзя,— бываетъ Христосъ для вѣрующихъ въ Него,—не въ будущей только жизни, но прежде въ настоящей, а потомъ въ будущей, только здѣсь въ меньшей мѣрѣ, а тамъ въ полной. Впрочемъ вѣрные отселѣ еще предзрятъ ясно будущія блага, и пріемлютъ залоги (или зачатки) ихъ. Какъ не думаютъ они, что получаютъ здѣсь всѣ обѣтованія: такъ опять не такою питаютъ себя надеждою, что имѣютъ получить ихъ всѣ только тамъ, а здѣсь въ настоящей жизни бываютъ лишены и совсѣмъ непричастны будущихъ благъ. Но поелику Богъ удомостроилъ посредствомъ смерти своей и своего воскресенія даровать намъ царство, нетлѣніе и вѣчную жизнь, то отселѣ еще безъ сомнѣнія сподобляемся мы быть душею причастниками будущихъ благъ, т.-е. быть по душѣ нетлѣнными и безсмертными, быть сынами Божіими, сынами свѣта и дня и наслѣдниками царства небеснаго, поколику имѣемъ внутрь себя сіе самое царство небесное. Все сіе дѣйствительно отселѣ еще получаемъ, не безъ чувства и вѣдѣнія души, если мы не безъискусны въ вѣрѣ и не скудны дѣланіемъ заповѣдей Божіихъ. Но тѣлесно еще не получаемъ того, потому что это тѣло наше тлѣнно, какъ было и тѣло Христово до воскресенія. И поелику душа наша объемлется такимъ тѣломъ и имъ связуется, то мы не можемъ теперь воспріять въ душу свою всю божественную славу, открываемую намъ; но видя, какъ въ зерцалѣ, необъятное море оной славы, думаемъ, что видимъ одну каплю того моря славы. Почему и говоримъ, что видимъ нынѣ какъ въ зерцалѣ и въ гаданіи. Впрочемъ видимъ при семъ и то, что духовно, т.-е., по душѣ мы подобны Тому, кого видимъ и кто насъ видитъ; по воскресеніи же пріимемъ и тѣло духовное. Какъ Христосъ божественною своею силою сдѣлалъ тѣло свое инымъ, то-есть духовнымъ, и такъ воскресилъ его отъ гроба:

такъ и мы, сдѣлавшись прежде здѣсь подобными Христу по душѣ, тогда станемъ подобны Ему и по тѣлу,—человѣки по естеству и боги по благодати, какъ и Христосъ, будучи Богъ по естеству, содѣлался человѣкомъ, какъ есть человѣкъ, по великой своей благости. Зная навѣрное сіе таинство, какъ можемъ не возжелать смерти, когда, какъ говоритъ Апостолъ, суще въ тѣлѣ семъ воздыхаемъ, откровенія чая сыновъ Божіихъ? (Рим. 8, 19—22).

Но если праведные не бываютъ причастны вѣчныхъ благъ и не получаютъ благодати Божіей еще здѣсь, еще въ настоящей находясь жизни, то Христосъ только пророкъ есть, а не Богъ, и все, о чемъ говоритъ Евангеліе, не есть даръ благодати, а пророчество о будущихъ дарованіяхъ; равнымъ образомъ и Апостолы получили пророчество, а не исполненіе пророченнаго: и сами они ничего не получили, и другимъ ничего не преподали. Увы! Какое нечувствіе и какая слѣпота у тѣхъ, кои держатся такого мнѣнія! Ибо если такъ есть, какъ они говорятъ, то будетъ слѣдовать, что вѣра наша—одни слова, коимъ нѣтъ соотвѣтствующаго дѣла. Но если благодать Божія, спасительная всѣмъ человѣкамъ, явилась словомъ только, а не дѣломъ, и если мы думать станемъ, что таинство вѣры нашей есть именно таково, то кто будетъ окаяннѣе насъ? Если свѣтъ міра есть Христосъ и Богъ, а мы вѣровать будемъ, что ни одинъ человѣкъ никогда не видѣлъ Его, то кто другой будетъ болѣе невѣрующъ, чѣмъ мы? Если Христосъ есть свѣтъ, а мы говоримъ, что не чувствуемъ Его, когда облекаемся въ Него, то чѣмъ будемъ отличаться мы отъ мертвыхъ? Если Онъ есть лоза виноградная, а мы—вѣтви, и однакожъ не сознаемъ единенія, какое имѣемъ съ Нимъ, то явно, что мы бездушны и безплодны,—сухія древеса, гожія только для вѣчнаго огня. Если, по божественному слову, тѣ, которые вку-

шаютъ плоть Господа и піютъ кровь Его, имѣютъ животъ вѣчный, а мы, когда причащаемся, не чувствуемъ, чтобъ при семъ было въ насъ что-либо паче того, что бываетъ отъ обыкновенной пищи, и не сознаемъ, что получаемъ иную жизнь, то очевидно, что мы причащаемся только хлѣба, а не Бога. Ибо если Христосъ есть Богъ и человѣкъ, то и святая плоть Его не есть плоть только, но плоть и Богъ нераздѣльно и несліянно, и поколику плоть, т.-е. поколику она есть подъ видомъ хлѣба,—видится тѣлесными очами, а по Божеству не видится тѣлесными очами, но видится мысленными очами души, т.-е. умомъ. Посему Господь и говоритъ: *ядый Мою плоть и піяй Мою кровь, во Мнѣ пребываетъ и Азъ въ Немъ* (Ін. 6, 56). Не сказалъ: Онъ пребываетъ съ ними (т.-е. съ плотію и кровію), а они съ Нимъ; но—пребываетъ со Мною, т.-е. съ Моею славою, съ Моимъ свѣтомъ и съ Моимъ божествомъ; какъ и въ другомъ мѣстѣ говоритъ: какъ Я во Отцѣ, и Отецъ во Мнѣ, такъ Я въ васъ, и вы во Мнѣ (Іоан. 14, 20). Итакъ, если мы думаемъ, что все сіе бываетъ въ насъ безъ того, чтобъ мы то сознавали и чувствовали чувствомъ души нашей; то кто возможетъ, какъ должно, оплакать нечувствіе наше? Воистину никто.

5) Но блаженны тѣ, которые пріяли Христа, пришедшаго, какъ свѣтъ, въ нихъ, бывшихъ во тмѣ, потому что они стали сынами свѣта и невечерняго дня. Блаженны тѣ, которые облеклись въ свѣтъ Его въ настоящей жизни, потому что облеклись уже въ одѣяніе брачное и не будутъ связаны по рукамъ и ногамъ и ввержены въ огнь вѣчный. Блаженны тѣ, которые, будучи еще въ тѣлѣ, увидѣли Христа. Треблаженны тѣ, которые увидѣли Его и поклонились Ему мысленно и духовно, потому что во вѣкъ вѣка не увидятъ они смерти. Блаженны тѣ, которые каждодневно вкушаютъ Христа, съ такимъ созерцаніемъ и вѣдѣніемъ, какъ пророкъ Исаія—уголь горящій, по-

тому что они очистятся отъ всякой скверны душевной и тѣлесной. Блаженны тѣ, которые каждочасно очами ума пріемлютъ неизреченный свѣтъ, потому что они какъ во дни благообразно ходить будутъ и все время жизни своей проживутъ въ духовномъ радованіи. Блаженны тѣ, которые еще здѣсь познали свѣтъ Господень, какъ Его самого, потому что въ будущей жизни они предстанутъ предъ лицемъ Его съ дерзновеніемъ. Блаженны тѣ, которые всегда пребываютъ во свѣтѣ Господнемъ, потому что они и въ настоящей жизни суть, и въ будущей жизни будутъ всегда братіями и сонаслѣдниками Его. Блаженны тѣ, которые въ настоящей жизни возжгли въ сердцѣ своемъ свѣтъ и сохранили его неугасимымъ, потому что они во время смерти срѣтятъ жениха Христа, будучи свѣтлыми и свѣтлосіятельными, и вмѣстѣ съ Нимъ внидутъ въ брачный чертогъ Его съ возженными свѣтильниками. Блаженны тѣ, которые никогда не допускали мысли, будто люди въ продолженіи настоящей жизни не получаютъ удостовѣренія въ своемъ спасеніи, но—въ концѣ сей жизни или послѣ смерти, потому что восподвизаются получить здѣсь такое удостовѣреніе въ своемъ спасеніи. Блаженны тѣ, которые не сомнѣваются ни въ чемъ сказанномъ и не подозрѣваютъ, чтобъ тутъ было что ложное, потому что они, если не имѣютъ ничего такого,—что да не будетъ,—навѣрное возревнуютъ стяжать то. Блаженны тѣ, которые отъ всей души ищутъ внити во свѣтъ (Христовъ), презрѣвъ все прочее, потому что они, если и не успѣютъ, пока въ настоящей находятся жизни, внити въ сей свѣтъ, всячески отъидутъ отселѣ съ благими надеждами и внидутъ въ него, по мѣрѣ своей. Блаженны тѣ, которые всегда горько плачутъ о грѣхахъ своихъ, потому что ихъ осѣнитъ наконецъ свѣтъ и горькія слезы ихъ преложитъ въ сладость. Блаженны тѣ, которые просвѣщаются божественнымъ свѣтомъ, и видятъ немощность

свою, и постигаютъ срамоту души своей, потому что они будутъ плакать во всю жизнь свою и омоются слезами своими. Блаженны тѣ, которые приблизились къ свѣту божественному, и вошли въ него, и соединились съ нимъ и стали всѣ свѣтъ, потому что они совершенно совлеклись осквернённой одежды грѣховъ своихъ и не будутъ уже плакать горькими (но безполезными) слезами. Блаженны тѣ, которые видятъ, что одѣяніе души ихъ свѣтлосіянно, какъ Христосъ, потому что они каждочасно будутъ исполняемы неизреченною радостію, и, удивляясь сему и изумляясь, будутъ сладчайшія проливать слезы, сознавая, что стали уже сынами и сопричастниками воскресенія. Блаженны тѣ, которые всегда имѣютъ отверзтымъ мысленное око душевное, и во время каждой молитвы своей видятъ свѣтъ, потому что они стали равночестны съ ангелами.—Если же они таковы, еще въ сей находясь жизни, еще будучи связаны тлѣнною плотію, то каковыми же будутъ они по воскресеніи, послѣ того, какъ воспріимутъ духовное оное и нетлѣнное тѣло? Всеконечно, они будутъ тогда не ангеламъ только подобны, но самому Владыкѣ ангеловъ, Христу Господу, какъ написано: *вѣмы, яко, егда явится, подобни Ему будемъ* (1 Іоан. 3, 2). Блаженъ тотъ христіанинъ, который предстоитъ Богу въ молитвѣ такъ, что его видитъ Богъ, и онъ видитъ Бога, и чувствуетъ, что сталъ внѣ міра, въ тѣлѣ ли, или кромѣ тѣла; потому что онъ услышитъ неизреченные глаголы, *ихже не лѣть есть человѣку глаголати,* и увидитъ то, чего око не видало, о чемъ ухо не слыхало и что на сердце человѣку не всходило. Блаженъ тотъ, кто видитъ, что въ немъ вообразился Христосъ — свѣтъ міра, потому что онъ наречется матерію Христа, имѣя въ себѣ Христа какъ плодъ чрева, какъ самъ Онъ неложнѣйшій обѣтовалъ, говоря: мать Моя и братья Мои, и друзья Мои сіи суть,—слышащіи слово Божіе и тво-

рящіи его (Мат. 12, 48. 49),—такъ что тѣ, которые не хранятъ заповѣдей Божіихъ, сами своею волею лишаютъ себя такой благодати; такъ какъ дѣло сіе и было, и есть, и будетъ возможно,—и бывало, и бываетъ, и не перестанетъ бывать во всѣхъ тѣхъ, кои творятъ заповѣди Господни.

Впрочемъ, чтобъ не оставить сказаннаго нами безъ свидѣтельства и не навлечь на себя подозрѣнія, будто говоримъ что-либо отъ самихъ себя; а не отъ Божественнаго Писанія, выставляя возможнымъ невозможное,—приведемъ свидѣтельство о семъ опять тогоже блаженнаго Павла, который есть уста Христовы и говоритъ: *чадца моя, имиже паки болѣзную, дондеже вообразится въ васъ Христосъ* (Гал. 4, 19). Но въ какомъ мѣстѣ, или въ какой части тѣла, думаете, полагаетъ онъ, что вообразится Христосъ? Въ лицѣ, или въ груди? Нѣтъ; въ сердцѣ нашемъ воображается Онъ и не тѣлесно, а безтѣлесно и какъ подобаетъ Богу. Впрочемъ, какъ женщина, имѣющая во чревѣ, знаетъ о томъ ясно, такъ какъ младенецъ во чревѣ ея дѣлаетъ нѣкоторыя движенія (—взыграся), и нельзя ей не знать, что имѣетъ плодъ во чревѣ: такъ и тотъ, кто имѣетъ вообразившимся въ себѣ Христа, знаетъ движенія Его и взыранія, то-есть осіяніе и облистаніе Его, и видитъ внутрь себя воображеніе Христа. Какъ въ зеркалѣ видится свѣтъ свѣтильника: такъ видится въ немъ Христосъ, однакожъ не призрачно и не несущественно, каково то, что видится въ зеркалѣ но въ немъ видится Христосъ, какъ свѣтъ, всущественно, невидимо видимымъ и недомыслимо постигаемымъ, во образѣ безобразномъ и въ видѣ безвидномъ.

Такъ, братія, постигается непостижимое въ вѣрѣ нашей! Такъ зрится и несомнѣнно умопредставляется Отецъ и Сынъ съ Духомъ Святымъ тѣми христіанами, ко кото-

рымъ приходятъ Отецъ и Сынъ съ Духомъ Святымъ, и обитель себѣ въ нихъ творятъ, какъ говоритъ Господь, въ единомъ нераздѣльномъ свѣтѣ познаваемые, какъ мы сказали. Впрочемъ какъ тотъ, кто гонится за убѣгающимъ отъ него, хотя думаетъ, что уже очень близокъ къ нему, хотя кажется ему, что вотъ—вотъ сейчасъ схватитъ его, даже будто касается уже его концами пальцевъ своихъ, однакожъ схватить его онъ никакъ не можетъ, пока, по общей поговоркѣ, будетъ между ними разстояніе хоть на одинъ волосъ: такъ и мы, если по нерадѣнію нашему имѣемъ хотя малый нѣкій помыслъ или раздуміе невѣрія, или двоедушія, или боязни (за себя), или другую какую страсть, или имѣемъ пристрастіе къ чему-либо временному, то конечно не удостоимся имѣть въ душѣ своей обителемъ Бога и не взойдемъ на высоту такой славы. Ибо какъ для того, кто гонится за другимъ, и малѣйшее разстояніе, хотя бы на одинъ волосъ, бываетъ причиною, что онъ не можетъ схватить его: такъ и въ отношеніи къ духовнымъ вещамъ, самомалѣйшая страсть бываетъ причиною того, что мы не удостоиваемся пріять въ созерцаніе таинъ Божіихъ. И если мы не презримъ совершенно самой жизни своей и тѣла своего, съ готовностію на самое мученичество, на то, чтобы предать всецѣло себя и жизнь свою на всякое мученіе и всякую смерть, совсѣмъ изгнавъ изъ памяти все, что служитъ къ поддержанію жизни тлѣннаго тѣла сего, то невозможно намъ быть друзьями и братьями Христа, ни сопричастниками и снаслѣдниками Его, и не придемъ мы никогда въ созерцаніе и опытное познаніе сказанныхъ таинствъ Божіихъ. Посему, кто не сподобился еще достигнуть сего и получить такія блага, тотъ пусть обвиняетъ себя самого, а не говоритъ, какъ *пещущій вины о грѣсѣхъ*, что это невозможно, или хотя и возможно и бываетъ, но помимо нашего сознанія, то-

есть такъ, что мы не знаемъ того. Да удостовѣрится онъ изъ Божественныхъ Писаній и да вѣдаетъ, что дѣло сіе возможно и истинно бываетъ и совершается завѣдомо намъ, такъ что мы не можемъ не знать о немъ; но по причинѣ опущенія и неисполненія заповѣдей Христовыхъ, каждый соразмѣрно съ тѣмъ самъ себя лишаетъ таковыхъ благъ, каковыя когда бы сподобиться получить всѣмъ намъ, такъ чтобы вкусить ихъ еще въ настоящей жизни и уразумѣть, яко благъ Господь, и тамъ узрѣть сего Господа всего и сорадоваться съ Нимъ въ безконечные вѣки. Аминь

СЛОВО ПЯТЬДЕСЯТЪ ОСЬМОЕ.

1) О любви и вѣрѣ. Какъ стяжать въ душѣ своей любовь къ Богу?
2) О возсіяніи и созерцаніи свѣта и о таинственной бесѣдѣ Духа.

1) Послушаемъ, братіе, Спасителя нашего и Бога, который явно говоритъ намъ во святомъ Евангеліи: *не пріидохъ, да сужду мірови, но да спасу міръ* (Іоан. 12, 47); въ другомъ же мѣстѣ Евангеліе показываетъ и способъ спасенія, говоря: *тако возлюби Богъ міръ, яко и Сына своего единороднаго далъ есть, да всякъ вѣруяй въ Онь не погибнетъ, но имать животъ вѣчный* (Іоан. 3, 16). Итакъ, кто вѣруетъ сему отъ всей души и убѣжденъ, что Христосъ пришелъ не судить его а спасти не за добрыя его дѣла или труды и поты, но ради одной вѣры въ Него, тому какъ можно не любить Его отъ всей души своей и отъ всего помышленія своего? Особенно когда услышитъ, что Онъ претерпѣлъ такія страсти для спасенія его и всѣхъ людей,—т.-е., какъ Онъ, Сынъ Божій и Богъ, равночестный и единосущный Отцу, сый превыше небесъ, содержащій всю тварь державною рукою силы

своея, снизшелъ съ небесъ, вошелъ въ утробу Дѣвы и Богородицы, пребылъ въ ней девять мѣсяцевъ и содѣлался человѣкомъ, и какъ Онъ, сый со Отцемъ своимъ горѣ на небесахъ, благоволилъ долу на землѣ содѣлаться плодомъ чрева, проходя по порядку весь чинъ естества нашего,—и когда помыслитъ о прочихъ таинствахъ воплощеннаго домостроительства Его, и о страстяхъ, какія претерпѣлъ за людей Онъ, безстрастный по естеству,—т.-е. какъ неизреченно родился въ вертепѣ, какъ повитъ былъ пеленами и положенъ бѣдно въ ясляхъ безсловесныхъ животныхъ царь всяческихъ, какъ принесенъ былъ въ храмъ, принятъ Симеономъ на руки и благословленъ имъ, какъ одинъ изъ простыхъ людей, какъ бѣжалъ въ Египетъ и оттуда опять возвратился въ Назаретъ и повиновался родителямъ своимъ, какъ крестился отъ Іоанна въ Іорданѣ рѣкѣ, какъ искушаемъ былъ діаволомъ въ пустыни, какъ совершилъ такія чудеса,—и между тѣмъ не былъ за то предметомъ удивленія, а паче предметомъ зависти былъ поносимъ и осмѣиваемъ злыми и нечестивыми людьми, которыхъ безстыжія уста могъ заградить и тайно и явно, и изсушить языки ихъ, и совсѣмъ истнить голоса ихъ,—какъ преданъ былъ Іудою ученикомъ своимъ, какъ былъ взятъ и связанъ какъ злодѣй какой, какъ пріялъ ударение въ ланиту отъ одного раба, какъ преданъ Пилату, какъ какой виновный, какъ осужденъ на смерть, какъ бичеванъ, осмѣянъ, поруганъ, одѣянъ въ багряную хламиду, держалъ въ рукахъ трость, которою принималъ отъ богоубійцъ Іудеевъ удары по пречистой главѣ своей, какъ былъ увѣнчанъ терновымъ вѣнцемъ, какъ распятъ на крестѣ, который и несъ Самъ, носящій всяческая словомъ своимъ, какъ вышелъ изъ Іерусалима и шелъ на лобное мѣсто, какъ окружали Его воины и убійцы оные съ бесчисленнымъ множествомъ народа, слѣдовавшаго за Нимъ видѣти кончину, какъ ужасались тому Ангелы съ

небесъ, какъ Богъ и Отецъ взиралъ на единосущнаго и сопрестольнаго Сына своего, претерпѣвавшаго все сіе отъ нечестивыхъ Іудеевъ, какъ висѣлъ Онъ нагій на крестѣ, бывъ пригвожденъ гвоздми по рукамъ и ногамъ, какъ напоенъ желчію съ уксусомъ,—и все сіе претерпѣлъ съ великодушіемъ неслыханнымъ моляся безначальному Отцу своему—простить тѣмъ, которые распяли Его.

Когда человѣкъ помыслитъ о всемъ этомъ, какъ возможно, чтобы онъ не возлюбилъ Господа отъ всей души своей? Ибо когда вспомнитъ онъ, что Господь нашъ Іисусъ Христосъ, будучи Богъ безначальный, Сынъ безначальнаго Отца, сосущій и единосущный Всесвятому и поклоняемому Духу, сошелъ съ небесъ, воплотился, содѣлался человѣкомъ и пострадалъ по любви къ нему все то, о чемъ мы сказали предъ симъ, и другое большее того, чтобы избавить его отъ тлѣнія и смерти, и сдѣлать сыномъ Божіимъ и Богомъ, подобнымъ Ему; то,—пусть онъ будетъ жестче камня и хладнѣе кристалла,—возможно ли, чтобъ не умягчилась душа его и не согрѣлось сердце его любовію къ Богу? Я утверждаю, и такъ есть воистину, что если кто повѣритъ всему этому отъ всей души и изъ глубины сердца, то тотчасъ стяжетъ въ сердцѣ своемъ и любовь къ Богу. Ибо какъ говорятъ, что, когда раскроется маргаритная раковина и въ нее войдетъ роса небесная и лучъ блистанія молнійнаго, тогда въ ней тотчасъ производится маргаритъ: такъ, разумѣй, зараждается и любовь къ Богу внутрь насъ. Когда душа услышитъ о сказанныхъ выше страстяхъ Христовыхъ, и мало-по-малу повѣритъ всему, тогда въ силу вѣры воспринятой раскрывается, бывши прежде заключенною по причинѣ невѣрія, и какъ только раскроется, тотчасъ входитъ внутрь сердца, какъ роса небесная, любовь къ Богу вмѣстѣ съ неизреченнымъ свѣтомъ, какъ блистаніемъ молніи, и бываетъ какъ маргаритъ свѣтлый и блещащій-

ся,—о коемъ говоритъ Господь, что обрѣтшій его купецъ пошелъ, продалъ все имѣніе свое и купилъ его. Итакъ, кто сподобится увѣровать такъ, какъ мы сказали и обрѣсти внутрь себя умный маргаритъ любви къ Богу, тотъ не можетъ не презрѣть всего и не раздать бѣднымъ, что ни имѣетъ, чтобы сохранить любовь къ Богу твердою, полною и всецѣлою. Ибо когда онъ всему предпочитаетъ любовь Божію, тогда и она день ото дня множится въ душѣ его, и бываетъ въ немъ чудомъ чудесъ неизреченнымъ и неизъяснимымъ, котораго ни умъ понять не можетъ, ни слово высказать. И бываетъ онъ въ изступленіи подъ дѣйствіемъ этого непостижимаго и неизреченнаго чуда, имѣя умъ свой весь прилѣпленнымъ къ нему, и исходитъ всецѣло весь внѣ міра сего, не тѣломъ, но всѣми чувствами своими,—такъ какъ и они вмѣстѣ съ умомъ устремляются къ тому, что созерцается внутри души,—и приходитъ въ откровенія и видѣнія Господни, и слышитъ неизреченные глаголы.

2) Итакъ, тотъ, кто сподобится увидѣть и услышать таковое и взойти до созерцанія Бога, тому возможно ли послѣ сего оставаться въ сообращеніи съ людьми, или внимать тому, что представляютъ чувства его и помышленія? Если удостоившійся иной разъ предстать предъ лице смертнаго царя и бесѣдовать съ нимъ забываетъ все прочее, и бываетъ весь поглощенъ вниманіемъ только къ словамъ царя, сколь паче естественно быть таковымъ тому, кто сподобится,—сколько это возможно для человѣка,—увидѣть Бога Творца, Владыку и Господа всяческихъ и бесѣдовать съ Нимъ, и слышать голосъ Того, Кто имѣетъ судить живыхъ и мертвыхъ? Возможно ли такому не быть изступленну, и не изыти, воистину, внѣ міра сего и самой плоти своей? Возможно ли, чтобъ онъ не возжелалъ навсегда пребыть съ симъ Царемъ небеснымъ и согласился отдалиться отъ Него и спуститься

къ мірскимъ заботамъ и попеченіямъ о вещахъ тлѣнныхъ и исчезающихъ? Не вѣрю, совершенно не вѣрю, чтобъ кто-нибудь изъ разумныхъ людей позволилъ себѣ это. Ибо явно, что блага міра сего обыкновенно сопровождаются печалями и трудами мучительными и болѣзненными, а та жизнь, коей живетъ кто въ Богѣ: бесѣдуетъ съ Нимъ и созерцаетъ неизреченныя оныя блага, превосходитъ всякое блаженство, и есть выше всякой славы, счастія, радости и утѣшенія, поколику есть выше всякой чести, всякихъ утѣхъ, и всѣхъ видимыхъ благъ настоящей жизни. Сколько упокоеніе на дорогой и мягкой постелѣ превосходитъ лежаніе на какой-либо жесткой и неровной доскѣ: столько же превосходитъ всякое веселіе и наслажденіе настоящей жизни радость и отрада, почерпаемыя душею въ общеніи и бесѣдѣ съ Богомъ. Почему многократно бываетъ, что, когда кто по невѣдѣнію или нерадѣнію оставитъ Бога и божественныя созерцанія и перейдетъ къ заботамъ и суетностямъ мірскимъ, то, какъ только почувствуетъ горечь, какую имѣютъ дѣла міра, и безмѣрный вредъ, какой причиняютъ они душѣ, спѣшитъ какъ можно скорѣе возвратиться опять къ Богу, отъ коего отдалился было, осуждая себя самого безъ жалости за то, что увлекся земнымъ, ринулся въ тернія міра и въ огнь, поядающій души человѣческія; почему бѣжитъ отсюда и прибѣгаетъ опять къ Богу, Владыкѣ своему. И если бы Господь нашъ не былъ человѣколюбивъ и не принималъ насъ, когда возвращаемся къ Нему, еслибъ Онъ не былъ незлобивъ, и гнѣвался, а не хвалилъ насъ за возвращеніе наше, то воистину не спаслась бы никакая душа ни святаго, ни тѣмъ паче всякаго другаго. Почему всѣ, скончавшіеся въ святости и добродѣтели, даромъ спасены, а не за добрыя дѣла и добродѣтели свои, и не они только, но и тѣ, которые скончаются послѣ сего, всѣ даромъ спасены будутъ.

Поелику, такимъ образомъ, спасеніе подается намъ вѣрнымъ не ради добрыхъ дѣлъ нашихъ, да не похвалится кто о себѣ, какъ говоритъ Апостолъ, то совсѣмъ не слѣдуетъ намъ полагаться на дѣла. разумѣю, — на посты, бдѣнія, спаніе на голой землѣ, алчбу и жажду, ношеніе веригъ, или умученіе тѣла власяницами; потому что все это само по себѣ — ничто. Многіе злонравные люди, большею частію изъ бѣдныхъ, переносятъ это, но все остаются такими же, не оставляя своей худости и не дѣлаясь хорошими. Полезно бываетъ и это для нѣкоторыхъ тѣмъ, что смиряетъ тѣло и умаляетъ его живость и возбудительность; но Господь не этого только требуетъ, а сердца сокрушеннаго и смиреннаго,—того, чтобъ сердце наше всегда взывало къ Нему со смиреннымъ помысломъ: кто есмь азъ, Господи мой Боже, что Ты благоволилъ сойти на землю, воплотиться и умереть за меня, чтобъ избавить меня отъ тлѣнія и смерти и сдѣлать общникомъ и наслѣдникомъ Твоей славы и Божества? Когда будешь имѣть такое смиренное мудрованіе и будешь въ такихъ упражняться помыслахъ въ умѣ своемъ, то тотчасъ придетъ къ тебѣ Господь, обыметъ тебя и облобызаетъ, даруетъ Духъ правый въ сердце твое, Духъ избавленія и прощенія грѣховъ твоихъ, увѣнчаетъ тебя дарами Своими и сдѣлаетъ славнымъ мудростію и вѣдѣніемъ. Ибо что другое такъ любезно и благопріятно Богови, какъ сердце сокрушенное и смиренное и мудрованіе самоуничиженное? Въ таковомъ-то смиренномудріи души обитаетъ и почиваетъ Богъ,—и всякій навѣтъ врага противъ нея остается безуспѣшнымъ; всѣ грѣховныя страсти исчезаютъ въ ней и напротивъ множатся плоды Духа Святаго, какъ-то: любы, радость, миръ, долготерпѣніе, благость, милосердіе, вѣра, кротость, смиренномудріе и воздержаніе отъ всѣхъ страстей; за симъ потомъ слѣдуетъ божественное вѣдѣніе, премудрость

Слова, бездна сокровенныхъ помышленій и таинъ Христовыхъ. Кто достигнетъ до такого состоянія и окачествуется такъ, тотъ измѣняется благимъ измѣненіемъ и бываетъ земнымъ ангеломъ; тѣломъ сообращается онъ съ людьми въ мірѣ семъ, а духомъ ходитъ на небесахъ и сообращается съ ангелами, и отъ неизреченной радости распространяется въ любви Божіей, къ которой никто никогда не можетъ приблизиться если прежде не очиститъ сердца своего покаяніемъ и многими слезами, и не достигнетъ глубины смиренномудрія, чтобъ пріять въ душу свою Святаго Духа, благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, Коему подобаетъ слава и держава во вѣки. Аминь.

СЛОВО ПЯТЬДЕСЯТЪ ДЕВЯТОЕ.

1) Всякому христіанину необходимо причастну быть благодати Святаго Духа.
2) Невозможно, чтобы дѣла добродѣтели были тверды и прочны иначе, какъ благодатію Святаго Духа, безъ коей никто не можетъ ни успѣшно шествовать путемъ добродѣтели, ни пользовать другихъ, ни принимать и разрѣшать чужіе помыслы.
3) Тріипостасное Божество по всему равно (то-есть всѣ лица по всему равны).

1. Какъ свѣтильникъ, хотя и елеемъ полонъ, и фитиль имѣетъ, но если не зажженъ огнемъ, остается весь темнымъ: такъ и душа, повидимому украшенная всѣми добродѣтелями, если не сдѣлается причастною свѣта и благодати Святаго Духа, есть еще погашенная и омраченная, и дѣла ея еще нетверды; ибо надобно, чтобъ они были обличены и явлены свѣтомъ (Еф. 5, 13). Итакъ, у кого свѣтильникъ души еще погашенъ и теменъ, для того потребенъ божественный свѣтъ, который засвѣтилъ бы въ немъ свѣтильникъ души его и научилъ его обсуждать дѣянія свои, испрашивать прощенія въ погрѣшеніяхъ посредствомъ исповѣданія и исправлять каждочасно, что сдѣлаетъ неправаго и худаго. Ибо какъ невоз-

можно не спотыкаться тому, кто идетъ въ темную ночь: такъ невозможно не погрѣшать тому, кто не увидѣлъ еще божественнаго свѣта, какъ говоритъ Христосъ Господь: *аще кто ходитъ во дни, не поткнется: яко свѣтъ міра сего видитъ. Аще же кто ходитъ въ нощи, поткнется, яко нѣсть свѣта въ немъ* (Іоан. 11, 9. 10). Говоря: *нѣсть свѣта въ немъ*, указалъ на божественный и невещественный свѣтъ, потому что чувственнаго свѣта никто не можетъ стяжать и имѣть въ себѣ.

2. Итакъ, какъ нѣтъ совершенно никакой пользы тому, кто идетъ во тмѣ, держать въ рукахъ много не зажженныхъ, хотя исправныхъ, свѣтильниковъ; потому что и съ ними онъ все же не можетъ видѣть ни себя самого, ни другаго кого: такъ и тотъ, кто думаетъ, что имѣетъ въ себѣ всѣ добродѣтели (если это возможно), но не имѣетъ свѣта Всесвятаго Духа, не можетъ ни видѣть хорошо и какъ подобаетъ дѣла свои, ни вполнѣ удостовѣриться, что они угодны Богу; не можетъ также онъ другихъ руководить и указывать имъ, въ чемъ для нихъ воля Божія; недостоинъ онъ и принимать чужіе помыслы и исповѣдывать другихъ, пока не стяжетъ свѣта Святаго Духа, который бы свѣтилъ внутри его. Христосъ Господь говоритъ: *ходите, дондеже свѣтъ имате, да тма васъ не имет: и ходяй во тмѣ не вѣсть, камо идетъ* (Іоан. 12, 35). Итакъ, если тотъ, кто ходитъ во тмѣ, самъ не знаетъ, куда идти, то какъ можетъ онъ другимъ указывать дорогу? Если кто поставитъ незажженный свѣтильникъ на свѣщницѣ, на коемъ нѣтъ другаго свѣта, который бы свѣтилъ, то что пользы? Никому не слѣдуетъ такъ дѣлать, но надлежитъ поступать такъ, какъ опредѣлилъ Богъ всяческихъ въ святомъ Евангеліи: *никтоже свѣтильника вжегъ, въ скровѣ полагаетъ, ни подъ спудомъ, но на свѣщницѣ, да входящіи свѣтъ видятъ* (Лук. 11, 33). Сказавъ это, Онъ указываетъ и признакъ,

по которому можно узнать, кто сталъ свѣтомъ и имѣетъ свѣтъ въ себѣ, говоря: *свѣтильникъ тѣлу есть око* (—34). Какое другое разумѣетъ Онъ здѣсь око, кромѣ ума? Сіе око не можетъ быть просто, если не видитъ простаго (чистаго) свѣта. Свѣтъ же простый (чистый) есть Христосъ. Итакъ, кто имѣетъ въ себѣ свѣтъ Христовъ, который бы свѣтилъ въ умѣ его, о томъ говорится, что онъ имѣетъ умъ Христовъ. Когда око твое, т.-е. умъ твой простъ, т.-е. свѣтелъ, тогда и безтѣлесное тѣло твое, т.-е. всѣ части души твоей будутъ свѣтлы; и наоборотъ, когда умъ твой лукавъ, т.-е. омраченъ и погашенъ тогда и вся душа твоя будетъ темна. Итакъ разсуди добрѣ, не тма ли и свѣтъ, который въ тебѣ? Вникни также добрѣ, не думается ли тебѣ, что имѣешь то, чего еще не стяжалъ? Добрѣ разсмотри это, чтобъ не обмануться и не подумать, что въ тебѣ свѣтъ, тогда какъ это не свѣтъ, а тма.

Внемлите же себѣ, братія мои, чтобъ не случилось и съ вами того, что, тогда какъ думаете, что вы—съ Богомъ и имѣете общеніе съ Нимъ, потомъ окажется, что вы внѣ, отдалены отъ Него, по той причинѣ, что не зрите въ настоящей жизни свѣта Его. Ибо если бы божественный свѣтъ возжегъ свѣтильники ваши, т.-е. души ваши, то онъ сіялъ бы въ васъ явно, какъ сказалъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ,—что если умъ твой свѣтлъ, то и душа твоя не будетъ имѣть ни одной части темной, но будетъ вся свѣтла, подобно какъ когда свѣтильникъ освѣщаетъ тебя свѣтомъ своимъ. Какое еще другое свидѣтельство, большее этого, могу я привесть тебѣ для убѣжденія тебя? Если не повѣришь Владыкѣ Христу, то какъ, скажи мнѣ, повѣришь мнѣ, сорабу твоему?

Но что сказать мнѣ тѣмъ, которые любятъ быть славными и именитыми, состоять іереями, игуменами, учителями и духовниками, желаютъ принимать чужіе помыслы

и говорятъ, что достойны того, чтобъ имѣть власть вязать и рѣшить,—когда вижу, что они ничего не знаютъ, что необходимо въ порядкѣ жизни по Богу, и другихъ тому не учатъ и не вводятъ ихъ въ свѣтъ вѣдѣнія, чтобъ они знали и разумѣли, что необходимо требуется для спасенія ихъ? Что другое скажу кромѣ того, что говоритъ Христосъ законникамъ: *горе вамъ законникомъ, яко взясте ключъ разумѣнія: сами не внидосте и входящимъ возбранисте* (Лук. 11, 52). – Поистинѣ же ключъ разумѣнія что есть другое, какъ не благодать Святаго Духа, подаемая вѣры ради? Сія благодать отверзаетъ заключенный и омраченный умъ нашъ и сообщаетъ ему истинное вѣдѣніе и познаніе божественнаго просвѣщенія.

3. Дверь есть Сынъ, какъ говоритъ самъ Онъ: *Азъ есмь дверь* (Іоан. 10, 8). Ключъ къ двери сей есть Духъ Святый: *пріимите*, говоритъ, *Духъ Святъ. Имже отпустите грѣхи, отпустятся имъ, и имже держите, держатся* (Іоан. 20, 23). А домъ — Отецъ: *въ дому Отца моего*, говоритъ, *обители многи суть* (Іоан. 14, 2). Внемлите же тщательно силѣ слова. Если ключъ не отверзетъ (почему Самъ говоритъ: *сему дверникъ отверзаетъ*, Іоан. 10, 3), дверь не отворится; а если дверь не отворится, то никто не войдетъ въ домъ Отца, какъ говоритъ Христосъ: *никтоже пріидетъ ко Отцу, токмо Мною* (Іоан. 14, 6). А что Духа Святый прежде отверзаетъ умъ нашъ и научаетъ насъ объ Отцѣ и Сынѣ, объ этомъ опять самъ Христосъ сказалъ: *егда же пріидетъ Утѣшитель, Духъ истины, иже отъ Отца исходитъ, Той свидѣтельствуетъ о Мнѣ,—и наставитъ вы на всяку истину* (Іоан. 15, 26; 16, 13). Видишь, что Отецъ и Сынъ познаются чрезъ Духа, и, лучше сказать, въ Духѣ. И опять говоритъ Господь: *аще не иду Азъ, Утѣшитель не пріидетъ къ вамъ* (Іоан. 16, 7). А когда пріидетъ, *воспомянетъ вамъ вся* (Іоан. 14, 26). И еще говоритъ: *аще*

любите Мя, заповѣди Моя соблюдите, и Азъ умолю Отца, и иного Утѣшителя дастъ вамъ, да будетъ съ вами въ вѣкъ, Духъ истины. И немного ниже прибавляетъ: *въ той день* (когда т.-е. пріидетъ Духъ Святый въ васъ) *уразумѣете вы, яко Азъ во Отцѣ моемъ, и вы во Мнѣ, и Азъ въ васъ* (Іоан. 14, 15. 16. 20). И опять говоритъ: *Іоаннъ крестилъ есть водою, вы же имате креститися Духомъ Святымъ* (Дѣян. 1, 5). И необходимо такъ: ибо кто не окрестится Духомъ Святымъ, тотъ не можетъ быть ни сыномъ Божіимъ, ни сонаслѣдникомъ Христовымъ. Вотъ и Петру Апостолу говоритъ Господь: *дамъ ти ключи царства небеснаго* (Мѳ. 16, 19). Конечно, не то сказалъ Онъ, что дастъ ему ключи мѣдные или серебряные, но ключи достойные дома онаго, то-есть Духа Святаго. Если желаешь знать, каковъ домъ оный, послушай, что говоритъ святой Павелъ въ посланіи къ Тимоѳею: *блаженный, и единый сильный, Царь царствующихъ и Господь господствующихъ, единъ имѣяй безсмертіе, и во свѣтѣ живый неприступнѣмъ* (1 Тим. 6, 15. 16). Если такимъ образомъ домъ оный есть свѣтъ неприступный, явно, что и дверь дома того также есть неприступна. И ключъ никакъ не можетъ отверзть дверь, если и онъ не неприступенъ и не тогоже естества съ нею, но будетъ сожженъ дверію, какъ и дверь будетъ сожжена домомъ, если не будетъ тогоже съ нею естества. И будетъ, что домъ оный останется для всѣхъ неприступнымъ и невходнымъ. Тогда и вѣра наша престанетъ, если Святая Троица раздѣляется на приступное и неприступное, на большее и меньшее.

Вникните же получше въ сказанное мною, и, слыша примѣры, взятые мною отъ вещей чувственныхъ и вещественныхъ, какъ-то: домъ, дверь, ключъ, не печатлѣйте въ умѣ своемъ никакого тѣлеснаго образа, чтобъ не впасть въ недостойныя Бога помышленія, могущія по-

ходить на богохульство, но представляйте все сіе въ себѣ самихъ боголѣпно, возвышаясь до созерцанія сокровеннаго въ томъ смысла. Если же не можете понимать сего боголѣпно, то принимайте все одною вѣрою, не позволяя себѣ слишкомъ много пытать о сихъ предметахъ. Почему Духъ Святый называется ключемъ? Потому, что чрезъ Него и въ Немъ впервые просвѣтляется умъ нашъ, и мы, приходя въ раскаяніе, очищаемся отъ всякаго грѣха; послѣ чего получаемъ свѣтъ вѣдѣнія, крещаемся свыше, возрождаемся и дѣлаемся чадами Богу, къ Коему и пріемлемъ дерзновеніе взывать: *Авва Отче!* какъ говоритъ Апостолъ: *самъ Духъ ходатайствуетъ о насъ воздыханіи неизглаголанными* (Рим. 8, 26). И еще: *посла Богъ Духа Сына своего въ сердца ваша вопіюща: Авва Отче* (Гал. 4, 6). Сей-то Духъ показываетъ намъ дверь, открывая, что она есть свѣтъ. И опять дверь научаетъ насъ, что обитающій въ домѣ есть также свѣтъ неприступный. Впрочемъ не есть инъ Богъ, обитающій во свѣтѣ, и инъ свѣтъ—домъ Его, какъ не есть инъ свѣтъ Божества, и инъ Богъ, но одинъ и тотъже есть и домъ, и обитающій въ немъ, какъ одинъ и тотъже есть и свѣтъ, и Богъ. Богословски же называется домомъ и Сынъ, какъ говоритъ самъ Онъ: *Ты, Отче, во Мнѣ, и Азъ въ тебѣ* (Іоан. 17, 21). И еще: *Азъ во Отцѣ моемъ, и вы во Мнѣ, и Азъ въ васъ* (Іоан. 14, 20). И Духъ Святый равно называется также домомъ. Ибо тамъ, гдѣ говоритъ Господь нашъ: Я и Отецъ *къ нему* (любящему Мя и соблюдающему слово мое) *пріидемъ и обитель у него сотворимъ* (Іоан. 14, 23), явно доразумѣвать надлежитъ, что это бываетъ чрезъ Духа Святаго, о Коемъ говоритъ Апостолъ, что Онъ устрояетъ себѣ въ душахъ вѣрующихъ обитель: *не вѣсте ли, яко храмъ Божій есте и Духъ Божій живетъ въ васъ?* (1 Кор. 3, 16). Говоритъ также Апостолъ: *Господь же Духъ есть* (2

Кор. 3, 17), не потому, что Духъ есть Сынъ,—прочь такое хуленіе!—но потому, что Сынъ Божій видится и созерцается въ Духѣ Святомъ. Но если Духъ есть Господь, то явно, что и въ отношеніи къ Нему, какъ и къ Господу, можно говорить: Отецъ въ Немъ, и Онъ въ насъ; и опять равно—мы въ Немъ, какъ Онъ съ Богомъ Отцемъ, и Богъ—Отецъ въ Немъ.

Выражаясь точнѣе и съ большею опредѣленностію, скажу: что есть одно лице Святыя Троицы, тоже суть и другія два лица; ибо лица Святыя Троицы тождественны и созерцаются въ единомъ естествѣ, и существѣ, и царствѣ. Почему чѣмъ именуется одно лице, тѣмъже по естеству созерцаются и другія два лица, кромѣ того, что суть Отецъ, Сынъ и Святый Духъ, яко лица, т.-е. кромѣ свойства раждать Сына и изводить Духа, принадлежащаго Отцу,—свойства рождаться, принадлежащаго Сыну, и свойства исходить, принадлежащаго Духу Святому. Эти только особенности имѣютъ неизреченнымъ образомъ мѣсто во Святой Троицѣ, т.-е. эти свойства принадлежатъ особо каждому лицу. И никакъ нельзя иначе помышлять или говорить о нихъ, или перемѣнять имена ихъ. По нимъ распознаются три лица, и нельзя ни Сына полагать прежде Отца, ни Духа Святаго прежде Сына, но надлежитъ говорить вмѣстѣ такъ: Отецъ, Сынъ и Духъ Святый, не дѣлая никакого пресѣченія въ нихъ, ни даже до самомалѣйшей части времени или мгновенія: ибо вмѣстѣ съ Отцемъ тотчасъ же есть и Сынъ рожденный и Духъ исходящій отъ Отца. Въ отношеніи же ко всему прочему одно и тоже имя или свойство созерцается и въ каждомъ лицѣ, и во всѣхъ трехъ. Такъ, напримѣръ, если назовешь—свѣтъ, то и каждое лице есть свѣтъ, и всѣ три опять суть единъ свѣтъ,—жизнь вѣчная, и каждое лице равно есть жизнь, то-есть и Отецъ, и Сынъ, и Духъ Святый, и всѣ три опять суть

едина жизнь. Богъ есть и Отецъ, Богъ есть и Сынъ, Богъ есть и Духъ Святый,—каждое лице отдѣльно, и опять всѣ вмѣстѣ три лица суть единъ Богъ,—Творецъ всяческихъ, какъ говоритъ и ветхозавѣтное Писаніе: *въ началѣ сотвори Богъ небо и землю. И рече Богъ: да будетъ свѣтъ.* Подъ словомъ *Богъ* разумѣется здѣсь Отецъ (не паче ли—Богъ, единый въ тріехъ?). И св. Давидъ говоритъ (уже раздѣльно о каждомъ лицѣ): *Словомъ Господнимъ небеса утвердишася, и Духомъ устъ Его вся сила ихъ* (Псал. 32, 6). Подъ Словомъ разумѣется здѣсь Сынъ, а подъ Духомъ устъ—Духъ Святый (подъ Господомъ же—Богъ Отецъ). Также Іоаннъ Богословъ говоритъ во святомъ Евангеліи: *въ началѣ бѣ Слово, и Слово бѣ къ Богу и Богъ бѣ Слово,*—очевидно, Сынъ. *Вся Тѣмъ быша и безъ Него ничтоже бысть, еже бысть* (Іоан. 1, 1. 3). Познайте же, прошу васъ, все сіе, вы, именующіеся чадами Божіими и кажущіеся быть христіанами,—вы, учащіе другихъ пустыми словами и думающіе, что вы выше другихъ, - вы, міряне, говорю, и монахи, и іереи, соберитесь всѣ вмѣстѣ съ любовію къ Богу, спросите вѣдающихъ и опытныхъ мужей, и взыщите первѣе узнать все сіе съ рѣшимостію испытать все то и дѣломъ; а потомъ къ сему приложите ревностное стараніе достигнуть того, чтобъ отверзлись наконецъ очи души вашей—узрѣть Бога, и вы стали воистину чадами Божіими, подобными Богу и Отцу вашему дѣлами и искусомъ, не словами только, внѣшнимъ видомъ и одеждами. Когда сдѣлаетесь таковыми и познаете добрѣ таинства Божіи, тогда принимайте и духовныя достоиства (церковные чины), чтобъ иначе не услышать: увы! и горе! Примите сіе во вниманіе вы, которые, прежде чѣмъ познаете тайны Божіи, съ великимъ рвеніемъ стремитесь взойти на степени достоинствъ чуждыхъ вамъ, которыя приличны другимъ, т.-е., совершеннымъ,

а не вамъ несовершеннымъ. *Горе иже мудри въ себѣ самихъ и предъ собою разумни! Горе полагающимъ тму свѣтъ и свѣтъ тму* (Ис. 5, 21. 20).

Итакъ, возлюбленные во Христѣ братіе мои, всѣхъ васъ прошу, вопервыхъ положите доброе основаніе подъ зданіе добродѣтелей, т.-е. смиреніе, потомъ подвигами благочестія и добродѣтелей созиждьте домъ вѣдѣнія таинъ Божіихъ, взыщите просвѣтиться божественнымъ свѣтомъ и чистымъ умомъ узрѣть,—сколько сіе доступно для людей,—Бога, и отъ Бога научиться совершеннѣйше таинствамъ царства небеснаго. И тогда уже съ симъ вѣдѣніемъ, которое свыше отъ Отца свѣтовъ подается достойнымъ, научайте и другихъ братій нашихъ христіанъ, что есть воля Божія, благая, совершенная и угодная, и ученіемъ своимъ приносите народъ избранный Богу, который благодатію Святаго Духа поставилъ васъ духовными отцами и учителями Церкви своей, чтобъ не быть намъ изгнанными изъ брачнаго чертога Христова, какъ небрежникамъ, не позаботившимся одѣться въ одѣяніе брачное,—но да явимся мудрыми домостроителями, добрѣ раздающими духовное житомѣріе соклевретамъ своимъ. Но прежде всего позаботимся исправить жизнь свою и жить богоугодно, чтобъ безпрепятственно могли войти въ брачный чертогъ Христовъ свѣтлыми, просвѣщенными чистымъ жительствомъ и вѣдѣніемъ небеснымъ и исполненными Святаго Духа, и соцарствовать съ Нимъ въ царствіи Бога и Отца во Святомъ Духѣ. Ему слава во вѣки. Аминь.

СЛОВО ШЕСТИДЕСЯТОЕ.

Первое богословское слово противъ тѣхъ, которые говорятъ, что Отецъ есть прежде Сына.

Говорить о Богѣ, изслѣдовать яже о Немъ, покушаться яснымъ представлять неуяснимое и понятнымъ непостижимое для всѣхъ, свойственно человѣку самонадѣянному и дерзкому. Между тѣмъ въ эту погрѣшность впадаютъ не только тѣ, которые говорятъ что-либо о Богѣ отъ самихъ себя, но и тѣ, которые съ пытливостію изслѣдуютъ и изучаютъ, что сказали и написали противъ еретиковъ богословы Церкви нашей, не для того, чтобъ получить отъ того нѣкую пользу духовную, но чтобъ стяжать похвалу отъ слушателей своихъ и именоваться богословами. Это очень печалитъ меня, печалитъ до изнеможенія. Ибо я думаю, что сіе покушеніе страшно, и что тѣ, которые дерзаютъ на него, будутъ осуждены Господомъ.

А что дерзаютъ они говорить противно божественнымъ догматамъ, есть слѣдующее: по тому, говорятъ, одному Отецъ больше Сына, что Онъ есть виновникъ существованія Сына. Если кто спроситъ ихъ, какъ понимаете вы: Отецъ больше Сына? они отвѣчаютъ: Отецъ больше Сына, т.-е. прежде Его, потому что Сынъ рождается отъ Отца. Вотъ что говорятъ новые суесловы и нескладные богословы; потому что не знаютъ причины, по которой говорили такъ богословы противъ еретиковъ. Не разумѣя мысли и цѣли написаннаго, они суесловствуютъ, и то, что неправо говорятъ, почитаютъ вѣрнымъ и истиннымъ. Къ таковымъ скажу я, какъ и должно, не отъ себя, но будучи научаемъ отъ Того, кто научаетъ всякаго человѣка разуму: братія мои! если Пресвятая Троица, все создавшая изъ не сущаго во еже быти, была, есть и будетъ всегда нераздѣльною, то кто научилъ васъ, или кто придумалъ у васъ, что въ Ней есть мѣры и степени? Первое и второе? большее и меньшее? Кто дерзнулъ опредѣлять такъ въ томъ, что незримо, непостижимо и совершенно неизслѣдованно и недомыс-

лимо? Въ томъ, что всегда пребываетъ соединенно и всегда есть равно одинаковымъ образомъ, невозможно быть одному прежде другаго. Если же ты будешь настаивать, что Отецъ прежде Сына, такъ какъ Сынъ родился отъ Отца, котораго потому называешь и большимъ, то скажу тебѣ и я, что Сынъ прежде Отца, потому что еслибы не былъ уже Онъ, то Отецъ не назывался бы Отцемъ. Если ты полагаешь, что Отецъ былъ прежде Сына, и предбывшимъ называешь Его, поколику Онъ есть виновникъ рожденія Сына; то я этого не принимаю, т.-е., что Отецъ есть виновникъ Сына (въ такомъ значеніи, яко предбывшій). Ибо чрезъ это ты подаешь мысль, что Сына не было прежде чѣмъ родился, и что хотя или не хотя родился Сынъ, и притомъ хотящу или не хотящу Отцу. Видишь, въ какія неумѣстности чтобъ не сказать—хуленія, впадаемъ мы отъ такихъ изысканій? Итакъ, или не говори, что Отецъ прежде Сына,—тогда и я охотно приму, что Отецъ виновникъ Сына, или если будешь говорить, что Отецъ прежде Сына, то и я, *устрояя* слово свое на *судѣ* (Пс. 111, 5), не приму въ такомъ случаѣ, что Отецъ виновникъ Сына. Ибо, какъ мы сказали, между тѣми, кои всегда едино суть и суть равно одинаковымъ образомъ, одно не можетъ быть причиною другаго. Не думай же, что Отецъ былъ прежде Сына какое-либо время, и не говори, что Отецъ есть первѣйшій или большій Сына. Отецъ ни насколько не былъ прежде Сына, потому что Сынъ совѣченъ и собезначаленъ Отцу, и Отецъ весь есть во всемъ, равночестномъ Ему, Сынѣ, какъ и Сынъ есть во всемъ, единосущномъ Ему, Отцѣ. Какъ же можно говорить, что Отецъ прежде совѣчнаго Ему Сына? Если ты говоришь (просто), что Отецъ виновникъ Сына, то говорю тоже и я; только не держи и не подавай мысли, что Богъ и Отецъ былъ одинъ какое-нибудь время, въ каковое время

не было Сына, и что Онъ родилъ Его послѣ и сталъ виновникомъ существованія Его. Это одно отдаляетъ тебя отъ Бога и отъ истины, какъ нечестиваго, и дѣлаетъ подобнымъ тѣмъ еретикамъ, которые говорятъ, что Сынъ созданъ отъ Отца. Это въ умъ только свой вложить есть дѣло нечестивѣйшее и безбожнѣйшее. Въ тѣлесномъ рожденіи людей мы говоримъ, что отецъ прежде сына; но къ божественному всегда сущему существованію и нерожденному рожденію, невпостасной (не начинающей быть упостасію) упостасности и пресущественной существенности,—ужь и незнаю какъ бы еще сказать иначе,—это совсѣмъ неприложимо. Обычно бываетъ такъ, что кто скажетъ—*первое,* тому необходимо потомъ назвать *второе* и *третье.* Но въ отношеніи къ Пресвятой Троицѣ говорить такъ совершенно неумѣстно. Измѣрять неизмѣримое, напрягаться выразить словомъ неизреченное, и изъяснить неизъяснимое есть дѣло крайне скользкое и многобѣдственное. Итакъ о божественномъ и неизреченномъ рожденіи Сына и Слова говоримъ, что Отецъ есть виновникъ Сына, какъ говоримъ, что умъ есть виновникъ слова, источникъ—потока, корень—вѣтвей; но никакъ не говоримъ, что Онъ прежде Сына, чтобъ не размножить единаго Бога, раздѣляя единое нераздѣльное Божество на три Бога. Въ отношеніи къ нераздѣльной и несліянной Троицѣ невозможно ни помыслить, ни сказать: первое, второе, третье, или большее или меньшее. Что есть и каково божественное и пресущественное естество, это совершенно неизреченно, неизглаголанно и недомыслимо; уму человѣческому невозможно понять этого.

Если хочешь, поведемъ рѣчь и другимъ образомъ, чтобъ убѣдиться, сколь непостижимъ Богъ Творецъ всяческихъ. Господь нашъ Іисусъ Христосъ говоритъ въ святомъ Евангеліи: *Духъ есть Богъ,* т.-е. Отецъ (Іоан. 4

24). А блаженный Павелъ—уста Христовы—говоритъ: *Господь же,* т.-е. Сынъ, *Духъ есть* (2 Кор. 3, 17). Итакъ, если Духъ есть Богъ, и Духъ есть Сынъ, то гдѣ же отчество и сыновство? И скажи мнѣ теперь, что же первое и что большее въ божескомъ непостижимомъ естествѣ, такъ какъ ты, новенькій и суесловный богословъ, приписываешь сіе ему и говоришь такъ о немъ? Если положишь, что Духъ прежде Сына и Отца, то вмѣстѣ съ Духомъ найдешь и всего Отца и всего Сына, такъ какъ три сіи единосущны и нераздѣльны. Приди же, хоть послѣ сего, къ мысли, что божественное естество непостижимо и недомыслимо для насъ человѣковъ. Еще,—Іоаннъ Богословъ сказалъ: *въ началѣ бѣ Слово,* а не Отецъ. Ты же глубже самого Іоанна постигъ премудрость Божію, и говоришь намъ и всему міру: первый есть Отецъ, чтобъ дать разумѣть, что Сынъ есть второй по Отцѣ, и опять третій по Немъ Духъ Святый, проповѣдуя иное Евангеліе—богохульства, какъ иной богословъ, глубочайшій Іоанна, болѣе его близкій къ Сыну и Слову Божію. Но скажи мнѣ ты, проповѣдующій льстиво и лукаво догматъ требожія, по какой причинѣ наперсникъ Христовъ Іоаннъ Богословъ не сказалъ: въ началѣ бѣ Отецъ, но сказалъ: *въ началѣ бѣ Слово?* Вотъ по какой: чтобъ научить насъ, что ни Богъ Слово никому не былъ вѣдомъ, яко Сынъ, прежде снизшествія своего на землю и воплощенія, ни Богъ не былъ вѣдомъ, яко Отецъ,—не потому, чтобъ Божество, создавшее міръ, не было трiипостасно, но потому, что Оно не было еще познаваемо таковымъ, такъ какъ не совершилось еще воплощенное домостроительство Христово. Ибо уже послѣ вочеловѣченія Бога Слова, Богъ и Отецъ познался намъ истиннымъ Отцемъ, и Богъ Слово, воплотившійся для спасенія нашего познался Сыномъ Божіимъ, по слову Отца, съ небесъ изреченному: *Сей есть Сынъ мой возлюбленный. Того послу-*

шайте; и по слову Сына сказавшаго: *Отче праведный, и міръ Тебе не позна, Азъ же Тя познахъ* (Іоан. 17, 25),— и опять: *сказахъ имя Твое человѣкомъ* (———26), и еще: *Отче, прослави Сына твоего, да и Сынъ твой прославитъ Тя* (———1),—также: *Азъ и Отецъ едино есма* (Іоан. 10, 30). Вникни, прошу тебя, въ силу словъ Господа. Онъ говоритъ: *Азъ и отецъ едино есма.* Себя поставилъ прежде Отца. Для чего? Чтобы показать равночестность и единославіе, какія имѣетъ Онъ во всемъ со Отцемъ, и то, что ни Отецъ не есть первый, хотя и есть виновникъ Сына, ни Сынъ не есть второй, хотя и родился отъ Отца, ни Духъ Святый не есть третій, хотя и исходитъ отъ Отца. Ибо такъ какъ Троица есть едино изъ начала, и сіе едино именуется Троица по ѵпостясямъ, то слѣдуетъ, что изъ сихъ трехъ ѵпостасей или лицъ ни одно не можетъ быть первымъ предъ другимъ. И ни одно изъ нихъ не было прежде другаго, чтобъ тому, которое было прежде, быть первымъ предъ тѣмъ, которое отъ него возсіяло. Единая Троица есть едино Божество. Троицею Оно называется по лицамъ, или ѵпостасямъ; и поелику Богъ нераздѣльно раздѣляется на три лица, неслитно соединенныя во едино, то и называется Богъ—Троица. И ни одна изъ сихъ трехъ ѵпостасей не была прежде другой отнюдь. Ни Отецъ не былъ прежде Сына, ни Сынъ—прежде Отца, ни Отецъ и Сынъ—прежде Духа Святаго, чтобъ одинъ кто былъ первымъ предъ другимъ. Всѣ три лица равно безначально сосущи и совѣчны.

Итакъ, Святая Троица есть единый Богъ, неизреченный, безначальный, несозданный, непостижимый, нераздѣлимый. И невозможно намъ ни умомъ постигнуть Его, ни достойно опредѣлить словомъ. Но чтобъ намъ совсѣмъ не забыть Бога, и храня о Немъ полное молчаніе не казаться живущими, какъ какіе-нибудь безбожники, для того снисходительно позволено намъ говорить о Богѣ и божествен-

номъ, сколько сіе подъ силу человѣческому естеству, говорить такъ, какъ научены мы божественными Апостолами и богодухновенными отцами нашими, чтобъ, воспоминая о Немъ часто, славили мы Его благость и человѣколюбивое домостроительство, совершенное Имъ для насъ. Но мы, какъ бы свѣдѣнія не имѣя о томъ, что земля есмы и пепель, выходимъ за предѣлы мѣры своей и не трепеща изслѣдуемъ, пытаемъ, гадаемъ, надумываемъ и въ воображеніи своемъ произвольно построеваемъ то, что недомыслимо и неизреченно для самихъ ангеловъ и для всѣхъ небесныхъ чиновъ,—произвольно мудрствуемъ о Богѣ и говоримъ о томъ безъ всякаго благоговѣйнства и страха, какъбы какіе невѣрные, нисколько не наученные тайнамъ Божіимъ. Скажи наконецъ мнѣ ты, брате, который безъ стыда позволяешь себѣ изслѣдовать и пытать, что касается божескаго естества, вѣруешь ли, что Богъ трійпостасный безначаленъ, неизреченъ, неизслѣдимъ, невидимъ, ни для ума непостижимъ, ни для слова неизглаголанъ? И что Онъ не имѣлъ начала, ни дней, ни лѣтъ, ни вѣковъ, но былъ всегда, и всегда пребывалъ таковымъ же?—Да, говоришь, вѣрю. Итакъ, если ты вѣруешь тому, что Святая Троица всегда была, какъ и воистину была, Богъ единъ, Который, когда восхотѣлъ, привелъ изъ несущаго въ бытіе небо и землю и все, что въ нихъ, прежде того создавъ всѣ небесныя воинства ангельскія, послѣ же всѣхъ тварей сотворивъ и человѣка, — такъ что нѣтъ ничего ни на небѣ, ни на землѣ, ни въ преисподнихъ, что не было бы создано изъ несущаго,—одинъ же только трійпостасный Богъ, Творецъ и Создатель всяческихъ, есть безначаленъ и несозданъ, присно сый и прежде всѣхъ сый,—если вѣруешь сему, то чего ради не заграждаешь самъ себѣ устъ своихъ, со страхомъ и трепетомъ покланяясь Творцу всяческихъ, какъ дѣлаютъ сіе всѣ воинства ангельскія,

сущія на небесахъ, но оставивъ разсматривать и изслѣдовать себя самого, дерзкою и самоувѣренною душею любопытствуешь о непостижимомъ естествѣ Бога? Не трепещешь, человѣче, какъ бы не низпала съ неба какая-либо стрѣла молнійная и не попалила тебя?!

Если Богъ, трѣхпостасно единый, несозданъ есть и безначаленъ, былъ всегда и прежде всего, видимаго и невидимаго отѣлесеннаго и безтѣлеснаго, познаваемаго нами и не познаваемаго, — что все получило бытіе отъ единосущной и нераздѣльной Троицы, единаго Божества, то скажи мнѣ, какимъ способомъ твари могутъ познать Творца, начавшія быть—Всегда-сущаго, созданныя—Несозданнаго? Какъ онѣ, отъ Него послѣ получившія бытіе, могутъ познать Его—безначальнаго? Какъ могутъ онѣ понять, каковъ Онъ и коликъ, и какъ есть? Нѣтъ, нѣтъ, никакъ не могутъ онѣ понять ничего изъ этого развѣ только насколько восхощетъ самъ Творецъ, Который какъ даетъ всякому человѣку дыханіе, и жизнь, и душу, и умъ, и слово, такъ благоволитъ человѣколюбно даровать и познаніе о Себѣ, да вѣдаютъ Его, сколько подобаетъ. Иначе же твари, получившей бытіе отъ Бога, никакъ невозможно постигнуть Творца своего. Впрочемъ и это вѣдѣніе, какое Онъ даетъ намъ, вѣрующимъ въ Него, даетъ Онъ намъ ради вѣры нашей, чтобъ знаніе подтверждало вѣру, которая бываетъ безъ знанія, и такимъ образомъ посредствомъ знанія утверждался въ вѣрѣ всякой, оглашенный словомъ, и убѣждался, что есть Богъ, въ Котораго увѣровалъ онъ по одному словесному ученію.

Такое вѣдѣніе получаютъ вѣрующіе посредствомъ многообразныхъ и многоразличныхъ знаменій, гаданій, зерцалъ, таинственныхъ и неизреченныхъ дѣйствій, божественныхъ откровеній сокровеннаго, созерцанія тварей, и посредствомъ другаго многаго, помощію чего каждодневно возрастаетъ вѣра таковыхъ вѣрныхъ и восходитъ

въ любовь и пламенное желаніе Бога. И не только это, но ихъ еще Богъ удостовѣряетъ, какъ и Апостоловъ, чрезъ апостольское присѣщеніе Святаго Духа; и они совершеннѣе просвѣщаемы и научаемы бываютъ свѣтомъ Духа Святаго, что Богъ непостижимъ, неизреченъ, несозданъ, вѣченъ и присносущъ. Отъ Духа Святаго научаются они всякому разумѣнію и познанію, и всякому слову премудрости и вѣдѣнія таинственнѣйшаго; сверхъ того получаютъ силу творить чудеса, даръ пророчества, роды языковъ и сказанія языковъ —даръ заступленія и управленія городовъ и народа, познаніе будущихъ благъ, вкушеніе царствія небеснаго, сыноположеніе и самое облаченіе во Христа, съ вѣдѣніемъ таинъ Христовыхъ и наипаче тайны домостроительства Его во спасеніе наше. И вообще говоря, все сіе и многое другое подобное, чего не знаютъ невѣрные, мы, сподобившіеся содѣлаться вѣрными, можемъ знать, мудрствовать о томъ и говорить, будучи научаемы и просвѣщаемы благодатію Пресвятаго Духа.

Симъ же способомъ удостовѣряемся и утверждаемся въ убѣжденіи, что Богъ, создавшій всяческая, Онъ же создалъ и насъ, персть вземъ отъ земли, и даровалъ намъ умъ, слово и душу мысленную, сотворилъ насъ по образу и подобію Своему, отгналъ отъ насъ тму невѣдѣнія. И благоволилъ показать намъ, хотя примрачно и нѣкоторымъ образомъ какъ бы въ тѣни,—то, что выше насъ, изъясняя сіе помощію того, что видится въ насъ самихъ. Такъ узнали мы, видимъ и вѣруемъ, что какъ Богъ, создавъ тѣло, сотворилъ потомъ вмѣстѣ (за разъ) и душу, и умъ, и самое внутреннѣйшее слово наше (ибо Писаніе,—говоря, что Богъ создалъ человѣка, персть вземъ отъ земли, и вдунулъ въ лице его дыханіе жизни, и бысть человѣкъ въ душу живу, — показываетъ, что вмѣстѣ съ душею были и умъ нашъ и слово, ни

одно изъ нихъ не было прежде другихъ, такъ какъ всѣ три вмѣстѣ едино суть и дарованы намъ въ единомъ дыханіи жизни), какъ, говорю, въ сихъ трехъ ни одно не было прежде другаго, такъ какъ всѣ три единаго суть естества и существа; такъ и въ святой, единосущной и единочестной Троицѣ ни одно лице не было прежде другаго. Богъ Творецъ образа, т.-е. человѣка, выну тріипостасенъ сый, никогда не имѣлъ ни одного изъ трехъ лицъ, которое было бы прежде другихъ; но три лица вмѣстѣ суть единъ Богъ, и опять сіе единое, т.-е. Богъ, равнымъ образомъ всегда есть въ трехъ лицахъ.

Итакъ, исповѣдуемъ, вѣруемъ, свидѣтельствуемъ и утверждаемъ, предъ тѣми особенно, которые не почитаютъ дерзкимъ испытывать относящееся до непостижимаго Божества, что Пресвятая Троица, въ которую мы крещены, есть Богъ тріипостасный, Отецъ, Сынъ и Духъ Святый, какъ благодатію Святаго Духа удостовѣрились мы изъ самаго божественнаго Евангелія; но какъ есть и что есть Святая Троица, все создавшая, сего мы, созданные отъ Нея, не вѣдаемъ. И если сего не вѣдаемъ, какъ и поистинѣ не вѣдаемъ, а между тѣмъ дерзаемъ говорить и толковать о томъ, чего не вѣдаемъ, то сколькимъ стрѣламъ молнійнымъ праведно низпасть на насъ, чтобъ попалить насъ? Въ самомъ дѣлѣ, то, что непохоже ни на что изъ сотвореннаго, ни видимое ни невидимое, но есть выше всего, какъ можемъ познать мы, твари тлѣнныя, чувственныя, слѣпыя и непросвѣщенныя? И особенно когда грѣхи наши, какъ стѣна, стоятъ между нами и Богомъ и отдѣляютъ насъ отъ Него?—Каковую стѣну грѣховъ нашихъ, если не разоримъ мы покаяніемъ или не прейдемъ, то не только Бога не возможемъ познать, но не познаемъ даже и того, что мы человѣки. Ибо пока стоитъ эта стѣна и преграда грѣховъ нашихъ и насъ отдѣляетъ отъ свѣта, какъ возмож-

но намъ, пребывая во тмѣ, познать самихъ себя, или понять истинно, что мы такое, откуда взявъ начало, приходимъ въ міръ сей, куда идемъ и какого рода твари есмы? Не зная же самихъ себя, не тѣмъ ли паче не можемъ познать Того, Кто несравненно выше насъ? Если бъ мы познавали самихъ себя, то не стали бы съ такою дерзостію говорить о Богѣ. Говоря же о Богѣ и божественныхъ вещахъ, мы, не просвѣщенные и Духа Святаго не имѣющіе, тѣмъ самымъ показываемъ, что не знаемъ самихъ себя. Если бъ мы знали самихъ себя, какъ слѣдуетъ, то никогда не подумали бы, что достойны даже на небо воззрѣть и видѣть этотъ чувственный свѣтъ міра или попирать ногами эту землю. Почему что можетъ быть нечистѣе того, кто въ гордостномъ самомнѣніи покушается учить о тѣхъ, яже Духа суть, безъ Духа? И что сквернѣе того, кто, не хотя покаяться и предочистить себя, но минуя сіе, приступаетъ богословствовать съ однимъ лжеименнымъ знаніемъ и внѣшнею мудростію и разсуждать съ дерзостію и самоувѣренностію о сущемъ, и сущемъ всегда неизмѣнно одинаково? Такой, если бъ не сдѣлалъ никакого другаго грѣха,—хотя это и невозможно, — за это одно дѣлаетъ себя повиннымъ вѣчному мученію. Ибо всякій высокосердый нечистъ въ очахъ Божіихъ. Нѣкоторые же изъ такихъ до такого доходятъ несмыслія, что начинаютъ говорить и думать, будто никакого не имѣютъ грѣха. О безуміе! Никого нѣтъ безъ грѣха, кромѣ единаго Бога. *Вси согрѣшиша и лишени суть славы Божія,* говоритъ божественный Апостолъ (Рим. 3, 23). Если же, по сему божественному слову, всѣ согрѣшили и лишены славы Божіей, и никого потому нѣтъ безъ грѣха, кромѣ единаго Бога, то говорящій о себѣ, что не согрѣшилъ, и самъ того не чувствуя, равнымъ себя творитъ Богу, будучи въ дѣйствительности равенъ деннице, велерѣчившему: вы-

ше облакъ поставлю престолъ мой и буду подобенъ Вышнему.

Кто исповѣдуетъ себя грѣшникомъ, тотъ дѣломъ показываетъ искреннее покаяніе, чистое исповѣданіе грѣховъ своихъ, вѣру къ духовному отцу, пріявшему помыслы его, покорность и послушаніе въ принятіи на себя низкихъ и презрѣнныхъ дѣлъ, послуженіе меньшимъ братіямъ, помоганіе немощнымъ, и при всемъ томъ вседушное смиреніе, и нравъ непритворный, нелукавый и нелицемѣрный. Если и ты, отъ всей души и отъ всего сердца, имѣешь себя скуднѣйшимъ и ничтожнѣйшимъ паче всѣхъ людей,—съ каковымъ расположеніемъ въ неразрывной состоятъ связи всегдашнее сокрушеніе и радостотворныя слезы, отъ которыхъ и съ которыми ревностному подвижнику прибываютъ очищеніе души и познаніе таинъ Божіихъ,—то берись говорить о божескихъ и человѣческихъ дѣлахъ, и я увѣренъ, что всѣ ощутятъ силу словесъ твоихъ. Все сказанное мною есть дѣло и плодъ покаянія; и оно-то разгоняетъ невѣдѣніе наше и приводитъ насъ сначала къ познанію человѣческихъ вещей, самихъ себя и своего состоянія, а потомъ къ познанію и того, что́ выше насъ,—вещей божескихъ, тайнъ вѣры нашей, недозримыхъ и недовѣдомыхъ для не кающихся. Этого познанія никто не можетъ стяжать, не исправивъ напередъ сказанныхъ мною добродѣтелей, хотя бы былъ первымъ философомъ въ мірѣ. А кто не стяжетъ такого познанія, тотъ всю жизнь свою проведетъ въ глубочайшей тмѣ невѣдѣнія. Ибо хотя о божескихъ вещахъ писано въ книгахъ Писанія, и всѣ о томъ читаютъ, но не всѣмъ то открывается, а только тѣмъ, кои покаялись отъ всей души и добрѣ очистились чистымъ и безхитростнымъ покаяніемъ. Въ силу покаянія и по мѣрѣ стяжаваемаго ими очищенія, получаютъ они откровеніе, и имъ явны бываютъ даже глубины Духа. Отъ таковыхъ-то

источается слово вѣдѣнія и премудрости Божіей и потопляетъ мудрованія противныхъ враговъ, какъ какая-нибудь многоводная рѣка. Другимъ же всѣмъ это остается невѣдомымъ и сокровеннымъ, не бывая открываемо имъ отъ Того, Кто разверзаетъ умы вѣрныхъ къ постиженію Божественныхъ Писаній. Они же между тѣмъ, не видя, думаютъ, что видятъ и не слыша внятно, думаютъ, что слышатъ, и не понимая читаемаго, воображаютъ, что понимаютъ, неразумные. Такъ и всякій невѣрный думаетъ, что мудрствуетъ и вѣруетъ право, при всемъ томъ, что и мудрствуетъ и вѣруетъ неправо; ему кажется, что знаетъ, при всемъ томъ, что не знаетъ совершенно ничего; хоть онъ и знаетъ что-нибудь, но знаетъ не добрѣ, что̀ хуже всякаго невѣдѣнія. Таковы же, думаю, и тѣ. Почитая себя мудрыми, они воистину сдѣлались безумными, какъбы изъ ума вышедшими, и проводятъ, бѣдные, дни жизни своей, не зная, какъ должно, ни одной изъ тайнъ Христовыхъ. Отъ ихъ самомнѣнія и гордыни да избавитъ насъ Богъ Израилевъ, и да сподобитъ насъ быть подражателями своими!

Кто соступилъ со стези блаженнаго смиренія и шествіе творитъ внѣ ея, по правую или лѣвую сторону, а не слѣдуетъ прямо за Господомъ нашимъ и Богомъ Іисусомъ Христомъ, тотъ какъ можетъ войти въ брачный чертогъ Христовъ, вмѣстѣ со Христомъ? Если же онъ не войдетъ туда, то какъ можетъ увидѣть славу Христову? А если не увидитъ ея, какъ можетъ возвѣщать о ней и явною ее творить другимъ? Или какъ дерзнетъ онъ говорить что-либо о томъ, чего не знаетъ, и чего не видѣлъ никогда? Если же покусится учить о таковыхъ вещахъ, то найдется ли въ мірѣ другой человѣкъ, болѣе его несмысленный? И не будетъ ли онъ безсловеснѣе самыхъ безсловесныхъ? Ибо, какъ видите, безсловесныя животныя сохраняютъ природу свою и

чинъ свой, и ни одно изъ нихъ не выходитъ изъ предѣловъ своихъ. Но онъ, созданный руками Божіими и почтенный достоинствомъ разумности и самовластіемъ, не какъ должно употребилъ полученное имъ достоинство, не позналъ немощности своей, не пребылъ въ благахъ, дарованныхъ отъ Бога естеству его, и не устоялъ въ предѣлахъ своихъ, не познавъ мѣры своей. Какъ денница, или послѣ него и Адамъ, вышли изъ предѣловъ своихъ и, возгордившись предъ Творцемъ своимъ Богомъ, восхотѣли и сами стать богами: такъ,—увы!—поступилъ и онъ, вышелъ изъ предѣловъ естества своего, возжелалъ того, что выше мѣры его, не захотѣлъ восходить на высоту духовнаго вѣдѣнія путемъ смиренія и христоподражательнаго житія, но съ великою гордостію набралъ оттуда и отсюда, какъ плиѳовъ, словесъ лжеименнаго знанія, затвердилъ ихъ частымъ повтореніемъ и сталъ износить предъ другими съ славолюбіемъ, человѣкоугодіемъ и великимъ самомнѣніемъ, мечтая, что стяжалъ столпъ богословія и духовнаго вѣдѣнія, и воображая, что находится на небесахъ, или даже выше еще небесъ, стоитъ тамъ и разглагольствуетъ о Творцѣ неба и земли и всего, что въ нихъ. Такого кто станетъ называть человѣкомъ, или ставить наравнѣ съ животными, или думать, что онъ имѣетъ хоть какое-либо чувство? Если Адамъ, созданный по образу Божію и сподобившійся жить жизнію равноангельною и безсмертною, за преступленіе одной заповѣди Божіей, не только потерялъ то ангельское жительство, но праведно лишенъ и жизни вѣчной, и осужденъ на смерть, тлѣніе и клятву: то что постраждутъ всѣ тѣ изъ происходящихъ отъ него, которые, нося еще образъ его—перстнаго,—прежде чѣмъ очистятся,—покушаются богословствовать?

Но скажи мнѣ, прошу тебя, кто бы ты ни былъ, не желающій учиться тому, что касается Бога и боже-

ственныхъ вещей, а покушающійся паче учить о томъ,— скажи мнѣ, вышелъ ли ты изъ ада, т.-е. изъ грѣха и вступилъ ли на поверхность земли? Также, какъ случилось тебѣ выдти изъ сего ада, по какимъ ступенямъ восходилъ ты оттуда и кто были твои помощники и споспѣшники? Былъ ты смраденъ и источалъ тлѣніе или, лучше скажу, смерть господствовала въ тебѣ и ты былъ мертвъ.—скажи же мнѣ, какимъ способомъ ожилъ ты? Какъ побѣдилъ ты смерть грѣховную и убѣжалъ изъ рукъ ея? И опять послѣ того, какъ вышедши изъ ада вступилъ ты на землю, скажи, какимъ способомъ избавился ты отъ тлѣнія и клятвы? И еще, какъ поднялся ты съ земли и востекъ на небо? На какую колесницу возсѣлъ ты, или какое облако взяло тебя отъ земли? Открой намъ все это и разскажи; и тогда мы примемъ тебя, если и о Богѣ будешь вести бесѣду со страхомъ, мѣрно и сдержанно. Если же безъ того, о чемъ я сказалъ (что все таинственно всегда происходитъ съ тѣми, кои взошли въ мужа совершенна, въ мѣру возраста исполненія Христова), и прежде исполненія заповѣдей Христовыхъ, дерзостно покусишься ты бесѣдовать о Богѣ, то мы отвратимся отъ тебя, какъ отъ вышедшаго изъ ума и бѣсноватаго. Ибо и пророкъ Илія не безъ огненной колесницы взятъ съ тѣломъ на небо, и Владыка нашъ Христосъ не безъ облака вознесся отъ земли. Хотя и Илію Богъ могъ преложить отъ земли на небо безъ огненной оной колесницы, и Владыка нашъ Христосъ могъ взойти на небеса безъ облака и сопровождавшихъ его Ангеловъ; однакожъ не сдѣлали этого, чтобъ тѣмъ научить насъ, что умъ нашъ всеконечно имѣетъ нужду въ иномъ нѣкоемъ, кто бы возвелъ его на небеса, показалъ тамошніе виды и открылъ тайны Божіи. Ибо какъ птицѣ нельзя летать безъ крыльевъ, такъ и уму нашему невозможно востечь въ тѣ области, изъ коихъ

онъ низпалъ, если не имѣетъ Духа Святаго, который бы возвелъ его туда и сшествовалъ ему. Кромѣ того, Илія взятъ на небо огненною колесницею, и Господь вознесся на облакѣ съ Ангелами, еще для того, чтобъ какъ свое вознесеніе, такъ и вознесеніе раба своего Иліи подтвердить не словами только, но и дѣлами, и тѣмъ научить и насъ не прельщаться одними словами, и не всякому вѣрить человѣку, который называетъ себя духовнымъ, но удостовѣряться прежде изъ жизни его и отъ дѣлъ его, согласны ли слова его и дѣла его съ ученіемъ св. отецъ; и тогда уже принимать его и слушать слова его, какъ слова Христовы. Если же слова его и дѣла несогласны съ ученіемъ св. отецъ; то не слѣдуетъ принимать его, а напротивъ отвращаться отъ него, хотя бы онъ воскрешалъ мертвыхъ и иныя многія творилъ чудеса; особенно когда увидимъ, что онъ не принимаетъ никакихъ внушеній, коими хотятъ убѣдить его—измѣнить свое неправое мудрованіе, а остается упорно въ своей прелести, воображая, будто жительство свое имѣетъ на небесахъ. Богодухновенному ученію мы отъ начала научены Апостолами Христовыми и божественными отцами нашими; почему отвергаемъ всѣ пустыя и безполезныя суесловія тѣхъ, которые все время свое проводятъ въ пытаніи и изслѣдованіи того, что непостижимо для самыхъ Ангеловъ, и держимъ исповѣданіе вѣры нашей сохранно невредимымъ и неколеблемымъ,—такъ, какъ приняли его въ началѣ отъ самихъ Апостоловъ. Мы вѣруемъ въ Отца и Сына и Святаго Духа, Троицу несліянную и нераздѣльную, въ которую крестились, коею живемъ и отъ коей въ зависимости состоимъ и здѣсь и въ вѣчные вѣки. Отъ сей Святой Троицы имѣемъ мы какъ бытіе, такъ и благобытіе. Когда бы съ Нею прейти намъ и въ другую жизнь, туда, гдѣ всѣхъ веселящихся жилище и хоръ выну празднующихъ духовнымъ праздне-

ствомъ. Сей Троицѣ подобаетъ всякая слава, честь и поклоненіе, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

СЛОВО ШЕСТЬДЕСЯТЪ ПЕРВОЕ.

Богословское второе. Противъ тѣхъ, которые покушаются богословствовать, не имѣя благодати Св. Духа.

Кто получилъ отъ Бога благодать выну имѣть хвалу Божію во устахъ своихъ, и кто отверзаетъ уста свои и привлекаетъ,—пріемлетъ,—Духъ жизни, тотъ подвизается каждый часъ дѣлать это въ большихъ и большихъ размѣрахъ, чтобы тѣмъ обильнѣе воспринимать и слово жизни, которое есть хлѣбъ животный, сходящій съ неба, и о которомъ Богъ сказалъ чрезъ Давида: *расшири уста твоя и исполню я* (Пс. 80, 11). Кто сподобленъ отъ Бога быть таковымъ и всегда питаться и укрѣпляться хлѣбомъ животнымъ, тотъ можетъ имѣть во владычественномъ *(умѣ)* души добрѣ воображеннымъ и нѣкоторымъ образомъ напечатлѣннымъ помышленіе о Богѣ, такъ что оно всегда пребываетъ въ душѣ, можетъ, какъ говоритъ блаженный Павелъ, всегда радоваться непрестанно молиться, о всемъ Бога благодарить (1 Сол. 5, 16). Такой ѣстъ ли, пьетъ ли, все творитъ во славу Божію, будучи всегда питаемъ и укрѣпляемъ хлѣбомъ животнымъ. У такого человѣка сердце бдитъ, когда онъ спитъ, и когда онъ не спитъ, сердце его ни на одно мгновеніе не отдаляется отъ Бога. Объ этомъ свидѣтельствуетъ св. Павелъ, тамъ, гдѣ говоритъ: *прилѣпляяйся Господеви, единъ духъ есть съ Господемъ* (1 Кор. 6, 17). Ибо *Духъ есть Богъ: и иже кланяется Ему, духомъ и истиною достоитъ кланятися* (Ін. 4, 24). Кто такимъ образомъ соединился съ Богомъ и сталъ едино

съ Нимъ, тотъ не можетъ уже болѣе грѣшить, будучи всегда съ Богомъ. Такъ говоритъ св. Іоаннъ Богословъ: *вѣсте яко Онъ* (Сынъ Божій) *явися, да грѣхи нашя возметъ: и грѣха въ немъ нѣсть. Всякъ, иже въ Немъ пребываетъ, не согрѣшаетъ: всякъ согрѣшаяй, не видѣ Его, ни позна Его* (1 Іоан. 3. 5. 6). И еще: *всякъ рожденный отъ Бога, грѣха не творитъ* (— — 9), будучи чадомъ Его.

Почему удивляюсь я тѣмъ, немалочисленнымъ людямъ, которые прежде рожденія отъ Бога и прежде вступленія въ чадство Ему, не трепещутъ богословствовать и бесѣдовать о Богѣ. Когда слышу, какъ многіе, не понимая божескихъ вещей, философствуютъ о нихъ и, будучи исполнены грѣховъ, богословствуютъ о Богѣ и о всемъ Его касающемся,—безъ благодати Св. Духа, дающаго смыслъ и разумъ; трепещетъ, ужасается и нѣкоторымъ образомъ изъ себя выходитъ духъ мой, помышляя, что, тогда какъ Божество для всѣхъ непостижимо, мы, не знающіе ни самихъ себя, ни того, что предъ очами нашими, съ дерзостію и безстрашіемъ Божіимъ приступаемъ философствовать о томъ, что непостижимо для насъ, особенно будучи пусты отъ благодати Св. Духа, просвѣщающаго и научающаго всему. Грѣшимъ мы даже тѣмъ самымъ, что допускаемъ при такомъ положеніи своемъ желаніе говорить что либо о Богѣ. Ибо если трудно познать самого себя, и въ настоящее время, въ родѣ семъ, весьма и весьма немногіе знаютъ себя и могутъ потому философствовать,—такъ какъ любовь къ истинной философіи изсякла по причинѣ нерадѣнія, овладѣвшаго нами, и по причинѣ мірскихъ заботъ, господствующихъ въ насъ, предпочитающихъ небесному и вѣчному земное, привременное и ничтожное, и даже совсѣмъ не сущее, т.-е. грѣхи, если, говорю, трудно познать себя самого, не тѣмъ ли паче трудно познать Бо-

га? Это не только трудно, но даже совсѣмъ неразумно и безсмысленно пытать и изслѣдовать естество и существо Божіе. Чего же ради вы, о человѣки, не заботитесь паче о томъ, чтобъ увидѣть себя въ лучшемъ состояніи, но, небрежа о своемъ исправленіи, пытаете то, что касается Бога и божескихъ вещей? Намъ надобно прежде прейти отъ смерти въ животъ, пріять въ себя свыше сѣмя Бога живаго, родиться отъ Него духовно, стать чадами Ему, воспріять въ души свои благодать Святаго Духа,—и тогда уже, подъ дѣйствіемъ просвѣщенія отъ Святаго Духа, приступать бесѣдовать о томъ, что касается Бога, сколько то доступно для насъ, и сколько просвѣщаемы будемъ отъ самого Бога.

Между тѣмъ ты, желающій богословствовать именно такимъ образомъ, вѣруй отъ всей души въ Бога единаго, Который не получилъ бытія отъ другаго кого, потому что прежде Его не было ничего, ни самъ Себя не сотворилъ, какъ думали нѣкоторые крайне несмысленные, потому что невозможно тому, что не существуетъ, произойти отъ себя самого. Вѣруй въ Бога единаго въ трехъ упостасяхъ, Отца, Сына и Св. Духа, Который безначально былъ прежде всѣхъ вѣковъ, всегда есть и будетъ присно во вѣки вѣковъ. Кто православствуетъ и истинномудрствуетъ, тотъ не можетъ сказать объ упостасномъ и трѣхпостасномъ Богѣ, что Онъ не упостасенъ, т.-е. безъ упостасей есть. Но будучи и отъ того, что въ себѣ самомъ видитъ, научаемъ, и отъ того, что выше его, вразумляемъ, чтитъ поклоненіемъ и славитъ едино Божество въ трехъ единосущныхъ лицахъ. Ибо кто не омрачилъ и не разстроилъ въ себѣ страстями еже по образу, дарованное ему Богомъ, тотъ во первыхъ знаетъ и понимаетъ себя самого, именно, что отъ Бога Творца получилъ душу живую и упостасную, и что она въ немъ причастна, т.-е. душа, умъ и слово, и такимъ образомъ отъ

себя самого заключая, умомъ своимъ мудрымъ и свѣтлымъ домышляется и о томъ, что касается Бога. Кромѣ того и отъ Духа Святаго, свыше просвѣщающаго, просвѣщается онъ и научается, что Богъ Отецъ. все изъ несущаго создавшій Словомъ своимъ и силою Духа своего содержащій, безвременно и безначально раждаетъ единосущнаго Ему и отъ Него нимало не отдѣляющагося Сына своего, вмѣстѣ съ коимъ исходитъ и Духъ Святый, который есть единосущенъ съ Сыномъ изъ единосущнаго Отца. Такимъ образомъ добрѣ мудрствуя и исповѣдуя о Богѣ, показываетъ онъ, что воистину есть по образу создавшаго его Бога, поколику имѣетъ душу разумную, мысленную и безсмертную, одаренную умомъ и словомъ. Кто же не мудрствуетъ такимъ образомъ, тотъ навѣрное обличаетъ себя самого, что безуменъ и безсловесенъ, т.-е. не имѣетъ ни ума, ни слова. Ибо если онъ отступается отъ исповѣданія божескихъ тѣхъ особностей, то по какимъ другимъ характерамъ будетъ онъ по образу создавшаго его Бога? Если же исповѣдуетъ и утверждаетъ, что эти три—душа, умъ и слово, есть въ немъ, Творца же своего Бога безсловесно и безумно лишаетъ того, что мы сказали о Немъ, то, мнѣ кажется, онъ въ такомъ случаѣ ничѣмъ не разнится отъ язычника и идолопоклонника. Я же вѣрую, что какъ душа не была и не есть прежде ума, ни умъ прежде слова, раждающагося отъ него, но въ одинъ моментъ всѣ три имѣютъ бытіе отъ Бога, и умъ раждаетъ слово, и чрезъ него изводитъ и являетъ внѣ желаніе души: такимъ же образомъ и Богъ Отецъ не былъ прежде Сына и Духа Святаго, но какъ умъ есть въ душѣ и имѣетъ близъ себя слово, такъ и Богъ Отецъ есть во всемъ Святомъ Духѣ, и имѣетъ въ себѣ всего Бога Слово, рожденнаго изъ Него. И какъ невозможно въ человѣкѣ быть слову или уму безъ души, такъ невозможно

полагать Сына со Отцемъ безъ Святаго Духа. Ибо какъ возможно Богу живому быть безъ жизни? Духъ же Святый есть жизнь.

Итакъ, надлежитъ тебѣ исповѣдывать о Богѣ Отцѣ, что Онъ раждаетъ Сына, но не былъ прежде Сына; и о Сынѣ, что Онъ раждается отъ Отца, но не такъ, чтобъ проявился послѣ Отца; и о Духѣ Святомъ, что Онъ исходитъ отъ Отца, но и самъ есть совѣченъ и единосущенъ Отцу и Сыну. И покланяйся всему Духу Св. во всемъ собезначальномъ Отцѣ, и всему Отцу во всемъ совѣчномъ Сынѣ, и всему Сыну во всемъ единосущномъ Духѣ, единому, тріипостасному, совѣчному и сосущному, нераздѣльному и несліянному существу и естеству, какъ единому началу всего сущаго и единому Богу, Творцу всяческихъ,—да научишься познанію того, что выше тебя отъ того, что есть въ тебѣ самомъ, и не забываешь образа, какой сподобился ты получить отъ Бога. Ибо и собственный твой духъ, или душа твоя вся есть во всемъ умѣ твоемъ, и весь умъ твой — во всемъ словѣ твоемъ, и все слово твое во всемъ духѣ твоемъ, нераздѣльно и несліянно. Сіе есть образъ Божій и симъ обогащены мы свыше, т.-е. чтобъ быть намъ подобными Богу и Отцу, и имѣть въ себѣ образъ Того, Кто создалъ насъ. Посему и когда дѣлаемъ какому-либо человѣку поклонъ, то единое почтеніе свидѣтельствуемъ ему, какъ имѣющему умъ, душу и слово, не раздѣляя ихъ и не предпочитая одно что либо изъ сихъ трехъ преимущественнымъ почтеніемъ; но какъ онъ имѣетъ въ себѣ сіи три нераздѣльно и несліянно, то кланяемся ему и почтеніе воздаемъ, не какъ сущему три сія, но какъ единому человѣку, по общему образу Творца Бога. Такимъ же образомъ должно тебѣ относиться и къ Богу, даровавшему тебѣ сіи свойства, и благочестно покланяться святой, единосущной и собезначальной Троицѣ, яко единому Бо-

гу, помышляя, какими благами почтилъ тебя Богъ, создавшій тебя по образу Своему.

Исповѣдуемъ равночестнаго, равномощнаго и единосущнаго Отца съ Сыномъ и Духомъ, Троицу Святую, какъ единое начало, власть и господство: подобно какъ и собственный нашъ умъ равночестенъ, равномощенъ и единосущенъ съ словомъ и душею, поколику есть одного съ ними естества и существа. Сіе есть честь, дарованная намъ отъ Бога, да познаваемъ Бога и благоговѣйно чтимъ Его, яко Отца и Творца, коимъ рождены и созданы. Теперь, если человѣкъ лишится одной какой изъ показанныхъ трехъ принадлежностей, то уже не можетъ быть человѣкомъ. Отыми у человѣка умъ,— отымешь вмѣстѣ съ умомъ и слово, — и выйдетъ человѣкъ безумный и безсловесный. Отыми у него душу,— отымешь вмѣстѣ съ нею и умъ и слово. Также если отымешь одно внутреннее слово, то разстроишь все естество человѣческое. Умъ, который не раждаетъ слова, не можетъ и отнуды принять слова; ибо какъ возможно отнуды услышать слово тому, кто самъ сталъ глухъ и безсловесенъ, и выступилъ изъ чина естества своего? Какъ естественно имѣемъ мы въ себѣ духъ дышущій, коимъ дышемъ и живемъ, такъ что пресѣкись дыханіе, мы тотчасъ умремъ: такъ и умъ нашъ естественно имѣетъ въ себѣ силу словесную, которою раждаетъ слово, и если онъ лишенъ будетъ естественнаго ему порожданія слова,—такъ, какъбы онъ раздѣленъ и разсѣченъ былъ съ словомъ, естественно въ немъ сущимъ, то этимъ онъ умерщвленъ будетъ и станетъ ни къ чему негожимъ. Такъ умъ нашъ получилъ отъ Бога естественную ему принадлежность всегда раждать слово, которую имѣетъ нераздѣльною и всегда съ собою соединенною. Если ты отымешь слово, то вмѣстѣ съ словомъ отымешь и умъ, породителя слова. Теперь помысли о первообразѣ сво-

емъ, и по сему примѣру съ точностію уразумѣешь, что кто отрицается отъ Сына Божія, тотъ отрицается и отъ Отца, родившаго Его. Кто же отрицается Отца и Сына, тому возможно ли не отрещись и Духа Святаго, хотя бы и не хотѣлъ того?

Итакъ, кто называетъ одно какое-либо изъ трехъ лице большимъ или меньшимъ другихъ, тотъ еще не извлекъ ума своего изъ глубины страстей чтобъ мочь умными очами узрѣть и познать себя самого, и по себѣ самому уразумѣть, что какъ въ немъ самомъ умъ не больше и не меньше души, душа — ума, слово — ума и души, такимъ же образомъ не больше и не меньше Отецъ Сына, Сынъ—Отца, Св. Духъ—Отца и Сына, но собезначальны суть и равночестны. Больше и меньше и на мысль не слѣдуетъ никому принимать въ отношеніи къ Святой и равночестной Троицѣ. О, человѣче! Ты почтенъ отъ Бога паче всѣхъ другихъ тварей достоинствомъ разума, которымъ властвуешь и царствуешь надъ ними; почему надлежитъ тебѣ то, что выше тебя, уразумѣвать изъ того, что есть собственно въ тебѣ самомъ, изъ того, что есть въ тебѣ образъ Божій, коимъ былъ ты удостоенъ. Какъ умъ человѣческій познается чрезъ посредство слова (хорошо повторять одно и тоже, чтобъ крѣпче утвердиться тебѣ въ мысляхъ и добрѣ, познать сокрытыя въ тебѣ тайны царства небеснаго), а душа опять познается чрезъ посредство ума и слова: такъ и Богъ Отецъ познался и познается намъ вѣрнымъ чрезъ Единороднаго Сына своего, и Духъ Святый—чрезъ соприсносущныхъ Ему Отца и Сына. Какъ, когда умъ раждаетъ слово то вмѣстѣ съ тѣмъ явнымъ дѣлается для слышащихъ чрезъ живое слово, или чрезъ письмена, и желаніе души, какъ общее обоимъ, и уму и слову — и три сія—умъ, слово и душа—не сливаются въ едино и не разсѣкаются на три, но всѣ три вмѣстѣ и каждое

особо зрятся въ единой сущности: такъ надлежитъ благочестно помышлять и въ отношеніи къ Святой, единосущной и нераздѣльной Троицѣ, и исповѣдать, что Отецъ неизреченно и недомыслимо раждаетъ Сына и Слово, которое имѣлъ въ началѣ въ Себѣ и которое нераздѣльно имѣетъ и по рожденіи,—что Сынъ раждается отъ Отца, съ Коимъ всегда есть нераздѣльно и соприсносущно, и никогда не отдѣляется отъ Него,—и что Духъ Святый исходитъ отъ Отца и есть соединенъ и сраслен съ единосущными Ему Отцемъ и Сыномъ, съ Коими и спокланяемъ и спрославляемъ есть отъ всея твари,—и еще, – что три сіи лица Пресвятыя Троицы имѣютъ одну волю. Такъ познается и открывается Пресвятая Троица благодатію Святаго Духа, по благоволенію Отца, чрезъ Сына, всѣмъ просвѣщаемымъ свыше. При семъ надлежитъ вѣровать, что пресущная сущность единаго Божества сихъ трехъ лицъ (повторяю опять тоже: въ освященіе себя такимъ помиманіемъ и словомъ) есть тріипостасна, и вѣруя такъ, явно вмѣстѣ съ нами исповѣдать, что три ипостаси ея, соединены бывъ естественно, ни во едино не сливаются, ни на три не раздѣляются. Въ каждомъ изъ сихъ трехъ лицъ мысленно созерцаются и другія два, въ единомъ существѣ, естествѣ и славѣ,—и три сіи лица есть единъ Богъ, Творецъ и Вседержитель всего видимаго и невидимаго.

Кто вѣруетъ, что Богъ есть Творецъ всѣхъ тварей, изъ несущаго создавшій все, небесное, земное и преисподнее, тотъ, зная Творца своего, пребываетъ въ предѣлахъ своихъ и, отъ красоты тварей восходя умомъ своимъ къ Создателю, воспѣваетъ и славословитъ Его, какъ Творца всего сущаго, и не пытается постигнуть непостижимое естество Божіе. О себѣ самомъ знаетъ онъ, что есть твореніе Его, подобное всѣмъ другимъ, какъ мы сказали; о самомъ же Творцѣ всего Богѣ зна-

етъ, что Онъ несозданъ, безначаленъ, непостижимъ, неизъяснимъ, неизслѣдимъ, всегда сый и прежде всего сый; ибо не было времени, въ которое не было бы Бога, потому что Онъ создалъ времена и вѣки и былъ прежде всякаго начала; въ отношеніи къ Нему ни начало не мыслится, ни конецъ не узрѣвается, но Онъ есть безначаленъ и начало всего сущаго, и имѣетъ быть присно въ безконечные и нескончаемые вѣки. Онъ неприступенъ, невидимъ, неизглаголанъ, недомыслимъ для всѣхъ, отъ Него созданныхъ тварей, небесныхъ и земныхъ. Его не знали и мы, прежде заблуждавшіе и вѣрившіе во многихъ боговъ, служившіе твари и поклонявшіеся идоламъ. Но Онъ, какъ человѣколюбивый и многомилостивый, сжалился надъ невѣжествомъ нашимъ и настолько снизшелъ къ немощи нашей, сколько требовалось, чтобъ мы познали, что Святая Троица есть единый Богъ совершенный, Коему подобаетъ благочестно поклоняться во Отцѣ, и Сынѣ, и Святомъ Духѣ.

Но что есть по существу, въ Троицѣ воспѣваемое, Божество, каково по виду, въ какомъ мѣстѣ есть, каково по величію, и какъ есть по единенію, сего не только люди не могли домыслить, но и сами Ангелы не могли постигнуть непостижимое и пресущное естество. Не указывай мнѣ на наши богословія, потому что въ нихъ на основаніи Слова Божія изложили богословы нашей Церкви только то, что служитъ къ обличенію еретическихъ нелѣпостей, а не то, что изъясняло бы Божеское естество. Почему содержи въ мысли паче то, что поелику Божеское естество неприступно, то конечно и непостижимо, а что непостижимо, то и неизглаголанно. Сколько разъ бываетъ, что и то, что понимаемъ, не можемъ выразить словомъ, какъ должно? То же, о чемъ все Божественное Писаніе свидѣтельствуетъ, что Оно невидимо и недомыслимо, какой человѣкъ или какой Ангелъ можетъ

изъяснить и описать понятно? Конечно никакой. Никакъ невозможно человѣческому уму понять и окачествовать какимъ-либо именемъ то, что не есть что-либо изъ сущаго. И все Божественное Писаніе всѣми, содержащимися въ немъ, о Богѣ мыслями и рѣченіями представляетъ только, что Богъ есть, а не то, что Онъ есть. И то еще явно открываетъ оно о Богѣ, что Онъ всегда есть,—и что Богъ сый и присно сый есть тріипостасенъ, всемогущъ, Вседержитель, Всевидѣцъ, Творецъ и Промыслитель всяческихъ, вседовольный, преестественный,—и что Онъ столько познается нами, сколько можетъ кто увидѣть безбрежнаго моря, стоя на краю его ночью съ малою въ рукахъ зажженною свѣчею. Много ли, думаешь ты, увидитъ этотъ изъ всего того безбрежнаго моря? Конечно малость нѣкую, или почти ничего. При всемъ томъ онъ хорошо видитъ воду ту, и знаетъ, что предъ нимъ море, что море то безбрежно, и что онъ не можетъ его все обнять взоромъ своимъ. Такъ есть дѣло и въ отношеніи къ нашему Богопознанію.

Представлю вамъ и другой примѣръ къ уясненію сего предмета. Предположимъ, что найдется какой либо человѣкъ, который никогда не видѣлъ воды и не пилъ ея, почему и не знаетъ, что такое есть вода, а ты разсказываешь ему о водѣ, живописуя ему источники, рѣки и моря. Слушая это, онъ конечно попроситъ тебя сказать ему, какова природа воды, каковъ видъ ея, каково качество и количество ея, откуда беретъ она начало, какъ течетъ, и какъ, непрестанно текучи, никогда не истощается. Скажи же мнѣ теперь, что бы ты отвѣтилъ ему? Я думаю, что, хотя бы ты былъ очень высокаго ума и очень многосвѣдущъ, но никакъ не можешь тому, кто никогда не видѣлъ и не пилъ воды, растолковать и дать понять, что такое вода, откуда она беретъ начало и какъ течетъ. Если же мы не можемъ ничего

опредѣленнаго сказать о текучемъ естествѣ воды, которую и видимъ, и пьемъ, и осязаемъ, и вопрошающимъ насъ не можемъ растолковать, какова природа воды, откуда она, изъ какихъ стихій слагается; то какой Ангелъ или какой святой можетъ научить тѣхъ, кои не знаютъ Бога и свойствъ Его,—что есть сей Богъ, создавшій всяческая, каково существо Его и слава? Никто не можетъ это разъяснить, совершенно никто.

Впрочемъ тотъ, кто сподобился мало нѣкако узрѣть Бога тѣмъ способомъ, о коемъ мы сказали прежде, не имѣетъ нужды въ наученіи отъ другаго, потому что имѣетъ всего Бога. Который обитаетъ, движется и глаголетъ внутрь его и научаетъ его неизреченнымъ своимъ тайнамъ, по святѣйшему слову самого Бога, Который говоритъ: „тайна моя Мнѣ и моимъ.“ Да; иного способа къ тому, чтобы Богъ открылся въ комъ-либо, не можетъ быть, кромѣ точнаго исполненія заповѣдей Его, если, то-есть кто не будетъ нерадѣть объ нихъ и презирать ихъ, ни въ какомъ совершенно дѣлѣ, но будетъ хранить ихъ, соблюдать и исполнять со всѣмъ усердіемъ и ревностію. И тѣ, которые будутъ жительствовать такимъ образомъ, не далеко будутъ отъ царствія Божія, но по мѣрѣ ревности и усердія, какія покажутъ въ исполненіи заповѣдей, воспріимутъ мзду созерцанія Бога, большую или меньшую, скорѣйшую или медленнѣйшую, соотвѣтственно подъемлемымъ подвигамъ, и содѣлаются сынами Богу и богами по благодати во Христѣ Іисусѣ Господѣ нашемъ, Коему слава во вѣки. Аминь.

СЛОВО ШЕСТЬДЕСЯТЪ ВТОРОЕ.

Богословское третье--о томъ, что что есть Отецъ, тоже есть и Сынъ, и что есть Сынъ, тоже есть и Духъ Святый,—и что три сіи суть единъ Духъ, единочестный, единосущный и единопрестольный.

Богъ присновоспѣваемый и славимый, т.-е., безначальный Отецъ, собезначальный Сынъ Отца, и Духъ Святый соприсносущный и единосущный Отцу и Сыну, есть едино естество и слава, Троица единосущная, единое Божество, равночестная и трiипостасная сущность, начало всего сущаго, и вседѣтельная сила, единопрестольнал и единославная, вседержительное господство и царство. Сей Богъ единый, когда созерцается и вѣруется въ единствѣ естества, единично и поклоняемъ бываетъ отъ насъ, яко Богъ единый; когда же исповѣдуется Троицею, троично и отъ насъ воспѣвается, т.-е. въ трехъ раздѣльныхъ лицахъ, какъ научены мы Господомъ нашимъ Іисусомъ Христомъ, единымъ изъ лицъ трiипостаснаго Божества, Который заповѣдуетъ апостоламъ своимъ крестить во имя Отца и Сына и Святаго Духа: — чѣмъ показываетъ, что иное лице Пресвятыя Троицы есть Отецъ, иное Сынъ, иное Духъ Святый. И опять, когда въ другомъ мѣстѣ Евангелія говоритъ Онъ: *Отецъ мой болій Мене есть* (Іоан. 14, 28), или: *о себѣ ничесоже творю* (Іоан. 8, 28), то тѣмъ показываетъ, что ино лице есть Отецъ, и ино Сынъ. Когда также говоритъ: *и Азъ умолю Отца моего, и иного Утѣшителя дастъ вамъ* (Іоан. 14, 16), *Духа истины, иже отъ Отца исходитъ* (Іоан. 15, 26), то тѣмъ показываетъ, что Духъ Святый, яко иный Утѣшитель, есть лице ино отъ Отца и Сына. Но тѣми же словами Господа благодать Его даетъ намъ разумѣть всяческое единство трiипостаснаго и единосущнаго Божества и царства, торжество присносущныя

жизни и нераздѣльное единство трехъ ипостасей: такъ что гдѣ воспѣвается Отецъ, тамъ есть и Сынъ со Святымъ Духомъ; гдѣ именуется Сынъ, тамъ есть и Отецъ съ Духомъ Святымъ; и гдѣ прославляется Духъ Святый, тамъ есть и Отецъ съ Сыномъ.

Будучи такимъ образомъ просвѣщены благодатію Духа Святаго, что три лица Пресвятыя Троицы единосущны суть и равночестны, т. е. что ипостаси ихъ несліянно и нераздѣльно пребываютъ вкупѣ въ Божескомъ естествѣ и существѣ единомъ для всѣхъ ихъ, мы, когда возносимъ умъ свой къ Богу Отцу, благодатію Святаго Духа, восторгающаго насъ горѣ чрезъ Сына, Бога-Слова, и простираемъ къ Нему руки и очи свои, говоримъ: Отче нашъ, Иже еси на небесѣхъ! И опять, когда приступаемъ воздать молитвы Единородному Сыну Отца благодатію Духа Святаго, подающаго намъ вѣдѣніе и разумѣніе, говоримъ: Единородный Сыне, соприсносущное Слово Бога и Отца, единый Сынъ изъ единаго Отца, Богъ изъ Бога, Безначальный изъ Безначальнаго, Присносущій изъ Присносущаго, Вѣчный изъ Вѣчнаго, Свѣтъ изъ Свѣта, Жизнь изъ Жизни, Неприступный изъ Неприступнаго, Непостижимый изъ Непостижимаго, Неизреченный изъ Неизреченнаго, Неизмѣнный изъ Неизмѣннаго, Недомыслимый изъ Недомыслимаго, очисти грѣхи наши! Также, когда призываемъ Духа Святаго, говоримъ: Душе Святый, несказанно отъ Отца исходящій и на насъ вѣрныхъ чрезъ Сына низходящій, Духъ жизни и вѣдѣнія, Духъ святости и совершенства Духъ благій, премудрый, человѣколюбивый, утѣшительный, преславный, питающій вмѣстѣ и наполняющій, милующій, просвѣщающій, укрѣпляющій, божественный Духъ терпѣнія, Духъ—податель радости, веселія, цѣломудрія, мудрости, вѣдѣнія, кротости, незлобія, безпопеченія о мірскихъ вещахъ, созерцанія благъ небесныхъ, Духъ—

отгнатель лѣности, нерадѣнія, разсѣянности и лукавства, Духъ—показатель божественныхъ таинъ, обрученіе небеснаго царствія, источникъ пророчества, кратеръ ученія, дверь покаянія, истребитель грѣховъ, Духъ любви, мира, вѣры, воздержанія,—пріиди и вселися въ вы и пребудь съ нами неотлучно и нераздѣльно, освяти, обнови, и просвѣти сердца наши, яко единосущный, равночестный и сопрестольный Сыну и Отцу, дѣлающій богами по благодати тѣхъ, кои пріемлютъ Тебя, истребляющій всякій грѣхъ и приносящій вмѣстѣ съ низшествіемъ твоимъ всякую добродѣтель, не отвнѣ имѣя приносимое Тобою, но естественно будучи всякое благо, и тѣхъ, коихъ избираешь въ обитель Себѣ, дѣлая существенно вмѣстителями всякаго добра.

Такъ приносимъ мы пѣснь тремъ лицамъ Святыя Троицы, не какъ раздѣляющіе на трехъ боговъ единое Божество, которое есть единый Богъ, нераздѣльный, но какъ поклоняющіеся вмѣстѣ со Отцемъ Сыну и Духу, вмѣстѣ съ Сыномъ Отцу и Духу, и вмѣстѣ съ Духомъ Отцу и Сыну. Прославляя сіи три лица, мудрствуемъ, что едино есть естество единаго тріипостаснаго Божества, единосущное, равномощное, единовольное, соприсносущное, собезначальное, несліянное и нераздѣльное. Мы не раздѣляемъ нераздѣлимаго единства Божества, не помышляемъ, якобы въ Немъ есть нѣчто иное, и иное и иное, якобы Отецъ есть инаго естества, и Сынъ—инаго, и Духъ Святый—инаго, и не допускаемъ несмысленно сущностей и естествъ неподобныхъ и другъ-другу чуждыхъ, но вѣруемъ, что сіи три лица Божества—единъ есть Богъ, Который раздѣляется нераздѣльно по ипостасямъ и единится несліянно по единости единаго естества,—весь единый въ трехъ ипостасяхъ, и весь троимый въ пресущной единости. Одинъ и тотъже Богъ есть три по ипостасямъ, и едино по единости существа и естества.

Такъ открылъ намъ самъ единородный Сынъ Отца Господь нашъ Іисусъ Христосъ, т.-е. что сей самый Сынъ со Отцемъ и Духомъ единочестны суть, и единосущны и сопрестольны, говоря: *Азъ и Отецъ едино есма*, и въ другомъ мѣстѣ показывая, что и Духъ Святый неотмѣненъ отъ тогоже естества, когда говорилъ: *Духъ истины, иже отъ Отца исходитъ*. Ибо какъ изъ источника воды исходитъ такая же вода, такъ и отъ Бога Отца исходитъ Богъ Духъ. Сказано: *Духъ есть Богъ: и иже кланяется Ему, духомъ и истиною достоитъ кланятися* (Ін. 4, 24). Итакъ, если Отецъ есть Духъ, явно, что и Сынъ, рожденный отъ Него, есть Духъ; почему св. Павелъ и говоритъ: *Господь же Духъ есть* (2 Кор. 3, 17). Духъ есть и Духъ Святый, исходящій отъ Отца, и чрезъ Сына подаемый намъ недостойнымъ. Мы говоримъ: посылается и дается Духъ Святый, не въ томъ смыслѣ, якобы самъ Онъ не хотѣлъ того, но въ томъ, что Духъ Святый чрезъ Сына, одно изъ лицъ Святыя Троицы, совершаетъ, какъ собственное свое хотѣніе, то, что благоугодно Отцу: ибо Троица Святая нераздѣльна по естеству, существу и хотѣнію, но по упостасямъ именуется лично—Отецъ, Сынъ и Духъ Святый; и три сіи единъ есть Богъ, имя же Ему—Троица. Онъ, будучи превыше всякаго именуемаго имени, слова и глагола, превышаетъ постиженіе всякаго ума, и не есть нѣчто изъ всего сущаго отъ Него, яко пресущественно изъятый изъ круга того.

Но помысли, какъ Святое Писаніе говоритъ, что три едино суть. Ибо хорошо говорить одно и тоже, потому что помышленіе и бесѣда объ одномъ и томъже услаждаетъ того, кто умѣетъ находить въ семъ боголѣпное удовольствіе,—и божественное слово освящаетъ душевныя чувства его.—Духъ есть Богъ Отецъ, какъ говоритъ Господь нашъ. Духъ есть и Сынъ, какъ рожденный отъ Него. Если Богъ есть Духъ, и Духъ есть Господь, какъ

говоритъ Апостолъ, и Господь въ Божественномъ Писаніи именуется Духомъ, то единъ Духъ есть Богъ, въ трехъ лицахъ познаваемый, какъ сказалъ о семъ Сынъ, показывая, что трiипостастный Богъ есть единый Духъ, равномощный, единопрестольный, единосущный; почему три сіи лица и наименованы единымъ Духомъ, чтобъ ты не думалъ, что между тремя лицами Св. Троицы есть какое-либо неравенство, что одно лице больше, а другое меньше, или что есть въ нихъ какое-либо раздѣленіе, такъ чтобъ одно лице было внѣ другаго. Богъ именуется трiипостаснымъ, — Отецъ, Сынъ и Духъ Святый, не для того, чтобъ ты помышлялъ, будто есть какое-либо отъособленіе и неравенство во Святой Троицѣ, но чтобъ научить тебя сими наименованіями, что есть въ Богѣ три лица, или три сіи ѵпостаси,—и только. Послѣ же того, какъ познаешь сіе, будучи наученъ и просвѣщенъ, какъ мудрствовать о Богѣ, не ищи уже болѣе и не изслѣдуй ничего выше сего, но принявъ сіе съ вѣрою, стой въ томъ, содержа и исповѣдуя, что все другое, что выше сего, совершенно непостижимо.

Если хочешь вдаться въ размышленіе о томъ, что свойственно Божескому естеству, т.-е. какъ есть Богъ, что есть окрестъ Бога, что изъ Бога и что въ Богѣ, послушай, что скажу тебѣ. Богъ есть свѣтъ и свѣтъ безпредѣльный, и что въ Богѣ, свѣтъ есть, единимо будучи по единости естества и нераздѣльно раздѣляемо по лицамъ. Раздѣляя нераздѣльное, скажу тебѣ о каждомъ изъ сихъ лицъ особно. Отецъ есть свѣтъ, Сынъ свѣтъ, и Духъ Святый свѣтъ, —три—единъ свѣтъ, простый, несложный безвременный, соприсносущный, равночестный, равнославный. Также и то, что отъ Бога, свѣтъ есть, такъ какъ подается намъ отъ свѣта, именно—жизнь свѣтъ есть; безмертіе—свѣтъ; любовь, истина, миръ, дверь царствія небеснаго, само сіе царствіе—свѣтъ есть; брачный

чертогъ, рай, сладость райская, земля кроткихъ, вѣнцы жизни, самыя ризы Святыхъ—свѣтъ есть; Христосъ Іисусъ, Спаситель и Царь всего—свѣтъ есть; хлѣбъ пречистаго тѣла Его—свѣтъ; воскресеніе Его—свѣтъ; лице Его—свѣтъ; рука, перстъ, уста, очи Его—свѣтъ; гласъ Его—свѣтъ, поколику исходитъ изъ свѣта; благодать всесвятаго Духа,—свѣтъ; Утѣшитель—свѣтъ; бисеръ, зерно горчичное, виноградъ истинный, квасъ, надежда, вѣра—свѣтъ есть. Все сіе и другое, что слышишь отъ Пророковъ и Апостоловъ о неизреченномъ и пресущномъ Божествѣ, есть существенно единое безначальное начало, въ единости троичнаго свѣта поклоняемое. Такъ надлежитъ тебѣ помышлять. Ибо единъ есть Богъ, во Отцѣ, Сынѣ и Духѣ Святомъ, будучи свѣтъ неприступный и предвѣчный, который имѣетъ многія наименованія и именуется всѣмъ тѣмъ, что мы сказали, и не только именуется, но и дѣйственно производитъ то въ насъ, какъ научили насъ опытно тому наученные.

Желая показать тебѣ и другіе свѣты Божіи, на ряду съ тѣми, о коихъ сказано, говорю, что благость Его свѣтъ есть, милость—свѣтъ, благоутробіе—свѣтъ, цѣлованіе Его свѣтъ, доброта—свѣтъ, жезлъ и утѣшеніе—свѣтъ. Хотя и о насъ говорится многое подобное, но о насъ говорится, какъ о людяхъ, а о Немъ, какъ о Богѣ. Не полѣнюсь пояснить тебѣ сіе примѣрами. Богъ именуется Отцемъ,—отцами называются и люди; Христосъ именуется Сыномъ Божіимъ,—сынами человѣческими называемся и мы; Духомъ Божіимъ именуется Святый Духъ,—духами называются и наши души. Богъ есть жизнь,—жизнь имѣемъ и мы; Богъ есть любовь,—любовь имѣютъ между собою и многіе грѣшники. Итакъ что же? О любви человѣческой можешь ли ты сказать, что она есть Богъ? Да не будетъ. И миръ, какой имѣемъ мы между собою, когда не бранимся и не ссоримся изъ-за чего либо, мо-

жешь ты назвать миромъ, превосходящимъ умъ? Никакъ. Также и то, если не скажешь кому-либо ложнаго слова, Божіею истиною назовешь ты это? Конечно нѣтъ. Слова человѣческія текучи и пусты. Слово же Божіе есть живое и дѣйственное. Равнымъ образомъ и истина Божія есть паче ума и слова человѣческаго, Богъ непреложный, сый и живый. Наконецъ и вода сія, какую имѣемъ мы, не есть какъ оная вода живая, и хлѣбъ сей, какой обыкновенно вкушаемъ, не есть какъ оный хлѣбъ животный. Но, какъ сказали мы выше, все оное есть свѣтъ, и Богъ есть единый свѣтъ, и кто причащается сего свѣта, тотъ вмѣстѣ съ причастіемъ его причащается и всѣхъ тѣхъ благъ, о коихъ поминали мы,—бываетъ кроткимъ и смиреннымъ и готовымъ на всякое добро, потому что и эти доброты вмѣстѣ съ другими свѣтъ суть, и кто возъимѣлъ свѣтъ, тотъ вмѣстѣ съ свѣтомъ имѣетъ и сіи качества. Тогда Богъ подвигаетъ на всякое добро душу, въ которой обитаетъ, и бываетъ для нея всякимъ добромъ, и душа та, которая имѣетъ Бога обитателемъ въ себѣ, не скудѣетъ ни въ какомъ добрѣ, но бываетъ полна и преизбыточествуетъ всегда всѣми оными неизреченными благами Божіими, свеселясь и спребывая съ чинами небесныхъ силъ. Каковыя блага Божіи когда бы сподобились богатно получить и всѣ мы, благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, Коему слава и держава, со Отцемъ и Святымъ Духомъ, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

СЛОВО ШЕСТЬДЕСЯТЪ ТРЕТЬЕ.

1) О тѣхъ, кои думаютъ, что имѣютъ Духа Святаго, безъ всякаго совершенно сознанія и чувства дѣйствія Его,—и о тѣхъ, которые говорятъ, что въ настоящія времена ни одинъ человѣкъ не можетъ узрѣть славы Святаго Духа.

2) О томъ, что у святыхъ нѣтъ ни малой зависти, когда и мы всячески стараемся преуспѣяніемъ въ добродѣтеляхъ сдѣлаться подобными имъ.

3) Какъ можно зрѣть Бога?

4) Кто достигъ такой мѣры, чтобы зрѣть, по возможности своей, Бога, тотъ еще въ настоящей жизни научается знать, какое блаженство будетъ даровано святымъ въ будущей жизни.

5) Что Пророки и Апостолы возвѣщали то, что видѣли, будучи просвѣщаемы Духомъ Святымъ, всегда съ ними пребывавшимъ.

6) Кто преступаетъ, или криво перетолковываетъ слова его, тотъ погрѣшаетъ противъ Духа Святаго.

1) Се опять хочу я бесѣдовать о тѣхъ, кои говорятъ, что имѣютъ Духа Святаго, безъ всякаго сознанія того, и думаютъ, что они приняли Его въ себя отъ божественнаго крещенія, почему утверждаютъ, что имѣютъ въ себѣ сокровище благодати, хотя познавая себя не могутъ не видѣть, что пусты отъ него. Именно, хочу бесѣдовать о тѣхъ, кои признаются, что совершенно ничего не возчувствовали во святомъ крещеніи, и между тѣмъ полагаютъ, что съ того времени возобитала внутрь ихъ благодать Божія и пребываетъ въ нихъ доселѣ; и не объ этихъ только, но и о тѣхъ, кои говорятъ, что никогда никакого не имѣли они явнаго и осязательнаго чувства благодати Св. Духа, а полагаютъ, что приняли и имѣютъ въ себѣ сію благодать, не по опыту, а по вѣрѣ единой, мысленно, какъ слышали и научились отъ Божественнаго Писанія. Они обыкновенно говорятъ: *елицы во Христа крестистеся, во Христа облекостеся*, говоритъ Апостолъ. Такъ какъ мы крестились во Христа, то явно, что мы и облеклись во Христа. Я же говорю имъ: такъ какъ вы облеклись во Христа, то скажите мнѣ, что есть Христосъ? Онъ есть конечно Богъ истинный, содѣлавшійся человѣкомъ на тотъ конецъ, чтобъ насъ содѣлать богами. Но тотъ, кто облекается въ Бога, чувствуетъ конечно, во что онъ облекся. Какъ голый тѣломъ, когда надѣнетъ какую-либо одежду, чувствуетъ то и видитъ, что это за одежда: такъ и обнаженный душею, когда облекается въ Бога, чувствуетъ то и позна-

стъ. Если облекающійся въ Бога не чувствуетъ, что есть то, во что онъ облекся, то слѣдуетъ, что онъ не живъ: ибо только мертвые не чувствуютъ, когда ихъ одѣваютъ. Почему боюсь, не мертвы ли и не голы ли истинно тѣ, которые говорятъ такъ.

Потомъ они предлагаютъ еще слѣдующее изреченіе Апостола Павла: *Духа не угашайте* (1 Сол. 5, 18). Но говоря это, они не понимаютъ цѣли, для чего такъ сказано. Они умствуютъ; кто говоритъ другому кому: не угашай лампады, тотъ говоритъ это конечно не о не горящей лампадѣ, а о возжженной и свѣтящей свойственнымъ ей свѣтомъ. На это мы говоримъ имъ: Духъ тотъ, о коемъ вы говорите, что Онъ возжженъ въ васъ и свѣтитъ свѣтомъ своимъ, видите ли вы ясно возженнымъ и свѣтящимъ въ душахъ вашихъ, какъ сему само собою слѣдуетъ быть? Но они не только не отвѣчаютъ на это, но тотчасъ измѣняютъ лице свое и обращаютъ его въ другую сторону, какъ будто слышатъ какое богохульство, нестерпимое для нихъ. Потомъ, принявъ видъ болѣе кроткій, отвѣчаютъ, говоря: и кто же посмѣетъ сказать, что онъ видитъ, или когда-либо видѣлъ Св. Духа? Перестань богохульствовать, и не говори этого: ибо Писаніе Божественное говоритъ, что *Бога никтоже видѣ нигдѣже* (Іоан. 1, 18).— О слѣпота и нечувствіе! Скажи мнѣ, человѣче, кто сказалъ это? *Единородный*, говоритъ, *Сынъ Божій сый въ лонѣ Отчи*, той сказалъ сіе. Правду говоришь ты, и истинно есть свидѣтельство твое, но оно идетъ противъ тебя. Ибо если я докажу, что сей самый Сынъ Божій и Богъ-Слово говоритъ, что это возможно, то что имѣешь ты тогда сказать? Слушай же, что говоритъ Христосъ: *видѣвый Мя, видѣ Отца* (Іоан. 14, 9). И это сказалъ Онъ не тому, кто смотрѣлъ на тѣло Христово, но тому, кто созерцалъ Божество Его. Ибо если подумаемъ, что Христосъ Господь сказалъ это тому,

кто смотрѣлъ на тѣло Его, то будетъ слѣдовать, что и распенніе Христа видѣли Отца, поелику видѣли Христа по тѣлу; и не будетъ послѣ сего никакого различія между вѣрнымъ и невѣрнымъ, и никакого преимущества у перваго предъ послѣднимъ, но всѣ одинаково улучили желанное блаженство, всѣ увидѣли Бога. Но не такъ есть на дѣлѣ, не такъ,—какъ сказалъ опять тотъже Христосъ, когда бесѣдовалъ съ Евреями: *аще мя бысте вѣдали, и Отца моего вѣдали бысте* (Іоан. 8, 19).

А что возможно намъ видѣть Бога, сколько видѣть Его доступно человѣкамъ, послушай, что говоритъ самъ Христосъ: *блажени чистіи сердцемъ, яко тіи Бога узрятъ* (Мѳ. 5, 8). Что скажешь ты на это? Но я напередъ знаю, что ты скажешь. Скажешь: да, точно узрятъ Бога чистые сердцемъ, но не здѣсь, а въ будущемъ вѣкѣ. Поелику ты не вѣришь въ тѣ блага, какія подаетъ намъ Богъ въ настоящей жизни и не имѣешь ревностнаго желанія получить ихъ и себѣ, то и прибѣгаешь къ мысли о будущемъ вѣкѣ. Но скажи мнѣ, возлюбленне, чающій въ будущемъ вѣкѣ узрѣть Бога, какъ возможно быть тому, о чемъ говоришь ты? Если Христосъ сказалъ, что при чистомъ сердцѣ узримъ мы Бога, то всеконечно слѣдуетъ, что во всякое время, какъ только очиститъ кто сердце свое, узритъ онъ и Бога. Ты самъ, если очистишь когда-либо сердце свое, увидишь конечно Бога и познаешь истину словъ моихъ. Но какъ ты никогда не полагалъ въ умѣ своемъ сдѣлать это (очистить сердце), и не вѣрилъ, что истинно такъ бываетъ (что чистые сердцемъ узрѣваютъ Бога), то понебрегъ объ очищеніи сердца своего и не сподобленъ узрѣть Бога. Скажи мнѣ, возможно ли въ настоящей жизни сердцу стать чистымъ? Если возможно, то слѣдуетъ, что всякій чистый сердцемъ въ настоящей еще жизни узрѣваетъ Бога. Если же скажешь, что Бога узрѣваютъ только послѣ смерти,

то долженъ сказать, что и чистота сердца бываетъ только послѣ смерти. Такимъ образомъ съ тобою можетъ случиться, что не узришь Бога ни въ нынѣшнемъ, ни въ будущемъ вѣкѣ. Ибо послѣ смерти не будешь уже ты имѣть возможности дѣлать богоугодныя дѣла, чтобъ посредствомъ ихъ сдѣлать сердце свое чистымъ. Но и Господь намъ что говоритъ? *Имѣяй заповѣди моя и соблюдаяй ихъ, той есть любяй Мя. И Азъ возлюблю его и явлюся ему самъ* (Іоан. 14, 21). Когда обѣщается сіе явленіе Христа Господа, въ нынѣшней жизни или въ будущей? Явно, что въ настоящей жизни. Ибо гдѣ со тщаніемъ исполняются заповѣди Божіи, тамъ бываетъ и явленіе Спасителя нашего Іисуса Христа. Послѣ сего явленія Спасителя приходитъ и совершенная любовь. Ибо если не будетъ явленія Христа въ насъ, то мы не можемъ ни вѣровать въ Него, ни любить Его, какъ должно.

Написано: *не любяй брата своего, егоже видѣ, Бога егоже не видѣ, како можетъ любити?* (1 Іоан. 4, 20). Кто же не можетъ любить Бога, тотъ конечно не можетъ и вѣровать въ Него. Послушай, что говоритъ Апостолъ Павелъ: *нынѣ пребываютъ вѣра, надежда, любы три сія, больше же сихъ любы есть* (1 Кор. 13, 13). Итакъ, поелику вѣра сочетана съ надеждою, а надежда сопутствуетъ любви, то явно, что кто не имѣетъ любви, не имѣетъ надежды, а кто не имѣетъ надежды, не имѣетъ и вѣры,—т.-е. кто не имѣетъ вѣры, тотъ и не надѣется, а кто не надѣется и не любитъ. Ибо какъ возможно быть любви, когда нѣтъ причинъ, ее производящихъ, т.-е. вѣры и надежды? Какъ невозможно, чтобъ держалась крыша безъ зданія, на которомъ бы она утверждалась, такъ невозможно, чтобъ въ душѣ человѣка обрѣлась любовь Божія, когда нѣтъ въ ней вѣры и упованія. А кто не имѣетъ любви, тотъ и отъ прочихъ добродѣ-

телей не получитъ никакой пользы, какъ утверждаетъ тотъ же Павелъ.

О томъ, что можно и какъ можно узрѣвать Бога въ настоящей жизни, послушай опять божественнаго Павла, который говоритъ: *видимъ нынѣ, якоже зерцаломъ въ гаданіи, тогда же лицемъ къ лицу: нынѣ разумѣю отчасти, тогда же познаю, якоже и познанъ бых* (1 Кор. 13, 12). Но тѣ, какъ только услышатъ это, говорятъ: то былъ Павелъ. Я же говорю имъ на это: не былъ развѣ и Павелъ человѣкъ во всемъ намъ подобострастный? Тѣ опять отвѣчаютъ: о, прегордый и самонадѣянный человѣкъ! Кто когда являлся подобнымъ Павлу? И ты дерзаешь сравнивать съ Павломъ насъ грѣшныхъ! — Отвѣчая имъ на это, не я, а самъ же Апостолъ Павелъ велегласно взываетъ и говоритъ: *Христосъ пріиде въ міръ*, — слушайте! *грѣшныя спасти, отъ нихже первый есмь азъ* (1 Тим. 1, 15). Итакъ, онъ первый изъ грѣшниковъ спасаемыхъ; стань и ты вторымъ, стань третьимъ, стань четвертымъ, стань десятымъ, стань однимъ изъ тысячъ и міріадъ спасаемыхъ, — и сопричислишь себя къ Апостолу Павлу, и тѣмъ почтишь Павла, какъ самъ онъ говоритъ: *подражатели мнѣ бывайте, якоже и азъ Христу* (1 Кор. 11, 1), и еще въ другомъ мѣстѣ: *хощу, да вси человѣцы будутъ, якоже и азъ* (1 Кор. 7, 7).

2. Такимъ образомъ, если хочешь похвалить или почтить Павла, надлежитъ тебѣ подражать ему и стать подобнымъ ему въ вѣрѣ. Вотъ когда ты истинно почтишь его! И онъ приметъ тебя и будетъ хвалиться тобою, вмѣняя себѣ въ славу, что ты склонился на слова его и послѣдовалъ ему, и сталъ, какъ и онъ. Если же, — говоря, что было бы безчестіемъ для Павла — думать, что другой-кто можетъ стать, какъ и онъ, — ты презираешь спасеніе свое и нерадишь о немъ; то знай, что насколько ты прельщаешь себя такимъ образомъ, настолько отвра-

щается отъ тебѣ св. Павелъ и недоволенъ тобою. Хочешь ли, чтобъ я доказалъ тебѣ, что ты гораздо болѣе почтишь его и обрадуешь, и прославишь, если постараешься сдѣлаться болѣе великимъ и болѣе близкимъ къ Богу, чѣмъ онъ? Слушай, что говоритъ самъ Павелъ: *молилбыхся самъ азъ отлученъ быти отъ Христа по братіи моей, сродницѣхъ моихъ по плоти* (Рим. 9, 3). Видишь? Онъ предпочитаетъ самъ отлученъ быть отъ Христа, чтобъ только ты спасся; а ты говоришь, что онъ сочтетъ для себя безчестіемъ, если я захочу и возревную стать какъ онъ? Нѣтъ, брате мой, не такъ. Нѣтъ зависти у святыхъ Божіихъ. Не ищутъ они преждевозлежанія и большей предъ другими чести и славы. У нихъ,—у всѣхъ этихъ, отъ начала до конца вѣковъ, друзей и любителей Божіихъ, одно преждевозлежаніе, одно предпочтеніе, одна слава, услажденіе и упокоеніе—выну зрѣть Бога. Тѣ же, которые зрятъ Бога, чужды всякаго любопытства; они не могутъ отвратиться отъ лицезрѣнія Божія, чтобъ посмотрѣть на что-либо отъ міра сего, или на какого либо человѣка, или подумать о чемъ либо, несообразномъ съ ихъ устроеніемъ; но совершенно свободны отъ всякаго любопытства, и умъ ихъ не отходитъ къ чему-либо другому; почему они, пока таковы, пребываютъ непадательными и не возвращаются опять на худое.

3. Но прошу тебя сказать мнѣ: тѣ, которые написали о томъ, что сказано предъ симъ, откуда это узнали? Равно и тотъ, кто теперь пишетъ объ этомъ, откуда знаетъ то? Скажи ты, чье все это?—Конечно, говоришь, это человѣческое, дѣло человѣка суть слова сіи.—Но говоря такъ, показываешь, будто знаешь внутреннее состояніе души другаго человѣка. А св. Павелъ что говоритъ?—*кто вѣсть отъ человѣкъ яже въ человѣцѣ, точію духъ человѣка живущій въ немъ?* (1 Кор. 2, 11). Но

если трудно для человѣка знать съ точностію внутреннее человѣка, яко человѣка: то какъ возможно ему познать, что есть въ комъ божеское, т.-е. тѣ измѣненія и состоянія, какія бываютъ во святыхъ подъ дѣйствіемъ созерцанія Бога? Съ другой стороны, если слова тѣ суть, какъ ты говоришь, дѣло человѣка, яко человѣка, то явно, что и мысли, содержащіяся въ тѣхъ словахъ, суть дѣло человѣческое. Но то, что содержится въ тѣхъ словахъ, не должно быть называемо мыслями (νοηματα, чѣмъ либо умозрительнымъ), а созерцаніемъ истинно сущаго: ибо мы говоримъ о томъ по созерцанію. Почему и сказываемое должно быть именуемо паче повѣствованіемъ о созерцаемомъ, а не помышленіемъ (νοημα). Помышленіемъ должно называть думаніе, раждаемое въ умѣ, по поводу какого-либо желанія, или дѣла, еще не сдѣланнаго, т.-е. думаніе о томъ, какъ сдѣлать какое-либо добро или худо, еще не сдѣланное, которое изъ думанія потомъ переходитъ и въ дѣло, такъ что помышленіе есть начало дѣла, какое имѣетъ быть совершено нами какъ и о Богѣ говоритъ Григорій Богословъ: „вопервыхъ, измышляетъ Богъ небесныя силы, и мысль стала дѣломъ“.— Итакъ удостовѣрься, что слова наши не о не сущемъ и не явленномъ говорятъ, но о томъ, что уже состоялось, и что отъ видѣнія и созерцанія сего заимствуется сказаніе, какое мы дѣлаемъ о томъ; подобно тому, какъ, когда кто хочетъ напримѣръ разсказывать о домѣ какомъ, или о полѣ, или о царскомъ дворцѣ, или о зрѣлищѣ, надо напередъ видѣть и хорошо разсмотрѣть все такое, и потомъ уже съ знаніемъ дѣла разсказывать о томъ. Кто можетъ сказать что самъ отъ себя о какомъ либо предметѣ, котораго прежде не видалъ? И откуда ему взять сказать что либо о томъ, чего совсѣмъ не видалъ?—Да и всеконечное есть безсмысліе и невѣжество говорить о томъ, чего не видѣлъ и не знаешь. Если та-

кимъ образомъ о видимомъ и земномъ никто не можетъ сказать что-либо вѣрное, не видѣвъ того своими глазами; то какъ можно сказывать и извѣщать что-либо о Богѣ, о божественныхъ вещахъ и о святыхъ Божіихъ, т.-е. какого общенія съ Богомъ сподобляются святые и что это за вѣдѣніе Бога, которое бываетъ внутрь ихъ и которое производитъ въ сердцахъ ихъ неизъяснимыя воздѣйствія,—какъ можно сказать о семъ что-либо тому, кто не просвѣщенъ напередъ свѣтомъ вѣдѣнія?

Но когда слышишь о свѣтѣ вѣдѣнія, не думай, что это есть только вѣдѣніе безъ свѣта; потому что это не называется сказаніемъ или словомъ вѣдѣнія, но свѣтомъ вѣдѣнія, или вѣдательнымъ свѣтомъ, поколику свѣтъ сей раждаетъ въ насъ вѣдѣніе: ибо невозможно инымъ способомъ познать кому-либо Бога, кромѣ созерцанія свѣта, посылаемаго отъ сего самаго свѣта (т.-е. Бога). Какъ тотъ, кто разсказываетъ другимъ о какой-либо странѣ, или какомъ человѣкѣ, разсказываетъ то, что видѣлъ и что знаетъ, а тѣ, которые слушаютъ его, не могутъ по одному слуху познать того человѣка или ту страну такъ, какъ знаетъ ихъ видѣвшій и разсказывающій: такъ и о небесномъ Іерусалимѣ, о Богѣ, невидимо въ немъ обитающемъ, о пресвѣтлой славѣ лица Его, о дѣйствіи и силѣ Святаго Духа, т.-е. свѣта, никто ничего не можетъ сказать вѣрнаго, если не увидитъ напередъ умными очами души своей сего свѣта и не познаетъ точно осіянія и дѣйствія его внутрь себя самого. Тотъ же, кто слышитъ изъ Божественнаго Писанія о тѣхъ, кои видѣли Бога благодатію Св. Духа и говорятъ о Богѣ, тому одному научается, что видитъ написаннымъ въ Писаніи, почему не можетъ сказать о себѣ, чтобы позналъ Бога чрезъ одно слышаніе написаннаго. Ибо какъ можно познать того, кого не видишь? Если не можемъ мы чрезъ одно видѣніе познать человѣка, котораго видимъ, то какъ

возможно намъ познать Бога чрезъ одинъ слухъ? Свѣтъ есть Богъ, и созерцаніе Его есть какъ свѣтъ; почему чрезъ узрѣніе свѣта бываетъ первое вѣдѣніе, которымъ познается, что есть Богъ.

Какъ въ отношеніи къ человѣку, о коемъ сначала слышитъ кто, а потомъ видитъ его, бываетъ, что слышавшій тогда лишь, когда уже увидитъ его, познаетъ, что это тотъ самый человѣкъ, о коемъ онъ слышалъ,— или даже и этимъ способомъ не можетъ онъ удостовѣриться въ сказанномъ, потому что, сколько бы ни говорилъ тебѣ кто о другомъ, не можешь ты, увидѣвъ его, по одному этому слуху познать и увѣриться, что это тотъ самый человѣкъ, о коемъ ты слышалъ, но колеблешься и спрашиваешь или его самого, или другаго кого, кто его знаетъ, и тогда удостовѣряешься, что это тотъ самый: такъ точно бываетъ и въ отношеніи къ Богу, что когда увидитъ кто Бога, Ему явившагося, то видитъ свѣтъ и видя его дивится, но не узнаетъ тотчасъ, кто есть тотъ, кто явился ему, и не осмѣливается вопросить Его: ибо какъ ему спрашивать Его, когда не можетъ очей своихъ поднять, чтобъ получше разсмотрѣть, что это такое, но смотритъ съ великимъ страхомъ на стопы того, кто явился, зная лишь, что есть кто-то явившійся ему? Но если близко отъ него находится тотъ, кто прежде сказывалъ ему, что видѣлъ Бога, то идетъ къ нему и говоритъ: о, отче! я видѣлъ то, о чемъ ты говорилъ мнѣ. Тотъ спрашиваетъ его: что ты видѣлъ, чадо мое? Видѣлъ я, отче, свѣтъ нѣкій сладчайшій; но что это была за сладость, не могу выразить. Когда говоритъ онъ это, сердце его трепещетъ отъ радости и ликуетъ, и пламенѣетъ любовію къ тому, кто явился ему. Потомъ опять начинаетъ онъ говорить со многими теплыми слезами: какъ явился мнѣ, отче, свѣтъ оный, тотчасъ исчезла келлія моя, исчезъ міръ, отбѣгши, какъ кажется,

отъ лица того, кто явился мнѣ, и остался я одинъ со свѣтомъ онымъ,—и не знаю, отче, въ тѣлѣ ли я былъ тамъ тогда, или внѣ тѣла; тогда не понималъ я, былъ ли облеченъ въ это тѣло и носилъ ли его; впрочемъ сознавалъ, что я существую и что есть во мнѣ неизреченная радость, и любовь и пламенѣніе сердца великое, и слезы рѣкою текли у меня, какъ и теперь текутъ, какъ видишь. Тотъ говоритъ ему въ отвѣтъ: это Тотъ, о коемъ я говорилъ тебѣ;—и съ этимъ словомъ тотчасъ опять узрѣваетъ Его.—Съ сего времени болѣе и болѣе очищается онъ, и очищаясь пріемлетъ дерзновеніе и спрашиваетъ самого явившагося, говоря: ты—Богъ мой? Тотъ отвѣчаетъ: я Богъ, содѣлавшійся человѣкомъ для тебя, чтобъ и тебя сдѣлать богомъ,—и вотъ, какъ видишь, сдѣлалъ и буду дѣлать. Если такимъ образомъ пребудетъ онъ въ плачѣ и слезахъ, и въ смиренномъ къ Богу припаданіи, то начинаетъ мало-по-малу болѣе познавать, яже суть Божія, и, достигнувъ сего, уразумѣвать волю Божію святую, угодную и совершенную. Ибо если не узритъ кто Бога, то не можетъ и познать Его; а если не познаетъ Его, не можетъ познать и святую волю Его.

4. Когда приходитъ такимъ образомъ человѣкъ въ большую мѣру совершенства и наиболѣе приближается къ Богу, тогда изъ того, что совершаетъ въ немъ Богъ, познаетъ онъ и то, что совершалъ Онъ и во всѣхъ прежнихъ святыхъ, и что имѣетъ совершать въ послѣдующихъ,—познаетъ также, просвѣщаемъ будучи отъ самого Бога, что это за вѣнцы и что за воздаянія, какіе имѣютъ получить святые въ другой жизни, удостовѣряясь, что они превосходятъ всякій умъ и всякое слово человѣческое,—познаетъ еще и то, какими имѣютъ стать послѣ общаго воскресенія какъ онъ, такъ и всѣ святые. Всего сего чаемаго святые не получаютъ однакожъ въ

настоящей жизни (хотя нѣкоторые злословятъ, будто я говорю, что святые все получаютъ здѣсь). Ибо если положить, что они здѣсь получаютъ всѣ блага Божіи, то, по слову ихъ, слѣдуетъ отрещись и самаго воскресенія мертвыхъ, и суда и воздаянія, и самоохотно отвергнуть упованіе будущихъ благъ. Но я не только не имѣю такого мудрованія и не говорю такъ, но напротивъ анаѳематствую и тѣхъ, которые говорятъ это. Я говорю и исповѣдую, что въ настоящей жизни святые въ нѣкоей только мѣрѣ получаютъ залоги будущихъ благъ, все же обѣтованное вполнѣ имѣютъ они, уповаю я, получить послѣ смерти (и общаго воскресенія), какъ говоритъ божественный Павелъ: *нынѣ разумѣю отчасти. Егда же пріидетъ совершенное, тогда еже отчасти упразднится* (1 Кор. 13, 12. 10); и Іоаннъ Богословъ: *нынѣ чада Божіи есмы, и не у явися, что будемъ: вѣмы же, яко, егда явится, подобни ему будемъ* (1 Іоан. 3 2). Продолжу теперь свою рѣчь вопросоотвѣтно, и нѣкако спрошу сказавшаго сіе: о возлюбленне и друже Христовъ! скажи мнѣ, откуда знаешь ты, что имѣешь быть подобенъ Богу? Отъ Духа, говоритъ, котораго Онъ далъ намъ,— отъ сего познаемъ, что мы чада Божіи есмы и самъ Христосъ въ насъ есть. Онъ самъ сказалъ мнѣ сіе таинственнымъ гласомъ (1 Іоан. 3, 24).

5. Но обратимся опять къ нашему предмету. Сказали мы, что помышленіемъ (νοημα) называется, когда въ умѣ нашемъ родится слово или задуманіе какого-либо дѣла добраго или худаго—пріобрѣсть, напримѣръ, что-нибудь, или поблагодѣтельствовать кому-либо, или напротивъ сдѣлать зло; сказаніе же (διηγησις), а не помышленіе есть, когда разсказываемъ о томъ, что было, или что мы видѣли. Сказали мы также, что ничего вѣрнаго нельзя сказать о вещахъ, дѣлахъ, зрѣлищахъ, людяхъ, которыхъ мы не видѣли и не знаемъ,—нельзя сказать, каковы они

по свойствамъ, виду и положенію; если же и скажетъ кто что либо о нихъ, то справедливо назвать такого баснотворцемъ. — Итакъ, Пророки и Апостолы, сказавшіе намъ о днѣ Господнемъ, о преславномъ и страшномъ пришествіи Его, что онъ пріидетъ какъ тать въ ночи и какъ болѣзни раждающей, и что онъ огнемъ открывается, откуда узнали это и намъ сказали? Конечно, они или слышали то отъ кого, или сами видѣли: иначе какъ же они могли говорить о томъ, чего сами не видали и о чемъ ни отъ кого другаго не слышали? Если слышали, скажи, отъ кого слышали (я еще не говорю теперь, что они сами видѣли и сказали, а только что слышали)—скажи, если знаешь, откуда узнали они объ этомъ? Если ты не знаешь что на это сказать, то послушай и познай, что отъ Духа Святаго они это слышали и сказали, какъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ говорилъ имъ: *Утѣшитель, Духъ Святый, егоже послетъ вамъ Отецъ во имя мое, Той вы научитъ всему, и воспомянетъ вамъ вся, яже рѣхъ вамъ* (Іоан. 14, 26). А что Духъ Святый, когда пришелъ, научилъ ихъ и сказалъ имъ даже и то, чего не сказывалъ Христосъ, объ этомъ послушай, что говоритъ опять Христосъ: *еще много имамъ глаголати вамъ, но не можете носити нынѣ: егда же пріидетъ Онъ Духъ истины, наставитъ вы на всяку истину: не отъ себе бо глаголати имать, но елика аще услышитъ, глаголати имать и грядущая возвѣститъ вамъ* (Іоан. 16, 13). Понялъ ли ты теперь, откуда они узнали то, что написали о днѣ ономъ страшномъ, о второмъ пришествіи Господа и о томъ, что имѣетъ послѣдовать за тѣмъ какъ для праведныхъ, такъ и для грѣшныхъ? Такъ и о всемъ другомъ, чего не видимъ мы, они написали, видѣвши то отъ просвѣщенія Духомъ Святымъ.

Но скажи мнѣ, прошу тебя, Духъ Святый что есть? Извѣстно, что Онъ есть Богъ истинный, отъ Бога истин-

наго исходящій. Итакъ ты, послѣдуя догматамъ Церкви, говоришь, что Духъ Святый есть Богъ, какъ видишь написаннымъ въ писаніяхъ святыхъ; почему утверждаешь, что тѣ, которые имѣютъ Духа Святаго, имѣютъ въ себѣ Бога, всегда съ ними пребывающаго, какъ сказалъ Христосъ Апостоламъ: *аще любите Мя, заповѣди Моя соблюдите. И Азъ умолю Отца и иного Утѣшителя дастъ вамъ, да будетъ съ вами въ вѣкъ* (Ін. 14, 16). Знаешь теперь, что Духъ Святый и пребываетъ и обитаетъ (во святыхъ) въ вѣкъ-вѣка: ибо Господь нашъ, говоря: *да будетъ съ вами въ вѣкъ*, показываетъ, что Духъ Святый всегда, непрестающе и нескончаемо, есть и будетъ съ ними неразлучно и въ настоящей жизни, и въ будущей. А что Духа Святаго видѣли божественные Апостолы и всѣ другіе, сподобившіеся пріять Его, послушай, что вслѣдъ за приведенными словами говоритъ Христосъ: *Духъ истины, егоже миръ не можетъ пріяти, яко не видитъ Его, ниже знаетъ Его: вы же знаете Его, яко въ васъ пребываетъ и въ васъ будетъ* (Ін. 14, 17). А что и Христа видятъ тѣ, которые любятъ Его и заповѣди Его соблюдаютъ, послушай о семъ опять самого Христа, который говоритъ: *имѣяй заповѣди моя и соблюдаяй ихъ, той есть любяй Мя: а любяй Мя, возлюбленъ будетъ Отцемъ моимъ: и Азъ возлюблю его, и явлюся ему самъ* (Ін. 14, 21).

6. Да вѣдаютъ же всѣ христіане, что Христосъ есть неложнѣйшій и истинный Богъ, и воистину, по обѣтованію своему, является любящимъ Его и исполняющимъ заповѣди Его, и вмѣстѣ съ явленіемъ своимъ даруетъ имъ Духа Святаго, — и что опять чрезъ Духа Святаго пребываютъ съ ними и Отецъ и Сынъ. Такіе мужи — духоносцы, когда говорятъ, не сами отъ себя говорятъ, и кто говоритъ, что они сами отъ себя говорятъ, явно подаетъ мысль, будто человѣкъ можетъ знать что въ

другомъ человѣкѣ, и не только это знать, но и то, яже суть Божія. Если же и не говорятъ они этого, то всячески лжецами и баснословцами почитаютъ тѣхъ, кои говорятъ отъ Духа Святаго, полагая, что они сами отъ себя учатъ тому, чего не видѣли и о чемъ не слышали. Но да вѣдаютъ они, что хотя тѣ — духоносцы — говорятъ словами, сходными съ словами древнихъ богоносныхъ отцевъ, но несомнѣнно говорятъ отъ Духа, собственно въ нихъ пребывающаго; почему тѣ, которые не вѣрятъ имъ и хулятъ ихъ, грѣшатъ противъ Духа Святаго, говорящаго въ нихъ.

Уразумѣлъ ли ты наконецъ, о возлюбленне, что положено царствію небесному быть внутрь тебя, и всѣмъ благамъ вѣчнымъ — въ рукахъ твоихъ. Восподвизайся же увидѣть, стяжать и пріять въ себя сіи блага вѣчныя, чтобъ не лишену быть ихъ и не быть пусту, думая, что имѣешь ихъ. Плачь, моли, припадай, какъ нѣкогда слѣпецъ, и говори: помилуй мя, Сыне Божій, и отверзи очи души моей, да узрю Тебя Бога моего,— свѣтъ міра, и да содѣлаюсь и я сыномъ божественнаго дня. Не оставь меня, Благій, лишеннымъ божественной благодати Твоей, какъ недостойнаго. Яви мнѣ, Господи, Себя самого, да уразумѣю, что Ты любишь меня, яко хранящаго божественныя заповѣди Твои. Посли мнѣ, Благоутробне, Утѣшителя, да научитъ меня, яже о Тебѣ, и откроетъ, яже суть Твоя. О, Боже всяческихъ! возсіяй во мнѣ свѣтъ истинный, да узрю славу Твою, которую имѣлъ Ты у Отца, прежде міръ не бысть. Пребудь, какъ обѣтовалъ Ты и со мною, да буду и я достоинъ пребывать съ Тобою, и тогда да вниду въ Тебя разумно, и да стяжу Тебя внутрь себя разумно, т.-е съ чувствомъ души моей. Восхоти, Невидимый, вообразиться внутрь меня, да вижду красоту Твою и доброту Твою — несравненную, да ношу всегда единый образъ Твой, Пре-

чебесне, и забуду все видимое и земное. Даруй мнѣ, благоутробне Господи, славу, какую далъ Тебѣ Отецъ, да буду подобенъ Тебѣ, какъ были и всѣ рабы Твои, и да буду съ Тобою всегда, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

Ей, братъ мой возлюбленный, повѣрь мнѣ, что такъ есть воистину и что такова вѣра наша. Вѣрь, брате, что это и есть—возрождену быть и обновлену, и жить жизнію, яже о Христѣ. Не слышишь, что говоритъ св. Василій Великій въ словѣ своемъ на праздникъ Свѣтовъ (Богоявленія)? О, человѣче! Ужели не желаешь ты содѣлаться новымъ изъ ветхаго, каковъ ты, какъ говоритъ Апостолъ Павелъ: *аще кто во Христѣ, нова тварь: древняя мимоидоша, се быша вся нова?* (2 Кор. 5, 17). Что это—*вся нова?* скажи мнѣ. Или измѣнилось небо, земля, солнце, звѣзды, или другое что изъ видимаго, и стало ново? Но этого сказать ты не можешь потому что Апостолъ о насъ это говоритъ, что мы мертвы и возстаемъ, тлѣнны и прелагаемся въ нетлѣнныхъ, смертны и превращаемся въ безсмертныхъ, земны и становимся небесными, плотски, отъ плоти раждаемые, и дѣлаемся духовными, будучи возраждаемы и возсозидаемы благодатію Всесвятаго Духа. Вотъ что есть, брате мой, новая во Христѣ тварь, о коей говоритъ Апостолъ! И это каждый день совершается въ истинно вѣрующихъ и избранныхъ; и, какъ мы многократно говорили, истинные христіане сознательно причастны бываютъ всего этого, хотя только отчасти, пока еще суть въ тѣлѣ, съ вѣрною однакожъ надеждою, что по смерти вполнѣ наслѣдуютъ и преизобильно вкусятъ, и душею и тѣломъ, всѣ эти блага, которыхъ здѣсь причащаются только отчасти. Если, какъ учитъ насъ самъ Христосъ, мы вкушаемъ Христа, піемъ Его, облекаемся въ Него, видимъ Его и видимы бываемъ отъ Него, — если Онъ пребываетъ въ

насъ и мы въ Немъ, такъ что Христосъ бываетъ обителемъ въ насъ, а мы въ Немъ, мы бываемъ обителію для Христа, и Онъ — для насъ, если мы сыны Его, и Онъ отецъ нашъ, если Онъ свѣтъ сіяющій во тмѣ, и мы видимъ Его, по слову Евангелія: *людіе сѣдящіи во тмѣ видѣша свѣтъ велій* (Мѳ. 4, 16), — если, говорю, все сіе, какъ учитъ насъ Божественное Писаніе, бываетъ въ насъ въ настоящей жизни; то, если, какъ вы говорите, этого не бываетъ въ насъ въ жизни сей, или бываетъ таинственно, безъ того, чтобъ мы чувствовали то и сознавали,—чѣмъ разнимся мы отъ мертвыхъ?

Не будьте же, братія мои, столь невѣры и не впадайте въ такой ровъ пагубы. Но если доселѣ и не чаяли вы, что чувствомъ воспріимете такія блага и сознательно получите ихъ въ сей жизни и потому не старались стяжать ихъ, то хотя отселѣ удостовѣртесь и повѣрьте, что это истинно и согласно съ Божественными Писаніями. Перечитайте все Писаніе со вниманіемъ и удостовѣртесь, что еще въ настоящей жизни дается намъ, сознательно для насъ, печать Святаго Духа. Когда же увѣритесь въ семъ, тогда тако тецыте, да постигнете, и подвизайтесь, не яко воздухъ біющіи (1 Кор. 9, 26),— т.-е. со всѣмъ усердіемъ старайтесь получить блага сіи, о коихъ мы сказали, и подвизайтесь не тщетно и не безплодно, но съ тою цѣлію, чтобы стяжать благодать Святаго Духа. Къ сему еще,—*просите и дастся вамъ, толцыте и отверзется вамъ* (Мѳ. 7, 7), – въ сей ли жизни, или въ будущей. Не стыдитесь также учиться сему у другихъ; еще—кайтесь, плачьте, поститесь, молитесь, воли своей отрицайтесь чрезъ послушаніе,– и, посредствомъ сего и подобнаго сему, теките, подвизайтесь, ищите, толцыте, просите и не обращайтесь сѣмо и овамо, пока не постигнете, пока не возьмете въ руки, пока не отверзется вамъ дверь, пока не внидете внутрь брачнаго

чертога, не узрите жениха Христа, не услышите: *добрѣ, рабе благій и вѣрный, о малѣ былъ еси вѣренъ, надъ многими тя поставлю* (Мѳ. 25, 21), — пока не содѣлаетесь сынами свѣта и дня. Но прежде чѣмъ увидите, прежде чѣмъ получите, прежде чѣмъ испытаете все сіе, не обольщайте себя самихъ, въ прельщеніи полагая, что есте нѣчто, ничтоже суще. Отъ сего нѣкоторые изъ васъ сидятъ спокойно и беззаботно, такъ какъ совѣсть не обличаетъ васъ за то, что, не получивъ Духа Святаго, думаете, будто вы — духоносцы, и течете несмысленно,— принимаете чужіе помыслы, исповѣдуете другихъ, дѣлаетесь, какъ не слѣдовало бы, іереями, духовниками, игуменами, восхищаете священство съ презорствомъ и безстрашіемъ и употребляете безчисленные способы и хитрости, чтобъ завладѣть митрополіями, епископствами и игуменствами, чтобъ пасти народъ Господень. —Но внемлите, прошу васъ, мудрствуйте небесная, ищите божественнаго, стремитесь къ горнему и ничего другаго не заботьтесь стяжать кромѣ того. Ей, молю васъ, презримъ все видимое, отринемъ все человѣческое, отрѣмъ все страстное, да получимъ настоящія и будущія блага силою Господа нашего Іисуса Христа, Коему подобаетъ всякая слава, честь и поклоненіе, со безначальнымъ Его Отцемъ и всесвятымъ, благимъ и животворящимъ Его Духомъ, нынѣ и присно и во вѣки вѣкокъ. Аминь.

СЛОВО ШЕСТЬДЕСЯТЪ ЧЕТВЕРТОЕ.

О богохульствѣ. Кто говоритъ, что въ нынѣшнія времена невозможно получить Духа Святаго, и кто хулитъ дѣйствія Святаго Духа, говоря, что такія дѣйствія отъ діавола, тотъ вводитъ новую ересь въ церковь Божію.

Поелику Господь нашъ Іисусъ Христосъ говоритъ во святомъ Евангеліи: *всякъ глаголъ и хула отпустится че-*

ловѣкомъ: а яже на Духа хула, не отпустится человѣкомъ ни въ сей вѣкъ, ни въ будущій (Мѳ. 12, 31); то надлежитъ намъ изслѣдовать и познать, что это за хула, которая бываетъ на Духа Святаго? На Духа Святаго хула есть, когда кто дѣйствія Духа Святаго приписываетъ діаволу, какъ говоритъ Василій Великій (Крат. прав. 273). Когда кто видитъ, что какой-нибудь братъ христіанинъ совершаетъ чудеса, или имѣетъ какое-либо дарованіе Святаго Духа, какъ-то — сокрушеніе сердечное, или слезы, или смиреніе, или разумѣніе божескихъ вещей, или другое что такое, что подаетъ Духъ Святый любящимъ Бога, и говоритъ, что это — прелесть діавола,—тотъ хулитъ Святаго Духа. Также и тотъ, кто говоритъ, что сподобляющіеся воздѣйствія Божественнаго Духа, какъ сыны Божіи, и исполняющіе повелѣнія Бога и Отца ихъ, состоятъ въ прелести отъ діавола,— и этотъ хулитъ Духа Святаго, дѣйствующаго въ нихъ, какъ и евреи хулили Сына Божія, когда, видя, какъ демоны были изгоняемы Христомъ, хульно говорили съ великою продерзостію, что Онъ о веельзевулѣ, князѣ бѣсовскомъ изгоняетъ бѣсовъ. Но иные, слыша сіе, не слышатъ и, видя сіе, не видятъ, и о всемъ томъ, относительно чего Божественное Писаніе свидѣтельствуетъ и удостовѣряетъ, что оно бываетъ отъ Духа Святаго и отъ божественнаго воздѣйствія, какъ изъ себя вышедшіе и все Божественное Писаніе отвергшіе, и все вѣдѣніе, подаемое симъ Писаніемъ, изъ ума извергшіе, не трепещутъ говорить окаянные, что такія дѣйствія бываютъ отъ опьяненія и демоновъ. Будто невѣрные и совершенные невѣжды, не ученные божественнымъ тайнамъ, они, когда услышатъ о божественномъ осіяніи или освѣщеніи души и ума, или о созерцаніи и безстрастіи, или о смиреніи и слезахъ отъ дѣйствія и благодати Святаго Духа, тотчасъ, какъ бы не имѣя силъ стерпѣть

великаго блистанія и силы словесъ сихъ, омрачаются паче очами души своей, чѣмъ просвѣщаются, и съ великою продерзостію рѣшаютъ, что это отъ прелести бѣсовской, и не трепещутъ окаянные ни суда Божія, ни вреда, причиняемаго тѣмъ, кои слышатъ ихъ. Мало того, они не колеблются утверждать, дерзкіе, что въ настоящія времена ничего такого не бываетъ отъ Бога ни въ комъ изъ вѣрующихъ; а это есть крайнее нечестіе, паче, нежели ересь. Ересь бываетъ, когда кто уклоняется отъ какого-либо догмата православной вѣры; но кто говоритъ, что теперь нѣтъ людей, которые бы любили Бога и сподоблялись пріять Духа Святаго и креститься отъ Него, т.-е. возродиться благодатію Святаго Духа и содѣлаться сынами Божіими, съ сознаніемъ, опытнымъ вкушеніемъ и узрѣніемъ,—тотъ низвращаетъ все воплощенное домостроительство Господа и Бога и Спаса нашего Іисуса Христа и явно отвергаетъ обновленіе образа Божія или человѣческаго естества, растлѣннаго и умерщвленнаго грѣхомъ. Обновленіемъ я называю возсозданіе нашего естества, которое совершилъ Христосъ Господь, преложивъ его изъ тлѣнія въ нетлѣніе и изъ смертности въ безсмертіе.

Мы исповѣдуемъ, что какъ невозможно спастись никому, кто не крестится водою и Духомъ, такъ и тому, кто согрѣшаетъ по крещеніи, если не покается и опять не воспріиметъ благодати Святаго Духа и не будетъ возсозданъ и обновленъ свыше, невозможно спастись, какъ утверждаетъ сіе Господь, сказавъ Никодиму: *аще кто не роди́тся свы́ше, не мо́жетъ ви́дѣти ца́рствія Бо́жія* (Іоан. 3, 3), и опять Апостоламъ: *Іоа́ннъ у́бо крести́лъ е́сть водо́ю, вы́ же и́мате крести́тися Ду́хомъ Свя́тымъ* (Дѣян. 1, 5). Итакъ, кто не позналъ (осязательно) благодати Святаго Духа, которую пріялъ чрезъ св. крещеніе, когда былъ малымъ младенцемъ, и бывъ крещенъ

по вѣрѣ, осквернилъ себя безчисленными грѣхами, и потомъ отвращается и отъ втораго крещенія—покаянія,—того, говорю, которое дается свыше, по человѣколюбію Божію, благодатію Святаго Духа, тѣмъ, кои взыскиваютъ ее покаяніемъ; тому какъ возможно обрѣсти какимъ-либо образомъ спасеніе свое? Не обрѣтетъ онъ его никогда. Почему говорю вамъ, и не перестану говорить этого никогда: которые осквернили первое крещеніе преступленіемъ заповѣдей Божіихъ, подражайте покаянію Давида и всѣхъ святыхъ, и покажите истинное покаяніе со всѣмъ раченіемъ и всѣми добрыми дѣлами, да пріидетъ опять въ душу вашу благодать Святаго Духа. Ибо если снизойдетъ на васъ благодать Святаго Духа, то это будетъ для васъ нѣкоею купѣлію свѣтовою, которая, какъ скоро пріиметъ васъ въ лоно свое таинственно и возродитъ благодатно, содѣлаетъ васъ нетлѣнными и безсмертными изъ тлѣнныхъ и смертныхъ, каковы вы, и изъ сыновъ человѣческихъ содѣластъ васъ сынами Божіими и богами по благодати, да будете сродниками святыхъ и сонаслѣдниками и вмѣстѣ съ ними внидете въ царство небесное,—чѣмъ содѣлался и преподобный отецъ нашъ Симеонъ Студитъ, благоговѣйникъ, молитвами котораго и нѣкоторые изъ учениковъ его сподобились получить Святаго Духа, по великой и неизреченной благодати Божіей. Это говорю я не по другой какой причинѣ, какъ для того, чтобъ воспроповѣдать готовую и ко всѣмъ вамъ благость Божію, и расположить и васъ восподвизаться о полученіи такого же блага. Ибо знакъ любви по Богу есть не скрывать блага, но объявлять о немъ братіямъ своимъ и ихъ подвигать къ тому, чтобъ тогоже взыскали, обрѣли и стяжали. Почему, какъ видите, вопію къ вамъ, взывая словами пророка Давида: *приступите къ Нему и просвѣтитеся и лица* совѣсти вашей *не постыдятся* (Пс. 33, 6). Чего же ради, бра-

тія мои возлюбленные, низпали вы совсѣмъ въ нерадѣніе и лѣность, въ сласти и похоти плотскія, и говорите, что не можете очиститься отъ грѣховъ покаяніемъ, приблизиться къ Богу, получить благодать Святаго Духа, и чрезъ нее возродиться. сдѣлаться богоподобными и сынами Божіими по благодати? Нѣтъ, это не невозможно. Невозможно это было прежде воплощеннаго домостроительства Христова; но послѣ того, какъ благоволилъ Владыко всѣхъ и Богъ содѣлаться человѣкомъ, по всему намъ подобнымъ кромѣ грѣха, то содѣлалъ и все сіе для насъ возможнымъ и удобнымъ, и далъ намъ власть быть сынами Божіими и сонаслѣдниками Ему,—Коему подобаетъ всякая слава, честь и поклоненіе, во вѣки. Аминь.

СЛОВО ШЕСТЬДЕСЯТЪ ПЯТОЕ.

О покаяніи, и о томъ, что когда кто творитъ всѣ подъ рядъ заповѣди Божіи, то преуспѣваетъ въ добродѣтели и дѣлается совершеннымъ.

Тотъ человѣкъ, который, презрѣвъ все земное и самую жизнь свою, желаетъ приступить къ совершенію истиннаго покаянія по заповѣди Христовой, будучи увѣренъ, что самъ по себѣ не можетъ, какъ должно, совершить сіе спасительное дѣло, пусть взыщетъ опытнаго отца духовнаго и нашедши припадетъ къ нему со страхомъ и трепетомъ, слушается его во всемъ, что онъ ни скажетъ ему, со всѣмъ вниманіемъ, отъ него научается, что слѣдуетъ дѣлать, проходя путь покаянія, научается и духовному дѣланію всякихъ добрыхъ дѣлъ. Я сказалъ, что ему надо имѣть страхъ и трепетъ: это для того, чтобъ не лишиться ему того великаго блага, какое имѣетъ получить отъ него, и не быть осуждену въ вѣчный огнь адскій, какъ неуспѣшному и неискусному дѣлателю заповѣдей Божіихъ. Ибо если онъ слова духовнаго отца

своего будетъ принимать такъ, какъ бы они исходили изъ устъ самого Бога, съ увѣренностію, что отъ нихъ жизнь, если исполнитъ ихъ, и смерть, если преступитъ; то будетъ соблюдать ихъ съ точностію и вниманіемъ великимъ. Если такое положитъ онъ начало дѣлу своему и несомнѣнную будетъ содержать вѣру въ данныя намъ Богомъ обѣтованія; то станетъ преуспѣвать по Богу день отъ дня, и по чину шествуя путемъ заповѣдей, возрастать въ духовномъ жительствѣ, и по благодати Господа нашего Іисуса Христа содѣлается наконецъ мужемъ совершеннымъ.

Послушай же со вниманіемъ, какія обѣтованія даровалъ намъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ.—*Радость бываетъ на небеси,* говоритъ Онъ, *о единомъ грѣшницѣ кающемся* (Лук. 15, 10), и опять: *грядущаго ко мнѣ,*— симъ. разумѣется, путемъ покаянія, *не имамъ вонъ* (Іоан. 6, 37); еще: *аще кто жаждетъ, да пріидетъ ко мнѣ и піетъ* (Іоан. 7, 37); и въ другомъ мѣстѣ говоритъ: *пріидите ко Мнѣ вси труждающіися и обремененіи, и Азъ упокою вы* (Матѳ. 11, 28); также: *имѣяй заповѣди Моя и соблюдаяй ихъ, той есть любяй Мя: и любяй Мя, возлюбленъ будетъ Отцемъ моимъ*—*и къ нему,*—Я и Отецъ чрезъ Духа.—*пріидемъ и обитель у него сотворимъ* (Іоан. 14. 21—23); и опять еще: *аще вы зли суще, умѣете даянія блага дяти чадомъ вашымъ: кольми паче Отецъ, иже съ небесе, дастъ Духа Святаго просящимъ у Него* (Лук. 11, 13). На сіи-то обѣтованія Христовы надлежитъ надѣяться. какъ мы сказали, съ вѣрою несомнѣнною, и творить всѣ заповѣди Христовы съ великимъ и теплымъ усердіемъ. Первая заповѣдь Евангелія есть слѣдующая: *покайтеся, приближися бо царствіе небесное* (Матѳ. 4, 17). Еще: *просите, и дастся вамъ: ищите, и обрящете: толцыте, и отверзется вамъ. Всякъ бо просяй пріемлетъ, и ищай обрѣтаетъ, и толкущему отверзется* (Мѳ. 7, 7.

8). Желая же показать намъ, какъ и какими дѣлами надлежитъ намъ искать, да обрящемъ, Христосъ сказалъ намъ: *иже хощетъ въ васъ первый быти, буди всѣмъ рабъ, всѣмъ слуга и всѣхъ меньшій. Иже бо вознесется, смирится: и смиряяйся вознесется* (Мѳ. 23, 12; Мр. 9, 35).

Итакъ, кто имѣетъ въ умѣ своемъ все сіе, сказанное нами, и все подобное сему, тотъ день и ночь занимается тѣмъ, обсуждаетъ, какъ что лучше сдѣлать, и дѣлаетъ то со всѣмъ усердіемъ и тщаніемъ, и такимъ образомъ мало-по-малу забываетъ міръ и яже въ мірѣ,—деньги, имущества, родныхъ,—и соотвѣтственно тому единится и сочетавается съ духовнымъ, т.-е., чѣмъ болѣе отдаляется отъ мірскаго, тѣмъ болѣе прилѣпляется къ духовному. Преуспѣвая же такимъ образомъ день ото дня, онъ замѣчаетъ, какъ мало-по-малу истощаются злые помыслы, прежде не дававшіе ему покоя, и отбѣгаютъ отъ него; потомъ познаетъ, какъ сердце его умягчается, сокрушается, приходитъ въ смиреніе и раждаетъ смиренномудрые помыслы; а когда восчувствуетъ все сіе, тогда посредствомъ всего сего, и также чрезъ многія скорби и искушенія, приходитъ въ сокрушеніе и слезы; и чѣмъ болѣе смиряется, тѣмъ болѣе сокрушается, потому что смиреніе раждаетъ плачъ, а плачъ питаетъ матерь свою, то-есть смиреніе, и возращаетъ его. Когда же дѣланіе плача соединяется съ исполненіемъ заповѣдей Божіихъ, тогда оно омываетъ,—о, чудо,—и очищаетъ душу отъ всякой скверны и изгоняетъ изъ нея всякую страсть и всякую похоть плотскую и мірскую. Такимъ образомъ наконецъ человѣкъ дѣлается свободнымъ отъ всякаго мірскаго похотѣнія и отъ всѣхъ страстей какъ тѣлесныхъ, такъ и душевныхъ. Какъ человѣкъ, скинувъ одежды свои, дѣлается совершенно нагимъ: такъ и душа скидаетъ, будто одежду какую, перво-на-перво нечувствіе, которое божественный Павелъ называетъ покрываломъ: каковое

покрывало нечувствія не на сердцахъ только невѣрныхъ Евреевъ лежитъ, но и въ каждомъ человѣкѣ, со всѣмъ усердіемъ и всею силою не творящемъ заповѣдей Евангелія, находится это покрывало (т.-е. нечувствіе) и покрываетъ умъ его, такъ что онъ не можетъ подняться отъ земнаго и знать какъ должно, Сына и Слово Бога, т.-е. Христа. Далѣе какъ тотъ, кто обнажается тѣлесно, видитъ раны, если какія есть на тѣлѣ; такъ и этотъ видитъ тогда чисто страсти души своей, какъ-то: славолюбіе, сребролюбіе, памятозлобіе, братоненавидѣніе, зависть, завистованіе, любопрительность, самомнѣніе и всѣ другія страсти —и на всѣ эти страсти душевныя налагаетъ заповѣди Христовы, какъ врачебныя вещества, а какъ прижиганія выжигающія, налагаетъ искушенія и скорби. И такимъ образомъ смиряется, плачетъ, ищетъ помощи Божіей съ великимъ рвеніемъ; и тогда явно видитъ, какъ благодать Всесвятаго Духа приходитъ въ него, и искоренлетъ и уничтожаетъ страсти одну за другою, пока не освободитъ души отъ всѣхъ ихъ; ибо благодать Святаго Духа не отъ одной или отъ двухъ страстей освобождаетъ душу, но совершенно отъ всѣхъ, чисто-на-чисто. Вмѣстѣ со страстями, о коихъ мы сказали, она отгоняетъ и всякую лѣность, нерадѣніе и безпечность, всякое невѣдѣніе, забвеніе и чревоугодіе, всякое сластолюбіе и похотѣніе злое. И такимъ образомъ обновляетъ человѣка, и по душѣ и по тѣлу; такъ что таковый думаетъ, что не носитъ уже смертнаго и дебелаго тѣла, но нѣкое духовное и невещественное, способное восхищеннымъ быть на небо, подобно святому Павлу. И не это только совершаетъ въ немъ благодать Всесвятаго Духа, но не позволяетъ уже ему внимать чему-либо чувственному и мірскому, и дѣлаетъ то, что онъ видитъ все это, какъ бы не видѣлъ; ибо тогда умъ соединится съ мысленнымъ и божественнымъ, исходитъ

совершенно внѣ всего чувственнаго, при всемъ томъ, что будто смотритъ на то.

Когда наконецъ приходитъ таковый въ это доброе состояніе, о коемъ божественный Павелъ говоритъ: *наше житіе на небесѣхъ есть* (Фил. 3, 20),—*не смотрящимъ намъ видимыхъ, но невидимыхъ* (2 Кор. 4, 18); тогда осіявается и просвѣщается, каждодневно возрастаетъ духовнымъ возрастаніемъ, отметаетъ все, свойственное младенческому несмысленному мудрованію, и преуспѣваетъ въ совершенствованіи себя, *дондеже достигнетъ въ мужа совершенна, въ мѣру возраста исполненія Христова* (Еф. 4, 13). По мѣрѣ же возрастанія своего, т.-е. по мѣрѣ своего преуспѣянія въ добродѣтеляхъ, измѣняются и душевныя силы его и дѣйствія,—и онъ дѣлается мужественнѣйшимъ и сильнѣйшимъ въ исполненіи заповѣдей Христовыхъ; и чѣмъ больше преуспѣваетъ въ дѣланіи заповѣдей Божіихъ, тѣмъ болѣе очищается, осіявается и просвѣщается, и сподобляется видѣть откровенія великихъ таинъ, коихъ глубины не видѣлъ никогда и совершенно не можетъ видѣть никто изъ тѣхъ, кои не восподвизались придти въ такую чистоту. Подъ таинствами разумѣю я то, что всѣ видятъ, но не постигаютъ. Но тотъ, кто просвѣщается Духомъ Святымъ, обновляющимъ всяческая, стяжаваетъ новыя очи и новыя уши, и не смотритъ уже просто, какъ человѣкъ, на чувственное чувственно, но, какъ ставшій выше человѣка, смотритъ на чувственное и тѣлесное духовно, какъ на образъ вещей невидимыхъ; и слушаетъ онъ не гласъ или гласы человѣковъ, но единое живое слово Бога, хотя оно изрекается посредствомъ слова человѣческаго. Такая душа пріемлетъ чрезъ слухъ только живое слово Бога, какъ знаемое ей и желанное, и ему только позволяетъ войти внутрь себя, и когда оно войдетъ въ нее, лобызаетъ его съ радостію, какъ сказалъ Христосъ: *овцы мои гласа*

моего слушаютъ (Ін. 10, 27), чуждаго же гласа не знаютъ (—ст. 5). Прочія же всѣ человѣческія слова она хотя слышитъ, но не принимаетъ ихъ, и не позволяетъ имъ входить внутрь себя, но отвращается отъ нихъ и отгоняетъ ихъ заблаговременно, а иной разъ и совсѣмъ не чувствуетъ присутствія ихъ и ихъ толканія въ уши, но бываетъ для нихъ какъ глухая, ничего не слышащая,—не слышитъ ихъ и не принимаетъ, при всемъ томъ, что слышитъ.

Когда содѣлается онъ таковымъ, тогда вселяется въ него Богъ, и бываетъ для него все, чего ни желаетъ онъ, и даже паче того, что желаетъ. Ибо Богъ есть всякое благо, и въ какую душу вселяется, ту исполняетъ всякимъ благомъ, сколько возможно вмѣстить человѣческому естеству,—такимъ благомъ, коего око не видало, о коемъ ухо не слыхало, и которое на сердце человѣку не восходило,—человѣку тому, который не сдѣлался такимъ, какого изобразили мы выше. Когда Богъ вселится въ такого человѣка, то научаетъ его всему—и относительно настоящаго и относительно будущаго, не словомъ, а дѣломъ и опытомъ, практически. Онъ снимаетъ покрывало съ очей души его и показываетъ ему, чего хощетъ Самъ, и что полезно для него; о прочемъ же внушаетъ ему не изслѣдовать, не совопросничать и не любопытствовать. И того, что показываетъ ему Богъ, не можетъ онъ видѣть безъ глубокаго благоговѣнія и страха, но приникая и воззрѣвая въ глубину богатства премудрости и разума Божія, трепещетъ и ужасается, помышляя о себѣ, кто есть и какія тайны сподобился видѣть. Видя безмѣрное человѣколюбіе Божіе, приходитъ онъ въ изступленіе, сознавая и чувствуя, сколь недостоинъ смотрѣть на такія предивныя таинства; почему не дерзаетъ пытливо разсматривать ихъ, или изслѣдывать, что они суть; но лишь взываетъ съ великимъ страхомъ

и трепетомъ говоря: кто есмь азъ, Господи, и что — домъ отца моего, что Ты довѣрилъ мнѣ и благоволилъ показать такія таинства мнѣ недостойному, и содѣлалъ паче чаянія, чтобъ я не только видѣлъ такія великія блага Твои, но и предивно, сталъ причастникомъ ихъ?

Такой человѣкъ, какъ ставшій выше всякой твари, не имѣетъ уже желанія возвратиться вспять и разсматривать твари. Стяжавъ и въ себѣ имѣя Владыку Ангеловъ, не любитъ уже онъ изслѣдовать сущности и естество Ангеловъ, служителей Божіихъ, зная притомъ, что Богу неугодно, чтобъ онъ любопытствовалъ о томъ, что превышаетъ силы человѣка: ибо если намъ повелѣно не пытать разумомъ догматовъ Писанія, то тѣмъ паче совсѣмъ не подобаетъ намъ любопытствовать о томъ, что выше написаннаго.

Такой человѣкъ зритъ Бога, сколько это возможно для человѣческаго естества и сколько благоугодно Богу, подвизается зрѣть Его непрестанно здѣсь и молится, да сподобленъ будетъ выну зрѣть Его и по смерти своей; радъ онъ зрѣть только Его одного и не чувствуетъ потребности смотрѣть на что-либо другое. Почему и желанія не имѣетъ отрываться вниманіемъ отъ Владыки своего Бога, отъ коего преисполняется свѣтомъ и пріемлетъ жизнь вѣчную, и смотрѣть на подобныхъ себѣ рабовъ Его.

Таковый человѣкъ, поелику зримъ бываетъ, осіяваетсяся и просвѣщается Богомъ и самъ зритъ великую и всякій умъ превосходящую славу Божію, то и не желаетъ болѣе, чтобъ его видѣли другіе и догадывались, что такое онъ есть и въ какой находится славѣ. Души святыя бываютъ свободны отъ тщеславія. Будучи украшены пресвѣтлою и царскою ризою Всесвятаго Духа и преисполнены преимущею славою Божіею, онѣ не только не заботятся о славѣ человѣческой, но и когда окружаютъ

ею ихъ люди, никакого совершенно не обращаютъ на нее вниманія. Ибо душа, зримая Богомъ и сама зрящая Бога, никакъ не пожелаетъ обратиться посмотрѣть на другаго какого человѣка, не пожелаетъ и того, чтобъ видѣлъ ее кто-либо другой.

Посему умоляю васъ, братія мои, будемъ не словами только одними изучать несказанныя блага Божіи,—что впрочемъ и невозможно, и для тѣхъ, которые учатъ и для тѣхъ, которые слушаютъ. Ибо ни тѣ, которые учатъ. не испытавъ дѣломъ, о мысленныхъ и божественныхъ вещахъ, не могутъ дать явныхъ доказательствъ и поясненій примѣрами и представить истину въ практическихъ примѣненіяхъ; ни тѣ, которые слушаютъ, не могутъ отъ однихъ только словъ понять, что имъ говорятъ. Но надлежитъ со многими болѣзнями и трудами подвизаться придти въ состояніе созерцанія тѣхъ невидимыхъ вещей и научиться понимать ихъ изъ дѣяній и опытовъ. Тогда, изъ такихъ опытовъ научимся мы и просвѣщены будемъ и относительно словесъ о сихъ благахъ; да прославится Богъ въ насъ ради такого божественнаго состоянія,—и мы посредствомъ знанія такихъ вещей да прославимъ Бога, и Богъ да прославитъ насъ, во Христѣ Богѣ нашемъ, Коему слава, со Отцемъ и Святымъ Духомъ, во вѣки. Аминь.

СЛОВО ШЕСТЬДЕСЯТЪ ШЕСТОЕ.

1) О покаяніи,—и что для очищенія души недостаточно одного раздапія имуществъ, если не стяжемъ и плача.

2) Объ изгнаніи Адама изъ рая,—и что если бъ онъ покаялся, по преступленіи заповѣди Божіей, то не былъ бы изгнанъ изъ рая.

3) Какое благо принесло ему покаяніе, и какое принесъ онъ по изгнаніи?

4) Что надлежитъ каяться тому, кто хочетъ истинно покаяться.

5) О второмъ пришествіи Господнемъ.

6) Обличеніе тѣхъ, которые живутъ не худо, но не съ добрымъ расположеніемъ, а притворно.

1. Доброе дѣло—покаяніе и велика польза, бывающая отъ него. Вѣдалъ сіе Господь нашъ Іисусъ Христосъ Богъ, всяческая провидящій, и сказалъ: *покайтеся, приближибося царствіе небесное.* Желаете ли и вы научиться и познать, что безъ покаянія намъ невозможно спастись? Покаяніе же я разумѣю такое, которое бываетъ отъ всей души и отъ всего сердца. Послушайте Апостола, который говоритъ: *всякъ грѣхъ, егоже аще сотворитъ человѣкъ, кромѣ тѣла есть, а блудяй во свое тѣло согрѣшаетъ* (1 Кор. 6, 18). И опять въ другомъ мѣстѣ: *всѣмъ явитися намъ подобаетъ предъ судищемъ Христовымъ, да пріиметъ кійждо, яже съ тѣломъ содѣла, или блага, или зла* (2 Кор. 5, 10). Но на это иной можетъ сказать: благодарю Бога, я не осквернилъ тѣла моего никакимъ срамнымъ дѣломъ (чего я, всякій грѣхъ содѣлавшій, сказать не могу),—и говоря такъ, имѣть нѣкое отъ сего утѣшеніе, что де чистъ отъ плотскаго грѣха. Но Владыка нашъ Христосъ въ притчѣ о пяти дѣвахъ юродивыхъ даетъ рѣшительное удостовѣреніе, что отъ одной чистоты тѣлесной никакой не получимъ мы пользы, если не будемъ имѣть и прочихъ добродѣтелей. Тѣ пять дѣвъ имѣли и немного елея въ сосудахъ своихъ, т.-е. нѣкоторыя внѣшнія добродѣтели, причастны были и нѣкоторыхъ дарованій. отъ чего и лампады ихъ горѣли нѣкоторое время; но за нерадѣніе свое, невѣжество (въ дѣлахъ духовныхъ) и лѣность были осуждены на вѣчное мученіе. Онѣ не позаботились очиститься отъ скрывавшихся въ душѣ ихъ страстей, которыя приводимы были въ движеніе бѣсами, и даже не познали ихъ какъ слѣдуетъ. Отъ того подъ бѣсовскими воздѣйствіями были растлѣваемы сердца ихъ чрезъ сосложеніе съ помыслами, съ которыми скрытно имѣли смѣшеніе. бывая плѣняемы ими и побѣждаемы.

Но какія это бѣсовскія дѣйствія? Страсти,—зависти, ревнивости, ссоры, спорливости, осужденія и клеветы, ненависти, гнѣва, огорченія, злопамятства, тщеславія, человѣкоугодія, самоугодія, сребролюбія, плотской похоти, коею услаждались и посредствомъ сласти творили блудъ въ помыслахъ; къ сему еще—страсти невѣрія, безстрашія (предъ Богомъ) боязливости (не знать предъ чѣмъ), унынія, печали, противорѣчія, лѣности, сонливости, самомнѣнія, высокомудрія, гордости, объяденія, любоиманія, безнадежія, и всѣ прочія тонкія и скрытныя страсти грѣховныя, приводимыя въ движеніе демонами.

Блаженный Апостолъ Павелъ взываетъ подобно Христу и говоритъ: *миръ имѣйте* (διωκετε, гоните) *и святыню со всѣми, ихже кромѣ никтоже узритъ Господа* (Евр. 12, 14). По какой причинѣ сказалъ онъ: *гоните*, т.-е. всегда ищите мира и святыни, непрестанно ищите? По той, что невозможно въ одинъ часъ содѣлаться намъ и стать святыми. Надобно начинать съ меньшаго и постепенно преуспѣвая восходить къ болѣе и болѣе совершенной святынѣ и чистотѣ. И хотя бы мы прожили въ этой жизни тысячи лѣтъ, никакъ не возможемъ достигнуть полнаго совершенства святыни, но долгъ имѣемъ подвизаться ради ея непрестанно такъ, какъ бы теперь только положили начало. Это самое показываетъ св. Павелъ, когда о себѣ говоритъ: *гоню, аще и постигну, о немже и постижень бых отъ Христа Іисуса* (Фил. 3, 12).

Посему умоляю васъ, братія мои, внимайте тому, что мною говорится вамъ, и послушайте словъ грѣшнаго брата вашего. Пріидите, поклонимся и припадемъ къ благому и человѣколюбивому Богу нашему, предваримъ лице Его во исповѣданіи и восплачемся предъ Нимъ сотворшимъ насъ; ибо Онъ Господь нашъ, мы же людіе Его и овцы пажити Его, и не отвратитъ Онъ лица своего отъ насъ. Только покаемся отъ всей души и отринемъ не злыя

только дѣла, то и самые лукавые и нечистые помыслы сердца нашего, уничтожимъ ихъ совершенно. Ибо Божественное Писаніе говоритъ: *растерзните сердца ваши, а не ризы ваши* (Іоиль 2, 13). Что пользы, скажи мнѣ, если мы будемъ раздавать бѣднымъ имущество свое, а отъ зла не отстанемъ и грѣха не возненавидимъ? Что также пользы, если мы дѣломъ не будемъ совершать какого-либо плотскаго грѣха, а въ сердцѣ будемъ питать срамные и нечистые помыслы, совершая такимъ образомъ грѣхъ тайно въ душѣ своей и обладаемы будучи нечистыми страстями душевными? Отринемъ же, молю васъ, вмѣстѣ съ сребромъ и златомъ и обычное намъ рабство страстямъ; не будемъ стоять въ нерадѣніи, какъ доселѣ, но воспріимемъ подвигъ отмыть скверну страстей слезами покаянія.

Какъ если царь какой, сидя на тронѣ своемъ, съ короною на главѣ и въ царскихъ одеждахъ, по своей волѣ возьметъ что-либо нечистое и своими руками вымажетъ тѣмъ свое лице и замажетъ чувства свои, до невозможности видѣть, слышать и обонять, а потомъ раскаявшись, что такъ сдѣлалъ, положитъ очиститься отъ этой скверноты, но не войдетъ тотчасъ въ жилище свое, чтобъ омыться водою и, отмывъ ту нечистоту, опять чистымъ, каковъ былъ прежде, возсѣсть на престолъ свой, а вмѣсто того, чтобъ отмыть эту нечистоту, станетъ раздавать бѣднымъ сокровища свои и богатство свое; то хотя бы онъ раздалъ все движимое и недвижимое имущество свое, не получитъ отъ этого никакой пользы, если не отмоетъ водою нечистоты своей, и всѣ смотрящіе на него, когда онъ, имѣя на лицѣ своемъ такую нечистоту, обращается съ синклитомъ своимъ и съ князьями своими, будутъ имѣть его въ посмѣшище: такъ невозможно получить какую-либо пользу и тому, кто также раздастъ все богатство свое и сдѣлается совсѣмъ нищимъ, если не оставитъ грѣха, не отвратится

отъ зла и не очиститъ души своей покаяніемъ и слезами. Пусть какой-либо человѣкъ, нагрѣшившій и чувства души своей закрывшій нечистотою грѣховныхъ сластей, раздастъ бѣднымъ все богатство свое и оставитъ славу чиновъ своихъ, великолѣпные дома, рабовъ, родныхъ, друзей и знаемыхъ, и обѣднѣвъ такимъ образомъ, нищимъ и ничего не имущимъ придетъ и сдѣлается монахомъ: но при всемъ томъ, ему, пока живъ, потребны и слезы покаянія, которыя совершенно необходимы, чтобъ омыть и очистить ими скверну грѣховъ, особенно если онъ, какъ и я, нечистъ не кое-какими, а большими и многими грѣхами.

Итакъ, если хотимъ очистить души свои отъ скверны грѣховныхъ, то для этого недостаточно только раздать бѣднымъ имущества свои, но потребно еще плакать и проливать слезы отъ всего сердца. Я такъ думаю о себѣ, что если не очищу скверны грѣховъ моихъ слезами моими, по отыду изъ настоящей жизни оскверненнымъ, то праведно буду преданъ поруганію и Богомъ и Ангелами, и ввергнутъ въ неугасимый огнь вмѣстѣ съ демонами. Да, братія мои, такъ есть воистину. Ничего не внесли мы въ настоящую жизнь, чтобъ, когда согрѣшимъ, дать то Богу для искупленія грѣховъ нашихъ, какъ и Евангеліе говоритъ: *что дастъ человѣкъ измѣну за душу свою?* (Мѳ. 16, 26). Се судъ правый! Се праведное и истинное смиреніе, какъ говоритъ и Духъ Святый устами Давида: *не пріиму отъ дому твоего тельцовъ, ниже отъ стадъ твоихъ козловъ. Яко мои суть вси звѣріе дубравніи* и проч. (Псал. 49, 9. 10). И еще: *аще бы восхотѣлъ еси жертвы, далъ быхъ убо: всесожженія не благоволиши. Жертва Богу духъ сокрушенъ: сердце сокрушенно и смиренно Богъ не уничижитъ* (Пс. 50, 18. 19). Опять и Христосъ говоритъ: *не мните, яко пріидохъ разорити законъ или пророки: не пріидохъ разорити, но исполнити*

(Мѳ. 5, 17). Ибо ветхій законъ не могъ врачевать души отъ невидимой болѣзни страстей грѣховныхъ земными врачевствами, то-есть тѣлесными оправданіями, дарами, жертвами, всесожженіями и прочимъ. Почему и Предтеча Іоаннъ говоритъ: *се Агнецъ Божій, вземляй грѣхи міра* (1оан. 1, 29). Также и Апостолъ Павелъ: *законъ духа жизни о Христѣ Іисусѣ освободилъ мя есть отъ закона грѣховнаго и смерти* (Рим. 8, 2).

Желаете ли знать, какъ Христосъ исполнилъ законъ и пророковъ, какъ говоритъ самъ Онъ? Послушайте. Законъ говоритъ: не убій, а Христосъ: не гнѣвайся; законъ: не прелюбодѣйствуй, а Христосъ: не похотствуй; законъ: не клянись ложно, а Христосъ: совсѣмъ не клянись. Разсуди теперь: кто не гнѣвается, тому какъ возможно убить? Кто не допускаетъ похотствованія, тому какъ возможно соблудить? Тому, кто совсѣмъ не клянется, какъ можно поклясться ложно? Итакъ, Христосъ Господь законоимъ Духа, т.-е. Евангеліемъ, отсѣкаетъ отъ души корни грѣховъ; и это есть исполненіе закона,—то, чтобъ кто не за какое-нибудь дѣло оправдывалъ себя или считалъ себя праведнымъ, но чтобъ во всемъ и предъ всѣми былъ какъ мертвый, чтобъ ужь совершенно ничѣмъ не смущаться и не тревожиться, и не вздорить съ тѣми, которые опечаливаютъ его чѣмъ-либо прискорбнымъ, но жить вполнѣ по заповѣдямъ Христа Господа и исполнять ревностно Его повелѣнія. Всѣ заповѣди Христовы даны намъ въ противность грѣхамъ; въ этихъ заповѣдяхъ надлежитъ жить и ихъ ревностно исполнять всякому, кто желаетъ сподобиться царствія небеснаго; для всего же прочаго надо быть бездѣйственну и мертву. Христосъ Господь говоритъ: *аще пребудете во Мнѣ, и глаголы мои въ васъ пребудутъ, егоже аще хощете, просите и дастся вамъ* (1оан. 15, 7). Послѣдуемъ же слову Христову съ усердіемъ и ревностію, пока достигнемъ того мѣста, гдѣ пребываетъ Христосъ. Христосъ

гдѣ самъ пребываетъ, туда влечетъ и послѣдующихъ Ему и помѣщаетъ ихъ во святомъ святыхъ, какъ великій архіерей,—тамъ, куда, какъ человѣкъ подобный намъ, Онъ вошелъ первымъ, какъ самъ говоритъ: *никтоже пріидетъ къ Отцу токмо Мною. Азъ есмь путь, истина и животъ* (Іоан. 14. 6). И еще: *Отче, ихже далъ еси Мнѣ, хощу, да идѣже есмь Азъ, и тіи будутъ со Мною: да видятъ славу Мою, юже далъ еси Мнѣ* (Іоан. 17, 24). Распнемся же и мы со Христомъ, т.-е. будемъ претерпѣвать всякое искушеніе, какое ни найдетъ на насъ, и умертвимся по любви къ Нему для всѣхъ удовольствій мірскихъ, чтобы жить съ Нимъ. Будемъ вмѣстѣ съ Нимъ шествовать путемъ ведущимъ на небо, храня чистыми сердца свои; ибо когда будемъ шествовать путемъ заповѣдей Его и послѣдовать Ему, не обращаясь вспять, тогда никакого вреда не возможетъ причинить намъ врагъ нашъ діаволъ, особенно если будемъ шествовать съ мудрымъ руководителемъ и добрыми спутниками. Убоимся примѣра безплодной смоковницы, проклятой Христомъ за безплодіе, и принесемъ Христу достойные плоды чрезъ покаяніе. Не дадимъ себѣ воздремать нерадѣніемъ души своей и не попустимъ влаяться туда и сюда въ прелестяхъ міра, въ то время, когда надлежитъ трудиться въ дѣланіи заповѣдей Божіихъ, чтобъ не погасить свѣтильника возженнаго и свѣтящаго подъ дѣйствіемъ плодовъ покаянія и не уподобиться пяти юродивымъ дѣвамъ.—Но дѣлами добрыми и богоугодными будемъ пріумножать талантъ благодати Христовой.

Ибо для всѣхъ вообще, не для монаховъ только, но и для мірянъ, возможно всегда каяться и плакать, молиться Богу и преуспѣвать во всѣхъ добродѣтеляхъ. А что то, что я говорю, истинно, подтверждаетъ слово мое и св. Іоаннъ Златоустъ, великій столпъ и учитель церкви, въ бесѣдѣ, въ коей истолковываетъ пятидесятый псаломъ,

гдѣ говоритъ, что и для того, кто имѣетъ жену и дѣтей, рабовъ и множество слугъ, большое богатство и почести, и кто великъ и славенъ по мірскимъ дѣламъ, возможно не только каждодневно плакать, молиться и каяться, но достигнуть и совершенства добродѣтели и пріять Святаго Духа, содѣлаться другомъ Богу и сподобиться созерцанія Его. Таковы были жившіе прежде Христа: Авраамъ, Исаакъ, Іаковъ, Лотъ, Моисей, Давидъ,— оставлю прочихъ, потому что ихъ было премного, а въ новой благодати во время воплощеннаго домостроительства Христа, Бога нашего, Апостолъ Петръ, рыбарь неученый, проповѣдавшій Христа по всей вселенной. Впрочемъ всѣхъ ихъ кто исчислитъ, когда они—паче песка морскаго? Много было царей, князей и лицъ властныхъ (не говоря уже о бѣдныхъ), которые съ большимъ иждивеніемъ строили города, дворцы, храмы Божіи, богадѣльни, странноприимницы, сохраняющіеся доселѣ. Имѣя же все сіе при жизни, они пользовались тѣмъ благочестно и богоугодно, не какъ господа и властители, а какъ слуги Божіи, распоряжаясь тѣмъ, что далъ имъ Богъ, такъ, какъ было угодно Богу. Они пользовались міромъ, какъ говоритъ св. Павелъ, но не злоупотребляли. Почему, и живя въ мірѣ, они были славны и знамениты, и въ другой жизни въ царствіи небесномъ въ нескончаемые вѣки будутъ славнѣйшими и свѣтлѣйшими. Такъ и мы, еслибы не были нерадивыми и безпечными презрителями заповѣдей Божіихъ, но усердными, ревностными, и внимательными исполнителями ихъ, то не имѣли бы нужды оставлять имущества свои, удаляться отъ міра и дѣлаться монахами. Но чтобъ тебѣ лучше убѣдиться въ этомъ, послушай, что будетъ говориться далѣе.

2. Богъ въ началѣ создалъ человѣка царемъ всего земнаго, и не только земнаго, но и того, что находится

подъ кровомъ небеснымъ: ибо и солнце, и луна, и звѣзды созданы для человѣка. Итакъ, будучи царемъ всего этого видимаго, человѣкъ терпѣлъ ли отъ этого какой-либо вредъ для добродѣтели? Нѣтъ, не терпѣлъ. Напротивъ, если бы онъ всегда благодарилъ за сіе Бога, создавшаго его, и все это Ему посвящалъ, то паче преуспѣвалъ бы въ добродѣтели. И если бъ онъ не преступилъ заповѣди Божіей, то конечно не потерялъ бы царства своего, какое имѣлъ, и не низпалъ бы отъ славы Божіей Но какъ преступилъ заповѣдь Божію, то праведно изгнанъ изъ рая, и сталъ жить въ трудахъ и хлопотахъ, и умеръ въ изгнаніи.

И послушай, – скажу тебѣ нѣчто такое, чего никто еще не высказалъ съ полною ясностію. Говоритъ Божественное Писаніе: *сказалъ Богъ Адаму: Адаме гдѣ еси?* (Быт. 3, 9). Для чего говоритъ это Творецъ всяческихъ? Конечно для того, чтобъ расположить Адама придти въ чувство, сознать грѣхъ свой и покаяться. Для того и говоритъ: Адаме, гдѣ еси? Какъ бы говорилъ: Адаме войди въ самого себя, познай наготу свою и уразумѣй, какое одѣяніе и какую славу потерялъ ты; Адаме, гдѣ еси? Нѣкоторымъ образомъ Онъ какъ бы возбуждаетъ его и говоритъ: о Адамъ, приди въ себя, и исповѣдай со смиреніемъ грѣхъ свой. Выдь оттуда, гдѣ ты скрываешься. Отъ Меня ли думаешь укрыться? Скажи: согрѣшилъ.— Но онъ не говоритъ этого (или лучше сказать: я, бѣдный, не говорю этого, потому это собственная моя есть страсть); а что говоритъ? *Гласъ слышахъ Тебе ходяща въ раи, и убояхся, яко нагъ есмь, и скрыхся* (— — 10). Богъ же что сказалъ ему на это *Кто возвѣсти тебѣ, яко нагъ еси, аще не бы отъ древа, егоже заповѣдахъ тебѣ сего единаго не ясти, отъ него ялъ еси?* (— 11). Видишь, возлюбленный, благоутробіе Божіе? Что когда Богъ сказалъ Адаму: гдѣ ты, и Адамъ не исповѣдалъ грѣха своего, а сказалъ: *гласъ слышахъ Тебе ходяща въ*

раи, и убоялся, яко нагъ есмь и скрылся, — Онъ не разгнѣвался на него тотчасъ и не отвратился отъ него, но опять спрашиваетъ его, говоря: *кто возвѣсти тебѣ, яко нагъ еси, аще не бы отъ древа, егоже заповѣдахъ тебѣ сего единаго не ясти, отъ него ялъ еси?* — Понялъ ли ты глубину премудрости Божіей, — что когда Адамъ сказалъ: *нагъ есмь*, Богъ говоритъ ему: что говоришь ты, что нагъ, а грѣхъ свой скрываешь? Не думай, что Я вижу только тѣло твое, а сердца твоего и помышленій твоихъ не вижу. Ибо Адамъ обманулся и дѣйствительно подумалъ, что Богъ не зналъ о грѣхѣ его, нѣкоторымъ образомъ такъ говоря въ себѣ: скажу, что я нагъ; Богъ, не зная причины этого, спроситъ: отъ чего же ты нагъ сталъ? а я отвѣчу ему: не знаю. Такъ я обману Его и опять получу прежнее покровеніе. Если же и не получу сего, по крайней мѣрѣ Онъ не изгонитъ меня теперь же изъ рая и не вышлетъ въ другое мѣсто. Вотъ что подумалъ Адамъ, какъ и нынѣ дѣлаютъ то многіе, и первый я самъ, скрывая грѣхи свои. — Но Богъ, не желая, чтобъ грѣхъ Адама отяжелѣнъ былъ этою несознательностію, говоритъ ему: откуда узналъ ты, что нагъ, еслибъ не вкусилъ отъ древа, отъ котораго запрещено было тебѣ вкушать? Онъ какъ бы такъ говорилъ ему: и ты думаешь укрыться отъ Меня? Не знаю будто Я, что ты сдѣлалъ? Чего же не говоришь: согрѣшилъ? Скажи несчастный: ей, Владыко! истинно согрѣшилъ я, преступивъ заповѣдь Твою, послушалъ совѣта жены своей и большой сдѣлалъ грѣхъ, поступивъ по слову ея и преступивъ Твое собственное. Помилуй мя, Боже, и прости. Но онъ не говоритъ этого, не смиряется, не сокрушается; сердце его ожесточено, каково и у меня, бѣднаго. Еслибъ онъ сказалъ это, то опять остался бы въ раю и не подвергся бы тѣмъ лишеніямъ, какія испыталъ

потомъ. Однимъ этимъ словомъ: согрѣшилъ, онъ искупилъ бы все множество лѣтъ, какіе пробылъ въ адѣ.

Вотъ что я обѣщалъ тебѣ сказать! Но послушай еще и далѣе, и поймешь сколь истинно слово мое.—Богъ сказалъ Адаму: *въ оньже аще день снѣсте отъ него,*—отъ древа запрещеннаго,—*смертію умрете* (Быт. 2, 17),—смертію, т.-е. душевною;—что и совершилось тотчасъ,—человѣкъ совлекся одежды безсмертія; и ни Богъ не сказалъ ничего болѣе (того опредѣленія), ни совершилось ничего послѣ того особеннаго. Богъ, провидя, что Адамъ имѣлъ согрѣшить, и желая простить его, если покается, не сказалъ ничего болѣе сказаннаго. Но Адамъ отрекся отъ грѣха своего и не покаялся, даже и будучи обличаемъ Богомъ; ибо сказалъ: *жена, юже далъ еси со мною,* та прельстила меня (Быт. 3, 12). Увы ослѣпленной душѣ его! Сказавъ такъ, онъ сказалъ какъ бы Богу. Ты самъ виноватъ, потому что меня прельстила жена, которую Ты далъ мнѣ. Что самое стражду нынѣ и я, бѣдный и несчастный, когда не желаю смириться и сказать отъ всей души, что самъ я виновенъ въ своей погибели; но говорю, что вонъ тотъ-то побудилъ меня сдѣлать или сказать то и то, онъ мнѣ посовѣтовалъ и сбилъ съ пути. Увы бѣдной душѣ моей, говорящей такія слова, полныя грѣха! О, безстыднѣйшія и неразумнѣйшія слова души безстыдной и неразумной!—Итакъ послѣ того, какъ Адамъ сказалъ это, говоритъ ему и Богъ: *въ потѣ лица твоего снѣси хлѣбъ, дондеже возвратишися въ землю, отъ неяже взятъ еси: яко земля еси и въ землю пойдеши* (Быт. 3, 19). Онъ какъ бы такъ сказалъ ему: Я говорилъ тебѣ покаяться, чтобъ остаться въ прежнемъ твоемъ состояніи; но какъ ты жестокъ сердцемъ и нераскаянъ, то удались отъ Меня. Этого отдаленія тебя отъ Меня будетъ достаточно для твоего наказанія: ты земля, и въ землю пойдешь. Уразумѣлъ ли ты теперь,

что Адамъ за то, что не покаялся и не сказалъ: согрѣшилъ я, изгнанъ изъ рая, осужденъ проводить жизнь въ трудахъ и потахъ и отойти въ землю, изъ которой взятъ?— Потомъ, оставя его, Богъ подходитъ къ Евѣ, желая обнаружить, что и она праведно осуждается вмѣстѣ съ Адамомъ на изгнаніе, такъ какъ не хотѣла покаяться, и говоритъ ей: что это ты сдѣлала? чтобы хоть она сказала: согрѣшила я. Ибо по какой другой причинѣ сказалъ бы ей Богъ такія слова, кромѣ развѣ для того, чтобъ побудить ее сказать: о Владыко, по неразумію моему сдѣлала я это, бѣдная и несчастная, и преслушала Тебя Господа моего, помилуй меня и прости мнѣ! Но она не сказала этого, а что? *Змій прельсти мя.* О, нечувствіе окаменевное! И ты, Ева,—послѣ того, какъ согласилась бесѣдовать со зміемъ, говорившимъ тебѣ слова, противныя Владыкѣ твоему и Богу, предпочла его Богу Творцу твоему, нашла лучшимъ заповѣди Господа твоего совѣтъ его и почла его болѣе истиннымъ, чѣмъ заповѣдь Божія,—не сознаешься, что сдѣлала худо и не каешься?!—Такъ, поелику и она не захотѣла сказать: согрѣшила я, то и она изгнана изъ рая сладости и отдалена отъ Бога.—Вникни же въ глубину таинъ человѣколюбиваго Бога и познай изъ сего, что если бъ они покаялись, то не были бы изгнаны изъ рая и осуждены возвратиться въ землю, изъ коей взяты. Какъ же это? Послушай.

3. Поелику, будучи изгнаны изъ рая, они тотчасъ начали алкать и жаждать, зябнуть и дрожать, нести труды и поты, и претерпѣвать всѣ тѣ тяготы и прискорбности, которыя претерпѣваемъ и мы нынѣ: то скоро возчувствовали, въ какое горькое низошли состояніе и какому великому подверглись бѣдствію. Тогда познали они и свое жестокосердіе и нераскаянность, и Божіе къ нимъ неизреченное снисхожденіе и благоутробіе. Почему, ходя

и сидя внѣ рая, они каялись и проливали слезы, били себя въ лицо и исторгали власы главы своей, оплакивая прежнее свое жестокосердіе. И это дѣлали они не одинъ, или два, или десять дней, но всю жизнь свою. Ибо какъ можно было не плакать, воспоминая онаго кроткаго и благоволительнаго Владыку, оную неизреченную сладость рая, тѣ неописанныя доброты и красоты цвѣтовъ райскихъ, ту безпечальную и безтрудную жизнь и сообращеніе съ Ангелами? Какъ бываетъ въ мірской жизни, что слуги, приставленные какимъ либо именитымъ господиномъ служить ему, пока соблюдаютъ вниманіе, почтительность и послушаніе господину своему, имѣютъ предъ нимъ дерзновеніе, пользуются его благосклонностію и любовію и живутъ у него въ покоѣ и довольствѣ; а когда возгордятся и начнутъ отступать отъ воли господина своего и презирать сослуживцевъ своихъ, то не только теряютъ дерзновеніе свое предъ нимъ, но и его благосклонность и любовь, и по его приказанію изгоняются въ страну далекую, гдѣ подвергаются безчисленнымъ нуждамъ и скорбямъ, и чѣмъ болѣе страждутъ и бѣдствуютъ, тѣмъ болѣе чувствуютъ горесть своего положенія, воспоминая потерянное ими покойное и довольное житье: такъ тоже самое пострадали и прародители наши, жившіе въ раю и наслаждавшіеся великими его благами. Они познали величіе сихъ благъ и цѣну имъ, когда потеряли ихъ, бывъ изгнаны изъ рая; тогда же познали они и всю великость понесеннаго ими зла. Почему непрестанно горевали и плакали, призывая благоутробіе Божіе.

Что же дѣлаетъ Богъ, скорый и готовый на милость и косный на наказаніе? Онъ провидѣлъ, что они наконецъ смирятся и раскаются, потому предопредѣлилъ и особый способъ къ отмѣненію своего на нихъ праведнаго приговора, но не тотчасъ привелъ въ исполненіе

сіе предопредѣленіе, а свои назначилъ для сего и время, и мѣсто, и образъ, чтобъ научить насъ любомудрствовать и не возставать противъ Творца своего и Бога. Какъ предопредѣлилъ, такъ потомъ и сдѣлалъ, и тѣмъ, которыхъ изгналъ изъ рая за продерзость предъ Нимъ и нераскаянное сердце, поелику смирились и оплакивали себя, устроилъ путь къ возвращенію потеряннаго. Именно: для сего самъ Единородный Сынъ и Слово безначальнаго Отца снизшелъ съ небесъ на землю и не только содѣлался человѣкомъ, подобнымъ имъ, но и благоволилъ понесть смерть насильственную и позорную, потомъ низшелъ въ адъ, извелъ ихъ оттуда и возстановилъ. Итакъ Христосъ столько, какъ каждодневно слышишь, пострадавшій за нихъ, чтобъ возвратить ихъ изъ такого далекаго изгнанія, ужели бы не сжалился надъ ними, если бъ они покаялись тогда въ раю? Какъ можно, чтобы не сжалился надъ ними Тотъ, Кто по существу человѣколюбивъ и благоутробенъ, и Кто создалъ ихъ для того, чтобъ они наслаждались благами рая и прославляли Благодѣтеля своего?

Но чтобъ тебѣ лучше познать сіе и повѣрить слову моему, слушай и еще. Если бъ они покаялись тогда, когда находились еще въ раю, то получили бы опять только рай, и ничего болѣе. Но поелику, изгнаны бывъ изъ рая за нераскаянность, потомъ раскаялись, много плакали и бѣдствовали, то Владыка всяческихъ Богъ, за труды ихъ и поты, за бѣдствія, претерпѣнныя ими и за доброе ихъ покаяніе, благоволилъ паче почтить ихъ и прославить, чтобъ заставить ихъ забыть все, понесенное ими, зло. И что же дѣлаетъ? Смотри, сколь велико человѣколюбіе Его! Сошедши во адъ и изведши ихъ оттуда, Онъ не ввелъ ихъ опять въ тотъ же рай, изъ котораго они изгнаны, но возвелъ на небо небесе и когда возсѣлъ одесную Бога и Отца своего, спосадилъ

ихъ съ Собою. Помысли же, какою великою почтилъ Онъ честію Адама, который былъ рабъ Ему по естеству, и сподобился быть отцемъ Ему по благодатному домостроительству? Видишь, на какую высоту вознесъ его Владыка нашъ Христосъ, за его покаяніе, смиреніе, плачъ и слезы! О, сила покаянія и слезъ! О, море человѣколюбія неизъяснимаго и милосердія неизслѣдованнаго!

4. И не только Адама почтилъ Богъ и прославилъ, но и насъ сыновъ его, которые т.-е. возподражали его покаянію, слезамъ, плачу и всему, о чемъ сказали мы,—и даже доселѣ прославляетъ Онъ и чтитъ, какъ Адама, тѣхъ, которые каются, какъ слѣдуетъ, и дѣлаютъ то, что дѣлалъ Адамъ,—еще и тѣхъ, которые отнынѣ и напослѣдокъ будутъ такъ дѣлать и каяться, міряне ли они или монахи, будетъ Онъ прославлять, какъ его, какъ самъ сказалъ Онъ, истинный Богъ нашъ: „истинно говорю вамъ, не оставлю ихъ никогда, но какъ братій моихъ и друзей, отцевъ и матерей, сродниковъ и сонаслѣдниковъ моихъ, покажу ихъ, прославилъ и прославлю ихъ, и на небеси горѣ и на земли низу, и животу ихъ и радованію и славѣ не будетъ конца.“

Скажи же мнѣ, братъ мой, какую пользу принесла прародителямъ нашимъ оная безтрудная и безпечальная жизнь, какую имѣли они въ раю, когда они вознерадѣли, презрѣли Бога невѣріемъ Ему и преступили заповѣдь Его? Ибо, если бъ вѣрили Ему ,то Ева не сочла бы змія вѣрнѣйшимъ Бога, Адамъ не повѣрилъ бы Евѣ паче Бога,—и они поостереглись бы вкусить отъ древа запрещеннаго. Но вкусили и не покаялись, и за это изгнаны изъ рая.—Впрочемъ и отъ изгнанія опять они получили не вредъ, а великую пользу. Это въ силу домостроительства спасенія нашего. Ибо Владыка нашъ Христосъ снизшелъ съ небесъ, смертію своею разрѣ-

шилъ узы нашей смерти, и снялъ осужденіе, перешедшее на насъ отъ преступленія прародительскаго, силою святаго крещенія возродилъ насъ, возсоздалъ и избавилъ отъ сего осужденія и сдѣлалъ насъ въ мірѣ семъ совершенно свободными, чтобы врагъ нашъ діаволъ уже не дѣйствовалъ въ насъ и на насъ насильственно и принудительно,—почтилъ насъ самовластіемъ, какое даровано было намъ въ началѣ, и далъ силу противъ врага, чтобъ желающіе удобно побѣждали его, паче всѣхъ святыхъ, бывшихъ до воплощеннаго домостроительства Христова. Но и когда умираютъ такіе, не низходятъ во адъ, какъ древніе, а восходятъ на небеса и сподобляются получить тамошнее упокоеніе и вѣчную радость,—теперь въ нѣкоей лишь мѣрѣ, а по общемъ воскресеніи вполнѣ и всецѣло.

Итакъ, пусть никто не выдумываетъ извиненій своимъ грѣхамъ и не говоритъ, что мы, въ силу преступленія Адамова, подлежимъ всецѣло дѣйствію (несопротивительному) діавола и принудительно влекомы бываемъ на грѣхъ. Которые думаютъ и говорятъ такъ, считаютъ вѣрно, что воплощенное домостроительство Владыки и Спасителя нашего Іисуса Христа было безполезно и всуе,—каковое слово есть слово еретиковъ, а не православныхъ. Ибо по какой другой причинѣ низшелъ и воплотился Христосъ, и для чего другаго пострадалъ Онъ, если не для того, чтобъ разрѣшить осужденіе, происшедшее отъ грѣха, и освободить родъ нашъ отъ рабства діаволу и отъ дѣйствія въ насъ (властнаго) сего врага нашего? То и есть истинное самовластіе, чтобъ никоимъ образомъ не быть властвуему отъ другаго кого. Мы всѣ раждаемся грѣшниками отъ праотца нашего Адама согрѣшившаго, преступниками отъ преступника, рабами грѣха отъ раба грѣха, подклятвенными и мертвыми отъ подклятвеннаго и мертваго, и изъ-за

Адама, пріявшаго дѣйствіе лукаваго діавола, его совѣтомъ подвигнутаго на грѣхъ, поработившагося ему и потерявшаго самовластіе, и мы, какъ чада его, подлежимъ дѣйствію и властному господству діавола и бываемъ рабами ему. Для того Господь нашъ снизшелъ съ небесъ, воплотился и содѣлался человѣкомъ, подобнымъ намъ во всемъ кромѣ грѣха, чтобъ уничтожить грѣхъ,—зачатъ былъ и родился, чтобъ освятить зачатіе и рожденіе людей,— воспитываемъ былъ и возрасталъ мало-по-малу, чтобъ благословить всякій возрастъ,—началъ проповѣдывать, содѣлавшись уже совершеннымъ мужемъ, тридцатилѣтнимъ, чтобъ научить насъ — не забѣгать впередъ и не упреждать ни въ чемъ тѣхъ, кои больше насъ по уму и добродѣтели, то-есть, болѣе насъ разумны и добродѣтельны, особенно если мы еще молоды и несовершенны разсужденіемъ и добродѣтелію,—сохранилъ всѣ заповѣди Бога и Отца своего, чтобъ разрѣшить всякое преступленіе и насъ преступниковъ освободить отъ осужденія,—содѣлался рабомъ, пріявъ зракъ раба, чтобъ опять насъ, рабовъ діавола, возвесть въ господское достоинство, и сдѣлать господами и властителями самаго діавола, прежняго тирана нашего,—что и подтверждаютъ святые, изгоняющіе діавола, какъ слабаго и немощнаго, и слугъ его, не только въ жизни, но и по смерти,—повѣшенъ былъ на крестѣ и сдѣлался клятвою, какъ говоритъ пророкъ: *проклятъ всякъ висяй на древѣ* (Второз. 21, 23), чтобъ разрѣшить всю клятву Адамову,—умеръ, чтобъ умертвить смерть, и воскресъ, чтобъ уничтожить силу и дѣйство діавола, имѣвшаго власть надъ нами посредствомъ смерти и грѣха.

Такъ Господь нашъ, ввергши въ среду смертоноснаго яда грѣховнаго неизреченное и животворящее дѣйство Божества своего и плоти своей, освободилъ родъ нашъ отъ дѣйства діаволова, и очищая насъ святымъ креще-

ніемъ и животворя причащеніемъ пречистыхъ таинъ честнаго тѣла своего и крови, дѣлаетъ святыми и безгрѣшными,—но и опять оставляетъ имѣть намъ самовластіе, чтобъ не казалось, что мы служимъ Владыкѣ нашему Христу по принужденію, но по собственному нашему произволенію. Почему, какъ въ началѣ Адамъ въ раю былъ свободенъ и безгрѣшенъ, и по самовластной волѣ своей послушался врага, прельстился и преступилъ заповѣдь Божію, такъ напротивъ и мы, возраждаемые святымъ крещеніемъ, освобождаемые отъ рабства и дѣлаясь свободными, если не послушаемся по своей волѣ врага нашего діавола, то этотъ лукавый никакимъ способомъ не можетъ поселить въ насъ какое-либо зло. Теперь, если прежде закона и пришествія Христова, безъ пособія тѣхъ средствъ, о коихъ мы сказали, многіе и очень многіе угодили Богу и явились непорочными, изъ которыхъ праведнаго Еноха Богъ почтилъ преложеніемъ, а Илію вознесъ на небо на огненной колесницѣ: то мы какое можемъ дать оправданіе, если послѣ явленія благодати, послѣ такого и толикаго благодѣянія, послѣ уничтоженія смерти и грѣха, не являемся святыми, если по возрожденіи святымъ крещеніемъ, какое мы получили, состоя подъ охраненіемъ святыхъ Ангеловъ, коими ограждены, и подъ дѣйствіемъ благодати Святаго Духа, коего сподобились, не оказываемся даже подобными тѣмъ, кои были прежде благодати, т.-е. прежде Христа, но пребываемъ въ нерадѣніи, презираемъ и преступаемъ заповѣди Божіи?—А что мы, если понерадимъ о своемъ спасеніи, будемъ наказаны паче тѣхъ, кои грѣшили прежде Христа, это показалъ Апостолъ Павелъ, говоря: *аще глаголанное Ангелы слово бысть извѣстно, и всякое преступленіе и ослушаніе праведное пріятъ мздовоздаяніе: како мы убѣжимъ о толицѣмъ нерадивше спасенія* (Евр. 2, 2. 3).

5. Итакъ всякій изъ насъ, въ какое бы ни впалъ прегрѣшеніе, пусть не обвиняетъ Адама, но порицаетъ себя самого, и пусть показываетъ, подобно ему, истинное и достойное покаяніе, если желаетъ сподобиться царствія небеснаго. Если же не хотите всячески подвизаться, чтобъ соблюсть себя безгрѣшными и сохранить заповѣди Христовы, или, если, не сохранивъ ихъ и согрѣшивъ, не хотите каяться до конца жизни вашей и горько оплакивать грѣхи свои, но пребываете въ жестокосердой нераскаянности: то вотъ что говоритъ Господь къ тѣмъ, которые не хранятъ заповѣдей Его, или не каются тотчасъ, но отлагаютъ день отъ дня, которые не вѣрятъ и не слушаютъ словесъ Его, послѣ такихъ и толикихъ чудесъ, послѣ воплощеннаго домостроительства и такого свѣта истины, распространеннаго по всему міру: „сотрясется подъ ними земля и расторгнется на многая, не терпя носить на хребтѣ своемъ неблагодарныхъ, жестоковыйныхъ и непокорныхъ Мнѣ, и узрятъ они паденіе свое, приближающееся къ стопамъ ихъ, и вострепещутъ. Ибо когда земля потрясется, и небо подвигнется и съ трескомъ какъ свитокъ свіется отъ страшныхъ ужасностей тѣхъ, тогда ужаснутся непреклонныя и безчувственныя сердца ихъ, какъ у зайца въ часъ закланія; померкнетъ свѣтъ, спадутъ звѣзды, солнце и луна угаснутъ надъ ними, а изъ ограждений (коры) земли взыдетъ огнь преизливающійся, какъ волны морскія.“—Какъ во время потопа отверзлись хляби небесныя и низошла вода, и мало-по-малу покрыла все множество людей; такъ и тогда отверзутся основанія земли и изыдетъ огнь, не мало-по-малу, а весь вдругъ, и покроетъ всю землю, подобно морю огненному. Тогда что будутъ дѣлать тѣ, которые говорятъ: оставили бы лишь меня въ настоящей жизни, и я царствія небеснаго не захотѣлъ бы? Что будетъ съ тѣми,

кои нынѣ смѣются и говорятъ такъ? Чѣмъ защититься имъ тогда? Могутъ ли они сказать, что не слышали, или что насъ никто не научилъ, или что мы не знали имени, власти, крѣпости и силы Владыки всяческихъ? Нѣтъ, не можемъ мы сказать ничего такого. Ибо на это скажетъ намъ Владыка нашъ Христосъ: о, окаянные! Сколько разъ Я возвѣщалъ вамъ волю Мою чрезъ пророковъ, апостоловъ и всѣхъ почти рабовъ Моихъ? Я самъ сколько училъ васъ, открывая вамъ всякую истину? Не слышали вы развѣ моего Евангелія, которое говоритъ: *блажени плачущіи, яко тіи утѣшатся?* (Мѳ. 5, 5). Я взывалъ, а вы не слушали. Я взывалъ: *блажени плачущіи,* а вы смѣялись, переглядывались, разговаривали одинъ съ другимъ и длили празднословіе свое и затѣмъ звали другъ друга на пиры, работая чреву своему. Не говорилъ ли Я, что *тѣсенъ и прискорбенъ путь, вводящій въ животъ* (Мѳ. 7, 14), и что нудится *царствіе небесное и только нуждницы восхищаютъ ѐ* (Мѳ. 11, 12). А вы разваливались на мягкихъ постеляхъ, и изобрѣтали всякаго рода упокоенія плоти своей. Не говорилъ ли Я, что хотящій быть первымъ пусть будетъ послѣднимъ и всѣмъ рабъ и слуга? А вы предпочитали предсѣданія и преждевозлежанія, власти и чины великіе, и не хотѣли со смиреніемъ послужить бѣдному, убогому и всѣми брошенному. Не говорилъ ли Я: *елика аще хощете, да творятъ вамъ человѣцы, и вы творите имъ такожде?* (Мѳ. 7, 12). А вы исполняли только свои хотѣнія и похоти, лихоимствуя, похищая, обижая, и вообще угождали только себѣ самимъ, Не говорилъ ли Я: *аще тя кто ударитъ въ ланиту, обрати ему и другую?* (Мѳ. 5, 39). А изъ васъ одни только смѣялись, слушая это, а другіе даже и слышать этого не хотѣли, говоря, какъ нехорошо и несправедливо Я предписалъ это. Не говорилъ ли Я: *аще кто тя пойметъ*

по силѣ поприще едино, иди съ нимъ два? (Мѳ. 5, 41). А вы, сами никогда этого не исполняя, заставляли только такъ дѣлать братій своихъ. Не говорилъ Я: *блажени есте, егда поносятъ вамъ и изженутъ и рекутъ всякъ золъ глаголъ на вы лжуще, Мене ради?* (— —11). А вы не сносили даже слова нѣсколько суроваго, не только отъ равныхъ вамъ, но и отъ большихъ васъ. Не говорилъ Я: радуйтеся и веселитеся во время гоненій и скорбей? А вы любили паче похвалы, честь и славу, и когда случалось вамъ испытать скорбь какую, нерады бывали и самой жизни своей. Не ублажалъ ли Я нищихъ? А вы никогда отъ души не хотѣли сдѣлаться нищими. Не говорилъ ли Я, что кроткіе наслѣдятъ царствіе небесное? А вы были какъ звѣри дикіе въ отношеніи къ тѣмъ, которые не исполняли малѣйшихъ желаній вашихъ; когда же видѣли, что они не исполняли заповѣдей Моихъ, тогда сочувствовали имъ и были снисходительны и кротки, говоря, что Господь повелѣлъ быть снисходительными къ такимъ и кроткими. Не говорилъ ли Я вамъ: *любите враги ваша, добро творите ненавидящимъ васъ и молитеся за творящихъ вамъ напасть?* (Мѳ. 5, 44). А вы говорили, что это дѣло апостоловъ и великихъ святыхъ; ибо кто другой можетъ такъ дѣлать? Бѣдные и несчастные! почему же сами вы не дѣлались святыми? Не слышали развѣ, какъ Я говорилъ: *святи будите, якоже Азъ святъ есмь?* (1 Петр. 1, 16). А вы оставались въ грѣхѣ и въ нечистотахъ похотныхъ.

Женамъ же особо скажетъ Онъ: не слышали вы, какъ въ церкви читали жизнь и дѣянія св. Пелагіи, которая была прежде блудницею, а послѣ сдѣлалась святою? Жизнь и дѣянія преподобной Маріи Египетской, которая тоже была блудною и нечистою, а потомъ содѣлалась земнымъ ангеломъ? Жизнь святой Ѳеодоры, которая впала въ прелюбодѣйство, а потомъ явилась чудо-

творицею? Не слышали также жизнь Евфросиніи дѣвы, преобразившейся въ Смарагда? И еще жизнь Ксеніи, воистину странной и дивной? Не слышали, какъ онѣ оставили родныхъ, богатство и самыхъ обручниковъ своихъ, и Мнѣ послуживъ въ бѣдности и смиреніи, содѣлались святыми? Почему же и вы не подражали имъ,— блудницы блудницамъ, распутницы распутницамъ, замужнія замужнимъ, дѣвы дѣвамъ?

Опять и мужамъ,—царямъ и властителямъ скажетъ Онъ также: не слышали вы, какъ Давидъ согрѣшилъ, и когда пришелъ къ нему пророкъ Наѳанъ и обличилъ его, не противорѣчилъ ему, не разгнѣвался и не скрылъ грѣха своего, но тотчасъ всталъ съ престола своего и, падши на землю предъ всѣми, сказалъ: согрѣшилъ я предъ Господомъ моимъ, и во всю жизнь свою не переставалъ день и ночь плакать, проливать о томъ слезы? Не слышали, что тотъ же Давидъ говорилъ: *отъ гласа воздыханія моего прильпе кость моя плоти моей. Уподобихся неясыти пустынньй. Пепелъ яко хлѣбъ ядяхъ, и питіе мое съ плачемъ растворяхъ?* (Псал. 101, 6—7. 10). И опять: *утрудихся воздыханіемъ моимъ, измыю на всяку нощь ложе мое, слезами моими постелю омочу?* (Пс. 6, 7). Не слышали, какъ еще говорилъ онъ: *Господи Боже мой, аще сотворихъ сіе, аще есть неправди въ руку моею, аще воздахъ воздающимъ ми зла: да отпаду убо отъ враг моихъ тощь, да поженетъ убо врагъ душу мою, и да постигнетъ и попретъ въ землю животъ мой, и славу мою въ персть вселитъ?* (Пс. 7, 4—6). Почему же и вы не подражали ему и подобнымъ ему? Ужь не подумали-ль вы, что вы славнѣе и богаче его, и потому не восхотѣли смириться предо Мною? Бѣдные и несчастные! вы при всемъ томъ, что тлѣнны и смертны, хотѣли быть единодержавцами, и если гдѣ-либо оказывался кто такой, который не подчинялся вамъ, вы тотчасъ возставали на

него, какъ на ничтожнаго раба своего, при всемъ томъ, что онъ сорабъ вашъ и вы ничего не имѣете преимущественнаго предъ нимъ: какъ же вы не хотѣли работать и покоряться со страхомъ и трепетомъ Мнѣ, Творцу своему и Владыкѣ? И когда вы дѣлали зло тѣмъ, которые погрѣшали противъ васъ, то что подумывали о томъ, въ чемъ сами погрѣшили противъ Меня? — Что нѣтъ никого, кто бы взыскалъ кровь онеправдываемыхъ вами? Или, что нѣтъ никого, кто бы видѣлъ все, что вы дѣлаете въ тайнѣ? Или забыли вы Меня, Творца своего и Бога и подумали, что ужь никого нѣтъ больше васъ? Или не чаяли вы, что имѣете нѣкогда предстать предо Мною обпаженными и противъ воли своей? Не слышали вы, что Я говорилъ: *иже хощетъ въ васъ бящій быти, да будетъ вамъ слуга: и, иже аще хощетъ въ васъ быти первый, буди всѣмъ рабъ?* (Мѳ. 20, 26. 27). Какъ же не вострепетали вы и не пришли въ чувство, чтобъ сознать ничтожество свое и смириться, боясь пасть въ гордость отъ суетной славы міра сего, преступить заповѣдь Мою и преданными быть въ неугасимый огнь адскій? Не слышали развѣ вы, какъ Давидъ, когда поносилъ его Семей, называл убійцею, не только не разгнѣвался, но созналь себя хуждшимъ его и запретилъ тѣмъ, которые хотѣли убить его?

Итакъ вотъ и Моисей, и Іисусъ Навинъ, и Давидъ, и многіе другіе прежде воплощеннаго домостроительства, и еще множайшіе послѣ него, нынѣ, какъ видите, прославляются вмѣстѣ со Мною. Многіе изъ нихъ были царями, властителями, богатыми, какъ и вы, но жизнь свою провели въ страхѣ Божіемъ, въ правдѣ и смиреніи, не воздавая никому зломъ за зло, хотя многократно были безчестимы и презираемы не равными только себѣ, но и низшими, и Мнѣ оставлял сдѣлать за нихъ отмщеніе; а въ чемъ согрѣшали предо Мною, въ томъ

каялись отъ всей души и плакали о томъ со страхомъ и трепетомъ всю жизнь свою: ибо слышали, что будетъ день втораго пришествія Моего и суда и вѣровали тому. Вы же презрѣли заповѣди мои, какъ какого-нибудь ничтожнаго и безсильнаго лица. Такъ съ тѣми, съ которыми вы предпочитали обращаться, которыхъ слова слушались, которыхъ дѣла дѣлали, и которымъ послѣдовали, съ тѣми вмѣстѣ получите и уготованное имъ, то-есть геенну огненную.

Такимъ же образомъ и грѣшнымъ патріархамъ противопоставитъ Онъ патріарховъ святыхъ,—Іоанна Златоустаго, Іоанна милостиваго, Григорія Богослова, св. Игнатія, Тарасія, Меѳодія и всѣхъ прочихъ, которые были образами и подобіями истиннаго Бога, не только словомъ, но и дѣломъ. И грѣшнымъ митрополитамъ противопоставитъ Онъ митрополитовъ святыхъ, —Василія Великаго, Григорія, брата Василіева, Григорія чудотворца, св. Амвросія, Николая —и, словомъ сказать, всякаго патріарха, всякаго митрополита и всякаго епископа грѣшнаго сопоставитъ Онъ съ апостолами и свят. отцами, просіявшими прежде ихъ въ тѣхъ же епархіяхъ, и, поставивъ всѣхъ ихъ, однихъ противъ другихъ, то-есть праведныхъ противъ грѣшныхъ, или, какъ сказано, овецъ одесную, а козлищъ ошуюю, скажетъ послѣднимъ: не въ тѣхъ же ли мѣстахъ проводили жизнь и вы, какъ и тѣ, мнѣ угождавшіе и служившіе? Не на тѣхъ же ли каѳедрахъ сидѣли и вы?—Почему же не подражали вы дѣламъ ихъ? Какъ не убоялись вы держать и вкушать Меня, чистаго и непорочнаго, нечистыми руками и еще болѣе нечистыми душами своими? Какъ не ужасались и не трепетали вы, дѣлая сіе? Зачѣмъ тратили вы достояніе бѣдныхъ на собственныя свои удовольствія и на своихъ родныхъ? Зачѣмъ продавали вы Меня за сребро и злато, подобно Іудѣ? Зачѣмъ покупали вы Меня какъ какого

раба непотребнаго и Мною пользовались на удовлетвореніе пожеланій плоти вашей? Почему, какъ вы не почтили Меня, такъ и Я не попечалюсь о васъ. Отыдите отъ Меня, дѣлатели грѣха, отыдите!

Такъ-то наконецъ осуждены будутъ отцы отцами, рабы и свободные рабами и свободными, богатые и бѣдные богатыми и бѣдными, женатые женатыми, неженатые неженатыми, и просто сказать, всякій грѣшникъ, въ оный страшный день суда, увидитъ подобнаго себѣ противъ себя въ жизни вѣчной и въ неизреченномъ оном свѣтѣ, и будетъ осужденъ имъ. Какъ бы сказать, всякій грѣшникъ будетъ видѣть противъ себя подобнаго ему праведника, то есть царь царя, начальникъ начальника, блудникъ нераскаянный блудника покаявшагося, бѣдный бѣднаго, рабъ раба; и вспомнитъ, что и онъ былъ человѣкъ, и онъ имѣлъ душу и тѣло и все другое, какъ и тотъ имѣлъ въ настоящей жизни, такое же достоинство, такое же искусство, такой же промыслъ, однакожъ не хотѣлъ подражать ему; и зажметъ ротъ свой, не имѣя ничего сказать въ защиту себѣ. Когда міряне грѣшники увидятъ въ царствіи небесномъ мірянъ праведныхъ, грѣшные цари—царей праведныхъ, богатые и женатые грѣшные—богатыхъ и женатыхъ святыхъ, и всѣ другіе грѣшники, имѣющіе находиться въ адѣ, подобныхъ себѣ находящимися въ царствіи небесномъ: тогда покроются стыдомъ, подобно оному богачу, который, палимъ будучи огнемъ неугасимымъ, увидѣлъ бѣднаго Лазаря покоющимся на лонѣ Авраама.

Мы же монахи, такіе т.-е., которые, подобно мнѣ, лѣнивы, нерадивы и грѣшны, — что мы постраждемъ тогда? Какой стыдъ, какія муки обымутъ насъ, когда увидимъ тѣхъ, которые въ жизни сей имѣли женъ и рабовъ и рабынь, веселящимися въ царствіи небесномъ вмѣстѣ съ женами и дѣтьми своими? Когда увидимъ тѣхъ, ко-

торые исправляли разныя должности и обладали богатствомъ, угодившими Богу? Или, короче сказать,—когда увидимъ всѣхъ тѣхъ мірянъ, которые исправляли всякую добродѣтель и жизнь свою проводили въ покаяніи и слезахъ, со страхомъ Господнимъ, стоящими въ веселіи свѣтлости праведныхъ?—Когда помыслимъ, что мы, которые оставили отцевъ и матерей, братьевъ и сестръ и весь вообще міръ, для спасенія душъ своихъ,—нѣкоторые же изъ насъ оставили чины, богатство и всѣ другія блага міра сего,—и удалившись изъ міра, сдѣлались нищими и монахами, для стяжанія царствія небеснаго, за свое нерадѣніе и лѣность и за поблажку худымъ похотямъ своимъ, сами себя довели до того, что насъ отбросили общую вмѣстѣ съ блудниками и прелюбодѣями, и со всѣми жившими непотребно въ мірѣ семъ: тогда,—увы намъ!—какой страхъ и трепетъ, и какой стыдъ покроетъ насъ?! Повѣрьте мнѣ, братіе, что этотъ стыдъ будетъ для насъ мучительнѣе всякаго мученія грѣшныхъ мірянъ. Когда я, отвергшійся міра и всего мірскаго стану на ряду съ грѣшными мірянами, которые имѣли женъ и дѣтей и были озабочиваемы дѣлами мірскими, чтобъ равной вмѣстѣ съ ними подвергнуться мукѣ, а они, обратившись и увидѣвъ меня вмѣстѣ съ собою, скажутъ: и ты монахъ, оставившій міръ, здѣсь вмѣстѣ съ нами стоишь? Какъ же это, какъ? — тогда чѣмъ имѣю защититься предъ ними, и что сказать имъ? Кто можетъ, братія мои описать, какъ слѣдуетъ, словомъ, ту великую скорбь, какою я имѣю объятъ быть тогда? Конечно никто. Да и что сказать, и чѣмъ защититься?

Оставили мы, монахи, міръ и все что въ мірѣ, но не отвратились отъ него всею душею между тѣмъ то и есть истинно удаленіе отъ міра и всего мірскаго, когда кто, убѣгши отъ міра возненавидитъ все мірское.

И что есть міръ?—Послушай. Не есть онъ ни сребро, ни злато, ни лошади, ни мулы, ни яства, ни вино, ни хлѣбъ; потому что все, что необходимо для поддержанія тѣлесной жизни, употребляемъ и мы монахи, ѣдимъ и пьемъ, сколько потребно. Не есть онъ ни дома, ни поля, ни виноградники, ни загородныя жилища; а что же есть? Грѣхъ, пристрастіе къ вещамъ и страсти. *А ляже въ мірѣ* что суть? Пусть это скажетъ намъ Іоаннъ Богословъ, возлюбленный ученикъ Христовъ: *не любите міра, ни ляже въ мірѣ: яко все, еже въ мірѣ, похоть плотская, похоть очесъ и гордость житейская, нѣсть отъ Отца, но отъ міра сего есть* (1 Іоан. 2, 15. 16). Почему, если мы, удалившись отъ міра и оставивши его, не соблюдаемъ этого, что намъ пользы отъ одного удаленія? Изъ какой бы части міра мы ни вышли, и въ какую бы страну ни переселились, вездѣ встрѣтимъ тѣже вещи и тѣже нужды; потому, будучи человѣками, куда ни пойдемъ, нигдѣ не можемъ жить иначе, какъ живутъ человѣки, яко человѣки. Гдѣ бы мы ни находились, вездѣ намъ необходимо потребное для тѣла, и кромѣ того вездѣ встрѣтимъ женъ, дѣтей, вино, всякаго рода плоды и прочее. Такъ ужъ устроена жизнь наша. Итакъ отъ всего этого не убѣжишь; а отъ чего убѣжать можно? Отъ пристрастія къ сему. Тогда и отъ грѣха легко избѣжать. Если же мы имѣемъ похоть плоти, похоть очесъ и пареніе помысловъ, то какъ, находясь среди всего этого, избѣжать намъ грѣха и не подвергнуться уязвленію отъ стрѣлъ его? Но я знаю очень хорошо, что многіе и въ древнія, и въ нынѣшнія времена сохраняли и сохраняютъ себя неуязвленными отъ него, и, находясь среди вещей и дѣлъ мірскихъ, среди попеченій и заботъ житейскихъ, проводили и проводятъ жизнь въ совершенной чистотѣ и святости, слѣдуя указанію св. Павла, который говоритъ: *время сокращено есть прочее, да имущіи жены, яко не*

имущіи будутъ... и купующіи, яко не содержаще: преходитъ бо образъ міра сего (1 Кор. 7, 29—31). Посему и о прочемъ разумѣвай, т.-е кого безчестятъ и обижаютъ и тѣмъ подвигаютъ на гнѣвъ, тотъ пусть не гнѣвается; кого хвалятъ, тотъ пусть не держитъ въ умѣ своемъ того, что говорятъ въ похвалу ему; кто побуждается сдѣлать кому отмщеніе,—тотъ пусть будетъ въ мірѣ какъ мертвый всѣмъ сердцемъ своимъ, и прочее. Кто разъ сдѣлался таковымъ, тотъ прочее пусть усердно ревнуетъ о томъ, чтобъ ужь и всегда соблюдать себя безпечальнымъ даже о самой жизни тѣла. Таковыми были и во всякое время бываютъ тѣ, которые усердно подвизаются.

Если мы не подвизаемся сдѣлаться такими и проводить такую жизнь, то что скажемъ тогда на будущемъ судѣ? Что презрѣли славу и богатство? Но Господь скажетъ намъ: но вы не оставили зависти, споривости и задора. А что это отстраняетъ и отдѣляетъ насъ отъ Бога, объ этомъ говоритъ Апостолъ Іаковъ: *аще завистъ горьку имате и рвеніе въ сердцахъ вашихъ* (есть и доброе рвеніе, когда кто ревнуетъ другому съ доброю цѣлію, т.-е. чтобъ и самому дѣлать то добро, которое видитъ въ братѣ своемъ), *не хвалитеся, ни лжите на истину. Нѣсть сія премудрость свыше низходящи, но земна, душевна, бѣсовска. Идѣже бо завистъ и рвеніе, ту нестроеніе и всяка зла вещь* (Іак. 3, 14—16). Немного послѣ опять говоритъ онъ: *просите, и не пріемлете, зане зль просите, да въ сластехъ вашихъ ождивете* (—4, 3), и къ сему прибавляетъ: *прелюбодѣи и прелюбодѣйцы, не вѣсте ли, яко любы міра сего вражда Богу есть?* (——4). И подумай, не сказалъ онъ, что міръ только есть врагъ Богу, но и любы міра; потому что изъ-за ней бываемъ мы прелюбодѣями и прелюбодѣйцами. А что это истинно, послушай самого Христа Господа, Который говоритъ:

всякъ, иже воззритъ на жену, ко еже вожделѣти ея, уже любодѣйствова съ нею въ сердцы своемъ (Мѳ. 5, 28). И въ другомъ мѣстѣ сказано: *не пожелай, елика суть ближняго твоего* (10-я заповѣдь). Изъ сего явно, что не тотъ только удаляется отъ Бога и бываетъ врагомъ Ему, кто дѣломъ совершаетъ грѣхъ, но и тотъ, кто любитъ его и похотно желаетъ какой-либо вещи, т.-е. имѣетъ пристрастіе и привязанность къ чему-либо земному и мірскому, потому что въ этомъ и состоитъ *любы міра*. Почему, пусть кто нагъ и лишенъ всего земнаго и мірскаго, и явно не дѣлаетъ никакого грѣха, но имѣетъ любовь и пристрастіе къ сему; то онъ врагъ Богу, какъ говоритъ и Іоаннъ Богословъ: *аще кто любитъ міръ, нѣсть любве Отчи въ немъ* (1 Іоан. 2, 15). Но и Господь нашъ Іисусъ Христосъ говоритъ: *возлюбиши Господа Бога твоего отъ всего сердца твоего, и отъ всея души твоея, и всею крѣпостію твоею, и всѣмъ помышленіемъ твоимъ* (Лук. 10, 27); такъ что кто имѣетъ расположеніе, пристрастіе и привязанность къ чему-либо другому, тотъ уже не исполняетъ сей заповѣди.

Мы же, бѣдные и несчастные, оставили то, что велико, славно и высоко въ мірѣ, а сдѣлавшись монахами, любимъ кто рясы свѣтлыя, кто другія одежды красивыя, кто пояса, кто обувь, кто яства и питія сладкія, кто ножи и прочія орудія, или другія вещи еще болѣе ничтожныя, изъ-за которыхъ отпадаемъ отъ любви къ Царю всѣхъ Христу и становимся врагами Ему, не чувствуя того. Почему если не покаемся въ этомъ, какъ должно, и не отторгнемъ отъ души нашей всякой злой похоти и всякаго лукавства, спорливости, задора и гордости, то всеконечно осуждены будемъ въ огнь вѣчный, вмѣстѣ съ мытарями, блудниками, грѣшниками и съ тѣми богачами, которые жили нечисто. Воспріимемъ же подвигъ, братія мои, и начнемъ творить всякую добро-

дѣтель, всякое же худо и всякую страсть отвергнемъ отъ всей души, возненавидимъ всякую вещь, и большую и малую, которая подвергаетъ опасности души наши, и будемъ употреблять только такія, которыми не былъ бы занимаемъ умъ нашъ и не услаждалось сердце, чтобъ не попасть ошую вмѣстѣ съ грѣшными мірянами, изъ-за такихъ ничтожностей, и не увидѣть братій нашихъ и отцевъ стоящими одесную Бога и насъ осуждающими,—не увидѣть, говорю, грѣшнымъ игуменамъ каждаго монастыря игуменовъ, Богу угодившихъ въ тѣхъ же монастыряхъ, грѣшнымъ діаконамъ—такихъ, которые просіяли какъ свѣтила, въ такомъ же діаконствѣ, грѣшнымъ послушникамъ и рукодѣльникамъ—такихъ, которые, тѣмъ же занимаясь или проходя еще и нисшія послушанія, явились святыми и за то увѣнчаны наряду со святыми мучениками,—осквернившимъ юность свою плотскими грѣхами не увидѣть сохранившихъ сію юность въ чистотѣ,—мужамъ, падшимъ по нерадѣнію своему, не увидѣть такихъ, которые терпѣли брань плотскую отъ юности до престарѣнія, и однакожъ сохранили цѣломудріе свое,—старикамъ, до конца жизни творившимъ дѣла несмысленныхъ дѣтей, не увидѣть такихъ, которые въ старости покаялись, или даже сдѣлались монахами и въ короткое время, подъ дѣйствіемъ страха Божія, отсѣкли злой навыкъ, укоренившійся съ юношескаго возраста,—которые смѣялись—такихъ, которые плакали,—которые безвременно ѣли и пили до сытости и пресыщенія—такихъ, которые и въ опредѣленное время не вкушали вдоволь,—которые проводили время въ утѣхахъ и веселіяхъ—такихъ, которые всегда были печальны и унылы, воспоминая страшный день суда и грѣхи свои,—которые, оставя богатство и славу, пришли и сдѣлались монахами и однакожъ нисколько не хотѣли подчиняться и смиряться—такихъ, которые пришли къ намъ отъ

бѣдноты, но пожили съ нами въ смиренномъ послушаніи и за смиреніе свое содѣлались свѣтлѣйшими и славнѣйшими многихъ царей и патріарховъ, стоящихъ тамъ же вмѣстѣ съ ними одесную

6. Что же, братія мои возлюбленные, поняли, что я сказалъ вамъ? Знаете теперь, какой стыдъ имѣетъ тогда покрыть насъ? Напечатлѣли въ умѣ своемъ и воспріяли въ чувство часъ оный? Или опять повторить мнѣ тоже самое въ собственную свою и подобныхъ мнѣ нерадивцевъ и лѣнивцевъ пользу? Вѣдь и съ нами тоже самое будетъ въ оный страшный день суда; многіе изъ братій нашихъ окажутся стоящими одесную Бога въ славѣ великой, а многіе окажутся стоящими ошуюю и будутъ осуждаемы ими. Да и какъ не быть имъ осужденными? Когда два человѣка, занимающіеся тѣмъ же мастерствомъ или два юноши, чистые отъ всякаго грѣха, и бѣдные, отвергшись міра, сдѣлаются монахами, а одинъ изъ нихъ, по собственному произволенію, дѣлаетъ всякую добродѣтель, а другой—всякое худо; то какъ перваго не одобрить, а втораго не осудить? И развѣ не видимъ, что это всегда почти бываетъ между нами? Одного видимъ послушнымъ, внимательнымъ, смиреннымъ, съ братіями обращается онъ какъ рабъ Бога, а не человѣковъ, служитъ братіямъ вѣрно и почтительно, мудрованіе имѣетъ смиренное и сокрушенное, о себѣ же самомъ такъ судитъ и говоритъ: я, честный отче (мнѣ не разъ приходилось слышать это отъ таковыхъ), и въ мірѣ жилъ въ большой нуждѣ и тѣснотѣ, и съ большими трудами добывалъ себѣ пропитаніе, какъ же мнѣ не радѣть о послушаніи пришедши сюда и даромъ ѣсть хлѣбъ монастырскій? За это Богъ взыщетъ съ меня въ день суда. Но какъ я пришелъ сюда работать Богу то и буду трудиться, сколько могу, чтобы плодъ трудовъ мо-

ихъ превосходилъ трату на мое содержаніе; буду слушаться настоятеля моего и всѣхъ братій моихъ до смерти, безъ роптанія, такъ, какъ бы слушался самого Христа, и постараюсь ни въ чемъ не оказаться ослушникомъ предъ ними. Другаго же видимъ тщеславнымъ, невнимательнымъ, непослушнымъ, и съ собою разсуждаетъ онъ все противоположно первому и говоритъ: вотъ далъ мнѣ Богъ жилище, хлѣбъ, вино, яства разныя съ избыткомъ, сталъ я равенъ съ прежними, и первымъ предъ тѣми, которые имѣютъ придти послѣ меня; я братъ всѣмъ имъ, хотятъ ли они того, или не хотятъ; такъ буду ѣсть, пить, спать вдоволь, потому что какая мнѣ нужда трудиться и работать, чтобъ другіе получали пользу отъ моихъ трудовъ? А если прикажутъ мнѣ что нибудь работать, я скажу имъ, что немощенъ, не могу; и если будутъ принуждать къ тому, отвѣчу: хоть задушите меня, или выгоньте, не могу работать, и нахмурюсь, будто плачу, вскрикну и скажу: вотъ колѣна подгибаются и въ глазахъ потемнѣло; по такой причинѣ, я получу разрѣшеніе ѣсть съ утра, какъ захочу; или буду ворчать, браниться, поперечить и роптать при всякомъ послушаніи, какое мнѣ ни дадутъ, и всячески они соскучатъ возиться со мною и оставятъ меня въ покоѣ и не хотя; а если дадутъ мнѣ иной разъ какое небольшое послушаніе, то я совсѣмъ не буду радѣть о немъ; сказать къ примѣру, если заставятъ меня смотрѣть за мулами, то сначала проговорю, что не умѣю ходить за ними, а потомъ нарочно буду оставлять ихъ безъ пойла и корма; тогда по неволѣ или оставятъ меня, или дадутъ мнѣ помощника, на котораго я и свалю весь трудъ, самъ же сдѣлаю что-нибудь для вида, и заляжу; если велятъ мнѣ быть хлѣбопекомъ, то я, чтобъ не показаться ослушникомъ, буду увѣрять ихъ притворно, что не умѣю печь хлѣбы, и скажу, что ни разу не видалъ, какъ печется

хлѣбъ, но пойду и испеку имъ такой хлѣбъ, что будетъ какъ камень, и они, не могши ѣсть его, не будутъ болѣе принуждать меня къ такому послушанію; если пошлютъ меня прислуживать на кухнѣ, то я не послушаю игумена, и не поклонившись даже ему, скажу: Господи помилуй! Меня это ты, отче, изъ всѣхъ выбралъ, чтобъ приставить къ такому низкому послушанію? Развѣ нѣтъ другихъ братій въ монастырѣ? Такъ думаетъ онъ сказать, чтобъ отдѣлаться и отъ этого послушанія. Затѣмъ пересматриваетъ всѣ послушанія, и на всѣ заготовляется отвѣчать,—не умѣю, не могу, а если принудятъ, исполнять ихъ кое-какъ и портить. Какъ замышляетъ, такъ потомъ и дѣлаетъ,—или еще и хуже того.

Итакъ, вотъ имѣемъ мы предъ глазами своими двухъ братьевъ, изъ которыхъ одинъ во всемъ покорствуетъ съ благодушнымъ послушаніемъ и съ сердцемъ смиреннымъ, безъ лѣности, ропота и лукавства, а другой поступаетъ совсѣмъ противоположно тому. Теперь, когда придетъ смерть и возьметъ ихъ обоихъ такими, какъ есть,—и въ день страшнаго суда, этотъ лукавый и лѣнивый, поставленъ будучи ошуюю Владыки Христа нагимъ и связаннымъ, обратится и увидитъ одесную Его того собрата своего, собесѣдника и сотрудника, вмѣстѣ съ нимъ сдѣлавшагося монахомъ, что онъ весь одѣянъ свѣтомъ и славою, подобно самому Христу;—что имѣетъ онъ сказать тогда? Поистинѣ, братія мои, нечего ему будетъ сказать тогда; но стеня и трясыйся и скрежеща зубами пойдетъ онъ въ вѣчный огнь адскій.

Такимъ же образомъ и каждый изъ насъ грѣшныхъ будетъ осужденъ своимъ святымъ,—невѣрные будутъ осуждены вѣрными, согрѣшившіе и непокаявшіеся будутъ осуждены согрѣшившими, можетъ быть, даже больше ихъ, но показавшими великое и теплое покаяніе. Почему прошу васъ всѣхъ, если знаете за собою, что сдѣла-

ли что худое, и въ чемъ либо согрѣшили и грѣхами своими уязвили и умертвили души свои, попекитесь отъ сего же часа исправиться, покажите достойное грѣховъ вашихъ покаяніе и всячески восподвизайтесь сдѣлаться достойными стать одесную Іисуса Христа, Спасителя нашего и Бога. Если хоть и малыя какія знаете за собою погрѣшности, отбросьте и ихъ сколько можно скорѣе, чтобъ за эти малости, какъ вамъ кажется, и вамъ не пришлось стать ошую. Не считайте эти малости малыми и ничтожными, но имѣйте ихъ за великія. Ибо кто погрѣшаетъ по своей волѣ въ маломъ и бережется отъ большаго, тотъ большему подпадетъ наказанію,—такъ какъ, побѣдивъ большее, побѣждать себя допустилъ меньшему. Ктому же и одной страсти достаточно, чтобъ ввергнуть насъ въ адъ, какъ сказали мы выше, приведши во свидѣтели самыхъ Апостоловъ—Іоанна и Іакова. Чтобъ подтвердить это еще и примѣромъ, спрошу васъ: кто имѣетъ брань съ десятью или двѣнадцатью врагами, если, когда начнется война, съ самаго начала побѣдитъ и убьетъ всѣхъ первѣйшихъ противниковъ своихъ наиболѣе мужественныхъ, но видя, что остались еще одинъ или два слабенькихъ и немощныхъ, выступающихъ противъ него съ робостію, не устремится на нихъ издали, и схвативъ не свяжетъ или не убьетъ ихъ, то не будетъ ли онъ убитъ ими? Если онъ, въ гордости своей сбросивъ оружія, завалится спать, презирая тѣхъ двухъ слабенькихъ, то не устремятся ли на него эти двое, или даже и одинъ, чтобъ связать его и взять въ рабы себѣ, или и убить и сдѣлать посмѣшищемъ предъ всѣми людьми, которые праведно будутъ говорить: по дѣламъ ему, что попался въ рабство, или убитъ; это ему за гордость и безпечность? Я же скажу лучше, за неразуміе и безсмысліе его. Ибо не столько достоинъ онъ похвалы за мужественную въ началѣ борьбу и побѣду, одержанную надъ болѣе сильными

врагами, сколько порицанія, презрѣнія и отверженія за что, то попустилъ одолѣть себя тому одному слабому.

Такимъ же образомъ, братія мои возлюбленные, и мы никакой не получимъ пользы, если, побѣдивъ большія страсти, останемся побѣжденными отъ меньшихъ,—именно: если сохранимъ отъ осквернения плоть свою, если не будемъ поддаваться гнѣву, зависти и корысти, но будемъ порабощены объяденію, винопитію, или сну, или лѣности, или прекословію, непослушанію, или ропоту. Что пользы для насъ воздерживаться только отъ злыхъ дѣлъ, о коихъ мы сказали? Если мы возьмемъ тайкомъ лишь кусокъ хлѣба, или другое что, и съѣдимъ безъ благословенія настоятеля, или если по своей волѣ, безъ болѣзни и крайней нужды, не пойдемъ на службу церковную, кто можетъ сказать, что мы свободны отъ грѣха? Того, у кого все тѣло было въ ранахъ и потомъ вылечено, нельзя назвать совершенно здоровымъ, если у него осталась еще хоть одна небольшая ранка; но того слѣдуетъ называть надлежаще здоровымъ, кто изгладитъ, если возможно, самые знаки ранъ бывшихъ на тѣлѣ. Итакъ, перестанемъ считать малости малостями, но, слыша, что многіе были осуждены за нихъ и сильно наказаны, будемъ воздерживаться всѣми силами отъ нихъ, чтобъ избѣжать вреда, причиняемаго ими. Пусть никто изъ васъ, братія мои, не остается связаннымъ какою-либо изъ малостей, какъ и всякою другою страстію; но отнынѣ же пусть положитъ начало покаянію. Не стыдись никто обнаружить побѣду надъ собою, исповѣдавъ грѣхъ свой, если когда побѣжденъ будетъ какою страстію да посрамится врагъ діаволъ и прекратитъ свои нападенія. Не дадимъ господствовать надъ собою ни зависти, ни гнѣву, ни ярости, ни вздорности, отъ которыхъ обыкновенно происходятъ срамословіе, и ругательство. Да не господствуетъ надъ нами тщеславіе, гордость

и высокоуміе чтобъ низвергнуть насъ во глубину ада. Далеко отъ себя отгонимъ все сіе, и вмѣсто того стяжемъ всякую добродѣтель.

Спросите, кто же можетъ усмотрѣть всѣ эти маленькія прегрѣшенія, чтобы воздерживаться отъ нихъ и не провиниться ни въ одномъ изъ нихъ, когда ихъ безчисленное множество? Я скажу вамъ, кто благодатію Божіею можетъ не провиниться въ нихъ. Кто всегда помнитъ грѣхи свои и помышляетъ о будущемъ судѣ, кается и плачетъ, тотъ преодолѣваетъ и препобѣждаетъ всѣ вообще страсти. Ибо онъ подымается силою покаянія столь высоко, что никакая страсть не можетъ достать его и схватить душу его, парящую горѣ. Но если умъ нашъ не возвысится и не достигнетъ мѣры безстрастія покаяніемъ, слезами и духовнымъ смиреніемъ, происходящимъ отъ слезъ, то намъ невозможно быть свободными отъ сказанныхъ страстей. Мы будемъ уязвляемы непрестанно то одною, то другою страстію и снѣдаемы ими, какъ дикими звѣрьми, и здѣсь, и по смерти за нихъ не сподобимся царствія небеснаго, и ими же терзаемы будемъ всю вѣчность. Посему умоляю и не перестану умолять всѣхъ васъ, духовные братія мои, не нерадите о спасеніи своемъ, но подвизайтесь всячески приподняться немного отъ земли; потому что, если совершится надъ вами это чудо. что вы (духовно) какъбы повиснете въ воздухѣ надъ землею; то, восхитившись чудомъ симъ, вы уже не захотите болѣе сойти на землю или стоять на ней. Землею называю я мудрованіе плотское, воздухомъ — мудрованіе духовное. Сказанное мною значитъ, что когда умъ нашъ освободится отъ лукавыхъ помысловъ и страстей и мы, въ силу сего, вкусимъ свободу, какую даровалъ намъ Христосъ Богъ нашъ; тогда мы не захотимъ уже низойти въ прежнее рабство грѣха и плотскаго мудрованія. Но будемъ всегда бодренны

и трезвенны, и будемъ непрестанно молиться, какъ заповѣдалъ намъ Господь нашъ, говоря: *Бдите и молитеся* (Мѳ. 26, 41), — пока не внидемъ въ блаженное царство небесное и не получимъ обѣтованныхъ благъ, благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа,—Коему подобаетъ всякая слава, во вѣки вѣковъ. Аминь.

СЛОВО ШЕСТЬДЕСЯТЪ СЕДЬМОЕ.

1) О покаяніи. Какой подвигъ душевный и какую болѣзнь сердечную имѣетъ тотъ, кто кается съ духомъ сокрушеннымъ и смиреннымъ?
2) Что говоритъ онъ, и какъ молится человѣколюбивому Богу?
3) О страхѣ Божіемъ.

1) Есть ли въ мірѣ человѣкъ, который, будучи отравленъ смертоноснымъ ядомъ и терпя страшныя боли внутри, могъ бы приводить себѣ на умъ и заботиться о какой нибудь маленькой ранкѣ на кожѣ тѣла своего? Внутренняя боль естественно заглушаетъ у него всякую другую боль, и великое томленіе сердца не даетъ ему подумать о внѣшнихъ ранахъ или взглянуть на нихъ. Бываетъ даже, что онъ, отъ великой боли и несноснаго мученія, руками своими раздираетъ одежду свою и забывъ о ранахъ на тѣлѣ, ногтями своими еще больше разрываетъ ихъ, забываетъ родныхъ и друзей и не оборачивается, чтобъ посмотрѣть на человѣка, который бы случайно бранилъ его съ ожесточеніемъ,—не печется уже объ имѣніи и оставляетъ расхищать богатство свое всякому кто хочетъ,—даже хлѣба не ѣстъ и вина не пьетъ, по причинѣ безмѣрной боли своей, и тѣмъ, которые приглашаютъ его къ тому, съ гнѣвомъ отвѣчаетъ: подите всѣ прочь отъ меня: смерть сокрушаетъ душу мою, — еще немного, и, можетъ быть, она совсѣмъ возьметъ ее отъ меня; да я и не хочу больше жить въ

настоящей жизни, потому что смерть лучше жизни, какою я теперь живу въ такихъ мученіяхъ.—Не имѣя покоя, катается онъ по постели своей, или сбрасывается на полъ съ большимъ крикомъ и рыданіями, не обращая вниманія на тѣхъ, которые смотрятъ на это безобразничанье, ни на тѣхъ, которые слышатъ крикъ его и осуждаютъ его; очи его—два ручья,—они больше изливаютъ слезъ, нежели сколько смотрятъ. Такой человѣкъ ублажаетъ всякаго человѣка, какъ Ангела, ублажаетъ и живыхъ, и умершихъ, и тѣхъ, кои еще не родились въ міръ сей, и всякое безсловесное животное и всякое пресмыкающееся,—все это ублажаетъ онъ, и говоритъ: воистину благословенны всѣ твари Божіи, потому что не имѣютъ моихъ страданій, но проводятъ жизнь въ здоровьи и радости. Я одинъ имѣю такую тяготу и такое бремя грѣховъ, за которые отнынѣ уже осуждаюсь въ огнь вѣчный и еще на землѣ сей испытываю несноснѣйшія мученія. Всякую другую душу почитаетъ онъ благочестною, и благоговѣетъ предъ нею, какъ предъ святою,—и сторонится отъ всѣхъ, какъ нечистый. Не различаетъ онъ праведнаго отъ неправеднаго, но всѣхъ равно имѣетъ святыми, и чистыхъ и нечистыхъ; только самого себя отчуждаетъ отъ всѣхъ тварей, сущихъ подъ небесемъ, сидитъ на гноищѣ безмѣрныхъ своихъ прегрѣшеній, какъ бы въ нѣкоей находясь тмѣ невѣдѣнія и печали, коей нѣтъ конца,—и очищаетъ нагноившіяся раны свои, не черепкомъ, какъ Іовъ, а ногтями рукъ своихъ, по причинѣ великой боли сердца своего. Іовъ хотя былъ пораженъ въ тѣлѣ, но душа его была подъ покровомъ и охраною Божіею, а у него и душа вмѣстѣ съ тѣломъ отравлена и уязвлена грѣхами: почему раны такого человѣка несравненно болѣзненнѣе ранъ Іова. Послѣ сего оставляютъ его родные по плоти, и всѣ други и знаемые, какихъ имѣлъ онъ въ мірѣ. Они, по-

сидѣвши съ нимъ немного и поплакавши, усматриваютъ безуспѣшность и безмѣрность печали его, и подумавъ, что онъ есть нѣкая мерзость, расходятся по домамъ своимъ. Тогда, оставшись одинъ и видя вокругъ пустоту и заброшенность свою, еще большею поражается онъ скорбію и болѣзнію сердечною, и отъ безмѣрной душевной боли начинаетъ плакать, и въ безнадежіи такъ вопіятъ ко Вседержителю Господу:

2) Ты все видишь, Господи, и ничего нѣтъ, чего бы не видѣлъ Ты. Я, хотя и есмь дѣло рукъ Твоихъ, однакожъ дѣлъ по заповѣдямъ Твоимъ не дѣлалъ, но по неликому неразумію своему дѣлалъ всякое худо, не помышляя, что Ты, Творецъ мой и Богъ, сколько благъ, столько же и правосуденъ. Нынѣ же, приведши сіе на память, вострепеталъ я, и не знаю, что дѣлать. Чувствую осужденіе Твое, и слова оправданія не нахожу въ устахъ моихъ. Не имѣю я никакой добродѣтели, и не сдѣлалъ никакого дѣла покаянія, достойнаго того, чтобъ за него простить мнѣ хоть одно праздное слово устъ моихъ. Ктому же, кто и всѣ имѣетъ добродѣтели и дѣлаетъ всякія добрыя дѣла, дѣлаетъ то, какъ рабъ и должникъ; за грѣхъ же свой никакого во всемъ этомъ не найдетъ онъ замѣненія: тутъ единая милость Твоя предваряетъ. Грѣхъ есть смерть, и кто изъ умершихъ чрезъ него можетъ воскреснуть самъ собой? Воистину никто. Одинъ Ты умеръ и воскресъ, потому что грѣха не сотворилъ и не обрѣтеся лесть во устахъ Твоихъ. Такъ, Владыко Вседержителю, надѣлавши много злыхъ дѣлъ, каюсь я; но одно покаяніе несильно оправдать меня. Покаяніе есть познаніе грѣховъ своихъ; снимаетъ ихъ милость Твоя. Ты видишь, Вседержителю Господи, что я ничего теперь не имѣю кромѣ тѣла; но никакой нѣтъ для меня пользы отъ этого оставленія всякаго богатства. Я весь—одна рана; не осталось во мнѣ никакой надежды

спасенія — и адъ готовъ поглотить меня живаго. Ты Одинъ можешь спасти меня и уврачевать болѣзни сердца моего. Рука Твоя сильна на все; она досязаетъ до самыхъ глубинъ бездны. и все творится по мановенію Твоему. Не дерзаю говорить: помилуй мя. Господи! потому что недостоинъ милости Твоей, какъ праведнодостойный всякаго мученія. Ты же, Господи, знаешь все, и какъ знаетъ человѣколюбіе Твое, сотвори со мною, недостойнымъ и самой жизни.

Почему, благоутробный Богъ скоро услышитъ его, и безъ промедленія подастъ ему утишеніе болѣзней его, и свободу отъ скорби его. Ибо Богъ человѣколюбивъ и не терпитъ видѣть, чтобъ твореніе рукъ Его находилось въ такой великой нуждѣ, и въ такой нестерпимой печали. Съ такимъ человѣкомъ, который неопустительно дѣлаетъ все сказанное, равно какъ и съ тѣми, которые слышатъ сіе съ вѣрою и подражаютъ сему истинному образу покаянія, Богъ сотворитъ великую и неизреченную милость Свою, и измѣнитъ болѣзнь его въ радость, и печаль сердца его въ веселье, расположивъ изблевать ядъ дракона, пожиравшій внутренность его. Съ сего времени и потомъ не вспомнитъ уже онъ прежнихъ трудовъ своихъ и болѣзней и ни одного изъ тѣхъ золъ, какія перестрадалъ,—не обратится также чтобъ взыскать денегъ, или вещей, какія оставилъ во время болѣзней покаянія своего, и ничего подобнаго не пожелаетъ. Всевышній Богъ дастъ ему здравіе, которое будетъ для него лучше всѣхъ сокровищъ земли. Это здравіе будетъ приносить сердцу его неизреченную радость, несравненно большую прежней скорби его; а радость сія опять будетъ отгонять отъ сердца его всякую болѣзненность, причиненную внѣшними прискорбностями. Человѣкъ этотъ познаетъ, что съ сего времени и потомъ сердце его не чувствуетъ ранъ тѣла своего и

что внѣшняя скорбь не приближается къ радости, которая бываетъ внутрь сердца его. Узнавши же это, онъ еще болѣе возрадуется; между тѣмъ какъ сродники его и друзья, видя всѣ внѣшнія скорби его, и не зная пришедшей къ нему сокровенной радости, воздыхаютъ по немъ и говорятъ: „этотъ человѣкъ никогда не испытывалъ радости въ жизни своей; жизнь его полна скорби и печали, и дни его ничѣмъ не разнятся отъ дней осужденниковъ, которыхъ наказываютъ въ судилищахъ за злыя дѣла ихъ."—Онъ одинъ, зная, что время жизни его стало полно радости и веселія, и что радость сердца его посмѣвается смерти, и адъ не одолѣетъ ея; потому что она не имѣетъ конца, радуется сему тьмами темъ разъ болѣе всѣхъ царей земли, и всѣхъ тѣхъ, которые имѣютъ здравіе и красоту тѣлесную, и всѣхъ богачей, облекающихся въ порфиру и виссонъ, и всѣхъ, которые ублажаются въ семъ мірѣ устами, глаголющими лжу. Знаетъ человѣкъ тотъ, что бѣдность при радованіи ономъ лучше всего міра и благъ его; ибо все, что есть въ тѣлѣ его и въ мірѣ семъ, покроетъ земля и поглотитъ смерть; а радости той, которую пріялъ онъ, по причинѣ здравія души своей, ничто такое не можетъ взять отъ него, потому что она не отъ міра сего. Эта радость породилась въ немъ не отъ славы человѣческой, ни отъ богатства многаго, ни отъ здравія тѣлеснаго, ни отъ похвалъ людскихъ, ни отъ другаго чего, сущаго подъ небесемъ, но уготовилась горькою болѣзнію души его и срѣтеніемъ дѣйства Святаго Духа Божія, сущаго превыше небесъ. Почему смерть не будетъ имѣть надъ нею власти; потому что въ ней не найдется ничего достойнаго укора но будетъ она какъ очищенное вино, которое противъ солнца свѣтится насквозь, и чистѣйше являетъ цвѣтъ свой, и радуетъ и осіяваетъ лице того, кто пьетъ его противъ солнца.

Впрочемъ въ томъ, что сказалъ я, одно кажется мнѣ неудобопонятнымъ,—не знаю, что больше радуетъ меня, созерцаніе или услажденіе, т.-е. красота ли и радостотворное блистаніе чистыхъ лучей солнца, или питіе и вкушеніе вина, которое имѣю въ устахъ моихъ. Хочу смотрѣть на то, т.-е. на лучи солнца, а меня влечетъ это, т.-е. вино сокрушенія, кажущееся сладчайшимъ; и когда опять обращусь къ тому, т.-е. къ свѣту божественной благодати, опять большее ощущаю услажденіе отъ сладости вкушенія вина; не насыщаюсь ни зрѣніемъ тѣхъ лучей солнца, ни питіемъ сего вина. Когда кажется мнѣ, что насытился питіемъ, тогда красота ниспосылаемыхъ лучей заставляетъ меня еще больше жаждать, и я оказываюсь опять алчущимъ и жаждущимъ; и чѣмъ больше усиливаюсь наполнить утробу мою, тѣмъ въ десять разъ больше палимъ бываю жаждою, и вожделѣніемъ блестящаго питія того.

Такимъ образомъ всякій, судимый симъ добрымъ судомъ покаянія, не будетъ уже бояться никакого другаго суда или мученія, не будетъ страшиться и искушеній, находящихъ на него, ибо жажданіе его (духовное) не престанетъ въ вѣкъ, и питіе оное сладкое, свѣтлое и блестящее не пресѣчется никогда; а эта сладость, подаемая питіемъ, и это радостотворное блистаніе, исходящее отъ солнца, отгоняетъ отъ души всякую печаль и дѣлаетъ человѣка всегда радующимся; и никто не можетъ повредить ему, никто не можетъ воспрепятствовать ему напаяться вдоволь отъ источника спасенія. Міродержитель, господствующій надъ міромъ злобою своею, властитель земнаго, начальникъ тмы, лукавый діаволъ, царствующій надъ всѣми водами морскими и играющій міромъ, какъ иной играетъ малою птичкою, держимою въ рукахъ, не посмѣетъ и со всѣмъ воинствомъ своимъ, и со всею силою своею приблизиться къ нему и при-

коснуться даже къ пятѣ ноги его, а не только смѣло взглянуть на него. Ибо блистаніе вина, и лучи солнца сильно сіяютъ въ лицѣ того, кто пьетъ его, проходятъ во внутренности его, и передаются рукамъ, ногамъ и всѣхъ членамъ его, и дѣлаютъ его всего огнемъ сильнымъ во всѣхъ частяхъ его, чтобъ опалять враговъ, приближающихся къ нему. И бываетъ онъ любимцемъ свѣта, другомъ Солнца и возлюбленнымъ ему сыномъ, въ силу чистаго и свѣтлаго вина того, изливающагося въ него подобно лучамъ солнца и свѣта. Питіе сего вина бываетъ для него питаніемъ и очищеніемъ скверны загнившихъ плотей его, а очищеніе сіе—совершеннымъ здравіемъ; здравіе же такое не позволяетъ ему вкусить другой какой либо вредной снѣди, но производитъ въ немъ нѣкое безмѣрное и теплѣйшее вожделѣніе пить одно то вино, чтобъ питіемъ такимъ очищать себя паче и паче и тѣмъ созидать свое здравіе: ибо красота здравія и благодать благообразія, приносимаго здравіемъ, не знаетъ насыщенія.

3) Таковымъ наконецъ дѣлается, чада мои возлюбленныя, тотъ, кто согрѣшилъ предъ Вседержителемъ Богомъ и приходитъ въ чувство страха, т.-е. устрашается будущаго суда, отверженія и гнѣва Божія. Страхъ Божій и чувство праведнаго Его воздаянія истниваютъ плоть и сокрушаютъ кости, подобно камню, нѣкоею машиною спускаемому и сильно давящему виноградъ, прежде истоптанный въ точилѣ. Ибо обыкновенно прежде ногами истоптываютъ виноградъ, а потомъ сдавливаютъ его камнемъ, чтобъ выжать послѣдніе соки его. Такъ и страхъ Божій дѣлаетъ то, что человѣкъ становится попраніемъ всѣхъ людей, а когда сотрется въ конецъ гордыня его и тщеславное мудрованіе плоти его, тогда низпадаетъ на него свыше мысленный камень, легчайшій и благій, т.-е. святое смиреніе, и выжимаетъ

изъ него всю сырость плотскихъ удовольствій и страстей, и дѣлаетъ благоугодною и добротною душу, такимъ образомъ смирившуюся и сокрушившуюся; при семъ орошаетъ ее слезами, истекающими, какъ рѣка, и ее самую дѣлаетъ источникомъ, источающимъ живую воду, врачующую раны грѣховъ и отмывающую смрадныя крови ихъ, и человѣка того всего дѣлаетъ бѣлѣйшимъ паче снѣга.

Блаженъ человѣкъ, слышащій слова сіи, принимающій ихъ съ вѣрою и творящій ихъ. Онъ обрѣтетъ великія блага, превосходящія и умъ, и слово, и помышленіе, и ублажитъ убогую руку мою, написавшую сіе, и прославитъ щедраго и милостиваго Господа, преподавшаго сіе посредствомъ сквернаго моего языка и нечистыхъ устъ моихъ, въ образецъ покаянія и обращенія и въ показаніе незаблуднаго и истиннѣйшаго пути тѣмъ, кои отъ всей души желаютъ спастись и наслѣдовать царство небесное, въ самомъ Богѣ и Спасителѣ нашемъ,—Коему слава во вѣки. Аминь.

СЛОВО ШЕСТЬДЕСЯТЪ ОСЬМОЕ.

1) О трехъ образахъ вниманія и молитвы.
2) О первомъ образѣ.
3) О второмъ.
4) О третьемъ.

1) Есть три образа вниманія и молитвы, коими душа возвышается и преуспѣваетъ, или низвергается и гибнетъ. Кто эти три образа употребляетъ въ свое время и какъ слѣдуетъ, тотъ преуспѣваетъ; а кто употребляетъ ихъ неразумно и не вовремя, тотъ низвергается.

Вниманіе такъ должно быть связуемо и неразлучно съ молитвою, какъ связано и неразлучно тѣло съ душею. Вниманіе должно идти впередъ и сторожить

враговъ, какъ нѣкій стражъ; оно первое пусть вступаетъ въ борьбу съ грѣхомъ и противостоитъ злымъ помысламъ, входящимъ въ душу, а позади вниманія пусть слѣдуетъ молитва, которая истребляетъ и побиваетъ тотчасъ всѣ тѣ злые помыслы, съ которыми предъ симъ вело брань вниманіе: ибо одно оно не можетъ ихъ побивать.

На этой брани вниманія и молитвы (съ помыслами) виситъ жизнь и смерть души. Если вниманіемъ хранимъ молитву чистою, то преуспѣваемъ; а если не внимаемъ, чтобъ хранить ее чистою, но оставляемъ неохраняемою, и она оскверняется злыми помыслами, то бываемъ непотребными и безуспѣшными.

Итакъ, поелику есть три образа вниманія и молитвы, то надлежитъ намъ показать отличительныя свойства каждаго образа, чтобъ любящій спасеніе избралъ лучшее.

2) О первомъ образѣ вниманія и молитвы.

Отличительныя свойства перваго образа таковы: когда кто, стоя на молитвѣ и воздѣвая на небо руки свои и очи свои, и умъ свой, держитъ въ умѣ божественныя помышленія, воображаетъ блага небесныя, чины ангеловъ и обители святыхъ, и кратко все, слышанное въ Божественныхъ Писаніяхъ, собираетъ въ умъ свой, и разсуждаетъ о томъ тогда—во время молитвы, зря на небо, и подвигаетъ тѣмъ душу свою къ вожделѣнію и любви Божіей, а иной разъ извлекаетъ даже слезы и плачетъ (то это будетъ первый образъ вниманія и молитвы).

Но при этомъ образѣ (молитвы если кто на немъ одномъ останавливается, бываетъ, что) мало-по-малу (молящійся такъ) начинаетъ кичиться въ сердцѣ своемъ, самъ того не понимая; ему кажется, что дѣлаемое имъ

есть отъ благодати Божіей въ утѣшеніе ему, и онъ молитъ Бога сподобить его всегда пребывать въ такомъ дѣланіи. А это (т.-е. такъ думать о семъ образѣ молитвы) есть знакъ прелести: ибо добро уже не добро, когда не бываетъ добрымъ образомъ и какъ слѣдуетъ.

Такой человѣкъ, если убезмолвится крайнимъ безмолвіемъ (т.-е. сдѣлается исихастомъ, у насъ—затворникомъ), то ему едвали можно не изступить изъ ума (будетъ онъ находиться въ крайней опасности пострадать сіе). Но если и случится, что не изступитъ онъ изъ ума, все же невозможно ему будетъ стяжать добродѣтели или безстрастіе. На этомъ пути стоя, прельщаются и тѣ, которые видятъ свѣтъ тѣлесными очами своими, обоняютъ благовонія обоняніемъ своимъ, слышатъ гласы ушами своими, и подобное. Нѣкоторые изъ такихъ взбѣсновались и въ безуміи ходятъ съ мѣста на мѣсто. Другіе прельстились, принявъ діавола, преобразившагося и явившагося имъ въ видѣ Ангела свѣта, а они того не распознали, и остались неисправимыми до конца, не хотя слышать совѣта ни отъ какого брата. Иные изъ такихъ сами себя лишили жизни, бывъ подвигнуты на то діаволомъ; иные бросились въ пропасть; иные удавились. И кто можетъ пересказать разныя прелести, какими прельщаетъ ихъ діаволъ, когда они неисчислимы?

Изъ сказаннаго нами всякій разумный человѣкъ можетъ понять, какой вредъ происходитъ отъ сего перваго образа вниманія и молитвы (если почитать его послѣднимъ предѣломъ совершенства въ молитвѣ). Если же и случится кому изъ употребляющихъ сей образъ не пострадать никакого изъ тѣхъ золъ, о коихъ мы сказали, по причинѣ сожительства съ братьями (потому что имъ подвергаются особенно тѣ, которые живутъ

уединенно), то все же онъ всю жизнь свою проведетъ, не преуспѣвши (въ духовной жизни).

3) *О второмъ образѣ вниманія и молитвы.*

Второй образъ есть такой,—когда кто сводитъ умъ свой внутрь себя, отвлекая его отъ всего чувственнаго, хранитъ чувства свои собираетъ всѣ помыслы свои, чтобъ не скитались по суетнымъ вещамъ міра сего,—и то изслѣдуетъ помыслы свои, то вникаетъ въ слова читаемой молитвы, то возвращаетъ назадъ помыслы свои, если они, бывъ плѣнены діаволомъ, унеслись къ чему суетному и худому, то съ большимъ трудомъ и самопонужденіемъ напрягается придти въ себя самого, если былъ возобладанъ и побѣжденъ какою либо страстію. Отличительная черта сего дѣла та, что оно происходитъ въ головѣ: мысли съ мыслями борются.

Имѣя такой подвигъ и такую брань съ самимъ собою, не можетъ онъ мирствовать въ себѣ никогда и не находитъ времени заняться дѣланіемъ добродѣтелей, чтобъ получить и вѣнецъ правды. Такой человѣкъ подобенъ ведущему брань съ врагами своими ночью въ темнотѣ, который слышитъ голоса враговъ своихъ и принимаетъ удары отъ нихъ, но не можетъ ясно видѣть, кто они такіе, откуда пришли, какъ и для чего бьютъ его. Потому что самъ онъ пребываетъ въ головѣ, а помышленія злыя исходятъ изъ сердца. Онъ и не видитъ ихъ, такъ какъ не внимаетъ сердцу. Тьма, которая въ умѣ его, и буря, какую имѣетъ онъ въ помыслахъ своихъ, причиняютъ ему сей ущербъ (т.-е. не даютъ ему видѣть это), и нѣтъ ему возможности ускользать отъ враговъ своихъ демоновъ, чтобъ они не поражали его. Тщетно подъемлетъ онъ трудъ, несчастный, и даже совсѣмъ теряетъ мзду свою, если при этомъ, и самъ не замѣчая того, возобладанъ бываетъ тщеславіемъ, воображая, что над-

лежаще внимаетъ себѣ. Въ гордости своей презираетъ онъ другихъ и осуждаетъ ихъ, а себя самого хвалитъ, мечтая при семъ, что достоинъ быть пастыремъ словесныхъ овецъ и руководить другихъ, и походитъ онъ на слѣпца, который берется водить другихъ слѣповъ.

Таковъ второй образъ (вниманія и молитвы)! И всякій, желающій себѣ спасенія, долженъ знать ущербъ, причиняемый имъ душѣ, и добрѣ внимать себѣ. Впрочемъ онъ лучше перваго, какъ лучше ночь лунная ночи темной, въ которую не свѣтитъ луна.

4) *О третьемъ образѣ вниманія и молитвы.*

Третій образъ воистинну дивенъ есть и неудобоизъяснимъ, и для тѣхъ, которые не знаютъ его опытно, не только неудобопонятенъ, но кажется даже невѣроятнымъ; и они не вѣрятъ, чтобъ подобная вещь бывала на дѣлѣ. И въ самомъ дѣлѣ, въ наши времена, сей образъ вниманія и молитвы встрѣчается не у многайшихъ, а у весьма немногихъ; и, какъ мнѣ думается благо сіе убѣгло отъ насъ вмѣстѣ съ послушаніемъ.— Послушаніе, если кто возъимѣетъ его къ духовному отцу своему въ совершенствѣ, дѣлаетъ его безпопечительнымъ относительно всего такъ какъ онъ всю печаль свою однажды навсегда возвергъ на духовнаго отца своего; почему, будучи далекъ отъ всякаго пристрастія мірскаго, онъ является способнымъ къ тому, чтобъ быть весьма ревностнымъ и нелѣностнымъ дѣлателемъ сего третьяго образа молитвы, если впрочемъ нападетъ и на духовнаго отца истиннаго, который самъ не состоитъ въ прелести. Ибо кто посвятилъ себя Богу и всю печаль свою возвергнетъ на Него и на духовнаго отца своего, такъ что по истинному послушанію перестанетъ уже жить своею собственною жизнію

и творить волю свою, но умретъ для всякаго пристрастія мірскаго и для тѣла своего,—такой какою привременною вещью можетъ быть побѣжденъ и порабощенъ? или какое попеченіе и какую заботу можетъ имѣть? Вслѣдствіе сего, этимъ третьимъ, бывающимъ вмѣстѣ съ послушаніемъ, образомъ вниманія и молитвы, всѣ козни и хитрости, какія бы ни употребляли демоны, чтобъ увлечь умъ его къ помысламъ многимъ и разнообразнымъ, бываютъ уничтожаемы и разсѣваемы; ибо тогда умъ такого человѣка, будучи свободенъ отъ всего, имѣетъ благовременіе, безъ всякой помѣхи изслѣдовать наносимые демонами помыслы и съ великимъ удобствомъ отгонять ихъ, и чистымъ сердцемъ приносить молитвы свои Богу. Таково начало истинной жизни (духовной)! И которые не полагаютъ такого начала, всуе трудятся, сами не зная того.

Начало сего третьяго образа не то, чтобъ воззрѣвать на небо, воздѣвать руки свои горѣ, имѣть умъ свой въ томъ, что на небѣ: это, какъ мы сказали, есть принадлежность перваго образа и недалеко отъ прелести,— и не то, чтобъ хранить умомъ своимъ чувства и на это обращать все свое вниманіе, а на внутреннія брани душевныя, причиняемыя врагами, не смотрѣть (они смотрятъ и борются, но все въ головѣ, и не остерегаются ихъ): это принадлежность втораго образа, и кто употребляетъ это, попадаетъ въ рабство демонамъ, и не можетъ сотворить отмщенія симъ поработителямъ своимъ, но враги и непрестанно борятъ его явно и тайно, и дѣлаютъ его тщеславнымъ и гордымъ.

Но ты, возлюбленный, если хочешь спастись, начни дѣло такимъ образомъ: послѣ (установленія въ сердцѣ) совершеннаго послушанія, какое, какъ мы сказали, должно тебѣ имѣть къ духовному отцу своему, и всѣ прочія дѣла свои дѣлай съ чистою совѣстію, какъ бы

ты былъ предъ лицемъ Бога: ибо безъ послушанія невозможно быть совѣсти чистой. Совѣсть же свою хранить чистою долженъ ты въ троякомъ отношеніи: въ отношеніи къ Богу, въ отношеніи къ духовному отцу своему и въ отношеніи къ прочимъ людямъ, также къ вещамъ и предметамъ міра (житейскимъ).

Въ отношеніи къ Богу долгъ имѣешь хранить совѣсть свою чистою, не позволяя себѣ дѣлать ничего такого, о чемъ знаешь, что оно не упокоеваетъ Бога и непріятно Ему.

Въ отношеніи къ духовному отцу своему, дѣлай одно то, что онъ заповѣдуетъ тебѣ, и ни больше, ни меньше того не позволяй себѣ дѣлать, но шествуй по намѣренію его и по волѣ его.

Въ отношеніи къ другимъ людямъ соблюдешь совѣсть свою чистою, не позволяя себѣ дѣлать имъ ничего такого, что самъ ненавидишь и чего не желаешь, чтобъ они дѣлали тебѣ самому.

И въ отношеніи къ вещамъ долгъ имѣешь хранить совѣсть свою чистою, употребляя ихъ всегда, какъ должно,—именно пищу, питіе, одежду.

И вкратцѣ, все дѣлай такъ, какъ бы ты былъ предъ лицемъ Бога, и ни въ какомъ дѣлѣ не допускай себя до того, чтобъ обличала и уязвляла тебя совѣсть, что ты не сдѣлалъ его хорошо.

Дѣйствуя такимъ образомъ, ты уровняешь себѣ истинную и незаблудную стезю къ третьему образу вниманія и молитвы, который есть слѣдующій: умъ (былъ въ сердцѣ— отличительная черта сего третьяго образа молитвы) да хранитъ сердце въ то время, когда молится, и внутрь его да вращается неотходно, и оттуда, изъ глубины сердца да возсылаетъ молитвы къ Богу. (Въ этомъ все; трудись

такъ, пока вкусишь Господа). Когда же наконецъ умъ тамъ, внутрь сердца, вкуситъ и чувствомъ ощутитъ, яко благъ Господь, и усладится тѣмъ (нашъ трудъ; вкушеніе же сіе есть дѣйство благодати, въ смиренномъ сердцѣ), тогда не захочетъ уже онъ отдаляться отъ мѣста сердечнаго (тогда скажетъ и онъ тѣже слова, какія сказалъ Ап. Петръ: *добро намъ здѣ быти.....*) и всегда уже будетъ взирать туда внутрь сердца и тамъ неисходно вращаться, отгоняя всѣ помыслы, всѣваемые діаволомъ (се третій образъ вниманія и молитвы, какъ ему слѣдуетъ быть!). Для тѣхъ, которые никакого не имѣютъ свѣдѣнія о семъ дѣлѣ и не знаютъ его, оно большею частію кажется трудноватымъ и утѣснительнымъ; но тѣ, которые вкусили сладости, какую оно имѣетъ, и усладились ею въ глубинѣ сердца своего,—эти взываютъ съ божественнымъ Павломъ и говорятъ: *кто ны разлучитъ отъ любве Христовы!* и проч. (Рим. 8, 35).

Почему св. отцы наши, слыша Господа говорящаго, что *изъ сердца исходятъ помышленія злая, убійства, прелюбодѣянія, любодѣянія, татьбы, лжесвидѣтельства, хулы,* и что *сія суть сквернящая человѣка* (Мѳ. 15, 19. 20),—слыша также, что въ другомъ мѣстѣ Евангелія заповѣдуется намъ очищать внутреннее стекляницы, да будетъ и внѣшнее чисто (Мѳ. 23, 26),—оставили всякое другое духовное дѣло и стали всецѣло подвизаться въ этомъ одномъ дѣланіи, т.-е. въ храненіи сердца, будучи увѣрены, что вмѣстѣ съ этимъ дѣланіемъ удобно стяжутъ и всякую другую добродѣтель, а безъ него не могутъ установиться ни въ одной добродѣтели. Это дѣланіе нѣкоторые изъ отцевъ назвали сердечнымъ безмолвіемъ; другіе назвали его вниманіемъ иные—трезвеніемъ и противорѣчіемъ (помысламъ), иные еще разсмотрѣніемъ помысловъ и храненіемъ ума. Они всѣ въ немъ

преимущественно упражнялись, и имъ сподобились получить божественныя дарованія. Его разумѣетъ и Екклесіастъ, когда говоритъ: *веселися, юноше, въ юности твоей, и ходи въ путехъ сердца твоего непорочень* (Екклес. 11, 9) и чистъ, удаляя сердце свое отъ помышленій злыхъ. О семъ же самомъ говоритъ онъ и въ другомъ мѣстѣ,—что если найдетъ на тебя прилогъ діавольскій, то не позволяй ему войти въ мѣсто твое, разумѣя подъ мѣстомъ сердце (—10, 4). И Господь намъ говоритъ во святомъ Евангеліи: *не возноситеся* (μὴ μετεωρίζεσθε,— не носитесь, какъ метеоры,—Лук. 12, 29), т.-е. не носитесь умомъ своимъ туда и сюда. И въ другомъ мѣстѣ Онъ же говоритъ: *блажени нищіи духомъ* (Мѳ. 5, 3), т.-е. блаженны тѣ, которые не стяжали въ сердцѣ своемъ никакого пристрастія къ міру, но бѣдны всякимъ помысломъ мірскимъ. И всѣ св. отцы много писали объ этомъ. Кто хочетъ, пусть читаетъ писанія ихъ и увидитъ; пусть прочитаетъ, что написалъ Маркъ подвижникъ, что сказалъ св. Іоаннъ Лѣствичникъ, преподобный Исихій, Филоѳей Синайскій, Аввa Исаія, Варсанофій великій— и другіе многіе.

Однимъ словомъ, кто не внимаетъ себѣ и не хранитъ ума своего, тотъ не можетъ сдѣлаться чистъ сердцемъ, чтобъ сподобиться узрѣть Бога. Кто не внимаетъ себѣ, тотъ не можетъ быть нищъ духомъ, не можетъ сокрушаться и плакать, ни быть тихимъ и кроткимъ, ни алкать и жаждать правды, ни быть милостивымъ, или миротворцемъ, ни перенесть гоненіе за правду. И обще говоря, нѣтъ возможности стяжать добродѣтели инымъ какимъ-либо способомъ кромѣ сего вниманія. Почему, паче всего другаго о немъ надлежитъ тебѣ приложить стараніе, чтобы собственнымъ опытомъ извѣдать, что я говорю тебѣ. – Если желаешь научиться и тому, какъ слѣдуетъ это дѣлать, я скажу тебѣ объ этомъ.

Три вещи надлежитъ тебѣ соблюдать прежде всего другаго: *безпопеченіе* о всемъ, даже благословномъ, а не только неблагословномъ и суетномъ, или иначе умертвиться всему, —*совѣсть чистую* во всемъ, такъ, чтобъ она не обличала тебя рѣшительно ни въ чемъ,—и совершенное *безпристрастіе*, чтобъ помыслъ твой не клонился ни къ какой мірской вещи. Стой вниманіемъ внутри себя самого (не въ головѣ, а въ сердцѣ). *) Тамъ имѣй умъ свой, стараясь всячески обрѣсти мѣсто, гдѣ сердце, чтобъ обрѣтши его, тамъ уже всецѣло пребывалъ умъ твой. Умъ, подвизаясь въ семъ, улучитъ мѣсто сердца. Это случится, когда благодать дастъ сладость и теплоту молитвенную. Съ сего же момента и потомъ, съ какой бы стороны ни возникъ и ни показался какой либо помыслъ, прежде чѣмъ войдетъ онъ внутрь и помыслится, или вообразится, умъ тотчасъ прогоняетъ его оттуда и уничтожаетъ именемъ Іисусовымъ, т.-е. Господи Іисусе Христе, помилуй мя! Съ сего также времени, умъ человѣка начинаетъ имѣть злобу и ненависть къ демонамъ, поднимаетъ на нихъ непрестанную войну и поражаетъ. Прочее же, что обыкновенно послѣдуетъ за симъ дѣланіемъ, съ Божіею помощію самъ изъ опыта узнаешь, посредствомъ вниманія ума, и держа въ сердцѣ Іисуса,

---

*) При семъ Св. Симеонъ указываетъ нѣкіе внѣшніе пріемы, кои иныхъ соблазняютъ и отбиваютъ отъ дѣла,—а у другихъ покрываютъ само дѣланіе. Такъ какъ сіи пріемы, по недостатку руководителей, могутъ сопровождаться не добрыми послѣдствіями, а между тѣмъ суть ни что иное, какъ внѣшнее приспособленіе къ внутреннему дѣланію, ничего существеннаго не дающее, то мы ихъ пропускаемъ. Существо дѣла есть—пріобрѣсть навыкъ стоять умомъ въ сердцѣ,—въ этомъ чувственномъ сердцѣ, но нечувственно. Надо умъ изъ головы свесть въ сердце и тамъ его усадить, или, какъ нѣкто изъ старцевъ сказалъ, сочетать умъ съ сердцемъ.—Какъ этого достигнуть? Ищи и обрящешь. Удобнѣе сего достигнуть хожденіемъ предъ Богомъ и молитвеннымъ трудомъ, особенно хожденіемъ въ церковь. — Но, помнить надо, что нашъ только трудъ, а само дѣло, т.-е. сочетаніе ума съ сердцемъ, есть даръ благодати, подаемый, когда и какъ хощетъ Господь. Лучшій примѣръ - Максимъ Капсокаливитъ.

т.-е. молитву Его — Господи Іисусе Христе, помилуй мя! И нѣкто изъ отцевъ говоритъ: „сиди въ келліи своей, и она научитъ тебя всему".

Вопросъ: но почему же первый и вторый образы вниманія и молитвы не могутъ доставить сего?

Отвѣтъ. Потому что мы не такъ употребляемъ ихъ, какъ слѣдуетъ. Св. Іоаннъ Лѣствичникъ, уподобляя сіи образы, какъбы лѣствицѣ нѣкоей о четырехъ ступеняхъ, говоритъ: иные укрощаютъ страсти и смиряются; иные поютъ, т.-е. молятся устами; иные упражняются въ умной молитвѣ; иные восходятъ въ созерцаніе. Которые берутся восходить по симъ ступенямъ, не начинаютъ съ верхнихъ, чтобъ нисходить къ нижнимъ, а отъ нижнихъ идутъ къ верхнимъ, — ступаютъ на первую, потомъ на вторую, далѣе на третью и наконецъ на четвертую. И вотъ какимъ образомъ можетъ, кто желаетъ, подняться отъ земли и взойти на небо: во-первыхъ нужно подвизаться умомъ и укротить страсти, во вторыхъ, упражняться въ псалмопѣніи, т.-е. молиться устами, потому что когда умалятся страсти, тогда молитва уже естественно доставляетъ удовольствіе и сладость даже языку и вмѣняется въ благоугодную предъ Богомъ, въ третьихъ, молиться умно, — и въ четвертыхъ, восходить въ созерцаніе. Первое свойственно новоначальнымъ, второе — преуспѣвающимъ, третье — подходящимъ къ послѣднимъ степенямъ преуспѣянія, а четвертое — совершеннымъ.

Итакъ, начало не другое какое есть, какъ умаленіе и укрощеніе страстей; а онѣ не другимъ какимъ способомъ умаляются въ душѣ, какъ храненіемъ сердца и вниманіемъ: ибо, какъ говоритъ Господь нашъ, отъ сердца исходятъ помышленія злыя, которыя сквернятъ человѣка; тамъ и потребны вниманіе и храненіе. Когда же страсти, посредствомъ сопротивленія имъ сердца, усмирятся совсѣмъ, тогда умъ приходитъ къ возжела-

нію Бога и ищетъ содружиться съ Нимъ, для чего умножаетъ молитву и въ ней преимущественно проводитъ время. Отъ сего возжеланія Бога и молитвы умъ дѣлается сильнымъ и прогоняетъ всѣ помыслы, которые вращаются вокругъ, чтобъ войти въ сердце, поражая ихъ молитвою. И тогда бываетъ брань,— съ великимъ шумомъ возстаютъ злые демоны и посредствомъ страстей производятъ мятежъ и бурю въ сердцѣ; но именемъ Іисуса Христа все сіе потребляется и разливается, какъ воскъ въ огнѣ. Однакожъ и бывъ изгнаны и вышедъ изъ сердца, они не успокоиваются, но опять покушаются возмутить умъ совнѣ чрезъ чувства; впрочемъ умъ и тутъ очень скоро возстановляетъ въ себѣ и начинаетъ чувствовать тишину, обычно въ немъ бывающую, потому что они не имѣютъ силы возмущать самую глубину ума, а возмущаютъ только поверхность его. Но совсѣмъ избавиться отъ брани и не быть боримымъ злыми демонами, умъ все еще не можетъ. Это—достояніе совершенныхъ,— тѣхъ, которые всецѣло отрѣшаются отъ всего и непрестанно пребываютъ во вниманіи сердечномъ.

Итакъ, кто проходитъ все сіе по чину, каждое въ свое время, тотъ можетъ, послѣ того какъ очистится сердце его отъ страстей, всецѣло весь и вдаваться въ псалмопѣніе, и противоборствовать помысламъ, и на небо воззрѣвать чувственными очами или созерцать его очами души умственными, и молиться чисто воистину, какъ подобаетъ.

Впрочемъ воззрѣвать на небо чувственными очами надо, сколько можно, рѣже, страха ради злыхъ, въ воздухѣ находящихся, демоновъ, которые потому и называются духами воздушными, многоразличныя прелести производящими на воздухѣ,—и намъ надлежитъ быть внимательными. Богъ одного отъ насъ требуетъ, того,

чтобъ сердце наше было очищаемо посредствомъ вниманія. А затѣмъ будетъ, по слову Апостола: „если корень святъ, то явно святы и вѣтви, и плодъ“ (Рим. 11, 16). Если же кто не въ такомъ порядкѣ, какъ мы сказали, станетъ возводить очи свои и умъ свой на небо, и воображать что либо мысленное, то онъ увидитъ мечтанія, что нибудь ложное, а не истинное, по той причинѣ, что сердце его нечисто. Такъ первый и второй образъ вниманія и молитвы, какъ мы не разъ говорили, не приводятъ человѣка въ преуспѣяніе. Почему, какъ желая построить домъ, мы не кровлю прежде возлагаемъ, а послѣ полагаемъ основаніе, потому что такъ нельзя, но прежде кладемъ основаніе, потомъ строимъ домъ, и тогда уже возлагаемъ кровлю: такъ надлежитъ намъ поступать и въ отношеніи къ духовному: прежде положимъ основаніе, т.-е. станемъ хранить сердце и изгонимъ изъ него страсти, потомъ построимъ духовный домъ, т.-е. прогонимъ мятежъ, воздвигаемый въ насъ злыми духами посредствомъ внѣшнихъ чувствъ и навыкнемъ пресѣкать сію брань, какъ можно скорѣе, и тогда же возложимъ и кровлю, т.-е. совершенное отрѣшеніе отъ всего, чтобъ всецѣло предаться Богу, — и тѣмъ закончимъ духовный домъ свой во Христѣ Богѣ, Коему слава во вѣки. Аминь.

СЛОВО ШЕСТЬДЕСЯТЪ ДЕВЯТОЕ.

О покаяніи и началѣ добродѣтельной жизни; также о томъ, что должно дѣлать каждодневно тому, кто кается; еще — о сокрушеніи и слезахъ.

Братія мои возлюбленные, послушайте словъ моихъ, съ радостію примите совѣтъ мой, который даю я вамъ на благо вамъ, и со всякимъ усердіемъ постарайтесь исполнить то малое, что скажу въ общую для меня и

для васъ пользу: ибо исполняя то, что кажется малымъ, мало по малу преуспѣваемъ, восходимъ къ большему и дѣлаемся совершенными во Христѣ мужами. Цѣль же слова моего такая:

По выходѣ изъ церкви, не разсѣивайтесь умомъ своимъ по суетнымъ и безполезнымъ вещамъ, чтобы діаволъ, пришедши и нашедши васъ занятыми такою суетою, не похитилъ тотчасъ изъ сердецъ вашихъ памятованія слышанныхъ вами въ церкви душеполезныхъ словесъ, какъ птицы расхищаютъ сѣмена пшеницы, трудолюбно посѣянныя на полѣ, но еще не сокрытыя въ землю,—и вы опять не остались пустыми отъ спасительнаго ученія. Но кто имѣетъ какое либо рукодѣліе, или другое какое послушаніе, иди къ рукодѣлію своему, или на послушаніе свое, поникши взоромъ въ землю и себѣ внимая. Сидя же за рукодѣліемъ, или исполняя послушаніе, говори самому себѣ: Увы мнѣ бѣдному! Сколько времени прожилъ я, носясь умомъ туда и сюда, предаваясь суетѣ, празднословію и смѣхамъ! Горе мнѣ! Чего ради такъ непотребствую? Чего ради такъ осуечаюсь? Слушаю Божественныя Писанія, но даже доселѣ не далъ имъ принесть мнѣ пользу, какую обычно приносить имъ. Какой плодъ принесла мнѣ настоящая жизнь? Столько и столько уже лѣтъ прошло жизни моей—и кто знаетъ, доживу ли до-завтра? Столько лѣтъ ѣлъ я и пилъ, наполнялъ чрево мое яствами, винами и всякими сластями, украшался свѣтлыми одеждами, предавался утѣхамъ и веселію во вредъ душѣ своей; столько и столько наживая денегъ, тратилъ ихъ на пустыя и ничтожныя вещи, часто ходилъ въ бани, намащался драгоцѣнными мастями, ѣздилъ на дорого-убранныхъ коняхъ, давалъ много-расходные обѣды, завидовалъ ближнему своему, осуждалъ, падалъ въ плотскіе грѣхи, присвоялъ чужое, лгалъ, между тѣмъ широкій имѣлъ

кругъ друзей и знаемыхъ, и славное себѣ стяжалъ имя въ мірѣ семъ, ложился на мягкихъ постеляхъ, всячески упокоевая сіе земное тѣло мое и спалъ безъ мѣры.— Что изъ всего этого принесло мнѣ доселѣ какую либо пользу? И какую имѣетъ принести пользу въ часъ смерти? Если Богъ, имѣющій власть всякой плоти, повелитъ мнѣ завтра умереть, поистинѣ никакой не принесетъ мнѣ пользы все сіе. Позабочусь же наконецъ хотя послѣдніе дни жизни моей не провести въ суетѣ, но отнынѣ положу начало своему исправленію, оставлю всѣ худыя дѣла свои и, какъ велятъ святые отцы, стану дѣлать противоположныя имъ дѣла добрыя: вмѣсто многоядѣнія стану поститься, и притомъ такъ много, чтобъ отъ поста и говорить съ кѣмъ либо не имѣть силы; утѣсню чрево свое алчбою и жаждою, и тогда конечно самъ собою укротится и неукротимый языкъ мой, тогда поникнетъ голова, насупится взоръ, печалію покроется лице, и я избавлюсь отъ неудержимой продерзости въ словахъ и движеніяхъ, и отъ паренія помысловъ, и легко пресѣку злой навыкъ носиться умомъ туда и сюда, шутить и смѣяться; одѣваться стану въ одежды смиренныя, а прежнія, многоцѣнныя и свѣтлыя, раздамъ бѣднымъ, раздамъ имъ и всѣ деньги, которыя имѣю въ рукахъ. Какая мнѣ нужда заботиться теперь объ этомъ, когда я рѣшаюсь всего себя посвятить Богу, питающему всѣхъ? Не стану болѣе ѣздить на коняхъ и мулахъ, отрекусь отъ друзей и сродниковъ; ибо кто любитъ другаго кого паче Христа, тотъ недостоинъ Его, какъ говоритъ самъ Онъ. Не буду болѣе ходить въ бани, не стану спать на мягкихъ постеляхъ, и буду со всѣмъ желаніемъ ложиться на землю, гдѣ сухо и жестко, чтобъ противъ воли поменьше спать, располагая себя къ такому лишенію то убѣжденіемъ, что, если и умру, не потерплю вреда, то помышленіемъ: да развѣ я достоинъ жить? Если стану

такъ поступать, то легко буду пробуждаться въ полночь и, припадая къ Богу, горько оплакивать грѣшную душу свою, взывая къ Нему со слезами и воздыханіями:

Владыко, Господи Іисусе Христе, Царь неба и земли! Знаю, что паче всякаго человѣка, даже паче всякаго неразумнаго животнаго и пресмыкающагося согрѣшилъ я предъ Тобою, страшнымъ и неприступнымъ Богомъ моимъ, и нѣсмь достоинъ обрѣсти какую-либо у Тебя милость. По сей причинѣ и не дерзнулъ бы я прибѣгнуть и припасть къ Тебѣ, человѣколюбче Царю, если бы не слышалъ святаго гласа Твоего, глаголющаго: *хотѣніемъ не хощу смерти грѣшника, но еже обратитися и живу быти ему* (Іез. 18, 23; 33, 11), и еще: *радость бываетъ на небеси о единомъ грѣшницѣ кающемся* (Лк. 15, 7),—и если бъ не помнилъ притчи о блудномъ сынѣ, которую слышимъ отъ Тебя во святомъ Евангеліи,—именно, какъ Ты, прежде чѣмъ блудный сынъ, покаявшійся и шедшій къ Тебѣ, приближился къ Тебѣ, истекъ къ нему, какъ благоутробный отецъ, и, падши на выю его, облобызалъ его. Вспомнивъ это, возъимѣлъ и я дерзновенное упованіе на безмѣрное благоутробіе Твое, и пришедши палъ предъ Тобою, съ болѣзнію, печалованіемъ и стенаніями сердца моего. Злѣ изъязвленъ я, омраченъ и обезчувственъ, и въ жалкомъ положеніи лежу въ безднѣ грѣховъ моихъ. Но отнынѣ даю обѣщаніе, что не оставлю Тебя, Господи мой, до послѣдняго издыханія моего, не возвращусь вспять къ прежнимъ грѣхамъ моимъ и не стану болѣе дѣлать злыхъ и суетныхъ дѣлъ моихъ. Ты же, Господи Боже мой, знаешь немощь мою и крайность, мое малодушіе и вкоренившіяся влеченія, которыя имѣютъ силу тиранствовать надо мною, томить и тѣснить меня. Молю убо Тебя, не оставь меня и помоги мнѣ. Не попусти, Бла-

гій, врагу нашему діаволу посмѣяться надо мною, ибо отнынѣ я рабъ Твой.

Вотъ о чемъ надлежитъ всегда помышлять, брате, тебѣ, восхотѣвшему покаяться, оставить прежнюю жизнь и положить начало шествію истиннымъ путемъ покаянія.—При этомъ и вотъ еще что надобно тебѣ соблюдать: не вкушай пищи до вечера. Когда же придетъ время и ты поѣшь немного, тогда, вошедши въ келлію свою, сядь на лавку и размышляй въ умѣ своемъ о всемъ, что сказано предъ симъ. Во первыхъ, поблагодари Бога, что сподобилъ тебя достигнуть конца дня и начала ночи; потомъ себя самого просмотри, вспоминая, сколько грѣшилъ ты предъ Богомъ Творцемъ своимъ, и сколько Онъ долготерпѣлъ на тебѣ, сохраняя твою жизнь, и подавая тебѣ все потребное для тѣла—ястіе, питіе, одежду, кровъ и жилище, и какъ не прогнѣвался Онъ на тебя, не возгнушался тобою за грѣхи твои и не предалъ тебя смерти, или демонамъ на истребленіе. Когда же передумаешь все сіе добрѣ, постели рогожу твою на-земи, положи небольшой камень въ возглавіе и приготовь такимъ образомъ мѣсто, гдѣ имѣешь лечь на сонъ.

Теперь послушай,—я открою тебѣ иной подвигъ теплаго покаянія, который въ короткое время породитъ въ тебѣ сокрушеніе и слезы, хотя бы ты былъ каменносердеченъ, жестокъ на плачъ, неподатливъ на сокрушеніе.—Не почти однакожъ страннымъ и необычнымъ для вѣрующихъ то, что скажу тебѣ, прежде чѣмъ испытаешь то. Сіе вѣдай, что, кто сохранилъ себя по крещеніи не оскверненнымъ отъ грѣха, для того не требуется особый подвигъ покаянія, такъ какъ онъ не впалъ ни въ какой грѣхъ, но силою Божіею чистъ есть и нескверенъ. Но кто по крещеніи осквернилъ себя непотребными дѣлами и грѣхами, и тѣло свое, которое

есть храмъ Божій, блудно содѣлалъ жилищемъ похотей, страстей и демоновъ, для того потребенъ не тотъ только подвигъ покаянія, о которомъ я имѣю сказать тебѣ, но потребны и многіе другіе покаянные подвиги и пріемы самоумерщвленія и самоозлобленія, чтобъ умилостивить Бога и возвратить себѣ то божественное достоинство, которое потерялъ по причинѣ своей грѣховной жизни. Да удостовѣритъ тебя въ этомъ слово о покаяніи св. отца нашего Іоанна лѣствичника, въ которомъ показано много такихъ подвиговъ.

Въ чемъ же состоитъ тотъ подвигъ покаянія, который я отечески совѣтую тебѣ? Слушай, брате мой, смысленно и не соблазняясь. Послѣ того, какъ приготовишь рогожу, какъ я сказалъ, на которой имѣешь лечь спать, стань на молитву, какъ какой осужденникъ и прочитай прежде *Трисвятое* и *Отче нашъ*,—что произнося, припомни, кто ты и кого именуешь отцемъ. Дошедши же до—*Господи помилуй*, и желая воздѣть руки горѣ, воззри на небо очами своими, взгляни потомъ на руки свои, и собравъ умъ свой внутрь себя, припомни, сколько злыхъ и срамныхъ дѣлъ надѣлалъ ты этими руками, и убойся, говоря въ себѣ самомъ: увы мнѣ нечистому и скверному! Не воззрѣлъ бы Богъ немилостиво на то, что я такъ безстрашно простираю руки свои къ Нему, и вспомнивъ, сколько зла надѣлалъ я ими, огнь низвергши, не попалилъ меня? Почему обративъ руки свои назадъ, какъбы онѣ тамъ были связаны, какъ бываетъ у ведомаго на смерть осужденника, и воздыхая изъ глубины души, скажи жалостливымъ голосомъ: помилуй мя, Господи, не достойнаго жизни сей, а достойнаго всякаго мученія,—и другое, что сказать просвѣтитъ тебя благодать Божія. Воспоминая же при семъ злыя дѣла свои, бей себя, сколько можешь, безъ жалости, говоря: о, лукавый и треокаянный! Какъ дерзнулъ ты сдѣлать такія

и такія злыя дѣла?—И опять стой и молись, призывая помилованіе Божіе. Затѣмъ бей себя по лицу, дери себя за волосы, таская ихъ, какъбы они принадлежали другому кому, врагу твоему и навѣтнику, говоря: зачѣмъ надѣлалъ ты такія и такія злыя дѣла? Послѣ того, какъ ты такимъ образомъ достаточно отдерешь себя, стань смиренно, сложивъ руки свои предъ собою и прочитай со вниманіемъ два или три псалма. И опять начни размышлять о томъ, что сказали мы выше. И, можетъ быть, умилосердится надъ тобою Богъ и дастъ тебѣ слезы и сокрушеніе. Если дастъ, стой тогда на томъ-же мѣстѣ, пока не прекратятся слезы. Если же не придутъ слезы, пожалѣй о томъ и скажи себѣ: сокрушеніе и слезы даются достойнымъ, и тѣмъ, которые приготовились къ тому; ты же давно ли это сталъ молиться о томъ, или положилъ работать Господу? Или какими добрыми дѣлами приготовилъ себя къ принятію ихъ? Не довольно ли для тебя того одного, что тебѣ дается еще пожить? Скажи это и воздай благодареніе Богу. Потомъ запечатлѣй знаменіемъ честнаго креста лице свое и грудь свою и, припадши на рогожу, засни.

Когда проснешься, не переворачивайся на другой бокъ, но встань тотчасъ, и твори молитву тѣмъ образомъ, какой я тебѣ указалъ. Ложиться же опять совсѣмъ не ложись, но если останется время, почитай что нибудь, пока придетъ часъ службы церковной. Тогда иди вмѣстѣ съ другими въ церковь, и пришедши туда, стой со страхомъ и трепетомъ, какъбы ты стоялъ на небѣ между Ангелами, почитая себя недостойнымъ находиться вмѣстѣ съ братіями. Внимай добрѣ, чтобъ не озираться туда и сюда, и не подсматривать за братіями, какъ кто стоитъ, или поетъ, но внимай лишь себѣ самому, службѣ и грѣхамъ своимъ, воспоминая при семъ и молитву, какую

творишь въ келліи своей, т.-е. Господи Іисусе Христе, и проч. Въ продолженіе службы не обращайся ни къ кому съ какимъ-либо праздным словомъ и не выходи изъ церкви прежде отпуста. Если возможно, не садись даже и во время чтенія (изъ св. отцевъ), но отойди въ какое-либо скрытное мѣсто, стой и слушай, какъ-бы устами чтеца говорилъ къ тебѣ самъ, сый надъ всѣми Богъ. Если опредѣлятъ тебя совершать чтеніе, читай внятно и съ умиленіемъ, помышляя въ себѣ, что ты недостоинъ читать братіямъ богодохновенныя писанія. Когда же, кончивъ чтеніе, будешь класть обыкновенные поклоны на оба хора, не дѣлай этого небрежно и съ презорствомъ, но почитая всѣхъ братій какъ-бы сынами Божіими и Ангелами, такъ низко поклоняйся, чтобъ голова твоя доходила почти до пола, и говори тайно въ себѣ самомъ внутрь сердца своего: молитесь о мнѣ, святые Божіи, и простите меня грѣшнаго и недостойнаго неба и земли — Также, если велятъ тебѣ канонаршить, не канонарши небрежно и лѣниво, а обдуманно и съ великимъ вниманіемъ, какъ-бы передавая гласомъ своимъ, какъ рукою, божественные глаголы братіямъ своимъ, предъ лицемъ Царя всяческихъ Христа. Бойся оказать презрѣніе къ какому-либо брату и не преподать ему животворнаго хлѣба, т.-е. слова Божія, чтобъ не быть, какъ презрителю, изгнану не только изъ церкви, но и изъ царства небеснаго. — По отпустѣ же, выйдя изъ церкви и направляясь къ келліи, готовься къ дѣламъ дня, и для того просмотри, какъ провелъ ты вчерашній день, и если окажется, что въ чемъ либо погрѣшилъ, исправь то нынѣ.

Если будешь ты всегда поступать такимъ образомъ, не прерывая, то Христосъ Господь не замедлитъ явить тебѣ милость Свою. Я ставлю тебѣ въ этомъ порукою благоутробнаго Бога, я,— хотя и очень дерзновенно го-

ворить такъ,—я обѣщаю тебѣ это отъ лица человѣколюбиваго Бога. Пусть я умру, пусть преданъ буду вѣчному огню адскому вмѣсто тебя, если презритъ тебя Господь и оставитъ. Только не дѣлай того, что я тебѣ сказалъ, съ раздумываніемъ и двоедушіемъ. Что это за раздумываніе и двоедушіе? Внимай и познаешь. Раздумываніе есть, когда кто помышляетъ въ умѣ своемъ и говоритъ внутри самъ себѣ: помилуетъ ли меня Богъ, или нѣтъ? Это—или нѣтъ—есть признакъ невѣрія. Если же ты не вѣришь, что Богъ большую еще окажетъ тебѣ милость, нежели сколько чаешь, зачѣмъ и молишь Его о помилованіи? Двоедушіе есть, когда кто не всецѣло предаетъ себя на смерть для стяжанія царства небеснаго, но все еще попеченіе имѣетъ о тѣлѣ своемъ и о житейскомъ. Вотъ только чего должно оберегаться кающемуся отъ всего сердца,—чтобъ не лишить себя какимъ-либо образомъ жизни и не сдѣлаться самоубійцею,—сказать къ примѣру, чтобъ не броситься съ какой стремнины, или другаго чего не сдѣлать разрушительнаго для жизни тѣлесной. О прочемъ же,—чѣмъ питаться, и чѣмъ поддерживать жизнь тѣла,—пусть совсѣмъ пресѣчетъ всякую заботу, вѣря слову Спасителя, Который говоритъ: *ищите прежде царствія Божія и правды Его, и сія вся приложатся вамъ* (Мѳ. 6, 33). *Сія вся*—то, что необходимо для тѣла. Кто подвизается и проводитъ жизнь, какъ заповѣдуетъ святое Евангеліе, тотъ можетъ питаться всегда и жить однимъ хлѣбомъ и водою,—и быть при этотъ еще крѣпче и здоровѣе тѣхъ, которые ѣдятъ много разнообразныхъ яствъ. Почему и Апостолъ Павелъ говорилъ и говоритъ всегда: *имуще пищу и одѣяніе, сими довольни будемъ* (1 Тим. 6, 8). И еще: *сами въ себѣ осужденіе смерти имѣхомъ, да не надѣющеся будемъ на ся, но на Бога, возставляющаго мертвыя* (2 Кор. 1, 9).

Се, возлюбленный брате, я показалъ тебѣ, какъ надлежитъ приступить къ Богу, и какой подвигъ покаянія надо показать предъ Нимъ. Не оставляй же ничего изъ того, что я сказалъ тебѣ, до послѣдняго твоего издыханія и не забывай добраго совѣта, мною грѣшнымъ тебѣ даннаго. Ибо хотя я и ничего не стоющій человѣкъ, но благодать Божія просвѣтила меня сказать то для спасенія твоего. Если ты съ помощію Божію исполнишь то, то познаешь и другія болѣе великія таинства, научаемъ будучи благодатію всесвятаго Духа; и за такія дѣла и подвиги дастся тебѣ не только источникъ слезъ, но и отчужденіе и отсѣченіе всѣхъ страстей. Кто, взыскавъ покаянія и сокрушенія, станетъ ревностно разузнавать, что способствуетъ и содѣйствуетъ сокрушенію, плачу и слезамъ, и исполнятъ то съ готовностію и тщаніемъ, и при этомъ не будетъ высоко себя ставить въ какомъ либо отношеніи, и творить какую-либо волю плоти; того такой образъ дѣйствованія скоро приведетъ къ преспѣянію, чистотѣ и безстрастію, сдѣлаетъ его достойнымъ пріять благодать Святаго Духа, и подобнымъ явиться великимъ отцамъ нашимъ: Антонію, Саввѣ, Евѳимію.

Вотъ что подобаетъ тебѣ дѣлать, если любишь покаяніе и сокрушеніе! Если же не хочешь меня послушать и для стяжанія ихъ возъимѣть всегдашнимъ и постояннымъ дѣломъ то, что я тебѣ сказалъ, по крайней мѣрѣ, не хули того ни ты, ни другой кто, говоря, будто это невозможно. Не говори также: я исповѣдался и исповѣданіемъ очистилъ грѣхи свои; я столько уже лѣтъ ищу спасенія; я столько издилъ имущества и раздалъ денегъ на бѣдныхъ, питалъ алчущихъ, поилъ жаждущихъ и все свое достояніе расточилъ на нуждающихся; я ходилъ на святую гору (Аѳонъ), былъ у святаго гроба Господня, восходилъ на Елеонъ, посѣщалъ Синай, — и теперь живу особо въ уединен-

номъ мѣстѣ, держу постъ въ такіе и такіе дни, творю столько-то молитвъ и проч. За все это надѣюсь спастися,—и довольно для меня.—Ни, о брате мой, кто бы ты ни былъ говорящій сіе, — ни, не обольщай себя, утѣшаясь такими суетными помышленіями, неразумно сплетаемыми тобою. Все это хорошо, и очень хорошо. Но знай, возлюбленный, что это только сѣмя.—И разсуди теперь самъ, что скажу тебѣ примѣрно: ты очистилъ мѣсто, взоралъ, вздвоилъ и встроилъ землю, и засѣялъ ее; но проросло ли сѣмя изъ глубины земли сердца твоего? Выросъ ли стебель и заколосился ли? Забѣлѣли ли нивы душевной земли твоей и готовы ли къ жатвѣ? Срывалъ ли ты колосья и теръ ли ихъ въ рукахъ своихъ, чтобъ видѣть, каковъ плодъ трудовъ твоихъ? Увидѣвши его, вкусилъ ли? Вкусивши, насытился ли и подкрѣпился ли? Если все это ты увидѣлъ, созналъ, испыталъ, возчувствовалъ, — кланяюсь тебѣ, лобызаю ноги твои и самые слѣды ногъ твоихъ, почитая себя недостойнымъ поцѣловать тебя въ лице. Радуйся и веселись, ибо явно, что ты пожинаешь съ великою радостію, что посѣялъ съ немалымъ трудомъ и потомъ. Если же не имѣешь и не чувствуешь въ себѣ ничего изъ того, что я тебѣ говорю, и даже не знаешь, посѣялось ли какое доброе сѣмя на землѣ сердца, твоего, то какая же, скажи мнѣ, прибыла тебѣ польза отъ того, что ты окружилъ почти всю землю и достигъ до послѣднихъ краевъ моря? Поистинѣ никакой не получилъ ты отъ того пользы,—даже и отъ того, если притомъ раздавалъ деньги. Ибо если я весь міръ помилую изъ того, что не мое — скажу впрочемъ: пусть и мое, — себя же самого оставлю нагимъ и скуднымъ внутреннею добротою духовною, и умершій предстану такимъ предъ страшнымъ судилищемъ Спасителя, то какая мнѣ польза отъ всего прочаго? Намъ надлежитъ

выдти изъ міра и тѣла одѣянными и украшенными всякою духовною добротою, если желаемъ достойно возсѣдать за царскою трапезою на брачной вечери вмѣстѣ съ друзьями Царя. Что же это есть такое, во что я и всѣ вообще христіане должны облецися, чтобы не оказаться тогда нагими? Есть, братія мои Христосъ Богъ нашъ. Если же, опять скажу, я пройду всю землю, какъ одинъ домъ, и не оставлю ни одного села, города и церкви, не вошедши въ нее, не помолившись и не осмотрѣвши тщательно всего, что представится глазамъ моимъ, а потомъ лишенъ буду царствія небеснаго, то не лучше ли было бы для меня совсѣмъ не родиться, не дышать этимъ воздухомъ, и не видѣть этого солнца очами своими? Поистинѣ было бы лучше.

Что же мнѣ дѣлать, чтобъ не лишиться царствія небеснаго? Если стану дѣлать все, о чемъ сказано выше, то получу Духа Святаго. Сей Духъ есть сѣмя Христа. Силою Его мы всѣ бѣдные и тлѣнные человѣки содѣловаемся сродниками Христу. Сѣмя сіе, если падетъ на добрую землю, то приноситъ приплодъ гдѣ въ тридцать, гдѣ въ шестьдесятъ, а гдѣ въ сто. И сей-то Духъ Святый есть царствіе небесное; все же прочее безъ Него ни къ чему не служитъ. Такимъ образомъ, брате мой, если мы не помилуемъ самихъ себя, если не сдѣлаемъ душъ своихъ очищенными покаяніемъ и преисполненными свѣта, то никакой не принесутъ намъ пользы всѣ другія дѣла, какъ говоритъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ: *кая польза человѣку, аще міръ весь пріобрящетъ, душу же свою отщетитъ? Или что дастъ человѣкъ измѣну за душу свою?* (Мѳ. 16, 26). И опять: *обрѣтый душу свою, погубитъ ю: а иже погубитъ душу свою Мене ради, обрящетъ ю* (Мѳ. 10, 39). Итакъ, если я не погублю души своей тѣмъ образомъ, о коемъ сказалъ, предавая себя на смерть изъ любви ко Христу,—и опять, если я об-

рѣту ее, любя настоящую жизнь и не ища жизни вѣчной, то какая мнѣ польза отъ всего прочаго, други мои и братія? Поистинѣ никакая. Никакой не принесетъ намъ это пользы, и отъ огня вѣчнаго не избавитъ, если не позаботимся о душѣ своей и не будемъ за нею присматривать, оставя все другое и всѣхъ другихъ людей. Какъ же слѣдуетъ заботиться о душѣ своей, объ этомъ я скажу въ другомъ словѣ, чтобъ настоящее не вышло безъ мѣры великимъ.

Ты же, Боже и Творче мой, благоволивший содѣлаться Учителемъ насъ грѣшныхъ, Самъ научи меня сказать, какъ должно, и для себя самого, и для братій моихъ, рабовъ Твоихъ, что потребно для спасенія души. Ибо Ты еси путеводитель и просвѣщеніе душъ нашихъ. Ты отверзаешь уста наши, и даешь слово съ силою многою намъ проповѣдующимъ Евангеліе Твое, и Тебѣ славу возсылаемъ, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ. Аминь.

СЛОВО СЕМИДЕСЯТОЕ.

Какъ надлежитъ присматривать за собою и вникать въ свое состояніе, и какъ должно сличать дѣла свои съ заповѣдями Христа Господа?

Какъ я обѣщалъ вамъ сказать, какъ надлежитъ присматривать за собою, то и хочу нынѣ исполнить сей долгъ свой, считая себя притомъ обязаннымъ всегда доставлять любви вашей опредѣленную пищу слова.

Присматривать за собою значитъ вникать въ себя, примѣрно такъ разглагольствуя съ самимъ собою: не обладаетъ ли мною какая-либо страсть, большая или малая, а я о томъ и не думаю? Ибо, какъ слышу въ Божественныхъ Писаніяхъ, если кто хоть одну какую имѣетъ страсть, то онъ въ царствіе Божіе не внидетъ.

Такъ говоритъ св. Апостолъ Іаковъ: *иже весь законъ соблюдетъ, согрѣшитъ же во единомъ, бысть всѣмъ повиненъ* (Іак. 2, 10). Можетъ быть, я понерадѣлъ когда-либо о той или другой заповѣди, или и теперь нерадѣю о той и небрегу исполнять эту? А Христосъ Господь говоритъ: *иже аще разоритъ едину заповѣдей сихъ малыхъ, и научитъ тако человѣки, мнѣй нарекется въ царствіи небеснѣмъ* (Мѳ. 5, 19). Также когда кто читаетъ или слушаетъ Божественное Писаніе, о себѣ самомъ пусть подумываетъ при томъ, и при помощи его, какъ зеркала духовнаго, тщательно разсматриваетъ душу свою, есть ли въ ней то, о чемъ говоритъ Писаніе. Такъ, скажемъ для примѣра, слыша, что Христосъ Господь говоритъ: *покайтеся, приближися бо царствіе небесное* (Мѳ. 4, 17),--пусть опредѣлительно дознаетъ, покаялся ли искренно и хранитъ ли всегда покаянныя чувства?— И еще при встрѣчѣ разныхъ случайностей пусть наблюдаетъ, что происходитъ въ душѣ его, и чрезъ то опредѣляетъ, какова она. Такъ, напримѣръ, наблюдая, что бываетъ у него на душѣ, когда бранятъ его или безчестятъ, или инымъ какимъ образомъ оказываютъ ему презрѣніе, онъ вѣрно познаетъ, есть ли въ немъ смиреніе, или нѣтъ. Ибо кто имѣетъ смиреніе, тотъ все скорбное переноситъ съ радостію, и сердце его нимало не уязвляется ничѣмъ такимъ. Смиренъ и тотъ, кто хотя уязвляется немного этимъ, но не допускаетъ себя до смущенія, и за это малое чувство уязвленія сердца оскорбленіемъ, т.-е. что опечалился немного, а не съ радостію принялъ случившееся, осуждаетъ себя и укоряетъ; и вошедши въ келлію свою и себя самого разсуждая, сокрушается и плачетъ, и припадая къ Богу, исповѣдуется Ему какъбы погубившій всѣ труды свои.

Потомъ опять,—когда слышитъ: *блажени плачущіи* (и разсудите, прошу,—не сказалъ: плакавшіе, но: *плачу-*

щіи, то-есть тѣ, которые всегда, каждый день и каждый часъ плачутъ), долженъ подумать, плачетъ ли онъ каждый день: ибо если онъ смиренъ дѣйствіемъ покаянія, то конечно не пропуститъ ни одного дня, и ни одной ночи безъ слезъ, плача и сокрушенія.

Тоже пусть сдѣлаетъ, и слыша: *блажени кротцыи*. И кто можетъ слезить и плакать каждый день,—и оставаться гнѣвливымъ, а не быть кроткимъ и тихимъ? Ибо какъ пламя огненное погашается водою, такъ гнѣвъ душевный гаснетъ отъ плача и слезъ; а если кто долгое время пребудетъ въ плачѣ, то раздражительность души приходитъ въ совершенную неподвижность,—и душа тогда уже совсѣмъ не гнѣвается. Потому всякой долженъ и съ этой стороны осмотрѣть себя,—истинно ли онъ кротокъ. Истинно кроткій только преступленія заповѣдей Божіихъ не можетъ сносить ни въ какомъ человѣкѣ; но и при этомъ онъ плачетъ о преступающихъ сіи заповѣди и грѣшащихъ, и также искренно, какъ бы самъ грѣшилъ.

Опять и то пусть испытаетъ о себѣ, алчетъ ли онъ и жаждетъ правды Божіей. Ибо взыскавшему Бога нельзя не алкать и не жаждать правды, такъ какъ правда есть Богъ, Который, какъ слышишь, именуется солнцемъ правды. Итакъ, алчущій и жаждущій правды алчетъ и жаждетъ Бога, т.-е. Его единаго желаетъ и къ Нему единому горитъ любовію; все же прочее, міръ и все, что въ мірѣ, *вмьняетъ въ уметы* (Фил. 3, 8),—и чести человѣческія, и похвалы почитаетъ какъбы пристыженіемъ, не принимая ихъ въ умъ, и совсѣмъ ихъ не чувствуя.

Также слыша: *блажени милостивіи*, пусть испытаетъ,—милостивъ ли онъ. Но кто такіе милостивые? Тѣ ли, которые раздаютъ бѣднымъ деньги и кормятъ ихъ? Нѣтъ,—не это одно дѣлаетъ милостивымъ; надобно,

чтобы при семъ была милостивость сердечная. И тѣ милостивы, которые обнищали изъ любви ко Христу, насъ ради обнищавшему, и не имѣютъ, что дать бѣднымъ, но вспоминая о бѣдныхъ, вдовахъ, сиротахъ и больныхъ, и нерѣдко, и видя ихъ, снѣдаются жалостію объ нихъ и плачутъ,—уподобляясь Іову, который говоритъ о себѣ: *азъ же о всякомъ немощномъ восплакахся* (Іов. 30, 25). Они, когда имѣютъ что, съ искреннимъ радушіемъ помогаютъ нуждающимся, а когда не имѣютъ, даютъ имъ всеубѣдительныя наставленія о томъ, что способствуетъ спасенію души, повинуясь слову того, кто сказалъ: *нелестно научихся, безъ зависти преподаю* (Прем. 7, 13).

Таковы истинно милостивые, ублажаемые Господомъ Іисусомъ Христомъ. Они такою милостивостію, какъ лѣствицею, восходятъ къ совершенной чистотѣ душевной. Почему и Господь нашъ, въ слѣдъ за ублаженіемъ милостивости, сказалъ: *блажени чистіи сердцемъ, яко тіи Бога узрятъ.* Ибо, какъ Богъ и законоположникъ нашъ, Онъ знаетъ, что если душа не придетъ въ такое настроеніе, т.-е. не содѣлается милостивою, какъ мы сказали, не будетъ всегда плакать, не станетъ совершенно кроткою, не возжаждетъ Бога,—то она не можетъ избавиться отъ страстей и содѣлаться чистою, какъ чисто зеркало. Но если не сдѣлается она такою, то никакъ не узритъ она чисто внутрь себя лица Владыки и Бога нашего. Та же душа, которая сдѣлается чистою, всеконечно зритъ Бога и содружается съ Нимъ; и бываетъ тогда миръ между Творцемъ нашимъ Богомъ и душею тою, тогда какъ прежде она враждебна была къ Нему. Почему послѣ сего она и ублажается Богомъ, яко миротворица.

Блажени миротворцы, яко тіи сынове Божіи нарекутся. То-есть, блаженны тѣ, которые сознательно со-

дружились со Христомъ, пришедшимъ дать миръ дальнимъ и ближнимъ, т. е. праведнымъ и грѣшнымъ, примирить съ Отцемъ своимъ насъ, враговъ Его, и совокупить во едино раздѣленное между собою,—для каковой цѣли Онъ воспринялъ нашу человѣческую плоть, чтобы преподать намъ Духа Святаго. Итакъ явно, что тѣ, которые зрятъ Бога, содружились съ Нимъ, достигли желаемаго мира и содѣлались сынами Божіими. Вотъ и смотри, содружился ли ты съ Богомъ? – Содружился, если любишь брата своего, и не содружился, если не любишь брата. Ибо если ты не любишь брата, котораго видишь, то какъ можешь любить Бога, Котораго не видишь? Если же не можешь любить Бога, явно, что ты и не содружился еще съ Нимъ. Почему, братія мои, восподвизаемся всею нашею силою узрѣть Бога, содружиться съ Нимъ и возлюбить Его вседушно, какъ Онъ заповѣдалъ.

Наконецъ слышишь: *блажени изгнани правды ради,* испытывающій себя смотритъ, потерпѣлъ ли онъ какое-либо гоненіе за заповѣдь Божію, такъ какъ, по Апостолу, *вси хотящіи благочестно жити о Христѣ Іисусѣ гоними будутъ* (2 Тим. 3, 12). Господь нашъ говоритъ далѣе: *блажени есте, егда поносятъ вамъ, и ижденутъ, и рекутъ всякъ золъ глаголъ на вы лжуще, Мене ради. Радуйтеся и веселитеся, яко мзда ваша многа на небесѣхъ.* Чего же ради послѣ всѣхъ положилъ Онъ гонимыхъ и поносимыхъ, и властно повелѣваетъ имъ, говоря: *радуйтеся и веселитеся?* Того ради, что только тотъ кто покажетъ покаяніе, достойное грѣховъ его, а отъ покаянія сдѣлается смиреннымъ (повторю опять все тоже), каждодневно плачетъ, бываетъ кротокъ, отъ всей души алчетъ и жаждетъ солнца правды, бываетъ милосердъ и сострадателенъ до того, что всѣ страданія, скорби и болѣзни другихъ считаетъ какъбы

своими, очищается плачемъ и зритъ Бога, содружается съ Нимъ, бываетъ воистину миротворцемъ и удостоивается именоваться сыномъ Божіимъ,—только тотъ, кто сдѣлается таковымъ, можетъ, и когда бываетъ гонимъ, біемъ, поносимъ, оклеветаемъ и слышитъ всякой злой глаголъ про себя, съ радостію и неизреченнымъ веселіемъ претерпѣть все сіе. Зная сіе, Владыка нашъ и Богъ гонимыхъ ублажилъ послѣ всѣхъ и такъ рѣшительно сказалъ къ нимъ: *радуйтеся и веселитеся.* Кто же не сдѣлается таковымъ, ужели не можетъ снести все сіе? Нѣтъ, не можетъ.

Итакъ, братія мои, будемъ непрестанно испытывать и изслѣдовать себя самихъ, со всѣмъ вниманіемъ и тщаніемъ, каждый день, и каждый часъ, если возможно, и приводя на умъ заповѣди одну за другою, по каждой изъ нихъ осматривать и обсуждать себя самихъ. Если найдемъ, что исполнили какую, возблагодаримъ Господа Бога нашего и постараемся соблюдать ее и въ послѣдующее время. Если же окажется, что не исполнили какой, покаемся въ томъ и восподвизаемся исполнять ее, чтобъ иначе, презрѣвши ее, не нарещися *меньшими въ царствіи небесномъ* (Мѳ. 5, 19). Если мы такимъ образомъ станемъ восходить, мало-по-малу, отъ одной заповѣди къ другой, какъ по лѣствицѣ, то навѣрное достигнемъ до самыхъ послѣднихъ предѣловъ христіанскаго совершенства, до самыхъ вратъ неба, гдѣ Христосъ Господь нашъ, срѣтивъ насъ, скажетъ намъ: *пріидите ко Мнѣ вси труждающіися и обремененніи, и Азъ упокою вы* (Мѳ. 11, 28). Когда достигнемъ мы сего и узримъ Господа, сколько возможно человѣку узрѣть Его, и воспріиемъ отъ Него царствіе небесное, которое есть Духъ Святый, тогда всегда уже будемъ имѣть Его въ себѣ, какъ сказалъ самъ Онъ, и докончимъ жизнь свою въ вѣкѣ семъ, какъ Ангелы Божіи, или лучше сказать, какъ сыны Божіи. Каковаго слад-

чайшаго блага буди сподобитися всѣмъ намъ благодатію и благоволеніемъ Бога, въ Троицѣ поклоняемаго,—Емуже слава нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ. Аминь.

СЛОВО СЕМЬДЕСЯТЪ ПЕРВОЕ.

О новоначальныхъ монахахъ.

Монахъ новоначальный, недавно отрекшійся отъ міра и отъ всего, что въ мірѣ, и вступившій въ подвигъ монашескаго житія, если удалился изъ міра ради Бога, и истинно желаетъ научиться сему искусству искусствъ, а не хочетъ, чтобъ удаленіе его изъ міра оказалось тщетнымъ, долженъ съ самаго начала со всѣмъ усердіемъ и тщаніемъ творить дѣла добродѣтели. Въ руководство къ сему, я хочу дать нѣкое письменное начертаніе начатковъ сей науки наукъ, т. е. монашеской жизни, для новоначальныхъ, недавно оставившихъ міръ и вступившихъ въ обитель, въ это подвизалище, какъ въ школу какую. И вотъ какіе совѣты даю я имъ и имѣющимъ придти послѣ нихъ, по преданію, которое и я принялъ отъ отцевъ нашихъ.

Надлежитъ вѣдать, что совлекшійся перстнаго человѣка съ мудрованіемъ его, подъ образомъ совлеченія мірскихъ одеждъ, и облекшійся въ человѣка небеснаго, подъ образомъ принятія монашескаго образа, долгъ имѣетъ, вставая въ полночь прежде утрени, совершать опредѣленное ему для сего молитвенное правило и потомъ идти въ церковь къ утрени, вмѣстѣ со всѣми братіями, и тамъ великое имѣть вниманіе ко всему послѣдованію службы, внимая шестопсалмію, псалтири и положеннымъ чтеніямъ изъ отцевъ; при чемъ пусть не позволяетъ себѣ распускать члены тѣла своего, и стоять безчинно, или прислоняться къ стѣнамъ и колоннамъ; руки надобно ему имѣть впереди благоговѣйно сложив-

ши, и ногами стоять на полу обѣими равно, голову держать неподвижно, не обращая ее туда и сюда, но наклонивъ долу; умомъ пусть не разсѣявается, не любопытствуетъ, что дѣлаетъ тотъ или другой, и не подвигается къ нерадивцамъ, которые тайкомъ говорятъ и шепчутся между собою,—но пусть хранитъ очи свои и душу свою отъ блужданія туда и сюда и сколько можно напряженно внимаетъ одной молитвѣ, чтенію, поемымъ тропарямъ и читаемымъ словесамъ Божественнаго Писанія, не пропуская безъ пользы ни одного слова и заботясь питать всѣмъ этимъ душу свою, чтобъ, пришедши въ сокрушеніе и смиреніе, воспріяла она просвѣщеніе отъ Св. Духа.

Еще, братія мои, и отцы, и чада, умоляю васъ всѣхъ вмѣстѣ и даю вамъ это, какъ душаспасительное правило, потщитесь положить начало такому дѣлу добродѣтели, или, лучше сказать, дѣлу Божію (за которое получимъ отъ Бога и воздаяніе по мѣрѣ трудовъ своихъ), чтобы, если возможно, ни одна служба не проходила безъ слезъ. Ибо если навыкнешь ты, брате мой, это дѣлать, то въ короткое время преуспѣешь, возрастешь духомъ и достигнешь въ мужа совершенна, въ мѣру возраста исполненія Христова. Когда станешь ты понуждать себя къ тому, чтобъ не проходило ни одной службы церковной безъ слезъ, то со временемъ такъ навыкнешь сему доброму дѣлу, что слезы сдѣлаются для тебя какъбы естественными. Тогда душа твоя начнетъ питаться и псалмами, какіе будешь читать или слушать, и тропарями, и воспринимать въ себя божественныя мысли ихъ, и умъ твой посредствомъ читаемаго восходить горѣ и возвышаться въ созерцаніе мысленнаго. Тогда станешь наконецъ плакать съ великою сладостію, и находясь въ церкви, чувствовать, что находишься будто среди святыхъ Ангеловъ.

Положи также для себя въ неизмѣнное правило,—никогда не выходить изъ церкви прежде, чѣмъ іерей скажетъ самую послѣднюю молитву (т. е. отпустъ—молитвами св. отецъ и проч.), безъ крайней какой нужды или потребности тѣлесной, но всегда съ терпѣніемъ простаивать до конца на своемъ мѣстѣ, какъ говоритъ Божественное Писаніе: *претерпѣвый до конца, той спасенъ будетъ* (Мѳ. 10, 22). За это сначала будешь ты получать помощь отъ Бога, не чувствуя того самъ, потомъ современемъ станешь ощущать сію Божію помощь и чувствомъ души твоей, а спустя немного послѣ этого будешь зрѣть ее въ божественномъ нѣкоемъ просвѣщеніи.

Когда кончится служба утренняя, ты, по выходѣ изъ церкви, не заводи праздныхъ разговоровъ съ тѣмъ или другимъ и умомъ своимъ не разсѣявайся туда и сюда, но спѣши прямо въ келлію свою, и тамъ совершивъ опредѣленную тебѣ для сего молитву, берись или за свое рукодѣлье, или за данное тебѣ послушаніе, или за чтеніе. Никогда не оставайся совершенно праздным въ келліи своей, чтобы праздность не научила тебя всякому злу, о которомъ не нахожу нужнымъ говорить тебѣ. Но и по монастырю не кружись, и не любопытствуй, какъ кто занимается своимъ рукодѣльемъ, или исполняетъ свое послушаніе. Храни молчаніе и отъ всѣхъ устраняйся: что и есть истинное странничество. Сколько силъ есть, себѣ лишь внимай и рукодѣлію своему. Не ходи ни къ кому въ келлію, кромѣ развѣ духовнаго отца твоего и того, къ кому пошлетъ тебя настоятель, или другой какой распорядитель по монастырю. Но и при этомъ, ходя, куда посланъ, смотри не говори и не слушай ничего, не касающагося дѣла, за которымъ былъ посланъ, и кончивъ его, поскорѣе возвращайся назадъ. Если, переходя туда и обратно, увидишь, что гдѣ либо сидитъ братъ одинъ или вмѣстѣ съ другими, и они ведутъ

бесѣду не въ подобающее время, сдѣлай имъ поклонъ и пройди мимо молча, а къ нимъ не подходи и не садись вмѣстѣ съ ними, вспомнивъ слова псалмопѣвца Давида, который говоритъ: *блаженъ мужъ, иже не иде на совѣтъ нечестивыхъ, и на пути грѣшныхъ не ста и на сѣдалищи губителей не сѣде.* Ибо таковые поистинѣ суть губители, т.-е. тлетворные душевредители, какъ и св. Павелъ говоритъ: *тлятъ обычаи благи бесѣды злы* (1 Кор. 15, 33). Такъ не садись, брате мой возлюбленный, съ тѣми, которые празднословятъ, и не говори имъ: дайте и мнѣ послушать, о чемъ вы говорите. Но, какъ я сказалъ, сдѣлавъ имъ поклонъ, проходи мимо, и иди далѣе по послушанію своему, храня молчаніе и странничество (держи себя въ чувствѣ и въ отношеніяхъ къ другимъ, подобно чуждому страннику). Молчаніе сохранишь, если будешь говорить самъ въ себѣ: и что хорошаго имѣю сказать я, столь малосмысленный и дурной, что и говорить-то недостоинъ, недостоинъ даже и къ людямъ причислятьсяся? А странничество и то, чтобы устраняться отъ другихъ, сохранишь, если будешь думать и говорить въ себѣ: кто я такой,—ничтожный, ни къ чему негожій, деревенщина, бѣднякъ,—чтобы смѣть мнѣ пойти въ кѣллію къ кому-либо другому? И кто, увидѣвъ меня, не отвратится отъ меня и не возбрезгаетъ мною, какъ мерзостію? Развѣ, когда приду къ кому, не можетъ онъ сказать о мнѣ: чего хочетъ этотъ гадкій, келлію мою что ли пришелъ осквернить? Если положишь предъ собою грѣхи свои, то можешь отъ всей души думать и говорить о себѣ все это, какъ я сказалъ. Пусть вначалѣ и не сможешь ты отъ всей души говорить такъ въ себѣ о себѣ; но мало по малу, при помощи божественной благодати, достигнешь и этого, т.-е. чтобъ истинно таковымъ считать себя. Только послушай меня, смиреннаго, и начни съ Богомъ говорить и дѣлать, какъ я сказалъ, и Богъ не

оставитъ тебя, ибо Онъ много любитъ тебя и желаетъ, чтобъ ты пришелъ въ познаніе истины и спасся.

Такъ проведши время до литургіи, иди потомъ, брате мой, опять въ церковь, и стой тамъ, какъ я опредѣлилъ тебѣ стоять во время заутрени, не забывая и о плачѣ. Стой со страхомъ и трепетомъ, какъ бы ты очами своими видѣлъ, какъ Сынъ Божій воплощенный приноситъ Себя въ жертву за тебя,—и если ты достоинъ и получилъ позволеніе отъ своего духовника, приступи со страхомъ и вмѣстѣ съ радостію, и причастись Пречистыхъ Таинъ, а по отпустѣ иди вмѣстѣ со всѣми братіями въ трапезу.

Здѣсь, если тебѣ опредѣлено прислуживать, исполняй свое послуженіе съ такою чистою и нелестною любовію, какъбы ты служилъ самому Христу, а не человѣкамъ; и имѣй всѣхъ братій, какъ святыхъ, или, какъ я уже сказалъ, какъ Самого Христа, и подавай имъ все потребное съ такою любовію, какъбы отдавалъ имъ душу свою и всего себя произволевіемъ, будучи убѣжденъ, что получаешь освященіе отъ послуженія, которое не есть для нихъ. Если же сядешь за трапезу вмѣстѣ съ другими, смотри, съ безчинною дерзостію не протягивай руки своей къ яствамъ прежде, чѣмъ начнутъ ѣсть старѣйшіе тебя, и прежде чѣмъ іерей благословитъ трапезу; начавши же ѣсть вмѣстѣ съ братіями и отцами твоими, соблюдай великую скромность и молчаніе и отнюдь ни съ кѣмъ не говори, но внимай чтенію, чтобъ, какъ питаешься тѣлесно яствами, такъ питаться и душевно божественными словесами святыхъ отцевъ; ибо какъ ты двоякъ, изъ души и тѣла состоишь, то надлежитъ тебѣ и питаться, какъ душевно, такъ и тѣлесно; тѣло свое, какъ чувственное и земное, питай чувственною и земною пищею, а душу, какъ духовную и божественную, питай божественною и духовною пищею словесъ Божіихъ. При этомъ не любопытствуй, какія положены на трапезѣ части, гдѣ боль-

шія и гдѣ меньшія; но какая дана будетъ тебѣ часть, ту и ѣшь съ благодареніемъ и воздержаніемъ, избѣгая полнаго насыщенія, и помышляя, что ты недостоинъ сидѣть за общею трапезою братій, говори самъ въ себѣ: кто я нищій и ничего нестоющій, что удостоенъ сидѣть и ѣсть вмѣстѣ съ такими святыми? Говоря же такъ, въ умѣ своемъ отъ всей души имѣй себя грѣшникомъ, и какъ какой либо бѣднякъ, одѣтый въ рубища, если попадетъ въ среду лицъ важныхъ, богатыхъ и пышно одѣтыхъ, стыдится и не смѣетъ подойти и приблизиться ни къ кому изъ нихъ, такъ всегда держи себя и ты среди братій,—выбирай всегда послѣднѣйшее мѣсто, стыдясь сѣсть выше кого-либо, такъ какъ всѣ другіе богаты добродѣтелями, и одинъ ты нагъ и бѣденъ всякою добродѣтелію, почему недостоинъ обращаться съ ними и даже смотрѣть на нихъ. Также, съ самаго начала, какъ только приступаешь ко вкушенію пищи, вспомни о грѣхахъ своихъ, и говори опять самъ въ себѣ: не будетъ ли мнѣ въ осужденіе ѣсть эти лежащія предо мною яства? Отъ юности моей я не сдѣлалъ ничего угоднаго Богу, создавшему ихъ и давшему ихъ намъ въ пищу, и святыхъ заповѣдей Его не исполнялъ, какъ же я, достойный всякаго осужденія, осмѣлюсь вкушать отъ благъ Его? Съ какимъ лицемъ стану ѣсть и пить, и соутѣшаться вмѣстѣ со святыми отцами сими я, злой и непотребный рабъ, отдалившійся отъ Владыки своего, прежде чѣмъ покаюсь и получу прощеніе отъ человѣколюбиваго Бога, какъ ѣдятъ и пьютъ другіе, которые или совсѣмъ не грѣшили, или нагрѣшивши покаялись и получили отъ Бога прощеніе? Нѣтъ,—не стану я ѣсть, какъ и они, но столько приму пищи и питія, чтобъ лишь жить и тѣмъ поутѣсню, поумучу и показню себя, чтобы Богъ, свыше видя мое самоутѣсненіе и произвольную прискорбность, помиловалъ меня и простилъ

мнѣ многіе грѣхи мои. Такъ всегда разсуждай и помышляй въ умѣ своемъ. Опредѣли также себѣ правиломъ—никогда не наѣдаться досыта, но ѣсть гораздо меньше потребнаго,—и выдерживай положенное; равно опредѣли и мѣру воды для питья,—одну или двѣ чаши, и пей въ одинъ опредѣленный часъ дня. Когда сидишь за столомъ, не слушай помысла, который будетъ внушать тебѣ принимать пищу по выбору, и сколько можно остерегайся протягивать руку къ тому, что кажется хорошимъ, но ѣшь то, что положено предъ тобою. Но опять если изъ того, что находится предъ тобою, будутъ ли то овощи или другое какое кушанье, тебѣ что либо особенно нравится, и помыслъ будетъ говорить тебѣ: возьми то и съѣшь, подвизайся, сколько можешь, не быть побѣжденну такимъ помысломъ,—и не касайся того. Ибо Адамъ не за другое что изгнанъ изъ рая, какъ за то, что плодъ древа показался ему красивымъ и добрымъ для вкушенія,—и онъ вкусилъ его. Почему тѣ, которые желаютъ опять возвратиться въ тотъ рай, или лучше сказать, въ царство небесное, долгъ имѣютъ хранить воздержаніе, даже въ употребленіи овощей, безъ придумыванія предлоговъ къ противному, чтобъ иначе мало-по-малу отъ этихъ малыхъ не дойти и до великихъ вредныхъ похотѣній. Если сидящіе съ тобою братія будутъ предлагать тебѣ ѣсть и пить больше, ты ничего другаго не отвѣчай имъ, какъ сложивъ руки и голову наклонивъ, приподнимись и скажи кроткимъ и тихимъ голосомъ: простите мнѣ. И не въ этомъ только случаѣ, но и во всякомъ другомъ такъ отвѣчай. Такъ—ни самъ ты не давай другому кому отъ избытковъ твоихъ (остатковъ за столомъ), ни отъ другаго кого не бери ничего.

Если не пьешь вина, и не бери его, — даже подъ предлогомъ, дать его другому брату, исключая того случая, когда придетъ къ тебѣ по нуждѣ странникъ. Ни-

когда ни съ кѣмъ не позволяй себѣ вкушать прежде общей трапезы, или полдничать, или переужинывать вновь, по какому-либо поводу, потому что отъ этого много худаго происходитъ, и это—діавольскія сѣти. которыя кажутся будто хорошими, но внутри содержатъ смертоносный ядъ. Этихъ сѣтей избѣжитъ тотъ, кто повѣритъ мнѣ и соблюдетъ слова мои. Съ помощію благодати Божіей онъ пребудетъ неискусимымъ и невредимымъ отъ діавола. Тѣ, которые любятъ жизнь мірскую подъ монашескою одеждою, низвергаются и падаютъ въ пропасти, сами того не чувствуя. Ты же, брате мой превозлюбленне, восхоти соблюсти сказанное мною, до готовности, если потребуетъ нужда, даже умереть за то. Ибо другимъ образомъ не возможешь ты избѣжать бѣса чревоугодія.

Знай впрочемъ и то, что когда станешь исполнять это, то діаволъ не спуститъ тебѣ этого, но подыметъ противъ тебя всѣхъ нерадивыхъ и лѣнивыхъ, которые и начнутъ осуждать тебя, поносить, пересмѣивать и причинять премногое множество всякаго рода непріятностей, чтобъ заставить тебя бросить доброе намѣреніе и прекратить такія дѣла, ведущія ко спасенію души. Но ты не смотри на это; ибо если ты будешь терпѣливо переносить все такое, то обрѣтешь великую помощь и обильное утѣшеніе отъ Бога и Спаса нашего.

Если. когда другіе сидятъ за столомъ и ѣдятъ, ты или прислуживаешь, или такъ сидишь, или другое что дѣлаешь, смотри, не забудь говорить себѣ въ умѣ своемъ: если бъ и я покаялся, какъ слѣдуетъ, и получилъ отпущеніе грѣховъ своихъ, то конечно и я ѣлъ бы и утѣшался вмѣстѣ съ братіями моими, но какъ я, несчастный, срамными дѣлами своими сдѣлалъ себя ничего нестоющимъ, то праведно воспріемлю по дѣламъ моимъ. И говоря это, обуздывай, сколько можешь, чрево свое.

Никогда не ищи и не желай первосѣданія, но ненавидь его отъ всей души, такъ какъ оно есть причина гордости. И смиреніе твое возвыситъ тебя, и то, что ты ищешь послѣднее занимать мѣсто, сдѣлаетъ тебя первымъ; ибо написано: *всякъ возносяйся смирится, смиряяй же себе вознесется* (Лук. 18, 14).

Когда наконецъ вставъ изъ-за трапезы вмѣстѣ съ братіями, возблагодаришь Бога, и іерей сдѣлаетъ надлежащій отпустъ, тогда иди молча прямо въ келлію свою, и затворивъ дверь, бери книгу въ руки и почитай немного. Потомъ, если будетъ лѣтнее время, ляжь на рогожу свою и сосни немного. Если ты бережешься отъ насыщенія и трапезуешь очень скромно, употребляя лишь хлѣбъ съ водою и овощи, и то въ мѣру, то не проспишь долго, а скоро проснешься. Если же время будетъ зимнее, то почитавши немного, берись за свое рукодѣліе, и сиди за нимъ, пока ударятъ къ вечерни.

Тогда иди въ церковь и стой со страхомъ и великимъ вниманіемъ во все послѣдованіе вечерни, отнюдь ни съ кѣмъ не разговаривая.

По окончаніи вечерни, если можешь воздерживаться и ничего не ѣсть и не пить, положивъ себѣ за правило однажды въ день принимать пищу, будетъ лучше; ибо отъ этого великую получишь пользу и помощь для ночной своей молитвы и бдѣнія. Если же не можешь, то съѣшь только одинъ паксимадъ (хлѣбецъ въ двѣ обычныхъ просфоры, большею частію сухой) и выпей одну чашу воды, исключая развѣ немощи какой.

Затѣмъ, воздавъ Богу молитвы повечерія вмѣстѣ съ прочими, поклонись въ ноги настоятелю, какъбы къ стопамъ Христа Спасителя припадая, и принявъ отъ него благословеніе и къ святымъ иконамъ приложившись, иди молча въ келлію свою, отнюдь ни съ кѣмъ не заводя разговоровъ.

Вошедши въ нее, затвори дверь и бери книгу въ руки. Прочитавши листа три, встань на молитву и молись Богу безмолвно, чтобъ никто не слыхалъ тебя. Внимай однакожъ, чтобы стоять съ бодренною душею, заключая помыслы свои въ молитву и не давая имъ уклоняться къ разнымъ дѣламъ и вещамъ. При этомъ руки скрести предъ собою, ноги держи ровно и неподвижно, глаза зажмурь, чтобъ ни на что не смотрѣли и не разсѣявали ума твоего; умъ же свой и все сердце свое вознеси горѣ, на небеса, къ самому Богу, со слезами и воздыханіями испрашивая у Него милости Имѣй опредѣленные духовнымъ отцемъ твоимъ псалмы, которые болѣе сокрушительны, возбуждаютъ слезы покаянія, и подъ силу тебѣ. Псалмы, колѣнопреклоненія и время стоянія должны быть у тебя опредѣлены, по мѣрѣ силы твоей, чтобы совѣсть не обличала тебя и не говорила, что у тебя есть сила и еще постоять и прославословить Бога. Имѣй также и другія опредѣленныя молитвы, содержащія благодареніе и славословіе Богу, которыя и прочитывай, такія-то утромъ, а такія-то вечеромъ. Кончивъ молитву, опять почитай немного, потомъ сядь за рукодѣліе, и просиди до третьяго часа ночи (нашего—девятаго). Послѣ сего встань, и прочитавъ „Нескверная“ ложись на рогожусвою, запечатлѣвъ крестнымъ знаменіемъ все тѣло свое. Проспавъ до полуночи, вставай и дѣлай далѣе, какъ я опредѣлилъ тебѣ выше.

Ко всему сему приложи исповѣданіе помысловъ своихъ духовному отцу своему, если можно, каждый часъ; если же это невозможно, не пропускай, по крайней мѣрѣ, ни одного дня безъ исповѣданія ихъ. Тотчасъ послѣ утрени испытай себя добрѣ и открой своему отцу духовному, что съ тобою случилось, имѣя къ нему твердую вѣру, и нисколько не умаляя ее, хотя бы весь

міръ осуждалъ его и поносилъ; хотя и тебѣ самому будетъ что-либо въ немъ казаться укорнымъ, не поддавайся соблазну, слыша, что говоритъ Христосъ Господь: *не судите, и не судятъ вамъ* (Лук. 6, 37).

Если будешь такъ подвизаться каждый день, то будь увѣренъ, что Богъ не умедлитъ посѣтить тебя свыше, но пошлетъ тебѣ помощь отъ святаго жилища Своего и къ тебѣ пріидетъ благодать Всесвятаго Духа. Такъ мало-по-малу преуспѣвая, будешь ты расти возрастаніемъ духовнымъ, пока придешь въ мужа совершенна, въ мѣру возраста исполненія Христова, просвѣщаемъ будучи отъ Духа Святаго свѣтомъ разума, и самъ свѣтя, какъ солнце, свѣтомъ тѣмъ, которые живутъ вмѣстѣ съ тобою, и прославляя словомъ и дѣломъ Бога, давшаго тебѣ благодать святаго и животворящаго Духа своего. Ему подобаетъ всякая слава, честь и поклоненіе, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ. Аминь.

СЛОВО СЕМЬДЕСЯТЪ ВТОРОЕ.

1) Объ отреченіи отъ міра и отсѣченіи своей воли.

2) Что всякому надо найти себѣ опытнаго руководителя, чтобъ научиться отъ него добродѣтели.

3) Что надобно имѣть вѣру къ духовному отцу.

4) О зрѣніи свѣта, коимъ просвѣщается всякая душа и преуспѣваетъ въ любви къ Богу.

1. Возлюбленные мои братія! Много разъ изъявляли вы желаніе слышать слово Божіе отъ меня послѣднѣйшаго и худѣйшаго, но я не имѣлъ времени; говорить же любви вашей о достодолжномъ и нужномъ какъбы мимоходомъ я не хотѣлъ. Се нынѣ время благопріятно,—и я съ любовію приступаю къ бесѣдѣ съ вами, не съ тѣмъ однакожъ, чтобъ учить васъ, потому что этого я недостоинъ, но лишь чтобъ напомнить вамъ о

томъ, что полезно для души вашей, что возбуждаетъ къ удаленію отъ міра, къ побѣжденію страстей, къ любви Божіей и къ совершенному безстрастію.

Такъ какъ я имѣю бесѣдовать къ людямъ, вожделѣвающимъ и жаждущимъ спасенія своего, то мнѣ подумалось, что приличнѣе всего начало слову моему положить словесами самого источника всякой премудрости, Господа нашего Іисуса Христа, Который и для новоначальныхъ есть основаніе вѣры твердое и извѣстное, и для среднихъ—надежда непостыждающая, и для совершенныхъ—любовь ненасытимая и неизсякающая. Каждодневно слышимъ мы святый гласъ Его говорящій: кто не оставитъ отца, и матери, и братьевъ и всего имѣнія своего, и не возметъ креста своего и въ слѣдъ Мене грядетъ, нѣсть Мене достоинъ (Мѳ. 10, 37; Лук. 14, 26). Такимъ образомъ Писаніе научаетъ насъ и опытъ подтверждаетъ, что крестъ слѣдуетъ за подвигами самоотверженія и добродѣтели, разумѣя подъ нимъ скорби, искушенія и наконецъ самую произвольную смерть, которую надлежитъ подъять возжелавшему быть послѣдователемъ Христовымъ.—Въ тѣ времена, когда властвовали тираны и гнали христіанъ, многіе съ радостію претерпѣли смерть съ такими страданіями и съ такими разнообразными мученіями.—Но нынѣ когда, по милости Божіей, христіане наслаждаются совершеннымъ миромъ, крестъ и смерть ничто иное есть, какъ совершенное умерщвленіе и отсѣченіе своей воли. И тому, кто творитъ свою волю, — пусть будетъ это даже въ маломъ чемъ,—невозможно послѣдовать Господу нашему и соблюсти Его заповѣди. Почему, желая сказать вамъ, какъбы одному брату, слово спасительное, начинаю такъ:

2. Брате! Часто и со всѣмъ усердіемъ моли Бога показать тебѣ человѣка, могущаго добрѣ поруководить

тебя; и кого укажетъ тебѣ Богъ, тайно ли дѣйствіемъ благодати Своей, или явно чрезъ какого-нибудь раба Своего, иди къ нему и имѣй благоговѣйство предъ нимъ, смотря на него, какъ на Самого Христа. Ибо какъ имѣешь ты долгъ слушаться Бога, такъ надлежитъ тебѣ слушаться и его, чтобъ научиться достодолжному. И смотри, что онъ ни скажетъ тебѣ, исполняй то безъ колебанія, хотя бы то, что онъ прикажетъ тебѣ, казалось не совсѣмъ умѣстнымъ и полезнымъ. Лучше тебѣ быть и именоваться ученикомъ ученика, нежели проводить жизнь своеобразно и собирать безполезные плоды своей воли.

3. Итакъ, когда услышишь ты отъ него: изыди отъ земли хотѣнія твоего и отъ рода мудрованія своего, не колеблись и не стыдись послѣдовать сему, побѣждаемъ будучи тщеславіемъ. Если же скажетъ тебѣ: иди въ землю послушанія, которую я тебѣ покажу, теки, брате мой, туда изо всей силы, не давая сна очамъ своимъ, и не попускай побѣждать себя лѣности и нерадѣнію. Ибо, можетъ быть, и тебѣ явится тамъ Богъ и содѣлаетъ тебя отцемъ многихъ духовныхъ чадъ и даруетъ тебѣ землю обѣтованія, которую наслѣдуютъ только праведные. Если онъ прикажетъ тебѣ взойти на гору молитвы, восходи съ готовностію. Я увѣренъ, что тамъ узришь ты Христа преобразившимся и возсіявшимъ паче солнца свѣтомъ Божества Своего. И ты, можетъ быть, падешь ницъ, не стерпѣвая смотрѣть на то, чего никогда не видывалъ, услышишь свыше гласъ Отца, увидишь облакъ осѣняющій, и пророковъ предстоящихъ и возвѣщающихъ, что Онъ есть Богъ и Господь живыхъ и мертвыхъ. Если онъ скажетъ тебѣ, чтобъ ты шелъ въ слѣдъ его, обтекай съ нимъ грады съ дерзновеніемъ, и много получишь пользы, если будешь смотрѣть только на него, и ни на что другое. Если увидишь, что онъ будетъ ѣсть съ блудника-

ми, мытарями и грѣшниками, не помышляй, что тутъ есть что страстное и человѣческое, но думай, что въ семъ все безстрастно и свято припоминай апостольское слово: *вснмъ быхъ вся, да всяко нѣкія спасу* (1 Кор. 9, 22). Видя даже собственными глазами, какъ онъ будто снисходитъ до человѣческихъ страстей, не вѣрь тому отнюдь, потому что и они (свои очи) обманываются, какъ я это самъ дѣломъ испыталъ, но послѣдуй ему и вѣрь словамъ его безъ сумнѣнія помышленій.

Не смотри на тѣхъ, которые вмѣстѣ съ тобою, и не берись сказать за кого-либо: Господи, сей же что? Но паче себѣ всегда внимай, имѣя смерть предъ очами своими, и тщательно присматривая, какою бы добродѣтелію прославить Господа. Не гордись учителемъ своимъ, когда за него будутъ слишкомъ чтить тебя, хотя бы много было готовыхъ слушаться тебя ради имени его; но тому наипаче радуйся, если имя твое напишется на небѣ смиренія. Если увидишь, что демоны трепещутъ даже тѣни твоей, не думай, что это бываетъ вслѣдствіе твоей добродѣтели, но относи то къ молитвамъ отца своего, и тогда демоны еще болѣе будутъ бояться тебя ради смиренія твоего.

Если отецъ твой прикажетъ тебѣ сѣсть за трапезу съ собою, прими то съ благодарностію, но храни благоговѣйное уваженіе и почтительность къ нему съ молчаніемъ; не позволяй себѣ начать ѣсть что-либо безъ его благословенія; не дерзай и другому кому подать что безъ позволенія и приказанія его. Если и то прикажетъ онъ тебѣ, чтобъ ты сѣлъ ниже всѣхъ, смотри не подумай сказать ему, что хочу сѣсть одесную, или ошую тебя,—съ увѣренностію полагая, что эти мѣста уготованы для другихъ,—и прими послѣднѣйшую часть, вѣруя, что симъ способомъ стяжавается первѣйшая; ибо слышишь, что говоритъ Христосъ, что кто хочетъ быть первымъ, пусть будетъ послѣднѣйшимъ

всѣхъ? (Мѳ. 20, 27).—И еще паче возлюби учителя своего за то, что даетъ тебѣ способъ, посредствомъ вещей малыхъ и незначительныхъ, стяжавать большее и важнѣйшее. Не протягивай также вмѣстѣ съ нимъ руки твоей въ чашу прежде всѣхъ, ибо знаешь хорошо, кто нѣкогда дерзнулъ это сдѣлать (Іуда).

Если онъ захочетъ умыть ноги твои, постыдись его, какъ Господа и учителя, и не допускай сего. Но когда услышишь отъ него: нѣтъ тебѣ и части со мною, если не умою ногъ твоихъ, дай проворнѣе ему омыть даже и все тѣло твое,—да познаешь изъ того, что дѣлается для тебя, великую высоту боготворнаго смиренія. И тогда, если есть у тебя совѣсть и смыслъ, ты большую получишь пользу, нежели какъ если бы самъ умылъ ноги духовному отцу своему.

Если онъ скажетъ: одинъ изъ васъ предастъ меня, или смутитъ меня, смотри не скрывай лукавства, но если знаешь что подобное за собою, исповѣдуй то. Но если и не знаешь ничего, припади къ стопамъ его со слезами и спроси: не я ли, отецъ мой? Потому что мы много согрѣшаемъ по невѣдѣнію, и не знаемъ того. Не говорю тебѣ: припади къ персямъ отца своего, потому что это неполезно тебѣ. Хотя Іоаннъ, по великой любви своей къ Христу, имѣя большее къ Нему дерзновеніе, припадалъ къ персямъ Его, однакожъ и онъ вмѣстѣ съ другими получилъ повелѣніе именовать себя непотребнѣйшимъ рабомъ, когда исполнитъ всѣ заповѣди.

Если видишь, что учитель твой творитъ чудеса и прославляемъ бываетъ за то,—вѣрь тому и радуйся, и благодари Бога что улучилъ такого учителя. Опять когда увидишь, что его безчестятъ, а иногда даже и удары наносятъ ему завистники его, не соблазняйся тѣмъ, но и ножа не поднимай, чтобъ подобно пламенному Петру урѣзать ухо дерзнувшему похулить отца твоего или на-

несть ему ударъ. Довольно для тебя не умалить своей къ нему вѣры и любви, и, если можешь, сказать твердое слово въ оправданіе его. Если, убоявшись, какъ человѣкъ, скажешь при семъ: не вѣмъ человѣка сего, сознай потомъ вину свою и восплачь о томъ горько,—и я увѣренъ, что онъ первый опять привлечетъ тебя къ себѣ.

Если увидишь, что онъ страждетъ страсти отъ злыхъ людей и пріемлетъ распятіе, яко злодѣй, то, если можешь, умри и ты съ нимъ; если же не можешь умереть съ нимъ, не будь по крайней мѣрѣ едино съ тѣми злыми людьми, какъ предатель, и не принимай участія съ ними въ пролитіи крови неповинной; но, хотя какъ рабъ малодушный, уклонившись немного и оставивъ одного своего пастыря и учителя, соблюди свою къ нему вѣру. Если освободится онъ отъ узъ, иди опять къ нему и имѣй еще большее къ нему благоговѣніе, какъ уже къ мученику. Если же умретъ въ искушеніяхъ и мучительствахъ, выступи съ дерзновеніемъ, найди тѣло его и почти его паче, нежели когда оно было живо, помазавъ его мvромъ и похоронивъ съ великою честію. Ибо хотя не воскреснетъ оно въ третій день, всячески однакожъ воскреснетъ въ день послѣдній вмѣстѣ со всѣми. И вѣруй, что предстоитъ онъ Богу съ дерзновеніемъ, и если будешь усердно испрашивать его ходатайства, онъ поможетъ тебѣ въ сей жизни, избавляя тебя отъ всего противнаго, а когда умрешь, приметъ тебя тамъ и уготовитъ тебѣ обитель вѣчную.

4) Если, послѣ всего сказаннаго нами, онъ позоветъ тебя особо и скажетъ: убезмолвись и сиди здѣсь, отнюдь не выходя внѣ, дондеже облечешися силою свыше, послушай его съ твердымъ упованіемъ и великою радостію. Такой учитель, брате мой, неложенъ и истиненъ. Воистину и на тебя низойдетъ сила Всесвятаго

Духа, какъ тогда низошла на Апостоловъ, не въ чувственномъ видѣніи огненномъ, не съ шумомъ великимъ и дыханіемъ бурнымъ (ибо тогда на Апостолахъ это было для невѣрныхъ),—но она явится въ тебѣ мысленно, какъ умный свѣтъ, со всякою тихостію и обрадованіемъ,—каковый свѣтъ есть предначатіе свѣта вѣчнаго, возсіяніе и лучъ вѣчнаго блаженства. И тотчасъ исчезнетъ всякій страстный помыслъ, изгонится всякая душевная страсть и всякая немощь тѣлесная уврачуется. Тогда откроются очи сердца твоего и узрятъ то, что начертано въ блаженствахъ. Тогда, какъ въ зеркалѣ, увидитъ душа твоя и самомалѣйшія твои прегрѣшенія и придетъ въ величайшее смиреніе; созерцая же безпредѣльную славу Божію, исполнится неизреченной радости и всякаго веселія и погрузившись въ сію неизреченную дивность, изведетъ источники слезъ. Такъ измѣняется весь человѣкъ и познаетъ Бога, самъ прежде бывъ познанъ отъ Бога. Сія единая благодать всесвятаго Духа дѣлаетъ то, что человѣкъ презираетъ все земное и небесное, настоящее и будущее, скорбное и радостное, дѣлаетъ его и другомъ Богу, сыномъ Вышняго, богомъ по благодати.

Сіе я написалъ любви твоей, чтобъ ты прочитывалъ то, когда хочешь; и если повѣришь, что сіе промыслительно и на пользу тебѣ возвѣщаетъ Духъ Святый чрезъ меня смиреннаго, то сбудется съ тобою все, что мы сказали, и другое многое, что мы опустили. Всему сему непосредственно научитъ тебя самъ Христосъ. Если же покажется это все тебѣ невѣроятнымъ и не понравится, прости мнѣ. Я совѣтую тебѣ то, чему научился у своихъ отцевъ; ты же послѣдуй тѣмъ, о коихъ знаешь, что они лучше меня. Внимай однакожъ, брате! Не случилось бы тебѣ послѣдовать худшимъ, хотя ты и не того желаешь. Потому что умѣющіе добрѣ пасти

и врачевать разумныя души, поистинѣ очень рѣдки, и особенно въ настоящее время. Бывало немало такихъ, которые дѣлали видъ, будто постятся, совершаютъ бдѣнія, прилежатъ молитвѣ, а это было лицемѣріе одно; много есть и такихъ, которые дѣйствительно такъ поступаютъ: являютъ внѣшно и благоговѣйство, говорятъ долгія проповѣди изустно (безъ книги и тетрадки), и съ легкостію всегда предлагаютъ поученія собранію народному; но очень мало такихъ, которые бы плачемъ и слезами искоренили страсти и стяжали основныя добродѣтели. Основными же добродѣтелями мы называемъ — *смиреніе*, истребляющее страсти и насаждающее небесное и ангельское безстрастіе,—*любовь*, никогда не стоящую (на одномъ) и не падающую, но непрестанно множащуюся и растущую, прилагая стремленіе къ стремленію, и рвеніе къ рвенію,—и совершенное *разсужденіе*, добрѣ руководящее послѣдующихъ ему, и безбѣдно преводящее ихъ по мысленному морю. Это разсужденіе надлежитъ и тебѣ взыскать у Бога и умолить Его даровать тебѣ оное, и особенно теперь, чтобъ могъ ты вѣрно опредѣлить свое состояніе и соотвѣтственные тому взять на себя подвиги, да обрящешь Христа, Который бы и въ настоящее время содѣйствовалъ тебѣ, и впослѣдствіи богато излилъ на тебя полноту осіянія Своего. Сіе разсужденіе избавитъ тебя отъ опасности послѣдовать за волкомъ вмѣсто пастыря, или вступить въ такое стадо, которое больно какою-либо болѣзнію душевною и страстію, или основаться одному въ уединеніи прежде времени,—чтобъ не попасть въ зубы душегубительнаго волка діавола и не быть поглощену имъ, или не заболѣть болѣзнію на болѣзнь и страстію на страсть и не умереть душевно, или, уединясь преждевременно, не пасть и не стяжать—увы и горе; ибо горе единому, егда падетъ. Тотъ же, кто обрѣтетъ доб-

раго учителя и всецѣло предастъ себя ему, не будетъ уже имѣть заботы ни о чемъ такомъ, но будетъ проводить жизнь свою въ совершенномъ безпопеченіи, — и несомнѣнно улучитъ спасеніе во Христѣ Іисусѣ Господѣ,—Коему слава во вѣки. Аминь.

СЛОВО СЕМЬДЕСЯТЪ ТРЕТЬЕ.

О томъ, что должно охотно повиноваться старшимъ, не забывать данныхъ Богу обѣтовъ и не роптать по причинѣ церковныхъ службъ.

Вспоминайте, братія мои, заповѣдь Божію, которая говоритъ: *не судите и не судими будете,*—и отнюдь не любопытствуйте, что дѣлаетъ одинъ, и чѣмъ занятъ другой. Относительно же іереевъ Божіихъ и духовныхъ отцевъ своихъ вы должны поступать такъ, чтобъ то, что они говорятъ вамъ, исполнять, по дѣламъ же ихъ (если они не въ порядкѣ) не поступать, какъ говорилъ Христосъ Господь (объ іудейскихъ священникахъ): *вся, елика аще рекутъ вамъ блюсти, соблюдайте и творите: по дѣломъ же ихъ не творите: глаголютъ бо и не творятъ* (Мѳ. 23, 3). Посему, какъ рабы Христовы, послушайте и меня недостойнаго; не смотрите на мое малодушіе и нерадѣніе, но попекитесь, прошу васъ, о душахъ своихъ, подвизаясь охотно исполнять Божіи заповѣди, и не ропщите на меня, что должны бываете въ полночь вставать на службу, вспоминая о Давидѣ, который говоритъ: *полунощи востахъ исповѣдатися Тебѣ о судьбахъ правды Твоея* (Пс. 118, 62), но паче благодарите Бога и того, кто васъ пробуждаетъ на славословіе Его, радуясь и веселясь, что сподобляетесь славословить Бога вмѣстѣ съ Ангелами. Кто ропщетъ за обыкновенными службами, тяготится ими и не соблюдаетъ радѣнія о нихъ во все продолженіе славословія Божія,

тотъ поистинѣ не позналъ, какъ много сладки въ гортани любящихъ Бога словеса Божіи, и насколько слаще они паче меда и сота въ устахъ пришедшихъ въ познаніе Его, но совсѣмъ плоть есть, и мудрованіе имѣетъ плотское, и чувство плотское, и не можетъ вкусить и духовно возчувствовать блага, какія даровалъ намъ Богъ; всѣ, которыя по Богу, дѣла кажутся ему горькими и не знаетъ онъ, какъ слѣдуетъ — что̀ есть: *вкусите и видите, яко благъ Господь* (Пс. 33, 8). Кто не знаетъ сего, тотъ чуждъ любви и сладости Христовой. Кто же не испыталъ любви и сладости Божіей (увы мнѣ! мое это собственное горе, потому что заповѣдь имѣю чужое почитать своимъ), тотъ врагъ Божій и чуждъ царствія небеснаго. Ибо на кого другаго можетъ онъ надѣяться? Или чью другую стяжать любовь, чтобъ въ ней находить утѣшеніе, въ настоящей ли, или въ будущей жизни?

Такъ, кто прекословитъ, ропщетъ и клянетъ тѣхъ, которые заставляютъ его воспѣвать и славословить Бога, тотъ какое найдетъ оправданіе въ день суда сдѣлавшись пагубнымъ соблазномъ и для себя и для другихъ? Повѣрьте мнѣ, духовные братіе мои, что когда я слышу это и вижу кого-либо изъ васъ негодующимъ за это, то такъ сильно скорблю и такъ поражаюсь въ сердце, что мнѣ кажется, будто я въ адѣ,— не чувствую уже никакой другой радости въ мірѣ, но тягощусь самою жизнію, плачу и рыдаю, какъбы самъ подвергался окончательному приговору осужденія; а между тѣмъ, когда умоляю васъ, вы меня не слушаете, когда укоряю— отворачиваетесь, когда обличаю—ненавидите, когда наказываю—гоните, какъ врага; и дѣлая это, никакого не могу найти себѣ успокоенія. Думаю иногда, — перестану такъ дѣлать, и стану смотрѣть только за своими собственными грѣхами; но какъ только захочу такъ поступить, возгарается будто огонь въ сердцѣ моемъ, и я

опять нахожу себя въ томъ же скорбномъ состояніи; ваши грѣхи опять печалятъ меня паче, нежели сколько печалятъ каждаго его собственные грѣхи,—и я горю какъ въ огнѣ изъ-за васъ, считая жизнь свою несчастнѣйшею.

Удивляюсь, какъ дошли мы до такого нечувствія, что дѣлаемъ все такія дѣла, которыя губятъ души: пляшемъ и ликуемъ надъ собственною погибелію и радуемся, что туго-на-туго вяжемъ души свои страшными грѣхами; тѣхъ же, которые стараются разрѣшить насъ отъ этихъ узъ, снѣдаемъ и если кто станетъ препятствовать намъ сдѣлать что-либо во вредъ душѣ своей, на того лаемъ, какъ псы разъяренные, и поносимъ его,—и не успокоиваемся, пока не доведемъ до конца задуманнаго худаго дѣла,—и не сгубимъ души своей.—Потомъ современемъ привыкши къ такимъ худымъ дѣламъ, дѣлаемся нѣкоторымъ образомъ какъ бы естественно злыми и желанія уже не имѣемъ, чтобы развѣянъ былъ покрывшій насъ мракъ и мы пришли въ чувство.

И бываетъ вслѣдствіе сего, что на словахъ мы монахи, а на дѣлѣ стали хуже всѣхъ мірянъ: обѣщались алкать и жаждать и другимъ подвергать себя прискорбнымъ лишеніямъ, а между тѣмъ не стыдимся кричать и браниться изъ-за куска хлѣба, который, можетъ быть, и требуемъ-то не въ опредѣленное для принятія пищи время; вступили въ монастырь, въ видахъ отреченія отъ всего, еже въ мірѣ, отъ родителей, братій и друзей, а между тѣмъ не перестаемъ заботиться о томъ, чтобъ питать ихъ, и притомъ монастырскимъ хлѣбомъ; убѣжали отъ міра, какъ отъ врага а между тѣмъ любимъ мірскихъ и мірское паче души своей. Спрашиваю тебя, брате, скажи мнѣ,—когда пришелъ ты въ монастырь, вѣровалъ ли, что есть воскресеніе, судъ и воздаяніе за дѣла каждаго? Исповѣдывалъ ли, что есть Богъ, имѣю-

щій воздать каждому по дѣламъ его? Или ничего этого не держалъ въ умѣ своемъ? Скажи мнѣ, когда становился ты монахомъ и стоялъ предъ лицемъ столькихъ свидѣтелей, имѣлъ ты въ намѣреніи исполнять тѣ обѣщанія, которыя тогда давалъ, и тѣ соглашенія, въ которыя вступалъ со Христомъ? Или дѣлалъ это съ лукавствомъ, притворяясь, будто желаешь послужить монастырю, поработать на братію, въ намѣреніи же держа только ѣсть и пить вдоволь, всячески угождать покою плоти и проводить жизнь безпечную и безтрудную? Если пришелъ ты съ тѣмъ, чтобы быть рабомъ Христу и братомъ намъ, то соблюдай, прошу тебя, и заповѣди Христовы, ревнуя работать Ему всеусердно, чтобы дѣлами показать что ты истинный христіанинъ, и намъ будь братомъ боголюбивымъ, стараясь во всемъ подобиться намъ и неся всѣ прискорбности и лишенія вмѣстѣ съ прочими братіями, какъ добрый воинъ Христовъ, чтобы вмѣстѣ съ ними и увѣнчану быть, прославлену и обрадовану въ вѣчной славѣ. Если же пришелъ ты съ лукавствомъ, не съ тѣмъ, чтобы быть истиннымъ монахомъ, но чтобъ только ѣсть и пить, находя все это готовымъ, то послушай, и я скажу тебѣ, какія будутъ для тебя отъ того послѣдствія. Знай вопервыхъ,— и это есть наибольшее и наиважнѣйшее, — что ты не содружился со Христомъ, но врагъ Ему еси и навѣтникъ. Да и какъ не навѣтникъ, когда одно держишь на умѣ, а другое обѣщаешь устами, думая укрыть то отъ Бога, отъ Котораго ничто укрыться не можетъ? Онъ съ такою рѣшительностію заповѣдуетъ всѣмъ: не пекитесь о завтрашнемъ днѣ, что ѣсть, что пить, и во что одѣться; а ты за тѣмъ дѣлаешься и монахомъ, чтобъ имѣть деньги и прочія вещи, которыхъ, можетъ быть, не имѣлъ ты, когда былъ мірянином? Апостолъ Павелъ учитъ: *имыюще пищу и одѣяніе, сими довольни будемъ*

(1 Тим. 6, 8); а ты не довольствуешься тѣмъ, что необходимо, но желаешь имѣть больше того, для чего крадешь и присвояешь себѣ монастырскія вещи,—работать лѣнишься, а между тѣмъ во всемъ, что касается упокоенія и утѣшенія тѣла, желаешь быть братомъ, равнымъ со всѣми тѣми, кои много потрудились въ дѣлѣ Господнемъ? Если видишь иныхъ братій подвизающимися отъ всей души въ постахъ, бдѣніяхъ и прочихъ лишеніяхъ тѣлесныхъ, или въ плачѣ, въ непрестанныхъ молитвахъ, во всенощныхъ стояніяхъ, въ псалмопѣніяхъ и пѣсняхъ духовныхъ; говоришь, что не можешь этого дѣлать прячешься и не ходишь даже на обычныя церковныя службы, думая однакожъ, что тѣмъ пользу приносишь себѣ самому?

Какое крайнее ослѣпленіе! Какое неразуміе! Какая прелесть въ помыслахъ твоихъ! И еще хуже всего этого то, что если срѣтитъ тебя какое либо самомалѣйшее искушеніе, или если огорчитъ тебя чѣмъ либо ничтожнымъ игуменъ, желая испытать тебя, то ты готовъ бываешь сбросить даже одежду монашескую, какъ и мнѣ случалось встрѣчать немало такихъ, которые говорили: да развѣ я пришелъ сюда за тѣмъ, чтобъ быть кому-либо рабомъ, или чтобъ мною тутъ помыкали? О, безсмысліе! Но развѣ ты, брате, не пришелъ, чтобъ подвизаться противъ невидимыхъ враговъ нашихъ демоновъ? Развѣ не пришелъ вести брань со страстьми своими? Если не хочешь ничего терпѣть и никакихъ не подъемлешь лишеній, то зачѣмъ и сталъ воиномъ Христовымъ? Зачѣмъ сопричислился къ братіямъ, кои всѣ суть воины Христовы? За тѣмъ развѣ, чтобъ только получать содержаніе, ѣсть и пить, и потомъ развалившись, будто въ харчевнѣ, бариться? Если думаешь такъ, горе тебѣ въ день суда, когда придетъ праведный Судія, воздать каждому по дѣламъ его и взыскать съ монаховъ тѣ соглашенія и

обѣщанія, которыя дали Ему въ присутствіи столькихъ свидѣтелей, предъ святымъ престоломъ и святыми Ангелами. Ибо когда спрашиваетъ насъ іерей: что пришелъ еси, брате, припадая ко святому жертвеннику и святому собратству сему, желая ли иноческаго образа и ангельской жизни? что отвѣчаемъ мы на это? Не говоримъ ли: ей, честный отче? А іерей что опять говоритъ на это?—Вѣдай, брате, что поелику пришелъ ты сопричислиться къ рабамъ Царя Христа, то уготовь себя на искушенія, потому что отнынѣ врагъ нашъ діаволъ начнетъ наипаче воздвигать всякія козни противъ тебя. Почему будь готовъ алкать, жаждать, зябнуть, принимать безчестія, оплеванія, осмѣянія, заушенія, и претерпѣвать все скорбное, бывающее въ жизни по Богу. И мы что отвѣчаемъ? Не обѣщаемъ ли все то охотно перестрадать и перетерпѣть? Да и на всякой вопросъ, какой предлагаетъ намъ іерей, не говоримъ ли мы: ей, честный отче? Не исповѣдуемъ ли предъ лицемъ Бога и св. Ангеловъ, что будемъ соблюдать воздержаніе, бдѣніе, молитву, повиновеніе даже до смерти настоятелю и всѣмъ братіямъ? А теперь дошли до такого жалкаго состоянія и проводимъ жизнь свою съ такимъ безстрапіемъ предъ Богомъ и съ такимъ пренебреженіемъ Его заповѣдей, какъ будто никого нѣтъ, кто имѣетъ взыскать съ насъ за такія, данныя нами обѣщанія?! И ни во что ставимъ не только братій но и самыхъ настоятелей нашихъ, и ропщемъ, и пресловимъ, и клянемъ, и дѣлаемъ почти все только такое, что ненавидитъ Богъ, и что сильно ввергнуть души наши въ огнь адскій?

Слыхано ли, чтобъ гдѣ либо было такое лукавство и злотворство? Или какой діаволъ можетъ изобрѣсть другой къ погибели душъ нашихъ способъ, вѣрнѣйшій этого? Или лучше сказать, что другое худшее сами демоны могутъ придумать и устроить къ погибели нашей?

И демоны, видя, что мы порабощены волѣ плоти, отчуждились отъ благодати Св. Духа и умертвили души свои, — ибо удаленіе души отъ Бога есть смерть для нея,—видя это, для какой еще другой причины станутъ они и съ своей стороны воздвигать брань противъ насъ? Ибо вся брань, какую поднимаютъ противъ насъ демоны, на тотъ конецъ бываетъ, чтобъ удалить отъ насъ благодать Святаго Духа. Но мы, какъ вижу, еще прежде, чѣмъ они стали воевать противъ насъ, уже обнажили себя отъ такой благодати Божіей тѣмъ, что не исполняемъ заповѣдей Божіихъ и не имѣемъ ревности взыскивать Бога отъ всей души нашей. Ибо если бъ мы взыскали Его, то не проводили бы жизни своей въ такомъ нерадѣніи. Если бъ мы имѣли попеченіе о небесномъ, то не заботились бы столь много о земномъ. Если бъ мы помышляли о нетлѣнномъ, то не были бы столько привязаны къ тлѣнному. Если бъ мы возжелали вѣчнаго, то не любили бы такъ привременнаго. Если бъ мы тщательно старались творить добродѣтели, то не чуждались бы учителей добродѣтели. Если бъ мы съ радостію брались за постъ, то никогда не роптали бы, по причинѣ скудости яствъ и питій. Если бъ мы подвизались и воздерживались отъ страстей, то не были бы столько порабощены удовольствіямъ. Если бъ мы имѣли истинную и твердую вѣру, то не дѣлали бы дѣлъ, свойственныхъ невѣрнымъ. Если бъ мы имѣли въ сердцѣ своемъ страхъ Божій, то не противились бы истиннымъ рабамъ Божіимъ, при всякомъ богоугодномъ дѣлѣ. Если бъ мы имѣли смиреніе, то не презирали бы рабовъ Божіихъ. Если бъ мы сподобились стяжать истинную любовь, то познали бы и Бога, и ради любви ко Христу предпочитали бы не только быть безчестимыми ,но и наказуемыми, и онеправдываемыми, и оскорбляемыми, и всякое искушеніе и тѣсноту претерпѣвали бы съ охотою.

Но нынѣ мы такъ много порабощены страстями и въ такомъ находимся ослѣпленіи и нечувствіи, что даже не знаемъ, въ какую впали глубину золъ, и нисколько не чувствуемъ своего бѣдственнѣйшаго состоянія. Мы доходимъ даже до того, что когда кто станетъ вразумлять насъ относительно какого-либо грѣха, то отвѣчаемъ ему такъ, какъ бы никогда и не слыхали Божественныхъ Писаній, говоря: неужели и это дѣло—грѣхъ? И почему называется это грѣхомъ? Далъ бы Богъ соблюстись намъ отъ большихъ золъ, а за эти малости Онъ не будетъ слишкомъ взыскателенъ! И кто же говоритъ такія рѣчи? Христіане, чада Христовы, давшіе такіе великіе обѣты Богу, когда крестились, — и особенно монахи, вступившіе во вторыя соглашенія и завѣты съ Богомъ; тѣ, которые облечены иноческимъ одѣяніемъ вмѣсто добродѣтели и носятъ имя монаха вмѣсто святости, – которые вошли въ соглашеніе со Христомъ, что отвергнутся міра и всего что въ мірѣ, отвергнутся и родителей, и родныхъ, и друзей, обѣщали слушаться своихъ духовныхъ отцевъ, какъ Бога, и соблюдать строжайшее подвижничество и вниманіе, даже до взора очей и празднаго слова, т.-е. что ни смотрѣть не будутъ безчинно, ни празднословить,—а теперь думаютъ, что не грѣхъ и зависть, и осужденіе, и ропотъ, и пререкословіе, и лживыя рѣчи, и слѣдованіе своей волѣ, и божба, и скрытное украденіе вещей монастырскихъ, чтобъ имѣть ихъ, какъ свои собственныя, или дать другимъ, безъ вѣдома настоятеля, — и при этомъ еще думаютъ, что совсѣмъ не грѣхъ—худо исправлять свои монастырскія послушанія, то-есть когда поручено кому какое либо служеніе братіямъ, исправлять его съ пристрастіемъ, или съ лукавствомъ, или съ завистію, или безсовѣстно, или торгашески.

О, человѣче! Не трепещешь, слыша каждодневно, что говоритъ тебѣ Богъ: *слово гнило да не исходитъ изъ устъ*

вашихъ (Еф. 4, 29); ибо *глаголю вамъ, яко всяко слово праздное, еже аще рекутъ человѣцы, воздадятъ о немъ слово въ день судный* (Мѳ. 12, 36), и за чашу студены воды мзду получите? (Мѳ. 16, 42). Не слышишь, что Богъ есть судія помышленій и мыслей сердечныхъ? Не слышишь, что говоритъ Христосъ: *всякъ, иже воззритъ на жену, ко еже вожделѣти ея, уже любодѣйствова съ нею въ сердцѣ своемъ?* (Мѳ. 5, 28). Видишь, что осуждается, какъ блудникъ, тотъ, кто съ вожделѣніемъ взираетъ на чье либо лицо? Такимъ же образомъ, брате мой, будь увѣренъ, что и тотъ, кто вожделѣваетъ денегъ, осуждается, какъ сребролюбецъ, хотя бы ничего совершенно не имѣлъ,— и тотъ, кто вожделѣваетъ яствъ многихъ и разныхъ, есть чревоугодникъ, хотя бы ѣлъ одинъ хлѣбъ и пилъ лишь воду, по причинѣ бѣдности своей, — и тотъ, кто принимаетъ срамные помыслы, удерживаетъ ихъ въ умѣ долгое время и сквернится ими, считается блудникомъ, хотя бы не видалъ никогда лица человѣческаго. Равнымъ образомъ и тотъ, кто говоритъ въ сердцѣ своемъ: это худо, то глупо,—или для чего сдѣлано то и то, а не сдѣлано это и это? пусть не прельщается, думая, что не грѣшитъ; ибо онъ явный осудитель и, какъ судящій, осужденъ будетъ, хотя бы ни одного осудительнаго слова не испустилъ изъ устъ своихъ и никто не слыхалъ гласа его.

Не прельщайтесь, братія мои. Воистину человѣколюбивъ Богъ, и милостивъ и благоутробенъ. Исповѣдую сіе и я, и на благоутробіе Его уповая, имѣю дерзновеніе чаятъ, что спасенъ буду. Однакожъ вѣдайте, что человѣколюбіе Его нисколько не послужитъ въ пользу тѣмъ, которые не каются и не соблюдаютъ заповѣдей Его со страхомъ великимъ и во всей точности, а напротивъ Богъ накажетъ ихъ еще строже нечестивыхъ и невѣрныхъ. Не прельщайтеся, братія мои, и не думайте, что

малыя прегрѣшенія въ самомъ дѣлѣ малы и вамъ можно презирать ихъ, якобы не причиняющія большаго вреда душѣ нашей. Добрые и искренно богоугодливые рабы Божіи не полагаютъ никакого различенія между малымъ и большимъ грѣхомъ; но когда погрѣшатъ даже мановеніемъ очей, или помысломъ, или словомъ, думаютъ, что совсѣмъ отпали отъ любви Божіей, — что, вѣрую я, и истинно есть. Кто помыслитъ о чемъ либо, несообразномъ съ волею Божіею, даже самомалѣйшимъ, и не покается, изгоняя тотчасъ прилогъ помысла того, но приметъ его и удержитъ въ себѣ, тому это вмѣняется въ грѣхъ, хотя думается, что это зло бываетъ въ невѣдѣніи. Ибо, когда пришелъ законъ, то-есть ученіе Божественныхъ Писаній, тогда то зло, которое прежде дѣлалъ человѣкъ въ невѣдѣніи, не зная, что оно зло, — ожило, т.-е. онъ узналъ изъ Писаній, что оно зло,—и оказалось, что въ немъ есть грѣхъ (не признаваемый грѣхомъ), отчуждавшій однакожъ и отдалявшій его отъ добра, и тѣмъ мертвившій его. Почему надлежитъ намъ добрѣ разсматривать и обсуждать помыслы, приходящіе въ умъ нашъ, противопоставляя имъ свидѣтельства Божественныхъ Писаній и ученія духовныхъ и святыхъ отцевъ. Если найдемъ, что они согласны съ святымъ Писаніемъ, то воспріимемъ подвигъ удержать ихъ, сколько можемъ, и произвесть въ дѣло. Если же помыслы тѣ несогласны съ словомъ истины, то поспѣшимъ отгнать ихъ отъ себя съ гнѣвомъ и непріязнію, какъ написано: *гнѣвайтеся и не согрѣшайте* (Еф. 4, 26). Отнюдь не должно удерживать привходящихъ въ насъ страстныхъ помысловъ, но тотчасъ надобно отражать ихъ, какъ струю заразительнаго воздуха и жало смерти.

Изъ сего видно, сколь необходимо для насъ изслѣдовать Божественныя Писанія со всѣмъ тщаніемъ и вниманіемъ. И Христосъ Господь, давая разумѣть, какая великая

отъ сего происходитъ польза. говорилъ: *испытайте писанія* (Іоан. 5, 29). Испытайте, и удерживайте со всею точностію и вѣрою, что въ нихъ говорится, чтобъ вѣрно знать такимъ образомъ волю Божію, и умѣть различать непогрѣшительно добро отъ зла, а не всякому духу вѣровать и носиться въ вихрѣ вредительныхъ помысловъ. Повѣрьте мнѣ, братія мои, что нѣтъ другаго, болѣе легкаго пути ко спасенію, какъ послѣдовать божественнымъ повелѣніямъ Христовымъ. Впрочемъ потребны намъ и слезы многія, и страхъ великій, терпѣніе большое, и непрестанная молитва, чтобъ открылась намъ сила хотя одного Владычняго слова, да познаемъ великія таинства, сокрытыя въ малыхъ словесахъ, и предадимъ души свои на смерть и за самую малую заповѣдь Христову. Слово Божіе есть мечъ обоюду острый, который отсѣкаетъ и отдѣляетъ отъ души всякую похоть и всякое плотское стремленіе. При этомъ оно бываетъ и пламенемъ огненнымъ, воспламеняющимъ ревность душевную и дѣлающимъ то, что мы презираемъ всѣ прискорбности настоящей жизни, встрѣчаемъ съ радостію и веселіемъ всякое находящее на насъ искушеніе, и самую смерть, которая такъ страшна для другихъ людей, желательно пріемлемъ, какъ жизнь и источникъ жизни.

Умоляю же васъ, братія мои, пробудимся наконецъ отъ сна, и станемъ побуждать одинъ другаго возбудительными словами на дѣланіе добра; потечемъ со тщаніемъ; возподвизаемся съ полнымъ рвеніемъ отрѣшиться отъ всякаго пристрастія къ міру; смиримся, какъ смирялись древніе отцы; потщимся совлецись ветхаго человѣка чрезъ отсѣченіе плотской воли и умерщвленіе земнаго мудрованія; облечемся въ новаго Адама, т.-е. въ Господа нашего Іисуса Христа чистою и невещественною молитвою; очистимъ себя постоянными слезами и попечемся обновлять себя покаяніемъ каждый день и

каждый часъ, чтобъ научиться воевать и бороться съ врагами нашими демонами, которые непрестанно злокознствуютъ противъ насъ.

Кто не стяжалъ еще указаннаго нами всеоружія духовнаго, тотъ не можетъ противостоять во время брани, но каждый часъ терпитъ пораженіе. Будучи обнаженъ отъ такого всеоружія, онъ не можетъ проводить жизнь мирно и свободно. Ибо внутренняя брань демонская не похожа на внѣшнія брани, но гораздо страшнѣе ихъ. Въ тѣхъ—люди воюютъ съ другими людьми, и иногда же прекращаютъ ее, и сбросивъ оруділ, ложатся отдыхать, улучивъ часъ, принимаютъ пищу; иной разъ запираются въ крѣпости и держатъ стражбу одни въ одномъ, другіе въ другомъ мѣстѣ; плѣненные на ней, случается убѣгаютъ отъ враговъ и спасаются отъ всякой бѣды, но и оставшіеся въ плѣну не всегда предаются смерти, а обращаются въ рабовъ; бываетъ и то, что плѣненный рабъ прославляется и разбогатѣваетъ больше, нежели сколько былъ богатъ, будучи свободнымъ. Но въ брани съ демонами не такъ бываетъ. Эта брань непрерывна, и воинамъ Христовымъ необходимо всегда носить на себѣ оружія свои. Нѣтъ возможности поимѣть покой отъ этой брани ни днемъ, ни ночью, ни на одну минуту; но и когда ѣдимъ, и когда пьемъ, и когда спимъ, или другое что дѣлаемъ, можемъ находиться въ самомъ жару брани. Враги наши безплотны и всегда стоятъ противъ насъ, хотя мы ихъ не видимъ; стоятъ и со всею зоркостію присматриваются, не окажется ли гдѣ какой либо членъ нашъ обнаженнымъ, чтобъ вонзить въ него свои стрѣлы и умертвить насъ. Тутъ невозможно укрыться въ крѣпости и башнѣ, или иной разъ спрятаться гдѣ либо и отдохнуть немного. Нельзя также убѣжать куда либо и избавиться отъ брани или одному взять на себя борьбу за другаго; но всякому

вообще человѣку самому необходимо вести сію брань, и—или побѣдить и живу быть, или быть побѣжденну и умереть безъ всякаго сомнѣнія.

Рана же смертоносная тутъ есть всякой грѣхъ, не оплаканный въ покаяніи и не исповѣданный, и особенно отчаяніе, если кто впадетъ въ него, что̀ однакожъ состоитъ въ нашей власти. Ибо если мы не ввергнемъ себя во глубину нерадѣнія и безнадежія, то демоны совсѣмъ не могутъ сдѣлать намъ никакого зла. Но и когда раны пріемлемъ отъ нихъ, можемъ, если захочемъ, сдѣлаться еще болѣе мужественными и опытными въ сей брани, посредствомъ теплаго покаянія. Быть поражену и умереть, а потомъ опять возстать и вступить въ брань, есть дѣло людей крайне великой души и мужественныхъ,—и оно дивно и достойно великой награды. Ибо сохраненными быть отъ пораженія не въ нашей состоитъ власти, но остаться въ смерти или не остаться состоитъ въ нашей власти; потому что если не отчаемся, то не пребудемъ въ смерти и смерть не возгосподствуетъ надъ нами. Мы всегда можемъ избыть отъ нея, прибѣгши съ покаяніемъ ко всемогущему и человѣколюбивому Богу.

Посему-то я и возбуждаю, какъ себя самого, такъ и всѣхъ братій: покажемъ всякое тщаніе и мужество терпѣнія и постоянства въ исполненіи всѣхъ заповѣдей Господнихъ со всею ревностію души, чтобы доспѣть въ небесныя и вѣчныя обители преисполненными плодовъ Св. Духа и тако сподобиться предстать и поклониться единой и нераздѣльной Троицѣ, во Христѣ, Богѣ нашемъ, — Коему слава и держава, во вѣки вѣковъ. Аминь.

СЛОВО СЕМЬДЕСЯТЪ ЧЕТВЕРТОЕ.

1) О привязанности къ роднымъ.
2) Объ отчаяніи и видахъ его.
3) О необходимости вразумлять таковыхъ словами Писанія.
4) Кто не исполняетъ хоть малую какую заповѣдь, о томъ нельзя сказать, что онъ истинно вѣруетъ.
5) Приточное изображеніе шествія царскимъ путемъ среди соблазновъ.
6) Вредъ для монаха отъ пристрастія къ роднымъ.

1. Лучше бы было для меня молчать и оплакивать грѣхи свои, а не брать на себя дѣло учителя, чтобъ учить любовь вашу и другимъ указывать пути спасенія, не потому, чтобъ дѣло учительства было противно заповѣди Христовой,—напротивъ оно очень Ему пріятно,—но потому, что я недостоинъ такого духовнаго дѣланія. Почему очень боюсь, не идетъ ли ко мнѣ слово Давида, который говоритъ: *грѣшнику же рече Богъ: вскую ты повѣдаеши оправданія Моя, и воспріемлеши завѣтъ Мой усты твоими? Ты же возненавидѣлъ еси наказаніе, отверглъ еси словеса Моя вспять* (Пс. 49, 16). Ибо кто не любитъ покоряться законамъ Божіимъ, тотъ не любитъ и уроковъ, исходящихъ изъ словесъ Господа, и затыкаетъ уши свои, чтобъ не слышать словъ, содержащихъ ученіе о будущемъ судѣ и воздаяніи грѣшникамъ, или объ огнѣ ономъ вѣчномъ, или о мучилищахъ адскихъ, или о вѣчномъ ономъ осужденіи, изъ котораго нельзя уже убѣжать тому, кто однажды подпалъ опредѣленію его. А кто не подвизается отъ всей души имѣть всегда предъ очами своими заповѣди Христовы и соблюдать ихъ, но презираетъ ихъ и предпочитаетъ дѣлать все противное симъ заповѣдямъ, тотъ заверглъ словеса Господа вспять (назадъ, за себя). Ибо когда Господь повелѣваетъ, взывая: *покайтеся, приближибося царствіе небесное* (Мѳ. 4, 17),—и опять:

подвизайтеся внити сквозь тѣсная врата (Лук. 13, 24),— а слышащій это не только не кается и не нудитъ себя внити чрезъ узкія врата, но проводитъ всѣ дни жизни своей въ безпечности и нерадѣніи о душѣ своей, прилагая каждочасно грѣхи ко грѣхамъ, покоя и упитывая тѣло свое паче потребнаго,—что̀ есть признакъ широкаго и пространнаго пути, ведущаго человѣка въ вѣчную пагубу, а не тѣснаго и прискорбнаго, ведущаго въ животъ вѣчный,—таковый заверглъ словеса Господа назадъ за себя, и творитъ одни собственныя свои хотѣнія, или лучше сказать діаволовы.

Я, бѣдный, первый есмь изъ поступающихъ такъ, и, находясь, какъ во рвѣ тинномъ и чувствуя крайнюю бѣдственность свою, взываю изъ глубины тинной ко всѣмъ, внѣ ходящимъ около рва, говоря: братія мои, бѣгите дальше отъ этого страшнаго рва и теките прямымъ путемъ, который есть Христосъ; да не уклоняется никто изъ васъ ни на десно, ни на шуе, чтобъ не попасть сюда, подобно мнѣ бѣдному и несчастнѣйшему, и не потерять вмѣстѣ съ земными и небесныхъ благъ. Вѣдайте, что вселукавый діаволъ, врагъ душъ нашихъ, всякія козни и ковы строя, чтобъ, какъ можно, большее число насъ собрать въ этотъ страшнѣйшій ровъ, между другими къ тому средствами употребляетъ и нашу привязанность къ роднымъ. Ее какъбы веревочную петлю набрасываетъ онъ на выю каждому, и всѣхъ пріемлющихъ эту узду, тащитъ и низвергнувъ въ тину грѣховъ смертныхъ, погружаетъ въ ровъ нечаянія; когда же низведетъ ихъ въ такія прѣисподнѣйшія глубины грѣшности, вяжетъ и тамъ оставляетъ.

2. Бѣжимъ же, братія мои, молю васъ, отъ такой пагубы души нашей. Врагъ душъ нашихъ діаволъ съ такимъ вселукавствомъ вводитъ таковыхъ въ состояніе нечаянія, и съ такимъ обольщеніемъ прикрываетъ его.

что они и не думаютъ, что впали въ него, не слушаются Божественныхъ Писаній, не даютъ вѣры и словамъ тѣхъ, которые говорятъ имъ объ этомъ, и все ставятъ ниже собственнаго мудрованія, или лучше сказать, невѣжества и нечувствія, такъ какъ не чувствуютъ, что петлею затянуты по выи,—что̀ хуже всякаго отчаянія. Ибо иное дѣло, когда кто отчаявается въ своемъ спасеніи, по причинѣ множества грѣховъ, въ какіе впалъ. и иное, когда кто зло считаетъ добромъ и, дѣлая его, держитъ убѣжденіе, что дѣлаетъ добро. Кто отчаявается по причинѣ множества грѣховъ своихъ, тотъ,—если преподать ему ученіе о покаяніи и человѣколюбіи Божіемъ и дать уразумѣть, что нѣтъ грѣховъ, сколь бы много ихъ ни было, которыхъ не изглаждало бы покаяніе, что идѣже преумножается грѣхъ, тамъ преизбыточествуетъ благодать, и что великая бываетъ радость на небесахъ о единомъ грѣшникѣ кающемся,—можетъ быть придетъ въ самого себя и умилится, а иной разъ возжелаетъ и избавиться отъ того множества грѣховъ. облегчитъ совѣсть свою отъ этого неудобоносимаго бремени, и, презрѣвъ всѣ блага міра, прибѣгнетъ къ покаянію съ великимъ рвеніемъ. Но кто зла держится какъ добра, тотъ съ великимъ затрудненіемъ приходитъ въ покаяніе, и совсѣмъ не соглашается принимать такія цѣлительныя врачевства. Ибо какъ возможно, чтобъ рѣшился на такое духовное себя-врачеваніе тотъ, кто не вѣруетъ и даже въ мысли не держитъ, что боленъ душею или палъ?

3. Почему намъ надлежитъ собрать, сколько можно, болѣе духовныхъ словесъ изъ святаго Евангелія и прочихъ Божественныхъ Писаній, чтобъ убѣдить ихъ и показать имъ, въ чемъ ихъ заблужденіе и какъ уклонились они отъ прямаго пути, коимъ начали шествовать, и какъ діаволъ, приступивъ къ этимъ монахамъ съ лестію,

набросилъ петлю пристрастія на выю ихъ; потомъ показать, какъ онъ увлекъ ихъ въ стремнины и блата грѣховъ, какъ ввергъ въ глубочайшій ровъ нечестія, какъ довелъ до самой крайней пагубы, и тамъ связавъ, бросилъ и удалился, въ увѣренности, что имъ ужъ не высвободиться. Когда же скажемъ все это тѣмъ, которые вѣрятъ словамъ Божественнаго Писанія, приходятъ въ чувство, сознаютъ грѣхи свои и исповѣдуютъ сами, что воистину находятся въ самомъ бѣдственномъ состояніи; тогда дадимъ имъ и приличныя врачевства на раны ихъ,—все отъ словесъ Божественнаго Писанія. Впрочемъ умоляю всѣхъ васъ, помолитесь Господу Богу обо мнѣ, который, будучи неучемъ, вынужденъ есть воспріять подвигъ слова, для показанія всего сказаннаго, да возсіяетъ во мнѣ благодать Всесвятаго Духа и да просвѣтитъ она сердце мое и умъ мой, и даруетъ мнѣ силу изрѣчь нѣкое полезное для душъ вашихъ слово. И о когда бы сія благодать Святаго Духа не по моему достоинству, но для собственной вашей пользы, сама благоволила внутрь слуха вашего отглашать (давать эхо) словеса истины, и тако просвѣтить васъ свѣтомъ своимъ, и показать вамъ таинственно все то, о чемъ я сказалъ выше,—говоря какъбы вамъ: на, вотъ путь, вотъ стремнина, вотъ врагъ, вотъ вервь, вотъ братъ (искушаемый)! И смотри, съ какою радостію принимаетъ онъ петлю, и какъ врагъ увлекаетъ его!—И потомъ послѣдовательно показать все одно за другимъ, безъ всякаго опущенія, наконецъ показать, какъ можемъ избѣжать сѣтей вражескихъ, сдѣлать насъ свободными отъ узъ діавола и возвесть на небеса.

Итакъ, начнемъ отъ начала и съ самаго верха. Господь нашъ и Богъ, истинный Сынъ Бога и Отца, единосущный, единославный, сопрестольный и однопрестольный со Отцемъ и Святымъ Духомъ, пребывающій во

Отцѣ, который въ Немъ пребываетъ, видя наше бѣдственное и жалкое состояніе, и это рабство, въ коемъ мы столько лѣтъ рабствовали врагу нашему діаволу, прельстившему насъ на грѣхъ, по неизреченному человѣколюбію Своему сжалился надъ нами, восхотѣлъ освободить насъ отъ сего рабства и обольщенія діавольскаго, и для того снизшелъ съ небесъ на землю и содѣлавшись человѣкомъ, пожилъ съ нами человѣками, грѣшниками, и давъ заповѣди святымъ Своимъ ученикамъ и апостоламъ, опять возшелъ на небо ко Отцу Своему со славою многою, послѣ того какъ повелѣлъ имъ: *шедше въ міръ весь, проповѣдите Евангеліе всей твари.... учаще ихъ блюсти* не то и то, *но вся, елика заповѣдахъ вамъ*, — при чемъ говоря: *вся*, не оставилъ Онъ ни одной заповѣди, которой бы не повелѣлъ исполнять намъ. Потомъ что говоритъ? *Иже вѣру имѣтъ и крестится, спасенъ будетъ, а иже не имѣтъ вѣры, осужденъ будетъ* (Мр. 16, 15. 16; Мѳ. 28, 20).

4. Что же, брате мой возлюбленный, понялъ ли ты, что значитъ сказанное: *увѣровавшій и окрестившійся*, и потомъ опять: *возневѣровавшій* (απιστησας)? Или мнѣ сказать тебѣ объ этомъ? Ибо слово это кажется простымъ и удобопонятнымъ для всякаго, но содержитъ глубоко сокровенныя мысли. Здѣсь не о той одной вѣрѣ говорится, что Христосъ есть Богъ, но говорится и о вѣрѣ, объемлющей всѣ св. заповѣди, когда, т.-е., кто съ вѣрою пріемлетъ всѣ заповѣди и держитъ убѣжденіе, что ни одна изъ нихъ не есть праздная, но что всѣ глаголы Божіи до іоты и черты суть жизнь и приносятъ жизнь вѣчную. Кто вѣруетъ такъ всѣмъ заповѣдямъ Христовымъ и, какъ обѣщался во святомъ крещеніи, соблюдаетъ и исполняетъ ихъ всѣ, не опуская ни одной, тотъ спасется. Напротивъ кто возневѣруетъ какому либо слову Христову, до единой черты или іоты, тотъ осужденъ будетъ,

какъбы отвергся онъ самого Христа Господа. И праведно. Ибо тотъ, кто вѣруетъ Ему въ великомъ, — что Онъ, скажемъ по пунктамъ, будучи Богъ, содѣлался человѣкомъ непреложно и неизмѣнно, что былъ распятъ и умеръ, что воскресъ и явился Апостоламъ, вошедши къ нимъ дверемъ затвореннымъ, что вознесся на небеса и сѣдитъ одесную Бога и Отца, что имѣетъ пріити судить живыхъ и мертвыхъ и воздать каждому по дѣламъ его, и что прежде сего имѣетъ воскресить всѣхъ людей, которые родились отъ Адама и родятся еще до скончанія вѣка,—кто всему этому вѣритъ, а не вѣритъ слѣдующимъ словамъ: *глаголю вамъ: яко всяко слово праздное, еже аще рекутъ человѣцы, воздадятъ о немъ слово въ день судный* (Мѳ. 12, 36), — какъ возможно, чтобы таковый былъ вѣренъ и сопричислялся къ вѣрнымъ? Равнымъ образомъ, кто вѣритъ Христу въ оныхъ страшныхъ и великихъ таинствахъ, превосходящихъ всякой умъ и всякое помышленіе человѣческое, и во всемъ томъ, что совершено и еще имѣетъ быть совершено Христомъ Господомъ нашимъ, а не вѣритъ Ему въ слѣдующихъ, изреченныхъ Имъ, словахъ: *иже хощетъ по Мнѣ ити, да отвержется себе и возметъ крестъ свой, и по Мнѣ грядетъ* (Мр. 8. 34),—также: *иже любитъ отца или матерь паче Мене, нѣсть Мене достоинъ* (Мѳ. 10, 37),—и еще: *аще кто грядетъ ко Мнѣ, и не возненавидитъ отца своего и матерь, и жену, и чадъ, и братію, и сестръ, еще же и душу свою, не можетъ Мой быти ученикъ* (Лк. 14, 26),—и—*иже аще разоритъ едину заповѣдей сихъ малыхъ,... мній наречется въ царствіи небесномъ* (Мѳ. 5, 19),—какъ возможно, чтобъ такой сочтенъ былъ вѣрнымъ, а не паче осужденъ, какъ невѣрный, и даже хуже невѣрнаго, когда онъ относительно важнѣйшаго исповѣдуетъ, что вѣруетъ Христу, а въ маломъ (какъ ему то кажется) презираетъ Его, Бога и Владыку всяческихъ, будто лживаго,—и въ

отношеніи къ прочему говоритъ, что вѣруетъ Христу, яко Богу истинному, а въ то слово Его, что Онъ говоритъ: *о всякомъ праздномъ словѣ воздадутъ человѣцы слово въ день суда*, не вѣритъ, какъ какому нибудь ничтожному человѣку? Христосъ горе говоритъ смѣющимся, и ублажаетъ плачущихъ, а онъ, смѣясь, срамословя и пустословя, думаетъ, что спасется. Даже что?—Не отвергаясь себя по заповѣди Господа и не неся креста своего, думаетъ, что послѣдуетъ Христу, распятому за него, и любя родныхъ паче Христа, почитаетъ себя достойнымъ Христа.

Такимъ образомъ и тѣ, которые будто приходятъ ко Христу и оставляютъ міръ и мірское, но не отвергаются отъ всѣхъ родныхъ своихъ и при этомъ самой жизни своей, дѣлаютъ все противное сему, любятъ родныхъ паче Христа,—тщетно думаютъ, что они ученики Христовы, и преступая каждочасно не одну какую-либо маленькую заповѣдь, но много и притомъ великихъ, напрасно воображаютъ, что не дѣлаютъ ничего богопротивнаго,—мало этого, мечтаютъ даже быть великими нѣкіими и дивными въ царствіи небесномъ. Большее же всего зло есть то, что они говорятъ, будто, дѣйствуя такъ, они нисколько не нарушаютъ заповѣди, и не только говорятъ такъ, но покушаются, неразумные, убѣдить въ этомъ и насъ, защищающихъ слово истины. Но возвратимся къ нашему предмету.

Итакъ, всѣ заповѣди, которыя Христосъ заповѣдалъ Апостоламъ, равно заповѣдалъ Онъ и намъ, чтобъ мы соблюдали ихъ всѣ до одной. И мы можемъ ихъ соблюсти, даже находясь въ мірѣ, но не хотимъ, потому что слабоваты въ вѣрѣ и любви ко Христу. Что это, сказанное мною сейчасъ, истинно, подтверждаютъ всѣ, которые, прежде закона, въ законѣ и по воплощеніи Спасителя нашего Христа благоугодили Богу, находясь въ

мірѣ, съ дѣтьми и женами, и при всѣхъ попеченіяхъ мірскихъ. Потому что совсѣмъ не имѣли пристрастія ко всему этому, но были отрѣшены отъ того произволеніемъ своимъ. Иные изъ нихъ по вѣрѣ и дѣламъ были болѣе свѣтлыми лицами, нежели тѣ, которые проводили жизнь въ горахъ и пещерахъ. Для чего и мы, опираясь на заповѣдь Господа, какъбы прямо къ намъ изреченную и къ нашей немощи приспособленную, отрицаемся отъ всего, вступаемъ на тѣсный и прискорбный путь, тѣлесно отдѣляемся отъ міра и того, что въ мірѣ, оставляемъ одно мѣсто и переходимъ въ другое—въ монастырь, и начинаемъ подвигъ добродѣтелей, въ коемъ каждый подвизается, больше или меньше, какъ произволяетъ? — Для чего дѣлаемъ это мы? Для того, чтобы стяжать безпристрастіе къ сказанному и отрѣшиться отъ привязанности къ тому, такъ какъ иначе это помѣшало бы намъ тотчасъ, по удаленіи отъ міра, начать шествовать путемъ, ведущимъ въ царствіе небесное, послѣдуя заповѣдямъ Господа и повинуясь повелѣніямъ Его.

5. Но, прошу тебя, вникни хорошенько въ силу словъ, которыя сейчасъ хочу предложить тебѣ. Представь въ умѣ своемъ нѣкій царскій путь, весь углаженный стопами тѣхъ, которые прежде добрѣ и богоугодно шествовали по нему; по ту и другую сторону его вообрази горы, лощины, обрывы, высокіе утесы и прорывы, а между ними предположи поля, луга, увеселительныя мѣста съ тѣнями и деревами полными разныхъ плодовъ; представь также, что тамъ въ разныхъ мѣстахъ скрываются многіе дикіе звѣри, грабители и убійцы. Вѣдай теперь, что если мы, вступивъ на сей путь, шествовать будемъ по нему, подражая тѣмъ, которые прежде насъ прошли по нему,—святымъ, то ничто изъ этого не можетъ обольстить насъ, привлечь къ себѣ наше чувство или повредить намъ. Когда шествуя путемъ заповѣдей Господнихъ, мы, при

проходѣ между сказанными предметами, не будемъ обращать очей своихъ ни на одинъ изъ нихъ, тогда никто ни изъ грабителей тѣхъ, ни изъ звѣрей не посмѣютъ явно напасть на насъ; не посмѣютъ они даже и подойти къ намъ близко, особенно если послѣдуемъ какому-либо духовному руководителю и имѣемъ добрыхъ спутниковъ.

Бываетъ однакожъ, что грабители тѣ иногда стоятъ вдали, иногда подходятъ поближе, и одни изъ нихъ устрашаютъ насъ и звѣрски смотрятъ на насъ, какъ убійцы, другіе напротивъ ласково обращаются къ намъ со льстивыми и будто дружескими словами, показывая пріятность мѣстъ тамъ находящихся, красоты деревъ и плодовъ, и приглашая насъ отдохнуть немножко послѣ путныхъ трудовъ и вкусить отъ плодовъ сладкихъ на вкусъ и прекрасныхъ на видъ,—и другія многія изобрѣтаютъ хитрости и безчисленныя употребляютъ уловки, чтобъ какъ нибудь сманить насъ съ того царскаго пути. Такъ безпокоятъ они насъ непрестанно день и ночь, и когда бодрствуемъ и когда спимъ, и иногда борютъ насъ срамными похотями, иногда пожеланіями яствъ запрещенныхъ, иногда отчаянно нападаютъ на насъ и стращаютъ, что убьютъ, думая тѣмъ запугать насъ и сбить съ царскаго пути. Иные изъ нихъ говорятъ, что невозможно вынесть всѣхъ трудностей этого пути; другіе, что эти труды совсѣмъ тщетны, и никакой не могутъ принести пользы тѣмъ, кои употребляютъ ихъ; третьи опять говорятъ, что этотъ путь, которымъ мы идемъ, конца не имѣетъ, и намъ показываютъ нѣкоторыхъ изъ тѣхъ, которые ни въ чемъ никакого не достигли успѣха. Это особенно такіе, которые много времени провели въ подвижничествѣ и никакой не получили пользы отъ этого долговременнаго въ немъ пребыванія, потому что не съ разумомъ шествовали путемъ заповѣдей Божіихъ, и не съ правымъ и благочестивымъ помысломъ, но подвизались

своевольно и съ гордостію. Такіе всегда пресѣкаютъ свое по Богу теченіе и, убоявшись, возвращаются вспять, а затѣмъ, опустившись въ нерадѣніи, предаютъ себя діаволу и начинаютъ дѣлать одно угодное ему.

6. Но гдѣ мнѣ пересказать вамъ, духовнымъ братіямъ моимъ, всѣ козни и ковы врага нашего діавола и злыхъ демоновъ его, когда онѣ безчисленны? Почему возбудивъ вниманіе и любовѣдѣніе подвижниковъ тѣмъ, что сказалъ, прочее оставляю дослѣдовать имъ самимъ. Я же возьмусь изображать вамъ, что обѣщалъ, т.-е. узы пристрастія, какое имѣемъ мы къ роднымъ, какъ вяжетъ насъ лукавый діаволъ этимъ пристрастіемъ (и особенно тѣхъ, которые побѣдили уже многія другія страсти и украсились вѣнцами сей побѣды) и посредствомъ его бѣднѣ низвергаетъ насъ злый сей во тму и погибель.—Но внимай тщательнѣе тому, что буду говорить.

Представь, что ты—на сказанномъ выше пути, и или теперь только началъ шествовать, или уже нѣсколько времени шествовалъ по нему, и встрѣтилъ немало нападковъ со стороны означенныхъ грабителей и звѣрей, но, благодатію Христовою, ни ихъ ласканіями не былъ обольщенъ, ни красотою видимыхъ тамъ вещей не увлеченъ къ наслажденію, ни страхомъ и устрашеніями не пораженъ,—и съ царскаго того пути не уклонился, и на немъ не остановился, не двигаясь впередъ, ни вспять не возвратился, но все съ большею и большею живостію и стремленіемъ течешь впередъ. Думаешь ли, что когда ты такъ течешь, діаволъ оставилъ тебя на покоѣ, и отсталъ отъ тебя, отказавшись вести съ тобою брань? Нѣтъ, нѣтъ! Не дастъ онъ тебѣ покоя; но зная, что мы оставили отца и матерь, и все вообще родство, и обѣщали Богу, когда принимали монашескую схиму, исполнять и эту заповѣдь вмѣстѣ съ другими, о коихъ сказано, и видя, что не могъ совратить насъ съ царскаго пути никакими

способами,—что дѣлаетъ? Приводитъ намъ сначала на память родителей нашихъ и родныхъ, потомъ, имѣя въ виду смутить умъ нашъ и довесть насъ до несоблюденія заповѣди Христовой, коею повелѣвается намъ отвергнуться родныхъ, предлагаетъ изъ Божественнаго Писанія изреченія, сказанныя людямъ, находящимся въ другихъ положеніяхъ и отношеніяхъ, говоря внутрь насъ: *Чти отца твоего и матерь твою,* заповѣдуетъ Бож. Писаніе, – *и отъ свойственныхъ племене твоего да не презриши* (Ис. 58, 7); потому что, какъ говоритъ Апостолъ, кто *о присныхъ не промышляетъ, вѣры отверглся есть* (1 Тим. 5, 8). Не знаетъ этотъ лукавый, какъ слѣдуетъ, что это сказано не для того, чтобъ мы паче Христа любили родителей и родныхъ, и ихъ предпочитали любви къ Христу, но чтобъ научить насъ покорности Богу; ибо если надлежитъ слушаться и почитать родителей своихъ, не тѣмъ ли паче должно покорствовать Богу Творцу и нашему и самихъ родителей нашихъ? Но, о злокозненный діаволе, свойственные сѣмене нашего суть не родные наши, но единовѣрные, о каковомъ свойствѣ ты не знаешь, какъ подобаетъ, и предлагаешь намъ родныхъ по плоти, стараясь ввергнуть насъ въ любовь и пристрастіе къ нимъ.

Когда же замѣтимъ мы его прельщеніе, и добрѣ поймемъ его, или сами собою, или съ помощію руководителей нашихъ и собратій, вмѣстѣ съ нами шествующихъ путемъ Христовымъ; то этотъ обольститель что скрытно подшептываетъ внутрь ума нашего? Ты говоритъ, уже достигъ такой мѣры преспѣянія и совершенства, какой не знаетъ никто изъ собратій твоихъ; ты стяжалъ совершенное безпристрастіе и безстрастіе; потому ты можешь всегда, какъ хочешь, равнодушно смотрѣть на родныхъ своихъ, будто на чужихъ. Это влагаетъ онъ въ умъ, и тутъ же представляя какого либо

родственника, если не тѣлесно, то въ мысли, опять говоритъ скрытно: какъ тебѣ оставить на пагубу это твореніе Божіе, видя, что онъ погрязаетъ въ невѣдѣніи Бога, подобно безсловеснымъ животнымъ? Почему тебѣ не подать ему руки помощи, не просвѣтить ума его и не научить познанію Бога, его создавшаго? Какое оправданіе дашь, и что отвѣтишь въ страшный день суда?—Потомъ прекращаетъ такую рѣчь, и только внушаетъ поминать его въ молитвахъ своихъ и проливать о немъ слезы состраданія, повторяя въ сердцѣ его слѣдующія слова Писанія: *изводяй честное отъ недостойнаго, яко уста мои будеши*,—опять: *елика сотвористе единому сихъ братій моихъ меньшихъ, Мнѣ сотвористе* (Мѳ. 25, 40),—и еще: *азъ бых отецъ немощныхъ* (Іов. 29, 16). И все это явно есть прелесть діавольская. Если братъ тотъ (коему это внушается) не поддастся такимъ внушеніямъ и, собравшись съ силами воспоперечитъ врагу—діаволу, говоря: что долженъ я дѣлать для родного, тоже долженъ дѣлать и для чужаго, который паче есть родной мнѣ по Богу, чѣмъ тотъ по плоти, то лукавый врагъ отвѣчаетъ ему, говоря: истинно такъ есть, какъ ты говоришь,—и Богъ такимъ именно образомъ печется о всѣхъ, такимъ образомъ, то-есть, чрезъ посредство другихъ всѣ знаютъ Бога и вѣруютъ въ Него; такимъ же образомъ и ты знаешь Бога и вѣруешь въ Него,—чрезъ посредство или родныхъ своихъ, или другихъ людей чужихъ; и этотъ родственникъ твой чрезъ тебя познаетъ Бога, а другіе потомъ чрезъ него. Но въ настоящія времена, кто какъ ты? И куда пойдетъ онъ, если ты оставишь его? Сгубитъ онъ душу свою,—и ты конечно будешь виновенъ въ его погибели, если оставишь его.—Такою лестію вражьею наконецъ прельщается братъ,—и стоитъ, подъ такимъ благовиднымъ предлогомъ давая діаволу вязать

себя вервію пристрастія,—и когда связанъ станетъ, тогда уже не противорѣчитъ ему, какъ совершенно убѣжденный бѣсовскими доводами.

И смотри, какая злокозненность у этого лукаваго и душерастлительнаго злодѣя? Какъ только успѣетъ онъ связать брата пристрастіемъ тѣмъ, ужь не ходитъ болѣе около него и не докучаетъ ему, чтобъ не открылся какъ либо навѣтъ его; но что дѣлаетъ? Берется за конецъ верви и отдаляется отъ брата, прячась во тму, яко породитель тмы, то-есть, оставляетъ въ братѣ, какъ занозу, заботу и попеченіе о томъ родственникѣ, ибо знаетъ, что тотъ родной, или вѣрнѣе пристрастіе къ нему, лучше его самого, будетъ томить и уязвлять его непрестанно. Когда же братъ войдетъ дѣломъ въ заботы о родномъ своемъ, то, какого бы рода ни были заботы тѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ сходитъ съ того царскаго пути, какимъ началъ шествовать, и чѣмъ дальше отступаетъ отъ него, тѣмъ глубже входитъ въ него врагъ, скрываясь однакожъ, и только крѣпче держа въ рукахъ вервь пристрастія и объ одномъ заботясь, какъ бы братъ не распозналъ его козней. Оставивъ уже совсѣмъ царскій путь, что, думаешь, говоритъ въ себѣ братъ тотъ? Спасшій душу бываетъ что создавшій ее,—и такимъ образомъ окончательно слагается думать, что дѣлаетъ дѣло христоподражательное. Если есть у него знакомые міряне, то начинаетъ ходить къ нимъ,—и иногда льститъ имъ, хваля ихъ безъ мѣры, иногда обличаетъ строго—престрого, а нерѣдко позволяетъ себѣ вольности въ обращеніи и пищѣ и нарочно выпускаетъ нѣкія слова, чтобъ подвигнуть на смѣхъ, и вообще со всякимъ обращается, по нраву его, чтобъ тотъ охотно принималъ его и давалъ ему деньги. Если видитъ, что ничего не даютъ, начинаетъ самъ просить безъ стыда, всюду выставляя предлогомъ нужды роднаго своего. И

бываетъ, что слышащіе такія его рѣчи, будучи сами плотяны и обладаемы тѣми же страстями, хвалятъ очень этого несчастнаго монаха и говорятъ, что онъ стяжеваетъ себѣ большую награду. Отъ этого еще болѣе увеличивается и укореняется въ немъ то пристрастіе,—или лучше сказать эта болѣсть пристрастія (къ роднымъ), подобно тому, какъ вервь въѣдается въ плоть выи (подъяремнаго), глубже и глубже входитъ въ душу его, срастворяется съ нею и дѣлается нераздѣлимою отъ нея. Вслѣдствіе сего, мало-по-малу отдаляется онъ отъ чистой молитвы, и замѣняетъ слезы по Богу слезами противными Ему, самъ не понимая того. Тогда начинаетъ онъ наконецъ завидовать тѣмъ, кои имѣютъ, и ненавидѣть ихъ за то, что не даютъ ему такъ много, какъ бы ему хотѣлось. И не только это страждетъ онъ, но дѣлается сверхъ того лѣнивымъ на всякое послушаніе и непокоривымъ. При этомъ научается говорить ложь, почитая ее мѣрою благоразумія,—думая и увѣряя, что будто Богу даетъ, что расходуетъ на родныхъ своихъ. Сверхъ того и красть начинаетъ понеможку, не думая однакожъ, что это настоящая кража: такъ ослѣпляетъ его страсть! Да и вообще, что бы и какъ бы ни доставалъ онъ для своихъ ближнихъ, совѣсть никогда не обличаетъ его, что сдѣлалъ худо. Почему и врагъ, когда наконецъ ввергнетъ бѣднаго монаха во все то, что я сказалъ, выпускаетъ изъ своихъ рукъ вервь этого пристрастія, крѣпко и глубоко уже укоренившагося, какъ какой-либо столпъ, проникшій въ преисподняя ада, будучи увѣренъ, что она уже никогда не развяжется.

Это немногое сказалъ я о тѣхъ, которые начинали подвигъ. Но о тѣхъ, которые и вступаютъ на царскій путь монашеской жизни съ равнодушіемъ и безпечностію,—что и сказать? У такихъ пристрастіе къ род-

нымъ бываетъ такъ сильно и широко, что они чрезъ него уловляются всякою сѣтью врага, который ходитъ всюду, яко левъ рыкая, ища кого поглотити; а они между тѣмъ охотнѣе согласятся умереть, чѣмъ освободиться отъ зубъ и выдти изъ страшнѣйшей пасти этого губительнаго дракона.

Мы же, съ вѣрою пріемля все сказанное, помолимся Богу отъ всей души, да не дастъ Онъ намъ прельститься когда либо отъ врага, или преступивъ какую либо заповѣдь, большую или малую, соступить съ царскаго пути, ведущаго въ царство небесное, и попасть въ оковы какой либо страсти. Но шествуя тѣмъ путемъ, не обращая очей своихъ на что либо другое, восподвизаемся тещи имъ съ усердіемъ, да постигнемъ Христа, и когда постигнемъ, припадемъ къ Нему и восплачемся предъ Нимъ, тепло моля Его, чтобъ Онъ никогда не отступалъ отъ насъ и не допускалъ насъ соступить съ пути царскаго, который есть самъ Онъ, какъ говоритъ: *Азъ есмь путь, истина и животъ* (Іоан. 14, 6). Его убо да взыщемъ, Его потщимся постигнуть и удержать. Если сподобимся сего, то будемъ прочее жить уже съ Нимъ и въ настоящей жизни, по смерти же взыдемъ и вознесемся съ Нимъ на небеса, и Онъ спрославитъ насъ и даруетъ намъ наслажденіе вѣчныхъ благъ,—что улучить буди всѣмъ намъ благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа,—Коему слава и держава, со безначальнымъ Его Отцемъ и всесвятымъ, благимъ и животворящимъ Его Духомъ, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

СЛОВО СЕМЬДЕСЯТЪ ПЯТОЕ.

1) О покаяніи и умиленіи.
2) Какъ можно дойти до умиленія?
3) О слезахъ.
4) Безъ нихъ нельзя достигнуть чистоты и безстрастія.

1. Однажды, когда читалъ я (собравшимся у меня) богомудрыя писанія преподобнаго отца нашего Симеона Студита, то тамъ между другими мудрыми его наставленіями нашлось написаннымъ и слѣдующее: брате, никогда не причащайся Пречистыхъ Таинъ безъ слезъ. (Это самъ онъ соблюдалъ всю свою жизнь, потому и насъ училъ томуже). Услышавъ это, слушатели (а были тутъ не міряне только, но и монахи, именитые по добродѣтелямъ) удивились слову и, смотря другъ на друга, будто улыбнулись и сказали всѣ въ одинъ голосъ: такъ намъ, выходитъ, никогда не слѣдуетъ причащаться. но всегда устраняться отъ причастія. Запомнилось мнѣ это слово, и я, находясь однажды наединѣ, вспомнилъ о тѣхъ, кои такъ сказали, много скорбѣлъ и горько плакалъ, съ великимъ болѣзнованіемъ сердца говоря въ себѣ: неужели сказавшіе такія слова въ самомъ дѣлѣ такъ умствуютъ и отъ всей души полагаютъ, что невозможно плакать, приступая къ причащенію? Или они думаютъ, что плачъ вообще дѣло незначительное, и потому презрительно отнеслись къ слову отца нашего? Ибо кто не считаетъ денно-ночнаго плача предъ лицемъ Христа Господа дѣломъ важнымъ, тотъ, конечно, и когда станетъ приступать къ причащенію божественныхъ Таинъ, не только не восплачетъ, но и не прослезится и капли слезной не испуститъ. И невозможно этому быть; развѣ, можетъ быть, иной разъ, случится это съ кѣмъ-либо или по особому Божію устроенію, не-

изъяснимому, или по другой какой случайной причинѣ, сторонней, по причинѣ вспоминанія, наприм., о чемъ-либо плачевномъ.

Которые думаютъ, что невозможно причащаться Пречистыхъ Таинъ со слезами,—горе нечувствію и жестокосердію тѣхъ! Горе безпечности и ослѣплѣнію тѣхъ, которые говорятъ это! Если бы они испытывали и разсуждали себя самихъ, то не были бы осуждены отъ собственныхъ словъ своихъ; если бъ позаботились покаяться, то никогда не сказали бы, что это невозможно; если бы они дѣломъ приносили плоды (покаянія), то не оставались бы непричастными благу сему, сему великому дару Божію; если бъ они стяжали въ сердцахъ своихъ страхъ Божій, то исповѣдали бы, что возможно плакать и рыдать не только во время причащенія, но и во всякое другое время.

Почему желая убѣдить любовь вашу въ возможности сего въ настоящемъ словѣ, я обращаюсь къ сказавшимъ такія слова, какъ бы они были здѣсь, и вопрошаю ихъ: добрые братія мои, говорящіе это, скажите мнѣ, почему вы говорите, что это невозможно?—Да потому, говорятъ, что иные люди легко приходятъ въ умиленіе и плачъ, а иные столь крѣпки сердцемъ, что не плачутъ и не кричатъ, даже когда ихъ бьютъ. Такъ эти крѣпкосердые какъ могутъ и къ св. причащенію приступать съ плачемъ и слезами? Но и сами іереи, каждый день совершающіе литургію, могутъ ли всегда плакать?—На это я отвѣчаю имъ: вы говорите, что иные крѣпкосерды и нескоро приходятъ въ сокрушеніе; но скажите мнѣ, прошу васъ, по какой причинѣ они таковы? Если же не знаете этого, то не постыдитесь дать слухъ словамъ моимъ, и узнайте это отъ меня; ибо написано: *аще ли иному откроется сѣдящему, первый да молчитъ* (1 Кор. 14 30).

2. Итакъ отъ чего же бываетъ, что иной нескоро и нелегко приходитъ въ сокрушеніе, а иной—скоро и легко? Выслушай! — Нелегко и нескоро приходящій въ сокрушеніе бываетъ такимъ отъ злаго произволенія своего, отъ лукавыхъ помысловъ своихъ и недобрыхъ дѣлъ; а скоро и легко приходящій въ сокрушеніе бываетъ такимъ отъ добраго произволенія своего, отъ добрыхъ помысловъ и дѣлъ благихъ. Если хочешь удостовѣриться въ этомъ, подумай и разсуди все, какъ что бываетъ, и найдешь, что многіе люди, бывшіе добрыми, отъ трехъ этихъ вещей,—произволенія, помысловъ и дѣлъ, сдѣлались худыми; и напротивъ многіе, бывшіе худыми, чрезъ нихъ же сдѣлались добрыми.— Люциферъ отъ чего палъ? Не отъ лукаваго ли произволенія и помысла палъ онъ? Каинъ отъ чего, скажи мнѣ, сдѣлался братоубійцею? Не потому ли, что по злому произволенію своему себя предпочелъ Творцу своему Богу? Не лукавымъ ли помысломъ послѣдовавъ, позавидовалъ онъ брату своему и убилъ его? Саулъ, чѣмъ движимъ будучи, искалъ схватить и убить Давида, котораго прежде любилъ какъ самого себя и почиталъ очень, какъ благодѣтеля своего? По естественной какой необходимости было это, или отъ злаго произволенія? Явно, что отъ злаго произволенія; ибо по естеству никто никогда не бывалъ злымъ. Богъ не есть Творецъ тварей злыхъ, но добрыхъ зѣло,—яко по естеству и истинѣ благій. Также, чѣмъ были движимы разбойники, распятые со Христомъ, что одинъ изъ нихъ говорилъ: *аще ты еси Христосъ, спаси Себе и наю,* а другой, попереча ему, говорилъ: *ни ли ты боишися Бога? И мы убо достойная по дѣломъ наю воспріемлева: сей же ни единаго зла сотвори?* Отъ чего, скажи мнѣ, одинъ разбойникъ говорилъ злыя, а другой—добрыя и богочестивыя рѣчи, и одинъ спасся, а другой пошелъ въ адъ? Не были ли они оба подвигнуты къ тому одинъ злымъ

произволеніемъ и лукавыми помыслами, а другой благимъ произволеніемъ и добрыми помыслами? Отъ помысловъ, вѣдь, зависѣло, что одинъ не вѣровалъ, а другой увѣровалъ и сказалъ: *помяни мя Господи во царствіи твоемъ* (Лук. 23, 39—42). Но оставлю другіе примѣры, потому что ихъ очень много,—изъ того, что скажу вамъ сейчасъ, яснѣе всего можете вы увидѣть, что всякій по самовластію произволенія своего бываетъ или сокрушеннымъ и смиреннымъ, или ожестѣлымъ и гордымъ. Бываетъ нерѣдко, что два человѣка одного мастерства, одной вѣры, одинаковаго нрава, т.-е. злые, немилосердые, жестокосердые, безчеловѣчные, плотолюбивые, сребролюбивые, надѣлавшіе много злыхъ дѣлъ,—оба, отрекшись міра, вступаютъ въ монастырь и дѣлаются монахами. Но одинъ изъ нихъ рѣшительно отстаетъ отъ всего худаго и во всякой преуспѣваетъ добродѣтели съ горячею вѣрою и усердіемъ, а другой дѣлается еще хуже, чѣмъ былъ прежде. По какой причинѣ не могли они оба одинаково исправными явиться въ добродѣтели, какъ прежде одинаковы были по худонравію? Не отъ того ли это произошло, что одинъ все прискорбное ради Бога встрѣчаемое претерпѣвалъ охотно съ добрымъ произволеніемъ? Не отъ того ли, что, какъ только вступилъ въ монастырь, сталъ онъ внимать добрѣ Божественнымъ Писаніямъ и самъ отъ себя, отъ своего произволенія предпочиталъ дѣлать всегда доброе,—подражать наиболѣе добродѣтельнымъ и соревновать имъ въ постахъ, въ молитвахъ и моленіяхъ, въ молчаніи, въ сокрушеніи, въ слезахъ, въ воздержаніи отъ сладкихъ яствъ, въ удаленіи отъ суетныхъ и безполезныхъ бесѣдъ, отъ гнѣва, раздраженія и брани, въ охотномъ перенесеніи поношеній, скорбей и лишеній, въ избраніи себѣ низкихъ и послѣднихъ занятій и дѣлъ, въ непопеченіи и безропотности, когда настоятель

дастъ какое послушаніе, и въ исполненіи его со всею охотою, въ заниманіи всегда послѣднѣйшаго мѣста и въ почитаніи себя худшимъ всѣхъ? Или, короче сказать, не отъ того ли, что онъ съ самаго начала положилъ неотступно исполнять все, чему учатъ Божественныя Писанія, чтобъ улучить милость и прощеніе содѣянныхъ прежде злыхъ и обрѣсти дерзновеніе предъ Богомъ? А другой дѣлалъ все противное тому, по злому нраву своему, оставшись лукавымъ, какъ былъ прежде монашества, чтобъ не сказать, худшимъ чѣмъ былъ прежде?

Такъ и всякій человѣкъ бываетъ смиреннымъ и удобосокрушительнымъ или жестокосердымъ и безчувственнымъ, не по естеству, но отъ добраго или злаго произволенія своего. Ибо, скажи мнѣ, какъ можетъ умилиться душею, или испустить каплю слезную изъ очей своихъ тотъ, кто кружится тамъ и здѣсь, почти каждый день, и заботы никакой не имѣя ни о молитвѣ, ни о чтеніи, ни о молчаніи и уединеніи, но иной разъ, во время службы, ведетъ бесѣду съ тѣми, которые стоятъ подлѣ него, и чрезъ то лишаетъ добраго плода отъ бываніе на церковномъ послѣдованіи не только себя, но и тѣхъ, съ коими разговариваетъ,—въ другой разъ пересмѣиваетъ и пересуждаетъ благочестивыхъ и добродѣтельныхъ братій, а то и самого игумена? Какъ можетъ придти въ сокрушеніе тотъ, кто любопытно разузнаетъ о всѣхъ монастырскихъ дѣлахъ, равно какъ о дѣлахъ и жизни каждаго изъ братій, и при встрѣчахъ одному говоритъ: вчера я слышалъ то и то, другаго спрашиваетъ: слышалъ, что случилось съ тѣмъ бѣднымъ братомъ,—или знаешь, какая бѣда съ такимъ-то? Такой когда найдетъ свободное время вспомнить о своихъ собственныхъ грѣхахъ, чтобъ поскорбѣть о нихъ и поплакать о себѣ самомъ? Опять и тотъ, кто выходитъ

изъ церкви во время чтенія, садится около ея или вдали отъ нея и начинаетъ разговаривать съ другими, причемъ то онъ говоритъ что нибудь, то другіе, и ведутъ рѣчи безполезныя, говоря одинъ: слышали, что сдѣлалъ игуменъ съ такимъ то братомъ? другой: а если я вамъ скажу, что сдѣлалъ игуменъ съ такимъ-то бѣднымъ, то что вы тогда скажете?—Итакъ, ведя такія и еще худшія этихъ бесѣды, и занимаясь такими пустяками, будетъ ли онъ имѣть время придти въ чувства, подумать о своихъ согрѣшеніяхъ и поплакать объ нихъ?

Кто не внимаетъ божественнымъ словесамъ, не кладетъ на уста свои печати молчанія, не заключаетъ ушей своихъ отъ слушанія суетныхъ и безполезныхъ рѣчей, не помнитъ страшнаго дня суда и страшнаго судилища Христова, на которомъ имѣютъ предстать предъ Него всѣ обнаженными, чтобъ дать отчетъ во всемъ, что дѣлали въ продолженіи жизни своей, тому какъ можно стяжать слезы и сокрушеніе, чтобъ горько оплакивать себя, хотя бы онъ прожилъ въ монашествѣ болѣе ста лѣтъ? Какъ можно, чтобъ возскорбѣлъ когда нибудь и поплакалъ предъ Богомъ о душѣ своей тотъ, кто ищетъ первенства и домогается впереди всѣхъ стоять въ церкви и выше всѣхъ возсѣдать на трапезѣ, и изъ-за этого всегда воюетъ и печалится? Равно и тотъ, кто, придумывая извиненія себѣ во грѣхахъ, увѣряетъ, что онъ слабъ и немощенъ, тогда какъ здоровъ и крѣпокъ и молодъ, и, сравнивая себя въ церкви съ тѣми, которые много потрудились и много лѣтъ провели въ подвижничествѣ, говоритъ: чѣмъ я ниже такого-то и такого-то, что тотъ опирается (на посохъ), или присѣдаетъ (на стасидіи), или идетъ на клиросъ и становится на ряду съ клиросными, не будучи достоинъ занять и послѣднѣйшаго мѣста: какъ можетъ таковый

познать немощь души своей, чтобъ возстенать о томъ изъ глубины сердца, придти въ умиленіе и пролить изъ очей своихъ слезы?

Тщеславіе предаетъ такого нерадѣнію и не даетъ уже ему болѣе ни за какимъ дѣломъ пребывать съ терпѣніемъ: безпечно и лѣниво стоитъ онъ на церковной службѣ, и часто заводитъ пустыя бесѣды съ тѣми, кои стоятъ подлѣ него и находятъ удовольствіе въ томъ, чтобы слушать его. Такимъ образомъ безчувственно, безъ печали и сокрушенія сердечнаго, приходитъ онъ въ церковь, простаиваетъ все послѣдованіе службы, съ духовными и благоговѣйными отцами,—и выходитъ изъ нея безъ всякой пользы, не чувствуя въ душѣ нималѣйшаго измѣненія на лучшее,—того измѣненія, какое дается Богомъ ради сокрушенія подвизающимся достодолжно. Думаетъ онъ, что для него достаточно того одного, чтобъ не пропускать опредѣленныхъ службъ, т.-е. утрени, вечерни и часовъ, и что этимъ способомъ онъ можетъ преуспѣть во всякой добродѣтели и придти въ мѣру совершенныхъ духовнымъ во Христѣ возрастомъ. Я зналъ немало такихъ, коими обладаетъ такое самообольщеніе. Они всячески заботятся о томъ, чтобъ не впасть въ какой либо видимый, плотской грѣхъ, но о томъ, какъ избѣжать грѣховъ мысленныхъ и сердечныхъ, никакой совершенно не имѣютъ заботы, и думаютъ, что улучатъ спасеніе чрезъ то одно, что ходятъ на всѣ службы, не прилагая къ сему ничего другаго, то-есть, ни непрестанной молитвы, ни молчанія устъ, ни бдѣнія, ни строгаго воздержанія, ни духовной нищеты, ни смиренія, ни любви. Но не такъ это, братія мои, не такъ. Богъ не смотритъ на лице, ни на внѣшнее благочиніе, ни на взыванія наши, а смотритъ на сердце сокрушенное и смиренное, безмолвное и богобоязненное. Такъ Онъ самъ говоритъ чрезъ пророка: *на кого воззрю*,

токмо на кроткаго и молчаливаго и трепещущаго словесъ Моихъ? (Ис. 66, 2).

Но что сказать о тѣхъ, которые пристаютъ къ настоятелямъ — дать имъ служеніе, котораго они недостойны?—Одни изъ такихъ,—тѣ именно, которые заботятся выдерживать лишь внѣшній порядокъ благочестной жизни, или, лучше сказать, которые имѣютъ въ виду лишь выгоды и славу и вообще настоящія привременныя блага,—такъ говорятъ: честный отче! Ужели не достоинъ и я послужить монастырю и братіямъ? Или такой то и такой-то монахъ достойнѣе меня къ такому-то и такому-то послушанію, и лучше умѣетъ вести дѣла такого рода, чѣмъ я? Если хочешь, испытай и меня, и увидишь, что я гораздо лучше ихъ поведу эти дѣла. Другіе же,—тѣ, которые безпечны и лѣнивы и притворяются немощными тѣлесно, которые лишь вчера и завчера пришли изъ міра и исполнены тмами грѣховъ, и которые, никакихъ еще не понесши послушаній и нисколько не потрудившись и не попотѣвши надъ дѣлами обительскими, идутъ, какъ я сказалъ, становятся вмѣстѣ съ тѣми, которые уже много потрудились,—и присѣдаютъ и себѣ на ряду съ ними. Если кто изъ сихъ послѣднихъ, стоя подлѣ, скажетъ кому-либо изъ таковыхъ: поди, брате, на опредѣленное тебѣ мѣсто и стой тамъ, поя вмѣстѣ съ другими братіями, какъ можешь; то онъ отвѣчаетъ: отсюда ближе и слышнѣе, и лучше пѣть, чѣмъ съ опредѣленнаго мѣста. Если тотъ вторично скажетъ ему: нельзя тебѣ, брате, стоять здѣсь безъ благословенія настоятеля нашего, то онъ, услышавъ такое слово, идетъ и выпрашиваетъ у настоятеля позволеніе стоять тамъ, выставляя предлогомъ свою слабость и немощность и всякіе употребляя способы, чтобъ получить желаемое, и докучая неотступно настоятелю: снизойди и позволь мнѣ стоять въ первой

или второй стасидіи, подлѣ такого-то, чтобъ мнѣ слышать и канонарха. Когда же удается ему получить это желаемое, тогда уже не довольствуется онъ однимъ тѣмъ, чтобъ стоять въ хорѣ, но мало-по-малу протѣсняется въ среду первѣйшихъ братій и во всякомъ другомъ случаѣ, притворяя себѣ нѣкое внѣшнее благочиніе и благоговѣніе, — бѣжитъ, напримѣръ, даже впереди другихъ—встрѣтить мѣстныхъ начальниковъ и благопріятелей обители, когда они приходятъ помолиться, почасту заглядываетъ въ комнату, для нихъ отводимую, чтобъ сдѣлаться имъ знакомымъ, выставляя однакожъ побужденіемъ къ тому то, что будто большую получаетъ пользу отъ бесѣды съ ними.

Послѣ сего начинаетъ уже онъ кружить по монастырю и ходить изъ кельи въ келью, говоря каждому: повѣрь мнѣ, брате мой, что я столь много тебя люблю, что въ какой день не вижу тебя, въ тотъ почитай что и жить не живу. Если изъ тѣхъ, куда онъ ходитъ, найдется кто богобоязненный, то отвѣтитъ ему на такія слова: Богъ да помянетъ тебя, брате мой, за любовь твою! Что добраго видишь ты во мнѣ? Тотъ скажетъ ему въ отвѣтъ: а чего добраго нѣтъ въ тебѣ? Кто другой столько кротокъ, благоговѣенъ, мудръ, свѣдущъ, безлукавенъ, и что больше всего милостивъ и браголюбивъ, какъ ты? Это говоритъ онъ потому, что имѣетъ въ виду поѣсть у него чего нибудь. Но этотъ духовный братъ, по данной ему отъ Бога благодати, ведетъ съ нимъ бесѣду все о томъ, что полезно для душевнаго спасенія, отклоняя отъ себя похвалы, и тѣмъ вразумляетъ брата Если же случится не такой, а напротивъ плотской и славолюбивый, то завладѣвается тщеславіемъ отъ такихъ похвалъ, и говоритъ: что же другое, отче и брате мой, благопотребнѣе любви? Истинно ничего нѣтъ благопотребнѣе,—и блаженъ

тотъ, кто успѣетъ стяжать ее, и другое подобное говоритъ, что, какъ замѣчаетъ, непротивно пришедшему, и тѣмъ еще болѣе подвигаетъ его хвалить себя. Когда наконецъ этотъ, по легкотѣ ума своего, совсѣмъ отуманится прелестію, повѣривъ льщеніямъ и ложнымъ похваламъ того и принявъ ихъ съ удовольствіемъ, тогда, если у него есть, чѣмъ угостить его, то ни за что уже не отпуститъ его, не уговоривъ принять угощеніе,— и угощаетъ его всѣмъ, что окажется подъ рукою съѣстнаго, получая въ воздаяніе за то безполезныя похвалы, разливающіяся въ воздухѣ, успѣвающія однакожъ причинить большой вредъ душѣ. Если же у него не окажется на ту пору ничего, чѣмъ бы угостить, то послѣ многихъ безполезныхъ разговоровъ, говоритъ ему: не осуди меня, брате мой; увѣряю тебя нашею любовію, что у меня теперь нѣтъ ничего съѣстнаго, чѣмъ бы могъ достойно угостить тебя; но какъ ты имѣешь ко мнѣ такую любовь, то отнынѣ, что ни пошлетъ мнѣ Богъ, будемъ вкушать то съ тобою вмѣстѣ. Съ этихъ поръ оба они вплетаются во всяческія заботы и тѣмъ только и заняты бываютъ, какъ бы достать побольше съѣстнаго на взаимное угощеніе, и тѣмъ болѣе и болѣе скрѣпляютъ свою лживую и кажущуюся любовь.

Такимъ же образомъ этотъ братъ, подъ предлогомъ любви, лучше же сказать, прелести, сдружается со всѣми подобными,—и иногда онъ призываетъ другаго на угощеніе, иногда другой призываетъ его, такъ что въ доброй трапезѣ, въ многоястіи, сладкоястіи никогда у него не бываетъ недостатка. И дѣлается онъ наконецъ рабомъ чувственныхъ удовольствій, пространно питая чрево свое. Насыщаясь такъ каждодневно яствами, добрѣ приготовленными, вечеромъ, послѣ повечерія, приходитъ онъ въ келью свою и говоритъ послушнику своему: большая томитъ меня жажда; подогрѣй

немного вина; я выпью, чтобъ утолить сколько нибудь эту жажду. Тотъ, какъ привыкшій уже, является готовымъ и скоропослушнымъ слугою (потому что и самъ утѣшается вмѣстѣ со старцемъ своимъ, и попиваетъ стаканчикъ за стаканчикомъ, скрытно, въ чемъ ему благопріятствуетъ тма), тотчасъ подогрѣваетъ вина и подаетъ. Этотъ же, выпивъ одинъ стаканъ, раздражаетъ аппетитъ свой и начинаетъ ѣсть, что случится, мало-помалу, будто не замѣчая того, пока наѣстся до-сыта и полно набьетъ чрево свое, такъ что тѣло его дѣлается неповоротливымъ и непослушнымъ велѣніямъ души. Тогда помыслъ говоритъ ему: отпусти послушника, и стань—соверши келейное правило свое. Когда же отпуститъ его, другой помыслъ опять говоритъ ему: куда тебѣ стоять на молитвѣ съ набитымъ чревомъ и столь отяготившемуся?—Лучше сосни немного, чтобъ переварилась пища; тогда встанешь прежде утрени и помолишься удобнѣе съ облегченнымъ тѣломъ. Покоряется онъ этому помыслу, падаетъ на постель и засыпаетъ. Но ночью, хоть и бываетъ, что проснется, не встаетъ, говоря въ себѣ: еще много ночи, посплю еще немного. Между тѣмъ подходитъ и время утрени,—и заставляетъ его встать и идти въ церковь, неся въ совѣсти обличеніе своей лѣности.

Такъ братъ такой ходитъ, какъ мы сказали, по привычкѣ, часто въ кельи друзей своихъ и возлюбленныхъ ему отцевъ, сидитъ у нихъ до вечера, ѣстъ и пьетъ съ ними и болтаетъ, потомъ, возвратясь въ келью, бываетъ уже негожъ не только на исполненіе келейнаго правила, но нерѣдко и на то, чтобъ явиться къ утрени. Но и когда другой братъ приходитъ въ келью его, время проходитъ у нихъ такимъ же образомъ, утѣшаются въ ястіи и питіи, прибавляя нерѣдко строгое осужденіе братій, которые не держатся такихъ же правилъ.

Такъ губитъ онъ все время жизни своей въ ястіи и питіи и въ недобрыхъ хлопотахъ. О духовномъ же какомъ либо дѣлѣ ему и подумать не приходитъ въ голову, а не только приступить къ нему и сдѣлать.

3. Но для чего, думаете вы, братія мои, я все это разсказалъ вамъ? Для того, чтобы раскрыть предъ вами, что тотъ, кто такъ проводитъ жизнь, не можетъ источать слезы изъ очей своихъ. Ибо какъ можетъ воспріять плачъ тотъ, кто всегда пространно питаетъ чрево свое и о томъ только заботится, что поѣсть, да что попить, раболѣпствуя предъ плотію своею, какъ предъ госпожею? Впрочемъ положимъ, что иной удаляется отъ всего сказаннаго и ни самъ не ходитъ въ келліи другихъ, ни другихъ не принимаетъ въ свою келлію, равно какъ не вдается въ ястія и питія и въ пустое празднословіе, но запираетъ дверь свою и одиноко пребываетъ въ келліи своей; что пользы для него отъ этого, если дѣланіе его не духовно, не ведется съ разумомъ, какъ подобаетъ, но за чтеніемъ, напримѣръ, сидитъ онъ, чтобъ, вычитавъ что-либо, сказать то во время собесѣдованія съ кѣмъ либо, и показаться знающимъ и разумнымъ? Предположимъ впрочемъ, что не для этого дѣлаетъ онъ сіе, а для пользы душевной, т.-е. читаетъ Писанія, чтобъ напитаться Словомъ Божіимъ, что, почитавши, встаетъ онъ на молитву и пропѣваетъ, положимъ, псалма два, или три, или пять, или десять, или сто, и при этомъ кладетъ столько-то и столько-то поклоновъ и, совершивъ все сіе такимъ образомъ, ложится на постель и ничего болѣе не дѣлаетъ. Скажи мнѣ, что пользы для него отъ одного такого дѣланія, если при этомъ не породится въ душѣ его плодъ молитвы и чтенія—слезы и покаянное сокрушеніе, безстрастіе и смиренномудріе, съ кротостію? Ибо всякій человѣкъ, проходящій духовное дѣланіе, по духовному дѣланію своему стяжеваетъ и плоды, какіе я

указалъ, безъ всякаго сомнѣнія. Если же кто дѣлаетъ и трудится видимо, но не стяжаваетъ сказанныхъ плодовъ, то не по Богу дѣланіе его. а для того лишь, чтобъ понравиться людямъ; почему праведно и не улучаетъ онъ лучшаго.

Итакъ, если каждый изъ показанныхъ нами братій все такъ будетъ проводить жизнь, то возможно ли, чтобы кто нибудь изъ нихъ стяжалъ когда нибудь слезы и сокрушеніе, или отбросилъ лукавство и жестокосердіе. какія принесъ съ собою изъ міра, наравнѣ съ тѣмъ, кто, какъ только сдѣлался монахомъ, всецѣло предалъ себя на то, чтобы по Богу, благодушно и смиренно переносить и претерпѣвать все прискорбное? Никакъ невозможно. И кто иначе думаетъ и законополагаетъ, тотъ прельщаетъ самъ себя. Ибо какъ невозможно, чтобы сіяло нераскаленное желѣзо, или чтобъ оно размягчилось какимъ либо другимъ способомъ, кромѣ огня, для выдѣлки изъ него чего-либо потребнаго по хозяйству, такъ невозможно, чтобы тотъ, кто предается нерадѣнію и лѣности и проводитъ такую душевредную и суетную жизнь, какъ та, какую изобразило наше слово, получилъ такія же дарованія Святаго Духа и явился такимъ же, какъ и тотъ, кто съ самаго начала отъ всей души подчинилъ себя добрымъ правиламъ, по послушанію духовнымъ отцамъ, и началъ проводить добродѣтельную жизнь. Одинъ изъ нихъ,—т.-е., ведущій подвижническую жизнь, будучи смиренъ сердцемъ, имѣя смиренныя помышленія и сокрушенныя чувства, желательно послѣдуя во всемъ Божественному Писанію съ крайнимъ усердіемъ, благодушно перенося всякую скорбь, тѣсноту и искушеніе, почитая себя послѣднѣйшимъ и непотребнѣйшимъ всѣхъ, смотря на себя, по воспоминанію прежнихъ грѣховъ, какъ на великаго грѣшника и непрестанно осуждая себя, скоро преуспѣваетъ въ добро-

дѣтели; и если не имѣетъ онъ человѣка, который бы научилъ его тому, что̀ пригодно ему во спасеніе, тогда научается онъ тому благодатію Св. Духа, и мало-по-малу изгоняетъ изъ души своей все недоброе, чего набрался въ мірѣ, а на мѣсто того поселяетъ добродѣтели. А другой, т.-е. нерадивый, будучи исполненъ нечистоты и гордыни, не хотя смириться предъ державною рукою Бога, открыть сокровенности сердца своего духовному отцу своему и подчиниться ему, не желая также ничего ни дѣлать, ни переносить, что̀ ведетъ человѣка къ добродѣтели и дѣлаетъ его совершеннымъ по Богу,—становится худшимъ, нежели какимъ былъ въ мірѣ; потому что возвращается къ нему оставившій его на время духъ злый, и вселяется въ него опять съ семью другими духами злобы и лукавства. Такимъ образомъ ревностный братъ столько превосходитъ въ добродѣтели другаго, съ которымъ пришелъ вмѣстѣ въ обитель, сколько бѣгущій свободно безъ всякаго препятствія перегоняетъ того, кто связанъ путами и цѣпями. Но нерадивый отстаетъ и остается съ прежними худостями, или еще и съ большими, не по чему другому, какъ потому, что самъ по себѣ, по своему произволенію не хочетъ избрать и дѣлать доброе.

4. Итакъ, плодъ дѣланія заповѣдей, какъ я сказалъ, есть умиленное сокрушеніе,—а оно приноситъ плоды добродѣтелей, или лучше сказать, творитъ всѣ добродѣтели, какъ открываетъ все богодухновенное Писаніе. Посему, кто хочетъ отсѣчь страсти, или стяжать добродѣли, тому подобаетъ паче всякаго другаго добра и подвига, со всѣмъ усердіемъ взыскать умиленнаго сокрушенія, потому что безъ него никогда не увидать ему души своей чистою. Ибо какъ невозможно безъ воды вымыть загрязненное платье, такъ невозможно и душу омыть и очистить отъ скверны грѣховныхъ, безъ слезъ. Не бу-

демъ же, братіе, придумывать душевредныхъ и пустыхъ отговорокъ, всегда лживыхъ и ведущихъ прямо въ пагубу, но отъ всей души взыщемъ это умиленное сокрушеніе, царицу добродѣтелей. Кто взыскиваетъ его отъ всей души и отъ всего сердца, тотъ и находитъ. И лучше скажу,—оно само идетъ и находитъ того, кто ищетъ его съ такимъ усердіемъ; и пусть имѣетъ кто сердце жесточайшее мѣди или желѣза, или даже адаманта, какъ только придетъ оно, тотчасъ дѣлаетъ его мягчайшимъ воска. Ибо умиленное сокрушеніе есть нѣкій огнь божественный, растапливающій горы и камни и превращающій ихъ въ луга и сады; оно изнѣняетъ души, его пріемлющія, и бываетъ внутрь ихъ источникомъ, источающимъ живую воду, которая непрестанно бьетъ ключемъ, течетъ какъ изъ какого родника, и напояетъ души, пріемлющія Слово Божіе съ теплою вѣрою.

Перво-на-перво оно омываетъ скверну грѣховъ у тѣхъ, которые дѣлаются причастными его, потомъ вслѣдъ за омытіемъ скверны грѣховъ, оно отмываетъ и страсти, и отбрасываетъ ихъ, срывая будто струпы съ ранъ, разумѣю,—лукавство, зависть, тщеславіе и всѣ порожденія ихъ. И не только это дѣлаетъ, но какъ нѣкій пламень огня, пробѣгаетъ (по всему составу нашему), мало-по-малу жжетъ и опаляетъ эти страсти, какъ тернія, и наконецъ совсѣмъ уничтожаетъ ихъ. Это умиленное сокрушеніе сначала дѣлаетъ то, что стяжавшій его горитъ сильнымъ желаніемъ совершенно избавиться и очиститься отъ страстей, потомъ возбуждаетъ желаніе тѣхъ благъ, которыя уготованы отъ Бога любящимъ Его. И все это дѣлаетъ божественный оный огнь сокрушенія посредствомъ слезъ. А безъ слезъ, какъ я сказалъ, ни въ насъ, ни въ другихъ какихъ, никогда не бывало ничего такого, и не будетъ. Да и доказать никто не можетъ отъ Божественныхъ Писаній, чтобы безъ слезъ

и всегдашняго сокрушенія очистился когда нибудь какой человѣкъ отъ грѣховъ своихъ, или сдѣлался святымъ, или пріялъ Духа Святаго, или узрѣлъ (умно) Бога, или позналъ, что Богъ вселился въ него, или чтобы кто нибудь имѣлъ Его обитателемъ въ сердцѣ своемъ, не стяжавши прежде покаянія и умиленнаго сокрушенія, такъ, чтобы всегда безъ перерыва текли у него слезы, какъ изъ родника какого, вымывали жилище души, оропіали и освѣжали ее, обладаемую и жегомую неприступнымъ огнемъ.

Итакъ тѣ, которые говорятъ, что невозможно плакать и слезить каждую ночь и день, обличаютъ этимъ, что они обнажены отъ всякой добродѣтели. Ибо если св. отцы наши рѣшительно говорятъ, что кто хочетъ отсѣчь страсти, только плачемъ и слезами можетъ отсѣчь ихъ, и что кто хочетъ стяжать добродѣтели, только плачемъ можетъ стяжать ихъ, то явно, что, кто не плачетъ каждодневно, тотъ ни страстей не отсѣкъ, ни добродѣтелей не стяжалъ, хотя кажется и проявляетъ ихъ. Ибо, скажи мнѣ, къ чему послужатъ инструменты какого либо мастерства, когда нѣтъ на лицо мастера, который бы, пользуясь ими, могъ изъ какого либо подходящаго матеріала сдѣлать какой либо сосудъ пригодный или вещь полезную? Или что пользы, если садовникъ вскопаетъ добрѣ весь свой садъ, насѣетъ въ немъ всякаго рода зелень и насадитъ разныхъ растеній, а дождь не спадетъ на нихъ свыше, чтобъ оросить ихъ, и у самого его не будетъ воды, чтобъ полить ихъ? Поистинѣ никакой нѣтъ отъ того пользы. Такъ и тотъ, кто проходитъ нѣкоторыя добродѣтели и трудится въ нихъ, не получитъ никакой отъ того пользы безъ этого святаго и блаженнаго сокрушенія,—госпожи и творительницы всѣхъ добродѣтелей. Ибо какъ иной царь безъ войска предъ всякимъ врагомъ безсиленъ и удобопобѣдимъ для него,—даже не кажется и царемъ, а однимъ изъ обык-

новенныхъ людей; равно какъ опять и войска безъ царя или военачальника легко разсѣяваемы бываютъ и уничтожаемы, такъ есть и плачъ въ отношеніи къ другимъ добродѣтелямъ.

Посему воображай, что всѣ добродѣтели новоначальныхъ суть какъбы войско, собранное на одномъ мѣстѣ. а царь добродѣтелей, или военачальникъ есть блаженный плачъ и слезы сокрушенія. Онъ ставитъ въ бранный строй все воинство добродѣтелей, воодушевляетъ, наставляетъ и опредѣляетъ добрѣ, какъ надлежитъ воевать, гдѣ, когда и какія употреблять оружія и противъ какихъ враговъ, какихъ разсылать развѣдчиковъ и какихъ поставлять вокругъ стражей, что надлежитъ говорить съ тѣми, которыхъ присылаютъ враги, сколько и какъ; ибо иной разъ можно однимъ этимъ переговоромъ вспять обратить ихъ всѣхъ и побѣдить, иной же разъ возможно ихъ обратить вспять и побѣдить совсѣмъ не принявъ ихъ къ переговору. Кромѣ того, военачальникъ нашъ опредѣляетъ еще, кого изъ воинства посылать дѣлать засады и ложныя нападенія для введенія въ заблужденіе враговъ, какъ это дѣлать, гдѣ и въ какое время. Все это распредѣляетъ и установляетъ плачъ, такъ что, воистину, безъ него все воинство добродѣтелей бываетъ удобопобѣдимо для враговъ. Сего ради, братья мои, паче всѣхъ другихъ дѣлъ, или вмѣстѣ со всѣми ими, да будетъ у насъ всѣхъ дѣломъ существеннѣйшимъ покаяніе, и плачъ неразлучный съ нимъ, и слезы—порожденіе плача. Ибо ни плачъ не бываетъ безъ покаянія, ни слезы безъ плача, но три сія соединены неразлучно между собою, и одному чему либо изъ сего невозможно явиться безъ другихъ. Итакъ пусть никто не говоритъ, что невозможно плакать каждодневно, потому что кто говоритъ, что это невозможно, тотъ говоритъ, что невозможно и каяться каждый день.

Но такъ говорить значитъ извращать все Божественное Писаніе, и ближе всего,—извращать заповѣдь самого Господа нашего, Который говоритъ: *покайтеся, приближибося царствіе небесное.* И еще: *просите, и дастся вамъ; ищите и обрящете; толцыте, и отверзется вамъ.*

Итакъ, желаешь ли никогда не причащаться безъ слезъ—дѣлай то, что поешь и читаешь самъ каждодневно,—и дойдешь до того, что всегда будешь причащаться со слезами. Что же это такое, поемое и читаемое тобою каждодневно? Если не знаешь этого, слушай того, кто говоритъ: *не слышателіе закона праведни предъ Богомъ, но творцы закона, сіи оправдятся* (Рим. 2, 13). Но чтобы не удлинять слова, напомню тебѣ слѣдующія слова Давида: *аще взыду на одръ постели моея, аще дамъ сонъ очима моима, и вѣждома моима дреманіе, и покой скраніама моима, дондеже обрящу мѣсто Господеви, селеніе Богу Іаковлю* (Пс. 131, 4. 5). И опять: *нѣсть мира въ костехъ моихъ отъ лица грѣхъ моихъ, яко беззаконія моя превзыдоша главу мою, яко бремя тяжкое отяготѣша на мнѣ. Возсмердѣша и согниша раны моя, отъ лица безумія моего: пострадахъ и слякохся до конца, весь день сѣтуя хождахъ. Озлобленъ быхъ и смирихся до зѣла: рыкахъ отъ воздыханія сердца моего* (Пс. 37, 4—9). *Быхъ яко птица особящаяся на кровѣ. Уподобихся неясыти пустыннѣй. Пепелъ яко хлѣбъ ядяхъ, и питіе мое съ плачемъ растворяхъ* (Пс. 101, 7—10). *Утрудихся воздыханіемъ моимъ. измыю на всяку нощь ложе мое, слезами моими постелю мою омочу* (Пс. 6, 7). И списатель Лѣствицы, св. Іоаннъ говоритъ: жажда и бдѣніе сокрушили сердце, сердцу же сокрушенну исторглись воды. И сколько другаго говоритъ намъ объ этомъ сей св. Іоаннъ!—Желающій пусть читаетъ со вниманіемъ книгу Лѣствицы,—и узнаетъ (Степ. 7).

Итакъ, если и ты отъ всей души, со смиреніемъ и

вѣрою, будешь неопустительно дѣлать то, что каждодневно поешь и читаешь, или слышишь другихъ читающихъ, то истинно благовѣствую тебѣ радость велію, что,—если будешь безпрерывно съ терпѣніемъ исполнять это, то-есть жаждать, совершать бдѣнія, повиноваться настоятелю и слушаться его до положенія живота, безъ раздумыванія и лицемѣрія, переносить всякую скорбь, обиду, осужденіе, клевету, терпѣть побои и раны отъ меньшихъ тебя братій, не имѣя на нихъ злопамятства, но благодаря ихъ искренно и усердно молясь о нихъ Богу:—радуйся и веселись неизреченною радостію, что не только вечеромъ, и утромъ, и въ полдень, но и когда ѣшь и пьешь, нерѣдко когда бесѣдуешь, когда поешь, читаешь и молишься и когда лежишь въ постели,—будетъ находить на тебя эта божественная и неизреченная благодать слезъ, и будетъ сопровождать тебя всѣ дни жизни твоей,—сшествовать тебѣ, когда идешь, останавливаться съ тобою на отдыхъ или ночлегъ, когда ты остановишься; когда послушничествуешь, будетъ послушничествовать съ тобою и она, и будетъ утѣшать тебя въ скорбяхъ, которыми возскорбишь по причинѣ трудовъ. Тогда и познаешь, что добрѣ и очень добрѣ сказалъ св. Симеонъ, чтобъ никто не причащался безъ слезъ, и что это возможно и истинно удобно для всякаго. Или лучше, не онъ это сказалъ, но Духъ Святый сказалъ и написалъ это чрезъ него. Потому что, если истинно, что *никтоже безгрѣшенъ, аще и единъ день житіе его на земли* (Іов. 14, 5), и что никто не можетъ *похвалиться чисто имѣти сердце* (Прит. 20, 9), то явно, что человѣкъ долгъ имѣетъ ни единаго дня въ продолженіи всей своей жизни не пропускать безъ слезъ, на сколько это зависитъ отъ него самого; и если не имѣетъ ихъ, долгъ имѣетъ, пока живъ, искать ихъ отъ всей

души; ибо никакимъ другимъ способомъ невозможно очиститься отъ грѣховъ и стать чисту сердцемъ.

А кто не хочетъ спать на голой землѣ и совершать бдѣнія, воспоминая множество грѣховъ своихъ и тяжесть прегрѣшеній своихъ, и не заботится отъ сердца врачевать загнившія и возсмердѣвшія отъ нерадѣнія и безпечности раны острастившейся воли своей и своихъ наклонностей, дѣлающія его безчувственнымъ (это и есть истинное безуміе, о коемъ говоритъ Давидъ: *возсмердѣша и согниша раны моя отъ лица безумія моего),* тотъ какъ можетъ придти въ чувство будущаго суда и осужденія грѣшниковъ, и плакать съ печалію и болѣзнію сердца своего? Кто не хочетъ злострадать, терпѣть лишенія и всѣмъ уступать, не хочетъ весь день ходить съ поникшею главою, самого себя озлоблять и смирять, т.-е. наказывать себя алчбою, жаждою, бдѣніемъ, сухояденіемъ и другимъ подобнымъ, не хочетъ рыкать отъ воздыханія сердца своего, быть какъ птица, одиноко сидящая на кровлѣ дома, и уподобляться неясыти пустынной, то-есть по расположенію души своей быть чуждымъ въ отношеніи ко всѣмъ вещамъ, и монастырскимъ и мірскимъ, не хочетъ быть бездерзновеннымъ предъ большимъ и меньшими, утруждать себя воздыханіемъ, снѣдать хлѣбъ свой съ пепломъ, и съ плачемъ растворять питіе свое, тому какъ возможно, братія мои, измывать на всяку ночь ложе свое и слезами постелю свою омывать? Поистинѣ совсѣмъ невозможно ему не только постель свою каждую ночь омочать слезами, но даже и во время молитвы невозможно ему найти ихъ. И не возможетъ онъ такимъ образомъ уготовать мѣсто Господу и селеніе достойное Бога Іаковля, Который есть Христосъ Господь, Спаситель и Богъ нашъ.

Если же не предуготовитъ онъ сего добрѣ, явно, что не возможетъ онъ и причаститься св. пречистыхъ таинъ

не только со слезами, но и достойно, какъ подобаетъ, ни принять внутрь себя Царя и Бога. Святая преподаются святымъ, какъ говорятъ и проповѣдуютъ это каждодневно всѣмъ іереи, взывая великимъ гласомъ (о, когда бы они говорили это и себѣ самимъ!), а прочіе слышатъ то отъ іереевъ возглашающихъ: святая святымъ. Итакъ что же? Кто не святъ, тотъ уже и недостоинъ? Нѣтъ, не такъ. Но кто не исповѣдуетъ сокровенностей своего сердца, кто не показываетъ достойнаго покаянія въ этомъ и въ томъ, въ чемъ согрѣшалъ въ невѣдѣніи, кто не бываетъ всегда въ слезахъ и печали и не подъемлетъ тѣхъ подвиговъ, о коихъ мы сказали выше, вотъ кто недостоинъ. Тотъ же, кто дѣлаетъ все сіе и проводитъ жизнь въ стенаніяхъ и слезахъ, достоинъ и предостоинъ, не только каждый праздникъ причащаться пречистыхъ таинъ, но и каждый день съ самаго (если не слишкомъ дерзновенно такъ сказать) начала покаянія и обращенія его къ Богу. Такому позволительно такъ причащаться, поколику онъ имѣетъ въ намѣреніи до конца жизни своей съ терпѣніемъ пребывать въ оныхъ дѣлахъ и въ подобныхъ имъ, и жизнь свою проводить въ смиреніи съ сердцемъ сокрушеннымъ.—И если онъ будетъ поступать такимъ образомъ и всегда будетъ держать себя въ такомъ состояніи, то день отъ дня будетъ просвѣщаться въ душѣ своей, спомоществуемъ будучи въ томъ причащеніемъ св. таинъ, и скоро придетъ въ совершенное очищеніе и святость. Другимъ же способомъ невозможно быть вымыту и очищену нечистому сосуду нашему (душѣ) и оскверненному жилищу нашему (сердцу). Я не могъ ни изъ Божественныхъ Писаній вычитать, ни самъ собою познать ничего лучшаго. Слышимъ Апостола, который говоритъ: *да искушаетъ человѣкъ себе и тако отъ хлѣба да ястъ и отъ чаши да піетъ: иный бо и піяй недостойнѣ, судъ себѣ ястъ и піетъ.*

не разсуждая тѣла Господня (1 Кор. 11, 28. 29). Такимъ образомъ недостойно вкушающій тѣло и кровь Господа, повиненъ бываетъ тѣлу и крови Господа (— — 27). Если теперь тотъ, кто не показалъ достойныхъ плодовъ покаянія, свидѣтельствуется отъ всего Божественнаго Писанія, яко недостойный (св. причастія), то скажи мнѣ, какъ же возможно безъ слезъ достойно причаститься, когда слезы суть первый плодъ покаянія? Ктому же, какъ мерзостныя пожеланія плоти и смѣшеніе сердца съ каждою страстію, бывающее со сластію, есть нѣкоторымъ образомъ жертва, приносимая нами діаволу: такъ слезы, отъ сердца источаемыя, суть благопріятная жертва, Богу приносимая, въ очищеніе скверноты и срамоты оной страстной сласти. Это явно показываетъ и Псалмопѣвецъ Давидъ тамъ, гдѣ говоритъ: *жертва Богу духъ сокрушенъ, сердце сокрушенно и смиренно Богъ не уничижитъ.* И праведно. Ибо когда душа придетъ въ такое доброе состояніе и навыкновеніе, и такъ будетъ каждодневно смиряться и сокрушаться, тогда она ни одного дня не пропуститъ безъ слезъ, подражая Давиду, который говоритъ о себѣ: *измыю на всяку нощь ложе мое, слезами моими постелю мою омочу.*

Посему, умоляю васъ, братія мои, да упражняетъ всеусердно всякій изъ васъ душу свою въ такихъ и подобныхъ симъ дѣлахъ,—и она, пришедши въ умиленное сокрушеніе и мало-по-малу измѣнившись, сдѣлается обильнымъ родникомъ, испущающимъ рѣки слезъ. Если же не постараемся мы такимъ образомъ сдѣлаться чистыми, но изберемъ лучше жизнь свою проводить въ нерадѣніи и лѣности, то я не скажу на это никакого тяжелаго слова, чтобъ не опечалить любви вашей; прибавлю только, что если иной разъ случится кому либо причаститься со слезами, т.-е. если случится кому поплакать или прежде божественной литургіи, или во время принятія св.

причастія, а послѣ, въ прочіе дни и ночи, онъ не поусердствуетъ тоже дѣлать, т.-е. плакать не переставая, то не будетъ для него никакой пользы отъ того, что поплакалъ однажды, потому что такое поплаканіе не можетъ тотчасъ очистить насъ и сдѣлать достойными; дѣлаетъ же насъ достойными то, если будемъ плакать каждый день не переставая, до конца жизни нашей, какъ повелѣлъ намъ дѣлать Господь, говоря: кайтесь, просите, ищите, толцыте—доколѣ? пока, говоритъ, получите, обрящете, и отверзется вамъ. Что же отверзется? Явно, что царствіе небесное.

Такое покаяніе, бывающее, какъ мы сказали, всегда до самой смерти, съ болѣзнованіемъ и скорбѣніемъ сердечнымъ, дѣлаетъ мало-по-малу то, что мы начинаемъ проливать горькія слезы, которыми отмывается и очищается сквернота души нашей. Изъ этого (болѣзненнаго) покаянія раждается потомъ покаяніе чистое (отрадное), превращающее горькія слезы въ сладкія, вселяющія въ сердце наше непрестанное нѣкое радованіе и дѣлающія насъ достойными и способными узрѣть неприступный оный свѣтъ, который если не восподвизаемся со всѣмъ усердіемъ узрѣть, то не можемъ ни освободиться отъ страстей, ни стяжать добродѣтели, ни сподобиться достойно, со слезами по Богу, причащаться божественныхъ таинъ, ни возъимѣть чистое сердце, ни достигнуть того, чтобы вселился въ насъ Духъ Святый, осязательно для чувства нашего, ни удостоиться узрѣть Бога, какъ Его узрѣвали святые, ни въ сей жизни, ни въ будущей.

Намъ же съ вами даруй, Господи, паче и паче очищаться покаяніемъ, и когда очистимся, сподоби узрѣть Бога. Ибо, которые отходятъ изъ сей жизни безъ сихъ двухъ—безъ очищенія сердца и узрѣнія Бога, для тѣхъ сомнительно конечное рѣшеніе, имѣющее быть произ-

несено надъ ними; сомнительное же невѣрно и ненадежно. Кто не удостовѣряется въ семъ въ сердцѣ своемъ благодатію Св. Духа, тотъ, мнѣ кажется, ничѣмъ другимъ не стяжетъ уже никогда непостыдной и неколеблющейся надежды. А кто не имѣетъ такой надежды, тотъ чѣмъ другимъ можетъ быть восхищенъ вмѣстѣ съ святыми на воздухъ въ срѣтеніе Господа? И чѣмъ другимъ возжетъ онъ тогда свѣтильникъ свой, погасшій еще здѣсь, скажи мнѣ? Скажи мнѣ, откуда тогда достать елея? И какимъ свѣтомъ зажечь свѣтильники свои? Откуда и какъ добыть тогда то и другое, чтобъ приготовиться, и сами сіяя, съ свѣтлыми свѣтильниками, срѣтить жениха Христа? Тотчасъ, какъ только возстанемъ мы, какъбы отъ сна, какъ слышимъ отъ Божественныхъ Писаній, имѣемъ мы тепли въ срѣтеніе Господа. Итакъ, когда вострубитъ послѣдняя труба и возставитъ насъ изъ гробовъ, тогда, если души наши не окажутся отъ настоящей еще жизни возженными, подобно свѣтильникамъ, а явятся или совсѣмъ погасшими, или чуть-чуть горящими и тотчасъ имѣющими погаснуть, по слову Евангелія, гдѣ можемъ мы тогда найти елея, чтобъ возжечь свѣтильники свои совсѣмъ погашенные, или прибавить елея въ тѣ свѣтильники, которые скоро готовы погаснуть, потому что мало имѣютъ елея? Тогда нигдѣ ничего уже не возможемъ найти. Почему позаботимся отселѣ свѣтло возжечь свѣтильники свои, посредствомъ покаянія и слезъ, чтобъ, по воскресеніи, свѣтло сіяя, свѣтло срѣтить намъ жениха Христа и вмѣстѣ съ Нимъ внити въ царство небесное и получить вѣчныя блага,—каковыя когда бы сподобились получить всѣ мы, силою Христа Бога нашего,—Коему подобаетъ всякая слава, честь и поклоненіе, со Отцемъ и Святымъ Духомъ, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ! Аминь.

СЛОВО СЕМЬДЕСЯТЪ ШЕСТОЕ.

Надлежитъ соблюдать и держать спасительный постъ не въ первую только недѣлю св. Четыредесятницы, но и во всѣ прочія.

Что имѣю я сказать любви вашей нынѣ, то слѣдовало бы сказать въ прошедшее воскресенье. Но какъ я зналъ, что въ первую седмицу Четыредесятницы всѣ почти христіане съ радостію и великимъ усердіемъ держатъ добрый и спасительный постъ, всякій охотно возлагаетъ на выю свою иго его, и ни одного не найдешь даже изъ такихъ, которые, не чая себѣ спасенія, проводятъ жизнь свою въ безстрашіи и нерадѣніи о богоугожденіи, который бы не соблюдалъ закона поста въ эту недѣлю и не хранилъ воздержанія вмѣстѣ съ другими христіанами, сколько это ему подъ силу, то и рѣшилъ до-нынѣ отложить бесѣду мою съ вами о пощеніи въ прочія недѣли Великаго поста.

Всѣ христіане, какъ я сказалъ, подвизаются въ первую великопостную седмицу. Но, какъ въ субботу празднуемъ мы преславное избавленіе отъ осквернения, бывшее христіанскому народу чрезъ посредство св. великомученика Ѳеодора Тирона, а въ воскресенье творимъ праздникъ въ воспоминаніе православія и благодаримъ всеблагаго Бога славословіями и пѣснями, то въ это время лукавый діаволъ, завидующій всякому нашему добру, подходитъ тайкомъ къ каждому христіанину и, связавъ его нерадѣніемъ и лѣностію, внушаетъ отвратиться отъ св. поста, столь для насъ спасительнаго и опять вдаться въ прежніе свои злые обычаи. По сей причинѣ, я и напоминаю вамъ нынѣ и прошу любовь вашу, отнюдь не слушайте врага нашего діавола, не начинайте слѣдовать опять злому навыку нена-

сытнаго чревонеистовства и не возвращайтесь болѣе къ удовлетворенію недобрыхъ пожеланій, коимъ удовлетворяли прежде столь долгое время; но какъ почтили мы первую недѣлю Великаго поста сего, такъ да почтимъ и вторую, а потомъ послѣдовательно и всѣ прочія.

Да, братія мои возлюбленные, пожалѣемъ себя самихъ и не попустимъ себѣ сгубить въ наступающую седмицу, что собрали въ прошедшую. Напротивъ надлежитъ намъ паче поревновать о томъ, чтобъ къ стяжанному прежде приложить и другое что, а не разбрасывать злѣ, что прежде уэкономили добрѣ. Для того воспоминай каждый, сколь великую доставилъ ему пользу постъ, и сколь великую благодать получилъ онъ отъ Бога въ эти немногіе дни первой недѣли, и возгрѣвай тѣмъ ревность на дальнѣйшій подвигъ поста. Постъ, какъ врачъ душъ нашихъ, у одного христіанина смиряетъ плоть, у другаго укрощаетъ гнѣвъ,—отъ одного отгоняетъ сонъ, другаго возбуждаетъ на большее добродѣланіе, — у одного очищаетъ умъ и дѣлаетъ его свободнымъ отъ злыхъ помысловъ,—у другаго вяжетъ неудержимый языкъ и страхомъ Божіимъ, какъ уздою, удерживаетъ его, не позволяя ему говорить праздныя и гнилыя слова,—а у иного не даетъ глазамъ смотрѣть туда и сюда и любопытствовать, что дѣлаетъ тотъ или другой, но всякаго располагаетъ внимать себѣ самому и свои собственные разсматривать грѣхи и недостатки. Постъ мало-по-малу утончаетъ грѣховный покровъ, лежащій на душѣ и разсѣиваетъ мысленный мракъ ея, какъ солнце разсѣиваетъ туманъ. Постъ дѣлаетъ насъ способными зрѣть умно духовный воздухъ, въ коемъ всегда сіяетъ умное солнце правды, Господь нашъ Іисусъ Христосъ. Постъ, взявъ въ помощники себѣ бдѣніе, отгоняетъ ожестѣніе сердца, и изъ того, кто

прежде былъ ядца и пійца, извлекаетъ потоки слезъ сокрушенія,—что позаботимся, прошу васъ братія, возъимѣть и всѣ мы. Ибо если придемъ въ сокрушеніе, то, съ помощію благодати Божіей, легко избавимся отъ всякаго мятежа страстей и отъ бури вражескихъ искушеній,—и достигнемъ безмятежной пристани безстрастія.

Это, братія мои, не достигается въ одинъ день или въ одну недѣлю, но исправляется, съ помощію благодати Божіей, болѣе или менѣе продолжительное время, трудомъ и потомъ, смотря по ревности и усердію каждаго, также смотря по мѣрѣ его отрѣшенія отъ всего видимаго и мысленнаго, и еще смотря по горячности его покаянія и непрестаннаго умнаго дѣланія, т.-е. умной молитвы, непрестанно движущейся во глубинѣ сердца его. Вотъ какъ исправляется сіе, - у одного скорѣе, у другаго медленнѣе.

Безъ поста никто никогда не можетъ исправить ничего изъ того, о чемъ я сказалъ,—не можетъ преуспѣть и ни въ какой другой добродѣтели; ибо постъ есть начало и основаніе всякаго духовнаго дѣланія. Какія добродѣтели ни наздашь ты на основаніи поста, всѣ онѣ будутъ непоколебимы и непотрясаемы, какъ назданныя на твердомъ камнѣ. А когда примешь это основаніе, т.-е. постъ, и на мѣсто его положишь насыщеніе чрева и другія неумѣстныя пожеланія, тогда всѣ добродѣтели будутъ потрясены и разнесены отъ худыхъ помысловъ и отъ потока страстей, какъ песокъ разносится вѣтромъ, — и все зданіе добродѣтели рушится. Итакъ, чтобъ не случилось этого и съ нами, будемъ съ радостію стоять на твердомъ основаніи поста, будемъ стоять, добрые братія мои, будемъ стоять со всѣмъ нашимъ желаніемъ. Ибо кто принужденно отъ другихъ взойдетъ на камень поста безъ собственнаго желанія, тотъ не устоитъ, но будетъ сдвинутъ съ сего основанія по-

хотѣніемъ и низринется въ тайнояденіе, начавъ ѣсть скрытно; начавшій же ѣсть скрытно пожренъ будетъ злымъ діаволомъ.

Постъ есть законъ и повелѣніе Бога, и тѣхъ, которые преступаютъ сей законъ Божій, беретъ въ свою власть первый преступникъ воли Божіей діаволъ и мучитъ ихъ, какъ тиранъ. Хотя это не тотчасъ случается, потому что Богъ долготерпитъ на насъ, ожидая покаянія нашего, однакоже всячески не убѣжимъ отъ рукъ сего врага нашего, въ сей ли жизни или въ будущей, если пребудемъ во грѣхѣ и не покаемся. Ибо если пребудемъ въ такомъ состояніи (тайнояденія), то осуждены будемъ праведнымъ судомъ Божіимъ на вѣчныя мученія вмѣстѣ съ діаволомъ; потому что отъ людей хоть и укроемся и можемъ дѣлать это скрытно, но отъ Владыки нашего и Бога никакъ не укроемся: Онъ и воздастъ намъ по дѣламъ нашимъ. Будемъ же, братія мои, всевозможно блюстись не только отъ тайнояденія, но и отъ насыщенія яствами, предлагаемыми на трапезѣ. Ей,—такъ творите, прошу васъ.

Вспомните прошедшую святую недѣлю, посмотрите на пользу, принесенную постомъ, въ союзѣ съ бдѣніемъ, молитвою, псалмопѣніемъ. Какое у всѣхъ было сокрушеніе, какое благоговѣніе и безмолвіе! Въ ту недѣлю всѣ христіане мнѣ казались не человѣками, а Ангелами; потому что я не слыхалъ тогда никакого другаго слова, кромѣ славословія, которое возсылали всѣ вы къ Богу,—что есть дѣло Ангеловъ. Вѣрую, что какъ вы творили дѣло Ангеловъ, такъ и Ангелы вращались среди васъ невидимо и пѣли вмѣстѣ съ вами. Не отдѣляйтесь же отъ сообращенія Ангеловъ чрезъ свое многословіе и празднословіе, и своими безчинными гласами и безмѣрными криками не отгоняйте отъ себя Ангеловъ и не приближайте къ себѣ демоновъ, но всякій да

внимаетъ себѣ самому, занимаясь своимъ рукодѣліемъ и исполняя свое послушаніе, какъ бы находился предъ лицемъ Бога. Не оставляйте, братія мои, церковныхъ службъ и чтенія Божественныхъ Писаній,—и одинъ другаго побуждайте на это. Ибо какъ за обычною трапезою вещественною мы побуждаемъ ѣсть сидящихъ близъ насъ и любимыхъ нами, такъ и на этой духовной трапезѣ, питающей души наши, долгъ имѣемъ мы, внимая сами, и братій нашихъ побуждать внимать, чтобъ не быть осужденными отъ Бога, какъ не любящіе другъ друга, и не потерять полученной нами чести быть учениками Христа, Который такъ говоритъ во святомъ Евангеліи: *о семъ разумѣютъ вси, яко Мои ученицы есте, аще любовь имѣете между собою* (Ін. 13, 35). Кто не понуждаетъ друга своего ѣсть на вещественной трапезѣ, тотъ нерѣдко большую ему доставляетъ пользу; но кто не побуждаетъ друга своего къ духовной трапезѣ, т.-е. къ слушанію божественныхъ словесъ, тотъ причиняетъ ему большой вредъ. Ибо насыщеніе вещественными яствами растлить и повредитъ можетъ и душу и тѣло, а то, что говорится святыми на чтеніяхъ, просвѣщаетъ умъ, освящаетъ душу, а чрезъ нее передаетъ освященіе и тѣлу, дѣлая его болѣе здоровымъ и крѣпкимъ.

Внимай же всякій чтенію, потому что словеса святыхъ суть словеса Божіи, а не человѣческія; влагай ихъ въ сердце и блюди добрѣ, потому что словеса Божіи суть словеса жизни, и тотъ, кто имѣетъ ихъ въ себѣ и хранитъ, имѣетъ животъ вѣчный. Когда сидимъ за трапезою, на которой предлежатъ разныя яства, думаю, никто не зѣваетъ и не дремлетъ, но всякій заботится не только поѣсть достаточно, но и съ собою взять на завтрашній день, или чтобъ дать что друзьямъ или бѣднымъ; а когда читаются словеса Божіи, жизнь

дающія и дѣлающія безсмертными тѣхъ, кои питаются ими, скажи мнѣ, прошу тебя, прилично ли кому-либо дремать и даже засыпать, уподобляясь живому мертвецу? О нерадѣніе! о нечувствіе! о потеря! Тотъ, кто, сидя за обычною трапезою, не имѣетъ желанія ѣсть предлежащія на ней яства, очевидно, нездоровъ.—Такъ и тотъ, кто, слушая божественное чтеніе, не принимаетъ въ душу свою божественныхъ оныхъ словесъ съ услажденіемъ и полнымъ удовольствіемъ, и не насыщаетъ мысленно всѣхъ своихъ чувствъ сладостію ихъ, боленъ есть вѣрою, голоденъ духовными дарованіями, и умираетъ отъ духовной алчбы и жажды, при всемъ томъ, что окруженъ всякими благами. Какъ мертвый, когда его омываютъ водою, ничего не чувствуетъ, такъ и духовно мертвый, будучи орошаемъ живоносными и божественными токами слова, не чувствуетъ того духомъ своимъ.

Итакъ, вы, которые имѣете въ себѣ слова жизни, которые достигли до вкушенія сего хлѣба слова животнаго, которые не мертвы, но возстали изъ мертвыхъ, вкусили истинной жизни и стяжали утробы щедротъ къ ближнимъ своимъ, не переставайте понуждать, умолять и убѣждать братій своихъ, если возможно, всѣхъ, чтобъ внимали чтенію; нерадивыхъ же обличайте и укоряйте, какъ собственные свои члены, или лучше сказать члены Христовы, не да скорбь имъ причините, но да избавите отъ гнѣва негодованія отеческаго,—не да вредъ какой имъ причините, но да попользуете ихъ премного, располагая ихъ исполнять волю и повелѣніе Бога и Отца ихъ. Если будете такъ поступать, если каждый изъ васъ будетъ побуждать брата своего къ любви и добрымъ дѣламъ, то всѣ мы скоро востечемъ на высоту добродѣтелей и исполнимъ всѣ заповѣди Христовы,—за что сподобимся всѣ вмѣстѣ получить и царствіе не-

бесное во Христѣ, Богѣ нашемъ, Коему подобаетъ всякая слава, честь и поклоненіе, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

СЛОВО СЕМЬДЕСЯТЪ СЕДЬМОЕ.

О воздержаніи и терпѣніи въ дѣланіи добродѣтелей, требуемомъ временемъ поста, и о молчаніи; и о томъ, какъ истинно подвизающимся должно проводить все время поста.

Будучи немощенъ и душею и тѣломъ отъ злаго моего и нерадиваго произволенія, желалъ бы я молчать и внимать только себѣ самому, помышляя о собственномъ своемъ состояніи, пока побѣжду волю плоти и подчиню ее душѣ, и получу совершенный миръ въ Духѣ Святомъ, бывъ освобожденъ Имъ отъ тяготы земнаго и вещественнаго мудрованія и введенъ въ пристань блаженнаго упокоенія. Но поелику избранъ я вами быть главою святаго тѣла вашего, т.-е. настоятелемъ вашимъ, то нужда мнѣ належитъ подвигать васъ на всякое добро, утѣшаясь надеждою, что вы, содѣвая собственное свое спасеніе, молитвами своими и молитвами моего духовнаго отца, и отца вашего, сохраните и спасете и меня, немощнаго душею. Почему, не имѣя силъ отверзть уста мои, черезъ силу написалъ я настоящее слово мое въ нѣкое напоминаніе братству вашему, прося и умоляя васъ, какъ истинныхъ рабовъ Христовыхъ и искреннихъ братолюбцевъ, молиться о мнѣ бѣдномъ, да буду спасенъ и я вмѣстѣ съ вами и, шествуя путемъ заповѣдей Божіихъ, да спребуду выну съ вами, возлюбленными моими братіями.

Итакъ умоляю васъ во Христѣ Іисусѣ, внимайте себѣ самимъ, и каждый изъ васъ да *мудрствуетъ въ цѣ-*

ломудріи и да *не мудрствуетъ паче, еже подобаетъ мудрствовати* (Рим. 12, 3). Не смотрите на мою нерадивую жизнь, но соблюдайте заповѣди Господа нашего Іисуса Христа, Коему, яко праведному и неложному Судіи, имѣемъ мы отдать отчетъ во всемъ, что ни дѣлаемъ. Дайте мнѣ, прошу, такое похваленіе, да хвалюся, что я одинъ падши по нерадѣнію моему во глубины ада, воззвалъ великимъ гласомъ и освободилъ васъ отъ сѣтей діавола. Хотя мнѣ надлежитъ оплакивать собственное свое нерадѣніе, но я ищу удовольствіе видѣть васъ парящими высоко, выше всѣхъ сѣтей вражескихъ. Соблюдайте же, возлюбленные, неопустительно всѣ заповѣди Христовы, да *спасетесь, аки серна отъ тенетъ, и яко птица отъ сѣти* (Прит. 5, 5).

Первая заповѣдь есть, да любимъ отъ всей души Бога и другъ друга, какъ Богъ возлюбилъ міръ. Истинная же любовь къ Богу и ближнему познается, когда кто имѣетъ слѣдующія качества: не гордится, не завидуетъ брату своему, но подражаетъ добру, которое видитъ въ другомъ, дѣлая и самъ тоже; не ищетъ одеждъ красивыхъ, а только потребныхъ; не ропщетъ, не шутитъ и не смѣется, и не споритъ ни о чемъ, ни о большемъ ни о маломъ; не насыщается не только яствами и сластями, но даже и водою, особенно въ настоящіе святые дни поста, въ которые искренно и съ болѣзнію сердечною кающійся получаетъ отъ Бога прощеніе грѣховъ, надѣланныхъ въ продолженіе всего года. Извѣстно вамъ, какъ теплота покаянія и горячесть слезъ оныхъ, исходящихъ изъ самой глубины сердца, испаряютъ и сожигаютъ, какъ огнь, всю грѣховную скверну и душу оскверненную ею дѣлаютъ совершенно чистою; и не только это, но душа при семъ получаетъ еще богатое осіяніе божественнаго свѣта, благодатію

Духа Святаго, преисполняется милостію Божіею и благими плодами.

Сей постъ постараемся держать, возлюбленные братія мои, и въ настоящую пятую недѣлю св. Четыредесятницы и въ слѣдующіе дни великой седмицы, прилагая каждодневно усердіе къ усердію, тщаніе къ тщанію, пока достигнемъ Господня дня св. Пасхи, освященные душею и тѣломъ. Почти уже протекли мы и эту пятую седмицу благодушно и съ теплымъ усердіемъ; ибо я увѣренъ, что вами не было забываемо ни одно свойственное посту доброе дѣло, но что вы и всенощныя пѣснопѣнія совершали со всѣмъ вниманіемъ, и воздержаніе соблюдали всестороннее держа его съ великимъ терпѣніемъ и благодушіемъ и довольствуясь одними овощами и зеліями, предлагаемыми на трапезѣ. Знаю, что нѣкоторые изъ васъ сидятъ между нами за трапезою съ сердцемъ сокрушеннымъ и смиреннымъ, и не вкушаютъ даже этихъ скудныхъ яствъ трапезы, но осуждаютъ себя, яко недостойныхъ и такой пищи, а потомъ непрестанно внимаютъ себѣ и рукодѣлію своему, являя несмѣлую бездерзновенность съ молчаніемъ, въ душѣ же бывъ преисполнены умиленія, слезъ, молитвъ, моленій и трудовъ духовныхъ, вслѣдствіе чего, при частыхъ колѣнопреклоненіяхъ, они измѣнились добрымъ измѣненіемъ и стяжали подвижническій прекрасный зракъ.

Теперь, поелику мы скоро имѣемъ оставить подвигъ поста въ приближающіеся дни Пасхи, то потщимся, прошу, и въ остающіеся до того дни, особенно же въ святую страстную недѣлю, строжайше блюсти законъ добрѣйшаго поста, держа и въ это время такой же подвигъ, какъ и въ прошедшіе дни. Намъ потребно великое вниманіе и великое тщаніе, чтобъ не проводить дни жизни нашей, какъ проводятъ ихъ нѣкоторые

нерадивцы. И сами вы знаете, что иные, какъ только пройдетъ первая недѣля, думаютъ, что уже и вся четыредесятница прошла,—и объ этомъ они кричатъ явно и между собою и предъ другими. Но и въ отношеніи къ намъ есть страхъ и страхъ великій, не подумалось бы и намъ тоже, не начали бы и мы говорить между собою тоже, что говорятъ и они, и не явиться бы намъ такимъ образомъ презрителями и нарушителями обѣта своего. Ибо намъ, отрекшимся отъ міра и умершимъ ему, и посвятившимъ себя всецѣло Христу, данъ законъ строгаго воздержанія не на настоящее только время поста, но и на все время жизни нашей, въ которое все неотложно должны мы хранить воздержаніе. И какъ не сознавать намъ, что на насъ лежитъ долгъ воздержанія во все время жизни нашей, когда мы обѣщались и алкать, и жаждать, и наготствовать, и всячески злострадать,—и все это терпѣть съ великою радостію,—особенно теперь, во время святой четыредесятницы? Если не хотимъ такимъ образомъ проводить все время жизни своей, а хотимъ всегда ѣсть и пить вдоволь, смѣяться, шутить, празднословить, спорить, то какое будемъ имѣть различіе отъ невѣрныхъ и язычниковъ? Поистинѣ никакого: даже мы явимся худшими ихъ. Язычникамъ мы бываемъ подобны, когда заботливо ищемъ хлѣба, вина, одежды; кому же дѣлаемся мы подобными, когда дѣлаемъ сказанныя дѣла, которыя гораздо срамнѣе и хуже этого? Всеконечно на насъ исполнится тогда то, что говоритъ пророкъ Давидъ: *приложися скотомъ несмысленнымъ и уподобися имъ* (Пс. 48, 13). Послушаемъ, братія мои, Бога, Который учитъ насъ во святомъ Евангеліи: *не пецытеся глаголюще: что ямы, или что піемъ, или чимъ одеждемся. Ищите же прежде царствія Божія и правды его, и сія вся приложатся вамъ* (Мѳ. 6, 31. 33). И чтобы кто не сказалъ: а если

Богъ запоздаетъ дать потребное, и мнѣ нечего будетъ поѣсть, что тогда дѣлать? Онъ присовокупилъ, *воззрите на птицы небесныя, яко ни сѣютъ, ни жнутъ, ни собираютъ въ житницы, и Отецъ вашъ небесный питаетъ ихъ.* И затѣмъ сказалъ: *не вы ли паче лучше ихъ есте?* (Мѳ. 6, 26). И опять, чтобъ мы не малодушествовали и не роптали изъ-за пищи и питія, Онъ всѣмъ возвѣщаетъ: *блажени алчущіи нынѣ, яко насытитеся* (Лк. 6, 21). Итакъ, если ты вѣруешь во Христа и исповѣдуешь, что Онъ истиненъ есть и неложенъ, то никогда не будешь алкать или жаждать. Если нечего тебѣ ѣсть и пить, и ты попросишь у келаря хлѣба, или вина, или другаго чего съѣстнаго, а онъ не дастъ тебѣ, будучи, можетъ быть, занятъ какимъ дѣломъ, вспомни тогда слова Господа и скажи: алчу я и жажду, но терпя потерплю Господа, и Онъ сотворитъ по немощи моей и не оставитъ меня,—и потерпи, брате мой,—и великую будешь имѣть награду у Бога. И во всѣхъ другихъ искушеніяхъ, случающихся съ тобою, поступай такимъ же образомъ,—и будешь ты великъ въ настоящей жизни и въ будущей сопричислишься къ святымъ мученикамъ. Сколько есть бѣдныхъ христіанъ, братія мои, которые лежатъ въ какомъ нибудь углѣ, и желаютъ иной разъ немного холодной воды, и той не имѣютъ,—и между тѣмъ благодарятъ Бога, а не негодуютъ и не произносятъ никакого хуленія! А мы, по милости Божіей, имѣемъ все потребное для тѣла неоскудно, и даже съ излишкомъ. Если теперь тотъ, кто, ничего не имѣя, ропщетъ, осуждается, что не имѣетъ терпѣнія; то,—когда при имѣніи всего вдоволь, иной, чтобъ не потерпѣть малаго въ чемъ либо лишенія, споритъ, бранится и говоритъ слова хульныя,—будетъ ли достоинъ какого либо прощенія такой? Знаю, что, говоря сіе, я осуждаю себя самого и слова мои будутъ мнѣ въ обли-

ченіе; впрочемъ прошу, да будетъ сіе и для васъ нѣкіимъ напоминаніемъ.

Итакъ. какъ провели вы прошедшіе дни поста со всякимъ усердіемъ и тщаніемъ, такъ, прошу, постарайтесь провести и всю святую Четыредесятницу, воспоминая добрый образъ жизни своей, и доброе свое поведеніе, и благоговѣйнство, и смиреніе, и молчаніе, и усердіе къ богослуженію и къ рукодѣлію. Ей, прошу васъ, не забудьте страсте - истребительнаго поста, и очистительнаго воздержанія, и не допустите себя, братія мои, до вознерадѣнія о нихъ даже малѣйшаго. Но хотя и случится, что въ иной день перемѣнять яства и вамъ представится случай получить нѣкое утѣшеніе, вы не измѣняйте своего намѣренія и держите свое правило воздержанія непоколебимымъ и непреложнымъ. Когда же поѣдите больше обыкновеннаго, то постарайтесь и въ дѣлѣ Божіемъ побольше потрудиться, чтобъ не была для васъ эта пища, вмѣсто благодаренія и пользы, причиною вознерадѣнія и великаго вреда Внимайте же и поститесь, братія мои, какъ я сказалъ вамъ, и слѣдующую недѣлю, какъ прошедшія, ведите себя со страхомъ Божіимъ, не оставляйте послушанія и рукодѣлія своего, и не блуждайте туда и сюда, подчиняясь демону унынія. Если кто изъ васъ, проходя откуда-нибудь, найдетъ другаго брата стоящимъ, или сидящимъ праздно, пусть поскорѣе пройдетъ мимо, сдѣлавъ ему обычный поклонъ. Можетъ быть, отъ этого праздный тотъ придетъ въ чувство, раскается. устыдится и самъ собою пойдетъ на дѣло свое. Поступая такъ, вы и сами избѣжите осужденія въ праздности и празднословіи.

Не слышали развѣ, что блаж. Зосима, написавшій повѣствованіе о жизни преподобной Маріи Египетской, говоритъ о св. отцахъ того монастыря, въ который привело его особенное указаніе Промысла Божія? Какъ они

выходили изъ монастыря и всю Четыредесятницу проводили въ пустынѣ, никогда не встрѣчаясь другъ съ другомъ, а когда случайно замѣчалъ кто кого издали, тотчасъ убѣгая отъ него? Они и желанія не имѣли встрѣтиться съ кѣмъ либо изъ своихъ въ пустынѣ, и возвратясь въ монастырь, не спрашивали другъ друга, что кто видѣлъ, или что дѣлалъ въ пустынѣ, и вообще такъ держали себя въ отношеніи другъ къ другу, какъ бы были странніи и пришельцы и иного языка люди. И я думаю, что они такъ поступали не по чему другому, какъ потому, что тщательно внимали, какъ бы не изошло праздное слово изъ устъ ихъ. Итакъ, если отцы тѣ столько дней и столько лѣтъ проводили, не заводя бесѣдъ между собою, то что сказать объ насъ, которые и въ немногіе дни св. Четыредесятницы не можемъ уберечься отъ собесѣдованій и празднословія? И что я говорю,—дни? мы не можемъ удержать себя отъ этого даже на одинъ часъ. И что будетъ намъ, добрые мои братія, если, когда мы находимся въ такомъ жалкомъ состояніи, внезапно явится Судія всѣхъ Богъ, Который въ день суда взыщетъ отчета въ каждомъ праздномъ словѣ?—Если мы и языка своего не умѣемъ удержать, то какъ возможемъ преодолѣть прочія страсти? Какая другая страсть, скажи мнѣ, легче этой? Плоть имѣетъ естественное похотѣніе и жженіе, и часто поднимаетъ возстаніе противъ души и боретъ ее очень сильно. Чрево естественно желаетъ насыщеннымъ быть яствами, потому что для того и создано. О языкѣ же ничего такого сказать нельзя. Итакъ, если мы не можемъ пресѣчь злаго навыка языкоболія, что для насъ очень удобно и легко, то какъ возможемъ одолѣть другія страсти болѣе сильныя и упорныя, которыя опираются на естествѣ нашемъ и состоятъ въ союзѣ съ похотію и сластію грѣховною?

Положимъ же, братія мои, отнынѣ съ общаго согласія

закономъ для себя, чтобъ, коль скоро найдутся двое стоящими праздно безъ дѣла и ведущими безполезные и суетные разговоры, то имъ въ тотъ день не давать ѣсть ничего кромѣ сухаго хлѣба съ солью и водою, которые они и пусть съѣдаютъ, стоя на послѣднемъ мѣстѣ въ трапезѣ. Имѣя такой законъ,—неотложный,—вы убережетесь отъ празднословія и шутокъ, а чрезъ это и угодите Богу, ради Его положивъ храненіе устамъ своимъ и дверь огражденія о устнахъ своихъ,—и мнѣ недостойному отцу вашему доставите великое утѣшеніе, радости исполнивъ душу мою, и своимъ собственнымъ душамъ доставите великую пользу, пріучая себя, любви ради Божіей, къ такому доброму образу жизни и такому дивному обычаю, потомъ будете достойно прославлены и восхвалены всѣми людьми, и Богъ чрезъ васъ славимъ будетъ, что вы въ такомъ нынѣшнемъ родѣ оказались подражателями древнихъ св. отцевъ; что, какъ думаю, не легко найти въ наши времена, и въ этихъ мѣстахъ, гдѣ мы теперь находимся, и среди монаховъ, и въ монастыряхъ, какіе видимъ и о коихъ слышимъ.

Почему умоляю васъ, отцы мои святые и рабы Христовы, не преслушайте словъ отца вашего недостойнаго, почетши ихъ словами пустыми; ибо хотя я немощенъ и исполненъ безчисленныхъ грѣховъ, однакожъ сами вы видите, что я не совѣтую вамъ ничего такого, чего не требовали бы заповѣди Божіи и что не предписывалось бы Божественнымъ Писаніемъ. Положите же доброе начало, — чѣмъ и мнѣ придадите нѣкое оживленіе, когда святыми вашими молитвами и я пробуждусь отъ сна, протру очи свои, умою лице свое и прогоню глубокій сонъ лѣности. А я вмѣсто этого добра, которое вы сдѣлаете для меня, ничтожнаго слуги вашего, воздамъ вамъ воздаяніе, хотя не какъ подобаетъ, но насколько силъ достанетъ, душеспасительными словами, которыя вложитъ благодать

Божія въ отверстіе нечистыхъ устъ моихъ. Ей, братія мои, умоляю васъ, не презрите прошенія моего, но какъ дали вы мнѣ позволеніе держать предъ вами слово,— мнѣ полумертвому и почти безгласному, такъ отдайте мнѣ и волю вашу, чтобъ чрезъ отсѣченіе воли вашей вы явили подвигъ мучениковъ и страстотерпцевъ Христовыхъ, а я отнынѣ большую воспріялъ готовность предать и душу мою и тѣло на вольную за васъ смерть. Что да сбудется надо мною, да сподоблюсь я пострадать и умереть за братій моихъ и съ такимъ напутствіемъ да отыду въ другую жизнь, по Христѣ Іисусѣ Господѣ нашемъ, Коему слава и держава, со безначальнымъ Отцемъ, и всесвятымъ животворящимъ Духомъ, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

СЛОВО СЕМЬДЕСЯТЪ ОСЬМОЕ.

1) Кто таковъ тотъ, кто кается, и какое дѣланіе его?

2) Если не стяжемъ добродѣтелей, то никакой не принесетъ намъ пользы свобода отъ страстей.

3) Кто таковы тѣ, которые работаютъ Богу, каковы дѣла ихъ, и почему можно распознать ихъ?

1) Поелику мы думаемъ, что христіане есмы, по тому одному, что приняли божественное крещеніе, хотя не дѣлаемъ дѣлъ христіанскихъ; поелику думаемъ такъ, что мы—вѣрные, такъ какъ вѣруемъ во Отца, Сына и Св. Духа и въ воплощенное домостроительство Господа нашего Іисуса Христа, и такимъ образомъ просто по привычкѣ говоримъ, что мы рабы Божіи и, пиша къ другимъ письма, помѣщаемъ это въ подписи: рабъ Божій такой-то, не зная, можетъ быть, что такое рабъ Божій, и кто есть, и кто достоинъ именоваться рабомъ Божіимъ: то я рѣшился растолковать это слово и показать: кто таковы рабы Божіи и изъ чего познаются, и каковы дѣла,

дѣлаемыя ими для Бога, чтобы всякій по дѣламъ своимъ могъ опредѣлительно познать, кому угождаетъ онъ дѣлами своими и кому работаетъ, и уразумѣлъ, кому угождалъ и кому служилъ доселѣ, дабы не случилось иному почитать себя рабомъ Господа, тогда какъ онъ работаетъ себѣ самому.

И слово мое — не къ мірянамъ, которые живутъ въ мірѣ и имѣютъ женъ,—ибо Апостолъ явно говоритъ: *неоженивыйся печется о Господнихъ, како угодити Господеви, а оженивыйся печется о мірскихъ, како угодити женѣ* (и міру) (1 Кор. 7, 32. 33), но къ тѣмъ, которые удалились изъ міра и отъ мірскихъ дѣлъ самоохотно, и вступивъ на поприще покаянія, подвизаются въ монашескомъ житіи, т.-е. къ новоначальнымъ монахамъ и къ пребывающимъ долгое уже время въ монашествѣ, которые думаютъ, что Господу работаютъ и надѣются оправдаться дѣлами своими. Ибо нѣкоторые изъ нихъ не внимаютъ свѣту Божественныхъ Писаній, но всегда ходя внѣ онаго и находясь во тьмѣ своихъ лукавыхъ помышленій, не знаютъ, что есть многое и великое различіе между тѣми, кои каются, и тѣми, кои подвизаются въ добродѣтели, и тѣми, кои работаютъ Господу. Тѣ, которые каются въ злыхъ дѣлахъ своихъ, ищутъ получить прощеніе въ грѣхахъ своихъ, каковы— мытарь, блудница, Ап. Петръ, который, отъ страха трижды отрекшись Христа, потомъ горько плакалъ, и другой кто-либо, какъ блудный сынъ, злѣ иждившій отцовское наслѣдіе съ блудницами и мытарями. Такіе и подобные имъ не называются работающими Господу; но они, бывъ врагами Богу, виновными предъ Нимъ, только еще примиряются теперь съ Нимъ, посредствомъ покаянія и исповѣди. Опять тѣ, которые упражняются въ дѣланіи добродѣтелей, всеусердно подвизаются въ томъ чтобъ, послѣ покаянія, побѣдить

страсти,—т.-е., показавъ съ великимъ тщаніемъ и ревностію покаяніе въ прежнихъ своихъ грѣхахъ, подвизаются еще стяжать утвержденіе въ себѣ добродѣтелей вмѣсто страстей, какія имѣли прежде. Тотъ, кто кается, тому свойственны слѣдующія дѣланія: онъ сокрушается, плачетъ, постится, лишаетъ себя сна, спитъ на голой землѣ, охотно всѣмъ служитъ и переноситъ всякія непріятности и скорби, помышляя всегда о грѣхахъ своихъ,—и какъ почитаетъ себя достойнымъ великаго наказанія, безъ смущенія претерпѣваетъ все, случающееся съ нимъ, чтобъ получить прощеніе грѣховъ такимъ терпѣніемъ своимъ.

2) Тотъ опять, который подвизается не о томъ (только еще), чтобы получить прощеніе грѣховъ своихъ, но уже о томъ, чтобъ побѣдить страсти, также дѣлаетъ все сказанное и гораздо еще большее того, и съ радостію пріемлетъ всякую находящую скорбь, и если не приходитъ ничто скорбное, самъ себя оскорбляетъ, но при этомъ еще всеусильно старается проходить всякое доброе дѣланіе, о которомъ слышитъ, что его проходили древніе отцы, или видитъ, что его проходятъ отцы, живущіе съ нимъ, чтобы разными добродѣтелями и добрыми дѣяніями изгладить многія и разныя страсти, чрезъ кои пріобрѣтаютъ власть надъ нами демоны, и совсѣмъ изгнать ихъ изъ души, а вмѣсто этихъ страстей усокровиществовать внутри себя добродѣтели со всею ревностію души своей. Ибо если не восподвизается онъ стяжать добродѣтели, то не будетъ имѣть полнаго успѣха въ искорененіи страстей, хотя и можетъ успѣть утомить ихъ до значительной степени. Не тотъ достоинъ похвалы, кто не лихоимничаетъ, но кто еще и милуетъ; не тотъ уже и спасенъ, кто цѣлымъ сохранилъ данный талантъ, т.-е. данный ему даръ благодати, но тотъ, кто и умножилъ его; не тотъ ублажается, кто удаляется отъ зла, но тотъ, кто

и добро дѣлаетъ; не тотъ любовь свою къ царю являетъ, кто не входитъ въ согласіе съ врагами его, но тотъ, кто и вооружается противъ нихъ и противовоюетъ имъ по любви къ царю. Объ этомъ свидѣтельствуетъ самъ Владыка нашъ Христосъ, когда говоритъ: *иже нѣсть со Мною, на Мя есть; и иже не собираетъ со Мною; расточаетъ* (Мѳ. 12, 30). Этимъ словомъ Онъ ясно показываетъ, что кто всякимъ образомъ и со всѣмъ усердіемъ не соблюдаетъ заповѣдей Его, не стяжаваетъ добродѣтелей посредствомъ исполненія сихъ заповѣдей, и не преуспѣваетъ чрезъ то паче и паче въ исправленіи сердца, а только воздерживается, какъ ему кажется, отъ злыхъ дѣлъ, въ добродѣтеляхъ же не пребываетъ долгое время, но, предаваясь нерадѣнію въ исполненіи заповѣдей Божіихъ, пресѣкаетъ нѣкоторымъ образомъ собираніе сихъ добродѣтелей; тотъ не можетъ сохранить даже того добра, которое, какъ ему думается, имѣетъ, но чрезъ недѣланіе заповѣдей теряетъ и его. Это именно и показываетъ слово Господа: *иже не собираетъ со Мною, расточаетъ.*

Въ житейскихъ дѣлахъ не всегда бываетъ такъ, чтобы кто не собираетъ, а сидитъ бездѣйственно, уже и расточалъ; но въ дѣлахъ духовныхъ всегда такъ бываетъ. Ибо Писаніе Божественное того, кто не дѣлаетъ добра, почитаетъ грѣшникомъ и объявляетъ, что онъ осужденъ будетъ, когда говоритъ: *вѣдущему добро творити и не творящему, грѣхъ ему есть.* И опять: *проклятъ человѣкъ, творяй дѣло Божіе съ небреженіемъ,*— чего одного достаточно къ тому, чтобы подвергнуть осужденію меня, нерадиваго и лѣниваго. Если же тотъ, кто заповѣди Господни творитъ съ небреженіемъ, проклятъ есть, не тѣмъ ли паче тотъ, кто совсѣмъ никакой не творитъ, или изъ тѣхъ, какія можетъ творить, творитъ только нѣкоторыя? Стань разсматривать сіе и

найдешь, что тоже самое бываетъ и въ мірскихъ дѣлахъ и по гражданскимъ законамъ. Ибо рабъ, который видя, какъ воры пролѣзли въ домъ господина его и окрадываютъ его, не препятствовалъ имъ и не кричалъ, а допустилъ имъ забрать все и убѣжать, осуждается господиномъ своимъ, какъ навѣтникъ и воръ, наравнѣ съ тѣми, покравшими его добро, хотя онъ и не содѣйствовалъ имъ. Да и вы сами не осудите ли такого лукаваго раба? Тоже самое всеконечно будетъ и со мною,—удерживаюсь сказать: и со всѣми вами,— если мы удерживаемся только отъ худыхъ дѣлъ, а не подвизаемся всеусильно стяжать и добродѣтели вмѣсто худыхъ навыковъ, и стяжать въ такой полнотѣ, чтобы явиться мужами совершенными достигшими въ мѣру возраста исполненія Христова, какъ заповѣдуетъ намъ св. Павелъ. И совершенно справедливо. Ибо если мы не сдѣлаемся такими, то какъ можемъ именоваться и быть рабами Господа, воинами Христовыми? Какъ можемъ стать облеченными во всеоружіе духовное, достойными зачисленія въ воинство Бога живаго и способными явиться страшными врагамъ? Нѣтъ, нѣтъ; не можемъ мы сподобиться этого.

3) Почему, когда кто постится, или бдѣнія совершаетъ, или томитъ себя алчбою и жаждою, или спитъ на голой землѣ, или слезы проливаетъ, или переноситъ поношенія и другія искушенія находящія, пусть не думаетъ, что онъ (потому самому) уже служитъ Богу, или пользуетъ такими подвигами другаго кого, но только себя самого, если терпѣливо проходитъ ихъ и особенно, если при томъ блюдетъ смиреніе и дѣйствуетъ съ духовнымъ разумомъ; ибо если не такимъ образомъ онъ проходитъ ихъ, то и себѣ самому не пріобрѣтетъ чрезъ то никакой пользы. То дѣло, которое дѣлается не съ смиренномудріемъ и духовнымъ разумомъ, каково бы оно ни было, никакой не приноситъ пользы тому, кто его дѣ-

лаетъ.—Какъ же это такъ,—спроситъ кто? – Кому угодно, тотъ можетъ найти объясненіе сему въ Божественныхъ Писаніяхъ. Я же имѣю въ намѣреніи показать только то, что ни тѣ, которые проходятъ еще покаяніе, ни тѣ, которые долгое уже время подвизались въ добродѣтеляхъ, не Господу еще служатъ, а только самихъ себя пользуютъ. И, если находите то благословнымъ, подтвердимъ слово наше примѣрами. Кто настоящіе слуги царя земнаго? Тѣ ли, которые сидятъ въ домахъ своихъ, или тѣ, которые всюду слѣдуютъ за царемъ? Тѣ ли, которые занимаются своими дѣлами, или тѣ, которые составляютъ его воинство? Тѣ ли, которые покойно въ свое удовольствіе проводятъ время въ домахъ своихъ, или тѣ, которые геройствуютъ на войнѣ. и то наносятъ раны, то сами получаютъ ихъ, убиваютъ многихъ изъ враговъ, освобождаютъ изъ плѣна братій своихъ и посрамляютъ враговъ? Золотари ли, мѣдники и каменьщики, каждодневно трудящіеся и съ трудомъ добывающіе потребное для себя и товарищей своихъ,—или военачальники, и тысяченачальники съ прочими чинами и съ многочисленнымъ воинствомъ, состоящимъ у нихъ подъ командою? Явно, что послѣдніе служатъ царю, а не первые. Золотарь, мѣдникъ и каменьщикъ, что бы ни сработали для царя, берутъ за то у царскихъ приставниковъ условленную плату и, какъ чужіе и незнакомые тамъ, опять возвращаются въ дома свои, даже не видавши царя, а не только не спознавшись и не подружившись съ нимъ. Но военачальники и прочіе чины суть слуги царя знаемые, а нѣкоторые даже и друзья ему, чрезъ которыхъ дѣлается знаемымъ и любимымъ царю и все множество воиновъ, состоящихъ подъ ними. Подобное бываетъ и между Царемъ небеснымъ и тѣми, которые служатъ Ему. Всѣ люди,—вѣрные, и невѣрные, рабы и свобод-

ные, богатые и бѣдные, іереи и архіереи, цари и начальники,—всѣ мы рабы Богу, какъ твореніе Его. Но изъ всѣхъ насъ тѣ, которые соблюдаютъ заповѣди Его съ доброю цѣлію и всеусильно, и при соблюденіи заповѣдей Его вѣру къ Нему являютъ твердую, суть благіе и вѣрные рабы Его: тѣ же, которые не отказываются служить Ему и исполнять заповѣди Его, но дѣлаютъ это съ нерадѣніемъ и лѣностію, называются рабами лукавыми и лѣнивыми; а тѣ, которые дѣлаютъ или говорятъ противное повелѣніямъ Божіимъ, суть враги Его, хотя ничтожны суть и никакой не имѣютъ предъ Богомъ силы.

Итакъ, мы, которые, послушавъ Господа, рекшаго: *иже хощетъ по Мнѣ ити, да отвержется себе, и возметъ крестъ свой и по Мнѣ грядетъ* (Мр. 8, 34),—и Апостола, сказавшаго: *не любите міра ни яже въ мірѣ* (1 Ін. 2, 15); *ибо любы міра сего вражда Богу есть;* и: *иже восхощетъ другъ быти міру, врагъ Божій бываетъ* (Іак. 4, 4), — оставили, повидимому, все и послѣдовали за Спасителемъ нашимъ Богомъ, или прямѣе сказать, оставили міръ, такъ какъ онъ препятствуетъ добродѣтели, и вступили въ монашество,—оставили нѣкоторымъ образомъ мѣсто враговъ Божіихъ, въ коемъ проживали доселѣ и рабствовали имъ добровольно,— и перешли въ область Господа нашего и Царя Христа. Но да вѣдаемъ, что мы только надѣли одежду воиновъ Христовыхъ, воинствующихъ подъ Нимъ, а еще не сдѣлались настоящими воинами; мы слуги Его еще только по одеждѣ, а не настоящіе. Какъ надѣвающіе одежду воиновъ не дѣлаются чрезъ то воинами царя; такъ и мы, говоря теперь, что сдѣлались подданными царства Христова, потому что облеклись въ монашеское одѣяніе, не говоримъ однакожъ, что чрезъ то мы сдѣлались уже и настоящими воинами Его. Ибо *оружія воинства нашего*

не плотская (2 Кор. 10, 4), но духовныя, *яко нѣсть наша брань къ крови и плоти, но къ началомъ, и ко властемъ, и къ міродержителемъ тмы вѣка сего, къ духовомъ злобы поднебеснымъ* Еф. 6, 12). Итакъ, когда облечемся во оружія свѣта, въ броню, говорю, въ шлемъ, и въ прочее, о чемъ говоритъ св. Павелъ, и возмемъ въ руки свои изощренный мечъ Духа, тогда можемъ говорить, что сдѣлались настоящими воинами, добрѣ снарядившимися къ брани.

Но разсудимъ, что дѣлаемъ мы, облекшіеся уже въ монашеское одѣяніе и вступившіе въ поприще покаянія и подвижничества.—Плачемъ? но для чего? Для того, чтобы получить отпущеніе грѣховъ нашихъ и очиститься отъ скверны, причиненныхъ намъ грѣхами. Постимся?—для того, чтобы укротить буйство и стремленія плоти нашей и сердце свое сдѣлать болѣе мягкимъ и удобосокрушительнымъ. Совершаемъ бдѣнія и поемъ псалмы?—для того, чтобъ не распложались злые помыслы, и умъ нашъ не блуждалъ туда и сюда. Молимся?—для того, чтобъ не уводилъ насъ врагъ въ мысленный плѣнъ, и мы могли со временемъ помышлять объ одномъ добромъ и полезномъ и молиться всегда и непрерывно въ сердцѣ своемъ. Въ сердцѣ сокрушаемся?—для того, чтобъ пріять радость и утѣшеніе, которыя порождаетъ сей плачъ сердечный. Одѣваемся въ смиренныя, власяныя одежды? Спимъ на голой землѣ, и большая часть изъ насъ носитъ вериги? Для чего? Для того конечно, чтобъ обуздать и укротить это тѣло буйное, чтобъ оно, не бывъ удерживаемо уздою, не бросилось подобно необузданному мулу въ стремнины, и не низвергло и себя и сѣдока своего, умъ, въ ровъ пагубы и огня вѣчнаго. Дѣлая же все сказанное, какое благо доставляемъ мы тѣмъ, которые насъ видятъ? Конечно никакого. Но если мы никакого не дѣлаемъ блага для тѣхъ, кои насъ ви-

дятъ, то тѣмъ паче ничего не дѣлаемъ мы для Бога, давшаго намъ и мудрость, и силу къ самосохраненію. Но, скажешь, мы съ благодарностію переносимъ поношенія, осужденія, скорби находящія, не позволяя оставаться въ сердцѣ и слѣду страсти, тѣмъ возбуждаемой?— Но и этимъ опять мы себѣ самимъ дѣлаемъ добро, а не другому кому. Слушай, что говоритъ Господь: *аще не отпущаете человѣкомъ согрѣшенія ихъ, ни Отецъ вашъ отпуститъ вамъ согрѣшеній вашихъ* (Мѳ. 6, 15). Удостовѣрься же, что если, когда насъ поносятъ и насмѣхаются надъ нами, или когда бьютъ по ланитамъ и оплевываютъ, или другое что оскорбительное причиняютъ намъ, мы переносимъ то съ благодарностію, отъ всей души сожалѣя о тѣхъ, которые подвергаютъ насъ такимъ искушеніямъ; то мы чрезъ то самимъ только себѣ благодѣтельствуемъ, удостоиваясь за то получить отпущеніе нашихъ предъ Богомъ согрѣшеній. Если же удержимъ при семъ въ сердцѣ страсть непріязни къ нимъ и будемъ разные употреблять способы къ отмщенію имъ, то и самимъ себѣ не стяжемъ добра, а напротивъ повредимъ, ставъ сами для себя причиной того, что грѣхи наши останутся непрощенными намъ. — Безмолвствуемъ въ келліи? Убѣгаемъ въ горы? Поселяемся въ пещерахъ? Восходимъ на столпы? — Для чего все это? конечно для того, чтобы удобнѣе убѣгать отъ того, кто какъ левъ ходитъ, страшно рыкая противъ насъ и ища кого поглотити. Но если Богъ поможетъ (ибо куда бы мы ни убѣгали, безъ Божіей помощи не можемъ избѣжать зубовъ его и его многообразныхъ сѣтей) избавиться намъ отъ этого страшнаго звѣря, и не быть пожранными отъ него, все же какъ можно будетъ намъ сказать, что мы такими дѣяніями работаемъ Господу? Для меня кажется это неблагословнымъ; полагаю, что и для васъ. Ибо гонимый врагомъ своимъ и убѣгающій

отъ него,—какъ можетъ сказать, что послужилъ тому, кто принялъ его въ домъ свой, потомъ сталъ у воротъ своихъ, чтобъ не пропустить до него врага его, и такимъ образомъ избавилъ его отъ преслѣдователя Не можетъ онъ этого сказать, никакъ не можетъ, но паче долженъ всегда благодарить его, что столько облагодѣтельствованъ имъ, бывъ избавленъ имъ отъ врага своего. Или бѣдные, милостыню просящіе и трудиться не хотящіе, или по немощи тѣла, или по привычкѣ ничего не дѣлать по лѣности, какъ могутъ сказать, что они дѣлаютъ что либо для тѣхъ, которые подаютъ имъ милостыню, или служатъ имъ, тогда какъ очевидно бѣдные получаютъ отъ милостивыхъ благодѣянія и подачи? Такъ и мы, бѣдные и во всемъ недостаточные по причинѣ прежнихъ грѣховъ своихъ, не можемъ никогда сказать, что работаемъ Богу, милующему насъ и благоутробствующему къ намъ въ бѣдномъ состояніи нашемъ. Ибо, какъ я сказалъ, всѣ мы бѣдны,—иные по причинѣ прежнихъ грѣховъ своихъ, иные по дурнымъ привычкамъ, иные по лѣности и нерадѣнію о заповѣдяхъ Божіихъ, иные по злому произволенію, иные по падкости на удовольствія, иные по невѣдѣнію Божественныхъ Писаній и невѣрію имъ, иные по гордости и потому, что имъ думается, будто имъ ничего болѣе не нужно ко спасенію души ихъ,—и вообще сказать—всѣ мы бѣдны, голы, изранены и немощны разными немощами,—и сидя въ келліяхъ своихъ (уединенно), или живя въ монастыряхъ, будто лежимъ въ разныхъ больницахъ и странноприимницахъ, и вопіемъ, плачемъ и рыдаемъ, призывая самого Врача душъ и тѣлесъ нашихъ (которые, то-есть, пришли въ чувство и ощутили боль отъ ранъ и страстей своихъ; ибо иные столь несмысленны, что не сознаютъ и не чувствуютъ немощей своихъ и страстей, кои надъ ними господствуютъ), да пріидетъ и уврачуетъ сокру-

шенныя сердца наши и подастъ здравіе душамъ нашимъ, лежащимъ на одрѣ грѣха и смерти. Такъ и божественный Апостолъ говоритъ, что всѣ мы согрѣшили и имѣемъ потому нужду въ милости и благодати Божіей.

Находясь убо въ такомъ бѣдномъ состояніи, можемъ ли мы дерзнуть когда либо сказать, что сколько нибудь работаемъ Тому, Кто насъ такъ милуетъ, такъ къ намъ благоутробствуетъ, такъ врачуетъ души наши, такъ научаетъ насъ спасенію и подаетъ исцѣленіе ранъ нашихъ и уврачеваніе болѣзней нашихъ? Нѣтъ, — конечно не можемъ мы такъ сказать. Какъ о томъ, кто, израненный по всему тѣлу разбойниками, лежалъ при пути полумертвымъ, не говорится, что онъ послужилъ тому, кто поднялъ его на свой скотъ, привезъ въ странноприимницу и ходилъ за нимъ, возливая елей на раны его, но паче говорится, что ему оказана милость, что онъ вылѣченъ тѣмъ благодѣтелемъ и приведенъ въ прежнее здравое состояніе, такъ и мы, параличные, прокаженные, ранами покрытые и притомъ нерадящіе о томъ, что пригодно къ уврачеванію нашему, и не подвизающіеся нисколько исполнять то, о чемъ я сказалъ, — какъ мы такіе — можемъ дерзнуть сказать, или хоть подумать, что работаемъ Господу? Нѣтъ, не работаемъ мы Господу, но (если возчувствуемъ: въ какую глубину золъ ниспали) просимъ, какъ я сказалъ, и молимся, да уврачуетъ насъ Врачъ душъ и тѣлесъ отъ всѣхъ немощей нашихъ. Потомъ, когда получимъ уврачеваніе и сбросимъ съ себя мало-по-малу всякую немощь, какъ какую либо ветхую одежду, изодранную и испачканную, и облечемся въ здравіе, какъ въ нѣкое царское одѣяніе, свѣтлое по всему тѣлу, отъ головы до ногъ; тогда и мы, если послужимъ другимъ и поврачуемъ ихъ, возлагая елей на раны ихъ и другія употребляя врачевства и пластыри,—тогда, говорю, и мы можемъ быть причис-

ляемы къ тѣмъ, кои работаютъ Господу рекшему: *понеже сотвористе единому сихъ братій Моихъ меньшихъ, Мнѣ сотвористе* (Мѳ. 25, 40). Если же не будемъ мы прежде уврачеваны, но, будучи еще немощны и страстны, покусимся врачевать другихъ немощныхъ, то Господь скажетъ намъ: *врачу, исцѣлися самъ* (Лк. 4, 23).

А ты, слыша слова мои, что здравіе душевное есть царское нѣкое одѣяніе свѣтлое, смотри не истолкуй криво сего реченія по непониманію дѣла, и не подумай, будто я говорю о здравіи тѣлесномъ. Нѣтъ, не о тѣлесномъ говорю здравіи, а объ иномъ нѣкоемъ, безтѣлесномъ, духовномъ, божественномъ, которое обыкновенно не врачебными травами доставляется и не собственными нашими трудами достигается, чтобъ кто не вздумалъ хвастаться имъ. Какъ подбирающій и прикрѣпляющій мертвыя кости къ костямъ и суставъ къ суставу (костями и суставами я называю добрыя дѣла и добродѣтели) не дѣластъ никакой пользы, если не сможетъ облечь ихъ мясомъ (мускулами) и нервами; но если и это сдѣлаетъ, если свяжетъ суставы жилами и мертвыя тѣ кости покроетъ мясомъ и кожею и изъ всего сдѣлаетъ цѣлое тѣло, то и при семъ опять всуе онъ трудится, безъ всякой пользы, если тѣло это останется безъ души, которая оживляла бы его и двигала; такъ это же самое представляй себѣ бывающимъ и съ душею, которая была умерщвлена грѣхами. Пусть въ ней всѣ уже члены возставлены, т.-е. имѣются всѣ добродѣтельныя дѣянія, какъ-то: постъ, бдѣніе, долулеганіе, нестяжательность, непощадѣніе тѣла и подобное,—которыя набираются, какъ мертвыя кости, послѣдуя одно за другимъ, подлаживаются между собою и связуясь составляютъ нѣкоторымъ образомъ цѣльное тѣло души. Но что пользы отъ нихъ, если это тѣло души лежитъ бездушно и бездыханно, по той причинѣ, что еще не вселился въ нее

Духъ Святый? Ибо только когда Онъ войдетъ и вселится въ насъ,—сочетаваетъ и связуетъ нервами духовной силы добродѣтельныя дѣянія, которыя сами по себѣ остаются мертвыми, отдѣленными одно отъ другаго, какъ бездушные члены,—связуетъ любовію къ Богу и такимъ образомъ содѣловаетъ насъ новыми и живыми изъ ветхихъ и мертвыхъ, каковы мы сами по себѣ. Другимъ способомъ невозможно ожить и жить душѣ. Какъ тѣло наше, здорово ли оно, или болѣзнуетъ, не можетъ безъ души не только движеніе имѣть, но и совсѣмъ жить, такъ и душа наша, грѣшитъ ли она или не грѣшитъ, безъ Духа Святаго мертва есть и совсѣмъ не можетъ жить жизнію вѣчною. Если грѣхъ есть жало смерти, то, когда кто грѣшитъ, всеконечно ужаленъ бываетъ имъ и умираетъ. Какъ нѣтъ никого безгрѣшнаго,—потому что, какъ говоритъ Апостолъ, *вси согрѣшиша и лишени суть славы Божія* (Рим. 3, 23); то явно, что всѣ мы, яко грѣшные, умерли и мертвы есмы.

Помышляя такимъ образомъ, что ты мертвъ душею, скажи, какъ можешь ты стать воистину живымъ, если не соединишься съ истинною жизнію, т.-е. съ Духомъ Святымъ, Коимъ возраждается всякій христіанинъ и возоживляется во Христѣ, рекшемъ: *Азъ есмь истина* и воскресеніе *и животъ* (Іоан. 14, 16), и еще: *пріемляй Мене, пріемлетъ Пославшаго Мя* (Іоан. 13, 20). Итакъ, поелику мы мертвы и только Онъ есть вѣчная жизнь, то прежде чѣмъ соединимся съ Нимъ и жить станемъ Имъ, да не глаголемъ, что работаемъ Господу. Ибо какъ возможно, чтобъ мертвые когда либо работали кому? Пока знательно не облечемся во Христа, какъ въ царское одѣяніе, да не думаемъ, что освободились совершенно отъ душевныхъ нашихъ болѣзней, или отъ страстей, тяготящихъ насъ. Ибо какъ не отходитъ тма, если не приходитъ свѣтъ, такъ не изгоняется болѣзнь души,

если не придетъ Тотъ, Кто болѣзни наши носитъ, и не соединится съ нами. Когда же придетъ Онъ, то прогоняетъ всякую немощь и всякую болѣзнь душевную, и даруетъ здравіе душѣ нашей, почему называется здравіемъ. Также, поелику Онъ просвѣщаетъ насъ, называется свѣтомъ, будучи выше всякаго свѣта,—поелику животворитъ насъ, называется жизнію, будучи выше всякой жизни,—поелику облиставаетъ насъ всѣхъ, объемлетъ и покрываетъ божественною своею славою, называется одѣяніемъ, и мы говоримъ посему, что облекаемся въ Него, неприкосновеннаго и неуловимаго,—поелику соединяется несмѣсно съ душею нашею и всю ее дѣлаетъ, какъ свѣтъ, говорится, что Онъ обитаетъ въ насъ, и какъ бы описуется неописанный. О, чудо! Богъ, сущій выше всего, бываетъ въ насъ все,—хлѣбъ, покровъ, вода, отъ которой если кто испіетъ, какъ сказалъ Господь Самарянкѣ, не возжаждетъ уже никогда; такъ что если ты жаждешь еще, то знай, что ты еще не пилъ доселѣ отъ воды той: ибо неложенъ Тотъ, Кто сказалъ это. И я слышалъ отъ одного, который говорилъ: съ тѣхъ поръ какъ человѣколюбивый Владыка далъ мнѣ досыта напиться отъ воды оной, если случалось мнѣ забыть, что я пилъ отъ нея, и опять искать да дано будетъ мнѣ пить отъ нея, какъ бы я совсѣмъ не пилъ ея, тотчасъ сама вода сія, которой я напился прежде, воскипала внутрь сердца моего и начинала бить ключемъ, какъ нѣкій потокъ свѣтовый;—и я видѣлъ это ясно. Она же самымъ симъ воскипѣніемъ внутри меня говорила какъ бы мнѣ: не видишь, что я здѣсь съ тобою? Откуда же ищешь, чтобъ я дана была тебѣ, или пришла къ тебѣ? Не знаешь развѣ, что я всегда нахожусь съ тѣми и въ тѣхъ, которымъ дамъ напиться отъ меня и бываю для нихъ источникомъ безсмертнымъ?

Итакъ, брате мой, если и съ тобою было то, о чемъ

я теперь говорю, то счастливъ ты и блаженъ. Если же не видѣлъ еще ты Христа, и Онъ не далъ еще тебѣ напиться отъ питія того,—припади и умоляй, плачь и рыдай, бей себя въ грудь и лицо, какъ Адамъ, когда изгнанъ былъ изъ рая, не ложись уже на кровать или постель, но земля да будетъ для тебя кроватію, гдѣ придется, не давай сна очамъ своимъ и вѣждамъ своимъ дреманія, не обращай очей своихъ посмотрѣть что либо земное или небесное,—потому что, если имѣешь предъ очами своими Творца всяческихъ, Бога, то какая тебѣ нужда смотрѣть на что либо другое?—Не наполняй никогда чрева своего ястьми, не услаждай гортани своей сладкимъ ястіемъ и питіемъ вдоволь, не любопытствуй о томъ, что дѣлается вокругъ, и не смотри на тѣхъ, кои живутъ безразлично и съ небреженіемъ, чтобъ не возгордиться надъ ними и не осудить ихъ, но и не садись съ ними, чтобъ не дойти до безполезныхъ рѣчей,—не ходи туда и сюда, ища именитыхъ и славныхъ монаховъ, и не любопытствуй о жизни ихъ; но если, по милости Божіей, нашелъ ты добраго духовнаго отца, то ему одному открывай дѣянія свои и помыслы свои; если же еще не нашелъ, то видя Христа, къ Нему единому взирай, Его единаго имѣй зрителемъ своимъ, да видитъ Онъ печаль и сокрушеніе души твоей. Покажи Ему, или лучше сказать, пусть самъ Онъ увидитъ нищету твою и нестяжательность, и несребролюбивый нравъ твой, такъ что хоть бы, какъ рѣка, текло къ тебѣ откуда либо богатство всего міра, или попалось тебѣ брошеннымъ безмѣрное множество золота (ибо и это бываетъ по кознямъ діавола и клевретовъ его), ты не восхотѣлъ бы даже однимъ глазомъ взглянуть на то, при всемъ томъ, что взять не представлялось бы грѣхомъ, подъ благовиднымъ предлогомъ раздать бѣднымъ. Онъ пусть видитъ, какъ бьютъ тебя, а ты не противишься, поносятъ тебя, а ты не поносишь поносителей своихъ, осуждаютъ тебя.

а ты хвалишь осуждателей своихъ,—пусть Онъ видитъ что ты не ищешь славы, или чести, или покоя; и вообще скажу, пусть Онъ видитъ, что, дѣлая все сіе, ты положилъ не отступать и не возвращаться вспять, пока Онъ не умилосердится къ тебѣ и не дастъ тебѣ испить отъ онаго страшнаго, неизреченнаго и неопредѣлимаго питія. Когда удостоишься испить его, тогда уразумѣешь, что говорю тебѣ. Ибо мы, какъ говоритъ божеств. Павелъ, *премудрость глаголемъ не вѣка сего,* престающую, *но глаголемъ премудрость Божію, въ тайнѣ сокровенную* (1 Кор. 2, 6. 7). Если же ты не сподобился видѣть самого Христа, то что тебѣ кажется, ужь живъ ли ты? И какъ можно тебѣ думать, что ты работаешь Господу, когда еще не видалъ Его? Если не сподобишься увидѣть Его и услышать гласъ Его, то отъ кого узнаешь волю Его, святую, угодную и совершенную? Если скажешь, что ты научаешься познанію ея изъ Божественныхъ Писаній, то я замѣчу тебѣ, что читаемое въ Писаніи настоящимъ образомъ познается, когда дѣломъ исполняется. Тебѣ же, который весь мертвъ еси и лежишь во тмѣ, какъ возможно даже услышать (отъ Писанія) волю Божію, а не только сотворить ее, и живу быть? Никакъ невозможно.

Итакъ, поелику мы съ тобою мертвы и находимся во тмѣ, то какая же есть возможность ожить намъ, или узрѣть Христа, истинный свѣтъ, сошедшій на землю? Слушай со вниманіемъ, и не оправдывая себя, смирись предъ Богомъ, и скажи:

Господи! Ты, Который не хочешь смерти грѣшника, но хочешь, чтобъ онъ покаялся и началъ жить духомъ опять.—Ты, Который того ради и на землю сошелъ, чтобы воскресить умерщвленныхъ грѣхомъ и сподобить ихъ увидѣть Тебя, свѣтъ истинный, сколько возможно человѣку видѣть Тебя, пошли мнѣ, молюся Тебѣ, чело-

вѣка, знающаго Тебя, чтобы я со всею силою подчинился ему ради Тебя и, служа Ему, служилъ Тебѣ, и его волю исполняя, исполнялъ Твою волю, и такимъ образомъ благоугодилъ Тебѣ, единому Богу, я грѣшный, и сподобился царствія небеснаго.

Если ты пребудешь въ молитвѣ сей долгое время, всеусильно и отъ всей души умоляя Господа и толкая неустанно въ двери милосердія Его, то будь увѣренъ, что Онъ не оставитъ тебя, но научитъ тебя,—или Самъ, или чрезъ какого-либо раба Своего,—тому, что тебѣ подобаетъ творить; и по благодати Своей и молитвъ ради того раба Своего, подастъ тебѣ силу и совершитъ все то. Ибо безъ Божіей помощи не возможешь ты ничего сдѣлать, но, какъ я сказалъ Богъ будетъ для тебя все. При такомъ порядкѣ, пусть Христосъ еще не все для тебя и ты не все еще совершаешь во Христѣ, по крайней мѣрѣ ты подчиняешься друзьямъ Его и приставникамъ, и чрезъ посредство сихъ друзей Его являешься рабомъ Ему,—по крайней мѣрѣ творишь волю рабовъ Божіихъ, а не свою (воля же рабовъ Божіихъ есть воля Божія),—по крайней мѣрѣ дѣлаешь нѣчто Бога ради и не остаешься праздным, и находишься въ состояніи смиренія, а не превозношенія. Вспомни, что я сказалъ прежде, что изъ военачальниковъ и начальниковъ всѣхъ, иные суть рабы царя, иные друзья, чрезъ посредство коихъ дѣлаются друзьями царя и тѣ, кои состоятъ подъ властію каждаго изъ нихъ,—которые, хотя не видятъ царя и не бесѣдуютъ съ нимъ, но служа вѣрно военачальнику или начальникамъ своимъ какъ самому царю, надѣются, что чрезъ посредство тѣхъ, кому служатъ, получатъ отъ царя дары и чины. Нѣкоторые изъ нихъ, пользуясь ходатайствомъ начальниковъ своихъ, получаютъ отъ царя дары, какихъ ожидали; нѣкоторые же сами дѣлаются именитыми чрезъ свое мужество и пре-

успѣяніе, за что царь беретъ ихъ къ себѣ, чтитъ ихъ и дѣлаетъ начальниками и ходатаями о другихъ. Тогда они удостоиваются лицемъ къ лицу служить царю своему, бесѣдовать съ нимъ и слышать гласъ его.

Если ты не хочешь искать лучшаго, какъ я указалъ, а хочешь лучше причислиться къ наименьшимъ и быть въ подчиненіи у простыхъ воиновъ, не именитыхъ, хочешь быть кое-какимъ послушникомъ между другими кое-какими, подобными тебѣ, а не желаешь быть въ служеніи духовнымъ начальникамъ, то чего ради осуждаешь меня, когда я называю тебя мертвымъ, или слѣпымъ, или больнымъ, или параличнымъ, устраненнымъ отъ служенія Царю Христу?—Но се слышу рѣчь твою ко мнѣ, что ты сидишь въ келліи и въ уединеніи внимаешь себѣ самому, и никому никакой не причиняешь обиды. Спрошу тебя и я,—скажи мнѣ, былъ ли бы ты доволенъ, если бъ то, что ты теперь дѣлаешь, дѣлалъ слуга твой или послушникъ: если бы и онъ, вознебрегши о тебѣ, оставилъ служеніе тебѣ, пошелъ и сѣлъ въ келліи своей, думая, что не дѣлаетъ обиды ни тебѣ, ни другому кому? Какой человѣкъ даже слышать это можетъ равнодушно? Какъ же ты, сидящій въ келліи своей и отъ другихъ только принимающій услуженіе, дерзаешь говорить, что служишь Богу?—Скажи мнѣ, какими это дѣлами ты служишь Ему?—ты, который даже и въ томъ случаѣ, если бъ самъ себѣ во всемъ служилъ и рукодѣліемъ своимъ добывалъ все потребное для тѣла твоего, даже и въ такомъ случаѣ не долженъ бы былъ говорить, что служишь Богу? Слугу не хвалятъ, если онъ питается и одѣвается самъ отъ себя, а между тѣмъ господину своему не отдаетъ должнаго отъ труда рукъ своихъ,—что обычно называется оброкомъ или урокомъ. Напротивъ, за это его не только осуждаютъ, но и наказываютъ. Какъ же мы съ тобою,—которые живемъ,

какъ вельможи, предаемся покою, безпечности и бездѣйствію, и не только ничего не дѣлаемъ и не служимъ другимъ, но, когда не видимъ услуженія себѣ отъ другихъ, негодуемъ, бранимся и ропщемъ,—какъ, говорю, мы дерзаемъ говорить, что служимъ Богу и никого не обижаемъ? Ибо кто можетъ кому послужить чѣмъ, и не хочетъ имъ послужить тѣмъ, тотъ обижаетъ ихъ и дѣлаетъ себя повиннымъ страшному суду Господа, Который речетъ имъ: *идите отъ Мене проклятіи въ огнь вѣчный, уготованный діаволу и ангеломъ его. Взалкахся бо и не дасте Ми ясти* и проч. (Мѳ. 25, 41 и д.). Былъ Я въ болѣзни, и вы не послужили Мнѣ. Какъ же и какимъ лицемъ будемъ мы смотрѣть на сего страшнаго Судію, когда Онъ пріидетъ испытать дѣло каждаго изъ насъ?

Не прельщайтесь. Богъ есть огнь, и когда пришелъ на землю и сдѣлался человѣкомъ, ввергъ огнь на землю, какъ Самъ говоритъ (Лк. 12, 49). Огнь сей всюду обходитъ, ища себѣ вещества, т.-е. добраго сердца и произволенія, чтобы пасть внутрь его и возжечься. Въ комъ возжигается онъ, въ томъ восходитъ въ пламя великое, досязающее до небесъ, и не дастъ уже ему быть въ бездѣйствіи, или предаваться покою. Онъ не опаляетъ души, въ которой возгарается, хотя возгараніе сіе бываетъ не безъ возчувствованія его душею, какъ думаютъ нѣкоторые изъ мертвыхъ (душею). Душа не есть безчувственное вещество, но есть существо чувствующее и разумное. Почему она въ самомъ началѣ чувствуетъ и сознаетъ возгорѣніе огня того,—и сіе тѣмъ паче, что оно сопровождается чрезмѣрнымъ и нестерпимымъ болѣзнованіемъ (сердечнымъ). Потомъ, когда огнь сей очиститъ насъ совершенно отъ всякой скверны страстей, тогда навсегда уже дѣлается внутрь насъ и пищею, и питіемъ, и свѣтомъ, и радостію,—и насъ самихъ дѣлаетъ свѣтомъ по причастію,—въ той

мѣрѣ, въ какой дѣлаемся мы сами причастными свѣта его. Какъ печь возжженная сначала только коптитъ отъ дыма, исходящаго изъ дровъ, а когда разгорится посильнѣе, тогда вся дѣлается свѣтлою подобно огню и не омрачается уже никакою копотью отъ дыма; такъ и душа, начавшая горѣть божественнымъ желаніемъ, сначала видитъ вмѣстѣ съ огнемъ Духа внутрь себя и тму страстей, исходящую на подобіе дыма, и сознавая, что эта, сущая въ ней, мрачность отъ тмы страстей есть ея собственное дѣло, плачетъ и сокрушается,—чувствуя же, какъ лукавые помыслы и злыя пожеланія попаляются тѣмъ огнемъ, какъ терны и волчцы, и превращаются въ прахъ, радуется. Когда же все сіе сгоритъ и естество души останется одно безъ страстей, тогда существенно съ нею соединяется и божественный оный огнь и начинаетъ горѣть и свѣтить въ ней, тогда и она дѣлается причастною сего мысленнаго огня, какъ печь причастною огня вещественнаго,—равно и тѣло причащается тогда сего божественнаго и неизреченнаго свѣта и бываетъ огнь по причастію. Да вѣдаемъ однакожъ, что этому всему невозможно совершиться въ насъ, если мы не возненавидимъ міра и всего, что въ мірѣ, съ готовностію даже и животъ свой положить за сіе дѣло Божіе, какъ говоритъ Господь (Лук. 14, 26). И инымъ образомъ огнь сей въ насъ не возгарается.

Которые сподобились пріять въ себя сей огнь, тѣ не только сами освободились совершенно отъ всѣхъ болѣзней душевныхъ, но и другихъ многихъ, которые были немощны и больны душевно, извлекли изъ сѣтей діавола и уврачевали,—и принесли ихъ, какъ даръ Владыкѣ Христу. Божественный огнь оный научалъ ихъ всякому вѣдѣнію и искусству духовному и всякой премудрости,—и они всю жизнь свою благоугождали

Богу. Таковъ былъ Петръ, божественный Апостолъ, пріявшій ключи царствія небеснаго; таковъ былъ Павелъ, восхищенный до третьяго небесе, и прочіе Апостолы. Таковы были св. богоносные отцы наши и учители, которые силою сего божественнаго огня пожгли, такъ терніе, и уничтожили всѣ ереси,—которые повелѣвали демонамъ, какъ непотребнымъ рабамъ, и тѣ со страхомъ повиновались имъ. Таковыми были и бываютъ всегда тѣ, которые такъ возлюбляли Бога, что не жалѣли ради угожденія Ему самой жизни своей.

Вотъ эти и другіе подобные имъ справедливо называются рабами, всегда работающими Богу, а не тѣ, которые еще въ грѣхахъ суть и которые подобны рабамъ лукавымъ, погрѣшающимъ противъ господина своего,—не тѣ также, которыхъ еще борютъ страсти и которые походятъ на боримыхъ и противоборствующихъ, и такимъ образомъ всегда воюющихъ съ врагами своими,—и не тѣ, которые не стяжали еще добродѣтелей, но подвизаются о стяжаніи ихъ, и которые походятъ на увѣчныхъ, у которыхъ недостаетъ или рукъ, или ногъ, или носа, или ушей, или другихъ какихъ частей тѣла. По заповѣди Апостола, намъ во-первыхъ надобно преуспѣть во всякой добродѣтели и содѣлать своего по Богу человѣка совершеннымъ и всецѣлымъ, такъ чтобы въ немъ не было недостающимъ ни одного члена, т.-е. ни одной добродѣтели. И не иначе, какъ уже пришедши въ мѣру сію, получимъ мы отъ небеснаго Царя благодать Духа, какъ воины получаютъ оброкъ отъ царя земнаго. Тогда-то, наконецъ, какъ сдѣлавшіеся уже мужами совершенными, достигшими въ мѣру возраста исполненія Христова, и сопричислившіеся къ воинамъ и рабамъ Господа, тогда-то, говорю, какъ воины Христовы, поднимемъ мы рѣшительную брань противъ враговъ. *Кто*, какъ говоритъ бож. Апостолъ, *воинствуетъ*

своими оброки когда? (1 Кор. 9, 7).—И что называетъ онъ оброкомъ? Царскій коштъ. Если такимъ образомъ и мы не получимъ отъ Бога хлѣбъ оный, который сходитъ съ неба и даетъ животъ міру, т.-е. благодать Св. Духа (ибо это есть духовный коштъ, коимъ питаются сдѣлавшіеся воинами Христовыми, и въ это облекаются они духовно вмѣсто всякаго оружія), то, скажи мнѣ, какимъ образомъ можемъ войти въ строй воинства Божія и сопричислиться къ рабамъ Его?

Но пріидите, умоляю васъ, проснемся отъ тяжкаго сна безпечности, всѣ желающіе освободиться отъ рабства страстей. Притечемъ ко Христу, истинному Владыкѣ, съ готовностію содѣлаться рабами Его. Восподвизаемся и мы явиться дѣломъ такими, какими слово наше изобразило истинныхъ рабовъ Божіихъ. Перестанемъ съ небрежностію относиться къ дѣлу спасенія своего и обманывать себя самихъ, придумывая извиненія себѣ во грѣхахъ своихъ и говоря, что никакъ невозможно быть сему, т.-е. достигнуть показаннаго совершенства въ настоящемъ родѣ,—и философствуя такимъ образомъ въ ущербъ спасенію нашему и на пагубу душъ нашихъ. Ибо, если захочемъ, возможно, и такъ удобовозможно, что одного произволенія нашего достаточно къ тому, чтобы воззвать насъ на такую высоту. Гдѣ готово произволеніе, тамъ нѣтъ уже никакого препятствія.—И что говоришь ты, человѣче? Богъ хощетъ содѣлать насъ изъ людей богами (произвольно однакожъ, а не принудительно),—а мы время выставляемъ въ предлогъ,—и отвергаемъ благодѣяніе. Не безуміе ли это и не крайнее ли невѣжество?—Богъ такъ сильно сего желаетъ, что сошелъ на землю и воплотился именно для этого только. Почему, если только восхощемъ и мы, то совершенно ничто не можетъ уже воспрепятствовать сему,—только прибѣгнемъ къ Нему

съ теплымъ покаяніемъ. Когда же и Онъ приближится къ намъ и коснется сердецъ нашихъ хоть лишь краемъ пречистаго перста Своего, тогда возжетъ свѣтильники душъ нашихъ и не дастъ уже имъ погаснуть до скончанія вѣка,—и во вѣки,—и еще. Ему подобаетъ слава, честь и поклоненіе, и нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

СЛОВО СЕМЬДЕСЯТЪ ДЕВЯТОЕ.

1) О животворномъ умертвіи, которое подаетъ Духъ Святый подвизающимся о спасеніи своемъ.

2) О томъ, что освободившіеся отъ работы закону сознательно пріемлютъ благодать божественнаго свѣта.

3) Каковъ долженъ быть іерей, пріявшій свыше власть рѣшить и вязать?

4) Тому, кто истинно священнодѣйствуетъ и осіявается божественнымъ свѣтомъ, явны всѣ люди.

1) Братія мои возлюбленные, внимайте добрѣ Божественнымъ Писаніямъ, которыя слушаете. Ибо Господь нашъ повелѣваетъ намъ изслѣдовать Писанія для того, чтобы вѣрно узнать путь, ведущій ко спасенію и чтобы, шествуя потомъ симъ путемъ посредствомъ исполненія заповѣдей Христовыхъ, не возвращаясь вспять, достигнуть вѣрно сего спасенія душъ нашихъ, которое есть Іисусъ Христосъ, какъ въ часъ рожденія Его возвѣстилъ пастырямъ Ангелъ: *се благовѣствую вамъ радость велію, яже будетъ всѣмъ людемъ, яко родися вамъ днесь Спасъ, иже есть Христосъ Господь, во градѣ Давидовѣ* (Лк. 2, 10. 11). Воспріимемъ же всѣ мы, возлюбленные братія мои, ревность и скоро со всѣмъ усердіемъ потечемъ путемъ симъ, не обременяя себя никакою ношею, или никакою вещію мірскою, обычно неудобоносною, чтобъ она не помѣшала намъ теши скоро и во время доспѣть и внити внутрь града Давидова, и узрѣть

тамъ Спасителя нашего Христа. Умоляю васъ, воспріимите усердное попеченіе о спасеніи своемъ дѣйствующею въ васъ благодатію и не допускайте себя хоть и мало понерадѣть о немъ. Но какъ только пробудимся, какъбы отъ сна вставъ, отъ лукаваго мнѣнія (что у насъ все исправно) и нерадѣнія, не позволимъ себѣ ни постоять, ни присѣсть, пока не выбѣжимъ за предѣлы міра и внѣ его не обрѣтемъ и не узримъ Спасителя и Бога нашего, и падше не поклонимся Ему; но и здѣсь не дадимъ себѣ остановиться, а потечемъ далѣе и далѣе пока самъ Спаситель не скажетъ намъ: *вы не отъ міра, но Азъ избрахъ вы отъ міра* (Ін. 15, 19).

Какъ же достигается то, чтобы не быть уже отъ міра? Когда кто распнетъ себя міру и міръ себѣ, какъ говоритъ и Апостолъ Павелъ: *мнѣ міръ распялся, и азъ міру* (Гал. 6, 14). Но какое сходство, спросишь, имѣютъ эти слова Апостола съ тѣми словами Христа Спасителя?— Слова различны, но мысль у обоихъ одна и таже. Ибо какъ находящійся внѣ дома не видитъ запершихся внутри, такъ распявшійся, или умершій міру никакого не имѣетъ чувства къ мірскимъ вещамъ; и еще какъ мертвое тѣло не имѣетъ никакого чувства ни къ живымъ, ни къ мертвымъ тѣламъ, лежащимъ подлѣ него, такъ и тотъ, кто благодатію Духа Святаго выйдетъ изъ міра и станетъ быть съ Богомъ, не можетъ имѣть никакого чувства къ міру или къ вещамъ міра.

Такъ-то, братія, бываетъ смерть, или умертвіе прежде смерти тѣла и прежде воскресенія тѣлъ бываетъ воскресеніе душъ,—дѣйствительное, опытно сознаваемое, истинное. Ибо когда смертное мудрованіе уничтожено бываетъ безсмертнымъ умомъ, и мертвость изгоняется жизнію, тогда душа ясно видитъ себя воскресшею, какъ пробудившіеся отъ сна видятъ себя бодрствующими,— съ сознаніемъ, что это Богъ воскресилъ ее, — познавъ

Коего и возблагодаривъ, поклоненіе Ему приноситъ и славословитъ безпредѣльную Его благость. Тѣло же послѣ того не имѣетъ уже болѣе никакого движенія или воспоминанія о своихъ похотѣніяхъ и стремленіяхъ, но бываетъ для нихъ совершенно мертво и бездыханно. Бываетъ даже нерѣдко, что человѣкъ забываетъ самыя естественныя потребности, потому что душа его всегда мысленно привитаетъ въ томъ, что̀ выше естества, какъ и подобаетъ ей; ибо Писаніе говоритъ: *духомъ ходите и похоти плотскія не совершайте* (Гал. 5, 16). Когда такимъ образомъ плоть сдѣлается мертвою, какъ мы сказали, благодатію Всесвятаго Духа, тогда она оставляетъ насъ жить прочее безъ всякаго съ своей стороны осажденія насъ и препятствія намъ. Тогда исполняется сказанное Апостоломъ Павломъ: *праведнику законъ не лежитъ* (1 Тим. 1, 9), такъ какъ онъ живетъ уже жизнію, которая выше закона (т.-е. благодатною); ибо *идѣже Духъ Господень, ту свобода* (2 Кор. 3, 17),—свобода конечно отъ рабства закону. Законъ пѣстунъ есть, руководитель и учитель правды, ибо говоритъ: это дѣлай, а того не дѣлай. Благодать же и истина не говоритъ такъ, а какъ?—Ты будешь дѣлать и говорить все по благодати данной тебѣ и говорящей въ тебѣ, какъ написано: *и будутъ вси научени Богомъ* (Ін. 6, 45).

Таковые не изъ писмени познаютъ, что̀ добро, но научаются сему благодатію Святаго Духа; и не научаются они божественному словомъ только, но свѣтомъ слова и словомъ свѣта таинственно. Достигнувъ сего, бываютъ они учителями и себѣ самимъ и ближнимъ, свѣтомъ міра и солію земли.

2) Тѣ, которые, прежде благодати Евангельской, состояли подъ закономъ, праведно сидѣли и подъ сѣнію закона. Но тѣ, которые, по явленіи благодати, вступили въ свѣтъ и день, освободились отъ сѣни, т.-е. отъ раб-

ства закону и стали выше закона, такъ какъ они высоко поднялись посредствомъ Евангельскаго житія, и живутъ съ законоположителемъ Богомъ, будучи и сами законоположители паче, нежели соблюдатели закона.

Но есть ли кто нынѣ имѣющій уши слышати, да слышитъ и постигаетъ силу того, что глаголется отъ Духа Святаго? Есть ли кто и теперь имѣющій умъ Христовъ да разумѣетъ добрѣ и боголѣпно то, что пишется Имъ? Есть ли кто и нынѣ имѣющій глаголющаго въ себѣ Христа, да возможетъ добрѣ изъяснить таинства, сокровенныя внутрь словесъ Его? Ибо, говоритъ Апостолъ, *премудрость глаголемъ не вѣка сего* престающую, *но премудрость въ тайнѣ сокровенную* (1 Кор. 2, 6—7) отъ многихъ, намъ же щедро открываемую и уразумѣваемую добрѣ водящимися страхомъ Божіимъ и всегда къ Нему взирающими. Ибо мы не то, чего не знаемъ, говоримъ, но что знаемъ, о томъ свидѣтельствуемъ. Свѣтъ уже во тмѣ свѣтитъ, и въ нощи, и во дни, и въ сердцахъ нашихъ, и въ умѣ нашемъ, и осіяваетъ насъ невечерне, непреложно, неизмѣнно, неприкровенно,—глаголетъ, дѣйствуетъ, живетъ и животворитъ, и дѣлаетъ свѣтомъ тѣхъ, которые осіяваются Имъ. Богъ свѣтъ есть, и тѣ, которые сподобляются узрѣть Его, всѣ видятъ Его, какъ свѣтъ, и тѣ, которые пріяли Его, пріяли, какъ свѣтъ. Ибо свѣтъ славы Его предъидетъ предъ лицемъ Его, и безъ свѣта Ему невозможно явить Себя. Тѣ, которые не видѣли свѣта Его, не видѣли и Его потому что Богъ свѣтъ есть; и тѣ которые не пріяли свѣта Его, не пріяли еще благодати, потому что пріемлющіе благодать пріемлютъ свѣтъ Божій и Бога, какъ сказалъ самъ Свѣтъ Христосъ: *вселюся въ нихъ и похожду* (2 Кор. 6, 16).

Но тѣ, которые не сподобились еще пріять, или вкусить сего,—всѣ находятся еще подъ игомъ закона, еще состоятъ подъ сѣнію и образами, еще суть чада рабы-

нины. Пусть это будутъ цари, пусть патріархи, пусть архіереи или іереи, пусть начальники или подначальные, пусть міряне или монахи. Всѣ они еще во тмѣ сидятъ и во тмѣ ходятъ,—и не хотятъ, какъ должно, покаяться. Покаяніе есть дверь, которая выводитъ человѣка изъ тмы и вводитъ въ свѣтъ. Почему, кто не вошелъ еще въ свѣтъ, тотъ очевидно не добрѣ и не какъ слѣдуетъ прошелъ чрезъ дверь покаянія. Ибо если бъ онъ прошелъ чрезъ нее добрѣ, то непремѣнно вступилъ бы въ свѣтъ. Кто не кается, согрѣшаетъ, что не кается. *Вѣдущему бо добро творити и не творящему грѣхъ ему есть.* Творящій же грѣхъ рабъ есть грѣха и ненавидитъ свѣтъ, чтобъ не обнаружились дѣла его. Но всякo они обличатся. Есть два обличенія: одно здѣсь во спасеніе, а другое — тамъ въ осужденіе. Нынѣ, въ настоящей жизни, входя въ свѣтъ чрезъ покаяніе, самоохотно и самопроизвольно, мы хотя обличаемся и осуждаемся, но, по благости и человѣколюбію Божію, обличаемся и осуждаемся тайно и сокровенно, во глубинѣ души нашей, во очищеніе и прощеніе грѣховъ нашихъ. И только одинъ Богъ вмѣстѣ съ нами знаетъ и видитъ сокровенности сердецъ нашихъ. И кто здѣсь, въ настоящей жизни, бываетъ судимъ такимъ судомъ, тому нечего бояться другаго какого истязанія. Но тогда, во второе пришествіе Господне, на тѣхъ, которые нынѣ не хотятъ внити въ свѣтъ и быть имъ судимы и осуждаемы, но ненавидятъ его, откроется свѣтъ, сокрытый нынѣ, и сдѣлаетъ явными всѣ ихъ сокровенности. И всѣ мы, нынѣ укрывающіе себя и не хотящіе объявить сокровенности сердецъ нашихъ чрезъ покаяніе, раскрыты будемъ тогда дѣйствомъ свѣта предъ лицемъ Бога и предъ всѣмъ прочимъ,—что такое есмы мы нынѣ.

И помысли, какой великій стыдъ покроетъ тогда насъ? Какъ тотъ, кто, крояся въ домѣ за запертыми дверьми

и не будучи никѣмъ видимъ совнѣ, грѣшитъ безъ всякой опаски и зазрѣнія, блудствуетъ и другія творитъ срамоты и мерзости, потомъ внезапно будучи открытъ за такими злыми дѣлами, покрывается превеликимъ стыдомъ и срамомъ; или, по другому сравненію, какъ тотъ, кто задумалъ возстаніе противъ царя, пока укрывается въ домѣ, небоязненно строитъ ковы свои, а потомъ, когда царь, узнавъ о томъ, придетъ со всѣмъ синклитомъ своимъ, окружитъ домъ воинствомъ и велитъ разнести его до основанія, такъ что навѣтникъ тотъ явится открытымъ предъ всѣми и со всѣми ковами своими,—поражается и страхомъ и стыдомъ, и предается заслуженнымъ казнямъ; такъ тогда подобное случится со всѣми, сущими нынѣ на землѣ, тогда все откроется, и нощь какъ день просвѣтится. Тогда всѣ тѣ, которые не облеклись здѣсь во Христа, т. е. не вошли въ свѣтъ, не пріяли свѣта и не стали сами свѣтомъ, какъ мы сказали,—всѣ такіе окажутся обнаженными, придутъ въ великій страхъ и трепетъ, въ великую отвсюду тѣсноту. И не это только, но и каждое дѣло доброе и худое, каждое слово и каждый помыслъ нашъ, со времени рожденія до смерти, всѣ собравшись, явны будутъ тогда во всякомъ человѣкѣ. И тотъ одинъ стыдъ, какой испытывать тогда будетъ всякій, съ какимъ сравнить можно мученіемъ? Какое другое мученіе можетъ быть большее того стыда и страха, какимъ будутъ поражены тогда находящіеся нынѣ во тмѣ и не просвѣщенные Духомъ Святымъ? Сего ради, восподвизаемся, братія мои, нынѣ, въ настоящей жизни, пройти тѣсными вратами покаянія и узрѣть свѣтъ, иже есть внутрь его. Ей, молю васъ, не отступимъ, толкая и ища, пока не услышитъ насъ Господь нашъ и не отверзетъ намъ двери и мы не внидемъ внутрь, и не воспріимемъ свѣта, чтобъ хранить его въ сердцахъ своихъ неугасимымъ.

3) Не будемъ прельщать самихъ себя, и, послѣдуя волѣ плоти своей, не будемъ удаляться отъ Бога и уклоняться отъ прямаго пути благочестія, который должны вѣдать всѣ мы, особенно же іереи, духовники, учители, игумены, если дорого цѣнимъ и высоко чтимъ волю Божію и собственное свое спасеніе. Если Христосъ, когда послѣ того, какъ Онъ сказалъ Никодиму: *аще кто не родится свыше, не можетъ видѣти царствія Божія*, Никодимъ изумился, говоря: *како можетъ человѣкъ родитися старъ сый? Еда можетъ второе внити въ утробу матери своея и родитися*,—если, говорю, его укорилъ Христосъ, сказавъ: *ты еси учитель израилевъ и сихъ ли не вѣси* (Іоан. 3, 3. 4. 10),—при всемъ томъ, что онъ еще былъ невѣрующій и не зналъ, что есть благодать, то какого осужденія достойны мы, которые бываемъ учителями по явленіи благодати, получаемъ такое богатое ученіе, и каждодневно еще учимы бываемъ Апостолами, Пророками, Отцами церкви и самимъ Господомъ нашимъ,—и не знаемъ таинства благодати? Если мы не знаемъ, какъ надлежитъ проводить настоящую жизнь, какъ должно обогащаться добрыми дѣлами и являть себя рабами правды Божіей, какъ обѣщавшимся безукоризненно работать живому Богу,—ни того не знаемъ, какими надлежитъ намъ прежде сдѣлаться самимъ, чтобы потомъ руководствовать и другихъ: то скажи мнѣ, какъ можемъ мы быть достойны принять на себя попеченіе о Господнемъ стадѣ и охраненіи его? Какъ въ такомъ случаѣ возможно намъ пасти его по волѣ Пастыреначальника Христа и умѣть изводить его на присноживотныя пажити? Но—о, ослѣпленіе! о, невниманіе къ Богу и божественнымъ вещамъ! Заткнули мы уши свои, какъ аспиды, и стали какъ мертвые, глухіе, слѣпые, безгласные, не понимаемъ, что говорятъ Божественныя Писанія, и не знаемъ, что такое христіанство. Но при всемъ томъ, что не знаемъ таинства воплощен-

наго домостроительства, не знаемъ точно и другихъ христіанскихъ таинъ, безъ стыда однакожъ беремся учить другихъ о свѣтѣ вѣдѣнія. Вѣдѣніе не есть свѣтъ, но свѣтъ есть вѣдѣніе, ибо въ этомъ Свѣтѣ, и чрезъ Него и изъ Него все бысть. Если мы незнакомы съ зрѣніемъ сего свѣта, то обнаруживаемъ чрезъ то, что мы еще не родились и не выпли на Божій свѣтъ, но находимся еще во чревѣ или лучше сказать, мы — мертвородные выкидыши. А между тѣмъ безъ стыда восходимъ на священныя степени; и, что хуже всего, большая часть изъ насъ, въ крайнемъ безстрашіи Божіемъ, покупаемъ священство за деньги и ищемъ предстоятельства въ Господнемъ стадѣ, не сдѣлавшись еще и агнцами. И все такое дѣлаемъ мы не по чему другому, какъ потому, что намъ такъ хочется.

Таковы ли были, братія, Апостолы? Таковы ли были преемники Апостоловъ? Таковы ли были богоносные отцы наши и учители? Горе таковымъ по причинѣ ихъ страшной дерзости! Ибо тѣ, которые употребляютъ при семъ деньги и имѣютъ въ виду только деньги, не только предатели суть и святотатцы церковныхъ вещей, но они дерзаютъ торговать даже божественнымъ богатствомъ, т.-е. покупать и продавать даже самую благодать Святаго Духа. Почему не стыдятся говорить: наше есть вязать и рѣшить,—и это пріяли мы на сію жизнь свыше отъ Бога. О безстыдство, чтобъ не сказать, о крайнее безразсудство! Скажи мнѣ, прошу тебя, ты, говорящій такія слова, за какія добродѣтели пріялъ такую благодать свыше? За то ли, что оставилъ все и послѣдовалъ Христу? Что презрѣлъ славу міра сего? Что сталъ нищъ духомъ? Что продалъ все, что имѣлъ, и раздалъ то бѣднымъ? Что погубилъ душу свою, т.-е. умертвилъ ее для міра, и не давалъ ей оживать ни для какого пожеланія плоти? Но, говорятъ, вѣдь такова власть іереевъ. Знаю это и я, что

она есть достояніе іереевъ, но не просто всѣхъ іереевъ, а тѣхъ, которые священнодѣйствуютъ евангельски съ духомъ смиренія и живутъ безукоризненною и добродѣтельною жизнію, — тѣхъ, которые прежде предали себя самихъ Господу и духовно представили Ему въ храмѣ тѣла своего чистое сердце, жертву совершенную, святую и благоугодную Господу, — были приняты къ вышнему жертвеннику и были принесены великимъ Архіереемъ Христомъ Богу и Отцу, какъ совершенное приношеніе, преложились и измѣнились силою Духа Святаго и преобразились во Христа, умершаго за насъ и воскреснаго во славѣ Божества, — тѣхъ, говорю, іереевъ, которые каются, плачутъ день и ночь съ совершеннымъ смиреніемъ и молятъ Бога со слезами не о себѣ только самихъ, но и о братіяхъ, коихъ имѣютъ въ своемъ попеченіи, и о всѣхъ сущихъ въ мірѣ св. церквахъ Божіихъ, и много плачутъ о чужихъ грѣхахъ,—тѣхъ, которые не употребляютъ ничего кромѣ необходимой пищи и ничего не дѣлаютъ въ угожденіе и покой тѣла, но ходятъ, какъ написано, Духомъ и никакой похоти плотской не совершаютъ,—и тѣхъ еще, которые, ради правды и заповѣди Божіей, не предпочитаютъ ни бѣднаго, ни богатаго, ни власть имѣющаго, ни подвластнаго, ни даже самого царя, равно какъ не презираютъ и не преступаютъ заповѣди Божіей, ни подъ предлогомъ милостыни, ни изъ-за даровъ, ни изъ страха или любви, ни изъ-за какой либо другой вещи видимой или невидимой. Такихъ достояніе есть вязать и рѣшить, священнодѣйствовать и учить, а не тѣхъ, которые принимаютъ только отъ людей избраніе и рукоположеніе. *Никтоже,* говоритъ Писаніе, *самъ себѣ пріемлетъ честь, но званный отъ Бога* (Евр. 5, 4). Не сказалъ: тотъ, кому люди подаютъ голосъ, и кто отъ людей пріемлетъ хиротонію, но кто на это предопредѣленъ и проручествованъ Богомъ.—Тѣ, которые бываютъ

отъ людей и чрезъ посредство людей, такіе суть татіе и разбойницы, какъ сказалъ Господь: *Азъ есмь дверь. Вси, елико ихъ пріиде* и приходятъ не чрезъ Меня, а *прелазятъ инудь, татіе суть и разбойницы* (Іоан. 10, 8. 1).

4) Не прельщайтесь же, братія мои: кто во тмѣ, тотъ за дверью; кто, кажется, вошелъ, но не чрезъ свѣтъ вошелъ, внѣ есть внутренняго двора и этотъ. Ибо если Христосъ есть дверь и свѣтъ міра, то всячески дверь свѣтовидна, а не просто только дверь есть. И тотъ, кто вошелъ въ нее, вступилъ въ свѣтъ міра Свѣтъ же міра есть Христосъ,—не чувственно видимый, но мысленно созерцаемый. Чувственное сіе солнце просвѣщаетъ тѣлесныя очи не только людей, но и безсловесныхъ животныхъ. А Христосъ, умное солнце, явившееся въ міръ, просвѣщаетъ только разумныя души но и ихъ не всѣхъ безъ разбора и не по достоинству. Онъ не есть тварь, или рабъ, опредѣленный на служеніе другимъ, какъ это чувственное солнце, сіяющее на праведныхъ и неправедныхъ, на злыхъ и благихъ. Христосъ хотя называется свѣтомъ и солнцемъ, но есть выше свѣта и солнца, какъ Творецъ и Владыка свѣта и солнца. Онъ есть жизнь и животворецъ, есть истина, правда и освященіе, простъ, несложенъ, благъ,—есть всякое благо и превыше всякаго блага. Какъ истина, коею Онъ есть и именуется, бываетъ Онъ истиною для кающихся и обращающихся къ Нему истинно; какъ правда, бываетъ Онъ праведностію для возненавидѣвшихъ всякое зло и неправду; какъ освященіе, освящаетъ Онъ омывшихъ и очистившихъ себя слезами; какъ простый, простымъ обрѣтается Онъ въ тѣхъ, кои не кроютъ въ себѣ никакого лукавства, или злобы; какъ несложный, несложнымъ является Онъ въ тѣхъ, которые не имѣютъ никакого злоухищренія, или двоеумія или двоедушія, или безвѣрія душевнаго; какъ благій, бла-

гимъ открывается Онъ въ тѣхъ, которые духовныхъ дѣлъ покаянія не стѣсняютъ дѣлами тѣлесными, или мірскими заботами и хлопотами, и не мѣшаютъ мірскаго съ духовнымъ, но приступаютъ къ Нему въ незлобіи, обнаженными и простыми въ настроеніи сердца и произволеніи души, коихъ простоту и непытливость пріемлетъ Богъ и въ короткое время наполнятъ ихъ всякимъ добромъ, и какъ только откроется и явится въ нихъ, тотчасъ дѣлаетъ ихъ причастниками такихъ благъ, которыя превосходятъ всякой умъ и всякое помышленіе.

Кто же можетъ узнать таковыхъ, если и есть они во времена сіи? Ихъ узнаетъ тотъ, кто просвѣщенъ свыше благодатію Святаго Духа. Но кто говоритъ: я не знаю таковыхъ, а принимаю свидѣтельство другихъ, и на основаніи ихъ рукополагаю; таковый да вѣдаетъ, что если при такомъ порядкѣ впуститъ онъ волка въ стадо Христово, то, хотя это будетъ учинено несознательно, но все-же онъ виновенъ во вредѣ, причиненномъ стаду Христову. Скажетъ иной: кто жъ его знаетъ, что онъ волкъ? И я, вѣдь, человѣкъ и не могу знать, что кроется въ сердцѣ каждаго. Но если кто не слѣпъ самъ, то нѣтъ ему возможности не узнать такого человѣка. Ибо кто, имѣя глаза, не различитъ овцы отъ волка, и татя отъ пастыря? Если же кто въ самомъ дѣлѣ слѣпъ для этого, то пусть поищетъ руководителя, а лучше пусть совсѣмъ отстанетъ отъ такого дѣла, чтобъ ни самому не быть руководителемъ другихъ, ни другаго не поставлять руководителемъ ихъ, хотя бы цѣлый міръ свидѣтельствовалъ, что онъ достоинъ. Кто смотритъ и слушаетъ духовно, тотъ, увидавъ человѣка и поговоривъ съ нимъ нѣсколько разъ, усматриваетъ самую душу его, т.-е. познаетъ, какова она и въ какомъ состояніи находится; даже по виду лица его узнаетъ, сподобился ли онъ пріять Духа Святаго. Если же онъ, хотя пріялъ благодать, но не

совершенъ еще въ благодати и не сдѣлался боговидным, то тотъ, духовный, смотрящій на него и бесѣдующій съ нимъ, узнаетъ это по словамъ его; какъ сказалъ и Владыка нашъ Христосъ: *отъ плодъ ихъ познаете ихъ* (Мѳ. 7, 16). Какъ древо познается по плоду его такъ и человѣкъ, что онъ за человѣкъ, познается изъ словъ его.

Познается впрочемъ это отъ тѣхъ, у которыхъ самихъ здравы умъ и чувства душевныя. Ибо не таковые не имѣютъ чувствъ и разсужденія для различенія даже дѣлъ человѣческихъ. Почему, видя постящагося по тщеславію, хвалятъ его, а того, кто принимаетъ пищу, какъ обычно, но со смиреніемъ, осуждаютъ; того опять, который воздерживается со смиреніемъ, почитаютъ лицемѣромъ, а того, который ѣстъ по чревоугодію, почитаютъ простымъ и нелукавымъ, любя и сами часто съ нимъ ѣсть, чтобы поблажать страстямъ своимъ. Также о тѣхъ, которые притворяются дурачками, говорятъ безвременно смѣшныя слова, принимаютъ нелѣпыя положенія и подвигаютъ другихъ на смѣхъ, думаютъ, что они такими видами шутливыми и словами неумѣстными скрываютъ свою добродѣтель и безстрастіе, и почитаютъ какъ безстрастныхъ и святыхъ; а тѣхъ, которые ведутъ себя благоговѣйно и добродѣтельно въ простотѣ сердца, пропускаютъ безъ вниманія, почитая ихъ за людей заурядныхъ. Есть и такіе, которые человѣка говорливаго и показливаго почитаютъ учительнымъ и духовнымъ, а отъ человѣка молчаливаго, блюдущагося отъ празднословія, отвращаются, какъ отъ высокоумнаго и горделиваго, и болѣе соблазняются его малословіемъ, чѣмъ назидаются, тогда какъ того, кто изворотливъ на словахъ отъ начитанности или многаго ученія, хотя онъ говоритъ иное лживо во вредъ спасенію ихъ, хвалятъ и любятъ много. И нѣтъ между такими никого, кто бы могъ добрѣ видѣть и различать вещи, какъ они есть воистину.

Ибо кто слѣпъ на одно, тотъ слѣпъ и на все, равно какъ кто глухъ на одно, глухъ и на все. Не бываетъ такъ, чтобы слѣпой одно видѣлъ, а другаго не видѣлъ, или чтобы глухой голосъ одного слышалъ, а другаго не слышалъ. Но какъ у слѣпаго, такъ и у глухаго обыкновенно зрѣніе и слухъ бываютъ вполнѣ повреждены. Тоже бываетъ и въ отношеніи къ духовной жизни, что человѣкъ, не имѣющій чувства въ отношеніи къ одному, не имѣетъ его и въ отношеніи ко всему того же рода; и наоборотъ кто имѣетъ чувство къ одному, т.-е. къ Богу, тотъ имѣетъ чувство и ко всему божескому, и чувствуетъ, кто каковъ есть въ семъ отношеніи. Будучи въ Богѣ, онъ въ Немъ видитъ и все.—видитъ себя самого, другихъ и все прочее. У кого открылись духовныя чувства, такъ что онъ умѣетъ и видѣть и слышать и чувствовать духовно, тотъ разумѣетъ, о чемъ здѣсь говорится; а кто не разумѣетъ, у того, явно, не здравы, а повреждены чувства душевныя. Находясь въ такомъ состояніи, онъ и не разумѣетъ, но приложился скотомъ несмысленнымъ и уподобился имъ. Уподобившійся же безсловеснымъ животнымъ, если не обратится, не покается и не придетъ опять въ прежнее достоинство,—по благодати, стяжанной намъ Владыкою и Господомъ нашимъ Іисусомъ Христомъ, Сыномъ Божіимъ чрезъ воплощенное Его домостроительство,—такимъ и пребудетъ. Ибо престать ему быть таковымъ иначе нельзя, какъ облекшись въ образъ Христа Господа. Кто есть яко скотъ несмысленный, тотъ еще не облекся во образъ Господа нашего Іисуса Христа, небеснаго человѣка и Бога; и поелику не облекся еще въ Него, съ чувствомъ и вѣдѣніемъ духовнымъ, то онъ есть еще кровь и плоть и не можетъ пріять чувства духовной славы посредствомъ слова, какъ и тѣ, которые слѣпы отъ рожденія, не могутъ мысленно представить свѣта солнечнаго по однимъ словамъ о немъ.

Посему будемъ умолять Бога, да откроетъ Онъ очи души нашей, чтобъ увидѣть намъ умный оный свѣтъ въ себѣ самихъ, и тако прославлять Отца и Сына и Св. Духа, но вѣки. Аминь.

СЛОВО ВОСЕМДЕСЯТОЕ.

1) О томъ, какое вѣдѣніе есть истинное вѣдѣніе, и о томъ, что вѣдѣніе Бога въ добродѣтельныхъ не отъ ученія происходитъ, но отъ чистоты души и отъ божественной благодати.
2) Что осужденіе есть худое дѣло.
3) Обличеніе тѣхъ, которые думаютъ, что знаютъ тайны Духа, не имѣя благодати Духа.
4) О святости Духа.
5) Коль блага вѣра, какой плодъ ея и какъ онъ множится.
6) Которые имѣютъ сокровище Духа въ себѣ, узнаютъ, когда оно есть и въ другихъ, и знаютъ, какіе отличительные признаки святыхъ.
7) Кто не родился свыше, тотъ не можетъ видѣть Бога и узнать того, кто достигъ сего благодатію Духа Святаго.

1) Нынѣ такое время, въ которое прилично сказать съ Пророкомъ Давидомъ: *Господь съ небесе приниче на сыны человѣческія, видѣти, аще есть разумѣваяй или взыскаяй Бога. Вси уклонишася, вкупѣ неключими быша: нѣсть творяй благостыню, нѣсть до единаго* (Пс. 13, 2—3). *Гдѣ премудръ? Гдѣ книжникъ? Гдѣ совопросникъ вѣка сего? Не обуи ли Богъ премудрость вѣка сего* (1 Кор. 1, 20), чтобы никто не могъ посредствомъ ея познавать истинную премудрость, Бога единаго истинно сущаго?— Ибо если бъ, братія, могло намъ подаваться познаніе истинной премудрости и Боговѣдѣнія посредствомъ письмени, обученія и внѣшней премудрости, то для чего бы требовалась вѣра? или божественное крещеніе? или причастіе св. таинъ? Конечно, не требовались бы. Но *понеже не разумѣ міръ премудростію Бога, благоизволилъ Богъ буйствомъ проповѣди спасти вѣрующихъ* (1 Кор. 1, 21). И это говоритъ божественный Павелъ. Я же справед-

ливо могу плакать и рыдать о сокрушеніи собственныхъ моихъ членовъ, т.-е. плотскихъ и духовныхъ братій моихъ,—о томъ, что мы, облекшіеся во Христа въ божественномъ крещеніи, ни во что вмѣняя тайны Христовы, думаемъ, что можемъ получить познаніе истины Божіей посредствомъ внѣшней премудрости и посредствомъ одного чтенія премудрыхъ Писаній святыхъ мужей, въ которомъ упражняемся и, довольствуясь этими одними средствами, почитаемъ себя постигшими православіе и имѣющими точное и твердое познаніе Пресвятыя Троицы, — и не только объ этомъ, но что и болѣе почтенные предъ другими люди неразумно полагаютъ, будто тѣ мысли, какія они слагаютъ въ умѣ своемъ, суть созерцанія такого же достоинства, какъ и тѣ, которыя подаются достойнымъ только чрезъ озареніе Духа Святаго. Увы! какое безуміе и какое ослѣпленіе! Другіе, опять безъ чистоты сердечной углубляясь умомъ своимъ въ тайны Бога и богословствуя, когда услышатъ о Богѣ, что какъ въ трехъ солнцахъ единое есть сіяніе свѣта, такъ и въ Пресвятой Троицѣ—едино сіяніе единаго Божества, тотчасъ воображаютъ въ умѣ своемъ три солнца соединенныя по свѣту, т.-е. по существу, и раздѣленныя по ипостасямъ, и полагаютъ несмысленно, что они видятъ такъ самое Божество, и что святая, единосущная и нераздѣльная Троица полно выражается симъ уподобленіемъ.

Но не такъ есть, братія, не такъ. Никто не можетъ добрѣ и полно постигнуть умомъ и выразить словомъ догматъ о Пресвятой Троицѣ, сколько ни читай онъ Божественныя Писанія. Истинно вѣрующій и не берется за это; но пріемля съ вѣрою написанное, въ томъ одномъ пребываетъ, ничего болѣе не пытая, и кромѣ написаннаго и того, чему наученъ, совершенно ничего другаго не можетъ онъ сказать пытливымъ и самонадѣянно дерзающимъ изслѣдовать божественное. Что такое слово

мое истинно, послушай, что говоритъ Христосъ Господь: *никтоже знаетъ Сына, токмо Отецъ, ни Отца кто знаетъ, токмо Сынъ и емуже аще волитъ Сынъ открыти* (Мѳ. 11, 27). Этими словами и другими подобными заграждаются безстыжія и бездверныя уста тѣхъ, которые говорятъ и думаютъ, что знаютъ сущую истину, самого, говорю, Бога, изъ внѣшней мудрости и изъ писменъ изучаемыхъ, и что сими средствами они стяжаваютъ познаніе сокровенныхъ таинъ Божіихъ, которыя открываются только Духомъ. Ибо если *никтоже знаетъ Сына токмо Отецъ, ни Отца кто знаетъ токмо Сынъ, и емуже аще волитъ Сынъ открыти* глубины сіи и сіи тайны (ибо, говоритъ, тайны мои мнѣ и моимъ); то кто изъ мудрыхъ, или риторовъ, или ученыхъ (кромѣ тѣхъ, которые при семъ очистили умъ свой высшею философіею и подвижничествомъ, и имѣютъ душевныя чувства свои истинно обученными) можетъ безъ откровенія свыше отъ Господа одною человѣческою мудростію познать сокровенныя тайны Божіи? Онѣ открываются посредствомъ умнаго созерцанія, дѣйствуемаго Божественнымъ Духомъ, въ тѣхъ, коимъ дано и всегда дается познавать ихъ божественною благодатію. Знаніе сихъ таинъ есть достояніе тѣхъ людей, которыхъ умъ каждодневно просвѣщается Духомъ Святымъ ради чистоты душъ ихъ,—тѣхъ, коихъ умныя очи добрѣ открыты дѣйствіемъ лучей Солнца правды,—тѣхъ, коимъ дано Духомъ Святымъ слово разума и слово премудрости,—тѣхъ, кои сохраняютъ совѣсть и страхъ Божій, посредствомъ любви, мира, благости, милосердія, воздержанія и вѣры. Вотъ чье достояніе есть вѣдѣніе божественнаго!

Тѣмъ, кои таковы, говоритъ Христосъ, какъ сказалъ и Апостоламъ: *вамъ дано есть вѣдати тайны царствія Божія, прочимъ же въ притчахъ* (Лк. 8, 15). Они, движимы будучи Божественнымъ Духомъ знаютъ равночестіе и

единеніе, которое имѣетъ Сынъ со Отцемъ, такъ какъ видятъ во Отцѣ Сына и въ Сынѣ Отца чрезъ Духа, какъ написано въ Евангеліи: *Азъ во Отцѣ и Отецъ во Мнѣ* (Ін. 14, 10),—при чемъ подразумѣвается, что и Духъ Святый равно есть во Отцѣ. Ибо такъ какъ Духъ Святый исходитъ отъ Отца, Отецъ же весь есть во всемъ Сынѣ, то и Духъ Святый есть во Отцѣ и Сынѣ. Отецъ и Сынъ и Духъ Святый есть единъ Богъ, покланяемый отъ всякаго дыханія.—Какъ же можно тебѣ говорить, что едино три солнца? Ибо если ты ихъ соединишь и скажешь, что три одно, то три объединятся, и будутъ въ одно солнце. Если же не соединишь ихъ, а скажешь, что ихъ три, то потеряешь единство трехъ. Отца безъ Сына и Духа невозможно тебѣ найти никоимъ образомъ, ни Сына безъ Отца и Духа, ни Духа безъ Отца и Сына. Почему вѣруй, что въ Духѣ Отецъ и Сынъ, въ Сынѣ Отецъ и Духъ, во Отцѣ Сынъ, сприсносущно всегда сущій и пребывающій и имѣющій сіяющимъ вмѣстѣ съ Собою Духа Святаго. Эти три лица не суть три Бога, но единъ Богъ, въ трехъ ипостасяхъ воспѣваемый безчисленными Ангелами, сый и присносый, и такожде сый, въ единомъ сосущіи, и царствіи, и Божествѣ. Ибо хотя въ каждомъ изъ трехъ лицъ помышляются сращенныя имъ личныя особности (нерожденность, рожденность и исходность), однакоже три лица единъ Богъ, и едино, т.-е. единъ Богъ—три: чему невозможно быть въ трехъ солнцахъ.

2) Хотѣлъ бы я представить какой нибудь примѣръ, чтобъ нѣсколько прояснить мысль сказаннаго тѣмъ, кои съ самоувѣренностію хвалятся, что знаютъ божественное, посредствомъ одного лжеименнаго разума, и безъ благодати Святаго Духа, испытующаго глубины и тайны Бога; но боюсь Бога, Который повелѣлъ не давать Святаго безстыднымъ и дерзкимъ, и не бросать бисера предъ

тѣми, которые божественное ставятъ наравнѣ съ заурядными и нечестивыми вещами, и нѣкоторымъ образомъ попираютъ и безчестятъ его своими низкими и земными помышленіями о немъ, и своими пытливыми душами,—каковыхъ умъ ослѣпилъ Богъ, какъ говоритъ Пророкъ: „и омрачи сердце ихъ, да видяще не видятъ и слышаще не разумѣютъ“ (Ис. 6, 9. 10).—И праведно. Такъ какъ они сдѣлали себя недостойными (Божія водительства), своею гордостію и своими злыми дѣлами, то и оставлены Богомъ ходить во тмѣ невѣрія и собственной худости своей, какъ говоритъ Онъ чрезъ Пророка Давида: *и отпустихъ я по начинаніемъ сердецъ ихъ, пойдутъ въ начинаніихъ своихъ* (Пс. 80, 13). Имѣя предъ собою столь много примѣровъ исполненія заповѣдей Божіихъ (которыя совершивъ дѣлами, св. отцы предложили намъ вѣрнымъ въ подражаніе ихъ добродѣтели), они не хотѣли подумать о нихъ, и подражать св. отцамъ, но дѣлаютъ все противное имъ и осуждаютъ ихъ и жизнь ихъ, коею подвизались они по Богу, говоря, что жизнь ихъ не по Богу. Таковые, говорю, не только недостойны божественнаго вѣдѣнія, какъ сыны противленія и погибели, но повинны всякому осужденію и наказанію. Потому что, забывъ себя искушать, аще суть въ вѣрѣ, пытаютъ стороннее и изслѣдуютъ необдуманно то, что выше силъ ихъ, не боясь Бога, Который повелѣваетъ: *не судите, да не судими будете. Имже бо судомъ судите, судятъ вамъ* (Мѳ. 7, 1),—и не уважая наставленій ученика Христова Павла, который говоритъ: *ты кто еси судяй чуждему рабу? Своему Господеви стоитъ или падаетъ* (Рим. 14, 3). Какъ же можно признать таковыхъ вѣрными и христіанами, когда они преслушаютъ и оставляютъ словеса Христа Господа и св. Его Апостоловъ, не соблюдаютъ законоположеній, которыя постановилъ Онъ и ученики Его, и не идутъ по стопамъ учителя наше

го Христа и не послѣдуютъ Ему? Какъ возможно увидѣть свѣтъ заповѣдей тѣмъ, которые явно преступаютъ сіи божественныя заповѣди? Нѣтъ, это невозможно.

Да не прельщаетъ васъ, братіе, никто суетнымъ ученіемъ, говоритъ Апостолъ (Кол 3, 8. 18). Братіями насъ называетъ божественный Апостолъ по причинѣ возрожденія и духовнаго родства, которое имѣемъ мы съ нимъ въ силу божественнаго крещенія. Но по дѣламъ нашимъ, какъ вижу, мы далеко отчуждились отъ братства святымъ. И это я хочу представить самыми примѣрами, или, лучше сказать, самыя дѣла наши и слова обличаютъ насъ въ этомъ. Съ сею цѣлію, обращая вопросы мои какъбы къ одному лицу, говорю: отвергся ли ты міра и всего мірскаго, брате? Сдѣлался ли нестяжательнымъ, послушнымъ, чуждымъ своей воли? Стяжалъ ли кротость и смиреніе? Преуспѣлъ ли въ постѣ, молитвѣ и бдѣніи? Достигъ ли совершенной любви къ Богу, и ближняго имѣешь ли какъ самого себя? Молишься ли со слезами и отъ всей души о тѣхъ, которые тебя ненавидятъ, онеправдываютъ и вражески относятся къ тебѣ, да будутъ прощены имъ такія согрѣшенія ихъ?—Взошелъ ли ты на такую высоту добродѣтелей, или еще нѣтъ? скажи мнѣ. Если стыдишься сказать: нѣтъ, и опять по смиренномудрію не хочешь сказать: да; то я напомяну еще тебѣ, брате, о подобающемъ и покажу, какими дѣлами и исправностями восходитъ на такую высоту добродѣтелей всякій истинный подвижникъ, подвизающійся съ истиннымъ знаніемъ дѣла и съ сильною ревностію о святости. Итакъ говорю: если изъ всего сказаннаго ты достигъ того, что возлюбилъ враговъ своихъ и многократно плакалъ о нихъ отъ сердца, молясь Богу объ обращеніи ихъ и покаяніи; то явно, что ты преуспѣлъ прежде и во всемъ прочемъ,—то есть, подвигами, тобою подъятыми, сдѣлался безстрастнымъ, стяжалъ сердце, чистое

отъ страстей, и въ немъ и имъ узрѣлъ Бога безстрастнаго. Ибо инымъ путемъ нельзя дойти до того, чтобы молиться за враговъ своихъ съ расположеніемъ къ нимъ сердца и любовію, какъ очистившись напередъ отъ всякой скверны плоти и духа, чрезъ соединеніе съ Богомъ содѣйствіемъ всеблагаго Духа.

Итакъ, если благодатію Спасителя Бога достигъ ты, брате, до сего, вмѣстѣ съ благостію и смиреніемъ, то для чего не вѣришь, что и сподвижники твои достигли тогоже, или, вѣря, завидуешь имъ, осуждаешь ихъ и оклеветываешь, чтобъ развѣять доброе о нихъ мнѣніе? Не знаешь развѣ, что дѣлатели, вступившіе въ виноградникъ на работу съ перваго часа дня, за[illegible], что позавидовали пришедшимъ въ одиннадцатый часъ и получившимъ одинаковую съ ними награду, ввержены въ огнь кромѣшній? Какъ же ты, дѣлая и говоря тоже или и хуже того противъ святыхъ, коихъ добродѣтельная жизнь и вѣдѣніе сіяютъ, какъ солнце, думаешь, что не будешь осужденъ на такое же, или еще худшее наказаніе и мученіе? Или не знаешь, что святые никогда не завидуютъ святымъ? Ибо гдѣ зависть, тамъ живетъ и отецъ зависти, діаволъ, а не Богъ любви. Почему, если имѣешь въ себѣ зависть, то какъ думаешь, что ты святъ,— ты, котораго не признаетъ даже вѣрнымъ или христіаниномъ любовь Бога и брата твоего? А что такъ есть воистину, что тотъ, кто имѣетъ зависть, имѣетъ діавола и не можетъ быть Христовымъ, потому что не имѣетъ любви къ брату, это явно для всякаго, слушающаго Божественныя Писанія.

3) Если же ты не удостоился еще пріять такіе дары и не достигъ въ такую мѣру боготворныхъ добродѣтелей, то какъ дерзаешь отверзать уста свои и говорить? Какъ берешься учить, самъ имѣя нужду въ оглашеніи и наученіи отъ другихъ? Какъ покушаешься совопросни-

чать о томъ, чего не знаешь и о чемъ не слыхалъ? И какъ дерзаешь вступать въ бесѣду о такихъ высокихъ предметахъ, будто человѣкъ, знающій божественное? Или не знаешь, что тебѣ слѣдуетъ стоять за дверьми церкви, какъ оглашенному, а ты по дерзости своей стоишь вмѣстѣ съ другими вѣрными, чистыми, молящимися внутри церкви, преступая Апостольскія правила? Ибо оглашеннымъ слѣдуетъ называть не только невѣрнаго, но и всякаго, кто не зритъ славы Господа откровеннымъ лицемъ ума своего. Я впрочемъ плачу о твоемъ невѣжествѣ, что ты совсѣмъ не вѣришь, чтобъ нынѣ былъ кто нибудь такой святой, какъ древніе; между тѣмъ, сопричисляя себя къ массѣ людей, какъ заурядный къ заурядному, въ тоже время, какъбы нѣкій святый и богоносный мужъ, говорящій Духомъ Святымъ, берешься изъяснять то, къ чему понужденъ словами моими, хотя сознался, что совсѣмъ не знаешь того. Теперь спрошу тебя,—то, о чемъ сказалъ ты, что не видѣлъ того, не слышалъ и не удостоился пріять въ душу свою,—это, говорю, какъ не стыдишься ты изъяснять и истолковывать, какъбы познавшій то отъ Духа Святаго?

4) Ибо если ты не сдѣлался безстрастнымъ, если не удостоился пріять Духа Святаго, если ты еще не святой, то какъ говоришь, что знаешь тайны Духа, какъбы былъ святой,—тайны, о коихъ написано, что око не видало, ухо не слыхало и на сердце человѣка перстнаго не всходило, что за блага, которыя уготовалъ Богъ любящимъ Его? Ибо они открываются Богомъ благодатію Святаго Духа тѣмъ, кои сдѣлались причастны святыни Духа, да вѣдаютъ, какіе божественные дары подаются достойнымъ, какъ говоритъ божественный Павелъ: мы *не духа міра сего пріяхомъ, но духа, иже отъ Бога, да вѣмы яже отъ Бога дарованная намъ. Духъ бо вся испытуетъ, и глубины Божія* (1 Кор. 2. 12. 10).

Чрезъ Него открылся и познался намъ, грѣшникамъ сущимъ и смиреннымъ, Богъ и Отецъ Господа нашего Іисуса Христа, Спасителя и Бога великаго, въ самомъ Христѣ Богѣ,—Богъ, *егоже никтоже видѣлъ есть отъ человѣкъ, ниже видѣти можетъ* (1 Тим. 6, 16). *Богъ, рекій изъ тмы свѣту возсіяти,* Онъ же самый *возсія и въ сердцахъ нашихъ* (2 Кор. 4, 6). То есть, совершенно неописанный и необъемлемый пріемлется какъ сокровище въ скудельные сосуды тѣлъ нашихъ; и не имѣющій образа и вида образуется въ насъ, исполняя все неописанно, яко сый превыше всякаго величія и всякой полноты. То, что Богъ образуется въ насъ, что другое есть, какъ не то, что Онъ претворяетъ, возсозидаетъ и преображаетъ насъ по образу Божества своего?

5) Таковъ былъ и Симеонъ благоговѣйный, подвизавшійся въ Студійской обители, какъ мы знаемъ и какъ удостовѣрились въ этомъ опытно. Ибо мы на проявленіяхъ Духа, бывшаго въ немъ, основали вѣру свою въ него, хранимую неизмѣнно и доселѣ или лучше сказать, возжгли отъ свѣта его, какъ нѣкую лампаду, свѣтильникъ души нашей, который и блюдемъ неугасимымъ, сами хранимы будучи его молитвами и ходатайствами о насъ, которыми напаяема будучи, душа наша умножаетъ вѣру въ него и еще (дерзая о Господѣ говорю) будетъ умножать, Богу содѣйствующу, да приноситъ стократный плодъ отъ сего божественнаго свѣта. Плодъ вѣры есть святый и невечерній свѣтъ; свѣтъ же святый въ свою очередь прилагаетъ и умножаетъ вѣру. Насколько сильнѣе возсіяваетъ свѣтъ, настолько возрастаетъ вѣра и восходитъ на высоту. И опять насколько возрастаетъ вѣра, настолько множится явно плодъ Духа; плодъ же Духа есть любы, радость, миръ, долготерпѣніе благость, милосердіе, вѣра, кротость, воздержаніе. Имѣющій такіе

плоды знаетъ ихъ добрѣ. Ибо какъ тотъ, кто имѣетъ маргариты и камни драгоцѣнные, сапфиры, говорю, аметисты и другіе подобные, знаетъ (если пріобрѣлъ опытность въ томъ) видъ и величину каждаго, такъ и тотъ, кто насадилъ въ себѣ добродѣтели и возрастилъ плоды Духа, знаетъ и видъ и силу каждаго изъ нихъ, и наслаждается сладостію всѣхъ ихъ.

6) И, что всего дивнѣе, вѣрно узнаетъ, когда тотъ плодъ, который въ немъ есть, есть и въ другихъ. Ибо какъ народы распознаются по одеждамъ ихъ, особенно же по голосу и языку, такъ и святые познаются по тому, какъ благочестно и благообразно они себя держатъ, и по другимъ внѣшнимъ признакамъ; но особенный и рѣшительно вѣрный признакъ ихъ есть слово, исходящее изъ устъ ихъ. Ибо чего нѣтъ въ сердцѣ, того не могутъ изнести уста; если же и берется кто изнести то, тотчасъ обличается собственными своими словами, что говоритъ недобрѣ. *Благій человѣкъ*, говоритъ Господь, *отъ благаго сокровища сердца своего износитъ благая: и лукавый человѣкъ отъ лукаваго сокровища износитъ лукавая* (Мѳ. 12, 35). И смотри, какія глубины Духа!—Не сказалъ Господь только, что отъ благаго сердца износитъ, но сказалъ: *отъ благаго сокровища сердца*, чтобъ ты позналъ изъ сего, что никто изъ насъ не можетъ имѣть сердца пустымъ, но что всякій имѣетъ въ сердцѣ своемъ одно изъ двухъ: или благодать Духа Святаго посредствомъ вѣры и добрыхъ дѣлъ, или лукаваго діавола за невѣріе, нерадѣніе о заповѣдяхъ Божіихъ и дѣланіе злыхъ дѣлъ. Чтобъ ты не подумалъ, будто Господь говоритъ, что имѣютъ сокровище Святаго Духа и тѣ, которые исполняютъ нѣкоторыя только заповѣди Божіи, а не всѣ со всею точностію, Онъ сказалъ въ другомъ мѣстѣ: *имѣяй заповѣди Моя* (разумѣется, всѣ) *и соблюдаяй ихъ, той есть*

любяй Мя: а любяй Мя, возлюблень будетъ Отцемъ Моимъ: и Азъ возлюблю его и явлюся ему Самъ,—и прибавилъ: *аще кто любитъ Мя, слово Мое соблюдетъ: и Отецъ Мой возлюбитъ его, и къ нему пріидемъ, и обитель у него сотворимъ* (Ін. 14, 21. 23).

Видишь, какъ тотъ, кто стяжалъ благое сердце трудами и дѣланіемъ заповѣдей, имѣетъ въ себѣ все Божество, которое есть благое сокровище? А что сокровище сіе не обитаетъ въ томъ, кто преступаетъ или нерадитъ хоть объ одной какой заповѣди, даже малѣйшей, и не исполняетъ ея, — слушай, что̀ еще говоритъ Онъ: *иже аще разоритъ едину заповѣдей сихъ малыхъ, и научитъ тако человѣки, мній наречется въ царствіи небесномъ* (Мѳ. 5, 19). Меньшими или малѣйшими назвалъ Господь заповѣди не потому, чтобъ онѣ въ самомъ дѣлѣ были таковы, но потому, что мы почитаемъ ихъ такими. Попраздновословить, напримѣръ, или пожелать елика суть брата нашего, или посмотрѣть страстно, или презрѣть и осудить кого,—все это и подобное сему почитаемъ мы за ничто, имѣемъ малѣйшимъ и послѣднѣйшимъ, почему нерадимъ, и относимся къ тому безразлично, не остерегаемся того и никакого о томъ понятія не имѣемъ; потому что забыли, какой строгій судъ произноситъ Господь о такихъ дѣлахъ, говоря: *всяко слово праздное, еже аще рекутъ человѣцы, воздадятъ о немъ слово въ день судный* (Мѳ. 12, 36); еще: *не пожелай, елика суть ближняго твоего* (Втор. 5, 21); еще: *иже воззритъ... ко еже вожделѣти... уже любодѣйствова* (Мѳ. 5, 28); и еще: *иже речетъ брату своему: рака, повиненъ есть сонмищу; а иже речетъ: уроде, повиненъ есть геенѣ огненной* (Мѳ. 5, 22).—И Апостолъ, желая показать, что діаволъ дѣйствуетъ въ тѣхъ, кои дѣлаютъ такія дѣла, говоритъ: *жало смерти грѣхъ* (1 Кор. 15, 56) Ибо если грѣхъ есть не что иное какъ преступленіе запо-

вѣди Божіей, а – не пожелай, не лги, не празднословь и не осуждай брата своего, есть заповѣдь Божія, то явно, что всякій, творящій такія дѣла, уязвляется жаломъ смерти, т.-е. грѣхомъ; сквозь же эту язвину и ужаленіе грѣха, тотчасъ, какъ червь, входитъ діаволъ и живетъ тамъ внутри. Видишь ли, какъ тѣ, которые не сдѣлали сердецъ своихъ чистыми посредствомъ слезъ и покаянія, имѣютъ живущимъ внутрь себя діавола, который есть злое сокровище?

Такъ-то благой человѣкъ изъ благаго сокровища сердца своего износитъ благое, а злой—злое. Но истинное покаяніе съ исповѣдію и слезами, какъ нѣкіими пластырями и лѣкарствами, омываетъ и очищаетъ рану сердца, и самую язвину, какую до сердца открыло жало мысленной смерти,—потомъ извлекаетъ вонъ червя, который сдѣлалъ себѣ внутри нору и жилъ тамъ, и убиваетъ его,—наконецъ залѣчиваетъ рану и мѣсто ея дѣлаетъ совершенно здоровымъ, такъ что даже и слѣда ея не остается. Это, сказанное мною, знаютъ, какъ происходитъ въ нихъ, только тѣ, которые имѣютъ сердце, ищущее здравія притрудно, со слезами и покаяніемъ. А прочіе чувствуютъ даже удовольствіе отъ такихъ язвъ и нарочно ихъ растравляютъ, стараясь прибавлять къ нимъ и другія раны. Они то только и считаютъ здоровьемъ, когда удовлетворяютъ всякую страсть и всякую похоть свою,—даже величаются, когда дѣлаютъ какой грѣхъ срамный, срамоту такую вмѣняя себя въ славу. Почему же они такъ превратно дѣйствуютъ? Потому что не знаютъ духовнаго утѣшенія и радости, какія приноситъ совершенное очищеніе сердца,—или, лучше сказать, потому что совершенно не вѣрятъ сему и держатъ убѣжденіе, что невозможно человѣку совершенно очиститься отъ страстей и пріять въ себя полное дѣйство Духа Святаго. Вслѣдствіе сего они и говорятъ и дѣлаютъ

всегда то, что противно спасенію ихъ, а чрезъ это и сами себѣ затворяютъ двери въ царство небесное, и другимъ желающимъ препятствуютъ войти въ него. Если случится имъ услышать гдѣ о комъ либо, что онъ, подвизаясь, какъ слѣдуетъ, въ заповѣдяхъ Господнихъ, сталъ смиренъ въ сердцѣ и въ мудрованіи своемъ, очистился отъ страстей и всѣмъ проповѣдуетъ дивныя милости Божіи, какія явилъ надъ нимъ Богъ, по неложнымъ обѣтованіямъ Своимъ, — или его самого услышать говорящимъ на пользу слушающихъ, какъ удостоился онъ увидѣть свѣтъ Божій и самого Бога во свѣтѣ славы, и какъ разумно позналъ въ себѣ присутствіе и дѣйствіе Духа Святаго и сталъ одѣянъ благодатію Духа Святаго,—если, говорю, услышатъ они сіе, тотчасъ, какъ псы разъяренные, начинаютъ лаять противъ него, покушаясь, если возможно, и совсѣмъ пожрать его, говоря ему: перестань, прельщенне и горделиве! Кто въ теперешнее время можетъ сдѣлаться такимъ, каковы были древніе отцы? Или кто можетъ видѣть Бога, хотя мало нѣкако? Кто можетъ получить благодать Св. Духа въ такомъ обиліи, чтобъ ради ея сподобился увидѣть Отца и Сына?—Перестань, чтобъ не быть тебѣ побиту камнями.

Таковымъ, мнѣ кажется, я долженъ достойно отвѣтить, какъ того требуетъ невѣжество ихъ, слѣдуя наставленію Соломона: *Не отвѣчай безумному по* (προς) *безумію его, да не подобенъ ему будеши: но отвѣщай безумному по* (κατα) *безумію его, да не явится мудръ у себе* (Притч. 26, 4. 5). О братія! Изъ васъ дѣйствительно никто, какъ говорите, не видѣлъ Бога; но изъ тѣхъ, которые самоохотно взяли на себя крестъ Господень и потекли тѣснымъ путемъ, готовы будучи и душу свою погубить за животъ вѣчный, изъ этихъ многіе видѣли Бога, и прежде и теперь, какъ думаю, многіе видятъ

Его, и всякій можетъ увидѣть Его, если возжелаетъ сего и устремится къ сему какъ должно; только вы, по развращенію сердца вашего и по зависти, не можете видѣть такихъ людей. Слушай, что говоритъ Евангелистъ Іоаннъ: *елицы пріяша Его, даде имъ область чадомъ Божіимъ быти, вѣрующимъ во имя Его: иже не отъ крове, ни отъ похоти плотскія, ни отъ похоти мужескія, но отъ Бога родишася* (Іоан. 1, 12. 13).

7. Итакъ, если ты не родился отъ Бога, то явно, что ты и не чадо Его. Ты не пріялъ еще Его и не имѣешь внутрь себя. Почему Онъ не далъ тебѣ области, и ты не можешь быть чадомъ Божіимъ. Если же ты не сдѣлался еще чадомъ Божіимъ, то какъ возможно тебѣ видѣть небеснаго Бога, яко отца своего? Никто никогда не видѣлъ отца своего прежде, чѣмъ родился отъ него; и никто изъ людей не увидитъ Бога, если прежде не родится отъ Него. Посему-то Господь и говорилъ: *аще кто не родится свыше, не можетъ видѣти царствія Божія* (Іоан. 3, 3). И еще: *рожденное отъ плоти плоть есть: и рожденное отъ Духа духъ есть* (— —6). Но ты, поелику родился только отъ плоти и не позналъ еще духовнаго рожденія, которое бываетъ отъ Святаго Духа, то не родился отъ Него, не сдѣлался и самъ духомъ. Итакъ, какъ же можешь ты испытывать глубины Божіи, или, лучше сказать, видѣть Бога? Всеконечно не можешь. Ты самъ, и не хотя, признаешь это истиннымъ. Ибо видишь, что говоритъ Господь?—Но ты таковъ ли? И почему узнать намъ, что ты таковъ?—Я не могу сказать, что я таковъ, безъ благодати Божіей. Но полагаю, что ни самъ Апостолъ Павелъ, ни Іоаннъ не могутъ сказать это, и я болѣзную о душевномъ ослѣпленіи тѣхъ, которые говорятъ это, и тутъ же ищутъ узнать, какъ познается тотъ, кто достигъ въ мужа совершенна, въ мѣру возраста исполненія Христова.

Впрочемъ, если хочешь узнать, я скажу тебѣ—какъ: такъ, какъ слѣпые узнаютъ другихъ людей,—какъ Исаакъ признавалъ сына своего Іакова, хотя онъ былъ наряженъ такъ, чтобъ походилъ на брата своего Исава. Всѣ вы знаете, что Исаакъ былъ въ недоумѣніи и говорилъ: руки—руки Исава, а голосъ—голосъ Іакова. Хитрости подряженія онъ не могъ узнать, потому что былъ слѣпъ, а обычный голосъ сына своего Іакова узналъ. Если бъ онъ былъ глухъ, то не могъ бы и голоса его узнать. Такъ и вы,—кто бы вы ни были изумляющіеся подобнымъ образомъ, какъ можете узнать мужа духовнаго, если вы не только слѣпы, но и глухи? Невозможно это для васъ. А что это истинно, что тѣ, которые не видятъ духовно, не могутъ и слышать духовно, послушай, что говоритъ Господь невѣрнымъ Іудеямъ: *почто бесѣды моея не разумѣете? Яко не можете слышати словесе моего*. И еще немного ниже: *иже есть отъ Бога, глаголовъ Божіихъ послушаетъ: сего ради вы не послушаете, яко нѣсте отъ Бога. Вы отца вашего діавола есте, и похоти отца вашего хощете творити* (Іоан. 8. 43. 47. 44). Итакъ, если и вы, по причинѣ невѣрія и лукавства своего, по причинѣ нерадѣнія и преступленія заповѣдей Божіихъ, плоть есте,—разумѣю, если одебѣлѣли сердцемъ и имѣете слухъ и око душевныя заключенными, и умъ покрытымъ страстьми, то какъ можете познать духовнаго и святаго мужа?

Но, о, братія мои и отцы! Умоляю, да восподвизается каждый изъ насъ сначала познать себя самого, дабы потомъ имѣть возможность иной разъ отъ того, что въ мѣру нашу, познать и то, что выше насъ. Ибо кто не позналъ прежде себя самого такъ, чтобъ могъ съ Давидомъ говорить: *азъ есмь червь, а не человѣкъ* (Пс. 21, 7), и съ Авраамомъ: *азъ есмь земля и пепелъ* (Быт. 18, 27), тотъ никакъ не можетъ познать что либо изъ духовнаго

и божественнаго духовно и достойно, и какъ подобаетъ вышеестественному и премудрому Духу. Никто да не прельщаетъ васъ суетными и обманчивыми словами, говоря, что можно познать божественныя тайны вѣры нашей, безъ наученія и просвѣщенія Святаго Духа. Пріятелищемъ же даровъ Духа никто не можетъ быть безъ кротости и смиренія. Почему надлежитъ всѣмъ намъ всенепремѣнно прежде всего положить твердое и непоколебимое основаніе вѣры во глубинахъ души нашей; потомъ на семъ основаніи создать домъ внутренняго благочестія души, устроивъ стѣны его высоко и крѣпко изъ разныхъ видовъ добродѣтелей. Когда такимъ образомъ ограждена будетъ душа со всѣхъ сторонъ, какъ стѣнами, и когда въ ней водрузится и укоренится всякая добродѣтель, тогда возложимъ на сіе зданіе и кровлю, которая есть вѣдѣніе Бога, — и домъ Духа будетъ у насъ всецѣло и совершенно готовъ. Ибо когда душа очистится слезами соотвѣтственно являемому ею покаянію и исполненію заповѣдей, тогда человѣкъ, вопервыхъ, удостоивается благодатію Духа познать свое состояніе и всего себя; потомъ послѣ тщательнаго и долговременнаго очищенія сердца и укорененія глубокаго смиренія, начинаетъ онъ мало-по-малу, и нѣкоторымъ образомъ примрачно, постигать яже о Богѣ и божественныхъ вещахъ; и чѣмъ больше постигаетъ, тѣмъ паче дивится и стяжаетъ вящшее смиреніе, думая о себѣ, что совсѣмъ недостоинъ познанія и откровенія такихъ таинъ. Почему, блюдомый такимъ смиреніемъ, какъ-бы находясь за крѣпкими стѣнами, пребываетъ онъ неуязвимымъ отъ помысловъ тщеславія, хотя каждодневно растетъ въ вѣрѣ, надеждѣ и любви къ Богу, и ясно видитъ преспѣяніе свое, являющееся въ приложеніи вѣдѣнія къ вѣдѣнію и добродѣтели къ добродѣтели. Когда же достигнетъ наконецъ въ мѣру возраста исполненія Христова, и истинно стяжетъ умъ Христовъ

и самого Христа, тогда приходитъ въ такое доброе состояніе смиренія, въ коемъ увѣренъ бываетъ, что не знаетъ, имѣетъ ли что либо въ себѣ доброе, и почитаетъ себя рабомъ неключимымъ и ничтожнымъ. И то наипаче дивно и вышеестественно, что онъ держитъ на сердцѣ, что во всемъ мірѣ нѣтъ ни одного человѣка, который былъ бы ниже и грѣшнѣе его. Какъ доходитъ онъ до такого убѣжденія и какъ удерживаетъ его, не могу сказать. Одно только могъ я понять въ этомъ, что есть прехвальная добродѣтель смиренія. Когда душа придетъ въ такое доброе состояніе и умъ ея силою Духа о Христѣ Богѣ погрузится во глубину смиренія и забудетъ міръ и все, что въ мірѣ, помышляя только о себѣ и своемъ, такъ что это обратится въ постоянный навыкъ и настроеніе неизмѣнное; тогда она видитъ себя крайне уничиженною и бѣдною, и убѣждается, что между всѣми людьми міра нѣтъ никого другаго столь ничтожнаго, какъ она. Такимъ образомъ, чѣмъ болѣе кто имѣетъ себя въ чувствѣ души бѣднѣйшимъ и нижайшимъ всѣхъ людей, тѣмъ онъ бываетъ первѣе и выше всѣхъ людей, какъ опредѣляетъ Господь и Богъ нашъ: *иже хощетъ въ васъ вящшій быти, да будетъ вамъ слуга* (Матѳ. 20, 25). Станемъ же и мы, братія, подвизаться, чтобъ придти въ такой чинъ и состояніе;—тогда и мы будемъ въ состояніи легко узнавать святыхъ, достигшихъ сей мѣры,—и улучимъ и настоящія и будущія блага, благодатію Господа нашего Іисуса Христа,—Коему слава во вѣки. Аминь.

СЛОВО ВОСЕМЬДЕСЯТЪ ПЕРВОЕ.

1) О духовномъ дѣланіи.
2) Каково было это дѣланіе у древнихъ святыхъ?
3) Какъ можно и намъ преуспѣвать въ немъ?

1. Поелику иные люди высокое имѣютъ о себѣ мнѣніе (котораго куда бы лучше было имъ не имѣть) и по-

читаютъ себя подобными древнимъ святымъ и богоноснымъ отцамъ нашимъ, по вѣдѣнію, дѣламъ и совершенству, будто стяжавшіе такую же благодать Св. Духа, какой сподобились и тѣ,—между тѣмъ какъ выставляютъ себя такими только на словахъ безъ дѣлъ, прельщены будучи духомъ самомнѣнія и тщеславія, то я счелъ благословнымъ сказать въ простотѣ нѣсколько словъ объ этомъ, по заповѣди Божіей, которая гласитъ: *и ты обращся, утверди братію твою* (Лук. 22, 32), и по любви, какую Христосъ повелѣлъ намъ имѣть къ ближнимъ своимъ. Хочешь, брате, слышать, что дѣлали святые и богоносные отцы наши, сидя въ келліяхъ своихъ? Читай житія ихъ и изучи прежде самъ ты ихъ тѣлесное дѣланіе, а потомъ и я открою тебѣ, какое духовное проходили они дѣланіе. Ибо писавшіе житія ихъ, описывали болѣе тѣлесныя (видимыя) ихъ дѣла, какъ-то: ничегонеимѣніе, постъ, воздержаніе, терпѣніе и прочее чтобъ не пересказывать все и не удлиннить тѣмъ слова; духовное же ихъ дѣланіе они лишь нѣсколько давали видѣть посредствомъ тѣлесныхъ дѣлъ ихъ какъ въ зеркалѣ; такъ что познать и уразумѣть, какихъ сподобились они дарованій духовныхъ, могутъ только тѣ, которые, подобно имъ, подъемлютъ труды и подвиги, и такими дѣлами являя вѣру подобную ихъ вѣрѣ, чаютъ сдѣлаться причастниками и дарованій ихъ. Тѣ же, которые не подражаютъ подвигамъ ихъ, ничего не уразумѣютъ о духовныхъ ихъ дѣлахъ. Впрочемъ, поелику мы въ такое пришли неразуміе, что почитаемъ себя имѣющими такую же благодать Духа, какую имѣли древніе, не дѣлая однакожъ дѣлъ, которыя они дѣлали, то изслѣдуемъ этотъ предметъ, и удостовѣрясь въ томъ, какъ все бываетъ изъ духовныхъ дѣлъ отцевъ, восподвизаемся подражать имъ, хотя и не можемъ надѣяться достигнуть въ мѣру ихъ.

2. Итакъ, что дѣлалъ Антоній великій, когда уединенно жилъ въ гробницѣ,—и притомъ тогда, какъ не зналъ еще въ совершенствѣ духовнаго дѣланія? Не заключился ли онъ въ гробницѣ такъ, какъ мертвый? Имѣлъ ли съ собою хоть что либо изъ вещей міра, и заботился ли самъ о себѣ хоть сколько нибудь? Не умеръ ли онъ весь и всецѣло для міра, и не искалъ ли единаго Бога, могущаго даровать ему жизнь и воскресеніе? Не довольствовался ли онъ однимъ хлѣбомъ и водою? Не выносилъ ли онъ мужественно всякое зло отъ демоновъ, хотя они такъ сильно нападали на него, что однажды онъ остался полумертвымъ отъ побоевъ ихъ? Когда же принесли его по сему случаю въ церковь, какъ мертваго и пошевелиться не могшаго, то онъ, пришедши въ себя, не возвратился ли назадъ и не выступилъ ли опять небоязненно противъ враговъ своихъ одинъ? — Простое будто это дѣйствіе, а между тѣмъ сколь оно было важно! Ибо если бъ онъ не возвратился къ врагамъ своимъ, а остался въ мірѣ, и если бъ онъ, рѣшась такимъ образомъ терпѣть до конца, не предалъ себя произвольно на смерть со всею готовностію, то не удостоился бы увидѣть превожделѣнное лице Христа Господа и услышать сладчайшій гласъ Его. Но какъ онъ взыскалъ вседушно, толкалъ всеусердно, претерпѣлъ до конца, то и получилъ достойную терпѣнія своего награду. Ибо, какъ я сказалъ, онъ умеръ произволеніемъ для всего, любве ради Христовы, и сидѣлъ на уединеніи, какъ мертвый, пока не пришелъ Христосъ, животворящій мертвыхъ, не извелъ его изъ ада, т.-е. изъ душевной тмы, и не ввелъ въ чудный свѣтъ лица своего, который узрѣвъ, Антоній освободился отъ всякой скорбности и, преисполнясь радости, воззвалъ: Господи! Гдѣ же былъ Ты доселѣ?! Словами: гдѣ былъ Ты, Господи? онъ показалъ, что не зналъ, гдѣ былъ Господь; тѣмъ же, что сказалъ: доселѣ показалъ онъ,

что теперь увидѣлъ, возчувствовалъ и позналъ присутствіе Христа Господа. Итакъ, если мы не хотимъ отрещися міра такимъ же образомъ и не произволяемъ терпѣть подобно св. Антонію, то какъ возможно намъ удостоиться увидѣть Бога благодатію Духа Святаго и преисполниться радости духовной, подобно ему? Нѣтъ, никакъ это невозможно.

Вотъ и Арсеній великій, тотчасъ какъ возненавидѣлъ міръ, что сдѣлалъ? Не оставилъ ли царскихъ палатъ, и царей, и слугъ, и всего богатства своего, и не пошелъ ли въ монастырь одинъ, какъ какой либо бѣдный и нищій, всячески стараясь, чтобъ не узнали, чѣмъ онъ былъ, во избѣжаніе славы и хваленій человѣческихъ и въ стяжаніе славы предъ Богомъ?—Что же? Удовольствовался ли онъ этимъ однимъ? Нѣтъ; но что сдѣлалъ? Не потерпѣлъ, чтобъ его ставили наравнѣ съ бѣдными оными подвижниками, какъ нищаго и презрѣннаго, но смотрѣлъ на себя, какъ на пса. Ибо когда игуменъ, для испытанія его бросилъ ему кусокъ хлѣба и хлѣбъ упалъ на земь, то благословенный сей и самъ бросился на земь и пошелъ къ хлѣбу, подобно четвероногому на рукахъ и ногахъ, но и дошедши до него, не руками взялъ его, а зубами, какъ дѣлаютъ псы, и съѣлъ. Потомъ, когда сидѣлъ въ келліи, не только терпѣливо трудился надъ рукодѣліемъ, къ которому совсѣмъ не имѣлъ привычки, но и такъ велъ дѣло, что на нужды свои истрачивалъ гораздо менѣе, нежели сколько получалъ отъ рукодѣлья,—и пилъ воду уже попортившуюся. Къ тому же, и когда работалъ рукодѣлье и когда молился, всегда плакалъ и обливался слезами, на молитвѣ простаивалъ съ вечера до разсвѣта, и до конца жизни терпѣлъ бѣдность и нищету. Для чего? Для того, чтобы увидѣть и испытать и самому тоже, что сподобился увидѣть и испытать великій Антоній. Но какъ же, спросишь, о немъ не написано, что

онъ видѣлъ Христа? Ужъ въ самомъ дѣлѣ, можетъ быть, онъ не подъялъ такихъ подвиговъ, какіе подъялъ св. Антоній; или хоть подъялъ такіе подвиги. однакожь Бога увидѣть не сподобился? Нѣтъ, не такъ. И онъ сподобился увидѣть Бога, такъ же, какъ и великій Антоній; но тотъ, кто писалъ его житіе, не сказалъ этого явно. Если желаешь въ этомъ удостовѣриться, прочитай главы, написанныя Арсеніемъ Великимъ,—и узнаешь изъ нихъ, что и онъ видѣлъ Бога.

3. Итакъ, кто подражаетъ святымъ дѣлами своими и подвигами, тотъ навѣрное сподобится получить и равную благодать. И сіе такъже вѣрно, какъ вѣрно то, что никто изъ святыхъ отцевъ, ни прежде пріятія благодати Св. Духа, ни по пріятіи оной, не могъ выдти изъ омраченія душевнаго и увидѣть свѣтъ Святаго Духа, безъ трудовъ, подвиговъ и потовъ, безъ самопринужденія, самоутѣсненія и прискорбности. Ибо нудно есть царствіе небесное и нудницы восхищаютъ его,—такъ какъ многими скорбми подобаетъ внити въ него (Мѳ. 11, 12; Дѣян. 14, 12). Царствіе сіе есть благодать Святаго Духа, какъ показываетъ сказанное Господомъ слово: *царствіе Божіе внутрь васъ есть* (Лук. 17, 21), чтобъ мы восподвизались пріять и имѣть въ себѣ Духа Святаго. Итакъ, которые чуждаются всегдашняго самопринужденія, самоозлобленія и самостѣсненія, произвольной нищеты и самоохотныхъ лишеній, такіе пусть не говорятъ, что имѣютъ въ себѣ Духа Святаго. Ибо безъ трудовъ, потовъ и болѣзненныхъ подвиговъ въ добродѣтеляхъ, ни кому не дается сей небесный даръ. Почему истину выражаетъ общее присловіе, которое гласитъ: покажи дѣла и ищи наградъ.

Я знаю человѣка, который, почитавши Божественныхъ Писаній въ правотѣ помышленій и простотѣ души и бдѣнно помоливши нѣсколько дней и ночей безъ осо-

бывъ какихъ либо трудовъ и подвиговъ, такого сильнаго сподобился просвѣщенія отъ благодати Св. Духа, что ему показалось, будто онъ находится внѣ тѣла, внѣ дома, внѣ сего міра. Была ночь, когда онъ увидѣлъ этотъ свѣтъ,—и вдругъ стало свѣтло, какъ въ полный день Но какъ онъ получилъ такое богатство безъ труда то скоро сталъ и небречь о немъ, впалъ въ нерадѣніе и лишился всего онаго богатства.—и до такой степени, что совсѣмъ даже изъ памяти у него выпало, что нѣкогда видѣлъ таковую славу.

Какъ же послѣ сего тѣ, которые никогда не сподоблялись получить, или видѣть такую славу, говорятъ, что имѣютъ ее въ себѣ? Недоумѣваю. Но о, ослѣпленіе и омраченіе таковыхъ! О, нечувствіе и суетное ихъ самомнѣніе! Откуда это они узнали? И отъ какихъ писаній слышали? Поистинѣ осустились они помышленіями своими и омрачилось неразумное ихъ сердце,—и они все еще пребываютъ въ Египтѣ, т.-е. во мракѣ страстей и похотей своихъ. Ибо тѣ, которые возжелали увидѣть землю обѣтованія, которую видѣть сподобляются кроткіе, смиренные и нищіе (духомъ), съ удовольствіемъ подъемлютъ всякую тѣсноту, скорбь, скудость, нищету,—и всеусильно воздерживаются отъ всякой тѣлесной сласти, покоя и чести, отдаляются отъ всякаго человѣка, и малаго и великаго, и бѣгаютъ ихъ безъ ненависти, чтобъ сподобиться внити въ землю обѣтованія, прежде чѣмъ пресѣчется теченіе настоящей жизни, т.-е. прежде чѣмъ умрутъ. Таковые много смиряются, и почитая себя истинно злонравными, многогрѣшными, врагами Бога и преступниками заповѣдей Его, проводятъ жизнь въ скорбѣніи, печалованіи и покаяніи, и всячески стараются узнать, что бы еще слѣдовало имъ сдѣлать, чтобъ примириться и содружиться со Христомъ Господомъ. За это и Господь даруетъ имъ наконецъ не только познать.

что надлежитъ имъ дѣлать, чтобы примириться съ Нимъ, но даетъ имъ силу и терпѣніе и дѣломъ совершить все, потребное для того, чтобъ увидѣть и стяжать надъ всѣмъ и во всемъ сущаго Бога, и послѣ того жить уже какъ на небѣ и тамъ имѣть свое обиталище, хотя находятся въ горахъ, въ пещерахъ, въ келліяхъ, въ городахъ, и такимъ образомъ служить Ему съ удовольствіемъ и отрадностію, съ радостію и веселіемъ неизглаголанными.

Таково дѣланіе святыхъ! Таково дѣйствованіе тѣхъ, въ коихъ дѣйствуетъ Духъ Божій! Такимъ и въ наши дни былъ святый и блаженнѣйшій Симеонъ благоговѣйникъ, который, какъ солнце, сіялъ въ славномъ монастырѣ Студійскомъ. Онъ сначала жилъ въ мірѣ, среди дѣлъ мірскихъ, среди друзей и родныхъ, заботъ, попеченій и утѣшеній мірскихъ, но потомъ такъ отъ всего этого отрѣшился, что совсѣмъ и не вспоминалъ о томъ никогда. Онъ, живя среди множества монаховъ, такое блаженное сказалъ слово: долгъ имѣетъ монахъ быть въ монастырѣ, — какъ существующій, и несуществующій, и неявляемый, наипаче же незнаемый. Изъясняя сіе слово, онъ говорилъ: „какъ существующій и несуществующій,— какъ бы онъ существовалъ по тѣлу, а не существовалъ по духу, и неявенъ былъ въ семъ отношеніи другимъ, исключая тѣхъ, кои содѣлались чистыми, благодатію Всесвятаго Духа,—и знаемъ не былъ, т.-е. ни съ кѣмъ ничего не имѣлъ (не имѣлъ особой знаемости и дружбы)“. О, блаженныя словеса, коими проповѣдуется вышечеловѣческое, ангельское его житіе! О, словеса досточудныя, въ коихъ онъ самъ исповѣдалъ, что благодатію Святаго Духа стяжалъ жительство на небесахъ, и при этомъ открылъ, что былъ едино съ Богомъ, именно словами, чтобъ ни съ кѣмъ ничего не имѣлъ монахъ: чего никто не можетъ истинно проявить на дѣлѣ, чего и сказать даже никто не можетъ, если не соединился всецѣло

съ Богомъ. Если же и скажетъ кто, то обольщаетъ себя. Кто не соединенъ съ Богомъ и говоритъ, что не грѣшитъ, тотъ слѣпъ, совсѣмъ невидящъ и безчувственъ. Кто же имѣетъ въ себѣ Бога, тотъ *не можетъ согрѣшати, яко сѣмя Его въ немъ пребываетъ,* какъ говоритъ Іоаннъ Богословъ (1 Іоан. 3, 9). Что благоговѣйный Симеонъ имѣлъ въ себѣ всего Бога, объ этомъ онъ, и когда живъ былъ, говорилъ, и по смерти велегласно свидѣтельствуетъ въ писаніяхъ своихъ, говоря: „стяжи Бога другомъ себѣ, и не будешь имѣть нужды въ человѣческой помощи", и въ другомъ мѣстѣ опять: „стяжи Бога и не будешь имѣть нужды въ книгахъ". Это послѣднее онъ и дѣломъ показалъ: ибо цѣлую книгу составилъ своими трудами, или, лучше скажу, благодатію Св. Духа, обитавшею въ немъ, не смотря на то, что не проходилъ наукъ. Все сіе, вмѣстѣ съ св. Симеономъ, духовнымъ отцемъ моимъ, и я подтверждаю своимъ свидѣтельствомъ и исповѣдую. Блаженный и преподобный отецъ сей столь много подвизался, что превзошелъ въ этомъ даже древнихъ святыхъ, и такъ много терпѣлъ искушеній и скорбей, что уподобился многимъ великимъ и славнымъ мученикамъ. За то прославленъ Богомъ и сдѣлался безстрастнымъ и святымъ и удостоился пріять въ себя благодать Св. Духа. Потомъ, какъ систерна даетъ изъ себя жаждущему воду, которая натекаетъ въ нее отъ дождей изъ небесныхъ облаковъ, такъ и отецъ нашъ преподобный пріялъ отъ полноты Владыки нашего Христа и источалъ изъ себя воду живую отъ благодати Св. Духа. И опять, — какъ иной досыта напивается водою, которая источается изъ систерны и изливается изъ ней внѣ, такъ и ученикъ его пріялъ благодать Святаго Духа, которая всегда источалась и изливалась отъ сего святаго отца нашего духовнаго, напоился ею, и умылъ лице свое, руки и ноги, потомъ

омылся весь и по душѣ и по тѣлу этою безсмертною водою. О, таинство страшное и преславное!

И не позволяйте себѣ, братія мои, не вѣровать этому; потому что такое слово не собственное мое есть,—и то, что я сказалъ, случилось не съ одними нами (т.-е. имъ и духовнымъ отцемъ его). Но послушай Евангелиста Іоанна, что говоритъ онъ о водѣ сей, или, лучше сказать, о семъ Сынѣ, живомъ Словѣ Бога, отъ Котораго обогатился словомъ и Іоаннъ. *Всякъ піяй отъ воды сея,* говоритъ Господь, *вжаждется паки: а иже піетъ отъ воды, юже Азъ дамъ ему, не вжаждется во вѣки: но вода, юже Азъ дамъ ему, будетъ въ немъ источникъ воды текущія въ животъ вѣчный* (Іоан. 4, 13. 14). Изъясняя, что значитъ сія вода живая, Іоаннъ говоритъ въ другомъ мѣстѣ: *сіе же рече* (Господь) *о Дусѣ, егоже хотяху пріимати вѣрующіи во имя Его* (Іоан. 7, 39). И Апостолъ Павелъ говоритъ: *мы же не духа міра сего пріяхомъ, но Духа иже отъ Бога, да вѣмы, яже отъ Бога дарованная намъ, яже и глаголемъ* (1 Кор. 2, 12). Этою-то водою отмывается и выводится изъ души всякое зло, всякая сквернота, и безъ нея, сколько ни трудись и не подвизайся, не получишь никакой пользы. Посему и мы, не могши никоимъ образомъ скрыть талантъ, т.-е. даръ Владыки нашего Христа, и не возвѣщать о благодати Божіей, данной старцу Симеону, исповѣдуемъ съ дерзновеніемъ милость Божію, явленную намъ чрезъ сего преподобнаго отца нашего, который и насъ насытилъ ненасытно отъ воды, полученной имъ отъ Бога, во славу св. имени Его. И се, по силѣ нашей, мы, послѣднѣйшіе и непотребные, славили и славимъ Бога, прославившаго преподобнаго отца нашего Симеона благоговѣйнаго, а чрезъ сіе и его (старца). Не думай же никто: будто я лгу и говорю на пагубу душѣ своей, хваля духовнаго отца моего, ибо я знаю, что Богъ погубитъ

всѣхъ *глаголющихъ лжу* (Пс. 5, 7). Тому и другому (и хвалить и не лгать) учитъ меня божественный Павелъ, говоря: *благословенъ Богъ и Отецъ Господа нашего Іисуса Христа, — сый благословенъ; — истину глаголю, не лгу. Вѣмъ человѣка прежде четыренадесятихъ лѣтъ,* — и проч. (Еф. 1, 3; Рим. 9, 1). И опять: *мы же не духа міра сего пріяхомъ, но Духа, иже отъ Бога, да вѣмы яже отъ Бога дарованная намъ, яже и глаголемъ* (1 Кор. 2, 12). — Ктому же что пользы мнѣ или духовному отцу моему отъ похвалъ? Всеконечно нѣтъ намъ пользы никакой совершенно. Но какъ, говоря о древнихъ святыхъ, имъ самимъ никакой совершенно не доставилъ я пользы, слушателей же подвигъ къ подражанію имъ: такъ въ томъ-же смыслѣ говорилъ я, и не перестану говорить и о преподобномъ Симеонѣ, а когда бываетъ потребно и нужно, прибавляю не хотя и объ ученикѣ его. Невѣріе тѣхъ, которые во вредъ слушающимъ говорятъ, будто въ нынѣшнія времена невозможно, чтобъ кто либо сталъ такимъ, каковы были древніе отцы, чтобъ достигнулъ кто мѣры добродѣтелей, какія проявили они, и чтобъ сподобился даровъ, какіе они получили, — это невѣріе заставляетъ меня говорить то, чего я, безъ сего, никогда не сказалъ бы, и представлять всѣмъ въ настоящемъ свѣтѣ человѣколюбіе Божіе, всѣмъ обличить нерадѣніе и лѣность говорящихъ такія рѣчи.

Блаженный Симеонъ такъ много трудился и подвизался, что превзошелъ своими трудами и подвигами даже многихъ древнихъ святыхъ, и такія претерпѣлъ искушенія и скорби, что является подобнымъ многимъ именитымъ и великимъ мученикамъ. За это прославленъ онъ Богомъ, сталъ безстрастенъ и святъ, и сподобился пріять въ себя всю, такъ сказать, благодать Святаго Духа. Потомъ, какъ отецъ даетъ наслѣдіе сыну своему даромъ, такъ и мой духовный отецъ далъ ученику своему бла-

годать Святаго Духа, безъ собственнаго его труда и подвига, а даромъ. И кто изъ насъ можетъ, не говорю, дѣлать дѣла, какія онъ дѣлалъ, даже хорошо понять то, что онъ сказалъ?—Вотъ что прежде всего другаго, какъ наставленіе, написалъ святый намъ: „брате! совершеннымъ удаленіемъ отъ міра называется совершенное умерщвленіе и отсѣченіе своей воли". О, блаженный гласъ, или лучше сказать, о, блаженная душа, сподобившаяся сдѣлаться такою и отрѣшиться отъ всего міра! Къ таковымъ говоритъ Владыка Христосъ: *отъ міра нѣсте, но Азъ избрахъ вы отъ міра сего* (Іоан. 15, 19). *Пріидите ко Мнѣ, и Азъ упокою вы* (Мѳ. 11, 28). Тѣмъ же, которые инымъ шествуютъ образомъ и творятъ волю свою хотя мало нѣкако, или въ нѣкоторыхъ только, повидимому добрыхъ дѣлахъ, невозможно увидѣть ту жизнь, какую видятъ совсѣмъ удалившіеся отъ міра и совершенно умершіе волѣ своей.

Итакъ, брате мой, если и ты не хочешь смиряться и слушаться во всемъ, не хочешь охотно переносить скорби, безчестія, униженія и поношенія, не хочешь быть какъ какой несмысленный, незнаемый, нищій и заброшенный, не хочешь также быть презираемымъ отъ всякаго человѣка и почитаемымъ за какого либо помѣшаннаго; то скажи мнѣ, какимъ же другимъ образомъ возможно тебѣ сдѣлаться чуждымъ собственной своей воли? Если Богъ заповѣдалъ намъ всѣмъ терпѣть все такое, какъ бывающее съ нами для испытанія, или, лучше сказать, для очищенія душъ нашихъ, мы же не хотимъ того терпѣть, но живетъ въ насъ земное мудрованіе плоти, заставляющее насъ не желать никакого лишенія и злострадавія; то какъ можно намъ быть мертвыми къ міру и къ вещамъ мірскимъ? Нѣтъ, это невозможно. Если же умертвимся мы міру и всему мірскому, то какъ можемъ пожить сокровенною во Христѣ жизнію? Какъ можемъ узрѣть Бога обитающимъ въ насъ.

какъ свѣтъ,—какъ сказалъ и святый Симеонъ? Нѣтъ, братія мои, невозможно намъ получить такой даръ,—и пусть не прельщаетъ насъ никто.

Если ты, почитая блаж. Симеона буіимъ, стыдишься подражать дѣламъ его, то подражай Христу, и страдай охотно для собственнаго своего спасенія, какъ Онъ страдалъ для тебя. И Его, какъ слышишь, называли бѣсноватымъ, льстецомъ, ядцею и пійцею, говоря Ему: *бѣса имаши* (Іоан. 8, 48), и опять: *сей человѣкъ ядца и пійца, другъ мытаремъ и грѣшникомъ* (Лук. 7, 34). Тоже самое слышалъ и преподобный отецъ нашъ Симеонъ, за меня, или и за всѣхъ насъ. Слышишь опять, какъ Господь нашъ взятъ былъ и связанъ, будто убійца и злодѣй, и представленъ Пилату, какъ какой нибудь нищій и ничтожный человѣкъ, какъ заушенъ былъ рабомъ и брошенъ въ темницу, какъ влачимъ былъ воинами и какъ преданъ отъ Пилата еврейскому народу съ словами: возмите его вы и распните. Помысли же, какъ былъ среди ихъ Христосъ, сый превыше всѣхъ небесъ и содержай вся рукою своею? Какъ былъ толкаемъ то съ одной, то съ другой стороны? Какъ былъ ударяемъ и заушаемъ, и влекомъ въ судилище Тотъ, на Кого не смѣетъ взирать всякая тварь, даже самые серафимы? Какъ обнажаемъ былъ, привязываемъ къ колоннѣ и принималъ сорокъ ударовъ,—въ показаніе, что Онъ осужденъ на смерть? Потомъ помысли, какъ Онъ одѣтъ былъ въ насмѣшку хламидою червленою, какъ ударяемъ во главу и вопрошаемъ воинами: кто есть ударей тя? Какъ увѣнчанъ вѣнцемъ терновымъ и принималъ насмѣшливое поклоненіе, какъ поругаемъ и оплевываемъ и слышалъ издѣвательныя слова: се царь іудейскій? Какъ опять былъ одѣтъ въ собственныя свои одежды, какъ связанъ и влекомъ на смерть, какъ, неся крестъ свой, шелъ на мѣсто казни, какъ смотрѣлъ на водруженіе кре-

ста въ землю, оставленъ будучи одинъ друзьями и учениками своими? Послѣ сего опять подумай, какъ Онъ былъ обнажаемъ и возносимъ на крестъ, какъ пригвождаемъ воинами по рукамъ и ногамъ, какъ напаяемъ желчію, какъ поносимъ разбойникомъ, какъ поругаемъ толпою и слышалъ: *разоряяй церковь и тремя днми созидаяй ю, спасися самъ и сниди со креста,* и еще: *аще Сынъ есть Божій, да снидетъ нынѣ со креста и вѣруемъ въ Него.* Наконецъ подумай, какъ послѣ того, какъ претерпѣлъ все сіе, благодарилъ Онъ Отца своего и молился Ему за тѣхъ самихъ, которые предали Его на такія страданія и смерть, и какъ предалъ душу свою въ руки Отца своего. Не довольно ли для тебя всего сего, брате мой, къ подражанію? Стыдишься переносить сіе и подобное сему?—Но какими же другими дѣлами, или какимъ другимъ образомъ можешь ты прославиться вмѣстѣ съ Нимъ? Слушай, что самъ Онъ говоритъ: *иже аще постыдится Мене и словесъ Моихъ, сего и Азъ постыжду́ся предъ Отцемъ Моимъ, Иже есть на небесѣхъ* (Лук. 9, 26; Мѳ. 10, 32). И св. Павелъ говоритъ: *аще съ Нимъ терпимъ, съ Нимъ и прославимся* (Рим. 8, 17; 2 Тим. 2, 12). Почему, если стыдимся подражать страстямъ Христовымъ, которыя претерпѣлъ Онъ нашего ради спасенія, и страдать, какъ страдалъ Онъ,—явно, что невозможно намъ быть сопричастниками и сонаслѣдниками славы Его. Ибо въ такомъ случаѣ мы вѣрны только словами, а не и дѣлами; когда же нѣтъ дѣлъ, вѣра наша мертва. Но если вѣра безъ добрыхъ дѣлъ мертва, то явно, что когда вѣра съ худыми дѣлами, тогда она не называется и не есть болѣе вѣра. Мертвое тѣло, если оно умерло недавно, называется мертвымъ; но если оно долго пролежитъ такъ, то не называется уже тѣломъ мертвымъ, а трупомъ тлѣющимъ, разлагающимся, попортившимся. Такъ и здѣсь: поелику два есть рода дѣлъ,—одни угод-

ныя Богу, а другія ненавистныя; то, если вѣра, какъ говоритъ Апостолъ Іаковъ, безъ угодныхъ Богу дѣлъ мертва есть,—очевидно, что той вѣрѣ, которая не только есть безъ угодныхъ Богу дѣлъ, но имѣетъ еще и дѣла ненавистныя Богу, нельзя уже называться мертвою, а надлежитъ ей называться попортившеюся и затлѣвшею, или, истиннѣе сказать, безвѣріемъ и нечестіемъ. Кажется, что Исаія пророкъ такихъ разумѣетъ, когда говоритъ, что *нечестивые не узрятъ славы Господни.*

Потому и я говорю и не перестану говорить, что тѣ, которые не возподражаютъ страстямъ Христовымъ чрезъ покаяніе и послушаніе и которые не сдѣлаются причастниками смерти Его, какъ частно показали мы выше,—такіе не удостоятся быть причастными и духовнаго о Немъ воскресенія, не сподобятся пріять Духа Святаго, чрезъ Котораго бываетъ духовное воскресеніе всякаго. Я говорю не о воскресеніи тѣлъ, имѣющемъ быть въ концѣ міра (тогда вострубитъ ангелъ,—и мертвыя тѣла востанутъ), но говорю о духовномъ возрожденіи и воскресеніи мертвыхъ душъ, которое каждодневно бываетъ духовно, и которое даетъ, благодатію Духа Святаго, Тотъ, Кто нѣкогда умеръ и воскресъ для всѣхъ, и паки воскресаетъ во всѣхъ тѣхъ, кои достойно и какъ подобаетъ жительствуютъ, и съ Собою совоскрешаетъ души умершія съ Нимъ произволеніемъ и вѣрою, и, еще отъ сей начиная жизни, даруетъ имъ чрезъ Духа Святаго царство небесное,—которое улучить буди и всѣмъ намъ,—благодатію Господа нашего Іисуса Христа, Емуже подобаетъ всякая слава, во вѣки вѣковъ. Аминь.

СЛОВО ВОСЕМЬДЕСЯТЪ ВТОРОЕ.

1) О животворномъ умертвіи.
2) О томъ, что стяжаніе добродѣтелей покупается кровію.
3) Какія обиталища добродѣтелей?
4) Кто не восходитъ въ царствіе небесное должнымъ порядкомъ, тотъ не войдетъ въ него.
5) Въ совершенныхъ качествуютъ радость и веселіе, а не слезы.
6) И внутрь ихъ текутъ рѣки богословія.
7) Не слѣдуетъ принимать предстоятельство надъ народомъ, безъ удостовѣренія благодати Божіей.
8) Въ чемъ главное дѣло тѣхъ, кои имѣютъ предстояніе надъ народомъ, и какъ разумныя овцы должны быть пасомы пастырями?

1. Не всякій, слышащій о животворномъ умертвіи о Христѣ Іисусѣ, Богѣ нашемъ, и о дивномъ дѣйствіи, какое бываетъ отъ него всегда въ совершенныхъ добродѣтелію и вѣдѣніемъ,—уже и знаетъ, что оно такое, хотя и кажется ему, что онъ то знаетъ. Знаютъ его только тѣ, которые самымъ дѣломъ ясно поняли сказанное св. Апостоломъ Павломъ слово: *время прекращено есть прочее, да имущіи жены, якоже не имущіи будутъ: и плачущіися, якоже не плачущіи: и радующіися, якоже не радующеся: и купующіи, якоже не содержаще: и требующіи міра сего, яко не требующе. Преходитъ бо образъ міра сего* (1 Кор. 7, 29—31). И еще: *яко умирающе, и се живи есмы: яко ничтоже имуще, а вся содержаще* (2 Кор. 6, 9. 10). Не пробѣгай этихъ словъ просто, какъ ни попало, думая, что сразу понялъ уже сокрытую въ нихъ силу, но представь, возлюбленне, поточнѣе внутреннее состояніе души твоей и я отъ видимыхъ вещей введу тебя въ узрѣніе значенія сказаннаго; только внимай добрѣ тому, что буду говорить. Кто умеръ и лежитъ мертвый, тотъ не чувствуетъ ничего изъ видимыхъ вещей. Кто ничего не имѣетъ, тотъ всего лишенъ во всемъ имѣетъ нужду и всего желаетъ. И опять, кто всѣмъ обладаетъ тотъ

чего еще другаго изъ вещей міра могъ бы пожелать? Ибо онъ имѣетъ уже все и не осталось ничего, что пожелалъ бы онъ пріобрѣсть.—Но блаженъ, кто взыскалъ сего дѣломъ, и понялъ, и увидѣлъ и изучилъ то опытомъ: ибо эти слова—не пустыя слова. Ибо какъ на дорогахъ и поляхъ находятся по мѣстамъ домы, города, парскія палаты, такъ и на пути, ведущемъ въ царствіе небесное, находятся, въ своихъ имъ мѣстахъ, заповѣди Божіи и добродѣтели.

2. И вотъ я хочу раскрыть, сколько могу, что говорится о заповѣдяхъ Божіихъ и о добродѣтеляхъ,—объ этихъ, видимыхъ (на пути въ царствіе) зданіяхъ,—какъ они велики и какъ прекрасны. Впрочемъ читающій о семъ какъ можетъ по однимъ словамъ уразумѣть и представить эти вещи? Никакъ не можетъ. Если же и представить не можетъ, то какъ можетъ стяжать какія либо изъ нихъ, тѣмъ паче, когда онѣ стяжаваются покупкою за извѣстную плату? То же, что дать надобно, чтобъ купить ихъ, не золото есть и не серебро, а кровь. Каждый, желающій изъ насъ, покупаетъ ихъ, одну за другою, кровію своею. И воистину, если кто не предастъ себя на закланіе, какъ овча, за каждую даже малѣйшую добродѣтель, и не прольетъ крови своей за нее, тотъ не стяжетъ ея никогда. Такъ Богъ въ экономіи своей, положилъ, чтобы мы покупали вѣчную жизнь произвольною смертію.—Не хочешь умереть произвольною смертію и жить вѣчною жизнію?—И вотъ ты мертвъ.

3) Но посмотримъ, какія и каковы суть обиталища добродѣтелей, за которыя всякой долженъ пролить кровь свою, чтобъ стяжать ихъ?—Первое такое обиталище есть блаженное смиреніе, какъ сказалъ Христосъ Господь: *блажени нищіи духомъ, яко тѣхъ есть царство небесное.* Желающій войти въ сіе обиталище смире-

нія, а чрезъ него и въ царство небесное,—если не предастъ себя прежде на закланіе, какъ овча, связанное по рукамъ и ногамъ, и на принесеніе себя въ жертву руками всякаго, кто захотѣлъ бы заклать его, и если не умретъ совершенною смертію, чрезъ умерщвленіе воли своей,—никогда не войдетъ въ него и не стяжетъ его. Если же этого не стяжетъ, не стяжетъ и никакого другаго. Ибо тому, кто оставитъ эту добродѣтель, невозможно будетъ успѣть ни въ какой другой. Господь положилъ, чтобы добродѣтели слѣдовали одна за другою въ своемъ порядкѣ и постепенно. Представь въ умѣ своемъ, что добродѣтели въ жизни людей являются, какъ нѣкіе острова посредѣ моря, отдѣленные одинъ отъ другаго водою, но соединенные посредствомъ мостовъ и состоящіе такимъ образомъ во взаимной связи. Первая изъ этихъ добродѣтелей есть блаженное смиреніе, въ которое вошедшій западною дверію посредствомъ покаянія и пробывшій въ немъ довольное время, выходитъ восточною дверью и, перешедши затѣмъ чрезъ мостъ, вступаетъ въ обиталище плача, а послѣ того, какъ пробудетъ и тамъ довольно времени, омоется, очистится и облечется въ благообразіе плача, перебѣгаетъ и оттуда въ жаждалище и алкалище правды, т.-е. въ алчбу и жажду всякой добродѣтели. Потомъ идетъ онъ въ палату милостивости и благоутробія и, перешедши чрезъ нее или, лучше сказать, углубляясь паче и паче внутрь его, обрѣтаетъ царскую сокровищницу чистоты, въ которую вступивъ, узрѣваетъ невидимаго Царя славы, сѣдящаго внутрь его. Палата эта есть тѣло, царская сокровищница—душа, съ которою когда соединится Богъ ради исполненія заповѣдей Его, дѣлаетъ ее всю божественнымъ свѣтомъ и богомъ чрезъ единеніе съ Собою и благодать свою. И только всякій, проходящій означеннымъ путемъ добродѣтелей, прихо-

дитъ въ сіе боголѣпное состояніе. Вступить въ это шествіе съ другой стороны, или, минуя то или другое обиталище, искусственнымъ нѣкіимъ способомъ перебраться въ дальнѣйшее, совершенно невозможно. Именно такъ, какъ сказано, опредѣлилъ входить въ царство небесное Владыка-Христосъ,—и быть сему иначе никакъ невозможно. Если предѣлы моря пребываютъ неподвижными, и морю нѣтъ возможности выступить изъ нихъ: не тѣмъ ли паче сохранится неподвижнымъ и неизмѣннымъ то, чему быть такъ, а не иначе, опредѣлилъ Господь въ дѣлѣ нашего спасенія?

4) По другому сравненію,—восхожденіе тѣхъ, которые подвизаются взойти на небо, подобно восхожденію по лѣствицѣ, имѣющей обычно ступени. Здѣсь, то—чтобъ одинъ возревновалъ о восхожденіи паче другихъ и скорѣе взошелъ по лѣствицѣ, перегнавъ ихъ, есть наше дѣло, дѣло произволенія каждаго. Но то, чтобы начинать не съ первой ступени, и потомъ восходить съ одной на другую, по порядку, въ какомъ онѣ положены, а минуя первую, прямо ступить на вторую или третью, совсѣмъ невозможно для людей. И тѣ, которые покушаются отступать отъ такого порядка восхожденія, трудятся напрасно. И еще: какъ невозможно взойти въ верхнія жилья безъ лѣствицы, или войти въ царскій внутреннѣйшій покой, туда, гдѣ занимается и принимаетъ своихъ царь, не прошедши прежде передней, такъ невозможно войти и въ царствіе небесное тому, кто не идетъ путемъ добродѣтелей, по порядку нами указанному. Такіе шествуютъ внѣ царскаго пути,—и находятся въ прелести. сами того не замѣчая.

(Молитва). Но, о Господи! Ты Путеуказатель заблуждшимъ, и незаблудный Путь грядущимъ къ Тебѣ, возврати (съ распутій) всѣхъ насъ, приведи къ лѣствицѣ. возводящей къ Тебѣ, и всесильною рукою Твоею пору-

ководи насъ начать восхожденіе по ней. Даруй намъ силу подняться съ земли и ступить на первую ступень, такъ чтобъ мы сознали, что положили начало восхожденію и поднялись немножко отъ земли. Ибо прежде намъ подобаетъ взойти немного къ Тебѣ, чтобъ Ты много низшелъ къ намъ благій, Владыко нашъ, и соединился съ нами. Покажи намъ, Господи, внѣшнюю дверь въ царствіе Твое, чтобы намъ толкать въ нее съ терпѣніемъ, пока не отверзется она, ради произвольной смерти нашей,—чтобы когда вошедши въ сѣни, станемъ мы толкать въ каждую внутреннюю дверь и отверзать ихъ одну за другою, и Ты, многоблагоутробный и многомилостивый Боже, слыша наши стенательныя воззванія и наши въ грудь ударенія, скорѣе снизшелъ къ намъ съ верхнихъ покоевъ Твоихъ, такъ чтобы мы услышали ступанія всепречистыхъ ногъ Твоихъ и уразумѣли, что Ты отверзаешь двери, сущія между нами и Тобою, которыя заключены для насъ грѣшныхъ, и, пришедши къ намъ, вопросилъ: кто ударяетъ здѣсь въ двери? мы же, отвѣчая съ плачемъ и рыданіемъ, сказали со страхомъ и радостію: это мы, Владыко, мы недостойные, бѣдные, отверженные и непотребные рабы Твои,—мы, ходившіе доселѣ по распутіямъ и блуждавшіе по горамъ, дебрямъ и пропастямъ, мы по глупости своей осквернившіе святое крещеніе, мы, не соблюдшіе данныхъ нами обѣщаній, мы, убѣгшіе отъ Тебя и самовольно перешедшіе ко врагу Твоему и навѣтнику душъ нашихъ. Теперь же, вспомнивъ о Твоемъ человѣколюбіи и Твоей благости, убѣжали мы отъ него съ большимъ трудомъ и къ Тебѣ притекли съ великимъ страхомъ и трепетомъ. Прости убо насъ, Владыко всяческихъ, и не прогнѣвайся на насъ, но умилосердись и сжалься надъ нами грѣшными. Отверзи намъ, Господи, и не помяни беззаконій нашихъ и нашей неблагодарности.

Услыши насъ рабовъ Твоихъ, чтобы, возмалодушествовавъ, не возвратились мы вспять: ибо много уже времени мы стоимъ здѣсь и толцемъ, и прежде много потрудились, толкая во внѣшнія двери царства Твоего. Сжалься убо надъ нами и отверзи намъ, Господи, естествомъ человѣколюбивый. Если, отверзая мало-по-малу, Ты отверзешь намъ наковецъ совсѣмъ двери милости Твоея, кто, увидѣвъ Тебя, не вострепещетъ? Кто не падетъ предъ Тобою со страхомъ и трепетомъ, и не взыщетъ милости Твоея? Кто, видя, какъ Ты, имѣющій окрестъ себя міріады міріадъ Ангеловъ, и тысячи тысячъ Архангеловъ, Троновъ и Властей, оставилъ всѣхъ ихъ тамъ, горѣ, и снисшелъ къ намъ, отворилъ намъ двери, срѣтилъ насъ и принялъ съ радушіемъ, падши на выи наши и облобызавъ насъ. — Кто, говорю, видя сіе, не станетъ внѣ себя отъ изумленія, не сдѣлается будто мертвымъ, не истаетъ и не разольется какъ вода и съ костьми своими? Кто не будетъ день и ночь плакать, помышляя о безднѣ человѣколюбія Твоего и Твоей благости и видя славу и свѣтлоблистаніе лица Твоего? Буди слава Тебѣ, удомостроительствовавшему сіе тако! Буди честь и слава Тебѣ, благоволившему быть видимымъ нами и вступить въ живое общеніе съ нами! Буди слава Тебѣ, по великому благоутробію своему, открывающемуся и являющемуся намъ, тогда какъ по естеству Ты невидимъ для самыхъ Ангеловъ! Буди слава Тебѣ за неизглаголанную милость, по коей благоволишь Ты вселяться и ходить въ насъ ради нашего покаянія! О величіе славы неизъяснимое! О преизобиліе любви! Содержащій всяческая вселяется въ человѣка тлѣннаго и смертнаго, такъ что все въ немъ тогда соблюдается силою Бога, въ немъ обитающаго! О чудо изумительное,— и дѣла и тайны недомыслимыя Бога непостижимаго! Человѣкъ смертный сознательно носитъ въ себѣ, какъ

свѣтъ, Бога создавшаго всяческая и самого сего человѣка, который носитъ Его, — носитъ внутрь себя какъ сокровище невыразимое, неизглаголанное, безкачественное, безколичественное, безвидное, безвещественное, безформное, оформленное лишь красотой неизреченною, предивною и всепростою, какъ свѣтъ, — такой, который выше всякаго свѣта!—И такой человѣкъ, сосредоточиваясь весь въ себѣ, вращается однакожъ среди насъ, не будучи никѣмъ познаваемъ изъ тѣхъ, которые имѣютъ съ нимъ сношеніе!

5. И кто въ состояніи описать радость, исполняющую такого человѣка? И есть ли что другое, что возможно бы было пожелать такому? Какого царя не блаженнѣе и не славнѣе онъ? Какого міра, или сколькихъ міровъ не богаче? И въ чемъ бы могъ онъ иногда недостаточествовать? Поистинѣ невозможно ему недостаточествовать въ какомъ либо благѣ, которое отъ Бога.

Но ты, брате, сподобившійся содѣлаться таковымъ,— ты, имѣющій обитающимъ внутрь себя всего Бога, добрѣ внимай, чтобы не сдѣлать и не сказать чего либо недостойнаго святой воли Его; иначе Онъ тотчасъ удалится отъ тебя, и ты потеряешь сокровище, сокрытое внутрь тебя. Почти Его, сколько можешь, и не вноси внутрь обиталища Его ничего, Ему неблагоугоднаго и чуждаго естеству Его, чтобъ Онъ не прогнѣвался на тебя и не убѣжалъ, оставя тебя пустымъ. Не многословь предъ Нимъ, и не обращай къ Нему прошеній безъ благоговѣйной собранности. Не помышляй въ себѣ и не говори: дай-ка покажу я Ему преобильную теплоту и превеликую ревность любви, да пріиметъ Онъ доброе мое произволеніе, и да познаетъ, какъ люблю я Его и чту; потому что, прежде чѣмъ подумаешь ты такъ, Онъ уже знаетъ помышленія твои, и ничего нѣтъ сокрытаго отъ Него. Не покусись еще удержать Его мысленными

руками: ибо Онъ неухватимъ, и какъ только ты дерзнешь ухватить Его или подумаешь только удержать Его,—уже не найдешь внутрь себя ничего. Онъ тотчасъ удалится отъ тебя и станетъ неощутимъ для тебя.

Тогда, если, сокрушаясь, томя и бія себя, станешь ты каяться и плакать много, то не получишь никакой пользы. Истинно такъ: ибо Онъ есть радость и несогласенъ входить въ домъ, гдѣ печалятся и скорбятъ, какъ и люботрудная пчела не терпитъ мѣста, наполненнаго дымомъ. Но если благоустроишь себя безпопеченіемъ и преданностію въ волю Его, то Онъ опять обрѣтется внутрь тебя. Оставь тогда Владыку своего безмятежно почить въ душѣ твоей, какъ на одрѣ нѣкоемъ,— и не начинай говорить въ себѣ, что если не стану плакать, то Онъ отвратится отъ меня, какъ отъ нерадивца и презрителя. Если бы Богъ хотѣлъ, чтобъ ты, достигшій совершенства, плакалъ, какъ плачетъ тотъ, кто еще находится на степени покаянія, то Онъ видѣлся бы тебѣ издали, или совсѣмъ скрывался бы отъ тебя, или освѣщалъ тебя издали, и такимъ образомъ давалъ тебѣ и раздражалъ въ тебѣ плачъ къ очищенію и благоустроенію дома твоего. Но теперь послѣ покаянія и очищенія, какое получилъ ты посредствомъ слезъ, Онъ пришелъ въ тебя, чтобъ даровать тебѣ упокоеніе отъ трудовъ и воздыханій и исполнить тебя радостію и веселіемъ вмѣсто печали. Стой же прямо, не тѣломъ, но движеніями и устремленіями души твоей. Водвори въ себѣ тихое безмолвіе, такъ какъ въ домъ твой идетъ Царь царствующихъ. Скажи со строгостію всѣмъ придверникамъ дома твоего, то-есть, чувствамъ своимъ: Царь грядетъ; стойте же добрѣ при дверяхъ, стойте смирно и со страхомъ великимъ наблюдайте, чтобъ не приплелъ кто къ дверямъ и не сталъ стучать, и чтобъ ничей голосъ не проходилъ внутрь, ни изблизи, ни издали. Внимайте

добрѣ, чтобъ кто не обманулъ васъ и не прокрался внутрь тайкомъ, — и Царь тотчасъ опять не оставилъ насъ и спѣшно не удалился. — Такъ скажи, и стой въ веселіи и радованіи души своей, смотря внутрь себя на неописуемаго Владыку своего, благоволившаго неописанно описатися въ тебѣ, и созерцай красоту Его ни съ чѣмъ несравнимую. Созерцая же недомыслимо пресвятое лице Его, неприступное для Ангеловъ, и для Архангеловъ, и для всѣхъ чиновъ небесныхъ, изумляйся, радуйся и духовно скача веселись, внимая однакожъ Ему съ благоговѣніемъ, чтобъ услышать, что повелитъ Онъ тебѣ сказать, или сдѣлать. Внимай убо тому, что Онъ говоритъ Тебѣ. Онъ не имѣетъ нужды требовать что либо отъ рабовъ Своихъ для своего собственнаго упокоенія, какъ имѣютъ ее земные цари, потому что ни въ чемъ не имѣетъ недостатка,—и если не обогатитъ напередъ рабовъ своихъ, то и не входитъ въ домъ ихъ.

6. Итакъ, поелику Онъ ни въ чемъ не имѣетъ недостатка, какъ я сказалъ, но обогатилъ тебя и своимъ къ тебѣ пришествіемъ сдѣлалъ безнедостаточнымъ, то внимай, да вѣдаешь, что говоритъ внутрь тебя Тотъ, Кто неотлучно изшедъ изъ лона благословеннаго Отца своего снизшелъ съ небесъ даже до твоего ничтожества. Ибо нельзя же тебѣ найти и подумать, чтобъ Онъ дѣлалъ это когда либо какъбы мимоходомъ. Нѣтъ; благій и человѣколюбивый Владыка нашъ дѣлаетъ это обыкновенно для спасенія и другихъ многихъ. Итакъ, если ты почтишь Его, пріимешь Его и дашь Ему мѣсто и упокоеніе въ себѣ, то вѣдай добрѣ, что услышишь изъ сокровищъ Духа Его неизреченныя тайны. Не припадая къ персямъ Владыки Христа, какъ припалъ нѣкогда возлюбленный ученикъ Его Іоаннъ, но имѣя внутрь персей своихъ все слово Божіе, будешь ты богословствовать богословіе новое и ветхое и добрѣ поймешь всѣ

богословія, какія изречены и написаны были доселѣ, и содѣлаешься органомъ Духа доброгласнымъ, издающимъ мелодіи, пріятнѣйшія паче всякой музыки.

Но если ты попустишь придти откуда либо печали и войти въ домъ твой, тотчасъ отбѣжитъ радость. Если попустишь войти гнѣву или раздраженію, тотчасъ удалится Тихій и Кроткій. Если попустишь войти ненависти и враждѣ къ кому либо, тотчасъ убѣжитъ Тотъ, Кто именовался и есть самосущая и упостасная Любовь. Если попустишь приблизиться любопренію или зависти, тотчасъ незлобивый и благій Богъ станетъ невидимъ, ибо Онъ этого терпѣть не можетъ. Если Онъ замѣтитъ, что около дома твоего ходятъ лукавство, или многохлопотливость съ любопытствомъ, а ты не отгоняешь ихъ наискорѣйше съ гнѣвомъ, а кротко принимаешь эти худости, которыя Онъ ненавидитъ, ты же позволяешь имъ приближаться къ Нему, то не станетъ напередъ извѣщать тебя, когда удалится отъ тебя, Простый, Незлобивый и Непытливый, но тотчасъ оставитъ тебя, не давъ тебѣ того замѣтить.

Если также ты, сподобившійся пріискреннѣ соединиться съ такимъ Владыкою, увидѣть такую славу и стяжать такое богатство, разумѣю, царствіе небесное (которое есть самъ Богъ), будешь беречись, чтобъ въ домъ души твоей не вошла ни одна изъ сказанныхъ страстей, и всячески стараться доставить Царю великій покой отъ нихъ; но лице свое, т.-е. умъ свой, станешь обращать въ другую сторону и бесѣдовать съ другимъ, спиною обращаясь къ неприступному Богу, на Коего со страхомъ и трепетомъ взираютъ всѣ чины ангельскіе, то не по всей ли справедливости Онъ тотчасъ оставитъ тебя, какъ презрителя и недостойнаго?

Но Онъ человѣколюбивъ есть, говоришь ты. И я тоже говорю. Но Онъ человѣколюбивъ къ тѣмъ, кото-

рые чувствуютъ Его человѣколюбіе, чтутъ Его и благодарятъ, какъ подобаетъ. Если же ты, ни во что ставя любовь Его, всеуслаждающую, полюбишь что либо другое и съ тѣмъ свяжешь всецѣло все стремленіе души своей, и станешь услаждаться другою какою сластію, или ястьемъ, или питіемъ, или одеждою, или лицемъ какимъ красивымъ, или золотомъ, или сребромъ или другимъ чѣмъ, и душа твоя воспохотствуетъ того и побѣждена будетъ любовію къ тому, то возможно ли, чтобы Богъ, естественно чистый и тебя содѣлавшій таковымъ благодатію Духа Святаго, продолжалъ быть въ общеніи и обращаться съ тобою, когда ты уклонился сердцемъ на другое, а не тотчасъ оставилъ тебя?—Само собою явно, что Онъ всеконечно оставитъ тебя.

7. Положимъ теперь, что ты не будешь дѣлать ничего изъ того, что я сказалъ, но будешь гнать отъ себя всякую страсть, всякую похоть злую, всякое пристрастіе и естественную любовь къ роднымъ и всякому человѣку, и дѣйствуя такъ, достигнешь наконецъ совершенной безгрѣшности и чистоты, какъ представили мы выше. и воспріимешь въ себя Бога, сущаго превыше всѣхъ небесъ; вслѣдствіе чего не будешь тревожимъ никакою страстію и ни къ чему уже совершенно не будешь имѣть никакой склонности и любви, но всегда станешь пребывать съ Богомъ, имѣя умъ свой постоянно горѣ въ пренебесномъ царствіи Его. Положимъ далѣе, что въ то время, какъ ты находишься въ такомъ состояніи, кто нибудь внезапно позоветъ тебя и введетъ въ какой либо городъ, гдѣ множество народа, домовъ, палатъ убранныхъ и просторныхъ, гдѣ церкви большія и прекрасныя, архіереи, іереи, царь со всѣмъ синклитомъ вельможъ и тѣлохранителей. Потомъ (пропускаю всякіе другіе способы, какіе можешь самъ ты употреблять для полученія архіерейства и попеченія о народѣ),

потомъ, говорю, всѣ эти, т.-е. и царь, и вельможи, и все множество народа, начнутъ со многими слезами приглашать и просить тебя принять на себя попеченіе о душахъ ихъ. чтобъ ты пасъ ихъ и пользовалъ ученіемъ своимъ,—и ты, не получивъ мановенія на то отъ Бога, презришь Его, сподобившаго тебя благодати содарствовать съ Нимъ, и оставя небесныя и вѣчныя блага, дарованныя Имъ тебѣ, спустишься къ этимъ непостояннымъ и привременнымъ и свяжешься съ тѣми, которые пригласили тебя пасти ихъ. Какъ думаешь? Ужели не праведно будетъ, если Богъ, когда ты поступишь такимъ образомъ, оставитъ тебя пользоваться только этими привременными благами, которыхъ ты возжелалъ, лишивъ благъ духовныхъ, какъ въ настоящей жизни, такъ и въ другой? Конечно нѣтъ.

Даже если бъ самъ Богъ повелѣвалъ тебѣ принять на себя пасеніе душъ человѣческихъ, тебѣ слѣдовало бы, падши предъ Нимъ, восплакать, и съ великимъ страхомъ и скорбію сказать: Владыко Господи! Какъ мнѣ оставить сладость пребыванія съ Тобою единымъ, и пойти въ ту суетливую и многотрудную жизнь? Ей, Господи! Не прогнѣвайся на меня, раба Твоего, и съ такой высоты славы Твоей не свергай меня въ тотъ хаосъ бѣдственный. Нѣтъ, Господи мой, не лишай меня такого свѣта Твоего и не низводи меня бѣднаго въ такую тму. Или я согрѣшилъ въ чемъ либо предъ Тобою, Господи, не зная того, и Ты за это опять возвращаешь меня въ тотъ хаосъ, изъ котораго Самъ, по великому благоутробію Своему, человѣколюбно извлекъ меня и вывелъ? Не разстроивай меня такъ сильно Ты, подъявшій на рамо Свое столь многіе мои грѣхи и беззаконія; но если я согрѣшилъ въ чемъ предъ Тобою, накажи меня здѣсь, гдѣ нахожусь. Если находишь благословнымъ.

отсѣки лучше всѣ члены мои, только не посылай меня туда, въ тотъ хаосъ.

Если бы Богъ и опять сталъ говорить тебѣ: иди, паси овецъ Моихъ, иди, обращай ко Мнѣ братій своихъ словомъ ученія твоего, слѣдовало бы и тебѣ опять отвѣтить: увы мнѣ, Господи! И какъ отдѣлиться отъ Тебя мнѣ недостойному? Если бъ опять и въ третій разъ сказалъ Онъ тебѣ: нѣтъ, ты не отдѣлишься отъ Меня; Я и тамъ буду съ тобою неразлучно, то и тебѣ слѣдовало бы опять, падши, восплакать и, омочая мысленно слезами пречистыя ноги Его, сказать: какъ возможно Тебѣ пребывать со мною, Господи, если я низойду туда и омрачусь? Какъ возможно Тебѣ быть со мною, если сердце мое, поползновенное на всякое зло, склонится къ лести и похваламъ человѣческимъ? Какъ возможно, чтобы Тебѣ благоугодно было пребывать со мною, если я вознесусь въ гордыни? Возможно ли, чтобы Ты не удалился отъ меня, если я не стану съ дерзновеніемъ праведно обличать царей и другія власти въ ихъ беззаконіяхъ и неправдахъ? Мнѣ же гдѣ возмочь исполнить это и все прочее, лежащее на пастырѣ, такъ какъ Тебѣ благоугодно, чтобы Ты былъ со мною и укрѣплялъ меня, а не обвинилъ, какъ погрѣшителя, и за то не удалился отъ меня, какъ отъ недостойнаго, оставя меня одного поверженнымъ тамъ,—долу? Боюсь, Господи, чтобы не побѣдило меня сребролюбіе; боюсь, чтобъ не овладѣла мною воля плоти, чтобъ не обольстила меня сласть грѣховная, чтобъ не омрачила ума моего забота о паствѣ, чтобъ не возгордила меня честь царей и властей, чтобы не надмила меня великость власти, и не наустила презирать братій моихъ; боюсь, чтобы не выступить мнѣ изъ подобающаго моему званію чина отъ пиршествъ и винопитія, чтобы не стала опять упитанною отъ сластей плоть моя, утонченная воздержаніемъ, чтобы не устра-

шили меня угрозы людскія, и не сдѣлали преступникомъ заповѣдей Твоихъ; боюсь, чтобы просьбы собратій моихъ епископовъ и друзей не склонили меня стать участникомъ грѣховъ ихъ, и когда онеправдываютъ они другихъ, или другое что недоброе дѣлаютъ, молчать, или даже содѣйствовать имъ, не обличал ихъ съ дерзновеніемъ и не показывая за заповѣди Твои сопротивленія имъ, какъ подобаетъ. И гдѣ мнѣ, Господи мой, изложить всѣ опасности званія сего, которыя безчисленны, и которыя Ты, Боже, знаешь лучше меня? Умоляю убо Тебя, не попусти мнѣ впасть въ нихъ. Самъ бо вѣдаешь, Человѣколюбче, какъ трудно угодить людямъ, какъ они бываютъ тяжелы, насмѣшливы, пересудливы и клеветливы, особенно изъ грамотныхъ и ученыхъ, умудрившихся внѣшнею мудростію. Пощади же меня, Человѣколюбче, и не посылай меня туда—долу, на это предстоятельство надъ народомъ, въ среду такихъ и толикихъ бѣдъ и золъ.

Все сіе и другое многое слѣдовало бы тебѣ поимѣть въ мысли и, убоявшись имѣющихъ встрѣтиться тебѣ трудностей и бѣдъ, умолять Бога дозволить тебѣ не нисходить съ неба твоего на землю, опять въ мірскія дѣла. Если бы даже Богъ, похваляя любовь твою и твое смиреніе, сказалъ тебѣ: не бойся,—не будешь преодолѣнъ ничѣмъ противнымъ, ибо Я обѣщаю тебѣ всегда быть съ тобою, и ты будешь имѣть Меня помощникомъ себѣ во всякомъ дѣлѣ,—Я и тамъ—долу прославлю тебя съ преизбыткомъ и сюда опять возвратишься ты еще съ большею славою и въ большей свѣтлости и будешь сопарствовать со Мною въ безконечные вѣки;—если бы даже, говорю, тебѣ далъ такое обѣщаніе человѣколюбивый и всеблагій Царь, то и тогда не слѣдовало бы тебѣ дерзать и быть совершенно безпопечительнымъ, но надлежало находиться въ страхѣ и трепетѣ великомъ, по-

мышляя, что ты какъбы нисходишь съ великой высоты въ глубь глубочайшаго кладезя, полнаго разными звѣрками и пресмыкающимися,—и въ такомъ настроеніи, съ великимъ страхомъ, взойти на престолъ патріарха, или митрополита, или епископа, или другаго какого предстоятельства надъ народомъ.

Если же ты сознаешь, что ты не таковъ, какъ мы сказали выше, но тебѣ напротивъ кажется, что, принимая настоятельство надъ народомъ, ты восходишь съ низу и отъ долу въ высь великую, то горе тебѣ за такую дерзость, горе тебѣ по причинѣ ослѣпленія ума твоего, горе тебѣ по причинѣ великаго невѣжества твоего! Ибо такія мысли и помышленія несвойственны людямъ мыслящимъ и разумнымъ, но безсмысленнымъ язычникамъ или, лучше сказать, мертвымъ, которые не видятъ, не чувствуютъ, не живутъ и совсѣмъ не знаютъ, что̀ есть Богъ и что есть судъ Божій, имѣющій срѣтить насъ.

8. Что пасти народъ и пещись о спасеніи братій есть дѣло многоспасительное, какъ завершеніе любви, которая есть глава закона и пророковъ, этого никто не можетъ отвергать. Ибо когда Господь до трехъ разъ спрашивалъ Петра, любитъ ли онъ Его, и сей отвѣтилъ: *ей, Господи! Ты вѣси, яко люблю Тя;* тогда Господь, въ отвѣтъ на это, вотъ что сказалъ ему: если любишь ты Меня, Петре, *паси овцы Моя.* Опять, что не слѣдуетъ всякому человѣку, просто и какъ ни случилось, необдуманно брать на себя настоятельство надъ другими,—явно и это для всякаго, у кого умъ не омраченъ совершенно. Впрочемъ многіе не знаютъ ни того, что означаетъ приведенное слово Господа, ни того, какимъ образомъ пасти овецъ Своихъ повелѣлъ Господь Петру. Но восходятъ дерзостно (увы!) на эту степень достоинства, и не стыдятся самочинно пасти паству Христову, почему, если вамъ кажется благословнымъ, обсудимъ.

что означаетъ это слово Господне, и какой заключается въ немъ смыслъ.

Когда Господь сказалъ Петру: *паси овцы Моя,* то этимъ не на другое что указалъ, какъ на предстояніе и попеченіе, коимъ подобаетъ быть о стадѣ Христовомъ, посредствомъ слова и ученія. Это подтверждается другими словами, сказанными тому же Петру: *Симоне, Симоне, се сатана проситъ васъ, дабы сѣялъ, яко пшеницу: Азъ же молихся о тебѣ, да не оскудѣетъ вѣра твоя: и ты нѣкогда обращся утверди братію твою* (Лук. 22, 31. 32). Ибо что значатъ слова: *утверди братію твою?* Вотъ что: собственнымъ своимъ примѣромъ удостовѣрь ихъ, что не должно отчаяваться, въ какое бы кто прегрѣшеніе ни впалъ: ибо какое другое прегрѣшеніе хуже твоего, когда ты отвергся Меня, Владыки всяческихъ? Однакожъ Я простилъ тебя тотчасъ, какъ только ты горько раскаялся, и, несмотря на то, что ты не имѣлъ дерзновенія по причинѣ отреченія, Я по имени призвалъ тебя чрезъ Ангела придти ко Мнѣ вмѣстѣ съ другими Апостолами на гору Галилейскую, ни однимъ словомъ не укоряя тебя въ отреченіи твоемъ. Въ семъ-то, *обращся, ты и утверди братію твою.*

Паси овцы Моя. Но вѣдай, что ты будешь истинно пасти ихъ, не тогда когда станешь переводить ихъ съ пажити на пажить, чтобъ онѣ утучнѣли тѣлесно, какъ то дѣлаютъ пастыри безсловесныхъ овецъ, не тогда также, когда будешь запирать ихъ въ стѣнахъ и огражденіяхъ овчарныхъ, но когда будешь научать ихъ соблюдать все, что Я повелѣлъ. Это потомъ заповѣдалъ Господь особо и всѣмъ Апостоламъ, говоря: *шедше научите вся языки, крестяще ихъ во имя Отца и Сына и Святаго Духа, учаще ихъ блюсти вся, елика заповѣдахъ вамъ* (Мат. 28, 19. 20), — прибавивъ и еще: *иже*

вѣру имѣтъ и крестится, спасенъ будетъ: а иже не имѣтъ вѣры, осужденъ будетъ (Мар. 16, 16).

Паси, говоритъ, *овцы Моя*. Пастырь безсловесныхъ овецъ не заботится о земледѣліи, ни о торговлѣ, ни о домахъ, ни о яствахъ различныхъ и многоцѣнныхъ, ни о славѣ и почести; нѣтъ ему дѣла и ни до чего другаго мірскаго, и охоты не имѣетъ онъ пользоваться тѣмъ; но оставя все,—и домъ, и жену, и дѣтей,—все свое попеченіе обращаетъ на одну лишь паству свою, ради ея ночи проводя безъ сна и проходя съ нею въ отдаленныя мѣста, не имѣя ни крова ни постели, перенося зной дня и хладъ ночи и борясь съ воздушными перемѣнами: однѣхъ овецъ блюдетъ онъ, и объ нихъ всестороннее имѣетъ попеченіе. Но для тебя, пастыря словесныхъ овецъ, возможно находиться подъ кровомъ дома, имѣть одръ, постель, трапезу, — и вмѣстѣ съ тѣмъ пасти и овецъ Моихъ. Какъ же пасти? — Уча ихъ имѣть ко Мнѣ (говоритъ Господь) вѣру свѣтлую, чистую, не колеблющуюся, и любить Меня отъ всей души и отъ всего сердца, какъ и Я возлюбилъ ихъ, по любви къ нимъ предавъ Себя на смерть и умерши за нихъ. Доставляя же имъ, вмѣсто пажити, животворную пищу Моихъ заповѣдей, объясняй имъ, что онѣ тогда только будутъ вкушать животворность сей пищи, когда самымъ дѣломъ исполнять станутъ заповѣди Мои, и побуждай ихъ вкушать отъ сей пищи каждочасно, чтобъ онѣ были всегда насыщенными отъ Моихъ благъ. А какія это Мои блага и какими дѣлами они стяжаваются, сіе познать научи ихъ изъ слѣдующихъ Моихъ словъ: *продадите имѣнія ваша, и дадите милостыню, сотворите себѣ влагалища неветшающа, сокровище неоскудѣваемо на небесѣхъ* (Лук. 12, 33). *Любите враги ваша, добро творите ненавидящимъ васъ, и молитеся за творящихъ вамъ напасть* (Матѳ. 5, 44). *Да никтоже* (изъ васъ) *зла за зло кому воздаетъ*

(1 Сол. 5, 15). *Отпущайте, и отпустятъ вамъ* (Лук. 6, 37). *Аще ли же вы не отпущаете человѣкомъ согрѣшенія ихъ, ни Отецъ вашъ, Иже есть на небесѣхъ, отпуститъ вамъ согрѣшеній вашихъ* (Мар. 11, 26; Матѳ. 6, 15). Станьте бѣдны деньгами, да будете богаты благодатію Святаго Духа; презрите земную славу, чтобъ получить небесную.

Еще говори имъ и слѣдующее: предъ нами находятся два противоположныхъ предѣла, — животъ и смерть, и два міра, настоящій, видимый и привременный, и будущій, невидимый и вѣчный, — и два противоположныхъ между собою дѣйствователя въ сихъ мірахъ, — Богъ и діаволъ, противостоящій Ему, изъ которыхъ Богъ всегда печется о спасеніи нашемъ, призывая насъ къ жизни и царству вѣчному, а діаволъ желаетъ погибели и смерти души нашей, и день и ночь рыщетъ, ища кого привлечь приманкою временныхъ сластей и поглотить, сдѣлавъ его повиннымъ вѣчному мученію. Поелику такимъ образомъ предъ нами Богъ и діаволъ, то намъ, какъ мыслящимъ и разумнымъ, надлежитъ бѣжать отъ врага нашего и прибѣгать подъ кровъ Владыки нашего, прося помощи у Него, да не возгосподствуетъ надъ нами князь тмы, уловивъ насъ въ сѣти и тенета свои, и да не сдѣлаемся мы чрезъ то рабами ему и грѣху.

Что діаволъ есть князь міра и вѣчной тмы, послушай самого Христа, Который говоритъ: *грядетъ сего міра князь, и во мнѣ не имать ничесоже* (Іоан. 14, 30). Княземъ міра называется онъ не какъ властитель и господинъ міра. Да идетъ отъ насъ такая богохульная мысль! — И какъ возможно, чтобъ властвовалъ надъ міромъ тотъ, кто не имѣетъ власти даже надъ свиньями? Но называется онъ княземъ міра потому, что раздражая пожеланіе богатства и другихъ вещей міра сего, онъ порабощаетъ себѣ прилѣпляющихся къ нимъ и беретъ надъ ними

власть. Княземъ же тмы называется онъ потому, что низпалъ отъ свѣта божественной славы, по причинѣ гордости своей, и сдѣлался наслѣдникомъ вѣчной тмы. Но Богъ и Владыка нашъ, яко Творецъ и Устроитель всего міра, естественно и властно есть князь всѣхъ — небесныхъ, земныхъ и преисподнихъ, будучи свѣтомъ невечернимъ и неприступнымъ и Господомъ всего, и настоящаго и будущаго.

Итакъ, которые покорствуютъ Богу и соблюдаютъ неуклонно заповѣди Его, тѣ и временныхъ благъ причащаются въ мѣру и съ воздержаніемъ, благодаря за нихъ Бога, и отъ этихъ видимыхъ и временныхъ благъ возводятся къ онымъ невидимымъ и вѣчнымъ за то, что повинулись царю всѣхъ Богу и соблюди повелѣнія Его.— Тѣ же, которые поступаютъ противно заповѣдямъ Божіимъ, тѣ находятся на противной Богу сторонѣ, вмѣстѣ съ діаволомъ, поелику сдѣлались врагами Его, какъ самъ Онъ говоритъ: *иже нѣсть со Мною, на Мя есть: и иже не собираетъ со Мною, расточаетъ* (Лук. 11, 23). Посему, возлюбленные, пусть никто изъ васъ не слушаетъ князя тмы и міродержителя діавола; пусть никто не водится съ нимъ; никто пусть не дѣлается воиномъ діавола, и не воюетъ противъ Бога и Спасителя нашего; пусть никто не становится врагомъ души своей и не подвизается, чтобъ наслѣдовать огнь вѣчный. Умоляю васъ, отцы мои и братія, и чада, не дѣлайте этого. Страшное дѣло и для одного даже слуха то, чтобъ сдѣлаться намъ врагами и противниками Богу.

А какъ дѣлается кто противникомъ Христу и подвизается о собственной своей погибели, я это сейчасъ вамъ скажу. Если, напримѣръ, кто побранитъ тебя, праведно или неправедно, или осудитъ, или оклевещетъ,— и ты не переносишь такого безчестія съ кротостію, но, оскорбившись тѣмъ въ сердцѣ своемъ, не удерживаешь

раздраженія своего, а бранишь и самъ того. кто побранилъ тебя, или осуждаешь его или другое что непріятное ему дѣлаешь, или не дѣлая ничего такого, держишь страсть непріязни противъ него въ сердцѣ своемъ, а не прощаешь ему отъ всей души, и не молишься о немъ Богу, то вотъ и сталъ ты врагомъ Христу, потому что поступаешь противно заповѣдямъ Его; сталъ ты врагомъ и себѣ самому и губишь душу свою тѣмъ, что сдѣлалъ (въ силу такого непрощенія брату) всѣ прежніе свои грѣхи неизгладимыми и непростительными. Еще,— если кто ударилъ тебя въ правую ланиту, а ты не только не обращаешь къ нему лѣвой, но самъ ударяешь его, то се — опять сдѣлался ты воиномъ и рабомъ діавола. Ты ударилъ не брата только, но чрезъ брата, котораго ударилъ, ударилъ и самого Христа, Который повелѣлъ не ударять его, но обращать къ нему другую ланиту. Опять, если кто, тайно или явно, возьметъ у тебя золотую, или другую какую вещь, или ты дашь кому въ займы, или похититъ кто что нибудь у тебя,—и не захочетъ потомъ отдать, или потому что ничего уже не имѣетъ, или по корыстолюбію и злонравію, — и ты не сносишь благодушно и незлобиво такого похищенія, но тащишь виновнаго въ суды, ввергаешь въ темницу и дѣлаешь все возможное, чтобъ обратно получить свое, то скажи мнѣ, не явный ли ты врагъ Богу и душѣ своей, дѣлая все такое? Ибо, если тебѣ повелѣно посѣщать заключенныхъ въ темницу и служить имъ по силѣ своей, — не требовать своего отъ того, кто его взялъ, отдавать и срачицу тому, кто хочетъ судиться съ тобою и ризу твою взять, предавать тѣло свое на смерть за заповѣдь Божію, — если, говорю, ты, коему даны такія повелѣнія, идешь въ суды изъ-за вещей тлѣнныхъ, преступая повелѣніе Божіе, если скорбишь, гнѣваешься и ввергаешь брата въ темницу; не явно ли,

что ты выходишь изъ ума (христіанскаго здравоумія), прогнѣвляешь Бога, противясь Ему, и себя самого лишаешь вѣчной жизни?

Итакъ (возвращаюсь опять къ пастырству), кто хочетъ пасти стадо Христово и питать разумныхъ овецъ, научая ихъ всему тому, о чемъ мы сказали, чтобъ сдѣлать ихъ тучными отъ добрыхъ дѣлъ и многородныхъ добродѣтелей: тотъ какъ можетъ въ тоже время заботиться о поляхъ и виноградникахъ и пещись о прочихъ стяжаніяхъ своихъ, чтобъ сохранить отъ похищенія и ущерба, прогоняя покушающихся на это? Когда ему ходить въ суды и заводить состязанія, бывая при семъ иной разъ для другихъ причиною клятвъ и клятвъ ложныхъ? Ибо если онъ правъ, то противникамъ его нужда бываетъ прибѣгать къ явной лжи и ложнымъ клятвамъ, что̀ какъ можетъ снести боголюбивая душа? И какъ можетъ быть пріятно Богу, Который сказалъ: *Азъ же глаголю вамъ не клятися всяко. Буди же слово ваше, ей, ей: ни, ни: лишше же сею отъ непріязни есть* (Матѳ. 5, 33. 34). И еще: *глаголю же вамъ: яко всяко слово праздное, еже аще рекутъ человѣцы, воздадятъ о немъ слово въ день суда* (Матѳ. 12, 36).

Итакъ, по причинѣ всѣхъ такихъ пагубныхъ для души случайностей, умоляю васъ, братія и отцы мои, если вѣрите самоистинѣ Христу и сказаннымъ мною словамъ, не ищите престоловъ и епархій, игуменствъ и предстояній надъ другими славы ради человѣческой и для тѣлеснаго покоя, боясь суда Божія и страшнаго онаго приговора, который устами пророка Іезекіиля изрекъ Онъ противъ не какъ слѣдуетъ пасущихъ овецъ Его: *сія глаголетъ Адонаї Господь: оле пастыри Израилевы, еда пасутъ пастыри самихъ себе, не овецъ ли пасутъ пастыри; се млеко ядите, и волною одѣваетеся, и тучное закалаете, а овецъ моихъ не пасете: Изнемогшаго не подъ-*

ясте, и болящаго не уврачевасте, и сокрушеннаго не обязасте, и заблуждающаго не обратисте, и погибшаго не взыскасте, и крѣпкое оскорбисте трудомъ, и властію наказасте я и наруганіемъ. И разсыпашася овцы моя, понеже не имѣяху пастырей. И немного ниже опять говоритъ Онъ: *се Азъ на пастыри, и взыщу овецъ моихъ отъ рукъ ихъ, и отставлю я отъ паствы овецъ моихъ* (Іезек. 34, 3—5. 10). И еще: *и стражъ, аще увидитъ мечь грядущь, и не вострубитъ трубою, и нашедъ мечь возметъ отъ нихъ душу, та убо беззаконія ради своего взятся, а крове ея отъ руки стража взыщу* (Іез. 33, 6).—Страшны, братія мои, эти слова, изреченныя Богомъ на пастырей. Посему станемъ лучше заботиться о томъ, чтобъ добрѣ пасти самихъ себя, яко стадо Христово, яко царское священіе, подчиняя плоть духу, да не побѣждается лучшее худшимъ, т.-е., душа тѣломъ. Когда же внидемъ во глубину смиренномудрія, омоемъ скверны грѣховъ нашихъ слезами своими, стяжемъ кротость сокрушеніемъ сердца и смиренномудріемъ, великою жаждою правды Божіей привлечемъ утоленіе ея неизреченными благами царства небеснаго чрезъ утѣшенія Духа Святаго; потомъ когда воспріимемъ утробы щедротъ и состраданія, стяжемъ сердце чистое совершеннымъ безстрастіемъ и узримъ свѣтъ Божій, т.-е. самого Духа Святаго дѣйствующимъ въ насъ и глаголющимъ о сокровенныхъ тайнахъ царствія Божія, какъ лица, посредствомъ глубокаго мира сочетавшія въ едино мудрованіе душу и тѣло,—когда умиротворимъ себя и сдѣлаемъ по душѣ и тѣлу согласнымъ орудіемъ Богу во единомъ духѣ,—когда къ тому претерпимъ еще ради Христа множество искушеній, скорбей и бѣдъ и навыкнемъ укоряеми благословлять, гоними терпѣть, хулими молить (1 Кор. 4, 12. 13), не помня зла никакого, но все то благодушно принимая и претерпѣвая и всячески стараясь сохранно пройти искусъ сей, безъ малѣйшаго колебанія

въ терпѣніи, которое есть основаніе добродѣтелей,—когда такимъ образомъ посредствомъ всѣхъ сказанныхъ добродѣтелей возрастемъ возрастомъ по Христу и востечемъ въ мужа совершенна, въ мѣру возраста исполненія Христова, со стяжаніемъ совершеннаго Боговѣдѣнія и мудрости словесъ и таинъ оныхъ, кои подаетъ Духъ Святый,—когда, говорю, совершится въ насъ все сіе, и мы достигнемъ полнаго во всемъ совершенства, тогда, пожалуй, предадимъ себя и на пользу братій нашихъ. Впрочемъ и тогда не слѣдуетъ намъ самимъ искать этого, но уступать, если Богомъ будемъ призваны къ тому, не превозношенія ради, но чтобъ быть рабами всѣхъ, какъ говоритъ Господь: кто хочетъ быть большій въ васъ. будь всѣмъ рабъ и всѣмъ слуга (Мар. 10, 43. 44). Но пока не достигнемъ мы совершенства и безстрастія, до тѣхъ поръ да минуетъ насъ начальствованіе надъ другими, прошу васъ. Будемъ лучше въ послушаніи духовнымъ отцамъ нашимъ и Богу, все держащему во власти своей, будемъ каяться каждодневно и очищать себя слезами по Богу, да возможемъ познать Бога, что Онъ неложенъ во всемъ, что обѣтовалъ даровать любящимъ Его и исполняющимъ божественныя Его повелѣнія. Онъ исполнитъ всякаго по дѣламъ Его въ царствіи Своемъ. Ему подобаетъ всякая слава, честь и поклоненіе, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

СЛОВО ВОСЕМЬДЕСЯТЪ ТРЕТЬЕ.

1) О безстрастіи и добродѣтельной жизни.
2) Какъ отсѣчь волю свою и востечь на высоту совершенства?
3) О соединеніи Бога съ душею и души съ тѣломъ.
4) О преславномъ соединеніи трехъ сихъ—Бога, души и тѣла.
5) О духовномъ врачествѣ, и какъ надлежитъ врачевать немоществующихъ душею?

1. Многократно бесѣдуя съ братіями, находящимися въ мірѣ, я почти отъ всѣхъ ихъ слышалъ, что невоз-

можно человѣку взойти на такую высоту безстрастія, чтобы онъ, бесѣдуя и вкушая пищу вмѣстѣ съ женщинами, нимало не повреждался отъ того въ душѣ своей, и не подвергался тайному нѣкоему движенію нечистому. Слыша это, я много скорбѣлъ, плакалъ и проливалъ слезъ о тѣхъ, которые говорятъ такъ. Ибо очень хорошо знаю, что они говорятъ это по великому невѣдѣнію дѣла, т.-е. что совсѣмъ не знаютъ опытно силы благодатныхъ даровъ Божіихъ. Если бъ они не были лишены истиннаго безстрастія, ослѣплены мракомъ страстей и порабощены сластямъ и похотямъ плоти, то конечно знали бы и они о животворной мертвости, какую Христосъ Іисусъ, Богъ нашъ, даруетъ святымъ членамъ Своимъ и не невѣровали бы о ней. Тѣмъ, кои таковы, какъ возможно повѣрить, что бываютъ люди мертвые міру и живущіе только жизнію, которая въ Духѣ Святомъ, — тогда какъ они всю жизнь свою о томъ только и заботятся, какъ бы понравиться людямъ и заслужить у нихъ названіе боголюбивыхъ и святыхъ, и слѣдовательно всѣ дѣла свои дѣлаютъ лицемѣрно? Какъ они думаютъ, будто исправляютъ дѣло безстрастія, оставаясь страстными, будучи т.-е. и бывая всецѣло грѣхъ, и какъ увѣряютъ себя самихъ, что одни похвалы людскія достаточны для добродѣтели и святости; такъ опять, когда отрицаютъ безстрастіе и говорятъ, что во святыхъ нѣтъ его, то хотятъ быть и именоваться святыми безъ безстрастія, какъбы стяжавая святость одними людскими похвалами. Того, кого не хвалитъ толпа просто и какъ пришлось, они почитаютъ за недостойнаго и презираемаго, не зная несчастные, что лучше одинъ знающій Бога и знаемый Богомъ, чѣмъ миріады невѣрныхъ, незнающихъ Бога, хотя ихъ хвалитъ и ублажаетъ весь міръ; какъ и тотъ, кто видитъ, лучше безчисленнаго множества слѣпыхъ.

Но *что* возможно достигнуть свободы отъ страстей.

или безстрастія тому, кто истинно подвизается,—*что* тому, кто получитъ благодать Божію, возможно возвыситься до состоянія безстрастія душевнаго и тѣлеснаго и не только не быть тревожимымъ страстями, тогда, когда бесѣдуетъ или вкушаетъ пищу вмѣстѣ съ женщинами, но даже когда находится среди города, слышитъ тамъ пѣніе и музыку, и видитъ смѣющихся, забавляющихся и пляшущихъ, не терпѣть никакого совершенно вреда, и *что* такіе люди дѣйствительно есть и бываютъ, о семъ свидѣтельствуетъ всякое писаніе святыхъ; немало пишется о семъ свидѣтельствъ также въ исторіи и жизнеописаніяхъ святыхъ. Для сего то безстрастія бываетъ у богочестивыхъ всякое дѣланіе подвижническое, всякое лишеніе произвольное и всесторонняя къ себѣ строгость. Первое дѣло подвизающихся по Богу есть убѣжать отъ міра и отъ всего, что въ мірѣ. Міромъ я называю настоящую жизнь, т.-е. сей временный вѣкъ. Подъ тѣмъ же, что въ мірѣ, я разумѣю все, окружающее насъ, что повелѣваетъ намъ Господь оставить и убѣжать отъ того всего, т.-е. оставить отца, матерь, братьевъ, сестръ, сродниковъ, друзей, имѣнія, деньги и вообще всякое богатство. Не потому такъ требуется, чтобъ это были вещи запрещенныя и вредныя, но потому, что, находясь среди ихъ, не можемъ мы избавиться отъ пристрастія къ нимъ. Одолѣваемый похотными сластьми, если не отсѣчетъ причинъ, возбуждающихъ сласти грѣховныя, и не удалится отъ нихъ, не можетъ никакъ освободиться отъ похотѣнія ихъ.

2. Когда же обнажится онъ отъ всего того, что составляетъ его собственность, тогда долгъ имѣетъ онъ отрещись и отъ самой жизни своей, если искренно ревнуетъ о добродѣтели, а это совершается умерщвленіемъ и совершеннымъ отсѣченіемъ своей воли. Волю же разумѣю я не внѣшняго только касающуюся, т.-е. чтобъ

не ѣсть, не пить, не дѣлать никакого дѣла по своей волѣ. не спать, и вообще ничего, сколько бы иное ни казалось хорошимъ, не дѣлать безъ позволенія настоятеля своего,— но и внутреннихъ движеній сердца, именно, чтобъ не смотрѣть страстно ни на что, не осуждать никого внутренно. не радоваться ничьему паденію. не гнѣваться въ сердцѣ своемъ, никому не завидовать, не ревновать злою ревностію. И гдѣ мнѣ перечислить всѣ свойства и всѣ признаки благочестиваго настроенія сердца, чтобы показать тебѣ поточнѣе, каковъ долженъ быть истинный христіанскій подвижникъ. Послушай впрочемъ и еще о нѣкоторыхъ требованіяхъ животворнаго самоумерщвленія, именно: никогда не скрывай отъ духовнаго отца своего никакого даже малѣйшаго помысла,—сколько можешь, ни одного дня не пропускай безъ слезъ,—не убѣляй чрезмѣрно лица своего, какъ есть обычай нѣкіимъ,—не убирай, какъ покрасивѣе, волосъ головы твоей и твоей бороды,—не отрѣшай пояса своего когда ложишься спать, чтобъ не разнѣжилось тѣло твое и ты не проспалъ болѣе должнаго,—на влагай рукъ своихъ за пазуху, или подъ мышку по тѣлу,—не хватай другаго за голое тѣло, не жми и не три его нѣжно,—не смотри, просто и какъ ни попало, на лице даже старческое, потому что лукавый, который при всякомъ случаѣ встрѣчаетъ съ своимъ худомъ, вездѣ вертится,—не кивай одному насчетъ другаго,—не говори никакого слова неподобающаго,— не ухалчивай ни о чемъ, что должно быть сказано,— не оставляй никогда обычнаго своего правила, до самой смерти —не заводи особенной дружбы ни съ кѣмъ, хотя бы кто казался святымъ,—нисколько ни много, ни мало, не заботься о красивой одеждѣ и обуви, кромѣ необходимыхъ. и эти пусть будутъ степенныя и смиренныя,—не вкушай никакой ниши на услажденіе, и не касайся такой, которая тебѣ нравится. Подвизаю-

щійся воздерживается отъ всего этого и отъ многаго другаго большаго. И опять кто нерадитъ и не воздерживается отъ всего этого, тотъ каждочасно творитъ волю свою, хотя ублажается всѣми людьми, какъ отрекшійся отъ міра. Кто воздерживается во внѣшнемъ, въ томъ, что всѣмъ видно, тотъ оглашается и похваляется, какъ подвижникъ, тѣми, кои не умѣютъ добрѣ видѣть внутреннее. Но если такой тайно творитъ волю сердца своего, то онъ нелюбъ Богу, какъ нечистый,—и хотя бы тысячи лѣтъ провелъ, такъ подвизаясь, никогда не найдетъ пользы отъ однихъ внѣшнихъ подвиговъ.

3. Кто же воздерживается отъ всего и обучаетъ душу свою не кружиться въ безпорядкѣ тамъ и сямъ и не творить ни въ чемъ воли своей, наипаче же въ томъ, что неугодно Богу, но понуждаетъ ее неотступно ходить въ заповѣдяхъ Божіихъ, съ теплою любовію и со столь великимъ вниманіемъ, какъ если бы шествовалъ на высотѣ воздушной, по какой нибудь веревкѣ; таковый въ короткое время обрѣтетъ Бога, сокрытаго въ тѣхъ божественныхъ заповѣдяхъ,—Котораго, какъ только обрѣтетъ, такъ забудетъ все, и станетъ внѣ себя, и припадши къ Нему, вседушно возжелаетъ зрѣть Его и только Его единаго. Когда послѣ сего Богъ промыслительно скроется отъ очей его умныхъ, тогда объемлетъ его скорбное недоумѣніе, и онъ начинаетъ опять проходить съ начала путь заповѣдей Божіихъ и теши имъ спѣшнѣе, сильнѣе, и опасливѣе, смотря подъ ноги, ступая обдуманно, жегомъ бывая воспоминаніемъ, горя любительнымъ желаніемъ, и воспламеняясь надеждою опять увидѣть Его. Когда же такимъ образомъ долгое время теча и преутрудившись, не возможетъ достигнуть желаемаго и въ изнеможеніи совсѣмъ упадетъ духомъ, такъ что и теши далѣе уже не станетъ у него силъ, тогда внезапно узритъ онъ Того, Кого искалъ, достиг-

нетъ Того, Кто бѣжалъ отъ него, обыметъ Того, Кого вожделѣлъ,—и станетъ опять весь внѣ міра и забудетъ весь этотъ міръ,—соединится съ ангелами, обольется свѣтомъ, вкуситъ отъ жизни, срѣтитъ безсмертіе, исполнится утѣшительной сладости, взыдетъ на третье небо, восхитится въ рай, услышитъ неизреченные глаголы, внидетъ въ Жениховъ чертогъ, пройдетъ до мѣста, гдѣ покоится Женихъ, увидитъ Его Самого, сдѣлается общникомъ духовнаго брака, насытится пія отъ таинственной чаши и вкушая отъ тельца упитаннаго, отъ хлѣба животнаго и отъ питія жизни, отъ агнца непорочнаго, и отъ манны мысленной, и получитъ всѣ оныя блага, на которыя не дерзаютъ воззрѣвать и самые ангелы. Находясь въ такомъ состояніи, онъ горитъ какъ огнь и просвѣщается Духомъ Святымъ, и еще отселѣ, изъ настоящей жизни, провидитъ таинство обоженія своего. Ставъ весь огнемъ по душѣ, онъ и тѣлу передаетъ отъ стяжаннаго внутри свѣтлоблистанія, подобно тому, какъ и чувственный огнь передаетъ свое дѣйство желѣзу,—и бываетъ тогда душа для тѣла тѣмъ, чѣмъ Богъ сталъ для души, какъ говоритъ богословскій гласъ. Ибо какъ душѣ невозможно жить, если не бываетъ она просвѣщаема Творцемъ своимъ, такъ и тѣлу невозможно жить, если не получаетъ на то силъ отъ души.

4. Вникни повнимательнѣе въ смыслъ сказаннаго,—Богъ, душа, тѣло. Богъ безначальный, безконечный, неприступный, неизслѣдимый, невидимый, неизреченный, неприкосновенный, неосязаемый, безстрастный, неизглаголанный, Который въ послѣдніе дни явился намъ во плоти чрезъ Сына, и познался чрезъ Духа Святаго, какъ вѣруемъ, подобнымъ намъ по всему, кромѣ грѣха — сочетавается съ душею мысленною ради моей души, чтобъ и духъ спасти и тѣло сдѣлать безсмертнымъ, какъ сказалъ Григорій Богословъ (въ сл. на Рождество Хри-

стово),—и при этомъ изрекаетъ такое обѣтованіе: *вселюся въ нихъ и похожду* (2 Кор. 6, 16). *Азъ и Отецъ пріидемъ и обитель* въ нихъ *сотворимъ* (Іоан. 14, 23),—въ тѣхъ, т.-е., которые вѣруютъ и вѣру свою показываютъ дѣлами вышесказанными.—Но внимай!—Поелику Богъ обитаетъ въ насъ, истинныхъ рабахъ Своихъ и ходитъ въ душахъ нашихъ чрезъ дѣйства и осіянія Духа Святаго, то вѣруемъ несомнѣнно, что души сего достойныя неотлучны отъ Бога. Поелику опять душа находится во всемъ тѣлѣ и не оставляетъ безъ себя ни одной части, то необходимо слѣдуетъ, что волею души и управляется вся сія плоть, нераздѣльная съ душею и не могущая жить безъ души: ибо какъ невозможно тѣлу жить безъ души, такъ невозможно, чтобъ оно имѣло волю особо отъ души.

Итакъ, явно, что какъ во Отцѣ, Сынѣ и Святомъ Духѣ поклоняется единый Богъ, безъ сліянія трехъ лицъ и безъ раздѣленія единаго существа и естества, такъ опять и человѣкъ бываетъ по благодати богомъ въ Богѣ, и по душѣ и по тѣлу, безъ сліянія и раздѣленія; и ни тѣло не прелагается въ душу, ни душа не измѣняется въ плоть, — и опять, ни Богъ не сливается съ душею, ни душа не претворяется въ Божество. Но Богъ пребываетъ, какъ есть Богъ, и душа опять пребываетъ такъ, какъ есть естество ея, и тѣло, какъ создано, персть; и самъ Богъ, Который дивно связалъ сіи два,—душу и тѣло, и сраствориль мысленное и невещественное съ перстію, соединяется съ сими двумя безъ сліянія,—и я человѣкъ бываю по образу и подобію Божію, какъ показало слово.—Впрочемъ если вамъ кажется благословно, скажемъ опять тоже. Движимый духовнымъ удовольствіемъ и радостію, я желаю сказать вамъ опять тоже, чтобъ яснѣе представить вамъ такія мысли: Отецъ, Сынъ и Духъ Святый—Богъ единъ, Коему мы служимъ и по-

кланяемся. Богъ, душа и тѣло человѣкъ, созданный по образу и подобію Божію, и удостоивающійся быть богомъ по благодати.

Но для чего распространилъ я слово мое объ этомъ, и по какой причинѣ сказалъ болѣе подробно, какъ человѣкъ бываетъ богомъ по благодати? Для того, чтобъ устыдились или, лучше сказать, познали самихъ себя тѣ, которые не имѣютъ въ себѣ чертъ образа и подобія Божія и отдалены отъ Бога, да плачутъ о себѣ самихъ, познавъ, какихъ благъ они лишены, и слушая слово мое, да узрятъ, какія страсти обладаютъ ими, и да уразумѣютъ, какая глубочайшая тма покрываетъ ихъ,—въ слѣдствіе же сего, да убоятся противорѣчить тѣмъ, кои имѣютъ въ себѣ благодать Божію, сю всему научаются и съ нею вся могутъ,—и далѣе да престанутъ говорить, будто никому изъ тѣхъ, кои живутъ по Богу, невозможно, находясь среди міра, и принимая пищу или бесѣдуя съ женщинами, пребыть неосквернennымъ душевно и тѣлесно.—Есть Богъ безстрастный, никакого не имѣющій пристрастія къ видимому.—Впрочемъ я знаю, что тѣ, которые не могутъ зрѣть душевными очами (потому что они не отверсты) и даже не чувствуютъ, что есть свои въ душѣ чувства (для духовныхъ вещей), не понимая смысла сказаннаго мною слова, возразятъ мнѣ, говоря: знаемъ и мы, что Богъ безстрастенъ, и не въ отношеніи къ Богу сомнѣваемся въ этомъ, но въ отношеніи къ человѣку.—Но для того, чтобъ заградить таковымъ уста, я и сказалъ выше, что и человѣкъ бываетъ богомъ по благодати, чрезъ дарованіе ему Духа Святаго. Отъ чего и бываетъ, что какъ солнце, освѣщая нечистыя мѣста, не оскверняетъ нимало лучей своихъ, такъ не оскверняется душа, или умъ облагодатствованнаго человѣка, носящаго въ себѣ Бога, если случится чистѣйшему тѣлу его придти въ соприкосновеніе съ нечис-

тыми тѣлами человѣческими. И не только это, но если бъ случилось ему быть заключену въ темницу вмѣстѣ съ безчисленнымъ множествомъ невѣрныхъ и нечестивыхъ, преисполненныхъ всякою скверною, и голому тѣломъ тереться съ ними голыми, и тогда невозможно, чтобъ онъ или въ вѣрѣ повредился, или отдалился умомъ отъ Владыки своего Бога, и забылъ дивную оную красоту Его. Многое такое бывало съ мучениками и другими святыми; и однакожъ, эта козни діавола не причинила имъ никакого вреда, потому что они имѣли Бога, обитавшаго и пребывавшаго въ нихъ. Кто или отъ начала сохранилъ въ себѣ черты образа и подобія Божія, или, потерявъ ихъ, потомъ опять возвратилъ себѣ, таковый вмѣстѣ съ тѣмъ получаетъ способность смотрѣть на вещи, какъ онѣ есть по природѣ своей,—и послѣ того, яко во дни благообразно ходящій, такъ и смотритъ уже на всѣ вещи, какъ онѣ есть по ихъ природѣ, не смотритъ на цвѣтъ, красоту и блистательность ихъ, но, помышляя о существѣ и свойствахъ ихъ, пребываетъ невозмутимъ никакою по поводу ихъ страстностію, внимая лишь тому, что въ нихъ есть существеннаго, и чѣмъ онѣ всегда пребываютъ. Смотритъ на золото, но не приковываетъ ума своего къ его блеску, а помышляетъ лишь о матеріи, изъ коей оно, то-есть что оно земля, персть или камень, и не можетъ никогда измѣниться во что либо другое. Смотритъ на серебро, маргариты и всякіе драгоцѣнные камни, и чувство его не обольщается пріятностію привлекательной цвѣтности ихъ, но смотритъ на всѣ эти камни, какъ на всякій другой простой камень, считая всѣ ихъ пылью и прахомъ. Смотритъ на шелковыя красивыя одежды, и не дивится ихъ многообразію и разноцвѣтности, помышляя, что онѣ всѣ суть испражненіе червей, и скорбя о тѣхъ, которые радуются изъ-за нихъ и блюдутъ ихъ, какъ

драгоцѣнности. Смотритъ на человѣка, славимаго, шествующаго по улицамъ въ сопровожденіи множества народа и гордящагося такою славою, и, почитая видимое сновидѣніемъ, дивится невѣжеству людскому и посмѣвается ему. Видитъ міръ, шествуя среди какого либо большаго города (свидѣтель истины словъ моихъ—Господь, совершающій въ насъ сіе), и однакожъ находится въ такомъ блаженномъ состояніи, какъбы былъ одинъ во всемъ мірѣ и находился въ мѣстѣ пустынномъ, непроходимомъ людьми, какъбы ни съ кѣмъ не имѣлъ никакого дѣла и не зналъ никого изъ людей живущихъ на землѣ.

Таковый человѣкъ, если увидитъ и женщину, хоть бы самую красивую, не смотритъ на красоту лица ея, но видитъ ее тлѣющею и разлагающеюся, какъбы она не задолго умерла и сдѣлалась вся пищею червей и комомъ вонючей грязи,—какъ сіе и въ самомъ дѣлѣ бываетъ. Умъ его никогда не станетъ заниматься красотою женщины, но представляетъ вещество, изъ коего она, и тлѣніе, для коего она готовится. Но если пожелаетъ онъ и о внѣшней ея красотѣ подумать, то умѣетъ отъ твореній возвышаться къ Творцу и удивляться Ему, а не служить твари паче Творца. Такимъ путемъ, отъ величія и красоты тварей познаетъ онъ Создателя; умъ его восходитъ къ созерцанію Его и воспламеняетъ душу стремиться къ Сотворшему ее; вмѣстѣ съ чѣмъ возраждаются въ немъ божественная любовь и слезы, и бываетъ онъ весь внѣ видимаго, отрѣшаясь совершенно отъ всѣхъ тварей. Вѣдай же, что какъ свѣтъ чувственныхъ очей нашихъ плется нами инуды, и зрительною своею силою обходитъ все, сущее предъ нимъ, не оскверняясь ничѣмъ изъ того, что видитъ, хотя многое въ томъ бываетъ и срамное,—и мы опять этотъ свѣтъ очей своихъ переносимъ на другое неосквернѣннымъ; такъ и умъ святыхъ, если случится ему обратить вниманіе на нечистыя и мерзкія

страсти, не оскверняется; потому что онъ у нихъ нагъ есть и отдаленъ отъ всякаго страстнаго похотѣнія. Если и захочетъ кто изъ нихъ разсмотрѣть ихъ, то дѣлаетъ это не для чего другаго, какъ для того, чтобъ обсудить и познать добрѣ страстныя движенія и дѣйствія страстей,—отъ чего онѣ рождаются и какими врачевствами усмиряются. Такъ, какъ слышно, дѣлаютъ и врачи, которые разсѣкаютъ мертвыя тѣла, чтобъ разсмотрѣть устройство тѣла и познать по мертвымъ онымъ тѣламъ, что находится въ тѣлахъ живыхъ людей, и этимъ знаніемъ пользоваться потомъ при врачеваніи болѣзней, невидныхъ наружно. Такъ дѣлаетъ и духовный врачъ, желающій искусно врачевать страсти души. Чтобъ тебѣ показать въ словѣ врачевательное искусство его, я представлю тебѣ это въ примѣрѣ.

5. Предположи, что кто нибудь изъ больныхъ душевно идетъ къ духовному врачу, омраченный страстію, смятенный весь умомъ, и вмѣсто врачевства проситъ у него того, что вредитъ, т.-е. что или увеличитъ его болѣзнь, или причинитъ ему даже смерть. Смотритъ человѣколюбивый и сострадательный врачъ на сего болящаго брата, вникаетъ въ болѣзнь его, жженіе и рѣзь отъ ней, и находитъ, что она и безъ того къ смерти, если не принять мѣръ. И что дѣлаетъ? Не кричитъ на него за его неразумное прошеніе, не отказываетъ ему тотчасъ во врачевствѣ желаемомъ, не говоритъ, что оно худо и смертоносно,—не дамъ тебѣ его,—чтобы тотъ не убѣжалъ отъ него, не пошелъ къ другому врачу, неопытному во врачеваніи душевныхъ болѣзней, и получивъ отъ него желаемое, не умеръ тотчасъ; но показываетъ ему всякую снисходительность и искренность, чтобъ убѣдить его, что готовъ лѣчить его тѣмъ лѣкарствомъ, котораго онъ проситъ, и удовлетворить его желаніе. Слыша это, больной ожидаетъ врачевства съ радостію. Врачъ между тѣмъ,

какъ опытный и мудрый врачеватель, представляетъ ему другія врачевства, которыя по виду сходны съ желаемыми больнымъ, но существенно разны по составу, и инаковы по вкусу и дивны по силѣ дѣйствія. Ибо только что приметъ больной эти врачевства, какъ уже ощутитъ врачевательную ихъ силу, — тотчасъ прекращается или умаляется жженіе страсти, и начинаетъ закрываться рана душевная, что и располагаетъ его къ нимъ; о тѣхъ же врачевствахъ, которыхъ онъ прѣжде желалъ съ такимъ жаромъ и неудержимостію, и воспоминать ему нежелательно. И видѣть можно чудо нѣкое, въ немъ и въ подобныхъ ему совершающееся, — какъ эти врачевства, обыкновенно не такъ пріятныя, дѣлаютъ больныхъ здоровыми, закрываютъ раны, погашаютъ жженіе, — и тѣхъ, которые прежде алкали вредныхъ и смертоносныхъ яствъ, располагаютъ желать однихъ полезныхъ и всѣмъ разсказывать о дивномъ искусствѣ врача и мудромъ его методѣ врачеванія.

Да слышатъ сіе здравствующіе и да поймутъ, что сказано мною прикровенно, если пріяли благодать духовнаго разумѣнія, потому что больные не могутъ этого понять, тѣмъ болѣе, когда они даже не знаютъ, что больны. И такихъ кто въ силахъ убѣдить, что они больны? Ибо они самую эту болѣзнь свою почитаютъ здоровьемъ, и желаютъ всегда творить волю плоти и все, чего требуетъ ихъ похоть и естество. Какъ невозможно убѣдить тѣхъ, кои вышли изъ ума, сознать, что они дѣйствительно вышли изъ ума, такъ и тѣхъ, кои валяются въ страстяхъ и, состоя въ рабствѣ у нихъ, не чувствуютъ своего имъ рабства, никто не можетъ довесть до сознанія, что они находятся въ такомъ худомъ состояніи, или убѣдить ихъ перемѣниться на лучшее. Они слѣпы и не вѣрятъ, чтобъ кто нибудь былъ видущъ; какъ же ихъ убѣдить, что и для нихъ возможно, чтобъ они открыли

очи свои? Если бъ убѣдились въ этомъ, то, можетъ быть, и они взыскали бы открытія очей своихъ; обрѣтши же его, увидѣли бы ясно и познали тѣхъ, кои распялись міру. Но какъ они не хотятъ освободиться отъ страстей, то тѣмъ самымъ затыкаютъ уши свои и не могутъ внятно слышать Апостола Павла, который говоритъ: *мнѣ міръ распяся, и азъ міру* (Гал. 6, 14). *Живу же не ктому азъ, но живетъ во мнѣ Христосъ* (Гал. 2, 20). И еще: *умертвите убо уды ваши, яже на земли, блудъ, нечистоту, страсть, похоть злую, и лихоиманіе* (Кол. 3, 5).

Кто такимъ образомъ умеръ міру (что и есть крестъ), кто не самъ живетъ, но въ комъ живетъ Христосъ, кто умертвилъ уды, яже на земли, т.-е. страстныя движенія тѣла, сдѣлавъ его непричастнымъ никакой страсти, или никакой похоти злой, тому какъ возможно, скажи мнѣ, воспріять хотя малое какое чувство страстное или попустить себѣ испытать движеніе сласти грѣховной, или наклониться къ ней хоть сколько нибудь въ сердцѣ? Если же не вѣришь еще сему и отвергаешь сказанное мною, то подумай, кого ты осуждаешь и кого полагаешь соучастникомъ въ грѣхѣ? Увы твоей продерзости! Ибо о тѣхъ, которые имѣютъ въ себѣ пребывающимъ и живущимъ Христа, о тѣхъ говоришь ты, что они обольщаются въ сердцѣ своемъ сластію грѣховною. По такимъ словамъ твоимъ выходитъ, что Христосъ, Который грѣха не сотвори, ниже обрѣтеся лесть во устѣхъ Его,—Онъ, вземляй грѣхи міра и избавляющій души, съ Нимъ соединившійся, отъ всякой страсти, сдѣлался соучастникомъ въ грѣхѣ.—Вижу человѣче, что ты не понимаешь что я говорю тебѣ, и сколь велика хула, тобою произносимая. Не трепещешь? Не заграждаешь себѣ устъ рукою своею? Не учишь языка своего—не говорить того, чего не испыталъ еще ты на дѣлѣ, чего не позналъ умомъ своимъ, чего не видѣли очи твои, и величія чего не

принимало ухо твое? Не знаешь развѣ, что тѣ, которые испытали это и дѣломъ и словомъ, смѣются надъ тобою, какъ надъ несмысленнымъ, когда ты берешься говорить объ этомъ, потому что говоришь все навыворотъ? Итакъ, если ты сподобился получить божественную благодать, то учи свободно о томъ, что касается благодати, и богословствуй безпрепятственно о Богѣ по естеству, и о сынахъ Божіихъ по благодати, говори и ты не запинаясь, что святые человѣки суть рабы славы Божіей. Если же исповѣдуешь,—и хорошо то дѣлаешь,—что не получилъ ты такого дарованія, не чувствуешь, чтобъ умеръ ты міру, не сознаешь, чтобъ взошелъ ты на небо и тамъ укрывался одинъ, не показываясь внѣ, если не изшелъ ты вовнѣ міра, подобно Павлу, въ тѣлѣ ли, или кромѣ тѣла, если не знаешь, что измѣнился весь и сталъ, какъ духъ чрезъ отложеніе и отверженіе плоти, духовная духовными сразсуждая,—если, говорю, не сдѣлался ты таковымъ, то почему не молчишь и не ищешь въ покаяніи и слезахъ получить и испытать сіе, но охочь говорить попусту о томъ, чего не знаешь, любишь, чтобъ тебя называли и безъ того святымъ, не поперечишь молвѣ, будто ты болѣе, чѣмъ другіе, спасенъ, не трепещешь принимать чужіе помыслы, учить другихъ и руководить ихъ къ свѣту, будучи самъ лишенъ божественнаго свѣта не боишься пасти братій, сидя самъ еще во тмѣ и не стяжавъ еще того ока, которое видитъ истинный свѣтъ, не стыдишься врачевать другихъ, будучи самъ весь въ болѣзни и не чувствуя собственныхъ своихъ ранъ? Скажи мнѣ, прошу тебя, если ты не сознаешь, чтобъ былъ безстрастенъ и не чувствуешь, чтобъ обиталъ въ тебѣ безстрастный Богъ, то на что дерзая и полагаясь взялъ ты на себя дѣла, свойственныя безстрастнымъ, и служенія, принадлежащія однимъ святымъ рабамъ Божіимъ? Внимай добрѣ, чтобъ забывшись, не взойти на чу-

жія степени и служенія, и послѣ не быть изгнану во тму кромѣшнюю, какъ презрителю воли Божіей, и какъ дерзкому и непотребному рабу. Смотри, какъ бы не оказаться тебѣ не имѣющимъ брачной одежды (которая не другое что есть, какъ благодать Святаго Духа) и какъ обнаженному отъ нея не быть связану по рукамъ и ногамъ и ввержену въ огнь геенскій. Поостерегись браться пасти другихъ, прежде чѣмъ стяжешь вѣрнымъ другомъ пастыря Христа; ибо вѣдай, что имѣешь дать отвѣтъ не только за свое недостоинство, но и за разумныхъ овецъ, которыхъ погубишь по своей необученности и своей страстной жизни. Смотри, прошу тебя, не бери на себя чужихъ долговъ, будучи самъ должникомъ, хотя бы то и небольшимъ долгомъ. Не дерзай давать кому-либо разрѣшеніе грѣховъ его, если самъ не стяжалъ еще внутрь сердца своего Вземлющаго грѣхъ міра. Внимай, брате, чтобъ не восхотѣть судить другаго, прежде чѣмъ сдѣлаешься вѣрнымъ судіею себя самого и изслѣдователемъ собственныхъ своихъ паденій, и прежде чѣмъ самъ надъ собою произнесешь праведный приговоръ и воздашь должное правдѣ слезами и плачемъ. И тогда уже, какъ освободишься отъ закона плоти и отъ смерти грѣховной и исполнишься Духа Святаго, тогда соглашайся на поставленіе себя благодатію Божію въ праведные судьи для суда надъ другими, яко рукоположенный на то отъ Бога благодатію Духа. Смотри, какъ никто изъ мірскихъ начальниковъ не дерзаетъ восходить на степень судей, прежде чѣмъ будетъ опредѣленъ на то царемъ. Если теперь въ отношеніи къ человѣческимъ достоинствамъ соблюдается такой порядокъ и держится такой страхъ, чтобъ какъ нибудь не погрѣшить предъ земнымъ царемъ, то какое благоговѣніе и какой страхъ должны мы держать въ отношеніи къ божественному, чтобъ не восходить саморукоположенно на достоинства Божіи са-

мимъ отъ себя, и по человѣческому суду, прежде чѣмъ призваны будемъ къ тому отъ Бога, и чтобъ не впасть за то въ руки Бога живаго? Вострепещи, человѣче, убойся долготерпѣнія Божія и не покажись такимъ, что имѣешь предъ небеснымъ Царемъ и Богомъ меньшій страхъ, чѣмъ какой мірскіе начальники имѣютъ предъ царемъ земнымъ, или что нерадишь о богатствѣ благости и долготерпѣнія Божія, по славолюбію и властолюбію. Онъ есть Властитель всяческихъ и страшный Судія всѣхъ, воздающій каждому по дѣламъ его и по помышленіямъ сердца его. Почему, какъ мірскія власти приносятъ земному царю честь и страхъ, такъ и ты принеси небесному Царю и Богу, хотя такіе же честь и страхъ, чтобъ почитая Его и боясь такимъ образомъ, могъ ты соблюсти заповѣди Его, а чрезъ такое соблюденіе заповѣдей Его предуготовить себя самого къ тому, чтобы сподобиться содѣлаться жилищемъ трисіяннаго свѣта Его, какъ неложно обѣтовалъ самъ Онъ, говоря: *имѣяй заповѣди Моя, и соблюдаяй ихъ, той есть любяй Мя: а любяй Мя возлюбленъ будетъ Отцемъ Моимъ: и Азъ возлюблю его и явлюся ему самъ.* И еще: *аще кто любитъ Мя, слово Мое соблюдетъ: и Отецъ мой возлюбитъ его, и къ нему пріидемъ, и обитель у него сотворимъ* (Ін. 14. 21. 23). Коль же скоро сдѣлаешься ты таковымъ, то не будешь уже болѣе жить для себя самого, но увидишь, что ты мертвъ для міра, какъ имѣющій плоть свою мертвою и неподвижною на грѣхъ, живъ же Богови, яко отъ Него дѣйствуемый и движимый. Увидѣвъ себя въ такой славѣ, начнешь ты велегласно въ радости душевной вопіять съ божественнымъ Павломъ: благодарю Бога моего, что законъ духа жизни о Христѣ Іисусѣ освободилъ меня отъ закона грѣховнаго и смерти. Съ этого момента и далѣе не будешь ты уже полагать различія мужескаго лица и женскаго и не бу-

дешь подвергаться вреду отъ нихъ, яко пріявшій то, что по естеству (введенный опять въ состояніе, свойственное человѣку по естеству его), и не смотрящій болѣе на творенія Божіи по естеству ихъ; но, будешь ли находиться и бесѣдовать съ мужами или съ женами, останешься невредимымъ и несдвигаемымъ съ стоянія твоего по естеству, смотря на нихъ, какъ на члены Христовы и храмы Божіи. Но прежде чѣмъ достигнешь ты въ такую мѣру и прежде чѣмъ увидишь въ членахъ своихъ животворную мертвость Іисусъ-Христову, очень хорошо сдѣлаешь, если будешь избѣгать лицъ, причиняющихъ тебѣ вредъ, которыя сами по себѣ конечно не имѣютъ ничего худаго и соблазнительнаго, но мы прельщаемся ими и по поводу ихъ влекомы бываемъ къ неумѣстнымъ пожеланіямъ, по причинѣ живущаго въ насъ первороднаго грѣха. Если будешь такъ поступать, то вся жизнь твоя будетъ безбѣдственна, и ты не поткнешься никогда ногою твоею о камень грѣха,—если, разумѣю, ты будешь имѣть Бога въ себѣ, или будешь подвизаться стяжать Его съ помощію Христа, Бога нашего,—Коему подобаетъ всякая слава, честь и поклоненіе, со Отцемъ и всесвятымъ и животворящимъ Духомъ, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

СЛОВО ВОСЕМЬДЕСЯТЪ ЧЕТВЕРТОЕ.

1) О безстрастіи и о дарованіяхъ, какихъ мало-по-малу сподобляются преуспѣвающіе въ немъ.

2) Въ чемъ состоитъ совершенство духовнаго о Христѣ возраста?

1. Какъ тому, кто хочетъ чисто видѣть свѣтъ солнца, надо имѣть чистыми очи тѣла своего; такъ и тому, кто берется бесѣдовать о безстрастіи, надо имѣть очи души своей освобожденными отъ всякой злой похоти и вся-

каго помысла страстнаго, чтобъ, не будучи тревожимъ и возмущаемъ въ умѣ никакою страстію, могъ онъ чисто взирать на высоту и на глубину его, или понять, какъ слѣдуетъ, многія и великія его дарованія и дѣйствія, и ясно изложить ихъ въ словѣ. Ибо если станетъ онъ говорить о его проявленіяхъ и свойствахъ съ умомъ возмущеннымъ и сердцемъ нечистымъ, то, не смогши словомъ свободнымъ раскрыть его дѣйствія, лишенъ будетъ и тѣхъ немногихъ благъ его, какія, можетъ быть, получилъ отъ него, за то, что дѣйствуя такъ, онъ нѣкоторымъ образомъ презираетъ и безчеститъ его и затмѣваетъ свѣтлость его. Ибо написано: *имущему дано будетъ, и преизбудетъ: отъ не имущаго же, и еже мнится имѣя, взято будетъ отъ него* (Мѳ. 25, 29). Которые имѣютъ безстрастіе, тѣ очевидно любятъ его и любимы суть отъ него преизбыточно, и когда ненасытно говорятъ о немъ, дѣлаются еще болѣе безстрастными, воспламеняясь любовію, какую имѣютъ къ нему. Но которые привязаны и нѣкоторымъ образомъ связаны еще хотя малѣйшею какою похотію міра и вещей мірскихъ, или какою либо душевною или тѣлесною страстію, эти далеки отъ него и много отдалены отъ пристани его. Почему когда начнутъ говорить о безстрастіи и покусятся возвести умъ свой на высоту его, теряютъ и тотъ миръ, который, какъ имъ думалось, имѣли они прежде, по той причинѣ, что емлются, какъ рабы, и бываютъ влачимы туда и сюда похотію той страсти, къ какой они прилѣпились. И это страждутъ они праведно: ибо, какъ говоритъ Апостолъ, *имже кто побѣждается, сему и работенъ есть* (2 Петр. 2, 19).

Они однакожъ, будучи омрачаемы въ умѣ своемъ тою страстію, коей порабощены, вину омраченія не на себя самихъ возлагаютъ, но дерзаютъ слагать ее на безсиліе всесильнаго безстрастія, и это бываетъ съ ними по-

тому, что они совсѣмъ не познали опытно, каково умное чувство, созерцаніе и вседѣйственное дѣйство сего безстрастія, но обдумывая относящееся къ нему по своимъ мыслямъ и соображеніямъ, при высокомъ мнѣніи о своей внѣшней учености философствуютъ о немъ иногда такъ, иногда иначе, и истощаются въ усиліяхъ надъ тѣмъ, чего не знаютъ. При всемъ томъ они никогда не согласятся исповѣдать или возчувствовать свою немощность, причиненную имъ невѣріемъ, нерадѣніемъ и долговременною привычкою къ страстной жизни; но утверждаютъ, что и другіе люди всѣ подобны имъ и обладаютъ тѣми-же страстями. Ибо тщеславіе и зависть не позволяютъ имъ признать, что кто либо другой выше ихъ по добродѣтели и здравоумію.

Но богомудрые и духовные отцы не поступаютъ такимъ образомъ и не идутъ противъ истины,—не буди тебѣ сказать такую хулу на святыхъ; а чѣмъ просвѣтились въ умѣ своемъ отъ блаженнаго безстрастія и что познали прежде изъ опыта, то говорятъ и утверждаютъ. Я же говорю дерзновенно то, чему сподобился научиться у сихъ отцевъ, чтобъ не быть осуждену, подобно рабу скрывшему талантъ. И такъ, какъ даютъ разумѣть сказанныя Христомъ Господомъ слова: *много званныхъ, мало же избранныхъ*,—и: *въ дому Отца моего обители многи суть*,—такъ и знайте всѣ вы, что святыхъ много, а безстрастныхъ немного, и что въ средѣ тѣхъ и другихъ имѣетъ мѣсто великое различіе. Но внимайте добрѣ въ точный смыслъ того, что я буду говорить.

Иное есть безстрастіе души, иное—безстрастіе тѣла. Безстрастіе души освящаетъ и тѣло; но безстрастіе тѣла, одно само по себѣ, не можетъ полную доставить пользу тому, кто стяжалъ его. Иное есть недвиженіе (на худое) тѣлесныхъ (яже на земли) удовъ и самыхъ страстей душевныхъ, и иное есть стяжаніе добродѣтелей. Недви-

женіе тѣлесныхъ (яже на земли) удовъ бываетъ отъ естества, а стяжаніе добродѣтелей отъ произволенія (при помощи благодати), и оно обыкновенно совсѣмъ пресѣкаетъ всѣ естественныя движенія. Иное есть непохотѣніе ничего изъ того, что есть пріятнаго и радостотворнаго въ мірѣ, и иное—возжеланіе небесныхъ и вѣчныхъ благъ; ибо мірское пріятное и радостное презирали и другіе люди (не ревнующіе о спасеніи) и большая изъ нихъ часть по другимъ причинамъ (не въ видахъ спасенія), а о благахъ вѣчныхъ весьма немногіе восприимали попеченіе. Иное есть неисканіе славы отъ людей, и иное есть возлюбленіе славы отъ Бога и всегдашнее ея исканіе; ибо человѣческую славу очень многіе ненавидѣли, потому что были обладаемы другими страстями, а славу, яже отъ Бога, очень немногіе сподобились получить со многимъ трудомъ и потомъ. Иное есть довольствоваться бѣдною одеждою и не желать богатой, и иное—искать того, чтобъ быть одѣяну свѣтомъ Божіимъ; ибо богатое одѣяніе презирали многіе, потому что были влачимы многимъ множествомъ другихъ пожеланій, а божественнымъ свѣтомъ одѣялись только тѣ, кои сподобились содѣлаться сынами свѣта и дня.

Иное есть говорить смиренныя слова, и иное—имѣть смиренное мудрованіе. Иное опять есть смиреніе, а иное—цвѣтъ смиренія, и иное—плодъ его. Иное есть красота плода его, а иное—сладость его, и иное—дѣйствія, бывающія отъ плода сего. Изъ этого, сказаннаго мною о смиреніи, иное есть въ нашей, а иное—не въ нашей власти. Въ нашей власти—помышлять о томъ, что располагаетъ насъ къ смиренію, мудрствовать о томъ, разсуждать, говорить и то дѣлать; но само святое смиреніе, съ его существенными свойствами, дарами и дѣйствами, не въ нашей власти, но есть даръ Божій, чтобъ не вздумалъ кто хвалиться даже и этимъ.

Иное есть не печалиться и не гнѣваться при безчестіяхъ, поношеніяхъ, искушеніяхъ и встрѣчающихся прискорбностяхъ, и иное—желать этого съ благодареніемъ, когда случится что такое. Иное опять есть—молить Бога о тѣхъ, кои причиняютъ это, иное—прощать имъ, иное любить ихъ отъ всей души, какъ благодѣтелей, и иное—напечатлѣвать въ умѣ лица каждаго изъ нихъ и цѣловать ихъ безстрастно, какъ искреннихъ друзей своихъ, со слезами чистой любви,—такъ, чтобы на душѣ не было совершенно никакого знака оскорбленія, или страсти. Большее изъ всего сказаннаго есть, когда кто въ самое время искушенія таковое же имѣетъ расположеніе и къ тѣмъ, которые поносятъ его въ лице, или клевещутъ на него, и ко всѣмъ другимъ, кои или осуждаютъ его, или презираютъ и ставятъ ни во что, или плюютъ въ лице, еще и къ тѣмъ, кои по видимости притворяются друзьями, а тайно такъже дѣйствуютъ противъ него, какъ и сказанные предъ симъ,—и это не утаевается отъ него, но онъ то знаетъ. И изъ этого опять высшее и совершеннѣйшее безъ сравненія есть мнѣ кажется, то, если кто совсѣмъ забываетъ претерпѣнныя искушенія и никогда не вспоминаетъ тѣхъ, кои его опечалили или какъ нибудь обезчестили, ни когда они бываютъ на лицо, ни когда отсутствуютъ, но имѣетъ и ихъ наравнѣ съ друзьями своими безъ всякаго различенія, сколько когда бесѣдуетъ съ ними, столько же и тогда, когда вкушаетъ вмѣстѣ съ ними пищу. Все это суть дѣла и совершенства мужей, ходящихъ во свѣтѣ. Которые же чувствуютъ, что они далеки отъ такихъ порядковъ и правилъ жизни, тѣ пусть не обольщаются и не обманываютъ себя, но да вѣдаютъ наивѣрнѣйше, что они ходятъ во тмѣ.

Иное опять есть бояться Бога, и иное и исполнять заповѣди Его, какъ написано: *бойтеся Господа вси святіи Его* (Пс. 33, 10),—и еще: *уклонися отъ зла и со-*

твори благо (— — 15). Иное есть бездѣйствіе (упраздненіе отъ дѣлъ), а иное—безмолвіе, и иное опять молчаніе. Иное есть удаленіе и преселеніе съ одного мѣста на другое, и иное — странничество. Иное есть негрѣшеніе, и иное—дѣланіе заповѣдей. Иное есть противиться врагамъ и бороться съ ними, и иное—побѣдить ихъ окончательно, покорить и умертвить: первое есть дѣло подвизающихся и святыхъ, ревностно идущихъ къ совершенству, а второе есть дѣло безстрастныхъ и совершенныхъ, которые многими трудами и потами побѣдили враговъ своихъ въ конецъ, и украсились, какъ какою блестящею одеждою, живоносною мертвостію Христовою.

Къ достиженію показанныхъ совершенствъ многіе устремлялись, одни для одной, другіе для другой цѣли. Но весьма немногіе приступали къ сему съ истиннымъ страхомъ Божіимъ, съ любовію искреннею и вѣрою несомнѣнною,—которые одни, спомоществуемы будучи благодатію Божіею, скоро навыкаютъ дѣланію заповѣдей и преуспѣваютъ во всѣхъ сказанныхъ выше отличіяхъ, каждочасно возрастая въ добродѣтеляхъ. Другіе же оставляются блуждать, какъ въ непроходной (бездорожной, судя по слову Псалма 106, 40: *по непроходнѣй, а не по пути*) пустынѣ,—о каковыхъ написано: *отпустихъ я по начинаніямъ сердецъ ихъ, пойдутъ въ начинаніяхъ своихъ* (Псал. 8, 13). *И якоже не искусиша имѣти Бога въ разумѣ, (сего ради) предаде ихъ Богъ въ неискусенъ умъ творити неподобная* (Рим. 1, 28). Итакъ, тѣ, которые на камнѣ послушанія святымъ отцамъ положили доброе основаніе вѣры и надежды, со страхомъ и трепетомъ, и на семъ основаніи устрояютъ вѣрность заповѣдямъ, какія даютъ имъ духовные отцы, соблюдая ихъ, какъ бы ихъ налагалъ на нихъ самъ Богъ,—такіе тотчасъ преуспѣваютъ въ отверженіи себя. Творить не собственную свою волю, но волю духовнаго отца своего, по запо-

вѣди Божіей, и такимъ образомъ упражняться въ добродѣтели, — сіе пораждаетъ не только отверженіе себя самого, но и умертвіе всему міру. Потомъ, когда выйдетъ таковый всѣмъ чувствомъ души изъ міра и станетъ быть внѣ его, какъ въ пустынѣ, тогда овладѣвается страхомъ и трепетомъ неизъяснимымъ, и начинаетъ вопіять къ Богу изъ сердца, какъ вопіялъ Іона изъ утробы кита морскаго, Даніилъ—изъ рва львичаго, три отрока—изъ пещи пламенной, Манассія—изъ среды мѣднаго быка. Сіи болѣзненныя и скорбныя степанія его и гласъ молитвы его тотчасъ услышавъ Господь всеблагій, животъ Свой давшій на смерть за насъ грѣшныхъ, извлекаетъ его, какъ извнутрь кита, изъ бездны невѣдѣнія и омраченія, наводимаго міролюбіемъ, чтобъ онъ не возвращался болѣе туда, ни даже помысломъ,—освобождаетъ его, какъ изъ рва львинаго, отъ злыхъ похотей, кои похищаютъ и снѣдаютъ души человѣческія, и какъ изъ пещи огненной, отъ страстныхъ влеченій, кои господствуютъ во всѣхъ людяхъ, жгутъ насъ, какъ огонь, растлѣваютъ насъ, съ насиліемъ тянутъ къ неумѣстнымъ дѣяніямъ и возжигаютъ пламень страстей внутрь насъ. Отъ всего этого, говорю, Господь освобождаетъ его, орошая его благодатію Святаго Духа и дѣлая его чрезъ то неопалимымъ,—освобождаетъ, какъ извнутрь мѣднаго вола, отъ этой плоти, земляной, тяжелой и страстной, въ которой живущая душа наша бываетъ совсѣмъ неподвижна и неохоча ни на какую добродѣтель и дѣланіе заповѣдей Божіихъ, будучи крѣпко держима, туго вяжема и тяготима сею плотію, какъ естественно соединенная съ нею. Когда такимъ образомъ душа освободится отъ тиранства плоти (не говорю,—отдѣлится отъ тѣла чрезъ смерть его), тогда и она начинаетъ взывать съ Пророкомъ говоря: *растерзалъ еси вретище мое, и препоясалъ мя еси веселіемъ: яко да воспоетъ Тебе слава моя* (Псал. 29, 12),—

а также и благодарить вмѣстѣ съ Павломъ, говоря: *благодарю Бога Іисусъ-Христомъ Господомъ нашимъ, что законъ духа жизни о Христѣ Іисусѣ освободилъ мя есть отъ закона грѣховнаго и смерти* (Рим. 7, 25; 8, 2).

Когда благодатію Христовою совершится все сіе въ немъ, какъ я сказалъ, и когда освободится онъ отъ невѣдѣнія и омраченія, наводимаго міролюбіемъ, когда избавится отъ лукавыхъ и сквернымъ пожеланій и отъ похотей смертной плоти сей, порабощающей насъ закону грѣховному, тогда что станетъ онъ дѣлать съ сего момента и далѣе? Употребитъ ли онъ эту свободу на покоеніе себя и беззаботность?—Перестань ты говорить такія рѣчи и держать такія предположенія.—Такія предположенія могутъ идти только къ людямъ, кои поистинѣ суть рабы, а не свободные. Тотъ же, кто сподобился получить сказанную свободу, знаетъ, что освобожденъ отъ закона грѣховнаго съ тѣмъ, чтобъ не работать болѣе грѣху, а работать правдѣ, которая есть Христосъ Господь,—солнце правды, какъ Онъ именуется и есть.—Чтобы показать вамъ, какую любовь къ Богу являетъ таковый съ того момента и далѣе, представлю вамъ это примѣрами изъ человѣческихъ дѣлъ, которыя бываютъ у насъ каждодневно.

Представьте себѣ, что какой либо царь, сострадательный и человѣколюбивый, увидѣвъ раба, поработившагося самоохотно тирану, обольстившему его, безжалостно обременяемаго работами въ дѣланіи кирпичей, обдѣлываніи камней и рытіи канавъ и служащаго нечистымъ похотямъ того злаго тирана,—идетъ самъ своимъ лицемъ и исхищаетъ его и освобождаетъ отъ такого срамнаго и тяжелаго служенія, и опять беретъ его въ царскія палаты на услуженіе безъ всякаго укора за прежнее его паденіе. Рабъ этотъ, освобожденный отъ такихъ и толикихъ прискорбностей, естественно потомъ всячески усиливается

явить себя болѣе ревностнымъ и скорымъ исполнителемъ велѣній царя, нежели другіе его сослужители, не испытавшіе плѣна, чтобъ засвидѣтельствовать величайшую и теплѣйшую свою къ нему любовь, всегда нося въ памяти, отъ какихъ золъ онъ освободилъ его. Тоже самое помышляй бывающимъ и въ томъ, кто получилъ помощь отъ Бога, какъ я сказалъ. И какъ царь оный видя, что рабъ тотъ исполняетъ всякое его хотѣніе съ великою готовностію и со всякимъ смиреніемъ, хотя совсѣмъ не нуждается въ услуженіи его, имѣя множество другихъ слугъ, однакожъ за добрыя чувства раба того, являетъ къ нему особенную любовь, такъ тоже самое бываетъ и съ тѣмъ, о комъ мы сказали. Ибо какъ тотъ, получившій отъ Бога свободу духа, никогда не утомится и не перестанетъ отъ того, чтобъ паки и паки, и всегда исполнять волю Божію, съ наиболѣе теплѣйшею готовностію, такъ и вѣчный Царь и Богъ никогда не лишитъ его благъ вѣчной жизни, но будетъ снабжать его ими пребогато,— и сколько увидитъ, что тотъ каждодневно умножаетъ свою къ Нему любовь и услуженіе, столько будетъ умножать и Свои ему дары.

Благодѣянія и дары, какіе Богъ даетъ рабамъ Своимъ, безчисленны, и никто не можетъ вполнѣ постигнуть ихъ. Одни даетъ Онъ имъ въ настоящей жизни, а другіе даетъ въ жизни будущей. Объ этихъ дарахъ, какіе благоутробный Богъ подаетъ любящимъ Его въ сей жизни, скажу и я любви вашей немногое нѣчто, иное отъ Божественнаго Писанія, а иное изъ того, что я и самъ позналъ опытно.

Поелику люди къ тремъ вещамъ показываютъ особое усердіе и заботу, или къ богатству, или къ славѣ, или къ свободѣ и радости,—и наслажденію, доставляемому сими двумя, то и Владыка нашъ и Богъ тѣмъ, кои, оставя все, взяли крестъ свой и послѣдовали за Нимъ, не

возвращаясь вспять, перво-на-перво богато даруетъ эти же три. Вмѣсто тлѣннаго богатства Онъ даетъ имъ всего Себя Самого. Понялъ ты мысль слова сего? Слышалъ страшное чудо? Какъ богатые міра сего иждиваютъ свое богатство на свои нужды, привычки и желаемыя наслажденія, такъ и благій Владыка нашъ даруетъ Себя Самого истиннымъ и вѣрнымъ рабамъ Своимъ, исполняетъ всякое ихъ желаніе и потребу, какъ они того желаютъ, и даже больше того, чѣмъ желаютъ, снабжаетъ ихъ богатно всякимъ благомъ и подаетъ имъ всегда нетлѣнное и вѣчное услажденіе. Вопервыхъ они полны бываютъ неизреченной радости, что стяжали и имѣютъ въ себѣ не міръ и не блага міра сего, но самого Творца и Господа и Владыку всѣхъ. Послѣ сего они одѣваются свѣтомъ, Самимъ, говорю, Христомъ и Богомъ, всѣмъ всецѣло во всѣхъ себѣ, видятъ самихъ себя украшенными неизреченною славою, какъ свѣтлымъ какимъ и божественнымъ убранствомъ, и закрываютъ лице свое, не снося смотрѣть на непостижимое и чрезмѣрное сіяніе сего убранства своего, такъ что ищутъ какого нибудь сокровеннаго мѣста, чтобъ, укрывшись въ немъ, какъ бы сложить съ себя великую тяготу славы сей и сего сіянія. Потомъ самъ Владыка Христосъ бываетъ для нихъ и пищею и питіемъ всегдашнимъ и безсмертнымъ: для тѣхъ, которые суть еще младенцы о Христѣ, несовершенны и не могутъ вкушать твердой пищи, Господь является какъбы нѣкіимъ свѣтовымъ и блестящимъ сосцемъ, который влагается въ уста ихъ и даетъ имъ сосать изъ себя, — для каковыхъ Христосъ бываетъ вмѣстѣ и ястіемъ и питіемъ, и доставляетъ имъ столь великую сладость и удовольствіе, что они не хотятъ, или лучше сказать не могутъ оторваться отъ него; для тѣхъ опять, которые уже отдоены, Христосъ является чадолюбивымъ отцемъ, дѣтоводитъ ихъ, учитъ и исправляетъ: ибо какъ любящій отецъ по-

саждаетъ дѣтей своихъ за трапезу свою и вкушаетъ вмѣстѣ съ ними, а когда увидитъ, что они нерадятъ о своихъ урокахъ и занимаются другими безполезными вещами, тогда лишаетъ ихъ своей трапезы и слугамъ приказываетъ не давать имъ пищи, научая ихъ симъ способомъ не нерадѣть объ урокахъ своихъ, такъ и благій Владыка нашъ и Богъ дѣйствуетъ въ отношеніи къ рабамъ Своимъ,—чадамъ Его по человѣколюбію и благодати; ибо имъ даетъ себя Христосъ,—хлѣбъ, сходящій съ неба и дающій животъ міру, и они питаются Имъ и вмѣстѣ съ Нимъ всегда вдоволь, и чрезъ причащеніе сего хлѣба шествуютъ къ вѣчному животу, освящаясь душею и тѣломъ. А когда вознерадятъ они о заповѣдяхъ Его и самовольно предавшись лѣности, презрятъ ихъ и вдадутся въ дѣла міра сего, безполезныя и не согласующіяся съ благочестіемъ, тогда Онъ, Питатель всего, лишаетъ ихъ Себя Самого, а чрезъ то и всего того, о чемъ мы говорили, и еще большаго того. Таковые, когда, пришедши въ чувство и помысливъ, какого блага лишились, обратятся опять къ Нему и взыщутъ Его, какъ обычно бывало, но не обрящутъ, тогда начинаютъ проливать слезы и плакать неутѣшно, подвергать себя всякимъ чувственнымъ лишеніямъ, желая и изъявляя готовность на всякую скорбь, искушеніе и безчестіе, чтобъ только человѣколюбивый Отецъ, увидѣвъ скорбь ихъ и произвольныя злостраданія, сжалился надъ ними и возвратившись къ нимъ, опять далъ имъ Себя. Что и бываетъ: стяжаваютъ они паки Христа, возстановляются въ прежнюю близость и славу еще съ большимъ дерзновеніемъ, вводятся опять во вкушеніе благъ оныхъ, ихже око не видѣ, и ухо не слыша, и на сердце человѣку не взыдоша, и паче прежняго начинаютъ благоговѣинствовать предъ Отцемъ своимъ и трепетать, какъ предъ грознымъ Владыкою, боясь, какъ бы не впасть опять въ тѣже грѣхи по не-

вниманію и не быть отогнанными отъ благъ Отца своего. Такъ поступаютъ тѣ, которые, искренно съ болѣзнію сердца каются, и за это улучаютъ опять блага, о коихъ мы говоримъ. Но которые боятся трудовъ покаянія, малодушествуютъ въ скорбяхъ и стѣсненіяхъ по требованію его, предаются лѣности и безпечному покою,— такіе, какъ недостойные и не настоящіе сыны, или, лучше сказать, какъ презрители, предпочитающіе удовольствія тѣлесныя вѣчнымъ благамъ и даже Самому Богу, не сподобляются болѣе вкушенія оной духовной сладости, ни облеченія одеждою божественной славы, но праведно лишенными остаются богатства благости Божіей, и походятъ на псовъ, у которыхъ нѣтъ хозяина. Ибо какъ эти псы блуждаютъ по улицамъ и стогнамъ града, чтобъ найти гдѣ либо кость какую нибудь, или клокъ старой кожи, и погрызть ихъ, или чтобъ напасть на мѣсто, гдѣ заклано животное, и полизать крови, а если встрѣтятъ падалище, то бросаются на него и ѣдятъ ненасытно, и отойти отъ него не хотятъ, но грызутся съ другими псами и отгоняютъ ихъ, пока не съѣдятъ и самыхъ внутренностей и не оставятъ одни голыя кости, такъ и эти обходятъ врата богатыхъ и бѣдныхъ, чтобъ набрать въ лоно свое, если случится кому дать имъ что, золото, серебро или другое что. Такъ какъ они потеряли истинное и нетлѣнное оное богатство, то, когда случится имъ понабрать кое-чего, имъ кажется на короткое время, что они сыты, удовлетворены и не требуется для нихъ ничего болѣе. Впрочемъ когда овладѣетъ ими, какъ голодъ, невѣріе съ безнадежіемъ, тогда они опять обращаются къ прежнему попрашайству, полны будучи попеченія объ одномъ настоящемъ, несчастные и достойные слезъ, потому особенно, что ради временнаго и ничтожнаго небрегутъ о вѣчной всеблаженной жизни.

И они безотвѣтны. Богъ явилъ имъ богатство благости Своея, сподобилъ ихъ вкусить небесной благодати и содѣлалъ ихъ причастниками Духа Святаго, какъ говоритъ божественный Павелъ. Но они не прославили Его, какъ Бога, не возлюбили, не возблагоговѣли предъ безпредѣльною Его благостынею и не возблагодарили Его, но осуетились въ помышленіяхъ своихъ и омрачилось неразумное ихъ сердце, и они, глаголющеся быти мудри, объюродѣша. Но тѣ, которые боятся Бога, не поступаютъ такъ, но съ радостію терпятъ обучительныя наказанія Отца своего Владыки, какъ рабы благодарные и какъ сыны истинные, говоря: *гнѣвъ Господень стерплю, яко согрѣшихъ Ему* (Мих. 7, 9). И еще: *недостойны страсти нынѣшняго времене къ хотящей славѣ явитися въ насъ* (Рим. 8, 18). Говорятъ такъ и смиренно постоянствуютъ въ терпѣніи обучительнаго наказанія Господня и во всегдашнемъ покаяніи, не малодушествуютъ и не тяготятся имъ, но пользуются имъ, какъ руководствомъ, по сказанному нами способу, и находятся всегда въ отеческомъ своемъ домѣ, украшенные свѣтлымъ уборомъ, вкушаютъ пищу вмѣстѣ съ Отцемъ своимъ, видятъ славу Его и богатство, кои имѣютъ наслѣдовать. Когда такимъ образомъ воспитаются они и обучатся, и достигнутъ въ мѣру возраста мужа совершеннаго, тогда и всеблагій Отецъ отдаетъ въ руки ихъ всѣ блага Свои.

2) Но скажемъ прежде, что есть мѣра духовнаго возраста и высота исполненія Христова, а потомъ опишемъ блага Отца небеснаго и покажемъ, какія изъ нихъ даетъ Онъ въ руки тѣхъ, кои вѣруютъ въ Него. Слушай же внимательно.

Мѣру возраста исполненія Христова составляютъ такія черты жизни духовной, кои созерцаются духовно. Начинаю изображеніе чертъ сего возраста снизу: ноги

его—вѣра, а святое смиреніе—основаніе его твердое и непоколебимое Голени, колѣна, бедра — нестяжательность, обнаженіе отъ всего, странничество, подчиненіе, бывающее съ разумомъ по любви Христовой, послушаніе и благоохотное служеніе. Внутреннѣйшія и сокровеннѣйшія части (надо полагать нервы)—непрестанная умная молитва, сладость, пораждаемая изліяніемъ слезъ, радость сердца и непрестанное его утѣшеніе и покой. Жилы и мускулы (съ костьми)—постоянство и терпѣніе въ молитвахъ (домашнихъ) и на церковныхъ службахъ, и горѣніе желанія созерцать Бога и бесѣдовать съ Нимъ, порождаемое молитвами и богослуженіемъ церковнымъ, какъ поетъ Божественный Давидъ: *разжги утробы моя и сердце мое* (Пс. 25, 2); и св. Павелъ говоритъ: *станите убо препоясани чресла ваша истиною* (Еф. 6. 14); и Апостолъ Петръ: *препоясавше чресла помышленія вашего, трезвящеся, совершенно уповайте на приносимую вамъ благодать откровеніемъ Іисусъ-Христовымъ* (1 Петр. 1, 13). Благодатію здѣсь называетъ онъ даръ Святаго Духа, дѣлающій насъ сопричастниками и сообщниками Бога. Животъ, желудокъ и весь снарядъ внутренностей—рабочія силы души, въ срединѣ которыхъ, какъ бы сердце, стоитъ разумная сила, имѣющая подъ собою и вмѣстѣ съ собою силы желательную и раздражительную. Впрочемъ не они собственно разумѣются подъ сказанными частями, а наипаче то, что направляетъ сіи силы къ единому и связуетъ между собою, именно: кротость, простота, незлобіе, состраданіе, благоговѣйство и страхъ Божій, которыя, подобно ребрамъ, перепонкамъ, покровамъ и связкамъ, сжимаютъ тѣ силы, покрываютъ и не даютъ имъ обращаться къ видимымъ вещамъ міра сего, или желать что либо изъ нихъ, равно какъ не попускаютъ завидовать имѣющимъ ихъ, серчать изъ-за нихъ и злопамятствовать.

Когда не бываетъ никакого страстнаго устремленія этихъ трехъ силъ вовнѣ, т.-е. къ видимымъ вещамъ, тогда онѣ сохраняются внутри, сокрытыми. А когда онѣ пребываютъ внутри одни сами съ собою и блюдутся со вниманіемъ сказанными добрыми расположеніями, тогда разумная сила здраво разсуждаетъ и вѣрно отличаетъ добро отъ зла, и показываетъ опредѣленно и властно силѣ желательной, къ какимъ вещамъ подобаетъ ей склоняться желаніемъ, какія любить, отъ какихъ отвращаться; раздражительная сила стоитъ между сими двумя, какъ благопокорливый рабъ, готовый усердно служить желаніямъ ихъ, и всегда споможествуетъ имъ, пробуждаетъ и подвигаетъ къ мужеству и содѣйствію добрымъ и противодѣйствію злымъ людямъ. Но поелику Богъ, создавшій всяческая, несравненно лучше всего созданнаго, то совершенно благословно человѣку, почтенному разумною силою и стяжавшему умъ немятущійся, какъ мы сказали, и не увлекающійся страстными замыслами, вмѣсто всего другаго или паче всего другаго почтить и возлюбить Творца всего и Владыку, и къ Нему единому обратить все свое желаніе, показывая Его ему нѣкоторымъ образомъ и говоря: послушай меня и воззри (на Бога), осяжи со страхомъ и трепетомъ, — вкуси безсмертныя сладости, обоняй духовное муро и познай, что нѣтъ никого другаго столь прекраснаго, какъ Богъ, или столь пріятнаго, или столь сладкаго, или столь могущественнаго, или столь премудраго, или столь славнаго, или такого, который могъ бы животворить, дѣлать нетлѣннымъ и безсмертнымъ. Когда желаніе человѣка вкуситъ всего сего и насытится, тогда и раздражительная его сила вся соединится съ разумною и желательною, и бываютъ три едино въ созерцаніи тройческой единости Трипостаснаго Божества и въ этомъ радостотворномъ блистаніи собственнаго ихъ Владыки.

Тогда и слѣда не остается раздѣленія сихъ трехъ, но бываютъ онѣ едино. Когда же эти три силы души,—разумная, раздражительная и желательная, отъ простоты единаго и единственнаго блага обратятся къ разсмотрѣнію и различенію злыхъ и добрыхъ вещей, сущихъ здѣсь въ мірѣ, тогда и желаніе, и мысль, и чувство нераздѣльно устремляются къ тому, что̀ противно волѣ Божіей. Ибо тогда раздражительная сила движется только къ этимъ и среди этихъ вещей.

Имѣлъ бы я и еще многое другое сказать о томъ, что соотвѣтствуетъ въ духовной жизни желудку, о духовномъ ястіи и питіи, о духовной алчбѣ и жаждѣ; но чтобъ не удлиннить крайне моего слова, и чтобъ, дѣлая таинственное и сокровенное общеизвѣстнымъ и явнымъ, не дать повода тѣмъ, кои любятъ собирать чужія слова и богатиться чужими трудами и сокровищами, воспользоваться тѣмъ не какъ слѣдуетъ, умалчиваю о томъ, оставляя то прикровеннымъ, чтобъ желающіе доискивались до того дѣятельнымъ вѣдѣніемъ.

Но возвратимся опять къ своему предмету. До живота и желудка мы уже составили тѣло возраста духовнаго о Христѣ Іисусѣ. Теперь слѣдуетъ намъ восходить до головы, чтобъ представить тѣло духовное въ его полнотѣ и всецѣлости. Итакъ, что̀ есть въ тѣлѣ духовнаго возраста о Христѣ грудь, спина, плечи, мышцы, руки, шея?—Подъ грудью его разумѣй благоутробіе, въ которомъ есть сосцы человѣколюбія, источающія и богатно дающія млеко милостыни сиротамъ, вдовицамъ и всѣмъ другимъ нуждающимся,—какъ говоритъ Апостолъ: *облецытеся во утробы щедроть* (Кол. 3, 12). Но откуда набирается сіе млеко въ сосцы, и какъ приготовляется, сіе оставляю изыскать вамъ самимъ. Подъ спиною разумѣй то, что истинно духовные охотно берутъ на себя и поднимаютъ тяготы другихъ, и съ радостію несутъ

язвы и страсти Христовы, какъ говоритъ Апостолъ: *должни есмы мы сильніи немощи немощныхъ носити* (Рим. 13, 1). И еще: *прочее труды да никтоже ми даетъ: азъ бо язвы Господа Іисуса на тѣлѣ моемъ ношу* (Гал. 6, 17), и Господь говоритъ чрезъ Пророка: *плещи моя вдахъ на раны, ланитѣ мои на заушеніе* (Ис. 50, 6),— чего хотъ и не случится намъ потерпѣть, но ждать того надлежитъ намъ всегда и каждый часъ быть къ тому готовыми. Подъ плечами и мышцами разумѣй терпѣніе и сносливость въ искушеніяхъ и скорбяхъ. Ими и съ ними, т.-е. терпѣніемъ и сносливостію, направляется и идетъ дѣятельность и рукъ; руками же я называю дѣятельную силу и готовность всячески слушаться заповѣдей Божіихъ и исполнять ихъ. Эти, т.-е. дѣятельная сила (энергичность) и готовность на всякое послушаніе, безъ терпѣнія и сносливости не могутъ установиться и окрѣпнуть, или не могутъ быть пріобрѣтены. Подлѣ такихъ рукъ духовное тѣло имѣетъ еще другія духовныя руки, коими оно утѣшаетъ малодушныхъ и нетерпѣливыхъ, поднимаетъ падающихъ, обвязываетъ сокрушенныхъ, возливая на раны ихъ елей и вино; этими же руками и оно каждодневно дѣлаетъ и другое многое для братій, словомъ и дѣломъ; или же оно касается края ризы Владычней, приноситъ хлѣбъ Господу своему и даетъ чашу въ руки Его, и такимъ образомъ питаетъ Его, питающаго всякое дыханіе единымъ мановеніемъ своимъ,— питаетъ, говорю, тою пищею, о которой самъ Онъ сказалъ, что желаетъ ея, и желаетъ крѣпкимъ желаніемъ. И блаженъ тотъ, кто знаетъ сіе, и имѣетъ, и приноситъ Владыкѣ своему; потому что и Христосъ Господь, сѣдящій на Херувимахъ, пріиметъ его въ царство небесное, посадитъ и упокоитъ, и препоясавшись послужитъ Ему, по неложному обѣтованію Своему. Шея этого духовнаго тѣла есть несомнѣнная надежда.

Се благодатію и помощію Божіею изобразили мы все духовное тѣло, со всѣми почти членами мужа совершеннаго. Остается еще неуказанною одна голова его. Но можетъ быть вамъ подумается, что уже всѣ члены показаны,—и ни одинъ не забытъ, т.-е., можетъ быть, подумаете, что достаточно и того, что сказано, для полноты добродѣтели и спасенія души. Однакожъ не такъ есть, братія мои,—нѣтъ, не такъ. Ибо какъ тѣло, имѣющее всѣ члены, а головы не имѣющее, мертво бываетъ и бездѣйственно; и опять голова, сама одна безъ всего прочаго тѣла, хотя все же есть голова, но будучи отдѣлена отъ тѣла, не можетъ показать своей дѣйственности (энергіи), такъ бываетъ и съ духовнымъ тѣломъ, котораго составъ мы изобразили выше, содѣйствіемъ Святаго Духа,—что все, что мы сказали о немъ, безъ головы тщетно и безполезно, хотя многіе думаютъ необдуманно, что дѣланіемъ сихъ безглавыхъ членовъ и частнымъ ихъ стяжаніемъ, они исправили все сполна и всецѣло. Будучи мертвы, они не чувствуютъ, какого лишены блага, разумѣю, головы. Тѣ члены, о которыхъ мы сказали, и которые разсматривали отдѣльно одинъ отъ другаго, для удобнѣйшаго понятія ихъ значенія и дѣйствія, безъ головы и безъ естественнаго соединенія одного съ другимъ, не могутъ совсѣмъ составиться и установиться (образоваться и прочно стоять въ душѣ). Ибо какъ тѣло малаго младенца никоимъ образомъ не можетъ вырость, если не имѣетъ головы; когда же эти оба соединены, и другъ другу помогаютъ (пищу, наприм. тѣло принимаетъ устами, потомъ изъ тѣла она уже возпосылается и въ голову въ видѣ питательной жидкости—крови),—тогда этимъ способомъ питается и растетъ весь человѣкъ, такъ тоже самое бываетъ и въ духовномъ тѣлѣ (т.-е. что оно питается, живетъ и растетъ), когда поверхъ его утвердится

и голова. Слушай внимательно, припомнивъ и сказанное мною прежде,—и раскрою тебѣ это пояснѣе.

Итакъ, имѣешь вѣру и смиреніе—основы добродѣтелей, и поверхъ сихъ двухъ имѣешь назданными всѣ прочія добродѣтели, указанныя мною прежде, изъ которыхъ построено все тѣло (духовнаго человѣка) и возведено до шеи,—надежды, которая стоитъ надъ всѣмъ прочимъ тѣломъ добродѣтелей. Впрочемъ она одна безъ соединенія съ главою, умираетъ на ряду съ другими членами сего тѣла; ибо тогда неоткуда ей принимать дыханіе, или воздыханія Духа, животворящаго и движущаго все тѣло то и всѣ члены его, неоткуда получать нетлѣнную пищу. Итакъ, чтобъ не оставить недоконченною мѣру возраста Христова, поверхъ надежды положимъ святую любовь,—воистину главу добродѣтелей, какъ говорятъ уста Христовы—божественный Павелъ: *нынѣ пребываютъ вѣра, надежда, любы, три сія: больши же сихъ любы* (Рим. 13, 13). И еще: *аще имамъ вѣру, яко и горы преставляти, любве же не имамъ, ничтоже есмь. И аще раздамъ вся имѣнія моя, и аще предамъ тѣло мое, во еже сжещи е, любве же не имамъ, никая польза ми есть* (— —2, 3). Всѣ показанныя мною прежде добродѣтели совершаетъ вѣра, бывая воодушевляема въ усердіи къ нимъ, учима ими и укрѣпляема на нихъ надеждою,—посредницею между ними и любовію. Сіе, сказываемое мною теперь, бываетъ невидимо и нечувствуемо тѣми, кои еще несовершенны; ибо несовершенные въ добродѣтели не чувствуютъ этого и не понимаютъ. Но когда вѣра, воодушевляясь надеждою, совершаетъ всѣ добродѣтели, тогда питаетъ ими и грѣетъ главу, т.-е. любовь, и дѣлаетъ то, что она возрастаетъ посредствомъ ихъ. Опять и глава чѣмъ болѣе бываетъ питаема и растетъ, тѣмъ болѣе и прочему тѣлу добродѣтелей сообщаетъ силы и дѣлаетъ его ревностнѣйшимъ къ большему и большему преспѣянію. Такъ растутъ мало

по малу всѣ члены всего тѣла духовнаго, состоя въ живой, тѣсной и неразрывной связи съ св. любовію.

Сія любовь,—глава всѣхъ добродѣтелей, есть Христосъ и Богъ нашъ. Который для того сошелъ на землю, содѣлался человѣкомъ, воспріявъ на Себя и нашу земную плоть, чтобъ сдѣлать насъ причастными своего Божества существенно, или чтобъ преподать намъ всѣ дары Святаго Духа, сдѣлать насъ духовными и нетлѣнными и возвесть на небеса. Сія любовь, какъ говоритъ божественный Павелъ, изливается въ сердца наши Духомъ Святымъ (Рим. 5, 5) и есть потому причастіе благодати Христовой, посредствомъ коей соединяемся съ Богомъ. О сей любви говоритъ и Іоаннъ Богословъ: *совершенна любы вонъ изгоняетъ страхъ: бояйся же не совершился въ любви* (1 Ін. 4, 18). И еще: *видите, какову любовь далъ есть Отецъ нашъ, да чада Божія наречемся* (—3, 1). Любовію здѣсь называетъ онъ благодать Св. Духа, чрезъ которую мы получаемъ сыноположеніе и содѣловаемся чадами Божіими. Сей любви никто изъ людей не можетъ ни видѣть, ни получить, ни сочетаться съ нею, ни стяжать ее, зачѣдомо какъ духовную главу свою, если не сохранитъ твердой и непоколебимой вѣры во Христа и если со всею ревностію не наздастъ на ней сказанныхъ мною добродѣтелей. Тотъ же, кто не видѣлъ ея, не соединился съ нею и не вкусилъ сладости ея, не можетъ и возлюбить ее какъ слѣдуетъ; ибо кого кто не видалъ, того какъ можетъ онъ возлюбить,—какъ говоритъ Апостолъ: *не любяй брата, егоже видитъ, Бога, егоже не видитъ, како можетъ любити?* (1 Ін. 4, 20). И опять, если онъ не возлюбитъ Его отъ всей души и отъ всего сердца, прежде по естественнымъ помышленіямъ и по сущему въ насъ любленію Его, то не сподобится видѣть Его. Ибо Онъ самъ сказалъ: *люблій Мя возлюбленъ будетъ Отцемъ моимъ; тогда*, говоритъ, *и Азъ возлюблю его, и*

являюся ему самъ (Ін. 14, 21). Изъ этого явно, что если кто не возлюбитъ Бога отъ всей души и не покажетъ любви сей отверженіемъ себя самого и всего міра, то не сподобится увидѣть Его таинственно чрезъ откровеніе Духа Святаго,—не имѣетъ Его и главою своею, но есть тѣло умершее и неподвижное на духовныя дѣла и лишенное жизни всѣхъ—Христа.

Тѣ же, которые сподобились соединиться съ Нимъ и стяжать Его главою себѣ (прошу обратить вниманіе на слово сіе), бываютъ и сами богами по благодати, подобными Сыну Божію. О, дивное чудо! Отецъ одѣваетъ ихъ въ первую одежду, т.-е. въ одѣяніе Господа, которое носилъ Онъ прежде сложенія міра. Ибо, какъ говоритъ божественный Павелъ, *елицы во Христа крестистеся, во Христа облекостеся* (Гал. 3, 27), и вмѣстѣ въ Духа Святаго, Который и измѣняетъ боголѣпно всѣхъ ихъ нѣкіимъ дивнымъ, неизреченнымъ и божественнымъ измѣненіемъ,—о каковомъ говоритъ Давидъ: *сія измѣна десницы Вышняго* (Пс. 76, 11), – и наперсникъ Христовъ, св. Іоаннъ: *возлюбленніи, нынѣ чада Божія есмы, и не у явися* сущимъ въ мірѣ, *что будемъ: вѣмы же* отъ Духа, Коего далъ Онъ намъ, *яко егда явится, подобни Ему будемъ* (1 Ін. 3, 2). Даетъ имъ еще Отецъ и умъ Христовъ, да сіяетъ онъ надъ главою ихъ и открываетъ имъ тайны, которыхъ не можетъ выразить въ словѣ языкъ человѣческій. Даетъ Онъ имъ при этомъ и новыя очи, и новый слухъ.—И что говорить много о томъ, чего невозможно высказать всего?—Весь Онъ самъ, Сынъ и Слово Божіе вмѣстѣ со Отцемъ и Духомъ Святымъ обитаетъ въ нихъ. Каждый изъ таковыхъ бываетъ сознательно, съ свидѣтельствомъ умнаго чувства, храмомъ Божіимъ; и тогда онъ вопіетъ съ дерзновеніемъ, говоря: *живу не ктому азъ, но живетъ во мнѣ Христосъ* (Гал. 2, 20). И еще: *егда бѣхъ младенецъ, яко младе-*

нещь глаголахъ, яко младенецъ мудрствовахъ, яко младенецъ смышлях: егда же бых мужъ, отвергохъ младенческая (1 Кор. 13, 11). *Сего ради вся терплю* (2 Тим. 2, 10), все покрывая (1 Кор. 13, 7), укоряемый благословляю, гонимый сношу, хулимый молю (1 Кор. 3, 12. 13), да обитаетъ во мнѣ сила Христова (2 Кор. 12, 9).

Таковъ совершенный, не имѣющій однакожъ завершенія, возрастъ мужей духовныхъ. Совершенъ онъ бываетъ, поколику сіе возможно для насъ; незавершимъ же, потому что совершенство его сокровенно въ Богѣ. Полнота его есть смерть за Христа и заповѣди Его; такъ что какъ Христосъ исполнилъ весь законъ и предалъ Себя самого за спасеніе всего міра, претерпѣвъ крестъ и смерть и моляся въ тоже время Отцу своему о тѣхъ, которые распяли Его, говоря: *Отче, отпусти имъ* грѣхъ ихъ, *не вѣдятъ бо что творятъ*: такъ должны и мы имѣть рѣшимость умереть за Христа и заповѣди Его и за спасеніе братій нашихъ, чтобъ не имѣть намъ надежды на себя самихъ, но на единаго Бога, воскрешающаго мертвыхъ. Если и не случится намъ умереть насильственною и мученическою смертію, но человѣколюбивый Богъ нашъ вмѣнитъ намъ то, что мы умерли произволеніемъ (т.-е. имѣли рѣшимость и держали готовность умереть за Него) въ дѣйствительное постраданіе смерти, какъ говоритъ и Апостолъ: *по вся дни умираю* (1 Кор. 15, 31),—не потому, чтобъ онъ многократно умиралъ самымъ дѣломъ, но произволеніемъ. Кромѣ того должны мы еще молить Бога за тѣхъ, которые опечаливаютъ насъ по какой либо причинѣ, или осуждаютъ насъ, и за тѣхъ, которые непрестанно враждуютъ противъ насъ по злобѣ своей,—и за всѣхъ людей, вѣрныхъ и невѣрныхъ, да просвѣтитъ ихъ Богъ, чтобъ вѣрные достигли совершенства добродѣтелей, а невѣрные избавились отъ заблужденія и вступили въ истинную вѣру.

До этого сказаннаго мною невозможно никакъ додуматься когда либо человѣку самому собою или дѣломъ совершить то, если не изліется прежде богатно въ душу его любовь Божія, и если ради сей любви не вселится въ него Христосъ, Который сказалъ: *безъ Мене не можете творити ничесоже* (Іоан. 15, 5). Но такой благодати никто не можетъ получить, если прежде не отвергнется себя, какъ повелѣлъ Спаситель, если, т.-е., не станетъ работать Господу съ полнымъ усердіемъ и не возлюбитъ Его отъ всей души. А кто не получилъ такой благодати, тотъ пусть не обольщаетъ себя, но да вѣдаетъ, что онъ не сподоблялся еще, и не сподобится когда либо—быть соединеннымъ съ Богомъ, съ умнымъ чувствомъ, сознаніемъ и созерцаніемъ. Ибо тѣ, которые получили благодать Божію и сдѣлались мужами совершенными, и стяжали совершенный духовный возрастъ, въ сказанной нами мѣрѣ,—всѣ соединяются съ Богомъ, и видятъ Его столько, сколько и сами видимы бываютъ отъ Него. Богъ пребываетъ въ нихъ сознательно, опять и они сознательно пребываютъ съ Богомъ неразлучно.

Когда наконецъ придутъ они въ такое состояніе и сдѣлаются истинно совершенными, тогда и Отецъ ихъ небесный дастъ имъ въ руки и сущее Его (*υπαρχοντα του*—имѣніе, достояніе). Подъ руками разумѣй здѣсь несомнѣнное удостовѣреніе, т.-е. что Онъ дастъ имъ сущее Его съ вѣрнымъ удостовѣреніемъ; а сущее Божіе есть безсмертная, нетлѣнная, непреложная, неизмѣнная, вѣчная, неизъяснимая красота славы, какую имѣлъ Сынъ у Бога и Отца своего прежде бытія міра, какъ говоритъ о семъ само Слово и Сынъ Отца: *прослави мя Ты, Отче, у Тебе самого славою, юже имѣхъ у Тебе прежде міръ не бысть* (Іоан. 17, 5). И еще: *и Азъ славу, юже далъ еси мнѣ, дахъ имъ, да будутъ едино, якоже и мы едино ес-*

мы,—якоже Ты, Отче, во Мнѣ и Азъ въ Тебѣ (Іоан. 17, 22. 21). Отъ Бога Отца нашего изливается свѣтъ, неприступный для всѣхъ грѣшниковъ, но приступный для праведныхъ, который возсіяваетъ въ нихъ и бываетъ для нихъ радостію неизъяснимою, миромъ, всякой умъ превосходящимъ, сладостію, наслажденіемъ и веселіемъ въ ненасытимомъ насыщеніи, нынѣ и въ безконечные вѣка. Скажу кратко (удивляясь и самъ всему тому, и не имѣя силъ сказать что либо большее),—неложный и вѣрный Богъ еще отъ настоящей жизни даетъ вѣрнымъ Своимъ, какъ залогъ, начатки всѣхъ тѣхъ благъ, коихъ красоты око, омрачаемое страстьми, не видѣло, о коей и ухо, заткнутое невѣдѣніемъ, не слыхало,—и на сердце человѣка не всходило, что уготовалъ Богъ любящимъ Его.

Такъ вотъ что есть сущее (достояніе, благо) Отца, о которомъ я обѣщалъ вамъ сказать, и такимъ способомъ, какъ вы слышали, даетъ Онъ его любящимъ Его и проводящимъ жизнь на землѣ такъ, какъ бы жили на небесахъ, и несмотря на то, что имѣютъ умереть, такъ суть, какъ бы были теперь уже прославлены безсмертіемъ, ходятъ во мракѣ міра, какъ бы ходили во дни и въ невечернемъ свѣтѣ, дышатъ, какъ бы вдыхая въ себя воздухъ рая сладости, имѣя въ себѣ древо жизни и пищу ангеловъ, хлѣбъ небесный, которымъ питаясь, всѣ невещественные ангельскіе чины оживотворяются къ безсмертію. Такіе небесные человѣки, и находясь среди міра и дѣлъ мірскихъ, взываютъ вмѣстѣ съ Павломъ воистину: *наше житіе на небесѣхъ есть* (Фил. 3, 20),—тамъ, гдѣ святая любовь, которая соединяется съ любителями своими, осіяваетъ ихъ обильно и дѣлаетъ безстрастными—ангелами воистину.

Кто, прежде чѣмъ всецѣло соединится съ любовію, называетъ себя безстрастнымъ, или учитъ другихъ без-

страстію, или берется за дѣла безстрастныхъ, или опять не вѣритъ дѣламъ, которыя творятъ безстрастные,—таковый походитъ на малое дѣтище, которое прежде времени возраста надѣваетъ на себя оружія мужей, обѣщаетъ учить другихъ воинскому искусству, говоритъ, что и онъ мужъ, ставитъ себя наравнѣ съ военачальниками и берется идти на войну вмѣстѣ съ ними,—что не только невозможно, но и достойно всякаго смѣха. Запутается онъ конечно въ самыя оружія, кои надѣлъ, упадетъ и ушибется, и можетъ быть такъ, что не сможетъ уже и подняться. И по дѣламъ ему это. Ибо если Богъ опредѣлилъ Моусею, какъ человѣку робкому, не выходить на войну, не тѣмъ ли паче тому, кто еще дитя, едва могущее ходить и одѣваться, прилично подождать, пока придетъ въ возрастъ мужа, а прежде того не браться за невозможное. Подобное покушеніе въ отношеніи къ духовной брани еще болѣе ни съ чѣмъ несообразно. Брань сія *нѣсть къ крови и плоти, но къ началомъ, и ко властемъ, и къ міродержителемъ тмы вѣка сего, къ духовомъ злобы поднебеснымъ* (Еф. 6, 12),—*оружія воинства нашего* суть *не плотскія* (2 Кор. 10, 4) и видимыя, но духовныя и невидимыя, — и самая брань сія невидима, и ведется съ невидимыми врагами. Почему всѣ тѣ, которые, думая о себѣ, что суть нѣчто, показываютъ предъ людми, будто они неробки, мужественны и многоопытны въ такой брани, преуспѣли въ наукѣ о ней, мудры и учительны и въ томъ, какъ побѣждать злыхъ духовъ, и въ томъ, какъ быть, если они побѣдятъ, и всячески усиливаются посредствомъ пустословія и сплетенія умствованій увѣрить всѣхъ о себѣ, что суть нѣкіе единоборцы и побѣдители враговъ,—всѣ такіе весьма худо поступаютъ, если ничего не знаютъ о сей брани изъ собственнаго опыта. И это тѣмъ хуже, что, однажды выступивъ на среду въ такомъ ка-

чествѣ, имъ ужь трудно бываетъ отказаться отъ того. Такіе обыкновенно, при всемъ томъ, что бываютъ обличаемы и осуждаемы своею совѣстію, что неопытны суть и необученны въ сей брани, никакъ не могутъ согласиться исповѣдать свое въ семъ дѣлѣ безсиліе и невѣжество; потому что сильно овладѣваютъ ими тщеславіе и человѣкоугодіе, и они боятся, какъ бы не случилось имъ потерять славу человѣческую. Почему, чтобъ не явиться предъ ближними, что такое они суть по душѣ, и чтобъ люди не поняли, что они обнажены отъ духовныхъ оружій, что еще немощны и несовершенны, они прикрываютъ себя рубищемъ лицемѣрія и кожею овечьею,—и лицемѣрными словами стараются показать всѣмъ, что суть мужи совершенные, достигли въ мѣру возраста исполненія Христова и сдѣлались безстрастными,—что другіе стяжали потами и трудами великими. При всемъ однакожъ такомъ укрываніи себя, дѣла нерѣдко обличаютъ таковыхъ. Ибо какъ они не утвердили основаній вѣры и надежды на камнѣ и не возвели зданія добродѣтелей на семъ основаніи, подъ коимъ разумѣю Христа: то, будучи нетверды и неискусны, при встрѣчѣ возстанія искушеній и бури помысловъ, спотыкаются и бѣднѣ падаютъ. И вообще,—если бъ всѣ видѣли, что такое они по душѣ, то эти, носящіе, какъ маску, личину только благочестія, а не самое благочестіе, не посмѣли бы, какъ думаю, показаться на глаза людей или стать предъ лицемъ человѣка,—особенно тѣ изъ нихъ, которые кажутся себѣ самимъ болѣе другихъ мудрыми и словесными и думаютъ, что носятъ нѣкій царскій ликъ. предъ каковыми благоговѣинствуетъ простой народъ, и какихъ почитаютъ многіе и изъ непростыхъ, какъ мудрыхъ, благочестивыхъ и цѣломудренныхъ, хотя они совсѣмъ не походятъ на таковыхъ, по тайнымъ расположеніямъ души, которыя исполнены всякой худости.

Но время уже намъ обратиться и на другое. Благоволите теперь поучиться и славѣ истинно святыхъ и безстрастныхъ мужей, вы, которые хотите, которые то-есть желаете и ищете отъ всей души и сами стяжать такую славу. Представлю вамъ картину, на которой вы увидите все убранство ихъ оружій и ихъ блистательность, и затѣмъ каждый изъ насъ, сличая себя съ тѣми святыми, узнаетъ, въ какой находится мѣрѣ совершенства, и сколько всѣ мы стоимъ ниже ихъ, по мужеству, достоинству и силѣ.

Итакъ, смотри на небо въ какую либо ночь безоблачную, каково оно,—потомъ взгляни на дискъ луны, полный блестящаго и чистѣйшаго свѣта, и вокругъ этой всесвѣтлой луны—на кругъ, который многократно бываетъ около ея. Разсмотрѣвши добрѣ все это, обратись умомъ своимъ къ святымъ, находящимся еще въ мірѣ семъ съ тѣломъ. Святые сіи подобны небу, сердце ихъ подобно диску луны, и святая любовь есть всемощный и вседѣйственный свѣтъ, несравненно блистательнѣйшій свѣта солнечнаго. Любовь сія возжигаетъ и освѣщаетъ сердце ихъ и, возрастая каждодневно паче и паче, преисполняетъ ихъ свѣтомъ всецѣло; ибо любовь не умаляется и не прекращается, какъ свѣтъ луны, но сохраняется всегда всесвѣтлымъ посредствомъ ревности и добродѣланія святыхъ. Святое же безстрастіе есть какъ вѣнецъ нѣкій круглый, который окружаетъ святыхъ, заключая ихъ среди себя, отвсюду покрываетъ ихъ, какъ шатромъ, сохраняетъ ихъ невредимыми не только отъ всякаго грѣха, но и отъ всякаго злаго помысла, дѣлаетъ ихъ неискусимыми и свободными отъ всѣхъ враговъ, и даже неприступными для нихъ.

Видите, какова слава святыхъ, вы, истинно ея желающіе? Поняли величіе образа, какой я вамъ представилъ, и то, сколько каждый изъ насъ ниже славы и

блистанія святыхъ? Этотъ образъ представляетъ то, что бываетъ въ насъ. Я указалъ его, но не я его изобрѣлъ. Онъ устроенъ Творцемъ всяческихъ Богомъ. Художное Слово Бога живописало въ твореніи, какъ на нѣкоей дщицѣ, то, что имѣло быть послѣ въ дѣлѣ спасенія, или возсозданія нашего, чтобъ, взирая на образъ, представляемый чувственными вещами, мы не невѣровали, что и въ наше время бываетъ и совершается духовно истина, являемая ими. Но, зная, что каждый изъ насъ создается Богомъ какъ второй міръ, большой внутри малаго сего видимаго міра, какъ свидѣтельствуетъ вмѣстѣ со мною и Григорій Богословъ, не попустимъ оказаться въ чемъ либо худшими безсловесныхъ или даже и бездушныхъ тварей, созданныхъ человѣколюбивымъ Богомъ въ наученіе наше, но будемъ подражать всему доброму и избѣгать, сколько можемъ, подражанія злому.— Оставлю впрочемъ все другое, потому что его много, и, изложивъ одно это въ напоминаніе вамъ, окончу мое слово.

Да вѣдаетъ всякій изъ слушающихъ меня, что какъ видимъ, что день бываетъ послѣ ночи и ночь опять послѣ дня, такъ надлежитъ намъ вѣровать и быть убѣжденными, что мы, находящіеся во тмѣ грѣха отъ рожденія своего, можемъ посредствомъ вѣры и исполненія заповѣдей выйти изъ нея и вступить въ день божественный и въ просвѣщеніе духовное, какъ опять изъ свѣта сего и дня перейти во тму и ночь грѣха, когда по причинѣ нерадѣнія и презрѣнія заповѣдей, начнемъ впадать въ прежніе грѣхи наши. Такъ будемъ подражать, по крайней мѣрѣ, въ этомъ служителю нашему солнцу. Какъ оно не перестаетъ никогда возсіявать и освѣщать тварь, но всегда исполняетъ повелѣнное ему Богомъ, такъ да не попустимъ и мы себѣ сидѣть по нерадѣнію во тмѣ чувственныхъ удовольствій и страстей,

но позаботимся паче, исполняя повелѣніе Того, Кто сказалъ: *покайтеся, приближибося царство небесное*, очистить себя каждодневнымъ и непрестаннымъ покаяніемъ, и слезами, изливаемыми по причинѣ его и ради его, и всякимъ другимъ добродѣланіемъ, и восподвизаемся опять войти въ невечерній свѣтъ Божій, такъ какъ мы есмы сыны свѣта. Такимъ образомъ мы и сами собственнымъ примѣромъ нашимъ сдѣлаемся для ближнихъ нашихъ днемъ невечернимъ, и землею новою, и небесами новыми, имѣя въ себѣ солнце правды, сіяющее на нихъ, т.-е., возвѣщая имъ повелѣнія Бога и славу Его, не пустыми и тщетными словами, а самыми дѣлами, и бывая чрезъ то для нерадивѣйшихъ братій дѣятельными учителями всему должному, и дѣлая ихъ безотвѣтными. Итакъ, не будемъ подвигать братій на нерадѣніе, говоря имъ: какъ возможно людямъ исполнить то или то?—и дѣлая ихъ чрезъ то нерадивѣйшими на исполненіе заповѣдей. Ибо что многое невозможно для многихъ, это признаю и я; но для какихъ?—Для такихъ, которые такъ же, какъ и я, нерадивы и не хотятъ презрѣть міръ и вмѣнить въ уметы всѣ блага его; для тѣхъ, которые всецѣло преданы суетной славѣ, алчутъ богатства и радуются похваламъ и почестямъ человѣческимъ; для тѣхъ, которые сверхъ того овладѣны, бѣдные, гордостію и тщеславіемъ; для тѣхъ, которые самоохотно, подобно нечистымъ животнымъ, валяются въ блатѣ грѣховныхъ страстей и дѣлъ скверныхъ, которые, имѣя жилище души своей упраздненнымъ отъ Христа, Который обитаетъ въ вѣрныхъ, вопія къ нимъ каждодневно: *въ мірѣ скорбни будете, но дерзайте, яко Азъ побѣдихъ міръ*,—даютъ согласіе діаволу, чтобъ обиталъ въ нихъ. Для тѣхъ же, которые силою вѣры отверглись себя и послѣдовали за Христомъ, съ надеждою, любовію и смиреніемъ, и стяжали Его обитателемъ въ себѣ,

со Отцемъ и Святымъ Духомъ,—для такихъ все бываетъ возможно и удобоисполнимо, какъ говоритъ Апостолъ: *вся могу о укрѣпляющемъ мя Іисусѣ Христѣ* (Фил. 4, 13).

Которые усокровиществовали въ себѣ сего Христа, тѣ незримо созерцаютъ неизъяснимую красоту Его, недержимо держатъ Его, непостижно постигаютъ безвидный образъ Его, необразный видъ Его и неначертаемый ликъ Его, который неукрашенно преукрашенъ невидимымъ видѣніемъ и нехудожною красотою. Что же такое они постигаютъ и созерцаютъ? Это—простый свѣтъ божества Его. Вотъ что богатно созерцаютъ они умными очами своими. Его осязая невещественными руками своими, съ неудержимою и преизобильною любовію невкушенно вкушаютъ Его духовными устами ума и души своей. Но Его видѣніемъ, красотою и сладостію насытиться вполнѣ не могутъ они никогда. Ибо Онъ, являясь всегда болѣе и болѣе новымъ, все большую и большую доставляетъ имъ сладость и тѣмъ все сильнѣйшее и сильнѣйшее возжигаетъ въ нихъ желаніе Себя. Если иной разъ Онъ не такъ явственно является или видится имъ, то это причиняетъ имъ такую болѣзнь и такое томленіе, какъ бы они совсѣмъ Его лишились. Если же иногда восхощетъ Онъ на короткое время совсѣмъ сокрыться отъ нихъ, то въ это время томленіе ихъ бываетъ какъ бы предсмертное и болѣзнь сердца невыносимая и неизъяснимая.

Чтобы лучше понять намъ въ примѣрѣ нудность и жженіе такой любви, представьте себѣ, что какой нибудь бѣдный человѣкъ полюбитъ дѣвушку, происходящую отъ царскаго рода, украшенную царскимъ вѣнцемъ и обладающую красотою выше всѣхъ женъ, находящихся въ мірѣ. Она сидитъ въ палатахъ своихъ, а онъ, любитель ея, часто приходитъ къ ней и становится внѣ, будто презираемый и отвергаемый по причинѣ бѣдности и

великаго своего ничтожества. Если эта дѣвушка сквозь какое нибудь маленькое и узенькое оконце протянетъ руку свою, всю разукрашенную золотомъ, и дастъ ее бѣдному любителю своему, а онъ, схвативъ ее тотчасъ и видя неизъяснимую ея красоту, начнетъ цѣловать ее, надѣясь, что наконецъ сочетается бракомъ съ этою царевною и будетъ вмѣстѣ съ нею царствовать, что она обѣщала ему прежде съ клятвою; потомъ послѣ такой надежды и радости, если эта царевна вырветъ руку свою изъ рукъ его, обратно втянетъ внутрь къ себѣ и совсѣмъ спрячетъ отъ него, то не причинитъ ли она тѣмъ этому бѣдному и несчастному невыносимой скорби? И не возжжетъ ли въ немъ еще болѣе пламенѣющую пещь любви? Полагаю, что и вы подтвердите слово мое. Но если это такъ бываетъ обыкновенно въ видимыхъ и чувственныхъ тѣлахъ и вещахъ тлѣнныхъ и скоропреходящихъ; то не тѣмъ ли паче, не въ несравненно ли большей силѣ тоже должно произойти въ области мысленной и невидимой, и въ отношеніи къ тому, что нетлѣнно и вѣчно? Ибо чѣмъ превосходнѣе вѣчныя блага временныхъ, тѣмъ сильнѣйшую къ себѣ любовь пораждаютъ въ душахъ любителей своихъ. И по сей-то причинѣ любовь къ Богу не попускаетъ имъ быть овладѣнными, хотя мало нѣкако, похотѣніемъ или пристрастіемъ къ какой либо вещи. Такіе и не желаютъ ничего, ни славы, ни утѣхъ, ни денегъ,—даже помышлять объ этомъ они не имѣютъ ни охоты, ни позволенія. Но какъ женихъ, хотя смотря на изображеніе невѣсты своей, нарисованное красками, и крѣпко прилѣпляется къ нему и все на него смотритъ, и глазъ отъ него отвесть не хочетъ, питая тѣмъ пламень любви къ невѣстѣ, но когда увидитъ потомъ самую невѣсту и то, что она непохожа на изображеніе, на которое онъ такъ любительно смотрѣлъ, а несравненно прекраснѣе, и

когда притомъ обниметъ и поцѣлуетъ ее, тогда не хочется уже ему совсѣмъ и взглянуть на портретъ ея, на который прежде такъ неотступно смотрѣлъ, переносясь отъ него мыслями къ невѣстѣ своей; такъ тоже самое, и еще въ высшей степени, испытываютъ тѣ, которые созерцаютъ и печатлѣютъ въ умѣ своемъ силу и премудрость Творца своего, отъ величія и красоты видимыхъ твореній и отъ нихъ, какъ отъ нѣкоей иконы, мало-по-мало преуспѣвая, приходятъ въ любовь и вѣру, и чистый страхъ, какія надлежитъ имѣть къ Нему; но когда потомъ соединятся существенно съ самимъ Богомъ и сподобятся узрѣть Его самого и сдѣлаться причастными Его, тогда уже не обращаютъ такого тщательнаго вниманія на то, какъ изображаютъ Его твари,— на эту тѣнь Его въ видимомъ, потому что они перестаютъ уже тогда имѣть чувство къ видимому, какъ прежде, и умъ ихъ постоянно пребываетъ въ томъ, что выше чувствъ, и нѣкоторымъ образомъ сорастворяется съ тѣмъ и облекается въ свѣтлость божественнаго естества во Христѣ Іисусѣ,—Коему слава во вѣки. Аминь.

СЛОВО ВОСЕМЬДЕСЯТЪ ПЯТОЕ.

О безмолвіи, и какого рода дѣланіе долженъ проходить тотъ, кто желаетъ мужественно пребывать въ немъ.

Имѣя намѣреніе сказать вамъ малое нѣчто о безмолвіи, которое есть совершеннѣйшая изъ подвижническихъ добродѣтелей, прошу васъ, дайте мнѣ внимательное слушаніе, вы, которые желаете совершенства ея и приготовляетесь взойти на высоту ея посредствомъ преуспѣянія и усовершенствованія себя на пути прочихъ добродѣтелей, — прошу вниманія къ словамъ моимъ, чтобъ

изъ настоящаго слова моего научится, въ чемъ состоитъ дѣланіе безмолвія, и затѣмъ употребить усиліе сдѣлаться достойными того, чтобъ воспріять сей подвигъ (безмолвія) и проходить его какъ должно, если желаете стать на высотѣ его и обогатиться богатствомъ его.

Кто убезмолвился и одинъ живетъ въ келліи своей, тотъ пусть будетъ, какъ первомученица Θекла. Она, оставя все мірское, забывъ и самыя потребности тѣлесныя, сидѣла у окна и внимала ученію св. Павла. Повѣствованіе о ней говоритъ, что она не выходила изъ своей комнаты и, будто прикованная къ окну, не отходила отъ него даже для того, чтобъ принять пищи или утолить жажду, но лишь слушала Павла, который поучалъ, и только когда уже онъ удалился изъ того мѣста, побѣжала и она, одна, въ слѣдъ его, и стала искать его,—оставила и родителей и жениха, обрученника своего, и искала только св. Павла съ великою любовію,—о другомъ комъ и думать не хотѣла, а думала только о св. Павлѣ; и такая сильная овладѣла ею любовь къ св. Павлу, что она чтила, какъ священное, то мѣсто, гдѣ сидѣлъ св. Павелъ и училъ, и цѣловала землю, на которую ступала нога его. Не подумай, что я сказалъ это не къ дѣлу, и что ничто такое неприложимо къ безмолвнику. Нѣтъ, таково именно должно быть и дѣланіе безмолвника. Если ты этого не видишь, поищи и найдешь.

Безмолвникъ, если желаетъ быть такимъ какъ слѣдуетъ, пусть будетъ и какъ блудница, о коей упоминаетъ Евангеліе,—пусть емлется и онъ за ноги Господа нашего, цѣлуетъ ихъ и омываетъ слезами своими, и ни на кого другаго не смотритъ, кромѣ Его единаго, могущаго отпустить грѣхи его. Пусть будетъ и какъ невѣста,—пусть и засыпаетъ съ женихомъ Христомъ, чтобъ и просыпаться съ Нимъ, чтобъ потомъ возбудиться съ Нимъ и къ вѣчной жизни,—или лучше сказать, пусть

всегда пребываетъ въ Немъ, и Его всегда имѣетъ пребывающимъ въ себѣ. Пусть будетъ, если можетъ, и какъ одинъ изъ тѣхъ вельможъ, которые предстоятъ земному царю и дружески бесѣдуютъ съ нимъ втайнѣ, въ его внутреннѣйшемъ покоѣ царскомъ,—и пусть бесѣдуетъ съ Владыкою Христомъ лицемъ къ лицу.

Кто убезмолвился, тотъ пусть будетъ и какъ три Апостола, которые восходили со Христомъ на гору Ѳаворъ и видѣли сіяніе облиставшее Его, и измѣненіе одеждъ Его и просвѣщеніе лица Его, и которые, увидѣвъ свѣтлое облако и услышавъ гласъ Бога и Отца, свидѣтельствовавшій свыше и говорившій: *Сей есть Сынъ Мой возлюбленный*, стали внѣ себя и пали ницъ на землю,—чтобъ и онъ могъ сказать подобно Петру: *добро есть намъ здѣ быти, сотворимъ три сѣни*,—для Тебя и для Отца Твоего, и для Духа Святаго,—единое Начало и единое Царство, т.-е. сотворимъ три новыя обиталища—умъ, душу и тѣло, очистивъ ихъ сокрушеніемъ, слезами, покаяніемъ, молитвою и исповѣдію, возведемъ строеніе ихъ повыше и украсимъ всякимъ убранствомъ добродѣтелей да обитаете въ нихъ вѣчно.

Кто безмолвствуетъ, тотъ пусть сидитъ въ келліи, какъ сидѣли Апостолы въ Іерусалимской горницѣ, ожидая свыше силы всевышняго Духа, чтобъ воспріять и благодать Святаго Духа, какъ восприяли ее Апостолы, и потомъ быть почитаему плотскими людьми за пьянаго, за возносливаго и самохвала, по той причинѣ, что онъ станетъ тогда предлагать новые догматы, инако нѣкако излагать древнее ученіе, говорить инымъ языкомъ и опровергать слова тѣхъ, которые имѣютъ противное понятіе о духовномъ ученіи.

Пусть будетъ онъ еще и какъ Моисей, да взыдетъ на верхъ горы, да внидетъ и онъ внутрь облака и скроется тамъ отъ очей другихъ. Если онъ содѣлается таковымъ.

то не только задняя Божія узритъ. но сознательно предстанетъ предъ самое лице Божіе, и, видя самого Бога, и видимъ будучи отъ Него, и слыша гласъ Его, сначала самъ научится тайнамъ царствія небеснаго, потомъ преподастъ законы его и другимъ,—сначала самъ просвѣтится, потомъ просвѣтитъ и другихъ свѣтомъ вѣдѣнія,—сначала помилованъ будетъ Богомъ, потомъ и самъ станетъ миловать другихъ,—прежде онъ взыщетъ у Бога и получитъ, а когда получитъ, станетъ и самъ сообщать другимъ, которые взыщутъ у него,—прежде онъ разрѣшится отъ узъ грѣховъ его, потомъ и самъ станетъ разрѣшать другихъ.

Добрый безмолвникъ пусть будетъ и какъ Апостолы, которые, по воскресеніи Господа, сидѣли въ горницѣ *дверемъ заключеннымъ страха ради Іудейска,*—чтобъ сподобиться и себѣ увидѣть Христа вошедшимъ, или, лучше сказать, видѣть Его непрестанно присущимъ, видѣть, что Онъ внутри вмѣстѣ съ нимъ, и даетъ миръ, который и да взыщетъ, и да пріиметъ отъ Него. Если при семъ Господь дунетъ и на него, какъ дунулъ на Апостоловъ, съ словомъ: *пріими Духъ Святъ;* да пріиметъ то со страхомъ и трепетомъ. Да углубляется также въ точнѣйшее созерцаніе Господа и да ощупаетъ Его руками ума своего и чувствами души своей, чтобъ увидѣть и познать, что Онъ есть истинный Богъ всяческихъ. Если и къ самому Господу обратится онъ при семъ съ вопросами, Онъ не вознегодуетъ на него, но похваливъ похвальную его боязнь (впасть въ ошибку), скажетъ ему такія слова: „что смущаешься и почто помышленія входятъ въ сердце твое? Миръ тебѣ! Азъ есмь, не бойся. Виждь славу Божества Моего. Ощупи Меня и познай, что это Я самый. Вкуси и виждь. Діаволъ, который есть тма и преобразуется въ ангела свѣта призрачно, а не истинно, не имѣетъ самъ и тебѣ не можетъ сообщить ни благо-

настроенія и сладости, ни радости и свободы, ни мирнаго состоянія или чувства умнаго и просвѣщенія души,— которыя Я, какъ видишь, имѣю Самъ, и тебѣ даю."

Безмолвникъ долгъ имѣетъ всячески смотрѣть, чтобъ все, сказанное нами выше, не говоримо было только о немъ по роду его жизни; но чтобъ самымъ дѣломъ все то происходило въ немъ каждодневно. Если же онъ сидитъ въ келліи своей, но не въ такомъ устроеніи держитъ жизнь свою; то что пользы отъ того, что онъ тѣло свое заключилъ въ стѣнахъ? Умъ невещественъ и безтѣлесенъ, и не удерживается стѣнами, но удерживается благодатію Духа Святаго, и стоитъ неподвижно въ естественномъ своемъ чинѣ, и бесѣдуетъ съ Богомъ. Если сидящій въ келліи уединенно не знаетъ точно того, что мы сказали, и не имѣетъ того постояннымъ своимъ духовнымъ дѣланіемъ; то какое же другое дѣло имѣетъ онъ дѣлать? Кто оставилъ трудъ дѣланія по заповѣдямъ и прекратилъ дѣла по заповѣдямъ и прекратилъ дѣла тѣломъ, по сему совершаемыя, тотъ если не знаетъ, какъ дѣлать дѣланія духовныя, тотъ конечно пребываетъ въ бездѣйствіи, оставя оба рода дѣлъ,—и тѣлесныхъ и духовныхъ. Если теперь бездѣйствіе худо, то несомнѣнно, что тотъ, кто сидитъ въ бездѣйствіи, грѣшитъ. Тотъ, кто умѣетъ дѣлать дѣланія духовныя, тому это не мѣшаетъ, при дѣланіи духовномъ, совершать и дѣла по заповѣдямъ, тѣлесно дѣлаемыя. На нихъ онъ получаетъ отъ духовнаго дѣланія великую помощь и дѣлаетъ ихъ съ большею легкостію. Но кто упражняется только въ тѣлесныхъ дѣлахъ подвижничества, тотъ когда упразднится отъ нихъ, не можетъ еще, по тому одному, дѣлать и духовныя дѣланія. Онъ носитъ еще въ рукахъ своихъ орудіе видимаго дѣйствованія и вещество для работанія ими,—т.-е. заповѣди и добродѣтели, тѣломъ совершаемыя. Но онъ еще неопытенъ и необученъ ху-

дожеству духовному, и не можетъ сего вещества обдѣлать въ дѣло духовное и явить его совершеннымъ, но дѣланіе его является слабымъ и безплоднымъ.

Чтобъ тебѣ лучше понять, что я сказалъ, объясню тебѣ это другими примѣрами. Сколько людей плакали, какъ блудница, но не получили прощенія грѣховъ своихъ, какъ она? Сколькіе восходили на гору Ѳаворъ, но не видѣли тамъ преобразившагося Христа, не потому чтобъ тамъ не былъ присущъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ и Богъ (ибо конечно Онъ и тамъ есть, яко вездѣсый), но потому, что сами были недостойны того, чтобъ увидѣть Божество Его? Сколько евреевъ перебывало въ томъ домѣ и въ той горницѣ, гдѣ сидѣли Апостолы, но никто изъ нихъ не получилъ благодати Святаго Духа? Сколькіе изъясняли Божественныя Писанія, но не познали Того, Кто есть глаголяй въ нихъ? Сколькіе померли на горахъ и въ пропастяхъ, но не были достойны паче всего міра, такъ чтобъ міръ весь не былъ ихъ достоинъ, но и они (дивны суды Твои, Господи!) поставлены наравнѣ со всѣмъ міромъ и сопричислены къ нему? Сколькіе безмолвствовали и безмолвствуютъ доселѣ, и не знаютъ даже и того, что значитъ самое имя безмолвія, а не только того таинства, которое совершается въ безмолвіи? Ибо познаніе Бога (спознаніе съ Богомъ) не пораждается внѣшнимъ безмолвіемъ, какъ иные думаютъ, ошибочно толкуя изреченіе Пророка Давида, которое гласитъ: *упразднитеся и разумѣйте, яко Азъ есмь Богъ* (Пс. 45, 11); но напротивъ безмолвіе пораждается познаніемъ Бога (спознаніемъ съ Богомъ), въ томъ, кто добрѣ и законно подвизается. Если назовемъ симъ упраздненіемъ устраненіе отъ дѣлъ и скажемъ, что безмолвіе есть бездѣйствіе, и предпочтемъ устраненіе отъ дѣлъ и бездѣйствіе дѣланію заповѣдей, то какъ можемъ явиться исполнителями закона

Христова, который говоритъ: *якоже хощете, да творятъ вамъ человѣцы, и вы творите имъ такожде* (Лк. 6, 31); и въ другомъ мѣстѣ: *аще Азъ умыхъ ваши нозѣ, Господь и учитель, и вы должны есте другъ другу умывати ноги* (Ін. 13, 14); и опять: *хотящій въ васъ быти первымъ, буди изъ всѣхъ послѣдній, всѣмъ рабъ и служитель* (Мѳ. 20, 26. 27; Мр. 10, 43, 44); также заповѣди Апостола Павла, который говоритъ: *аще не хощетъ кто дѣлати, ниже да ястъ* (2 Сол. 3, 10); и въ другомъ мѣстѣ: *вся сказахъ вамъ, яко тако труждающимся подобаетъ заступати немощныя* (Дѣян. 20, 35); и еще: *требованію моему и сущимъ со мною послужистъ руцѣ мои сіи* (—— 34)?—Св. Апостолы и богоносные отцы, послѣ нихъ бывшіе, не предпочитали безмолвія богоугожденію, которое бываетъ чрезъ добрыя дѣла; но, показавъ вѣру свою чрезъ исполненіе заповѣдей Божіихъ, они сподобились познать Бога и возлюбить Его; и такъ какъ посемъ возжелали пребывать съ единымъ Богомъ, то вышли изъ поприща мірскаго и отъ безпокойствъ, причиняемыхъ тамошними бранями,—и убезмолвились. И теперь еще подвизающіеся законно уходятъ изъ міра и шума его, и убезмолвливаются, чтобъ вкусить отъ плода трудовъ своихъ, не будучи смущаемы ничѣмъ земнымъ, ни пріятнымъ, ни скорбнымъ. Когда же насладятся они ненасытно, вкусивъ всѣхъ благъ безмолвія, и получатъ удостовѣреніе въ чувствѣ, что, какъ говоритъ Апостолъ, *недостойны страсти нынѣшняго времени къ хотящей славѣ явитися въ насъ* (Рим. 8, 18; тогда не довольствуются уже они тѣми подвигами какіе подъяли прежде, но, по отдохновеніи отъ нихъ въ такомъ утѣшеніи и услажденіи, подаемомъ въ безмолвіи, выходятъ опять на подвиги въ исполненіи заповѣдей Христовыхъ и въ добродѣтеляхъ, тѣлесно являемыхъ, не съ тою цѣлію, чтобъ сдѣлать добро для самихъ себя, не спа-

сенія ради своего, —хотя это конечно будетъ во спасеніе, — но съ тою цѣлію входятъ они опять въ такіе подвиги и начинаютъ подвизаться въ нихъ, чтобъ дѣлать угодное Богу, Коего любятъ и Коимъ любимы (дѣйствовать по волѣ Его, бывая въ рукахъ Его благопокорливымъ орудіемъ). Они уже болѣе не борются съ діаволомъ, какъ боролись прежде,—терпѣли отъ него удары и сами наносили ихъ,—но враги, какъ только увидятъ ихъ, приходятъ въ страхъ и убѣгаютъ. Еще и тѣхъ, которые бываютъ изранены врагами, они тотчасъ берутъ на свое попеченіе, помазываютъ елеемъ раны ихъ, обвязываютъ и вылечиваютъ; вылечивъ же, научаютъ, какъ надобно вести брань съ этими врагами, какими орудіями и машинами.

Всего, сказаннаго нами, если не знаетъ добрѣ тотъ, кто убезмолвился, или тотъ, кто сталъ настоятелемъ надъ другими, или кто взялся быть учителемъ другихъ,—въ такомъ случаѣ, ни убезмолвившійся не есть безмолвникъ, хотя думаетъ, что безмолвствуетъ, но сидитъ только въ келліи одинъ, запертый тѣломъ, не зная цѣли безмолвія; ни тотъ, кто взялъ на себя настоятельство, не есть воистину настоятель, но идетъ путемъ, самъ не зная какимъ, или лучше сказать, блуждаетъ внѣ пути настоящаго и находится въ опасности ввергнуть въ бездну вѣчнаго мученія и себя и тѣхъ, которые послѣдуютъ ему; ни тотъ, кто взялся учить другихъ, не есть истинный учитель, но лживый и заблудный, потому что не имѣетъ въ себѣ истинной премудрости, Господа нашего Іисуса Христа. - Но что сказать о власти вязать и рѣшить, какою пользуются и таковые, когда даже тѣ, которые имѣютъ въ себѣ Духа Святаго, разрѣшающаго грѣхи, или суть духоносны, страшатся и трепещутъ, какъ бы не сдѣлать чего либо несообразнаго съ волею Св. Духа, Который обитаетъ въ нихъ и изрекаетъ чрезъ

нихъ волю Свою? И какъ можно доходить до такого умоизступленія и такой дерзости, чтобъ, не получивъ благодати Св. Духа, говорить или дѣлать дѣла Святаго Духа, — дѣлать дѣла Божіи безъ воли на то Божіей? Увы и горе тѣмъ, которые дерзаютъ поступать такъ, потому что они будутъ осуждены на вѣчное мученіе въ день суда, въ который Господь нашъ Іисусъ Христосъ, непогрѣшимый и нелицепріятный Судія, воздастъ каждому по дѣламъ его, по его помышленіямъ и словамъ. Ему подобаетъ всякая слава, честь и поклоненіе, со безначальнымъ Его Отцемъ и всесвятымъ Духомъ, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

СЛОВО ВОСЕМЬДЕСЯТЪ ШЕСТОЕ.

1) Душеполезная повѣсть объ одномъ послушникѣ, получившемъ Святаго Духа молитвами отца своего духовнаго.
2) О дѣйствіяхъ Святаго Духа и созерцаніи таинъ Его.

1) Одинъ юный разсказывалъ мнѣ, что былъ онъ послушникомъ у одного старца благоговѣйнаго, равнаго по добродѣтелямъ великимъ святымъ, и слыша, какъ онъ часто говаривалъ, что на тѣхъ, которые подвизаются, свыше приходятъ божественныя озаренія и множество свѣта, въ каковомъ состояніи бываетъ и собесѣдованіе Бога съ человѣками, удивлялся сему, и такое, говорилъ онъ мнѣ, возъимѣлъ я желаніе получить и себѣ такое благо, что отъ жажданія того, забывалъ все и земное и небесное, — забывалъ пищу и питіе, и всякой тѣлесный покой. Старецъ же мой, будучи великимъ святымъ, имѣлъ и даръ прозорливости, и видя, что я безъ размышленія исполнялъ всѣ его повелѣнія, между тѣмъ не ѣлъ и не пилъ, а былъ весь погруженъ въ свои мысли, прика-

залъ мнѣ ѣсть, потому что имѣлъ великое и безмѣрное ко мнѣ состраданіе и благоутробіе. Я ѣлъ, и нехотя. ибо боялся грѣха преслушанія. Но сколько ѣлъ, столь паче разгоралось во мнѣ пламя внутри. Невыносимо было мнѣ насиліе, какое дѣлаетъ мнѣ старецъ; слезы текли у меня какъ рѣка, и плача такъ, вскакивалъ я часто изъ-за трапезы, думая, по малосмыслію, что онъ полагаетъ препоны доброму моему стремленію, не зная. какую чрезмѣрную боль и тяготу ношу я въ сердцѣ своемъ. Въ одинъ день пошли мы въ городъ, близъ котораго онъ жилъ, для посѣщенія духовныхъ дѣтей его. и пробыли тамъ весь день. Вечеромъ возвратились мы въ келлію, отъ большаго труда и жара алчные и жаждущіе: ибо старецъ не имѣлъ обычая гдѣ либо ѣсть или отдыхать;—было же тогда лѣто, и старцу—годовъ съ шестьдесятъ. Когда сѣли мы за столъ, я не ѣлъ, потому что очень утомился и думалъ, что если поѣмъ и попью, то совсѣмъ не смогу стать на молитву, и съ обычнымъ жаромъ испрашивать желаемаго. Такъ думалъ я и сидѣлъ, какъбы находясь внѣ себя. Тогда святый мой, смотря на меня и, по дару прозорливости, зная причину, по которой я не ѣлъ, и какими мыслями занята голова моя, возъимѣлъ жалость ко мнѣ и сказалъ: ѣшь, чадо, и пей, и отнынѣ оставь всякую печаль; потому что если бы Богъ не хотѣлъ явить тебѣ милость, то не благоволилъ бы Онъ привести тебя ко мнѣ. Итакъ, поѣли мы и напились, паче нежели вдоволь; ѣлъ и онъ, снисходя къ моему изнеможенію. Когда потомъ убрали мы трапезу, говоритъ мнѣ онъ: вѣдай, чадо, что Богъ не благоволитъ много ни къ посту, ни къ бдѣнію, ни къ другому какому тѣлесному труду, ни какому другому доброму дѣлу, и не являетъ Себя никому другому, кромѣ только смиренной, непытливой и благой души и сердца.

Слыша это, я удивился слову и наставленію святаго, и горя сильнымъ внутреннимъ огнемъ, и всѣ грѣхи свои во мгновеніи ока приведши на мысль, облился весь слезами, текшими изъ очей моихъ, и падши къ ногамъ святаго и обнявъ ихъ, сказалъ: молись о мнѣ, святче Божій, да обрѣту милость по твоему ходатайству, такъ какъ изъ тѣхъ добрыхъ расположеній, о коихъ сказалъ ты, я не имѣю ни одного, да и ничего добраго, кромѣ только грѣховъ моихъ многихъ, которые знаешь и ты. На это святый мой показалъ мнѣ такое сильное соболѣзнованіе, что самъ заплакалъ, и велѣвъ мнѣ подняться съ земли, сказалъ: „имѣю вѣру, что Богъ, такія богатыя явившій ко мнѣ Свои милости, даруетъ и тебѣ сугубую благодать, ради одной вѣры твоей, какую имѣешь ты къ Нему—Богу, и ко мнѣ послѣднѣйшему и худѣйшему.“ Это слово я принялъ такъ, какъбы слышалъ его отъ самого Бога,—и помышляя о сугубой благодати, какую получилъ Елисей чрезъ пророка Илію, увѣровалъ, что, хотя я и недостоинъ, но человѣколюбивый Богъ скоро очень творитъ волю боящихся Его, и съ поклономъ испросивъ молитвы, пошелъ въ келлію свою. Отпуская меня, старецъ далъ мнѣ заповѣдь—прочитать на ночь лишь Трисвятое,—и лечь.

2) Вошедши туда, гдѣ имѣлъ я обыкновеніе молиться, и начавъ: *Святый Боже,*—и вспомнивъ слово святаго старца, я вдругъ заплакалъ, и въ такія пришелъ слезы, и въ такой пламень къ Богу, что не могу выразить того словомъ, ни той радости и сладостнаго утѣшенія, какія были тогда во мнѣ. Падши затѣмъ лицемъ на-земь, я увидѣлъ нѣчто дивное, ибо се — возсіялъ мысленно во мнѣ великій свѣтъ и взялъ къ себѣ весь мой умъ и всю душу. Изумился я такому чуду внезапному и сталъ какъ внѣ себя, забывъ и мѣсто, въ которомъ стоялъ, и что такое я, и гдѣ я,—вопіялъ только: *Господи помилуй,*

какъ догадался, когда пришелъ въ себя. Впрочемъ, отче мой, кто былъ тотъ, кто говорилъ во мнѣ и приводилъ въ движеніе языкъ мой, не вѣдаю, Богъ то вѣсть, — не вѣдаю и того, какъ соединился я съ тѣмъ свѣтомъ, въ тѣлѣ ли бывъ, или внѣ тѣла. Вѣдаетъ сіе тотъ самый свѣтъ, который изгналъ изъ души моей всю тму и всякое земное мудрованіе, отъялъ отъ меня всю вещественность и тяжесть тѣла и произвелъ въ членахъ моихъ великое разслабленіе и изнеможеніе. Это изнеможеніе и разслабленіе членовъ моихъ и нервовъ было такъ сильно отъ крайняго напряженія, что мнѣ казалось, будто я слагаю съ себя бремя тлѣнія. Въ душѣ же моей онъ произвелъ радость великую, чувство умное и сладость, высшую всякой сладости чувственной. Сверхъ того онъ даровалъ мнѣ дивно свободу и забвеніе всѣхъ помысловъ, кои въ мірѣ, и открылъ самый способъ исхожденія изъ настоящей жизни; потому что всѣ чувства ума и души моей прилѣплены были тогда къ единому неизреченному веселію и радости отъ того свѣта. — Но когда безмѣрный тотъ, явившійся мнѣ, свѣтъ мало-по-малу умалился, и наконецъ совсѣмъ сталъ невидимъ, тогда я пришелъ въ чувство и позналъ, какія дивности внезапно произвела во мнѣ сила того свѣта. Почему, испытавъ удаленіе его и видя, что онъ опять оставилъ меня одного въ этой жизни, я столь много опечалился и душа моя такъ сильно возболѣзновала о томъ, что не могу выразить тебѣ, какъ слѣдуетъ, великой скорби, которая какъ огонь возгорѣлась тогда въ душѣ моей. Если можешь, отче мой, самъ вообрази и болѣзнь разлученія того, и высоту великаго онаго благодѣянія, и безмѣрную любовь, явленную мнѣ и возгорѣвшуюся во мнѣ; а я не могу ни языкомъ сказать, ни умомъ понять безмѣрность онаго видѣнія.

Я сказалъ ему: нѣтъ, всечестный отче и брате! Ты изобрази мнѣ дѣйствія того свѣта, который явился тебѣ.

И онъ, сладкій, исполненный Духа Святаго и сподобившійся такого видѣнія, отвѣтилъ мнѣ кротчайшимъ и медорѣчивымъ гласомъ: о, отче! Свѣтъ оный, когда является, веселитъ, а когда скрывается, оставляетъ рану и болѣзнь въ сердцѣ. Приходя, или нисходя на меня, онъ возводитъ меня на небеса, одѣвая и меня свѣтомъ. Онъ является мнѣ какъ нѣкая звѣзда, и есть невмѣстимъ для всей твари; сіяетъ какъ солнце, — и мнѣ понятно, какъ вся тварь держится силою его. Онъ показываетъ мнѣ все, что есть въ твореніи,—и повелѣваетъ мнѣ не заходить за предѣлы человѣческаго естества. Меня объемлютъ кровля и стѣны, а онъ отверзаетъ мнѣ небеса. Поднимаю чувственныя очи мои, чтобъ посмотрѣть, что есть на небѣ, и вижу, что тамъ все такъ же есть, какъ было прежде. Удивляюсь этому,—и слышу свыше гласъ, таинственно говорящій мнѣ: „то, что видишь теперь, есть таинственное предъизображеніе будущихъ благъ, которыхъ, совершенно какъ они есть, не увидишь, пока носишь плоть.—Но возвратись въ себя самого, и смотри, чтобъ не сдѣлать чего либо такого, что можетъ лишить тебя благъ, которыя сподобился ты получить. Если же и погрѣшишь когда, въ наученіе смиренію, позаботься не бѣгать покаянія; потому что покаяніе вмѣстѣ съ моимъ человѣколюбіемъ, изглаждаетъ и прежніе, и настоящіе грѣхи.“

Слыша такія слова юнаго онаго, я едва не сталъ внѣ себя, и вострепеталъ весь, помышляя, на какую высоту созерцанія и вѣдѣнія востекъ онъ, отъ одной любви и вѣры, какую имѣлъ къ духовному отцу своему,—и сколь великія блага сподобился увидѣть и получить въ самомъ началѣ, какъбы отложивши всякую немощь человѣческую и ставши изъ человѣка ангеломъ. Почему прошу васъ, братіе мои, отринемъ и мы далеко отъ себя всякое пристрастіе и заботу относительно того что касает-

ся жизни настоящей; возненавидимъ плотскія удовольствія, удобрѣніе тѣла, его покой и бездѣйственную нѣгу, по причинѣ коихъ обыкновенно тѣло возстаетъ на душу,—возъимѣемъ чистую вѣру въ Бога и въ отцевъ и учителей нашихъ, кои по Богу,—стяжемъ сердце сокрушенное и смиренное мудрованіе души,—очистимъ сердце свое отъ всякой нечистоты и отъ всякаго осквернѣнія грѣховнаго слезами покаянія,—да сподобимся и мы достигнуть нѣкогда въ полную мѣру совершенства христіанскаго, да увидимъ и воспріймемъ еще въ настоящей жизни неизреченныя оныя блага божественнаго свѣта, хотя не вполнѣ, но сколько можемъ вмѣстить, по степени очищенія нашего. Ибо симъ образомъ мы соединимся съ Богомъ, и Богъ съ нами,—и содѣлаемся мы свѣтомъ и солію для ближнихъ нашихъ, на всякую имъ пользу духовную,—во Христѣ Іисусѣ, Господѣ нашемъ, Коему слава во вѣки вѣковъ. Аминь.

СЛОВО ВОСЕМЬДЕСЯТЪ СЕДЬМОЕ.

О тѣхъ, которые сами собою дѣлаются учителями, отцами духовными и руководителями другихъ, и не имѣя божественной благодати, руководятъ и учатъ другихъ,—и о томъ, что не должно никому, прежде чѣмъ рожденъ онъ будетъ и просвѣщенъ отъ отца духовнаго, руководить или учить другихъ.

Желалъ бы я, возлюбленный брате, такъ умертвиться міру сему, чтобъ меня не зналъ ни одинъ человѣкъ, но чтобъ мнѣ проводить жизнь какъ истинно мертвому, и жить неявно, сокровенною во Христѣ жизнію, коею други—любители Божіи знаютъ Бога и знаемы бываютъ отъ Бога только, держа себя неразлучно въ живомъ единеніи съ Нимъ во всякое время и на всякомъ мѣстѣ.

Къ такой жизни горѣлъ я желаніемъ сначала,—къ такой горю имъ и нынѣ. Но такъ какъ мы, по слову св. Павла, не сами собою управляемъ, куплени бо есмы пречистою кровію Христовою, и такъ какъ должны искать не своей только пользы и угождать не самимъ только себѣ, но и ближнимъ нашимъ во благое, то всячески необходимо и мнѣ со всѣмъ усердіемъ творить повелѣнія Владыки моего Іисуса Христа, искупившаго меня. Ибо если рабы, купленные людьми, имѣютъ неотложный долгъ творить повелѣнія господъ своихъ, и когда преслушаютъ ихъ, наказываютъ; не тѣмъ ли паче мы должны, даже до смерти, творить велѣнія Господа и Бога нашего Іисуса Христа, искупившаго насъ собственною Своею кровію? Ктому же, за то, что дѣлать получаютъ повелѣніе отъ господъ своихъ рабы и что дѣлаютъ, они или совсѣмъ никакой не получаютъ платы, какъ бываетъ большею частію, или если получаютъ иногда, то она бываетъ крайне невелика и ничтожна,—и опять наказанія, какія даются рабамъ за ослушаніе господъ своихъ, какъ бы ни были велики, все суть временныя. Но заповѣди Господа нашего имѣютъ воздаяніе безконечное и вѣчное, такъ какъ въ тѣхъ, кои исполняютъ ихъ, вселяютъ жизнь безсмертную и такія подаютъ имъ блага, *ихже око не виде, и ухо не слыша, и на сердце человѣку не взыдоша;* и напротивъ наказанія, какія ожидаютъ преступающихъ ихъ, суть вѣчны и нескончаемы, и потому болѣе страшны, нежели всякое другое наказаніе, какому подвергаются рабы, преступающіе волю господъ своихъ.—И что я говорю о рабахъ,—тогда какъ и тѣ, которые богаты и почтены достоинствами,—и они не всегда бываютъ тамъ, гдѣ имъ желательно, и не то одно дѣлаютъ, что имъ угодно, но гдѣ и что повелѣваетъ имъ царь, такъ и то дѣлаютъ они съ полною покорностію велѣніямъ его?

Итакъ, что же? Рабы господамъ своимъ и начальники царю своему имѣютъ долгъ оказывать всякаго рода покорность и послушаніе, а мы, ставшіе воинами Царя царей и Бога боговъ и обѣщавшіеся во св. Крещеніи быть рабами Его, не имѣемъ долга слушаться повелѣній Его и исполнять заповѣди Его?—И какое извиненіе можемъ мы получить, когда вознерадимъ объ этомъ?—Но горе мнѣ, что, говоря сіе и указуя другимъ путь спасенія, ведущій въ царство Божіе, самъ судимъ бываю всѣми людьми, не только мірянами, но осуждаюсь, приговариваюсь къ наказанію и ненавидимъ бываю, какъ нечистый, даже монахами, и іереями, и архіереями. И о, когда бы это было безъ причины, по одному подозрѣнію и дѣйству діавольскому, дѣйствующему въ сынахъ противленія, на пагубу имъ!

Но се говорю то, что узналъ изъ опыта, что если бы демоны не имѣли людей содѣйственниками злобѣ своей, то, навѣрное, совсѣмъ (дерзаю такъ сказать) не могли бы они отдалить отъ заповѣдей Божіихъ тѣхъ, которые таинственно возродились чрезъ св. Крещеніе и содѣлались сынами Божіими по благодати. Я вѣрую, что младенцы, окрещенные, освящаются и соблюдаются подъ кровомъ всесвятаго Духа, что они суть овцы стада Христова и агнцы избранные, поколику запечатлѣны знаменіемъ животворящаго креста и освобождены совсѣмъ отъ тиранства діавола. И если бы діаволъ не находилъ пригодныхъ орудій злости своей, къ совершенію того, что желаетъ, или въ родителяхъ дѣтей, или въ кормилицахъ, или въ тѣхъ, которые съ ними обращаются (какъ вначалѣ—въ зміѣ и женѣ); то навѣрное не могъ бы онъ похитить и себѣ присвоить ни одного изъ нихъ. Ибо, какъ свидѣтельствуетъ дѣйствительность, эти сказанныя нами лица учатъ ихъ съ дѣтства всякому злу и лукавству, срамословію, чревоугодію, плясанію,

щегольству, и всякимъ другимъ худостямъ,— сребролюбію, тщеславію, славолюбію, гордости,— и къ этимъ худостямъ они пріучаютъ ихъ съ дѣтства, и воспитываютъ въ нихъ. Почему прежде еще, чѣмъ дѣти придутъ въ познаніе себя и начнутъ сами разсуждать, они чрезъ наученіе ихъ означеннымъ худымъ навыкамъ и расположеніямъ, предаютъ ихъ діаволу въ рабы, лишая ихъ несчастныхъ благодати сыноположенія и полученнаго ими освященія,— сами не зная, что дѣлаютъ, какъ несмысленныя.

Изъ отцевъ нынѣшняго вѣка никто почти не воспитываетъ дѣтей по христіански и не обучаетъ ихъ правиламъ и заповѣдямъ Христовымъ; но всѣ почти воспитываютъ ихъ въ обычаяхъ мірскихъ и нравахъ еллинскихъ. О чемъ либо христіанскомъ и заботы имъ нѣтъ. и не говорятъ они съ Іовомъ: *негли когда сынове мои согрѣшиша, и въ мысли своей злая помыслиша противу Бога* (Іов. 1, 5). Не страшатся они и не трепещутъ при мысли, не сдѣлали бы дѣти ихъ что либо неумѣстное, и не отпали бы чрезъ то отъ рабства и сыноположенія Христа, заклавшагося для спасенія нашего,— и не сдѣлались опять рабами врага нашего. тирана— сатаны, и не были осуждены на смерть и вѣчное мученіе въ огнѣ. Одинъ страхъ обдержитъ ихъ всѣхъ за дѣтей своихъ, и одна у нихъ забота относительно ихъ, какъ бы сдѣлать ихъ показными предъ людьми, славными и блестящими, не добродѣтелію и цѣломудріемъ, и не равнодушіемъ къ пышностямъ и утѣхамъ мірскимъ, но раззолоченными сбруями лошадей, щегольскими одеждами и рабами, предшествующими и послѣдующими имъ. Отъ этого и дѣти ихъ привыкаютъ къ славолюбію, къ пышности, къ богатству и возношенію. Такъ родителями своими дѣти вводятся во всякій видъ страстей и безъ искушенія бѣсовъ, а нерѣдко, по ихъ же (родителей)

вліянію, впадаютъ они въ срамныя дѣла,—и даютъ входъ въ себя діаволу, отцу зла, чрезъ нарушеніе обѣтовъ, данныхъ во св. Крещеніи. Будучи такимъ образомъ воспитаны и выросши среди такихъ худыхъ вліяній, они внѣдряютъ въ душу трудно изгладимую привычку къ худому, которая современемъ превращается въ природу и дѣлается уже неисправимою. По сей причинѣ иные изъ нихъ (дѣтей) остаются въ злыхъ навыкахъ своихъ до смерти. не имѣя силъ оторваться отъ похотей, страстей и удовольствій плотскихъ, съ коими такъ и умираютъ; другіе же приходятъ нѣсколько въ чувство, познаютъ возгосподствовавшее надъ ними зло и стараются освободиться отъ него. Но если они не отдѣлятся совсѣмъ отъ злыхъ учителей своихъ (такъ слѣдуетъ ихъ называть, а не родителями); то невозможно имъ будетъ освободиться отъ укоренившихся въ нихъ злыхъ навыковъ.—И сіе-то провидя, Богъ взываетъ ко всѣмъ намъ: *аще кто грядетъ ко Мнѣ и не возненавидитъ отца своего и матерь и братію, не можетъ Мой быти ученикъ* (Лук. 14, 26). Ибо по другой какой причинѣ несправедливо ненавидѣть родителей, какъ сознавши душевный вредъ, причиняемый ими. Кто возчувствуетъ этотъ вредъ, тотъ уже не смотритъ болѣе на родителей и родныхъ, какъ на друзей, но естественно ненавидитъ ихъ, какъ навѣтниковъ души своей, и бѣгаетъ сообращенія съ ними, стараясь всячески прежде совсѣмъ отдѣлиться отъ тѣхъ, которые сдѣлались причиною для него толикихъ золъ, чтобъ потомъ свободнѣе подвизаться и объ освобожденіи души своей отъ оныхъ устарѣлыхъ злыхъ навыковъ, и отъ самыхъ похотей и страстей. Прежде же всего этого ему надлежитъ облегчить совѣсть свою отъ бремени грѣховъ, чрезъ покаяніе и исповѣдь.

Теперь послушай, честный отецъ, что я имѣю намѣреніе сказать тебѣ. Которые изъ таковыхъ отрекаются

отъ міра и не имѣютъ духовныхъ себѣ отцевъ и старцевъ, тѣ конечно не сдѣлались и чьими-либо духовными чадами. Но которые не сдѣлались чадами, тѣ и не родились; которые не родились, тѣ не пришли въ бытіе; которые не пришли въ бытіе (духовное), тѣхъ совсѣмъ нѣтъ въ духовномъ мірѣ. Какъ тѣ, которые не родились тѣлесно, не находятся въ видимомъ мірѣ; такъ и тѣ, которые не родились духовно, не находятся въ оном умномъ мірѣ и не входятъ въ оный дивный свѣтъ, въ который вводитъ Богъ вѣрующихъ въ Него. Еще, какъ тѣ, которые не родились тѣлесно, совсѣмъ не существуютъ; такъ и тѣ, которые не родились духовно, не существуютъ духовно. Но о, когда бы были они совсѣмъ не сущими, а не существующими. Но дѣло не такъ есть; ибо родившихся тѣлесно, но неродившихся духовно, ожидаютъ тма, огнь и мука вѣчная, по опредѣленію Господа и Бога, и Спаса нашего Іисуса Христа, рекшаго: *аще кто не родится свыше, не можетъ видѣти царствія Божія* (Іоан. 3, 3). Рожденіемъ называетъ здѣсь Господь нашъ благодать Святаго Духа, какъ Самъ сказалъ Апостоламъ: *Іоаннъ крестилъ есть водою, вы же имате креститися Духомъ Святымъ* (Дѣян. 1, 5). Такъ вотъ что есть духовное крещеніе и духовное рожденіе, и невозможно сему быть иначе.

Надобно намъ теперь узнать причину, по которой иные не знаютъ, что они родились духовно. Какая же этому причина? Невѣжество и слѣпота очей души ихъ.— И внимай поусерднѣй.—Какъ дѣтямъ раждаемымъ невозможно засѣмениться и родиться безъ отца, такъ невозможно родиться свыше, т.-е. принять благодать Святаго Духа, и тому, кто не имѣетъ духовнаго отца, рожденнаго свыше. И какъ плотской отецъ раждаетъ и дѣтей плотскихъ, такъ и отецъ духовный тѣхъ, которые желаютъ быть чадами его, дѣлаетъ чадами духовными.—

Но тотъ, кто самъ еще не родился, или родился, но еще дитя есть, т.-е. не достигъ еще совершенства, тому какъ возможно быть отцемъ другихъ? Нѣтъ, невозможно. И тому, кто не содѣлался сыномъ Свѣта, съ чувствомъ и сознаніемъ того, съ опытнымъ удостовѣреніемъ и духовнымъ созерцаніемъ, тому какъ возможно знать и видѣть Отца свѣтовъ? И какъ возможно ему руководить другихъ къ Свѣту, или научить ихъ, что есть Свѣтъ, который пришелъ въ міръ, чтобъ просвѣщать сидящихъ во тьмѣ? Самъ онъ слѣпъ и не видитъ, какъ же можетъ онъ показать путь другимъ? Кто не видитъ свѣта, тотъ всеконечно ходитъ во тмѣ, спотыкается непрестанно и имѣетъ нужду въ путеводителѣ: какъ же путеводить ему другихъ? И если станетъ онъ путеводить ихъ, то навѣрное будетъ для нихъ виновникомъ пагубы. Ибо Господь говоритъ: *слѣпецъ слѣпца аще водитъ, оба въ яму впадутъ* (Мѳ. 15, 14),—въ ровъ невѣдѣнія или пагубы.

Итакъ, всѣ тѣ, которые видятъ только тѣлесными очами и только этотъ чувственный свѣтъ, слѣпы суть; и имъ ни о чемъ другомъ не должно заботиться, кромѣ какъ о томъ, чтобъ отверзть умныя очи души своей, и увидѣть невечерній Божественный свѣтъ. Ибо какъ слѣпой не можетъ видѣть никакихъ вещей міра сего, ни различать золота, напримѣръ, отъ серебра или мѣди; хоть они предъ нимъ находятся, онъ не видитъ, и многоцѣнные камни и маргариты, если они брошены на полъ, попираетъ, какъ прахъ; и самого себя не видитъ, и не знаетъ, какая на немъ одежда, бѣлая или черная, чистая или измаранная; такъ и тотъ, кто слѣпъ умными очами, не можетъ знать самого себя, ни состоянія своего; тѣмъ паче невозможно ему увидѣть и познать Бога. Открываются же умныя очи и прогоняется духовная слѣпота благодатію Святаго Духа. И никто

изъ святыхъ отъ вѣка бывшихъ не дѣлался святымъ, не познавалъ Бога, не становился рабомъ и другомъ Его, если прежде умъ его не бывалъ просвѣщенъ отъ Святаго Духа, если не получалъ отъ Него вѣдѣнія, слова и силы и не былъ Имъ доведенъ до познанія хотѣній и велѣній Божіихъ. Кто не просвѣщенъ Духомъ Святымъ, тотъ не только не знаетъ себя самого и ближнихъ своихъ, но и заповѣди Божіи, кои суть какъ маргариты, и велѣнія Божіи, кои суть какъ камни многоцѣнные, и живодательные словеса Его, кои суть какъ монеты, имѣющія на себѣ пречистый образъ Его,—все это попираетъ ногами, какъ ненужный прахъ, — нимало не чувствуя ни ихъ, ни того, какъ относится къ нимъ. потому что не можетъ чувствовать. Никто убо, братія мои да не прельщаетъ васъ, говоря, что видитъ то, о чемъ я сказалъ,—тогда какъ очи души его не просвѣщены божественнымъ свѣтомъ.

Итакъ, если всякой ученикъ есть духовное чадо учителя своего, то всячески тому, кто ищетъ духовнаго отца, должно искать человѣка, который родился духовно и сознательно знаетъ Бога и Отца своего, чтобъ онъ родилъ духовно и его. и сдѣлалъ воистину сыномъ Божіимъ. Если теперь ученикъ оный нуждается и ищетъ такого духовнаго отца (ибо, какъ говоритъ Писаніе, добрыхъ учителей—добры и ученія, отъ злыхъ же сѣмянъ злыя бываютъ и порожденія); то съ другой стороны есть въ настоящей жизни и добрые учители и отцы истинно духовные, такіе, какъ мы сказали выше. Но подлѣ нихъ есть и такіе, которые еще не родились свыше и еще не познали себя самихъ, а не только Бога; которые однакожъ сами себя выставили учителями и отцами другихъ, и всякими способами стараются привлечь къ себѣ всякаго, отрекшагося отъ міра и, какъ мы сказали, ищущаго духовнаго себѣ отца; и если замѣтятъ,

что онъ хвалитъ кого-либо изъ истинно-духовныхъ отцевъ, тотчасъ спѣшатъ эти несчастные представить нехорошимъ того духовнаго, чтобъ соблазнить душу юноши и помѣшать ему пойти къ нему. Спрашивается теперь: если юный сей, обманувшись, пойдетъ къ тѣмъ, которые его обманули, и липится такимъ образомъ пользы, какую имѣлъ бы получить отъ того духовнаго отца, то кто виновенъ въ потерѣ его, равно какъ и всѣхъ тѣхъ, которые такимъ же образомъ лишаются пользы отъ духовныхъ отцевъ и учителей, будучи соблазняемы словами оныхъ самозванцевъ? Не виновны ли въ этомъ эти соблазнители, которые сами себя поставили въ руководители и отцы, и всѣхъ отдаляютъ отъ добрыхъ учителей, не допуская ихъ дойти до нихъ, чтобы получить отъ нихъ настоящее руководство и войти по нему въ царствіе небесное? Всеконечно они виновны въ этомъ, и отъ рукъ ихъ взыщется кровь соблазненныхъ ими, какъ сказалъ Господь. Они, будучи обладаемы тщеславіемъ и гордостію и думая о себѣ, что суть великіе нѣкіе, хотя ничто суть, дѣлаются отцами, учителями и апостолами, сами себя рукоположивъ; между тѣмъ какъ ни благодати Святаго Духа не получили, какъ Апостолы, ни свѣтомъ вѣдѣнія не просвѣтились, ни Бога, Коего проповѣдуютъ, не видѣли, чтобъ Онъ открылся имъ, какъ обѣтовалъ: *имѣяй заповѣди Моя и соблюдаяй ихъ, той есть любяй Мя: и Азъ возлюблю его и явлюся ему Самъ;* и опять: *Азъ и Отецъ Мой къ нему пріидемъ и обитель у него сотворимъ* (Іоан. 14, 21. 23); и еще: *ядый Мою плоть и піяй Мою кровь, во Мнѣ пребываетъ и Азъ въ немъ* (Іоан. 6, 56); также: *аще кто жаждетъ, да пріидетъ ко Мнѣ и піетъ: вѣруяй въ Мя, якоже рече Писаніе, рѣки отъ чрева его истекутъ воды живы* (Іоан. 7, 37. 38); опять: *всякъ піяй отъ воды сея* (естественной) *вжаждется паки: а иже піетъ отъ воды, юже*

Азъ дамъ ему, не вжаждется во вѣки: но вода, юже Азъ дамъ ему, будетъ въ немъ источникомъ воды текущія въ животъ вѣчный (Іоан. 4, 13. 14). Итакъ, кто явно не видитъ, чтобъ все такое было въ немъ дѣйствительно и совершилось самымъ дѣломъ, тотъ еще слѣпъ. Ибо кто не соблюлъ божественныхъ заповѣдей, кто не видѣлъ Сына Божія явившимся ему, кто не возлюбилъ Его какъ подобаетъ, кто не позналъ въ чувствѣ души своей, что Отецъ и Сынъ во Святомъ Духѣ обитель у него сотворили, тотъ пострадалъ одно изъ двухъ слѣдующихъ: или Богъ оставилъ его и душа его пуста, или діаволъ, изгнанный изъ него во время крещенія, опять возвратился къ нему по причинѣ грѣха; и это или прежде чѣмъ онъ сталъ монахомъ, или послѣ того,— *и быша послѣдняя человѣку тому горша первыхъ* (Матѳ. 12, 45). Кто изгналъ лукаваго изъ души своей, великими подвигами, смиренномудріемъ, многими болѣзненными трудами, плачемъ и слезами, а потомъ опять попустилъ себѣ обольститься его внушеніями, и это прежде, чѣмъ завѣдомо ему возобиталъ въ немъ Христосъ, и прежде чѣмъ стяжалъ онъ истинное, всуществленное, смиреніе; тотъ опять принимаетъ къ себѣ самого діавола, который входитъ въ него безъ вѣдома его, по причинѣ самомнѣнія и гордости. Такой не можетъ придти въ чувство и познать грѣхи свои и зло, которому подвергся. Ибо діаволъ закрываетъ очи души его и не даетъ ему познать гордости, которая властвуетъ надъ нимъ. Тогда діаволъ не нудитъ его на плотскія сласти, ни на чревоугодіе, или сребролюбіе и многостяжаніе (ибо эти страсти нѣкоторымъ образомъ смирительны, наводятъ стыдъ и отнимаютъ у совѣсти побѣжденнаго ими всякое дерзновеніе, хотя бы его хвалилъ и величалъ весь міръ, яко святаго), но побуждаетъ его держать посты, бдѣнія, всенощныя стоянія, нестяжаніе, спаніе на голой

землѣ, немытость и все другое, что, какъ знаетъ онъ, можетъ возращать страсть гордыни. Ибо такія дѣла, если не бываютъ построеваемы на основаніи Христоподражательнаго смиренія, высятъ душу до небесъ и тѣмъ низвергаютъ ее въ бездну. Она думаетъ, что возвышается: на дѣлѣ же бываетъ, что насколько она высится, настолько падаетъ и низвергается долу, сама того не замѣчая. Какъ невозможно стоять дому безъ основанія, такъ невозможно сказаннымъ добродѣтелямъ быть твердыми, если онѣ не имѣютъ въ основаніи своемъ смиренія. Если оно не будетъ прежде положено въ основаніе, или бывъ положено, будетъ потомъ похищено духами злобы; тотчасъ все зданіе добродѣтелей, назданное съ такими потами и трудами, падаетъ долу и уничтожается. Ибо *Господь гордымъ противится, смиреннымъ же даетъ благодать* (Іак. 4. 6); и—*нечистъ предъ Господемъ всякъ высокосердый* (Прит. 16, 5). Между тѣмъ, кто имѣетъ въ себѣ сей источникъ и корень всѣхъ страстей душевныхъ, тотъ почитаетъ себя высшимъ и безстрастнѣйшимъ всѣхъ людей, и повѣрить не можетъ, чтобы былъ кто либо дѣятельнѣе и созерцательнѣе его; почему презираетъ всѣхъ и не вѣритъ дарамъ благодати, какіе даются имъ отъ Бога, завидуетъ имъ и осуждаетъ ихъ, и всячески усиливается доказать, что одни изъ нихъ (даровъ) ложны, а другіе—невозможны. Этимъ способомъ онъ увлекаетъ въ слѣдъ себя и другихъ, ввергая и ихъ въ свой собственный ровъ зависти, невѣрія и пагубы.

Кто вкушаетъ тѣло Сына Божія и піетъ кровь Его, тотъ, если не знаетъ чувствомъ и опытомъ душевнымъ, что въ Богѣ пребываетъ, а Богъ въ немъ, поистинѣ еще не причащался достойно пречистыхъ таинъ. Ибо какъ возможно тому, кто соединился съ Богомъ, не знать о томъ, хотя бы былъ онъ и не совсѣмъ чувстви-

тельнаго сердца? Также, если вкушающій тѣло и піющій кровь Христовы имѣетъ животъ вѣчный и на судъ не идетъ, но прешелъ отъ смерти въ животъ: то явно, что кто не сознаетъ, что имѣетъ въ себѣ животъ вѣчный и прешелъ отъ смерти въ животъ,—такъ же, какъ иной знаетъ, что изъ темнаго дома перешелъ въ свѣтлый и блестящій.—таковый не позналъ еще таинства домостроительства Божія и не вкусилъ жизни вѣчной. И еще, если Господь нашъ обѣтовалъ, что вѣрующимъ въ Него будетъ подавать Духа Святаго, чтобы Онъ былъ для нихъ источникомъ воды текущія въ животъ вѣчный, и рѣками, истекающими изъ чрева ихъ: то кто не видитъ, чтобъ въ немъ совершалось это каждодневно, не видитъ и всего другаго, что обѣщалъ Господь давать вѣрующимъ въ Него или совершать въ нихъ, тотъ какъ можетъ называть себя совершеннымъ вѣрующимъ? Но съ другой стороны, если кто думаетъ, что такое совершенство прилично только Апостоламъ и древнимъ святымъ,—и говоритъ, что мы, сколько бы ни подвизались, не можемъ уподобиться древнимъ святымъ, и надежды даже не имѣемъ сдѣлаться подобными имъ; то кто изъ знающихъ Бога и сострадущихъ братіямъ своимъ не восплачетъ о таковомъ отъ всей души своей? Ибо если Богъ велегласно взываетъ: *святи будите, якоже Азъ святъ есмь* (1 Петр. 1, 16),—и въ другомъ мѣстѣ: *подобны будьте Отцу вашему, иже есть на небесѣхъ* (Матѳ. 5, 48; Лук. 6, 36)—и Павелъ: *подобни мнѣ бывайте, якоже азъ Христу* (1 Кор. 4, 16),—а этотъ противныя сему пишетъ законоположенія: то наивѣрнѣйше онъ явный есть антихристъ и богоборецъ. Ибо говоритъ, что иные были тѣ, и иные мы,—иначе тѣхъ любилъ Богъ, сподобившій ихъ великихъ даровъ Св. Духа, и иначе относится Онъ къ намъ; насъ, говоритъ, Онъ едва милуетъ,—прощаетъ только намъ грѣхи наши и

спасаетъ насъ, если покаемся, понесемъ какія-либо произвольныя лишенія и поплачемъ; быть же намъ какъ Апостолы или какъ древніе святые никакъ невозможно. И тѣхъ, которые почитаютъ сіе возможнымъ, называетъ онъ гордыми и хульниками, которыхъ, говоритъ, не надо совсѣмъ слушать,—и повелѣваетъ бѣгать отъ нихъ. Какое пагубное заблужденіе, чтобъ не сказать, какое нечувствіе и невѣріе! Говорящіе и мудрствующіе такъ надѣются быть спасенными безъ пріятія благодати Святаго Духа—и думаютъ быть сынами Божіими, не имѣя сознательно Духа Святаго, Который единъ творитъ вѣрующихъ сынами Божіими. Они называютъ Бога Отцемъ своимъ, но говорятъ, что никогда не видѣли Его, и думаютъ, что любятъ Его, не видавши Его.— Даже слушая Апостола Іоанна, который говоритъ: *не любяй брата своего, егоже видѣ, Бога, егоже не видѣ, како можетъ любити* (1 Іоан. 4, 20)?—не приходятъ они въ чувство и не понимаютъ, въ какомъ худомъ находятся состояніи; но завидуютъ, и ненавидятъ братій своихъ, и такія употребляютъ противъ нихъ препрѣтельныя словеса, которыхъ не могъ бы никогда изобрѣсть самъ діаволъ, отецъ лжи и зависти. А предъ иными они рисуются, будто говорятъ все сіе съ богоугодною и братолюбною цѣлію; хотя между тѣмъ у всѣхъ людей посѣваютъ худое мнѣніе объ истинно святыхъ мужахъ, и не подозрѣвая, что, дѣйствуя такъ, они дѣйствуютъ противъ себя, или тѣмъ самымъ себя обличаютъ; ибо если кто небезстрастенъ, тотъ несвятъ, то конечно и ты, говорящій такъ, таковъ, такъ какъ злое износится обыкновенно изъ злаго сокровища сердца.

Страстные думаютъ, что и всѣ другіе также страстны, и судятъ всѣхъ по себѣ, забывая, что есть Богъ, рекшій: *не судите, да не судими будете* (Матѳ. 7, 1),—есть Судія, имѣющій воздать каждому по дѣламъ его. Съ

такимъ тщеславіемъ и дерзостію оговариваютъ и судятъ они братій; а не знаютъ, что таковымъ не позволяется даже читать божественныя Писанія, какъ говоритъ самъ Богъ устами Давида: *вскую ты повѣдаеши оправданія моя, и воспріемлеши завѣтъ мой усты твоими*, — и потомъ, указывая причину такого приговора, прибавляетъ: *сѣдя на брата своего клеветалъ еси* (Пс. 49, 16. 20). Если же таковому запрещается читать даже божественное Писаніе; тѣмъ паче не должно бы ему было входить въ храмъ Божій и стоять съ вѣрными. А онъ, не смотря на это, дѣлается учителемъ съ великою гордостію и дерзко восходитъ на престолъ апостоловъ (ибо достоинство и власть Апостоловъ есть всеконечно ученіе, бывающее въ Духѣ Святомъ). Какого послѣ сего наказанія и какой казни не заслуживаетъ таковый? Кто не сдѣлался еще ученикомъ, какъ должно, а между тѣмъ восхищаетъ достоинство учителей, тому слѣдуетъ наказаніе въ тысячу разъ большее, чѣмъ разбойникамъ и убійцамъ. Эти тѣло только убиваютъ, а онъ убиваетъ души. Какъ тотъ, кто взялъ бы у царя какой нибудь многоцѣнный камень или маргаритъ, чтобъ на камнѣ выдѣлать изображеніе царя, и при этомъ обточить его и обдѣлать прилично, а на маргаритѣ подѣлать отверстія и вдѣлать его въ корону или въ одежду царскую, — если бъ на камнѣ не выдѣлалъ сходнаго съ царемъ изображенія, обточилъ его неискусно и сдѣлалъ ни къ чему негожимъ, а на маргаритѣ не сдѣлалъ ровныхъ отверстій, или бы раскололъ его и совсѣмъ испортилъ, — не только не получитъ награды отъ царя, но еще подвергнется великому наказанію: въ такомъ же точно положеніи находятся и учители, взявшіеся учить другихъ истинному христіанствованію. Если, по нерадѣнію кого-либо изъ нихъ, или по неспособности, или по необдуманности, или по невѣдѣнію и невѣжеству, повредятся

мысли какого-либо брата или развратятся дѣла и мудрованія,—если не сдѣлаетъ онъ каждаго изъ слушателей своихъ разсудительнымъ, мудрымъ и совершеннымъ, съ великимъ искусствомъ, знаніемъ дѣла, мудростію и разсудительностію воображая въ немъ, сколько возможно, Христа, такъ чтобъ Онъ видѣлся въ немъ воображеннымъ и блисталъ,—и не возведетъ его такимъ образомъ въ мужа совершенна, въ мѣру возраста исполненія Христова,—если, напротивъ, душу каждаго изъ такихъ учениковъ сдѣлаетъ непотребною, и искуснаго превратитъ въ неискуснаго, честнаго въ безчестнаго, тогда какъ его не бѣ достоинъ весь міръ: то таковый явно не награду получитъ за трудъ свой, но муку и наказаніе за тѣхъ, которыхъ сдѣлалъ непотребными ученіемъ своимъ. Тоже заслужитъ онъ, если кто-либо чрезъ ученіе его лишится чего такого, что способствовало бы спасенію его, или не возможетъ, по причинѣ его, достигнуть совершенства, могши достигнуть его подъ руководствомъ другихъ учителей.

Итакъ, отче духовный, надлежитъ тебѣ прежде сдѣлаться ученикомъ Христовымъ и добрѣ научиться заповѣдямъ Его и таинствамъ,—и тогда уже браться учить другихъ; надлежитъ тебѣ прежде подчиниться и послѣдовать духовному отцу, который провелъ бы тебя путемъ, ведущимъ ко Христу, такъ чтобъ ты достигъ Христа, или лучше сказать, чтобъ тебя обрѣлъ Христосъ; при чемъ надлежитъ тебѣ замѣтить всѣ повороты и всѣ знаки пути, которымъ незаблудно проведетъ онъ тебя туда, гдѣ увидишь ты Христа благодатію Святаго Духа,—и тогда уже руководи и другихъ ко Христу; надлежитъ тебѣ прежде самому просвѣтиться истиннымъ свѣтомъ, а послѣ того вводить и другихъ въ сей свѣтъ; надлежитъ тебѣ прежде самому получить христіанскую свободу, а потомъ берись руководить къ ней и другихъ;

ибо совершенно безсмысленъ и буй есть тотъ, кто, будучи самъ рабомъ, берется освобождать сорабовъ своихъ, восхищая власть господина своего.

Какимъ же образомъ можемъ мы сдѣлаться учениками Христовыми? Послушаемъ самого Христа, который говоритъ *аще кто хощетъ по Мнѣ ити, да отвержется себе, и возметъ крестъ свой, и по Мнѣ грядетъ* (Матѳ. 16, 24). Идти въ слѣдъ Христа есть подражать Ему въ дѣлахъ Его, и жить такъ, какъ жилъ на землѣ и Онъ, Господь нашъ, терпя съ радостію искушенія и поношенія, чтобы получить благодать Святаго Духа. Ибо ни бдѣніе, ни уединеніе, ни постъ, ни ничего неимѣніе, ни трудъ тѣлесный, ни другая какая добродѣтель не могутъ безъ Святаго Духа доставить намъ слова премудрости, или знанія, или разсужденія; потому что все это есть путь, ведущій къ свѣту, а не самый свѣтъ. Почему если я и тысячу лѣтъ буду идти путемъ симъ и не достигну свѣта (который есть Духъ Святый, отъ Отца исходящій и просвѣщающій въ Сынѣ всякаго человѣка, грядущаго въ міръ), но и въ концѣ жизни моей окажусь еще сущимъ во тмѣ, то что пользы для меня отъ этого? И Апостолъ Павелъ, сказавъ, что иному дается слово премудрости, иному слово разума, иному дарованія исцѣленій, и прочее, потомъ прибавилъ: *вся же сія дѣйствуетъ единъ и тойжде Духъ* (1 Кор. 12, 11). Видишь, что безъ Духа никто не можетъ ни самъ научиться, ни другихъ научить? Почему, если кто прежде полученія Духа истины, *егоже міръ не можетъ пріяти, яко не видитъ его, ниже знаетъ Его* (Ін. 14 17), дерзнетъ и покусится, еще будучи отъ міра, въ мірѣ взять на себя степень и достоинство учителя и стать духовнымъ отцемъ и ходатаемъ за другихъ предъ Богомъ, то не достоинъ ли онъ несмѣтнаго числа молнійныхъ ударовъ и мукъ? Чтобъ тебѣ видно было, что я ничего не говорю не находя-

щагося въ Писаніи, слушай, что говоритъ Апостолъ Павелъ: *аще ли кто Духа Христова не имать, сей нѣсть Егова* (Рим. 8, 9). Видишь, что тому, кто не имѣетъ Духа Святаго, не только непозволительно учить другихъ, но что ему невозможно даже быть отъ части Христовой? Ибо со Христомъ соединяетъ благодать Святаго Духа; и кто не имѣетъ Духа Святаго обитающимъ въ себѣ завѣдомо тому невозможно имѣть общенія со Христомъ, или видѣть славу Христа сознательно. Онъ не можетъ и божественныхъ таинъ умно созерцать такъ, какъ бы видѣлъ самого Христа и Бога, но видитъ только чувственно хлѣбъ и вино, которые стоятъ на трапезѣ и видимы чувственно. И сіе праведно страждутъ таковые, потому что не получившіе благодати Святаго Духа не могутъ видѣть, ни познать Христа — Бога. Которые не испытали и не удостоились сего, тѣ не суть и родъ Божій, или свои Богу, и не знаютъ Его. Ибо Того. Кто есть выше всякаго ума и помышленія, какъ возможно познать уму нашему, созданному Имъ, если онъ не будетъ просвѣщенъ отъ Него и не соединится съ Нимъ? Какъ отъ Него получилъ онъ бытіе, такъ опять отъ Него же долженъ онъ сподобленъ быть— увидѣть и познать Его знаніемъ невѣдомымъ и созерцаніемъ незримымъ. Тѣ же, которые не сподобились стать такими, ни Духа Святаго не имѣютъ и не суть Христовы,—и пусть они не обольщаютъ себя. Когда получатъ они Духа Святаго и станутъ Христовыми,—вѣрнымъ и несбивчивымъ признакомъ того будетъ для нихъ то, что сказалъ божественный Апостолъ: *идѣже Духъ Господень, ту свобода* (2 Кор. 3, 17), гдѣ подъ свободою разумѣетъ онъ совершенное освобожденіе отъ всѣхъ страстей и отъ похотей мірскихъ и плотскихъ. Почему въ другомъ мѣстѣ онъ же говоритъ: *а иже Христовы*, то-есть рабы Христовы, *суть, плоть распяша со страстьми и по-*

хотьми (Гал. 5, 23),—и еще нѣгдѣ: *аще же Христосъ въ васъ, плоть убо мертва грѣха ради, духъ же живетъ правды ради* (Рим. 8, 10). Итакъ кто не сознаетъ, что сіе и то, что сказано выше, бываетъ въ немъ явно, тотъ пусть сидитъ одинъ и плачетъ о себѣ, что еще не сдѣлался рабомъ Христовымъ, еще не сталъ причастенъ славы и божества Христова, и что состояніе его еще неявно. Почему пусть наипаче печется о себѣ самомъ, до другихъ же да не будетъ ему дѣла; потому что страстный не можетъ разсуждать дѣлъ братій безстрастно, какъ слѣпой не можетъ видѣть чувственныхъ вещей, хотя бы держалъ ихъ въ рукахъ своихъ.

Но моли, прошу тебя, отче, Бога о мнѣ бѣдномъ, если не по чему другому, то ради любви къ Тому, Кто сказалъ: *возлюбиши Господа Бога твоего. . и ближняго твоего яко самъ себе.* Помолись о мнѣ грѣшномъ, ненавидимомъ за любовь ко Христу, гонимомъ за то, что хочу жить благочестно о Христѣ, осуждаемомъ всѣми за то, что чту отца моего духовнаго и учителя, оглашаемомъ всюду, яко еретикъ, за то, что учу всѣхъ искать свыше благодати и завѣдомаго присутствія Духа Святаго; потому что безъ сего не бываетъ отпущенія грѣховъ, что безъ благодати Святаго Духа, невозможно ни освободиться отъ страстей и безсловесныхъ похотей, ни содѣлаться сыномъ Божіимъ, ни освятиться,—и что тѣ, которые сподобляются такихъ даровъ Духа, не только освобождаются отъ всѣхъ похотей, страстей и непотребныхъ помысловъ, но бываютъ и богами по благодати, пребываютъ близъ Бога, и бываютъ внѣ плоти и міра;—и не только они сами святы бываютъ и какъбы безтѣлесны въ мірѣ, но и всѣхъ другихъ вѣрныхъ видятъ какъ святыхъ; и не только какъ святыхъ, но и какъ во Христа облеченныхъ и содѣлавшихся христами;—и что кто не стяжалъ еще такихъ душевныхъ очей, тотъ

явно не достигъ еще свѣта Христова и не просвѣтился отъ него: ибо свѣтъ Христовъ даруется, да видимъ бываетъ тѣмъ, кои сподобились покаяніемъ внити въ него.

Кто достигнетъ въ мѣру сію, тотъ всѣхъ любитъ и почитаетъ ихъ, какъ Христа, не презираетъ никого изъ тѣхъ, кои кажутся намъ низкими и ничтожными, но и другаго никого не ненавидитъ, не поноситъ, не осуждаетъ и не терпитъ слышать, какъ другіе осуждаютъ кого. Такими да будемъ и мы съ вами (говорю къ этимъ осуждающимъ), братія. Ибо если не сдѣлаемся такими, то невозможно намъ будетъ внити въ царство небесное.

Такъ вотъ, поелику я говорю все такое и проповѣдую, что отецъ мой духовный сдѣлался таковымъ, то всѣ осуждаютъ меня за то, какъ гордаго и хульника,—и діаволъ поднялъ противъ меня служителей своихъ и ведетъ войну, чтобъ заставить меня перестать проповѣдывать словомъ и исполнять дѣломъ евангельскія заповѣди и апостольскія постановленія, перестать стараться обновить евангельскую жизнь, которая нѣкоторымъ образомъ одряхлѣла и забыта,—чтобъ люди въ самовольной дерзости не помышляли, что могутъ спастись, безъ полученія благодати Святаго Духа и безъ безстрастія,—не прельщались тѣмъ и не погибали, сами того не понимая. За это вмѣсто того, чтобъ благодарить меня, что говорю имъ и побуждаю ихъ стремиться къ совершенной добродѣтели, они паче осуждаютъ меня, и ненавидятъ, отвращаются отъ меня, и предали меня на алчбу, жажду и смерть,—за то, что я не обольщаю ихъ и не говорю: дерзайте, всѣ имѣемъ спастися безъ трудовъ и болѣзнованій, безъ покаянія и точнаго исполненія заповѣдей Божіихъ,—каковыми рѣчами тѣ, которые говорятъ ихъ, извращаютъ все ученіе Христа и Апостоловъ Его.

Намъ же не буди мудрствовать и говорить такъ, но

да глаголемъ всѣмъ съ дерзновеніемъ,—что, поелику вѣруемъ во Христа, яко Бога истиннаго, и пріемлемъ Апостоловъ, яко учениковъ Его; то долгъ имѣемъ всячески соблюдать и заповѣданное ими, каяться и плакать съ болѣзнію сердца о всякомъ преслушаніи и преступленіи заповѣдей Господнихъ, если желаемъ получить блага, обѣтованныя намъ отъ Бога,—каковыя когда бы сподобились получить и мы, благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, съ Коимъ Отцу и вмѣстѣ Духу Святому подобаетъ всякая слава, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ. Аминь.

СЛОВО ВОСЕМЬДЕСЯТЪ ОСЬМОЕ.

О томъ, что желающій пасти словесное стадо Христово прежде долженъ разсмотрѣть и съ точностію изслѣдовать себя самого и свое состояніе, и тогда уже браться учить другихъ.

Господь нашъ Іисусъ Христосъ ублажаетъ не того, кто учитъ только добрымъ дѣламъ, но того, кто прежде творитъ ихъ, и потомъ научаетъ имъ и другихъ. Ибо говоритъ въ св. Евангеліи: *иже сотворитъ и научитъ, сей великій наречется въ царствіи небесномъ* (Мѳ. 5, 19). Почему и божественные отцы Церкви нашей ни словомъ, ни писаніемъ не учили никакому добру, котораго не дѣлали бы сами прежде, чѣмъ учить о немъ. И тѣ, которые слушаютъ такихъ учителей, бываютъ болѣе готовы на то, чтобъ подражать имъ въ добромъ: потому что не столько пользуютъ ихъ слова, сколько пользуютъ дѣла, которыя побуждаютъ ихъ дѣлать и себѣ подобное же. Но горе намъ, братія мои, что до такой великой дошли дерзости мы, монахи, что беремся пасти словесныхъ овецъ Христовыхъ, не имѣя благодати Хри-

стовой, и всячески домогаемся получить степень апостольскую (увы мнѣ, треокаяннóму!), для довольства и упокоенія тѣла, для выгодъ и чести человѣческой, и даже за деньги покупаемъ сіе достоинство апостольское, ни Бога не боясь, ни человѣковъ не срамляясь. Хотя ни одинъ человѣкъ не дерзнетъ приблизиться къ царскому престолу безъ воли царя, хотя никто изъ неученыхъ не посмѣетъ взять на себя чинъ грамматика, или ритора, хотя никто изъ неграмотныхъ не согласится быть чтецомъ; но мы не таковы, и не смотря на такіе примѣры, ищемъ и беремъ на себя достоинство Апостольское, не имѣя благодати Апостоловъ и не видя въ себѣ плодовъ благодати Святаго Духа. И какъ допускаемъ мы себя даже подумать только о такой великой дерзости? Скажите мнѣ, возлюбленные,—если бы этотъ великій и многолюдный городъ, Константинополь разумѣю, встрѣтивъ какого-либо человѣка странняго, который никогда не входилъ въ царскія палаты и котораго не знаетъ ни царь, ни царскіе люди, сталъ просить его, говоря: мы дѣлаемъ тебя меченосцемъ царевымъ, входи ты одинъ въ царскія палаты и говори царю о нашемъ благѣ и проси его сдѣлать для насъ то и то; то странній тотъ человѣкъ захотѣлъ ли бы принять предлагаемое ему достоинство, и пришло ли бы ему даже на умъ, что онъ сможетъ дѣлать такія дѣла? Всѣ мы навѣрно въ одинъ голосъ скажемъ, что онъ никогда не поступилъ бы такъ, даже тѣхъ, которые предложили бъ ему это, осудилъ бы, обозвавъ ихъ безсмысленными и сумасшедшими, и никакъ не согласился бы принять сказанное достоинство, видя, что оно доставило бы ему не честь, а скорѣе безчестіе и царское наказаніе. Итакъ, если въ человѣческихъ дѣлахъ не можемъ мы поступать такъ; то какъже не страшимся мы и не трепещемъ брать на себя Апостольское достоинство съ такою дерзостію, приближаться

къ неприступному свѣту Царя царствующихъ, Бога, и становиться посредниками между Богомъ и человѣками? Или считаемъ такое покушеніе малымъ и ни во что ставимъ какъ ничтожное? Увы мнѣ, братія мои! Страшно подумать, до какого крайняго дошли мы ослѣпленія и нечувствія, что даже не знаемъ, сколь великія и страшныя дѣла соглашаемся брать на себя. Ибо если бы знали, то никогда не могли бы дойти до такой дерзости, чтобъ шутить божественнымъ и являть большій страхъ и большую честь земному, чѣмъ небесному Царю Христу.

Будемъ же непрестанно себя самихъ разсуждать и постараемся, сколько можемъ, и другихъ отклонять отъ покушенія—искать и брать недостойно такую власть, чтобъ и ихъ избавить отъ осужденія и самимъ пожить прочее безопасно. Кто впрочемъ, изслѣдуя себя съ точностію, находитъ, что онъ свободенъ отъ всякаго славолюбія и даже слѣда не имѣетъ сластолюбія и плотской похотливости, чистъ также совершенно отъ сребролюбія и злопамятства, имѣетъ безгнѣвіе и совершенную кротость, стяжалъ такую любовь къ Богу, что лишь только услышитъ одно имя Христа, тотчасъ начинаетъ горѣть пламенемъ къ Нему и проливать слезы, плакать при этомъ и о братіяхъ своихъ, почитая грѣхи другихъ собственными своими и отъ всей души имѣя себя самого грѣшнѣйшимъ паче всѣхъ,—и наконецъ видитъ въ себѣ благодать Святаго Духа, просвѣщающую его богатно и дѣлающую сердце его солнцемъ,—видитъ, что въ немъ явно совершается чудо купины, такъ что онъ говоритъ, поелику душа его соединена съ неприступнымъ огнемъ Божества, и не сгараетъ, поелику она свободна отъ всякой страсти,—еще смиряется такъ, что почитаетъ себя недостойнымъ и недовольнымъ для такой степени, зная немощь человѣческаго естества, но питаетъ дерзновенное упованіе на божественную благодать и силу, ею подаемую, и если съ готовностію рѣ-

шается на такой шагъ, то дѣлаетъ это, понуждаемый теплымъ вѣяніемъ и мановеніемъ благодати, и съ отверженіемъ при семъ всякаго человѣческаго помысла и съ желаніемъ животъ свой положить за братій, во исполненіе заповѣди Божіей и любви къ ближнему,—при всемъ же сказанномъ имѣетъ еще умъ обнаженнымъ отъ всякаго мерзкаго воспоминанія, и одѣянъ въ свѣтлую одежду смиренія, такъ что ни къ тѣмъ, которые содѣйствуютъ ему по такому предмету, не имѣетъ особеннаго расположенія и любви, ни на тѣхъ, которые противятся тому, не держитъ ни малаго зла въ сердцѣ и не ненавидитъ ихъ, но равно относится ко всѣмъ съ благорасположеніемъ, простотою и незлобіемъ сердца,—кто все такое имѣетъ, тотъ пусть рѣшается принять предлагаемое ему достоинство. Однакожъ и при этомъ всемъ, да не дерзаетъ онъ приступить къ сему безъ воли и разрѣшенія отца своего духовнаго. Пусть смирится предъ нимъ и рѣшается на такое дѣло, какъ бы по приказанію его и съ молитвою его, пріемля такой санъ единственно для спасенія братій. Впрочемъ такъ слѣдуетъ поступать ему, если знаетъ, что духовный отецъ его имѣетъ явно благодать Святаго Духа и сподобился пріять свыше вѣдѣніе и премудрость, чтобъ не сказалъ ему при семъ того, что противно волѣ Божіей, но по сущему въ немъ дару, сказалъ то, что Богу угодно и для души его полезно,—дабы не оказалось, что онъ слушается человѣка, а не Бога. Если найдетъ онъ добраго содѣйственника и совѣтника въ духовномъ мужѣ, то принятіе имъ сана будетъ болѣе безопасно и мудрованіе болѣе смиренно.

Если теперь таковый смотря посмотритъ на дѣло, то найдетъ истиннымъ все, мною сказанное, гораздо же больше этого узнаетъ онъ самъ собою, или лучше сказать, наученъ будетъ отъ самаго Солнца правды, если

сподобился когда-нибудь видѣть сіе Солнце. Если же начало сего дѣла таково, что такъ трудно познать, по Богу ли оно; тѣмъ паче трудно должно быть веденіе его и исполненіе. Сколько потребно терпѣнія въ перенесеніи искушеній, какія имѣютъ сопровождать его! Какое надлежитъ имѣть тонкое разсужденіе во время браней, какія всеконечно встрѣтитъ онъ! Почему внимай добрѣ, отче духовный, и тщательно смотри за сердцемъ своимъ, особенно же очисти око ума своего и храни его чистымъ и не запорошеннымъ, потому что при помощи его ты можешь и за сердцемъ своимъ смотрѣть добрѣ и право обсуждать порученныя тебѣ дѣла, по настоятельству твоему, и особенно потребности отцевъ и братій, чтобъ все устроять, какъ подобаетъ. Ибо, какъ слышишь, собраніе братій есть тѣло, а настоятель ихъ голова. Какъ въ тѣлѣ прочія части каждая имѣетъ свое одно дѣло, ноги, напримѣръ, ходить, руки—брать и работать, а голова—есть ссоюзеніе всего тѣла, такъ какъ въ ней находятся всѣ чувства, умъ и самое слово: такъ въ монастырѣ братія не всѣ во всѣхъ добродѣтеляхъ упражняются, но одинъ въ одной, другой въ другой; почему ты съ трудомъ найдешь въ братѣ двѣ или три добродѣтели въ одно и тоже время; и въ этомъ ничего нѣтъ дивнаго, потому что братія суть *уды отъ части* (1 Кор. 12, 27); но настоятель долженъ имѣть всѣ добродѣтели, не душевныя только, но и тѣлесныя, и вмѣстѣ съ сими добродѣтелями особенно надлежитъ ему имѣть великіе сокровенные дары благодати. Ибо какъ голова снаружи красивая и хорошо убранная, если не имѣетъ въ себѣ ума и всѣхъ чувствъ цѣлыми и здоровыми, всѣми считается ни къ чему негожею и недостойною почета: такъ и настоятелю мало быть убрану и краситься только тѣлесными и душевными добродѣтелями, но надлежитъ при семъ наипаче сіять духовными

дарованіями. Ибо добродѣтели исправляются собственнымъ стараніемъ и усердіемъ, и пріобрѣтаются собственными нашими подвигами и трудами, а духовныя дарованія суть свободные дары милости, отъ Христа подаемые тѣмъ, кои подвизаются. Такъ, напримѣръ, постъ и воздержаніе есть добродѣтель, отъ которой увядаютъ грѣховныя сласти и похоти и замираетъ огонь плоти,— и это есть дѣло собственнаго нашего произволенія; но чтобы кто держалъ постъ и воздержаніе безъ всякаго чувства прискорбности и приболѣзненности сего подвига, и еще болѣе, чтобъ кто достигъ чистоты и совершеннаго безстрастія, сіе есть даръ Божій, весьма высокій. Опять удерживать гнѣвъ и серчаніе есть собственное наше дѣло и требуетъ подвига великаго и труда немалаго; но чтобъ совсѣмъ не смущаться и стяжать невозмутимость сердца и совершенную кротость это есть дѣло въ насъ единаго Бога и измѣна десницы Вышняго. И еще, раздать все имущество свое бѣднымъ и, ставъ нищимъ, просить милостыню, въ нашей состоитъ волѣ; но совсѣмъ ничего не желать и съ радостію переносить горѣніе въ пещи бѣдности, это есть таинственное дѣйствіе въ насъ Божіе. Такъ и всякое доброе дѣло, бывающее по заповѣди Божіей, называется добродѣтелію. Но какъ въ житейскомъ быту, земледѣлецъ, обработывающій землю и сѣющій сѣмена, трудится только, а чтобъ сѣмена проросли и дали плодъ, сіе есть даръ Божій: такъ бываетъ и въ духовномъ порядкѣ,—дѣлать добрыя дѣла и сѣять сѣмена добродѣтелей съ трудомъ и подвигомъ многимъ есть наше дѣло, но чтобъ Богъ оросилъ сіе дождемъ благодати своей и своего человѣколюбія, и сдѣлалъ безплодную землю сердца нашего плодоносною, сіе есть даръ и милость единаго Бога. Онъ божественною благодатію орошаетъ сѣмя слова, посѣяннаго въ сердцахъ нашихъ, прора-

щаетъ его и возращаетъ, да будетъ въ древо великое, въ мужа совершенна, въ мѣру возраста исполненія Христова.

Итакъ, надлежитъ тебѣ, пастырю овецъ Христовыхъ, стяжанною имѣть всякую добродѣтель и тѣлесную, и духовную, такъ какъ ты—глава прочаго тѣла братій,—чтобъ братія смотрѣли на тебя, какъ на первообразъ добра и отпечатлѣвали въ себѣ самихъ добрыя и богоподобныя черты твои. При этомъ и труба твоя да не знаетъ никогда покоя, но непрестанно да издаетъ гласъ: однимъ братіямъ предсказывай мечъ, т.-е. гнѣвъ Божій, грядущій на упорныхъ сыновъ противленія, чтобъ ихъ исправить, или, если не послушаются, свою душу избавить отъ страшнаго гнѣва Божія; другихъ вразумляй, учи и подвигай на всякое добро; но и тѣхъ, которые требуютъ обличенія и укора, не оставляй безъ вниманія, но обличай ихъ благовременно и безвременно, запрещай имъ и всячески старайся отклонить ихъ отъ недобрыхъ поступковъ, какъ заповѣдуетъ тебѣ божественный Павелъ. Милостивость свою являй равно ко всѣмъ братіямъ, и любовь тоже одинаковую имѣй ко всѣмъ, но честь воздавай каждому по добродѣтели его, какъ подобаетъ, и мужу добродѣтельному и духовному не предпочитай даже и того, кого первымъ имѣешь по устроенію монастыря. Эти строители дѣлъ монастырскихъ состоятъ въ чинѣ седьми діаконовъ, о коихъ говоритъ книга дѣяній апостольскихъ; они же суть и какъ служебные духи, посылаемые въ служеніе (Евр. 1, 14);—и если исправляютъ своё служеніе вѣрно, безъ всякаго лукавства, какъ и оные семь діаконовъ; то получаютъ отъ Бога великое воздаяніе и въ сей жизни и въ будущей. Но которые подвизаются въ молитвѣ и безмолвіи, и въ ученіи словомъ, и упражняются съ терпѣніемъ въ добродѣтеляхъ и добрыхъ дѣлахъ, тѣ вмѣстѣ съ тобою

состоятъ въ чинѣ апостоловъ. Этихъ братій тебѣ слѣдуетъ имѣть помощниками въ благовѣстіи духовнаго ученія своего и въ воспріятіи на себя тяготъ братнихъ, чтобъ они облегчали труды твои, такъ какъ они среди братій суть какъ каменіе многоцѣнное. Не ищи покоя тѣлеснаго или какого либо утѣшенія. И ночи и дни иждивай на попеченіе о ввѣренныхъ тебѣ отъ Бога душахъ, да не попадетъ какая либо изъ нихъ въ зубы врага, бывъ побѣждена или злою похотію, или неразумнымъ гнѣвомъ, или помыслами тщеславія, но соблюлай все свое стадо цѣлымъ и безущербнымъ, стараясь представить его Пастыреначальнику, Христу Богу, все плодоноснымъ, исполненнымъ добродѣтелей и просвѣщеннымъ божественнымъ вѣдѣніемъ, чтобъ ни одной овцы не было, которая имѣла бы струпы и раны, или была липіена какого члена, или казалась захирѣлою. Если будешь всегда держать такое попеченіе о братіяхъ, то спасешь многихъ, дѣлая ихъ совершенными, не имѣющими недостатка ни въ чемъ добромъ, и принося ихъ Христу своему всѣхъ непорочными, всѣхъ чистыми отъ нечистыхъ дѣлъ. За это сподобишься ты получить отъ Бога великое воздаяніе, будешь вселенъ въ скиніи Апостоловъ и пастырей Христовыхъ и вѣчно царствовать съ самимъ Сыномъ Божіимъ. Посему жизнь твоя должна быть предъ липемъ братій и отцевъ, какъ нѣкій образецъ, чтобъ братія брали съ него примѣръ. Не люби вещей, ни славы, ни удовольствій и утѣхъ, ни трапезъ съ яствами многими и винами, ни щеголеватыхъ одеждъ. Не будь тщеславенъ, гнѣвливъ, бранчивъ, злопамятливъ, и не воздавай зломъ за зло. Но будь нестяжателенъ, ненавидь показливость, почетъ и всякое удобреніе плоти. Будь смиренъ, нищъ духомъ, сокрушенъ, тихъ, кротокъ, безгнѣвенъ, несребролюбивъ, умѣренъ, покоенъ, благочиненъ, терпѣливъ, воздержанъ, немного-

попечителенъ, неусыпевъ, усерденъ, ревностенъ. Пекись о душахъ, кои имѣешь подъ своимъ смотрѣніемъ, какъ о собственныхъ членахъ, и будь каждый день готовъ живота свой положить за нихъ, если потребуется, и никакого дѣла міра сего не предпочитай любви къ братьямъ. Такъ какъ ты всѣмъ другимъ предпочтенъ и поставленъ пасти словесныхъ овецъ Христовыхъ, то надлежитъ тебѣ, по слову Господа, быть ниже всѣхъ мудрованіемъ и смиреніемъ, еже по Богу, какъ сильному—носить немощи немощныхъ, какъ врачу—врачевать болѣзни братій, которые заболѣваютъ душею, какъ пастырю—возвращать опять въ стадо овча отбившееся и заблудшее,—то, которое хорошо, старайся сдѣлать преуспѣвающимъ въ добродѣтеляхъ, а которое паршиво и не подаетъ надежды на уврачеваніе, то отдѣли отъ стада, чтобъ не запаршивили и другія овцы. Подвизайся, чадо мое о Господѣ, со всѣмъ усердіемъ умножать стадо Христово. Да не искуситъ тебя желаніе покоя и удобренія тѣла, сокровиществовать монастырскія вещи въ собственное употребленіе, а не для братій. Не люби часто выходить изъ монастыря; довольно для тебя выдти однажды въ мѣсяцъ по крайне нужнымъ потребамъ монастырскимъ, прочія же пусть исправляютъ помощники твои, чтобъ не имѣть тебѣ развлеченій, но безпрепятственно заниматься составленіемъ поученій и наставленій братіямъ, въ попеченіи о душахъ ихъ. Не готовь для себя разныя избранныя яства, а для братій какія похуже, ничтожныя и безъ приправы; не дѣлай также такъ, чтобъ самому пить хорошее вино, а братіямъ подавать закисшее; но пусть будетъ у васъ трапеза общая, и для тебя и для братій, или растительная, или рыбная, по воскресеніямъ и праздникамъ, кромѣ развѣ когда случатся у тебя друзья, или болѣзнь. Твоимъ послушаніемъ да будетъ попеченіе о душахъ братій; прочія же по-

слушанія монастырскія раздай благочестивымъ и богобоязненнымъ братіямъ, испытывая ихъ на всѣхъ послуженіяхъ, по преданію преподобнаго отца нашего Ѳеодора Студита. Не гнѣвайся на братій безъ какого либо повода, причиняющаго вредъ душѣ; лучше кроткимъ словомъ учи ихъ, какъ надлежитъ имъ держать себя въ средѣ братства. Юнымъ и новоначальнымъ повелѣвай наипаче быть скромными, чтобъ они не причинили вреда смотрящимъ на ихъ продерзость и безпорядочныя ребяческія дѣла. Тѣмъ, которые уже долгое время живутъ въ подвигѣ, внушай терпѣливо сносить искушенія, смиренномудрствовать, плакать, прилежать молитвѣ и служить добрымъ примѣромъ для другихъ въ исполненіи заповѣдей. Іеромонаховъ учи благоговѣйнству, безмолвію, размышленію о божественныхъ писаніяхъ, изученію Апостольскихъ правилъ и преданій, точному познанію догматовъ вѣры, чистотѣ сердца, непрестанной молитвѣ и сокрушенію, и тому, чтобъ они съ великимъ страхомъ стояли предъ святымъ престоломъ, были для всѣхъ братій, словомъ и дѣломъ, божественною солію и свѣтомъ и имѣли въ себѣ слово жизни. Если иной разъ нужно будетъ по благословной причинѣ явить гнѣвъ противъ безпорядочныхъ братій и вразумить ихъ жезломъ наказанія, чтобъ они отстали отъ худаго какого либо навыка, нехудо и это, и не необычно въ церкви Христовой. Свидѣтель слова сего самъ Господь Іисусъ, который, сотворивъ бичъ отъ вервей, билъ имъ непокоривыхъ Іудеевъ за то, что домъ молитвы превратили въ торжище, трапезы мѣняльщиковъ опровергъ и пенязи разсыпалъ (Ін. 2, 14. 15). Ибо всякое дѣло, которое дѣлается для того, чтобъ или помѣшать злу и уничтожить его, или помочь добру и добродѣтели и защитить ихъ, похвально и богоугодно. Монастырскія вещи храни добрѣ, какъ посвященныя Богу, почему за самую малую имѣешь дать

отчетъ Богу. Родителямъ своимъ и родственникамъ помогай такъ же, какъ и другимъ бѣднымъ, доставляя имъ только потребное для жизни. Не пропускай безъ вниманія и исправленія ничего, даже малаго, что бываетъ не по заповѣди Божіей и служитъ къ извращенію Апостольскихъ и соборныхъ правилъ и постановленій, къ осужденію и безчестію Евангельской жизни, и къ униженію монашескаго чина, для того одного, чтобъ показать себя кроткимъ, и чтобъ люди похвалили за то; но подражая Христу и Богу своему, ревностно, съ жаромъ, но безъ страсти гнѣва, возставай противъ всего такого и защищай, сколько можешь, заповѣди Божіи и священные каноны. При этомъ старайся благоустроять и помыслы каждаго и заповѣдуй, чтобъ благоговѣйствовали и держали себя почтительно предъ святымъ престоломъ и священными сосудами храма. Только іереямъ, освященнымъ и благоговѣйнѣйшимъ монахамъ, которые причащаются пречистыхъ таинъ, позволено отцами церкви нашей входить во святилище и касаться священныхъ сосудовъ. Но прочимъ братіямъ, особенно безчинно ходящимъ, надлежитъ запрещать входить въ олтарь и касаться святыхъ сосудовъ. Вѣдай добрѣ, что правосудный Богъ нерѣдко пресѣкаетъ жизнь тѣхъ, кои презираютъ сіи вещи, крови же ихъ всеконечно взыщетъ Онъ отъ рукъ твоихъ; потому что ты понебрегъ о нихъ, допустилъ ихъ оказать презрѣніе къ божественному.

Все, сказанное мною, и многое другое больше сего, надлежитъ тебѣ знать до точности, какъ пастырю стада Христова, и исполнять то со всѣмъ усердіемъ, во спасеніе овецъ своихъ. Почему если сознаешь, что ты достигъ въ такую мѣру и получилъ такія дарованія, что всѣ, приближающіеся къ тебѣ, просвѣщаются свѣтомъ добрыхъ дѣлъ твоихъ и божественной премудрости и разума, сіяющихъ въ тебѣ, паси съ дерзновеніемъ овецъ

Христовыхъ мудрымъ словомъ благодати, дарованной тебѣ Богомъ, какъ я заповѣдалъ тебѣ прежде, и изводи агнцевъ Христовыхъ питаться на пажитяхъ спасительныхъ Его заповѣдей, пока выростутъ и достигнутъ въ мѣру возраста исполненія Христова, — и получишь отъ Него великую награду, сдѣланъ будучи сопрестольникомъ и сожителемъ святыхъ Апостоловъ. Если же ты не таковъ, то удержись отъ такого дѣла и всю заботу обрати на себя самого. Послушай въ этомъ меня, отъ души желающаго спасенія тебѣ. Ибо Богъ нашъ есть огнь поядающій и истребляющій. Ему подобаетъ всякая слава, честь и поклоненіе, во вѣки вѣковъ. Аминь.

СЛОВО ВОСЕМЬДЕСЯТЪ ДЕВЯТОЕ.

О томъ, что опасно для души скрывать талантъ, или данную отъ Бога благодать, но слѣдуетъ всѣмъ проповѣдывать о благодѣяніяхъ Божіихъ на пользу слушающимъ, хотя имъ это и непріятно бываетъ.

Возлюбленные слушатели мои и братія во Христѣ! Что думаете вы о томъ, что я такъ часто говорю вамъ разныя слова? Что положили вы съ самими собою обо мнѣ, такъ дерзновенно говорящемъ къ вамъ? Не подумали-ль вы, что я сказалъ вамъ что либо не по божественнымъ писаніямъ? Не осудили-ль меня тайно, что я держалъ рѣчь къ вамъ гордостно? Не осуждаете ли такъ же, что я хвалюсь тѣмъ и величаюсь?—Если вы дѣйствительно дѣлали и дѣлаете такъ, то да будетъ милостивъ къ вамъ Господь нашъ.—и я прошу любовь вашу, не оставаться болѣе въ такой винѣ. Я ничего не писалъ съ тѣмъ, чтобъ себя показать. Не дай Богъ, явившій милость свою ко мнѣ и поставившій меня на это дѣло. Но помня дарованія, какія даровалъ Богъ мнѣ недостойному, благодарю и славлю Его, какъ благо-

утробнаго Владыку и благодѣтеля нашего Господа, и чтобы не скрывать таланта, который Онъ мнѣ далъ, подобно худому и неключимому рабу, проповѣдую милость Его, исповѣдую благодать, всѣмъ показываю сдѣланное Имъ мнѣ добро, чтобъ подвигнуть тѣмъ и васъ словомъ ученія—восподвизаться получить и себѣ то, что получилъ я. Ибо человѣкъ, когда даетъ бѣдному какую монету, а тотъ бѣдный покажетъ ее другимъ, чтобъ и тѣ просили себѣ тогоже, гнѣвается за это, ожесточается и не даетъ болѣе. Но Богъ не поступаетъ такъ, а совсѣмъ напротивъ, именно, гнѣвается, когда даетъ кому либо какое дарованіе духовное, а тотъ не воспроповѣдуетъ о немъ и не станетъ показывать его всѣмъ, говоря: теките къ Богу, который всѣмъ даетъ щедро и никого не оставляетъ возвратиться отъ Него тощимъ. Если же кто, получивъ отъ Бога талантъ, совсѣмъ скроетъ его, тогда Онъ наиболѣе гнѣвается на этого взявшаго и скрывшаго: ибо явно, что онъ завистливъ и не желаетъ, чтобъ и братія его получили такъ же, какъ и онъ получилъ. Сего-то ради я и не терплю молчать о дивныхъ дарахъ Божіихъ, но проповѣдую о нихъ всѣмъ прочимъ и великимъ гласомъ взываю: теките всѣ, прежде чѣмъ заключится для васъ дверь покаянія вашею смертію; теките, да постигнете, прежде чѣмъ умрете; ищите, да обрящете; толцыте, да отверзетъ вамъ двери рая Владыка нашъ Христосъ, и явитъ вамъ Себя самого, прежде чѣмъ придетъ смерть ваша; подвизайтеся стяжать сознательно внутрь васъ царствіе небесное, т.-е. благодать Святаго Духа, чтобъ не отойти изъ жизни сей пустыми отъ нея,—особенно тѣ, которые думаютъ, что имѣютъ ее въ себѣ, не сознавая того, тогда какъ ничего не знаютъ по причинѣ тщеславія своего.

Скажи мнѣ, какъ возможно увидѣть Отца Христова тому, кто не стяжалъ ума Христова? И тому, кто не

видитъ, что внутрь его говоритъ Христосъ, скажи мнѣ, какъ и какимъ способомъ возможно сказать: Авва Отче? Кто не стяжалъ сознательно внутрь себя царства небеснаго, тому есть ли способъ внити въ него по смерти? Тому, кто не увидѣлъ, что въ немъ пребываетъ Сынъ со Отцемъ Его во Святомъ Духѣ, какъ возможно быть съ Нимъ въ будущей жизни? Ибо Христосъ Господь такъ сказалъ: *Отче, ихже далъ еси мнѣ, хощу, да идѣже есмь Азъ, и тіи будутъ со Мною* (Ін. 17, 24),—и опять: *не о тѣхъ же молю токмо, но и о вѣрующихъ словесе ихъ ради въ Мя: да вси едино будутъ: якоже Ты Отче во Мнѣ, и Азъ въ Тебѣ, да и тіи въ насъ едино будутъ. И Азъ славу, юже далъ еси Мнѣ, дахъ имъ, да будутъ едино, якоже мы едино есмы. Азъ въ нихъ и Ты во Мнѣ, да будутъ совершени во едино, и да разумѣетъ міръ, яко Ты Мя послалъ еси, и возлюбилъ еси ихъ, якоже Мене возлюбилъ еси* (Ін. 17, 20—23).

Вотъ, братіе, чѣмъ я, какъ думаютъ нѣкоторые, хвалюсь! Вотъ чѣмъ любовь Божія подвигаетъ меня раскрывать предъ вами, братіями моими неизреченную благость и любовь, какую имѣетъ къ намъ Богъ и по которой Онъ богато прославляетъ такими великими дарами тѣхъ, кои возуповали на Него! Теперь отвѣтьте мнѣ, прошу: Отецъ не завѣдомо любитъ Сына, и Сынъ не завѣдомо и невидимо, т.-е. не зная того и не видя, есть со Отцемъ?—Конечно, вы не скажете этого. Ибо если предположимъ это и станемъ догматствовать, что Отецъ не знаетъ Сына, и Сынъ не знаетъ Отца, то отъ этого сгибнетъ и уничтожится вся вѣра наша. Если Отецъ и Сынъ не знаютъ одинъ другаго, то слѣдуетъ, что и мы не знаемъ ихъ совсѣмъ. Если же мы не знаемъ ихъ, то мы безбожники, такъ какъ не познали Бога. Если же (какъ говоритъ Христосъ) Отецъ знаетъ Сына и Сынъ знаетъ Отца, и какъ Богъ, есть съ Богомъ и Отцемъ,

и Отецъ есть такъ же съ Сыномъ, какъ самъ Онъ говоритъ: *якоже Ты Отче во Мнѣ и Азъ въ Тебѣ, такъ и сіи да будутъ во Мнѣ и Азъ въ нихъ*: то явно, что какъ соединены между собою—Сынъ съ Отцемъ, и Отецъ съ Сыномъ, такъ соединены и мы съ Сыномъ и Сынъ съ нами. Только единеніе Сына съ Отцемъ есть, естественное и безначальное, а наше единеніе съ Сыномъ есть, по особенному состоянію нашего естества, или по благодати,—хотя мы истинно во едино соединены бываемъ съ Богомъ и нераздѣльны бываемъ съ Нимъ, какъ опять самъ Христосъ говоритъ: *Азъ въ нихъ и Ты во мнѣ, да будутъ совершени во едино*. Для чего? *Да разумѣетъ міръ, яко Ты Мя послалъ еси и возлюбилъ еси ихъ, якоже и Мене возлюбилъ еси* и св. Павелъ: *идѣже нѣсть еллинъ, ни іудей, варваръ и скивъ, рабъ и свободь, но всяческая и во всѣхъ Христосъ* (Кол. 3, 11).

Послушайте же этого вы, почитающіе себя духовными, и повѣрьте Духу Святому, говорящему сіе, какъ свидѣтельствуетъ Господь нашъ: *не вы будете глаголющи, но Духъ Отца вашего глаголяй въ васъ* (Мѳ. 10, 20). И не браните меня, говорящаго вамъ, словомъ благодати, о дарахъ, которые получаютъ отъ Бога прибѣгающіе къ Нему съ теплою вѣрою и исполняющіе заповѣди Его. Ибо я, говорящій сіе, слуга есмь и говорю вамъ словеса Божіи, проявляю даръ ученія, данный мнѣ, и открываю вамъ сокровенныя тайны Божіи силою сего дара, полученнаго мною чрезъ возложеніе рукъ архіерея, рукоположившаго меня во іерея, какъ заповѣдуетъ нашъ верховный Апостолъ Петръ: *кійждо якоже пріятъ дарованіе, между себе сими служаще, яко добріи строителіе различныя благодати Божія. Аще кто глаголетъ, яко словеса Божія: аще кто служитъ, яко отъ крѣпости, юже подаетъ Богъ* (1 Петр. 4, 10. 11). Итакъ братія мои, Духъ есть говорящій сіе, а не я. Если же я гово-

рю ложь, то куда убѣгу отъ страшнаго суда Божія, по коему въ пагубу посылаются глаголющіе ложь, какъ говоритъ Давидъ: *погубиши вся глаголющіи лжу?* (Пс. 5, 7) — Ибо какъ невѣрующій тому, кто говоритъ Духомъ, согрѣшаетъ и проявляетъ хулу на Духа Святаго, который говоритъ чрезъ него; такъ опять и лишенный благодати Духа, если дерзнетъ сказать: я говорю благодатію Святаго Духа, есть богоборецъ и противникъ Божій, какъ, напримѣръ, Симонъ магъ и единомысленные ему. Кто противится словесамъ Духа, тотъ конечно есть противникъ Божій, такъ какъ Богъ нераздѣленъ, и Духъ Святый не отдѣленъ отъ присносущія и царства Отца и Сына.

Не будьте же, братія мои, богоборцами и противниками Божіими, но пріидите, поклонитесь и припадите къ Богу вмѣстѣ со мною, и не вставайте, пока не получите благодати Божіей. Я не говорю вамъ ничего противнаго, но показываю великую любовь, какую имѣю ко всѣмъ вамъ. Если бъ я говорилъ вамъ, что получилъ благодать отъ Отца свѣтовъ, коимъ подается всякъ даръ совершенный, но не желалъ, чтобъ и вы получили ее, тогда конечно я былъ бы несправедливъ въ отношеніи къ вамъ. Но теперь, когда я представляю вамъ истину отъ божественнаго Писанія и показываю вамъ царскій путь, чѣмъ онеправдываю васъ? Если вы не хотите быть учимыми мною, почитая меня неименитымъ, безвѣстнымъ и ничтожнымъ; то припомните и вразумитесь, что *буяя міра избра Богъ, да премудрая посрамитъ,* и немощныхъ и уничиженныхъ избралъ, чтобъ посрамить крѣпкихъ и славныхъ (1 Кор. 1, 27. 28). — Но, можетъ быть, иной скажетъ, что то, что я говорю, чрезмѣрно велико и превышаетъ силы человѣческія. И я говорю, что это воистину велико и выше естества,—такъ какъ то суть словеса Божіи, какъ я сказалъ.—Но какъ же, приба-

витъ другой, никто изъ великихъ отцевъ не говорилъ такъ явно о себѣ и такими словами, какъ ты говоришь?—Ошибаешься, человѣче. И Апостолы и отцы древніе говорили сходно и подобно моимъ словамъ, и еще выше. Но какъ они достойны всякой вѣры, то и сказанное ими признается вѣрнымъ и удобопріемлется: а мое ничтожество дѣлаетъ, что и то, что явно для всѣхъ и всѣми исповѣдуется, кажется ложнымъ и отвергается. Укажу впрочемъ и другую причину, по которой я объявилъ вамъ то,—и не хотя. Какая же это причина?—Ложное, несмысленное и невѣжественное предположеніе тѣхъ, которые говорятъ, что въ нынѣшнія времена и между нами, такими христіанами, нѣтъ такого человѣка. И смотри, прошу, какъ многокозненна злоба и какіе измѣнчивые употребляетъ она способы. Если я не говорю явно истины, но всячески стараюсь скрывать даръ Святаго Духа, они полагаютъ, что я говорю истину; напротивъ, когда я объявляю такую истину, они тотчасъ обвиняютъ меня, какъ гордаго, не зная словъ, какія сказали божественные Апостолы. Какія слова? Слѣдующія: *мы же умъ Христовъ имамы* (1 Кор. 2, 16). Это какъ вы полагаете, что есть,—хотѣлъ бы ихъ спросить? Преизбыточество гордости? А слѣдующія слова: *о семъ разумѣемъ, яко пребываетъ въ насъ, отъ Духа, егоже далъ есть намъ* (1 Ін. 3, 24),—какъ объясните вы,—тоже въ укоръ тому, кто ихъ сказалъ?—Но вотъ и объ этомъ еще какъ вы думаете: *понеже искушенія ищете глаголющаго во мнѣ Христа?* (2 Кор. 13, 3). И вотъ объ этомъ: *мнюся бо и азъ Духа Божія имѣти?* (1 Кор. 7, 40). Еще о семъ: *не пріясте Духа работы паки въ боязнь, но Духа сыноположенія, о немъ же вопіемъ: Авва Отче?* (Римл. 8, 15). И вотъ еще о чемъ: *Богъ рекій изъ тмы свѣту возсіяти, иже и возсія въ сердцахъ нашихъ?* (2 Кор. 4, 6). Всѣ эти слова Апостольскія вы словами гордости

почитаете?—О безсмыслiе!—Если еще желаешь знать и образъ возсiянiя сего свѣта, какъ это бываетъ въ тѣхъ, кои любятъ Господа, послушай что говоритъ Павелъ: *имамы же сокровище сiе въ скудельныхъ сосудѣхъ* (2 Кор. 4, 7),—т.-е. въ тѣлахъ.—Если скажешь, что такъ было тогда, но въ настоящее время нѣтъ такого человѣка, который такъ одаренъ былъ, то скажи мнѣ, прошу, почему нынѣ нѣтъ такого? Полагаю, говоришь ты, что какъ вообще никогда невозможно быть такимъ человѣкомъ тому, кто сего не хочетъ, такъ въ нынѣшнiя времена невозможно быть такимъ даже и тому, кто хочетъ сего. Но если ты такъ думаешь, что нынѣ невозможно быть такимъ даже и тому, кто сего хочетъ, то гдѣ же ты положишь то, что говоритъ Евангелистъ Iоаннъ въ св. Евангелiи: *елицы же прiяша Его, даде имъ область чадами Божiими быти* (Iн. 1, 12), и сiе: *святи будете якоже Азъ святъ есмь*? (1 Петр. 1, 16). Но посмотри-ка: говоря, что тому, кто не хочетъ, невозможно быть такимъ,—ты вѣдь самъ себя обличаешь, что не хочешь и не произволяешь быть имъ; ибо если захочешь быть имъ, можешь. Пусть впрочемъ ты не таковъ; но Богу хотящу, есть другiе многiе, которыхъ ты не знаешь. Если во время пророка Илiи Богъ имѣлъ семь тысячъ человѣкъ, не преклонявшихъ колѣнъ предъ Ваалomъ, т.-е. не идолопоклонствовавшихъ; то гораздо больше найдется истинно Богу поклоняющихся во времена сiи (новозавѣтныя), когда Богъ богато излилъ на насъ Духа Святаго. Впрочемъ, если кто не совлечется всего препятствующаго сему и не притечетъ къ Богу нагимъ и не взыщетъ получить то, виноватъ въ этомъ тотъ, кто не хочетъ, а не Богъ. Ибо какъ огонь, какъ только найдетъ дрова, зажигаетъ ихъ естественно, такъ и благодать Святаго и поклоняемаго Духа ищетъ возгорѣться въ душахъ нашихъ, чтобъ сiять и просвѣщать сущихъ

въ мірѣ, и чтобъ посредствомъ тѣхъ, коихъ просвѣщаетъ, направлять стопы многихъ или чтобъ приводить въ должный чинъ жизнь всего народа христіанскаго, да живутъ богоугодно всѣ христіане, да приближаются къ огню божества и возгараются отъ Него, или каждый особо, или всѣ вмѣстѣ, если возможно, и сіяютъ посредѣ какъ боги, во благословеніе и умноженіе сѣмени Бога Іаковля, чтобы человѣкъ благовидный никогда не переставалъ сіять на землѣ какъ свѣтъ.

Я думаю, что сіе такъ есть воистинну, и что такова о насъ воля Бога, создавшаго насъ, и насъ почтившаго и прославившаго славою образа своего, создавшаго т.-е. насъ по образу и подобію своему. — Теперь обдумайте вы слова мои и разсудите, истинны ли они. Я же съ дерзновеніемъ возглашаю,—что если я не мудрствую и не говорю, что говорятъ и мудрствуютъ апостолы и св. отцы, если не повторяю только Божіихъ словесъ, сказанныхъ во св. Евангеліи,—если не возжигаю явно во всѣхъ животворное дѣйство и благодать, сущую въ сихъ словесахъ Евангельскихъ, которая злѣ погашается со стороны противниковъ умствованіями необдуманными и несмысленными,—если не показываю, что свѣтъ благодати сіяетъ и въ нынѣшнія времена,—доказывая все сіе и подтверждая изъ божественнаго писанія: да будетъ на мнѣ анаѳема отъ Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа чрезъ Духа Святаго, какъ на человѣкѣ, учащемъ инаково отъ того, чему учили божественные Апостолы,—и вы не заткните только уши свои, чтобъ не слышать словъ моихъ, но побейте меня камнями и убейте, какъ нечестиваго и безбожнаго. Если же я защищаю и возстановляю Господніе и апостольскіе догматы, которые извратить и растлить покушаются нѣкоторые зломудрствующіе, и выбирая изъ божественныхъ писаній такія слова, которыя сильны исправить и утвердить въ

истинѣ умъ таковыхъ и тѣхъ, кои вѣрятъ имъ, внушая имъ, чтобъ они не думали, что только въ одной будущей жизни имѣютъ получить всѣ блага о Христѣ, какъ-то: воскресеніе, нетлѣніе, жизнь новую, царство небесное и самыя вѣчныя блага, но учу ихъ, что еще отселѣ, отъ настоящей жизни, блага оныя даются, какъ залогъ, избраннымъ и тѣмъ, кои ревнуютъ быть спасенными, и что они открываются, явны бываютъ и видимы въ нихъ еще здѣсь,—и при этомъ доказываю имъ и утверждаю ихъ въ томъ убѣжденіи, что въ окончательной полнотѣ блага сіи даются избраннымъ послѣ смерти и общаго воскресенія: то за это всѣ вообще долгъ имѣютъ принимать меня и любить, какъ человѣка, показывающаго имъ дѣло совершенной любви. Ибо какъ тотъ, кто, нашедши сокровище, спрячетъ его для одного себя, достоинъ осужденія и осуждается какъ сребролюбивый,—напротивъ же кто не спрячетъ его для себя одного, но объявляетъ о немъ всѣмъ и даетъ позволеніе всякому брать, сколько хочетъ, достоинъ всякой похвалы и возлюбленъ Богу и людямъ: такъ и я открывалъ и буду открывать всѣмъ духовное сокровище благодатію Божіею. *Несмысленно глаголю* (2 Кор. 12 22).

Когда одинъ духоносный человѣкъ извѣстилъ меня писаніемъ, что въ одномъ мѣстѣ находится сокровенное сокровище божественныхъ писаній, то я не полѣнился подняться и пойти испытать и увидѣть, что тамъ такое, прося и онаго святаго мужа быть мнѣ помощникомъ и содѣйствователемъ. Для лучшаго успѣха я оставилъ всякое другое занятіе и дѣло относительно настоящей жизни, и пошелъ на то мѣсто, гдѣ, какъ показалъ мнѣ писаніемъ тотъ добрый человѣкъ, находится сокровище,—и пришедши, началъ рыть землю, не переставая день и ночь и не жалѣя никакихъ трудовъ и потовъ. Такъ рылъ я и выбрасывалъ вонъ землю, все болѣе и болѣе

углубляясь, пока наконецъ начало показываться сокровище и издавать свѣтъ вмѣстѣ съ землею. Наконецъ послѣ того, какъ потрудился много времени, роя и выбрасывая землю, увидѣлъ я все сокровище простертымъ, какъ полагаю, чрезъ всю землю, безпримѣсное и чистое отъ всякаго засоренія и запятнанія. Съ тѣхъ поръ смотря на сіе сокровище, я непрестанно кричу тѣмъ, которые, не видѣвши, не вѣруютъ и потому не хотятъ копать и трудиться, и говорю имъ такъ: идите, смотрите всѣ, которые просто и прямо не вѣруете писанію божественному. И дѣлаю такъ, подражая премудрому Соломону, который говоритъ: *нелестнѣ научихся, безъ зависти преподаю* (Прем. Сол. 7, 13). Слыша это, и я кричу: идите научитесь, что не только въ будущей жизни, но и теперь въ настоящей лежитъ предъ очами нашими, и предъ руками, и предъ ногами, неизреченное сокровище, которое выше есть всякаго начала и власти; идите, увѣрьтесь и убѣдитесь, что это сокровище, о коемъ говорю вамъ, есть свѣтъ міра. И не самъ отъ себя я это говорю, но само сокровище сіе т. е. Христосъ сказалъ и говоритъ: „Я есмь воскресеніе и животъ; Я есмь сѣмя горчичное, скрываемое подъ землею; Я есмь камень драгоцѣнный, который покупаютъ вѣрные; Я есмь царство небесное, сокрытое внутри васъ. Какъ бываю я видимъ теперь въ настоящей жизни тѣмъ, кои взыскали и обрѣли меня, такъ и въ будущей жизни возсіяю въ нихъ и поверхъ ихъ всѣхъ, какъ сіяю теперь въ нихъ, будучи сокровенъ превыше всѣхъ небесъ. Я, будучи невмѣстимъ по естеству, бываю вмѣстимъ въ васъ въ настоящей жизни по благодати. Я невидимый бываю видимъ, являюсь не каковъ есмь, хотя и весь пребываю зримымъ, но сколько вмѣщаетъ естество и сила тѣхъ, кои видятъ Меня. Я есмь закваска,—и душа, которая пріемлетъ Меня и влагаетъ

въ три части свои, т.-е. въ силы разумную, раздражительную и желательную,—вскисаетъ и дѣлается вся подобною Мнѣ; ибо что есть закваска, тѣмъ дѣлается и мука, которая смѣшивается съ нею вмѣстѣ съ водою и солію; вмѣстѣ со Мною Сыномъ есть и единодушный Мнѣ Отецъ и Его Утѣшитель, всесвятый Духъ,—и Они бываютъ для души, что вода и соль для муки. Я есмь для рабовъ моихъ мысленный рай, вмѣсто чувственнаго, и въ сей мысленный рай Я вселю всѣхъ, которые вѣруютъ въ Меня и возраждаются благодатію Святаго Духа,—каковые не могутъ болѣе грѣшить, и князь міра сего діаволъ не имѣетъ надъ ними никакой власти и силы; ибо Я въ нихъ, и они во Мнѣ и побѣждаютъ міръ, такъ какъ суть внѣ міра и имѣютъ съ собою Меня, сильнѣйшаго всяческихъ. Я есмь свѣтовидный источникъ безсмертнаго потока и рѣки, въ каковомъ источникѣ моются водою, текущею изъ Меня, и очищаются душевно и тѣлесно отъ всякаго осквернения, и начинаютъ сіять какъ свѣтила и какъ лучи солнца всѣ тѣ, которые любятъ Меня отъ всей души. Я есмь солнце, мысленно зримое, и каждочасно восхожу, какъ солнце чувственное восходитъ утромъ, являя себя достойнымъ, какъ прежде являлъ пророкамъ, которые, видя меня, всегда славили и призывали, какъ говоритъ Давидъ: *заутра услыши гласъ мой, заутра предстану Ти и узриши мя* (Пс. 5, 4),—и другой: *тогда разверзется рано свѣтъ твой, и исцѣленія твоя скоро возсіяютъ* (Ис. 58, 8),—когда, т.-е., исполнишь и ты заповѣди Мои".

Но для чего я нужу себя сказать любви вашей все, что говоритъ къ намъ Богъ, жаждущій спасенія нашего? Не для чего другаго, кромѣ какъ для того, чтобъ вы всѣ познали и убѣдились, что сидящіе во тмѣ должны видѣть (если только смотрятъ) великій свѣтъ, всюду сіяющій,—и чтобъ не думали нѣкоторые изъ васъ, что

хотя свѣтъ возсіялъ, но невозможно видѣть его людямъ, которые находятся еще въ настоящей жизни съ тѣломъ. Ибо еслибы невозможно было его видѣть, то для чего же онъ возсіялъ и сіяетъ, если не видится ими? Свѣтъ всегда былъ, всегда сіялъ и сіяетъ въ тѣхъ, которые очистились; и во тмѣ онъ свѣтится, и тма не объемлетъ его, т.-е. не затемняетъ! Что говорится, что онъ нынѣ возсіялъ людямъ, сидящимъ во тмѣ, означаетъ, что нынѣ онъ благоволилъ открыться въ тѣхъ, которымъ и является. Другіе, находящіеся во тмѣ, не понимаютъ свѣта. Что говорится, что невидимый сталъ видимъ, показываетъ, что невидимый Сынъ и Богъ-Слово явенъ былъ посредствомъ тѣла всѣмъ тѣмъ, которые видѣли Его тѣлесными очами, вѣрнымъ и невѣрнымъ; но свѣтъ Божества Его далъ себя познать и открылся только тѣмъ, кои и дѣлами были вѣрны, и говорили къ Нему: *се, мы оставихомъ вся и въ слѣдъ Тебе идохомъ* (Мѳ. 19, 27),—этимъ однимъ словомъ: *вся,* объемля и имущество, и деньги, и свои склонности, и презрѣніе сей временной жизни, и даже отвращеніе къ ней, потому что вкусили сладости упостасной и вѣчной жизни. То же, что слаще, конечно и предпочтительнѣе,—и это есть самъ Богъ.

Но прошу всѣхъ васъ, братія мои возлюбленные, восподвизайтесь получить сію вѣчную жизнь, которая есть свѣтъ Божій, самый, говорю, Духъ Святый, освящающій пріемлющихъ Его, и дѣлающій ихъ богами по благодати,—и не забывайте сказанныхъ мною словъ. Научитесь прежде сами дѣлать добро, и тогда беритесь научить и другихъ дѣлать тоже, чтобъ слово ученія вашего было соединено съ дѣломъ, и чрезъ то становилось болѣе удобопріемлемымъ для тѣхъ, кои будутъ слушать его. Если же не станете такъ поступать, я чистъ отъ всѣхъ васъ, потому что ничего не скрылъ отъ васъ, но передалъ вамъ все, что во мнѣ было возглаголано, что дано

было мнѣ познать и что повелѣно Господомъ нашимъ Іисусомъ Христомъ, чрезъ поклоняемаго и Святаго Духа Его, о высокихъ дарахъ собезначальнаго Бога и Отца Его, каковые подаетъ всегда даже доселѣ всѣмъ взыскующимъ ихъ усердно и съ вѣрою самъ благій и благодѣтельный Богъ нашъ. Ему подобаетъ слава и поклоненіе во вѣки. Аминь.

СЛОВО ДЕВЯНОСТОЕ.

Благодареніе Богу за дары, какіе сподобился получить св. отецъ, и поученіе, въ коемъ онъ показываетъ, какъ и каковымъ является Богъ тѣмъ, кои чисты сердцемъ.

Поклоняюся, припадаю и благодарю Тебя, Господи всяческихъ и всесвятый Царю, что Ты явилъ милость свою мнѣ, недостойному никакой милости. Въ самомъ началѣ бытія міра облекши меня славою и честію, въ образѣ Твоемъ, по коему благоволилъ создать меня. Ты и все прочее устроилъ для меня, человѣка, бывшаго по образу и подобію Твоему, и сдѣлалъ меня царемъ надъ всѣми земными тварями Твоими, во славу величія Твоего и благости. Благодарю Тебя, что всякое мое прошеніе и желаніе Ты совершилъ во благо, какъ обѣщался намъ рабамъ Твоимъ, и мнѣ, недостойному неба и земли, даровалъ паче того, чего я надѣялся и желалъ. Ты сказалъ: *елика аще просите отъ Отца во имя Мое, дастъ вамъ. Просите, и пріимете* (Іоан. 16, 23. 24). Благодарю Тебя, благій и великодаровитый Господи, что когда я сильно возжелалъ увидѣть одного изъ святыхъ Твоихъ, вѣруя, что посредствомъ его обрѣту милость у Тебя, Ты, многоблагоутробный Боже мой, не только сдѣлалъ сіе для меня и мнѣ показалъ искренняго раба своего, блаженнаго, говорю, и святаго Симеона, и благоволилъ быть мнѣ любимымъ отъ него: но даровалъ мнѣ и другія

безчисленныя блага, которыхъ я и не чаялъ. Ибо откуда было мнѣ бѣдному узнать, что Ты таковъ, благій Владыка нашъ, чтобъ воспріять желательное стремленіе къ Тебѣ? Откуда бы узналъ я, что Ты являешь себя приходящимъ къ Тебѣ, если они находятся и въ мірѣ, чтобъ притрудно взыскать, да вижду Тя? Откуда было знать мнѣ, что пріемлющіе въ себя свѣтъ благодати Твоей сподобляются получить такую радость и такое утѣшеніе? Откуда и какъ узналъ бы я, бѣдный, что вѣрующіе въ Тебя получаютъ Святаго Духа Твоего? Я думалъ, что вѣрую въ Тебя совершенно и имѣю все, что даруешь Ты боящимся Тебя, тогда какъ совершенно ничего не имѣлъ, какъ послѣ узналъ я самымъ дѣломъ. Откуда было узнать мнѣ. Владыко, что Ты невидимый и невмѣстимый, видимъ бываешь и вмѣщаешься въ насъ? Какъ могъ я подумать когда либо, что Ты, Владыко, создавшій всяческая и сотворившій человѣковъ, соединяешься съ ними и дѣлаешь ихъ богоносными и сынами своими — чтобъ придти въ пламенное возжеланіе того, взыскать и получить то и себѣ? Откуда было узнать мнѣ, Господи, такого Бога, такого Владыку, такого заступника, отца, брата и царя,— Тебя, ради меня обнищавшаго и пріявшаго зракъ раба? Воистину Владыка мой, человѣколюбче, совсѣмъ не зналъ я ничего такого. Хотя и случалось мнѣ читать Божественныя Писанія о семъ, но я думалъ, что тамъ говорится о другихъ лицахъ и вещахъ, а не объ этомъ, и былъ безчувственъ ко всему написанному, и не могъ никогда войти въ смыслъ того. Слыша, что взывалъ и говорилъ Апостолъ Твой Павелъ: *ихже око не видѣ, и ухо не слыша, и на сердце человѣку не выдоша, яже уготова Богъ любящимъ Его* (1 Кор. 2, 9), я думалъ, что въ созерцаніе такихъ благъ невозможно придти человѣку, находящемуся еще въ тѣлѣ, и заключилъ, что Ты ему только показалъ ихъ, по особенной къ нему мило-

сти,—не зная, бѣдный, что это дается отъ Тебя всѣмъ любящимъ Тебя. И откуда и какъ могъ я знать, что всякій вѣрующій въ Тебя бываетъ членомъ Твоимъ и сіяетъ божествомъ, по благодати Твоей? И кто бы повѣрилъ сему и сталъ блаженнымъ, не сдѣлавшись воистину блаженнымъ членомъ Тебя, блаженнаго Бога? Откуда было знать мнѣ, что Ты вмѣсто чувственной пищи бываешь безсмертнымъ и нетлѣннымъ хлѣбомъ, ненасытно вкушаемымъ тѣми, кои алчутъ и неудержимо желаютъ Тебя, - источникомъ безсмертнымъ для тѣхъ, кои жаждутъ Тебя, и одеждою пресвѣтлою для тѣхъ, кои ради Тебя носятъ смиренныя и нищенскія одѣянія? Слыша же, какъ это говорили проповѣдники Твои, я думалъ, что и это будетъ лишь въ будущемъ вѣкѣ и послѣ общаго воскресенія; но не зналъ, что все сіе бываетъ и теперь для насъ, крайнюю въ томъ имѣющихъ нужду.

Всего такого и не зналъ я, всесвятый Царю, и не желалъ никогда, и не искалъ получить отъ Тебя, но воспоминая грѣхи свои, искалъ только отпущенія ихъ, и желалъ, какъ сказалъ впереди, Владыка, найти какого-либо посредника и ходатая, чтобъ чрезъ посредство его и мое собственное рабское ему послушаніе получить прощеніе многихъ моихъ грѣховъ, хотя въ будущемъ. Слыша при семъ, какъ всѣ согласно говорили, что въ нынѣшнія времена нѣтъ такого святаго на землѣ, я впадалъ въ великую печаль. Впрочемъ никогда вполнѣ не вѣрилъ тому, но отвѣчалъ такимъ, Владыка мой, и говорилъ, какъ знаешь: Господи помилуй! Ужели діаволъ настолько сталъ сильнѣе Господа Бога нашего, что всѣхъ увлекъ къ себѣ и перетянулъ на свою сторону, и никого уже не осталось на сторонѣ Божіей? За это, какъ я думаю, человѣколюбче Царю, Ты и возсіялъ свѣтъ Твой святый во мнѣ, сидѣвшемъ въ тмѣ міра сего и среди столькихъ золъ, и показалъ мнѣ единаго отъ свя-

тыхъ Твоихъ, какъ сдѣлалъ Ты съ рабомъ Твоимъ Павломъ, коего божественнымъ своимъ явленіемъ призвалъ Ты къ себѣ, когда онъ гналъ Тебя. Ибо когда онъ увидѣлъ Тебя и вопросилъ: кто еси? Ты не сказалъ ему: Я есмь создавшій небо и землю, Я есмь устроившій всѣ твари,—и такъ не сказалъ: Азъ есмь Сый, или — Богъ Саваоѳъ, или —Богъ отцевъ твоихъ, не сказалъ и никакого другаго изъ славныхъ наименованій Твоихъ; но сказалъ ему только: *Азъ есмь Іисусъ, егоже ты гониши*,— давая ему ясно разумѣть, что Ты еси Богъ, воплотившійся ради насъ, котораго онъ гналъ. Тоже самое сдѣлалъ Ты и со мною, когда благоволилъ указать мнѣ святаго Твоего Симеона. Ибо когда божественный Твой свѣтъ освѣтилъ все и меня бѣднаго, и сдѣлалъ ночь свѣтлѣйшею паче дня, тогда сподобилъ Ты меня съ трепетомъ увидѣть и его, на оной высотѣ божества Твоего какъ на небѣ, гдѣ стоялъ онъ близъ божественной славы Твоей, не вѣнцемъ какимъ украшенный, не въ свѣтлую одежду одѣянный, и не въ другомъ какомъ видѣ, но какимъ былъ онъ, когда находился со мною, и какимъ видѣли его каждый день на землѣ, такимъ, Ты показалъ мнѣ его и на небѣ. Чего же ради такимъ? Того ради, чтобъ я не думалъ, что иной есть тотъ, кто бывалъ со мною, и иной тотъ, который явился мнѣ на небѣ, не впалъ чрезъ то въ ошибку и не лишился добраго пастыря,—я, овча погибающее. При всемъ томъ однакожъ и этимъ бывшимъ со мною чудомъ не вразумился я окаянный, и не пришелъ въ чувство, но мало-по-малу увлекся опять міромъ, по нерадѣнію моему и лѣности, и впалъ въ прежнія худости или еще и большія. Ты же, благоутробный и долготерпѣливый Царю, и послѣ сего не отвратился отъ меня, но меня обратилъ къ Себѣ опять посредствомъ сего святаго, сподобивъ меня припасти къ святымъ стопамъ его, когда держав-

ною рукою Твоею и мышцею Твоею высокою исхитилъ и извлекъ меня изъ прельстительнаго міра и отъ всѣхъ мірскихъ дѣлъ и утѣхъ, отдалилъ вмѣстѣ съ тѣмъ отъ всего тѣлеснаго и душевнаго (о чудо, о любовь, о снисхожденіе, какое являешь Ты къ намъ, человѣколюбче Боже!) и ввелъ въ чинъ работающихъ Тебѣ единому. Послѣ сего Ты даровалъ мнѣ Владыко, молитвами святаго, не только прощеніе безчисленныхъ грѣховъ моихъ, но и всѣ блага, о коихъ я сказалъ выше, или лучше сказать, Ты самъ содѣлался для меня всѣмъ. Ибо такъ какъ Ты прежде обиталъ внутрь его и просвѣщалъ его свѣтомъ божественной славы Твоей, то, когда я приблизился къ нему и ухватился за ноги его съ покаяніемъ и вѣрою, тотчасъ почувствовалъ въ себѣ божественную теплоту; потомъ отъ словъ его почувствовалъ нѣкое божественное вѣяніе, послѣ — огнь сердечный, въ силу коего начали источаться непрестанные потоки слезъ; затѣмъ--почувствовалъ внутрь ума моего тонкій лучъ, блеснувшій быстрѣе молніи; далѣе - явился мнѣ какъбы свѣтъ ночью, и малое облако пламеневидное, которое сѣло на главѣ моей въ то время, какъ я, павши лицомъ ницъ, творилъ молитву мою; потомъ оно взлетѣло горѣ и спустя немного опять явилось мнѣ на небѣ.

Послѣ сего, когда я разсуждалъ, что бы значило такое явленіе, совершилось нѣчто другое, еще болѣе дивное, чѣмъ это. Ибо будучи однажды искушаемъ во время сна злыми демонами и нѣкіимъ ихъ искусствомъ возбуждаемъ къ страстному истеченію, и по сему случаю сильно противоборствуя имъ и призывая Тебя, Господа свѣта, помочь мнѣ, я проснулся и избѣжалъ отъ рукъ демоновъ неискушеннымъ. Когда за тѣмъ дивился я самъ въ себѣ противоборству своему и мужеству, и особенно неподвижности на страсть, и разсуждалъ,—откуда бы явилась во мнѣ такая необычная побѣда, что даже когда сплю,

противоборствую, и бываю сильнѣе борющихъ меня враговъ, и побѣждаю ихъ державно дивною побѣдою,—вдругъ (о чудо!) Того, Кого я воображалъ сущимъ на небѣ, узрѣлъ внутрь себя,—Тебя, говорю, Творца моего и Царя, Христа. Тогда уразумѣлъ я, что то была Твоя собственная побѣда, въ коей Ты содѣлалъ меня побѣдителемъ діавола. Впрочемъ я еще не зналъ, Владыко, какъ слѣдуетъ, что въ видѣніяхъ тѣхъ Ты еси, создавшій меня и даровавшій мнѣ всѣ сіи блага,—не зналъ еще, что Ты еси въ нихъ, многоснисходительнѣйшій Богъ мой и Господь. Ибо я не сподобился еще слышать гласъ Твой, чтобъ познать, что это Ты. Ты еще не сказалъ мнѣ таинственно: Азъ есмь; потому что я былъ недостоинъ того, и нечистъ, такъ какъ имѣлъ слухъ душевный еще заложеннымъ перстію грѣховною и очи мои держимыми (изъ словъ: *очи ею держатся*) невѣріемъ, невѣдѣніемъ и мракомъ страстей. Въ такомъ находясь положеніи, я и видѣлъ Тебя, Бога моего, но какъ не зналъ и не вѣрилъ, что Богъ является человѣку, поколику возможно Ему явленнымъ быть ему, не понималъ, что Богъ, или слава Божія есть то, что мнѣ являлось, иногда однимъ, иногда другимъ образомъ. Необычайное оное чудо привело меня въ изумленіе и исполнило радостію всю душу мою и сердце, до того, что мнѣ подумалось, что даже и тѣло мое стало причастнымъ неизреченной благодати. Впрочемъ я все еще не зналъ ясно, кто есть Тотъ, Кто являлся. Я часто видалъ свѣтъ, и иной разъ онъ являлся внутрь меня, когда душа моя имѣла миръ и тишину, а иной разъ являлся онъ внѣ вдали, или даже совсѣмъ скрывался, и когда скрывался, причинялъ мнѣ чрезмѣрную скорбь, потому что тогда думалось мнѣ, что вѣрно онъ совсѣмъ не хочетъ уже болѣе являться. Но когда я начиналъ плакать и проливать слезы, и показывать всякую отчужденность отъ всего

и всякое послушаніе и смиреніе; тогда онъ являлся опять, какъ солнце, когда оно разгоняетъ густоту облака, и мало-по-малу выказывается радостотворное, блестящее и круговидное. Такъ наконецъ Ты, неизрѣченный, невидимый, неосязаемый, приснодвижный, вездѣ, всегда и во всемъ присущій и все исполняющій, видимый и скрывающійся каждый часъ, или скажу, такъ, и днемъ и ночью, удаляющійся и приходящій, исчезающій и внезапно опять являющійся — мало-по-малу прогналъ бывшую во мнѣ тму, разсѣялъ покрывавшій меня облакъ, очистилъ зеницу умныхъ очей моихъ, открылъ душевный слухъ мой, снялъ покрывало нечувствія съ сердца моего, и вмѣстѣ съ симъ усыпилъ плотскую сласть и совсѣмъ изгналъ изъ меня всякую страсть. Сдѣлавъ меня таковымъ, Ты, очистилъ отъ всякаго облака небо мое, т.-е. душу очищенную, въ которую приходя невидимо, не знаю, какимъ образомъ и откуда, Ты, вездѣсущій, внезапно обрѣтаешься въ ней и являешься какъ другое солнце. О неизреченное снисхожденіе!

Вотъ, братія мои, дивности Божіи, которыя творитъ Онъ въ насъ!—Когда же приходимъ мы въ совершенную добродѣтель, тогда не приходитъ уже Онъ болѣе, какъ прежде безобразнымъ и безвиднымъ, и не дѣлаетъ присѣщенія и прихода свѣта своего въ насъ безъ шума, но приходитъ въ нѣкоемъ образѣ, впрочемъ въ образѣ Бога: ибо Богъ не является въ какомъ либо очертаніи или отпечатлѣніи, но является какъ простый, образуемый свѣтомъ безобразнымъ, непостижимымъ и неизреченнымъ. Больше этого я не могу ничего сказать. Впрочемъ являетъ Онъ себя ясно, узнается весьма хорошо, видится чисто невидимый, говоритъ и слышитъ невидимо, бесѣдуетъ естествомъ Богъ съ тѣми, кои рождены отъ Него богами по благодати, какъ бесѣдуютъ другъ съ другомъ, лицемъ къ лицу, любитъ сыновъ своихъ какъ

отецъ, и любимъ бываетъ ими чрезмѣрно, и бываетъ для нихъ дивнымъ нѣкіимъ видѣніемъ и страшнымъ слышаніемъ, о которыхъ не могутъ они говорить какъ должно. но опять, и молчать не могутъ. Горя всегда сильною къ Нему любовію и научаемы будучи отъ Него, сыны Его. иногда болѣзнуя и плача о чужихъ страстяхъ, пишутъ о нихъ;—иногда выставляютъ, какъ на зрѣлищѣ, собственныя свои паденія,—иногда съ благодарностію повѣствуя о благодѣяніяхъ и дѣйствахъ благодати, бывшихъ въ нихъ, богословски пѣснословятъ Того, Кто, богодѣйственно измѣнялъ ихъ на лучшее,—иногда слыша. что что-нибудь говорится о душевномъ спасеніи нашемъ противно истинѣ и погрѣшительно, исправляютъ то, по мѣрѣ даннаго имъ вѣдѣнія, пиша и представляя свидѣтельства изъ Божественнаго Писанія. И не могутъ они совсѣмъ имѣть покоя. или насытиться возвѣщеніемъ истины, потому что, не суть болѣе господа надъ самими собою, но суть органы Духа Святаго, въ нихъ обитающаго, который подвизаетъ ихъ и самъ опять подвизаемъ бываетъ ими,—и бываетъ въ нихъ все, что, какъ слышимъ, въ Божественныхъ Писаніяхъ говорится о царствѣ небесномъ,—именно маргаритъ, сѣмя горчичное. закваска, вода, огнь, хлѣбъ, питіе жизни, одръ, чертогъ брачный, женихъ, другъ, братъ и отецъ. И что, много говорить мнѣ о неизглаголанномъ? Ибо чего око не видало, о чемъ ухо не слыхало, и что на сердце человѣку не входило. то какъ можетъ измѣрить языкъ, и какъ можно сказать словомъ? Поистинѣ сіе невозможно. Хотя мы стяжали все сіе и имѣемъ внутрь себя отъ Бога. давшаго намъ то, но нисколько не можемъ ни умомъ того измѣрить, ни словомъ изъяснить.

Все сіе написалъ я, возлюбленные братія, не съ тѣмъ чтобъ себя показать. Да не будетъ. Что имѣю я собственнаго, чтобъ показывать то и хвалиться тѣмъ, кромѣ

грѣховъ, нечистотъ и беззаконій многихъ, еще отъ чрева матери моея, которыхъ больше песка морскаго? Но, за тѣмъ возвѣщаю вамъ о семъ, чтобъ открыть вамъ чудеса Божіи и представить ихъ въ словѣ хотя столько, сколько достало у меня на то силъ. При этомъ и для того я это сдѣлалъ, чтобъ сказаніемъ симъ попользовать тѣхъ, которые думаютъ, что отъ святаго крещенія имѣютъ Духа Святаго, хотя не сознаютъ того. Ибо настоящее слово поучаетъ насъ, во первыхъ, о полной темнотѣ и мракѣ или о совершенномъ отсутствіи божественнаго свѣта, которое бываетъ въ человѣкѣ, когда онъ явно сказываетъ о невѣдѣніи, какое имѣетъ о Богѣ; потомъ оно поучаетъ насъ объ обличеніи, которое бываетъ отъ совѣсти; далѣе—о страхѣ; затѣмъ—о желаніи человѣка получить отпущеніе грѣховъ, когда онъ ищетъ и какого либо посредника и помощника въ семъ дѣлѣ, такъ какъ онъ одинъ не имѣетъ дерзновенія приступить къ Богу, чувствуя себя обремененнымъ многими грѣхами; послѣ сего слово наше сказываетъ, какъ человѣкъ улучилъ посредника и пастыря, котораго искалъ, и какъ видѣлъ его, при своемъ умномъ осіяніи отъ Святаго Духа, которое показываетъ, что въ немъ положилось начало внутренняго озаренія, о которомъ онъ не зналъ прежде;—сказываетъ еще при семъ, какъ послѣ того, какъ совершилось въ немъ такое откровеніе, опять удалилось видѣніе Духа, и онъ, лишившись его, опять впалъ во тму многихъ согрѣшеній; за этимъ слово объявило о второмъ призваніи, какое сдѣлалъ ему Богъ чрезъ пастыря его; за этимъ—о послушаніи, вѣрѣ, смиреніи и покорности, какія имѣлъ онъ къ сему пастырю; за этимъ—о явномъ измѣненіи, которое совершилось въ немъ мало-по-малу съ сознаніемъ и видѣніемъ дѣла, котораго если кто не сознаетъ совершившимся въ себѣ, о томъ, какъ сказало слово, никакъ нельзя полагать, что въ

немъ обитаетъ Духъ Святый. Все сіе настоящее слово, какъ я сказалъ, излагаетъ пространно и выставляетъ меня не хвалящимся, а повѣствующимъ о дивныхъ благодѣяніяхъ Божіихъ, какія по любви и благости дѣлаетъ Онъ взыскивающимъ Его отъ всей души и отъ всего сердца, чтобъ всякое преслушаніе получило праведное воздаяніе въ день онъ, въ который Богъ имѣетъ судить родъ человѣческій. Ему подобаетъ всякая слава, честь и поклоненіе, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

СЛОВО ДЕВЯНОСТО ПЕРВОЕ.

Благодареніе Богу за полученныя отъ Него благодѣянія; о духовной молитвѣ и о преспѣяніи въ ней; о божественномъ озареніи, о необманчивомъ созерцаніи, и о любви къ Богу.

Благодарю Тебя Владыко, Господи неба и земли, что отъ сложенія міра предопредѣлилъ Ты произойти мнѣ изъ не-сущаго въ бытіе. Благодарю Тебя, и поклоняюся Тебѣ, всесвятый Царю, что прежде рожденія моего, Ты единый безсмертный, единый всемогущій, единый благій и человѣколюбивый снизшелъ съ высоты святыя Твоея на землю, воплотился и родился отъ Святыя Дѣвы, чтобъ меня возсоздать, меня оживотворить, меня освободить отъ прародительскаго грѣха и приготовить мнѣ восходъ на небеса. Потомъ, когда я родился и немного подросъ, Ты обновилъ меня возрожденіемъ во св. крещеніи, облекъ меня одеждою благодати Святаго Духа, далъ мнѣ свѣтлаго ангела хранителя, и пока пришелъ я въ совершенный возрастъ, Ты, хранилъ меня невредимымъ отъ всякаго зла и отъ всѣхъ сѣтей діавола. Но какъ Ты праведно постановилъ, чтобъ мы разумные спасались не по какому либо принужденію и насилію, но по произвольному избранію и рѣшенію, то оставилъ и меня явить въ

себѣ честь самовластія, чтобъ чрезъ исполненіе заповѣдей Твоихъ я показалъ самопроизвольную мою любовь къ Тебѣ. Я же, небрежникъ и неблагодарный, подумалъ, что достоинство самовластія есть разрѣшеніе такое же, какъ разрѣшается неразумное животное отъ путъ; почему, какъ только почувствовалъ разрѣшеніе, такъ удалился отъ господства власти Твоея и ввергъ себя въ ровъ многихъ золъ. При всемъ томъ однакожъ, что находился въ томъ глубочайшемъ рвѣ въ безчувствіи и потерпѣлъ большія поврежденія, Ты, не отвратился отъ меня и не оставилъ меня навсегда валяться въ этой скверногѣ, но по благоутробію милости Твоея извлекъ меня оттуда и почтилъ меня еще паче, неисповѣдимыми судьбами Твоими избавивъ меня отъ царей и начальниковъ, которые желали обратить меня на служеніе мірскимъ и житейскимъ пользамъ, не попустивъ мнѣ увлечься дарами злата и сребра, хотя я и сребролюбивъ, и расположивъ меня презрѣть, какъ мерзость, славу и честь настоящей жизни, которыя мнѣ давали, вмѣсто стяжанія святости Твоей. Я же, всѣ такія Твои ко мнѣ благодѣянія вмѣнивъ ни во что (исповѣдаюсь Тебѣ въ семъ Господи неба и земли), опять ввергъ себя, бѣдный, въ ровъ тинный и нечистоту скверныхъ помысловъ и дѣлъ, — и когда низринулся я опять въ этотъ ровъ, то попалъ во власть мысленныхъ разбойниковъ, изъ рукъ которыхъ не только я одинъ не могъ бы освободиться, но еслибъ и весь міръ собрался, то и онъ не могъ бы освободить меня. Но Ты, благоутробный и человѣколюбивый Владыка, не потерпѣлъ, чтобъ я оставался въ этомъ рвѣ въ жалкомъ состояніи, былъ бѣдственно влачимъ и посмѣваемъ этими врагами, не попомнилъ худостей моихъ, не отвратился отъ непотребнаго нрава моего, и не допустилъ долгое время быть мнѣ мучиму тѣми душегубцами; и хотя я, держимъ будучи у нихъ въ плѣну,

радъ былъ тому, какъ безчувственный, но Ты, Владыко, не могъ болѣе смотрѣть, чтобъ они составляли изъ меня безобразныя зрѣлища и къ сраму моему влачили меня туда и сюда,—а сжалился надо мною, и явилъ милость свою ко мнѣ, не Ангела, и не человѣка, пославъ ко мнѣ окаянному и грѣшному, но самъ, движимый утробами благостыни Своея, преклонилъ къ тому глубочайшему рву и простеръ пречистую руку Твою ко мнѣ, который, бывъ погруженъ въ глубину тины той, не видѣлъ Тебя: ибо какъ бы могъ я открыть глаза и видѣть, будучи потопленъ въ ту скверноту и поглощенъ ею? Такъ Ты взялъ меня за волоса головы моей, т.-е., просвѣтилъ помыслы мои, и потянувъ съ великимъ усиліемъ, извлекъ оттуда. Я чувствовалъ влеченіе и понималъ, что поднимаюсь на верхъ, но совсѣмъ не зналъ, кѣмъ влекомъ есмь, или кто есть держащій меня и поднимающій на верхъ. Послѣ же того какъ Ты, извлекъ меня изъ того блата на верхъ и поставивъ на землю, передалъ одному рабу и ученику Своему меня, всего осквернennаго, у котораго и уста, и уши, и очи завалены скверностью. Я же несмотря на то, что выпелъ на землю, все еще не видѣлъ Тебя, кто Ты; только одно то узналъ я, что Ты—нѣкто благій и человѣколюбивый, извлекшій меня изъ глубочайшаго рва всякихъ нечистотъ. Но Ты, сказавъ мнѣ: прилѣпись къ этому человѣку и послѣдуй ему,—потому что онъ проведетъ тебя къ источникамъ и омоетъ тамъ,—и даровавъ мнѣ твердую къ нему вѣру, удалился и отошелъ, не знаю куда. Я же, всесвятый Владыко, по повелѣнію Твоему, не озираясь вспять послѣдовалъ за тѣмъ, кого Ты указалъ мнѣ.

Онъ, съ большимъ трудомъ повелъ меня къ источникамъ, т.-е., къ Божественнымъ Писаніямъ и божественнымъ заповѣдямъ Твоимъ: а я какъ слѣпой взявшись за него сзади рукою вѣры въ него, которую Ты, далъ мнѣ ну-

дилъ себя слѣдовать за нимъ. При этомъ онъ, какъ хорошо видѣвшій, поднималъ ноги свои и переступалъ чрезъ камни, рвы, и всякія преткновенія, попадавшіяся по пути; я же, спотыкался о камни и падалъ во рвы, и много терпѣлъ трудовъ, прискорбностей и бѣдъ. Онъ въ каждомъ источникѣ и ручьѣ мылся, и омывался каждый часъ, а я, не видѣвшій хорошо, большую часть изъ нихъ проходилъ такъ. Ибо когда онъ не бралъ меня за руку, не привлекалъ къ источнику и не направлялъ рукъ ума моего; то я не могъ находить совсѣмъ и струи водной, гдѣ она. И опять когда онъ подводилъ меня къ струѣ и оставлялъ одного мыться чистою водою, то я много разъ вмѣстѣ съ водою захватывалъ и соръ, какой случался тамъ подлѣ источника, можетъ быть захватывалъ иногда въ горсти и грязное что и тѣмъ замарывалъ лицо свое. Не разъ бывало, что ища ручья или колодца воды, сталкивалъ внизъ всякой соръ, землю и глину и возмущалъ воду; но какъ совсѣмъ не видѣлъ ничего, то моясь безъ опаски, пачкалъ лице мое грязью, думая, что мою его чистою водою. — Ахъ! Гдѣ мнѣ разсказать всѣ непріятности, какія я испытывалъ опять отъ этого? Гдѣ мнѣ описать также, сколько зла терпѣлъ я отъ тѣхъ, кои совѣтовали мнѣ и говорили каждый день: что трудишься попусту, глупый, и послѣдуешь этому обманщику и прельстителю, и безполезно и тщетно терпишь, чая прозрѣть? Того, чего ты желаешь, невозможно достигнуть въ настоящія времена. Что же и слѣдовать тебѣ за нимъ, раздирая и кровеня только ноги свои? Почему бы тебѣ не пойти къ милостивцамъ сострадательнымъ, которые просятъ тебя къ себѣ, обѣщая добрѣ покоить тебя, питать и врачевать? Ибо въ теперешнія времена невозможно тебѣ избавиться отъ душевной проказы и прозрѣть. И откуда явился этотъ обманщикъ-старецъ такимъ чудотворцемъ и обѣщаетъ тебѣ такія вещи, кото-

рыя невозможны для людей нынѣшняго рода? Горе тебѣ, что и покой со всякимъ угодіемъ, какіе обѣщаютъ тебѣ сострадательные люди, Христолюбцы и братолюбцы, потеряешь, и скорби, и лишенія, какія переносишь, протерпишь съ тщетною надеждою, не получивъ ничего изъ того, что обѣщаетъ тебѣ этотъ обманщикъ и обольститель. Что можетъ онъ тебѣ сдѣлать? Ужели и самъ ты не можешь этого разсудить, хотя бы мы и не говорили о томъ? Что же и мы всѣ ужели не видимъ? Или мы слѣпы, какъ говоритъ тебѣ этотъ въ прелести сущій? Поистинѣ мы всѣ видимъ, — не прельщайся. Никакого другаго зрѣнія и нѣтъ, которое было бы лучше того, какое имѣемъ мы.

Но Ты, милостивый и благоутробный Боже, отъ всѣхъ этихъ заблуждшихъ прельстителей которые, по пророку, *напаяютъ подруга своего развращеніемъ мутнымъ* (Авв 2, 15), избавилъ меня силою вѣры и надежды, данныхъ Тобою мнѣ. Ими укрѣпилъ Ты меня перетерпѣть все это и другое многое. Итакъ въ то время, какъ я переносилъ все это и не пропускалъ ни одного дня, чтобъ не мыться и не измываться водою, какъ научилъ меня Апостолъ Твой и ученикъ, въ одинъ день, когда я бѣжалъ на источникъ воды, встрѣтилъ меня на пути Ты. опять тотъже, что̀ и прежде извлекъ меня изъ нечистоты. Тутъ въ первый разъ блеснулъ Ты въ слабыя очи мои пречистымъ сіяніемъ божественнаго лица своего,—и я тотчасъ потерялъ и тотъ малый свѣтъ, который, какъ мнѣ думалось, имѣлъ я, не могши узнать Тебя. И какъ было возможно увидѣть мнѣ Тебя и узнать, кто Ты былъ, когда я и самаго сіянія лица Твоего не могъ видѣть и разумѣть?—Съ тѣхъ поръ благоволилъ Ты. снисходительнѣйшій, чаще приходить ко мнѣ, въ то время, когда я стоялъ у источника, бралъ голову мою и погружалъ ее въ воду, и давалъ мнѣ видѣть чаще

свѣтъ лица Твоего,—и тотчасъ отлеталъ, дѣлаясь невидимымъ, и не давая мнѣ понять, кто былъ Ты, дѣлавшій сіе, откуда приходилъ и куда уходилъ, – какъ даже и доселѣ не даешь мнѣ понять сіе.

Приходя такимъ образомъ ко мнѣ и отходя довольно долгое время, Ты, мало-по-малу все яснѣе и яснѣе являлся мнѣ, все больше и больше омывалъ меня водами своими, и даровалъ мнѣ видѣть свѣтъ все болѣе и болѣе чисто, болѣе и болѣе обильно. Дѣлая это для меня многое время, Ты, наконецъ сподобилъ меня увидѣть и нѣкое страшное таинство. Однажды, когда Ты, пришедши, орошалъ и омывалъ меня, какъ мнѣ казалось, водами и многократно погружалъ меня въ нихъ, я видѣлъ молніи, меня облистававшія, и лучи отъ лица Твоего, смѣшивавшіеся съ водами, и видя, какъ омываемъ былъ водами свѣтовиднѣйшими и блестящими, пришелъ въ изступленіе. Какъ же это было и отъ чего, и кто былъ податель сего, не зналъ,—только, омываемъ будучи, радовался, возрастая въ вѣрѣ, окрыляясь надеждою и воспаряя созерцаніемъ даже до небесъ. Обманщиковъ же тѣхъ, которые говорили мнѣ ложныя и обольстительныя слова, я возненавидѣлъ сильно, и хотя жалѣлъ о нихъ, по причинѣ заблужденія ихъ, но не хотѣлъ входить съ ними въ бесѣду и бѣгалъ встрѣчи съ ними, почитая и одно воззрѣніе на нихъ вреднымъ. А предъ содѣйственникомъ и помощникомъ моимъ святымъ, разумѣю, Твоимъ ученикомъ и Апостоломъ, я благоговѣинствовалъ и почиталъ его, какъ Тебя самого, Создателя моего, любилъ его отъ души, припадалъ къ ногамъ его день и ночь и просилъ его помочь мнѣ восколько можетъ, увѣренъ будучи, что онъ все можетъ у Тебя, что захочетъ.

Проведши такъ благодатію Твоею довольное время, я опять увидѣлъ другое страшное таинство. Я видѣлъ, что Ты взявъ меня, возшелъ на небеса, вознесши и ме-

ня съ Собою,—не знаю впрочемъ, въ тѣлѣ ли Ты возволъ меня туда, или кромѣ тѣла, Ты одинъ то знаешь, сдѣлавшій сіе. Послѣ того, какъ я пробылъ тамъ съ Тобою довольный часъ, удивляясь величію славы (чья же была та слава, и что она такое, не знаю), я пришелъ въ изступленіе отъ безмѣрной высоты ея и вострепеталъ весь. Но Ты опять оставилъ меня одного на землѣ, на которой я стоялъ прежде. Пришедъ въ себя, я нашелъ себя плачущимъ и дивящимся скорбному обнищанію своему. Потомъ, немного спустя послѣ того, какъ я сталъ долу, Ты благоволилъ показать мнѣ горѣ, на небесахъ, отверзшихся, лице Свое, какъ солнце, безъ образа и вида. Впрочемъ, и тогда Ты не далъ мнѣ познать, кто Ты былъ. Ибо какъ можно было мнѣ познать Тебя, когда Ты не сказалъ мнѣ ничего, но тотчасъ скрылся? Я искалъ Тебя, котораго не зналъ, сильно желая увидѣть образъ Твой и познать точнѣйше, кто Ты. Почему отъ сильнаго желанія Тебя и отъ пламенной любви къ Тебѣ всегда плакалъ, не зная, кто Ты, приведшій меня изъ небытія въ бытіе, извлекшій меня изъ пропасти грѣховной и содѣлавшійся для меня всѣмъ тѣмъ, о чемъ я сказалъ прежде.

Такъ, часто являлся Ты опять мнѣ и опять, ничего не сказавши, скрывался и не показывался уже болѣе. Я же видя въ водахъ, какъ видалъ прежде, молніи и блистанія лица Твоего, которыя меня окружали, которыхъ однакожъ я не могъ ухватить, часто воспоминалъ, какъ видѣлъ Тебя однажды горѣ, и, думая по своему невѣжеству, что тотъ былъ другой, все искалъ, и искалъ со слезами увидѣть Тебя. Когда наконецъ, подавленный печалію и скорбію, я забылъ всецѣло и себя самого, и міръ весь, и все, что въ мірѣ, не держа на умѣ совершенно ничего изъ всего видимаго; тогда опять явился Ты, невидимый, неосязаемый, неуловимый. Я чувствовалъ тогда, что Ты очищалъ умъ мой, открывалъ простран-

нѣе очи души моей и даналъ мнѣ видѣть славу Твою обильнѣе, и что самъ Ты увеличиваешься паче и паче и блистаніемъ паче и паче расширяешься, и мнѣ казалось, что съ удаленіемъ тмы, Ты приближаешься ближе и ближе,—какъ это часто испытываемъ мы и въ чувственныхъ вещахъ. Ибо когда сіяетъ луна и облака бѣгутъ гонимыя вѣтромъ, тогда кажется, что и луна бѣжитъ скорѣе, хотя на дѣлѣ она нисколько не скорѣе бѣжитъ обыкновеннаго своего теченія.

Такимъ образомъ, о Владыка, мнѣ казалось, что Ты,—недвижимый грядешь, неизмѣняемый увеличиваешься, не имѣющій образа пріемлешь образъ. Ибо какъ бываетъ съ слѣпымъ, что онъ мало-по-малу привыкаетъ видѣть и ясно обнимать весь образъ человѣка, или все очертаніе человѣческаго тѣла, и мало-по малу живописуетъ его въ себѣ, какъ онъ есть,—какъ, говорю, у слѣпаго не измѣняется и не передѣлывается въ глазахъ образъ человѣка, но глаза слѣпаго, болѣе и болѣе очищаясь, видятъ, наконецъ, образъ человѣка, какъ онъ есть, когда начертывается все подобіе образа человѣка въ сихъ глазахъ, и чрезъ нихъ проходитъ въ умъ и рисуется въ памяти человѣка, какъ на доскѣ: такъ и Ты, когда очистилъ совершенно умъ мой, явился мнѣ ясно во свѣтѣ Духа Святаго, и какъ умъ мой видѣлъ Тебя яснѣе и чище, то мнѣ и казалось, что Ты будто выходишь откуда-то, являешься свѣтлѣйшимъ и даешь мнѣ видѣть черты беззрачнаго зрака Твоего. Тогда Ты сдѣлалъ, что я вышелъ изъ міра сего, мнѣ кажется, скажу такъ и изъ тѣла моего, потому что ты не далъ мнѣ уразумѣть сіе до точности. Но Ты сіялъ чрезмѣрно и, какъ мнѣ казалось, явился весь во мнѣ всемъ, видѣвшемъ добрѣ. Когда я спросилъ Тебя, говоря: о, Владыко, кто Ты? тогда Ты въ первый разъ сподобилъ меня, блуднаго, услышать и сладчайшій гласъ Твой, и столь сладко и кротко бесѣдовалъ со мною, что я пришелъ

въ изступленіе, изумлялся и трепеталъ, помышляя въ себѣ и говоря: какъ это славно и какъ блистательно? Какъ и за что удостоился я такихъ благъ? Ты сказалъ мнѣ: Я—Богъ, содѣлавшійся человѣкомъ, по любви къ тебѣ. Такъ какъ ты взыскалъ Меня отъ всей души, то се отнынѣ будешь ты братомъ Моимъ, и другомъ, и сонаслѣдникомъ. Слыша это, я весь вострепеталъ, изсякла вся сила моя и едва не вышла душа моя. Опомнившись немного, я отвѣчалъ: и кто есмь я, Господи, и какое добро сдѣлалъ я окаянный и бѣдный, что Ты удостоиваешь меня толикихъ благъ и дѣлаешь меня соучастникомъ и сонаслѣдникомъ славы Твоея,—держа при семъ на умѣ что эта слава и радость выше всякаго ума?—Ты же, Владыко мой Христе, опять сказалъ мнѣ: Я говорю съ тобою, какъ другъ съ другомъ, чрезъ Духа Святаго, который вмѣстѣ со Мною говоритъ тебѣ. Это даровалъ Я тебѣ за одно твое произволеніе и вѣру,—и дамъ еще больше сего. Ибо ты, созданный Мною нагимъ, кромѣ произволенія своего, что другое имѣешь ты, или имѣлъ когда либо собственно твоего, чтобъ Я принялъ то отъ тебя и вмѣсто того даровалъ тебѣ это? Впрочемъ, если не отрѣшишься ты совершенно отъ тѣла, то не увидишь совершеннаго и не можешь получить его все здѣсь. Когда я сказалъ на это: Господи! И что другое блистательнѣе или выше сего? Для меня довольно въ такой славѣ быть и по смерти. Тогда Ты опять отвѣтилъ мнѣ: чрезмѣрно мала душа твоя, человѣче, когда ты довольствуешься только такимъ благомъ. Ибо оно, въ сравненіи съ будущимъ, похоже на то, какъ еслибъ кто нарисовалъ небо на бумагѣ, и держалъ ее въ рукахъ: сколько разнится нарисованное небо отъ истиннаго, столько, или несравненно болѣе, разнится будущая слава отъ той, какую видишь ты теперь. Сіе сказалъ Ты и умолкъ,—и мало-по-малу скрылся отъ очей

моихъ Ты, сладчайшій и добрый Владыка мой. И не знаю, я ли отдалился отъ Тебя или Ты отошелъ отъ меня. Впрочемъ мнѣ думалось, будто я пришелъ откуда-то и вошелъ въ мое жилище, а тутъ и совсѣмъ пришелъ я въ себя.

Послѣ сего, воспоминая красоту славы Твоея и Твои слова, Владыко, я плакалъ,—и когда шелъ, и когда сидѣлъ, и когда ѣлъ, и когда пилъ, и когда молился,—и имѣлъ неизреченную радость, что позналъ Тебя, Творца всяческихъ. Да и какъ могъ я не радоваться? — Впрочемъ потомъ пришла и печаль,—печаль о томъ, что давно не видѣлъ Тебя. Но когда, сильно желая Тебя опять видѣть, пошелъ я однажды приложиться къ святой иконѣ Пречистыя Матере Твоея и припалъ къ ней, умоляя ее, Ты, прежде чѣмъ я всталъ, явился внутрь бѣднаго сердца моего, сдѣлавъ его все свѣтомъ. Тогда я позналъ, что воистину имѣю Тебя въ себѣ. Съ того времени я сталъ любить Тебя, не отъ одной памяти, то-есть, не отъ того только, что вспоминалъ Тебя и славу Твою, но отъ того, что увѣровалъ воистину, что имѣю внутрь себя Тебя, упостасную Любовь: ибо истинная любовь—Ты Богъ. Когда такимъ образомъ насадилась надежда въ вѣрѣ, воспоилась покаяніемъ и слезами, просвѣтилась собственнымъ Твоимъ свѣтомъ, вкоренилась и возрасла добрѣ,—тогда пришелъ Ты, добрый художникъ и дѣлатель, ножемъ искушеній, то-есть, смиреніемъ, отрѣзалъ излишніе отростки помысловъ, поднявшихся было высоко вверхъ, и привилъ къ единой надеждѣ, какъ къ какому корешку древесному, святую любовь Твою. И я видя, какъ сія любовь растетъ день ото дня и бесѣдуетъ со мною всегда, или лучше сказать видя, какъ Ты чрезъ нее учишь меня, осіяваешь и просвѣщаешь, радуюсь и веселюсь, какъ превзошедшій уже всякую вѣру и надежду, какъ и Павелъ говоритъ: *еже бо видитъ кто, что и уповаетъ* (Рим. 8, 24).

Итакъ, если я имѣю Тебя, чего и надѣяться мнѣ болѣе? И Ты опять сказалъ мнѣ, Владыко: слушай, чего надѣяться тебѣ. Какъ, когда видишь солнце въ водѣ, самаго солнца не видишь, потому что тогда смотришь внизъ: такъ разумѣй и то, что бываетъ въ тебѣ; затвори себя самого, и старайся всегда видѣть Меня чисто и ясно ввутрь себя, какъ солнце въ чистой водѣ. Поступая такъ, ты удостоишься потомъ по смерти увидѣть Меня, какъ Я предсказалъ тебѣ. Если же не станешь такъ дѣлать, то всѣ дѣла твои и труды, и эти слова, не принесутъ тебѣ никакой пользы, а напротивъ, послужатъ къ большему осужденію твоему и причинятъ тебѣ большую скорбь: ибо, какъ слышишь въ Писаніи, *сильніи сильнѣ истязани будутъ* (Прем. Сол. 6, 6). Бѣдность не причиняетъ такой печали и стыда тому, кто бѣденъ съ самаго начала рожденія своего, какой стыдъ и какую печаль причиняетъ она тому, кто былъ прежде и богатъ, и славенъ, и въ дружбѣ съ царемъ, потомъ испалъ отъ всего этого и пришелъ въ совершенную бѣдность. Такъ бываетъ и въ духовномъ порядкѣ вещей,—хотя земныя и видимыя дѣла текутъ не совсѣмъ такъ, какъ духовныя и невидимыя. Испавшіе, напримѣръ, отъ дружбы царя земнаго по какой либо причинѣ, могутъ удержать при себѣ имущество свое, пользоваться имъ и жить. Но кто испадаетъ отъ Моей любви и дружбы, тому невозможно уже жить. Тотчасъ обнажается онъ отъ всѣхъ благъ и предается въ рабы врагамъ Моимъ и его, которые, какъ только примутъ его, устремляются на него съ крайнимъ неистовствомъ и звѣрствомъ, по причинѣ прежней любви его ко Мнѣ.

Такъ, всесвятый Владыко, такъ воистину бываетъ. И я вѣрую Тебѣ, Богу моему, и припадая, умоляю Тебя: сохрани меня грѣшнаго и недостойнаго Ты, явившій милость свою ко мнѣ, и ростокъ любви Твоей, какой

привилъ Ты къ древу надежды моей, укрѣпи силою Твоею, да не поколеблютъ его вѣтры, не сломитъ буря, не похитятъ враги, да не опалитъ огонь нерадѣнія, не изсушатъ паренія ума, не уничтожитъ совсѣмъ тщеславіе. Ты, даровавшій мнѣ его, знаешь, что ради сего ростка любви Твоей, я остался безпомощнымъ отъ всякаго человѣка, такъ какъ помощника и содѣйствователя моего и Твоего Апостола Ты удалилъ отъ меня тѣлесно, какъ восхотѣлъ. Ты вѣдаешь немощь мою, знаешь бѣдность и совершенное безсиліе. Сего ради умилосердись ко мнѣ паче отнынѣ, Ты многоблагоутробный Господи. Припадаю къ Тебѣ всесердечно и умоляю Тебя, не оставляй меня на волю мою Ты, даровавшій мнѣ столько благъ. Но воспріими въ любовь Твою душу мою, и въ ней укорени любовь къ Тебѣ, да будешь ты во мнѣ, и я—въ Тебѣ по утѣшительному, святому и неложному обѣтованію Твоему,—да любовь Твоя покрываетъ меня и я покрываю и блюду ее въ себѣ,—да Ты взираешь на меня съ любовію, и я да сподоблюсь воззрѣвать съ нею къ Тебѣ въ настоящей жизни, по сказанному, яко зерцаломъ въ гаданіи, тогда же, въ другой жизни да узрю со всею любовію всего Тебя, сущаго любы и благоволившаго именоваться любовію. Яко Тебѣ подобаетъ всякое благодареніе, держава, честь и поклоненіе Отцу и Сыну и Святому Духу, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

СЛОВО ДЕВЯНОСТО ВТОРОЕ.

О созерцаніи и откровеніи, и о душѣ просвѣщенной; и какъ дѣйствуетъ благодать Святаго Духа въ томъ, въ коемъ царствуетъ любовь къ Богу, и кто пришелъ въ глубину смиренія.

Возлюбленные братія мои! Велико и безмѣрно есть снисхожденіе и человѣколюбіе Божіе къ человѣкамъ. Почему, удивляясь неизреченной благости Божіей и трепе-

ща взываю такъ: сколь изумительно дивна сила заповѣдей Божіихъ и въ какое дивное состояніе приводятъ онѣ тѣхъ, которые творятъ и исполняютъ ихъ! И я началъ нѣкогда исполнять заповѣди Божіи, когда немного выступилъ изъ глубины грѣховъ и нѣсколько освободился отъ покрывавшаго меня мрака. При этомъ нерѣдко будучи тѣснимъ злыми навыками своими, боялся я за себя, но любовь и вожделѣніе добра гораздо чаще направляли меня къ добру. Въ началѣ все, что я дѣлалъ, было одно лишь удаленіе отъ зла, но потомъ оно само начало подвигать меня на добро. Въ это время одно особенно причиняло мнѣ тяготу и непріятность,—это злой навыкъ сластолюбія, который уничтожается чтеніемъ Божественныхъ Писаній и навыкомъ въ добрыхъ дѣланіяхъ. Ибо какъ, когда утромъ восходитъ солнце, мало-по-малу разгоняется тма и исчезаетъ, такъ и когда возсіяваетъ добродѣтель, прогоняется грѣхъ, какъ тма, и, наконецъ, совсѣмъ уничтожается. Тогда мы являемся добрыми и добродѣтельными во всемъ, какъ прежде были злы и порочны. Такъ помощію небольшаго терпѣнія и малаго добраго произволенія, или, лучше сказать помощію Бога живаго возсозидаемся мы наконецъ и обновляемся, послѣ того, какъ очистимся душею и тѣломъ и умомъ. Вслѣдствіе сего мы дѣлаемся тѣмъ, о чемъ прежде не знали, будучи омрачены страстьми, и получаемъ еще то, чего недостойны.

Изъ этого получилъ нѣчто и я непотребный и худѣйшій всѣхъ. Ибо добро есть проповѣдывать съ великимъ благодареніемъ благодѣянія, полученныя отъ человѣколюбиваго Бога благодатію Искупителя нашего Іисуса Христа. Я получилъ благодать на благодать и благодѣяніе на благодѣяніе, огнь на огнь и пламень на пламень. Къ моему восхожденію и преуспѣянію даны были и другія восхожденія и преуспѣянія, — а въ концѣ восхожденія

свѣтъ; къ этому свѣту—другой свѣтъ свѣтлѣйшій; среди сего свѣта возсіяло блестящее Солнце, изъ котораго явился лучъ, исполнившій всяческая. Что бы это значило,—было недомыслимо. Въ это время я только проливалъ сладкія слезы, удивляясь неизреченному.

Тогда божественный, первый умъ сталъ бесѣдовать съ моимъ собственнымъ умомъ и такъ поучать его: понялъ ли ты, въ какое дивное состояніе возвело тебя оное человѣколюбіе и сила, ради вѣры твоей и малаго терпѣнія твоего, свидѣтельствовавшаго о любви твоей? Се, подлежа смерти, ты сдѣлался безсмертнымъ, и одержимъ будучи тлѣніемъ, сталъ нетлѣненъ. Се, живя въ мірѣ, ты пребываешь со Мною. Се, нося тѣло, не бываешь влачимъ сластьми тѣлесными. Ты малъ тѣломъ, но умомъ созерцаешь все.—На это, со страхомъ и вмѣстѣ съ радостію, я отвѣчалъ: кто есмь, Господи, я грѣшный и нечистый, что Ты воззрѣлъ на меня и снисшелъ до бесѣды со мною? И Ты, пречистый, невидимый и неприступный для всѣхъ, какъ являешься мнѣ приступнымъ и сладостнѣйшимъ, и видимъ еси краснѣйшимъ во благодати и славѣ, Тебя осіявающей?

Слышанное мною слышалъ я таинственно, и отвѣчалъ нѣкако необычно. Сверхъестественность созерцанія привела меня въ удивленіе, но пристрашность его будто душу разлучила съ тѣломъ. Неизреченная красота Явившагося поразила сердце мое и подвигла къ безпредѣльной любви; любовь же не дала уже мнѣ обратиться опять долу, но я радовался, какъ совсѣмъ исторгшійся изъ узъ плоти и, однакожь, все же пребывающій цѣлымъ человѣкомъ. Мнѣ даваемо было удостовѣреніе, что прощены всѣ грѣхи мои, и опять я видѣлъ себя самого грѣшнѣйшимъ паче всякаго человѣка. Не могъ я не вѣрить Тому, Кто говорилъ мнѣ, и опять боялся Ему вѣрить, чтобъ не впасть въ превозношеніе. Нерѣдко восхожу я на вы-

соту созерцанія безъ воли моей, и опять схожу съ нея волею моею, чтобъ не забыть мѣры человѣчества и безопаснѣе соблюсти смиреніе. Я знаю много такого, чего не знаютъ другіе, и опять паче всѣхъ невѣжественъ есмь. Радуюсь, что Христосъ, въ котораго я увѣровалъ, даровалъ мнѣ царство вѣчное и непоколебимое, и опять, какъ недостойный благъ оныхъ, плачу, и никогда не перестану плакать. Не смѣю отверсть устъ своихъ, чтобъ просить отпущенія грѣховъ моихъ,—и, опять движимый любовію, воодушевляюсь и пріемлю дерзновеніе молить Бога за другихъ братій и (да реку въ безуміи) услышанъ бываю. Предстою съ дерзновеніемъ предъ Богомъ и молюсь, какъ сынъ а въ чувствахъ сердца моего имѣю себя чуждымъ и бездерзновеннымъ. Слышу: добрѣ, рабе вѣрный и проч., и нахожу себя поистинѣ такимъ, что не только не употребилъ какъ должно, но даже и не сохранилъ ни одного таланта изъ всѣхъ тѣхъ даровъ, какіе мнѣ даны. Мнѣ кажется, что я достигъ самаго крайняго предѣла добродѣтели, и въ тоже время чувствую себя погруженнымъ въ бездну грѣховъ моихъ и клонюсь къ отчаянію. Когда бываю въ чувствѣ ниже всѣхъ, тогда возношусь превыше небесъ и любовію опять соединяюсь съ Іисусомъ Христомъ, Богомъ нашимъ, — на Коего и уповаю, что когда освобождусь отъ этой земной и тяжелой плоти, или когда умру, тогда ближе представленъ буду предъ Него и просвѣщенъ Имъ, да познаю яснѣе вѣчную радость и ликованіе тамошней любви.

Это пожелалъ я написать вамъ, братія мои, не для того, чтобъ стяжать славу и быть прославленнымъ отъ людей. Да не будетъ! Ибо такой человѣкъ безуменъ и чуждъ славы Божіей. Но написалъ для того, чтобъ вы увидѣли и познали безмѣрное человѣколюбіе Божіе и то, сколь легко бремя заповѣдей Спасителя нашего Бога, и, напротивъ, сколь велико и несравненно воздаяніе бла-

гости Его; познавъ же это, чтобъ или возжелали улучить и себѣ любовь Его, или убоялись и вострепетали, какъ вѣчной смерти, лишенія оной. При этомъ и для того пожелалъ я написать о всемъ сказанномъ, чтобъ вы познали высоту смиренія и знакъ совершенной любви. Еще и для того, чтобъ вы познали и дѣло снисшествія Божія и даръ божественной Его благодати, т.-е., эту мѣну, какую сдѣлалъ Онъ съ нами человѣками, пріявъ человѣчество и давъ вмѣсто его Божество; чтобъ познали дивный образъ возстановленія нашего и то. какъ живутъ восхотѣвшіе вѣровать въ распеншагося Христа, тѣ, то-есть, которые восподражали Его послушанію и смиренію и рѣшились, отвратясь отъ худшаго, устремиться къ лучшему, отъ грѣха къ добродѣтели, отъ земнаго къ небесному, отъ плотскаго къ духовному, отъ человѣческаго къ божественному; и еще чтобъ увидѣли, какъ измѣняются тѣ которые оставляютъ все по любви къ возлюбившему насъ Богу, и однакожь не лишаются ничего ни изъ настоящаго, ни изъ будущаго,—т.-е. какъ омраченные входятъ дивно въ свѣтъ, приближаясь къ великому свѣту, и какъ они соединяясь съ горнимъ, поставляются богами и надъ дольнимъ, какъ это было въ древнее время съ Моисеемъ, — какъ находясь среди всѣхъ, не оскверняются нисколько сообращеніемъ съ ними, и благотворя ближнимъ, не терпятъ никакого ущерба въ добрѣ, но оказывая милость другимъ, сами получаютъ больше, чѣмъ даютъ,—особенно когда по человѣколюбію дѣлаются подобными человѣколюбивому Богу;—какъ они смиряются по мѣрѣ того, какъ возвышаемы бываютъ и какъ возвышаются по мѣрѣ того, какъ смиряются: лишаются всего необходимаго въ жизни по смиренію,—и не терпятъ никакого лишенія, будучи питаемы вѣчною жизнію святой любви.

Се, открылъ я вамъ таинства, которыя были сокрыты

во мнѣ; ибо вижу, что близокъ конецъ жизни моей. Я желалъ дать вамъ увидѣть и познать и образы покаянія, и первыя ступанія новоначальныхъ, и успѣхи среднихъ, и мѣры совершенныхъ, и расположить васъ подражать, если не хотите другому кому, то мнѣ духовному отцу своему, породившему васъ духовно, возлюбившему васъ отъ всей души, воздоившему васъ млекомъ слова Божія, напитавшему хлѣбомъ животворящимъ всяческая и показавшему, какъ шествовать путемъ спасительныхъ заповѣдей Бога,—Коему подобаетъ всякая слава, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

ПРЕПОДОБНАГО СИМЕОНА НОВАГО БОГОСЛОВА.

Дѣятельныя и Богословскія главы.

1) Вѣра есть (быть готову) умереть Христа ради за заповѣдь Его, въ убѣжденіи, что такая смерть приноситъ жизнь, — нищету вмѣнять въ богатство, худость и ничтожество въ истинную славу и знаменитость, и въ то время какъ ничего не имѣется, быть увѣрену, что всѣмъ обладаешь, — особенно же (она есть) стяжаніе неизслѣдимаго богатства познанія Христа и взираніе на все видимое, какъ на прахъ или дымъ.

2) Вѣра во Христа есть не то только, чтобъ небречь о пріятностяхъ жизни, но и то, чтобъ терпѣливо и благодушно переносить всякое находящее искушеніе, въ печаляхъ, скорбяхъ и непріятныхъ случайностяхъ, пока возблаговолитъ Богъ призрѣть на насъ, — подражая Давиду, который говоритъ: *терпя потерпѣхъ Господа и внялъ ми* (Пс. 39, 1). [Т. е., терпя скорби, я уповалъ, что Господь поможетъ мнѣ; почему и Господь, видя, что я не колеблясь чаю помощи отъ Него, призрѣлъ на меня и явилъ мнѣ милость свою].

3) Предпочитающіе въ чемъ либо родителей своихъ заповѣди Божіей вѣры во Христа не имѣютъ. Конечно, и собственная совѣсть ихъ обличаетъ ихъ въ такомъ невѣріи, если только совѣсть жива въ нихъ. Ибо истинно вѣрующихъ отличительный знакъ есть ни въ чемъ ни-

когда не преступать заповѣди великаго Бога и Спаса нашего Іисуса Христа.

4) Вѣра во Христа, истиннаго Бога, раждаетъ желаніе вѣчныхъ благъ и страхъ мученій; желаніе же сихъ благъ и страхъ мукъ приводятъ къ строгому исполненію заповѣдей, а строгое исполненіе заповѣдей научаетъ людей глубокому сознанію своей немощности; это сознаніе истинной немощности нашей раждаетъ память о смерти; кто же возымѣлъ сію память сожительницею себѣ, тотъ преболѣзненно взыщетъ узнать, каково будетъ ему по исходѣ и удаленіи изъ сей жизни; а кто тщательно старается узнать о будущемъ, тому прежде всего надлежитъ лишить себя настоящаго (т.-е. благъ и вещей міра сего). Ибо обладаемый пристрастіемъ къ чему либо изъ сего послѣдняго, даже самому ничтожному, не можетъ стяжать совершеннаго познанія о томъ первомъ. Даже когда бы, по смотрѣнію Божію, вкусилъ онъ сколько нибудь такого познанія, то—если тотчасъ не оставитъ того, пристрастіемъ къ чему одержимъ, и не предастся всецѣло стяжанію сего единаго познанія, не позволяя себѣ даже думать о чемъ либо другомъ кромѣ его,—взято будетъ отъ него и это познаніе, какое мнится онъ имѣти.

5) Отреченіе отъ міра и совершенное изъ него удаленіе,—если воспріиемъ при семъ и совершенное отрѣшеніе отъ всѣхъ житейскихъ вещей, нравовъ, воззрѣній (принциповъ) и лицъ, съ отверженіемъ тѣла и воли своей въ короткое время великую принесетъ пользу тому, кто съ такимъ жаромъ ревности отрекся отъ міра.

6) Имѣя въ намѣреніи удалиться изъ міра, смотри не вдавай души своей въ плотскія утѣшенія, въ началѣ, пока еще живешь и вращаешься въ мірѣ, хотя бы всѣ сродники и друзья понуждали тебя къ тому. Это имъ демоны внушаютъ, чтобъ погасить теплоту сердца тво-

его,—чрезъ что, если и не воспрепятствуютъ они исполненію твоего намѣренія, то всячески охладятъ и ослабятъ его.

7) Когда ты мужественно будешь отказываться отъ всѣхъ удовольствій житейскихъ и держать себя чуждымъ всякаго утѣшенія, тогда демоны, возбудивъ состраданіе въ родныхъ, заставятъ ихъ плакать и рыдать о тебѣ предъ лицемъ твоимъ. Что это истинно такъ есть, сіе познаешь изъ того, что, когда ты останешься непоколебимъ и при этомъ искушеніи, то тотчасъ увидишь, какъ родные твои возгорятся яростію и ненавистію противъ тебя, отвратятся отъ тебя какъ отъ врага и смотрѣть на тебя хотѣть не будутъ.

8) Видя скорбь о себѣ родителей, братьевъ и друзей, посмѣвайся демону, разнообразно симъ способомъ противъ тебя вооружающемуся; но поспѣши и удалиться со страхомъ, прилежною докучая Богу молитвою, сподобить тебя поскорѣе достигнуть въ пристанище добраго отца, въ коемъ сей упокоилъ бы душу твою, утружденную и обремененную, ибо житейское море представляетъ много бѣдственнаго и крайне пагубнаго.

9) Желающій возненавидѣть міръ, изъ глубины души долженъ возлюбить Бога, и память о Немъ стяжать непрестанную, ибо ничто другое, какъ сіе, не побуждаетъ съ радостію оставить все и отвращаться отъ того, какъ отъ уметовъ.

10) Ни по благословнымъ, ни по безсловеснымъ причинамъ, не оставайся долго въ мірѣ, но какъ только познанъ будешь, спѣши послушаться. Ибо ничему другому не радуется такъ Богъ, какъ нашей скорости (въ исполненіи воли Его), такъ какъ лучше скорое послушаніе съ бѣдностію, нежели медлительность со множествомъ имѣній.

11) Если міръ и что въ мірѣ преходитъ все, а Богъ

нетлѣненъ и безсмертенъ; то радуйтесь всѣ, которые ради Его оставили тлѣнное. Тлѣнно же не только богатство и деньги, но и всякое удовольствіе и наслажденіе грѣховное есть тля. Однѣ заповѣди Божіи свѣтъ суть и жизнь, — и такъ всѣми именуются.

12) Если, брате, пламенемъ ревности о спасеніи объятый, бѣгомъ притекъ ты въ киновію, или къ духовному отцу, то, когда будетъ предлагать тебѣ онъ или сподвизающіеся тебѣ братія, бани, или брашна, или другія какія утѣшенія въ упокоеніе плоти, не соглашайся на то. Но всегда будь готовъ (желай, ищи, стремись) къ поществію, къ злостраданію (произвольнымъ лишеніямъ), къ крѣпкому воздержанію. Если отецъ твой о Господѣ повелитъ тебѣ дать нѣкое утѣшеніе тѣлу, послушай его, отсѣкая и въ этомъ собственную волю свою; а если нѣтъ, то съ радостію исполняй терпѣливо, что дѣлать произволилъ ты (т.-е всячески воздерживаться отъ всего). Соблюдая сіе, будешь всегда во всемъ, какъ постящійся и воздерживающійся и своей воли по всему отрекшійся. И не это только, но и сущій въ сердцѣ твоемъ пламень, все презирать тебя понуждающій, сохранишь ты неугасимыхъ.

13) Когда демоны, сдѣлавъ все съ своей стороны, не успѣютъ разстроить наше по Богу намѣреніе, или воспрепятствовать исполненію его, тогда привходятъ они въ притворяющихся благочестивыми (братій), и посредствомъ ихъ покушаются воспрепятствовать начавшимъ уже подвизаться, въ добрыхъ подвигахъ ихъ. И вопервыхъ, будто любовію и состраданіемъ движимые, совѣтуютъ имъ не чуждаться тѣлесныхъ утѣшеній, чтобъ и тѣло, говорятъ, не изнемогло и самимъ не впасть въ уныніе. Потомъ, вызывая ихъ на безполезныя бесѣды, цѣлые дни попусту проводить въ нихъ заставляютъ. Затѣмъ, если кто изъ ревностныхъ послушаетъ ихъ совѣ-

товъ и станетъ подобенъ имъ, то они начинаютъ смѣяться надъ тѣмъ, будто радуясь его погибели; если же не послушаетъ ихъ словъ, но сохранитъ себя чуждымъ всего, себѣ внимающимъ и бездерзновеннымъ (скромнымъ и робкимъ предъ всѣми), то подвигаются на зависть и вооружаются противъ него, употребляя всѣ способы, чтобъ изгнать его даже изъ монастыря: ибо для безчестнаго тщеславія несносно видѣть, какъ у него предъ глазами хвалятъ истинное смиреніе.

14) Томится болѣзненно тщеславный, видя, какъ смиренный, проливая слезы, и Бога ими умилостивляетъ и людей подвигаетъ къ невольной похвалѣ.

15) Послѣ того, какъ предашь ты всего себя духовному отцу своему, знай, что ты чуждъ всему, что принесъ совнѣ,—вещи ли то какія, или деньги. Почему ничего не дѣлай съ ними безъ его воли и ничего не проси себѣ у него изъ того, ни малаго, ни большаго; развѣ только самъ онъ, по собственному произволенію, или тебѣ велитъ взять что, или собственноручно дастъ тебѣ то.

16) Безъ воли отца твоего по Богу не загадывай давать милостыню изъ принесенныхъ тобою денегъ; но и чрезъ посредника какого не домогайся взять у него что либо изъ нихъ. Ибо лучше быть и именоваться нищимъ и страннымъ, нежели расточать и раздавать бѣднымъ деньги, когда ты еще новоначальный. Все предать въ волю духовнаго отца своего, какъ въ руку Божію, есть дѣло совершенной вѣры.

17) Даже глотка воды проглотить не проси, хотя бы случилось тебѣ быть палиму жаждою, пока духовный отецъ твой, самъ въ себѣ подвигнутъ будучи, не велитъ тебѣ это сдѣлать. Утѣсняй себя и нудь во всемъ, уговаривая себя такими словами: если хощетъ Богъ и достоинъ будешь напиться, то Онъ откроетъ всеконечно

отцу твоему сказать тебѣ: „напейся“. И тогда напьешься съ чистою совѣстію, хотя бы это было и не во время.

18) Нѣкто, опытомъ познавшій духовную пользу и неложную стяжавшій вѣру, предлагая Бога свидѣтелемъ истины, сказалъ: я положилъ въ себѣ такой помыслъ, чтобъ никогда не просить у отца моего ни ѣсть ни пить и вообще ничего другаго не принимать, пока Богъ не внушитъ ему приказать мнѣ это. И дѣйствуя такъ, я никогда, говоритъ, не былъ тщетенъ въ надеждѣ моей.

19) Дѣйственную стяжавшій вѣру къ отцу своему по Богу, видя его, мнитъ видѣть самого Христа, и бывая съ нимъ или послѣдуя ему, вѣруетъ несомнѣнно со Христомъ быть и Ему послѣдовать. Таковый никогда не пожелаетъ бесѣдовать съ кѣмъ либо другимъ, и не предпочтетъ что либо изъ мірскихъ вещей памяти и любви Его. Ибо что лучше, или что полезнѣе, въ настоящей и въ будущей жизни, того, чтобъ быть со Христомъ? Что прекраснѣе или сладчае созерцанія Его? Если же и бесѣды отъ Него сподобляется кто, то конечно почерпаетъ изъ нея жизнь вѣчную.

20) Благорасположенно любящій тѣхъ, которые его поносятъ и обижаютъ, и причиняютъ ему ущербъ, и молящійся о нихъ въ короткое время достигаетъ великаго преспѣянія. Ибо когда такъ бываетъ въ чувствѣ сердца, тогда это благонастроеннаго симъ образомъ вводитъ въ бездну смиренія и изводитъ изъ него источники слезъ, въ которыхъ погружается вся троечастность души (т.-е., разумная, желательная и раздражительная ея силы),—возводитъ умъ на небо безстрастія и дѣлаетъ его созерцательнымъ,—вкушеніемъ же тамошнихъ благъ располагаетъ вмѣнять въ уметы всѣ блага настоящей жизни, и самую пищу и питіе принимать не въ сладость и не такъ часто.

21) Не отъ дѣлъ только злыхъ должно подвижнику

удаляться, но надобно стараться быть свободнымъ и отъ помысловъ и мыслей противныхъ (заповѣдямъ и волѣ Божіей),—и всегда быть заняту въ себѣ душеспасительными и духовными воспоминаніями, пребывая безпопечительнымъ о вещахъ житейскихъ.

22) Какъ тотъ, кто обнажилъ все тѣло свое, если оставитъ при семъ глаза свои закрытыми какимъ либо покровомъ и не захочетъ взять свой покровъ и сбросить не можетъ отъ одного этого обнаженія прочаго тѣла видѣть свѣтъ, такъ и тотъ кто оставилъ всѣ свои и вещи и деньги, избавился и отъ самыхъ страстей сихъ, если не освободитъ при семъ и ока души своей отъ воспоминаній житейскихъ и помышленій худыхъ никогда не увидитъ умнаго свѣта, Господа нашего Іисуса Христа и Бога.

23) Что покровъ, на глаза наложенный, то помыслы мірскіе и воспоминанія житейскія для ума, или ока души. До тѣхъ поръ, пока попустимъ имъ быть, ничего не увидимъ; когда же изгонимъ ихъ памятію о смерти, тогда узримъ свѣтъ истинный, просвѣщающій всякаго человѣка, грядущаго въ міръ.

24) Кто слѣпъ отъ рожденія, тотъ не можетъ знать силу пишемаго, ни вѣрить тому; но если онъ когда либо сподобится прозрѣть, то станетъ сосвидѣтельствовать, что пишемое и читаемое истинно.

25) Видящій чувственными очами знаетъ, когда бываетъ день и когда ночь, а слѣпой не знаетъ ни того, ни другаго. И духовно прозрѣвшій, и зрящій умными очами, если послѣ того, какъ повидитъ истинный и незаходимый свѣтъ, по нерадѣнію и безпечности, опять возвратится къ прежнему ослѣпленію и лишится свѣта, то, находясь въ благочувствіи, добрѣ чувствуетъ лишеніе сего свѣта, того, и отъ чего случилось съ нимъ такое лишеніе, не невѣдаетъ; но пребывающій отъ рож-

денія слѣпымъ (духовно) ничего такого не знаетъ ни по опыту, ни по дѣйству,—развѣ слухомъ что услышитъ и узнаетъ о томъ, чего никогда не видалъ, и станетъ разсказывать о томъ другимъ, хотя ни онъ, ни слышащіе ничего вѣрно не знаютъ о тѣхъ вещахъ, о коихъ разговариваютъ.

26) Невозможно и плоть наполнять досыта брашнами, и духовно наслаждаться умными и божественными благами. Ибо въ какой мѣрѣ кто работаетъ чреву, въ такой лишаетъ себя вкушенія духовныхъ благъ; напротивъ, въ какой мѣрѣ кто станетъ утончать тѣло свое, соразмѣрно съ тѣмъ будетъ насыщаемъ пищею и утѣшеніемъ духовными.

27) Оставимъ все земное,—не богатство только и золото, и другія вещи житейскія, но и самое похотѣніе къ нимъ совершенно изгонимъ изъ душъ нашихъ. Возненавидимъ не только удовольствія тѣла, но и безсловесныя движенія его, и постараемся умертвить его трудами и подвигами: ибо чрезъ него возбуждаются похоти и приводятся въ дѣло. И пока оно живо, по всей необходимости душа наша бываетъ мертвою,—труднодвижною, или и совсѣмъ неподвижною на всякую заповѣдь Божію.

28) Какъ пламень огня всегда поднимается вверхъ, особенно когда станешь ворочать вещество, въ которомъ возгорѣлся и горитъ огонь; такъ и сердце тщеславнаго не можетъ смиряться. Но какъ только скажешь ему что для его пользы, онъ болѣе и болѣе воздымается; если его обличаютъ и вразумляютъ, онъ противорѣчитъ сильно; если хвалятъ и привѣчаютъ, онъ напыщается злѣ.

29) Человѣкъ, научившійся противорѣчить, самъ для себя есть обоюду острый мечъ: онъ убиваетъ душу свою, не сознавая того, и дѣлаетъ ее чуждою жизни вѣчной.

30) Противорѣчивый подобенъ тому, кто произвольно

предается противникамъ царя своего, врагамъ. Противорѣчіе есть удочка, имѣющая затравою правдословіе (защиту правды, себя-оправданіе, самозащиту), которымъ будучи прельщаемы, проглатываемъ мы удочку (крючокъ удильный) грѣха. Такъ обыкновенно похищается такая бѣдная душа за языкъ и гортань духами злобы. И то воздымается горѣ, то погружается въ хаотическую бездну грѣха и осуждается вмѣстѣ съ ниспадшими съ неба.

31) Кто, будучи безчестимъ или досаждаемъ, сильно болитъ отъ этого сердцемъ, о томъ вѣдомо да будетъ изъ сего, что онъ носитъ древняго змія въ нѣдрахъ своихъ. Если онъ станетъ молча переносить наносимое ему, или противоотвѣчать съ великимъ смиреніемъ, то сдѣлаетъ сего змія немощнымъ и разслабленнымъ (и совсѣмъ убьетъ). А если будетъ противорѣчить съ горечью и говорить съ дерзостію, то станетъ придавать силы змію—изливать ядъ въ сердце свое и немилосердо пожирать внутренности свои; такъ что змій тотъ, будучи такимъ образомъ каждодневно усиливаемъ, поглотитъ, наконецъ, самое намѣреніе бѣдной души его исправить себя и держать исправною въ добрыхъ порядкахъ жизни, и силу къ тому отыметъ. И станетъ таковый послѣ сего жить грѣху и совсѣмъ мертвымъ быть правдѣ.

32) Если захочешь отречься отъ міра и научиться евангельскому житію, то отдай себя не неопытному и не нечуждому страстей учителю, чтобъ вмѣсто евангельскаго діавольскому не научиться житію. Ибо у добрыхъ учителей и уроки бываютъ добрые, а у худыхъ—худые; отъ худыхъ же сѣменъ и произрастенія бываютъ всегда худыя.

33) Молитвами и слезами умоли Бога послать тебѣ руководителя безстрастнаго и святаго. Изслѣдуй и самъ Божественныя Писанія, и особенно дѣятельныя писанія св. отцевъ; чтобъ, съ ними сличая то, чему учатъ тебя

учитель и настоятель, могъ ты, какъ въ зеркалѣ, видѣть, насколько они согласны между собою,—и затѣмъ согласное съ писаніями усвоять и удерживать въ мысли, а несогласное—разсудивъ добрѣ—отлагать, чтобъ не прельститься. Ибо знай, что во дни сіи много явилось прелестниковъ и лжеучителей.

34) Всякій невидящій (слѣпой духовно), если берется руководить другихъ, есть прелестникъ, и послѣдующихъ ему ввергаетъ въ ровъ пагубы, по слову Господа: *слѣпецъ слѣпца аще водитъ, оба въ яму впадутъ* (Мѳ. 15, 14).

35) Слѣпой въ отношеніи къ одному (Богу), слѣпъ и весь въ отношеніи ко всему; и видящій въ единомъ (Богѣ) въ видѣніи есть всего; между тѣмъ онъ и отстоитъ отъ видѣнія всего, и бываетъ въ видѣніи всего, и есть внѣ всего видимаго. Будучи такъ въ Единомъ, видитъ онъ все, и во всемъ будучи, не видитъ ничего изъ всего. Видя во Единомъ, чрезъ Него видитъ и себя, и все, и всѣхъ; и будучи сокрытъ въ Немъ, ничего изъ всего не видитъ.

36) Кто во внутреннемъ своемъ умномъ или духовномъ человѣкѣ не облекся во образъ Господа нашего Іисуса Христа, небеснаго человѣка и Бога, съ чувствомъ и сознаніемъ, тотъ кровь только есть и плоть, и не можетъ посредствомъ слова только воспріять чувство духовной славы, подобно тому; какъ и слѣпые отъ рожденія не могутъ познать, что такое есть свѣтъ солнца, изъ словъ только о немъ.

37) Кто слышитъ такъ, и видитъ, и чувствуетъ, тотъ знаетъ силу того, что говорится, какъ уже облекшійся во образъ небеснаго и пришедшій *въ мужа совершенна, въ мѣру возраста исполненія Христова* (Еф. 4, 13). Будучи таковымъ, можетъ онъ добрѣ руководить на пути заповѣдей Божіихъ и стадо Христово. А кто не знаетъ этого и не таковъ есть, въ томъ, очевидно, чувства души

непросвѣщены и нездравы. И ему гораздо лучше быть руководиму, нежели руководить съ опасностію для другихъ и себя.

38) Напряженно внимающій своему учителю и руководителю, какъ Богу, противорѣчить не можетъ. Кто думаетъ и говоритъ, что имѣетъ то и другое (т.-е., что онъ и внимаетъ отцу своему, какъ Богу, и противорѣчитъ), тотъ да вѣдаетъ, что находится въ заблужденіи: ибо не знаетъ, какое расположеніе къ Богу имѣютъ люди Божіи.

39) Кто вѣруетъ, что въ рукѣ пастыря его находится его жизнь и смерть, тотъ никогда не воспротиворѣчитъ. Невѣдѣніе же сего раждаетъ прекословіе, причиняющее духовную и вѣчную смерть.

40) Пока не состоится рѣшеніе надъ подсудимымъ, ему дается слово самооправданія,—говорить судьѣ о томъ, что надѣлалъ; по раскрытіи же дѣлъ его и произнесеніи надъ нимъ рѣшенія судіи, онъ уже ни мало, ни много не противорѣчитъ тѣмъ, кои наказываютъ его (во исполненіе приговора).

41) Прежде чѣмъ вступитъ монахъ въ это судилище (покаянія—монастырь) и откроетъ лежащее на сердцѣ его, можетъ быть можно ему говорить что противъ, одно по невѣдѣнію, другое по замышленію скрыть иныя свои дѣла. По открытіи же и искренней исповѣди своихъ помысловъ, уже нельзя ему никогда противорѣчить своему по Богу судьѣ и владыкѣ, даже до смерти. Ибо монахъ, вступившій въ сіе судилище и въ началѣ обнажившій сокровенности сердца своего, съ самыхъ начатковъ жизни здѣсь носитъ, если имѣетъ здравый смыслъ, убѣжденіе, что онъ достоинъ безчисленныхъ смертей, но вѣруетъ, что чрезъ свое послушаніе и смиреніе избавится отъ всякаго мученія и наказанія, если, конечно, истинно знаетъ силу таинства сего.

42) Кто неизгладимо сохраняетъ сіе въ умѣ своемъ, тотъ никогда не подвигнется сердцемъ на недолжное, когда его учатъ, вразумляютъ и обличаютъ. Ибо впадающій при семъ въ пагубный грѣхъ прекословія и невѣрія духовному отцу своему и учителю, еще живой бѣдственно низводится въ глубину ада, и становится жилищемъ сатаны и всего его нечистаго воинства, какъ непокоривый сынъ погибели.

43) Умоляю тебя, взявшаго на себя иго послушанія, часто обращать сіе въ мысли своей и со всякимъ стараніемъ подвизаться, чтобъ не попасть, какъ сказано, въ адъ на муки вѣчныя; но всякой день такъ молиться тепло Богу и говорить: Боже и Господи всяческихъ, имѣющій власть надъ всякимъ дыханіемъ и всякою душею, Единъ могущій уврачевать меня, услыши моленіе мое, и гнѣздящагося во мнѣ бѣдномъ змія, наитіемъ всесвятаго Духа Твоего, умертвивъ, истреби. Научи и настрой меня нищаго и обнаженнаго отъ всякой добродѣтели, припадать къ стопамъ отца моего, и его святую душу расположи къ состраданію и милостивости ко мнѣ. Даруй, Господи, смиреніе въ сердце мое и помыслы, подобающіе грѣшнику, положившему каяться Тебѣ. Не остави въ конецъ душу, единожды сочетавшуюся Тебѣ, Тебя исповѣдавшую, Тебя вмѣсто всего міра избравшую и всему предпочетшую. Ты вѣдаешь, Господи, что я желаю спастися, хотя злый обычай мой полагаетъ тому препятствіе. Но Тебѣ, Владыко, возможно все, невозможное для людей.

44) Тѣ, которые во дворѣ благочестія со страхомъ и трепетомъ положили доброе основаніе вѣры и надежды, и ноги свои незыблемо утвердили на камнѣ послушанія духовнымъ отцамъ, слушая заповѣдуемое ими, какъ изъ устъ Божіихъ, и, на семъ основаніи послушанія безъ колебаній въ смиреніи души устрояя исполненіе того—

скоро преуспѣваютъ. И исправляется въ нихъ великое и первое дѣло, состоящее въ томъ, чтобъ отвергнуться себя самихъ. Ибо исполненіе чужой, а не своей воли не только самоотверженіе душевное укореняетъ, но и умертвіе всему міру производитъ.

45) Тому, кто прекословитъ отцу своему, соралуются демоны; тому же, кто даже до смерти смиряется предъ нимъ, удивляются Ангелы. Ибо таковый дѣло Божіе совершаетъ, уподобляясь Сыну Божію, который исполнилъ послушаніе Отцу своему даже до смерти, смерти же крестныя.

46) Безмѣрное и безвременное сокрушеніе сердца о чемъ либо чувственномъ омрачаетъ и возмущаетъ умъ. Оно изгоняетъ изъ души чистую молитву и умиленіе, а всаждаетъ въ нее болѣзненное томленіе сердечное. Отсюда жесткость и нечувствіе безмѣрное; а чрезъ это демоны обыкновенно отчаяніе наводятъ на взявшихся жить духовно.

47) Когда случится съ тобою таковое, монаше, ты же между тѣмъ находишь въ душѣ своей ревность и великое желаніе совершенства, такъ что сильно стремишься исполнить всякую заповѣдь Божію, не погрѣшить даже въ праздномъ словѣ, и нисколько не отстать отъ древнихъ святыхъ, ни въ дѣяніи, ни въ вѣдѣніи, ни въ созерцаніи, но видишь, что тебѣ препятствуетъ въ этомъ врагъ, всѣвая плевелы малодушія и не попуская тебѣ воспарить на такую высоту святости, тѣмъ, что наводитъ разслабленіе, чрезъ возметаніе помысловъ страшливыхъ такими внушеніями: невозможно тебѣ спастись среди міра и неопустительно исполнять всѣ заповѣди Божіи; тогда ты, сѣдши въ уголъ, одиноко, сожмись и собери помыслы свои,—и дай благой совѣтъ душѣ своей, сказавъ ей: *вскую прискорбна еси, душе моя? И вскую смущаеши мя? Уповай на Бога, яко исповѣмся*

Ему. Спасеніе лица моего не дѣла мои, а *Богъ мой* есть (Псал. 41, 6). Кто оправдится отъ дѣлъ закона? И Царепророкъ говоритъ: *неоправдится предъ Тобою всякъ живый* (Пс. 142, 2). Но вѣрою, какую имѣю въ Бога моего, надѣюсь спасеннымъ быть по неизреченному благоутробію Его даромъ. Ступай прочь съ глазъ моихъ сатана! Господу Богу моему поклоняюся и отъ юности моей служу Ему, могущему спасти меня по единой милости Своей. Отступи же отъ меня. Богъ, создавшій меня по образу и подобію своему, да сокрушитъ тебя.

48) Богъ отъ насъ человѣковъ не требуетъ ничего другаго, кромѣ одного того, чтобъ мы не грѣшили. Но это не есть исполненіе закона, а только ненарушимое храненіе образа и горняго достоинства, въ коихъ стоя по естеству и нося свѣтло-осіянную одежду Духа, мы пребываемъ въ Богѣ и Онъ въ насъ, бываемъ по благодати богами и сынами Божіими, и знаменуемся свѣтомъ познанія Бога (по слову: *знаменася на насъ свѣтъ лица Твоего, Господи.* Пс. 4, 7).

49) Разслабленіе и тягота тѣлесная, прибывающія въ душу отъ лѣности и нерадѣнія, отбиваютъ отъ обычнаго правила и производятъ омраченіе ума и малодушіе. Отсюда почасту появляться начинаютъ въ сердцѣ помыслы страхованія и хулы, и искушаемый демономъ разслабленія и унынія нерѣдко отъ робости не можетъ войти въ обычное мѣсто молитвы и предается лѣности, а нерѣдко испытываетъ нападки неумѣстныхъ помышленій о Творцѣ всяческихъ. Итакъ, зная причину, откуда это тебѣ нашло, поспѣши войти въ обычное мѣсто молитвы твоей и падши предъ человѣколюбивымъ Богомъ, молись со стенаніями сердечными, въ сокрушеніи и слезахъ, испрашивая избавленія отъ тяготы разслабленія и унынія, и отъ помысловъ злыхъ. И вскорѣ дано бу-

детъ тебѣ освобожденіе отъ нихъ, если будешь толкать (въ двери милосердія Божія) притрудно и неотступно.

50) Кто стяжалъ чистое сердце, тотъ побѣдилъ страхованіе. А кто еще очищаетъ его, тотъ иногда побѣждаетъ его, а иногда самъ бываетъ побѣжденъ имъ. Кто же совсѣмъ не подвизается (о сей чистотѣ), тотъ *или* всеконечно, ниспалъ въ состояніе нечувствія и, какъ другъ страстей и бѣсовъ, при тщеславіи болѣзнуя еще и самомнѣніемъ, *мнитъ себе быти что, ничтоже сый* (Гал. 6, 3),—*или* есть рабъ, преданный въ руки страхованія, и, какъ младенчествующій умомъ, трепещетъ и боится страха тамъ, гдѣ для боящихся Бога нѣтъ страха, ни страхованія.

51) Боящійся Бога не боится устремленія противъ него бѣсовъ, ни ихъ немощныхъ нападеній, равно какъ и угрозъ злыхъ людей, но, будучи весь какъ пламень нѣкій и огнь палящій, когда даже проходитъ по скрытнымъ и неосвѣщеннымъ мѣстамъ, обращаетъ въ бѣгство демоновъ, которые больше, чѣмъ онъ отъ нихъ, бѣгутъ отъ него, чтобъ не быть опаленными отъ исходящаго изъ него пламеневиднаго луча божественнаго огня.

52) Кто проникнутъ страхомъ Божіимъ, тотъ не боится обращаться среди злыхъ людей. Имѣя внутрь себя страхъ Божій и нося непобѣдимое оружіе вѣры, онъ силенъ бываетъ на все и можетъ дѣлать даже то, что многимъ кажется труднымъ и невозможнымъ. Онъ ходитъ среди ихъ, какъ гигантъ среди обезьянокъ, или левъ, рыкающій среди псовъ и лисицъ, уповая на Господа, твердостію мудрованія своего изумляетъ ихъ, ужасаетъ смыслы ихъ, поражая ихъ словомъ премудрости, какъ жезломъ желѣзнымъ.

53) Не только безмолвникъ, или послушникъ, но и игуменъ, настоятель надъ многими,—и онъ, все устрояя, долженъ быть безпечаленъ, т.-е. свободенъ отъ печаль-

ной заботы о житейскихъ потребностяхъ. Ибо если печемся, то оказываемся преступниками заповѣди Божіей, которая говоритъ: *не печытеся душею вашею, что ясте, или что піете, или во что облечетеся, всѣхъ бо сихъ языцы ищутъ* (Мѳ. 6, 25. 32).—И еще: *зрите, да не когда отягчаютъ сердца ваша объяденіемъ и піянствомъ и печалми житейскими* (Лук. 21, 34).

54) У кого помыслъ занятъ попеченіемъ о житейскихъ вещахъ, тотъ несвободенъ: ибо попеченіе объ нихъ держитъ его въ своихъ рукахъ и дѣлаетъ рабомъ своимъ, для себя ли онъ заботится о нихъ, или для другихъ. Свободный же отъ сего ни для себя, ни для другихъ не печется о житейскомъ, будь онъ епископъ, или діаконъ, или игуменъ. Но и праздныхъ онъ никогда не бываетъ и ни о чемъ, даже самомъ послѣднемъ и ничтожномъ, никакого небреженія не оказываетъ; а богоугодно все дѣлая и устрояя, о всемъ безпечаленъ пребываетъ,— и это на всю жизнь.

55) Смотри не разори своего дома, желая построить домъ ближняго. Трудное это дѣло и неудобь исполнимое; почему поопасись, какъ бы не случилось, что взявшись за это, ты свой домъ разорить разоришь, но и того домъ построить отнюдь не можешь.

56) Если не стяжалъ ты совершеннаго безпристрастія къ житейскимъ вещамъ и деньгамъ: то не желай, чтобъ тебѣ поручена была экономія (смотрѣніе за этими вещами и распоряженіе ими по обители); чтобы не быть плѣненну ими, и вмѣсто воздаянія за трудъ служенія обители, не подпасть осужденію за воровство и святотатство. Если же будешь принужденъ настоятелемъ взять сіе дѣло: то веди его такъ, какъ бы ты обращался съ палящимъ огнемъ. Разстроивай и самый первый прилогъ помысла (о чуждоприсвоеніи) исповѣдію и покаяніемъ, и молитвою настоятеля сохраненъ будешь невредимымъ.

57) Не сдѣлавшійся безстрастнымъ не знаетъ даже, что есть безстрастіе, и не вѣритъ, чтобъ былъ кто либо такой на землѣ. Ибо тому, кто самъ не отвергся прежде себя и крови своей усердно не истощилъ за эту, воистину блаженную, жизнь,—какъ подумать, что другой кто сдѣлалъ это, чтобъ стяжать безстрастіе? Такимъ же образомъ и тотъ, кто мнится имѣти Духа Святаго, ничего не имѣя, когда слышитъ, что дѣйствія Духа Святаго явно познаваемы бываютъ въ тѣхъ, кои имѣютъ Его, никакъ тому не вѣритъ, равно какъ и тому, что есть кто либо и въ настоящемъ родѣ равный Апостоламъ Христовымъ и всѣмъ отъ вѣка святымъ, подобно имъ движимый и воздѣйствуемый Божественнымъ Духомъ, или въ видѣніи Его бывающій, съ сознаніемъ того и чувствомъ. Ибо всякій по собственному своему состоянію судитъ и о томъ, что касается ближнихъ,—по тому, т. е., каковъ самъ, по добродѣтели ли сказать, или по грѣхамъ.

58) Иное есть безстрастіе души и иное безстрастіе тѣла. То (душевное) и тѣло освящаетъ своимъ собственнымъ сіяніемъ и свѣтоизліяніемъ Духа; а это одно само по себѣ ни на что не полезно для того, кто стяжалъ его.

59) Какъ тотъ, кто изъ послѣдней бѣдности обогащенъ царемъ и возведенъ въ свѣтлый санъ, облеченъ имъ въ блестящее одѣяніе, и опредѣленъ стоять предъ лицемъ его,—и самого царя съ вожделѣніемъ видитъ и какъ благодѣтеля чрезмѣрно любитъ, и на одѣяніе, въ кое облеченъ, весело смотритъ,и санъ свой сознаетъ, и данное ему богатство знаетъ: такъ и монахъ, который, истинно, оставивъ міръ и все мірское, приступилъ ко Христу, и влекомъ будучи добрыми чувствами, воспелъ на высоту духовнаго созерцанія чрезъ исполненіе заповѣдей,—и самаго Бога непрелестно созерцаетъ, и совер-

шившееся въ немъ измѣненіе ясно видитъ. Ибо всегда видитъ осіяваюіцую его благодать Св. Духа, именуемую и одѣяніемъ, и царскою багряницею,—чѣмъ наипаче для вѣрующихъ есть самъ Христосъ Господь, такъ какъ вѣрующіе въ Него, облекаются въ Него.

60) Многіе сами читаютъ Божественныя Писанія, другіе слушаютъ читающихъ оныя; но немногіе бываютъ въ силахъ правильно уразумѣть значеніе и смыслъ читаемаго. Иные полагаютъ, что читаемое въ Писаніяхъ Божественныхъ—невозможно; иные, почитая прямой смыслъ пишемаго неудобопріемлемымъ, берутся истолковывать то по своему, и истолковываютъ злѣ. Что сказано о настоящемъ времени, о томъ судятъ, что оно будетъ имѣть мѣсто въ будущемъ; а что сказано о будущемъ, то понимаютъ, какъ сбывшееся уже, или сбывающееся каждый день. Такимъ образомъ, у нихъ нѣтъ правильнаго сужденія и истиннаго распознанія отличій въ вещахъ божескихъ и человѣческихъ.

61) На всѣхъ вѣрныхъ должны мы смотрѣть, какъ на одного, и думать, что въ каждомъ изъ нихъ пребываетъ Христосъ, и такое любовное имѣть къ нему расположеніе, чтобъ быть готовыми положить за него души свои. Отнюдь не должно намъ говорить или думать, что кто-либо золъ, но всѣхъ видѣть добрыми, какъ сказано. Хотя увидишь кого боримымъ страстьми, не брата, а страсти ненавидь, борющія его. А когда увидишь такого, надъ которымъ тиранствуютъ похоти и недобрыя привычки, имѣй къ нему еще большее состраданіе, чтобъ иначе и самому не быть искушену подобно ему,—какъ измѣнчивому и состоящему подъ вліяніемъ измѣнчиваго вещества.

62) Если кто фальшивъ отъ лицемѣрія, или по дѣламъ виновенъ, или немного уязвленъ какою либо страстію, или нѣсколько неисправенъ въ какомъ либо отно-

шеніи по нерадѣнію: то такой не пріемлется въ число исправныхъ во всемъ, но какъ непотребный и неискусстный на доброе, отметается, чтобы онъ не произвелъ разрыва въ союзѣ, которому должно пребывать неразрывнымъ, и раздѣленія между тѣми, которые должны пребывать нераздѣльными, тѣхъ и другихъ ввергнувъ въ печаль,—такъ какъ тѣ, кои впереди (преуспѣваютъ), станутъ болѣзненно печалиться о тѣхъ, кои позади ихъ, а сіи—о разлученіи съ тѣми, кои упредили ихъ.

Примѣчаніе. Переводъ дѣлается по тексту греческаго Доброголюбія. Мѣсто темно. Новогреческій переводъ дѣлаетъ ему такой перифразъ, со—*чтобы*: „чтобъ не сдѣлалъ онъ того, что связь цѣпи расторгнется, когда ее натянутъ, т.-е., чтобъ не причинилъ онъ расторженія единенія братій въ то время, когда они вдадутся въ большіе подвиги добродѣтелей, не произвелъ раздѣленія между братіями, которые должны пребывать нераздѣльными, и не сталъ причиною печали для обѣихъ частей, такъ какъ тѣ, которые идутъ впереди, т.-е., преуспѣваютъ въ добродѣтели, станутъ печалиться о тѣхъ, кои оказались позади, а оставшіеся назади станутъ печалиться о разлученіи съ первыми“.

63) Какъ тотъ, кто на пламень разженной печи набрасываетъ земли, угашаетъ оный, такъ и житейскія попеченія и всякій видъ пристрастія къ чему либо, даже послѣднему и ничтожному, истребляетъ возжегшуюся въ началѣ теплоту сердца.

64) *) Кто съ радостію и съ совершеннымъ чувствомъ отрекся отъ всего внѣшняго, отъ вещей, разумѣю и людей, и забылъ все сіе, преходя, какъ стѣну, всякое пристрастіе къ тому (оставляя позади себя): тотъ чуждъ міра и всего, что въ мірѣ, и, въ собранности держа умъ

*) Сего пункта нѣтъ въ Греч. и Слав. Доброголюбіи.

свой, въ одномъ поучается всегда—въ памяти и помышленіи о смерти. Почему и печется всегда о томъ, что касается суда и воздаянія, весь плѣненъ бываетъ симъ и, какъ узами, окованъ, внѣдряя неизреченный страхъ въ сердце свое такими помыслами и углубленіемъ въ нихъ.

65) *) Кто вселитъ во глубинѣ сердца своего страхъ суда, тотъ является на зрѣлищѣ міра, какъ нѣкій осужденникъ, закованный въ цѣпи. Почему пребываетъ объятъ страхомъ, какъ бы былъ схваченъ палачемъ немилостивымъ и влекомъ на мѣсто казни, не думая ни о чемъ другомъ, кромѣ страданій и терзаній, какія имѣетъ претерпѣть отъ мукъ въ вѣчномъ огнѣ. Это чувство мукъ хранится неизгладимо въ сердцѣ его страхомъ, породившимъ его, и (вмѣстѣ съ нимъ) не даетъ ему заботиться о чемъ либо человѣческомъ; такъ какъ онъ всегда находится въ такомъ состояніи, какъ бы былъ повѣшенъ на крестъ и чувствовалъ во всей силѣ болѣзни и страданія крестной смерти,—что и не попускаетъ ему ни внимать лицу чьему либо, ни думать о чести, или безчестіи человѣческихъ. Отъ всей души почитая себя достойнымъ всякаго презрѣнія и безчестія, и вниманія не обращаетъ онъ на поношенія и унижевія, какія ему дѣлаютъ.

66) **) Всякимъ яствомъ и питіемъ и украшеніемъ гнушается чреватый страхомъ смерти; и въ удовольствіе ни хлѣба не ѣстъ, ни воды не цьетъ, доставляя тѣлу только потребное, сколько нужно для поддержанія жизни; всякой воли своей отвергается и бываетъ разсудительнымъ рабомъ, исполняя все, что ни приказываютъ ему.

67) Предавшій себя въ рабы своимъ по Богу отцамъ

---

*) Сего нѣтъ въ Греч. и Слав. Добротолюбіи.

**) Въ Доброт. Гр. и Сл. 64; 67-й здѣшній, тамъ 65... и т. д.

не станетъ, ради страха мукъ, избирать изъ повелѣваемаго то, что облегчало бы болѣзнь сердца его и разрѣшало узы страха, и тѣхъ не послушаетъ, которые дружески, или льстительно, или повелительно поощряли бы его къ тому. Но паче предпочтетъ то, что возращало бы сію болѣзнь, возжелаетъ того, что крѣпче стягивало бы сіи узы, и возлюбитъ то, что дѣлало бы болѣе сильнымъ палача. Въ такихъ расположеніяхъ пребудетъ онъ навсегда, не питая надежды когда либо совсѣмъ освободиться отъ заслуженныхъ крайностей; ибо надежда избавленія дѣлаетъ болѣзнь сердца легчайшею, что не полезно теперь кающемуся.

68) Всякому, начавшему жить по Богу, полезенъ страхъ мукъ и порождаемая имъ болѣзнь сердца. Кто же безъ такого болѣзнованія и безъ такихъ узъ страха думаетъ положить начало (доброй жизни), тотъ не на пескѣ только полагаетъ основаніе своихъ дѣяній, но мечтаетъ построить домъ на воздухѣ безъ основанія, что конечно невозможно. Между тѣмъ болѣзнованіе то скоро порождаетъ всякую радость, узы сіи разрываютъ узы всѣхъ грѣховъ и страстей, и палачъ сей не смерти, а вѣчной жизни бываетъ виновникомъ.

69) Кто не станетъ уклоняться и бѣгать сердечнаго болѣзнованія, порождаемаго страхомъ вѣчнаго мученія, но будетъ послѣдовать ему произволеніемъ сердца (слѣдовать съ нимъ по доброму пути, или послѣдовать рѣшеніями произволенія съ сочувствіемъ сердца тому, что внушаетъ оно со страхомъ) и по мѣрѣ успѣха все болѣе и болѣе стягивать себя узами его,—тотъ поспѣшнѣе будетъ шествовать. Оно представитъ его и предъ лице Царя царствующихъ. И когда сіе будетъ, тогда,—лишь только воззритъ онъ, еще не такъ ясно, на славу Его, тотчасъ разрѣшатся узы его, страхъ-палачъ далеко отбѣжитъ отъ него и сердечное болѣзнованіе его прело-

жится въ радость, которая сдѣлается въ немъ живымъ ключемъ или бьющимъ источникомъ, источающимъ всегда чувственно рѣки слезъ, а духовно—тишину, кротость и неизреченное услажденіе, но при этомъ—и мужество съ готовностію свободно и невозбранно тещи ко всякому исполненію заповѣдей Божіихъ, что для новоначальныхъ еще невозможно, а свойственно возшедшему къ срединѣ преуспѣянія; для тѣхъ же, кои подходятъ къ совершенству, источникъ сей бываетъ свѣтомъ при внезапномъ измѣненіи и преложеніи сердца.

70) Имѣющій въ себѣ свѣтъ Всесвятаго Духа, не въ силахъ бывая стерпѣть зрѣніе Его, падаетъ на землю ницъ, взываетъ и вопіетъ въ ужасѣ и страхѣ великомъ, какъ увидѣвшій и испытавшій нѣчто такое, что выше естества, выше слова и разума. И бываетъ онъ подобенъ человѣку у котораго отъ чего нибудь возгорѣлись внутренности огнемъ, отъ котораго жегомый и жженія пламени не могши терпѣть, становится онъ весь измученнымъ и совсѣмъ неимѣющимъ силы быть въ себѣ. Но, будучи непрестанно орошаемъ слезами и ими прохлаждаемъ, еще сильнѣе воспламеняется онъ огнемъ желанія божественнаго, а отъ этого слезы еще обильнѣе у него текутъ, и онъ, будучи омываемъ изліяніемъ ихъ, еще блистательнѣе сіяетъ. Когда же, весь разжегшись, станетъ онъ, какъ свѣтъ, тогда исполняется на немъ сказанное (Богословомъ): „Богъ съ богами соединяемъ и ими познаваемъ“ (такъ Богъ соединяется съ обожаемыми отъ Него и Его познающими),—и притомъ въ такой, можетъ быть степени (исполняется сіе на немъ), въ какой соединился онъ уже съ Сочетавшимися съ нимъ и въ какой оказался познавшимъ Его.

71) Прежде плача и слезъ,—никто да не прельщаетъ насъ пустыми словами, и сами себя да не прельщаемъ,—нѣтъ въ насъ покаянія, ни истиннаго намѣренія пере-

мѣниться, ни страха Божія въ сердцахъ нашихъ: не сознали еще мы себя виновными и не осудили и душа наша не была еще въ чувствѣ будущаго суда и вѣчныхъ мукъ. Ибо еслибъ мы осудили себя, еслибъ возъимѣли такія движенія сердца, еслибъ были въ такихъ чувствахъ, то тотчасъ извели бы и слезы. Безъ этого же ни жестокосердіе наше никакъ не можетъ умягчиться, ни душа наша стяжать духовное смиреніе, ни мы не въ силахъ сдѣлаться смиренными. А кто не таковъ, тотъ не можетъ соединиться съ Духомъ Святымъ; не соединившійся же съ Нимъ чрезъ очищеніе себя отъ всего страстнаго, созерцанія Бога и Боговѣдѣнія сподобиться не можетъ, и недостоинъ сокровенно научаемымъ быть добродѣтелямъ смиренія.

72) *) Сначала отъ плача по Богу бываетъ смиреніе; отъ него приходятъ потомъ радость и веселіе неизреченныя; окрестъ же смиренія по Богу выростаетъ надежда спасенія. Ибо чѣмъ кто грѣшнѣйшимъ всѣхъ людей считаетъ себя отъ всей души, тѣмъ болѣе вмѣстѣ съ смиреніемъ разростается въ немъ надежда, цвѣтетъ внутрь сердца его и исполняетъ его удостовѣреніемъ, что онъ несомнѣнно имѣетъ быть спасенъ посредствомъ смиренія.

73) Чѣмъ болѣе кто нисходитъ въ глубину смиренія и осуждаетъ себя самого, какъ недостойнаго спасенія, тѣмъ болѣе плачетъ и изводитъ источники слезъ; по мѣрѣ слезъ и плача источается въ сердцѣ его духовная радость, а вмѣстѣ съ нею соисточается и свозрастаетъ надежда и даетъ вѣрнѣйшее удостовѣреніе во спасеніи.

74) Всякому надлежитъ разсматривать себя и внимать себѣ разумно, чтобъ ни на надежду одну не полагаться безъ плача по Богу и смиренія, ни опять на смиреніе

*) Сего—нѣтъ въ Греч. Добротолюбіи и слѣдующихъ до 78.

и слезы не полагаться безъ послѣдованія имъ надежды и радости духовной.

75) Есть мнимое смиреніе, происходящее отъ нерадѣнія и лѣности и отъ сильнаго осужденія совѣсти. Возимѣвшіе его нерѣдко почитаютъ его виною спасенія; но оно не есть таково воистинѣ, потому что не имѣетъ радостотворнаго плача, который бы соединенъ былъ съ нимъ.

76) Бываетъ и плачъ безъ духовнаго смиренія, и тѣ, которые плачутъ такимъ образомъ, тоже думаютъ, что такой плачъ очищаетъ грѣхи; но они тщетно обманываютъ себя, потому что лишены бываютъ сладости Духа, таинственно пораждающейся въ мысленномъ сокровищехранилищѣ души, и не вкушаютъ благости Господа. Почему таковые скоро воспламеняются гнѣвомъ и не могутъ совершенно презрѣть міра и то, что въ мірѣ. А кто не презритъ сего совершенно и не стяжетъ ненависти къ сему отъ всей души, тотъ никогда не возможетъ стяжать твердую и несомнѣнную надежду спасенія, но всегда влается сомнѣніемъ туда и сюда, такъ какъ не основалъ надежды своей на камнѣ.

77) Плачъ двоякое имѣетъ дѣйствіе: и, какъ вода, погашаетъ слезами весь пламень страстей и омываетъ душу отъ скверны, причиняемой ей ими; и опять, какъ огонь, присутствіемъ Святаго Духа животворитъ, согрѣваетъ и обогняетъ сердце и воспламеняетъ въ немъ любовь и вожделѣніе къ Богу.

78) Внимай себѣ и познай дѣйствія, происшедшія въ тебѣ отъ смиренія и плача, и замѣчай, какую пользу приносятъ они тебѣ каждый часъ. Въ новоначальныхъ же и такая еще бываетъ отъ нихъ польза, — отверженіе всякой земной заботы и пристрастія и отреченіе отъ всѣхъ людей,—родителей, родныхъ и друзей,—безпонеченіе и

презрѣніе всѣхъ вещей,—денегъ и всего, не только до послѣдней нитки, но даже и до самого тѣла своего.

79) *) Притворяющихся добродѣтельными и иными являющихся по внѣшнему виду, иными же бывающихъ по внутреннему человѣку,—исполненныхъ иной разъ всякой неправды, полныхъ зависти, рвенія и зловонія страстей чувственныхъ,—многіе почитаютъ, какъ безстрастныхъ и святыхъ, имѣя неочищеннымъ око души (чтобъ познать ихъ прямо) и не въ состояніи будучи познать ихъ по плодамъ ихъ; а тѣхъ, которые живутъ въ благоговѣйствѣ, добродѣтели и простотѣ сердца, и суть воистину святы, не отличаютъ отъ прочихъ людей, мимоходятъ ихъ съ небреженіемъ и вмѣняютъ ни во что.

80) Говоруна и показливаго такіе почитаютъ болѣе учительнымъ и духовнымъ; а молчаливаго и блюдущагося отъ празднословія почитаютъ дикаремъ, необразованнымъ и безгласнымъ.

81) Отъ того, кто говоритъ въ Духѣ Святомъ, высокоумные и недугующіе діавольскою гордынею отвращаются, какъ отъ высокоумнаго и горделиваго, будучи словами его паче поражаемы, чѣмъ приводимы въ умиленіе и сокрушеніе; а того, кто мелетъ, какъ жерновъ, и говоритъ отъ чрева своего или по наукѣ, хваллятъ и принимаютъ, хотя онъ о дѣлѣ спасенія все лживо толкуетъ. Такимъ образомъ, между такими нѣтъ никого, кто бы могъ добрѣ и какъ есть на самомъ дѣлѣ, распознать и видѣть (людей или дѣло спасенія).

82) *Блажени*, говоритъ Богъ, *чистіи сердцемъ, яко тіи Бога узрятъ* (Мѳ. 5, 8). Чистымъ же сердце дѣлаютъ не одна, не двѣ, не десять добродѣтелей, а всѣ вмѣстѣ, слившись, такъ сказать, во едину добродѣтельность, достигшую послѣднихъ степеней совершенства.

*) Въ Греч. и Слав. Добротолюбіи 70.

Однакожь и въ такомъ случаѣ добродѣтели—однѣ не могутъ сдѣлать сердца чистымъ, безъ воздѣйствія и присѣщенія Духа Святаго. Ибо какъ ковачъ, какъ бы искусно ни умѣлъ онъ дѣйствовать орудіями, ничего не можетъ сработать безъ содѣйствія огня, такъ и человѣкъ пусть все дѣлаетъ съ своей стороны (для очищенія сердца), пользуясь для сей цѣли добродѣтелями, какъ орудіями, но безъ присѣщенія огня Духа, все дѣлаемое имъ останется бездѣйственнымъ и безполезнымъ для его цѣли, такъ какъ это—одно—не имѣетъ силы очищать нечистоту и скверну души.

83) Въ божественномъ крещеніи мы получаемъ отпущеніе прегрѣшеній, освобождаемся отъ прародительской клятвы и освящаемся наитіемъ Святаго Духа; но совершенную благодать, какъ она означается въ словахъ: *вселюся въ нихъ и похожду* (1 Кор. 6, 16),—не тогда получаемъ. Ибо это есть достояніе совершенно утвержденныхъ въ вѣрѣ и доказавшихъ ее дѣлами. Если же мы по крещеніи уклонямся на скверныя и злыя дѣла, то совершенно теряемъ и самое освященіе. И уже покаяніемъ, исповѣдію и слезами, соотвѣтственно дѣламъ, получаемъ опять сначала отпущеніе прегрѣшеній, а потомъ и освященіе вышнею благодатію.

84) Чрезъ покаяніе совершается отмытіе скверны прежнихъ непотребныхъ дѣлъ, а послѣ такого очищенія бываетъ причастіе Святаго Духа; но не просто, а въ силу вѣры, расположенія (крѣпкой рѣшимости стоять не падая) и смиренія кающихся отъ всей души; и не только послѣ проявленія такихъ расположеній, но и послѣ того, какъ получится разрѣшеніе грѣховъ отъ духовнаго отца и воспріемника. Почему хорошо каждодневно каяться, какъ повелѣваетъ заповѣдь. Ибо слова: *покайтеся, приблизися бо царствіе небесное* (Мѳ. 3, 2), возла-

гаютъ на насъ дѣланіе, неограничиваемое опредѣленнымъ временемъ, а всегдашнее.

85) Благодать Всесвятаго Духа дается уневѣстившимся Христу душамъ, какъ обрученіе или залогъ. И какъ жена безъ обрученія не имѣетъ твердой увѣренности, что несомнѣнно сочетается нѣкогда съ мужемъ: такъ и душа никогда не воспріиметъ вѣрнаго удостовѣренія, что будетъ вѣчно сопребывать съ Владыкою своимъ и Богомъ, или таинственно и неизреченно сочетаваться съ Нимъ и наслаждаться неприступною красотою Его, если не получитъ обрученія или залога благодати Его, и не возъимѣетъ въ себѣ сознательно Его Самого.

86) Какъ обрученіе не бываетъ надежно, пока согласительныя бумаги, въ коихъ пишутся условія брака, не будутъ подписаны достойными вѣры свидѣтелями: такъ не бываетъ твердо возсіяніе благодати, прежде дѣланія заповѣдей и стяжанія добродѣтелей. Ибо что суть при заключеніи условія свидѣтели, тѣмъ при духовномъ обрученіи бываетъ дѣланіе заповѣдей и добродѣтелей: чрезъ нихъ всякій имѣющій спастися получаетъ совершенное обладаніе обрученіемъ (т.-е. благодатію Св. Духа).

87) Сначала какъбы пишутся брачныя условія дѣланіемъ заповѣдей, потомъ добродѣтелями они запечатлѣваются и подписываются; и тогда женихъ — Христосъ невѣстѣ—душѣ—даетъ перстень, т.-е. обрученіе Духа.

88) Какъ невѣста прежде брака получаетъ отъ жениха только залогъ обрученія, условленное же приданое и прочіе обѣщанные дары ожидаетъ получить послѣ брака: такъ и невѣста Христова — церковь вѣрныхъ и душа каждаго изъ насъ сначала получаетъ отъ жениха Христа только обрученіе Духа, вѣчныя же блага и небесное царство чаетъ получить по исходѣ отсюда, будучи удостовѣряема въ томъ залогомъ обрученія, который показываетъ ей все то, какъ въ зеркалѣ и подтверждаетъ не-

сомнѣнность полученія того, на чемъ состоялось соглашеніе ея съ Владыкою своимъ и Богомъ.

89) Какъ если невѣста, разгнѣвавшись по тому случаю, что женихъ замедлилъ въ отлучкѣ, или, будучи занятъ другими дѣлами, отложилъ на время совершеніе брака, презритъ любовь его и брачный договоръ или изгладитъ, или раздеретъ; то вмѣстѣ съ симъ тотчасъ лишается и всѣхъ надеждъ, столь многое обѣщавшихъ ей отъ жениха: такъ обыкновенно бываетъ и съ душею. Ибо когда кто изъ подвизающихся, сказавъ себѣ: доколѣ же долженъ я злострадать (терпѣть всякія лишенія)?— вознебрежетъ о подвижническихъ трудахъ и подвигахъ, и чрезъ нерадѣніе о заповѣдяхъ и оставленіе всегдашняго покаянія какъбы изгладитъ и раздеретъ свои съ Господомъ условія, то вмѣстѣ съ симъ тотчасъ лишается и залога обрученія (благодати) и совершенно теряетъ всякую надежду на Бога.

90) Какъ невѣста, обративъ къ другому любовь, какою обязана къ обрученному съ нею жениху, и начавъ жить съ нимъ явно или тайно, не только не получаетъ ничего изъ обѣщаннаго ей женихомъ, но должна ожидать и достойнаго наказанія и позора по закону: такъ тоже бываетъ и съ нами. Ибо если какая душа явно или тайно предложитъ любовь къ Жениху-Христу на возлюбленіе какого-либо другаго предмета и сердце ея будетъ завладѣно имъ, то бываетъ ненавистна и омерзительна Жениху и недостойна сочетанія съ Нимъ. Ибо Онъ сказалъ: *Азъ любящія Мя люблю* (Притч 8, 17).

91) По такимъ признакамъ каждому надлежитъ распознавать, получилъ ли онъ обрученіе Духа отъ Жениха и Владыки Христа. Если получилъ, да тщится держать сіе и хранить; а если еще не сподобился получить, да потщится посредствомъ дѣлъ благихъ, благопотребныхъ дѣланій и теплаго покаянія поскорѣе получить его и

потомъ сохранять дѣланіемъ заповѣдей и пріумноженіемъ добродѣтелей.

92) *) Обрученіе Святаго Духа неизъяснимо и для того, кто стяжалъ его, такъ какъ оно постигается непостижимо, держится недержимо, видится невидимо; живетъ, глаголетъ и движетъ того, кто стяжалъ его; отлетаетъ изъ таинницы, въ коей пребываетъ запечатлѣннымъ, и опять обрѣтается тамъ нежданно, чѣмъ образуетъ убѣжденіе, что оно какъ присѣщенія своего не дѣлаетъ утвержденнымъ однажды навсегда, такъ отшествія своего — невозвратнымъ, послѣ котораго уже не возвратилось бы. Такимъ образомъ стяжавшій его, и когда не имѣетъ его (присущимъ осязательно), есть какъбы имѣлъ его, и когда имѣетъ его, въ такомъ находится расположеніи, какъбы не имѣлъ его.

93) Какъ если, когда стоитъ кто въ домѣ будто ночью при дверяхъ и окнахъ, со всѣхъ сторонъ заключенныхъ, отворитъ одно какое окно, то свѣтъ внезапно обдастъ его блестящимъ сіяніемъ, и онъ, не вынося такого сіянія, тотчасъ закрываетъ очи свои, закутывается и прячется: такъ и когда душа, заключенная отвсюду въ чувственное, выглянетъ какъ-нибудь умомъ своимъ, какъ сквозь окно, во внѣ-чувственное и облистается сіяніемъ сущаго внутрь ея обрученія Св. Духа, то, не вынося блистанія божественнаго непокровеннаго свѣта, тотчасъ трепетать начинаетъ умомъ своимъ, вся прячется въ саму себя и убѣгаетъ какъбы въ домъ какой, подъ покровъ чувственнаго и человѣческаго.

94) *Вложетъ ли кто огнь въ нѣдра,* говоритъ премудрый Соломонъ, *ризъ же своихъ не сожжетъ ли?* (Притч. 6, 27). А я говорю: кто, пріявъ внутрь сердца своего непокровенный небесный огнь Духа Святаго, не возго-

*) Изъ 4-й бесѣды въ Добротолюбіи 92—94.

рится и не облистается, не возсіяетъ и не возымѣетъ облистаній Божества. въ мѣру своего очищенія и воспріятія огня? Ибо воспріятіе огня идетъ вслѣдъ за очищеніемъ сердца, и опять очищеніе сердца идетъ вслѣдъ за воспріятіемъ огня,—т.-е. сколько очищается сердце, столько пріемлетъ и божественной благодати; и опять, сколько пріемлетъ оно благодати, столько и очищается. Когда же запершится сіе (т.-е. и очищеніе сердца и пріятіе благодати достигнутъ совершенства и полноты), тогда человѣкъ весь всецѣло бываетъ богъ по благодати.

95) *) Какъ въ домѣ кровля держится на основаніи съ прочимъ зданіемъ, а основаніе (съ прочимъ зданіемъ кладется для держанія кровли,—поелику то и другое необходимо и благопотребно,—и ни кровля обыкновенно не устрояется безъ основанія (съ прочимъ зданіемъ), ни основаніе (съ прочимъ зданіемъ) безъ кровли не составляетъ жилища гожаго для жизни; такъ и въ душѣ благодать Святаго Духа блюдется исполненіемъ заповѣдей а исполненіе заповѣдей полагается, какъ основаніе для полученія дара благодати Божіей, и ни благодать Святаго Духа обыкновенно не остается въ насъ безъ исполненія заповѣдей, ни исполненіе заповѣдей Божіихъ не бываетъ благопотребно и полезно безъ благодати Божіей.

96) Какъ домъ безкровный, оставленный такимъ по нерадѣнію здателя, не только негожъ ни къ чему, но еще служитъ въ посмѣшище здателю; такъ и положившій основаніе исполненіемъ заповѣдей и стѣны высокихъ добродѣтелей воздвигшій, если не получитъ и благодати Святаго Духа съ видѣніемъ и ощущеніемъ того душевнымъ, несовершенъ есть и составляетъ предметъ сожалѣнія для совершенныхъ. А лишенъ же благодати бываетъ таковый по слѣдующимъ двумъ причинамъ: или по-

*) Въ Добротолюбіи 83.

тому, что пренебрегъ покаяніемъ, или потому, что, возмалодушествовавъ предъ полнымъ стяжаніемъ добродѣтелей, какъ дѣломъ безмѣрно великимъ, оставилъ нѣкоторыя изъ нихъ, которыя, однакожъ хотя кажутся намъ маловажными, но существенно необходимы для полнаго устроенія и окончанія дома добродѣтелей, такъ какъ невозможно, чтобъ безъ нихъ домъ сей покровенъ былъ благодатію Святаго Духа.

97) Если Сынъ Божій и Богъ для того снизшелъ на землю, чтобъ посредничествомъ Своимъ примирить съ Отцемъ Своимъ насъ, сущихъ враговъ Ему, и съ Собою сочетать насъ осязательно, посредствомъ Святаго и Единосущнаго Духа Своего; то лишающійся такой благодати, какую другую получитъ? Всеконечно таковый ни съ Тѣмъ (Отцемъ) не примирился, ни съ Симъ (Сыномъ) не имѣетъ сочетанія благодатію Св. Духа.

98) Содѣлавшійся причастнымъ Божественнаго Духа отъ страстныхъ похотей и сластей избавляется, а отъ естественныхъ потребностей тѣлесныхъ не освобождается. Почему какъ освободившійся отъ узъ страстнаго похотѣнія, вкусившій безсмертной славы и сладости и сочетавшійся съ нею понуждается непрестанно возноситься горѣ и съ Богомъ пребывать, не позволяя себѣ даже на мгновеніе отступить отъ созерцанія Его и ненасытнаго Имъ наслажденія; а, какъ связанный тѣломъ и тлѣніемъ, отторгается имъ отъ горняго, влечется долу и возвращается къ земному. Тогда такая бываетъ у него печаль о семъ (разлученіи съ горнимъ), какую, полагаю, испытываетъ душа грѣшника, разлучающаяся съ тѣломъ.

99) Какъ для тѣлолюбиваго и жизнелюбиваго, для сластолюбиваго и міролюбиваго разлученіе съ сими предметами его любви есть смерть; такъ для любителя чистоты и Бога, невещественнаго и добродѣтели воистину смерть есть даже малое отступленіе отъ нихъ сердцемъ.

Ибо если видящій чувственный свѣтъ, когда смежитъ очи свои самъ, или другой кто закроетъ ему ихъ, тяготится, скорбитъ и долго сносить этого не можетъ, особенно если онъ смотрѣлъ на предметы нужные и дивные,—не тѣмъ ли паче просвѣщаемый Духомъ Святымъ и видящій ясно, въ видѣніи на яву и мысленно, въ бодрственномъ состояніи и во снѣ, тѣ блага, которыхъ око не видало, о которыхъ ухо не слыхало, которыя на сердце человѣку не всходили, и въ которыя сами Ангелы Божіи желаютъ проникнуть, будетъ печалиться и скорбѣть, если чѣмъ нибудь будетъ отторгнутъ отъ созерцанія ихъ? Ибо это праведно кажется ему смертію и отчужденіемъ отъ жизни вѣчной.

100) Одни ублажаютъ пустынную жизнь, другіе общежительную, третьи начальственную, чтобъ предстоять народу, вразумлять его и учить и устроять церкви, отъ которыхъ обыкновенно многіе питаются и душевно и тѣлесно. Я же не желалъ бы предпочтеніе дать никакой изъ нихъ предъ другими, ни сказать, что та достойна похвалы, а эта—порицанія. Во всякомъ образѣ жизни, преблаженна жизнь, во всѣхъ дѣлахъ и дѣяніяхъ ведомая для Бога и по Богу.

101) Какъ обыкновенная жизнь человѣческая строится и течетъ подъ взаимодѣйствіемъ разныхъ житейскихъ предпріятій, мастерствъ и искусствъ,—то-есть, одинъ одно, другой другое дѣлаетъ и приноситъ другимъ на потребы, и такимъ образомъ, другъ другу передавая и другъ отъ друга принимая, живутъ люди, удовлетворяя естественныя свои тѣлесныя потребности; такъ то же самое можно видѣть и въ духовной жизни,—одинъ одну добродѣтель проходитъ, другой другую,—одинъ такой путь жизни избираетъ, а другой—другой, но всѣ вмѣстѣ текутъ къ единой цѣли, другъ другу содѣйствуя.

102) Цѣль всѣхъ по Богу живущихъ есть—благоуго-

дить Христу Богу нашему и примириться съ Богомъ Отцемъ чрезъ пріятіе Святаго Духа,—и такимъ образомъ устроить свое спасеніе; ибо въ этомъ состоитъ спасеніе всякой души. Если этого нѣтъ у насъ (въ цѣли и дѣйствіи), то тщетенъ всякій другой трудъ и суетно всякое другое дѣланіе наше.—Безполезенъ всякій путь жизни, не ведущій къ сему того, кто течетъ по нему.

103) Оставившій міръ весь и въ гору удалившійся на безмолвіе,—и оттуда тщеславно пишущій къ сущимъ въ мірѣ, однихъ ублажая, другимъ ласканія и похвалы расточая, подобенъ тому, кто, разведшись съ женою, блудною, непотребною и всезлобною, и отшедши на страну далеко, чтобъ изгладить и самую память о ней, забылъ потомъ о сей цѣли, для которой удалился на страну—въ гору,—и пишетъ съ вожделѣніемъ къ тѣмъ, которые обращаются съ тою женою, или прямѣе сказать, оскверняются, и ублажаетъ ихъ. Таковый, хотя тѣломъ не оскверняется, но сердцемъ и умомъ всячески оскверняется, какъбы сочувствуя тѣмъ произволеніемъ въ ихъ связи съ тою женою.

104) Сколько живущіе среди міра и очищающіе чувства и сердца свои отъ всякой грѣховной похоти, достойны похвалы и ублаженія,—столько же живущіе въ горахъ и пещерахъ и вожделѣвающіе похвалъ и ублаженій отъ людей достойны порицанія и отверженія. Таковые предъ Богомъ, испытующимъ сердца, равны прелюбы творящимъ. Ибо страстно желающій, чтобъ его жизнь, имя и дѣла слышны были въ мірѣ, любодѣйствуетъ отъ Бога, по образу древняго народа Іудейскаго, какъ говоритъ Давидъ.

105) Съ несомнѣнною къ Богу вѣрою отрекшійся міра и всего, что въ мірѣ, вѣруетъ, что милостивый и щедрый Господь пріемлетъ приходящихъ къ Нему въ покаяніи,—и вѣдая, что Онъ рабовъ Своихъ чрезъ безчестіе

возводитъ къ чести, чрезъ крайнюю нищету обогащаетъ ихъ, чрезъ поношенія и уничиженія прославляетъ, чрезъ смерть содѣлываетъ наслѣдниками и причастниками жизни вѣчной,—посредствомъ ихъ (т.-е. безчестья, нищеты и проч.) усиливается теща, какъ олень жаждущій, къ безсмертному источнику, и по нимъ восходитъ къ горнему, какъ по лѣствицѣ,—по коей Ангелы восходятъ и нисходятъ на помощь восходящимъ, а Богъ возсѣдитъ вверху ея, ожидая нашихъ посильныхъ трудовъ и усилій, не потому, чтобъ Ему радостно было видѣть насъ трудящимися, но потому, что, человѣколюбивъ будучи, желаетъ награду намъ даровать, будто долгъ.

106) Богъ не попускаетъ тѣмъ, которые всеусердно текутъ къ Нему, совсѣмъ ниспасть (съ той лѣствицы), но, видя ихъ изнемогающими, содѣйствуетъ имъ и помогаетъ, простирая къ нимъ свыше руку силы Своея и къ Себѣ возводя,—содѣйствуетъ и явно и неявно, и вѣдомо и невѣдомо,—пока они, прошедши всю лѣствицу, къ Нему Самому приближатся, и всецѣло съ Нимъ соединясь, забудутъ все земное, съ Нимъ сопребывая тамъ и сожительствуя,—аще въ тѣлѣ, аще ли кромѣ тѣла, не вѣмъ,—и неизреченныхъ наслаждаясь благъ.

107) Праведно есть *прежде* игу заповѣдей Христовыхъ подклонить намъ выи свои, ни въ сторону не уклоняясь, ни вспять не возвращаясь и не отставая, но право и усердно шествуя въ нихъ даже до смерти, паче и паче обновляя себя и новымъ воистину дѣлая себя Божіимъ раемъ, пока съ Отцемъ Сынъ чрезъ Духа Святаго внидетъ и станетъ обитать въ насъ. И тогда уже, когда такимъ образомъ стяжемъ Его себѣ жителемъ и учителемъ,—тогда кому изъ насъ повелитъ Онъ (взять на себя какое служеніе), и кому какое служеніе ввѣритъ, тому оно и да вручится; и онъ да ведетъ его такъ, какъ сіе благоугодно Богу. Но прежде времени не слѣдуетъ

сего служенія искать, не слѣдуетъ и принимать его, когда даютъ его люди (сами отъ себя), но надлежитъ пребывать въ заповѣдяхъ Владыки нашего и Бога и ожидать повелѣнія Его (взять на себя какое служеніе).

108) Если,—послѣ того, какъ ввѣрено намъ будетъ служеніе въ божественныхъ вещахъ, и мы потрудимся въ немъ достохвально,—направлены мы будемъ Духомъ перейти на другое служеніе, или дѣланіе, или дѣло,—да не сопротивляемся. Ибо Богъ не хощетъ ни того, чтобъ мы были праздны, ни того, чтобъ оставались на одномъ и томъ же дѣланіи, съ котораго начали; но хощетъ, чтобъ преуспѣвая, все болѣе и болѣе подвигались къ достиженію лучшаго, не своею однакожь, но Божіею руководясь въ семъ волею.

109) Старающійся умертвить свою волю, долженъ творить волю Божію,—вмѣсто своей воли вводить въ себя волю Божію, насаждать и внѣдрять ее въ сердце свое. И при этомъ тщательно смотрѣть, прорастаетъ ли насаждаемое и внѣдряемое, пустивъ въ глубь корни; если проросло и дало стволъ, то стволъ сей, будучи надрѣзанъ для принятія прививка, срослся ли съ симъ прививкомъ и сталъ ли въ одно съ нимъ древо,—затѣмъ выросъ ли прививокъ, разцвѣлъ ли и далъ ли плодъ прекрасный и сладкій, — чтобъ не невѣдомы были ему и земля, прежде пріявшая въ себя сѣмя, и корень, на которомъ глубоко утвердилось сіе непостижимое и неизреченное живоносное растеніе. (Перефразъ; мѣсто очень темно).

110) Кто страха ради Божія отсѣкаетъ свою волю, тому Богъ, невѣдомо для него, такъ что онъ не знаетъ, какъ то бываетъ, даруетъ Свою волю и содѣлываетъ ее неизгладимою въ сердцѣ его, открывая при семъ очи сердца его, чтобъ онъ позналъ ее (т.-е. что это Божія воля), и силу подавая исполнять ее. Творитъ же сіе благодать Святаго Духа, а безъ нея ничего не бываетъ.

111) Если ты получилъ прощеніе всѣхъ своихъ грѣховъ, просто ли только чрезъ таинство покаянія и исповѣди, или съ пріятіемъ при семъ и святой ангельской схимы; то какой любви, какого благодаренія и смиренія должно быть сіе для тебя источникомъ, — что, будучи достоинъ безчисленныхъ мукъ, ты не только избавленъ отъ этого, но еще удостоиваешься сыноположенія, славы и царства небеснаго?

Обращая сіе въ умѣ своемъ и всегда помня, будь готовъ и преднастройся къ тому, чтобъ не обезчестить собою Сотворшаго тебя и почтившаго и безчисленныя простившаго тебѣ согрѣшенія, но всѣми дѣлами своими прославить Его и почтить,—чтобъ и Онъ тебя, почтеннаго Имъ паче всякой видимой твари (въ твореніи), еще паче почтилъ въ воздаяніе за то (во благодати),—и другомъ Своимъ искреннимъ наименовалъ тебя.

112) Сколько душа честнѣе тѣла, столько разумный человѣкъ лучше и выше всего міра. Не на великость сущихъ въ мірѣ твореній смотри, чтобъ ради того думать, будто они честнѣе тебя, человѣкъ; но на данную тебѣ благодать воззрѣвъ и достоинство умной и славной души своей уразумѣвъ, прославляй въ пѣсняхъ Бога, почтившаго тебя паче всего видимаго.

113) Будемъ смотрѣть и умудряться, какъ прославить Бога. Прославляется же Онъ нами не иначе, какъ такъ, какъ прославленъ былъ Сыномъ. Но чѣмъ Сынъ прославилъ Отца Своего, тѣмъ и Самъ прославленъ былъ отъ Отца. Будемъ и мы дѣлать тоже (что Сынъ) со тщаніемъ, чтобъ тѣмъ прославить Отца нашего, *Иже есть на небесѣхъ*, благоволившаго такъ именоваться, и отъ Него быть прославленными славою Сына, *которую имѣлъ Онъ у Него прежде міръ не бысть*. Это суть — крестъ, или умертвіе всему міру, скорби, искушенія, и другія страсти Христовы,—которыя перенося съ полнымъ тер-

пѣніемъ, подражаемъ мы Христовымъ страстямъ и прославляемъ тѣмъ Отца нашего и Бога, какъ сыны Его по благодати и сонаслѣдники Христовы.

114) Душа, не освободившаяся совершенно отъ мірскихъ навыковъ и пристрастія къ видимымъ вещамъ, въ самыхъ чувствахъ и расположеніяхъ сердца своего не можетъ безпечально переносить приключающихся ей печалей и находящихъ на нее напраслинъ и искушеній отъ демоновъ и людей. Но, какъ узами связанная пристрастіемъ къ человѣческимъ вещамъ, уязвляется ущербомъ въ деньгахъ, тяжкою поражается скорбію отъ потери вещей и сильно болѣзнуетъ о наносимыхъ тѣлу ея ранахъ.

115) Кто отторгъ душу свою отъ пристрастія и привязанности къ чувственному и тѣснымъ союзомъ сочеталъ ее съ Богомъ, тотъ не только равнодушенъ будетъ къ сущимъ около его деньгамъ и вещамъ, и терпя потерю въ нихъ будетъ безпечаленъ, какъбы онѣ были не его, а чужія, но и самому тѣлу его причиняемыя боли будетъ переносить съ радостію и подобающимъ благодареніемъ, видя всегда, по слову божественнаго Апостола, что когда *внѣшній человѣкъ тлѣетъ, внутренній обновляется по вся дни* (2 Кор. 4, 16). Иначе же съ радостію переносить скорби по Богу невозможно. Потребны для сего вѣдѣніе совершенное и мудрость духовная,— которыхъ лишенный всегда ходитъ во тмѣ безнадежія и невѣдѣнія, не имѣя никакой возможности видѣть свѣтъ терпѣнія и утѣшенія (молитвы).

116) Всякій мнящійся быти мудрымъ, потому что прошелъ всѣ науки и свѣдущъ во внѣшней мудрости, никогда не сподобится проникнуть въ тайны Божіи и увидѣть ихъ, если прежде не смирится и не сдѣлается въ чувствахъ сердца своего буіимъ, вмѣстѣ съ самомнѣніемъ отвергая и пріобрѣтенную ученость. Ибо кто такъ поступаетъ и съ неколеблющеюся вѣрою послѣдуетъ

мужамъ мудрымъ въ божественныхъ вещахъ; тотъ, будучи ими руководимъ, вмѣстѣ съ ними входитъ въ градъ Бога живаго, и Духомъ Святымъ наставляемый и просвѣщаемый, видитъ и познаетъ то, чего никто изъ другихъ людей видѣть и познать не можетъ. Такъ дѣлается онъ богонаученнымъ.

117) Богонаученныхъ ученики мудрыхъ вѣка сего людей почитаютъ буіими, между тѣмъ какъ сами воистину суть буіи и наострились только по внѣшней премудрости объюродѣвшей, которую, по божественному Апостолу, *обуи Богъ* (1 Кор. 1, 20) и богословный гласъ призналъ *земною, душевною, бѣсовскою, исполненною рвенія и зависти* (Іак. 3, 15). Таковые, будучи внѣ божественнаго свѣта, не могутъ видѣть чудесъ, находящихся въ немъ, и тѣхъ, которые, водворяясь въ семъ свѣтѣ, видятъ что въ немъ и поучаютъ тому, почитаютъ прельщенными, между тѣмъ какъ сами прельщены и никогда не вкушали божественныхъ благъ.

118) И нынѣ есть и среди насъ вращаются люди безстрастные, святые и исполненные божественнаго свѣта, которые такъ умертвили уды свои, сущіе на земли, отребивъ ихъ отъ всякой нечистоты и всякаго страстнаго похотѣнія, что не только сами отъ себя не помышляютъ дѣлать что-либо худое, но и когда влекутъ ихъ къ тому другіе, не терпятъ никакого измѣненія въ присущемъ имъ безстрастіи. Ихъ узнали бы и тѣ, которые презрительно объ нихъ относятся и не вѣрятъ имъ, когда они поучаютъ о божественныхъ вещахъ въ премудрости Духа, еслибъ добрѣ разумѣли божественныя словеса, каждодневно ими читаемыя и поемыя. Ибо еслибъ они знали совершенно Божественное Писаніе, то вѣровали бы обѣщаннымъ намъ отъ Бога и дарованнымъ благамъ. Но какъ они непричастны сихъ благъ за свое само-

мнѣніе и нерадѣніе, то охуждаютъ и тѣхъ, которые сподобились причастія ихъ и учатъ о нихъ, не вѣря имъ.

Примѣч. Такъ въ греч. Добротолюбіи. Въ новогреческомъ эта глава перифразирована такъ: „Тѣ, которые говорятъ, что во времена сіи нѣтъ ни одного безстрастнаго, и не вѣрятѣ тѣмъ, которые, въ премудрости Духа, ведутъ бесѣды о божественныхъ вещахъ, еслибы понимали божественныя слова какія каждодневно читаютъ и поютъ, узнали бы, что и нынѣ есть безстрастные, святые и исполненные божественнымъ свѣтомъ, и живутъ среди насъ, отребивъ себя отъ всякой нечистоты и всякаго страстнаго похотѣнія,—такъ что не только сами отъ себя не помышляютъ дѣлать что-либо худое, но и когда другой кто влечетъ ихъ къ тому, не терпятъ никакого измѣненія въ безстрастіи, которое въ нихъ. Но тѣ, не зная Писаній, говорятъ, что нынѣ нѣтъ никого такого. Ибо еслибъ разумѣли, какъ должно, Божественное Писаніе, то вѣрили бы тѣмъ благамъ, которыя Богомъ намъ обѣщаны и дарованы. Но какъ они непричастны такихъ благъ, по причинѣ самомнѣнія и нерадѣнія своего, то не вѣря имъ, охуждаютъ и оклеветываютъ тѣхъ, которые сдѣлались причастными ихъ и учатъ о нихъ.

119) Исполненные благодати Божіей и совершенные въ вѣдѣніи и премудрости, которая свыше, для того только желаютъ ходить въ міръ и видѣть сущихъ въ немъ, чтобъ напоминаніемъ о заповѣдяхъ Божіихъ расположить ихъ къ добродѣланію и чрезъ то дать случай заслужить награду нѣкую,—если конечно послушаютъ ихъ, возьмутъ въ толкъ и убѣдятся. Такъ какъ они, не Божіимъ водимы будучи Духомъ, во тмѣ ходятъ и не знаютъ,

куда идутъ, и преуспѣваютъ ли въ какихъ заповѣдяхъ; то (во благодати живущіе идутъ къ нимъ съ показанными напоминаніями въ желаніи и надеждѣ) не воспримутъ ли они когда-нибудь истиннаго ученія Святаго Духа, воспрянувъ отъ обдержащаго ихъ самомнѣнія, и искренно, а не съ притворствомъ и самохвальствомъ. внявъ волѣ Божіей, не покаются ли, чтобъ, исполнивъ ее, содѣлаться причастными какого-либо дарованія духовнаго. Если же не случится имъ быть виновниками такой для посѣщаемыхъ мірянъ пользы, то они, плача объ ожесточеніи и ослѣпленіи сердецъ ихъ, возвращаются въ свои келліи, и начинаютъ день и ночь молиться о спасеніи ихъ. Ибо о другомъ чемъ не печалятся съ Богомъ непрестанно пребывающіе и преисполненные всякаго блага.

120) Какая цѣль воплощеннаго домостроительства Бога Слова, которая во всемъ Божественномъ Писаніи проповѣдуется, но которой мы, читая сіе Писаніе, не знаемъ? Не другая какая, какъ та, чтобъ пріобщившись тому, что наше, сдѣлать насъ причастными того, что есть Его. Сынъ Божій для того содѣлался сыномъ человѣческимъ, чтобы насъ человѣковъ содѣлать сынами Божіими, возводя родъ нашъ по благодати въ то, что Самъ Онъ есть по естеству, раждая насъ свыше благодатію Святаго Духа, и тотчасъ вводя насъ въ царство небесное, или, лучше сказать, даруя намъ имѣть сіе небесное царствіе внутрь насъ (Лук. 17, 21), чтобъ мы, не надеждою только внити въ него питаясь, но уже въ обладаніе имъ бывъ введены, взывали: *животъ нашъ сокровенъ есть со Христомъ въ Богѣ* (Кол. 3, 3).

121) Крещеніе не отъемлетъ самовластія и самопроизволенія нашего, но даруетъ намъ свободу отъ тиранства діавола, который не можетъ уже болѣе противъ воли нашей властвовать надъ нами. По крещеніи въ нашей уже состоитъ волѣ, или пребывать самоохотно въ

заповѣдяхъ Того, въ Кого крестились, Христа, Владыки и Бога, и ходить путемъ повелѣній Его, или уклонясь отъ праваго пути сего, опять возвратиться къ діаволу, противоборцу и врагу нашему.

122) Тѣ, которые, по святомъ Крещеніи, повинуются хотѣніямъ лукаваго и угодное ему творятъ, отчуждаютъ себя отъ святыхъ ложеснъ святаго Крещенія, по сказанному Давидомъ: *отчуждишася грѣшницы отъ ложесн* (Пс. 57 4). Ибо каждый изъ насъ не измѣняется или не прелагается изъ естества, какъ созданъ, въ другое. Но бывъ созданъ отъ Бога благимъ (ибо Богъ ничего злаго не сотворилъ), и пребывая непреложнымъ по естеству и существу, какъ созданъ, что свободною своею волею произволяетъ и желаетъ, то и дѣлаетъ, доброе ли то, или злое. Ибо какъ ножъ, на зло ли кто его употребляетъ, или на добро, не прелагается изъ своего естества въ другое, но остается желѣзомъ по естеству, такъ и человѣкъ дѣйствуетъ и содѣваетъ, какъ сказано, что хочетъ, но изъ естества своего не выступаетъ.

123) Не то спасаетъ, если кто однажды и одному кому окажетъ милость, хотя то, если кто и одного презритъ, повинныхъ дѣлаетъ огню вѣчному. Ибо—*взалкахся и возжадахся*—сказано не про одинъ случай, и не про одинъ день, но указываетъ на всю жизнь. Равнымъ образомъ—*напитасте, напоисте, одѣясте,* и прочее что слѣдуетъ, не на однократное дѣло указываетъ, но на всегдашнее и въ отношеніи ко всѣмъ. Христосъ Господь и Богъ нашъ исповѣдалъ, что Онъ такую милость Самъ пріемлетъ отъ рабовъ Своихъ (въ лицѣ нуждающихся).

124) Кто подалъ милостыню сотнѣ нуждающихся, но, могши дать и другимъ, накормить и напоить многихъ,—отказалъ умолявшимъ его и вопіявшимъ къ нему, тотъ будетъ судимъ отъ Христа, какъ не напитавшій Его;

потому что и въ этихъ всѣхъ Онъ есть тотъ же самый, котораго питаемъ мы въ каждомъ изъ бѣдныхъ.

125) Кто нынѣ всѣмъ нуждающимся все потребное для тѣла доставилъ, тотъ, если завтра, имѣя возможность тоже сдѣлать, вознерадитъ о нѣкоторыхъ братіяхъ и оставитъ ихъ умирать съ голода, жажды и холода,—того самого оставилъ умирать, того самого презрѣлъ, Кто сказалъ: *понеже сотвористе единому сихъ меньшихъ, Мнѣ сотвористе* (Мѳ. 25, 40).

126) Того ради Господь благоволилъ воспріять лице каждаго бѣднаго и каждому бѣдному Себя уподобилъ, чтобъ никто изъ вѣрующихъ въ Него не возносился надъ братомъ своимъ, но чтобъ каждый, видя въ братѣ своемъ Бога своего, почиталъ себя меньшимъ и худшимъ брата своего, какъ есть меньше Сотворшаго его, и какъ Сего, принималъ его и чтилъ, и въ помощь ему готовъ былъ истощить все имѣніе свое, какъ Христосъ и Богъ нашъ истощилъ кровь Свою для спасенія нашего.

127) Кому повелѣно имѣть ближняго своего, какъ самого себя, тотъ конечно не одинъ день, но всю жизнь свою долженъ имѣть его таковымъ. Такъ же и тотъ, кому заповѣдано давать всякому просящему, заповѣдь имѣетъ всю жизнь свою поступать такъ. Равно какъ и отъ желающаго, чтобъ другіе дѣлали ему добро (всегда разумѣется), требуется, чтобъ онъ и самъ тоже дѣлалъ для другихъ.

128) Такъ какъ имѣющій ближняго своего какъ самого себя, не можетъ дозволить себѣ имѣть что больше ближняго; то если кто, имѣя, не раздаетъ независтно, пока и самъ не сдѣлается бѣднымъ и не уподобится ближнимъ своимъ, тотъ не оказывается точнымъ исполнителемъ заповѣди Владычней. Равнымъ образомъ (не оказывается) хотящимъ давать всякому просящему тотъ, кто имѣя хоть грошъ или кусокъ хлѣба, отошлетъ ни

съ чѣмъ просящаго у него,—или, не дѣлая самъ для ближняго, чего тотъ желаетъ, (отошлетъ) чтобъ сдѣлалъ для него это другой кто. Такимъ образомъ, и тотъ, кто всякаго бѣднаго и нищаго кормилъ, поилъ, одѣвалъ и все другое для него дѣлалъ, а презрѣлъ только одного и объ одномъ понерадѣлъ,—и этотъ сочтенъ будетъ презрѣвшимъ Христа Бога, алчущаго и жаждущаго.

129) *) Какъ иные заключаютъ Христа Господа въ одномъ бѣдномъ, тогда какъ Онъ нераздѣльно раздѣляется, и есть весь во всякомъ бѣдномъ? Предположимъ теперь въ умѣ своемъ, что сто бѣдныхъ суть, какъ одинъ Христосъ, ибо Христосъ совершенно нераздѣльно пребываетъ. Кто потому далъ по монетѣ девяносто девяти бѣднымъ, а одного разбранилъ, прибилъ и выгналъ ни съ чѣмъ, кому тотъ, думаешь, сдѣлалъ это? Конечно Самому Христу, Который сказалъ, говоритъ и всегда будетъ говорить: *понеже сотвористе единому сихъ меньшихъ, Мнѣ сотвористе* (Мѳ. 25, 40).

130) Изъ сказаннаго видно, что Господь Себѣ усвояетъ и принимаетъ за сдѣланное собственно для Него Самого, что сдѣлано для бѣдныхъ братій нашихъ. И слово Господа: *Мнѣ сотвористе*, не ограничивается только тѣми, къ которымъ мы немилостивы были, ни тѣми, которыхъ онеправдовали, или которыхъ собственностію покорыстовались, или которымъ надѣлали всякаго рода другихъ золъ, но заключаетъ и тѣхъ, которыхъ мы презрѣли. И этого одного достаточно къ нашему осужденію; потому что, презирая ихъ, мы презираемъ Самого Іисуса Христа.

131) **) Можетъ быть это всѣмъ покажется тяжелымъ, и они потому сочтутъ благословнымъ говорить въ себѣ: кто можетъ до точности все это исполнить, чтобы всѣхъ

---

*) Сего нѣтъ въ Добротолюбіи.

**) Доброт. 117.

удовольствовать и напитать, и отнюдь никого изъ нихъ не оставить неудовлетвореннымъ? Но да послушаютъ они Павла, который ясными взываетъ словами: *любы Христова обдержитъ насъ сужднихъ сіе* (2 Кор. 5, 14).

132) Какъ главныя заповѣди объемлютъ всѣ заключающіяся въ нихъ частныя заповѣди, такъ и главныя добродѣтели заключаютъ въ себѣ всѣ частныя объемлемыя ими добродѣтели. Продавшій, напримѣръ, все свое и раздавшій то бѣднымъ, и сдѣлавшійся самъ бѣднымъ, заразъ исполнилъ всѣ частныя, относящіяся сюда, заповѣди. Почему не имѣетъ уже нужды просящему давать, и отъ хотящаго заяти у него не отвращаться. Такимъ же образомъ и непрестанную стяжавшій молитву въ семъ единомъ исполненными имѣетъ всѣ заповѣди о молитвѣ, и не состоитъ уже подъ необходимостію седмерицею въ день хвалить Господа, или въ вечеръ, заутра и полудне, какъ исполненными уже имѣющій въ себѣ всѣ молитвы, какими молимся мы и какія поемъ, по уставу, въ опредѣленныя времена и часы. Равно, сознательно имѣющій въ себѣ дающаго вѣдѣніе человѣкамъ Бога, все прошелъ святое Писаніе,—и какъ плодъ, собралъ всю могущую отъ чтенія его произойти пользу,—и не имѣетъ уже нужды въ чтеніи книгъ. Ибо какую будетъ имѣть въ семъ нужду тотъ, кто стяжавъ собесѣдникомъ себѣ Того, Кто вдохновлялъ писавшихъ Божественныя Писанія, имѣетъ печатлѣемыми въ себѣ отъ Него неизреченности сокровенныхъ Таинъ? Напротивъ, онъ самъ будетъ для другихъ вдохновенною книгою, носящею новыя и древнія тайны, написанныя перстомъ Божіимъ въ немъ, какъ совершившемъ все и почившемъ въ Богѣ отъ всѣхъ дѣлъ своихъ, что есть верхъ совершенства.

133) Бывающее во время сна истеченіе отъ многихъ обычно происходитъ причинъ: отъ чревонеистовства, отъ тщеславія и отъ зависти бѣсовъ. Но бываетъ и отъ

долгаго бдѣнія, вслѣдствіе котораго тѣло разнѣживается во снѣ, и отъ страха, когда страшится кто, какъ бы не пострадать сего, или ради божественной литургіи, которую имѣетъ совершать, будучи іереемъ, или ради св. причастія (къ коему готовится, будучи простымъ братомъ). Съ занятымъ такими помыслами на одрѣ своемъ, съ боязнію. какъ бы сего не пострадать, бываетъ, что онъ лишь только заснетъ, какъ страждетъ то: что самое такъже происходитъ по зависти демоновъ.—И вотъ еще что бываетъ: иной увидитъ днемъ красивое лицо и нарисуетъ его въ мысли, потомъ отходитъ ко сну съ блудными помыслами, по разслабленію не отогнавъ ихъ, и подпадаетъ истеченію во снѣ. а иногда и незаснувши еще, лежа на одрѣ. Бываетъ и такъ: сидятъ иные нерадивые, подобно мнѣ, и разговариваютъ о страстныхъ движеніяхъ, страстно или безстрастно; потомъ и, отходя ко сну, вращаютъ такіе образы въ умѣ своемъ и засыпаютъ въ сочетаніи съ ними; во снѣ и подвергаются сказанной непріятности; можетъ же быть, что еще во время бесѣды одинъ изъ нихъ пріялъ вредъ отъ другаго. Почему внимать должно самимъ себѣ всегда и поучаться въ словѣ Пророка: *предзрѣхъ Господа предо мною выну, яко одесную мене есть, да неподвижуся* (Пс. 15, 8),—и слухъ заграждать отъ таковыхъ словесъ. Иные нерѣдко подвергались плотскимъ движеніямъ, когда упразднялись отъ молитвы (оставляли молитву) какъ мы показали и въ главѣ о молитвѣ.

134) *) Ни къ тому, кто богословствуетъ, не идетъ покаяніе, ни къ тому, кто кается, не идетъ богословствованіе. Ибо сколько отстоитъ востокъ отъ запада, столь-

*) Съ сей главы до главы 182 включительно, въ Добротолюбіи нѣтъ. Слѣдующія за предыдущею главы Добротолюбія—120—152—заимствованы изъ главъ Симеона, духовнаго отца его, которыя помѣщаются вслѣдъ за симъ.

ко богословіе выше покаянія. Кто находится въ состояніи покаянія и воистину творитъ дѣла покаянія; тотъ себя имѣетъ, какъ человѣкъ больной, день за днемъ проживающій среди разнемоганій, или какъ бѣдный, одѣтый въ рубища и просящій милостыню. А кто богословствуетъ; тотъ походитъ на человѣка, который проводитъ время въ царскихъ палатахъ, въ свѣтломъ царскомъ уборѣ, всегда находится близъ царя, бесѣдуетъ съ нимъ и отъ него самого слышитъ ясно повелѣнія его и все, чего онъ хочетъ (разумѣется состояніе созерцанія,—а ненаучное богословствованіе).

135) Умноженіе познанія Бога бываетъ причиною умаленія знанія всего другаго. Т.-е. чѣмъ больше кто познаетъ Бога, тѣмъ больше оскудѣваетъ въ знаніи всего прочаго. И не только это (бываетъ съ нимъ), но онъ все больше и больше приходитъ въ сознаніе, что не знаетъ и самого Бога. Обиліе возсіянія Его въ духѣ бываетъ совершеннымъ Его невидѣніемъ, и выше чувства воспаряющее чувство—нечувствіемъ всего того, что внѣ. И какъ можетъ быть и называться чувствомъ такое чувство, которое не знаетъ, что такое есть, каково и гдѣ есть то, въ чемъ оно пребываетъ, и узнать то, или понять совершенно не можетъ? Да и какъ возможно, чтобъ подлежало чувству то, чего око невидало, о чемъ ухо неслыхало и что на сердце человѣку невсходило?

136) Дарующій намъ то, что выше чувства, даетъ намъ благодатію Святаго Духа и другое чувство выше чувства, чтобъ мы имъ чувствовали чисто и ясно дары Его и дарованія. кои выше чувства.

137) Кто глухъ къ слову Бога, тотъ глухъ и ко всякому гласу Его; какъ напротивъ кто слышитъ слова Бога, тотъ слышитъ (способенъ слышать) ихъ всѣ (всякія слова Божіи), и никого онъ не слышитъ, кромѣ тѣхъ,

которые говорятъ слова свои (поученія) благодатію Слова, и не ихъ слышитъ онъ, но только слово, которое безгласно говорится голосомъ ихъ.

138) Когда ты долу—въ земномъ, тогда не изслѣдуй того, что горѣ, т.-е. небеснаго; и восходя горѣ, прежде, чѣмъ достигнешь верха, не любопытствуй дольняго, чтобъ поскользнувшись не упасть, или лучше сказать, чтобъ не оставаться долу (мняся восходити горѣ).

139) Кто обогатился небеснымъ сокровищемъ,—разумѣю, пришествіемъ и вселеніемъ въ него Христа, Который сказалъ: *Азъ и Отецъ пріидемъ и обитель у него сотворимъ* (Ін. 14, 23), тотъ знаетъ знаніемъ душевнымъ (опытно, сознаніемъ, чувствомъ), какую получилъ радость, коликое и каковое сокровище имѣетъ въ царскихъ сокровищницахъ сердца своего. Бесѣдуя съ Богомъ, какъ другъ съ другомъ, съ дерзновеніемъ стоитъ онъ предъ лицемъ Того, Кто обитаетъ въ немъ во свѣтѣ неприступномъ.

140) Кто вѣруетъ тому, что я сказалъ, тотъ блаженъ. Кто дѣятельно подвизается посредствомъ священныхъ подвиговъ достигнуть вѣдѣнія о томъ (опытно познать то), тотъ треблаженъ. Кто посредствомъ дѣланія и созерцанія достигъ высоты такого состоянія и какъ сынъ дошелъ до Самого Бога, тотъ, чтобъ не сказать нѣчто большее, есть Ангелъ.

141) Какъ тотъ, кто стоитъ на берегу моря, видитъ безмѣрную пучину водъ, но предѣла ихъ не досягаетъ зрѣніемъ, а видитъ только малую нѣкую часть ихъ: такъ и тотъ, кто сподобился чрезъ созерцаніе узрѣть безмѣрное море славы Божіей и видѣть мысленно Самого Бога, видитъ умными очами Бога и бездну славы Его, не всю, сколько ея есть, но лишь столько, сколько сіе возможно для него.

142) Какъ тотъ, кто находится близъ моря, не только

видитъ его, но и въ самыя воды его входитъ, сколько хочетъ: такъ бываетъ и духовно (съ достигшими совершенства духовнаго), что они, когда хотятъ, входятъ въ свѣтъ Божій и созерцаютъ его и причащаются его сознательно въ мѣру подъятыхъ трудовъ, усилій и желательныхъ стремленій.

143) Какъ тотъ, кто стоитъ на берегу моря, пока находится внѣ воды, все видитъ вокругъ и обозрѣваетъ пространство моря; когда же начнетъ входить внутрь воды и погружаться въ нее, тогда чѣмъ больше сходитъ въ нее, тѣмъ больше ничего не видитъ внѣ ея: такъ и тѣ, которые сдѣлались причастными божественнаго свѣта, чѣмъ болѣе преуспѣваютъ въ познаніи Бога, тѣмъ въ большее, соотвѣтственно тому, приходятъ невѣдѣніе (всего, что внѣ Бога).

144) Какъ тотъ, кто входитъ въ воду моря по колѣно или до пояса, ясно видитъ все, находящееся внѣ воды; а когда низойдетъ въ глубь и станетъ весь подъ водою, ничего уже не можетъ видѣть, что внѣ,—и одно только знаетъ то, что онъ весь во глубинѣ моря: тоже бываетъ и съ тѣми, кои возрастаютъ въ духовномъ преспѣяніи и восходятъ въ совершенствѣ вѣдѣнія и созерцанія.

145) Преспѣвающіе въ духовномъ совершенствѣ, когда просвѣщаются, или осіяваются въ умѣ, тогда видятъ мысленно славу Господа и научаемы бываютъ мысленно божественною благодатію вѣдѣнію за вѣдѣніемъ, восходя отъ созерцанія сущаго къ познанію того, что воистину есть выше всего сущаго.

146) Приближающіеся къ совершенству, видя только еще отчасти безпредѣльность (духовныхъ вещей) и сознавая непостижимость того, что видятъ, удивляются и приходятъ въ изумленіе; а чѣмъ болѣе входятъ они, невѣдомо какъ, въ свѣтъ вѣдѣнія, тѣмъ болѣе сознаютъ свою немощь. То, что является имъ нѣкоторымъ обра-

зомъ примрачно, показываетъ себя какъбы зерцаломъ въ гаданіи, и отчасти осіявая умъ, мыслящій о томъ, когда благоволитъ явить себя въ большемъ свѣтѣ и соединиться по причастію съ тѣмъ, кто имъ освѣщается, вовлекая всего его въ себя, такъ что онъ бываетъ весь во глубинѣ Духа, какъбы въ глубинѣ безмѣрныхъ свѣтлыхъ водъ; — тогда онъ восходитъ неизъяснимо въ совершенное невѣдѣніе, какъ вступившій туда, гдѣ все выше вѣдѣнія.

147) Умъ нашъ, будучи простъ, когда обнажится отъ всякаго сторонняго помышленія и внидетъ въ простый свѣтъ Божій, тогда, будучи объятъ и сокрытъ весь симъ свѣтомъ не можетъ уже встрѣтить ничего кромѣ того свѣта, въ коемъ находится, чтобъ подвигнуться къ помышленію о томъ, но пребываетъ внутрь божественнаго свѣта, не бывая попускаемъ посмотрѣть вовнѣ. И сіе-то показываетъ изреченіе: Богъ свѣтъ есть и свѣтъ высочайшій; почему когда бываетъ сказанное выше, тогда послѣдуетъ успокоеніе (почитіе) всякаго созерцанія.

148) Тогда приснодвижный умъ становится недвижимымъ и немыслящимъ, — безъ мыслей, — когда весь покроется божественнымъ облакомъ и свѣтомъ, пребывая однакожъ въ сознательномъ созерцанія и чувствѣ и вкушая тѣ блага, среди коихъ находится. Глубины Святаго Духа не таковы, какъ глубины воды морской, но онѣ суть живая вода вѣчной жизни. Все, что находится тамъ, въ глубинахъ Святаго Духа, непостижимо и неизъяснимо. Умъ входитъ внутрь того, послѣ того какъ минуетъ все видимое и мысленное, и среди тѣхъ непостижимыхъ вещей недвижно движется и вращается, живя паче жизни въ жизни, будучи свѣтомъ во свѣтѣ, и не свѣтомъ, поколику есть самъ въ себѣ. Тогда онъ видитъ не себя самого, но Того, Кто есть выше его, и, будучи измѣняемъ

мысленно отъ тамошней славы. становится совсѣмъ незнающимъ себя самого.

149) Достигшій въ мѣру совершенства бываетъ мертвъ и немертвъ, а живущъ паче жизнію въ Богѣ, съ Коимъ пребываетъ, такъ какъ онъ не живетъ болѣе самъ по себѣ, какъ говоритъ Апостолъ: *живу же не ктому азъ, но живетъ во мнѣ Христосъ* (Гал. 2, 20). Бываетъ онъ такъ-же слѣпъ и не слѣпъ; онъ смотритъ не естественными очами, такъ какъ сталъ выше всякаго естественнаго зрѣнія, получивъ новыя очи, несравненно лучшія естественныхъ очей. коими и смотритъ выше естества. Бываетъ бездѣйственъ и недвижимъ, какъ исполнившій всякое собственное дѣйствіе. Бываетъ немыслящъ, какъ содѣлавшійся едино съ Тѣмъ, Кто выше всякой мысли, и почившій тамъ, гдѣ нѣтъ мѣста дѣйствію ума, – т.-е. движенію его въ воспоминаніи, или помыслѣ, или размышленіи. Не имѣя возможности постигнуть и познать непостижимое и дивное, онъ нѣкоторымъ образомъ опочиваетъ на семъ совершеннымъ почитіемъ, онымъ недвиженіемъ блаженнаго нечувствія, т.-е. не любопытно наслаждаясь неизъяснимыми благами, съ чувствомъ однакожъ вѣрнымъ и опредѣленнымъ.

150) Кто не сподобился достигнуть въ такую мѣру совершенства и проникнуть до такихъ благъ, тотъ пусть винитъ себя одного, а не говоритъ въ извиненіе, что это дѣло невозможно, или что бываетъ въ насъ совершенство, такое однакожъ. о которомъ мы и не знаемъ. Удостовѣряемъ будучи Божественнымъ Писаніемъ, да вѣдаетъ онъ, что дѣло сіе возможно, и въ истинный своей силѣ бываетъ въ дѣйствительности, и совершается завѣдомо съ сознаніемъ его; но, по причинѣ неисполненія и нарушенія заповѣдей Божіихъ, всякой собственно самъ себя лишаетъ такихъ благъ, соотвѣтственно своей неисправности.

151) Богъ отъ начала сотворилъ два міра, видимый и невидимый, и царя надъ видимымъ, который носитъ въ себѣ характеристическія черты обоихъ міровъ—одного въ своей видимой части, а другаго въ части мысленной,—въ душѣ и тѣлѣ. Въ этихъ мірахъ сіяютъ и два солнца,—это видимое, и другое—мысленное. И что есть для видимаго и чувственнаго солнце, то есть для невидимаго и мысленнаго Богъ, Который есть и именуется солнцемъ правды. Чувственный міръ и все, что въ немъ, освѣщается чувственнымъ симъ и видимымъ солнцемъ; а міръ мысленный и тѣ, которые находятся въ немъ, освѣщаются и осіяваются мысленнымъ солнцемъ правды. И чувственное освѣщается чувственнымъ солнцемъ, а мысленное—мысленнымъ раздѣльно, особо одно отъ другаго, такъ какъ несмѣшаны и несліяны между собою ни мысленное съ чувственнымъ, ни чувственное съ мысленнымъ.

152) Изъ всего видимаго и мысленнаго только одинъ человѣкъ созданъ отъ Бога двоякимъ. У него есть тѣло составленное изъ четырехъ стихій, чувство и дыханіе,—и душа мысленная, невещественная, нетѣлесная, соединенная неизреченно и неизслѣдованно, срастворенная несліянно, и сочетанная несмѣсно съ тѣмъ, что есть въ тѣлѣ. И вотъ что есть человѣкъ,—животное смертное и безсмертное, видимое и невидимое, чувственное и мысленное, способное видѣть видимое твореніе, и познавать мысленное. Какъ два солнца раздѣльно дѣйствуютъ каждое на свой міръ, такъ раздѣльно дѣйствуютъ они и на каждую сторону человѣка: одно освѣщаетъ тѣло, а другое душу, и каждое подаетъ изъ собственнаго своего свѣта соотвѣтствующей себѣ сторонѣ или богато или скудно, сколько можетъ вмѣстить освѣщаемый.

153) Чувственное солнце видимо, но не видитъ; мысленное же солнце и зримо бываетъ достойными, и само зритъ всѣхъ, паче же тѣхъ, которые на него смотрятъ.

Чувственное солнце не говоритъ и никому не даетъ силы и способности говорить; мысленное же солнце и само говоритъ друзьямъ своимъ, и всѣмъ даетъ способность и силу говорить. Чувственное солнце, свѣтя на чувственный садъ, изсушаетъ только теплотою лучей своихъ сырость земную, а не насыщаетъ и не ботитъ растеній и сѣмянъ, мысленное же солнце когда возсіяетъ въ душѣ, оба сіи оказываютъ дѣйствія: изсушаетъ сырость страстей, очищая вмѣстѣ скверноту и зловоніе, происходящія отъ нихъ и сообщаетъ мысленной землѣ души удобреніе (жирною дѣлаетъ), т.-е. божественную благодать, коею будучи насыщаемы произрастенія добродѣтелей, мало помалу возрастаютъ въ довольствѣ.

154) Чувственное солнце, восходя, освѣщаетъ чувственный міръ, и все что въ немъ, людей, звѣрей и прочее все, надъ которыми одинаково простираетъ свѣтъ свой, царствуетъ въ полдень, затѣмъ опять скрывается, оставляя во тмѣ тѣ мѣста, надъ которыми свѣтило. Солнце мысленное возсіявъ, всегда свѣтитъ, невмѣстно вмѣщаясь все во всемъ, и вмѣстѣ отособляясь отъ тварей своихъ и неотдѣлимо отдѣльно пребывая отъ нихъ,— будучи все во всемъ и не будучи нигдѣ въ тваряхъ своихъ исключительно (такъ чтобы не быть въ другихъ мѣстахъ). Оно—все въ видимомъ и все въ невидимомъ,— все всюду присуще и нигдѣ—все, исключительно.

155) Христосъ есть начало, средина и конецъ. Онъ есть и въ первыхъ и въ среднихъ и въ послѣднихъ,— и какъ есть въ первыхъ, такъ и во всѣхъ. Для Него нѣтъ разности между сими, какъ *нѣсть* у Него *ни варваръ, ни Скивъ, ни Еллинъ, ни Іудей, но всяческая и во всѣхъ Христосъ* (Гал. 3, 28).

156) Святая любовь, проникая всѣхъ отъ первыхъ до послѣднихъ, отъ головы до ногъ, всѣхъ съ собою сочетаваетъ, сцѣпляетъ, связываетъ и единитъ, и дѣлаетъ

ихъ крѣпкими и непоколебимыми. Будучи познаваема, она открывается каждому изъ нихъ одною и тоюже. Она есть Богъ, съ Коимъ и послѣдніе бываютъ первыми, и первые, какъ послѣдніе.

157) Какъ мысленные чины небесныхъ Силъ освѣщаются Богомъ по порядку, такъ что божественное свѣтолитіе проникаетъ изъ перваго чиноначалія во второе, изъ этого въ третье и такъ во всѣ: такъ и святые, будучи освѣщаемы святыми ангелами, связуемы и соединяемы союзомъ Святаго Духа, дѣлаются равночестными съ ними и подобными имъ. Затѣмъ святые,—которые являются изъ рода въ родъ, отъ времени до времени, послѣ святыхъ, предшествовавшихъ имъ —посредствомъ исполненія заповѣдей Божіихъ прицѣпляются къ нимъ,—къ тѣмъ прежнимъ и, получая благодать Божію, осіяваются подобно имъ,—всѣ же послѣдовательно составляютъ такимъ образомъ нѣкую златую цѣпь, каждый будучи особымъ звеномъ сей цѣпи, соединяющимся съ предыдущимъ посредствомъ вѣры, добрыхъ дѣлъ и любви,—цѣпь, которая, утверждаясь въ Богѣ, неудоборазрываема есть.

158) Кто не изволяетъ со всею любовію и желаніемъ въ смиренномудріи соединиться съ самымъ послѣднимъ (по времени) изъ всѣхъ святыхъ, имѣя къ нему нѣкое невѣріе, тотъ никогда не соединится и съ прежними, и не будетъ вчиненъ въ рядъ предшествовавшихъ святыхъ, хотя бы ему казалось, что онъ имѣетъ всю вѣру и всю любовь къ Богу и ко всѣмъ святымъ. Онъ будетъ изверженъ изъ среды ихъ, какъ не изволившій въ смиреніи стать на мѣсто, прежде вѣкъ опредѣленное ему Богомъ, и соединиться съ тѣмъ послѣднимъ (по времени) святымъ, какъ предопредѣлено сіе ему Богомъ.

159) Сколько хощетъ Богъ быть нами познаннымъ, столько открывается,—и сколько откроется, столько

зримъ бываетъ и познавается достойными. Но сподобиться сего и испытать сіе никто не можетъ, если прежде не соединится съ Духомъ Святымъ, стяжавъ напередъ трудами и потами сердце чистое, простое и сокрушенное.

160) Какъ тотъ кто станетъ предлагать уроки по реторикѣ и философіи изучающему лишь азбуку, не только никакой не принесетъ ему пользы, но отвратитъ его и отъ того, что онъ проходитъ и сдѣлаетъ, что онъ забудетъ выученное, потому что умъ его не вмѣщаетъ предлагаемыхъ ему ученій; такъ и тотъ, кто толкуетъ о послѣднихъ степеняхъ совершенства новоначальнымъ и особенно болѣе лѣнивымъ изъ нихъ, не только не принесетъ имъ пользы, но еще сдѣлаетъ, что они возвратятся вспять; потому что какъ взглянутъ они на высоту добродѣтели и увидятъ, какъ далеко отстоятъ отъ вершины ея, то, подумавъ, что имъ никакъ невозможно взойти на верхъ ея, бросятъ и тѣ немногія добрыя дѣла, которыя начали уже дѣлать, какъ безполезныя, и погрузятся въ безнадежіе.

161) Которыхъ держатъ въ своей власти и надъ которыми господствуютъ страсти, тѣ,—когда услышатъ, что совершенный по Богу человѣкъ почитаетъ себя нечистымъ паче всякаго человѣка, всякаго животнаго и всякаго звѣря,—и что онъ, будучи безчестимъ, радуется, будучи злословимъ, благословляетъ и хвалитъ, будучи гонимъ, терпитъ, и со слезами и болѣзнію сердечною молитъ Бога о врагахъ своихъ,—вопервыхъ не вѣрятъ всему этому, почитая и выставляя себя подобными имъ; потомъ, будучи обличаемы Божественнымъ Писаніемъ и опровергаемы святыми, показавшими все сіе на самомъ дѣлѣ, сознаются, что не могутъ достигнуть въ такую мѣру совершенства; а когда услышатъ, что если они не станутъ такъ поступать, то и спастися не могутъ, тогда,

не желая отстать отъ грѣховныхъ навыковъ и покаяться, въ чемъ согрѣшили, впадаютъ въ безнадежіе.

162) Гдѣ глубокое смиреніе, тамъ и слезы обильныя; а гдѣ есть сіе, тамъ есть и присѣщеніе Святаго Духа; когда же придетъ благодать поклоняемаго Духа, тогда въ томъ, кто начинаетъ быть подъ дѣйствіемъ Его, является всякая чистота и святость.—тогда онъ зритъ Бога, и Богъ призираетъ на него. Ибо Господь говоритъ: *на кого воззрю, токто на кроткаго и молчаливаго, и трепещущаго словесъ Моихъ* (Ис. 66, 2).

163) Человѣкъ можетъ побѣждать страсти, но не можетъ ихъ искоренить. Онъ получилъ власть не дѣлать зла, но не и не помышлять о немъ. Благочестіе же настоящее состоитъ не въ томъ только, чтобъ не дѣлать зла, но чтобъ и не помышлять о немъ. Кто помышляетъ о злѣ, въ томъ нѣтъ чистоты. Ибо какъ можетъ быть чисто сердце у того, кто оскверняется нечистыми помыслами, какъ зеркало затемняется пылью?

164) Чисто сердце, я полагаю, у того, кто не только не бываетъ тревожимъ и тяготимъ какою-либо страстію, но и не помышляетъ даже ни о чемъ худомъ, или мірскомъ, хотя бы и хотѣлъ того, и одну память о Богѣ держитъ въ себѣ съ неудержимою любовію. Ибо око души, умъ, когда ничто не мѣшаетъ его созерцанію, чисто въ чистомъ свѣтѣ видитъ Бога.

165) Безстрастіемъ почитаю я то, когда кто не только удаляется отъ дѣйствованія по влеченію страстей, но чуждъ бываетъ и самой похоти ихъ; и не это только, но когда умъ его обнаженъ отъ самаго помышленія о нихъ и свободно возносится превыше небесъ, какъ ни захочетъ, заходя за предѣлы всего видимаго и чувственнаго, какъбы чувства его были совсѣмъ закрыты, и умъ превиталъ въ области выше-чувственной, имѣя однакожъ

съ собою и чувства, какъ орелъ имѣетъ свои перья (въ выси при себѣ).

166) Ни умъ безъ чувства не проявляетъ своихъ дѣйствій, ни чувство безъ ума.

167) Сердце чисто есть и называется то, которое не находитъ въ себѣ никакого помышленія, или помысла мірскаго, но все прилѣплено къ Богу и сочетано съ Нимъ такъ, что не вспоминаетъ уже ничего мірскаго, ни печальнаго, ни радостнаго, но превитаетъ въ созерцаніи, возносясь до третьяго неба, восторгаясь въ рай и видя наслѣдіе благъ, обѣтованныхъ святымъ,—примѣнительно къ чему представляетъ потомъ, сколько возможно сіе для немощи человѣческой, и блага вѣчныя. Вотъ что служитъ знаменіемъ чистоты сердечной и вѣрнымъ признакомъ, по которому всякій можетъ опредѣлить мѣру своей чистоты и видѣть себя какъ въ зеркалѣ.

168) Какъ тотъ, кто находится внѣ дома, не видитъ тѣхъ, которые заперты въ домѣ, такъ и тотъ, кто распялся и умеръ міру, не имѣетъ никакого чувства о вещахъ и дѣлахъ міра.

169) Какъ мертвое тѣло не имѣетъ никакого чувства ни къ живымъ тѣламъ, ни къ мертвымъ, лежащимъ вмѣстѣ съ нимъ; такъ и напередній изъ міра благодатію Святаго Духа и сущій съ Богомъ, не имѣетъ чувства къ міру, ни пристрастія къ вещамъ міра, хотя подлежитъ потребностямъ тѣла.

170) Бываетъ смерть прежде смерти физической, и прежде воскресенія тѣлъ бываетъ воскресеніе душъ,—дѣломъ, опытомъ, силою и истиною. Ибо когда смертное мудрованіе уничтожается безсмертнымъ умомъ и мертвенность изгоняется жизнію, тогда душа, какъбы воскресшая изъ мертвыхъ, узрѣваетъ чисто себя саму, какъ узрѣваютъ себя пробудившіеся отъ сна, и познаетъ истинно Бога, ее воскресившаго о Коемъ помышляя, и

Коего благодаря, выходитъ она за предѣлы чувствъ и всего міра, преисполненная неизреченной сладости, и тѣмъ заставляетъ утихнуть всякое мертвенное движеніе.

171) Иное вносится (въ жизнь спасительную) нами самими, иное подается намъ Богомъ. Чѣмъ больше мы очищаемся посредствомъ собственныхъ нашихъ трудовъ и священныхъ потовъ, тѣмъ болѣе свѣтимся божественнымъ свѣтомъ, тѣмъ болѣе очищаемся собственными слезами нашими, принося отъ себя слезы и вмѣсто ихъ получая отъ Бога свѣтъ сокрушенія.

172) Многіе, привнося собственное свое, не получали того, что обыкновенно подается Богомъ. Это явно изъ того, что сдѣлали и что пострадали Каинъ и Исавъ. Ибо если кто не привнесетъ своего съ правымъ помысломъ, съ благочестнымъ расположеніемъ, съ вѣрою и великимъ смиреніемъ, то нельзя чтобы Богъ призрѣлъ на него милостиво и принялъ приносимое имъ, а не принявши сего, нельзя, чтобы далъ вмѣсто того и то, что обыкновенно Имъ подается въ такомъ случаѣ.

173) Мертвъ для святыхъ міръ и люди міра. Почему, какъ мірскіе, видя, не видятъ добрыхъ дѣлъ святыхъ мужей, и слыша, не могутъ нисколько понять божественныхъ словесъ, предлагаемыхъ ими благодатію Святаго Духа, такъ и духовные и святые мужи не могутъ видѣть лукавыхъ дѣлъ лукавыхъ мірскихъ людей, и понять страстныхъ рѣчей ихъ,—т.-е. и они, видя, не видятъ что въ мірѣ и слыша о томъ, что касается мірскихъ людей, находятся въ такомъ божественномъ состояніи и расположеніи, какъ бы не слышали то, по неимѣнію къ тому чувства. Такимъ образомъ не бываетъ никакого общенія ни у духовныхъ съ мірскими, ни у мірскихъ съ духовными.

174) Какъ явно раздѣленіе свѣта и тьмы и смѣшеніе ихъ невозможно: *кое бо общеніе свѣту ко тмѣ, или кая*

часть вѣрну съ невѣрными (2 Кор. 6, 14. 15), такъ такое же бываетъ раздѣленіе одного съ другимъ и въ тѣхъ, кои имѣютъ Святаго Духа, и въ тѣхъ, кои не имѣютъ Его. Ибо духоносцы имѣютъ житіе свое на небесахъ, сдѣлавшись изъ людей болѣе ангелами, а эти (неимѣющіе Духа) сидятъ еще во тмѣ прародительской и въ сѣни смерти, прикованные къ землѣ и земному. И тѣ освѣщаются обильно мысленнымъ невечернимъ свѣтомъ, а эти только чувственнымъ; тѣ видятъ и себя самихъ и ближнихъ,—а эти, видя каждый день и себя самихъ и ближнихъ умирающими душевною смертію, не знаютъ и не вѣрятъ, что есть воскресеніе мертвыхъ, судъ и воздаяніе каждому по дѣламъ его.

175) Имѣешь ли ты Духа Святаго, это можешь ты вѣрно узнать изъ дѣйствій Его въ тебѣ, какъ говоритъ о семъ св. Павелъ,—что *гдѣ Духъ Господень, тамъ свобода* (2 Кор. 3, 17),—и что тамъ *плоть убо мертви грѣха ради, духъ же живетъ правды ради* (Рим. 8, 10),—что *иже Христовы суть, плоть распяша со страстьми и похотьми* (Гал. 5, 24). Ибо крестившіеся въ Духѣ Святомъ облеклись во всего Христа, стали сынами свѣта и ходятъ въ невечернемъ свѣтѣ, видя міръ не видятъ и слыша мірское не слышатъ. Какъ о плотскихъ людяхъ написано, что они, видя, не видятъ, и слыша о божественныхъ вещахъ, не разумѣютъ того и не могутъ вмѣстить духовнаго, потому что оно кажется имъ буйствомъ: такимъ же образомъ разсуждай и объ имѣющихъ въ себѣ Духа, что они хотя носятъ тѣло, но не плотяны суть, какъ говоритъ Апостолъ: *вы нѣсте во плоти, но въ Дусѣ, понеже Духъ Божій живетъ въ васъ* (Рим. 8, 9). Они мертвы для міра и міръ мертвъ для нихъ, какъ онъ же говоритъ о нихъ въ своемъ лицѣ: *мнѣ міръ распяся и азъ міру* (Гал. 6, 14).

176) Какъ человѣкъ двоякъ, состоя изъ души и тѣла,

такъ и міръ, подобно ему, двоякъ—видимый и невидимый, и въ каждомъ изъ нихъ свои особыя идутъ дѣла, по духу каждаго, и свои заботы о дѣлахъ. Тоже нахожу я и въ видѣніяхъ и снахъ. Чѣмъ душа занята и о чемъ разглагольствуетъ наяву, о томъ мечтаетъ или философствуетъ она и во снѣ: или проведши весь день въ заботахъ о дѣлахъ человѣческихъ, объ нихъ же суетится она и въ сновидѣніяхъ, или поучавшись все время въ вещахъ божественныхъ и небесныхъ, въ видѣніе ихъ входитъ и во время сна и умудряется видѣніями, по Пророку: *юноши ваши видѣнія узрятъ* (Іоиль въ Дѣян. 2, 17). И не прельщается ложными сновидѣніями, но сновидитъ истинное и поучается откровеніями.

177) Когда желательная часть души движется на страсти, утѣхи, наслажденія и удовольствія міра сего, тогда душа видитъ и сны, подобные сему. И опять, когда раздражительная часть души озвѣряется и разсвирѣпѣваетъ противъ однородныхъ себѣ людей, тогда и въ сновидѣніяхъ видятся нападенія звѣрей и пресмыкающихся, войны и брани, споры и бой въ судахъ съ тѣми, съ коими состоятъ въ раздорѣ. Когда же умовая часть души надымается въ тщеславіи и гордости, тогда во снѣ мечтаются воспаренія на воздухъ на крыльяхъ, или возсѣданія на высокихъ креслахъ судей и властителей народныхъ, торжественные выходы и встрѣчи и т. п.

178) У тѣхъ только бываютъ истинныя во снѣ видѣнія (ихъ не слѣдуетъ называть снами, а видѣніями),—которыхъ умъ благодатію Святаго Духа сдѣлался простъ и свободенъ отъ всякаго давленія со стороны страстей и отъ рабства имъ,—у которыхъ вся забота и попеченіе о божественномъ и все помышленіе о будущихъ наградахъ и воздаяніяхъ,—которыхъ жизнь выше жизни живущихъ, безпопечительна, не развлеченна, тиха, чиста, исполнена милости, мудрости, небеснаго вѣдѣнія и дру-

гихъ плодовъ благихъ, воздѣлываемыхъ въ нихъ Духомъ Святымъ; у тѣхъ же, кои не таковы, сны ложны и безпорядочны, и все въ нихъ обманъ и прелесть явная.

179) Кто дѣлаетъ мертвою волю свою, тотъ всеконечно дѣлается безвольнымъ, не имѣющимъ воли; изъ живыхъ же и самодвижныхъ тварей нѣтъ ни одной безвольной, кромѣ неимѣющихъ чувства и движенія. Растенія движутся нѣкако внутри и возрастаютъ; но не говорится, что они дѣлаютъ это движеніе и возрастаніе по естественной волѣ своей, потому что они бездушны. Но всякая воодушевленная тварь имѣетъ и естественную волю. Итакъ, кто умертвитъ волю свою подвигомъ и особымъ направленнымъ къ тому вниманіемъ и тщаніемъ, и сдѣлается безвольнымъ, тотъ очевидно вышелъ изъ естества своего и сталъ внѣ его, и ничего уже не хочетъ собственнымъ хотѣніемъ своимъ, и ничего не дѣлаетъ самъ, ни добраго, ни худаго.

180) Изъ тѣхъ, которые сподобились содѣлаться едино съ Богомъ, соединясь съ Нимъ содѣйствіемъ Святаго Духа, и вкусить неизреченныхъ благъ Его, никто не услаждается пустою, скажу—безчестною и ничтожною славою, приносимою ему отъ людей; не вожделѣваетъ онъ такъже ни денегъ, ни одеждъ дорогихъ, ни камней многоцѣнныхъ, какъ называютъ ихъ люди неразумные; не любитъ прилѣплять сердца своего, или пристрастіе имѣть и къ богатству, текучему и непостоянному, переносящемуся отъ одного къ другому;—не любитъ и того, чтобъ знаему быть царямъ и начальствующимъ, которые не суть поистинѣ начальники, властители господственные, будучи обладаемы и господствуемы многими страстями; онъ и не почитаетъ ихъ за что либо великое и высокое и не думаетъ, чтобъ они особою какою облекали славою тѣхъ, кои близкими становятся къ нимъ; не желаетъ быть близкимъ и къ другому кому изъ именитыхъ и

славныхъ въ мірѣ семъ, какъ никто не желаетъ изъ богатаго сдѣлаться бѣднымъ, или изъ властнаго начальника, великаго и славнаго сдѣлаться безчестнымъ, безславнымъ, презрѣннымъ, низшимъ всѣхъ.

181) Тому, кто много говоритъ устами въ молитвѣ своей, не удобно сознавать все, что говоритъ; но кто молится немногословно, тотъ можетъ сознавать, что говоритъ въ молитвѣ. Тѣмъ, которые не все сознаютъ хорошо, что говорятъ, положено много говорить; тотъ же, кто научился сознавать, что говоритъ въ молитвѣ, не можетъ говорить много, чтобъ не разсѣяваться умомъ. Нѣтъ нужды много говорить къ Богу, но немного съ разумнымъ сознаніемъ того, т.-е. чтобъ понимаемо было то. Впрочемъ молиться съ разумнымъ сознаніемъ никакъ невозможно, не сдѣлавшись причастникомъ Духа Святаго. Если кто не содружится съ Богомъ чрезъ Господа Іисуса Христа во Святомъ Духѣ, то душа его не можетъ молиться съ разумнымъ сознаніемъ, какъ сказалъ одинъ изъ великихъ отцевъ: то, силою чего мы молимся, какъ должно, есть Духъ Святый. Итакъ, кто думаетъ, что молится настоящимъ образомъ безъ Духа Святаго, тотъ и, прославляя Бога пѣсословно, тоже что хулитъ Его, поколику нечистъ есть и не содружился еще съ Богомъ.

182) Какъ тотъ, кто всегда смотритъ на солнце чувственное, и нехотя претерпѣваетъ измѣненіе въ зрѣніи, т. е. начинаетъ смотрѣть иначе, потому что не можетъ ничего другаго изъ видимаго видѣть, а во всемъ видитъ одно солнце: такъ и тотъ, кто умомъ своимъ и сердцемъ всегда смотритъ на умное солнце правды,—и нехотя претерпѣваетъ измѣненіе въ умномъ зрѣніи, потому что онъ ничего уже изъ земнаго воображать не можетъ, но во всемъ видитъ единаго Бога.

183) *) Спросили однажды святаго и блаженнаго сего Симеона, каковъ долженъ быть іерей, и онъ отвѣтилъ, говоря: я недостоинъ быть іереемъ, но каковъ долженъ быть іерей, вѣрно знаю. Вопервыхъ, онъ долженъ быть чистъ не только тѣломъ, но и душею, и при этомъ непричастенъ никакому грѣху. Вовторыхъ, онъ долженъ быть смиренъ не по внѣшнему только себя-держанію и обычаю дѣйствовать, но и по внутреннему настроенію. Потомъ, когда предстоитъ священной и святой трапезѣ, долженъ всеконечно, видя чувственно святые дары, мысленно созерцать Божество. И не это только, но и Самого Того, Кто невидимо присущъ въ дарахъ, долженъ онъ стяжать и имѣть обитающимъ въ себѣ въ сердцѣ своемъ сознательно, чтобъ такимъ образомъ съ дерзновеніемъ могъ онъ возносить моленія къ Богу и, какъ другъ съ другомъ бесѣдуя, говорить: *Отче нашъ, Иже еси на небесѣхъ, да святится имя Твое:* потому что молитва сія показываетъ, что произносящій ее имѣетъ живущимъ въ себѣ сущаго по естеству Сыномъ Божіимъ, со Отцемъ и Святымъ Духомъ. Такихъ видѣлъ я пресвитеровъ, простите мнѣ отцы и братія.

184) Говорилъ онъ еще и слѣдующее, будто объ иномъ комъ, себя прикрывая и бѣгая славы человѣческой, понуждаемый однажды объявить то по любви къ ближнему на общую пользу: слышалъ я, говоритъ, отъ одного монаха іерея, довѣрявшагося мнѣ, какъ другу своему: никогда (говорилъ онъ) не литургисалъ я, не увидѣвъ Духа Святаго, какъ видѣлъ Его сошедшимъ на меня въ то время, когда меня рукополагали и митрополитъ читалъ надо мною молитву іерейскаго посвященія и Евхологій **) лежалъ на бѣдной главѣ моей. Я спро-

*) Это и слѣд. и въ Добротол. есть.—тоже и конецъ.

**) Омофоръ съ возложеніемъ рукъ; а Евхологій, или служебникъ держитъ книгодержецъ.

силъ его: какъ онъ Его тогда видѣлъ и въ какого рода образѣ? Онъ сказалъ: простымъ и безвиднымъ, однакожь какъ свѣтъ; и когда я увидѣвъ то, чего никогда не видѣлъ, удивился сначала и самъ въ себѣ разсуждалъ, что бы это было такое,—тогда Онъ таинственно, но внятнымъ гласомъ сказалъ мнѣ: Я такъ нисхожу на всѣхъ Пророковъ и Апостоловъ, и нынѣшнихъ избранниковъ Божіихъ и святыхъ; ибо Я есмь Святый Духъ Божій.— Ему слава и держава, во вѣки вѣковъ. Аминь.

ПОДВИЖНИЧЕСКОЕ СЛОВО

СТАРЦА СИМЕОНА БЛАГОГОВѢЙНАГО.

Предлежащее слово подвижническое и нравоучительное, состоящее изъ многихъ главъ, не св. Симеону Новому Богослову принадлежитъ, а Симеону благоговѣйному, старцу св. Симеона Новаго Богослова.

1) *) Брате, въ самомъ началѣ отреченія своего отъ міра потщися насадить въ себѣ благія добродѣтели, чтобъ и братству ты былъ полезенъ, и самого тебя Господь возвеличилъ напослѣдокъ. Не стяжевай себѣ особаго дерзновенія предъ игуменомъ и не ищи себѣ особой отъ него чести. Не стяжевай дружбы съ набольшими въ обители, и не учащай въ келліи ихъ, зная, что чрезъ это не только страсть тщеславія начнетъ пускать въ тебѣ свои корни, но и самому настоятелю сдѣлаешься ненавистенъ; а почему это,—разумѣваяй да разумѣетъ. Сиди въ мирѣ въ келліи своей, какова бы она ни была, но и хотящаго посѣтить тебя и побесѣдовать съ тобою, не отвращайся, ради сохраненія своего благоговѣинства; потому что, съ совѣта отеческаго бесѣдуя съ нимъ, не потерпишь вреда, хотя бы онъ былъ и изъ противныхъ, т.-е., несогласенъ съ тобою ни въ правилахъ, ни въ мысляхъ. Если и не видишь, чтобъ это было полезно

*) Добротол. 120.

для тебя, дѣлай такъ, побуждаясь возможностію доставить пользу другому.

2) Должно всегда имѣть страхъ Божій и каждодневно обслѣдовать и обсуждать, что добраго и что худаго сдѣлано тобою,—и доброе предавать забвенію, чтобъ не впасть въ страсть тщеславія, а о противномъ тому проливать слезы съ исповѣдію и напряженною молитвою. Судъ сей надъ собою совершай такъ. Когда кончится день и настанетъ вечеръ, начинай разглагольствовать съ собою и вопрошать себя: какъ, съ помощію Божіею, провелъ я день сей? Не осудилъ ли кого? не досадилъ ли кому словомъ? не соблазнилъ ли кого? не посмотрѣлъ ли страстно на чье-либо лице? Не преслушалъ ли въ чемъ настоятеля по послушанію своему и понерадѣлъ о немъ? не прогнѣвался ли на кого? Стоя въ собраніи (церковномъ), не занималъ ли ума своего чѣмъ безполезнымъ, или отяготясь отъ лѣности богослуженіемъ, не уходилъ ли изъ церкви и съ правила? Хотя бы ты нашелъ себя во всемъ этомъ неповиннымъ,—что однакожь невозможно,—потому что *никто не бываетъ чистъ отъ скверны, аще и единъ день будетъ житія его* (Іов. 14, 4), и *никто похвалится чисто имѣти сердце* (Притч. 20, 9); и тогда, помянувъ это, возопій къ Богу со многими слезами: Господи, прости мнѣ, елика согрѣшихъ словомъ и дѣломъ, въ вѣдѣніи и невѣдѣніи; ибо мы во многомъ погрѣшаемъ, и не зная того.

3) Каждодневно должно исповѣдывать всякій помыслъ духовному отцу своему, и что онъ будетъ говорить тебѣ, принимать то какъ изъ устъ Божіихъ съ полнымъ убѣжденіемъ (въ истинѣ того непреложной); другому же никому не передавать, что-де спросилъ я отца моего о томъ-то и томъ-то, и онъ отвѣтилъ мнѣ то и то; и тѣмъ паче не переспрашивать, хорошо ли онъ сказалъ мнѣ это, и что мнѣ дѣлать во уврачеваніе себя? Потому что

это суть слова невѣрія отцу своему, и пагубны для души. Это наиболѣе случается обычно съ новоначальными.

4) Всѣхъ, сущихъ въ киновіи, должно видѣть святыми и только себя одного почитать грѣшнымъ и послѣднимъ, прилагая къ сему, что изъ всѣхъ спасаемыхъ ты одинъ осужденъ будешь на вѣчныя муки въ день онъ. Когда стоишь на службѣ, все объ этомъ думай, и не переставай тепло плакать въ сокрушеніи сердечномъ, не обращая вниманія на соблазняющихся, или насмѣхающихся. Только когда увидишь, что начинаешь отъ этого поскользаться въ тщеславіе, тогда выходи изъ церкви и дѣлай это втайнѣ, поскорѣе возвращаясь потомъ на свое мѣсто. Это для новоначальныхъ очень полезно, особенно во время шестопсалмія, чтенія Псалтири и поученій, и во время божественной литургіи. Но смотри никого не осуждай, а вотъ что положи въ умѣ своемъ: тѣ, которые видятъ меня такъ плачущимъ, почитая меня многогрѣшнымъ усердно молятся о мнѣ. И конечно такъ непрестанно помышляя и всегда поступая, великую получишь ты пользу,— и Божію привлечешь благодать, и божественнаго блаженства причастникомъ сдѣлаешься.

5) Не ходи ни къ кому въ келлію, кромѣ игумена, и это какъ можно рѣже. Но если желаешь спросить его о какомъ-либо помыслѣ, дѣлай это въ церкви; отъ службы же церковной прямо уходи къ себѣ въ келлію и потомъ на дѣло послушанія своего; а послѣ повечерія, положивъ поклонъ игумену и испросивъ молитвъ, опять поникши головой, съ молчаніемъ бѣги въ келлію. Лучше одно Трисвятое прочитать со вниманіемъ и лечь спать, нежели безъ сна провесть четыре часа въ безполезныхъ разговорахъ. Впрочемъ гдѣ сокрушеніе и плачъ духовный, тамъ и божественное осіяніе: а когда оно найдетъ, тогда отгоняются и лѣность, и немощь.

6) Особой любви ни съ какимъ лицемъ не заводи, осо-

бенно изъ новоначальныхъ, хотя и покажется тебѣ жизнь его очень хорошею и нимало не подозрительною. Потому что изъ духовной такая любовь очень часто прелагается въ страстную и бываетъ причиною многихъ безполезныхъ скорбей. И это случается наиболѣе съ тѣми, кои ревностнѣе подвизаются. Впрочемъ смиреніе и частая молитва научатъ, какъ тутъ поступать; подробно же говорить о семъ здѣсь не нахожу умѣстнымъ. Разумѣяй да разумѣетъ.

7) Въ отношеніи къ каждому брату въ киновіи надо держать себя чужимъ и страннимъ, особенно изъ тѣхъ, кои были знакомы по мірской жизни; но всѣхъ любить, и любить ровно,—на благоговѣйныхъ и подвижниковъ смотрѣть какъ на святыхъ, а о подобно мнѣ нерадивыхъ прилежно молиться. Впрочемъ, какъ и выше показали мы, почитая всѣхъ святыми, потщися плачемъ очиститься отъ страстей, чтобъ, осіявшись благодатію, на всѣхъ смотрѣть одинаково и сподобиться блаженства чистыхъ сердцемъ.

8) Вотъ что почитай совершеннымъ, имени своего достойнымъ, удаленіемъ отъ міра, — всеконечное воли своей умерщвленіе; потомъ безпристрастіе къ родителямъ, роднымъ и друзьямъ и совершенное отъ нихъ отреченіе.

9) Далѣе еще,—обнаженіе себя отъ всего имущества своего, чрезъ раздаяніе его бѣднымъ, по слову Господа, сказавшаго: *продаждь имѣніе твое и даждь нищимъ* (Мѳ. 19, 21); и забвеніе дѣйствительное всѣхъ лицъ, какія сердечно любилъ, или плотскою или духовною любовію.

10) Также исповѣданіе всѣхъ сокровенностей сердца твоего и всего, что до сего самаго часа надѣлано тобою. духовному отцу, или игумену, какъ самому Богу, испытующему сердца и утробы, вѣдая какъ Іоаннъ крестилъ крещеніемъ покаянія, и всѣ шли къ нему исповѣдывать грѣхи свои (Мр. 1, 4. 5). Ибо отъ этого бываетъ великая

радость на душѣ и облегченіе совѣсти, по пророческому слову: *глаголы ты первѣе грѣхи твоя, да оправдишися* (Ис. 43, 26).

11) Еще и то, чтобъ положить въ помыслѣ такое убѣжденіе, что послѣ твоего поступленія въ обитель, померли твои родители и друзья, и почитать отцемъ и матерію лишь Бога и настоятеля; затѣмъ ничего уже у нихъ не просить ради тѣлесной потребности. Если они по своему о тебѣ попеченію пришлютъ тебѣ что, прими то и помолись о нихъ за ихъ о тебѣ заботу, но присланное отдай въ гостинницу или въ больницу, и сдѣлай это со смиреніемъ, потому что это не есть дѣло совершенныхъ, но послѣднѣйшихъ.

12) Дѣлай всякое дѣло доброе со смиреніемъ, помня слово Господа: *егда сотворите вся повелѣнная вамъ, глаголите, яко рабы неключими есмы: яко, еже должни бѣхомъ сотворити, сотворихомъ* (Лк. 17, 10).

13) Всячески блюдись, чтобъ никогда не принимать св. Причастія, имѣя что-либо на кого, даже въ видѣ прилога помысла, пока не устроишь совершеннаго примиренія съ нимъ посредствомъ покаянія. Впрочемъ и этому научишься отъ молитвы.

14) Каждодневно будь готовъ къ подъятію всякой скорби, помышляя, что скорби суть избавленіе отъ многихъ долговъ, и благодари за нихъ (когда встрѣтятся) Святаго Бога. Симъ образомъ стяжевается непостыдное упованіе по слову великаго Апостола: *скорбь терпѣніе содѣлываетъ, терпѣніе же искусство, искусство же упованіе, упованіе же не посрамитъ* (Рим. 5, 3—5); такъ какъ, по неложному обѣтованію, *ихже око не видѣ, и ухо не слыша и на сердце человѣку не взыдоша* (1 Кор. 2, 8), есть достояніе тѣхъ, кои, съ помощію благодати, показываютъ полное терпѣніе въ скорбяхъ; безъ благодати же, ничто не можетъ быть сдѣлано какъ слѣдуетъ.

15) Не имѣй въ келліи своей никакихъ вещей, даже до иглы, кромѣ рогожи, овечьей кожи, рясы, и того, во что одѣваешься (или чѣмъ одѣваешься ночью),—если возможно, ни даже подножія. Есть что сказать о всемъ этомъ; но разумѣяй да разумѣетъ.

16) Опять и у игумена не проси ничего потребнаго, кромѣ положеннаго по уставу; но и это, когда самъ онъ позоветъ тебя и дастъ, никакъ не соглашаясь при семъ съ помысломъ, внушающимъ перемѣнить что-либо изъ даемаго, но каково бы оно ни было, принимай то съ благодарностію, какъ отъ Бога,—и тѣмъ довольствуясь, безъ замысла купить другое отъ себя, потому что это неумѣстно. Такъ какъ платье загрязняется, то его надо мыть дважды въ годъ, выпрашивая на это время подобно нищему и страннику, со всѣмъ смиреніемъ, у другаго брата, чѣмъ одѣться, пока своя одежда вымытая высохнетъ на солнцѣ, и потомъ опять отдавал то съ благодарностію. Такъ и съ рясою поступать надобно и со всѣмъ другимъ.

17) Трудись по силѣ (не лѣнясь) въ дѣлѣ послушанія, а въ келліи прилежи молитвѣ, со вниманіемъ, сокрушеніемъ и частыми слезами, не слагаясь въ сердцѣ съ помысломъ, что-де, какъ нынѣ я преутрудился, то отниму немного отъ молитвы, труда ради тѣлеснаго: ибо говорю тебѣ, что сколько бы кто ни преутруждалъ себя въ дѣлѣ послушанія, коль скоро чрезъ это отвлекается онъ отъ молитвы, пусть держитъ въ мысли, что потерялъ нѣчто великое. И это такъ есть воистину.

18) Прежде всѣхъ приходи въ церковь на богослуженіе и послѣ всѣхъ выходи, кромѣ крайней какой нужды,—особенно на утреню и литургію.

19) Всякое повиновеніе имѣй къ своему игумену, отъ коего и постриженъ ты, и безъ раздумыванія исполняй, что ни повелитъ онъ, даже до смерти, хотя бы то каза-

лось тебѣ и невозможнымъ. Дѣйствуя такъ, будешь подражателемъ Того, Кто послушливъ былъ даже до смерти, смерти же крестныя. Но не только игумена, но и всю братію, и того, кому поручено смотрѣть за послушаніями, ни въ чемъ не должно преслушивать. Если онъ назначитъ тебѣ что не по силамъ тебѣ, положивъ поклонъ, проси снисхожденія; если не снизойдетъ, понудь себя исполнить то, помышляя, что *нудящихся есть царствіе и что его восхищаютъ тѣ, которые нудятъ себя* (Мѳ. 11, 12).

20) Съ сокрушеннымъ сердцемъ припадай къ ногамъ всей братіи, какъ ничтожный, безвѣстный и совсѣмъ будто не сущій. Кто такъ обращается со всѣми и такъ проводитъ жизнь свою, тотъ, дерзаю сказать, бываетъ прозорливымъ, и съ помощію благодати многое предсказываетъ. Таковый молится и о прегрѣшеніяхъ другихъ братій, пребывая неразвлекаемымъ пристрастіемъ къ вещественному, такъ какъ духовная божественная любовь не попускаетъ ему поскользнуться на это. Предсказывать недивное дѣло. Часто бываетъ это и отъ бѣсовъ, — но разумѣяй уразумѣетъ сіе. Впрочемъ, когда кто начнетъ исповѣдывать, или принимать открытія ему помысловъ другими, то бываетъ, что лишается и сего, будучи занятъ разсужденіемъ помысловъ другихъ. Но если по великому смиренію перестанетъ это дѣлать, т.-е. выслушивать и говорить по сему случаю, то опять возводится въ прежнее устроеніе. Почему такъ бываетъ, знаетъ единъ Богъ; я же, страхомъ объемлемъ, не дерзаю говорить объ этомъ.

21) Имѣй умъ всегда въ Богѣ и во время сна и во время бодрствованія, при вкушеніи пищи и бесѣдѣ, за рукодѣльемъ и всякимъ другимъ дѣломъ, по слову Пророка: *предзрѣхъ Господа предо мною выну, яко одесную мене есть* (Пс. 15, 9). Почитай себя грѣшнѣйшимъ паче

всякаго человѣка. Ибо когда такое помышленіе долгое время занимаетъ умъ и сердце, тогда внутри обыкновенно является нѣкое духовное возсіяніе свѣта, на подобіе луча. И чѣмъ болѣе взыскиваешь его, со вниманіемъ крѣпкимъ, мыслію неразвлеченною, трудомъ великимъ и слезами, тѣмъ болѣе оно является яснѣйшимъ и яснѣйшимъ: являясь таковымъ, возлюбляется; любимо бывая, очищаетъ: очищая, дѣлаетъ боговиднымъ, просвѣщая и научая различать доброе отъ худаго. Впрочемъ, брате, много требуется труда и съ Божіею помощію, чтобъ такое сіяніе благодатное совершенно вселилось въ душу твою и ее освѣщало, какъ луна мракъ ночи. Потребно также внимательно смотрѣть, не прокрались бы прилоги помысловъ тщеславія и самомнѣнія, чтобъ не осудить кого, видя, что онъ дѣлаетъ что-нибудь неподобающее. Ибо демоны, видя, что душа чрезъ вселеніе въ нее благодати и установленіе въ ней мирнаго устроенія освободилась отъ страсти и искушеній, обыкновенно влагаютъ въ нее такіе помыслы; но помощь отъ Бога (приходитъ и разоряетъ ихъ козни). Да будетъ у тебя и плачъ непрестанный, и сытости въ слезахъ не знай. Внимай еще, какъ бы не пострадать чего изъ-за обильной радости духовной и умиленія; а постраждешь, если подумаешь, что они суть плодъ собственнаго твоего труда, а не благодати Божіей, потому что за это они взяты будутъ отъ тебя,—и ты много поищешь ихъ въ молитвѣ, и не обрящешь, и узнаешь, какое потерялъ ты дарованіе благодати. Но Господи, никогда не попусти намъ лишиться благодати Твоей. Впрочемъ, брате, если и случится сіе съ тобою, возверзи на Бога немощь свою и возставъ, воздѣнь руки свои, и такъ говори въ молитвѣ: Господи! помилуй меня грѣшнаго, немощнаго и бѣднаго, и низпосли на меня благодать Твою, не попуская мнѣ искуситися паче, нежели могу. Виждь, Господи, въ ка-

кое бездушіе и въ какіе помыслы ввергли меня грѣхи мои многіе. Я, Господи, еслибы и захотѣлъ почесть, что мое самомнѣніе, бывшее причиною лишенія Твоего благодатнаго утѣшенія, произошло у меня отъ бѣсовъ, не могу тѣмъ извинить себя, ибо знаю, что съ теплымъ усердіемъ творящіе волю Твою легко сопротивляются имъ. Не они, а мои собственныя грѣшныя расположенія, кроющіяся въ сердцѣ, искусили меня. Каюсь въ семъ, Господи мой, Господи, и молю Тя, если благоугодно Тебѣ и для меня полезно, да внидетъ паки благодать Твоя въ раба Твоего, да видя ее, радуюся со умиленіемъ и плачемъ,—будучи просвѣщаемъ присносвѣтлымъ сіяніемъ ея и сохраняемъ отъ скверныхъ помысловъ, и всякой злой вещи, и отъ всѣхъ недобрыхъ дѣлъ и словъ, коими каждодневно согрѣшаю я въ вѣдѣніи и невѣдѣніи,—укрѣпляясь въ благонадежномъ дерзновеніи предъ Тобою, Господи, скорбями, каждодневно приключающимися рабу Твоему отъ бѣсовъ и людей, и отсѣченіемъ собственной воли своей, помышляя и о благахъ, уготованныхъ любящимъ Тебя. Ибо Ты сказалъ, Господи, что *просяй пріемлетъ, ищай обрѣтаетъ, и толкущему отверзется* (Мѳ. 7, 8). Къ сему, брате, прилагая и другое, что вложитъ Богъ въ сердце твое, пребывай терпѣливо въ молитвѣ, не разслабляясь скучаніемъ и унынiемъ,— и благій Богъ не оставитъ тебя.

22) Въ келліи, какую въ началѣ получилъ ты отъ настоятеля, терпѣливо пребудь до конца. Если помыслъ станетъ смущать тебя по причинѣ ея ветхости, или опасности паденія, то, поклонившись настоятелю, скажи ему объ этомъ со смиреніемъ. Если онъ послушаетъ тебя, радуйся; а если нѣтъ, и въ такомъ случаѣ благодари, воспомянувъ о Владыкѣ своемъ, не имѣвшемъ, гдѣ главу подклонить. (И не повторяй уже прошенія). Ибо если ты два, три или четыре раза не скучаешь объ

этомъ настоятелю (и не получишь удовлетворенія); то отъ этого родится сначала дерзость предъ нимъ, потомъ недовѣріе къ нему и наконецъ презрѣніе (и жизнь твоя разстроится). Почему, если хочешь проводить жизнь тихую и покойную, не проси у настоятеля ничего. что служитъ къ удовлетворенію тѣлесныхъ потребъ. При поступленіи твоемъ въ монашество, въ началѣ объ этомъ и рѣчи не было. Не обѣщался ли ты напротивъ мужественно сносить по заповѣди Божіей, еслибы тебя всѣ презирали и уничижали? Итакъ, если хочешь сохранить вѣру и любовь къ настоятелю своему и всегда смотрѣть на него какъ на святаго, соблюди слѣдующія три вещи: не проси у настоятеля того, что служитъ къ упокоенію тѣлесному, не позволяй себѣ особой предъ нимъ смѣлости и не учащай къ нему, какъ нѣкоторые дѣлаютъ, имѣя въ виду будтобы то, чтобъ пользоваться его наставленіями и руководствомъ,—не иноческое это дѣло, а человѣческое; впрочемъ я этого не осуждаю. Прибавь къ сказанному еще и то, чтобъ не скрывать отъ него никакого помысла, находящаго на тебя. Если будешь соблюдать все сіе. то безъ волненій переплывешь море жизни и отца своего, каковъ бы онъ ни былъ не перестанешь почитать святымъ. Если, подошедши въ церкви къ отцу своему спросить о своемъ какомъ-либо помыслѣ, найдешь, что другой предупредилъ тебя по томуже предмету, или другому какому, и увидишь, что на тебя не обращается вниманія, смотри не оскорбись, и не подумай чего-либо недобраго, но стань особо поодаль и жди, сложивъ руки, пока не кончится рѣчь съ тѣмъ и тебя не позовутъ. Бываетъ, что отцы нарочно такъ дѣлаютъ для испытанія и для заглажденія прежнихъ нашихъ въ семъ обстоятельствѣ погрѣшностей.

23) Поститься въ посты надлежитъ тебѣ такъ: въ великій постъ по два дня, кромѣ великаго какого празд-

ника, субботы и воскресенья; въ другіе посты черезъ день (вкушать); въ прочіе же дни года ѣсть по одному разу въ день, кромѣ субботы, воскресенья и праздника,— но не досыта.

24) Старайся быть для всего братства назидательнымъ образцомъ во всякой добродѣтели,—въ смиреніи и кротости, въ милостивости и послушаніи даже въ низкихъ вещахъ, въ безгнѣвіи и безпристрастіи, въ нестяжательности и умиленіи, въ незлобіи и нелюбопытности, въ простотѣ нрава и чуждости ко всякому человѣку, въ посѣщеніи болящихъ, въ утѣшеніи скорбящихъ, — въ томъ, чтобы не отвращаться отъ ищущихъ пользы, подъ предлогомъ бесѣды съ Богомъ: ибо любовь лучше молитвы,—въ томъ, чтобъ быть сострадательну ко всѣмъ, нетщеславну, недерзостну, необличительну, нетребовательну ни отъ настоятеля, ни отъ другаго какого распорядителя, соблюдающу почтительность ко всѣмъ іереямъ;—въ томъ, чтобы показывать вниманіе въ молитвѣ, неподдѣльное благонастроеніе и любовь ко всѣмъ, чтобъ не славы ради стараться любопытно изслѣдывать Писанія,—чему научитъ тебя молитва, бывающая со слезами, и просвѣщеніе благодати. Когда спроситъ кто о чемъ подобающемъ, учи его тому, что касается богодѣйственныхъ и богоугодныхъ дѣланій, какъ подастъ тебѣ благодать, со всѣмъ смиреніемъ, изъ опытовъ своей жизни, какъбы другаго кого, не тщеславясь въ помыслѣ, кто бы ни былъ ищущій у тебя пользы. И того не отвращайся, кто ищетъ у тебя врачевства противъ какого-либо помысла, но воспріими его погрѣшенія, какія бы они ни были, и молись о немъ съ плачемъ: ибо это есть знакъ совершеннаго сострадавія и любви. И того ради, чтобъ не получить вреда отъ слышанія такихъ вещей, не отрѣвай отъ себя приходящаго. Дѣйствуя изъ любви, не потерпишь никакого вреда, при помощи благо-

дати Божіей. Впрочемъ, чтобъ не произошло отъ этого вреда для другихъ, надобно вести рѣчь о семъ (т.-е. принимать помыслы и давать уроки по поводу ихъ) въ тайномъ мѣстѣ. Но если и подвергнешься, какъ человѣкъ прираженію какого помысла, — чего однакожь не потерпишь, если сподобился дѣйства благодати,—то и при этомъ не переставай такъ дѣйствовать: ибо мы научаемся не своей *искать пользы, но многихъ, да спасутся* (1 Кор. 10, 33). Относительно дѣйства благодати знай, что когда станешь ты воистину имѣть себя грѣшнѣйшимъ паче всякаго человѣка, тогда это будетъ значить, что воспріялъ ты дѣйство благодати. Будь только безпопечителенъ (о земномъ) и нестяжателенъ,—и сподобишься сего. Какъ же все сіе бываетъ, не умѣю сказать: Богъ вѣсть.

25) Часы бдѣнія проводи такъ: два часа читай (отеческія книги), два часа молись во умиленіи со слезами, (это отъ себя, не по молитвеннику), затѣмъ приложи канонъ, какой хочешь (или изъ Октоиха дневной, или изъ Минеи, или общепокаянный, или еще какой), и двѣнадцать псалмовъ, если угодно,—наконецъ молитву: *Нескверная, Неблазная,* и молитву св. Евстратія: *Величая величаю Тя.* Это когда ночи бываютъ велики; когда же онѣ коротки, тогда и послѣдованіе молитвъ пусть будетъ у тебя покороче, по даемой тебѣ отъ Бога силѣ: ибо безъ Него ничто доброе не дѣлается, какъ говоритъ Пророкъ: *отъ Господа стопы человѣку исправляются* (Пс. 36, 23),—и какъ сказалъ Господь: *безъ Мене не можете творити ничесоже* (Іоан. 15, 5).—Но причащаться никогда не причащайся безъ слезъ.

26) Ѣшь предлагаемое, каково бы оно ни было; подобнымъ образомъ и вино (пей, какое подадутъ), съ воздержаніемъ, безъ ропота. Если живешь одинъ, по немощи ѣшь сырыя зелія (овощи, салаты), съ маслинами.

Если кто изъ братій пришлетъ тебѣ какое варево, прими съ благодарностію и смиреніемъ, какъ странникъ, и поѣшь того, что бы то ни было, что же останется, пошли то другому брату, бѣдному и благоговѣйному. Если кто позоветъ тебя на угощеніе, ѣшь все предлагаемое, но всего по малу, по заповѣди, соблюдая воздержаніе. Вставши изъ-за трапезы, сдѣлай поклонъ звавшему по обычаю странниковъ и бѣдныхъ, и поблагодари его, говоря: Богъ да воздастъ тебѣ, отче святый. Говорить же ничего не говори, хотя бы приходилось сказать и что-либо полезное.

27) Если кто изъ братій, въ скорби или отъ настоятеля, или отъ экономa, или отъ другаго кого, придетъ къ тебѣ, утѣшь его такими словами: „повѣрь, брате, что это случилось тебѣ на испытаніе. Часто и со мною бывало это, и я по малодушію скорбѣлъ отъ того; но когда воспринималъ удостовѣреніе, что это посылалось мнѣ на испытаніе, переносилъ то съ благодарностію. Поступай и ты такимъ же образомъ, и не печалиться, а паче радоваться будешь отъ такихъ скорбей.“ Хотя бы тотъ на брань и поношеніе (оскорбившихъ) поползнулся, ты и при этомъ не отворачивайся отъ него, но какъ подастъ тебѣ благодать, постарайся утѣшить его. Ибо много есть разсужденій (пригодныхъ на это дѣло); и ты, какъ поймешь состояніе брата и его помыслы, сообразно съ тѣмъ подойди съ ними къ нему и помоги ему; неуврачеванныхъ же ни за что не отпускай его отъ себя.

28) Если какой братъ боленъ, и тебѣ случится долгое время не посѣтить его, то, желая наконецъ это сдѣлать, пошли напередъ предувѣдомить его и сказать: повѣрь мнѣ, отче святый, что я нынѣ только узналъ о болѣзни твоей, и прошу въ этомъ извиненія. Потомъ самъ иди, и пришедши, положи поклонъ и по молитвѣ скажи: какъ тебѣ, отче святый? Какъ милуетъ тебя

Богъ?—Затѣмъ сядь, сложа руки, и молчи. Если и другіе тамъ будутъ, пришедшіе для посѣщенія, смотри ничего не говори, ни отъ Писанія, ни изъ естествословія, чтобъ послѣ не скорбѣть. Это наибольшею частію случается съ простѣйшими изъ братій.

29) Если случится тебѣ угощаему быть трапезою вмѣстѣ съ другими благоговѣйными братіями, все предлагаемое надобно тебѣ ѣсть безъ раздумыванія, что бы тамъ ни было. Если имѣешь отъ кого-либо заповѣдь не ѣсть, напримѣръ, рыбы или другаго чего, а это предложено, то, когда тутъ же или недалеко давшій тебѣ заповѣдь, поди и умоли его позволить тебѣ ѣсть то; когда же нѣтъ его или знаешь, что онъ не разрѣшитъ тебѣ, а ты не хочешь смутить тѣхъ, съ которыми сидишь за трапезою, ѣшь не колеблясь, и послѣ стола разскажи ему все, какъ и почему такъ ты поступилъ, прося прощенія. Если не хочешь ни того, ни другаго, то лучше тебѣ не ходить на такое угощеніе. Отъ этого получишь ты два добрыхъ плода: и бѣса тщеславія избѣжишь, и тѣхъ братій избавишь отъ смущенія и непріятности.—Но если то будутъ братія изъ дебелѣйшихъ, то соблюди свою заповѣдь. Впрочемъ лучше и при нихъ ѣсть понемногу отъ всего.—Такимъ же образомъ поступай и при утѣшеніи всей братіи кѣмъ-либо (когда кто для всей братіи предлагаетъ трапезу), по Апостолу, заповѣдавшему намъ *все предлагаемое ѣсть, ничтоже сумнящеся за совѣсть* (1 Кор. 10, 27).

30) Если кто изъ братій, когда ты творишь молитву въ келліи своей, постучитъ въ дверь, отвори ему, и сѣдши побесѣдуй съ нимъ со смиреніемъ о томъ, что предложитъ онъ изъ относящагося къ душеполезнымъ предметамъ, и если онъ отягченъ скорбію, постарайся утѣшить его словомъ или дѣломъ. Потомъ когда удалится онъ, затвори опять дверь и докончи свою молит-

ву, начавъ съ того, на чемъ прерванъ былъ. Ибо утѣшеніе и уврачеваніе проходящихъ равнозначительно съ примиреніемъ (враждующихъ). Впрочемъ съ мірскими не такъ должно поступать,—но начинать съ ними бесѣду уже по окончаніи молитвы.

31) Когда молишься, страхъ ли нападетъ на тебя, или стукъ подымется, или свѣтъ возсіяетъ, или другое что случится, не смущайся и не робѣй, но пребудь на молитвѣ гораздо долѣе обыкновеннаго. Такое смятеніе, страхованіе и ужасаніе бываетъ отъ демоновъ, чтобъ, растерявшись и разслабѣвши, оставилъ ты молитву, а когда такія тревожности обратятся у тебя въ навыкъ, чтобъ совсѣмъ тебя взять въ свои руки и помыкать тобою.—Но если, во время совершенія тобою молитвы своей, иной нѣкій возсіяетъ тебѣ свѣтъ, котораго изобразить въ словѣ я не въ силахъ, отъ котораго душа преисполняется радости, возраждается вождѣленіе лучшаго и начинаютъ теплы слезы со умиленіемъ; то вѣдай, что это есть божеское присѣщеніе и заступленіе. Если слишкомъ долго будетъ держаться такое состояніе, то, чтобъ по причинѣ обилія слезъ не показаться тебѣ предъ собою чѣмъ-либо болѣе, нежели каковъ ты на дѣлѣ, обрати умъ свой на что-либо тѣлесное и тѣмъ смири себя.—Изъ-за страха же вражескаго смотри никогда не оставляй молитвы, но, какъ дитя, убоявшись какихъ либо страшилищъ, бѣжитъ въ объятія отца или матери и тамъ отлагаетъ всякой страхъ, такъ и ты, востекши къ Богу молитвою, избѣжишь страха, наводимаго бѣсами.

32) Если, когда ты сидишь въ келліи, какой-нибудь братъ придетъ и спроситъ тебя о плотской брани, не отсылай его ни съ чѣмъ, но со умиленіемъ изъ того, что подастъ тебѣ благодать Божія и что стяжалъ ты собственнымъ опытомъ, попользуй его, и такъ отпусти. Когда же будетъ онъ выходить, поклонись ему и ска-

жи: повѣрь мнѣ, брате,—уповаю на человѣколюбіе Божіе, что отбѣжитъ отъ тебя эта брань, только не поддавайся и не разслабляйся (не поблажай). А когда выйдетъ, встань и, вообразивъ брань его, воздѣнь руки свои къ Богу и помолись Ему о братѣ со слезами и воздыханіями, говоря: Господи Боже, нехотящій смерти грѣшника, устрой дѣло сіе, какъ знаешь и какъ полезно брату сему. И Богъ, зная вѣру его къ тебѣ и твое къ нему изъ любви состраданіе и искреннюю о немъ молитву, облегчитъ ему брань его.

33) Все сіе, брате, пригодно къ возбужденію и укрѣпленію умиленія, и должно все то исполнять съ сокрушеннымъ сердцемъ, терпѣніемъ и благодареніемъ; такъ какъ въ этомъ причина слезъ, очищеніе страстей и прямой путь въ царствіе небесное: ибо царствіе небесное есть достояніе нудящихъ себя, и только нудящіе себя восхищаютъ его. Если исполнишь все это, то совершенно отстанешь отъ прежнихъ навыковъ и расположеній, а можетъ быть станешь свободенъ и отъ самыхъ прилоговъ помысла: ибо обыкновенно свѣту уступаетъ тьма и солнцу тѣнь. Кто же вознерадитъ о семъ въ началѣ, тотъ, разслабѣвъ въ помыслѣ и сдѣлавшись пытливымъ (занявшись пустыми вещами), лишается благодати и вслѣдствіе того, впадши въ злыя страсти, познаетъ свою немощь (являетъ опыты немощи, или опытомъ изучаетъ ее), полнъ будучи боязни и робости (того не могу, другаго не въ силахъ—говоритъ онъ и чувствуетъ, когда сознаетъ, что слѣдовало бы то и то сдѣлать). Тому, кто исполняетъ это, не должно думать, что исполняетъ то собственными силами, но все приписывать благодати Божіей. Ему прежде надобно себя очистить, а потомъ чисто бесѣдовать съ Чистымъ (Богомъ), какъ сказалъ нѣкто. Когда умъ очистится многими слезами и воспріиметъ осіяніе божественнаго свѣта (которое не умалится,

хотя бы его весь міръ получилъ), тогда съ любовію мысленно пребываетъ весь въ будущемъ *), и созерцаетъ его, какъ то показываетъ ему Богъ, и радуется радостію духовною, по Апостолу, который говоритъ: *плодъ духовный есть любы, радость, миръ, долготерпѣніе, кротость* (Гал. 5, 22 23).

34) Кто стяжалъ сіе, да внимаетъ себѣ и бдительно смотритъ за прилогами помысловъ. Ибо кто живетъ среди множества людей, тому невозможно, думаю, избѣжать ихъ, особенно прилоговъ зависти и тщеславія тому, кого хвалятъ мірскіе люди за славную жизнь его и презрѣніе видимыхъ вещей. Но и то бываетъ, что иной разъ видя или слыша, какъ кто-нибудь поступаетъ неподобающимъ образомъ, невольно осуждаетъ его. Почему таковый пусть остерегается отъ любопытства знать, что говоритъ или что дѣлаетъ игуменъ, или помощники его; если же, побѣждаемый страстію, подумаетъ или скажетъ что съ любопытствомъ (или то, что узналъ, или чтобъ узнать о нихъ), пусть исправитъ себя въ этому покаяніемъ. Пусть смотритъ онъ за собою въ семъ отношеніи и во время стоянія въ церкви и во время исправленія дѣла послушанія; потому что помыслы тщеславія и въ это время, обыкновенно, нападаютъ на ревнителей добраго дѣйствованія, когда, или по тому поводу, что они добрѣ внимаютъ псалмопѣнію, или по тому, что молятся безъ блужданія ума туда и сюда, внушаютъ имъ, будто другіе братія всѣ мятутся помыслами и только они одни пребываютъ въ созерцаніяхъ, возбуждаемыхъ духовною мелодіею (пѣніемъ псалмовъ), мысленно подражая чинамъ ангельскимъ,—что однакожъ никому не явно, кромѣ одного Бога и тѣхъ, которые одинаковаго суть съ ними устроенія.—Бываетъ, что инымъ еще образомъ искушаютъ ихъ

*) Отселѣ до конца главъ въ Добротол. нѣтъ.

помыслы, именно или осуждая ихъ, или ублажая.—Впрочемъ всего этого можешь ты избѣгать, если будешь блюсти себя и себѣ внимать со смиреніемъ, любовію, исповѣдію и безпристрастіемъ.

35) Старайся никого не опечалить ни словомъ, ни дѣломъ; напротивъ даже тѣхъ, которые опечалены другими, утѣшай, сколько можешь. Однакожъ никогда не думай, что ты препобѣдилъ козни діавола, и не тщеславься. Ибо все человѣческое естество не можетъ препобѣдить ихъ: одна благодать Божія творитъ сіе.—Итакъ, живущіе братствомъ въ подчиненіи настоятелю должны поступать, какъ сказано. Что же касается до любителей безмолвія (живущихъ одиноко), тѣмъ я не могу ничего сказать. Впрочемъ судя по тому, что я сказалъ, всякой пусть самъ додумывается и до того, что свойственно безмолвникамъ. Безмолвіе требуетъ болѣе строгой и внимательной жизни.

36) Если стяжалъ ты полную вѣру къ кому-либо изъ братій киновіи, и исповѣдуешь ему свои помыслы, смотри не опускай этого никогда, но всякій день и часъ ходи къ нему и открывай помыслы, находящіе и смущающіе. Слѣдовало бы всѣмъ ходить къ игумену исповѣдываться, но какъ иные не хотятъ открывать помысловъ своихъ игумену, по немощи своей и невѣрію къ нему, то я и говорю такъ по снисхожденію къ сему. Впрочемъ не слѣдуетъ тебѣ переходить отъ одного къ другому, слушая врага нашего, который обыкновенно внушаетъ тайно, что-де ты тяготишь брата того, принимающаго твои помыслы, тѣмъ, что часто ходишь къ нему, или что стыдно тебѣ многократно сказывать ему о себѣ одно и тоже, почему перестань исповѣдываться у него, а ходи къ другому. Ибо если не послушаемъ такихъ внушеній, а все будемъ ходить къ первому, то еще большую возъимѣемъ къ нему вѣру, и еще большую

получимъ пользу, и отъ жизни его, и отъ словъ его. За такую жизнь никто не будетъ осуждать насъ, напротивъ всѣ будутъ хвалить, что съ такимъ постоянствомъ храним вѣру къ нему одному. Если вознерадимъ мы часто открывать помыслы свои, то впадемъ въ большія страсти, и затѣмъ стыдясь открывать ихъ, впадемъ въ ровъ отчаянія.—Если пойдемъ къ другому духовнику (что непозволительно намъ дѣлать), то когда духовникъ этотъ одной съ нами киновіи, всѣ братія осудятъ насъ за то, что оставили вѣру, какую имѣли къ прежнему, и Богъ крѣпко осудитъ насъ за это. Да и самый духовникъ, къ которому перейдемъ, подумаетъ, что и въ отношеніи къ нему мы также поступимъ наконецъ. И навѣрное поступимъ; и такимъ образомъ, привыкши переходить отъ одного къ другому, уже никогда не прекратимъ этого; начнемъ пытать, гдѣ есть какіе столпники, затворники, безмолвники, и ходить къ нимъ исповѣдываться, тоже переходя отъ одного къ другому и теряя вѣру къ каждому. Наконецъ потеряемъ вѣру ко всѣмъ, сдѣлаемся невѣрующими никому и во всемъ безуспѣшными; и, что бѣдственнѣе всего, подпадемъ общему осужденію и клятвѣ. Почему тому духовнику, которому исповѣдался ты въ началѣ, старайся пребыть вѣрующимъ несомнѣнно до самой смерти своей. Ибо, какъ я сказалъ, если ты презришь его и перейдешь къ другому, то подпадешь многимъ искушеніямъ, начнешь такимъ же образомъ осуждать и всѣхъ другихъ, и самъ себѣ угладишь путь въ пагубу. Но Господи, Господи, избави насъ отъ всякаго невѣрія и подозрительности, и покрой божественною Твоею благодатію.

37) Если и ты самъ пріобрѣтешь учениковъ, имѣющихъ вѣру къ тебѣ и исповѣдающихъ тебѣ свои помыслы, и увидишь, что они бесѣдуютъ съ нѣкоторыми братіями изъ болѣе благоговѣйныхъ,—смотри не соблазняй-

ся тѣмъ. Демоны и тѣмъ, которые право живутъ и добрѣ ведутъ дѣла свои внушаютъ тайно, что такіе ученики не шествуютъ въ прямотѣ и простотѣ сердца и ходятъ къ намъ исповѣдывать помыслы свои не съ истинною къ намъ вѣрою, но прикрываясь лицемѣріемъ, не съ доброю цѣлію соглядаютъ лишь свободу нашу,—и ввушая это, возбуждаютъ въ насъ неудовольствіе и недовѣріе къ такимъ ученикамъ.—Такъ ты не принимай такого помысла, когда бѣсы станутъ влагать его тебѣ, но со всею простотою и любовію, Бога ради и ради самаго добра, старайся исправить таковыхъ и душевно пользовать ихъ, почитая ихъ преуспѣяніе собственною своею славою.

38) Если какой-либо изъ учениковъ твоихъ возъимѣетъ невѣріе къ тебѣ; ты разсмотри, отъ чего это случилось, такъ какъ это бываетъ по многимъ причинамъ и предлогамъ: или отъ того, что потщеславившись, будто уже достигъ совершенства, впалъ онъ въ гордость и не хочетъ уже называться ученикомъ, а желаетъ быть въ учительскомъ чинѣ; или отъ того, что, утывъ и утолстѣвъ (т.-е. предавшись безпечности), возлюбилъ плоть и желаетъ жить въ полномъ довольствѣ тѣлесномъ; или отъ того, что ты прежде любилъ его больше, а потомъ сталъ любить другихъ,—и онъ впалъ въ зависть; или отъ того, что онъ желаетъ рукоположенія, а ты препятствуешь ему, такъ какъ, судя по дѣламъ, имъ исповѣданнымъ, недостоинъ онъ священства; или отъ того, что ты предпочитаешь ему въ этомъ другаго, послѣ него, можетъ быть, къ тебѣ пришедшаго, потому что такого рода дѣйствованіе сильную причиняетъ скорбь тому, кто сильно желаетъ и не улучаетъ желаемаго,—особенно если онъ пришелъ къ тебѣ отъ младыхъ ногтей и ты любилъ его по Богу крѣпко; или, можетъ быть, ты когда-нибудь въ побужденіе, чтобъ онъ воздерживался отъ страстей, обѣщалъ ему, что дашь ему позволеніе принять рукополо-

женіе (ибо духовники часто имѣютъ обычай давать юнымъ такія обѣщанія рукоположенія, чтобъ воодушевить ихъ отсѣчь совершенно наклонность, какую, по злой привычкѣ, имѣютъ они къ извѣстнымъ страстямъ), и онъ, не улучивъ по недостоинству своему того, чего надѣялся по обѣщанію твоему, подвигся на зависть и говоритъ такія обличенія противъ того другаго брата, что ихъ даже выслушать нельзя спокойно, а не только высказать. Кромѣ сказаннаго, бываютъ и другія причины невѣрія,—когда напримѣръ иной по нерадѣнію впадаетъ въ сосложенія (съ худыми пожеланіями), или въ дѣйствительные грѣхи, и стыдясь исповѣдать то по тщеславію, умалчиваетъ, а чрезъ умолчаніе такое мало-помалу приходитъ и въ совершенное невѣріе (отцу своему); или когда кто, увидѣвъ тебя состоящимъ подъ вліяніемъ какой-либо страсти, осудилъ тебя и отвратился отъ тебя. Признакомъ отвращенія таковыхъ отъ тебя да будетъ тебѣ, если ты опытенъ взоръ лица ихъ или, если это тебѣ неподручно, измѣненіе во внѣшнемъ видѣ сравнительно съ обыкновеннымъ. Ибо учишь ли ты такого, или обличаешь, или утѣшаешь, онъ держитъ видъ, будто принимаетъ внушенія твои, но видно, что онъ принимаетъ ихъ слухомъ, но сердцемъ не принимаетъ, что они непріятны ему, что онъ пересмѣиваетъ ихъ, или раздражается противъ нихъ. Если иной разъ, желая испытать, чистъ ли онъ отъ страсти, велишь ты ему причаститься, или другое что сдѣлать, онъ тотчасъ соглашается сдѣлать это безъ всякаго раздумыванія, чтобъ ты не обличилъ его.—Врачевство для таковыхъ—молитвы къ Богу усердныя со слезами, умноженіе любви, частое внушеніе, тѣлесное упокоеніе и всегдашнія собесѣдованія, иногда кроткія и усладительныя, а иногда строгія и обличительныя, какъ лучше и пригожѣе къ тому, чтобъ они слушались и умягчались нравомъ.

39) Когда ученикъ твой скажетъ о нѣкоторыхъ братіяхъ, что они благоговѣйны, и похвалитъ ихъ, ты промолчи. Если онъ спроситъ тебя о нихъ, отвѣть со смиреніемъ: „повѣрь мнѣ, отче,—не знаю; я, будучи малосмысленъ, долгъ имѣю смотрѣть за своимъ нерадѣніемъ; что касается до другихъ, то они всѣ по благодати Божіей святы и добры; впрочемъ каждый что посѣетъ, то и пожнетъ.“ И ты не хвали и не осуждай никого въ частности, но всѣхъ ихъ хвали,—особенно, когда придетъ ученику твоему помыслъ, будто ты имѣешь къ кому-либо изъ нихъ особую вѣру. Такимъ способомъ онъ ублагонастроится и избавится отъ того помысла.

40) Если два юныхъ брата возъимѣютъ любовь между собою въ простотѣ сердца, и ты услышавъ отъ иныхъ, что эта любовь ихъ не добрая, а страстная,—чувствуешь понужденіе пресѣчь такое ихъ другъ къ другу пристрастіе, когда случится, что они часто ходятъ къ тебѣ, то добрѣ обсуди, какъ надлежитъ тебѣ вести къ нимъ бесѣду о томъ, что можетъ ихъ упользовать, чтобъ вмѣсто пользы не причинить имъ вреда. Итакъ, если думаешь что что-либо изъ сказаннаго тебѣ похоже на правду, позови одного изъ нихъ и, бесѣдуя съ нимъ съ истинною любовію, съ лицемъ радушнымъ и съ душевною пріятностію, толкуй ему о многихъ и разныхъ предметахъ, но въ эту рѣчь свою внеси малое нѣчто и нѣкоторымъ образомъ прикровенно и касающееся той страсти; за тѣмъ скажи ему: внимать себѣ подобаетъ намъ, брате, потому что ходимъ посредѣ сѣтей, и *нѣсть наша брань къ плоти и крови, но къ началомъ и ко властемъ, къ духовомъ злобы* (Еф. 6, 12), и врагъ нашъ *яко левъ рыкая ходитъ, искій кого поглотити* (1 Петр. 5, 8). Уже многихъ онъ изъ великихъ подвижниковъ побѣдилъ въ брани; тѣмъ легче одолѣетъ онъ тѣхъ, кои подобно мнѣ нерадивы. Внимай убо себѣ и блюдись отъ сосложенія

со всякими помыслами, и отъ особеннаго съ какимъ-либо братомъ содружества, чтобъ не вплестись тебѣ опять въ прежніе грѣхи, или можетъ быть и худшіе. Прибавивъ послѣ сего еще что полезное о другихъ вещахъ, чтобъ разсѣять всякое подозрѣніе,—отпусти его. Другаго же совсѣмъ не трогай. Если этотъ, съ коимъ говорилъ ты, дѣльный человѣкъ и подвижникъ истинно духовный, то онъ отъ однихъ къ нему твоихъ словъ разойдется съ тѣмъ, если имѣетъ вѣру къ тебѣ, или разорветъ онъ содружество то отъ стыда, или отъ тщеславія, или отъ страха,—такъ какъ иные по этимъ тремъ причинамъ, съ помощію благодати Божіей, отстаютъ отъ страстей, безъ труда и подвига. Если увидишь, что и послѣ этого взаимное пристрастіе сихъ юныхъ остается по прежнему, тогда призови и другого—одного, можетъ быть болѣе безстрастнаго, и потолкуй ему, подобно какъ и первому, или больше того. Потомъ прибавь и слѣдующее: „слышалъ я что ты имѣешь любовь къ такому-то. Зная васъ обоихъ, я увѣренъ, что эта любовь между вами духовная. Но чтобъ иные не соблазнялись, послушай меня, если хранишь любовь и вѣру ко мнѣ, перестань вести съ тѣмъ братомъ бесѣды и сидѣть наединѣ. И это тѣмъ охотнѣе, что игуменъ имѣетъ хорошее о тебѣ мнѣніе и намѣренъ представить тебя къ рукоположенію.“ Сказавъ это, начни бранить и укорять другого, что онъ и страха Божія не имѣетъ, и принадлежитъ къ числу плотяныхъ людей. Этимъ расположишь его отстать отъ того, или по духовному побужденію, или по страсти тщеславія, хиротоніи ради, о коей ты сказалъ.

КОНЕЦЪ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

СЛОВО ПЯТЬДЕСЯТЪ ТРЕТЬЕ. 1) О любви, и о томъ, какова жизнь и каковы дѣла добродѣтельныхъ мужей. 2) И ублаженіе тѣхъ, кои имѣютъ сердечную любовь. 3

СЛОВО ПЯТЬДЕСЯТЪ ЧЕТВЕРТОЕ. 1) О совершенной любви,—какое дѣйствіе ея? 2) И о томъ, что если не попечемся пріять благодать Святаго Духа здѣсь, въ настоящей жизни, то невозможно намъ быть вѣрными и христіанами; не будемъ мы также чадами Божіими. 9

СЛОВО ПЯТЬДЕСЯТЪ ПЯТОЕ. 1) О тѣхъ, кои причастны бываютъ благодати Святаго Духа. 2) И о томъ, что любящій славу человѣческую никакой пользы не получитъ отъ прочихъ добродѣтелей, хотя бы всѣ ихъ исправилъ. 16

СЛОВО ПЯТЬДЕСЯТЪ ШЕСТОЕ. О вѣрѣ, и къ тѣмъ, которые говорятъ, что живущему въ мірѣ невозможно достигнуть совершенства въ добродѣтеляхъ. Въ началѣ слова—многополезная повѣсть . . . 21

СЛОВО ПЯТЬДЕСЯТЪ СЕДЬМОЕ. 1) О страшномъ днѣ Господнемъ и о будущемъ судѣ; какой это день Господень и кому открывается? 2) Онъ дѣйствуетъ въ насъ и прежде смерти, и открывается тѣмъ, въ коихъ дѣйствуетъ въ настоящей жизни. 3) Вѣра во Христа одна не можетъ насъ спасти, если не получимъ сознательно благодати Святаго Духа. 4) Какъ можно познать, что благодать Св. Духа получена? И толкованіе словъ: *въ началѣ бѣ Слово*. 5) Ублаженіе тѣхъ, которые получили благодать Святаго Духа. 33

СЛОВО ПЯТЬДЕСЯТЪ ОСЬМОЕ. 1) О любви и вѣрѣ. Какъ стяжать въ душѣ своей любовь къ Богу? 2) О возсіяніи и созерцаніи свѣта и о таинственной бесѣдѣ Духа. 61

СЛОВО ПЯТЬДЕСЯТЪ ДЕВЯТОЕ. 1) Всякому христіанину необходимо причастну быть благодати Святаго Духа. 2) Невозможно, чтобы дѣла добродѣтели были тверды и прочны иначе, какъ благодатію Святаго Духа, безъ коей никто не можетъ ни успѣшно шествовать путемъ добродѣтели, ни пользовать другихъ, ни принимать и разрѣшать чужіе помыслы. 3) Тріипостасное Божество по всему равно (то-есть всѣ лица по всему равны) 67

СЛОВО ШЕСТИДЕСЯТОЕ. Первое богословское слово противъ тѣхъ, которые говорятъ, что Отецъ есть прежде Сына. 75

СЛОВО ШЕСТЬДЕСЯТЪ ПЕРВОЕ. Богословское второе. Противъ тѣхъ, которые покушаются богословствовать, не имѣя благодати Св. Духа 91

СЛОВО ШЕСТЬДЕСЯТЪ ВТОРОЕ. Богословское третье—о томъ, что что̀ есть Отецъ, тоже есть и Сынъ, и что̀ есть Сынъ, тоже есть

Стр.

и Духъ Святый,—и что три сіи суть единъ Духъ, единочестный, единосущный и единопрестольный 102

СЛОВО ШЕСТЬДЕСЯТЪ ТРЕТЬЕ. 1) О тѣхъ, кои думаютъ, что имѣютъ Духа Святаго, безъ всякаго совершенно сознанія и чувства дѣйствія Его, — и о тѣхъ, которые говорятъ, что въ настоящія времена ни одинъ человѣкъ не можетъ узрѣть славы Святаго Духа. 2) О томъ, что у святыхъ нѣтъ ни малой зависти, когда и мы всячески стараемся преуспѣяніемъ въ добродѣтеляхъ сдѣлаться подобными имъ. 3) Какъ можно зрѣть Бога? 4) Кто достигъ такой мѣры, чтобы зрѣть, по возможности своей, Бога, тотъ еще въ настоящей жизни научается знать, какое блаженство будетъ даровано святымъ въ будущей жизни. 5) Что Пророки и Апостолы возвѣщали то, что видѣли, будучи просвѣщаемы Духомъ Святымъ, всегда съ ними пребывавшимъ. 6) Кто преступаетъ, или криво перетолковываетъ слова его, тотъ погрѣшаетъ противъ Духа Святаго 108

СЛОВО ШЕСТЬДЕСЯТЪ ЧЕТВЕРТОЕ. О богохульствѣ. Кто говоритъ, что въ нынѣшія времена невозможно получить Духа Святаго, и кто хулитъ дѣйствія Святаго Духа, говоря, что такія дѣйствія отъ діавола, тотъ вводитъ новую ересь въ церковь Божію 125

СЛОВО ШЕСТЬДЕСЯТЪ ПЯТОЕ. О покаяніи, и о томъ, что когда кто творитъ всѣ подъ рядъ заповѣди Божіи, то преуспѣваетъ въ добродѣтели и дѣлается совершеннымъ 129

СЛОВО ШЕСТЬДЕСЯТЪ ШЕСТОЕ. 1) О покаяніи, — и что для очищенія души недостаточно одного разданія имуществъ, если не стяжемъ и плача. 2) Объ изгнаніи Адама изъ рая, — и что если бъ онъ покаялся, по преступленіи заповѣди Божіей, то не былъ бы изгнанъ изъ рая. 3) Какое благо принесло ему покаяніе, и какое принесъ онъ по изгнаніи? 4) Что надлежитъ каяться тому, кто хочетъ истинно покаяться. 5) О второмъ пришествіи Господнемъ. 6) Обличеніе тѣхъ, которые живутъ не худо, но не съ добрымъ расположеніемъ, а притворно. 136

СЛОВО ШЕСТЬДЕСЯТЪ СЕДЬМОЕ. 1) О покаяніи. Какой подвигъ душевный и какую болѣзнь сердечную имѣетъ тотъ, кто кается съ духомъ сокрушеннымъ и смиреннымъ? 2) Что говоритъ онъ, и какъ молится человѣколюбивому Богу? 3) О страхѣ Божіемъ. 172

СЛОВО ШЕСТЬДЕСЯТЪ ОСЬМОЕ. О трехъ образахъ вниманія и молитвы. 179

СЛОВО ШЕСТЬДЕСЯТЪ ДЕВЯТОЕ. О покаяніи и началѣ добродѣтельной жизни; также о томъ, что должно дѣлать каждодневно тому, кто кается; еще—о сокрушеніи и слезахъ 191

СЛОВО СЕМИДЕСЯТОЕ. Какъ надлежитъ присматривать за собою и вникать въ свое состояніе, и какъ должно сличать дѣла свои съ заповѣдями Христа Господа? 203

СЛОВО СЕМЬДЕСЯТЪ ПЕРВОЕ. О новоначальныхъ монахахъ. . 209

СЛОВО СЕМЬДЕСЯТЪ ВТОРОЕ. 1) Объ отреченіи отъ міра и отсѣченіи своей воли. 2) Что всякому надо найти себѣ опытнаго руководителя, чтобъ научиться отъ него добродѣтели. 3) Что надобно имѣть вѣру къ духовному отцу. 4) О зрѣніи свѣта, коимъ просвѣщается велкая душа и преуспѣваетъ въ любви къ Богу. 219

Стр.

СЛОВО СЕМЬДЕСЯТЪ ТРЕТЬЕ. О томъ, что должно охотно повиноваться старшимъ, не забывать данныхъ Богу обѣтовъ и не роптать по причинѣ церковныхъ службъ. 227

СЛОВО СЕМЬДЕСЯТЪ ЧЕТВЕРТОЕ. 1) О привязанности къ роднымъ. 2) Объ отчаяніи и видахъ его. 3) О необходимости вразумлять таковыхъ словами Писанія. 4) Кто не исполняетъ хоть малую какую заповѣдь, о томъ нельзя сказать, что онъ истинно вѣруетъ. 5) Приточное изображеніе шествія царскимъ путемъ среди соблазновъ. 6) Вредъ для монаха отъ пристрастія къ роднымъ 240

СЛОВО СЕМЬДЕСЯТЪ ПЯТОЕ. 1) О покаяніи и умиленіи. 2) Какъ можно дойти до умиленія? 3) О слезахъ. 4) Безъ нихъ нельзя достигнуть чистоты и безстрастія. 255

СЛОВО СЕМЬДЕСЯТЪ ШЕСТОЕ. Надлежитъ соблюдать и держать спасительный постъ не въ первую только недѣлю св. Четыредесятницы, но и во всѣ прочія 279

СЛОВО СЕМЬДЕСЯТЪ СЕДЬМОЕ. О воздержаніи и терпѣніи въ дѣланіи добродѣтелей, требуемомъ временемъ поста, и о молчаніи; и о томъ, какъ истинно подвизающимся должно проводить все время поста 285

СЛОВО СЕМЬДЕСЯТЪ ОСЬМОЕ. 1) Кто таковъ тотъ, кто кается, и какое дѣланіе его? 2) Если не стяжемъ добродѣтелей, то никакой не принесетъ намъ пользы свобода отъ страстей. 3) Кто таковы тѣ, которые работаютъ Богу, каковы дѣла ихъ, и почему можно распознать ихъ? 293

СЛОВО СЕМЬДЕСЯТЪ ДЕВЯТОЕ. 1) О животворномъ умертвіи, которое подаетъ Духъ Святый подвизающимся о спасеніи своемъ. 2) О томъ, что освободившіеся отъ работы закону сознательно пріемлютъ благодать божественнаго свѣта. 3) Каковъ долженъ быть іерей, пріявшій свыше власть рѣшить и вязать? 4) Тому, кто истинно священнодѣйствуетъ и осіяется божественнымъ свѣтомъ, явны всѣ люди. 315

СЛОВО ВОСЕМДЕСЯТОЕ. 1) О томъ, какое вѣдѣніе есть истинное вѣдѣніе, и о томъ, что вѣдѣніе Бога въ добродѣтельныхъ не отъ ученія происходитъ, а отъ чистоты души и отъ божественной благодати. 2) Что осужденіе есть худое дѣло. 3) Обличеніе тѣхъ, которые думаютъ, что знаютъ тайны Духа, не имѣя благодати Духа. 4) О святости Духа. 5) Коль блага вѣра, какой плодъ ея и какъ онъ множится. 6) Которые имѣютъ сокровище Духа въ себѣ, узнаютъ, когда оно есть и въ другихъ, и знаютъ, какіе отличительные признаки святыхъ. 7) Кто не родился свыше, тотъ не можетъ видѣть Бога и узнать того, кто достигъ сего благодатію Духа Святаго. 328

СЛОВО ВОСЕМЬДЕСЯТЪ ПЕРВОЕ. 1) О духовномъ дѣланіи. 2) Каково было это дѣланіе у древнихъ святыхъ? 3) Какъ можно и намъ преуспѣвать въ немъ? 344

СЛОВО ВОСЕМЬДЕСЯТЪ ВТОРОЕ. 1) О животворномъ умертвіи. 2) О томъ, что стяжаніе добродѣтелей покупается кровію. 3) Какія обиталища добродѣтелей? 4) Кто не восходитъ въ царствіе небесное должнымъ порядкомъ, тотъ не войдетъ въ него. 5) Въ совершенныхъ

Стр.

качествуютъ радость и веселіе, а не слезы. 6) И внутрь ихъ текутъ рѣки богословія. 7) Не слѣдуетъ принимать предстоятельство надъ народомъ, безъ удостовѣренія благодати Божіей. 8) Въ чемъ главное дѣло тѣхъ, кои имѣютъ предстояніе надъ народомъ, и какъ разумныя овцы должны быть пасомы пастырями? 358

СЛОВО ВОСЕМЬДЕСЯТЪ ТРЕТЬЕ. 1) О безстрастіи и добродѣтельной жизни. 2) Какъ отсѣчь волю свою и востечь на высоту совершенства? 3) О соединеніи Бога съ душею и души съ тѣломъ. 4) О преславномъ соединеніи трехъ сихъ—Бога, души и тѣла. 5) О духовномъ врачевствѣ, и какъ надлежитъ врачевать немоществующихъ душею? 380

СЛОВО ВОСЕМЬДЕСЯТЪ ЧЕТВЕРТОЕ. 1) О безстрастіи и о дарованіяхъ, какихъ мало-по-малу сподобляются преуспѣвающіе въ немъ. 2) Въ чемъ состоитъ совершенство духовнаго о Христѣ возраста? . 396

СЛОВО ВОСЕМЬДЕСЯТЪ ПЯТОЕ. О безмолвіи, и какого рода дѣланіе долженъ проходить тотъ, кто желаетъ мужественно пребывать въ немъ. 427

СЛОВО ВОСЕМЬДЕСЯТЪ ШЕСТОЕ. 1) Душеполезная повѣсть объ одномъ послушникѣ, получившемъ Святаго Духа молитвами отца своего духовнаго. 2) О дѣйствіяхъ Святаго Духа и созерцаніи таинъ Его. 43

СЛОВО ВОСЕМЬДЕСЯТЪ СЕДЬМОЕ. О тѣхъ, которые сами собою дѣлаются учителями, отцами духовными и руководителями другихъ, и не имѣя божественной благодати, руководятъ и учатъ другихъ,—и о томъ, что не должно никому, прежде чѣмъ рожденъ онъ будетъ и просвѣщенъ отъ отца духовнаго, руководить или учить другихъ. 440

СЛОВО ВОСЕМЬДЕСЯТЪ ОСЬМОЕ. О томъ, что желающій пасти словесное стадо Христово прежде долженъ разсмотрѣть и съ точностію изслѣдовать себя самого и свое состояніе, и тогда уже браться учить другихъ. 459

СЛОВО ВОСЕМЬДЕСЯТЪ ДЕВЯТОЕ. О томъ, что опасно для душъ скрывать талантъ, или данную отъ Бога благодать, но слѣдуетъ всѣмъ проповѣдывать о благодѣяніяхъ Божіихъ на пользу слушающимъ, хотя имъ это и непріятно бываетъ. 470

СЛОВО ДЕВЯНОСТОЕ. Благодареніе Богу за дары, какіе сподобился получить св. отецъ, и поученіе, въ коемъ онъ показываетъ, какъ и каковымъ является Богъ тѣмъ, кои чисты сердцемъ. . . . 482

СЛОВО ДЕВЯНОСТО ПЕРВОЕ. Благодареніе Богу за полученныя отъ Него благодѣянія; о духовной молитвѣ и о преспѣяніи въ ней; о божественномъ озареніи, о необманчивомъ созерцаніи, и о любви къ Богу. 491

СЛОВО ДЕВЯНОСТО ВТОРОЕ. О созерцаніи и откровеніи, и о душѣ просвѣщенной; и какъ дѣйствуетъ благодать Святаго Духа въ томъ, въ коемъ царствуетъ любовь къ Богу, и кто пришелъ въ глубину смиренія. 502

ДѢЯТЕЛЬНЫЯ И БОГОСЛОВСКІЯ ГЛАВЫ 508

ПОДВИЖНИЧЕСКОЕ СЛОВО СТАРЦА СИМЕОНА БЛАГОГОВѢЙНАГО. 571

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ.

Стран.	*Строк.*	*Напечатано:*	*Слѣдуетъ читать:*
7	12 сверху	проиталъ	прииталъ
8	6 —	Самъ	Самъ
29	5 —	Божіи	Божіи.
39	1 —	есть	есть.
58	12 —	сына и	сынами
70	10 сн.	Духа	Духъ
74	5 —	достоиства	достоинства
107	10 —	примѣрами Богъ	примѣрами: Богъ
125	7 —	вѣкокъ	вѣковъ
136	3 —	и	—
—	2 —	что	какъ
142	14 сн.	путемъ, заповѣдей	путемъ заповѣдей
144	9 сн.	потому это	потому что это
156	3 и 8 св.	Не говорилъ Я:	Не говорилъ ли Я:
166	17 сн.	а	и
174	2 св.	безусѣшность	безутѣшность
185	5 сн.	былъ	быть
198	8 св.	совершать	совершать
199	7 сн.	при этотъ	при этомъ
200	15 св.	исполнятъ	исполнять
236	9 —	самомалѣйшимъ	самомалѣйшемъ
238	11 —	же	— — —
240	14 —	очень	очень
247	18 —	заповѣдямъ	заповѣдямъ
250	16 сн.	сѣмене	племене
281	9 св.	болѣе	въ болѣе
286	11 сн.	большемъ	большомъ
289	9 св.	если	если
291	4 —	убѣгая	убѣгалъ
292	9 сн	Божія	Божіи
307	10 св.	смотрѣть	смотрѣть
313	6 —	такъ терніи,	какъ терніи,
325	5 сн.	и погорить	и поговорить
354	3 —	Если же умертвимся	Если же не умертвимся
358	13 —	*кущуціи*,	*кущующіи*,
376	14 св.	и соблюди	и соблюли
383	15 сн.	на влагай	не влагай
—	6 —	смерти —	смерти,—
404	13 сн.	получившій	и получившій
431	15 сн.	тотъ	то
441	2 —	такъ	тамъ
462	5 св.	и	о
514	2 сн.	того	— — —
537	3 —	А лишенъ	Лишенъ
539	10 св.	проникнуть	проникнуть
542	8 сн.	Перефразъ	Перифразъ
587	15 —	въ этому	въ этомъ